Государственное научное учреждение
«ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
Национальной академии наук Беларуси»

Довгирдовские чтения IV: ТЕНДЕНЦИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Материалы
международной научной конференции
г. Минск, 16–17 мая 2013 г.

Минск
«Право и экономика»
2013

УДК 130.122/123+17.022.1]:312.42
ББК 87.3
Д58

Редакционная коллегия:
О. А. Павловская, Н. Е. Захарова, О. Г. Лукашова,
В. А. Максимович, С. П. Онуприенко,
Ю П. Середа, Н. А. Степаненко

Рецензенты: член-корреспондент НАН
Беларуси, доктор философских наук
Л. Ф. Евменов, доктор философских наук
Т. П. Короткая

Д58 **Довгирдовские** чтения IV : тенденции духовно-нравственного развития современного общества : материалы международной научной конференции, г. Минск, 16–17 мая 2013 г. / Институт философии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2013. – 555 с.
ISBN 978-985-552-270-7.

Сборник содержит доклады и тезисы докладов, сделанных на международной научной конференции «Довгирдовские чтения IV: тенденции духовно-нравственного развития современного общества», состоявшейся 16–17 мая 2013 г. в Институте философии Национальной академии наук Беларуси. Предназначен для ученых-философов, социологов, историков, культурологов, практиков системы образования, воспитания и социальной работы, а также аспирантов, магистрантов, студентов и всех, кто интересуется актуальными проблемами формирования современных воспитательно-образовательных стратегий, отвечающих задаче духовно-нравственного совершенствования человека и общества.

УДК 130.122/123+17.022.1]:312.42
ББК 87.3

ISBN 978-985-552-270-7

© ГНУ «Институт философии НАН Беларуси», 2013
© Оформление. ИООО «Право и экономика», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Гістарычны вопыт у святле сучаснага развіцця навуковай думкі. Даклад-прывітанне акадэміка-сакратара Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў НАН Беларусі *А. А. Кавалені* ўдзельнікам Чацвёртых Доўгірдаўскіх чытанняў. 11

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В ДИНАМИКЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА 15

Духовность современного общества: теоретико-методологические аспекты 15

Д. И. Широканов. Научные и духовные приоритеты в системе социокультурного развития 15

В. К. Лукашевич. Современная динамика проблемного поля философско-методологических исследований духовности 16

О. П. Пунченко. Постижение смысла духовности и ступеней ее развития 20

Я. С. Яскевич. Духовно-нравственные и либеральные ценности в развитии современного общества 26

О. А. Павловская. Духовно-нравственные ценности в условиях социальных трансформаций 30

В. А. Максимович. Духовно-нравственные ценности в социокультурной динамике современности 34

В. А. Салеев. Человеческая духовность и социогуманитарные ценности в XXI веке...39

В. Н. Калмыков. Духовные источники развития общества 41

В. И. Чуешов. Душевность и духовность как квинтэссенция и секстэссенция человека 43

Г. И. Касперович. Глобализация и императивы новой духовности 47

А. Е. Михайлов. Духовная связь культур как условие человеческого будущего 49

М. В. Салеева. Духовные ценности в межкультурной коммуникации 52

И. Н. Сидоренко. Трансформация ценностей в эпоху глобализации 53

А. С. Мансурова. Межкультурный и межрелигиозный диалог в условиях современности: основные тенденции развития 55

Л. М. Уладыкоўская. Міжкультурны дыялог і ўніверсалізацыя духоўных каштоўнасцей: беларуская парадыгма 58

Е. В. Покасова. Современная специфика межкультурных отношений 60

Ю. И. Шпилькин. Ментальность современной евразийской цивилизации 62

Г. К. Курмангалиева. Духовно-нравственный контент диалога культур: исторический опыт восточного перипатетизма 64

Ж. Б. Ошакбаева. Проблема духовности в казахском миропонимании.....66

Ж. К. Мадалиева. Сохранение культурного наследия в современном казахстанском обществе 69

И. Е. Ширшов. Ментальные основания и идеологические векторы социально-культурной коммуникации в белорусском обществе 71

И. Н. Харитонов. Приоритетность универсальных социокультурных национальных ценностей над "материальными" в идентичности Беларуси 74

С. А. Морозов, *Р. С. Лаво*. Этнокультурный капитал и геокультурное позиционирование 76

А. В. Розум. Толерантность как социокультурный феномен 78

Н. З. Аппакова-Шогина. Толерантность как ценность и как способ поведения 80

К. М. Мартиросян. Символический капитал современных культурных индустрий и сетевые Интернет-сообщества ... 82
Учение о морали и нравственности в системе современного гуманитарного знания ... 84
Л. С. Яковлев. Мораль модернизации или модернизация морали ... 84
Б. М. Лепешко. О возможности этического смысла истории ... 87
М. Ю. Ширманова. Мораль и нравственность ... 89
А. М. Воин. Обоснование морали ... 91
Р. Сартаева. Новые тенденции и направления в развитии современной этики ... 94
С. П. Жукова. Прикладная этика как феномен современной нравственной культуры ... 97
Н. С. Загорская. Трансформация моральных ценностей и этическое образование ... 99
Н. К. Эйнгорн. Признание болезни есть начало выздоровления: о моральной патологии общества и личности ... 102
В. В. Надурак. Влияние некоторых изменений социальной среды на развитие общественной морали ... 104
А. В. Прокофьев. Права будущих поколений: трудности теоретического обоснования ... 106
Л. С. Вечер. Нравственные основы деятельности государственного служащего как фактор духовного развития общества ... 109
Н. С. Ильюшенко. Конструктивизм и моральный релятивизм ... 111
А. С. Баранова. Культура управления разумом: просветительский аспект ... 113
С. Я. Ермолич. Просветительская концепция нравственно-правового воспитания личности ... 115
О. Л. Познякова. Актуализация идеи просвещения И. Канта в условиях поиска позитивных сценариев развития будущего человечества ... 118
О. П. Краснова. Духовно-нравственные основания философии жизни Г. Сковороды и А. Довгирда ... 120
Личность в трансформирующемся социуме: морально-этические и социально-психологические аспекты ... 123
З. Я. Капустина. Духовный и нравственный мир человека: культурологическое истолкование природы и механизмов формирования ... 123
В. И. Кудашов. Духовность культуры и духовность человека ... 126
П. Ф. Дик. Философия личности как основание духовно-нравственного образования ... 128
А. И. Осипов. Духовно-нравственный кризис общества потребления ... 131
С. В. Рыбчак. Философские аспекты формирования личности и ее воспитания ... 134
В. Ф. Мартынов. Техногенная личность в поисках духовных приоритетов ... 135
А. А. Легчилин, *О. В. Новикова*. Экзистенциальные проблемы в духовном опыте человечества ... 138
Е. А. Алексеева. Структуры и личностное самоопределение: проблема соотношения ... 140
Т. М. Тузова. О личностном в структурном и структурном в личностном ... 143
В. Ю. Даренский. Смысл жизни как феномен духовной рефлексии ... 146
Н. Ф. Гребень. Смысложизненные ориентации белорусов ... 148
Л. М. Злотникова. Качество жизни в контексте гуманитарного развития ... 151

Л. З. Левит. Эгоизм: другая сторона медали 153
А. Н. Вощинчук. Духовно-нравственный аспект феномена сублимации 156
Н. Н. Куксачёв. Об истории термина "эмпатия" 159
А. А. Шевченко. Рациональный субъект в условиях социального кризиса 161
М. Т. Авсиевич, *А. А. Чернявская*. Влияние глобализации на ценности человека 163
Т. М. Смоликова. Развитие личности в контексте медиаконвергентных трансформаций 165
В. П. Старжинский. Клиповое мышление как следствие когнитивно-семантических особенностей представления информации с помощью информационно-коммуникационных технологий 167
Д. Ю. Снитько. Бездеятельность человека в контексте современных социально-культурных трансформаций 169
Ю. В. Пайгунова. Проблема антипотребностей и антиценностей как причинный фактор современных социальных конфликтов 171
И. А. Фурса. Детерминанты становления профессиональной культуры личности: социокультурные рамки информационного общества 173
З. С. Балика, *А. Д. Балика*. Социальные девиации: понятие и типология 176
И. А. Грошева. Деструктивные последствия девиантности социальной среды 178
Проблемы социогуманитарной экспертизы научно-технического прогресса 181
В. К. Савченко. Этика науки и перспективы ее развития 181
Л. Е. Лойко. Социальные ценности и нормы научного этоса 183
З. Н. Сарсенбаева. Этический императив развития науки 188
А. Н. Спасков. Нравственный императив и проблемы научного творчества 190
М. Г. Марчук. Аксиологический потенциал постнеклассической науки 192
О. А. Борщева. Этика научного исследования: Пьер Бурдье vs Натали Эйниш 194
Н. Н. Шевченко. Этика науки: принципы аналитического теоретизирования 197
А. А. Спектор. Получение и применение знаний как философская и этическая проблема 199
В. Ф. Берков. О вульгарной науке и ее проявлениях в современной белорусской историографии 201
О. В. Рупташ. Понятие смысла в нормативной оценке науки и техники 203
О. Ф. Терешкун. Нравственное измерение современных технологий 205
Этические основания социально-экологических отношений 207
П. С. Карако. "Научная мораль" как фактор перехода биосферы в ноосферу 207
Н. Е. Захарова. Понятие "экологический императив" в системе социально-этических знаний 209
Ю. А. Вишневская, *Т. В. Мишаткина*. Экологическая этика и расширение круга биоэтической тематики 213
Л. Г. Титаренко. Экологические ценности и экологическая культура городского населения: актуальные проблемы развития 215
А. С. Червинский. Экологическая культура: понятие и реальность 218
С. А. Степанов. К вопросу об экологическом сознании и образовании молодежи 220
Г. Н. Казаручик. Формирование экологической культуры студенческой молодежи 223
Т. В. Зайковская. Формирование экологического сознания молодежи на основе освоения культуры белорусского народа 225

Е. А. Хмеленок. Экологическая культура и народные традиции 227
Р. В. Слухенская. Научная парадигма здоровья в этическом ракурсе 229
Д. С. Новиков. Здравотворческая культура учителя XXI в. в контексте постиндустриальной модернизации 231
Н. А. Степаненко. Социокультурные ценности как предмет исследования биоэтики 233
И. И. Терлюкевич, *Н. И. Мушинский*. Современные проблемы биоэтики в контексте "моральной философии" Анёла Довгирда 235
В. В. Бурсевич. Значение биомедицинской этики в контексте современных процессов медикализации общества 238
Нация, государство и гражданское общество в социально-философском осмыслении 240
Е. М. Бабосов. Особенности современных кибервойн в контексте обеспечения национальной безопасности Беларуси 240
Ю. Г. Тамбиянц. Национальное государство в эпоху глобализации 255
И. Ф. Габрусь, *Я. Н. Буланькова*. Нации и национальные государства в "тисках" глобализации 257
В. В. Самсонов. Проблемы нациестроительства в переходных обществах 259
В. С. Мартьянов. Политическая онтология Модерна: в поисках большинства 261
С. В. Голубев. Свобода Модерна и свобода Постмодерна 264
И. Д. Денисенко. Правовое государство и гражданское общество в контексте взаимодействия морали и политики 266
А. П. Мядель. Социальные аспекты формирования культуры гражданственности 268
М. З. Изотов. Патриотические и гражданские качества в структуре человеческого капитала 270
А. Б. Демидов. Странности выражения "гражданское общество" 272
Д. Н. Гончаров. Необходимость социально-философской экспертизы концепций гражданского общества 275
С. В. Хамутовская. Сущность и ценностные основы гражданского общества: оценка общественного мнения населения Республики Беларусь 277
М. С. Жетписбаева. Гражданское общество в Казахстане: проблемы духовности 279
С. А. Воробьев. Экстремизм в гражданском обществе: причины и возможности преодоления 282
Л. О. Мурашко. К проблеме культурно-ценностной обусловленности права 285
Е. И. Степанов. Демократизация массовой культуры поведения как средство обеспечения дальнейшего развития Союзного государства и гражданского общества (конфликтологический аспект) 288
Т. А. Капитонова. К вопросу о диалектической взаимосвязи процессов информатизации и демократизации 289
П. Ю. Молчанов. Духовно-нравственные ценности неолиберализма в социодинамике современного общества 292
М. Р. Зазулина, *В. В. Самсонов*. Социальная инклюзия и гражданская активность: к методологии сравнительного исследования 294
В. Т. Новиков, *Н. С. Щекин*. Власть как предмет философского анализа 297
В. Ю. Дунаев, *В. Д. Курганская*. Этический метакритерий эффективности политических технологий 299

К. Р. Еськевич. Феномен идеологии в современном социально-гуманитарном дискурсе....302
О. В. Нечипоренко. Социальный кризис на постсоветском пространстве: универсалии и национальная специфика....304
А. А. Кислая. Маркеры идентичности в конструированной иерархии: украинский опыт....306
Т. Е. Новицкая. Трансформации социальности в начале XXI века....308
Ю. П. Середа. Соотношение индивидуального и общественного в социально-философской интерпретации феномена "социальной гармонии"....310
От модернизации системы хозяйствования – к императивам нравственной экономики....312
А. И. Лойко. Транзитивные доминанты глобальной экономики и духовно-нравственные основания национальной идентичности....312
Э.М. Сороко. Наука – образование – экономика: в поиске стратегических императивов (к мобилизационному сценарию креативного технологического прорыва)....315
Р. К. Смирнов. О толерантности в экономических отношениях....322
И. В. Легостаева. Феномен корпоративной культуры....324
И. Б. Михеева. Социокультурное измерение государственно-частного партнерства в инновационной сфере....327
И. А. Андрос. К вопросу о формировании современного образа предпринимателя в концепции человеческого развития....330
И. А. Червинская. Проблема защиты внешнеэкономических интересов белорусского производителя....332
Е. В. Таранова. Стабильность занятости на белорусском рынке труда в оценках населения....334
Л.В. Пантя. Рынок труда и профессиональное ориентирование в Республике Молдова....336
ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ....339
Воспитательный идеал современной культуры и ценности молодого поколения....339
С. Г. Новиков. Воспитательный идеал в условиях современной транзиции постсоветских восточноевропейских государств....339
В. В. Шконда, *А. В. Кальянов*. Проблемы формирования духовной культуры современной молодежи....341
Г. А. Абрахматова. Проблема формирования духовно-нравственных ценностей молодежи....343
О. В. Щупленков, *Н. О. Щупленков*. Пути становления нравственной культуры молодого поколения....345
С. Н. Соколова, *А. А. Соколова*. Ценности современной молодежи и маргинальная безопасность....348
Н. Л. Антипина. О некоторых ценностях молодежи....352
Ю. В. Головко. Принцип ответственности и формирование ценностных ориентаций молодежи....354
А. В. Кудинова. Поколение цифровой культуры....356
Д. Д. Ешпанова. Ценностные ориентации казахстанской молодежи....357
Н. Н. Сечко. Ценностные ориентации белорусской молодежи....360

Е. С. Бабосова. Роль средств массовой информации в формировании ценностных ориентаций белорусской молодежи 362
Г. В. Вержибок. Ценностные приоритеты современной молодежи в контексте становления гендерной культуры 364
Ф. И. Храмцова. Гендерная культура молодежи как фактор демографической безопасности Республики Беларусь 366
Е. К. Погодина. Формирование ценностных ориентаций студенческой молодежи в сфере семьи и брака 368
К. В. Ствольгин. Воспитание у молодежи гражданственности, патриотизма и альтернативная гражданская служба 371
Л. И. Грошева. Полиактивность как форма профессиональной адаптации молодежи 373
О. Г. Лукашова. Некоторые аспекты правовой культуры учащейся молодежи (социологический анализ) 376
В. И. Вязгина. Выявление ценностных ориентаций учащихся 379
И. Л. Грошев. Опыт индексирования деформации молодежи 382
О. Г. Лукашова. Потребление алкогольных напитков в студенческой среде как социальное явление 386
Е. А. Круподеря. Распространение религиозно-этических идей мунизма в молодежной среде 388
Ю. В. Аленькова. Учитель как носитель и транслятор духовной культуры в современном образовательно-воспитательном процессе 390
Т. Е. Яценко. Ценностные ориентации будущих педагогов как фактор обеспечения психологической безопасности образовательной среды 393
В. И. Вашнёва. Формирование ценностных ориентаций подростков средствами досуговой деятельности 396
С.К. Турчак. Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи Приднестровья как условие смягчения социально-экономических вызовов государства 398
Семья и семейные ценности в современном обществе 405
А. Ф. Чернавский. Культ семьи – национальная идея Беларуси 405
С. В. Кирпич. Духовно-нравственные ценности как фактор безопасности семьи и общества 408
Р. Н. Дождикова. Семья как "первичное лоно человеческой культуры" и "школа" духовности 412
Е. С. Гринюк. Семья как фактор формирования духовно-нравственных ценностей подростка 414
Ю. Ю. Антропова. Анализ основных тенденций функционирования современной российской семьи 417
О. А. Ширко. Возрождение православных традиций – духовно-нравственная основа стабильного демографического развития белорусского общества 421
Н. А. Ситчихина. Роль религии в нравственном воспитании детей в семье 424
Синергия релизиозных и светских начал в духовной культуре 427
И. В. Котляров. Идеалы и ценности жителей Беларуси в мониторинговом измерении: социологические тренды 427
М. Ф. Печенко. Вера как основа духовной жизни личности 433
Е. У. Байдаров. Религия как основа духовно-нравственного бытия общества 435

В. А. Одиноченко. Религиозная духовность в современном обществе 438
В. В. Старостенко. Свобода совести и религия в системе национальной безопасности Республики Беларусь 440
М. В. Кобзистая, *Е. А. Ледовских*. Духовный кризис российского общества и проблемы Русской Православной Церкви в начале XX века 442
С. П. Синельников. Вопрос о религиозном содержании в преподавании истории в дореволюционной школе.....445
А. К. Попцова. К вопросу о социальных функциях религии на современном этапе развития общества (на материале АТО Гагауз Ери).....450
Н. Н. Красовская. Роль конфессиональной социальной работы в развитии системы социального вспомоществования 453
Р.В. Онуфрийчук. Религиозно-этический смысл понятия реальности.....455
Актуальные проблемы философии образования и воспитания.....457
Л. М. Специан. О нравственной культуре как фундаменте социально-экономического развития 457
Н. Е. Шилина. Гуманитаризация образования – основа духовного развития общества.....459
В. С. Голубев. Диверсификация социального пространства в сфере образования.....464
Р. Н. Шматков. Философский анализ нового закона об образовании: аспект качества 467
И. В. Загорец. Рынок труда и образовательных услуг Республики Беларусь 469
Р. В. Попова, *М. В. Кондратова*. Место философии в системе современного образования.....472
Н. Ф. Свобода, О. В. Фадеева. Обучение философии: контексты идентификации 474
А. Л. Айзенштадт. Проблема жизни и смерти в университетском курсе философии.....477
В. А. Еровенко. Духовно-нравственный потенциал математического образования гуманитариев 479
Н. В. Михайлова. Философия математического знания и образования в контексте духовного содержания 482
Н. М. Твердынин. Современный учитель и внедрение ИКТ: сочетание социального, личностного и профессионального 484
Е. Ю. Гуртовая, *А. А. Гуртовой*. Педагогические условия создания образовательной среды для развития творческой активности студентов 486
О. Г. Лукашова, *А. И. Лукашов*. К вопросу о правовой подготовке студентов и учащихся белорусских учебных заведений.....489
Д. В. Ермолович. Проблемное поле "конфликтной педагогики" и трудности разрешения запроса на креативность 493
В. П. Старжинский. Буллинг и способы его преодоления 495
М. Л. Шульга. Психолого-педагогическая коррекция девиантного поведения в подростковом и раннем юношеском возрасте 497
А. А. Клименко, *В. В. Улыбышев*. Функции гуманитарных дисциплин в формировании гражданской позиции курсантов авиационного колледжа.....499
Е. И. Мещангина. Историко-социологический взгляд на аспекты учебно-воспитательной деятельности педагога 501
О. В. Косточкина. Влияние волонтерской деятельности на личностное развитие и

профессиональное становление студентов педагогического вуза 502
В. И. Голуб, *А. В. Михалёв*. Учет психологических и психофизиологических особенностей девушек-курсантов в процессе организации физического воспитания 505
А.Н. Яковлев, *С.А. Яковлева*. Социально-философские аспекты воспитания спортивной культуры личности в условиях модернизации образования 507
Творчество как фактор развития духовной культуры 509
А. І. Бабко. Духоўнасць як творчае памкненне да ідэалу 509
С. А. Азардович. Творчество как способ органичного бытия человека..... 512
Т. Ф. Ковалева. Реализация творческого потенциала человека – основа гармоничного развития общества 514
С. А. Данилевич. Мировоззренческое творчество креативной личности в контексте современных социокультурных трансформаций..... 517
Э. С. Дубянецкі. Элітарная культура як магчымая антытэза глабальнаму маскульту 519
В. В. Богаченко. Творчество как основной модус самосовершенствования личности в условиях современных социольнокультурных трансформаций 521
Э. К. Дарашэвіч. Да пытання рэвіалізацыі нематэрыяльнай культурнай спадчыны .. 523
Т. Г. Мдивани. Дискурс нелинейности в музыкальном постмодернизме 526
И. П. Мамыкин. О понятии сопряжения (по мотивам романа Л.Н. Толстого "Война и мир") 529
Л. А. Цибизова. Карнавализация различных форм социальной девиации в современном кинематографе: Евгений Юфит 531
М. А. Белоокая. Ценностные приоритеты в экологическом направлении экранной культуры Беларуси..... 533
В. А. Казакова, *А. Р. Каримов*. Возможности совершенствования личности в пространстве музейной культуры 535
Памяти философа. Николай Игнатьевич Круковский (1923–2013)……538
Васіль Якавенка. Чалавек прыгожы. Асцісты шлях прафесара М.І. Крукоўскага ў філасофіі. Да 90-годдзя з дня нараджэння 538
Николай Круковский. Философия целостности идеального и материального в природе и обществе. Концепция холизма 543

ГІСТАРЫЧНЫ ВОПЫТ У СВЯТЛЕ СУЧАСНАГА РАЗВІЦЦЯ НАВУКОВАЙ ДУМКІ

Даклад-прывітанне акадэміка-сакратара Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў НАН Беларусі А. А. Кавалені ўдзельнікам Чацвёртых Доўгірдаўскіх чытанняў

Паважаныя ўдзельнікі канферэнцыі! Шаноўныя калегі!

Дазвольце ад імя вучоных Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі вітаць вас на міжнароднай навуковай канферэнцыі «Доўгірдаўскія чытанні – IV: тэндэнцыі духоўна-маральнага развіцця сучаснага грамадства».

Ідэя Доўгірдаўскіх чытанняў, якія з 2010 года штогод арганізуюцца Інстытутам філасофіі НАН Беларусі, звязана з тэарэтычным абгрунтаваннем і пошукам эфектыўных сродкаў выкарыстання інтэлектуальнай і культурнай спадчыны Беларусі. Уяўляецца, што закладзеная традыцыя будзе садзейнічаць умацаванню духоўна-культурнага стану грамадства і паспяховаму будаўніцтву моцнай і квітнеючай дзяржавы. Неабходна пазначыць, што плён нашых навуковых мерапрыемстваў відавочны ўжо сёння. Імя выдатнага беларускага асветніка Анёла Доўгірда, вядомае раней бадай што толькі вузкаму колу спецыялістаў, сёння ўжо перастае выклікаць здзіўленне і непаразуменне не толькі ў навуковым асяроддзі, але і ў студэнцкай аўдыторыі. Прыемна адзначыць, што, дзякуючы даследаванням супрацоўнікаў НАН Беларусі, значна пашырылася плеяда выбітных імёнаў нашых суайчыннікаў. Разам з прозвішчам Анёла Доўгірда выяўляюцца новыя, раней невядомыя імёны айчынных філосафаў, прадстаўнікоў грамадскай і рэлігійнай думкі.

Апантаная творчая праца навукоўцаў дазваляе пастаянна запаўняць «белыя плямы» беларускай інтэлектуальнай гісторыі, якая паўстае як непарыўны і працяглы ў часе працэс. Над нацыянальнай духоўна-інтэлектуальнай плынню адметна ўзвышаюцца постаці Еўфрасінні Полацкай і Кірылы Тураўскага, Францыска Скарыны і Сымона Буднага, Міколы Гусоўскага і Васіля Цяпінскага. Нашы акадэмічныя даследаванні яскрава сведчаць, што гэтыя выбітныя асобы ўзвышаюцца не ў адзіноце, яны – «плоць ад плоці» і «кроў ад крыві» інтэлектуальнай і духоўна-культурнай традыцыі беларускай зямлі.

Важна падкрэсліць, што ў іх былі не толькі папярэднікі, але і шматлікія паплечнікі і славутыя нашчадкі, і сёння ў гэтай зале прысутнічаюць тыя, хто складае гонар і з'яўляецца прадаўжальнікамі лепшых традыцый гуманітарнай навукі. Дзейнасць названых і многіх іншых адметных асоб нацыянальнай творчай думкі – яскравае сведчанне таго, што Беларусь раўнапраўная еўрапейская краіна. Узровень развіцця нацыянальнай духоўнай культуры і навуковай думкі адпавядае лепшым узорам еўрапейскай традыцыі.

Паважаныя калегі!

Хачу звярнуць вашу ўвагу на той факт, што сёння навукоўцы Інстытута філасофіі значна актывізавалі навукова-пошукавую дзейнасць. Шмат робіцца дзеля распрацоўкі актуальных навуковых праблем, пошуку сучасных форм і метадаў арганізацыі даследаванняў, развіццю творчага супрацоўніцтва з вузаўскай навукай і замежнымі навуковымі школамі. У гэтым немалая заслуга вядучых вучоных Інстытута начале з дырэктарам А.А. Лазарэвічам. Звярніце ўвагу на падзагаловак нашых чытанняў –

«тэндэнцыі духоўна-маральнага развіцця сучаснага грамадства». Ніколі да сённяшняга дня праблемная накіраванасць, інакш кажучы, грамадская місія Доўгірдаўскіх чытанняў, не была завострана настолькі яскрава не толькі на асвятленне мінулага, але і ў цяперашні час і будучыню. Вядома, каб паспяхова вырашаць надзённыя навуковыя задачы неабходна больш уважліва вывучаць мінулы вопыт. У гісторыі няма сучаснасці, але там ёсць шматлікія прыклады, якія дапамогуць вырашэнню надзённых навуковых пытанняў. Менавіта на гэта і накіравана праграма нашага сённяшняга навуковага форума.

Хацеў бы звярнуць вашу ўвагу і на той факт, што мы недастаткова актыўна пазіцыяніруем даследаванні гуманітарыяў. Грамадства і яго уладныя структуры павінны яскрава ўяўляць найбольш значныя нашы вынікі вучоных-гуманітарыяў. Асабліва важна паказваць, што даследаванні гуманітарыяў – важнейшы фактар развіцця творчых здольнасцей чалавека. Менавіта дзякуючы авалодванню гуманітарнымі ведамі, асабліва сістэмай філасофскіх ведаў, чалавек здольны ўбачыць незвычайнае ў звычайных з'явах і падзеях. Гэту аксіому неабходна штодзённа і пастаянна праводзіць у жыццё грамадства. Тым не менш, большасць нашых навуковых мерапрыемсваў праводзіцца, як я называю, на «мінскім паркеце». Час патрабуе, каб цэнтрамі правядзення нашых міжнародных навукова-арганізацыйных мерапрыемстваў павінны стаць рэгіёны. Тыя месцы, дзе захоўваецца, дзе б'ецца жывы пульс жыцця, дзе вырошчваецца хлеб і захоўваюцца народныя традыцыі, дзе можна і патрэбна апрабіраваць вынікі сацыяльнай філасофіі.

Хачу пазначыць, мой асабісты вопыт паказвае, што ў рэгіёнах нас чакаюць і жадаюць пачуць жывое слова навукоўцаў – акадэміка, доктара, прафесара. Тут можа быць разгорнута вялікая навукова-асветніцкая справа, якая будзе карыснай як для навукоўцаў, так і мясцовых упраўленцаў і жыхароў. Такая практыка дазволіць папулярызаваць вынікі нашых даследаванняў, што немалаважна, пашыраць кола нашых прыхільнікаў, а навукоўцы, што называецца, ў жывую пазнаёмяцца з жыццём рэгіёнаў, што дапаможа фармуляваць і набліжаць нашы даследаванні. Уяўляеце, калі кожны аддзел правядзе па дзве выяздныя навуковыя канферэнцыі, ці «круглыя сталы» якім будзе рэзананс? Яшчэ раз падкрэслю, нас там чакаюць і акажуць неабходную матэрыяльную падтрымку, патрэбна толькі ініцыятыва і рух душы. Падкрэслю, адзін дырэктар вырашыць гэту праблему не ў стане. Патрэбен калектыўны розум і праца талакой, як дзейнічалі нашы продкі.

Хачу падкрэсліць, што гэты напрамак дзейнасці не павінен знізіць фундаментальнасць нашых даследаванняў, нават наадварот, ён павінен абагаціць нашу працу, наблізіць да рэальнасцей жыцця.

Шаноўныя ўдзельнікі канферэнцыі!

Адметнай рысай сацыякультурнага развіцця Беларусі, як і іншых краін постсавецкай прасторы, з'яўляецца акцэнт на мадэрнізацыю розных бакоў жыцця. Аднак было б памылкова разглядаць мадэрнізацыйныя змены проста як абнаўленне прамысловых тэхналогій, гаспадарчай дзейнасці і схем кіравання. Мадэрнізацыя – гэта шматгранны і глыбокі працэс, які ахоплівае ў першую чаргу свядомасць людзей і шырокі спектр яе праяўленняў у многіх формах сацыяльнай актыўнасці і ўзаемадзеяння. І ў гэтым сэнсе мадэрнізацыя прадугледжвае, перш за ўсё, развіццё творча-інтэлектуальнага патэнцыялу і маральных якасцей асобы.

Мадэрнізацыя як імператыў развіцця ўяўляе сабой па-свойму ўнікальную, шматаспектную задачу, якая ахоплівае і аднаўленне традыцыйных форм грамадскай еднасці і ўзаемадапамогі, і ўкараненне новых вытворчых і арганізацыйных механізмаў, і пераарыентацыю ўсяго ладу жыцця дзяржавы на вырашэнне найбольш надзённых пытанняў і праблем грамадскага будаўніцтва. Сярод іх цэнтральнае месца займаюць пытанні адукацыі, грамадзянска-патрыятычнага выхавання, духоўнай бяспекі, а таксама

абароны такога важнейшага фактара грамадскага міру, згоды, устойлівага развіцця, якім з'яўляецца сям'я.

Адным з важнейшых аспектаў гэтай задачы з'яўляецца распрацоўка сучасных адукацыйна-выхаваўчых стратэгій з выкарыстаннем духоўных каштоўнасцей і патэнцыялу беларускай і, гледзячы шырэй, усходнеславянскай культуры. Несумненна, ва ўмовах пераходу грамадства на рэйкі інавацыйнага развіцця сама па сабе адукаванасць, гатоўнасць да новых ведаў і тэхналогій паўстае важнейшай каштоўнасцю. Аднак не менш відавочна, што адной адукаванасцю абмежавацца немагчыма. Неабходна актыўнае і сістэматычнае фарміраванне такіх асабістых якасцей, як патрыятызм, грамадзянская актыўнасць і адказнасць. Яны ідуць поруч з прадпрымальнасцю, гуманізмам, пільнасцю у адносінах да дэструктыўных палітычных, культурных і рэлігійных плыняў і разам з тым талерантнасцю да праяўленняў адметнасцей культуры, светапоглядаў і веравызнанняў іншых людзей.

У сучасную тэхнаарыентаваную эпоху пад уплывам радыкальнага пераўпарадкавання сацыякультурнай прасторы (аб гэтым часта гавораць у тэрмінах «рэвалюцый» – навукова-тэхнічнай, інфармацыйна-камунікацыйнай, «рэвалюцыі менеджэраў» і г.д.) востра паўстае праблема чалавекамернасці, гуманнасці сацыяльных працэсаў, інстытутаў, тэхналогій. Да таго ж, перад нашымі вачыма набірае моц працэс імклівай дэтрадыцыяналізацыі грамадства, які з'яўляецца вынікам выбуховых змен у сацыяльна-эканамічным ладзе, тыпе масавых камунікацый, формах грамадскіх адносін.

Дэтрадыцыяналізацыя, страта духоўных каранёў – гэта цяжкае выпрабаванне для сучаснага свету, і па-асабліваму драматычна яна праяўляецца менавіта ў краінах Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. Зніжэнне маралі, узрастанне дэвіантных паводзін, страта сэнсу існавання, суіцыдальныя настроі – вось толькі некаторыя з праяў незаўважнага на першы позірк, але вельмі небяспечнага духоўнага крызісу, звязанага з дэтрадыцыяналізацыяй. Сапраўдным няшчасцем нашага грамадства стала сацыяльная і экзістэнцыяльная адзінота, якая спасцігае не толькі людзей сталага веку, пенсіянераў і ветэранаў, але і найбольш сацыяльна актыўную і прафесійна падрыхтаваную праслойку грамадства. Менавіта сваю адзіноту, адчужэнне, адасобленасць людзі сярэдняга ўзросту і моладзь імкнуцца кампенсаваць сурагатнымі зносінамі ў віртуальных мірах, ужываннем алкаголю, наркотыкаў.

У гэтых умовах узрастае роля не толькі рацыянальна-крытычнага кампанента свядомасці чалавека, звязанага з паняццем «розум», «інтэлект», але і яе эмацыянальна-валявога складаючага, які самым цесным чынам звязаны з паняццем «веры». Паўстае пытанне аб сістэмнай узаемасувязі гэтых кампанентаў, балансе паміж імі. Менавіта ўзаемасувязь і баланс утвараюць гарманічную, маральна ўстойлівую, адказную і здольную да крытычнага мыслення асобу.

Глабальныя фінансава-эканамічныя крызісы, геапалітычнае супрацьстаянне, існаванне міжэтнічных і міжканфесійных супярэчнасцей сведчаць аб тым, што сёння, магчыма больш, чым калі-небудзь у гісторыі, чалавецтва ў цэлым і асобныя дзяржавы, грамадства ў прыватнасці, маюць патрэбу ў кансалідуючай стратэгіі развіцця, якая была б пабудавана на прынцыпах рэалізацыі духоўна-маральнага патэнцыялу чалавека і грамадскіх інстытутаў, абапіралася б на праграму супрацоўніцтва паміж дзяржавай, грамадствам і Царквой.

Місія хрысціянскай царквы на нашай зямлі яскрава падкрэслівае тыя традыцыйныя асаблівасці беларускай культуры, якія даюць нашай краіне пэўныя цывілізацыйныя перавагі. Нездарма Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь А.Г. Лукашэнка на пасяджэнні пастаяннага семінара кіруючых работнікаў па пытаннях удасканалення ідэалагічнай дзейнасці ў сакавіку 2003 г. асабліва падкрэсліў: «Мы засталіся адзінай краінай, якая адкрыта прапаведуе вернасць нашым традыцыйным цывілізацыйным

каштоўнасцям. Часам, лёсам, сітуацыяй Беларусі, наканавана, пэўна, вялікая роля духоўнага лідэра усходнееўрапейскай цывілізацыі».

Здаецца, наспеў час і нам, навукоўцам, першапачаткова ў «сваім коле», а затым і на шырокай арэне грамадскага абмеркавання даць пэўныя адказы наконт таго, у чым менавіта можа праявіцца нашае духоўнае лідэрства. Тыя неадназначныя працэсы, якія назіраюцца на сённяшні дзень у Заходняй Еўропе, звязаныя з легалізацыяй аднаполых шлюбаў, павышэннем сацыяльнай ролі меншасцяў і г.д., указваюць на тое, што Беларусь можа стаць цытадэллю традыцыйных сямейных каштоўнасцей. Як ажыццявіць гэты надзвычай амбіцыйны праект, якія цяжкасці могуць паўстаць на гэтым шляху і які плён ён прынясе – мяркую, аб гэтым таксама пойдзе гаворка падчас двух дзён работы канферэнцыі.

Я вельмі рады, што наш міждысцыплінарны форум прыцягнуў вялікую ўвагу з боку навуковай і педагагічнай супольнасці Беларусі і памежных краін. З вялікім задавальненнем вітаю ўдзельнікаў канферэнцыі, якія прыехалі да нас з Расіі, Украіны, Казахстана. Упэўнены, што супрацоўніцтва філасофска-педагагічных школ нашых дзяржаў дазволіць выпрацаваць сумесныя падыходы да вырашэння найбольш надзённых духоўна-маральных праблем сучаснасці.

Асаблівыя словы падзякі хачу выказаць прадстаўнікам міжнароднага дабрачыннага фонда «Сям’я – Яднанне – Айчына», якія прысутнічаюць у гэтай зале і прынялі, як я ведаю, самы актыўны ўдзел у падрыхтоўцы нашай канферэнцыі. Упэўнены, што разам з вамі, паважаныя калегі, гэта значыць, памнажаючы наш навукова-экспертны патэнцыял на ваш практычны вопыт і актыўнасць, мы сапраўды здолеем зрабіць важкія крокі ў напрамку пабудовы ўстойлівага, маральна-высокароднага і дынамічна-крэатыўнага грамадства.

Шчыра зычу вам, паважаныя ўдзельнікі Чацвёртых Доўгірдаўскіх чытанняў, цікавых і прадуктыўных дыскусій, навуковага творчага плёну і поспеху ва ўсіх вашых пачынаннях.

Дзякуй за ўвагу!

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В ДИНАМИКЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Духовность современного общества: теоретико-методологические аспекты

НАУЧНЫЕ И ДУХОВНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В СИСТЕМЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Д. И. Широканов

Традиционное понимание динамики социокультурных ценностей как неструктурированного, принципиально не поддающейся концептуальному агрегированию множества исчерпало свой эвристический потенциал еще до начала этапа бурного развития системных исследований (50–60-е годы XX века) и сегодня представляется в определенной степени методологическим анахронизмом.

Сегодня структурный анализ социально-культурных ценностей представляет собой сложную исследовательскую программу, опирающуюся дифференциацию объекта по функциональным основаниям с учетом как внутренних, имплицитных рассматриваемому объекту особенностей, так и специфики реализации внешних, системных связей. В этой связи особую актуальность приобретает выявление методологического статуса феномена социокультурных ценностей: выявление системных элементов, структуры и функциональных зависимостей, характера реализации комплексных аксиологических оценок.

Сегодня человечество волнуют проблемы глобального порядка, которые затрагивают коренные условия существования людей на планете, – это экологическая среда, условия и последствия использования ядерных источников энергии, потепление климата, демографические проблемы в условиях научного и технического прогресса, возникновение новых, неизвестных ранее болезней и ряд других. Очевидно, что от уровня развития культуры мышления, методологических установок познающего субъекта, его способностей воспринять новое, отказаться от устаревших, рутинных подходов, использовать для этого достижения науки и техники и вместе с тем сохранить и развить достижения культуры, делающие устойчивыми формы человеческого бытия, будут зависеть своевременность и эффективность поиска нужных человечеству и соответствующих изменившейся глобальной ситуации решений, успех их реализации.

Императивом современного общества является поиск оптимальной стратегии модернизации, путь которой прокладывается через постиндустриальную трансформацию всего общественного уклада с учетом внутренней специфики каждой социально-экономической системы, сочетания локального и универсального, на основе сохранения государственного суверенитета, национальной самобытности, духовных ценностей, внедрения информационно-технологических новаций ради позитивных изменений во всех сферах жизнедеятельности человека. Как субъект познания, культуры, социально-преобрзовательной активности и морально-нравственных отношений человек задействует ресурсы и стереотипизации, и динамики форм мышления и деятельности, ибо и то, и другое является необходимым фактором его жизни, адаптации, личностного роста.

Проблема стереотипов и динамики мышления человека сквозь призму условий и средств существования оказывается важнейшей проблемой человеческого бытия.

В современном мире особое значение приобретает диалог между культурами и цивилизациями, достижение высокого уровня технологического, экономического и социального развития различных стран, реализация стратегии устойчивого развития. Решение этих задач требует преодоления многих укоренившихся стереотипов, поиска нетрадиционных, креативных подходов, а также – в широком смысле – нового и более полного включения человека как *личности*, *творца, мыслителя* в деятельность по анализу системных взаимосвязей современного социального и социоприродного мира, уровней его организации, путей его динамики. Исключительно важная роль в этом «новом Возрождении», новом пробуждении человека принадлежит науке и прежде всего – социально-гуманитарному познанию.

СОВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДУХОВНОСТИ

В. К. Лукашевич

Доминирующее представление о структуре проблемного поля философско-методологических исследований духовности фундируется ее наиболее общим пониманием как переживания человеком своего существования в мире в единстве содержания понятий добра, истины и красоты. Оно коррелирует с наиболее общим представлением о конституирующих интенциях культуротворчества, реализация которых в культуре понимается как ее три «лика»: истина, добро, красота. В свою очередь данная корреляция дает основание утверждать, что культура объединяет природу, социокультурную реальность и уникальность человеческой личности именно на позитивном потенциале духовности, создаваемом органичным синтезом («равноправием») отмеченных фундаментальных понятий, Преобладание природной составляющей в образе духовности ведет к натурализму, социокультурной – к растворению индивидуальности в коллективном, личностной составляющей – к индивидуализму.

Философское сообщество давно осознало бесперспективность их теоретического анализа в русле радикальных альтернатив: технократизма – экологизма, функционализма – гуманизма, этизма – эстетизма и др. Нынешняя ситуация характерна, во-первых, достаточно отчетливым осознанием того факта, что человек не может реализовать себя вне единства с социумом и природой, а социум и природа не могут сохранить себя без человека духовного, т.е. способного переживать свое существование в мире в единстве представлений об истине, добре и красоте. Во-вторых, растущей праксиологической нагрузкой на содержание данных понятий. Их информационный и аксиологический потенциал фундирует более или менее масштабные, осторожные или радикальные, интенсивные или постепенные преобразования в различных областях жизнедеятельности общества (прежде всего в сфере природопользования, материального производства, здравоохранения, образования и, видимо, в существенно меньшей степени в сфере управления, а также в убывающей мере в сфере искусства).

Реакция на данную ситуацию и отмеченные процессы со стороны социально-гуманитарных наук существенно различна. Наиболее показательна активная позиция представителей биоэтики, развернувших по широкому фронту прикладные исследования, направленные на социально-гуманитарную экспертизу научных проектов в области биологических наук и сопровождаемые практическими действиями по созданию соот-

ветствующих экспертных центров, комиссий т д. Специалисты по социальной философии, социальной психологии, культурной антропологии, социологии культуры не устают апелировать к рациональной коммуникации (Ю. Хабермас) как главному (едва-ли не единственному) средству поддержания духовности и решения на этой основе практических задач в политике, экономике, геополитике, социальном управлении и др. Явные и неявные сторонники натуралистических и технократических течений более сдержаны в манифестациях и призывах. Своеобразным выражением их позиции (и ее теоретической основой) можно считать одну из новейших версий теории познания – энактивную эпистемологию [1;2]. В ней акцентируется связь познавательных процессов с другими типами действия (прежде всего практического). «В этой концепции, – подчеркивает Е.Н. Князева, – строится целостная картина когнитивных процессов, в которой мозг как часть тела, само тело как инструмент познания, ищущий и познающий отелесненный разум и познаваемая им окружающая среда, когнитивное усилие как активное действие рассматриваются во взаимно обуславливающей, синергийной связке» [1, с. 332].

Вместе с тем, несмотря на мощный интегративный потенциал данной концепции, позволяющий на естественнонаучной основе обеспечить позитивный сдвиг в решении проблемы смыслообразования, снять дилеммы технократизма – экологизма, функционализма и гуманизма, в ней не обозначены в сколь-нибудь явном виде проблемные аспекты духовности, связанные с ее эстетической составляющей. Однако в имплицитном виде она, безусловно, присутствует, хотя бы в силу общепризнанного факта существования «пред-эстетического» чувства у высших животных, познавательная активность которых также ассимилируется данной эпистемологической версией и соответственно в силу включенности развитого эстетического отношения человека в способ его духовного освоения реальности. Учитывая крайний плюрализм и размытость идейных оснований современного массового (ныне доминирующего) искусства, трудно рассчитывать на серьезную направленную подпитку эстетической составляющей духовности в контексте ее осмысления на базе инактивной эпистемологии. Зато она содержит явно выраженную интенцию на анализ форм и путей развития интеллектуальной составляющей духовности, которую в настоящее время квалифицируют как интеллектуальную культуру.

Представление об интеллектуальной культуре достаточно четко коррелирует с ключевой характеристикой культуры в ее наиболее общем понимании – «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [3].

Формирование и последующая реализация (функционирование в качестве регулятивной системы) такого рода программ базируется на механизмах умственной деятельности, ассимилирующей окружающую человека социоприродную реальность и самого человека, прежде всего, в плане осмысления его способностей познавать и направленно изменять действительность, а также развивать свои ментальные качества. Соответственно механизмы умственной деятельности, ее результаты (знания, проекты, прогнозы, оценки и др.) и средства их трансляции можно трактовать как ключевые элементы интеллектуальной культуры и связывать с ними понимание интеллектуальной культуры в целом.

Ориентация на анализ ментальных способностей и качеств человека в связи с результатами его интеллектуальной деятельности явным образом коррелирует с представлением о рефлексии как сфере умственной деятельности человека, направленной на осмысление предпосылок, форм, путей, средств, методов его деятельности и качества полученного результата. Рефлексия является органической составляющей любого вида человеческой деятельности, в связи с чем человека (ее субъекта), квалифицируют как

«систему с рефлексией».

Рефлексию, связанную с осмыслением особенностей конкретных видов человеческой деятельности принято именовать по аналогии с их названиями: художественная, психологическая, техническая и др., хотя этот процесс не может быть отмечен сколь-нибудь четко выраженной устойчивостью и последовательностью. Исключение составляет традиция, связанная с осмыслением специфики познавательных процессов, где понятие «гносеологическая рефлексия» является хорошо эксплицированным и широко употребляемым. Ее правила и структура, показавшие, по меньшей мере на фоне других видов рефлексии, высокую степень соответствия принципам научно-теоретической рефлексии и преследуемой цели (адекватно осмыслить специфику познавательных процессов), стали основной механизма наиболее широкого по своему предмету типа рефлексии – философской. Практической реализацией такого рода влияния гносеологической рефлексии стала ассимиляция философией универсалий культуры и отражение их содержания в системе философского знания (прежде всего в философских принципах и категориях), что позволило транслировать это содержание по обезличенным информационным каналам [4].

С отмеченными обстоятельствами (влиянием гносеологической рефлексии на механизмы рефлексии философского уровня, а также наличием столь емкой практической формы реализации системой философского знания своей рефлексивной функции) были связаны особенности становления статуса и развития философского знания как системной рефлексии в интеллектуальной культуре.

Основу осмысления этого процесса составлял гносеологический образ познания как моделирования реальности, где традиционно (в рамках классического понимания научной рациональности) акцентировалось качество результата (степень адекватности, достоверности, истинности полученного знания). Позднее в русле неклассического и постнеклассического понимания научной рациональности были эксплицированы связи качества результата с особенностями используемого исследовательского инструментария и ценностными ориентациями научного сообщества и социума, в котором оно функционирует. Таким путем обеспечивалось соединение логической стройности гносеологической рефлексии и предметной широты рефлексии философской.

В итоге можно сделать выводы, во-первых, о том, что философское знание достаточно успешно выполняло и выполняет в интеллектуальной культуре функцию системной рефлексии; во-вторых, что это обеспечивается наличием в системе философского знания гносеологической рефлексии, по образу которой строится философская рефлексия в целом; в-третьих, что остается открытым вопрос о возможностях философского знания и соответственно философской рефлексии адекватно осмысливать те сферы реальности, для ассимиляции которых недостаточно их гносеологического аппарата, где они один из конкурентов среди других форм сознания (в частности, искусства и религии) и соответственно других типов рефлексии.

Упреки в адрес рационалистически ориентированной философии со стороны теологов, моралистов, представителей искусства (не говоря уже о сторонниках традиционных форм сознания, возникших ранее философии и, соответственно, гносеологии) в плане обсуждаемой темы во многом аналогичны тем, которые выдвигаются против науки: насильственное расчленение органически целостных образований в ходе их духовно-интеллектуального освоения; нивелирование особенностей познающего и рефлектирующего субъекта; вопиющая самодостаточность и самонадеянность в оценке собственных средств и возможностей; антропоцентризм; прагматизм и др.

Интеллектуальная жизнь в настоящее время существенно опережает рефлексивные схемы рациональной философии, претендующей на прогностичность и достаточ-

ность в рефлексивном аспекте. Поэтому возникает вопрос в какой мере можно признать критику в ее адрес оправданной. Скорее всего, с позиции, на которую претендовали и в настоящее время претендуют многие представители названных не-философских и ненаучных сфер духовного освоения реальности, – дать окончательные ответы на все ключевые вопросы, связанные с бытием человека в мире и возможностями его интеллекта. Но эта позиция принципиально чужда и науке и современной рационалистической философии. В таком случае недостаточность философской рефлексии приходится соизмерять с другими эталонами. Необходимо определить ключевые направления развития философской рефлексии в сфере интеллектуальной культуры и соответственно в сфере духовности в целом, а также пути преодоления ее «запаздывания» в осмыслении некоторых современных интеллектуально-духовных явлений и процессов.

Общий интеллектуально-духовный и социокультурный фон этой работы может быть отмечен рядом характеристик, прямо или косвенно указывающих на ее оправданность. Во-первых, явно затянулось чрезмерно ревностное отношение к истине, понятие которой тем не менее достаточно успешно выполняет функцию регулятивной идеи любых познавательных процессов (качество их результатов вполне уместно выражать посредством других понятий, в частности, понятия достоверности, не нагружая базовое понятие истины производными смыслами). Во-вторых, нельзя игнорировать феномен шарлатанов от науки, претендующих на лидерство в духовной жизни общества, понимающих, что позиции рафинированных моралистов, эстетов, представителей правосознания (легистов), теологов не столь успешны в качестве основы их собственных построений. Разумеется, это лишь косвенное доказательство доминирующего влияния науки и интеллекта на сферу духовности. В-третьих, в обществе продолжает повышаться ценность функциональных качеств людей как специалистов в определенной сфере жизнедеятельности. Требования к их моральному облику усиленно декларируются на всех уровнях, но на практике чаще всего сводятся к корпоративным правилам и нормам. Культурно-эстетическое развитие специалистов-функционеров в еще меньшей степени может быть отмечено подлинным вниманием со стороны управленческих структур и элитных слоев общества. Неудивительно, что в этих условиях в обществе пышно расцвел культ жадности и наживы, на который как на главную причину современного мирового финансово-экономического кризиса указывают многие аналитики.

С учетом отмеченных обстоятельств предстоит анализировать проблемное поле и определять ключевые направления развития философской рефлексии в сфере интеллектуальной культуры и духовности в целом. На наш взгляд, одним из его главных фрагментов и соответственно ключевых направлений развития философской рефлексии должен стать поиск путей практической реализации этоса науки в социальных условиях, где культ жадности и наживы доминирует и насаждается не только через массовое искусство и рекламу. Это значит, предстоит действовать вопреки распространенному мнению «каково общество, такова и наука» (армия, полиция и т.д.), которое не выражает какой-то замкнутый круг в социальной реальности, а лишь умонастроения определенной части общества. Выход из мнимого замкнутого круга в человеческой истории не однажды показывали представители различных социальных слоев. Ныне пришла очередь современных интеллектуалов, во многом не похожих на своих предшественников, которых часто упрекали и упрекают за умозрительность, абстрактность и в конечном счете антигуманность рекомендуемых ими социальных практик. Во всяком случае это, во-первых, наиболее информированная часть человеческого сообщества; во-вторых, наиболее востребованная практически во всех сферах жизнедеятельности современного общества в силу того, что ей там доверяют.

Литература

1. Князева, Е.Н. Телесное и энактивное познание: новая исследовательская программа в эпистемологии // Эпистемология: перспективы развития. – М., 2012.
2. Thompson, E. Mind in Life. Biology, Phenomenology and Sciences of mind. – Cambridge (MA): Harvard University Press, 2007.
3. Стёпин, В.С. Культура // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2010. – Т. 2. – С. 341.
4. Стёпин, В.С. Конструктивные и прогностические функции философии // Вопросы философии. – 2009. – № 1. – С. 5–10.

ПОСТИЖЕНИЕ СМЫСЛА ДУХОВНОСТИ И СТУПЕНЕЙ ЕЕ РАЗВИТИЯ

О. П. Пунченко

Исследование духовного мира человека и человечества на всех этапах развития философского знания выступало в качестве неотъемлемой составляющей его содержания. Философия с начала своего становления в Древней Индии, Древнем Китае и Древней Греции неразрывно была связана с обоснованиями мира духовных ценностей и его роли в жизни общества. Философы всегда стремились адекватно реагировать на все «пространственно-временные» вызовы социального бытия соответствующим философско-культурологическим мыследействием, особенностями личной «геометрии» мышления, что представляло проблему духовности в различных ракурсах и ипостасях. С высоты сегодняшнего дня видно, что мыслители различных эпох «подвижнически» несли «бремя» забот и ответственности за объективный анализ развития духовности человеческого рода, за целостность и взаимосвязь природы и человека. Они изначально осознавали, что философия, как никакая иная наука, исторически обречена не только на перманентное прояснение своего понятийно-категориального инструментария, относительно проблемы духовного развития общества, но и призвана минимизировать на всем мировоззренческом поле массив фундаментальных идей, внося в них элемент упорядоченности. Попутно на них лежал и груз большой ответственности за прогресс в отношении аккумуляции и систематизации фактологического материала, за поиск такого языка интерпретации, при котором философская мысль или фундаментальная концепция, недвусмысленно выявляла бы свою специфическую социально-онтологическую «уплотненность», не стремясь при этом, по выражению У. Оккама «без нужды увеличивать число сущностей».

Судьбу духовности в современной культуре можно охарактеризовать вполне справедливо как явление кризисное, которое под натиском наступательно-агрессивной, далеко не всегда компетентной критики, вынуждено отстаивать свое право на существование, доказывая свою состоятельность. Является ли этот кризис только следствием и выражением общего кризиса современной духовной культуры или обусловлен, прежде всего, своими специфическими причинами – вопрос неоднозначный и дискуссионный. Ясно только одно: ситуация кризиса духовности объективно поставила философию в условия, когда она вынуждена по-новому взглянуть на природу и архитектонику этого феномена, его место в бытии современного человека и социума. Задача современной науки заключается в выявлении глубинного единства духовных традиций и общечеловеческих целей формирования человека духовного. Философия духовности ставит вопрос о взаимосвязи различных форм деятельности человека с духовным аспектом его бытия, точнее с ядром человеческого существования – его духовностью.

Обоснование философией мира духовных ценностей и его роли в жизни общества совсем не означает, что, отдавая своеобразный приоритет духовному в общественном развитии, она принижала роль материальных факторов. Попытка артикулировано выстроить векторы общественного развития привела философскую мысль к выделению в истолковании соотношения этих факторов двух направлений – либерального и романтического. Выделенные направления в развитии общественной системы носят условный характер. Либеральное направление отдает приоритет материальному фактору, считая, что механизм решения социальных проблем лежит в плоскости материального благополучия. Оппозиционное направление отдает предпочтение системе духовных приоритетов, оно обозначено в ряде философских исследований как романтическое. Сегодня можно утверждать, что духовность выступает особым приоритетом в системе философских исследований.

Духовность не зависимо от отражения сущности в многочисленных дефинициях, всегда понималась как ценность культуры. Она имеет многомерную природу. Ее измерения запечатлены на всех явлениях культуры – всем том, что создано человеком как в сфере материальной, так и в сфере духовной культуры. Любое явление культуры несет на себе отпечаток духовности, в котором выявляются таинственные связи человека и природы, раскрывается его человекотворческая деятельность. Духовность включает человека в различные социальные процессы, определяя тем самым, их человекомерность, выявляет созидательные смыслы социальной динамики. Философско-культурологический анализ духовности, как фрейм – проблемы позволяет, на основе выделения в ее структуре детерминирующих субфреймов и установление модальных связей между субфреймами, раскрыть «субъективную» сторону духовности, включить в нее эзистенциональные измерения человеческого бытия, его ценностные основания. Это, с одной стороны. С другой стороны, человек духовный конституирует на палитре свойств своего естества характеристики явлений окружающего его мира.

Многомерность феномена духовности отражается в многообразии точек зрения на его природу, которая определяется культурными традициями, этническими особенностями верований, моральными и художественно-эстетическими ценностями. Обусловленность духовности социокультурными особенностями вытекает из того факта, что она в значительной мере содержит в себе конкретно-практический элемент. Во-первых, духовность выступает как практика духовной жизни, как способ жизнедеятельности личности. Решая вопрос о «прочтении» классического понимания духовности средствами, которые, с одной стороны, воспроизводили бы ее содержательный дискурс, а с другой – дистанцировались от ее конкретно-содержательной стороны, необходимо высветить и такой аспект видения природы духовности, который объединил бы в себе как феноменальную часть и связанные с нею рефлексии, так и практический аспект духовности, который реализуется, в первую очередь, как духовная практика. В ходе духовной практики активизируются уровни антропо-бытия человека, в отличие от теоретико-созерцательного состояния, когда преобладает интеллектуальная, рационально-аналитическая тенденция.

Во-вторых, разнообразие в понимании природы духовности возникает и вследствие того, что сегодня сосуществуют разные культурные центры, которые затрудняют возможность их непосредственного сравнения, да и вообще исключает возможность обнаружения определенных общих начал в понимании духовности. В-третьих, каждый человек, как неповторимая сущность, имеет право на индивидуальное видение мира. Этот подход обусловлен разными стартовыми позициями личности на пути их самоусовершенствования и самореализации.

В трактовке духовности как социокультурного феномена обнаруживаются такие

точки зрения, которые не учитывают все богатство ее архитектоники и специфику проявления. Многообразие направлений исследования духовности представлено различными подходами к выяснению сущности этого феномена. В большинстве случаев духовность сводится либо к определенной форме общественного сознания, либо к общественному сознанию в целом. Такие подходы основываются на едином дискурсе понимания их природы – эпистемологическом, но при этом упускается из внимания то, что процесс познания и результат его – знания являются лишь поверхностным уровнем деятельности психики человека, что собственно было уже сформулировано «философией жизни» (А. Бергсон, Ф. Ницше и др.)

Новое понимание духовности обнаруживается в философских исследованиях конца XX века. Так, В.С. Барулин отождествляет духовность с «духовным миром» и «духовной жизнью». Он пишет: «Духовность включает в себя полноту, целостность, взаимосвязанность всех компонентов духовной жизни человека… Что же касается содержания духовных процессов: научных концепций, религиозных верований, эстетических категорий, обыденно-практических знаний и т.д., то они также все, без малейшего исключения, объемлется духовностью человека» (цит. по: [1, с. 112]). Такое представление о духовности уязвимо не только в том отношении, что не выявляет ее природы, но и, включая рациональность в свое содержание, снимает проблему соотношения духовности и рациональности. Последняя автоматически включается в содержание духовности, что не отражает как специфику рациональности, так и их соотношение.

Проблему соотношения рациональности и духовности корректно исследовать лишь в контексте духовной культуры в целом. Это предполагает подход к ним, как к двум взаимосвязанным атрибутам, основным ингредиентам архитектоники духовной культуры, которые одинаково необходимы для ее существования и развития. В таком понимании духовность предстает как аксиологическая составляющая культуры, а рациональность – как ее интеллектуальная составляющая, различия между которыми нельзя недооценивать. «При всех взаимоотношениях духовное и интеллектуальное начала, – утверждает В.Ж. Келле, должны оставаться в пределах своей "компетентности". Иначе мы либо с когнитивных позиций будем трактовать духовность, либо с точки зрения духовности интерпретировать знания и тогда не сможем получить и адекватной характеристики ни их природы, ни их взаимодействия» (цит. по: [2, с. 44]).

Неприемлемо также и сведение духовности к сфере бессознательного, понимание его как «духовного бессознательного»: «подлинное духовное в основе своей имеет бессознательную, точнее нерефлексивную природу… Следовательно, содержанием духовного мира личности является не столько сознание рефлексия, – утверждает В.Н. Волков, – сколько духовное бессознательное. Сознание это всегда лишь внешняя оболочка, форма» (цит. по: [3, с. 124]). Несомненно, такая интерпретация духовности не проясняет ее сути и полностью выводит за пределы рациональности.

Духовность необходимо рассматривать как аксиологическую категорию в отличие от близких к ней понятий «духовное», «духовный мир», «духовная жизнь». «Духовность – это то в содержании духовного мира человека, – отмечают В.С. Писчиков и М.М. Холин, – что обладает нравственно-гуманистической интерпретацией, что ориентировано на высшее нематериальные ценности бытия – добро, любовь, красоту, истину, свободу, справедливость. В зависимости от уровня и характера духовного развития личности ее духовный мир может в большей или меньшей степени обладать качеством духовности» (цит. по: [4, с. 5–6]).

Нравственно-гуманистическая интенция духовности, выражая ее сущностную определенность, делает себя невозможной без таких качеств личности как душевная бескорыстная отзывчивость, способность к искреннему сочувствию и глубокому сопе-

реживанию, состраданию, уважению, любви. Это чувственно-эмоциональная основа духовности, она приобретает в ее архитектонике ценностную направленность и задается системой ценностных ориентаций личности, ее смысложизненными духовными установками, ее самостью.

И все же, что выражает духовность в самости человека, ведь ареал бытия ее сущности находится, по К. Юнгу, в сфере самости? Духовность – это социально-философская категория, характеризующая внутренний мир индивида и социума, а также внутреннюю совокупность их общественных связей. Духовность – это смыслообразующий стержень, характеризующий способ существования ценностей, норм, целей и смыслов, который выражает в человеке его «самость», глубинный нравственный мир и реализует себя через поступки личности. Духовность предстает как феномен, «вырастающий» и развивающийся из общественной природы человека и его социальных качеств. В ней обнаруживается множество пересекающихся семиотических кодов, сопряжение которых создает духовную целостность. Эта целостность отличается у человека от биологической своей смысловой согласованностью. Духовность – это особая согласованность смыслов деятельности человека в системе общественного бытия. Она динамична по характеру развития, формам своего проявления и особенно, по формированию. Духовный мир человека формируется конкретной интерсубъективной средой. Личность идентифицирует свой духовный мир с духовным миром этой среды, социума в целом. Поэтому духовность выступает как интегративное качество, в ней взаимопереплетены смысложизненные ценности, как системообразующие начала, определяющие качество и направленность человеческого бытия. Духовность выражает человекотворческий потенциал личности. Она направляет этот потенциал в то русло его деятельности, которое выражает его целеустремленность, придает этой деятельности конструктивный, творческий характер. Этот потенциал есть основа перевоплощения мира человека на экзистенциональных, внутренних началах. Формируется новая реальность, предстающая уже как реабилитация свободнодействующего духа в его новом уникальном качестве.

Структурно духовность можно представить, исходя из такого понимания ее сущности и предмета, как систему духовных ценностей (убеждения, принципы, идеалы) и соответствующих им духовных потребностей и интересов, чувств, эмоций и переживаний.

Духовные ценности выступают для человека в процессе практической и познавательной деятельности в качестве исходных – мировоззренческих, методологических, аксиологических – ориентиров, норм и установок, задающих ракурс и горизонт восприятия и преобразования действительности. Поэтому принципиально важное значение имеет характер функционирующих духовных ценностей. Если же это псевдодуховные ценности, что характерно для современного этапа развития культуры, то личность формирует свою духовность, исходя и базируясь на ложной информации. Это закладывает основы манипулирования ее уже искаженным духовным миром. Человек все более превращается в дезориентированную, ограниченную личность, что способствует формированию его бифуркационной сущности, крайне необходимой идеологам глобализирующего мира. Это человек с неразвитыми духовными интересами, унифицированными, стандартными ценностями, прагматической рациональностью, формирующийся постмодерном.

Понятие духовности тесно связано с понятием духа, духовной деятельности, сознательного и бессознательного, духовной культуры. Несмотря на то, что эти понятия отражаются в разделении наук о духе и культуре и наук о природе, сводить эти понятия к духовности, отождествлять их с духовностью нельзя. Это связано с неоднозначной трактовкой духа и способов его раскрепощения. Из многочисленных его определений

можно выделить как детерминирующие ингредиенты, в единстве составляющие его архитектонику, так и обобщающие сущностные признаки духовных структур. В этом плане лозунг И. Гердера о том, что "дух человечества состоит в его гуманности актуален был и задолго до его формулировки и сегодня, но он мало что дает для прояснения содержания и сущности самой духовности.

Все вышеотмеченное позволяет утверждать, что феномен духовности требует своего системного и социосинергитического анализа и, прежде всего, его содержательной «нагруженности». Сегодня это вызвано тем, что человечество столкнулось с опасностью куда более грозной чем ядерная. Эта опасность – распад духа человека, духовности общества. Налицо торжество духа, для которого ориентирами социального бытия выступает сила, власть, богатство, успех, ненависть к просьбам о помощи и сострадании. Идет выбраковка всех тех, кто не вписывается в идеологию «хайтека» и не только по политическим мотивам, но уже и по социал-дарвинистским. В духовно-интегральной сущности возникла тревожная ситуация, где наука интенсивно переключается на производство симулякров, как все более тонких имитаций реальности. Разработка симулякров – это не признак постмодерна, а, по сути, сверхмощное орудие социального закрепощения и как следствие падение духовности человека и общества. «Огромная манипулирующая сила симулякра, – отмечает В.В. Попков, – заключена в радикальном самоудовлетворении субъекта, подвергающему воздействию. В самом деле, чтобы обрести реальное удовлетворение своих потребностей, необходимо прилагать усилия для изменения реальной ситуации» (цит. по: [4, с. 261]).

Как выше было отмечено, что мыслители разных эпох «подвижнически» несли «бремя» забот и ответственности за объективный анализ духовного мира человека и общества. Это необходимость. Так на рубеже XIX–XX века ясно обозначилась тревога в философии за утерю духовности. В частности, С.Л. Франк в работе «Крушение кумиров» утверждает, что после крушения революции, как кумира, началось крушение второго кумира – политики. Этот кумир, работая на авторитет революции, стал творить дикие безумия, загнав в тупиковое состояние не только отдельного человека, но и культуру народа в целом (о чем ярко свидетельствует деятельность «пролеткультовцев» в 1917–1932 гг.). Новая социальная система после революции мало интересовалась подлинным возрождением духовности народа. Это привело к крушению веры в социализм и стало понятно всем, что человечество беспрерывно не совершенствуется. Предначертанного пути нет, каждая эпоха живет какой-то конкретной верой, ложность и несостоятельность которой со временем раскрывается.

Крушение кумира культуры приводит к духовному варварству, жестокости, душевной грязи и порочности при внешней чистоте, господстве гуманитарных принципов, благопристойности. Все это отражается в отношении народа к национальной идее, декламациям, не соответствующим практике реальной жизни.

Исследование духовности, как особой культуры обнаруживается у Н.А. Бердяева. Он утверждает, что культура имеет прежде всего духовную основу. Культура, считает он, «есть культура духа; всякая культура имеет духовную основу – она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями». Раскрывая противоположность между духом и природой, он утверждает, что дух есть субъект, жизнь, свобода, огонь, творческая деятельность; природа – объект, вещь, необходимость, пассивная деятельность, неподвижность. К царству природы относиться все, что объективно и субъективно. Царство духа имеет другой характер: в нем разногласия преодолеваются любовью; отсюда дух не является ни объективной, ни субъективной реальностью. Познание духа достигается посредством опыта. Все философские системы, не основанные на духовном опыте, являются натуралистическими: они по суть отражения безжизненной природы.

Поэтому культура у него выступает как продукт духа. Такое понятие культуры, как основы сущности духа, обнаруживается в философии йоги и у Цицерона, где главным требованием выступает обоснование процесса раскрепощения духа. Этот процесс будет противостоять распаду духа, он основа духовного возрождения общества.

Исследование духовности дает возможность утверждать, что она предстает как результат нравственных и творческих усилий человека. Если анализировать процесс развития духовности, то надо согласиться с Н.А. Бердяевым, что в нем можно выделить три ступени. Первая ступень – это духовность, ограниченная природой. Она представляет собой зависимость человека от природной сферы, опирается на власть природы, космоса. Дух человека подчинен этой власти, покоряется ею, человек не способен противостоять этой власти. Обоснование такой ступени обнаруживается в философии Б. Паскаля, в которой человек представлен как «мыслящий тростник», осознающий свое бессилие перед космосом. Зависимость человека от природы, как существа космического круга бытия, обнаруживается у А.Л. Чижевского в его работе «Эхо солнечных бурь», где он доказывает зависимость между циклами Солнца и многими явлениями в биосфере. На этой ступени космократия есть власть мира, власть Вселенной. Дух человека полностью подчинен этой власти, он преклоняется перед этой властью. Человек пребывает в первобытной духовной гармонии с окружающим его миром. Затем природа превращается, считает Н.А. Бердяев, в ареал жестокой борьбы за биологическое выживание человека. В ходе этой борьбы начинает формироваться новый этап духовности, отражающий процесс порабощения человека внешними, обстоятельствами. Космократия сменяется социократией.

Вторая ступень духовности – духовность, ограниченная обществом. Она предстает как особая часть исторического процесса, породившая социальный хаос. С одной стороны, в этом противоборстве выступает субъективность, духовность, свобода, истина, любовь, человечность, нравственность. А с другой стороны – объективность, жесткий детерминизм, историческая целесообразность, логика власти, силы, ограничения свобод и прав человека. Это хаос порождает антагонизм в социальных отношениях, по своему воздействию который страшнее природного, он закабаляет духовно человека.

Новый социальный мир организуется для среднего человека, для социальной обыденности. В этом мире духу и духовности присущи черты социально объективированного мира. Эта ступень духовности предстает как исторический процесс, источником движения которого выступает, с одной стороны, гуманистические требования и ценности, а с другой – соображения «исторической целесообразности», которая и подрывает устои духовности, закрепощает дух.

Третья ступень духовности – это освобожденная духовность. Она предстает как такая ступень духовности, когда человек овладевает природой и обществом. Не природа безраздельно господствует внутренним миром человека, не общество подчиняет себя личность, диктует ей, как поступать, какие цели ставить перед собой, а освобожденный дух человека, через его творческую и нравственную активность овладевает природой и обществом. Это и есть эпоха, когда объективированный мир становится рефлексией человеческого духа. Н.А. Бердяев определяет эту ступень как «чистую, освобожденную духовность» (цит. по: [5, с. 270–271]). На этапе духовности завершается эпоха власти, насилия, ограниченности личности обществом. Это эпоха раскрепощения духа. Новая духовность предстает как освобождение от рабских социальных ритуалов, реабилитация свободно действующего духа в его уникальном качестве – раскрепощения. Эта духовность есть шаг развоплощения, высвобождения внутренней жизни духа от омертвевших внешних следов, оболочек и символов духовной жизни.

Таким образом, феномен духовности представляет собой один из наиболее слож-

ных объектов философского знания. А сложность объекта можно исследовать только аспектно. Очевидно и философско-культурологический анализ не раскрывает всей специфики духовности, однако обладает главным преимуществом: выявляет в этом процессе личностное и социальное содержание.

Следовательно, духовность как высшее состояние человеческого бытия, сегодня не менее значимо, а можно утверждать, что и более значимо, чем система материального производства. Человечество создает различные материальные артефакты, решая задачи развития материального производства. Но духовные артефакты создавать сложнее. Можно сформулировать множество принципов и правил целесообразной деятельности человека, но будут ли они удовлетворять внутренний мир человека, войдут ли в его плоть, как нечто неотделимое, неразрывное с его духом, будут ли они способствовать реально развитию его духовности, проблема сложная и трудно выполнимая, но отказываться от ее решения человечество не имеет права.

Литература

1. Барулин, В.С. Основы социально-философской антропологии. – М., 2002.
2. Келле, В.Ж. Интеллектуальная и духовная составляющая культуры // Вопросы философии. – 2005. – № 10.
3. Волков, В.Н. Онтология Личности. – Иваново, 2001.
4. Писчиков, В.С., Холин М.М. Духовность и рациональность в современной культуре // Актуальні проблеми духовності. Вип. 8. – Кривий Ріг, 2007.
5. Попков, В.В. Раскрепощение духа. – Одесса, 2007.
6. Бердяев, Н.А., Самопознание. Опыт философской автобиографии. – М., 1991.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ И ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Я. С. Яскевич

Развитие современной цивилизации вне демократических ценностей, согласия и диалога невозможно. Такой ракурс исследования обостряется в контексте формирования механизмов преодоления мирового экономического кризиса, критического переосмысления либеральных стандартов и ценностей, путей демократического развития общества, выявления ценностного поворота, осуществляемого современным человечеством, ибо глобальный финансово-экономический кризис во многом является кризисом системы духовных ценностей [1]. Сегодня даже экономисты говорят о необходимости освобождения от всевластия рыночной экономики, «инструментализации», прагматизации разума, власти денег, утвердившихся в мыслях, деяниях и умах наших современников. «Мы должны были бы, – пишет известный французский экономист С. Латуш, пожелать такого общества, в котором экономика уже не занимала бы место центральной (или единственной) ценности и не была бы последней стратегической целью… Это необходимо не только для того, чтобы не была окончательно разрушена земная среда, но также и прежде всего для того, чтобы вызволить современного человека из физической и нравственной нищеты» [2, с. 96].

Ценность разума, просвещения, общественного договора, демократии, равенства как императивы феномена «общечеловеческие ценности» подвергаются критическому осмыслению в рамках философского, социально-политического и аксиологического лексикона последних десятилетий XX века. Скептическое отношение к статусу общече-

ловеческих ценностей усиливается посредством дискуссий о самом существовании человечества как действующего субъекта в единственном числе. Высказывается мысль о том, что позади той силы, которая в реальном действии играет роль человечества, всегда скрывается частная сила, которая с помощью этого маневра пытается обеспечить себе преимущества в конкуренции с другими силами. Новейшая историческая практика все в большей степени актуализирует идею неповторимости, уникальности, самобытности единичных и особых социальных, культурных образований, ценностей, традиций каждой страны, каждого региона, каждой культуры, каждого индивида [3, с. 335].

Гипертрофированные принципы политического либерализма с ярко выраженными установками рационализма и эгоизма, индивидуальными потребностями, правами и интересами, оборачиваются в современных условиях *атомизацией общества, отрывом человека модерна от целей общества, забвением идеалов коллективизма, маркетизацией духовных ценностей* [4, с. 33]. В соответствии с этим, на фоне господства либеральных ценностей и глобального кризиса актуализируется необходимость системных исследований проблемы *взаимоотношения индивидуального и общественного, глобального и национального, сохранения национальных приоритетов, выявления специфических форм гражданского общества, исследования феномена глобализации*, ее воздействия на национальную культуру, экономику, политику, выявление зависимости национальных экономик от глобальных финансовых рынков и транснациональных корпораций, оптимального характера рыночного регулирования, механизмов формирования экономически единого мира, инвестиционных и товарных потоков. Процесс глобализации обусловлен свободным движением капиталов и возрастающей зависимостью национальных экономик от глобальных финансовых рынков и транснациональных корпораций, когда стираются географические границы социальных и культурных систем. В эпоху глобализации основными оказываются *транснациональные подходы к организации глобальной системы,* в основе которой лежат глобальные тенденции и институты. Глобализация свидетельствует не о становлении единой цивилизации, разделяющей пресловутые «общечеловеческие» ценности, а об *экспансии «западной» модели общества и приспособлении мира к ее потребностям* [5, с. 38].

В условиях глобального кризиса важно искать механизмы управления глобальными процессами, глубинного развития гражданского общества, установления как общеевропейской, так и мировой демократии, которая бы выступала не просто символом национальных демократий, а проявлением воли самих граждан, реального диалога различных интересов, идентичностей, глобальной ответственности, идеалов справедливости для всех и стремления к обеспечению блага для собственного этноса. Морально-этическим аспектам демократии большое внимание уделялось на Сеульском конгрессе. Отмечалось, что серьезную угрозу для подлинной демократии представляют как эгоцентричный индивидуализм, так и агрессивный коллективизм.

В современном мире продолжается уточнение сути, принципов, ценностей демократии, ее процедур и значимости, высказывается тезис о современном общем кризисе демократии, содержательном наполнении понятия «суверенная демократия», в том числе и в плане международного права, фиксирующего *суверенность национального государства в пределах любых объединений, союзов*, что чрезвычайно актуально именно сегодня. Поскольку суверенитет это по существу и есть самостоятельность, самоправомочность государства и большинства его населения, то он напрямую касается демократии, а потому и нарушение суверенитета особенно болезненно сказывается в случае «импорта» и насаждения «готового демократического продукта», вопреки демократической воле народа рождая хаос и недоверие к демократическим реформам, возникновение национализма, этнических конфликтов, войны.

Правящие элиты Запада «рекомендуют» некую «эталонную демократию», основанную на ценностях либеральной демократии, навязывая ее, нередко с помощью военной силы, развивающимся странам и новым государствам постсоциалистической системы [6, с. 3–13]. В то же время сама западная либеральная демократия переживает кризис, что отмечается и в средствах массовой информации, в том числе во влиятельной американской газете «Вашингтон Таймс»: «Многие из нас…считают, что наш путь единственный (не самый лучший или не самый быстрый, а единственный) путь в рай. Более того, многие из нас убеждены: кто не верит в другой путь, проклят Богом, а поэтому мы можем с чистой совестью унижать и осуждать их» [7, с. 4].

Распространение свободы и демократии в зарубежных странах рассматривается в качестве главной цели американской внешней политики в законопроекте, который был внесен в Конгресс 3 марта 2005 г. сенаторами Дж. Маккейном и Дж. Либерманом. Поддерживая курс американской администрации на экспорт демократии и оправдывая участие Великобритании в военных действия в Иране, бывший премьер-министр Т. Блэр четко заявил, что в этой войне речь идет не просто о безопасности и военной тактике. «Это – битва ценностей, которую можно выиграть в результате победы терпимости и свободы. Афганистан и Иран являются необходимыми начальными пунктами этой битвы…Мы можем победить, доказав, что наши ценности сильнее, лучше, справедливее, чем альтернативные ценности… Если мы хотим защищать наш образ жизни, то нет альтернативы, кроме как бороться за него. Это означает, что отстаивать наши ценности не просто и в наших странах, и по всему миру» [8]. Реагируя на такого рода установки, некоторые исследователи отмечают, что американцы и их союзники возомнили себя новыми крестоносцами, призванными нести всему остальному миру свет единственно верного учения – рыночно-демократического фундаментализма. «В качестве главной цели ставится ни много ни мало как изменение самого менталитета, ментальной или парадигмальной основы жизнеустройства всего незападного мира (это примерно 4/5 всего человечества» [9, с. 6]. Парадоксом представляется то, что Америка, существующая в мире примерно 300 лет, поучает по каким принципам должны жить народы, культуры, цивилизации, которые старше ее на несколько тысячелетий. В свое время Ф. Ницше, иронизируя относительно попыток каждой эпохи быть судьей всему, что было в прошлом, писал: «В сущности, ни одна эпоха и ни одно поколение не имеют права считать себя судьями всех прежних эпох и поколений… В качестве судей вы должны стоять выше того, кого вы судите, тогда как, в сущности, вы лишь явились позже на историческую арену. Гости, которые приходят последними на званый обед, должны, по справедливости, получить последние места; а вы хотите получить первые» [10, с. 197–198]. Сегодня важно понять, что специфичность, уникальность, своеобразие не обязательно и не всегда означают отсталость от так называемых передовых культур, а «момент оценки должен быть раз и навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, как и вообще из всех эволюционных наук. Ибо оценка всегда основана на эгоцентризме» [11, с. 33].

Сегодня необходимо продумывать новые формы гражданского общества и процедуры демократии, учитывающие *глобализационно-цивилизационные повороты современного человечества и одновременно классические принципы демократии,* т.е. реального участия широких слоев народа в определении собственной жизни и судьбы, ибо ценности демократии, в том числе и в их либеральном варианте, столь глубоко укоренены в сознании и деятельности современного человека, что устранение и ухудшение их, какой бы вид не принимали подобные попытки, уже невозможно и с исторической точки зрения.

Все чаще исследователи говорят о *диалоге либеральных и традиционных ценностей при обосновании нравственных поворотов в современной демократии*. Альтерна-

тивы демократии как своего рода «социальной гигиены» в мире не существует при всех трудностях, противоречиях, имитациях и прямых провалах в развитии демократии в ряде стран. В связи с этим необходимы системные исследования для выявления динамики демократии в современных условиях, формирования и развития демократических структур гражданского общества, роли национальных государств и государственного регулирования в контексте глобализационных процессов.

Без опоры на базовые ценности и традиции народа невозможен успех любых демократических реформ. Ведь провал либеральных реформ в постсоветской России, как отмечают многие ученые, был предопределен изначально самим выбором модели «догоняющей вестернизации», изжившей себя исторически и неадекватной социокультурному и цивилизационному генотипу России. Неолибералы пренебрегли историческим опытом и своеобразием страны, которую взялись реформировать, и потому столь желанный капитализм получился у них «диким», насквозь коррумпированным и криминальным. Главным препятствием в деле общенациональной стратегии развития российские ученые считают недооценку, по сути, игнорирование ценностных, смысложизненных аспектов исторически сложившегося бытия и самосознания [12, с. 18–20].

Глобализация в ее нынешнем виде сузила возможности национальных сообществ влиять на мировую экономику. Это не означает, что эпоха национальных образований завершена, что все устремились к «миру без границ» и роль национального государства сошла на нет. Современные США, Франция, Германия, приняв вызовы глобализации, предельно ревниво и активно реагируют на малейшие ущемления своих национальных интересов. Влиятельные политические силы в любой стране, политические партии и движения не торопятся занимать космополитическую позицию по отношению к глобализации и ищут свои национальные ответы на ее вызовы. Чтобы сохранить демократию как систему народовластия, по мнению Ю.А. Красина, необходимо выйти за рамки либеральной представительной модели, равно как и более демократичной модели участия. Как форма политического правления демократия должна базироваться на более широком основании – на ее понимании как «образа жизни граждан». Такой ракурс понимания демократии позволяет выявить проблему национальной специфики форм политического развития любого гражданского общества. Дело в том, что в разных культурах соотношение компонентов системы «индивид-социум» оценивается по-разному: в либеральной западной традиции акцент делается на свободе личности, тогда как в большинстве восточных стран приоритет отдается социуму. Именно потому «попытки навязать либерально-западные критерии демократии страной с иной культурой, вызывают реакцию отторжения» [13, с. 131–133].

Становление и развитие гражданского общества и демократических приоритетов способствует построению правового социального государства. Только при демократическом состоянии государство и гражданское общество выступают как равноправные партнеры, как самостоятельные субъекты социальной жизни, ибо без государства гражданское общество существовать не может, а государство без развитого гражданского общества в лице таких его институтов, как семья, церковь, политические партии и движения, творческие объединения, этические комитеты, профессиональные ассоциации, не является демократическим.

Особенно важна активно-преобразовательная научная и политическая деятельность в контексте поиска механизмов преодоления социальных последствий мирового финансового кризиса, нравственной оценки глобализационных процессов и современной демократии, социокультурного и политического самоопределения нашей страны в новой исторической ситуации, обоснования современной парадигмы национального существования, опираясь на собственные традиции и ценности. Стратегический вектор

развития при этом должен соответствовать цивилизационно-культурной и национально-государственной идентичности конкретной страны, сохранять и укреплять ее статус в геополитическом и геостратегическом плане, международно-правовой и внутриполитической сферах, опираться преимущественно на собственный капитал и стимулы трансформационных изменений. В решении такого рода многоплановых задач необходимы междисциплинарные взаимодействия различных социально-гуманитарных наук и диалог этих наук с реальной социально-политической практикой современного общества.

Литература

1. Яскевич, Я.С. Время кризиса – время надежды и диалога. – Минск: Право и экономика. 2009.
2. Latouche, S. Die Untervernunft der okonomischen Vernunft. – Zurich-Berlin, 2004.
3. Мотрошилова, Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. – М.: Канон, 2010.
4. Соколова, Р.И. Человеческий фактор – неучтенный элемент российского государства // Вопросы философии. – 2009. – № 5. – С. 29–33.
5. Иноземцев, В.Л. Прогресс и социальная поляризация в XXI столетии // Полис. – 2000. – № 6. – С. 28–39.
6. Зеленко, Б.И. Демократия в современной России: непростое сочетание // Вопросы философии. – 2008. – № 5. – С. 3–13.
7. Западные СМИ о кризисе «эталонной демократии». – М.: Чеховский центр. 2006.
8. Blair, T. A. Battle for Global Values, Foreign Affairs [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ucd.ie/ amerstud/ newsletter_ta_vol2issue5.htm. – Дата доступа: 16.03.2011.
9. Гаджиев, К.С. Заметки о метаморфозах либеральных ценностей // Вопросы философии. – 2008. – № 5.– С. 6–11.
10. Ницше, Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. Литературные памятники. – М.: Мысль, 1990.
11. Трубецкой, Н.С. Европа и человечество // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. Антология. – М.: Прогресс. 1990. – С. 180–191.
12. О стратегии российского развития. – М.: Наука, 2003.
13. Красин, Ю.А. Метаморфозы демократии в изменяющемся мире // Полис. – 2006. – № 4.– С. 127–138.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

О. А. Павловская

Разворачивающийся во всемирном масштабе процесс распространения и освоения новейших информационных технологий способствует тому, что отдельный человек все более осознает свою неразрывную связь со всем человечеством, свою сопричастность к происходящим в мире событиям. Можно с уверенностью утверждать, что глобальность как новое качество социального бытия все более становится неотъемлемой частью личной жизни людей, привнося в нее как свои позитивные, так и негативные моменты.

Транзитивность современного общества, обусловленная прежде всего объективной необходимостью перехода на путь информационного развития, с одной стороны, открывает значительные перспективы для проявления креативных способностей людей, углубления и распространения научных знаний, повсеместного освоения новейших технологий и таким образом существенного совершенствования материально-технической базы общественного производства и использования возможностей человека в качестве ведущей производительной силы. С другой стороны, она содержит в себе весьма значи-

тельный по своим масштабам деструктивный потенциал, вызванный как противоречиями и последствиями индустриального этапа в социально-историческом развитии и утверждения техногенной цивилизации, так и остротой социально-гуманитарных проблем, связанных с вступлением в новую фазу социального развития – информационную.

Как показывает современная практика, быстрые темпы освоения научно-технических достижений сопровождаются значительно более медленными темпами духовно-культурных преобразований. Переход к информационному обществу осуществляется в недрах существующего индустриального общества, и поэтому, естественно, сопровождается резким столкновением нового со старым как в социально-экономическом, политическом, так и духовно-культурном плане. Как отмечает в этой связи известный американский социолог Э. Тоффлер, происходят «столкновения развивающейся культуры Третьей волны с крепко засевшими, окопавшимися идеями и высокомерными постулатами индустриального общества» [1, с. 465]. В критическом состоянии находится и внутренний мир человека, по существу вызвав «кризис в изначальной и самой хрупкой из структур – личности человека», «эпидемия кризиса личности». Подчеркивая драматизм реального положения человека в современном мире, Э. Тоффлер отмечает: «Сегодня мы наблюдаем миллионы людей, безнадежно ищущих свои тени, поглощающих кинофильмы, пьесы, романы и книги по психологии в надежде с их помощью установить свою идентификацию… Они жаждут перемен, но и страшатся их, страстно желают отринуть тот образ жизни, который ведут, и каким-нибудь образом оказаться в новой жизни – стать совсем иными по сравнению с тем, чем они являются» [1, с. 214].

В социально-гуманитарной науке, общественно-политической практике, учебно-методической литературе существенное распространение получили понятия, в первой части которых употребляется определение «духовно-нравственный»: духовно-нравственные ценности, духовно-нравственный потенциал человека, духовно-нравственное воспитание и др.

Во-первых, это говорит о признании чрезвычайной актуальности морально-этической проблематики в условиях современных социальных трансформаций, а также о стремлении преодолеть «груз» политико-идеологизированного отношения к морали, которое было характерно для советского общества.

Во-вторых, с научной точки зрения использование этих понятий является целесообразным, т. к. в них актуализация нравственного начала в жизни непосредственно связывается с духовным миром личности, что позволяет раздвинуть представления о морали не только как о совокупности принципов и норм поведения, но и как о целостной системе отношений человека к другим людям, социальным группам, государству, обществу, природе, самому себе, оцениваемых через призму добра и зла, справедливости и несправедливости, ответственности и безответственности, любви и ненависти и других этических категорий.

В-третьих, в условиях кардинальных социальных перемен нельзя пустить на самотек процесс духовно-культурного развития и морального взросления подрастающего поколения и молодежи, а необходимо стремиться всячески оказывать на него позитивное, благотворное влияние со стороны государственных и общественных структур, а также стимулировать развитие процесса самосовершенствования личности.

Открыть в человеке истинно человеческое, сделать его добрее и гуманнее – эти проблемы во все времена волновали умы и сердца людей, находились в центре внимания выдающихся мыслителей, государственных и общественных деятелей, представителей науки и культуры. Но именно сегодня, в условиях перехода на качественно новый уровень социального развития – информационный – данного рода проблемы приобретают первостепенное, жизненно определяющее значение: их недооценка и игнорирова-

ние на фоне широкомасштабного внедрения достижений современного научно-технического прогрессе объективно могут способствовать появлению различного рода катастрофических по своей сути последствий для существования самой человеческой цивилизации.

Процесс очеловечивания человека непосредственно связан с развитием и освоением как общечеловеческих, так и национально-культурных ценностей. Общечеловечность заключена в самой природе человека, которая имеет единые основы у всех людей независимо от расы, пола, возраста, национальной, религиозной и социальной принадлежности и проявляется прежде всего в их общей природной «конституции», строении и функционировании человеческого тела, а также в их духовно-нравственных потребностях, когнитивно-креативных способностях, в целом в той величайшей силе, что заключена в человеческом духе. Духовно-нравственное развитие человека, помимо общечеловеческих культурных оснований, теснейшим образом взаимосвязано и с сохранением, творческим развитием, освоением национально-культурных ценностей. Каждый народ в ходе истории создает свою специфическую по форме культуру, в рамках которой в традициях сохраняется преемственность поколений, в культурных ценностях отражаются определенные мировоззренческие представления и моральные нормы, в особом укладе жизни фиксируется устойчивость связей и отношений между людьми. А также, несмотря на различные перипетии истории, развитие любой национальной культуры немыслимо без осуществления культурного обмена между народами, государствами, регионами, который исторически плодотворно осуществлялся и продолжает сегодня осуществляться с использованием новейших информационных технологий. В ходе межкультурного взаимодействия на мировом уровне доминантным является отражение гуманистических по своему содержанию духовных ценностей. Поэтому мораль как специфический социальный феномен, отражающий и развивающий собственно человеческое в человеке, его гуманистический потенциал, и является одним из ведущих факторов, который способен стать реальной основой осуществления межкультурного диалога между народами и странами в условиях современного мира.

Человек по своей природе – уникальное существо, обладающее мощнейшими внутренними резервами, о наличии которых он сам до поры до времени может и не подозревать, но именно они являются тем жизненно необходимым источником, который дает ему физические силы и духовную энергию для его земного бытия. Духовно-нравственный потенциал личности реально проявляется прежде всего в таком феномене, как, говоря словами Канта, «достоинство человеческого в нас», которое «как некая абсолютная внутренняя ценность» приводит в движение весь комплекс личностных качеств человека, притягивает к себе внимание других людей и порождает у них чувство уважения к нему. Человек «не должен отрекаться от высокой моральной оценки самого себя, имея в виду это достоинство, т. е. он должен добиваться своей цели, которая сама по себе есть долг, не раболепно, не холопски, как если бы он добивался милости, не отрекаться от своего достоинства, а всегда [добиваться своей цели] с сознанием возвышенности своих моральных задатков» [2, с. 458].

Проявление человека как движущей силы социальных преобразований раскрывается прежде всего в его личностной природе. Классик философской антропологии М. Шелер в свое время отмечал: «Только человек – поскольку он личность – может возвыситься над собой как живым существом и, исходя из одного центра как бы по ту сторону пространственно-временного мира, сделать предметом своего познания все, в том числе и себя самого» [3, с. 60]. В личности аккумулируются духовные силы человека, накапливается его интеллектуальный и духовно-нравственный потенциал. Внутренняя сила личности образуется за счет усвоения и реализации духовно-нравственных ценностей,

свободного и творческого преобразования их в личную культуру.

Необходимость и уверенность в том, что в XXI веке будет происходить активный выход личностного человека на социально-историческую арену, задает новую парадигму философско-научного сознания. На смену массовому человеку приходит личностный человек, духовно-нравственный потенциал которого уже не может оставаться в стороне от происходящих в обществе преобразований.

Ведущей движущей силой различных социальных процессов являются конкретные люди, в той или иной мере проявляющие себя как личности в общественной, государственной, частной жизни. В этой связи важно видеть пределы проявления личностной природы человека, которые, с одной стороны, задаются определенным уровнем конкретно-исторического развития социума, той или иной формой государства и проводимой им политикой, с другой, определяются самим человеком, его стремлением к самореализации и самосовершенствованию.

Выход на личностный уровень позволяет более рельефно представить проявление духовно-нравственных ценностей в качестве реальной социальной силы. Во-первых, признанные и усвоенные личностью социально значимые ценности служат основой функционирования механизмов регуляции и саморегуляции человеческой деятельности, тем самым способствуя установлению и сохранению стабильных отношений в социуме. Во-вторых, внешне заданные моральные ценности, критически воспринимаемые, отторгаемые личностью, расходящие с ее субъективными целями и убеждениями могут стать внутренним источником социального неблагополучия, нестабильности, нарастания кризисных явлений в жизни людей. В-третьих, духовно-нравственный потенциал личности, аккумулируя в себе позитивную духовно-культурную информацию, может стать своего рода предвестником грядущих социальных и индивидуальных преобразований, внутренним источником творческой, новаторской деятельности, задать ей определенный социально и личностно значимый смысл, обеспечивать ее интенсивность и эффективность.

Опираясь на теоретико-методологические положения, нашедшие отражение в работе Г.В. Плеханова «К вопросу о роли личности в истории» и переосмысленные с учетом происходящих в современном обществе изменений, можно выделить в структуре личностного фактора три взаимосвязанных и последовательно возрастающих уровня: 1) социально-объективный, на основе которого формируется «индивидуальная физиономия» исторических событий; 2) субъективно-рациональный, который на основе научно обоснованных знаний предоставляет человеку реальные возможности рациональным путем изменять окружающий мир и себя самого как часть этого мира (сознательное выражение необходимости); 3) нравственно-психологический, где посредством развития самосознания человек открывает в самом себе новые духовные силы, которые становятся внутренним добровольным источником его социальной активности (свободное выражение необходимости).

На всех трех уровнях мы можем наблюдать проявление духовно-нравственного потенциала человека. На первом уровне его проявление минимально, детерминировано социально-историческими условиями, на втором уровне диапазон проявления индивидуальной духовной свободы заметно расширяется за счет освоенных научных знаний, на третьем уровне посредством отражения и преобразования индивидуальным сознанием различных внешних и внутренних социокультурных детерминант открываются реальные возможности для расширения процесса самоидентификации человека, свободного и творческого самовыражения его сущностных сил. Возрастание меры личностного воздействия на ход истории всецело зависит, во-первых, от развития научного (рационального) освоения мира человеком, во-вторых, от развития процесса его нравственного самосовершенствования.

«Великий человек велик не тем, – писал Плеханов, – что его личные особенности придают индивидуальную физиономию великим историческим событиям, а тем, что у него есть особенности, делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени» [4, с. 333]. По мнению Плеханова, «не для одних только «начинателей», не для одних «великих» людей открыто широкое поле действия. Оно открыто для всех, имеющих очи, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и сердце, чтобы любить своих ближних… В нравственном смысле велик каждый, кто, по евангельскому выражению, «полагает душу свою за други своя» [4, с. 334]. Каждый человек, ставя во главу угла высокие нравственные цели, не на словах, а на деле претворяя в своей жизни духовно-нравственные ценности, становится мощной социальной силой, способной изменить мир к лучшему.

Литература

1. Тоффлер, Э. Третья волна. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
2. Кант, И. Критика практического разума. – Издание второе, стереотипное. Публик. по изданию: Иммануил Кант. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1963-1966 (Т. 4, ч. 1, 2). – СПб.: Наука, 2005.
3. Шелер, М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П. С. Гуревич; Общ. ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 31–95.
4. Плеханов, Г.В. Избран. философ. произв. В 5-ти т. / Г.В. Плеханов. – М., 1956. – Т. 2.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ СОВРЕМЕННОСТИ

В. А. Максимович

В последнее время в научных публикациях и выступлениях представителей научной и творческой общественности все громче и настойчивее утверждается мысль, что современное общество вступило в ту фазу развития, которую напрямую соотносят с гуманитарной катастрофой, антропологическим кризисом, «цивилизационным сломом», культурно-цивилизационным коллапсом и т.д. При всей категоричности и безаппеляционности оценок все же приходится констатировать, что мировое сообщество вступило в эпоху масштабных планетарных сдвигов, которые касаются и всего социума, и каждого конкретного человека. Реалии нашего времени, где все меньше остается места обычным человеческим радостям и где все чаще приходится переживать душевную тревогу, растерянность, ощущение мимолетности и хрупкости земного существования, – неуклонно приводят нас к самым безутешным раздумьям и рассуждениям. Видимо, никто не будет спорить с тем, что мы действительно живем в непростое время, когда чрезвычайно усложнились социально-гуманитарные проблемы, и, что не может не настораживать, набирает силу необратимый процесс дегуманизации социальных и межличностных отношений, девальвации общепринятых норм поведения, социальной и межличностной коммуникации вообще. И чтобы мы ни говорили, какие бы аргументы или контраргументы ни приводили на этот счет, определенным остается одно: вольно или невольно виной всему стал человек, не без участия которого сама жизнь, существование природы и социума оказались у опасной черты.

На наших глазах происходит кардинальное изменение не только мировоззренческих и традиционных ценностных установок, норм морали, обычаев, но и всего образа

жизни, который формировался веками. Больно и горько это осознавать. Потомки пахарей и сеятелей, мы добровольно отрекаемся от своего духовного, историко-культурного наследия, вековых традиций, заветов предков – всего того, что должно лежать в основе национально-культурной идентичности, определять сущность человека вообще. Культ потребительства и накопления заменил все земные блага. В погоне за материальным благополучием, в поклонении «золотому тельцу» мы постепенно начинаем забывать о своем истинном земном предназначении, своей духовной природе. Проявления духовно-нравственного кризиса можно наблюдать на обычном бытовом уровне, в сфере повседневного общения. Встает вопрос: в чем причина подобной нестерпимой раздражительности, озлобленности, которые наблюдаются в обществе, и, особенно, в среде молодых людей? Кто-то напрямую видит в этом прямое следствие глобализационных процессов, которые существенным образом влияют на сознание людей, их действия и поступки. Другие доказывают, что тотальное ухудшение внутреннего самочувствия современного молодого человека идет от чувства протестующего негодования, от желания приобрести целое соцветие удовольствий, прилагая при этом минимум усилий. Философия «легкой жизни», расточительства и гедонизма медленно, но постепенно разъедает молодые души, отдаляя их от веками проверенных, здоровых начал жизни. Вседозволенность – прежде всего, в плане внутренней раскрепощенности – становится гипертрофированной самоцелью. Молодежь в силу своего юношеского максимализма стремится утвердить себя через всеотрицание, гиперкритицизм, игнорирование общепринятых общественных норм. Но, как кажется, это довольно опасный, рискованный, крайне эгоистичный прием и способ освободить себя от всех обязанностей: внутрисемейных, межличностных, общественно-гражданских.

Довольно симптоматичным в этой связи выглядит эпизод из драмы «Блиндаж» известной писательницы Е. Поповой, где молодая героиня, спортсменка Марина, бросает упреки старшему поколению и, одновременно, выражает свою жизненную позицию: «Вы здесь завязли, а нам какое дело? У нас уже все другое... Мы все другое любим! Мы музыку другую любим! Все другое! Мы – другие, мы – себя любим, мы для себя живем! Для себя! Мы хотим хорошо жить... И на всех остальных нам наплевать!». Белорусский литературовед В.П. Журавлёв, цитируя эти слова в своей книге «Классика и литературная современность: духовный потенциал человека» (2011), задает в этой связи резонный вопрос: «Но возможно ли попасть в это новое и светлое время, имея только одно пылкое желание войти в него, не приложив напряженных усилий в его построении и выражая негативное отношение к его духовно-интеллектуальным основам?» [1, с. 124].

Приведенный эпизод лишний раз свидетельствует о том, что через тотальное отрицание взращивается самый что ни на есть социальный паразитизм, нежелание и неумение найти свое место в жизни и сделать что-то полезное для общества. Самое страшное во всем этом то, что катастрофически утрачивается преемственность времен, поколений, ослабевает и рвется семейная связь. Их заменяет или индивидуалистическая замкнутость, или тусовочный (или какой-то другой) групповой интерес, который далеко не всегда несет в себе позитивную интенцию. Никто ни о чем серьезно не задумывается: жизнь в восприятии молодых приобретает подобие праздной игры-забавы, в которой львиная доля времени отведена бесшабашному эскапизму и групповым разборкам, сленговому пустословию и бесцельному времяпрепровождению.

Есть все основания предположить, что в постепенной утрате человеком человеческого облика, в измельчении и деградации человека, в его духовном перерождении прежде всего дают о себе знать симптомы антропологической катастрофы. Последние проявляют себя и в резком обострении социально-психологического климата, моральной деградации, девальвации национальных традиционных устоев, постепенной утрате

жизненного интереса, игнорировании гражданского и просто человеческого долга. Все это является благодатной почвой для разного рода манипуляций сознанием людей, их зомбирования, навязывания патологических идей с целью породить массовый психоз, скепсис, вызвать чувство отчужденности, вражды и довести до духовной амнезии. В этом контексте красноречивым дополнением к сказанному может стать мнение белорусского философа Ч. Кирвеля, который справедливо замечает: «Народ, который потерял жизненные ориентиры, оторвался от своих духовных корней и лишился своего нравственного содержания, даже при условии материального богатства и экономического процветания становится беззащитным, не способным отстоять свои интересы в современном, сложном и противоречивом мире» [2, с. 43–49].

Думается, не требует особых доказательств утверждение, что самой чувствительной сферой национальной безопасности является духовная сфера. Никто не будет оспаривать то, что причастность к общепринятым принципам и нормам, убеждениям и идеалам, которые составляют основу, базис общественной структуры (так называемый коллективный символический капитал), позволяет сцементировать, соединить в единое целое различные части социального организма, консолидировать общество, активизировать процесс национальной самоидентификации, а, тем самым, и достичь духовного единства. Органическое восприятие факта преемственности (родовой, исторической, культурной и т.д.) при соответствующих условиях активизирует творческое начало человека, его стремление осознать свое место, свое предназначение в жизни, смысл человеческого существования. Более того, это есть живительный источник успешного функционирования и развития общества. Следует помнить об одном: жизнь человека и народа только тогда не вызывает какой бы то ни было предосторожности, если в ней все целесообразно и органически слажено, сопряжено и где навсегда исключена возможность активизации разрушительных сил, включая и те, что нарушают психологический баланс, пагубно действуют на глубинные структуры сознания. Только при условии полноценного задействования всех имеющихся механизмов этнокультурного контекста возможно достижение полноты жизни, сопряженной с гармонией повседневно-бытового и возвышенно-сакрального, частного и общезначимого, национального и универсального.

Следует в этой связи подчеркнуть, что в сегодняшнем социокультурном пространстве с его стремительным развертыванием процессов глобализации проблему национальной идентичности следует отнести в разряд проблем особого стратегического направления. При многовекторности мировоззренческих подходов и трактовок (иногда неоднозначных, а то и полярных) следует согласиться с тем, что человек в XXI веке не должен стать заложником, а тем более – жертвой глобальных процессов, напрямую связанных с опасными проявлениями нивелирования, стандартизации личности как носителя индивидуального начала. Высказанное предостережение приобретает особое значение и первостепенную важность в условиях духовно-культурного кризиса, глубокой социальной дифференциации и поляризации, девальвации и размывания исторически установленных, конституированных, выработанных в процессе культурогенеза социальных ценностей и общественных практик. Их вольное либо невольное игнорирование или отрицание непоправимо влияет на морально-психологическое состояние человека, который, лишенный надежного духовного стержня, постепенно мимикрирует, свыкается с отсутствием твердого жизненного фундамента, незаметно для себя адаптируется, приспосабливается к инертному образу жизни, воспринимая свое состояние как объективную данность, и, в итоге, деградирует, теряя свою самоидентичность. Отказ от принятой обществом системы ценностей в результате разрушения устоявшихся социально-культурных мифологем и идеологем ведет к утрате коллективной памяти, нарушению органической взаимосвязи традиций и инноваций (прошлого и настоящего) как основы

культурно-исторической преемственности общества в целом.

В этой связи нельзя согласиться с навязчивой идеей нового мирового беспорядка, возрастания хаоса как проявлений «свободного», альтернативного развития общества и личности. Подобные заявления противоречат сущностной природе человека, в котором живет извечное, неискоренимое стремление к основательности, стабильности, устойчивости мироздания и собственно личностной суверенности. Восприятие мира как упорядоченной и структурно организованной целостности, которая развивается по своим объективным законам, благотворно влияет на биопсихологический статус индивидуума, помогает ему осознать свое место в системе социокультурных отношений. Именно следование родово-генетическим «культурным программам» как базовым механизмам самосохранения и самовоспроизводства исторического опыта позволяет определенным образом структурировать, алгоритмизировать сознание, активизировать его созидательную доминанту, придав ему ценностное содержание и смысл, выработать оптимальную стратегию действия и поведения.

Вот почему в условиях трансформаций современного общества такое большое внимание уделяется проблемам интеграции личности в социокультурный контекст. Характер и результаты сегодняшних интеграционных процессов во многом зависят от действенности системы общественных ценностей и структуры архетипичных ценностных матриц, которые выступают в качестве основы построения «картины мира» – как общественной, так и личной [3, с. 115–118]. И одним из главнейших механизмов социальной адаптации, который неразрывно связан с моментом преемственности и устойчивости при одновременном освоении социального и культурного наследия, выступает та же традиция. Специалисты в области культурологических стратегий небезосновательно говорят о возрастании роли социокультурного неотрадиционализма, который «представляет собой взаимообусловленный процесс, с одной стороны, непрерывного воспроизводства традиции, с другой – ее адаптации к современным условиям за счет инкорпорации новаций» [4, с. 166]. В роли последних часто выступают внешние инокультурные конструкты, которые далеко не всегда заключают в себе характеристики, призванные дополнить, усовершенствовать духовное содержание личности.

К сожалению, приходится констатировать, что в условиях кардинальных социальных трансформаций «отчетливо заявили о себе угрозы внутреннего характера, обусловленные характером и уровнем развития социально-нравственных отношений в обществе, непосредственно зависящие от настроений, ориентаций, убеждений, поступков конкретных людей» [5, с. 21]. В ряду абсолютно неприемлемых, опасных явлений находится и такое опасное и угрожающее явление, как духовный терроризм, который перерос в явление социальной действительности. Это особого рода агрессивная, разрушительная психологическая экспансия, цель которой – психоэмоциональными средствами, включая различные брутальные технологии и приемы морального прессинга, очернительства, наговора, сформировать негативное общественное (корпоративное) мнение, вывести человека из душевного равновесия, духовно подавить, унизить, навязать комплекс неполноценности, порочности. Задача такой антигуманной, аморальной деятельности одна – достичь своих корыстных целей и утвердить свое преимущество – на самом деле напускное, обманчивое. К сожалению, это порочное явление нередко находит свое место в среде творческой и интеллектуальной элиты, которая не брезгует прибегать к запрещенным технологиям, «черному пиару».

Одной из причин такой довольно распространенной нравственной коррозии стало агрессивно-потребительское отношение к жизни, желание узаконить для себя лучшее место под солнцем за счет других, не очень заботясь о выборе средств достижения цели. Деструктивные действия и поведение подобных новоявленных лидеров с болезненными

амбициями негативно отбиваются на процессе консолидации общества, подрывают роль и значимость стратегии взаимовыручки и партнерства, создают ситуацию нестабильности, подозрительности и отчужденности. Все это, в свою очередь, пагубно влияет на культуру доверия, под которой понимается «воплощенная в совместных идеалах, смыслах, ценностях, нормах конкретно направленная привычка смыслового наполнения солидарного действия, новая традиция гармоничного взаимодействия, норма общения, которая обусловливает установление новых социальных связей» [6, с. 93–99]. Духовная интеграция без укрепления культуры доверия как системообразующего свойства общества, без взаимоуважения, признания самоценности аксиологических приоритетов *Другого* невозможна.

Мы обычно стыдливо замалчиваем, мягко говоря, неэтичные, аморальные проявления, которые имеют место в нашей сегодняшней реальности. Но они не такие безобидные и мелочные, как это может показаться на первый взгляд. Наоборот, их следует отнести к угрожающе дестабилизирующим, деструктивным факторам, которые, грубо нарушая жизненно важные интересы и права личности, в данном случае – объекта духовного терроризма, пагубно влияют на его психоэмоциональный баланс. И это при том, что этические принципы признания фундаментальных прав, свобод и достоинства человека относятся к незыблемым общечеловеческим ценностям. Думается, национальная безопасность с учетом имеющих место в нашей жизни ценностно-мировоззренческих, ментальных трансформаций, связанных с низким уровнем духовности, не должна сводиться лишь к необходимости защиты от внешних угроз.

Сегодня, как никогда, особое стратегическое значение приобретает собственно форма, условия и характер развития социальных и межличностных отношений, их степень соответствия этическому кодексу. В условиях нарастающей дегуманизации человеческих отношений, снижения уровня духовно-нравственной культуры важно усилить гуманистическую доминанту, не потерять веру в созидательное начало жизни, вернуть человеку его настоящую сущность и назначение, направить на путь духовного совершенствования и возвышения.

Стоит однозначно признать: морально-психологический, духовный компонент, несомненно, является одним из существенных составляющих национальной безопасности. Он непосредственно влияет на уровень и качество функционирования межличностных отношений, служит определенным индикатором общественной жизни. При этом функционирование общества невозможно без постоянного освоения достижений материальной и духовной культуры, совершенствования и обогащения межличностных отношений и налаживания диалогических, конструктивных отношений с окружающим миром. Сегодня становится очевидным то, что «общество как особая, предельно сложная, космопланетарная система способно выжить и нормально функционировать как целостный организм только в форме культуры, утверждая духовный тип мироотношений» [7, с. 7].

Симптоматично, что государственные деятели, представители науки и культуры все чаще начинают говорить о необходимости складывания гармоничного общества, в основе которого должно лежать духовное начало как его важнейшая структурообразующая составляющая. Духовность же в самом широком значении слова должна охватывать все сферы деятельности общества – от межличностных, семейно-бытовых отношений до политических и государственных структур, от хозяйственно-экономических до национально-этнических и конфессиональных взаимоотношений.

В этом смысле представители творческих профессий должны оставаться партнерами и единомышленниками в мировоззренческом диалоге и сотрудничестве, выработке взвешенных подходов и решений по обеспечению стабильного и устойчивого развития

социокультурных сфер общества, активно участвовать в налаживании новых поведенческих стратегий, направленных на реализацию позитивного, созидательного потенциала человека. Творческая интеллигенция как никто другой должна объединить свои усилия по действенному влиянию на отечественную систему образования, нравственное и гражданско-патриотическое воспитание, а также на современные средства массовой информации как важнейший инструмент формирования общественного сознания – с целью пропаганды высоких образцов культуры доверия, социального поведения, общечеловеческих нравственных норм, которые зиждутся на исторических традициях и христианских ценностях. Не вызывает сомнения, что деятелям науки и искусства принадлежит первенство в миссии ответственного, взвешенного воздействия на массовое сознание: ориентировать внимание общественности не только на повседневные вопросы социально-экономической жизни страны, но и на глобальные проблемы гуманитарного развития, а также на то, что позволяет человеку в современном стремительно меняющемся мире оставаться человеком, а культуре – сохранять и актуализировать образцы подлинной духовности, высокой нравственной чистоты. Успешность этой миссии зависит, прежде всего, от самого человека, его способности и готовности показывать личный пример высокой нравственности, ответственности за каждое сказанное слово и совершенный поступок.

Литература

1. Жураўлёў, В.П. Класіка і літаратурная сучаснасць: духоўны патэнцыял чалавека. – Мінск, 2011.
2. Кирвель, Ч. Социогуманитарное образование как фактор национальной безопасности / Ч. Кирвель, Л. Мельникова, В. Карпинский // Беларуская думка. – 2007. – № 5.
3. Языков, К.Г. Психосемантические пространства ценностей личности при нарушении психического здоровья // Вестн. ТГПУ. – 2006. – Вып. 2 (53).
4. Мадюкова, С.А. Социокультурный неотрадиционализм в обрядах жизненного цикла (на примере женщин тюркских этносов Южной Сибири): дис… канд. филос. наук. – Новосибирск, 2008.
5. Павловская, О.А. Человек как объект и субъект глобальной безопасности / О.А. Павловская, С.В. Павловская // Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовно-нравственные проблемы. – Минск, 2010.
6. Кожем'якіна, О.М. Культура довіри як цінність громадянського суспільства / О.М. Кожем'якіна // Практична філософія. – 2008. – № 1.
7. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия. – Минск, 2002.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДУХОВНОСТЬ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ЦЕННОСТИ В XXI ВЕКЕ

В. А. Салеев

Основополагающей проблемой постановки вопроса о духовности является трактовка понимания термина «Человек», взятого в его структурном строении. Еще до недавнего времени в отечественной философии аксиоматическим считалось понимание человека в качестве «био-социального» существа. Разумеется, в таком подходе сказывалось многодесятилетнее влияние марксистской философии. В последней сущность человека трактовалась как интегративное образование из биологического и социального начал. С акцентом на последнее. Духовное, по определению, относилось к мировоззрен-

ческой сфере и не рассматривалось в категориально-философском измерении.

В свою очередь, философский акцент на социальном (в практике – на «пансоциальном») в человеке обосновывался марксистским положением о различных формах движения материи, где определяющую, важную, завершающую роль играет социальная форма движения последней. Однако такой подход, проектируемый на панораму глобального развития человечества, основанный на «пансоциальном» крене в толковании и понимании природы человека, закономерно превращает его в объект «внешней» детерминации природы, и, главным образом, общества и столь же закономерно игнорирует его «самость», саморазвитие и самодетерминацию, его субъективность (его внутренний мир) и уникальность в индивидуально-личностном проявлении.

В глобальном плане, с нашей точки зрения, сущностная структура человека состоит из трех переплетающихся базовых начал – биологического, социального и духовного.

Однако, сложности возникают при трактовке самого понятия «духовное». Многочисленные религиозные доктрины так или иначе трактуют духовное как божественное, противопоставляя его и материальному, и, по большей части, социальному. Особенно хорошо это просматривается на фоне анализа христианской традиции, где человек трактуется – и это особенно отчетливо выражено в учении апостола Павла – в качестве сочетания тела, духа и души. Соотношения разноплановых, на базовых для человеческого существования начал в нем – биологического, социального, духовного. «душевного» – связанного с выявлением и спецификацией в человеке эмоционально-чувственного начала, тесно связанного с духовным, и проектирующееся на социальное и составляют, с нашей точки зрения, как суть человека, так и основу его жизнедеятельности.

Разумеется, дискутировать на мировоззренческой основе не представляется возможным. Дух с точки зрения адептов веры – порождение божественного, «Дух есть бог». Иное понимание духовного (в человеческом измерении, как накопление духовного опыта, строящегося на разуме, интеллекте) требует наличия повышенного числа аргументов. В этом плане даже научное (основанное на реальных, материальных факторах) понимание души представляется (при всей неоднозначности трактовки феномена) менее сложным. С этим понятием связана вся совокупность проявления эмоционально-чувственной сферы, обусловливающая психическую реакцию организма отдельно взятого индивида.

Но «душевное» и «духовное» тесно связаны между собой и в реальности как бы «перетекают» друг в друга. Целостность внутреннего духовного мира индивида предполагает наличие в этом мире эмоций, чувств и переживаний, которые зачастую выступают мотивационно-смысловыми регуляторами жизнедеятельности личности.

Однако духовность не может ограничиваться сочетанием чувств и мышления, присущим отдельным индивидам. Философские искания романтиков и Гегеля привели в дифференциации духа, его проявления в трех формах бытия: в качестве духа отдельного индивида (личностный дух), как общий дух (объективный дух) и как объективированный дух (совокупность завершенных творений духа).

В реальности мы имеем совмещение духовного мира человека и внешнего источника духовности, мира духовных ценностей, представленных в национальной (окружающей индивида) и мировой культуры. Исходным моментом же становления духовности как в личностном (дух отдельного индивида), так и в общественном планах (общий, объективный дух) выступают идеалы и связанные с ними идеи и ценности.

Идеал – это исходный идеальный образ, который имеет нормативный характер, может философски пониматься как структура, созданная в результате социально-духовного развития человека и общества и может пониматься как трансцендентная ду-

ховная сущность. И в том и другом случае идеалы выступают в качестве наивысшего концентрата духовности, выявляют уровень духа индивида (личности), этноса (народа), проявляют состояние эпохи.

В свою очередь, высшие духовные идеалы порождают духовные ценности, которые и наполняют собой ареал культуры, поскольку культура являет собой совокупность духовных ценностей, процесс их создания, восприятия, освоения и оценки как обществом, так и отдельным индивидом (личностью).

С содержательной же стороны, духовность характеризуется переплетением ценностных оснований, которые образуют вечное ядро культуры: Веры, Истины, Добра и Красоты. Сочетание этих четырех составляющих, на которых строятся высшие общечеловеческие ценности (в том числе – и христианские), и являет собой сложное интегративное сочетание, выступающее в качестве критерия высшего уровня развития людей (и общества), которое определяет понятие «человеческая духовность».

ДУХОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В. Н. Калмыков

С позиций единой Вселенной, мира в целом система физических, химических, биологических, геологических и астрономических образований, вещи и процессы «первой природы» есть объективная и первичная реальность. Ведь человек и его дух родились благодаря непреходящей природе и после того, как природа Земли задолго существовала без человека и его сознания, а после возникновения человеческого рода огромная часть природы по-прежнему пребывает как самостоятельная, полностью независимая от человека реальность.

Применительно к человеку и обществу соотношение материального и идеального становится более сложным, в конкретных условиях на первый план может выходить то ли материальное, то ли духовное. Так, в Средние века зародыши новых экономических отношений возникли во многом под влиянием правового сознания, утверждавшего чуждые феодализму моменты. Господство капитала стало устойчивым, когда сформировались не только буржуазные обстоятельства жизни и труда, но и когда последние стали восприниматься в сознании как естественные, а межчеловеческие отношения стали оцениваться как ориентированные на пользу и успех. Преобразования в обществе, в целом, осуществимы тогда, когда сознание, привычки и менталитет людей успели подготовиться к вводимым изменениям.

В гегелевском и марксистском подходах *противоречия выступают как источник развития всего сущего.* В каждой сфере социума имеются свои источники развития. Остановимся на источниках развития духовной составляющей общества. В духовной сфере источником развития выступает противоборство в сознании, в теориях, зарождение предпосылок преобразований в идеях.

История человека и общества начиналась не только с изготовления и применения орудий труда, но и с появлением интеллекта, в целом духовности. Действующая рука как непосредственно соприкасающийся с предметами орган готовила голову к умению думать, прежде чем сама стала орудием исполнения планов и замыслов головы. Логика практических действий фиксировалась в голове и превращалась в логику мышления. Идеальное органично пронизывает экономическую, социальную и политическую сферы общества, а продукты духовной сферы облечены в материальную форму. Сен-Симон и О. Конт отметили значение духовности (научных знаний, идей, морали, религии),

скрепляющей различные элементы общественного организма. К. Маркс анализировал сознание как «вплетенное» в бытие людей. Люди как элемент общества, считал Г. Спенсер, обладают сознанием, которое как бы разлито по всему социальному агрегату, а не локализовано в некотором центре. Разработчики концепции коммуникативного действия Э. Дюркгейм, М. Хайдеггер, Т. Адорно, Ю. Хабермас и др. показали, что качества отдельных индивидов, их сознание выступают как инструмент, при помощи которого реальности обрабатываются.

Все переживаемое и творимое человеком содержит идеальное: замысел, цель, мотив, интерес или иное побуждение к действию. Идеальное есть не просто воображаемое, оно присутствует во всем, что человек делает разумно. Духовность (идеальность) выражается в способности человека преодолевать себя «вчерашнего» в процессе обновления и совершенствования. В духовном мире человека сочетаются рациональность и иррациональность, новации и стереотипы, информация и дезинформация, познавательные побуждения и нравственные императивы, целенаправленные устремления и инстинктивные, а также стихийные порывы, ситуативные настроения и твердые убеждения, сомнение и вера, идеологические установки и психологические архетипы и т.д.

Духовность есть приверженность доброте, любви, милосердию, состраданию и терпимости, совести, свободе и чести, верности идеалам, стремление раскрыть тайны бытия и смысла жизни и т.п. Антипод духовности – бездуховность выражается в злобе, невежестве, зависимости от низменных побуждений и вожделений, смене идеалов идолами, в нежелании (неумении) человека исправить и улучшить себя. При этом человек превращается в «одномерное» существо, в нем усиливаются цинизм, нигилизм, агрессивность, разрушительные страсти, жестокость, одичание и идиотизация. О бездуховности, в широком понимании, можно говорить в тех случаях, когда человек не способен к рефлексии, теряет свою автономность и уникальность, то есть становится «роботом»; когда внутренний мир человека низводится до уровня биологической системы (животного состояния), например, в результате чрезмерного употребления наркотиков, алкоголя и т.п.

Столкновение тенденций одухотворения и его снижения (проявлений бездуховности) выступает одним из источников функционирования социума. В уме и сердце (чувствах) одного и того же человека возможна внутренняя коллизия (полемика) между материально-потребительской и идеалистической ориентациями.

В марксизме способ материального производства определяет остальные сферы общества, а согласно М. Веберу, социум воспроизводится и укореняется в зависимости от базисных ценностей культуры. Оба эти подхода, дополняя друг друга, создают необходимую полноту описания общества [1, с. 19]. Если К. Маркс акцентировал внимание на технико-технологическом и экономическом развитии, то М. Вебер – на роль духовных оснований социальной жизни, на ее базисных ценностях. В социокультурной модернизации мировоззренческие установки, жизненные смыслы выступают как программы обновления разнообразных видов деятельности, воспроизводства социальной жизни. Представитель социальной психологии Г. Лебон полагал, что крупные исторические события являются видимыми следствиями невидимых перемен в мыслях людей.

Выработка новых теоретических смыслов задает многообразие возможных миров для науки и культуры [2, с. 200]. С позиций феноменализма социальная реальность творится ее участниками здесь и теперь, конструируется ими в процедурах интерпретаций, обладает внутренней смысловой структурой. Смыслы производятся как продукты и генерируются в сознании людей с помощью внешних воздействий, манипуляций. Смыслы порождают новые потребности. Произошли радикальные перемены в соотношении между влиянием объективных экономических законов и влиянием изменения сознания

людей [3, с. 32–33].

В постиндустриальной цивилизации важнейшим социальным противоречием становится конфликт между некомпетентностью и профессионализмом. Базисным феноменом постиндустриализма становится знание. Конечно, помимо знаний и связанных с ними навыков, способностей, мотивов, для развития человека немаловажное значение имеют такие качества, как заложенные от природы стремление к продлению рода, самосовершенствованию, любви, альтруизму (в противовес злу, ненависти, стяжательству), совестливость. Важны не только знания и опыт, но и воображение, чувственность, гибкость мышления. Научное знание невозможно без его осознания и интерпретации. Фундаментальные знания не могут быть заранее запланированы, они часто непредсказуемы. Нарастание знания, в конечном счете, нацелено на благо общества и человека, способствует эффективному осуществлению социальных технологий в различных сферах общества. Вместе с тем, рост знаний расширяет круг непознанного, порождает новые проблемы, что ведет к росту сферы неопределенности, рискогенности, неуверенности, иррационализма. Столкновение линий рационализации и иррационализма является одним из источников развития общества.

Человек, соединяя в себе оба бытийных начала, материальное и духовное, способен одухотворять материю во все более грандиозных масштабах. Человек творит мир и самого себя, но не произвольно, а в наработанных естественной природой и историей объективных условиях и обстоятельствах, сообразуясь с логикой действительности, познавая и оценивая ее. Эффективность развития социума определяется включением все большего числа индивидов в разряд активных субъектов социального действия, глобализацией действий, всесторонней интеллектуализацией социальных процессов, повышением роли инструментальности знаний, ростом эмоциональной энергии людей.

Литература

1. Стёпин, В.С. Философия в эпоху цивилизационных перемен // Вопросы философии. – 2006. – № 2.
2. Новая философская энциклопедия: в 4 т. – Т. 4. – М: Мысль, 2001.
3. Запесоцкий, А.С. Философия образования и проблемы современных реформ // Вопросы философии. – 2013. – № 1.

ДУШЕВНОСТЬ И ДУХОВНОСТЬ КАК КВИНТЭССЕНЦИЯ И СЕКСТЭССЕНЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

В. И. Чуешов

В иерархически организованной и бесконечной природе человека следует научиться различать, по меньшей мере, шесть уровней. Человек в соответствии со своей первой природой тесно связан с бесконечностью и содержанием Космоса (Вселенной). Об особенностях первой природы человека мы сегодня имеем сведения не только, опираясь на результаты, полученные с помощью андронного коллайдера, но и используя периодическую таблицу элементов Д. Менделеева, и пр.

Вторая природа человека объединяет его с миром живого, по меньшей мере, на планете Земля. Знаниям о ее содержании мы сегодня обязаны именам К. Линнея и Ч. Дарвина, Д. Уотсона, Д. Крика, М. Уилкинсона и др. Третья природа человека реализуется в его связях и отношениях с другими людьми. Для их описания в наши дни, как представляется, еще не выработано единственного и бесспорного масштаба концепту-

альной оценки.

В этой связи уместно обратить внимание на то, что его некоторые предпосылки понять можно чуть лучше, аналитически различая четвертую природу человека, которая связана с созданием и развитием предметов, средств и условий труда, техники и технологии.

В наши дни на закономерностях третьей и четвертой природы человека, которые реализуются в субъективной реальности (сознании, идеальном), языке (мире символов), а также труде и технике, вполне могут формироваться, симулирующие более высокие, чем четвертый уровни природы человека. Например, сегодня уже нередкостью являются представления о виртуальной близости и дружбе, партнерстве и пр., которые, в определенном отношении, являются если и не разновидностями, то субститутами таких явлений, как душевность и духовность человека.

На существование душевности и духовности, или пятого и шестого уровней природы человека нам указывает история различных ценностных форм человеческого сознания: морали, религии, искусства, философии. Например, знаменитое ветхозаветное: «Не хлебом единым жив человек…» (Второзаконие, 8:3).

В многочисленных памятниках духовной культуры человечества содержатся не только намеки, но и заслуживающие специального разбора обоснования существования как пятой, так и шестой природы человека. Они, конечно, не всегда строги по словоупотреблению. Это нередко приводит комментаров памятников ценностных форм сознания к спорадическому использованию как понятия квинтэссенции, так и более широкого по отношению к нему термина «сущность человека» (в философской литературе).

Старое мировоззренческое представление об иерархическом характере природы человека сохраняет в том или ином виде свое полоение и в современной философской мысли. В ней выражение «квинтэссенция» применительно к природе человека, к сожалению, по-видимому, уже превратилось из архаизма в метафору, и это, в лучшем случае, тогда, как интересующее нас понятие секстэссенции еще не стало, как кажется, ни философским неологизмом, ни достойной распространения мировоззренческой метафорой.

Актуальными для современной философии являются, поэтому, задачи по превращению метафоры «квинэссенция» человека в строгое философское понятие, а выражения «секстэссенция человека», по крайней мере, в работующую философско-научную метафору. Как и любая другая познавательная метафора последняя, как представляется, со временем сумеет завоевать прописку в литературе, что позволит приблизить нас к пониманию особенностей тех закономерностей, которые лежат в основе развития и функционирования и пятой, и шестой природы человека.

На это, например, указывает, уже угаданные в классической и неклассической философии такие характеристики единой душевно-духовной системы, как ее процессуальность, упорядоченность, иерархическая организация, цельность ее отдельных компонентов и их всеобщий характер. Сюда относятся закономерности филиации идей, развития Абсолютной идеи, обоснованные еще Гегелем, а также аргументация исторической победы духа над душой в размышлениях об индивидуальном и коллективном бессознательном З. Фрейда и К. Юнга.

В современной науке процесс аргументостроительства ориентирован в сходном направлении, т.к. в многоуровневой, процессуальной, цельной, всеобщей и иерархической системе природы человека вещественно-энергийно-витальный путь вверх (от первой ко второй, от второй к третьей, от третьей к четвертой природе человека) неявно рассматривается как предпосылка существования и развития эксклюзивно человеческих душевно-духовных измерений природы индивида и общества.

Современная система образования и воспитания человека, как представляется,

также неявно базируются на представлениях о том, что душевные и духовные качества гуманности способны определенным образом информационно контролировать и вторую, и третью, и четвертую природу человека. Тем не менее, в современной философии единообразия в понимании содержания и сути пятой и шестой природы человека еще не достигнуто. Идя по пути к его достижению, уместно сослаться на то, что согласно еще Ф. Парацельсу, использовавшему для описания человека понятие квинтэссенции, пятая суть человека, реализуясь исключительно Богом, контролирует все нижележащие его природы, в том числе и его первую природу.

В классической философии парацельсовское понимания природы человека было раздвинуто и осмыслено, например, в форме вопроса о том, а не суживаем ли мы, отождествляя душевность и духовность только с религиозностью, управленческо-информационные возможности пятой и шестой природы человека. Данный вопрос сохраняет свою актуальность и в современной философии, да и не только в ней. Причем, не только на постсоветском пространтстве, где сегодня набирает обороты тренд развития общественного сознания от нерелигиозности к состоянию религиозности, но и в западных странах. Например, в США в XXI в. социологи отмечают рост количества агностиков (атеистов), что заостряет значение вопроса о том, каким образом можно (и можно ли?) формировать душевность и духовность человека, используя потенциал нерелигиозной, в том числе, и атеистической ориентации человека.

Оставляя здесь в стороне ответ на него, подчеркнем лишь, что содержание природы человека в современной философии, учитывающей специфику не известной ранее информационной и сетевой специфики четвертой природы человека, сохраняет преемственную связь с идеей иерархичности душевности и духовности, а также природы человека, вообще. Вот почему и сегодня, изучая природу человека нам, вслед за Аристотелем, нельзя забывать о том, что душевность и духовность – не только высшие, но и сложнейшие в силу своей цельности и всеобщности предметы как человеческого опыта, так и искусства, науки и философии.

Вместе с тем, в современной науке – психологической, физиологической, медицинской и пр., в отличие от опыта и искусства, понятия души и духа используются очень редко, если используются вообще. Современные психологи, медики и пр. в лучшем случае склонны отдавать их на откуп классической философам, а в худшем, выводить их за круг научной терминологии вообще.

Памятуя об успехах современной нанобиологии, биомедицинской промышленности, психологических и пр. технологий в управлении природой человека, уместно обратить внимание следующее. В интерпретации результатов некоторых конкретно-научных исследований, так или иначе связанных с феноменами души и духа, иногда используется, вводящая в заблуждение неискушенного читателя терминология. В частности, в тех случаях, когда результаты изучения субъективной реальности человека интерпретируются в том смысле, что душа и дух подобно веществу могут быть взвешены и(или) измерены в длину, ширину, высоту и пр. Впрочем, в этом же ряду находится и использование, применительно к природе человека метафор, в которых он отождествляется… с различными представителями флоры и фауны.

В содержании архаичных мифов и сказок многих народов мира можно найти свидетельства о том, что с феноменом души люди познакомились раньше, чем с представлениями о духе и духовности. Как в свете логики современного здравого смысла и душа, и дух в первобытном общественном сознании уже осмыслились по аналогии с особенностями если и не второй природы человека, то ее отдельных состояний: дыхания, кровообращения, размышления и пр.

Коренящееся в особенностях архаичной культуры, различение души и духа до сих

пор представлено во многих национальных языках. «Душа» не только в русском, но и в греческом («псюхе» (ψῦχη)), латинском («анима» (anima)), английском («соул» (soul)) и др. языках отличается от «нус» (nooς) и от «спиритус» (spiritus), от «спиритюэл» (spiritual) и пр. понятий, описывающих дух в греческом, латинском и английском языке соответственно.

Как в архаичной культуре, так и в современном здравом смысле душа и дух правильно рассматриваются не как определенная вещь, но как свойство и(или) отношение некоей субстанции. Например, душевность и духовность в в классической философии нередко соотносились, с одной стороны, с субстанцией чувств человека, а, с другой стороны, с его мышлением, что по меркам современной науки уже не выдерживает критики.

Более реалистичными, поэтому, являются философские представления, в которых душевность связывается не столько с наличием у человека органов чувств, сколько единого комплекса чувств и эмоций. И даже не просто комплекса, а его целостного функционирования в качестве всеобщей системы, элементами которой являются, к примеру, такие состояния субъективного мира человека, как эмоциональный тон и отклик, эмпатия, а также настроение, аффект.

Душевность, характеризуя цельность чувственно-эмоциональной подсистемы третьей природы человека, зарождается тогда, когда эта подсистема обретает новое всеобщиее качество. Сама по себе единая чувственно-эмоциональная подсистема третьей природы человека является, однако, лишь предпосылкой ее возможного возвышения до уровня пятой, или душевной в собственном смысле этого слова природы человека. Очевидно, что процесс возвышения и универсализации этой подсистемы до уровня душевности может иметь разную скорость и глубину у разных людей, что можно связать с особенностями их первой, второй, а также третьей и четвертой природы. О том какие метаморфозы с формированием душевности человека происходят в случае невозможности универсализировать особенности второй и(или) третьей, а также четвертой природы человека свидетельствуют такие выражения, как «чурбан», «животное», «робот», а также «черствый», «бездушный» и пр., которые являются в этом случае важными метафорами душевности.

Душевная природа человека, истоки которой связаны с преодолением врожденных чувств страха и любопытства, в процессе взаимодействия человека с себе подобными, возвышается через чувства-эмоции стыда, радости и пр. до своей всеобщей формы, что оформляется в таких состояниях собственно душевности человека, как вкус и доброжелательность, совесть, вера и пр.

Душевность, поэтому, не столько управляется чувствами человека, сколько управляет ими, точно так же, как, например, идиосинкразия управляет ощущениями и восприятиями, эмпатия руководит эмоциональным откликом человека, а fair play может направлять технологию спортивного состязания и т.п.

В соответствии с современными психологическими представлениями, существование души, точнее душевности, конечно, невозможно правильно помыслить, абстрагируясь от роли внимания и памяти, интеллекта и воли и т.п., а также человеческого познания в целом. С этой точки зрения демаркационную линию между душевностью и духовностью, используя в качестве разделителя специфику лишь когнитивных способностей человека, провести невозможно. Это не означает, что формирование духовности возможно в отрыве от цельного и всеобщего характера когнитивного мира человека, поскольку оно и опредеяется высшими когнитивными способностями человека, его рефлексией, спекуляцией, и не определяется, т.к. на ее формирование влияют особенности чувственно-эмоциональной подсистемы природы человека.

По крайней мере, в современной науке сложно найти веские аргументы об исклю-

чительно рациональном характере человеческой духовности. Напротив, возникновение и развитие неклассической философии в определенном отношении знаменовало собой апофеоз иррациональности. или ее своеобразную, постпарацельсовскую реабилитацию в качестве основы шестой природы человека. Конечно, развитие только одного из нескольких направлений неклассической философии не является достаточным основанием для утверждения о том, что именно иррациональность является единственно возможной основой цельного и всеобщего характера духовности человека.

Философскую рефлексию цельности и всеобщности чувственно-эмоциональных характеристик природы человека осуществляют, например, теология и эстетика, этика, философия государственного управления и т.д., которые можно рассматривать в качестве исходных рефлексивных систем более высокой по сравнению с душевностью, духовности человека, т.е. шестой природы человека в собственном смысле этого слова, или секстэссенции.

Сегодня секстэссенция человека и не только в науке, но и в философии изучена столь же скудно и фрагментарно, как и его квинтэссенция. В этой связи в переосмыслении нуждаются старые идеи Парацельса об особенностях пятой сущности, Гегеля о философии, как «духовной квинтэссенции своего времени», К. Юнга об окончательности победы духа над душой, которые, по меньшей мере, должны пройти экспертизу условиями современного глобального, информационного, быстро изменяющегося мира.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИМПЕРАТИВЫ НОВОЙ ДУХОВНОСТИ

Г. И. Касперович

Глобализация как мегатренд современной цивилизационной динамики – это уже объективная социальная реальность, наполненная противоречивыми тенденциями и проявлениями, многолико представленными и зафиксированными философской рефлексией.

Общепризнанно, что современная глобализация разворачивается в условиях невиданного ранее общепланетарного кризиса человеческой цивилизации, вызывая целую гамму качественных изменений, как позитивного, так и негативного характера. В сочетании с кризисом она деформирует все стороны жизни общества. Наиболее опасны для будущего деформации духовного характера, сопряженные с «антропологической катастрофой». Не случайно в пестроте концепций глобального развития преобладает поиск «стратегии выживания» на изломе истории в «век бифуркации» (Э. Ласло).

«Насущной проблемой для нашего поколения, – как пишет Ласло, – является создание нового образа мышления, новых оценок и нового образа жизни, способных регулировать глобальную социоэкономическую и экологическую систему до того, как напряжение в ней станет критическим. В отличие от природных регуляторных механизмов, закодированных генетически и автоматически приводимых в действие всякий раз, когда оказываются превзойденными некоторые пороги устойчивости, регуляторные механизмы человеческого общества зависимы от ценностей и взглядов живущих поколений. Культурно закодированные механизмы развиваются быстрее, чем генетически закодированные, но и устаревают они также быстрее. Технологическая революция последних десятилетий намного опередила сложившиеся взгляды и убеждения: в 90-е годы XX столетия архаичность ценностей и практики взаимодействия современных обществ между собой и с окружающей средой стала подлинной угрозой для благоденствия и выживания человечества» [1, с. 10].

Одним из достоинств глобализации принято считать улучшение взаимопонима-

ния между различными культурами и цивилизациями в результате разворачивающегося все шире диалога культур, во-первых, интенсификации глобального информационного обмена, во-вторых, унификации-нивелировки различий благодаря распространению по всей планете продуктов массовой культуры. Однако очевидны и негативные последствия указанных факторов глобализации, и, в особенности, нивелирующее и отупляющее влияние масс-культуры, угрожающее культурному разнообразию и уровню духовного развития.

Понятие-метафора «дух» (духовность), как инвариант различных философских традиций интерпретации, выражает ценностные структуры сознания и общественного (объективного духа), и индивидуального (субъективного духа). Царство объективного духа определяет смысловое поле культуры – систему смыслов и значений, и придает смысл индивидуальному бытию. Для духа важны не сами вещи, а связующий их смысл, жизненные смыслы событий. Именно уникальная система ценностей-смыслов является живой душой и духом каждой национальной культуры и культурно-исторического типа (О. Шпенглер, П. Сорокин). А духовная жизнь – это ядро всей социальной жизни, способ существования и осуществления человеческой культуры, всех ее объективированных форм. История общества выступает как реализация духовных возможностей социума, как функционирование ценностных систем, «флуктуации духовного принципа» [2]. Вот почему кризис человеческой духовности исследователи называют одной из самых острых глобальных проблем современности. За всеми нашими бедами, локальными и глобальными, стоит кризис человека, его духа, его сознания, его системы ценностей, определяющей качество духа.

Проблема духовности связана с укорененностью человека в смысловом поле его бытия, в самоценных для него смысловых матрицах культуры, с выбором своего собственного смысла жизни, своей судьбы и системы ценностей; с самосознанием личности, конституированием ее внутреннего мира на нравственной основе, через устремленность к идеалу, к высшим ценностям-святыням, благодаря чему реализуется самоидентификация человека, его устойчивость в любых жизненных ситуациях.

Духовный кризис – это смысловой кризис, кризис самоидентификации, связанный с переоценкой ценностей и смысловых ориентаций, когда нарушаются жизненные смыслы событий, когда «распадается связь времен», когда дух переходит от ясновидения к слепоте, а «дух времени отравляет сам дух». Старые ценности утрачены, обесценены, потеряли смысл, а новых еще нет или они в стадии становления и слабо осознаны, как это происходит сегодня, и современный человек в поисках души и духовности. Происходят процессы дезинтеграции ценностных систем личности и общества, что выражается в смятении духа, в ощущении смуты, растерянности, подавленности, недоверия и страха. Духовный кризис проявляется не так явно как экономический или политический, но он пронизывает все сферы индивидуальной и общественной жизни и способен надолго парализовать активность личности, социума и возможности социально прогрессивных перемен.

Все переломные, кризисные исторические эпохи были эпохами духовного прорыва в жизни и сознании человечества, открывавшего для себя новые ценностные доминанты, новые типы сознания и духовности (как это было в эпоху «осевого времени» или эпоху Возрождения-Реформации). Если первый глобальный духовный кризис «осевого времени» был связан с преодолением религиозно-мифологического, иррационального способа функционирования сознания и рождением рационального мышления, то современный духовный кризис связан с необходимостью глобальной перестройки рационального мышления, рождением новой мыслительной и духовной стратегии-парадигмы. Осознанию этой необходимости прокладывала дорогу еще кантовская «Критика чистого

разума» и следовавшие в ее русле идеи анти-Гегеля – С. Кьеркегора, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, идеи «рациовитализма» Ортега-и-Гассета, фактически утверждавших позиции постклассического рационализма как «открытого» типа рациональности, противостоящего всевозможным проявлениям абсолютизации и ограниченности, оторванности от реальной жизни и духовно-моральной ориентации.

Переходный характер современной жизни подчеркивается во многих концепциях и моделях социодинамики, в частности в теории цивилизационного поворота к постиндустриальному – антропогенному, в отличие от техногенного, общества. Основная стратегия этого поворота – стабильный мир, улучшение качества человеческой жизни, совершенствование личности – ориентирует на достижение устойчивого развития. Об этом же говорил в своей Гарвардской речи в 1978 году Нобелевский лауреат А.И. Солженицын, заявляя, что мир подошел, уже если не к гибели, то к повороту истории, по значению равному повороту от Средних веков к Возрождению – и он потребует от нас духовной вспышки, подъема на новую высоту обзора, на новый уровень жизни и понимания.

В поиске новых мировоззренческих и духовных ориентаций, обеспечивающих возможность не только выживания, но и устойчивого социального развития в гуманистическом направлении, творцы «нового сознания», «нового гуманизма» и «новой парадигмы» цивилизационного развития (А. Печчеи, А. Швейцер, Э. Фромм, Т. Рошак, Дж.Фергюсон, Дж.Робертсон, Э. Ласло и др.) утверждают и пропагандируют взгляды гуманистики и глубокой социальной экологии как экологии Планеты, экологии Культуры, экологии Человека и экологии Духа на основе глубинного синтеза гуманистических ценностей и традиций Востока и Запада. В этом суть сетевой диалогической концепции «системной мудрости» (как назвал ее Г. Бейтсон), которой соответствует призыв деятелей «Римского клуба»: «действовать локально, мыслить глобально», т.е. контекстуализировать, соотносить свои действия с планетарной шкалой, вырабатывать привычку глобального мышления и планетарного мировоззрения. Необходима переориентация человечества с идеологии индустриализма и потребительства на глобальную идеологию духовного развития как «идеологию преодоления кризиса» человека и его духа, чтобы человеческая история не закончилась «глобальным омницидом» (А. Зиновьев).

Литература

1. Ласло, Э. Век бифуркации: постижение изменяющегося мира // Путь. – 1995. – № 1. – С. 3–129.
2. Сорокин, П. Социальная и культурная динамика. – СПб., 2001.

ДУХОВНАЯ СВЯЗЬ КУЛЬТУР КАК УСЛОВИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БУДУЩЕГО

А. Е. Михайлов

Интеграционные процессы при формировании глобального экономического, социально-политического, информационного пространства, направленные на постоянную модернизацию общества на основе рационально организованной и управляемой деятельности, сопровождаются также ростом неопределенности, непредсказуемости многих последствий принимаемых на разных уровнях решений, а, следовательно, и рисков. Д. Белл ранее полагал, что в постиндустриальном обществе, где основным ресурсом становится информация и центральное значение приобретает теоретическое знание, будет установлен «социальный мир и порядок в изобилии» и политическая система будет

иметь коммунальный характер, когда «критерии индивидуальной полезности и максимизации прибыли становятся подчиненными более широким концепциям социального благосостояния и интересам сообщества» [1, с. 655]. Но современное состояние общества он называет эпохой разобщенности, когда «самые разнопорядковые элементы и процессы взаимодействуют друг с другом непредсказуемым образом, и возникающая картина не описывается с позиций четкой системы методологических постулатов и не укладывается в рамках теории» [2, с. 49]. Достижения в различных областях науки и основанные на них инновационные технологии открывают для человечества новые перспективы с неоднозначными последствиями.

Внедрение нанотехнологий предполагает в будущем возможность сборки необходимых для различных нужд вещей из имеющихся в наличии материалов, что должно привести к массовому изобилию. Многие антропогенные факторы, разрушающие и загрязняющие окружающую среду, будут исключены с переходом к безотходному производству. Нанотехнологическая переработка любых отходов позволит не только восстановить экосистемы, но и сохранить множество природных ресурсов. Проблема голода на планете может быть решена благодаря использованию быстро растущих генетически модифицированных организмов. Будущее медицины и здравоохранения могут изменить наноустройства, способные на клеточном уровне отслеживать функционирование органов и систем в человеческом организме, а при отклонении от заданных значений корректировать их жизнедеятельность. Это позволит избавить человека от многих болезней и будет шагом к продлению и повышению качества жизни или, в более отдаленной перспективе, даже к бессмертию.

Однако совершенствование и внедрение технологий может увеличивать социально-экономическое неравенство, стимулируя не столько решение социальных проблем, сколько их обострение. Технологические инновации в области биомедицины открывают новые возможности для изменения человеческого организма и вмешательства в процессы, ранее воспринимавшиеся как данность и не поддававшиеся какому-либо контролю и регулированию. Заново переосмысливая человеческую природу в условиях расширения игрового пространства нашей свободы, приходится искать ответы на вопросы о пределах и последствиях такого вмешательства, его методологических и аксиологических основаниях.

Биотехнологическая революция заставляет радикально пересматривать сложившиеся ориентиры и ценности в свете новых возможностей, открывающихся благодаря современным достижениям в биомедицине и изменяющих наши представления о будущем человечества. Ф. Фукуяма, учитывая открывающиеся в области биомедицинских технологий перспективы, отказался от своей прежней идеи «конца истории» и говорит о возобновлении истории, поскольку за успехами современной биотехнологической революции следуют вызовы «постчеловеческого будущего», на которые нужно искать ответы.

Возможности глубокой и радикальной модификации природы человека открываются не только в процессе развития биологических и нейроментальных наук. Науки, охарактеризованные В. Дильтеем как понимающие, приобретают все более технологический характер, поскольку направлены на модификацию человека и манипулирование им. Эрих Фромм проводил «грань между психологией, подразумевающей благополучие человека и сделавшей его своей целью, и психологией, изучающей человека как объект с целью сделать его еще более пригодным для технологического общества» [5, с. 254]. Современная наука выходит на совершенно новый уровень познания не только биологии человека, но и его психики, социокультурных оснований человеческого существования в мире. Ориентированная на получение объективных данных и свободная от цен-

ностей модель науки, которая сформировалась в физике, химии и астрономии, как считал А. Маслоу, совершенно не подходит для изучения жизни. «Еще более драматичной, – писал он, – оказывается неприспособленность науки для выяснения вопросов, касающихся человека, где учет личных ценностей и целей, намерений и планов играет решающую роль в понимании людей даже применительно к классическим целям науки – предсказанию и управлению» [4, с. 13]. Для разработки проблем, связанных с реализацией этих целей, необходим инструментарий гуманитарной экспертизы. Юрген Хабермас пишет: «Изначальный философский вопрос о "правильности жизни" сегодня, по-видимому, обновляется в своей антропологической всеобщности. Новые технологии вынуждают нас вести публичный дискурс о правильном понимании культурной формы жизни как таковой. И у философов больше нет никаких благовидных предлогов отдавать предмет этой дискуссии на откуп представителям биологических наук и вдохновленных научной фантастикой инженеров» [6, с. 26]. Осмысление проблематики модификации природы человека в контексте новых научных знаний не может ограничиваться рамками тех наук, где эти знания получены, а выходит в сферу духовно-нравственных ценностей, формировавшихся в историческом контексте развития культуры.

Отмечая значимость приобщения каждого поколения к таким ценностям, Гегель, восхищавшийся совершенством и великолепием литературных произведений античных авторов, полагал, что они «должны стать духовной купелью, светским крещением, придающим душе первые и остающиеся навсегда основные тона и краски во вкусе и науке. Для такого посвящения недостаточно общего внешнего знакомства с древними, мы должны сжиться с ними, впитать их воздух, их представления, их нравы, и даже, если угодно, их заблуждения и предрассудки и чувствовать себя как дома в этом мире, лучшем из тех, что были» [3, с. 402]. В процессе такого вживания в древнюю культуру душа получает тот материал, который наполняет ее духовным содержанием и становится опорой, «субстанциальной сердцевиной», обеспечивающей самообладание, благоразумие, присутствие и неусыпное бодрствование духа. Гегелем отмечалась самоценность духовной основы, которая должна закладываться во всех сословиях. Если же государства пренебрегают формированием и развитием такой внутренней основы в душах своих граждан, когда в духовном видится лишь средство, а приоритетной становится чистая полезность, то без духовной опоры, по его мнению, они рискуют «рухнуть среди своих многих полезных средств» [3, с. 403].

Предвосхищение в прогностических исследованиях возможных неожиданных и нежелательных последствий биомедицинских технологических инноваций на основе глубокого понимания исторически сложившейся системы гуманистических духовных и нравственных ценностей позволяет выявить различные аспекты встречи с будущим в надежде предотвратить или хотя бы смягчить «футурошок».

Литература

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., 1999.
2. Белл, Д., Иноземцев В.Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. – М. 2007.
3. Гегель, Г.В.Ф. Работы разных лет. В двух томах. Т. 1. – М., 1972.
4. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы. – М., 1999.
5. Фромм, Э. Психоанализ и этика. – М., 1993.
6. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? – М., 2002.

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

М. В. Салеева

Понятие духовности и духовных ценностей в современном мире величина изменчивая и требующая постоянного размышления и уточнения. На наш взгляд современная интерпретация этого понятия несводима сугубо к религиозности или идеологии. Соглашаясь с современным исследователем, считаем, что рассуждая о понятии «духовность» «необходимо вести речь об *интегративной системе,* необходимыми компонентами которой выступают 4 сферы (лучше обозначить их в качестве структурных полей) неизменного ядра культуры, которые так или иначе присутствуют в любое время и в любом обществе. Это ядро культуры составляют: структурные поля веры, этической части культуры, эстетической части культуры (с привнесением художественной), знания» [1, с. 190].

Возросшая человеческая мобильность повлекла за собой перемещение языков, культур, знаний, традиций и ценностей. Глобализация означает в наше время появление и распространение смешанных культур. Это, однако, не означает, что мир теряет разнообразие. Наоборот, некоторые отличия даже усиливаются (экономические, например), а некоторые локальные культуры, чтобы противостоять натиску глобального обезличивания, замыкаются в себе, порождая новый фундаментализм. Задачи современной межкультурной коммуникации – понять и показать уникальность разных культур, не сталкивая и не противопоставляя подвести их к диалогу.

Интересной в таком приложении видится теория нидерландского социолога Герта Хофстеда – это пятимерное дихотомическое шкалирование национальных и организационных культур или ценностей.

Для изучения национальной культуры как базового фактора организационного поведения Хофстед предложил использовать следующие параметры, представляющие собой основные ценностные ориентации:

– индивидуализм – коллективизм;
– дистанция власти (степень участия в принятии решений, касающихся всех);
– приемлемость неопределенности;
– мужественность – женственность (маскулинность – феминность);
– временной горизонт ориентации на будущее [2].

Из исследований Хофстеда следует, что англосаксы (англичане, канадцы, австралийцы, ирландцы и американцы) являются закоренелыми индивидуалистами с мужским типом поведения и терпимо относящимися к неопределенности будущего. А Россия – это куда более коллективистская страна с женским типом поведения, желающая иметь твердое и понятное будущее.

Италия представляется страной достаточно дистанцированной от власти, индивидуалисткой с преобладающим мужским типом поведения, которая не любит неопределенности, но не настроена далекие перспективы.

Классификация Хофстеда кажется нам полезным материалом, необходимым для постороения успешной межкультурной коммуникации.

По его же теории межкультурная коммуникация проходит три фазы – осознание, понимание и умение. «Вначале необходимо осознать, что каждый является носителем особой ментальной программы, берущей начало из окружения, в котором он вырос… Потом приходит понимание, что если мы хотим взаимодействовать с ругими культурами, мы должны понимать, что эти культуры из себя представляют, каковы их символы, герои, ритуалы. Умение приходит с личным опытом» [3, с. 230–231].

Межкультурная коммуникация представляется комплексом умений и навыков, несводимых к отдельным специфическим компетенциям. Сами по себе дополнительные знания и умения могут сделать коммуникацию интереснее и богаче, но не являются ее гарантией. Например, знание иностранного языка является ярким тому примером. Облегчая общение, делая его непосредственным, иностранный язык все же не является гарантией успешной межкультурной коммуникации. Помимо инструмента коммуникации язык должен быть еще и системой представления и восприятия мышления.

Кроме этого, важную роль в коммуникации играет свобода партнеров от стереотипного восприятия ценностей и традиций другой культуры. Ведение межкультурного диалога не требует отказа от собственных ценностей, но лишь уважение и принятие ценностей иных (если они не вступают в конфликт с собственными).

Качественная межкультурная коммуникация может происходить между представителями разных культур, при условии, что они в достаточной мере постигли основы собственной культуры и достаточно открыты для познания иного культурного контекста.

Литература

1. Салеев, В.А. Духовность: ретроспективное и современное состояние понятия // Духовно-нравственное воспитание на основе отечественных культурно-исторических и религиозных традиций и ценностей. – Минск: Беларуская навука, 2010.
2. Hofstede, G. National cultural dimensions [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://geert-hofstede.com/ national-culture.html. – Дата доступа: 29.04.2013.
3. Hofstede, G. Cultures and Organisations: Software of the Mind. – McGraw-Hill England Londra 1991.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И. Н. Сидоренко

Происходящие сегодня в глобализирующемся мире процессы поистине масштабны: они претендуют на создание и реализацию новых мироустроительных идей, касающихся не просто отдельных стран или регионов, но планеты в целом. Этот размах ощущается во всем: в идеологических и политических доктринах правящих элит развитых стран, в принципах экономического планирования, в мощной научно-технической направленности общественного развития.

В обществе традиционно существовали социокультурные системы сдержек и ограничений, не позволяющие состояться безграничной власти капитала. Однако в нынешнем варианте глобализации наблюдается обратная тенденция: стремление обслужить и удовлетворить капризные запросы этого капитала. Так, современный мир как эра денег формируется по принципу геоэкономики, претендующей на то, чтобы стать идеологией нового общества и философией глобализационной эпохи. Современный глобальный мир предстает как подчиненный мир, материально и духовно зависимый от мирового капитала. «Дух консюмеризма», т.е. дух преобладания потребительского интереса над всеми остальными экзистенциальными и социальными мотивами человеческой деятельности, становится преобладающим. Потребительство рассматривается уже не просто как жизненная необходимость или атрибут благополучной жизни, но трактуется как универсальная сверхценность. Главный смысл жизни в пространстве таких социокультурных смыслов – это потреблять как можно больше. Неслучайно, вследствие этого в

современном социогуманитарном знании принято говорить о потребительской ненасытности как одной из мистерий XXI века.

Индивид современного общества утрачивает способность как самостоятельно оценивать собственное ощущение ценности, так и самостоятельно полагать ее выбором своего направления смотрения. Позицию «свободы выбора», человек заменяет на позицию «я вынужден». Проблематизация субъект-объектного полагания ценности приводит в итоге к кризису идентичности как проблеме самопонимания личности. В условиях глобализации человек находится в неведении как относительно ценностей, так и целей. З. Бауман метко определяет современного человека как «бродягу», для которого проблема состоит в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя от нее отказаться, т.е. для него ценность и идентичность предстают как суррогаты сообщества.

В процессе глобализации происходит обособление национальных государств в результате развития глобальной экономики и политики. Прежний способ идентификации индивида через принадлежность к гражданскому обществу определенного государства теряет смысл в условиях двойного – тройного гражданства. Поэтому подлинная идентичность заменяется «гранфаллуном», что, по определению Э. Аронсона и Э. Пратканиса, представляет собой социальную идентичность, созданную на основе какого-либо второстепенного признака, который объединяет определенную группу людей, вследствие чего со стороны эта группа выглядит как полноценная, но и как бессмысленная (например, группы, образуемые в соответствии со знаками Зодиака). Таким образом, идентификация становится производной от потребления и потребляемого продукта, случайно выбранным стилем жизни, т.е. комплекса интегрированных социальных практик.

Ж. Бодрийяр отмечает, что люди перестают различаться по социальному происхождению или положению, основой же их дифференциации становятся потребляемые ими знаки, т.е. через употребление конкретных знаков человек уподобляется группе тех, кто эти знаки потребляет, и отличается от тех, кто данные знаки не потребляет. Более того, именно код контролирует, какие предметы люди потребляют и что они делают. Например, имея деньги, индивид может приобрести все, что захочет. Но проблема заключается в том, что захотеть он может лишь только то, что хотят члены той группы, к которой он принадлежит. Таким образом, идентификация становится производной от потребления и потребляемого продукта, случайно выбранным стилем жизни.

В современных условиях и моральные ценности переводятся в сферу социальных технологий успеха и вытесняются ценностями эстетическими. Так, например, погружение нравственного явления в контекст средств массовой информации может существенно изменять его природу, превращая в рекламный продукт, элемент пиара. Современные средства массовой информации манипулируют не только массовым моральным сознанием, но также и самими нравственными ценностями. С одной стороны, воздействие нравственных убеждений людей, несомненно, усиливается, если они продублированы в средствах массовой информации, но, с другой стороны, такая трансляция нравственных ценностей как информации изменяет их природу, содержательный контекст морали. В результате ценности в глобализирующемся мире приобретают проблематичность в связи с заменой морального политическим, экономическим или эстетическим отношением человека к миру.

Воздействие средств массовой информации и коммуникации на образ жизни современного человека приводит к тому, что основным источником производительности и власти становятся переработка и передача информации. Наблюдаемый сегодня сдвиг к информационным технологиям изменяет пространственно-временные характеристики общества, и, как результат этого, изменяет содержание понятий суверенности и само-

стоятельности, которые давали идеологическую основу для идентичности. Современное общество предстает в виде фрагментарной реальности, в которой взаимодействие индивидов, групп, общностей осуществляется как бесконечное путешествие в информационной сети. В информационном обществе становится абсолютно неважно, куда и зачем человек двигается по информационному потоку, важно, чтобы в данный момент он себя обозначил каким-нибудь именем, содержание которого вообще не должно раскрывать его сути, ценностных ориентаций и даже половых признаком. Важен сам обмен информации, а не ее содержание и нравственный контекст.

В условиях глобализации трансформируются социальные пространство и время, но также сохраняется потребность в локальной автономии. Изменение роли национального государства, появление транснациональных пространств не лишает людей национальной принадлежности. Стремление сохранить национальность можно назвать сакрализацией локального. В условиях глобализации это даже увеличивает интерес к локальным местам, явлениям. Размывание личностной идентификации в условиях глобализации компенсируется усилением этнического самосознания личности, которое в обществе постмодерна необязательно должно выражаться в тождестве языка и этноса. Само тождество этнического и языкового нельзя понимать узко, только как тождество этнического и вербального. Это имеет принципиальное значение в понимании того, почему белорусы, не пользующиеся в домашнем обиходе родной речью, тем не менее, считают себя белорусами. Язык, в том числе и белорусский, как система знаков не может быть сведен только к вербальным знакам речи и письма, но является также и языком жестов, мимики, своеобразными темпоритмами, представлениями и т.д. Поэтому в настоящее время средством языкового воспроизведения этнической идентичности оказывается не только родная речь, но форма, стиль жизни, сфера повседневности.

Традиционной ячейкой идентичности для человека всегда была семья, и, несмотря на кризис ее традиционных форм и развития новых форм, она сохраняет за собой эту функцию. Поэтому, коль скоро оборотной стороной глобализации является укрепление локальностей разного рода, семья может рассматриваться как одна из них.

Основой сохранения локальной идентичности может выступить религия, в частности православие. Так, по мнению Панарина А.С., такие характеристики православной цивилизации, как соборность, исключение подавления личности механическими коллективистскими схемами социальной практики, особая историческая миссия православной цивилизации и т.д., могут привести к обострению не национальной изоляции, а чувства общечеловеческой истории, формирования подлинной идентичности.

Глобализация вызвала кризис ценности и как следствие, идентичности. Таким образом, попытка сохранения субъективного и объективного пласта в трактовке ценности приводит к осознанию необходимости сакрализации локального через семью, национальность, религию, что в свою очередь может стать основой идентичности.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

А. С. Мансурова

В настоящий период необходимо актуализировать понимание межкультурного и межрелигиозного диалога как эффективного механизма снижения угрозы возникновения рисков в современном мире. В связи с этим своевременным является глубокое научное исследование таких социокультурных проблем, как социальная стабильность и

национальная безопасность, права человека и гуманистические ценности. Не менее важным представляется поиск эффективных практических решений, способствующих расширению коммуникативного пространства между представителями разных религиозных объединений, конфессий, культурных традиций, между различными институтами гражданского общества, социальными группами и индивидуумами.

Государственно-конфессиональные отношения играют весьма существенную роль в общественной жизни Казахстана. Развивается сотрудничество между институтами государства, гражданского общества и религиозными объединениями в решении целого ряда социальных проблем, накапливается позитивный опыт социального партнерства. Религиозные организации принимают активное участие в межконфессиональном диалоге, содействуют предотвращению и урегулированию межконфессиональных и межэтнических конфликтов. Существенна их роль в организации противодействия экстремизму.

Становление межрелигиозных отношений в современном мире актуализирует:

– опыт социального партнерства государства и религиозных объединений;

– правовой статус религиозных объединений;

– практику и перспективы взаимодействия органов государственной власти и управления с религиозными объединениями в вопросах урегулирования межконфессиональных и межэтнических конфликтов, противодействия экстремизму;

– организацию преподавания знаний о религии в светской школе и государственное регулирование религиозного образования.

Кроме того, важным является осмысление деятельности новых религиозных движений и миссионерской деятельности различных конфессий. Важнейшим инструментом, обеспечивающим успех межкультурного и межконфессионального диалога, является повышение межкультурной компетентности у гражданского общества, распространение знаний, помогающих каждому человеку лучше понимать людей, разделяющих разные культурные ценности и верования, людей других национальностей. В то же время требуется серьезная оценка попыток нарушения принципа светскости образования, подмены преподавания религиоведческих знаний той или иной формой обучения религии.

Обострение же межкультурных и межрелигиозных конфликтов свидетельствуют о необходимости формирования новой культурной и религиозной парадигм. С этой проблемой тесно связаны такие концепты, как «культурное разнообразие» и «многополярность мира», «межрелигиозный и межкультурный диалог», являющиеся ценностными ориентирами в процессе достижения устойчивого развития и формирования толерантного общества.

«Наше самое большое богатство, говорит Нурсултан Назарбаев, – единение, стабильность, согласие, солидарность всех, кто не формально, не только по паспорту, но по велению души считает Казахстан своей родиной, гордится его успехами и верит в процветание. Курсу на единение, межэтническое и межконфессиональное согласие Президент привержен с момента становления независимого Казахстана. Без стабильности в обществе и единства народа, настаивает он, у нас нет будущего. Однако единство не отрицает своеобразия и многоголосия этнических культур, избегает поглощения и ассимиляции, как то было в советские времена. Веление времени парадоксально: крепить национальное единство, но за счет сохранения и, более того, укрепления и развития национальных образов мира, уникальных, неповторимых жизненных практик» [1].

Осмысление взаимодействий культур и конфессий, посредством диалога определяет возможность гармонизации отношений между ними, способствует консолидации общества, а также межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, выработке стратегии формирования единого социокультурного мирового пространства, в котором

должно поддерживаться культурное разнообразие, диалог культур и религий. В этом смысле становится все более очевидным, что человечество развивается по пути расширения взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов и их культур. Этот процесс охватил различные сферы общественной жизни всех стран мира. Культурное многообразие современного человечества увеличивается, и составляющие его народы находят все больше средств, чтобы сохранять и развивать свою целостность и культурный облик. Эта тенденция к сохранению культурной самобытности подтверждает общую закономерность, состоящую в том, что человечество, становясь все более взаимосвязанным и единым, не утрачивает своего культурного разнообразия. В контексте этих тенденций общественного развития становится чрезвычайно важным уметь определять культурные особенности народов, чтобы понять друг друга и добиться взаимного признания. Отмеченные процессы в той или иной степени нашли свое проявление и в Казахстане. Реформы гражданского общества привели к серьезным изменениям в культурном облике казахстанского социума. Происходит становление нового типа культуры, формируется новое представление о социальной ответственности делового мира, меняется жизнь казахстанского общества в целом. В связи с этим современная ситуация вызывает особый интерес с точки зрения проявлений толерантности и интолерантности общества, таких феноменов, как мультикультурализм и транснациональная культура. Поэтому концепция множественной идентичности имеет парадигмальную ценность.

Эффективный межкультурный и межрелигиозный диалог не может возникнуть сам по себе, ему необходимо целенаправленно учиться. «Вести диалог с мусульманской частью общества, да и вообще с религиозной – это рационально. Такой неожиданный поворот теме задал Юрген Хабермас, великий современный немецкий философ, представитель знаменитой "франкфуртской школы". Он ввел в лексикон ученых новое понятие – "коммуникативная рациональность", что является прекрасной моделью диалого-религиозного и нерелигиозного» [1]. Необходимо преодолевать существующие трудности, которые являются процессом налаживания эффективной системы коммуникации между различными общественными группами и народами. Диалог осуществляется на основе циркуляции в общественном сознании различных идей, мировоззренческих и ценностных установок. Основной результат межкультурного диалога – это естественное перетекание идей, их взаимовлияние, усвоение или отторжение, понимание партнера или противника. Диалог культур всегда объединяет множество участников и осуществляется на нескольких уровнях: внутри – и межэтническом, внутри – и межконфессиональном, внутри – и межличностном.

Таким образом, сохранение и развитие культурного разнообразия зависит от проблем толерантизации и интолерантизации общества, а также выявления сущности таких проявлений интолерантности, как нонконформизм, экстремизм, терроризм. В связи с этим важным представляется анализ предпосылок по толерантизации общественного сознания посредством современных информационно-коммуникативных систем в медиапространстве, осознание роли СМИ и Интернета в снижении риска межконфессиональных и межкультурных противоречий и конфликтов и, как следствие, выработка эффективных механизмов по обеспечению сохранения культурного многообразия в современности.

Литература

1. Нысанбаев, А.Н. Архитектоника единства // «Казахстанская правда», общенациональная ежедневная газета. – № 151 (25895). – 23.06.2009.
2. Сейтахметова, Н.Л. Европа. Ислам. Казахстан // «Вечерний Алматы». – № 60 (12418). – 17.05.2012.

МІЖКУЛЬТУРНЫ ДЫЯЛОГ І ЎНІВЕРСАЛІЗАЦЫЯ ДУХОЎНЫХ КАШТОЎНАСЦЕЙ: БЕЛАРУСКАЯ ПАРАДЫГМА

Л. М. Уладыкоўская

Вырашэнне духоўна-маральнага блоку вастрэйшых практычных пытанняў сучаснасці магчымае пры наяўнасці павагі да чалавечай асобы, яе годнасці, правоў і творчых магчымасцей. З гэтай павагі да чалавечай годнасці нараджаецца і павага да ўсялякай індывідуальнасці, што ляжыць у аснове прызнання права на існаванне адрознага, інакшага, а ў рэшце рэшт – і ў аснове самой магчымасці творчай ініцыятывы – персанальнай і грамадскай.

З гэтага пункту гледжання дэмакратычныя каштоўнасці набываюць статус універсальных, глабальных, а сама дэмакратычная манера камунікавання ўгрунтоўвае міжкультурны дыялог як такі адкрыты і пачцівы абмен думкамі, які вядзе да глыбейшага разумення і ўспрымання іншых і выяўляе сябе як надкультурны, універсальны феномен, які ўтрымлівае элементы, характэрныя для ўсіх народаў і культур, бо палягае на прызнанні роўнай годнасці і роўных магчымасцей, роўнай каштоўнасці людзей, іх пазіцый, перакананняў, веравызнанняў, адкрытым мысленні – усім, што складае аснову чалавечай свабоды і дэмакратыі. Міжкультурны дыялог прадугледжвае гатоўнасць улічваць агульнае і адрознае, хаця б мінімальныя веды адзін пра аднаго, здольнасць знайсці агульную мову для разумення адрозненняў і павагі да іх, што дае спосаб мірнага вырашэння разнастайных канфліктаў і супярэчнасцей.

Міжкультурны дыялог патрабуе пэўнага ўзроўня духоўнасці, якая выяўляецца не ў масе, натоўпе, якія часта рэгрэсіўныя, але праз асобу. Свабода як магчымасць выбару, максімальнага раскрыцця чалавечых здольнасцей і творчай рэалізацыі асобы параджае імкненне да пазнання іншага, любоў да людзей і разнастайных праяў жыцця, гатоўнасць да канструктыўнага ўзаемадзеяння. Пераадольваць біялагічныя путы, недавер да чужога, узвышацца да разумення чалавечай агульнасці, еднасці можна дзякуючы развіццю менавіта духоўнага пачатку.

Духоўны ідэал свабоды – універсальная каштоўнасць, – рэалізуючыся праз грамадскі ідэал дэмакратыі, вядзе да бяспечнай і стабільнай цывілізацыі, бяспечнага і стабільнага сацыяльнага ўладкавання.

Сучасная сусветная парадыгма міжкультурнага дыялогу прадстаўлена шырокім спектрам разнастайных канцэпцый, навуковых школ і падыходаў, якія інтэнсіўна развіваюцца ў межах шматлікіх новаствораных арганізацый у многіх краінах свету (Цэнтр міжкультурнага дыялогу ў г. Таронта (Канада), Цэнтр міжкультурнага дыялогу Арэгонскага ўніверсітэта (ЗША), Цэнтр міжкультурнага дыялогу ў г. Вашынгтоне (ЗША), Цэнтр кроскультурных даследванняў у г. Веленгтоне (Новая Зеландыя), Аўстралійскі фонд глабальнага дыялогу, Інстытут міру і дыялогу ў г. Вене (Аўстрыя), Міжнародны цэнтр міжкультурнага абмену ў г.Сіена (Італія), Нідэрландскі фонд міжкультурнага дыялогу і інш.).

Шэраг структурных падраздзяленняў універсітэтаў Беларусі (факультэт міжкультурных камунікацый Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта, кафедра лінгвістыкі і міжкультурнай камунікацыі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта, кафедра культуры мовы і міжкультурных камунікацый Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта, кафедра міжкультурнай камунікацыі Інстытута сучасных ведаў імя А.С. Шырокава) і асобныя арганізацыі, у тым ліку недзяржаўныя (як, напрыклад, установа «Міжкультурны дыялог»), ставяць перад сабой задачы навуковай распрацоўкі пытанняў міжкультурнага дыялогу, пашырэння формаў яго

прысутнасці ў беларускай культурнай прасторы, а таксама практычнага навучання асновам кроскультурнай і мультыкультурнай камунікацыі, павышэння ўзроўню міжкультурнай кампетэнцыі ў цэлым.

Культуралагічны аналіз дыялогу як такога зрабілі Г.-Г. Гадамер [1], М. Бубер [2], М.М. Бахцін [3]. Канцэпцыя Г.-Г. Гадамера, згодна з якой усялякі дыялог выяўляе адначасова ўніверсалізм і ўнікальнасць, арганічна дапаўняецца сцверджаннем М.М. Бахціна пра суб'ектна-суб'ектныя адносіны ўзаемаразумення ў межах дыялогу, сутнасць якога – захоўваючы, змяняць, а таксама распрацоўкамі М. Бубера, паводле якога дыялог узмацняе стваральны, творчы пачатак у культуры і гэтым спрыяе раскрыццю яе самабытнасці.

Выключную ролю ў міжкультурным дыялогу адыгрывае мастацкая літаратура: яна аперуе і паслугуецца сістэмамі нацыянальных каштоўнасцей (у тым ліку мовай), звернута да шырокага кола грамадства, праз пераклады твораў іншых літаратур узмацняе энергетычнае поле ўласнай нацыянальнай культуры і пашырае формы міжкультурнага ўзаемадзеяння.

Калі міжкультурныя камунікацыі даследуюцца пераважна ў сферы літаратуразнаўча-лінгвістычнай, уласна-культуразнаўчай, то міжкультурны дыялог можа разумецца і як дыялог розных сацыяльных груп і нават розных суб'ектаў у межах адной сацыяльнай групы. Напрыклад, установа «Міжкультурны дыялог», зарэгістраваная ў Мінску ў 2012 г. як працяг плённай грамадскай ініцыятывы «Цэнтр міжкультурнага дыялогу», актыўна пашырае такі кантэкст міжкультурнага дыялогу, які мае лакальнае, нацыянальнае, транспамежнае, міжнароднае і глабальнае вымярэнні. Міжкультурны дыялог разумеецца і практыкуецца тут у многіх сваіх аспектах, у тым ліку і як канструктыўны дыялог нацыянальных культур, і як узаемаузбагачальныя міжэтнічныя і міжканфесійныя камунікацыі ў межах сацыякультурнай прасторы Беларусі, і як узаемадзеянне субкультур, і як дыялог сацыяльны (паміж прадстаўнікамі розных прафесійных груп, школ, перакананняў і т.п.).

Міжкультурны дыялог на міжнародным узроўні – гэта перадусім дыялог паміж культурамі, якія адлюстроўваюць светабачанне, светатварэнне, жыццёвыя каштоўнасці народу, які выявіў сябе ў панараме жыццёвага гісторыка-культурнага разгортвання. Такі дыялог магчымы пры наяўнасці дастаткова моцных суб'ектаў яго вядзення: на нацыянальных мовах, з уласных зямель, пазіцый і інтарэсаў. Менавіта нацыянальная культура можа выступаць асноўным суб'ектам сучаснага дыялогу культур у міжнародным яго вымярэнні, да таго ж дыялог культур магчымы ў выпадку, з аднаго боку, адсутнасці супрацьстаяння, а з іншага, – вернасці ўласнай традыцыі (культурнай і духоўнай) і павагі да іншай. Такое разуменне міжкультурнага дыялогу, калі прызнаецца права на адрозненні і ў культурнай разнастайнасці бачыцца каштоўнасць, ляжыць у аснове многіх міжнародных ініцыятыў, у тым ліку шматлікіх дэкларацый ЮНЕСКА.

Беларусам з іх традыцыйнай полікультурнасцю іманентна ўласцівы міжкультурны дыялог, у тым ліку і дыялог рэлігійны, актуальнасць якога ў сучасным свеце таксама ўзрастае: унутраны змест людзей становіцца радыкальна адрозным ад папярэдніх эпох, і ў спробе сфарміраваць у чалавеку элементарную здольнасць адрозніваць Дабро і Зло рэлігійныя канфесіі маюць выдатны падмурак для ўзаемаразумення.

Поліэтнічнае і поліканфесійнае ўзаемадзеянне прадвызначыла высокую ступень плюралістычнасці беларускай духоўна-культурнай парадыгмы і стала амбівалентнай крыніцай яе ўнутранага патэнцыялу: з аднаго боку, беларуская культура на часавым і прасторавым цывілізацыйным узаемаўплыве выпрацавала высокую ступень устойлівасці і здольнасці да культурна-моўнай інтэрферэнцыі з захаваннем «духоўна-

культурнага ядра», якое на працягу некалькіх стагоддзяў служыла гарантам перыядычнага нацыянальна-культурнага і духоўнага адраджэння; з іншага ж боку, высокі ўзровень энтрапіі, якім характарызуецца полікультурнае і трансцывілізацыйнае грамадства, як, напрыклад, амерыканскае, тэарэтычна павінен забяспечваць развіццё сацыякультурнай супольнасці праз засваенне новых культурных формаў і пераўтварэнне існуючых традыцыйных, што ў беларускім выпадку, аднак, тармазілася прыгнячэннем уласна-беларускай культурнай традыцыі, а ў некаторых выпадках – і традыцыйнай беларускай кансерватыўнасцю.

Унікальныя міралюбівасць, вынослівасць і вытрымка беларусаў агульнавядомыя і даказваюцца мноствам фактаў, у тым ліку безумоўным адмаўленнем ад ядзернай зброі на золку незалежнасці (пры неабходнасці вялікіх матэрыяльных затрат на ліквідацыю вынікаў Чарнобыльскай катастрофы), паўставаннем і выжываннем у няпростых умовах беларускага прадпрымальніцтва і інш., а талерантнасць і мяккасць беларусаў надзвычай важныя для наладжвання любога дыялогу, аднак жа патрабуецца большая рашучасць і ўпэўненасць. Асабістая годнасць, рашучасць, самаўпэўненасць фарміруюцца такім патрыятычным выхаваннем, якое абапіраецца на разуменне прыналежнасці да гістарычна моцнага, старажытнага народа, які мае глыбокія традыцыі, свае ўласныя ідэалы і каштоўнасці. Усё гэта знаходзіць сваё ўвасабленне ў першую чаргу ў нацыянальнай культуры і ў іншых складковых нацыянальнага стрыжня – нацыянальнай ідэнтычнасці, самасвядомасці, нацыянальнай волі і нацыянальным інтарэсе.

Так як Беларусь – краіна пераважна хрысціянская, з каштоўнасцямі і ідэаламі хрысціянскай дабрачыннасці, то фундаментальнай рысай светапогляду беларусаў выступае непрыманне вайны як сродку вырашэння канфліктаў, а асаблівую папулярнасць заўсёды мелі ідэі роўнасці і справядлівасці, спачуванне і разуменне патрэбаў іншага чалавека. Беларуская ментальнасць – ліберальнага тыпу, яна гістарычна ўвабрала ў сябе павагу да права, імкненне да вяршэнства закона, давер да інакшага, адрознага.

Такім чынам, міжкультурны дыялог ва ўсіх сваіх значэннях сёння можа быць ацэнены як умова і характэрная рыса сацыяльна-дэмакратычнага і духоўна-маральнага развіцця грамадства.

Літаратура

1. Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991.
2. Бубер, М. Два образа веры. – М.: Республика, 1995.
3. Бахтин, М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит., 1986.

СОВРЕМЕННАЯ СПЕЦИФИКА МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Е. В. Покасова

Культурная ситуация начала XXI века характеризуется сложностью и многозначностью. Подвижность границ и структур современного мира изменила социокультурное пространство, понятие «пограничность» сегодня звучит иначе. Если граница ранее понималась как ограничение определенного места, что, в свою очередь, предопределяло замкнутость какого-то пространства и обеспечивало возможность противопоставления всего, что находится внутри, тому, что вне данного пространства, то в современном мире исчезла эта определенность мест. Теперь граница является всего лишь межой, утрачена четкость линии, она уже не может быть значительной помехой в процессе взаимо-

действия и четким дифференцирующим основанием для разделения на свое и чужое.

Это не могло не найти отражения в изменившихся принципах межкультурных и межнациональных отношений. Если классическая социокультурная ситуация характеризовалась таким диалогом культур, в котором поле смыслового пересечения была очень незначительной, а сфера непересекаемого неизмеримо больше, то в современных условиях глобализации интеграция культур увеличивается «на базе не различия культур, а их сходства». А сходство всегда связано с нивелированием культур, что приводит к их смысловому обеднению. При всем внешнем разнообразии возникает «царство мертвой тождественности» [1]. В «классической культурной ситуации» участники диалога были ориентированы на познание и освоение того, что не совпадало с их культурами. Следовательно, имело место взаимное обогащение людей культурными ценностями, смыслами и культурным опытом. В современной ситуации общение, диалог в культуре основан преимущественно на подобии, схожести. Глобальные процессы обусловливают динамичное распространение наиболее общедоступных, простых компонентов культуры. Очень часто в мировой литературе приводятся самые разные варианты одного и тоже по сути примера, который оценивается как положительное проявление и последствие глобализации: люди разных стран говорят на одном языке, смеются над одинаковыми «глобальными» шутками. Но этот пример является, одновременно, свидетельством другой тенденции: понять человека в любой точке земли становится проще, на уровне совпадения или даже тождественности смысла, но такое общение не приводит к постижению новых смыслов.

Наиболее наглядно тенденция межкультурного общения на основании «схожести» проявляется в феномене массовой культуры. Известный специалист по проблемам культуры и политики С. Бенхабиб оценивает массовую культуру как самую негативную форму культуры, так она характеризуется «поверхностностью, однородностью, механической воспроизводимостью, нестойкостью и неорганичностью, она никого не воспитывает и не изменяет, она не формирует душу, не выражает духа или коллективного гения народа» [2].

Итак, несмотря на то, что глобализация культур осуществляется в современном мире не столь интенсивно, как в экономике или в финансовой сфере, процесс развития культуры в условиях глобализации характеризуется рядом новых общемировых тенденций. Прежде всего, речь идет о качественных отличиях самого способа культурного бытия глобального мира от традиционных локальных культур. Отличительными чертами традиционных культур выступают относительная стабильность, наличие механизмов освоения инноваций и устойчивой преемственности. Важная черта этих культур проявлялась также в том, что изменения в ней происходили преимущественно за рамками индивидуальной жизни. Сегодня, когда массовая культура транслируется через СМИ и другие институты, она способна противостоять самобытной культурной компоненте индивида, группы, общества, даже если они не меняют реальную среду обитания.

Миграция в настоящий момент так же оказывает существенное влияние не только на политику и право, международные отношения, экономические процессы, но и определяет специфику межкультурных контактов. Особое внимание следует обратить на необходимость изучения такого следствия миграции, как этнокультурную распыленность внутри государств, изменения понятий идентификации и стирание традиционных границ.

Мультикультурализм, который являлся одной из самых «авторитетных» претензий на теоретическое объяснение и «согласование» наднациональных глобальных процессов и полиэтничности в мировом и государственном масштабах в конце прошлого века себя не оправдал. Идея универсальности рынка и демократии, создания условий

для полноценного проявления каждой из самобытных культур и сосуществования многочисленных этнических групп потерпела крах.

Тем не менее, полиэтничность в государствах возрастает под воздействием глобальных процессов, а условиями ее существования являются территориальные государства. Сегодня для них культурная гомогенизация значительно более проблематична, чем в условиях существования классического государства-нации. Среди участников миграционных процессов появляется все больше людей, у которых нет одной какой-либо национальной идентичности. Все участники миграционных процессов обладают мультикультурным опытом и гибридным этносознанием.

Литература

1. Миронов, В. Проблемы образования в современном мире и философии // Отечественные записки. – 2002. – № 5. – С. 30–35.
2. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. / Пер. с анг.: под ред. В.И. Иноземцева. – М., 2003.

МЕНТАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ю. И. Шпилькин

Франция продолжает удивлять. В разгар мирового финансового кризиса 2008 года Президент Франции заявил: «Мы будем перестраивать капитализм, создавать капитализм *нравственный*». И вот в 2013 году французский парламент, вопреки массовому народному выступлению, пытается узаконить однополые браки и возможность усыновления такими парами детей. Заявления парадоксальные, но реалии таковы, что капитализм даже либеральный никак не сочетается с нравственностью.

Во-первых, то, что касается капитализма нравственного, то здесь однозначно наибольшего общественного возмущения вызывают гигантские бонусы, которые выплачивали себе банкиры, предприниматели и главы концернов в самый разгар мирового кризиса, а затем прилетали на личных самолетах выпрашивать у государства десятки и сотни миллиардов из средств налогоплательщиков. Вот такова нравственность финансовой и предпринимательской элиты, которая привыкла к сверхдоходам и создала нравственность либерального «гламурного» общества, в котором все продается и покупается, в том числе и нравственность.

Во-вторых, на родине Вольтера сенаторы пошли на поводу у представителей сексуальных меньшинств – потомков жителей Содома и Гоморры. Закон принят с перевесом в 22 голоса. Выполнено одно из предвыборных обещаний президента республики, социалиста Франсуа Олланда – гомосексуальные пары Франции легализованы и получили возможность усыновлять детей. За нововведение проголосовало 179 сенаторов, против – 157. Так же как социологические опросы показывают, что в поддержку однополых браков выступает 55% избирателей. При этом за возможность таких пар усыновлять детей высказывает не более половины населения страны. Против легализации однополых браков последовательно выступают католическая церковь, правоцентристские и правые партии, включая Национальный Фронт Марин Ле Пен, а также – многочисленные мусульманские общины. С января по апрель 2013 г. по улицам Парижа прошли общегражданские шествия против программы Олланда по легализации однополых браков. Марши собирают от нескольких десятков до сотен тысяч протестующих, но на планы левого правительства никак не повлияли. Эти марши наглядно показали бессилие здра-

вой современной демократии на Западе в условиях глобализации.

И дело не в демократии, а в менталитете. Не случайно Президент России В.В. Путин сказал журналистам, что случись такое в России, кое-где взялись бы за оружие. Современное неоевразийство разделяется на ряд течений, скорее интеллектуальных, чем политических. Первое – течение А. Дугина, лидера «правой» ветви евразийства. Второе – Г. Джемаля – председателя Исламского комитета России, главными темами выдвигает славяно-тюркское смешение и славяно-тюркский союз. Третье евразийское течение («академическое») – в котором принимают участие такие исследователи, как С.Б. Лавров, В.Я. Пащенко, И.Б. Орлова, А.С. Панарин. И наиболее влиятельное крыло неоевразийства – это интеграционная концепция «Евразийского союза», выдвинутая Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым.

Сегодня по конъюнктурным соображениям кому-то очень хочется видеть Беларусь ближе к Европе и дальше от России. Однако, как показывают и научные исследования и многовековой житейский опыт, по своему менталитету белорусы ближе к русским, нежели к европейцам. Социологический опрос более тысячи респондентов всех регионов Республики Беларусь показал, что типичного белоруса с русским сближают моральные качества (доброта и душевность), а с европейцем – деловые (дисциплинированность и исполнительность). В Беларуси проживает более тысячи казахов, которые говорят, что в менталитете белорусского и казахского народов много похожих черт. Также как и в Беларуси, в Казахстане мирно соседствует около ста национальностей и порядка двадцати религиозных конфессий.

Запуск Таможенного союза оказался знаменательным событием. «Это самое лучшее интеграционное объединение, которого мы достигли за 20 лет после развала Советского Союза, – заявил Н. Назарбаев, – Мы с вами полны желания, чтобы это было притягательным для всех нас». Он рассказал, что товарооборот двух стран увеличился на 30% и вышел на докризисный уровень. Примерно такие же цифры и с Беларусью. По нашему мнению, наступает момент, когда от констатации факта актуальности исследования, проблемы ментальности народов евразийского пространства, необходимо переходить к детальному изучению особенностей, путей сближения ментальности народов Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Социологические опросы стабильно подтверждают сохранение в Казахстане (несмотря на все коллизии суверенизации, проявлений этнонационализма и межнациональных напряжений) достаточно высокого уровня взаимной комплиментарности русских и казахов. Чувства симпатии к русским испытывают 60% казахов, соответственно симпатизируют казахам 47% русских. В то же время в Казахстане, как и в России, доля желающих войти в состав объединенной Европы оказалась меньше, чем доля отдавших предпочтение союзу России, Беларуси и Казахстана. Евразийская ментальность в условиях глобализации создает наиболее приемлемую толерантность между народами Евразии.

Ментальность евразийской цивилизации представляет собой совокупность наиболее устойчивых и продолжающихся во многих поколениях осознанных или неосознанных архетипов народов Евразии, подсознательной взаимной комлиментарности, символов (святынь, идеалов, ценностей, принципов), а также объединяющих их мировоззренческих установок. Когда речь идет о глобализации, имеют в виду, что технологические, экономические, технические, организационно-управленческие процессы приобретают некие стандартизированные, приемлемые для обеспечения более полного сотрудничества общие черты и характеристики. Попытки уравнять и в одном ключе рассматривать цивилизацию, как и глобализацию, не могут не вызывать вполне обоснованный протест и возражение. Тем более что глобализация в сфере культуры несет в себе ярко выражен-

ный оттенок вестернизации, европеизации и даже американизации. В этой ситуации происходит вольное или невольное навязывание ценностей одной цивилизации другой.

Поэтому для массового сознания современного евразийского общества, мозаичного по своей природе, в настоящее время особенно характерны формы проявления традиционных «культурных оппозиций», представляющих разнонаправленные ценности от возрождения национальных языков до активизации религиозной деятельности представителей различных конфессий. Как показывают социологические исследования, события 90-х годов XX века значительно повлияли, но существенных изменений в иерархию основных жизненных ценностей не внесли. У казахстанцев, так же как и у россиян и белорусов на первом месте остались семья, интересная работа, спокойная совесть, а на последнем – власть, признание, карьерный успех. В условиях глобализации дальнейшее исследование евразийской личности является насущной необходимостью. Анализ всемирно-исторических событий XX века показывает, что период протекания их, с достижением исторической цели, составляет примерно 15 и не более 20 лет. Тенденция стремительного сжатия социального времени позволяет предположить, что основы управления евразийской цивилизацией необходимо заложить в течение 15–20 лет XXI века.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ КОНТЕНТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВОСТОЧНОГО ПЕРИПАТЕТИЗМА

Г. К. Курмангалиева

В современной культуре диалог, являясь универсальной формой общения между индивидами, признается также и в качестве всеобщей формы взаимодействия между культурами, народами и государствами. Он проявил себя как наиболее продуктивное средство общения, соответствующее складывающимся в современном мире взаимоотношениям, и стал неотъемлемой характеристикой современной эпохи. Она же, расширяя горизонты общения и взаимодействия между государствами, странами и народами, делает в то же время это общение и взаимодействие более тесным и необходимым.

Порождаемые цивилизационным развитием угрозы побуждают мировое сообщество настоятельным образом развивать диалогическую форму взаимоотношений, культуру согласия и взаимопонимания. Идея проведения 2001 года под знаком диалога культур и цивилизаций, принятая ООН по инициативе Президента ИРИ Сейида Мухаммада Хатами, свидетельствует о том, что диалог и взаимопонимание также актуальны для исламского мира, как и для всего человечества.

Проблема диалога, принявшего в настоящее время всеобъемлющий характер, ставилась и осознавалась философией и раньше. Исторический опыт ее осмысления и попыток решения на предшествующих этапах развития, в частности в исламском средневековье, ставшем эпохой классических форм философствования на арабо-исламском Востоке, сохраняет свою актуальность и в наши дни. Опыт восточного перипатетизма актуален потому, что, конкретно-исторически решая проблему диалога, восточный перипатетизм обозначил и вехи универсального понимания диалога, его общечеловеческого содержания и предназначения. Этот опыт может быть репрезентирован в новом социокультурном и интеллектуальном пространстве, так как наше обращение к прошлому является возможностью совершить прорыв в будущее.

Каждая культура претендует на всеобщность и стремится к ней, но и человек без стремления к своей всеобщности не может общаться с таким же, как он, но в то же время другим человеком. Культура лишь тогда культура, когда она персонализирована в

личностях, когда общение культур актуализируется в общении личностей. Если таким образом подходить к диалогу культур, то становится ясным, что диалог отражает и выражает общение уникально-всеобщих личностей. Именно таким представляется диалог восточных перипатетиков аль-Фараби, Ибн Сины, Ибн Рушда и др. со своими предшественниками и «учителями» в философии – Платоном и Аристотелем, а также их последователями.

Когда мы обращаемся к наследию этих мыслителей, то в их разнообразных произведениях мы находим рассуждения, свидетельствующие о полемичности и дискуссионности интеллектуально-духовной атмосферы исламского средневековья. Диалог в скрытом виде всегда присутствует в философском тексте, поскольку тот, кто ясно обозначил, что произносит слова другого, уже отличает себя от другого, вступая в разговор с ним. Эта традиция особенно укрепилась в исламской культуре, поскольку Коран рассматривался как речь Бога, и всегда было особенно важным указать цепочку передатчиков того или иного положения, той или иной точки зрения по вопросам вероучения. Полемика и обращение к авторитету – две необходимые особенности философского диалога восточных перипатетиков.

Восточный перипатетизм осознал в форме «комментирования» способ существования философского знания как постоянного межкультурного и межличностного диалога. Философия вырабатывала универсальный и всеобщий язык такого диалога, инструментарий и способ его бытия, становясь в этом смысле сущностным феноменом культуры. Продолжая свою жизнь в новом духовно-культурном контексте ислама, философия Платона и Аристотеля вдохнула в творчество средневековых арабоязычных философов энергетический импульс исследовательской деятельности в новых горизонтах пространства мысли, ранее неизвестных исламскому миру.

Духовно-нравственная атмосфера поиска смысла Божественного Слова, возвышающего человека, устремленного к вершинам божественного, создавала уникальную атмосферу содружества и сотворчества представителей разных культур. Об этом, например, Э. Ренан пишет так: «Любовь к науке и к прекрасному породила в десятом веке в этом привилегированном уголке земного шара такую терпимость, пример которой мы едва ли могли бы найти в современной жизни. Христиане, евреи, мусульмане говорили на одном и том же языке, наслаждались одной и той же поэзией, принимали участие в одних и тех же литературных и научных трудах. Все преграды, которые отделяют друг от друга людей, были разрушены: все единодушно работали на пользу общего дела цивилизации» [1, с. 592].

Тенденция движения мысли к тотальности в философии восточного перипатетизма получила гипертрофированную интерпретацию как диалога-идентификации с мыслями предшественников. В этом случае ее рассматривали как только лишь комментаторскую, принимая в качестве только лишь изложения взглядов греческих философов, что нашло свое отражение в понимании философии на средневековом арабоязычном Востоке как сугубо греческого феномена, следовательно, феномена, чужеродного исламу, ставшего истоком западной культуры.

На самом деле в средневековой арабо-исламской философии имел место диалог-адаптация, способствовавший более глубокому пониманию ею самой себя и культуры, которой она была обязана своим рождением, ее особенностей, а также способствовавший формированию в ней тенденции рассмотрения историко-философского диалога как процесса, в его темпоральности и в преемственной передаче всеобщего содержания.

Попытка показать процесс постижения истины как культурно-созидательный и процессуальный, устремленный к единству многообразного, у истоков которого в средневековой исламской культуре стояли восточные перипатетики, представляет собой

важный шаг в осмыслении и утверждении историко-философской методологии и ее концептуальности. Диалог рассматривается как способ нахождения истины, где философия исторически постигает свой предмет через позиции и точки зрения всех тех мыслителей, кто задавался целью «попасть из лука в цель». Диалог не только подводит к поискам истинного метода познания, но сам и становится методом познания, выражая своим назначением глубинную интенцию средневековой исламской культуры, культуры Книги – постичь смысл Божественного Слова.

Позиция восточных перипатетиков, тем самым, наполняется не только гносеологическим, но и онтологическим пониманием диалога в качестве основания бытия человека, укоренного в Боге. Ислам, с одной стороны, показал человеку его глубокую причастность бесконечному бытию – вечности, но, с другой стороны, он же и показал человеку, что он – конечен. Человек, будучи конечным, но способным войти в мир «Божественного Присутствия», поэтому был нацелен по своей сути на глубокие размышления и рефлексию по поводу сложнейших экзистенциальных проблем: конечного и бесконечного, вечного и временного, сущности и существования.

Обретение духовности – этого высшего, предельного смысла человеческого бытия и развития человека – было смысловой задачей средневекового мира. Духовность означала обращенность человека к Богу, его причастность к непреходящим ценностям – добру, истине, красоте, справедливости, милосердию и гуманизму. Человек, являясь по своему существу извечным учеником Бога, вступает в смыслосозидающий диалог с ним, и, пытаясь понять свое предназначение, устремляется к вершинам божественного. Возвышаясь к миру божественного, человек изменяет себя как личность и созидает новые смысложизненные горизонты своего бытия.

Жизнеутверждающая философская позиция восточных перипатетиков заключается в том, что их убежденность в познавательные возможности человека, одухотворенного нравственным началом, придавала их научному поиску в сфере изучения природного мира ценностную значимость, а в сфере общественных отношений – практическую нацеленность на создание модели общественного устройства, наиболее соответствующей подлинному бытию и предназначению человека. Эти философские завоевания мыслителей исламского средневековья актуализируют современный интерес к их духовному и творческому наследию.

Литература

1. Ренан Э. Аверроэс и аверроизм. // Аверроэс (Ибн Рушд). Опровержение опровержения. – Киев, СПб., 1999. – С. 590–682.

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОСТИ В КАЗАХСКОМ МИРОПОНИМАНИИ

Ж. Б. Ошакбаева

Начиная с древнейших времен, основанием для самобытности культуры народа были имманентные формы духовности, являющиеся содержанием этой культуры. Поиск внутренней логики казахского самосознания предопределяет саму постановку общих проблем, познавательные подходы к ним и саму предметность этого сознания. Понимание самобытности культуры казахов выражает самостоятельность, качественную определенность общества, что основано на общности и своеобразии жизненных доминант его членов. Здесь слились воедино различные стороны общественного бытия, онтологические и гносеологические аспекты общественного сознания, непреходящие элементы

существования и внутренние источники развития. Самобытность оказывается одним из движущих принципов истории, жизненным ядром культуры, стержнем и динамическим принципом развития общества.

Понятие самобытности общества коррелируется с пониманием его специфики, своеобразия, которое непосредственно выражается в области норм и обычаев, ценностей и форм поведения. Здесь зафиксированы ценностно-духовные аспекты жизни людей, отражающие независимую природу, собственные источники развития. Это основано на цивилизационной концепции, восточном универсализме, на изучении дальних и ближних корней генезиса общества, оценке преемственности между прошлым и настоящим, диалоге культур различного времени и пространства. На этом пути стали возможными исторические и смысловые параллели в культуре народа разных времен, объединения сторонников единой культуры на основе идей творчества и патриотизма.

XVIII веке в культуре казахов сохранились все традиции, присущие средневековым кочевым образованиям Евразии. Это ярко проявляется как в материальной, так и в духовной культуре. Сокровища устной литературы создавали и передавали из поколения в поколение талантливые люди – акыны, жырау, певцы-импровизаторы.

В творчестве казахских жырау разрабатывалась одна из вечных тем многовековой истории культуры – тема гуманности, человечности. Разумеется, эту общечеловеческую тему казахские жырау разрабатывали по-своему, сообразно требованиям своего времени. «Хорошего человека», «плохого человека» они изображали через призму своих представлений и воззрений. Основная суть поэтических размышлений казахских жырау сводится, в большинстве случаев, к изложению и объяснению того, что «хорошо» и «плохо», кто является «хорошим человеком», «кто плохим», к понятиям «справедливость» и «несправедливость», «положительное» и «отрицательное». В период, когда жили и творили жырау старейшины родов – аксакалы – управляли родами и племенами вместе с биями и султанами, беками и батырами. По этой причине произведения казахских жырау посвящались отдельным султанам и ханам, батырам и биям. Обращаясь к ним, жырау утверждали, что от поведения и поступков правителей зависит жизнь и благосостояние родов и племен, отсюда идеализация образов батыров-правителей. Рождение таких людей, т.е. батыров, предводителей ополчения, «акынов-ораторов», призывающих в поход, понималось как счастье для рода и племени. Поэты поучали правителей, давали им советы. Например, Шалкииз-жырау дает такие советы Темиру-правителю:

...Добрым людям, рода сыновьям, Дай скота, будь дружен с ними сам. Это нужно и тебе и нам... Ты не принижай людей своих. Коль принизишь ты людей своих. Не найдешь ты помощи у них... Не вступай сам с силачами в бой, Чтоб не насмехались над тобой. Над твоей бессильною борьбой. Лучше умный враг. Чем глупый друг.. [1].

Проблема нравственности – одна из основных в поэзии жырау. Например, по мнению Актамберды-жырау, самый счастливый человек тот, у кого братьев и родичей много, «жена очень кроткая и исполнительная», у кого «на джайляу растет скот», и тот, «кто умеет обращаться с людьми», «кто отличается щедростью и добротой». К отрицательным чертам он относит неверность, скупость, хвастовство, горделивость. По мнению многих жырау, признаком несчастья считается отсутствие детей или рождение только одного ребенка в семье, одиночество в старости и т.п.

Истинная, позитивная духовность это совокупность ценностей, идей и чувств любви и добра, возвышенного и прекрасного, совести и альтруизма, жажды знаний и сохранения мира с другими людьми, бережного отношения ко всему живому, к природе в целом. Такая духовность вдохновляет личность на добрые дела, милосердие к людям и

творческий труд, вселяет оптимизм, уверенность в успехе доброго дела. А отсутствие духовности или же пребывание в состоянии негативной духовности, напротив, озлобляет волю, изощряет в хитрости и коварстве разум, порождает неверие в достижение справедливости, и тем самым подогревает эгоистические страсти, что ведет к порокам и преступлениям. Поэтому очень важно помочь каждому человеку в формировании положительной духовности, в предотвращении скатывания его на путь к духовности негативной, фальшивой, низменной, приносящей людям страдание и горе.

Таким образом, под духовностью как свойством души или менталитета человека, нужно понимать ориентацию его духа, а, следовательно, и души, менталитета на высшие, позитивные ценности и способности, а также соответствующие переживания и порождаемые ими гуманные практические действия как формы проявления подлинной человечности и высокой культуры. Одним словом, духовность есть Человечность.

Под «хорошими» и «плохими» жырау подразумевал не членов различных социальных групп, а членов всего общества. Бухар-жырау не воспевал бая и не унижал бедняка. Он желал для всех без исключения мира, покоя, единства и благополучия. В своих призывах Бухар-жырау не просто говорил о единстве, но и звал к демонстрации подлинных примеров патриотизма, геройства и отваги. Именно поэтому истинный смысл и цель человеческой жизни, счастье человека, а также разрешение многих других нравственных проблем Бухар-жырау видел в служении народу и борьбе за свободу и независимость [2]. Мыслитель, ставший, бесспорно, одним из символов казахской духовности, полагал, что доброе имя остается у человека, поступавшего нравственно, делавшего добро людям, служившего интересам своего народа.

Шакарим высказал гениальные идеи, которые до сих пор не реализованы. Он считал, что «в процессе воспитания человека необходимо разработать науку совести... По моему разумению, основой для хорошей жизни человека должны стать честный труд, совестливый разум, искреннее сердце. Вот три качества, которые должны властвовать над всем. Без них не обрести в жизни мира и согласия». Для Шакарима-мыслителя совесть не просто феномен нравственности, она – способ онтологическое. «Человечную скромность, справедливость, доброту в их единстве, – писал Шакарим, – я называю мусульманским словом уждан, русским – совесть» [3].

Традиционное мировоззрение казахов характеризуется признанием свободы и индивидуального начала в человеке. Антропоцентризм – важная черта казахской философии. Сутью этого является признание абсолютной значимости человеческой личности, ее жизни, ее внутреннего мира, т.е. независимости оценок личности от ее классовой, сословной, национальной и т.д. принадлежности. Каждая личность абсолютна и значима, ценна сама по себе, независимо от ее положения в мире. Эта абсолютная значимость коренится в приобщении данной личности к абсолютным ценностям, т.е. личность становится личностью лишь через внутреннюю работу души к приобщению к абсолютным ценностям добра, истины, справедливости, красоты. Все эти ценности носят абсолютный характер и не зависят от различных эпох, культур, интересов. По мнению казахских философов, человек непрерывно создается, самосозидается. Это самосозидание зависит от внутренних усилий человека, которые одновременно ведут к внутренней свободе. Гуманизм проявляется в утверждении индивидуального начала в человеке, уникальности его бытия, признанием значимости роли человека в обществе. Поэтому вывод о том, что человеку уготовано непрерывное движение, развитие и свободное проявление способностей, стремление к свободе и к совершенствованию, самоосуществлению и самоопределению, является здесь вполне естественным и обоснованным.

Духовный кристалл внутреннего мира мыслителей равномерно отсвечивает как в

контексте евразийской культуры, так и общечеловеческой цивилизации.

Литература

1. Поэты пяти веков: казахская поэзия XV – начала XX веков. – Алматы: Жазушы, 1993.
2. Қазақ даласының ойшылдары (XVI–XVШ вв.) 3-книга. – Алматы: ИФПР, 2001.
3. Шакарим. Записки забытого. – Алматы? 1993.

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Ж. К. Мадалиева

Одной из самых острых проблем современного развития является сложные трансформационные изменения в социально-культурной сфере. Феномен культуры общества транзитного типа, к которым относится и современный Казахстан, важен в связи с тем, что культура является по своей сути ключом социальных инноваций, важнейшим транслятором общественно-политического и социального устройства. Процесс любых экономических преобразований должен быть обеспечен соответствующими социально-культурными и духовными основаниями. Ведь именно культура и духовное развитие, а не экономика или политика являются тем щитом, который может защитить мир от экономической катастрофы, межнациональных конфликтов и войн. «Что касается казахстанской культуры, то в ней очень сильно традиционное начало» [1, с.7-13].

В настоящее время в Казахстане идет осмысление тех ценностей, которые можно продуктивно использовать в процессе собственной модели развития. Здесь важно, чтобы тяга к инновационности, которая в значительной степени определяет модернизационные устремления казахстанского общества, сопровождалась тактичным и уважительным отношением к собственному культурному наследию. Закрепление в массовом сознании заниженной самооценки культурного достояния, истории, государственной значимости и, напротив, постоянное некорректное подчеркивание преимуществ другой общественной системы, культуры, формы государственности опасно развитием саморазрушительных тенденций в обществе.

Решение национальных проблем вносит большой вклад в общий цивилизационный прогресс, хотя и их неверное решение (идеологизация, рационализация) содержит в себе угрозу уничтожения специфики многих духовных и материальных ценностей общества. Становится важным, критически осмысливая базисные идеи философии и ценности культуры, выяснить, как они могут сегодня видоизменяться и какие предпосылки их трансформации в контексте изменившихся познавательных установок. Обновленные философские и эпистемологические подходы и установки заново направляют интерес к расширению проблем границ разума, к вопросам, связанным с соотношением фанта и истины, знания и мудрости, науки и искусства, искусства и политики и т.д. «…Изолировать свою национальную культуру от других культур – это тупиковый путь для культуры любого народа, а способность одного народа осваивать достижения другого – важный показатель жизнеспособности культуры. Национальная культура должна быть открытой для мира, она не может развиваться вне целостного исторического контекста, в котором функционирует культура данной эпохи. Смысл культурного движения по этому пути в том, чтобы открыть простор национальному духовному развитию, свободе национальных культур и языков, с вниманием относится к особенностям каждой культуры на основе общечеловеческих приоритетов» [2, с.228].

Следует отметить, что духовность человечества формировалась вместе со становлением человека и его культуры. Антропологи утверждают, что элементы духовности возникли и развивались в длительном процессе антропосоциогенеза. Духовность в нашем понимании есть способность переводить универсум внешнего бытия во внутреннюю вселенную личности на аксиологической, интеллектуальной основе; способность создавать тот внутренний мир, благодаря которому реализуется потенциал человека, ликвидация его жесткой зависимости от постоянно меняющейся ситуации. Индивидуальность есть своеобразный итог развития духовной культуры общества, а сама эта культура есть своеобразный итог духовного саморазвития и самоопределения каждой в отдельности личности.

В этой связи важной особенностью современной духовной жизни является то, что в различных формах философско-эстетической культуры прошлого отражаются и трансформируются социальные реалии того времени, в котором они возникли. Непреходящей значимостью культурного наследия является его плодотворное воздействие на современную духовную жизнь, на процесс осмысления действительности. Духовному наследию казахского народа присуще богатство идейно-художественного содержания, жанровое многообразие, глубина трактовки конкретных исторических событий, созвучной с достижением мировой философско-гуманистической мысли.

«Центральным звеном в культуре является традиция, которая представляет собой форму социального наследования, стабильность и устойчивость. Роль и значимость традиций в жизни народа неоднократно подчеркивает Президент Казахстана Н.А.Назарбаев: «Роль традиции в жизни народа неоспорима. Культурные традиции всегда были источником социального возрождения. Возврат к своим истокам, культурным корням – это конечно, позитивный процесс» [3, с. 10].

Более того, духовно-нравственные аспекты философии раскрывают своеобразие каждого культурно-исторического этапа, рельефно отображают то, что наиболее актуально для человека на данный исторический момент. В рамках культуры люди объединились с целью коммуникации, защиты от негативного стремления к качественно лучшему и духовному.

«…История незыблема. Движение ее неумолимо и прошлое зачеркнуть невозможно. И попытки сделать это тем более чудовищны, что так называемая «новая культура» способна лишь создавать руины» [4, с. 413]. Поэтому сейчас наступило время переосмысления культурных ценностей, оставленных нашими предками. Сегодня взгляд ученых обращен к изучению и использованию народных духовных сокровищ. Это исследование наследия Коркыт-ата, Шакарима и многих других. Сам процесс философского освоения сопровождается открытием новых пластов прошлого и современности.

Казахская философская мысль всегда стремилась определить путь установления доброжелательных отношений между различными людьми и государствами. Кроме того, в казахской философии выражена суть национального характера народа, открытая к другим культурным влияниям и традициям.

«Именно «духовность» в казахской культурной традиции предстает способным вывести человека за пределы объективного мира, выступает условием возможности трансценденции человека, достичь которую личность может только в совершенстве природы, общей всем людям…» [5, с. 68].

«Освоение духовного наследия ушедших поколений, восстановление исторической памяти откроет нам дорогу для расцвета нашего Казахстана, духовного развития общества» [6, с. 92].

Необходимо понять, что культура – это многосоставное образование, сложная, многоуровневая система. Раз система, она должна быть сложена из взаимосвязанных и

иерархически соподчиненных элементов. Тогда закономерно напрашивается вопрос о необходимости выделить в этой системе стержень, смыслообразующее ядро, глубинный мировоззренческий фундамент, на основе которого выстраивается все культурное здание. Справедливость, нравственность и совесть должны лежать в основе этого здания. Эти понятия являются универсальными ценностями человечества, поддерживаемыми всеми мировыми религиями и культурами.

Пришло время, когда необходимо говорить о диалоге культур на опыте нашей республики. Есть сложившаяся казахстанская традиция, казахстанский рецепт мирного сосуществования различных культур в одной многонациональной стране, который может быть полезен всему миру. Особо важную роль в этом процессе занимает – сохранение культурного наследия Казахстана. Казахская традиция может подсказать, на чем должно строиться единство и разнообразие стран мира, и что должно быть стимулом для развития поколений. Взаимное терпение и стремление к взаимопониманию должны привести к мирному сосуществованию различных культур и народов.

Литература

1. Кодар, А.А. Инновационные явления в современной культуре Казахстана // Казахстанская культура: между традицией и экспериментом. – Алматы, 2011 – С. 7–13.
2. Курганская, В.Д. Этническое многообразие казахстанского общества. К истории миграции и межкультурных взаимодействий в Казахстане // «Формирование толерантного сознания в современном казахстанском обществе». – Алматы: ИФиП КН МОН РК, 2009.
3. Назарбаев, Н.А. Идейная консолидация общества как условие прогресса Казахстана. – Алматы, 1993.
4. Федоренко, Н.Т. Кавабата Ясунари – М., «Советский писатель», 1982.
5. Рысбекова, Ш.С. Казахская философия как базис государственной идентичности // Проблемы религиозной идентификации в контексте национальной безопасности. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Казахского национального университета им. аль-Фараби. Алматы, 14 ноября 2008 г. – Алматы: Казак университеты, 2008.
6. Габитов, Т.Х. «Освоение духовного наследия откроет нам дорогу» // «Аль-Фараби». – 2007. – № 4(20).

МЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

И. Е. Ширшов

Равноправный, симметричный диалог и плодотворный обмен культур важными достижениями, в котором участвуют солидаризирующиеся этносы и нации, складывается в условиях постепенного вытеснения моделями *полицентристской* и *альтернативной* глобализации модели *вестерн-глобализации* и утверждения рационально понятой стратегии поликультурализма и мультикультурализма. Эта стратегия предполагает возрастание роли составляющих общую площадку многоканальной коммуникации *универсалий* и *инвариантов* культуры, основу которых составляет слагаемые общечеловеческой ментальности. Последние рельефно и своеобразно выражаются скрепами общеславянской ментальности. В свою очередь их (скрепы) исторически репрезентировали непреходящие требования всехристианской этики, реконструированные Франциском Скориной и Симеоном Полоцким, совпадающие с ними разделенные гуманистические ценности, нормы, идеалы всеобщей морали, выкристаллизованные Григорием Сковородой

и Владимиром Соловьевым, которые, как и Альберт Швейцер, проповедовали «благоговение перед жизнью», хрупкую, но неистребимую человечность.

Важнейшим условием плодотворной взаимной коммуникации, осуществляемой на благоприятном эмоциональном фоне, является выработка ее участниками совместных ценностей и установок на взаимопонимание, партнерство, поиск социальной солидарности на базе инвариантов общечеловеческой культуры при формировании идеологического «контура управления» поливектарной коммуникацией, в которой могут участвовать субъекты разных национальных культур (в том числе находящиеся в студенческих аудиториях), в качестве форм проявлений и дополнений этих инвариантов могут, повторяем, выступать «референтные» ментальные универсалии общеславянской культуры. Среди последних можно выделить, прежде всего, миролюбие и миротворчество, акцентированную душевную проникновенность (эмпатия), склонность к духовному синтезу разнообразных знаний, соборное понимание правды и справедливости, сердечное влечение разума, гармонизацию Женского и Мужского начал в гуманистической культуре и их попеременное лидерство в различных сферах человеческой жизнедеятельности.

Данные и им подобные ментальные универсалии и вытекающие из них ценностные ориентации на объединение этносоциальных слоев и стратов позволяют решить ряд ключевых задач управляемой коммуникации:

1. Они (ментальные универсалии, ценностные ориентации) расширяют сферу действия теплых, доверительных эмоциональных отношений, которые, согласно замечанию А. Моля, сделанному в «Социодинамике культуры», увеличивают возможности других межиндивидуальных взаимодействий (функциональных и иерархических), облегчают их реализацию, усиливают их интенсивность и плодотворность в областях учебной и профессиональной деятельности.

2. Благодаря включению славянских скреп в идеологическую подоснову коммуникаций, последняя более совершенно выполняет свою роль по преодолению тех первоначальных препятствий к взаимопониманию, временных сбоев в налаживании отношений, которые обусловлены социальными, этническими, образовательными и культурными различиями участников общения. Как отмечает Н. Смелзер в монографии «Социология», конструктивные идеологии «служат для ослабления социальной напряженности», амортизации и предупреждения общественных конфликтов. Этому, добавим, способствует опосредующая эти идеологии миролюбивая направленность гуманистической славянской культуры.

3. В целом идеологически трансформированная славянская ментальность не только сглаживает «острые» углы, но и способствует конструктивному разрешению социальных противоречий самой устойчивой ориентацией на альтернативное вестерн-глобализации *всечеловеческое единство,* стратегия эволюционного становление которого вырабатывалась, в частности, русским космизмом.

Менталитет и ментальность – две противоположные формы коллективного предсознательного. Первый основополагает дифференциацию, вторая – консолидацию социально-культурных общностей. Между этими двумя противоположностями может возникнуть единство или диспропорция. В норме менталитет и ментальность обнаруживают тенденцию к становлению подвижного динамичного равновесия, гомеостаза, что способствует схождению общественных мнений, формированию конструктивной системы мировоззрения и идеологии, объединяющей различные этносоциальные группы и страты вокруг консолидирующих идей и ценностей. Такую примерно картину мы наблюдаем в Республике Беларусь, в которой нет ментальной почвы для социальных, национальных и религиозных конфликтов. Здесь гражданское общество и государство

всеобщего доверия руководствуется генеральной идеей совершенствования перспективной модели развития (конвергентного общественного строя), в которой социально-экономический, политический, культурный, ментальный, идеологический компоненты находятся в органическом единстве, образуют нераздельное целое. В настоящее время идеология белорусского государства не может не учитывать то обстоятельство, что тон общенациональной культуры и цивилизации задает доминирующий белорусско-русский менталитет, корреспондирующийся с общегражданской ментальностью, а также соответствующая ему господствующая межнациональная культурная форма. Заповедная белорусская национальная культура ныне специализируется на выращивании стиля творческого *традиционализма*.

Надо отдавать себе отчет в том, что идеология хотя и вырабатывается профессиональными политиками, теоретиками и под совпадающими углами зрения обогащается извлечениями из гуманитарных наук, тем не менее, находится под влиянием происходящих в обществе ментальных сдвигов, согласования различных мнений и мировоззрений, сама активно воздействуя на функционирующие формы коллективного сознания и предсознательного. Итоговый результат во многом зависит от того, какой именно складывается идеологический «контур управления».

Таким образом, существует прямая и обратная связь между отмеченными слагаемыми духовной жизни, которую можно представить на следующей упрощенной схеме: менталитеты ↔ ментальность ↔ публичные мнения ↔ мировоззрения ↔ идеология. Конструктивная идеология белорусского государства призвана во всех своих проявлениях, на всех направлениях регулятивного действия согласовываться с устойчивой конфигурацией и ценностными доминантами стиля, формообразующей ментальной матрицей отечественной культуры и цивилизации.

В общенациональной культуре и соответствующей цивилизации, сложившихся в нашем обществе, идеологическое управление социально-культурными процессами ориентировано векторами плодотворной межнациональной коммуникации, органической социальной солидарности и общественного консенсуса. В Республике Беларусь их основу составляют соответственно общенациональная ментальность, общенациональная идея, конструктивное и перспективное мировоззрение. При этом данные векторы задаются гуманистическими инвариантами мировой культуры, духовно-нравственными универсалиями славянской культуры, разделенными ценностями, нормами и достижениями нашей многонациональной (в значительной части смешанной) интер-культуры. Следует неуклонно усиливать влияние стиля творческого *традиционализма,* основополагаемого коренной национальной культурой на культуры национальных меньшинств, гибридные межнациональные культурные формы. Данный стиль находит свое преломление в экономических, политических (государственно-правовых) институтах отечественной цивилизации, воздействует на ход эволюционной совершенствования белорусской модели.

Идейно-воспитательная работа в ВУЗе, осуществляемая в учебных аудиториях и во внеучебное время, должна строиться на тех же принципах межкультурной коммуникации, равноправного симметрического диалога его участников, на их взаимном расположении друг к другу и неуклонной ментально-мировозренческой адаптации. Необходимо достигать в данной коммуникации и данном диалоге высокого уровня эмпатии и корпоральности. В целом в сфере образования вообще и гуманитарного, в частности, целесообразно комбинировать разные виды социально-культурной коммуникации в зависимости от контекста и решаемых задач. Но при всех вариантах преподаватель должен в процессе доверительного общения со студентами (в том числе выходцами из зарубежных стран) создавать атмосферу социабельности (дружеского расположения),

адаптироваться к ним как к носителям определенных культур или меж- и полинациональных (гибридизированных) культурных форм, уважать вкусы, интеллект и жизненную позицию каждого.

ПРИОРИТЕТНОСТЬ УНИВЕРСАЛЬНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НАД «МАТЕРИАЛЬНЫМИ» В ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛАРУСИ

И. Н. Харитонов

Национальная идентичность, на наш взгляд, представляет собой двухуровневую структуру. Первый уровень – это уровень социальной идентификации с определенным социальным и даже географическим объектом: будь то этнос, определенный народ, нация, страна, государство и т.д. Второй уровень – ценностный, на котором осуществляется идентификация с определенными ценностями, отражается тождественность ценностей. Белорусскую национальную идентичность отличает поливариативность на идентификационном уровне, когда жители Беларуси могут чувствовать себя преимущественно и советскими людьми, и белорусами, и не белорусами, и просто жителями определенных регионов. Такие особенности дают некоторым интеллектуалам основания говорить об отсутствии у белорусов национальной идентичности в связи с размытостью определенного макросоциального объекта идентификации. На наш взгляд, преимущественное значение идентификационного уровня идентичности для определения ее состояния и характеристик не всегда уместно. Не стоит отодвигать на второй план ценностное содержание национальной идентичности. Именно определенные социокультурные ценности становятся ведущим базисом такой идентичности, особенно в условиях размытого идентификационного уровня. Да и собственно национальные ценности определенного характера и являются, на наш взгляд, основанием национальной идентичности. В этом ракурсе, человек который называет себя советским человеком или полешуком, но при этом действительно поддерживает независимость Беларуси и не желает ее утраты, может быть назван обладателем национальной идентичности. Акцент ставится не на конкретный образ группы, а на ценности в отношении государства, страны и себе подобным.

Известно, что дискурс о национальном делится на два основных подсегмента: на дискурс об этническом (этноязыковом) национализме и на дискурс о гражданско-политическом национализме. Анализируя эти два вида дискурса, мы пришли к выводу, что, несмотря на различия по форме, их объединяет наличие того, что можно назвать универсальными национальными ценностями социального, культурного и политического характера: ценности суверенитета, социокультурной аутентичности, солидарности, патриотизма и сохранности.

Значимость государственного суверенитета страны, ее независимость является одним из ключевых элементов национальной идентичности, которая, в общем-то, и понятна. Под ценностью социокультурной аутентичности мы понимаем значимость наличия и сохранения культурных, социальных и иных особенностей определенной нации. Нация следит за сохранением маркеров и особенностей своего бытия и истории, которые выделяют ее на фоне других. Ценность солидарности предполагает готовность к помощи и к объедению со своими соотечественниками в большей степени, чем с другими. Ценность единства и взаимопомощи среди своих – важный идеологический и общественный компонент национального сознания. Ценность сохранности, иначе говоря,

стремления к самопродолжению отражает готовность нации сохранять свою выделяемость в мире и далее. В истории известны примеры возникновения национальных образований, в сохранении которых жители не были сильно заинтересованы.

В ценностном содержании идентичности могут быть и другие ценности, возводимые на уровне идеологии в сферу значимых. Одной из таких ценностей является ценность материального благополучия, процветания. Обратим внимание, что вопросу и задаче процветания в белорусской идеологии уделялось (особенно до последнего времени) очень много внимания. Это важный аспект. Таким образом, в базис белорусской национальной идентичности закладывался образ процветания. Повсеместно можно было увидеть и услышать лозунги о процветании Беларуси, о богатом и успешном в экономическом плане народе, о добробыте. В каком-то смысле здесь белорусскость подменяется понятием «богатого и процветающего народа в центре Европы». Кому же неприятно осознавать себя принадлежащим к богатому и процветающему народу? Такая риторика характерна для многих постсоветских стран. Она встречается и в Узбекистане, активно выстраивающем национальное государство, и в Казахстане, и в России, до определенной поры и на Украине, и даже в Кыргызстане.

Однако, на наш взгляд, такая практика отодвигания на второй план универсальных национальных социокультурных ценностей и излишняя смысловая нагрузка на образе процветающего народа крайне уязвима. Состояние национальной идентичности становится существенно зависимым от волатильности рынков. Следует отметить, что после череды мировых экономических трудностей риторика процветания и богатства стала несколько неуместной. Например, в Кыргызстане выступили с предложением вообще убрать строчки о процветании из национального гимна. В то же время, небогатые страны с низким уровнем жизни, но при этом с крепкой и развитой идентичностью, наоборот, показывают стабильность и желание сохранять свой суверенитет, несмотря даже на возможные выгоды от союза с более обеспеченными соседями. Примерами таких стран могут быть, например, Грузия, Украина.

Таким образом, более важным, на наш взгляд, является акцент на социокультурных ценностях. Они в меньшей степени зависят от волатильности рынков. Необходимо разрабатывать национальную политику с учетом именно этих ценностей. Не нужно делать богатство и добробыт сверхценностью. Сверхценностями, а значит основными темами национальной идеологии, должны быть независимость, культурная аутентичность (постулируемая не на формально, а на реально культивируемых культурных и исторических особенностях: языковых, социальных и т.д.), близость и взаимопонимание среди белорусского народа.

Таким образом, лозунгами национальной идентичности могли бы быть не лозунги «За процветающую Беларусь», «Крепкая и сильная Беларусь», а, скорее всего, лозунги «Мы – белорусы», «Мы – тысячелетний народ», «Белорусская история богата», «Родная мова», «Белорусский язык – один из самых красивых и функциональных языков мира», «Беларусь – краіна некранутай прыроды і захаваных традыцый», «Мы – хозяева своей судьбы» и т.д.

Примером удачного лозунга, отсылающего к социокультурным национальным ценностям, на наш взгляд, является французское «Свобода. Равенство. Братство». Похожий трехсловный лозунг российской империи «Самодержавие. Православие. Народность», наоборот, показывает, каким не должен быть слоган национальной идентичности, так как скрывает в себе потенциальную ретроградность и конфликтогенность.

С учетом вышесказанного, для Беларуси мог бы подойти, например, трехсловный лозунг «Незалежнасць. Самабытнасць. Адзінства» или «Незалежнасць. Пераемнасць. Роднасць».

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ И ГЕОКУЛЬТУРНОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ

С. А. Морозов, Р. С. Лаво

Понимание важности многообразия этнокультурных сообществ как источника и ресурса устойчивого развития сложилось в науке во второй половине XX века [1, с. 1]. Важнейшим системным элементом этнокультурных сообществ, формирующим их место и роль в геокультурном пространстве является этнокультурная идентичность. Идентичность, в том числе и этнокультурная, интерпретируется как межсубъектный процесс, самопознания и самопозиционирования во внешнем окружении, конструирующим символические маркеры и смыслы духовной и материальной деятельности и детерминирующие процессы внутригруппового и межгруппового взаимодействия.

Этнокультурная идентичность – это многоуровневая сложная система. Основанием этнокультурной идентичности могут выступать язык, национальная или религиозно-конфессиональная принадлежность, общее историческое прошлое, традиции и ритуалы, бытоустроение, нормы, ценности, чувство общности, эмоциональную привязанность и др. Что касается ее конкретных репрезентаций в повседневной обыденной культуре, то в ней она тесно смыкается с такими важнейшими характеристиками как менталитет и этничность [2, с. 44–59].

Под этнокультурной идентичностью понимается отношение, которое формируется и трансформируется в процессе коммуникативного взаимодействия индивида, как со своей этнической группой, так и с внешним окружением. Причем этнокультурная идентичность субъекта и может проявляться, прежде всего, посредством субъектности индивидов, которые определяют по отношению к себе определенные выбранные ими значения [3, с. 213–244].

Опираясь на методологию анализа нематериальных форм капитала, разработанную Г. Беккером и К.Дж. Ланкастером в рамках теории домашнего производства в середине 1960-х годов [4] [5] и теорию социального капитала Г. Лури [6], П. Бурдье [7], Р. Патнэма [8] и Дж.Коулмена [9], согласно которой под социальным капиталом понимаются групповые социальные ресурсы, включая институционализированные отношения и межличностное доверие [10] и методологию изучения символического капитала П. Бурдье [7, с. 64,70], в которой под символическим капиталом разумеется любая собственность и любая разновидность капитала, которые воспринимаются социальными агентами, придающими ей определенную ценность [11, p. 116], попытаемся представить ресурсы этнокультурного сообщества в качестве нематериального актива или этнокультурного капитала.

Конечно, в процессе исторического существования этнокультурного сообщества происходит процесс генерации и накопления культурного и человеческого капитала. Социокультурное пространство осознается как система регулятивных оснований человеческой деятельности и ее знаково-символического содержания, воплощенного в многообразных результатах культурной практики [12, с. 8–9]. При этом территории выступают как хранители и реализаторы в повседневных социальных практиках общности локусов проживания и исторических традиций, традиционного экономического взаимодействия субъектов территориального развития, матрицы сложившейся в данных локусов культуры [13, с. 149–152].

В инкорпорированном виде этот капитал заключается в образовательных компетенциях, позволяющих его владельцу вырабатывать необходимые модели поведения. Этот капитал является продуктом первичной и вторичной социализации индивида, обу-

словлен усвоением совокупности культурных и морально-этических норм данного сообщества. Однако в объективированном виде культурный капитал содержит материальные и духовные артефакты, несущие в себе социально-культурные коды, предполагающие их оценку в данном сообществе или культурном поле. Культурный капитал позволяет усваивать субкультуру данного сообщества, адаптироваться к субкультурам других сообществ, конвертировать его в иные формы капитала. Культурный капитал образует культурно-стратификационные подсистемы социально-культурных полей общественной системы [14].

Человеческий капитал еще в 1960 г. стал предметом изучения автора теории домашнего производства Г. Беккера, полагавшего, что социальный капитал можно представить в качестве совокупности сформированных и приобретенных профессиональных знаний, навыков и умений, которые позволяют в соответствии с уровнем полученной квалификации и рядом иных социальных факторов получать доход в виде заработной платы или иных форм получения дохода [15].

Как представляется, с этнокультурными особенностями производства, функционирования, трансформации и обмена различными формами капитала оказываются в той или иной форме связанными социальный, человеческий, культурный и символический капиталы.

Интегративным ресурсом, объединяющим различные формы капитала в рамках этнических сообществ, с нашей точки зрения, выступает этнокультурный капитал. В отечественной литературе под этнокультурным капиталом понимаются ресурсы, обретенные этносом и передаваемые из поколения в поколение, к которым относят «язык, обычаи, традиции, народное творчество, религиозные обряды и только потом черты характера» [16]. Социальное поведение акторов современных рынков, в особенности в полиэтнических регионах, детерминируются рамками приемлемости, «которые обусловливаются устоявшимися и принятыми как традиционные матрицами поведения. Игнорируя доминирующие в обществе этические нормы, индивиду трудно рассчитывать на успех своего дела» [17, с. 121].

Как представляется, именно этнокультурный капитал является важнейшим ресурсом конкуренции этносов в глобальной культурной миросистеме, придавая ей необходимую гетерогенность как основание для развития всех уровней геокультурной миросистемы в целом.

Литература

1. Мастюгина, Т.М. Перепелкин Л.С. Этнология. Народы России: История. – М., 1999.
2. Семенова, Е.А. Этнонациональное и универсальное в современной обыденной культуре // Наука о культуре. Итоги и перспективы: Научно-информационный сборник. – М., 2001. – Вып. 3.
3. Дробижева, Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. – М., 2002.
4. Becker, G.S. A Theory of the Allocation of Time // The Economic Journal. – 1965. – September.– P. 494–517.
5. Lancaster, K.J. A new Approach to Consumer Theory // The Journal of Political Economy. – 1966. – Vol. 74. – P. 132–157.
6. Loury, G. Dynamic Theory of Racial Income Differences // Women, Minorities and Employment Discrimination. Lexington, 1976. – P.77–82.
7. Бурдье, П. Формы капитала // Экономическая социология.– 2005. –Том 6. – № 3. – Май [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecsoc.msses.ru. – Дата доступа: 28.02.2013.
8. Putnam, R. Who Killed Civic America? // Prospect. – 1996. – March. – P. 66.

9. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 122–139.
10. Portes, A. Social capital: Its origins and application in modern sociology // Annual Review of Sociology. – 1998. – Vol. 24. – P. 1–24.
11. Bourdieu, P. Raisons pratiques. Sur la théorie de l'action. – Paris, 1994.
12. Мерло-Понти, М. В защиту философии: сборник. – М., 1996.
13. Иванов, И. Европа регионов. – М.,1996.
14. Радаев, В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология: электронный журнал. – 2002. – Т.3. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecsoc.msses.ru. – Дата доступа: 28.02.2013.
15. Беккер, Г. Человеческий капитал (главы из книги) // США: экономика, политика, идеология. – 1993.– № 11. – С. 107–119; № 12. – С. 86–104.
16. Шарапов, В.В. Актуальные аспекты исследования позитивной этнической идентичности, межкультурного и межэтнического взаимодействия населения Поволжья // Знание. Понимание. Умение. – 2009.– № 3.– С. 199.
17. Колосовский, А.М. Кризис российской экономики и инновации: региональные и ментальные аспекты // Journal of Institutional Studies – Журнал институциональных исследований. – 2011. – Т. 3. – № 2.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

А. В. Розум

Традиционно термин «толерантность» (от лат. tolerantia – терпение) в социальных и философских науках понимается как терпимость к чужим мнениям, ценностям, взглядам, поведению [1]; «Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона» отождествляет толерантность прежде всего с веротерпимостью. Толерантный индивид – это индивид, принимающий интересы и ценности, отличные от его собственных, стремящийся к компромиссу и избегающий конфликтов.

Однако происходящее из этимологии термина отождествление толерантности с терпимостью подчеркивает только негативный, пассивный аспект толерантности. Быть толерантным в значении быть терпимым – подразумевается быть снисходительным [2]; мириться с чем-либо, уметь без вражды, терпеливо относиться [3]. То есть внешне не проявлять неприязни, сдерживаться в проявлении негативного отношения, но без попытки пересмотра и изменения позиции нетерпимости (этот аспект пассивности восприятия, внутреннего подавления агрессии подтверждают и примеры употребления слова «терпимый», приводимые в словарях, – «терпимое отношение к людям», «терпимость к чужим мнениям» и даже «дом терпимости»).

Рассмотренный выше дискурс толерантности, понимаемой как терпимость, сложился в философии Просвещения в контексте теорий «естественного договора» и неотчуждаемых прав человека. Исторической причиной возникновения подобного дискурса явились кровопролитные католическо-протестантские войны и необходимость урегулировать религиозные конфликты в условиях складывания национальных государств. Таким образом, изначально толерантность понималась, как готовность сосуществовать рядом с людьми другой веры, а религиозный и культурный плюрализм были необходимыми условиями формирования идеи толерантности.

Д. Дидро в записке «О терпимости» резко выступал против религиозной нетерпимости и подчеркивал негативные последствия отсутствия толерантности в обществе: ненависть в обществе, клевета и доносы, торжество предрассудков, гибель лучших

умов. Ж.-Ж. Руссо в работе «О причине неравенства» показал общественный характер политического неравенства в противовес естественному природному неравенству (различия в возрасте, здоровье, умственных способностях и т.п.) и обнаружил связь нетерпимости и неравенства. По Руссо, достижение социального равенства одновременно будет являться достижением терпимости, ненасилия, братства и подлинной нравственности в обществе [4]. Дж. Локк в «Послании о веротерпимости» и других произведениях предложил четко разграничить частную и публичную сферы бытия индивида, а также признать неприкосновенность частной жизни для вмешательства государства. Таким образом, вероисповедание определено им как частное дело и неотчуждаемое право гражданина, и религиозная толерантность – одно из условий законного правления [5].

Дж. Локка называют «отцом» либеральной концепции толерантности. В его теории предложено решение вопроса о критерии толерантности. Очевидно, что терпимость должна иметь свои границы – при их отсутствии толерантность превращается в беспринципность, в потворство противоправным действиям, что негативно сказывается на обществе в целом. Тогда острой проблемой становится вопрос о месте этих границ: кого мы будем терпеть, а кого нет? на каких основаниях к одному типу поведения мы относимся толерантно, а другой – наказываем насилием? Локк предложил общественно – государственный критерий: границей толерантности является лояльность к государству, обеспечивающему порядок в обществе, сохранность имущества и безопасность граждан. Таким образом, толерантность (терпимость) касается лиц, готовых к позитивному взаимодействию, являющихся социальными субъектами – существующих в рамках социальных норм и правил, не нарушающих законов жизни в обществе, не ограничивающих свободу других личностей.

Переосмысление феномена толерантности не только как терпимости, но как активной установки на диалог, рефлексию, взаимодействие, произошло в XX веке. Историческим контекстом и одновременно причиной такого переосмысления являлись драматические события, унесшие миллионы жизней и изменившие судьбы не только людей, но и целых народов – две мировые войны, фашизм, холокост, геноцид. В изменении содержания понятия «толерантность» отразился процесс распространения, укоренения толерантности в социальной почве и индивидуальном сознании. Переосмысление сути данного феномена фокусирует в себе как процесс либерализации, демократизации общества в процессе исторического развития, так и процесс воспитания нового типа личности.

В Преамбуле ООН Устава фиксируется изменение смысла термина: «…проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи [6]». Здесь толерантность понимается как активная величина, как условие социализации и интеграции. В «Декларации принципов толерантности» (утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года), толерантность определена как «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений… это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека [7, статья 1]».

Таким образом, сегодня толерантность понимают как активную деятельность индивида по преодолению нетерпимости, включающую в себя пересмотр собственных оснований и готовность к диалогу и взаимодействию. Толерантность выступает средством гуманизации ценностных ориентаций субъектов современной социальной синергии и вектором реализации практического гуманизма.

Понимание толерантности как принципа деятельности и поведения нужно пони-

мать как признак силы, а не слабости личности. Толерантность совсем не тождественна беспринципности – наоборот, толерантность представляется уважением к другой истине, которая может быть воспринята только свободно. В моральном аспекте толерантность является открытостью личности, готовностью принятия многообразия мира при сохранении собственной идентичности и своего уникального жизненного опыта, ориентацией на поиск компромисса и достижения согласия с другими субъектами коммуникации. В правовом аспекте толерантность есть осознание равенства прав всех членов общества, предоставление каждому возможностей для развития и самореализации без какой-либо дискриминации. В политическом аспекте толерантность связана с перераспределением в обществе символического капитала, децентрацией власти, реабилитацией ранее притесняемых социальных групп. С философской точки зрения толерантность представляет собой установку на множественность, противостоящую тотализирующему единству. Гносеологическая основа толерантности – скептицизм, из которого вытекает плюрализм как признание необходимости Другого. Таким образом, толерантность является базой для сотрудничества и солидарности.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. В 2 т. – М., 1996.
2. Крысин, Л.П. Толковый словарь иностранных слов. – М., 1998.
3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. – М., 1999.
4. Руссо, Ж-Ж. О причинах неравенства // Антология мировой философии. Т. 2. – М., 1970. – С. 560–567.
5. Локк, Дж. Послание о веротерпимости // Локк Дж. Сочинения в 3 томах. Т. 3. – М., 1988. – С. 91–134.
6. Преамбула Устава ООН // Организация объединенных наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ ru/ documents/ charter /preamble.shtml. – Дата доступа: 26.04.2013.
7. Декларация принципов терпимости // Организация объединенных наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ ru/ documents/ decl_conv /declarations/ toleranc.shtml. – Дата доступа: 26.04.2013.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ И КАК СПОСОБ ПОВЕДЕНИЯ

Н. З. Аппакова-Шогина

Семантика понятия «толерантность» (от лат. «tolerantia» – терпимость) диалектична по своей природе: в социологической трактовке это понятие широко трактуется как терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению и воспринимается как позитивное явление, однако медицинское истолкование термина как иммунологического состояния организма, при котором он не способен синтезировать антитела в ответ на введение определенного антигена, несет негативное содержание, ибо характеризует неспособность организма к самозащите. Таким образом, даже поверхностная этимология термина выявляет его дихотомичность. Эта неоднозначность понятия проявляется при рассмотрении толерантности как ценности и как способа поведения.

Толерантность как ценность безусловна, абсолютна, ее основы заложены в инстинктах самосохранения и сохранения рода. Ценностная система, будучи по природе своей двухполюсной, «черно-белой», обуславливает категоричность, «одноцветность» толерантности. Смысл толерантности как ценности заключается глубже всего в религиозном и вытекающем из него категорическом императиве всетерпимости и всепроще-

ния, пронизывающим все религиозные и этико-философские учения с древности по сей день. Наличие толерантности в ценностной системе человеческого сознания всегда было признаком высокой духовной культуры человека: «Не беспокойся о том, что люди тебя не знают, но беспокойся о том, что ты не знаешь людей» (Конфуций).

Ценностная система каждого человека – результат длительного, не контролируемого личностью процесса социализации и индивидуального духовного роста, сопряженного с личным опытом и личными усилиями. К сожалению, объективные социально-экономические условия в современном мире не способствуют формированию толерантной личности. Поэтому столь веской становится компонента личного духовного развития. Уровень развития современной цивилизации дает реальную возможность формировать личное, а не навязанное извне представление об окружающем мире. И сегодня, пожалуй, как никогда ранее мы можем сказать, что каждый человек несет личную ответственность за свой внутренний мир, за выбор своих приоритетов, за свое отношение к окружающему миру.

Признавая важность ценностного аспекта толерантности как точки опоры и критерия выбора в разных жизненных ситуациях, как «корня», из которого вырастает восприятие, деятельность и формы коммуникации индивидов, необходимо подчеркнуть, что в нашем мире, полном коллизий и противоречий, ценность может обернуться антиценностью, поэтому на практике толерантность обретает относительное значение.

Как способ поведения толерантность становится многосмысловым понятием, может проявляться как доброжелательность или как равнодушие, как вынужденная позиция слабого или снисходительное поведение победителя, как любознательность, стремление к расширению собственного опыта или как сдержанность и невозможность взаимопонимания. Это связано с тем, что каждый свой поступок, действие человек осуществляет под влиянием множества факторов и установок, и каждый поступок и действие осуществляется в конкретной социальной и культурной среде. Отсюда вытекает центральный парадокс толерантности как способа поведения – требование ее соблюдения по отношению, например, к морально неприемлемому поведению, откуда вытекает проблема правоприменения силы: когда неприменение силы будет морально верным, а когда, напротив, превратиться в потакание злу. Это относится не только к действиям на личностном уровне, но и к деятельности бизнес-структур, социальных общностей и государства. Предположим, некое государство в условиях вооруженного межгосударственного конфликта объявляет себя нейтральным, равноудаленным от обеих воюющих сторон. Данное поведение может оцениваться как позитивно толерантное, способствующее ограничению эскалации конфликта и сохранению социально-экономического и политического статус-кво нейтрального государства. Но данное поведение может расцениваться и как «политическое равнодушие», слабость, «местечковость» в глобализированном мире, всеобщность проблем которого никого не может оставлять равнодушным. Таким образом, сегодня данная ценностная дилемма сопровождает любой акт выбора модели поведения на всех уровнях социального бытия. И в этом плане возникает иная проблема, тесно связанная с толерантностью – проблема ответственности.

Позитивно толерантным может быть лишь поведение, за которое актор несет полную ответственность, основанную на сознательном нравственном выборе. Эта посылка свидетельствует о необходимости замены этики «идейных убеждений» этикой «ответственности». Этика «ответственности» предполагает осознание ответственности за судьбы всего человечества, осуществление экономических и иных форм деятельности в общечеловеческих интересах. Этика «убеждений», не требующая рациональных объяснений поступков, становится все менее применимой в современном динамичном, нелинейном мире, предполагающим аналогичную гибкость и динамичность от человека и

общества (ради выживания и развития, ради сохранения целостности человечества). Конечно, этика «ответственности» не отменяет и не заменяет этику «убеждений», но дает реальную возможность избежать крайностей в общественной практике, коррелировать объективные результаты деятельности с субъективными целеустремлениями, жить не сегодняшним днем, а перспективами будущих поколений. Полагаем, что этика «ответственности» не может быть создана законодательными или силовыми решениями, но является продуктом длительной рационально-этической эволюции общества в целом.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ИНДУСТРИЙ И СЕТЕВЫЕ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВА

К. М. Мартиросян

Современное поле социальной активности молодых людей в социально-культурной деятельности во многом определяется развитием культурных индустрий, основанных на доминировании визуальных форм репрезентации. В основе современных культурных индустрий лежит убеждение, что если спроектировать модели поведения людей в той или иной ситуации их интеракции, то это позволяет удовлетворить самые разнообразные потребности людей — от комфортного контекста современных социально-культурных практик до полноценной рекреации [1, p. 125].

Можно согласиться с предположениями Х. Лебстайна и А.Б. Долгина о том, что социально-культурное производство в культурных индустриях основано на производстве знаков и различий, то есть, по существу, символического капитала [2] [3, с. 249]. При этом если функциональные свойства предлагаемой услуги имеют агрегирующе-интегрирующие свойства, основанные на добровольном выборе той или иной услуги, то эмоцинально-символические составляющие, напротив, обладают дифференцирующими свойствами и эффектами, поскольку воздействуют на различные психотипы людей. Поэтому в отличие от убывания полезности рационально-функциональных свойств капитализация эмоционально-символических форм может с течением времени возрастать или снижаться в зависимости от социально-культурного контекста.[4, с. 47]

Современный новый коллективизм молодежи как социально-возрастной группы основан на обладании распределенным символическим капиталом. Начав в дифференциации по обладанию финансовыми и социальными ресурсами, капитализм завершил свою дифференцирующую миссию дифференциацией по объему обладания символическими ресурсами или их симулякрами.

Это имеет определенные последствия для символического капитала, которым наделены молодые люди в актуальной или виртуальной реальностях – он может присваиваться воспринимающими информацию лицами в форме символизации последствий когнитивного диссонанса между известной индивиду информацией, основанной на его персональном социальном опыте, и информацией, содержащей новый социальный опыт, выходящий за ее границы. В процессе развития своей индивидуальной информационной культуры индивид преодолевает рамки своей персональной культурно-ментальной ниши (developmental niche), стремясь к аккультурации достижений других социально-культурных сообществ, обретая новые рамки видения окружающего мира в прошлом, настоящем и проективном будущем [5, p. 226, 270]. На основе индивидуальной интерпретации ситуации, «люди способны создавать новые значения и новые границы значения» [6, p. 7].

Благоприятным полем для реализации индивидуального креативного потенциала

современной молодежи, лишенной реальных финансовых и социальных ресурсов в виде социального капитала, основанного на традиционных социальных сетях и социальном статусе, детерминированном рождением, социализацией в семье и наследуемым и приобретенными социальным и культурным капиталом, являются Интернет-сетевые сообщества.

Уже можно говорить о специфической конгломеративной форме организации социально-коммуникативного Интернет-пространства: общая конгломеративная организация, зачастую представляющаяся внешнему наблюдателю хаосом как особой формой упорядоченности, представляет собой многоуровневую автопоэзийную сложносоставную систему, общая организация которой конфигурируется удаленными точками доступа и веб-узлами, доменами, сайтами, а личное пространство акторов-индивидов организуется ими самими и конфигурируется в персональное или институциональное информационно-сетевое пространство, включая и складывающееся неравенство по уровню пользования – юзеры, ламеры

Каждый человек в повседневных социальных Интернет-практиках выступает в трех ипостасях: в стремлении быть как все, то есть идентифицировать себя со своей референтной группой, в репрезентации себя в окружающем мире и в конкуренции с другими. Это свойство человеческой сущности обеспечивает обществу стабильность, воспроизводство традиций и сложившихся социальных практик и возможность нормального стабильного функционирования. Это способствует формированию как сетевых сообществ по интересам, так и девиантных – троллей, хакеров, различного рода сообществ экстремистской политической и сектантской направленности. Анонимность участников Интернет-сообществ позволяет молодежи, как экспериментировать со своей идентичностью, так и создавать новые – «граждане Сети», «мигранты», наделенные символической идентичностью.

При этом сформированная в аккаунтах сети символическая идентичность, позволяющая формировать индивидуальный или групповой символический капитал, может существенно отличаться от актуальной идентичности молодого человека и его социально-ролевой позиции. Возникающий диссонанс приводит к различного рода аддикациям, в том числе и к Интернет-зависимости, проявляющейся в изменении психической деятельности молодого человека и ухода в виртуальный мир игр и социальных сетей, где символический капитал позволяет реализовывать личные амбиции в более полном объеме.

Литература

1. Rheinfrank, J. The Technological juggernaut: objects and their transcendence // The Edge of the Millenium / J. Rheinfrank, S. Yelavich (ed). – New York, 1993.
2. Лебстайн, Х. Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательского спроса // Вехи экономической мысли, теория потребительского поведения и спроса / под ред. В.М. Гальперина. – СПб., 2001. – Т. 1. – С. 304–326.
3. Долгин, А.Б. Экономика символического обмена – М., 2007.
4. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономике знака – М., 2004.
5. Gardiner, H. Lives across cultures: Cross-cultural human development / H. Gardiner, J.D. Mutter, C. Kozmitzki. – Boston, 1998.
6. Manis, J. Symbolic Interaction: A Reader in Social Psychology / J.Manis, B. Meltzer (eds.). – Boston, 1978.

МОРАЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ ИЛИ МОДЕРНИЗАЦИЯ МОРАЛИ

Л. С. Яковлев

Один из доминирующих стереотипов, характерный как для обыденного мышления, так и для публицистики, базируется на противопоставлении ценностей модернизации традиционным нравственным ценностям [4] [6] [9] [10] [15] [21]. При этом часто осуществляется, в большей или меньшей степени, недобросовестная, подмена тезиса, и речь идет о нравственности вообще. Глубина противоречия между обновлением общественных отношений и индивидуальных установок (подразумеваемым, как диктуемое, прежде всего, целесообразностью) и оставляемыми в прошлом идеалами [3] [5] [8] [16] [19] [20] осмысляется в мировой культуре с различными акцентами, но есть, безусловно, общее в подходах, зафиксированных в «Вишневом саде», «Унесенных ветром», творчестве и судьбе Юкио Мисмимы. Нам представляется, в ряде случаев смысловое наполнение этого общего шире, нежели предметное содержание дискуссий об ограничениях вестернизации, или, даже, классической полемики Э. Бэрка и Т. Пэйна [18]. Одну из характерных ситуаций такой многозначности позволяет выявить обращение к сопоставлению некоторых мотивов прозы А. Иванова и Х. Мураками.

Компаративный анализ с привлечением как российского, так и японского материала, слишком часто сводится к фиксации пресловутой специфики ментальности «страны восходящего солнца» или «загадочной русской души». Специфику, вообще говоря, предполагает любая идентичность, не специфично лишь типовое, серийное. Иногда поиск различий останавливается на уровне элементарной терминологической нетождественности; между тем, японский бэнту сегодня вполне может означать, просто, картонку с сосисками-гриль и солеными огурцами внутри. Что до авторов, к прозе которых мы обращаемся, Мураками, безусловно, внешне самый вестернизированный представитель японской литературы [14]; А. Иванов, при всей очевидности его обращения к национальной традиции, в своей стилистике также никоим образом не почвенник. Вообще говоря, правильнее было бы сопоставлять его тексты с феноменами Серебряного века, нежели с «деревенской прозой» 60-х – 80-х годов. Интерес к истории, впрочем, присущ ему, как и Мураками; по сути, оба эти автора представляют собой gatekeapers, посредников между национальной и глобальной культурами [1] [7] [11].

Очевидное сходство созданных этими авторами миров просматривается, прежде всего, в ощущении тотальной выморочности, обреченности. Оно создается настойчивым, последовательным продуцированием контраста между характеристиками реальности и представлениями читателя о должном. При этом ключевой является утрата критериев; герои Иванова и Мураками живут в ситуации невозможности нравственного выбора. Обстоятельства не то, чтобы принуждают их поступать вопреки собственным нравственным установкам, эти обстоятельства таковы, что мораль излишня [2] [13]. Главная героиня «1Q84» работает профессиональным киллером. В определенной мере, выбор жертв соответствует ее представлениям о справедливости (речь идет о мужчинах, виновных в семейном насилии, как правило, с очень тяжкими последствиями), но, при этом, она не полагает себя ни палачом, ни судьей, и, в то же время, отнюдь не свободна от угрызений совести; происходящее, просто, лежит в ином пространстве, нежели избранное ею для рефлексии. Автор позволяет нам заглянуть в ее жизнь глубже, чем

А. Иванов – в жизнь героини «Комьюнити», но не увидеть их сходства трудно. Мы не можем дать этим женщинам нравственную оценку.

Более того, такая оценка оказывается бесполезной, и когда возможна. Нарочито выписанный омерзительным Усикава (сквозной персонаж «Охоты на овец» и «1Q84»), «жертва обстоятельств» Глеб («Комьюнити»), горе-оборотни из «Псоглавцев», могут, конечно, быть нами квалифицированы как поступающие аморально, но толку в этом нет. Собственно, все, чего эти лузеры хотят – выжить, и жизнь просто не предоставляет им возможности выбора. Это даже не маленькие, мелкие люди, и спрашивать с них бессмысленно.

На первый взгляд, А. Иванов дает элементарное истолкование процессу моральной деградации. «Человек – это его айфон», говорит один из героев «Комьюнити». Дальше мы вольны подставлять привычные рассуждения о разрушении традиционных ценностей, засилье массовой культуры, «сетевых диктатурах» и даже о происках «мирового правительства» в духе классической конспирологии. Но смысла во всем этом не будет никакого. Фантазии ретроградов, построенные на идеализации морального климата предшествующих эпох, никак не соотносятся с историческими данными. Дело не в том, что, под воздействием технологического прогресса или демократизации люди утратили моральные нормы, а в том, что эти нормы приобрели, впервые, значение универсальных регуляторов социального поведения. Формы этого поведения, ранее регулировавшиеся «напрямую», совокупностью формальных дисциплинирующих практик, сегодня определяются индивидами, исходя из их собственных представлений. Представления эти отнюдь не стали «хуже», чем раньше; просто раньше они не в такой мере влияли на практические действия.

Тексты Х. Мураками оставляют, в сравнении с текстами А. Иванова, меньшее ощущение безнадежности потому, что их герои способны пытаться конструировать пространства, регулируемые нормами, соотнесение которых с нравственными стандартами читателя не рождает диссонанса. И особо примечательно, что, помимо миров очевидно фантастической природы, это и элементарное пространство повседневности. Именно оно может и должно стать полем творческих экспериментов для современного человека. За последние полвека грань между элитами и массами перестала быть непроходимой, абсолютной, но, при этом, перед массами, разумеется, не открылись возможности копировать все формы деятельности элит. Даже в утопии М. Бакунина не предполагалось, что все и одновременно станут «начальниками» [12] [17] [22], такое физически невозможно. Публичное пространство однородным быть не может, и, следовательно, не может быть избавлено от противоречий, порождающих, в том числе, и аномию. Открывающаяся перед обществом перспектива состоит в ином: в максимальном снижении значения процессов в публичном пространстве, при повышении значимости, для социализации и функционирования индивидов, пространства повседневности.

Литература

1. Абашеев В.В., Абашева М.П. Литература и география: Урал в геопоэтике России // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2012. – № 2–19. – С. 143–151.
2. Азимбаева, Ж.А., Кишенова А.Ю., Токмагамбетова Д.К. Циклообразующий образ землетрясения в сборнике рассказов Х. Мураками «Все божьи дети могут танцевать» // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. – 2012. – № 4. – С. 86–91.
3. Алексина, Т.А. Моральный капитал как фактор модернизации // Информационные войны. – 2012. – № 4. – С. 86–89.

4. Булатников, И.Е., Исаев И.Ф. Развитие системы нравственных ценностей молодежи в условиях кризиса культуры: диалектика вечного и временного // Психолого-педагогический поиск. – 2012. – № 4. – С. 23–35.
5. Долина, С.В. Трансформация нравственных ценностей в современном информативно-коммуникационном пространстве // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 1. – С. 144–147.
6. Ибрагимова, В.Р., Киньябузова А.С. Современное варварство как деструктивное явление российского общества и кризис потенции религиозной морали // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 10. – С. 187–193.
7. Иконникова, Е.А. Роман Харуки Мураками «1Q84»: российские мотивы // Азия и Африка сегодня. – 2012. – Т. 659. – № 6. – С. 69–71.
8. Кирилина, Т.Ю. Нравственные аспекты модернизации современного российского общества // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. – 2011. – № 2. – С. 175–179.
9. Корнев, В.А. Взаимодействие русской православной церкви и государства в возрождении духовно-нравственных основ российского общества // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 5. – С. 381–383.
10. Корнев, В.А. Педагогический ресурс русской православной церкви в деле духовно-нравственного воспитания российской молодежи // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 1. – С. 260–264.
11. Лобин, А.М. Эволюция историзма в романе Алексея Иванова «Сердце Пармы» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – Т. 1. – № 2. – С. 119–125.
12. Мамут, Л.С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания. Домарксистский период. – М., 1989.
13. Митина, Л.С. Евразийский культурологический вектор «Норвежского леса» // Сборник научных трудов Sworld по материалам международной научно-практической конференции. – 2011. – Т. 25. – № 1. – С. 7–11.
14. Моисеева, Е.М. Контркультурные тенденции в современной японской прозе (на примере произведений Харуки Мураками и Рю Мураками) // Вестник гуманитарного научного образования. – 2011. – № 5. – С. 40–46.
15. Мухина, Е.А. Кризис нравственности в современном российском обществе (по материалам социологического опроса) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 4. – С. 151–155.
16. Никитина, С.Н. Нравственный аспект научно-технического прогресса // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2011. – № 2–2. – С. 180–184.
17. Пирумова, Н.М. Социальная доктрина М.А. Бакунина. – М., 1990.
18. Рукшина, К. Томас Пэйн и его судьбоносный трактат «Права Человека» // Слово / Word. – 2010. – № 67.
19. Сабирова, Л.А. Роль духовного фактора в формировании и развитии русского человека // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 6. – С. 11.
20. Седова Н.Н. Россия – общество морального транзита? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 6[106]. С. 25–41.
21. Углинская Н.А. Кризис духовности в России как проявление современной ситуации в мире // В мире научных открытий. 2012. № 4. С. 139–153.
22. Ударцев, С.Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. – Алматы, 1994.
23. Фишман, Л.Г. Исчезнет ли мораль? // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2011. – № 11. – С. 408–418.

О ВОЗМОЖНОСТИ ЭТИЧЕСКОГО СМЫСЛА ИСТОРИИ

Б. М. Лепешко

Можем ли мы представить себе историю вне этики? На первый взгляд, в этом нет ничего неосуществимого. Скажем, вне этики – те многочисленные исторические факты, которые мы пытаемся понять. Изучить беспристрастно, как «голый» факт, как факт, существующий исключительно постольку, поскольку он имел место, но факт, не перегруженный нашими размышлениями о его сути, его предпосылках и фантазмах относительно того, мог ли он вообще не быть. Что этического в самом факте начала войны или в факте революции – например, в выстреле башенного орудия крейсера «Аврора», какое там «добро» или «зло» содержится в факте строительства пирамиды Хеопса или «чайном бунте» в Североамериканских Штатах? Как моральный кодекс (тот или иной) влияет на саму возможность морских путешествий и открытия новых стран, а изобретение денежного знака – где здесь заложена имманентная справедливость или такая же несправедливость? Но, может эта самая нравственность – ментального характера и наша предрасположенность к поиску этических констант истории связана с такими категориями, как «душа», национальность»? Историю представить вне этики (в теоретическом аспекте) можно, очевидно, лишь тогда, когда во главу угла ставятся исключительно рационалистические подходы, когда мир движется вокруг признания исключительно научного статуса истории. Возьмите, к примеру, блестящий труд английского мыслителя Р. Дж. Коллингвуда, его «Идею истории». Из каждой страницы текста следует, что перед нами «история мысли», перед нами полное усвоение методологических предписаний Ф. Бэкона и Р. Декарта, перед нами история, которая в статусном отношении стоит уже вровень с естествознанием, которая преодолела все «детские болезни» мифологического, теократического периода своего развития. Существующее до сих пор понимание данности (фактов), которое делает акцент на эмпирии, Коллингвуда не удовлетворяет, он «включает» активность историка в гносеологический процесс, утверждая познавательную активность субъекта, что, кстати, чревато субъективизмом интерпретации, но не об этом сейчас речь. Важно, что перед нами один из лучших образцов того осмысления истории, которое оперирует термином «автономия истории» и фактически исключает этический компонент из круга основных методологических постулатов. Поскольку история является наукой, ее методология совпадает с методологией естествознания. Причем нет противоречия между, условно говоря, «школой Коллингвуда», утверждавшего, что методология едина у всех наук и школой Риккерта – Виндельбанда, постулировавших известную противоположность между науками о природе и науками об обществе. Для нас же важно, что говорить о смысле истории как этической истории здесь невозможно, это исключено самой постановкой методологических и последующих конкретно-исторических вопросов. Этика – это принципы долженствования, возведенные в теоретическую систему, но это и система ценностей, причем та система, которая имеет исторический характер, а потому, о какой науке в этом контексте можно вести речь?

Если мы исключаем рациональность как смыслообразующий элемент в понимании истории, то, очевидно, должны представить некие иные элементы, которые могут претендовать на этот статус. Чтобы быть понятным, приведем аналогию. Академик А. Лосев, рассуждая о специфике русской философии, как раз говорил о том, что эта философия не была рационалистической в указанном смысле, то есть рациональность не выдвигалась как базисное требование любых философских спекуляций. Ученый говорит о «мистицизме» русской философской мысли, об отсутствии систем (даже у Владимира Соловьёва, который лишь «подходил» к системе), но это вовсе не исключает востор-

женных оценок этой философии, поскольку вовсе не «рациональность» определяет ее значимость. Формальная логика, при всей ее важности, не исчерпывает содержание научного аппарата ни философов, ни историков, а логические методы вовсе не дезавуируют то же дильтеевское «понимание». Но то же – в истории: этический смысл истории, вне сомнений, коренится в теории ценностей, как бы мы эту теорию не называли. Однако квалифицировать ее исключительно в категориях субъективности было бы неверным и один из аргументов здесь на виду. Речь идет именно о «взаимопроникновении» субъективного и объективного подходов, когда одно сложно отделить от другого. Определение смысла истории как этического, по существу, означает, что мы на первый план в философско-исторической проблематике выдвигаем субъективный фактор. Но значит ли это, что данный фактор полностью изолирован от объективных процессов и явлений? Нет, и здесь не просто игра слов.

Однако говорить об эвристическом механизме познания, как о полностью разработанном, ясном и недвусмысленном, как о четко очерченном механизме мы в указанном выше контексте все же не можем. Есть понимание того, что субъективно-объективные тенденции подвергнуть иерархическому анализу сложно, критерии истины часто размыты, и мы можем легко вступить на скользкий путь предположений и догадок, упуская из виду привычный механизм верификации. Все это так. Однако есть понимание и иного: говорить о смысле истории как этическом, по преимуществу, мы можем не только в рамках очерченных (или недостаточно очерченных) гносеологических рамок. Аргументы здесь могут быть выстроены и в иных плоскостях. Скажем, в плоскости метафизической: у нас слишком мало полноценных альтернатив для того, чтобы мы исключили этический компонент из круга тем наших размышлений. Мы испытываем постоянное недовольство предложенными формами понимания предмета. Дефицит этической проблематики – это не просто дефицит нравоучительных максим, речь идет именно о возможности этического понимания смысла истории.

Несколько слов надо сказать и о «душе», о «национальности» в контексте нашего разговора. Помнится, Николай Бердяев, давая оценку великолепной философии Василия Розанова, говорил о «вечно-бабьем» в нашей философии. Ее, национальную философию, не раз квалифицировали по половому признаку, называя «женской». Что уж тут говорить о национальном факторе, факторе, связанном с ментальностью, традицией, всей нашей историей, как она есть. Здесь признано, что ментальность определяет специфику истории, однако процесс этот обоюдный, то есть и история определяет специфику ментальности в полной мере. Говорить об этом надо потому, что возможность этического понимания истории определяется и этими факторами тоже. Если все наше мышление объявляется по преимуществу нравственным, то как здесь не искать и не находить этического смысла? Если все наши крупнейшие национальные теоретики (А. Хомяков, П. Чаадаев, В. Соловьёв, С. Булгаков, П. Флоренский, А. Ильин и многие иные) рассматривали этическую проблематику как проблематику основополагающую, то где будет находиться словосочетание «этика истории» в иерархии ценностей? Очевидно, на первом месте. Но эта констатация – лишь часть проблемы.

Этический контекст, предполагает слово «любовь», слово «сопереживание», слово «самоотверженность». Если задуматься о характере этих понятий применительно к национальной, интеллектуальной традиции, то надо признать: они реализованы в полной мере. Смысл истории, понимаемой как этическая история, призывает любить не только истину, но и страну, народ, быть самоотверженным в деле национального служения. Классический пример – жизнь и судьба А. Хомякова: как известно, это был блестящий офицер, богатый помещик, интеллектуал, поэт, центр притяжения всех лучших сил, бывших тогда в России, автор глубокой «Семирамиды». И, вместе с тем, человек,

который не гнушался одевать сапоги и ходить из одной крестьянской избы в другую, лечить, просвещать, любить людей. И ушел А. Хомяков из жизни, заболев во время своих очередных посещений «народа». Тут ведь вот какая закономерность: абстракции привлекательны до тех пор, пока не понимаешь их ограниченность, именно в силу их абстрактности. Возможность этического смысла истории провоцирует не только гносеологическую активность, она провоцирует общественную активность, и примеров тому достаточно много. Как говорил Н. Бердяев: «французскому национализму свойственно крайнее самомнение и замкнутость, слабая способность проникать в чужие, культурные миры», у немцев нет ксенофобии, «но национализм их агрессивный и завоевательный, проникнутый волей к господству». А если говорить о нашей национальной душе? Для нее характерно отсутствие аффектации, бесхитростность, особый (грубый) демократизм, это душа, грешащая и постоянно кающаяся, это странническая душа и душа религиозная, причем она постоянно жаждет высшего света, высших знаний, высшей правды. Все это проявляется в этических стремлениях, «этической» наполняемости самых различных сфер бытия, и история – здесь не исключение, но правило.

МОРАЛЬ И НРАВСТВЕННОСТЬ

М. Ю. Ширманова

Практика духовно-нравственного развития и просвещения требует осознания ее участниками смыслового содержания основных понятий и категорий, в которых осмысливается и описывается этот процесс. От того, насколько это содержание будет выражать реалии духовно-душевной жизни человека, будут зависеть эффективность и результаты просветительской деятельности. К базовым понятиям, выражающим содержание практики духовно-нравственного развития и просвещения, несомненно, относятся, такие понятия, как «добро и зло», «совесть», «личность», «дух», «духовное развитие», «духовная жизнь», «духовно-нравственное совершенство», «нравственность», «нравственный идеал», «нравственное развитие», «мораль» и другие.

Представляется интересным рассмотреть смысловое содержание понятий «мораль» и «нравственность» с точки зрения соотношения закона и благодати в христианской антропологии, сотериологии и этике.

В русском языке слово «нравственность» происходит от слова «нрав», что определяет смысловое содержание концепта «нравственность» в русской культуре. Слово «нрав» означает способность человека любить, относиться к чему-либо с добром, любовью, благожелательно. От слов «нравиться» и «нрав», употребляемых в означенном смысле, и происходит слово «нравственность», означающее способность человека жить в любви, относиться к другим и к себе с любовью, проявлять любовь, присущую человеку по его духовной сущности как дар божественной благодати и осознавать этот дар. Понятие «нравственность» означает присущие человеку нравственное чувство, нравственное сознание и нравственное поведение, основанные на его способности жить в любви и любовью, осознавать и развивать в себе эту способность.

Нравственное чувство – это чувство и осознание любви, которой человек живет и которая присуща ему по его духовной сущности. В содержание нравственного чувства входит: чувство человека как личности, обладающей способностью любви и творческой ответственности, как высшей цели и ценности для него самого и для других; чувство различия добра как бескорыстного прославления Бога и бескорыстной любви к нему и ближнему и зла как уклонения от добра, любви, радости, равновесия и впадения в бес-

покойство, тщеславие, самомнение, уныние, агрессию, гнев, т.е. в озлобление; чувство различения достойного и недостойного и способности совершать поступки на основании этого различения; чувство духовного единства, единосущия всех людей как одинаковую причастность их к разумной жизни в любви и в добре, благодати, бескорыстного прославления Бога; чувство творческой ответственности человека за состояние своего нрава, своей души, т.е. за состояние и развитие способности жить в любви и проявлять ее в своем поведении по отношению к другим людям.

Нравственное сознание предполагает осознание содержания нравственного чувства и сознательное целеполагание в соответствии с ним, т.е. осознанность в осуществлении желания совершать поступки на основании нравственного чувства.

Нравственное чувство и способность жить в добре и любви универсальны, они присущи каждому человеку. Основой и охранителем постоянства и устойчивости жизни в любви является совесть. В совести и совестью человек слышит голос сердца – средоточия его любви как закон и норму отношения к себе и другому человеку. Это закон известен каждому. Он гласит: «Люби ближнего как самого себя», «Не делай другому того, чего не желаешь себе и своим ближним», «Относись к ближнему так, как хотел бы, чтобы он относился к тебе», «Твори добро бескорыстно».

Этот закон – закон совести является универсальным и единым для всех людей как созданных по образу и подобию Божию. Это естественный нравственный закон, т.к. естественно присущ каждому человеку как разумному творению Божьему, призванному к жизни в любви и славе. Он является проявлением образа Бога, который сотворил человека по Своему образу и подобию и наделил его разумом и способностью жить в любви. Каждый человек может осознать этот закон как закон, записанный в совести, в его сердце и жить в соответствии с ним. Можно сказать, что естественный нравственный закон, закон совести – это закон осознания и сохранения вечности, безусловности полноты и устойчивости любви и радости в сердце человека. Следуя этому закону, человек сохраняет свободу, устойчивость, постоянство, неизменность своего нрава, т.е. полноту и неразрушимость любви в своем сердце. Не все люди следуют этому закону, т.е. живут по совести. Но это не означает, что она у них отсутствует. Просто они игнорируют ее голос, не желают жить согласно закону совести, подчиняя свою жизнь и поведение греховным страстям. О таких людях говорят, что совесть у них спит, сожжена или отморожена.

Наряду с понятием «нравственность» в теории и практике духовно-нравственного развития личности используется понятие «мораль». В научном и бытовом обиходе эти понятия используются в различных смысловых значениях. Для решения задач духовно-нравственного развития личности представляется возможным определить различия в их смысловом содержании. Если под нравственностью понимается в первую очередь способность человека жить в любви и любовью, то мораль означает систему норм, законов, принципов, запретов, которыми руководствуются люди в их поведении и отношении друг к другу.

В отличие от естественного нравственного закона, который сохраняет свою универсальность и единство, являясь общечеловеческим, моральные законы и принципы могут меняться в зависимости от интересов и культурно-исторических, социальных особенностей жизни людей. Мораль может быть племенной, кастовой, религиозной, национальной, корпоративной и т.д. Мораль может выражать общие социально-экономические интересы группы людей, т.е. быть моралью классовой – аристократической, буржуазной, пролетарской, революционной. Мораль может быть основанной на определенных интересах: стремлении к власти и собственности, к удовольствиям, пользе и выгоде и являться средством их достижения и охраны. Мораль может быть норма-

тивной, т.е. выражать задаваемую извне систему норм, законов, принципов, запретов, которыми должны руководствоваться люди в их отношении друг к другу в соответствии с требованиями того или иного субъекта морального законодательства. Мораль может быть субъективной, т.е. лежать в основе поведения того или иного человека, будучи принятой им на основе того или иного мировоззренческого предпочтения в соответствии с его личным свободным выбором. Если естественный нравственный закон как закон вечной жизни в любви дан человеку свыше, то мораль является продуктом общественной жизни людей и средством регуляции и упорядочения отношений людей, живущих в обществе. Содержанием морального поведения человека как средства регуляции его поведения с точки зрения интересов общества является побуждение или запрет на совершение тех или иных поступков. Об этом говорят моральные заповеди «не убей», «не кради», «не лги», «не блуди», «не завидуй», «люби свой народ», «защищай свою родину». Главными средствами моральной регуляции поведения человека являются поощрение к желательным и общественно полезным видам деятельности и поступкам и наказание за нежелательные и вредные. Эти поощрения и наказания могут носить как предметно-вещественный, так и эмоционально-психологический характер. Главными средствами этой регуляции являются или вещественное поощрение, награда (или лишение чего-либо приятного), или эмоциональное, которое вызывается посредством слов «хорошо» и «плохо», «правильно» и «неправильно». Особенностью употребления этих слов в качестве средства регуляции следования моральным предписаниям и запретам является их эмоциональная нагрузка. В процессе социализации подрастающего человека учат реагировать специфическим эмоциональным образом на эти слова, которые произносятся в соответствующих ситуациях с соответствующей интонацией – поощрительно-одобряющей, радостной или, наоборот, с обвинительно-угрожающей, порицающей, наказывающей, рассчитанной на пробуждение чувства страха, вины, боли, тревоги, смущения, подавленности, беспокойства, агрессии. В народе такие стимулы регулирования морального поведения человека носят название «кнута» и «пряника». Если следование естественному нравственному закону, или закону совести основано на любви и сострадании, а его нарушение выражается в мучениях совести, то мотивами следования моральным запретам и предписаниям являются получение награды, поощрения или избежание наказания в виде каких-либо лишений или чувства страха, беспокойства, боли, подавленности, стыда, вины. В обозначенном нами смысле моральное воспитание и регулирование человеческого поведения связано в первую очередь с нарушением постоянства, устойчивости и равновесия человеческого духа, обретение и хранение которых является главной задачей этики и духовно-нравственного развития личности.

ОБОСНОВАНИЕ МОРАЛИ

А. М. Воин

Мы живем в эпоху морального нигилизма и релятивизации морали. Обоснование морали, зиждущееся на вере в бога, оказалось поколебленным по мере развития рациональной науки и распространения атеизма. Но и возможность рационально научного обоснования морали стала под сомнение после того, как произошел кризис рационалистического мировоззрения, связанный с определенными явлениями внутри самой рациональной науки [1].

Наука всегда меняла время от времени свои понятия, выводы и их обоснование. Но до поры до времени можно было рассматривать эти изменения, как своего рода

ошибки молодости, которые наука сама же, по мере роста, исправляет. Но после появления теории относительности, когда абсолютное ньютоновское время стало относительным, скорости до этого складывавшиеся по формуле Галилея, стали складываться по формуле Лоренца и т.д., стало ясно, что такая сменяемость является принципиальным свойством науки. Это привело к мировоззренческому шоку, в результате которого в западной философии стали доминировать философские школы, релятивизирущие научное познание: экзистенциализм, философский релятивизм, онтологический релятивизм, постпозитивизм и др. Из релятивизации науки вытекала и относительность, ненадежность научно обоснованной морали. Это привело к моральному нигилизму, господствующему сегодня в западном обществе.

В сложившейся ситуации нужно либо признать, что наука не может служить основанием морали, либо заново доказать надежность науки, опровергнув аргументы релятивизаторов ее, прежде всего, экзистенциалистов и, особенно, постпозитивистов и построить действительно научную теорию морали. Я сделал это, разработав новую теорию познания [2, с. 3–49] и основанный на ней единый метод обоснования научных теорий [3] [4].

В отличие от представителей классического рационализма я не отрицаю вышеупомянутого феномена рациональной науки, ее способности менять свои понятия, выводы и их обоснование. В отличие от логических позитивистов (Рассел, Гильберт и др.) я не пытаюсь исправить рациональную науку, сделав так, чтобы она впредь не меняла своих понятий и выводов. Но я показываю, что, несмотря на то, что наука меняет свои понятия и выводы (и должна их менять при переходе к новой фундаментальной теории), она не меняет метода обоснования своих теорий (единого метода обоснования). И что обоснованная по этому методу теория не перестает быть истинной при смене ее новой фундаментальной теорией (классическая механика – теорией относительности, теория относительности – квантово релятивистской теорией и т.п.). При таком переходе лишь уточняются границы истинности предыдущей теории (хотя, пользуясь единым методом, мы можем минимальные границы истинности теории знать заранее). Я уточнил также смысл истины, которую дает нам рациональная наука. Наконец, я показал возможность применения единого метода обоснования в гуманитарной сфере (с соответствующей адаптацией).

Далее, опираясь на единый метод обоснования научных теорий, я построил теорию оптимальной морали [2, с. 94–126]. В основу модели для определения оптимальной морали положено то общее, что есть в природе каждого человека, и то общее, что есть в природе любого общества. В природу человека общую для всех людей входят, прежде всего, его физиологические потребности, но также потребности в интересной жизни: развлечения, приключения, риск. Потребность в свободе. Наконец, душевные (семья, родственники, друзья, любимые животные и т.д. и т.п.) и духовные (служение надличному: народу, Родине, Богу, истине, красоте и т.п.) потребности.

Природу общества я ввел в модель через те связи, которые не зависят от строя, уровня технологии и т.п., а обусловлены самим фактом общественной жизни, необходимостью во взаимодействии людей, ведущих общественную жизнь.

В модель входят также моральные параметры, соответствующие моральным нормам типа: «не убий» и " не укради», но представленные не как категорические указания, а как переменные величины, которые можно варьировать для отыскания оптимума и сравнивать друг с другом. Например, вместо «не укради» в модель входит «воровать не хорошо». Причем это «не хорошо» может иметь разные степени: от «настолько нехорошо, что за это надо руки отрубать», до, как в Румынии, «воровать, конечно, нехорошо, но если украдено талантливо, то это заслуживает даже восхищения».

Далее используется проторенный в естественных науках путь для отыскания оптимума. Строится функция цели, в данном случае функция качества жизни, выражаемая через степень удовлетворения рассмотренных выше потребностей человека в среднем по обществу. Функция эта имеет вид:

$F = \Sigma f(i) \bullet k(ij)$

Здесь

f(i) – числовой коэффициент, отражающий значимость, важность соответствующей (i-той) потребности, из числа перечисленных выше.

k(ij) – функционал, отражающий связь между i-той потребностью и j-тым параметром модели, в частности, некой моральной нормой.

Конечно, в отличие от естественных наук в гуманитарной сфере мы не можем найти количественные значения коэффициентов f и k. Распространено даже мнение, что мы не можем вообще соизмерять параметры, входящие в функцию качества жизни. Мол, как можно соизмерять моральные нормы со свободой или физическими потребностями? На самом деле, это не только возможно, но и делается в постоянной практике. Общественная форма жизни вынуждает нас к этому. Уголовный кодекс предусматривает наказание в виде лишения свободы, причем на разные конкретные сроки, за нарушение разных норм морали. А за нарушение других норм – денежные штрафы, т.е. ущемление удовлетворения физиологических и некоторых других потребностей.

Но точных количественных значений указанных параметров мы, конечно, дать не можем, поскольку нет, и принципиально не может быть единиц измерения, вроде килограммов или метров, для таких параметров, как свобода, справедливость, дух, любовь и т.д. И это не позволяет нам применить здесь математический аппарат, предназначенный для решения задач на оптимум в естественных науках. Но ведь математика – это лишь форма записи соответствующих логических построений. Логику же решения задач на оптимум, выработанную в естественных науках, мы можем применить и здесь в виде качественного варьирования переменных.

В результате, во-первых, доказана сама возможность рационального обоснования оптимальной морали. Смысл оптимальности здесь в том, что если общество принимает оптимальную мораль и придерживается ее, то качество жизни его членов, при прочих равных, будет выше, чем при принятии им любой неоптимальной морали

Во-вторых, показано, что мораль имеет абсолютное ядро в виде норм в категоричной форме, типа «не убий» и «не укради», которые не зависят от того, о каком народе идет речь или о каком общественном строе. Но оптимальная мораль имеет и относительную сторону или часть, относительную в двух смыслах. Во-первых, кроме инвариантного ядра морали, есть отдельные нормы морали, которые таки зависят от общественного строя, либо уровня технологии и даже от народа, для которого они принимаются. Например, справедливость в распределении материальных благ, т.е. так называемого совокупного общественного продукта, безусловно, зависит от строя или экономической формации и не может быть одной и той же для рабовладения, феодализма, капитализма и социализма.

Во-вторых, нормы морали из инвариантного ядра ее обладают той условностью, что они справедливы, истинны и т.п. только для некоторых нормальных условий их применения. А могут быть и такие обстоятельства в жизни, при которых и эти нормы отменяются или изменяются. Даже «не убий» означает не убий просто так, ни за что, корысти ради и т.д. Но на войне, справедливой, навязанной войне или при самообороне, когда нет другого средства защитить жизнь, тогда можно или даже бывает нужно убить. Теория оптимальной морали дает эффективный инструмент для дальнейших разработок в этом направлении.

Предложенная модель позволила также конкретизировать нормы морали, входящие в ее инвариантное ядро. Ядро это, в общем, совпадает с 10-ти заповедной моралью. Но некоторые из этих норм получили уточненный, по сравнению с распространенным во многих христианских конфессиях, смысл.

Литература

1. Воин, А.М. Глобальный кризис как кризис рационалистического мировоззрения // Материалы II Международного научного конгресса «ГЛОБАЛИСТИКА – 2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления» – М., 2011. – Т. 1. – С. 32–36.
2. Воин, А.М. Неорационализм. – Киев, 1992.
3. Воин, А.М. Единый метод обоснования научных теорий. – СПб., 2012.
4. Воин, А.М. Особый эпистемологический статус науки и современная физика. // Философия физики. Актуальные проблемы. – М., 2010. – С. 29–32.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭТИКИ

Р. Сартаева

В пространстве современного мегасоциума складывается ситуация, которую формирует целый комплекс проблем, а именно: «технологическая конъюнктура», «антропогенная сингулярность», «пост-человек», «новый мировой порядок», экономический, экологический и духовный кризис. Такая новая ситуация требует формирования нового мироотношения, новых «этических инноваций», «новой этики» [1], нового понимания духовности, новой ценностной парадигмы. В современной науке, вплотную подошедшей к рубежу, за которым ей придется иметь дело, в первую очередь, с сознанием человека, этическая экспертиза становится необходимостью. Этические нормы в науке должны стать и становятся безусловными требованиями ее (науки) рациональности.

К «новой этике», а, точнее, к новым тенденциям в современных исследованиях этики, можно отнести формирующееся в философии и экологическом знании новое направление – философию экологии, которая может внести большой вклад в формирование нового миропонимания, новой ценностной парадигмы, экологического мировоззрения.

Философия экологии, на наш взгляд, представляет собой результат преодоления чисто сциентистской трактовки философии и осознания важности соединения рефлексии над наукой (в данном случае, экологического знания) с этической экспертизой. Философию экологии, на наш взгляд, можно рассматривать в контексте аристотелевского понимания этики и как этическую теорию, и как этическую практику. К этой области знания, на наш взгляд, можно отнести прежде всего экологическую этику (от англ. environment – окружающая среда). Под ней в настоящее время понимают направление философских исследований, в которых «в качестве моральных проблем человека рассматриваются не только благополучие и социальные связи людей, но и ответственность за благо будущих людей, домашних животных и других форм жизни» [2, с. 422]. Экологическая этика предлагает ценностную переориентацию сознания от антропоцентризма к биоцентризму и экоцентризму как новому типу экологического сознания, основанному на принципе коэволюции человека и биосферы. Разрабатываются основные характеристики и практические указания по формированию экоцентризма [3].

Очень интересным в плане потенциального «вклада» в формирование нового ми-

ропонимания и экологического мировоззрения, на наш взгляд, является теоретическое направление в экологической этике, называемое глубинной экологией (deep ecology). Разрабатывают ее Арне Наэсс, У. Фокс, Ф. Метьюз, М. Циммерман и другие исследователи. В основе глубинной экологии лежит попытка, стремление к синтезу восточного и западного типов мировосприятия в высшем экологическом сознании, достигаемом в личном духовном опыте переживания микрокосмоса и макрокосмоса [4]. Важно то, что у «глубинных экологов» уже есть масса последователей во всех концах света. Существуют психологические практикумы, на которых люди идентифицируют себя с реками, цветами, бабочками, птицами. Многие считают, что глубинная экология становится стилем жизни и мерой сопричастности ко всему сущему. «Глубинные экологии» считают, что в обществе людей вызревает новое отношение к миру, в котором человек – не сторонний наблюдатель и судья, не царь и не венец природы, а ее часть. Глубинная экология способствует, что очень важно, формированию человека сострадающего.

В формирование нового миропонимания, «новой этики», новой системы ценностей большой вклад может внести экология человека. Тенденции развития экологии человека как нового комплексного междисциплинарного научного направления, практически сформировавшегося к концу XX столетия в синтезирующую социально-естественнонаучную дисциплину, а ныне имеющую перспективы на более высокий статус в научном познании в качестве нового уровня осмысления реальности, позволяют отнести ее к философии экологии. Понимание того, что взаимодействие человека с окружающим миром есть, прежде всего, его мироотношение, и включение проблем мироотношения в свою предметную область, сразу вывело экологию человека на общий научно-теоретический и даже мировоззренческий уровень. Поэтому, на наш взгляд, экология человека представляет собой новый уровень осмысления реальности, включающий в себя медико-биологический, научно-теоретический и философско-методологический аспекты. Два последних аспекта находятся еще в стадии формирования. В случае полноценного их развития экология человека может перерасти в мегатеорию, которая могла бы лечь в основу полноценной общей теории взаимодействия природы и общества и целостной концепции человека, социальный заказ на которые уже давно созрел в обществе. Но, на наш взгляд, такая перспектива возможна только при условии включения в предметную область, цель и задачи экологии человека понимания человека, прежде всего, как существа духовного. То есть экология человека должна иметь в виду в своих исследованиях Человека духовного, с развитием его мироотношения в сторону духовности. А значит, в ее предмет, методы и задачи должно входить не просто исследование взаимоотношений Человека с окружающим миром, не просто его здоровье в физиологическом плане (что ранее составляло, по мнению многих исследователей, предмет и задачи экологии человека), а духовное здоровье Человека. При этом под духовностью, на наш взгляд, надо понимать не только и не столько мораль, а, прежде всего, осознание своего единства с окружающим миром, что будет находить отражение в мироотношении Человека с вытекающей из него стратегией поведения, поведенческим императивом, определяющим жизнь в гармонии, сотрудничестве, заботе об окружающем мире (см. подробнее:[5] [6] [7]).

Экология человека, ставящая одной из основных своих задач такое понимание духовности, духовного здоровья Человека, может внести большой вклад в формирование новой ценностной парадигмы, в формирование новой онтологии.

Как уже отмечалось ранее, современная ситуация экономического, экологического и духовного кризисов требует формирования «новой этики», новой ценностной парадигмы. Явление глобализации как сжатия пространства и времени порождает процессы унификации, которые в одних случаях и сферах жизнедеятельности мегасоциума проте-

кают, так сказать, «бескровно», а в других случаях и сферах насаждаются не столь мирно различными методами современной «демократизации». Происходит навязывание своего «этоса», так сказать, этосизация (на свой вкус и сообразно своим взглядам) мирового мегасоциума разными, в основном, западными общественными группами. К этим общественным группам можно отнести как так называемую «мировую закулису», Бильдербергскую группу, Ротари-клуб, «комитет 300», или «Богемская роща», так и глав крупнейших транснациональных корпораций, инвестфондов, финансовых групп. Именно этими группами, на наш взгляд, с их стилем жизни, ориентациями их культур, принятыми в них иерархиями ценностей предпринимаются уже практически в открытую серьезные усилия по формированию этоса (по определению М. Оссовской) современного глобализирующегося мира. С одной стороны, поведенческая стратегия названных выше групп, формирующая (наряду с объективными причинами) тенденции унификации, позволяет легче осуществлять экспансию, прежде всего в экономической и других сферах. Но, с другой стороны, такая стратегия может способствовать формированию такого парадокса, когда поступки могут привести к изначально незапланированной, неосознанной цели. Процессы глобализации (как сжатия пространства и времени), унификации, экологический и духовный кризисы способствуют, в конечном счете, осознанию людьми взаимозависимости, а в перспективе – осознанию своего единства с окружающим миром и формированию нового мироощущения и мироотношения в сторону духовности и стратегии сотрудничества, заботы об окружающем мире. Новое понимание духовности как не только и не столько морали, а и осознания своего единства с окружающим миром и вытекающего из такого «осознания» поведенческого императива, и формирует хабитус (по Бурдье: хабитус – необходимость, ставшая добродетелью) современного мегасоциума. И хотя, как известно, нравственный императив обеспечить очень непросто, современное состояние планеты и планетарного мегасоциума формирует условия для осознания описанного выше нового понимания духовности как практической необходимости.

Этос научного сообщества, или «научного братства» (по Р. Мертону), должен определяться, на наш взгляд, в первую очередь, указанным выше новым пониманием духовности, которое в значительной степени формирует «новую этику», выводя ее, в известной степени, за рамки просто нормативно-практической части философии. Такая «новая этика» может претендовать на статус последней ценностной опоры современного мегасоциума, а в «лоне» философии – на более весомый статус во взаимосвязи с учением о бытии.

Литература

1. Маккормик, П. Технологическая конъюнктура, этическая инновация и способность видеть истину в «эко-этике» // Вопросы философии. – 2011. – № 6. – С. 76–91.
2. Ермолаева, В.Е. Экологическая этика // Новая философская энциклопедия (в 4-х томах): Т–Я. – М.: Мысль, 2001. – Т. 4. – С. 422–423.
3. Тимофеева, С.С., Медведева С.А., Ларионова Е.Ю. Основы современного естествознания и экологии. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004.
4. Naess, A. Demystifying the critiques of deep ecology // Environmental philosophy: from animal rights to radical ecology / general editor: M. Zimmerman and others. – Upper Saddle River, N.Y.: Prentic Hall, 1998. – P. 181–200.
5. Сартаева, Р.С. Запад-Восток: поиски решения проблем духовной эволюции // Методология науки в контексте взаимодействия западной и восточной культур. – Алматы: Акыл кітабы, 1998. – С. 144–158.
6. Сартаева, Р.С. О новом понимании природы реальности и экологической парадигме современного научного знания // Аль-Фараби. – 2006. – № 4. – С. 82–95.

7. Сартаева, Р.С. Экология человека, новая онтология и устойчивое развитие Казахстана / под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы, 2012.

ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

С. П. Жукова

Социокультурные коллизии, обнаруживающиеся во всех сферах современного социума (от кризисных процессов в экономике до трансформаций института семьи, от особенностей политтехнологий до своеобразия виртуального существования индивида), с очевидностью обращают к моральным основаниям бытия, актуализируют моральную рефлексию. Но, парадоксальным образом, рефлексия философско-этическая, этическое учение (и образование) вызывают ощутимый скепсис, как будто не являются востребованными (Косвенным свидетельством этому является стремительное сокращение изучения этики, особенно, в высшей школе).

Этическое знание традиционно определяется как философская рефлексия оснований нравственной культуры. «Профанному» сознанию «основы морали» кажутся заранее известными, а реконструирование развития философско-этического мышления «о должном и сущем, добре, зле, моральном законе и смысле жизни» представляется неким информационным излишеством. Оно как будто не обеспечивает решений, непосредственно адаптированных к житейским и социально-практическим ситуативно определенным задачам, к социально-этическим коллизиям, имеющим определенные профессиональные и корпоративные параметры.

Современное массовое сознание с целью публичного обсуждения и решения морально-практических проблем обращается к авторитету религиозных, других общественных организаций, различным социальным институтам, выполняющим ценностно-ориентирующие и воспитательные функции. Подобный поворот определяется не только авторитарностью массового сознания, видимо, присущей ему по природе, но и коррелирует с характеристиками традиционного общества, репрезентируемыми (хотя и преобразованными) в современной социальной реальности. Кроме того, функция формирования и закрепления социальных добродетелей делегируется популярным сегодня, активно распространяемым этическим институтам: этическим кодексам и организациям (этическим комитетам, комиссиям, др.). Наконец, вхождение этики в социальную реальность осуществляется и, возможно, наиболее релевантным способом – посредством публичной коммуникации по проблемам современной прикладной этики, так называемым «открытым проблемам», в диапазоне от биоэтической проблематики до дилеммы информационных прав (Нельзя не оговориться, что различные провокационные акции СМИ, эксплуатирующие подобные предметы, в лучшем случае лишь привлекают к ним внимание).

Научно-практический статус и значимость прикладной этики в современном этическом знании подтверждается расширением и дифференциацией сферы исследований (от этико-этикетных основ деловой коммуникации до философско-этических парадигм экологического развития), формированием соответствующих научных и социальных институтов. Прикладная этика включается в системы вузовской подготовки специалистов (профессиональная этика, биоэтика, др.), позиционируется как необходимый компонент учебной дисциплины «этика» (насколько такая учебная дисциплина еще присутствует в вузах).

В современных этических исследованиях специфика предмета, проблематики, социальной реализации прикладной этики остро дискутируется. Известно, что в западной литературе термин «прикладная этика» может обозначать современную этику вообще [4, с. 32].

Осмысление феномена современной прикладной этики предполагает различение концептов «практическая этика» и «прикладная этика»; кроме того, экспликация предмета прикладной этики коррелирует с фиксацией характера и статуса этики как «практической философии» в пространстве философского знания. Посредством, прежде всего, этического нормативного компонента философская рефлексия присутствует в личностном бытии. В свою очередь философская нормативная этика в качестве необходимого аспекта содержит «практическую этику» [5, с. 80]. Так, практическая этика реализуется, например, Аристотелем в «Никомаховой этике» при характеристике конкретных добродетелей, различении произвольных и непроизвольных действий, возможностей их оценки, вменения ответственности. Практическая этика реализуется в «Опытах» М. Монтеня, «Афоризмах и максимах» А. Шопенгауэра, «Искусстве любви» Э. Фромма, др. Очевидно, практическая этика предполагает осмысление реализации феноменов нравственной культуры в исторической и ситуативной конкретике индивидуального и социального существования.

Практическая этика реализуется в процессе обоснования повседневных морально-практических решений определенного морального субъекта, но она непосредственно не участвует в преобразовании социально-нравственной практики. Прикладная этика реализует новую тенденцию в современном этическом развитии (А.А. Гусейнов). Прикладная этика (как и прикладная наука вообще) посредством проектов, институтов и технологий, этически фундированных, но интегрирующих в себе различные отрасли знания, принимает непосредственное участие в решении социально-нравственных задач, возникающих в определенных видах социальной практики (Например, экспертно-консультативная, законотворческая деятельность комитетов по биоэтике, др.). Такая интерпретация концепта прикладной этики релевантна ее современному существованию в виде совокупности различных прикладных этик (биоэтики, экоэтики, инфоэтики, этики бизнеса, др.), и, вместе с тем, не исключает возможности экспликации единого предмета прикладной этики.

Предмет прикладной этики остается дискуссионным. Так, В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов фиксируют «по меньшей мере, пять версий-образов прикладной этики», реализующих ее предмет: «этику открытых проблем», «аппликативную этику», «практико-ориентированную этику», «организационную этику», «проектно-ориентированную этику» [1, с. 10]. Представляется, что предметная область современной прикладной этики может быть обозначена как «современная общественная мораль», включающая нравственные отношения, модели поведения, ценностно-нормативные системы и коррелирующие с ними этические институты (кодексы, организации), формирующиеся в процессе социально-публичного взаимодействия различных моральных субъектов (личностей, групп, организаций, др.). Проблемное поле, задаваемое таким предметом, включает моральные коллизии, возникающие в различных видах современной социальной деятельности (от экономики до научного творчества) в связи с решением задач, определяемых технико-технологическим потенциалом современной цивилизации, и потенцирующие как изменения индивидуального нравственного существования, так и глубинные преобразования в нравственной культуре социума. Непосредственно в социальной реальности подобные моральные коллизии реализуются как социально-профессиональные проблемы, требующие интеграции различных научных подходов и формирования институтов и механизмов практического решения (Примером может

быть проблема информированного согласия – одна из наиболее актуальных в профессиональной деятельности медика, психолога, педагога, социолога, др.). Таким образом, прикладная этика с необходимостью реализуется в когнитивном, ценностно-нормативном, социально-практическом (включая институциональность) аспектах.

Предмет и проблемное поле современной прикладной этики задают ее трансдисциплинарный статус, предполагающий целостное, сложно дифференцированное, самоорганизующееся, ценностно-ориентированное знание, центрируемое собственно этической компонентой, «современный тип производства научного знания, который представляет собой гибрид фундаментальных исследований, ориентированных на познание истины, и исследований, направленных на получение полезного эффекта» [3, с. 24]. В своей непосредственно практической реализации современная прикладная этика приобретает профессионально-этический характер, хотя может и не конституироваться как определенная профессиональная этика. Еще одной характеристикой прикладной этики является ее особый социокультурный статус. Прикладная этика представляет собой действующее знание, непосредственно реализующееся в формировании ценностно-нормативных систем определенных видов социальной практики, в модификациях и преобразованиях социума, ситуативно определенных решениях социально и человечески значимых проблем. Наконец, очевидно, что прикладная этика осуществляет собой фундаментальные теоретико-методологические и прескриптивные этические основания.

Прикладная этика может репрезентироваться как «новая стадия развития этики», характеризующаяся интегрированием теории морали и социально-нравственной практики [2, с. 389], то есть и как некое новое состояние нравственной культуры, задаваемое социально практически реализующимся нравственным мышлением философского уровня.

Литература

1. Бакштановский, В.И. Этика научно-образовательной деятельности как «территория» прикладной этики / В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов // Этическое регулирование в академической среде: Материалы междунар. науч.-практ. конф. / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филос. факультет, 4–5 декабря 2009 г. / Под ред. П.А. Сафронова. – М., 2009. – С. 9–18.
2. Гусейнов, А.А. Прикладная этика // Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. – М., 2001. – С. 388–389.
3. Конвергенция биологических, информационных, нано – и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола») / В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин [и др.] // Вопросы философии. – 2012. – № 12. – С. 3–28.
4. Коновалова, Л.В. Прикладная этика (по материалам западной литературы). Вып. 1: Биоэтика и экоэтика / Л.В. Коновалова. – М., 1998.
5. Пороховская, Т.И. Прикладная этика // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2012. – № 3. – С. 79–92.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ЭТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Н. С. Загорская

Объективные реалии свидетельствуют о том, что в настоящее время практически во всех сферах наблюдается противоречие в понимании моральных ценностей. Трансформация ценностей вмещает как традиционные представления о нормах поведения, так и аксиологические инновации, характеризующие происходящий процесс переоценки ценностей.

Традиционная этика основывается на постижении общности человека с другими людьми и действиях в соответствии с их потребностями («золотое правило нравственности»). В результате утверждается приоритет общего над индивидуальным. Поэтому более всего люди ныне усердствуют в дискредитации традиционных ценностей, добродетелей, обычаев. Но все ценности, конкретные нормы и этические суждения можно с равной силой обосновать как истинные или отвергнуть как ложные, и процесс доказательства может продолжаться до бесконечности. И тогда в какой-то момент надо остановиться и хотя бы одну ценность признать безусловной. Так и произошло. Общество обустраивается на фундаменте индивидуальной свободы как базовой ценности. Свобода, однако, это такое основание, на котором ничего не основывается по определению. В этих условиях, для того чтобы иметь этику, надо что-то принять за первичный, основополагающий принцип. Но единственной несомненностью остается только индивид, который в своей свободе демонстрирует истинность или неистинность этических знаний и убеждений. Как результат, возникает особая этика личности, или персоналистская этика, в которой индивидуальность каждого человека универсализируется, становится этически востребованной.

Произрастающая на этой же основе раздробленность «практической философии» имеет свои минусы, поскольку порождает феномен плюрализма и релятивизма моральных позиций, что затрудняет самоопределение человека в координатах «добра» и «зла» и тем самым не является абсолютным гарантом улучшения реального состояния нравов. Эгоистические побуждения человека – корыстолюбие и алчность, тщеславие и жадность, грубость и насилие, неуважение, равнодушие и безразличие – являются деструктивными результатами трансформационного процесса. Экзистенциальный вакуум становится источником, формирующим новый эстетический вкус, новое искусство, новую культуру. Тема одиночества, отчаяния, самоубийства, наркотиков звучит намного чаще, чем, например, тема дружбы или любви.

Но как в таких условиях придать персоналистской этике позитивное, созидательное начало? Ответ на этот вопрос в свое время был предложен С. Кьеркегором, который представлял любого рода этику как коренящуюся в экзистенциальном выборе себя. В этике личности, наполняющей себя моральным содержанием, личность свободно, самостоятельно выбирает свою «хорошесть». Первый шаг на этом пути – выбрать сам выбор между добром и злом. При этом экзистенциально выбирается и моральный критерий проведения такого различения. Узнать же о том, что личность выбрала себя как «хорошую» личность можно только из ее практической порядочности.

Механизм реализации морали в подобном ее представлении предполагает наличие в сознании человека, во-первых, позитивной регулятивной идеи, задающей главное направление этической рефлексии; во-вторых, критической рациональности, обнаруживающей антитезу должного и сущего, а также предполагающей скептицизм, сомнения в общепринятых истинах, что стимулирует поиск вариантов самореализации в поведенческом акте; в-третьих, совокупности запретов, закрепленных в общечеловеческих моральных нормах относительно должного поведения, которые ограничивают свободу воли человека и тем самым защищают его от саморазрушения.

В данном контексте, по мнению философа М. Эпштейна, все более обнаруживается необходимость дополнения «золотого правила» другой регулятивной идеей, которую он называет «алмазным правилом», поскольку оно подчеркивает состоящую из различных граней индивидуальность, неповторимость человеческого дара. Формулировка правила гласит: «Приноси пользу наибольшему числу людей, но именно в том, в чем никто, кроме тебя, не может принести эту пользу». Индивидуальный дар вписывается в этическую стратегию таким образом, что единственность данного субъекта этического дей-

ствия становится критерием морального действия, а не только предполагает обратимость объекта и субъекта действия. Правило говорит о том, как достичь самообретения через самоотдачу – быть нужным другим, но тем единственным способом, который отличает тебя от других. Дар индивидуален, но вместе с тем носит ситуативный характер. Этическая обязанность личности – сделать нечто уникальное здесь и сейчас, чего не может сделать никто другой. «Алмазное правило» регулирует соотношение наибольших способностей одних и наибольших потребностей других [1, с. 745–760]. Однако приводится в действие этот механизм только при условии глубокого внутреннего усвоения этического знания как аккумулированного морального опыта человечества.

Таким образом, возникшей жизненной ситуации соответствует сосуществование между фрагментами традиционной этики и персоналистской этики, которая использует некоторые из этих фрагментов, а также идеологически обоснованные конструкты, которые стремятся вернуть этику личности на прочное основание. Вместе с тем в сложившихся условиях обнаруживается парадокс. С одной стороны, актуализируется процесс трансляции моральных ценностей, что порождает «этический тренд», а с другой стороны, процесс усвоения данных ценностей проблематизируется. В теории «этический тренд» связывается с именами таких философов, как Д. Гильденбранд, Дж. Роулз, Э. Фромм, Ю. Хабермас, Г. Йонас, П. Щедровицкий, А.А. Гусейнов, Р.Г. Апресян и др. При доктринальных различиях моделей построения этического знания исследователи, как правило, исходят из общегуманитарного понимания феномена морали, которому свойственны две идеи: о самоценности человеческой личности и о взаимности человеческих отношений.

На практике «этический тренд» фиксируется в создании этических организаций и комитетов под эгидой ЮНЕСКО, например, Мировая Комиссия по Этике Научных знаний и Технологии, в разработке профессионально-этических кодексов, создании этических комитетов. Общемировой является тенденция по введению в средних образовательных учреждениях курсов по этике. Так, в Германии предмет «Этика» (или «Практическая философия») преподается в старших классах и является предметом по выбору, альтернатива которого – курс по религии. В Австралии с 2007 г. преподается курс прикладной этики – «гуманизм для школ». В США этот процесс приобрел черты «этического бума». Здесь уже 40 лет реализуется программа «Философия для детей». Министерством образования и науки Российской Федерации в 2009 году был внедрен курс основ религиозной культуры и светской этики. Целью данных курсов является, во-первых, усвоение детьми норм морали на базе основных принципов традиционной этики, которые в том или ином объеме нашли отражение и в светской этике, и в этике религиозной; во-вторых, освоение способов моральной аргументации в контексте развития самостоятельного, персоналистского мышления с возможностью их практического применения [2, с. 117–121].

К сожалению, в нашей стране идея этического образования и воспитания, если и не дискредитирована окончательно, то, по крайней мере, в значительной степени оттеснена на периферию образовательного процесса. Введение в школах факультативного курса «Основы современного этикета» для 9 (10,11) класса проблемы не решает. Фактически исчез из учебных программ высших учебных заведений курс «Этика». Представляется, что в сознании большинства людей вообще преобладают сниженные представления о роли и значении морали в жизни современного человека и общества. В известном смысле это объясняется тем, что сама идея этического ликбеза противоречит той образовательной парадигме, в рамках которой процесс «творения» проводится с очевидным упором на эвристический компонент развития личности в ущерб духовно-нравственному. Отталкиваясь от очевидности утверждения, что этика должна занять од-

но из основных мест в образовании современного человека, следует говорить не о преподавании основ этики в школах или вузах, а о том, что должна существовать система этического образования и воспитания, охватывающая все возрастные группы общества [3]. В свою очередь, такой подход предполагает обращение к специально организованным формам преподнесения этического знания с учетом изменений в репрезентации моральных ценностей в современной культуре.

Литература

1. Эпштейн, М. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. – М.: НЛО, 2004.
2. Авдеева, И.А. «Светская этика» в системе этического воспитания в глобализирующемся мире // Философские науки. – 2011. – № 5.
3. Апресян, Р.Г. Этика в высшем образовании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ethicscenter.ru/ ed/ kaunas/ april.html. – Дата доступа: 12.04.2013.

ПРИЗНАНИЕ БОЛЕЗНИ ЕСТЬ НАЧАЛО ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ: О МОРАЛЬНОЙ ПАТОЛОГИИ ОБЩЕСТВА И ЛИЧНОСТИ

Н. К. Эйнгорн

Аксиомой является то, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Жизнь и судьба каждого человека напрямую зависит от того, в какое историческое время, в каком обществе, в каком государстве рождается и живет человек. Социальное благополучие или социальные драмы и трагедии как в зеркале отражаются в индивидуальных судьбах людей. И эти судьбы все более наполняются не радостью бытия, не нарастающим чувством удовлетворенности жизнью в обществе потребления, обществе с бурно развивающейся индустрией отдыха, развлечений, праздников, а тревогой, страхами, все пронизывающим невротизмом. И все чаще вспоминается древняя мудрость буддизма: «Жизнь есть страдание». Страдание – это боль, а боль может быть признаком болезни. Выявление болезни – диагноз. Таким диагнозом должны стать теории, изучающие современные состояния общества и личности, так как не просто противоречия и конфликты, агрессия и насилие пронизывают жизнь общества и личности, ее пронизывает боль, переходящая в болезни.

Реальность болезни общества подтверждается нарастающими попытками анестезии, обезболивания, которые могут быть как спасительными, так и губительными. Квиетизм – пассивность и смирение с происходящим, способен временно стабилизировать жизнь, но не способен конструктивно менять ее к лучшему. Он представляет собой ситуативное самолечение, чреватое нейтрализацией симптомов болезни, ее усугублением и проблематизацией выздоровления. Эскапизм – защитное бегство от непонятной, пугающей, непредсказуемой реальности. Это может быть сознательный уход от проблем окружающего мира, жизнь по образу «человека в футляре». Патологичным становится бегство в виртуальную реальность информационных сетей, лишающее человека непосредственного, живого общения, приводящее, особенно в детском и подростковом возрасте, к утрате эмпатии – способности чувствовать другого и сочувствовать другому: сорадоваться и сострадать. Эскапизм проявляется сегодня в откровенно деструктивных конкретизациях: алкоголизм, наркомания, проституция, ответная преступность (преступность, провоцируемая жестокостью, беспределом, тупиковой несправедливостью жизни).

Одну из своих работ Эрих Фромм назвал «Здоровое общество». По сути, это – диагноз больного общества, без которого избавиться от социопатии невозможно.

Э. Фромм утверждал, что если какие-то порочные явления становятся социальной и индивидуальной нормой, то это не значит, что так и должно быть. А ведь именно этим сегодня нередко и оправдываются разрушительные явления жизни общества и личности. Здесь уместна аналогия с эпидемиями, которые требуют безотлагательной локализации, строжайших табу на дальнейшее распространение, точнейшего диагноза и обоснованных методов интенсивной терапии.

Моралепатия – специфический вид социопатии, патология моральных состояний и морального развития общества и личности. Для содержательной конкретизации понятия «моралепатия» необходимо уточнить понятия «мораль» и «патос». Главное предназначение морали – быть хранительницей малых и больших общностей, упорядочивая взаимоотношения в них с помощью моральных ценностей и моральных требований. Мораль консолидирует части в целое, обеспечивая надежное функционирование этого целого, его развитие и совершенствование. А развитое и надежно функционирующее целое способствует благу своих частей. В этом диалектика части и целого, диалектика частного и общего блага. Приоритет общего над частным объективен. Нарушение этого приоритета, неприятие моральных ценностей и моральных требований, моральный скептицизм и нигилизм чрезвычайно субъективны и разрушительны. Предельная опасность этого в десоциализации, в распаде, гибели социальности, в утрате важнейшей для всех и каждого взаимосвязи «Я – Мы». Проявляется это в чужести, чуждости, враждебности, ненависти, агрессии, насилии, причиняющих моральные страдания, моральную боль.

«Pathos» в переводе с греческого языка означает страдание, боль. Владимир Даль в «Толковом словаре живого Великорусского языка» характеризовал страдание как чувство страдающего, как муку, мученье. Страдать означает бедовать, мучиться, испытывать боль, скорбить, тосковать, болеть душой, терять, приходить в упадок, быть под гнетом. Многогранность страдания подтверждает многогранность жизни, ее несовершенств и деструкций. Боль способна превратиться в болезнь. Больным может быть не только человек, но и общество в целом, утверждал Зигмунд Фрейд в работе «Недовольство культурой». А Габриель Тард в интереснейшем исследовании «Социальная логика» отмечал, что то, что происходит с человеком, происходит и с обществом, и наоборот. Он использовал такие понятия как: «социальная психика», «социальное тело», «социальное сердце», «социальная абулия», «социальное вырождение». С определенной долей условности можно признать правомерными подобные аналогии социального и индивидуального.

Болезнь – это отрицание, искажение здоровья, это нездоровье, проявляющееся в нарушении жизненных функций, в их аномалиях и дисгармоничности, способных приобретать системный характер, малую обратимость и причинять телесные, душевные и духовные страдания.

Здоровье – это необходимый порядок функционирования организма, сохраняющий его целостность, жизнеспособность, порождающий самоощущение внутренней и внешней стабильности, комфорта, удовлетворенности жизнью. Много общего с признаками счастья и это закономерно, так как здоровье – необходимая основа счастливой жизни, как личности, так и общества. Гармония всех компонентов здоровья порождает *ортобиоз* – правильную жизнь. Этот термин использует И.И. Мечников в своей работе «Этюды оптимизма».

Моралепатия – специфический вид социопатии, но существующий не наряду с другими видами, а представляющий сердцевину социопатии, ее сущность. Ведь мораль – хранительница общностей, микро и макро социумов. Мораль направлена на разрешение универсальных противоречий социальной и индивидуальной жизни: социальное – индивидуальное с доминантой социального, должное – сущее с доминантой должного,

добро – зло с доминантой добра и так далее. Социальное и моральное по сути своей идентичны. В этом смысле, быть моральным означает быть социально выстроенным, социально адаптированным, социально надежным индивидом. А в понятии «личность» выражен моральный статус индивида, так как личность – это индивидуальное бытие социального.

Здоровое общество создает основы морального здоровья своих граждан. Больное общество испытывает моральные качества личности на прочность, порождает массу негативных провокаций. Социальные пороки способствуют формированию и проявлению индивидуальных пороков, социальное зло порождает индивидуальное зло и привычку его оправдания, идет стремительное инфицирование, заражение моральным злом во всей его многоликости: несправедливость, забвение долга, безответственность, бесстыдство, бессовестность, бесчестие, бессмысленная жизнь, зависть, ненависть, мстительность, жестокость и многое, многое другое, ведущее к асоциальности, бесчеловечности, к социальной и антропологической катастрофам. И это – не сгущение красок, не воинствующий пессимизм, а реализм, диагноз аморального и антиморального состояния общества и личности, требующий своего уточнения и конкретизации для выработки стратегии и тактики лечения, а не просто реформирования, модернизации и прочих преобразований.

Развитие, совершенствование, прогресс возможны в морально здоровом обществе с развитой духовно-нравственной культурой. Надо никогда не забывать, что: «Все прогрессы реакционны, если рушится Человек!». Этот мудрый завет Андрея Вознесенского должен быть постоянным напоминанием о том, *ради чего, ради кого и как все происходит и должно происходить*. Это и есть смысложизненные вопросы, и они ждут смысложизненных ответов.

ВЛИЯНИЕ НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ НА РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МОРАЛИ

В. В. Надурак

Общественная мораль, как и каждая открытая система, подвержена влиянию внешней среды. Для морали такой средой является общество и биологическая природа человека. Если они изменяются, то и с ней происходят трансформации. Как известно, основную часть своей истории человек прожил в небольших сообществах, где и формировалась его мораль. Отличительной чертой таких социальных групп было то, что индивиды в них поддерживали личные контакты друг с другом. Связь людей между собой была явной, ощутимой и, конечно же, жизненно необходимой. *Осознавая* необходимость поддержания этой связи, индивид старался исполнять необходимые моральные предписания, так как в противоположном случае мог понести наказание или даже оказаться в той или иной мере изолированным от группы, вследствие чего его жизненные шансы существенно понижались.

Значительные изменения в таком укладе жизни произошли в связи с развитием индустриального общества. Эмиль Дюркгейм писал, что «ослабляются узы, связывающие индивида с его семьей, с родной землей, с завещанными прошлым традициями, с коллективными обычаями группы. Становясь более подвижным, он легче меняет среду, покидает родных с тем, чтобы жить в другом месте более автономной жизнью, более самостоятельно формирует свои идеи и чувства» [2, с. 371]. Он считал, что хотя этот процесс вначале приводит к ослаблению общественной солидарности, но в более дли-

тельной перспективе усиливает ее, укрепляя тем самым общественную мораль. Дело в том, что специализируясь на одном виде труда, индивид начинает больше осознавать свою зависимость от общества, поскольку большинство необходимых ему ресурсов вырабатывают другие люди. Это заставляет его исполнять необходимые нормы, для того чтобы усиливать солидарность с другими. «Словом, так как разделение труда становится важным источником социальной солидарности, то оно вместе с тем становится основанием морального порядка» [2, с. 371–372].

Мы считаем, что хотя развитие индустриального и постиндустриального обществ, возможно, усилило зависимость индивида от социума, но в наше время этот процесс ведет не к усилению, а к ослаблению общественной морали. Дело в том, что развитая рыночная экономика дает возможность людям заработать значительные денежные ресурсы, вследствие чего они могут приобрести все необходимые для жизни блага без налаживания и поддержки устойчивых связей с другими людьми. Конечно, современная цивилизация не дает возможности людям выжить за пределами социума, поэтому они продолжают быть связанными друг с другом многочисленными узами. То есть реальная зависимость от других не становится меньше и, наверное, даже усиливается (здесь Дюркгейм был прав). Ошибался он в том, что осознавая это, индивид будет больше привязываться к обществу и более последовательно исполнять необходимые моральные нормы. На самом деле, это осознание в последнее время как раз уменьшается, так как, владея значительным денежным ресурсом и живя в хорошо отлаженной системе потребления товаров и услуг, человек во многих ситуациях теряет необходимость налаживать сотрудничество с другими людьми. В результате он перестает ощущать зависимость от других, что часто приводит к появлению иллюзорного чувства обособленности от общества. Поскольку же осознание такой зависимости является важным стимулом к исполнению моральных норм, то эта ситуация приводит к нарастанию кризисных явлений в общественной морали.

Конечно, можно сделать замечание, что сегодня, как и в прошлом, человек для того, чтобы получить необходимый в описанных условиях денежный ресурс все же должен работать, что подразумевает налаживание и поддержание тесных связей с другими людьми. Но как показал Зигмунт Бауман, в наше время и эти связи существенно ослабли и в результате «место работы воспринимается как своего рода кемпинг, где человек останавливается на несколько ночей и который можно покинуть в любой момент, если не предоставлены обещанные удобства или предоставленные вдруг разонравились, а не как общий дом, где каждый обязан взять на себя труд по выработке приемлемых правил взаимодействия» [1, с. 31].

Еще одним следствием изменения социальной среды, стало формирование условий, в которых привычные механизмы обеспечения функционирования общественной морали становятся менее эффективными. В первую очередь это касается репутации. Жизнь в больших группах (в первую очередь в городах) делает невозможной ту действенность репутации, которая имела место в небольших группах, так как люди в такой среде, в основном, не знакомы друг с другом и поэтому не имеют достаточно информации, чтобы строить взаимоотношения на основе репутации. Кроме того, человеку тяжело сохранять в памяти информацию о поступках того большого количества индивидов, с которыми ему приходится иметь дело. К тому же, в современном развитом обществе, даже владея плохой репутацией, можно получать необходимые для жизни товары и услуги (для этого достаточно иметь определенный денежный ресурс или же воспользоваться системой государственной социальной помощи).

Из написанного, конечно же, не следует вывод, что репутация полностью теряет смысл, так как во многих сферах и социальных группах она остается действенным ме-

ханизмом поддержки моральных отношений. Но все же границы ее эффективности сужаются.

Еще одной особенностью новой среды обитания человека является наличие широких возможностей для того, чтобы действовать и общаться анонимно. Эти условия существенно отличаются от тех, в которых жили наши предки, когда большинство действий могли быть отслежены, а их авторы получить соответствующее вознаграждение или наказание. Как показали недавно проведенные эксперименты, анонимность имеет большое влияние на этическое содержания человеческого поведения: «Неморальное поведение более вероятно тогда, когда его автор не может быть идентифицирован» [3, p. 311]. Причем это касается также ситуаций, в которых анонимность была не реальной, а иллюзорной, когда например, участники эксперимента, находящиеся в более темной комнате, чаще прибегали к обману, в сравнении с участниками, находящимися в помещении с лучшим освещением» [3]. Из этого можно сделать вывод, что в силу действия названных психологических механизмов, индивид, живя в достаточно анонимной среде современного большого города, чаще будет прибегать к неэтичному поведению. Даже если такая анонимность будет иллюзорной.

В свое время, человечество уже имело дело с подобными изменениями. Это было тогда, когда племена начали объединяться в большие социальные группы, и возникла необходимость формирования морального отношения к незнакомцам. Тогда свою роль сыграла религия, которая способствовала расширению сферы действия морали на всех единоверцев (или даже всех живых существ). Но в современных условиях, когда в большинстве развитых стран происходят активные процессы секуляризации, на такую роль религиозного фактора не стоит рассчитывать.

Таким образом, описанные нами изменения имеют негативные последствия для общественной морали, усиливая в ней хаотические процессы. Но мораль, как самоорганизующаяся система, должна иметь механизмы, которые могли бы компенсировать действие дестабилизирующих ее факторов.

Литература

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество. – М., 2002.
2. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М., 1991.
3. Zhong, C.B. A Good Lamp Is the Best Police: Darkness Increases Self-interested Behavior and Dishonesty / C.B. Zhong, V.K. Bohns, F. Gino // Psychological Science. – 2010. – № 3. – P. 311–314.

ПРАВА БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ: ТРУДНОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ

А. В. Прокофьев

Защита интересов будущих поколений является одним из важнейших лозунгов современной эпохи. Она выступает как стержень, объединяющий целый ряд требований экологического движения. Однако ее обоснование в рамках преобладающих на настоящий момент моделей нормативной этики сталкивается с существенными проблемами. Одна из них связана с тем, что полноценной такая защита может быть лишь в том случае, если утилитаристские расчеты, касающиеся положения людей будущего, будут ограничены уважением к их правам. Проблема же состоит в том, что главный теоретический инструмент обоснования прав – договорная этическая методология – в этом контексте не работает. Нынешнее и будущие поколения не находятся в положении взаим-

ной зависимости, которое служит отправной точкой этой методологии. Отсюда возникает вопрос о том, можно ли обосновать права будущих поколений вне договорной теоретической перспективы?

Такие возможности, на мой взгляд, содержит интуитивистский подход к выявлению нормативного содержания морали. Он прямо и непосредственно отталкивается от идеи фундаментального этического равенства между людьми. Им постулируется равное положение всех людей и всех поколений по отношению к Земле как общему достоянию. Каждый человек является по отношению к ней пользователем и распорядителем по доверенности. Соединение этих характеристик неизбежно ведет к отождествлению соблюдения прав будущих поколений с обеспечением устойчивого развития: «каждое поколение должно оставить планету в не худшем состоянии, чем оно ее получило». Такова, например, позиция Э. Браун Вайсс, которая предположила, что права будущих поколений имплицитно провозглашаются уже во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., признающей равные и неотъемлемые права за всеми «членами человеческой семьи» без указания на время их жизни [1].

Хотя теоретическая схема интуитивистской этики отношения к будущим поколениям гораздо менее противоречива, чем теоретическая схема договорной, существуют две трудности, с которыми сталкивается в межпоколенческом контексте любая теория прав и без преодоления которых выстроенное на интуитивистской основе понимание прав будущих поколений не может эффективно дополнять утилитаристские расчеты.

Первая трудность касается факта несуществования этих субъектов права. Людей будущих поколений нет на настоящий момент, а значит, на настоящий момент у них не может быть прав, и они не могут их никому делегировать. Они, конечно, будут иметь права в момент своего появления на свет, но эти права будут касаться доступных на тот момент ресурсов и возможностей [2, p. 11–29, 42].

Одним из способов разрешения этой проблемы является модификация зауженного понимания прав. Она предполагает возможность наделять правами тех людей, которые попадают под определенное описание, но не являются конкретными индивидами, обладающими генетической и психологической идентичностью. В качестве главной аналогии при этом выступает ситуация туриста, который должен очистить место стоянки от мусора, хотя не знает ни того человека, который придет на это место, нуждаясь в нем для своего лагеря, ни даже того, придет ли сюда кто-нибудь в действительности. Сама возможность прихода порождает и нравственную обязанность, и соответствующее ей право [3, p. 140]. Другой способ преодоления этой трудности состоит в уточнении сегодняшнего значения будущих прав. Будущие права могут рассматриваться как права, порождающие некоторые обязанности уже сегодня, и значит, они являются важным фактором при определении той доли ресурсов, которую нынешнее поколение должно передать будущим [4].

Второе затруднение теории прав будущих поколений связано с неопределенностью идентичности людей будущего. Их индивидуальные характеристики и в этом смысле само их существование в качестве тех или иных личностей зависит от принимаемых сегодня решений. Моральные претензии человека будущего, касающиеся сегодняшнего разрушения окружающей среды или истощения невозобновимых ресурсов, наталкиваются на то возражение, что в мире, где его предки не совершили бы этих действий, его самого попросту не было бы, как человека с нынешней генетической и психологической идентичностью. Его претензии тождественны ретроспективному стремлению не существовать, сопровождающемуся стремлением к тому, чтобы некое поколение N (заведомо не его поколение, поскольку в альтернативной реальности он уже не будет его членом) получило в свое распоряжение большее количество ресурсов. В этой теоре-

тической перспективе нарушение прав людей будущего и причинение им ущерба невозможны, поскольку последствия нарушения права и соблюдения права, причинения ущерба и воздержания от него разнесены между разными потенциальными человеческими жизнями [5, p. 351–441].

Ответом на данную трудность может быть модификация понятия «ущерб». Если ущерб рассматривать не только в сравнительной, но и в абсолютной перспективе (то есть как падение чьего-то благосостояния ниже определенного порога), то претензии людей будущего по поводу причиненного им ущерба сохраняют свою силу, несмотря на парадокс идентичности. По крайней мере, в том случае, если подпороговое существование рассматривается как нечто худшее, чем несуществование. Соответственно, сравнения между возможными индивидами, имеющими разные надпороговые уровни благосостояния, не могут обсуждаться в категориях причиненного ущерба и нарушенных прав [6, p. 143–160]. Проблема состоит лишь в том, что в такой перспективе невозможно обосновать тот высокий порог, который задается идеей устойчивого развития (сложно представить себе, что существование в условиях, которые ей не соответствуют, заведомо хуже несуществования). Есть и другая возможность преодоления парадокса идентичности теориями прав будущих поколений. Она была использована Э. Браун Вайсс, которая предположила, что противоречия снимаются в том случае, если права людей будущего рассматриваются не как индивидуальные, а как коллективные – как права именно самих поколений вне зависимости от личной идентичности каждого из его членов [1].

Наконец, следует заметить, что зависимость идентичности моральных субъектов от неисполнения обязанностей перед ними (несоблюдения их прав) не должна восприниматься как обстоятельство, создающее проблемы исключительно в этике отношения к будущим поколениям. Любое действие, затрагивающее интересы другого человека (например, причинение ему увечий или страдания), также изменяет его характеристики как личности (не случайно в современной философии идет обсуждение идеи последовательных множественных Я одного и того же индивида). В этой связи можно утверждать, что в отсутствии вредящего его интересам действия он был бы другим человеком. Можно задать ему вопрос: разве хотел бы он лишиться своей идентичности и своего жизненного нарратива в обмен на отсутствие страданий и увечья? А затем постулировать неизбежность отрицательного ответа, который станет основой для снятия претензий в отношении нарушителя нормы. Однако в области взаимодействия между одновременно существующими людьми мы считаем это обстоятельство несущественным и интересным исключительно как предмет философского анализа. Вполне возможно, что и в области этики будущего ему не стоит придавать решающего значения.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12–03–00057, тема «Принцип защиты интересов будущих поколений в экологической этике (теоретическое обоснование, нормативное содержание и практическая реализация)».

Литература

1. Brown Weiss, E. Intergenerational Equity: A Legal Framework for Global Environmental Change [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archive.unu.edu/ unupress/ unupbooks/ uu25ee/ uu25ee0y.htm – Дата доступа: 17.04.2013.
2. Beckerman, W., Pasek J. Justice, Posterity and the Environment. – Oxford, 2001.
3. Feinberg, J. The Rights of Animals and Unborn Generations // Responsibilities to Future Generations. – Buffalo, 1981.
4. Gosseries, A. On Future Generations' Future Rights // Journal of Political Philosophy. – 2008. – Vol. 16. – № 4. – P. 450–459.
5. Parfit, D. Reasons and Persons. – Oxford, 1984.

6. Meyer, L. Past and Future: The Case for a Threshold Notion of Harm // Rights, Culture, and the Law. – Oxford, 2003.

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО КАК ФАКТОР ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Л. С. Вечер

Человек, делая выбор, должен соотнести основные принципы и правила государственного службы со своими личными ценностями и установками. Совпадение – внутренний, собственный кодекс и вполне официальные правила жизни и работы коллектива – приводит к формированию специалиста с высокой профессиональной и личной отдачей, преданного государству.

Специфика профессиональной деятельности государственного служащего состоит в том, что в процессе ее осуществления реализуются функции и полномочия государственных органов власти. Фигура государственного служащего должна быть привлекательна для потребителей услуг органа власти.

Нормы любой профессиональной этики есть частное по отношению к общегражданским моральным нормам. Нормы профессиональной этики предписывают определенные стили поведения и взаимоотношений. Знания этих норм и следование им позволяет правильно ориентироваться в обстановке и вести себя так, чтобы не вызвать непонимания и осуждения со стороны окружающих.

Нормы профессиональной этики являются некоторой гарантией того, что люди могут полагаться друг на друга. Можно констатировать, что нормативная функция, нормативное предназначение морали в современном обществе являются ведущими. Включение человека в нормативный контекст – это есть его социализация.

Поэтому мы считаем возможным утверждать, что норма является основной формой бытия профессиональной морали.

Есть три типа нравственных норм:

– предписывающие (как требуется с точки зрения профессиональной морали государственного служащего поступать в определенных ситуациях);

– запретительные (что конкретно не разрешается в рамках служебного поведения);

– рекомендательные (как следует вести себя в той или иной нравственной ситуации).

Все вышесказанное уже предполагает существование некоторых способов управления моралью, в том числе и моралью профессиональной. Отметим два из них: первое, общесоциологическое управление моралью, то есть управление его через изменения и усовершенствования различных структурных элементов социальной системы.

Второй способ заключается в управлении моралью, осуществляемый путем прямых воздействий на нее, непосредственных изменений в ней самой.

Оба способа управления моралью находятся в тесном взаимодействии и являются двумя сторонами единой общей системы социального управления моралью и нравственным воспитанием.

Этические воззрения, используемые в качестве принципов деятельности, определяются ценностными представлениями конкретного человека о добре и зле, справедливости и ответственности. Эти представления придают профессиональной деятельности государственных служащих личный, индивидуальный смысл. Говоря другими словами, этическая составляющая с одной стороны, очеловечивает, а с другой – персонифицирует содержание управленческих целей.

Этические оценки имеют общесоциальную природу, поэтому они, с одной стороны, характеризуют государственных служащих как составную часть определенного социума, а с другой – в некоторой степени обособляют чиновничество как отдельную социальную, а также профессиональную группу.

Принадлежность личности к некоторому социальному объединению налагает на нее свои дополнительные нравственные обязанности, которые отражают общественные требования к данному объединению. Главными качествами государственных служащих должны быть лояльность, профессионализм, нравственность [1, с. 119].

Нравственное поведение государственного служащего не может складываться по формуле «все, что не запрещено законом, разрешено». Мы считаем, что этические нормы государственного служащего должны быть более строгими, чем обычные моральные нормы. И в деятельности государственной службы необходимым является, следовательно, не только должностное, но и моральное регулирование. Никакая формальная процедура, никакое нормативное положение не отменяют моральных оценок и решений, основанных на нормах нравственности.

Исследователи государственной службы неоднократно отмечали, что за последние 20–30 лет окружающая среда государственного управления претерпела значительные изменения. Новые социально-экономические условия, позволившие говорить о переходе от индустриального к информационному обществу, серьезные изменения в мировоззрении – все это не могло не отразиться и на взаимоотношениях общества и государства, и на понимание задач и принципов государственного управления.

Одной из важнейших движущих сил многочисленных реформ государственной службы, проводившихся в Западных странах в последние десятилетия, стали возросшие требования со стороны общества к эффективности работы государственных органов и качеству предоставляемых ими услуг. С одной стороны – это использование в государственном управлении принципов и методов коммерческого менеджмента, а с другой стороны – внедрение мер, направленных на улучшение образа государственных служащих в глазах граждан.

Проводилась разработка целого комплекса мер, направленных на улучшение морального климата государственного управления и повышения доверия населения к государственным органам. Были созданы стандарты поведения государственных служащих, упрощен доступ к информации, хранившейся в государственных органах, частично раскрыты сведения о доходах государственных служащих. Со временем эти и многие другие мероприятия составили особое направление государственного управления – управление административной этикой [2, с. 114].

Административная этика уже достаточно давно считается в западных странах одним из важнейших способов противодействия коррупции и обеспечение национальной безопасности. Разработка и совершенствование этических стандартов стали почти обязательной составляющей реформ государственной службы. Управление административной этикой включено в состав учебных курсов крупнейших учебных заведений, занимающихся подготовкой государственных управленцев.

В США модели подготовки государственных служащих, включая руководителей высшего звена, в предметном плане включает до 25 процентов от общего объема такие учебные дисциплины, которые формируют у них активную гражданскую позицию, патриотизм, социальную ответственность за результаты своего труда, честность, традиции служения обществу и государству.

Более того, разработка и совершенствование стандартов поведения для государственных служащих стали почти обязательной составляющей реформ государственной службы в западных странах, успешно работают этические кодексы поведения государ-

ственных служащих.

Коррупция стала привычным явлением в жизни граждан и общества – это с одной стороны, а с другой – одной из основных угроз национальной безопасности, сохранения и развития выраженного социального неравенства вопреки усилиям государства.

Подобные проблемы в странах Запада во многом решаются в рамках управления административной этикой.

Следует отметить, что в Республике Беларусь существует аналогичное западному понимание общих принципов, на которых должна строиться государственная служба, чтобы преодолеть неэффективность аппарата и недоверие граждан. Это выражается в обеспечении правовыми нормами открытости системы государственной службы непосредственно и через органы средств массовой информации, прозрачность принимаемых государственными органами решений, затрагивающих права и законные интересы граждан, включая участие граждан в процессе подготовки этих решений; этичность, наличие норм и правил поведения государственного служащего, ответственного за выполнение должностных обязанностей. Однако в отличие от других стран в Республике Беларусь понимание подобных общих принципов до последнего времени не дополнялось разработкой конкретных мероприятий.

Вопрос о том, до какой степени поведение государственных служащих должно регулироваться в законодательном порядке, остается открытым. Его решение зависит от традиций государственного управления конкретной страны и от ее культурной специфики. Однако, чтобы поведение служащих отвечало определенным стандартам и нормам, необходим внутренний и внешний контроль, а также механизм, позволяющий его осуществлять на практике.

Литература

1. Корпоративная этика. – М., 2003.
2. Степнов, П.П. Этические нормы государственных служащих. – М., 2000.

КОНСТРУКТИВИЗМ И МОРАЛЬНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ

Н. С. Ильюшенко

Конструктивизм представляет собой широкое междисциплинарное направление, которое сложилось во второй половине XX века и приобрело статус общенаучного теоретико-методологического подхода.

Философские основания конструктивизма родоначальник радикального его варианта – Э. фон Глазерсфельд – обнаруживает в философии досократиков и скептиков [2, с. 38–59]. В подтверждение этого факта он приводит аргументы Ксенофана, Протогора, а также скептиков от Пиррона до Секста Эмпирика. Хорошо известно высказывание софиста Протогора, в котором тот выражает фундаментальное сомнение в возможности постижения некоторой единой и универсальной истины и указывает на множественность мнений относительно какого-либо положения вещей: «Мера всех вещей – человек, существующих, что они существуют, а несуществующих, что они не существуют».

Конструктивизм, имея своими идейными истоками, подобные утверждения нередко трактуется как подход, настаивающий на релятивности любых суждений, в том числе и моральных. И действительно, конструктивизм ставит под вопрос объективность существования вечных гарантов истинности нашего знания, включая знания о моральном долге. Тем не менее, было бы ошибкой отождествлять данный подход с позицией

древних скептиков. Хотя конструктивисты и отрицают существование каких бы то ни было правил-норм, на которые бы мог опереться индивид как на нечто раз и навсегда данное и вечное, их моральный релятивизм оказывается скорее видимостью, нежели воплощением идеи вседозволенности.

Каково же понимание сущности моральных норм в конструктивизме?

Прежде всего, необходимо отметить, что представители данного подхода исходят из идеи дискурсивной обусловленности всякого нашего знания, всех ценностей и смыслов. Они признают принципиальную их сотворенность (конструируемость), осуществляющуюся в процессе коммуникации. Коммуникация и язык рассматриваются как центральный организующий принцип процесса конструирования знания.

Язык в конструктивизме рассматривается как функционирующий, в первую очередь, в качестве формы социального действия, выступающий частью единой или нескольких традиций феномен [1, с. 78]. Назначение коммуникации заключается в том, чтобы содействовать целям адаптации, то есть обеспечивать наилучшее приспособление индивида к миру и поддерживать его жизнеспособность. Таким образом, знание, есть то, что формируется в пространстве культурно-символических практик в виде набора речевых (дискурсивных) актов коммуникации.

Понятые таким образом коммуникативные практики оказываются по своей сущности принципиально перформативными, то есть они служат не столько дескрипции некоторых действий или положений вещей, но и сами являются действиями, определяя сущность, структуру и смысл того, о чем сообщают. При этом важно подчеркнуть, что перформативными являются не только некоторые отдельные высказывания в языке, но весь язык целиком, взятый в единстве всех его моментов. Сама коммуникация является конституирующей отношения и в итоге, всю реальность, включая реальность морального. Именно внутри дискурсивных практик формируются для нас «значения» тех или иных явлений, в том числе и представления о должном, добре и зле, дозволенном и недозволенном, выступая средством обретения нами некоторого набора представлений о ценном, значимом, идеальном.

Таким образом, знание, в том числе и знание о нормах и требованиях морали, выступая механизмом адаптации к окружающей действительности, является обусловленным социальной и исторической практикой, «сконденсированной» в определенных коммуникативных системах, в «свернутом» виде, присутствующих в них.

Тот факт, что моральные нормы имеют социокультурную размеренность, не ограничивает свободы человека в выборе того или иного типа поведения. Однако данное обстоятельство не позволяет превратить такое конструирование в чистый произвол, ничем не ограниченного действия. Оно осуществляется всегда как личностный выбор, пределы которого заданы конкретным социально-историческим контекстом, даже тогда, когда личность определяет себя в противостоянии всему, что предлагает ей данная культура.

Литература

1. Джерджен, К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика / К. Дж. Джерджен. – Минск: БГУ, 2003.
2. Цоколов, С.А. Философия радикального конструктивизма Эрнста Фон Глазерсфельда // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – 2001. – № 4. – С. 38–59.

КУЛЬТУРА УПРАВЛЕНИЯ РАЗУМОМ: ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АСПЕКТ

А. С. Баранова

Философы-просветители (Аниол Довгирд, Джон Локк, Жан-Жак Руссо) в философском наследии оставили ценные мысли, связанные с культурой управления разумом. Аниол Довгирд вслед за Джоном Локком подробно изучал вопрос умственного развития ребенка, доказывал главную роль тактильных ощущений в генезисе детского сознания. Им высказана интересная мысль о том, что первоначальное, инстинктивное стремление ребенка ощущать предметы перерастает в осмысленное. В процессе умственного развития ребенок соотносит все свои ощущения от внешних предметов с ощущением осязания, которое служит ему своеобразным маяком в познании окружающего мира. Большое значение в управлении разумом Аниол Довгирд придавал метафизике, моральной философии и логике, которая «тесно связана с методологией, т.е. наукой о наилучшем порядке изложения истин другим и доказательства последних…» [1, с. 168].

Джон Локк в работе «Об управлении разумом» рассматривал разум в качестве последней инстанции, к которой прибегает человек, определяя свое поведение. Разум, по мнению философа, стоит выше воли: «Сама воля, какой бы абсолютной и бесконтрольной ее ни считали, никогда не выходит из повиновения велениям разума» [2, с. 179]. Философ отмечал, какими бы способностями человек ни пользовался, им постоянно руководит разум. Поэтому он считал в высшей степени важным весьма тщательно заботиться о разуме, чтобы правильно вести его в поисках знания и в его актах суждения. Джон Локк отмечал, что есть много дефектов разума, поддающихся исправлению. Он указал на ошибки, которые препятствуют успехам человека, оставляют его в невежестве и заблуждении на всю жизнь. Первый недостаток присущ людям, которые вообще редко рассуждают, избавив себя от труда и беспокойства самостоятельного мышления и исследования. Второй недостаток свойствен людям, которые ставят на место разума чувство и, решив, что именно оно должно управлять их поступками и аргументами, пользуются собственным разумом и прислушиваются к разуму других людей лишь в той мере, в какой это соответствует их настроению, интересу или пристрастию. Третья ошибка состоит в том, что люди охотно и искренне следуют разуму; но за недостатком того, что можно назвать широким, здоровым и разносторонним умом, они не охватывают всего, что относится к вопросу и что может иметь значение для его решения. Джон Локк писал: «Мы все близоруки и очень часто видим только одну сторону дела; наше поле зрения не охватывает всего, что имеет связь с целым. От этого недостатка, я думаю, никто не свободен» [2, с. 180].

Философы-просветители большое значение в управлении разумом придавали опыту, практике и упражнениям. Джон Локк утверждал: «Так как дефекты и слабость человеческого разума, как и других способностей, проистекают от недостатка правильного использования наших духовных сил, то я склонен думать, что обычно неправильно вину приписывают природе и что часто, когда люди жалуются на недостаток способностей, причина между тем состоит в недостаточном их совершенствовании» [2, с. 180].

Джон Локк указал на большую роль чтения в развитии разума, однако выступал против пассивного чтения, когда человек накапливает знания и факты, но при этом мысль дремлет. В результате материал для знания подобен строительному материалу, не приносит никакой пользы, если ему не находят применения, а оставляют лежать в виде беспорядочной груды. Философ отмечал, что «чтение доставляет уму лишь материал для знания, а превращает прочитанное в наше достояние именно мышление» [2, с. 185]. Книги и чтение Джон Локк считал важными вспомогательными средствами разума и

орудиями знания, однако «ни в одной области разум не нуждается в более тщательном и осторожном руководстве, чем в пользовании книгами» [2, с. 187].

Философы-просветители отмечали, что природа лишь закладывает в нас только задатки к тому, чтобы быть разумными: «Мы родимся, с тем, чтобы стать, если мы захотим, разумными существами, но только практика и упражнения делают нас таковыми, и мы действительно являемся таковыми лишь постольку, поскольку к этому привели усердие и прилежание» [2, с. 182]. Джон Локк отмечал, что «надежный и единственный способ приобрести истинное знание заключается в том, чтобы образовать в нашем уме ясные и определенные понятия о вещах, присоединяя к этим определенным идеям и их обозначения. Мы должны рассматривать эти идеи в их различных отношениях и обычных связях, а не забавляться расплывчатыми названиями и словами неопределенного значения, которые можно употреблять в различных смыслах в зависимости от надобности» [2, с. 184]. Джон Локк придавал большое значение реальному знанию, которое «заключается в восприятии обычных связей и взаимных отношений наших идей; и если человек однажды уясняет себе, в какой мере идеи согласуются или расходятся между собой, он становится способным судить о том, что говорят другие, и не будет нуждаться в том, чтобы руководствоваться чужими аргументами, которые в значительной части являются лишь правдоподобными софизмами. Это научит его правильно ставить вопрос, видеть стержень вопроса, и, таким образом, он будет стоять на собственных ногах и познавать своим собственным разумом» [2, с. 185].

Критерием знания, делом разума (understanding). Джон Локк считал истину, а «все помимо нее, будь оно освящено общим признанием или рекомендовано из-за своей редкости, есть только невежество или нечто еще худшее» [2, с. 186]. Философ признавал правомерными все методы познания: «Под рассуждением я понимаю всякое открытие общих истин, сделанное человеческим разумом, безразлично, найдены ли они путем интуиции, демонстрации или дедукции вероятности» [2, с. 187].

Большое значение в управлении разумом Джон Локк придавал различению, аналогии и ассоциации. Он отмечал, что «различение – самое необходимое из всего, что только может вести к истинному познанию, и само ему благоприятствует… способность замечать малейшую разницу между вещами свидетельствует о быстроте и ясности наблюдения, которые помогают разуму настойчиво и верно двигаться по пути к знанию» [2, с. 189]. Аналогию философ считал «весьма полезной для ума во многих случаях, особенно в натуральной философии, и главным образом в той ее части, которая заключается в удачных и успешных экспериментах» [2, с. 189]. Для человека, «желающего основательно уяснить себе правильный метод управления своим разумом (understanding), ассоциация представит собой еще один материал для размышления» [2, с. 190].В процессе управления разумом необходимо преодолевать стереотипы, устаревшие взгляды, привычки, так как «многие люди твердо принимают ложь за истину не только потому, что они никогда не думали иначе, но также и потому, что они никогда не думали иначе…, если они не обладают силой ума, способной оспаривать власть привычки и подвергать исследованию собственные принципы» [2, с. 190].Скоротечность человеческой жизни не позволяет познать многое, поэтому философ предлагал познать основные истины, которые служат фундаментом для других. Вместе с тем «ум должен быть всегда свободен и готов обратиться к разнообразным объектам» [2, с. 192].

Жан-Жак Руссо в процессе управления разумом придавал большое значение благородству, чести: «Сердечное благородство, когда оно подкреплено разумом, воспитывает и ум: честный человек почти всегда мыслит правильно» [3, с. 12]. Умственное воспитание обучающегося необходимо осуществлять без насилия и принуждения: «Во-первых, не угнетая его ум мыслями о принуждении и регулярных занятиях и не требуя

от него тяжкой и длительной сосредоточенности, они не будут вредить его здоровью. Во-вторых, они заранее приучат его ум к размышлению, к тому, чтобы оценивать явления в их развитии и по результатам. В-третьих, они сделают его любознательным и внушат любовь к естественным наукам» [3, с. 11]. При обучении необходимо предлагать человеку материал, соответствующий его возрасту, довольно долгое время упражнять его ум на таких задачах, где наилучшее решение находится без усилий, – пусть человеку кажется, что он нашел это решение самостоятельно.

Ж.-Ж. Руссо отмечал, что «знание все же всегда прекрасно и полезно… Истинные ученые вежливы; они скромны оттого, что понимают, чего им недостает, и это удерживает их от тщеславия по поводу того, что они имеют. Только малоспособные люди, полуученые, думая, что превзошли все науки, высокомерно презирают все им известное» [3, с. 12].

Философы-просветители выступали против искусственных умозаключений, оторванных от реальности, жизни. Ж.-Ж. Руссо отмечал, что «искусство умозаключений не есть достоинство ума, – напротив, чаще всего ум им помеха. Ум есть способность соотнести свойства нашей души с природою вещей и с их отношением к нам» [3, с. 110].

Просветительский аспект проблемы культуры управления разумом в настоящее время является актуальным и востребованным и может быть реализован в процессе умственного воспитания личности.

Литература

1. Антология педагогической мысли Белорусской ССР / Сост. Э.К. Дорошевич, М.С. Мятельский, П.С. Солнцев.– М.: Педагогика, 1986.
2. Коменский, Я.А., Локк Д., Руссо Ж.-Ж., Песталоцци И.Г. Педагогическое наследие / Сост. В.М. Кларин, А.Н. Джуринский. – М.: Педагогика, 1989.
3. Руссо, Ж.-Ж. Педагогические сочинения. – В 2-х т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1981.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НРАВСТВЕННО-ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

С. Я. Ермолич

Философское наследие просветителей содержит ценные советы по нравственно-правовому воспитанию личности. Аниол Довгирд высказал ряд педагогических нравственных идей в рукописи «Моральная философия». Джон Локк указывал на необходимость быть справедливым, утверждать в своем уме идеи обязанности и справедливости. В работе «Мысли о воспитании» Джон Локк дал рекомендации по воспитанию детей, отмечая, что «нужно очень внимательно следить за тем, чтобы они не нарушали правил справедливости» [1, с. 166]. Анализируя процесс формирования чувства справедливости, Джон Локк подчеркивал: «Самый надежный способ обеспечить честность – это заложить с ранних лет ее основы в форме щедрости и готовности делиться с другими тем, что они имеют или любят. Этому рано можно их научить, еще до того, как они достаточно овладеют языком и мышлением, чтобы составить себе ясное понятие о собственности, чтобы понять, что принадлежит им на особом праве, исключающем право других» [1, с. 166]. По мере дальнейшего развития детей можно сообщать и внушать им другие правила и примеры добросовестности и права. Правовое воспитание джентльмена состоит в изучении законов своей страны, в ознакомлении с основами конституции и управления, в нахождении правильных критериев права.

Жан-Жак Руссо подробно разработал теорию нравственно-правового воспитания ребенка. В работе «Проект воспитания г-на де Сент-Мари» философ отмечал: «Внушайте ему твердые принципы, которые послужат руководством к поведению в течение всей последующей жизни, но добивайтесь их усвоения как угодно, только не читайте ему бесчисленные наставления. Нужно меньше отягощать его память всякими подробностями законов и обязанностей, преподавая лишь основные понятия, доступные его возрасту, нужно подготавливать его ум и сердце к тому, чтобы познать и оценить их» [2, с. 11].

В работе «Предисловие к "Нарциссу"» Ж.-Ж. Руссо высказывает мысль о разумно устроенном государстве, где «каждый гражданин имеет свои обязанности и на выполнение этих неотложных обязанностей он должен направить все свои усилия…В разумно устроенном государстве все граждане настолько уравнены в правах, что ни один не может быть возвышен над другим, как более ученый либо как более искусный» [2, с. 69–70].

Ж.-Ж. Руссо рассуждает о тесной связи морали, нравственности, обычаев и законов: «Всякий нравственный народ, имеющий свою мораль, непременно уважает свои законы, а следовательно, не подвергает критике свои древние обычаи… Ибо обычаи народа есть дух народа, и едва он перестает уважать их, его единственным кормилом становятся страсти, единственным сдерживающим началом – законы» [2, с. 74 -75].

Ж.-Ж. Русо придавал большое значение закону: «Одному только Закону люди обязаны справедливостью и свободою; этот спасительный орган воли всех восстанавливает в праве естественное равенство между людьми; этот небесный голос внушает каждому гражданину предписания разума общественного и научает его, поступая соответственно правилам собственного своего разумения, не быть при этом в противоречии с самим собою» [2, с. 86]. Просветитель также отмечал, что «сила законов зависит еще больше от собственной их мудрости, чем от суровости их исполнителей; а общественная воля получает наибольший свой вес от разума, которым она продиктована» [2, с. 87]. Первым из законов он считал уважение законов. Худшее из всех зол Ж.-Ж. Руссо видел в том, что законам подчиняются по видимости, формально, лишь для того, чтобы на деле с большей уверенностью их нарушать. В результате «вскоре самые лучшие законы превращаются в самые пагубные; было бы во сто раз лучше, если бы их вообще не существовало» [2, с. 90].

Нравственно-правовое воспитание Ж.-Ж. Руссо тесно связывал с патриотическим. Он отмечал, что «величайшие чудеса доблести были вызваны любовью к отечеству; это чувство, сладкое и пылкое, сочетающее силу самолюбия со всей красотою добродетели, придает ей энергию, которая, не искажая сего чувства, делает его самою героическою из всех страстей. Любовь к отечеству – вот что породило столько бессмертных деяний, чей блеск ослепляет слабые наши глаза» [2, с. 92]. Нравственно-правовое воспитание предполагает знание и добросовестное выполнение своих обязанностей. Просветитель отмечал: «Но когда граждане любят свои обязанности, а блюстители публичной власти искренне стараются поощрять эту любовь своим примером и заботами, все трудности исчезают; управление приобретает легкость» [2, с. 91]. Вместе с тем государство обеспечивает гражданскую безопасность и дает возможность гражданам пользоваться своими правами. Ж.-Ж. Руссо отмечал: «Было бы намного хуже, если бы в своем отечестве они не имели даже гражданской безопасности, и их имущество, жизнь или свобода зависели бы от милости людей могущественных, причем им невозможно было бы или не разрешено было бы сметь требовать установления законов» [2, с. 93].

Философы-просветители основывали свое учение о нравственно-правовом и патриотическом воспитании на идеях свободы, равенства, братства: «Пусть же родина явит себя общей матерью граждан; пусть выгоды, коими пользуются они в своей отчизне,

сделают ее для них дорогою; пусть Правительство оставит им в общественном управлении долю, достаточную для того, чтобы они чувствовали, что они у себя дома; и пусть законы будут в их глазах лишь поручительством за общую свободу» [2, с. 95]. Ж.-Ж. Руссо отмечал, что «повсюду, где народ любит свою страну, уважает законы и живет просто, остается сделать совсем немного, чтобы составить его счастье» [2, с. 99].

Нравственно-правовое воспитание Ж.-Ж. Руссо связывал с гражданским, которое необходимо осуществлять с первых минут жизни: «С первой минуты жизни надо учиться быть достойными жить; и подобно тому, как, рождаясь, мы уже тем самым приобретаем права граждан, так миг нашего рождения должен быть и началом отправления наших обязанностей. Если есть законы для зрелого возраста, должны быть законы для детства, которые должны учить ребенка повиноваться другим» [2, с. 97]. Критерием нравственной воспитанности философ считал намерения и дела: «Вся нравственность человека заключена в его намерениях. Если верно, что добро – благо, оно должно быть запечатлено в глубине нашего сердца точно так же, как и в наших делах; первая награда справедливости есть сознание того, что ее придерживаются» [2, с. 123]. В «Письмах о морали» Ж.-Ж. Руссо отмечал, что «в каждой душе живет неистребимая идея истины и справедливости» [2, с. 125].

В работе «Об Общественном договоре, или Принципы политического права» Ж.-Ж. Руссо проанализировал проблему гражданского состояния. Философ отмечал, что «этот переход от состояния естественного к состоянию гражданскому производит в человеке весьма приметную перемену, заменяя в его поведении инстинкт справедливостью и придавая его действиям тот нравственный характер, которого они ранее были лишены» [2, с. 175]. Просветитель придавал большое значение долгу и праву в процессе становления нравственной личности: «Только тогда, когда голос долга сменяет плотские побуждения, а право – желание, человек, который до сих пор считался только с самим собою, оказывается вынужденным действовать сообразно другим принципам и советоваться с разумом, прежде чем следовать своим склонностям» [2, с. 175]. Ж.-Ж. Руссо различал естественную и гражданскую свободу. Границами естественной свободы является лишь физическая сила индивидуума. Свобода гражданская ограничена общей волей. По Общественному договору «человек теряет свою естественную свободу и неограниченное право на то, что его прельщает и чем он может завладеть; приобретает же он свободу гражданскую и право собственности на все то, чем обладает» [2, с. 176]. Философ придавал большое значение моральной свободе, «которая одна делает человека действительным хозяином самому себе; ибо поступать лишь под воздействием своего желания есть рабство, а подчиняться закону, который ты сам для себя установил, есть свобода» [2, с. 176].

Рассуждая о государственном устройстве, Ж.-Ж. Руссо подчеркивал необходимость совпадения естественных отношений и законов, а также непротиворечивости законов: «Но если Законодатель, ошибаясь в определении своей цели, следует принципу, отличному от того, что вытекает из природы вещей; если один из принципов ведет к порабощению, а другой – к свободе; один – к накоплению богатства, другой – к увеличению населения; один – к миру, другой – к завоеваниям, тогда законы незаметно теряют свою силу, внутреннее устройство испортится и волнения в Государстве не утихнут до тех пор, пока оно не подвергнется разрушению или изменениям и пока неодолимая природа не вступит вновь в свои права» [2, с. 177].

Просветительская концепция нравственно-правового воспитания личности является актуальной и значимой на современном этапе развития общества.

Литература

1. Коменский, Я.А., Локк Д., Руссо Ж.-Ж., Песталоцци И.Г. Педагогическое наследие / Сост. В.М. Кларин, А.Н. Джуринский. – М.: Педагогика, 1989.
2. Руссо, Ж.-Ж. Педагогические сочинения: В 2-х т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1981.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ИДЕИ ПРОСВЕЩЕНИЯ И. КАНТА В УСЛОВИЯХ ПОИСКА ПОЗИТИВНЫХ СЦЕНАРИЕВ РАЗВИТИЯ БУДУЩЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

О. Л. Познякова

За последние несколько десятков лет в мире обострилась необходимость разработки приемлемой программы будущего развития человечества. В свете переосмысления регулятивов деятельности и поведения людей, от которых будет зависеть вектор направления этого развития, идея Просвещения И. Канта представляет собой конструктивный элемент одного из возможных позитивных сценариев развития будущего нашей цивилизации.

По мнению российского академика В.С. Стёпина, строго однозначного прогноза развития человечества в ближайшем и отдаленном будущем никто не берется делать, поскольку только для очень простых систем, стабильно воспроизводящих свои состояния, предсказания могут быть строгими. «Когда ставится задача предсказать дальнейший ход исторического процесса, то реально выстраивается несколько сценариев. Какой из них реализуется, заранее определить невозможно, так как превращение потенциальных вариантов в действительность зависит от множества факторов, в том числе и случайных. Все, что возможно сделать сейчас – это обозначить веер возможностей и в лучшем случае определить, какие из них более, а какие менее вероятны». Тем не менее, несмотря на всю трудность предстоящей задачи, «из набора сценариев возможного будущего, среди которых большинство катастрофических, человечеству предстоит отыскать наиболее благоприятные, обеспечивающие не только его выживание, но и устойчивое развитие» [5, с. 3].

В основе идеи Просвещения И. Канта находится автономный субъект, наделенный разумом и способностью им свободно пользоваться не зависимо от эмпирических обстоятельств. Просвещение, с точки зрения немецкого философа, должно быть «подлинной реформой в способе мышления», которая, в итоге, состоит во все более увеличивающейся способности руководствоваться не только рассудочным мышлением, но и идеями чистого разума. Смысл постоянного Просвещения И. Кант видит в создании все больших предпосылок для превращения разума в определяющие основания человеческой воли. Однако этот процесс он понимает как устремленный в бесконечность, где полное разрешение поставленной задачи никогда не может быть достигнуто.

По И. Канту, сама природа хочет, чтобы человек в ходе просвещения постепенно научился свободно пользоваться идеями чистого разума в эмпирических условиях, то есть научился поступать сообразно категорическому императиву. Условием тому служит становление «всемирно-гражданского состояния» и вечного мира на земле. В результате И. Кант предвидит полное развитие природных задатков индивида в человеческом роде, которые проистекают из практического разума. И если даже состояние общества, определяемого разумом, никогда не может быть достигнуто, тем не менее, в качестве идеала оно должно быть для нас целью, направленной на создание наиболее благоприятных условий для бытия цивилизации в будущем. Поэтому Просвещение не сводится у И. Канта к исторически ограниченной философско-политической акции. Важен

постоянный процесс просвещения в употреблении нашего разума, причем для немецкого философа этот процесс представляет собой скорее просвещение человеком самого себя, нежели чем процесс просвещения непросвещенных со стороны просвещенной элиты. Более того, на дорогу Просвещения наталкивает человека необходимость, беда [die Not], которую приносят друг другу люди, не имеющие должного руководства со стороны собственного разума. В конечном счете, такое положение вещей принудит людей перейти к гражданскому устройству, в котором будет возможно беспрепятственное просвещение человеком самого себя.

Как отмечает немецкий исследователь Ф. Кумпф, кантовское понимание Просвещения обращено, прежде всего на сам способ мышления, а не на его содержание, оно «не дает нам картины будущего состояния общества и не описывает путей к его достижению. Оно обращено к самому центру человеческого мышления, на его способ» [3, с. 326]. Здесь важно подчеркнуть, что формальное в практическом разуме вовсе не тождественно формальности логических правил. Прежде всего формальное заключается, с одной стороны, в отвлечении от объективных склонностей, определяющих человеческие поступки в эмпирическом мире, а с другой – «в указании на необходимость уяснения требований, которые должны лежать в основе деятельности человека, понимаемого в его всеобщности как субъекта чистого разума» [3, с. 325]. Именно формальный характер предписаний разума и морально-категорического императива является условием их всеобщей значимости и объективности для всех разумных существ. И никакой частный интерес не может служить основанием такой всеобщей значимости. В наше время, когда мотивом поведения людей служат чаще всего их личные интересы, когда прагматизм человека всецело заслонил собою идею общего блага человечества, кантовская концепция Просвещения с необходимостью должна быть учтена при разработке одного из конструктивных сценариев развития будущего цивилизации.

В XX веке мыслители М. Адорно и Т. Хоркхаймер в работе «Диалектика Просвещения» (1947 г.) показали, как человек незаметно для самого себя из кантовского «автономного субъекта» превратился в инструмент, вполне заменимую крошечную шестеренку, движение которой неизменно обусловлено целями и общими законами функционирования огромного механизма индустриального общества. Спустя 200 лет после И. Канта Просвещение становится обманом масс, мышление человека перестает быть автономным, и «весь мир становится пропущенным через фильтр культуриндустрии» [1, с. 57]. Эти идеи не потеряли своей актуальности и в наше время. Господство массовой культуры сегодня ведет к тому, что сфера человеческого духа оказывается перед угрозой развития или насаждения «плоских» моделей личности, в частности, «человека развлекающегося», или «человека забавляющегося» [2, с. 19]. Развитие таких моделей, как результат наступления унифицирующей глобально-информационной и развлекательной сферы с их манипуляцией сознания человека, обуславливает падение интеллектуально-нравственного уровня личности, снижения уровня свободы как общественного идеала. В результате, становится все более очевидным, что шансы справиться с нависшими над человечеством проблемами, зависят не столько от интеллектуальных и организационно-технических возможностей современной цивилизации, сколько от нравственной зрелости самого человека. А это еще больше раскрывает и подчеркивает актуальность концепции Просвещения И. Канта в наши дни, показывает необходимость морально-нравственного совершенствования каждого отдельно-взятого индивида.

Таким образом, сегодня кантовская концепция Просвещения стала еще более актуальна, нежели во времена самой эпохи Просвещения. При построении возможных сценариев развития будущего человечества жизненно необходимо учитывать то, что И. Кант сумел предвидеть еще 200 лет назад, а именно: либо разум в совместной жизни

людей добьется своего признания, либо шансы человечества на выживание сведутся к нулю. Разумное поведение человека, в основу которого положен формальный принцип морально-категорического императива, с необходимостью должно стать универсальной ценностью для всего человечества XXI века и превратиться в одну из самых настоятельных задач, неразрывно связанных с выживанием цивилизации. В противном случае, как предупреждал М. Мамардашвили, человечество в целом ждет «угроза "вечного покоя", т.е. возможность вечного пребывания в состоянии ни добра, ни зла, ни бытия, ни небытия… Просто цивилизации может и не быть на Земле до какой-либо атомной катастрофы и совершенно независимо от нее. Достаточно необратимых разрушений сознания, последовательного ряда перерождений структуры исторического человека» [4, с. 189].

Литература

1. Адорно, Т. Диалектика просвещения. – М., 2007.
2. Киселев, Г.С. Мир человека: тупиковая ветвь эволюции? // Вопросы философии. – М., 2007. – № 4. – С. 9–23.
3. Кумпф, Ф. Понятие разума у Канта и его видение перманентного Просвещения // Иммануил Кант: наследие и проект: [материалы Международного кантовского конгресса, 24—28 мая 2004 г. / редколлегия: В.С. Стёпин, Н.В. Мотрошилова (ответственные редакторы) и др.]. – М., 2007. – С. 321–330.
4. Мамардашвили, М.К. Если осмелиться быть // Как я понимаю философию. – М., 1992.
5. Стёпин, В.С. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты. – М., 2007.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ Г. СКОВОРОДЫ И А. ДОВГИРДА

О. П. Краснова

Духовно-нравственные традиции являются цивилизационным «ядром», центром, изъятие которого грозит всеобщим обезличиванием нации, потерей ориентиров между добром и злом.

Цивилизационные основания представляют собой концепт науки, типологическое понятие, определенное представление о некотором эталоне, идеале, с которым сравниваются и соотносятся реальные состояния различных обществ

«Разумение, понимание, знание» И.И. Срезневский [1] интерпретирует как «совесть», внутренняя форма данного понятия сводится к знанию, внутреннему убеждению в чем-то, что извне задано человеку как закон.

В.И. Даль определяет совесть в качестве нравственного сознания, нравственного чутья или чувства в человеке, внутреннего сознания добра и зла, тайника души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка, способность распознавать качество поступка, чувство, побуждающее к истине и добру, отвращение ото лжи и зла; невольная любовь к добру и истине; прирожденная правда в различной степени развития.

Нравственность в определении С.И. Ожегова представляется как внутренние духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы, правила поведения определяемые духовными качествами; духовность интерпретируется как свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными.

Ю.С. Степанов [2] в 3-ем издании монографии «Константы: Словарь русской

культуры» (2004) восстанавливает в правах выражение «нравственный закон», который прописан в «Десяти заповедях» (десятословие, декалог) и находит свое воплощение в категорическом императиве И. Канта, который можно представить в виде философской формулы, построенной из ряда смысловых единиц высказывания философа: человек, являясь разумным существом, сознает себя частью двух миров: 1. умопостигаемый мир – действующая причина разумного существа «воля»; поступки совершаемые сообразны принципу автономии чистой воли умопостигаемого мира; законы умопостигаемого мира рассматриваются как императивы, сообразные с этим принципом – как обязанности; 2. чувственно постигаемый мир – поступки – явления этой причинности – определяются желаниями и склонностями – поступки, сообразные с естественным законом желаний и склонностей чувственно постигаемого мира должны быть (sollen) сообразны с волей, что в данной синтетической формуле представляется в качестве категорического долженствования. Определение И. Канта, включая интерпретацию гипотетических императивов – других «волений», связанных с желаниями и целями практических действий человека, утверждает непротиворечивость категорического и гипотетического императивов. Понимание данной совместимости императивов позволило бы исследовать, применительно к реальному процессу, различные комплексы представлений о нравственности, различные морали разных групп общества, единство этих моралей в основном нравственном законе (цивилизационное ядро), различия и сходства дополнительных нравственных положений, принципов той или иной морали (например «духовно-нравственные ориентиры русской интеллигенции», «либеральная мораль», «моральный кодекс А.П. Чехова» [2], «философия жизни Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского [3], Л.Н. Толстого» [4] [5] [6].

Основатель российско-американской социологии П.А. Сорокин (1889–1968), анализируя современный кризис этики и права, отмечает, что «любое интегрированное общество имеет этические идеалы и ценности как наивысшее воплощение его этического сознания» Идеациональные этические нормы – этические идеалы (духовно-нравственные ценности) – ученый сопоставляет с чувственной системой этики («чувственные этические нормы») и, посредством контраста, акцентирует внимание на актуальной для современной мировой цивилизации проблеме – возрождении духовности как *фактора* не только самоидентификации локальных цивилизаций, но и устойчивого социального развития мирового сообществ [7]. Идеационный закон не только урезает договорные отношения, запрещает или сдерживает принудительные отношения между индивидами и группами, он еще предписывает людям быть братьями, альтруистами, сострадательными, щедрыми, сплоченными и солидарными, помогать друг другу, любить друг друга, уважать друг друга, так как все люди – дети Бога или Абсолюта, и тогда безразлично, является ли такая помощь, любовь, альтруизм и взаимовыручка полезными, приятными и желанными. Все эти предписания выполняются как долг христианина, жертва, необходимая Абсолюту [7].

Обращение к духовно-нравственным принципам философии жизни русского и украинского философа, поэта, педагога Г.С. Сковороды (1722–1794) и мыслителя эпохи Просвещения, профессора логики и моральной философии Аниола Довгирда (1776–1835) в XXI веке обретает злободневные смыслы в контексте исследования эпохи, наступившей «после социализма».

Постановку морально-этических проблем в философском наследии Г.С. Сковороды и Аниола Довгирда на рубеже XVIII–XIX веков в границах развивающегося славянства и формирующихся русской, белорусской, украинской наций следует рассматривать с точки зрения цивилизационного подхода.

Данный подход предполагает определение степени родства морально-этических

установок, философии жизни и усиление акцента на антропологический и онтологический контексты.

Морально-этические принципы мыслителей могут рассматриваться в качестве универсальных основ и «донационального» общего славянского значения, учитывая всестороннюю научную образованность Сковороды и Довгирда, их знания языков, философии от античной до западноевропейской.

Актуальность исследования цивилизационного генетического кода славянства в контексте антиглобализма несомненна.

Рассмотрение философии в греко-славянском типе культуры как мудрости, преломляющей в себе знание дел человеческих – философии жизни соотносится с морально-философскими постулатами наследия мыслителей и с необходимостью их востребования в современном социуме.

Г.С. Сковорода отмечал: ношение «маски учености» при отсутствии истинной мудрости; мудрость предполагает не только осуществление постоянных волевых усилий, активности, но и самопознания, самоуглубления своего естества, утверждение духовности, объединяющей человека с Богом; любомудрие укрепляет круг человеческих дел, дает жизнь духу человеческому; счастье человека заключается в познании самого себя; «самость» как создаваемость природы человека в этическом концепте является осознанием возможности создавать, оформлять, изменять природу человека – природу творимую (natura naturata); семантическая совокупность концепта «сродность», включает в себя 1. воспроизводство родовой формы как единого, присущность роду и формула познания, 2. как «охота» – волевой акт – подвижный и устремляющийся, 3. как грунт, способность быть по природе, основание, опора, почва [8] [9].

Наследие А. Довгирда в современных информационных реалиях труднодоступно и недостаточно популяризировано. Постулаты моральной философии мыслителя подлежат современному осмыслению и актуализации. Освещение и исследование духовно-нравственных аспектов межнационального диалога в пределах славянского единения восходит и к эпистолярному наследию Ф.М Достоевского, творческий гений которого объединяет Россию и Беларусь.

А. Довгирд постулировал: философия называется мудростью и самая большая мудрость – правильно поступать в жизни; человек познает вещи, чтобы действовать на них, используя их, сохранять определенные правила; моральный поступок сопровождается приятным самоощущением человека; цель общества заключается не в том, чтобы отдельные личности получили наивысшую степень счастья, а в том, чтобы счастье обрело наибольшее число людей данного общества в соответствии со своими интересами и наклонностями; высшим принципом внутреннего порядка является совесть; моральные поступки обусловлены внутренней обязанностью – долгом (nakazem); моральность деяний связывает с глубоким познанием сущности творимого и со свободой выбора; ясность познания и рассудительный выбор воли свидетельствует о добровольности действия и его моральной ценности; степень добровольности (свобода выбора) в деянии измеряется степенью познания и рассудительностью выбора; мыслитель постулирует моральную свободу мыслящей личности [10].

Литература

1. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Тт. I–III (СПб., 1893–1903). Репринт: М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.
2. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр., доп. – М. – 2004.
3. Сорокин, П.А. Заветы Достоевского // О русской общественной мысли. – СПб., 2000.

4. Краснова, О.П. Цивилизационная идентичность России в контексте философии русского художественного слова Депонированный сборник научных трудов «Россия в современном мире. / Под ред. академика РАН Пивоварова Ю.С. – М.: ИНИОН РАН. – 2010. – Т.8. – С. 502–514.
5. Краснова, О.П. Философия жизни Толстого (статья). Литературоведческий журнал №27: К 100-летию ухода Л.Н. Толстого // РАН ИНИОН; Секция языка и литературы РАН / Ред. кол. гл. ред. Николюкин А.Н., и др. – М.: ИНИОН. – 2010. – С. 5–27.
6. Краснова, О.П. Этносоциальные основания русских традиций в контексте оздоровления российского общества: социокультурный анализ художественного слова. // Социальная политика и социология. Междисциплинарный научно-практический журнал. – М.: РГСУ, 2010. – № 11 (65). – С. 46–53.
7. Сорокин, П. Кризис нашего времени. – М., 2009. – С. 188–196
8. Малинов, А.В. Философские взгляды Г. Сковороды. – СПб., 1998.
9. Софронова, Л.А. Три мира Григория Сковороды. – М., 2002.
10. Дорошевич, Э.К. Антиол Довгирд – мыслитель эпохи Просвещения. – Минск, 1967.

Личность в трансформирующемся социуме: морально-этические и социально-психологические аспекты

ДУХОВНЫЙ И НРАВСТВЕННЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ ПРИРОДЫ И МЕХАНИЗМОВ ФОРМИРОВАНИЯ

З. Я. Капустина

Человеческая жизнь организуется смыслами знаково-символической реальности, которые определяют наше сознание, чувства и волю – нашу человечность. Как справедливо заметил П. Рикёр: «Любая система символов приводит к конфигурации реальности» [1]. Систему особых символов (понятий, категорий), которая формирует дух личности, ее ментальность и ее модус существования, составляет язык.

Понятие духовный мир складывается из понятий: «дух», «духовный потенциал», «духовность», «духовное состояние», которые широко используются в разных сферах жизнедеятельности. В то же время, определение, природа обозначенных понятий имеют весьма расплывчатый характер, что затрудняет поиск механизмов и инструментария их формирования в личностном пространстве.

Современные теологи считают, что «духовный потенциал – это ценности и принципы, нормы и установки, формирующиеся в процессе духовного и нравственного возрастания верующих в процессе усвоения Божьих откровений, их участия в совместных богослужебных собраниях, разных формах общения, мероприятиях и служениях общины» [2]. Другими словами – духовное состояние определяется наличием смыслов человеческого бытия (ценности и принципы), веры в них и вырабатываемых на этой основе привычек (нравов).

Есть другое определение, которое в неменьшей степени проясняет смысловые основания или причины феномена духовного: «Дух – это побуждающая сила Вселенной, присутствующая во всем и поддерживающая Мироздание. Это нечто, находящееся вне времени и пространства; это не имеющее образа проявления Всевышнего. Это сила, создающая намерения. Проявления Духа могут быть либо совсем неразличимыми, либо напоминать приказы» [3]. Из данного определения следует, что дух – это, прежде всего, божественное присутствие. Оно – в высших смыслах, побуждающая сила которых при-

сутствует во всем и поддерживает Мироздание. Божественное присутствие должно быть в людском мировосприятии, мироощущениях, миропонимании и мировоззрении. Рождается же ребенок несовершенным и незавершенным существом, и, естественно, бездуховным. Завершает индивидуум себя своей способностью к символизации, усвоением символов, их использованием. Высшие смыслы обнаруживаются в символах, постигаются в опыте, просвещении, формировании культурных привычек, но всегда при посредстве другого человека, содействующего познанию человеческого бытия. М. Монтень сказал: «Другие творят человека». Ибо по способности восприятия человеческий индивидуум уступает многим животным… Быть может, человек вообще лишен некоторых чувств, но в невежестве своем об этом не подозревает [4].

Духовное связано с сознанием. Сознание и чувства человека в течение жизни структурируется смыслами. Это могут быть смыслы, закодированные в символах-словах, значение которых отражают обыденные понятия, выражающие низменные потребности и интересы индивидуума; а могут быть и слова-категории, в которых закодированы высшие смыслы человеческого бытия, имеющие жизнеполагающее значение для человека. Через воздействие на представления, мысли, чувства они способны организовать энергию человеческого существа. При объективации смыслы становятся концептуализированными принципами, побудительными интенциями для нравственного поведения и добродетельных отношений. Определенные эмоциональные переживания – представления и чувства возникают на основе знаниях этических категорий, обнаружения высших смыслов. Сила таких переживаний способна кардинально изменить мысли, чувства, стать мотивообразующей для этического акта воли. Платон называл такие знания – идеями, они лежали в основе воспитания гражданской добродетельности. Согласно Аристотелю, именно смыслы этических категорий отличают человеческое бытие от тварного существования [5]. И жизнь подтверждает это. Ибо все, что человек знает об окружающем его мире и о самом себе, он знает в форме понятий и категорий. Все категории суть понятия, но не все понятия – категории.

Категории – это общие, фундаментальные понятия. Они отражают наиболее существенные связи и отношения реальной действительности, выражают фундаментальные уровни понимания человеком общества, природы, себя; являются важнейшими элементами мировоззрения людей [6].

Этические категории – особые, это символы-идеи, они существуют вне сознания индивидуума. Их уникальность в том, что смыслы, содержащиеся в них, способны организовать энергию мыслей, чувств, воли на жизнь, созидание или на разрушение, уничтожение, насилие. Ибо эти категории дуальны. В одних закодированы высшие смыслы человеческого бытия, в других – порочащие человека инстинкты, страсти, склонности.

Заметим, что как религиозная, так и светская духовность возникают и функционируют на общей почве – на почве постижения высших смыслов человеческого бытия, которые не человеком сотворены, а даны свыше.

Индивидуум, не усвоивший высших смыслов этических категорий, остается дочеловеком – способным к насилию, жестокости, алчности, разрушению. Общество таких личностей является потребительским, бездушным, бесчувственным.

Однако мотивообразующими высшие смыслы становятся при определенных условиях, когда в сознании индивидуума укоренились содержащие их категории, сложились с их помощью представления о человеческом бытии, вера, сформировались поведенческие и отношенческие основания – привычки.

Примечательно, что порочные идеи легко входят в сознание в процессе социализации на уровне низменных потребностей и интересов. В то время как категории, в которых закодированы высшие смыслы человеческого бытия, предполагают некоторое

усилие других значимых людей, кто актуализировал бы, артикулировал, прояснял, объяснял индивидууму жизнеполагающее значение высших смыслов, вселение веры в них, формирование культурной традиции. Если таких усилий недостаточно, позитивная составляющая получит искажение.

Благородная нравственность образуется, когда отношения детерминированы (структурированы) высшими смыслами человеческого бытия: поступки, действия, деятельность носят благородный, добродетельный характер. Ибо «сама по себе нравственность есть ни что иное, как «функция энергии духовного сознания» [7].

В Древней Греции был создан на века целостный механизм, синтезировавший знания, добродетельность (нравственность) и веру – пайдейя. Проводниками ее, на пути к постижению высших смыслов этических категорий, были педагоги (пайдагоги), воспитывавшие гражданские добродетели. Так формировалась духовная и нравственная сторона граждан.

Чтобы не возвращаться «на круги своя» в воспитании в условиях современной реальности, высшие смыслы (ценности) человеческого бытия необходимо дифференцировать на три основные группы: личностные, общественно значимые и государствообразующие [8].

Личностные смыслы человеческого бытия ребенку помогают открыть, обнаружить, воспитать родители.

Общественно значимые и государствообразующие ценности должны обнаруживаться с помощью профессионалов-педагогов.

Сегодня, как и много веков назад, мы демонстрируем бегство от постижения высших смыслов человеческого бытия. Не прикладывают каких бы то ни было усилий на их актуализацию, не инициируют их открытие наши педагоги, считая наличие высших смыслов генетически заданным, самоочевидным. Хотя самими педагогами-практиками замечено, что «знания, умения и навыки осваиваются в школе, а ценности и смыслы в большей степени – во внешкольном пространстве. Трансляции ценностей от педагогов учащимся практически не происходит» [9].

Знаково-символическая реальность современной социокультурной ситуации в обществе наполнена смыслами, закодированными в актуальных понятиях. Чем ниже содержательный смысл понятия, тем больший урон духовному состоянию, тем сильнее разрушительная сила, тем безнравственнее поступки.

Литература

1. Рикёр, П. Что меня занимает последние 30 лет // Историко-философский ежегодник. – М., 1991. – С. 296–315
2. Зайченко А.С. Евангельская Церковь и российская власть // Газета «Протестант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazetaprotestant.ru/ 2011/ 11/ duxovnyj- potencial- evangelskix- cerkvej- ego- sozidayushhaya- rol- dlya- cerkvi- i- obshhestva. – Дата доступа: 01.05.2013.
3. Зарубежная литература древних эпох, средневековья и Возрождения / Ред. и сост. В.И. Новиков. – М., 1997.
4. Энциклопедический словарь Славянского Тайноведения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://радужный-мост.рф/kto_a/ a_eto_duh. – Дата доступа6 01.05.2013.
5. Аристотель. Трактат о природе // Сочинения в 4-х тт. – М., 1976
6. Спиркин, А.Г. Философия. 2-е изд. – М., 2006.
7. Капустина, З.Я. Нравственность как функция духовной энергии сознания // Alma mater. – 2011. – № 10. – С. 60–64.

8. Капустина, З.Я. Гражданственность как правильно организованный дух нации// Новые российские гуманитарные исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nrgumis.ru/ articles/ article_full.php?aid=92. – Дата доступа: 29.06.2009.
9. Ведина, И.И. Ценностные характеристики образовательной среды // Материалы Всероссийской научно-практической интернет-конференции «Учитель российской школы – ключевая фигура модернизации образования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://modern-obraz08.narod.ru/ Works/ Vedina.html. – Дата доступа: 01.05.2013.

ДУХОВНОСТЬ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

В. И. Кудашов

Проблема смысла духовности человеческой жизни и культуры в теряющей свои гуманистические основания глобальной цивилизации касается конкретных событий в секуляризированной Европе, о «закате» и «вырождении» которой неустанно твердят сами европейцы, упадком нравственности в современной России. В последнее время сакральными ценностями становятся желания и ничем не ограниченная свобода индивида. Именно это лежит в основе «нового гуманизма», привлекательного для огромного большинства «массового человека», поскольку это снимает непосильное для многих бремя постоянного духовного усилия.

Индивидуализм сейчас становится синонимом гуманизма, и эта трансформация изменяет место и роль религии в современном мире. Духовное единство подменяется формальным объединением, удерживающимся до поры внешними по отношению к духовному миру силами государства. Эта подмена может выполнять свои функции, пока этим удовлетворено пресловутое «большинство», но в периоды кризисов люди ищут спасения в лазейках глобальности, при этом рушатся основы человеческого единения.

Очень серьезное влияние на создание современного качества глобальной цивилизации оказало развитие мультимедийных средств массовой информации, заложивших основы новой традиции действительной мировой синхронности событийных рядов. Эти синхронизации мирового коммуникативного пространства сделали возможными молодежную, сексуальную и феминистскую революции, а также активизировали и популяризировали малоизвестную ранее деятельность меньшинств. Все это происходит на фоне появления «новых масс» и стремительного набора «новых знаний» до предела пресыщенности ими, обесценивания, релятивизации старых знаний. Эта ситуация служит подоплекой современного кризиса традиционных религий и особенностей новых форм актуализации извечной религиозной потребности.

Многие традиционные религии пока не могут в полной мере приспособиться к изменившейся пастве в современных условиях задающих тон мировому развитию западных обществ. Эти общества сильно диверсифицированы по своим жизненным стилям, ценностям и толерантны на исторически завоеванных демократических основаниях. Традиционные мировые религии основаны на идеях господства и подчинения, их универсализм гегемонистского характера, нивелирующий различия в одно гомогенное содержание. В библейской религии, как отмечал еще К. Ясперс, заложено притязание на исключительность, которое выступает во всех ее ответвлениях.

В свое время это работало на объединение человечества, его глобализацию «железом и кровью» или «крестом и верой». Однако современный мир унифицируется уже на основе только синхронизаций экономических интересов и взаимной терпимости, все остальное отдано разнообразию. Западное христианство пытается, часто не безуспешно, приспособиться к новой человеческой среде, выказывая свою «толерантную сторону»,

однако в целом христианству, а тем более исламу это удается пока не очень, поскольку эти конфессии являются глубоко консервативными и традиционалистскими по своей природе.

Живые, пророческие и мессианские религии, каковыми были при своем рождении христианство и ислам, давно сменили свою темпоральную ориентацию с настоящего и ближнего будущего на старчество жизни в прошлом. Консерватизм и исключительность хорошо гармонировали с реалиями традиционных обществ и поддерживали их иерархическую стабильность. Современные глобальные кризисы, чудеса науки и технологии, сосуществование множества, отличных друг от друга ценностных сред, требуют внятного объяснения, ободряющего совета, которых массы зачастую не могут получить от священнослужителей, отстающих от осмысления животрепещущих проблем.

Еще одна причина кризиса религиозности – это ее дифференциация. Это явление в отношении обретения психоанализом почти религиозных черт описал в 50-х годах XX века К. Леви-Стросс. К психоанализу во многом отходит психотерапевтическая функция религии: духовника замещает персональный психоаналитик. Целительские функции религии в отношении общего физического и душевного здоровья, образа жизни переходят многочисленным объединениям и центрам восточной и западной народной медицины, приобретающими псевдорелигиозные черты.

Кроме указанных причин, можно выделить еще одну, более глубокую и обширную, затрагивающую не только религию, как часть культуры, но и саму культуру: в последние десятилетия развилась стойкая идиосинкразия к самому понятию культурных универсалий, понимаемых как предельные ориентации практической и духовной жизни. Причин тому множество, главная из них – усталость от так называемых «больших нарративов», которые, по мнению постмодернистских мыслителей, стали причиной глубочайшего разочарования в истории, в смысле жизни, в глубинной зависимости индивидуальных судеб от действия этих универсалий.

На такое толкование истории и культуры, когда жизнь человека есть то, что определено общим смыслом существования и развития человечества, проживающего общую судьбу, освященную высоким предназначением, свалена ответственность за разочарования и скептицизм, ставшими результатом катастроф XX века и сказывающихся в своих последствиях до сих пор.

На смену «большим нарративам» приходят «малые», то есть истолкование событий и смыслов, которыми наполнена жизнь, в терминах частных интересов, среди которых проблемы метафизического и религиозного характера отступают на задний план перед актуальностью текущих моментов. Это торжество частного над общим, в пределе приводящее к атомизации общества, распадающегося на множество духовно разомкнутых, связанных только условиями совместного, более или менее комфортного, существования индивидов.

По сути, это то, что в свое время было названо Н.А. Бердяевым «усыханием» культуры в цивилизацию, а О. Шпенглером было признано симптомом «смерти культуры». Отличие от этих идей вековой давности в том, что сегодня можно говорить о глобализации этого процесса, когда речь идет не об очередной смене одних культур другими, более сильными и молодыми, а об общечеловеческом процессе, ведущем к так называемой «посткультурной» действительности.

Большинство современных размышлений об этой действительности выглядят как суд о неизвестном будущем с позиции не вполне осмысленного прошлого. В них выделяется наивная уверенность в том, что будущее несет с собой новые возможности устранения проблем, против которых у человечества ранее не было достаточных возможностей и средств, а теперь они появляются и нужно только разумно ими распоря-

диться.

Но мир меняется слишком сильно и очень быстро. Определенно можно сказать только то, что если у гуманизма вообще есть какое-то будущее, за него еще предстоит побороться. Жить в культуре – значит, личными действиями решать противоречия духа. Культуру создают не отдельные титаны, а повседневные труды обычных людей, способных различать добро и зло, которое, не исчезая полностью, отступает от усилий во имя добра. Конкретность индивидуального осмысленного поступка становится условием всеобщего культуросозидающего процесса.

В русской религиозной философии глубоко осмыслено преодоление скорбного чувства богооставленности мира и человека. Например, для Л.С. Франка гуманизм заключен в том, что Бог дает человеку силу веры, преобразующуюся усилием духа в силу противостояния злу, тем самым указывая единственную возможную духовную перспективу. Бог выступает как абсолютная система координат, само существование которой дает возможность выбора правильного пути. Но пойдет ли человек в правильном направлении, зависит от него самого.

Это следует понимать не как перекладывание бремени свободы на плечи каждого отдельного человека, поскольку такое бремя, как уже показала история, невыносимо. Конечно, Франк прав, что состояние культуры определяется каждодневными деяниями отдельных людей, а не каким-то неведомым нам напряжением «мирового духа» по Гегелю. Но верно и обратное: направление действий разумного и верующего человека зависит от того, какой высоты способны достичь в культуре универсалии разума и веры, как им удастся объединиться в своем творении культуры. Поэтому и нельзя скатываться от этих универсалий к частным интересам гиперактивных меньшинств и саморазрушительному культу эгоцентризма. Иными словами, духовность культуры и духовность человека взаимно определимы, и нельзя вывести одно из другого как следствие из причины.

ФИЛОСОФИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

П. Ф. Дик

Философией личности мы называем возможное синтетическое, интегрированное знание о личности, в основе которого исторические достижения философской антропологии в широком смысле, философии образования, философской культурологии, экзистенциализма, персонализма, психологии, социологии, религиозно-конфессиональной антропологии. Средоточием философии личности, по нашему мнению, является терапеология – учение о свободном служении, принимаемом личностью как призвание и обеспечивающем высший смысл и полноту человеческой жизнедеятельности.

Научно-образовательная ценность философии личности, по нашему мнению, обусловлена планетарными опасностями, угрожающими бытию сообщества и личности, и смыслами философичности, религиозности, духовности, научности в культуре современного мира.

Что есть евразийское сообщество современности? В каком смысле оно – общество информационное и постиндустриальное? Очевидно, что реальный статус ученого, философа, преподавателя вуза на постсоветском пространстве ниже, чем в советском обществе. Не исключено, что новое знание оригинальной науки востребовано теперь в меньшей степени, чем повсеместная организация поточного производства доходных вещей, все более успешно замещающих самодеятельное духовное творчество личности на всей

планете. Возможно, духовно-интеллектуальное призвание Ведущего человечества окончательно переходит от Доктора *верного знания*, ученого и учителя разумной культуры к Держателю электронного производства *информации*, «оккультисту» и «репортеру» чувственной культуры.

Если наша повседневность и есть периферия информационного сообщества в действии, то каков образ философствования в этом обществе?

Систематическое знание о человеке, построенное, по терминологии И. Канта, с прагматической точки зрения, рассматриваем в качестве перспективной версии философии личности. «Физиологическое знание о человеке исследует то, что *природа* делает из человека, прагматическая – то, что *он* в качестве свободно действующего существа делает или может и должен сделать из себя сам» [1, т. 7, с. 138]. В отечественной традиции перспективную традицию духовно-нравственной философии личности представляет В.С. Соловьёв. «Каждый единичный человек, как личность, обладает возможностью совершенства, или положительной бесконечности, именно способностью все понимать своим разумом и все обнимать сердцем, или входить в живое единство со всем» [2, т. 1, с. 285].

Возрастающий интерес к потенциалу религиозно-конфессиональной духовности на постсоветском социально-культурном пространстве, по нашему мнению, не получил должного осмысления. Возможно, формально заменяя духовно-нравственное основание общества массового атеизма духовно-религиозным этноконфессионального сообщества, мы остаемся в ситуации «обезбоженности», то есть «принципиальной нерешенности относительно Бога и богов» в интерпретации М. Хайдеггера, когда религиозность как религиозное переживание и свершается [4, с. 42].

Гуманистическая психология, интерпретируемая как ядро практического гуманизма, полагает себя, по сути, жизненной философией личности. На статус философии личности исторически претендует педагогика, существующая в единстве теории и практики воспитания и обучения человека. Конструктивная критика определенных тенденций педологии и педагогики преследует целью совершенствование образования личности. П.А. Флоренский, в частности, обозначил противоречие между выверенной индивидуализацией воздействия и современными – для его и нашего времени – воззрениями на обучение. «Однако попытки ускоренной штамповки работников культуры не поведут к успеху, и будет сознано, что действительная культурность передается не путем только *одного* внешнего научения, а лишь непосредственным воздействием личности» [3, т. 2, с. 666].

Назрела необходимость в различении и адекватном использовании смыслов слова «педагогический». В конечном счете, дело не в навязывании извне терминологии для той или иной отрасли знания, а в разумной организации социально-культурного становления человека. Правомерна педагогика как частная наука об искусстве воспитания детей, а также педагогическая деятельность в учреждениях образования для детей и подготовка личности профессионала для этих учреждений. «Школьная» педагогика, доминирующая в непедагогическом вузе, в лучшем случае содействует социально-культурной инфантильности личности студента, то есть консервации идеалов счастливого детства у биологически взрослого человека. Непрерывное образование взрослых в течение жизни, начиная со студенческой молодежи, корректно связывать с образовательно-профессиональной и социально-культурной деятельностью. Чтобы система образования взрослых не превратилась в передачу личного опыта и навыков от узких специалистов-наставников новому поколению тружеников, уместную в конкретном предприятии производства, необходимо преодолевать игру в детство, включая сомнительную по названию и существу педагогику для взрослых, и утверждать философию личности.

Есть значимые аспекты бытия личности в эпоху электронной техники, в том числе проблемы информатизации образования. Одна из ведущих опасностей – превращение человека-винтика индустриального общества в одномерного человека, человека-файла постиндустриального сообщества. Если визуализация в учебной практике всеобщего заучивания текстов есть революционная идея для образования эпохи Возрождения, то навязываемая версия тотальной наглядности в дистанционном электронном обучении, под предлогом привлечения интереса студентов к учебе и отвлечения молодежи от влияния радикальных организаций, по нашему мнению, далека от достижения заявленной реальности. Так понятая наглядность есть, по сути, призыв и движение к полной зависимости сообщества от любителей и профессионалов индустрии развлечения в сети. Прежде всего, потому, что молодежь «эпохи паутины», избалованная технически высоким качеством навязываемой развлекательной наглядности, воспринимает электронную версию типичной наглядности учебного процесса как привычное пассивное созерцание, но в бледном виде. Такое электронное обучение содействует утверждению, по М. Хайдеггеру, «вычисляющего мышления» как единственного практикуемого мышления человечества.

Полагаем, что у господствующей телесно-чувственной шоу-индустрии, отвлекающей и развлекающей население новинками банальности, есть одна реальная альтернатива – мысль. «Потому что человек – это *мыслящее, т.е. осмысляющее существо*» [5, с. 104–105]. В философии современности есть солидный опыт осмысления форм отчуждения, включая преодоление отчужденности в информационном сообществе, но он не востребован в практике высшего профессионального образования.

Опыт практического разрешения указанных выше и других проблем в преподавании философии и философских дисциплин в непедагогическом вузе привел нас к идее и реализации международного научно-практического семинара в границах международной научной конференции «Дулатовские чтения» Костанайского инженерно-экономического университета. Пилотный проект инновационного семинара состоялся в апреле 2012 года. Решением Ученого совета КИнЭУ учрежден постоянно действующий международный научно-практический семинар «Личность в современном мире: быть или казаться?» в форме конструктивной философско-мировоззренческой и методологической дискуссии по актуальным проблемам личности (Семинар). В границах Семинара создан Региональный интегрированный центр повышения научно-образовательной квалификации по ключевым проблемам исследования личности для профессорско-преподавательского состава вузов, педагогов колледжей, других групп профессионалов, работающих с людьми (РИЦ Семинара). Основанием для получения сертификата о повышении научно-образовательной квалификации по проблемам исследования личности является публикация в сборнике материалов семинара. Руководство университета нашло возможность финансировать проект, поэтому опубликование своей статьи в сборнике авторы не оплачивают. Проблема реальной открытости научно-практических публикаций коллег для всех интересующихся философско-научным размышлением о личности решена применением возможностей сети: доступная для скачивания электронная версия сборника материалов в формате PDF находится на сайте университета www.kineu.kz

Полагаем, что уместная государственная поддержка духовно-нравственной среды развития открытого философствования, включая опыт осмысления и преподавания философии личности, поможет перейти от стратегии выживания финансовых институтов к стратегии гармоничной духовности личности.

Литература

1. Кант, И. Сочинения в 8 т. – М., 1994.

2. Соловьев, В.С. Сочинения в 2 т. – М., 1988.
3. Флоренский, П.А. Сочинения в 4 т. – М., 1996.
4. Хайдеггер, М. Время и бытие / Статьи и выступления; пер. с нем. В.В. Бибихина. – М., 1993.
5. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге / Сборник; пер. с нем.; под ред. А.Л. Доброхотова. – М., 1991.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ КРИЗИС ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

А. И. Осипов

Главными проявлениями духовно-нравственного кризиса постиндустриального общества на современном этапе являются *либертаризм, гедонизм и консьюмеризм*. Либертаризм – требование неограниченной свободы, легко игнорирующее нравственные нормы. Культ вседозволенности самых низменных человеческих страстей и пороков становится модным на Западе. Главный враг демократии, замечает В.Г. Федотова, раковая опухоль западных обществ – либертаризм, требование неограниченной свободы, которое разрушает общественную солидарность и нормы. Опыт истории дает примеры гибели богатых обществ из-за отсутствия ценностно-нормативного консенсуса. Открывшиеся возможности свободы оказались столь соблазнительными, что западный капитализм начал отходить от своих веберовских и хайековских начал, ориентировавших его на экономическую рациональность и конкурентоспособность, без которых инновативность обретает черты погони за все новыми благами, доходами и видами удовольствий [7, с. 18].

Дух безудержного потребительства (консьюмеризм) и гедонизма (жажда наслаждений) – свидетельство глубочайшего духовного кризиса Запада на фоне материального комфорта и благополучия. Дело даже не в том, отмечает М. Блюменкранц, что гедонистские устремления современного общества запускают технологическую машину уничтожения природы, среды обитания, а в том, что гедонизм, как об этом свидетельствует история прошлых цивилизаций, – тупиковый путь развития культуры. Растекаясь в ширину в поисках все новых и новых наслаждений, человеческая жизнь теряет измерение глубины, без которого она становится все более бессмысленной.

В современную эпоху под угрозой оказывается само существование личности, поскольку личность – это духовная характеристика человека. «И дело здесь не только в секуляризации христианской культуры, а в разрушении сакральных основ самого бытия человека, невостребованности духовного измерения человеческого существования. Идеалом жизненного успеха в общественном сознании представляется карьера звезды шоу-бизнеса, спортивной знаменитости, высокооплачиваемого актера или преуспевающего бизнесмена. Область духовных интересов перемещается на периферию общественного сознания, становится способом проведения досуга, хобби – для чудаков и маргиналов. Но нельзя безнаказанно ампутировать духовное. "Свято место пусто не бывает", рано или поздно его заселяют бесы» [1, с. 176–177].

Разразившийся в 2008 г. глобальный экономический кризис показал ущербность духовно-нравственных ориентаций общества потребления. Этот кризис, подчеркивает Патриарх Кирилл, явился Судом Божиим над человеческой неправдой, над алчностью, непомерным желанием иметь как можно больше, потерей контроля над своим потреблением, стремлением богатеть любыми средствами, забывая подлинные ценности и идеалы [3, с. 356–357].

Можно сделать вывод о том, что жизнь, в которую погружен человек общества

потребления, представляет собой огромный «гипермаркет», в котором продается все (товары, услуги, ощущения, таланты), и гигантское театрализованное шоу, напичканное разнообразными спецэффектами. Возможности оперативной коммуникации в информационном обществе неизмеримо возрастают, но при этом происходит формализация межличностных отношений. Поверхностная информационная коммуникация вытесняет живой человеческий диалог, экзистенциальное общение («от сердца к сердцу», «глаза в глаза». «Роскошь человеческого общения» в информационном обществе воистину становится ненужной и обременительной роскошью.

Жизнь человека все более редуцируется к суетливой событийности, поверхностному скольжению в мире безрадостных удовольствий, где виртуальная реальность занимает все большее место. Можно вслед за М. Блюменкранцем поставить вопрос о том, не является ли неизбежной платой за невиданный научно-технический прогресс общества и несомненные достижения современной западной демократии катастрофическое уничтожение ресурсов человеческого в человеке, вырождение его духовной природы, деградация присущей ему воли к творчеству? [2, с. 51].

Поверхностное скольжение человека в информационно-коммуникативном пространстве и в целом по своей жизни, отмечает М. Блюменкранц, до поры до времени является патентованным важным средством защиты от ее подспудного трагизма. Но рано или поздно защита рушится, подступают неизбежные болезни и смерть – час неотвратимой расплаты по приватным счетам, не обеспеченным высшим смыслом жизни. Человек застывает над бездной и с глубокой отчетливостью осознает, что опереться ему не на что ни в самом себе, ни в мире, который вдруг стал чужим, равнодушным и враждебным. Все очарование тешивших сердце миражей блекнет, радости гедонизма безнадежно тускнеют, и человек остается один на один с вопиющей бессмыслицей собственных страданий. Девиз «Здесь и теперь», который составлял его единственное богатство, все, на чем он как будто бы прочно стоял, внезапно начинает ускользать, словно точка опоры из-под ног повешенного. И душевная пустота оказывается последней платой житейского прагматизма за недолгий наркотический сон [2, с. 53].

Постиндустриальное общество потребления оказалось той почвой, на которой в последней четверти XX в. возник постмодернизм – направление в искусстве и философии, ставшее очень популярным к концу столетия. Для постмодернизма характерно разочарование в разуме и прогрессе, неверие в будущее. Постмодернистское общество теряет интерес к целям, для него характерны «гипертрофия средств и атрофия целей» (П. Рикер), разочарование в идеалах и ценностях. Отсюда – цинизм и релятивизм нравственных ценностей, принимающий форму гедонизма, культа чувственных и физических наслаждений, удовольствий, развлечений.

Постмодернистский человек – это в полном смысле массовый человек, которого сравнивают с магнитофоном, подключенным к телевизору, без которого он теряет жизнеспособность. Это конформист, готовый поступиться любыми принципами, ради достижения успеха. Его мировоззрение лишено прочной опоры, оно размыто и неопределенно [6, с. 283–284].

Все это говорит о духовном бессилии человека постиндустриального общества. «Насколько безгранична его возможность иметь, настолько бессильна его способность быть» [2, с. 60]. Можно согласиться с известной поэтессой и прозаиком Олесей Николаевой, которая говорит о «чувственной бесчувственности человека эпохи постмодернизма, о его сердечном омертвлении, о разгуле его страстей. Такой человек не любит – он "занимается любовью". Он не творит, он "самовыражается". Он не смиряется – он пытается приспособиться. Он не блаженствует – он получает наслаждение. Он не раскрывает в себе образа Божьего – он делает себе имидж. Он даже не играет – он "ведет" игру» [5,

с. 120–121].

Не пора ли гуманистически ориентированной мысли, как отмечает известный российский философ П.С. Гуревич, поставить преграды безответственным постмодернистским играм, направленным на полное уничтожение человека как антропологической данности? Не является ли философской обязанностью каждого ответственного мыслителя остановить параноидальные суицидальные устремления зарвавшихся любомудров [4, с. 23].

Постмодернистские восторги по поводу возможностей постиндустриального общества, якобы освобождающего и раскрепощающего человека, вызывают только горькие сожаления. Освобождение и раскрепощение человека, о котором любят многие говорить, на деле есть разгул человеческих страстей и инстинктов, освобождение от нравственных норм, что ведет к духовно-нравственному релятивизму, граничащему с цинизмом.

Патриарх Кирилл отмечает, что с разрушением духовного начала, самой способности ориентировать свободу в сторону добра мы открываем простор для развития инстинктивного начала человеческой жизни и губим человека [8, с. 452]. Это яркое свидетельство бездуховности, глубочайшего духовно-нравственного кризиса современного общества потребления, для которого права и свободы стали своеобразным идолом. С точки же зрения Православия, «права и свободы должны реализовываться в системе нравственных координат и непременно должны быть связаны с моральной ответственностью человека. А общество должно утверждать такую систему социальных взаимоотношений, когда безнравственные поступки, не соответствующие традиционной морали, будут осуждаться людьми» [8, с. 111–112].

Для нашей страны рост бездуховности в не меньшей степени представляет собой серьезнейшую опасность духовно-нравственной деградации, эрозии и деформации нравственных норм и забвения духовных ценностей, особенно среди подрастающего поколения. А это представляет прямую угрозу национальной безопасности нашей страны. Об этом прямо говорится в концепции национальной безопасности Республики Беларусь. В числе конкретных потенциальных угроз национальной безопасности названа «утрата значительной частью граждан традиционных нравственных ценностей и ориентиров, попытки разрушения национальных духовно-нравственных традиций». Поэтому духовная безопасность – это состояние защищенности духовно-нравственных, культурно-исторических и религиозных основ жизни нашего народа, того, что можно назвать нашим культурно-генетическим кодом. Для его сохранения необходимо актуализировать духовно-нравственный потенциал отечественных культурно-исторических и религиозных традиций и ценностей.

Литература

1. Блюменкранц, М. Общество мертвых велосипедистов // Вопросы философии. – 2004. – № 1.
2. Блюменкранц, М. В поисках имени и лица. Феноменология современного ландшафта // Вопросы философии. – 2007. – № 1.
3. Быть верным Богу. Книга бесед со Святейшим Патриархом Кириллом. – М., 2009.
4. Гуревич, П.С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. – 2009.
5. Николаева, О. Современная культура и Православие. – М., 1999.
6. Современная западная философия. – Минск, 2000.
7. Федотова, В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопросы философии. – 2005. – № 11.
8. Церковь призывает к единству. Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – Минск, 2010.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ ВОСПИТАНИЯ

С. В. Рыбчак

Усилиями многих поколений людей, в первую очередь выдающихся мыслителей и педагогов создана, постоянно развивается и совершенствуется *система воспитания личности.* Многообразные цели, задачи, содержание и функции этой сложно структурированной системы исследуются автором в философском, социологическом, педагогическом и культурологическом аспектах. Но все они интегрируются на основе единого методологического подхода – *системного исследования,* в котором органически взаимодействуют принципы целостности, вычленения системообразующих связей, структурности, субординации элементов и их иерархизации, динамики, единства синхронного и диахронного анализа в их тесном единстве с практикой воспитательной деятельности.

Система образования и воспитания на протяжении последних двух десятилетий осуществляет сложный, многогранный, зачастую противоречивый процесс глубокой трансформации. Развертывание научно-технической революции, все более масштабное внедрение ее результатов не только в сферу материального, но и духовного производства, включая образование и воспитание, вызвали несколько новых тенденций в последнем. Основные из них заключаются в следующем: а) происходит быстрое обновление содержания, форм и методов процесса обучения детей и юношества; б) усиливается материализация, а затем и компьютеризация обучения; в) возрастает значимость и роль гуманитарного цикла в системе образования и воспитания; г) усиливается связь процессов обучения и воспитания подрастающего поколения с практикой, в том числе в сфере производственной деятельности; д) резко раздвигаются временные горизонты образовательного процесса, он становится непрерывным, втягивая в свою орбиту все более широкие слои взрослого, работающего населения; е) изменяются принципы взаимодействия субъекта и объекта в процессе обучения и воспитания, превалирующие позиции занимает педагогика сотрудничества.

Процесс трансформации системы образования и воспитания приобрел новый характер и содержание под влиянием радикальных социально-политических, экономических, социокультурных преобразований, обусловленных сначала глубоким, всеохватывающим кризисом советского общества, воплотившихся в пресловутой перестройке, а затем и в развале Союза ССР и образовании на его территории 15 независимых государств. Этот процесс пока еще далек от завершения, поэтому исследование его основных причин, факторов, направленности, многообразных форм его реального воплощения в деятельности учебных заведений, системы управления ими, в практике различных государственных, общественных, благотворительных, коммерческих организаций, функционирующих в сфере воспитания молодежи, приобретает актуальное не только теоретическое, но и практически-прикладное значение.

Преобразования в системе образования и воспитания, обновление содержания и функций этой системы происходят в органической взаимосвязи с социально-стратификационными изменениями, происходящими в современном обществе.

Трансформация системы образования и воспитания, направленность ее влияния на формирование личности в решающей степени определяются тем духовным климатом, который существует в обществе, степенью духовной развитости социальных общностей и групп в этом обществе (этно-национальных, профессиональных, территориальных, социокультурных, религиозных и др.), местом, значимостью и ролью в обществе ценностей, норм, идеалов культуры, человекотворческой сущностью нравственных

установлений, предписаний и ожиданий. Непрестанно впитывая в себя все это духовное богатство, система образования и воспитания сама превращается в мощный импульс и фактор духовного обновления общества, создания в нем благоприятных условий и предпосылок духовного становления формирующейся личности.

В процессе социальных и духовно-нравственных перемен, происходящих в постсоветском обществе, существенную роль играет деятельность религиозных организаций, происходит поворот от массового атеизма к широкому восприятию религиозности. Этот процесс втягивает в свою орбиту не только пожилых людей, но также юношество и детей, происходит омоложение и повышение образовательного уровня типичного (модального типа личности) постсоветского верующего. Такие изменения не остаются бесследными для деятельности государственных, негосударственных (в том числе коммерческих), общественных и благотворительных организаций, непосредственно или косвенно связанных с деятельностью системы образования и воспитания. Поэтому всестороннее исследование этих сложных, противоречивых процессов, создающих новую духовную ситуацию на огромном постсоветском геополитическом пространстве, становится очень актуальным.

Социализация личности в своем реальном осуществлении представляет собой не только процесс усвоения ребенком, подростком, молодым человеком социального опыта и ценностей культуры, но также и процесс самопознания личности, ее самооценки, самоопределения, саморазвития, становления ее активным субъектом общественных отношений и деятельности. Социализация представляет собой *двусторонний* процесс, в котором наряду с освоением индивидом системы социальных взаимодействий, социального опыта, богатств культуры происходит и процесс активного включения формирующейся личности в воспроизводство и развитие социальных отношений за счет ее активной деятельности, многостороннего и активного включения в социальную среду. Поэтому первостепенное значение имеет исследование процесса становления личности саморазвивающимся субъектом социальных взаимодействий, творцом социального опыта, способным обогащать и развивать этот опыт, а вместе с тем и саморазвиваться.

ТЕХНОГЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПОИСКАХ ДУХОВНЫХ ПРИОРИТЕТОВ

В. Ф. Мартынов

Стремительное развитие техногенного общества внесло принципиально новые изменения в формирование духовного облика личности, не только способствуя открытию качественно иных граней творческой энергии, но и предельно зримо обнажая опасность деструктивных социальных процессов, деградации индивида, магическую власть хаоса в процессе столкновения многоликих противоречий.

В XX столетии именно мегаполис как доминирующая форма человеческого общежития становится в авангарде как позитивных изменений, так и негативных мутаций. Реализация идеи масштабного, технически вооруженного города – это реализация давней мечты человека о лучшей жизни, это прорыв к идеальной реальности. Городской ареал формировался в процессе напряженной преобразовательной деятельности человека как оппозиция природному миру с его стихийностью, непредсказуемостью, катаклизмами, угрожающими гармонии социума. Так объективировалась идея цивилизации. В древнерусском языке город понимался как «ограда», «отгороженное место», «укрепление», «крепость». Городской ареал должен был оборонять как от природных сил, так и от внешних врагов, становясь центром консолидации, символом могущества. И дей-

ствительно, только урбанизированный мир мог воплотить идеи великих пирамид, готических соборов, китайской стены, современных небоскребов и других грандиозных сооружений.

Первые города возникают 6 тысяч лет тому назад в Шумере, Египте. К 19 веку в городах проживало 3% населения земли, к 20 веку – 13,6%, а в середине 20 века – уже более 40%, в XXI в. – 60%. Для европейской цивилизации этот показатель гораздо выше. Процесс урбанизации коренным образом изменил условия жизни огромных масс людей, погрузив их в качественно иную реальность. Трансформация затронула все грани жизни. Ибо невиданная ранее концентрация человеческих сил в урбанизированном пространстве, стремительно нарастающий динамизм, технизация сознания, другие составляющие глобальных трансформаций стали определять общую атмосферу мировой культуры, мироощущение миллионов людей, формируя проблемное поле фундаментальных парадоксов.

Парадокс 1. В двадцатом столетии человеческий род столкнулся с парадоксом, который определил культурно-историческое лицо эпохи. С одной стороны, к этому времени был накоплен грандиозный культурно-исторический, технический, научный опыт, дающий реальную возможность достижения невиданного ранее уровня свободы. Мировое сообщество располагало колоссальным духовным потенциалом. К началу века не только вызрели, но и получили широкое общественное признание идеи гуманизма, добра, справедливости. Но обладая многотысячелетним духовным опытом, богатейшими нравственно-эстетическими ценностями, способными внести гармонию в общественную жизнь, человечество не стало мудрее, совершеннее, не смогло усилить творческую энергию. Наоборот. Цивилизация XX века оказалась вовлеченной в самые массовые преступления. Именно в двадцатом столетии был совершен новый и самый мощный виток в нагнетании жестокости, человеконенавистничества, вандализм и было уничтожено людей больше, чем за два последних тысячелетия.

Парадокс 2. Городской тип культуры открывает новые возможности для активной коммуникации, обогащения внутреннего мира каждого индивида, расширения личностных горизонтов. Известно, что человек может объективно познавать себя только благодаря активному общению с другими людьми. Однако именно мегаполис породил проблему массового одиночества. Согласно официальной статистике в мире ежегодно предпринимают попытки уйти из жизни более 10 млн. человек.

Парадокс 3. Город – это форма человеческого общежития, которая побуждает к оседлости, постоянству, стабильности в отвоеванной у природы территории. В то же время человек в этом ареале превращается в кочевника, так как невозможно пустить корни в интенсивной динамике искусственного. Ведь техногенный мир находится в состоянии перманентных трансформаций, меняя свой облик, свою конфигурацию. Вот почему миллионы людей как существа без корней, без родины движутся в нескончаемых потоках миграции, порождая проблему маргинализации сознания, способствуя распространению лиминальных личностей, которые характеризуются неопределенностью социального статуса, выпадением из продуктивной общественной жизни.

Парадокс 4. Городской тип культуры возникал как форма существования, которая должна была бы обеспечить человеку защищенность, укрепить безопасность жизни. Однако именно в городском конгломерате ежегодно миллионы людей гибнут от несчастных случаев. Город создает условия для возникновения массовых экстремальных ситуаций. Вот почему человек находится в состоянии фундаментального беспокойства. Не случайно огромное количество людей переживает стрессовые состояния, систематически употребляя антидепрессанты. Желание многих избавиться от глубинного беспокойства нередко загоняет человека в стадное состояние, что приводит к культу массовой культуры.

Парадокс 5. Живя в техногенной среде, человек ощущает нарастающее давление искусственного. Происходит все большее дистанцирование от естественной основы бытия, разрыв с базовыми основаниями природы. Природное задает свой, естественный ритм жизни, мегаполисная среда диктует собственный ритм деятельности. В человеке укореняется внутренний диссонанс, вызванный рассогласованием двух различных ритмов. Он с трудом начинает балансировать в разорванности временных установок.

Парадокс 6. Тотальное проникновение искусственного в повседневную жизнь удаляет человека от собственной природной основы, побуждая к опосредованному удовлетворению телесных потребностей, подчинению их искусственным структурам. Вместе с тем, тотальное внедрение антропогенного пробуждает неестественный, гипертрофированный интерес к телесному, физиологическому, что проявляется в биологизации сознания (эротизации, гурманизации и других формах гедонизма).

Парадокс 7. В процессе урбанизации несоизмеримо возрастают возможности трансляции духовных ценностей, гуманистических открытий благодаря беспрецедентному развитию средств массовой коммуникации. Однако телевидение, интернет, радио и печать чаще всего предлагают обществу сенсации, сиюминутные сюжеты, скороспелые произведения, погружая человека в усредненное, стандартизированное, плоскостное информационное пространство. Более того, именно экранная культура стала главным источником культивирования имиджевого мышления, для которого важнее всего не столько быть, сколько казаться, импозантно выглядеть, произвести эффект. В мегаполисе начинает доминировать не качественная, но количественная коммуникация, которая никогда не насыщает человека.

Парадокс 8. Техногенная форма бытия побуждает к консолидации, более высокому уровню кооперации, интеграции многообразных человеческих интересов. Гармония этой мегамашины возможна только на почве тесного сотрудничества, взаимодействия, поддержки. И тем не менее, урбанизированный мир разобщает, нивелирует человека, развивая иерархическое пространство, укрепляя корпоративное или государственное эго. Нарастает деперсонификация культуры, в которой растворяется личность.

Сущность происходящих коренных изменений – в трансформации мировосприятия человека, его отторжении от вселенской красоты в результате антропогенизации сознания (глубокое погружение в искусственный мир и отрыв от природного бытия), падение уровня чувствительности, распространении «частичного» человека. В мире, где диктатура материальных потребностей становится все более навязчивой, стремительно распространяется фетишизация, сознание становится вещным, создавая неисчерпаемое количество новых объектов, с жадностью поглощая их и растворяясь в пространстве утилитарного.

Как преодолеть негативные тенденции техногенного мира, который все основательнее захватывает человека?

Во-первых, ключевой формой гуманизации личности должно стать системное гуманитарное образование как целенаправленная трансляция мирового и национального культурного опыта.

Во-вторых, с целью одухотворения искусственной среды следует целенаправленно и системно использовать всю инфраструктуру культуры для развития каждой личности (библиотеки, театры, кинотеатры, музеи, средства массовой коммуникации). Не случайно в переводе с английского слово «urbane» означает вежливый, любезный, изысканный. Необходимо наполнить это понятие реальным содержанием.

В-третьих, необходимо значительно расширять общение с природой, которая является главным источником гармонии. Руссо, ощутив опасность отрыва человека от естественного мира, сформулировал одно из основных своих положений: «Назад к при-

роде!». Однако реализация этой максимы в XXI столетии практически неосуществима. Можно двигаться только «Вперед к природе», создавая м мегаполисах мощные природные оазисы, углубляя постижение естественной красоты и ее значимости для каждого человека.

Техногенный ареал XXI века представляет собой очень сложное, многомерное образование, вбирающее в себя сотни различных этнических культур, религиозных конфессий, идеологий, субкультур, корпоративных структур. Мир превращается в гигантский механизм, лабиринт, который может поглотить человека, подавить в нем творческое начало. Вот почему проблема системной гуманитаризации, формирования креативной, толерантной личности приобретает особое значение. Только в этом случае духовное пространство будет укрепляться и успешно противостоять любым вызовам техногенной цивилизации.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ДУХОВНОМ ОПЫТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

А. А. Легчилин, О. В. Новикова

Бытие человека является загадкой для него самого. Стремление разгадать эту загадку, опираясь как на собственный жизненный опыт, так и на опыт других людей, порождает рефлексию, приобщая человека к осмыслению экзистенциальных проблем. Это проблемы метафизического характера, которые не имеют универсального решения, а их осмысление не предполагает достижения некоего окончательного и однозначного результата. Тем не менее, постановка этих проблем исключительно важна для человека, знаменуя определенную степень его духовной зрелости.

Среди этих проблем одно из центральных мест занимает проблема смысла жизни, определяющая жизненную стратегию человека и выбор им ценностных приоритетов. Очевидно, что данный выбор сугубо индивидуален и связан с личностными особенностями человека: «мы не должны искать абстрактного смысла жизни. У каждого свое собственное призвание и миссия в жизни, каждый должен выносить в душе конкретное предназначение, которое требует своей реализации» [1, с. 123].

Тем не менее, можно выделить несколько имеющих фундаментальный характер векторов осмысления данной проблемы.

Взгляды, относящиеся к первому из них характерны для людей, которые придают смыслу жизни трансцендентный и сакральный характер, связывая земное существование человека с его служением высшим ценностям и идеалам, а перспективы – с потусторонним, трансцендентным бытием. Смысл земной жизни человека видится в его творческом поиске, свойственном духовному развитию человека, и, на этой основе, в укреплении веры. Очевидно, что подобное понимание смысла жизни свойственно верующим, особенно «воцерковленным» людям, которые являются активными членами церковного прихода.

Второй вектор осмысления имеет натуралистический характер, поскольку его сторонники рассматривают человека, прежде всего, как природное существо. Так, одни из них, являясь сторонниками эвдемонизма, видят смысл существования в достижении счастья, другие, будучи приверженцами гедонизма – в наслаждении. Правда, мнения о том, что считать настоящим счастьем, а что – подлинным наслаждением, заметно различаются. Так, если для философов-киренаиков наслаждение предполагало лишь чувственное удовольствие, то для Эпикура и последователей наслаждение, означало, прежде всего, отсутствие страданий.

Третий вектор имеет рационалистический характер, соотнося смысл жизни человека с его действиями в обществе. Он может быть связан с установкой человека на строгое следование клановому или государственному долгу, что, согласно Конфуцию, свойственно «благородному мужу», либо на «служение» людям, ставя их интересы выше собственных. Однако редукция смысла жизни к целям, которые ставит и стремится реализовать человек в своей практической деятельности, таит опасность подмены смысла жизни его прагматическими целями и задачами.

Наконец, четвертый вектор связан с рассмотрением жизни в качестве самоценности – уже в самом факте существования человека, независимо от наполненности его жизни событиями, с этой точки зрения, заключен великий смысл. И, как отмечал французский философ В. Янкелевич, только смерть задним числом высвечивает смысл жизни [2, с. 432].

Однако признание самоценности жизни в качестве ее смысла не обязательно финально удостоверяется после смерти человека другими людьми. Это может быть характерно и для самого живущего, если он способен к саморефлексии, а значит, к осознанию им важности самой постановки вопроса о смысле собственной жизни. Можно сказать, что в данном случае важен не столько результат размышления, сколько его процесс, в ходе которого человек, опираясь на свой жизненный опыт, утверждает себя в качестве обладающей развитым самосознанием и креативными способностями личности.

Данный подход подводит нас к рассмотрению еще одной экзистенциальной проблемы – проблемы смерти и бессмертия человека.

Отношение к смерти всегда наполнено драматизмом, высвечивая глубинные чувства человека, а сам факт смерти никого не оставляет равнодушным. Такое отношение к смерти определяется, во-первых, пониманием (оно было характерно еще для древних греков) того, что смерть человека – это угасание «микрокосмоса» – «человеческой Вселенной», целого суверенного и автаркичного мира человеческой субъективности, без которого, согласно поэтической фразе, «мир не полон». Во-вторых, потому что обряд похорон – это не просто традиция погребения, а показатель цивилизованности общества и человека, символический акт благодарности «уходящему» и становящемуся прошлым, это акт демонстрации исторической «связи времен». В-третьих, потому что смерть рождает в душе живущего чувства сострадания, горести, сочувствия, пробуждает в нем те исконные качества, которые делают его человеком, но которые в будничных ситуациях дремлют в нем. В-четвертых, потому что смерть оттеняет главное в жизни, учит ценить ее и делать свое существование наполненным содержанием и смыслом. Действительно, «горе – это не просто одно из чувств – это конституирующий антропологический феномен: ни одно самое разумное животное не хоронит своих собратьев. Хоронить – следовательно, быть человеком…Человеческое горе не деструктивно (забыть, оторвать, отделиться), а конструктивно, оно призвано не разбрасывать, а собирать, не уничтожать, а творить – творить память» [3, с. 232].

Отношение к смерти было различным в разные исторические эпохи в различных культурах, характеризуя степень развития самосознания человека и культуры общества. В этой связи, представляет интерес периодизация этапов развития отношения к смерти человека западной цивилизации Ф. Арьеса, предложенная в работе «Человек перед лицом смерти», и осуществленный в ней их компаративный анализ [4]. Прослеживая эволюцию бессознательных установок общества по отношению к смерти, он выделяет в этом процессе пять этапов.

Первый этап (от архаики до XII века) характеризуется отношением к смерти как природному злу для всего коллектива, а похоронный ритуал – как средство «приручить смерть», сделав ее понятной и нормативной. Тем самым, с глубокой древности смерть

воспринималась как экзистенциальный феномен, не подлежащий равнодушному отношению и забвению.

На втором, третьем и четвертом этапах феномен смерти артикулируется поразному, будучи связанным с доминированием разных установок – ее индивидуализации, затем острого переживания страха за собственную кончину, затем восприятия смерти как утраты близкого человека. Однако всегда смерть оставалась загадкой и считалась закономерным завершением жизни.

По мнению Ф. Арьеса, на пятом этапе, начавшемся в XX веке, ситуация в корне меняется, о чем говорит само название этапа – «смерть перевернутая». Для современного общества характерна тенденция к забвению смерти – на фоне ценности благополучия и здорового образа жизни смерть рассматривается как жизненная неудача. В целом отношение общества к смерти амбивалентно: с одной стороны возникла «индустрия смерти», призванная облегчить умирающему человеку и его близким расставание, с другой – растет безразличие к смерти, увеличивается число суицидов. В этой ситуации актуальным является напоминание Ф. Арьеса об опасности забвения обществом угрозы смерти, ведущего к разрушению человечности, утрате современным человеком своей «самости», которому вторят горькие слова известного французского писателя и публициста А. Мальро: «Мы единственное поколение, которое не изобрело ни своих капищ, ни своих гробниц».

Поэтому стремление задуматься над аксиологическими проблемами так важно для современного человека, который, постигая тайны природы и преобразуя мир, оказывается не в состоянии понять самого себя, нанося вред и своему телу, и душе и духу. Можно согласиться с нелицеприятным, но справедливым замечанием М. Шелера о том, что «еще никогда в истории человек не становился настолько проблематичным для себя, как в настоящее время» [5, с. 31]. Вместе с тем, не все потеряно для человека, коль он все же задумывается над экзистенциальными проблемами собственного бытия.

Литература

1. Франкл, В. Поиск смысла жизни и логотерапия // Психология личности. Тексты. – М., 1982.
2. Янкелевич, В. Смерть. – М., 1999.
3. Василюк, Ф.Е. Пережить горе // О человеческом в человеке. – М., 1991.
4. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти. – М., 1992.
5. Шелер, М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. – М., 1988.

СТРУКТУРЫ И ЛИЧНОСТНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ

Е. А. Алексеева

В традиционных исследованиях объективных структур различного рода и их отношений к личности, начиная с К. Маркса и вплоть до теоретических построений постструктурализма, можно обнаружить одну глубинную предпосылку. Объективные структуры рассматриваются в качестве в той или иной степени «оппозиционных» по отношению к человеку и его возможностям самоопределения и самостроительства.

Несколько упрощенно эту предпосылку можно выразить следующим образом: «чем больше структурного, тем меньше личностного». До предела эта оппозиция была

доведена в постструктурализме с его элиминацией, в конечном счете, субъекта, автора и человека, однако уже и у Маркса человек и его сознание («ложное сознание») в значительной мере оказываются просто продуктом («эффектом») системы.

Однако в действительности не существует однозначно воспроизводимого (и обязательно оппозиционного) соотношения между структурами и личностью. И это связано не только со способностью человеческого сознания отстраняться от любого данного ему («неантизировать» любую фактичность, по выражению Ж.-П. Сартра), ставить его под вопрос, что, собственно, является выражением свободы воли человека и фундаментальным основанием возможности творчества и истории вообще. Соединение структурного и экзистенциального подходов, которое мы предлагаем, позволяет показать, что понимание и учет подчеркиваемого экзистенциалистами факта – *в человеческом мире нет автономного действия структур* – должны повлиять на сам тип структурного анализа и на гуманитарное познание в целом. Структурный анализ должен строиться с обязательным учетом корреляции: структура – действующий агент. Примером осознания недостаточности «замкнутого», полностью «безличностного» структурного анализа самими представителями социогуманитарных наук являются мысли, высказанные Н. Хомским в беседе с М. Фуко и Ф. Элдерсом [1, с. 81–147]. Подчеркивая творческую природу человека, Хомский настаивает на таком образе социогуманитарного познания, где, по выражению Ф. Элдерса, *«правила и свобода не противоположны, а предполагают друг друга»* [1, с. 104].

Это положение очень важно для раскрытия соотношения «структуры – личность» в целом, но в особенности значимо в тех принципиально новых случаях исследования структур, которые мы хотим предложить. Имеется в виду выделение и исследование наиболее существенных структур, которые определяют как возможность становления целостной личности, так и жизнеспособность социальных образований. Само наличие таких объективированных форм духа, как право, мораль, религия, искусство, наука, философия и др. является условием возможности не только определенной согласованности и полноты социального существования, но и условием возможности личностного самоопределения. Не случайно Г. Зиммель определял культуру как культивирование индивида посредством внешних форм, объективированных в ходе истории.

Пока мы находимся в сфере общефилософских рассуждений, такое необходимое и неизбежное взаимодействие объективных структур и личности представляется как бы само собой разумеющимся, даже банальным. Однако, переходя к образу человека, формирующемуся социогуманитарными исследованиями структуралистского и постструктуралистского направления, можно заметить следующее.

Во-первых, комплекс объективированных форм, или объективных структур, в которые так или иначе «вписан» человек (и которые также так или иначе, в большей или меньшей степени «инкорпорированы» в нем), никогда не берется в его целостности (даже просто в *подразумеваемой* – а не эксплицитной – целостности, что могло бы несколько скорректировать односторонний теоретический фокус).

И, во-вторых, как правило, не ставится вопрос о ценностной иерархичности объективных структур. В качестве научных образов человека оказываются представлены его «частичные» образы, лишенные реального объема и жизненности: «человек экономический», рационально и со знанием дела преследующий свои исключительно материальные интересы; «человек психоаналитический», ведомый своими неврозами и комплексами и т.п.

Такие построения были бы возможны и оправданы, если бы рассматривались не в качестве относящихся к самой реальности, а в качестве «идеальных типов», с которыми реальность сравнивается и которые как раз и демонстрируют их недостаточность для ее

целостного понимания и описания.

Социально-гуманитарное познание не должно иметь дело с «обрубками человека» и тем более подставлять их на место многосложного и многослойного духовного образования, которым в действительности человек является. Человек принадлежит сразу множественным мирам культурно-исторического существования, и его зависимость от тех или иных конкретных структур всегда опосредуется сложным (и, разумеется, индивидуализированным) комплексом отношений с другими структурами. Русский философ И.А. Ильин справедливо отмечал: «Всегда найдется немало людей, готовых искренне удивиться тому, что в них живет известное мировоззрение, что они имеют свой особый *эстетический* вкус, что они стоят в известном постоянном отношении к голосу *совести,* что у них имеется характерное для их души *правосознание.* А между тем каждый человек, независимо от своего возраста, образования, ума и таланта, живет этими сторонами или функциями души даже и тогда, когда он сам об этом не подозревает. В таком случае его суждения и поступки слагаются непосредственно под руководством инстинктивных влечений и побуждений и выражают его душевный уклад, его личный характер, его индивидуальный уровень жизни, несмотря на то, что он, может быть, ничего не знает об этом и даже не предполагает, что людям неизбежно иметь мировоззрение и правосознание, что им неизбежно жить эстетическим вкусом и совестью. Ограниченное, узкое, тупое мировоззрение – остается воззрением на мир; неразвитой, извращенный, дурной вкус творит по-своему эстетический выбор; подавленная, невыслушанная, заглушенная совесть по-прежнему бьется и зовет из глубины, а уродливое, несвободное, слабое правосознание всю жизнь направляет деяние людей и созидает их отношения» [2].

Предлагаемый нами синтез трансцендентального анализа с рассмотрением *объективированных формам духовного существования человечества* требует также модификации понятия «жизненный мир», предложенного Гуссерлем и широко используемого в современном социально-гуманитарном познании. Модификация данного понятия необходима, поскольку можно отметить (с сожалением), что *редукционизм* фактически проник не только в структуралистские методологии, сознательно стремящиеся элиминировать человека и его сознание, но и в, казалось бы, «гуманистические», или, как их иногда называют, субъективистские подходы к человеку, а именно: в феноменологический анализ «жизненного мира», или мира повседневности. Образ человека, его сознания и действий в некоторых описаниях повседневного существования зачастую оказывается редукционистским. Так, известные социологи П. Бергер и Т. Лукман, феноменологически анализируя повседневное знание реальности, по существу выводят из сферы этого непосредственного знания – *как реально влияющего на человеческое поведение* – все моральные, эстетические, религиозные, философские и т.п. аспекты. «Достоверность моего знания повседневной жизни, – пишут Бергер и Лукман, – считается мной и другими людьми само собой разумеющейся, пока нет свидетельств об обратном, то есть до тех пор, пока не возникает проблема, которую нельзя решить на основе моего знания. До тех пор пока мое знание действует безотказно, я отбрасываю всякие сомнения по его поводу. В определенных отношениях, отдаленных от повседневной реальности, – в шутке, в театре, в церкви, в философском размышлении и т.д. – у меня могут возникать сомнения по поводу отдельных его элементов. Но эти сомнения "не следует воспринимать всерьез". Например, как бизнесмен я знаю, что не следует ни с кем считаться. Я могу смеяться над шуткой, в которой обыгрывается несостоятельность этого принципа; я могу быть взволнован священником или актером, превозносящим добродетели доброты и внимания по отношению к другому. И в философском расположении духа я могу согласиться с тем, что во всех социальных отношениях следует руководствоваться золотым правилом. Смеясь, будучи взволнован и философствуя, я возвращаюсь к "серьезно-

му" миру бизнеса, признавая логику его принципов и действуя в соответствии с ними. Только когда эти принципы не оправдывают надежд в мире, где они применимы, они становятся для меня проблематичными "не на шутку"» [3, с. 74–75].

Как мы видим, в случае такого рода анализа мы получаем не образ действительного человека в его повседневном существовании, а только эпистемологическую идеализацию (в данном случае – идеализирующую редукцию), которая и должна быть рассматриваема только в этом качестве. Человек здесь не просто "одномерен" и редуцирован к одной из своих "функций", он по существу не имеет ничего общего с реальным исторически существующим человеком, с тем богатством побудительных сил (зачастую даже неосознаваемых самим человеком), которые в действительности воздействуют на его поведение (Здесь достаточно вспомнить знаменитое исследование М. Вебера, продемонстрировавшего влияние религиозных мотивов на становление капитализма.)

Можно отметить также, что синтезирующий методологический подход, предполагающий необходимость совмещения исследований «жизненного мира» (как трансцендентальных структур, вписанных в повседневное существование) с анализом объективных структур социума, дает возможность наметить путь преодоления одной из центральных оппозиций современных социальных наук, условно обозначаемую как «объективизм – субъективизм».

Человек самоопределяется и выстраивает себя в качестве личности не по отношению к той или иной структуре, выделенной в качестве системной детерминанты представителем какой-либо конкретной науки (экономики, психоанализа, социологии, лингвистики и т.д.), и даже не просто по отношению к множеству наличных, уже сформировавшихся структур социально-культурного поля. Человек самоопределяется также и в открытом универсуме идей, запрашивающих как его самоизменение, так и трансформации самих объективированных форм социальной жизни.

Литература

1. Фуко, М. О природе человека. Справедливость против власти // Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М., 2002.
2. Ильин, И.А. О сущности правосознания [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://philosophy.ru/ library/ il/ 02/ 01.html#11. – Дата доступа: 15.06.2012.
3. Бергер, П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М. 1995.

О ЛИЧНОСТНОМ В СТРУКТУРНОМ И СТРУКТУРНОМ В ЛИЧНОСТНОМ

Т. М. Тузова

Современная ситуация в социально-гуманитарном познании свидетельствует о настоятельной необходимости разработки онтологии человеческого существования, синтезирующей личностное измерение субъекта со структурным анализом. Об этом говорит *несоответствие образа человека*, в значительной степени продолжающего доминировать в современном социогуманитарном познании под влиянием постструктурализма и постмодернизма, онтологической специфике и реальной целостности, присущим личностному и социальному существованию.

Это несоответствие указывает на необходимость выявления и сопоставления образа и статуса человека в редукционистских (структуралистских и постструктуралистских) и нередукционистких (экзистенциально-феноменологических, персоналистских и др.) концепциях.

В редукционистских концепциях образ и статус человека заданы смещением исследовательских интересов в сторону анализа различных социокультурных феноменов и отношений в их собственной (объективной) структурированности, а также представлением о сознании как децентрированном и, по существу, не имеющем реального отношения к продуцированию, поддержанию и трансляции личностных и культурных смыслов.

Нередукционистские (антиредукционистские) подходы к анализу человеческого существования стремятся преодолеть «безличностность» редукционистских интерпретаций человеческого опыта, их игнорирование онтологической специфики человеческого сознания, самосознания, действия и поведения и обосновать такие реальные способности человека, как способность приостанавливать структурные обусловливания своего опыта, делать их предметом самостоятельного критического рассмотрения, совершать усилие самоопределения по отношению к ним и инициировать собственную жизненную стратегию, собственную траекторию движения в мире, выступая в статусе «источника» этого движения.

Иными словами, нередукционистские подходы позволяют показать изначальное и неустранимое присутствие человека в мире, которое всегда личностно окрашено и онтологически конститутивно.

Это с одной стороны.

С другой, анализ ряда таких значимых феноменов личностного и социального существования, как право, мораль, религия, повседневность и др., показывает, что они не могут быть целостно объяснены в рамках структуралистских и постструктуралистских представлений о человеке и культуре. Сциентистский характер данных концепций обусловил их существенный недостаток: на их основе невозможно построить целостную картину человеческого существования, поскольку такая картина предполагает учет феноменов, обеспечивающих

– понимание личности (незавершенность и открытость существования; способность к самоизменению, творчеству, автономизации, ответственности, самостроительству и т.д.);

– понимание человекообразующего (в качестве нормативных структур) характера права, морали, религии и др.;

– понимание их происхождения и онтологической укорененности в опыте рискованного личностного поиска, личностного свершения, обретения себя (Как точно выразился Ж.-П. Сартр «то, что потом появляется как структура, вначале и конкретно возникает как поведение».)

В контексте анализа проблемы соотношения личностного самоопределения и объективных структур, задающих границы и определяющих возможности самостроительства человека, для нас важен тот факт, что правовые и нравственные требования императивны, а не условны (не предполагают учета каких-либо эмпирических особенностей человека и его ситуации) и предъявляются целостной и неделимой человеческой личности. Личности в требовательном смысле слова, то есть соответствующей «идее» человека.

Такой личностью человек стремится выстраивать себя в реальном поле социально структурированных возможностей, соотнося себя и свою реальную ситуацию с надличностным нормативным (безусловным, *сильно и строго структурированным*) миром культурных смыслов и ценностей.

Это подсказывает нам, что целостность социального и индивидуального человеческого опыта может быть теоретически реконструирована и восстановлена на пути новых локальных проблематизаций индивидуального творческого выбора и акта в их конкретной исторической и социокультурной *фактичности* (их обусловленности объек-

тивными структурами социокультурного поля), на пути конкретного исследования форм, способов и механизмов *индивидуации* структурных воздействий.

Понятно, что речь идет о необходимости «открыть» нередукционистские исследовательские проекты структурным контекстам, расширив как собственно предметные области использования структурных методов, так и их эвристические возможности. Расширение и качественная модификация структурного анализа требуют соединения структурного и экзистенциального подходов, трансцендентального описания и анализа объективированных форм духа.

Таким образом, разработка концепции нередукционистской онтологии личности, предполагающая расширение структурного анализа, означает не только отказ от «частичных» образов человека, детерминированного отдельными структурами (экономическими, лингвистическими, политическими, эпистемологическими и др.), но и включение в онтологическую трактовку человека его связи с постоянно действующими историческими образованиями, такими, как мораль, право, религия, философия, искусство и т.д. Структуры этих объективированных форм жизни духа являются конститутивными для формирования личности, не редуцируемыми к другим структурам и, более того, ценностно приоритетными.

Такой исследовательский разворот предполагает рассмотрение объективных структур через призму творческого участия в них человека. Иными словами, структуры должны рассматриваться как предполагающие участие человека, а человек – как включенный в структуры. *Точка его включения в структуры есть онтологическая точка преломления объективных структурных воздействий в пространстве его личностных выборов и смыслов, точка вписывания его индивидуальной жизненной траектории в ситуацию, социум, историю.*

Таким образом, к основным элементам нередукционистской концепции личности можно отнести:

1. Синтез рассмотрения личностного измерения субъекта со структурным анализом, или корреляцию «структура – личностное действие».

2. Прочтение индивидуального творческого выбора и акта в их конкретной исторической и социокультурной обусловленности объективными структурами социокультурного поля, и, одновременно, расшифровку экзистенциальной размерности объективных структур (фиксацию и теоретическую реконструкцию личностных «отложений» и «следов», «выпавших в осадок», кристаллизовавшихся в объективных структурах культуры и социума).

3. Соединение дескрипции трансцендентальной субъективности с анализом объективных структур.

4. Исследование таких объективированных форм духа, как право, мораль, религия, искусство, философия и др. в статусе относительно *автономных* структурных образований, обладающих собственной внутренней логикой, собственными закономерностями существования и развития и – *именно в этом качестве – генерирующих личностное в человеке.*

5. Учет субъектности человека, т.е. его способности к преодолению наличного, продуцированию личностных смыслов, к творчеству и выбору себя, к авторству и ответственности при анализе соотношения личности и объективных структур.

6. Рассмотрение человека как *экзистенциального основания* бытия, мира, культуры, истории и ситуации; как способного, с одной стороны, реализовывать, воплощать своей единичностью универсальные нравственные принципы, культурные смыслы, и, с другой, создавать новые формы личностного самоосмысления, самоопределения и самоосуществления в мире.

7. Анализ структур объективированных форм жизни духа (морали, права, религии, философии, искусства и т.д.) в качестве *культурных оснований личностного существования*.

Разработка этих проблем способствует корректировке образа человека в философии и социогуманитарных науках, восстановлению целостности этого образа. Она дает возможность понять *субъектность* человека, его реальную способность к авторству и ответственности в социальном поле структурированных возможностей его самопостижения, выбора и действия, и, соответственно, объяснить историчность и творческую сущность социального существования.

СМЫСЛ ЖИЗНИ КАК ФЕНОМЕН ДУХОВНОЙ РЕФЛЕКСИИ

В. Ю. Даренский

Парадокс смысла как феномена сознания состоит в том, что это такая явленность бесконечного в конечном, которая соединяет в нечто единое максимальную близость (смысл должен быть «мой», иначе он не смысл) с максимальной, актуально бесконечной широтой контекста понимания, без которой это тоже будет не смысл, а ситуативное «значение» чего-то для кого-то. Смысл жизни является глубоко парадоксальным феноменом уже по самому своему способу представленности в человеческом сознании: ведь он, с одной стороны, всегда глубоко интимен и трудноуловим для рационального определения; а с другого – всегда является именно интегрирующим смыслом, в котором «свернуты» все другие. На первый взгляд, поскольку смысл жизни всегда является личностным, то может казаться напрасным делом искать какие-либо его инвариантные характеристики, которые бы имели универсальное значение для всех людей и любых мировоззренческих ориентаций. Однако на самом деле такая инвариантность существует на уровне *логической структуры* этого типа смыслообразования – структуры, которая не просто предполагает вариативность его индивидуального содержания, но и сама же ее порождает.

В соответствии с внутренней формой самого слова «смысл», смысл жизни является таким специфическим образованием человеческого сознания, которое «с-мысливает» вместе, во-первых, индивидуальный жизненный путь человека как определенную целостность; а во-вторых, уже эту индивидуальную жизнь как таковую с целостностью общечеловеческого бытия и Бытия как такового. Именно это и является исходным *логическим инвариантом* смысла жизни, независимо от того, как конкретно формулирует его для себя тот или иной человек. Метафора «с-мысливания», то есть мышления вместе, в рамках единого смысла сразу нескольких разных предметностей сознания (или даже большого, полностью не осознаваемого их множества, как это происходит в «с-мысливания» жизни как единого целого) может быть в определенной степени интерпретирован даже в формально-логическом виде, например, с помощью формулы: (M & (a v b v c v d v e)) & S, где a, b, c и т.д. – отдельные предметности индивидуальной жизни; M – осознание «особости» моего индивидуального «Я»; S – всеобщий смысл Бытия как такового. Простая дизъюнкция (v) означает относительную смысловую автономность фрагментов жизни, вследствие которой они, с одной стороны, могут абсолютизироваться как «подлинная жизнь» или же, наоборот, как «пропавшее время», а с другой – требуют для себя спецификации общего смысла жизни. Внутренняя логическая парадоксальность смысла жизни состоит в том (это формализовано в конъюнкциях с M и S), что он всегда переживается, с одной стороны, как «только мой», а с другой – переживается и

как всеобщий, «вселенский», давая предельное оправдание мой индивидуальному существованию в контексте целостности всего мыслимого Бытия как такового. В свою очередь, утрата предельных смысловых «параметров», обозначаемых здесь символами M и S, приводит к обессмысливанию всех отдельных фрагментов индивидуальной и мировой жизни – «микросмыслы» в каждой ситуации исчезают, оставляя человека в экзистенциальной пустоте. Так возникает *экзистенция абсурда*, для большинства людей совершенно непереносимая.

Тем самым, конкретные определения смысла своей жизни отдельными людьми, воссоздавая эту инвариантную логическую структуру, определяются содержанием разных экзистенциальных и мировоззренческих парадигм, которые можно определенным образом типологизировать. Эта типология будет производной от представлений о сущности Бытия как такового, которые становятся «моделями» осознания сущности и назначения индивидуальной жизни. При большом разнообразии таких представлений, которое мы наблюдаем в истории человечества, они на самом деле представляют собой лишь различные вариации нескольких исходных типичных представлений: 1) космоцентрического; 2) теоцентрического; 3) антропоцентрического. В первом из них Бытие мыслится как «живое одушевленное тело» (А.Ф. Лосев); во втором – как тварный мир, созданный единым Богом; в третьем – как среда самоутверждения человека как высшего в этом мире существа. В соответствии с выбором одного из доминирующих типов (сознательно или подсознательно) определяется и смысл индивидуальной жизни каждым человеком. В первом случае сам человек ощущает и осмысливает себя как частицу единого живого Космоса, подчиненную его неизменным законам. Жизнь с таким самосознанием приобретает общий смысл именно в соотношении со смыслом космического бытия как телесно-душевного самовоспроизводящегося Организма. Здесь человек ощущает и осмысливает и свою жизнь как некий «микрокосм», в котором должен максимально полно реализоваться общий космический закон воспроизведения Жизни. Общий смысл жизни здесь переживается и осознается как стремление максимальной продуктивности, как соучастие в вселенском священном действе воспроизведения самой Жизни, в полноте и совершенстве Универсума. Эта продуктивность осмысливается не эгоцентрически – как самоутверждение, прежде всего, «моего» собственного бытия, – но как производительность Дара, как утверждение полноты Универсума. А самоутверждение здесь имеет место как подчиненный момент личностного соучастия во вселенской жизни, переживаемого как долг и радость.

В теоцентрическом типе земная жизнь переживается и осознается как конечная в перспективе Суда, как испытание и пространство онтологической трансформации всего человеческого существа, которое призвано к вечной жизни. В Христианстве такой смысл жизни формулируется как «спасение души». Такой смысл личностного бытия определяется не подчиненностью анонимному космическому Закону, а Призывом к вечной жизни, исходящим от Самого Творца (А космический Рок здесь, наоборот, становится воплощением сил смерти, которые должны быть побеждены). Этот второй тип может в определенной степени сочетаться с первым тогда, когда космоцентрический смысл становится локальным и подчиненным спасению души.

В третьем типе человеческая жизнь переживается и понимается как культ собственного «Я», что, впрочем, может выражаться и в «превращенных» формах (например, коллективизма и культа техники). Здесь смысл жизни – это самоутверждение индивидуального «Я» как самоцель и самоценность, которой подчинены любые формы человеческой активности, а родовая жизнь и полнота Универсума воспринимаются лишь как «ресурсы» этого самоутверждения.

Само понятие «смысл жизни» подразумевает взгляд на *уже завершенность* чело-

веческой жизни откуда-то «со стороны» – иначе не будет этой завершенности, а значит, *не о чем* будет высказывать смысл, необходимо предполагающий целостность и законченность осмысляемого. Это пространство и смысла не находится внутри потока эмпирического бытия, сколь бы содержателен он ни был сам по себе во всех своих фрагментах – но оно необходимо предполагает выход из этого потока. И если религиозное сознание с самого начала имеет, «куда» выходить, т.е. постоянно трансцендирует «жизнь как целое» даже при всей ее незавершенности (такое трансцендирование составляет один из необходимых признаков религиозного сознания как такового), то сознание чисто секулярное, для того чтобы обрести пространство смысла должно его само сконструировать из того жизненного «материала», который у него окажется «под рукой».

Смысл жизни имеет не только актуальный, но и проективный, а также ретроспективный характер. Причиной общего смысложизненного кризиса всегда в первую очередь становится кризис проективного измерения, если человеку становится экзистенциально «некуда жить» (Г.С. Батищев). Такое происходит в двух противоположных случаях – или тогда, когда реализация сформированного смыслового проекта жизни вследствие каких-то причин становится практически невозможной, «заблокированной»; или же, наоборот, если этот проект полностью реализован, обнаружил свою ограниченность, и человек попал в смысловую пустоту, которую не знает чем заполнить.

Не трудно проанализировать, какие с трех смысложизненных ориентаций являются более, а какие менее «кризисными». Наиболее кризисным, очевидно, является антропоцентрический, поскольку культ «Я» одновременно и наиболее уязвим для неблагоприятных обстоятельств и самый бедный по своему реальному смыслу, который обычно легко исчерпывается и деградирует. Космоцентризм является более стойким, но не удовлетворяет высшие духовные потребности человека. Теоцентризм имеет абсолютную проективную и онтологическую мощность, но и наиболее труден для реализации. В этом типологическом «треугольнике» решается судьба человеческой души.

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ БЕЛОРУСОВ

Н. Ф. Гребень

Современная ситуация развития белорусского общества характеризуется некой психологической неопределенностью, когда значительная часть населения переживает состояние оторванности от ранее установившихся канонов жизни. Во многом этому способствовали такие события и их следствия как распад Советского союза, смена экономической модели развития, ослабление роли религии в жизни белорусского общества, снижение роли родного языка в повседневной жизнедеятельности белорусов. В связи с этим особую актуальность приобретают исследования смысложизненных ориентаций белорусов.

Проблема смысла жизни – поле научных изысканий различных гуманитарных дисциплин – философии, психологии, социологии, теологии и др. По своему сущностному содержанию категория смысл жизни тесным образом взаимосвязана с такими явлениями как мораль, нравственность, духовность. Многие исследователи считают, смысл жизни может выступать, с одной стороны, как ценность для индивида, а с другой, может обуславливать выбор ценностей, которыми руководствуется индивид в своей жизни.

Психологическая наука при описании смысловой структуры личности оперируют такими понятиями как смысл жизни, осмысленность жизни, направленность личности,

ценностные ориентации, ценностные установки. В последнее время все чаще психологи оперирует таким понятием как смысложизненные ориентации, под которым подразумевают «состояние направленности личности на достижение смысложизненных ценностей и смысла жизни. Вектор этой направленности формирует текущие задачи, деятельность личности и в конечном итоге влияет на отношение к окружающему миру, характер, поведение и т.д.» [1, с. 27].

Совокупность основных отношений к миру, людям и себе образует в своем единстве свойственную человеку нравственную позицию. Такая позиция особенно прочна, когда она становится сознательной, точнее осознанной. Осознанные смысловые образования, носящие предельно общий характер, называются личностными ценностями. Исповедание этих ценностей закрепляет единство и самотождество личности в значимых отрезках жизни, надолго определяя моральный и нравственный дух личности [2].

Однако смыл жизни может и не осознаваться человеком до самой смерти. Но жизненные ситуации, а также психологические исследования могут ставить перед человеком задачу на осознание смысла своей жизни, что имеет важное практическое значение как для отдельно взятого человека, так и для общества в целом. Обращаясь к такого рода исследованиям, попробуем разобраться в особенностях смысложизненных ориентаций современных белорусов.

В дипломной работе студентки кафедры психологии ЧУО «БИП – Институт правоведения» Е.В. Коледа (2012), выполненной под нашим научным руководством, изучались смысложизненные ориентации среди представителей зрелого возраста, включенных в трудовые отношения. Всего в исследовании приняли участие 60 человек, работающих и проживающих в г. Минске. При этом распределение выборки по половому признаку и по уровню образования оказалось примерно пропорциональным, а возрастные границы составили от 25 до 55 лет. Анализ полученных данных позволил выявить следующие особенности смысложизненных ориентаций белорусов зрелого возраста.

Согласно данным, полученным с помощью методики «Тест смысложизненных ориентаций» (Д.А. Леонтьев), у большинства респондентов показатель осмысленности жизни соответствует нижним границам среднего уровня, что говорит в целом о невысокой развитости смысловой структуры личности опрошенных. Показатель осмысленности жизни женщин оказался несколько выше, чем у мужчин, а у респондентов с высшим образование выше, чему у респондентов со средним специальным и средним образованием. Наименее осознаваемым у представителей выборки оказался такой компонент осмысленности жизни как «Локус контроля-жизнь», что говорит о том, что белорусам в большей степени присущ некий фатализм, убежденность в том, что жизнь человека мало в чем зависит от него самого, а свобода выбора иллюзорна. Наиболее осознаваемым оказался компонент «Результат», указывающий на понимание и знание респондентами цели той или иной деятельности.

По результатам теста «Методика исследования системы жизненных смыслов» (В.Ю. Котляков), было выявлено, что первое место в системе жизненных смыслов работающих белорусов занимают семейные смыслы, включающие в себя жизнь ради своей семьи и ради детей, а также помощь родным и близким. Второе место – статусные смыслы, включающие в себя успех, продвижение по карьерной лестнице, достойное положение в обществе; третье – коммуникативные смыслы, включающие в себя радость общения с другими, желание быть с близким человеком и чувствовать, что кому-то нужен. Промежуточные позиции заняли такие жизненные смыслы как гедонистические, экзистенциальные и самореализации. На последнем месте расположились когнитивные и альтруистические жизненные смыслы, предполагающие саморазвитие путем познания чего-то нового, совершенствование чего-то уже достигнутого и стремления делать что-

то во благо других людей, не преследуя корыстных целей.

Отталкиваясь от результатов данного дипломного исследования, мы попытались выяснить особенности смысложизненных ориентаций подрастающего поколения, отследить, сохраняется ли преемственность между поколениями.

С помощью методики «Экспресс-диагностика социальных ценностей личности» (Н.П. Фетискин) нами были выявлены особенности ценностных ориентаций у студентов вуза. Выборку составили 52 студента, получающих гуманитарное образование. Согласно полученным данным, наиболее значимыми для представителей юношеского возраста являются профессиональные и финансовые ценности, что во многом определено текущими событиями в их жизни – получением профессионального образования и последующей профессиональной деятельностью, которая обеспечит им финансовую независимость. К тому же, согласно Д.Б. Эльконину [3], в юношеском возрасте ведущим является учебно-профессиональная деятельность. Далее следуют семейные и социальные ценности, которые указывают на ориентацию юношей и девушек на создание собственной семьи, рождение детей, а также их стремление и желание знакомится с новыми людьми, выстраивать близкие отношения. Эти ценности также во многом предопределены возрастными особенностями респондентов, их доминантной потребностью в интимно-личностном общении. Следующие позиции занимают интеллектуальные и физические ценности, заключающиеся в стремлении развиваться, постигать что-то новое, самосовершенствоваться; поддержание своей физической привлекательности, за счет полноценного сбалансированного питания, занятий физическими упражнениями, спортом. Наименее значимыми для юношей и девушек оказались духовные и общественные ценности, заключающиеся в осмысленном познании себя и окружающего мира, желании делать что-то во благо других, быть общественно полезным и пр. Причем значимость ценностей, занимающих первую и вторую позиции, в балльном соотношении в два раза превысила значимость последних, что говорит о явном преобладании эгоцентрической направленности над альтруистической.

Обобщая результаты приведенных исследований, можно сказать, что смысложизненные ориентации представителей зрелого и юношеского возраста практически совпадают, несмотря на то, что для их диагностики использовался различный инструментарий. В современном белорусском обществе доминируют индивидуально значимые смыслы – семейные, профессионально-статусные, коммуникативные или социальные, на наш взгляд, обеспечивающие, прежде всего, выживание. Смысложизненные ориентации, определяющие духовность человека, ориентированные на созидательную жизнедеятельность и в целом осмысленность бытия, для большинства белорусов на сегодняшний день малозначимы.

Таким образом, проблема духовно-нравственного развития белорусского общества на современном этапе его развития стоит достаточно остро. Она усложняется еще и тем, что, несмотря на достаточную изученность феномена смысложизненных ориентаций, имеющийся инструментарий, позволяющий проводить качественную диагностику, по-прежнему не решенным остается вопрос о методах развития смысловой структуры личности, способах влияния на процесс ее формирования. В качестве приоритетных направлений развития для белорусского общества можно указать возрождение и популяризацию духовно-нравственного потенциала национальной культуры.

Литература

1. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности: учеб пособие для высших учебных заведений по направлениям и специальностям психологии. – М.: Смысл, 2007.

2. Серый, А.В. Система личностных смыслов. – Кемерово, 2004.
3. Эльконин, Д.Б. Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1989.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОГО РАЗВИТИЯ

Л. М. Злотникова

Двадцатилетняя практика реформ показала, что достижение поставленных целей проблематично. Насыщение рынка товарами обострило проблемы формирования человеческого потенциала. Техногенные аварии и катастрофы привели к использованию понятия «человеческий фактор». Высокий уровень специализации, дифференциации научных исследований оказался дополнен жесткими требованиями экономической отдачи и быстрого внедрения полученных результатов. Человек в обыденном и политическом сознании отождествлен с утилитарными понятиями «потребитель» и «производитель». Качество продукции оказалось в центре внимания мирового экономического сообщества. Созданы и действуют институты сертификации продукции. Проблемы философского обоснования источников и условий производства высококачественной продукции оказались за пределами гуманитарной компоненты научного знания.

Появились публикации, проводятся научно-практические конференции по проблеме «качества жизни». В центре внимания оказались «показатели качества жизни». Асимметричность оценки материального богатства была очевидна давно. Несколько перефразируя П. Сорокина, можно сказать следующее. Будущее принадлежит не материальным накоплениям, а обнаружению и развитию свойств человека. Понятие «качество жизни» широко используется в экономической теории, маркетинге, менеджмента и обыденной жизни. И только философия оказалась в стороне от разработки методологии жизненно важных принципов функционирования человека. Люди рождаются разными, одни имеют хорошую наследственность, получают хорошее воспитание и образование, а другие либо не имеют прирожденных талантов, либо не сумели их выявить, не всегда наделены хорошим физическим и умственным здоровьем. Формирование критериев качества жизни по аналогии с качеством товаров лишены гуманитарной компоненты развития человека, эффективного использования его потенциала. Объективное выявление, сохранение и развитие человеческой индивидуальности становится важнейшей методологической проблемой современного развития. В начале XXI века наметилась устойчивая тенденция на создание систем унификации человека. Товары, имеющие материально-вещественную форму, требуют универсальных правил, стандартов производства.

История развития человеческой цивилизации убедительно доказывает, что прогресс осуществляется индивидуальностями. Сложно сказать, когда произошло эмпирическое отождествление человека с вещью. Требование к получению экономического эффекта переводит гуманитарные исследования в разряд ненужных. Специалисты, пытающиеся понять сущность человека, становятся ненужными обществу. С развитием цивилизации происходит радикальное изменение структуры потребления. Все больше средств и времени тратится на производство и потребление благ, которые сложно формализуются. Самыми важными среди них, на наш взгляд, являются здоровье, образование, культура, наука и т.д. И здесь приходится констатировать, что расширение потребностей сопровождается усилением государственной политики унификации производства и потребления перечисленных услуг. Практика насаждения однородности зашла так далеко, что индивидуальность, на которую обращал внимание П. Сорокин, исчезает как форма существования человека. Особую тревогу вызывает полномасштабная унифика-

ция и стандартизация в сфере образования. Для многих сторонников формализации принципов и методов развития умственных способностей человека может стать своеобразным откровением тот факт, что даже технические изобретения возникают только на основе комбинации уже существующих элементов их постоянной модификации.. Время, причины их возникновения пока не сумел объяснить ни одни автор самых выдающихся открытий. Вряд ли создатель паровой машины был обложен таким количеством инструкций и правил, которыми сегодня переполнены учреждения образования. Технические новшества помогают человеку эффективнее использовать потенциал. Повышая производительность труда, способствуют формированию нового мышления и идеологии, рождаются новые коммуникации и новые потребности, т.е. меняется содержание жизни человека. Эвристическое, комбинаторное мышление закладывается только гуманитарным знанием. Отрицание его высокой значимости закладывает институциональные противоречия между достигнутым уровнем качества жизни, механизмами его поддержания и дальнейшего развития. С одной стороны, требуется жесткое соблюдение различных правил и норм, а с другой – развитие возможно только на пути их разрушения. Еще Ницше заметил, что тот, кто хочет быть творцом добра или зла, должен, прежде всего, разрушить устаревшие ценности. Внедрение в практику образовательного процесса жестких стандартов, требующих полномасштабной унификации, противоречит созданию новых ценностей. В тоже время хорошо отражает суть отношения к развитию общества и отдельного человека.

Какими качествами должен обладать специалист, профессионал, чтобы постоянно развивать свои способности, нарушать действующие нормы и правила, создавая при этом новые более прогрессивные формы производства и потребления, изменяя содержание и качество жизни. Разрушение старых норм при этом не должно подрывать основы жизнедеятельности человека. Рассматривая проблему связи действующих институтов социализации человека в образовании, необходимо отметить, что стремление к сильной жесткости, высокой управляемости становятся факторами окостенения и замедления темпов дальнейших социальных изменений и повышения качества жизни. Особенно ярко это проявляется в созданной в последние годы оценки знаний обучающихся и труда преподавателей. Нацеленность на полномасштабное заимствование принципов и методов оценки технических компонентов уже дает свои результаты. Значительное количество молодых людей не способны мыслить системно. Появилось удивительное по точности характеристик умственной деятельности молодого человека понятие «клиповое мышление», звучит «как подетальная специализация». Общество оказалось в ситуации, когда образовательная система из фактора поддержания определенного уровня, качества жизни, увеличивающего силу, превратилась в социальный институт противоречий и разногласий. Сложно перечислить причины превращения образования из мощного, надежного института формирования и развития личности в производство образовательных услуг. В периоды бурных социальных изменений административно-насильственное воздействие на неэластичные общественные институты (к ним относится образование) с целью получения мифических результатов закладывает основу сдерживания развития. Ограничение системной значимости образования сферой формирования определенных профессиональных навыков вступает в серьезное противоречие с целями и тенденциями развития цивилизации. Человек-функция лишен морально-нравственных основ жизнедеятельности. Механическое выполнение профессиональных обязанностей все чаще становится причиной техногенных аварий и катастроф, которая получила название «человеческий фактор».

Сложно оценить и предвидеть последствия безнравственного профессионализма на качество производимой продукции и качество жизни. Выполняя указания собствен-

ника или руководства производственного подразделения, человек-функция способен нанести не только ущерб здоровью, но и лишить жизни многих. Постоянно возрастающая озабоченность состоянием окружающей среды, ростом вредных выбросов в атмосферу, нарушение экологического равновесия, на наш взгляд, прямое свидетельство четкого исполнения различного рода распоряжений, практически полное отсутствие нравственной ответственности за будущее. Отрицание важности гуманитарной составляющей неизбежно приводит к деградации человека. На наш взгляд, начало этого процесса уже проявляется. Что будет с человеком, который формируется на принципах «сиюминутной нужности»? Как приостановить ничем необоснованное стремление к максимальной материальной выгоде, вернуть гуманитарной компоненте ее статус в образовании и обществе – это, на наш взгляд, важнейшая проблема дальнейшего сохранения человека. Современное развитие характеризуется латентным противостоянием между активной пропагандой расширения физиологических потребностей и объективной необходимостью совершенствования человека. Силу этого процесса и механизмы разрешения возможно познать только на пути гуманитаризации общества, возврата, подлинным ценностям человеческой жизни.

ЭГОИЗМ: ДРУГАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Л. З. Левит

В 2006–2012 гг. мы разработали «личностно-ориентированную концепцию счастья» (ЛОКС), в которой самореализация индивида описывается через взаимодействие двух систем – «Личностной Уникальности» (ЛУ) и «Эгоизма» (ЭГ). Каждая система, в свою очередь, состоит из 4-х уровней, соответствующих понятиям «организм», «индивид», «личность» и «индивидуальность». Формально ЛОКС может быть отнесена к эвдемонической группе теорий в современной позитивной психологии, описывающих достижение счастливой, полноценной жизни через реализацию субъектом своего личностного потенциала («дэймона» в древнегреческой философской традиции).

Если понятие «личностная уникальность» (ЛУ) имеет прочные «позитивные» традиции в психологии, ассоциируясь с «дэймоном», индивидуальным «духом» человека [1]; [30], самостью, внутренним «сокровищем» личности [24], личностным потенциалом и «внутренним Я» [17]; [20], то концепт «эгоизм» (ЭГ) вызывает поначалу как минимум амбивалентное отношение – в том числе, из-за многочисленных негативных импликаций, содержащихся по отношению к нему на уровне обыденного сознания и некоторых научных подходов.

Надо признать, что термин «эгоизм» практически не используется в академической русскоязычной психологии за исключением работы К. Муздыбаева и его практической методики [18]. Марксистский философ Э.Ф. Петров, проведя единственный в советской науке обзор понятия «эгоизм», считал данное явление порождением частной собственности и общества, разделенного на классы [19]. Отдельные упоминания и определения эгоизма в ряде работ (Л.И. Божович, Т.А. Флоренская и др.), а также в русскоязычных интернет-источниках обычно имеют негативную, эмоционально нагруженную окраску, оставшуюся, очевидно, с советских времен и противопоставляющую интересы индивида интересам коллектива. Очевидно, предполагаемой «низости» данного явления соответствует такой же невысокий, «морализаторский» уровень его разработки и понимания.

Амбивалентность, существующая в отношении эгоизма, и связанные с ней «фигуры умолчания» хорошо продемонстрированы в одной из работ Э. Фромма: «Современ-

ная культура вся пронизана табу на эгоизм. Нас научили тому, что быть эгоистичным грешно, а любить других добродетельно. Несомненно, это учение находится в вопиющем противоречии с практикой современного общества, признающего, что самое сильное и законное стремление человека – это эгоизм…» [22, с. 560]. Сразу отметим, что в ЛОКС речь идет как о «низших», биологически обусловленных, так и «высших» («социальных» и «трансцендентных») уровнях эгоизма, что является абсолютно новым подходом в современной русскоязычной и зарубежной психологии.

К положительным сторонам эгоистических концепций *мотивации и поведения* человека зарубежные ученые относят их теоретическую «строгость» и «компактность» [31]. Искомое понятие дает простое понимание человеческой активности и единое объяснение всех действий человека. И хотя сами действия могут отличаться разным содержанием, их конечным источником является *собственный* интерес. Принцип бритвы Оккама, пишет Д. Мюллер, диктует чисто эгоистическое объяснение поведению индивида в том случае, если подобное объяснение является достаточным. Что, по мнению автора, и имеет место на самом деле [29]. В результате эгоизм трактуется как *единственно возможный предсказатель* человеческого поведения. Как считает Г. Лэйси, «Эгоистический акт – это такой акт, который имеет подкрепление (обладает ценностью) для индивида [27]. Таким образом, практически все *действия (и поступки)* индивида являются эгоистическими». Как говорил Мартин Лютер, святым можно считать того человека, который замечает эгоизм в *каждом* своем поступке и побуждении [31].

Даже если предположить, что не вся мотивация человека, а ее *большая часть* имеет эгоистические корни, мы опять-таки сталкиваемся с понятием «преобладающего эгоизма» (predominant egoism) и соответствующим взглядом на человеческую природу [26].

Как показано в целом ряде современных работ, человеческий эгоизм является мощной биологической силой, а потому обладает «защитными» и «мотивационными» свойствами, не только побуждая человека к деятельности, но и повышая его способность противостоять стрессам и давлению окружающей среды в процессе достижения цели. Вот что указывает в этой связи С.Д. Батсон, «Преобладающий взгляд на человека среди биологов и психологов заключается в том, что *в глубине* люди *полностью* эгоистичны…» [25, с. 486]. Согласно Р. Докинзу, эгоизм как приоритетная забота о собственных нуждах «впечатан» в гены, обеспечивая тем самым стратегии самосохранения индивида [2]. С биологической точки зрения, пишет Г. Рэчлин, эгоизм переводится в *выживание*. Поэтому любое эгоистическое решение первоначально выглядит более предпочтительным для индивида, чем любое альтруистическое [32]. Как отмечает Р. Триверс, именно биология способна предложить общественным наукам хорошо разработанную и экспериментально обоснованную концепцию личного интереса [21].

Говоря о положительных сторонах эгоизма, Н. Макиавелли называл «доблестью» способность личности к масштабной деятельности, основанной на эгоистическом интересе [16]. Как отмечает Дж. Уолкер, эгоизм является ничем иным, как умением человека направлять самого себя, твердо стоять на собственных ногах [33], что, по сути, тождественно *индивидуализму*, имеющему ряд сходных с эгоизмом определений.

Мы придерживаемся точки зрения, что индивиды не могут избежать собственного эгоизма, однако они способны научиться совершать *выбор* в пользу более «высоких», качественно иных форм эгоизма, связанных с индивидуальной самореализацией и самосовершенствованием.

Многочисленные вопросы, умолчания, давление со стороны упрощенно понятых морально-этических норм и откровенная путаница, связанные с понятием «эгоизм», могут быть успешно разрешены введением *уровневой* структуры эгоизма в рамках ЛОКС.

Ее высший, четвертый уровень описывает взаимодействие «Высшего» Эгоизма (зрелого индивидуализма) и зрелой Личностной Уникальности (потенциала) субъекта. В результате контакта обеих систем возникает качественно иная, по-настоящему духовная субстанция, которую мы в рабочем порядке называем «Сверхреализацией». К ней относятся «пиковые» и «плато» переживания А. Маслоу [17], потоковые состояния М. Чиксентмихайи [23], индивидуация К. Юнга [24], древние и современные концепции эвдемонии. Функция «Высшего» Эгоизма по-прежнему заключается в его защитных и мотивирующих свойствах, позволяющих индивиду стремиться к максимуму, выходя за собственные пределы.

То, что одним из компонентов четвертого уровня модели остается именно *эгоизм* (хотя и в качественно иной форме, как зрелый индивидуализм), подтверждается также особенностями возникающей ситуации. Субъект, реализуя свой *уникальный* потенциал, отныне творит *собственную* жизнь, в которой он теперь, по определению, главный и единственный «герой». Новый, переориентированный эгоизм как раз и нужен для того, чтобы считать подобное существование высшим благом, встречать и храбро преодолевать все его вызовы. Девиз «То, что лишь я один могу сделать в этой жизни» прекрасно отражает единение зрелого индивидуализма и Личностной Уникальности в эвдемонической, по-настоящему полноценной жизни человека, где ЛУ олицетворяет «талант», а ЭГ – способность действовать и идти вперед.

«Двусистемное» построение новой парадигмы в психологии счастья позволило существенно продвинуться в решении ряда теоретических проблем современной психологии, а также получить абсолютно новые экспериментальные данные [3] [4] [5] [6] [7] [8] [9] [10] [11] [12] [13] [14] [15] [28]. Также отметим, что в традиции эвдемонии, идущей от Аристотеля [1], реализация субъектом своего уникального потенциала (что и описывает ЛОКС) рассматривалась как *высшая* из доступных человеку ценностей, делавшая жизнь духовной, полноценной и по-настоящему счастливой.

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика. – М., ЭКСМО-Пресс, 1997.
2. Докинз, Р. Эгоистичный ген. – М.: Мир, 1993.
3. Левит, Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья: жизнь во имя себя. – Минск: Изд-во «А.Н. Вараксин», 2011.
4. Левит, Л.З. Психология счастья – возможность новой парадигмы // Актуальные проблемы этнической и социальной психологии: материалы Межвузовской конференции молодых ученых, студентов и аспирантов. – М.: РУДН, 2011. – С. 319–323.
5. Левит, Л.З. Индивидуальность и счастье: в поисках общих категорий // Дифференциальная психология и дифференциальная психофизиология сегодня / под. ред. М.М. Кабардова. – М.: Смысл, 2011. – С. 204–206.
6. Левит, Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья и «опросник ЗУЛУРЭГ» // Вестник образования и науки. Педагогика. Психология. Медицина. – 2012. – Выпуск 2 (4). – С. 38–48.
7. Левит, Л.З. Психология счастья: личностно-ориентированная концепция // Научно-практический журнал «Психология. Социология. Педагогика». – 2012. – № 2. С. 37–41.
8. Левит, Л.З. Терапия Личностной Уникальностью: теоретическое обоснование проекта // Тенденции и инновации современной науки. Материалы Международной научно-практической конференции (тезисы докладов). – Краснодар, 2012. – С. 47.
9. Левит, Л.З. Новая парадигма в психологии счастья // Научная дискуссия: инновации в технических, естественных, математических и гуманитарных науках. Материалы 3-й Международной заочной научно-практической конференции. Часть 2. – М.: Изд-во «Международный центр науки и образования», 2012. – С. 102–115.

10. Левит, Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья: краткая история // Психология и психотехника. – 2012. – № 8. – С. 78–86.
11. Левит, Л.З., Радчикова Н.П. Личностно-ориентированная концепция счастья: теория и практика // Национальный психологический журнал. – 2012. – № 2 (8). – С. 81–90.
12. Левит, Л.З. Счастье, эгоизм, альтруизм: парадоксы взаимодействия // Научно-практический журнал «Психология. Социология. Педагогика». – 2012. – № 7. – С. 10–19.
13. Левит, Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья: диапазон ценностей // Проблемы современной науки: сборник научных трудов: выпуск 5. Часть 1. – Ставрополь: Логос, 2012. – С. 171–181.
14. Левит, Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья: новая системная парадигма // Педагогическое образование в России. – 2013. – №1. – С. 102–111.
15. Левит, Л.З. Эвдемония: жизнь для героя // Современная зарубежная психология. – 2013. – №1. – С. 69–77.
16. Макиавелли, Н. Государь. – М.: АСТ, 2004.
17. Маслоу, А. Мотивация и личность. 3-е издание. – СПб., Питер, 2009.
18. Муздыбаев, К. Эгоизм личности // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – № 2. – С. 27–39.
19. Петров, Э.Ф. Эгоизм. – М.: Наука, 1969.
20. Роджерс, К. Клиентцентрированный / человекоцентрированный подход в психотерапии // Вопросы психологии. – 2001. – № 2. – С. 48–58.
21. Триверс, Р. Обмани себя. – СПб.: Питер, 2012.
22. Фромм, Э. Человек для самого себя. – М.: АСТ, 2008.
23. Чиксентмихайи, М. Поток: психология оптимального переживания. – М.: Смысл: Альпина нонфикшн, 2011.
24. Юнг, К. Синхрония: аказуальный объединяющий принцип. – М.: АСТ, 2009.
25. Batson, C.D., Ahmad N., Lishner D.A., Tsang J.A. Empathy and altruism // Handbook of Positive Psychology / Ed. Snyder C.R., Lopez S.J. – Oxford University Press. 2001. – P. 485–498.
26. Kavka, G. Hobbesian Moral and Political Theory. Part II. – Princeton University Press, 1986.
27. Lacey, H. Teleological behaviorism and altruism // Behavioral and Brain Sciences. – 2002. – V. 25. – P. 266–267.
28. Levit, L.Z. Happiness: Person-Oriented Conception // International Journal of Advances in Psychology. – Vol. 1. Iss. 3. – November, 2012. – P. 46–57.
29. Mueller, D.C. Rational egoism versus adaptive egoism as fundamental postulate for a descriptive theory of human behavior // Public Choice. – 1986. – V.51. – P. 3–23.
30. Norton, D.L. Personal Destinies. A Philosophy of Ethical Individualism. – Princeton University Press, 1976.
31. Psychological Egoism // Internet Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.iep.utm.edu. – Дата доступа: 01.05.2013.
32. Rachlin, H. Altruism and selfishness // Behavioral and Brain Sciences. – 2002. – V. 25. – P. 239–251.
33. Walker, J.I. The Philosophy of Egoism // The Anarchist Library [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://dwardmac.pitzer.edu/ anarchist_archives/ coldoffthepresses/ walker/ egoism.html. – Дата доступа: 01.05.2013.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ФЕНОМЕНА СУБЛИМАЦИИ

А. Н. Вощинчук

Культура XX – начала XXI вв. является объектом для рефлексии в сфере как естественных, так и гуманитарных дисциплин. Безусловно, такая пограничная ситуация практически всегда сопровождала смену столетий и во многом оправдывала происходящие процессы. Для данного периода характерно многогранность и плюральность социокультурных явлений, что, безусловно, приводит к сложности в попытке их рефлек-

сии. С одной стороны перед человечеством возникают проблемы физической выживаемости, с другой – создания и сохранения духовных артефактов культуры предыдущих столетий. Этот период демонстрирует примеры взлетов и падений человеческого духа. Современная культурная ситуация актуализирует вопросы о целостности и гармоничности человека в различных плоскостях его жизнедеятельности. Величайший мыслитель ушедшего столетия Э. Фромм отмечал, что «в XIX веке проблема состояла в том, что БОГ мертв; в XX – проблема в том, что мертв человек. В XIX веке бесчеловечность обозначала жестокость, в XX она означает шизоидное самоочуждение. В прошлом опасность состояла в том, что люди становятся рабами. Опасность будущего в том, что люди могут стать роботами» [1, с. 225]. Неслучайно, что доминантной идеей творчества мыслителя являлась осмысление здорового общества. Главным вопросами, являются вопросы о возможности в эпоху глобализации, изобилующей бесконечными симулякрами и деконструкциями священный акт самосовершенствования и творчества, гармоничное сочетание в человеке его физического, душевного и духовного, преодоление ограниченности и стремление к многогранности. Одной из самых актуальных проблем в осмыслении является проблема созидательной, креативной деятельности человека, направленного на развитие духовно-нравственного потенциала себя и культуры в целом.

Следует отметить, что на эти вопросы человечество пыталось ответить на протяжении многих тысячелетий своего развития. Формировались религиозные системы и тексты, создавались и осуществлялись различные духовные практики, направленные на гармоничное самовершенствование. Тем не менее, указанные аспекты на сегодняшний день становятся все более актуальными для философии, культурологии и других сфер научного знания.

Автором видится необходимым, обратится к осмыслению духовно-нравственного потенциала феномена сублимации. Объяснение З. Фрейдом процесса сублимации неоднократно подвергалось критики со стороны его учеников, соратников и последователей. Многие ученые не затрагивали эту тему в своих исследованиях и не употребляли сам термин, другие же критиковали и выступали против физиологичной доминанты в человеке.

Сублимация (от лат. *sublimare* – возносить, *sublime* – возвышенное, *sublimation* – возгонка) – это сложный многогранный феномен, вбирающий в себя собственные уровни, формы и типы, а также характеризующийся этимологически и иерархически выстроенной вертикалью. В сублимационном процессе сексуальная энергия (либидо) не статична, а динамична, направлена к постоянному возвышению человека и тяготению к бесконечному Абсолюту, благодаря духовной и созидательной работе личности. Способность к сублимации является отправной точкой в понимании деструктивных и креативных форм человеческой деятельности.

На протяжении всего развития культуры и человека можно выделить различные формы сублимации: *конформистскую, альтернативную, холистическую* [2]. Кроме этого специфика культуры определяет во многом форму сублимации, а сублимация в свою очередь влияет на доминирование той или иной форм культуры (религии, экономики, искусства, права и др.). Обратимся к более подробному осмыслению духовно-нравственного потенциала одной из форм сублимации – *холистической.*

Холистическая (от греч. холос – целый, полный, взаимосвязанный, гармоничный) – форма сублимации, главной характеристикой которой является процесс целостного творческого преображения и эволюции человека, а результат – сочетание телесного и душевного, материального и духовного, которое проявляется в целостности и безупречной гармонии. Как уже было отмечено, различные религии выявили значимость преобразования и возвышение духа человека. Ярким примером тому является христианство.

Именно в восточном православии сублимация возвышается над природой и не уничтожает саму природу (человека, его желания, вожделения), а восполняет, преображает и усовершенствует. Русский религиозный философ Б.П. Вышеславцев отмечал: «Хаос подсознательного мира нуждается в восстановлении, "сублимации" первоначально – божественной и к Богу устремленной формы. Восстановление – есть восстановление "образа и Подобия" Божия, сила, которая схватывает этот образ – воображение. Высшая сублимация – сублимация Эроса при помощи воображения» [3, с. 52]. Холистическая сублимация противоположна конформистской и альтернативной, это процесс возведения от низшего к высшему через возвышение, поднятие, облагороживание человеческих желаний, стремлений. Это постоянная, непрекращающаяся работа духа человека. Данная форма сублимации определяет способность человека не только приспособления к реальным физическим, внешним условиям, но и высшую степень адаптации к природе и социуму, нормам, ценностям культуры.

Такое понимание духовно-нравственного аспекта холистической сублимации приводит к пониманию творчества человека как нарастания жизни, появления новых, раньше не существующих форм жизни, которые характеризуются интенсивностью, аксиологической значимостью и наполненностью. Отсюда становится очевидным тот факт, что чем полнее и всеохватнее сублимация, тем гармоничнее и самобытнее культура, тем выше степень ее выживаемости и значимости, тем больше создается артефактов, наполненных ценностными и духовными константами.

Необходимо отметить, что если общество развивается гармонично, идет по пути развития культуры, тогда главной формой сублимации является холистическая. Если же происходит нарушение баланса, появляется дисгармония и асимметрия, то в культуре появляются различные негативные явления: войны, тоталитарные режимы, репрессии, социальные аномалии, нарастают и увеличиваются девиантные формы поведения. И пропорционально возрастает необходимость в конформистской и альтернативной формах сублимации.

Таким образом, термин «сублимация» был обозначен в начале XX столетия австрийским психотерапевтом, основателем психоанализа З. Фрейдом и главным образом использовался для описания процесса художественного творчества в психоанализе. Отдавая, приоритет физиологии человека, психоаналитик был во многом прав, так как невозможно отрицать значимость и наличие у человека его физиологических потребностей, инстинктов, которые в идеале должны быть реализованы. Возможно, это самый простой путь, который необходимо пройти не только одному отдельно взятому индивиду, но и человечеству в целом. Однако задача человека попытаться достичь «тотальной сублимации», т.е. холистической формы, которая является наиболее сложной и значимой для личности, т.к. именно в ней представлен путь восхождения человека через преодоление и реализацию физиологических потребностей к духовно-нравственному совершенствованию. Такая концепция сублимации основана на благодатной, свободной любви человека к добру, красоте и истине. Кроме этого, необходимо понимать и осмысливать сублимацию как глобальный и всеохватный процесс человеческого бытия.

Опираясь на духовный потенциал личности, использовать его как главный аргумент против хаоса, деструкции, деградации. Осмысляя духовно-нравственный аспект холистической формы сублимации можно сделать вывод о возможности противодействия губительной профанации ценностей через сублимацию в творческую любовь к миру, без которой человек становится, слеп, а его жизнь бессмысленна.

Исследование духовно-нравственного аспекта холистической формы сублимации позволяет в дальнейшем осуществлять наиболее полно и всесторонне анализ негативных и позитивных явлений культуры XX – начала XXI вв.

Литература

1. Фромм, Э. Мужчина и женщина. – М.,1998.
2. Вощинчук, А.Н. Культурологический аспект исследования феномена сублимации // Вести Института современных знаний. – 2011. – № 2.
3. Вышеславцев, Б.П. Этика преображенного Эроса. – М., 1994.

ОБ ИСТОРИИ ТЕРМИНА «ЭМПАТИЯ»

Н. Н. Куксачёв

Исследуя феномен сострадания, приходится сталкиваться с проблемой множественности синонимичных понятий, обозначающих или подразумевающих под собою в различных исследованиях, зачастую, практически одинаковое смысловое содержание. Причем в русском научном языке, который часто грешит прямым заимствованием иностранных терминов, эта ситуация еще более усугубляется, так как появляются не только синонимичные слова в рамках одного языка, но добавляются и слова-заимствования с дублирующим значением. Такое положение в значительной степени затрудняет очерчивание границ исследуемого феномена и требует разъяснения отдельных синонимичных терминов, для разграничения различных оттенков близких по смыслу понятий.

В русском языке круг синонимичных понятию «сострадание» слов выглядит примерно так: жалость, сочувствие, участие, милосердие, соболезнование, сердобольность, сердоболие, сожаление. Свою дефиницию понятия получают друг через друга. Так, например, Ожегов определяет сострадание как «жалость, сочувствие, вызываемые чьим-нибудь несчастьем, горем», что вносит мало ясности в проблему, определяя сострадание через синонимичное понятие сочувствия.

В английском языке синонимический круг также весьма широк. Для передачи понятия сострадания используются следующие слова: empathy, sympathy, commiseration, compassion, condolence, feeling, ruth. Первые два термина приобрели наибольшее распространение в философском языке и были калькированы в русский. В рамках данного доклада позволим себе более подробно остановиться на первом из этого ряда синонимичных понятий – эмпатии (empathy) и постараемся проследить историю его привнесения и, частично, использования в научном языке.

Сам термин «эмпатия» по своей этимологии в греческом языке означает: έ ν – «в» + греч. πάθος – «страсть», «страдание» – то есть проникновение в чувства другого человека.

Принято считать, что концепт термина empathy был впервые разработан в 1873 году немецким историком искусства и философом Робертом Фишером. Фишер употребил слово Einfühlung, которое переводится на английский как empathy, для обозначения отношения или способа оценки и познания зрителем объекта искусства. Как видим, первоначально этот термин был употреблен не для описания межперсональных отношений, а для обозначения отношения человека к неодушевленному предмету искусства.

Хотя надо сказать, что эмпатия как метод познания предлагался и до Роберта Фишера. Так, например, Иоганн Готфрид Гердер (1744 – 1803) занимавшийся также историей культуры и искусства, говорил о том, что для понимания иной для исследователя культуры необходимо вчувствоваться (einfehlen) в эту иную культуру.

В некотором роде к вчувствованию можно отнести и метод, предлагаемый Джамбаттистой Вико (1668 – 1744), который предлагал в своей работе Nuova Scienza метод восстановления в воображении минувшего, как способ исследования истории.

К началу XX в. развитие эмпатической проблематики переходит к психологическим наукам. Так в 1897 г. немецкий психолог-философ Теодор Липпс сделал попытку перенести понятие вчувствования (Einfühlung) из эстетики в область психологии. Эмпатия, согласно Липпсу, это особого рода психический акт, в котором главная роль в восприятии предмета отводится воспринимающему субъекту, который проецирует свои чувства на воспринимаемый объект. Таким образом, предмет искусства обретает свою значимость только благодаря воспринимающему субъекту и не имеет своей уникальности в отрыве от него. Для Липпса вчувствование – это специфический вид познания сущности предмета или объекта. Вчувствование основано на желании обнаружить в объекте такие же свойства, как у самого воспринимающего субъекта. Вчувствование происходит путем подражания.

В начале XX в. Вильгельм Вундт отец экспериментальной психологии впервые использовал метод вчувствования (Einfühlung) для попытки проникновения в психологию межчеловеческих отношений. Правда метод Вундта, предполагающий интроспективное изучение своей психической деятельности и затем перенос собранного опыта наблюдения за собой на другого человека на сегодняшний день признается малоэффективным, так как не обладает достаточной воспроизводимостью результатов.

Одно из определений эмпатии относительно отношений психотерапевта и пациента было дано в работе 1905 года «Остроумие и его отношение к бессознательному» Зигмундом Фрейдом: «мы принимаем во внимание психическое состояние … лица, мысленно переносимся в такое же состояние, стараемся понять его, сравнивая с нашим состоянием» [1, с. 179]. Фрейд полагал, что соучастие в эмоциональном состоянии человека осуществляется с помощью двух механизмов – заражения и подражания. Он отмечал важность эмпатического взаимодействия, и писал, что проникновение в суть этого механизма даст возможность понять, как взаимодействуют люди друг с другом при тесном, личном общении. Обладать эмпатией, согласно Фрейду, означает воспринимать субъективный мир другого человека так, как если бы сам воспринимающий был этим другим человеком. Это значит ощущать боль или удовольствие другого так, как чувствует это он сам, но при этом крайне важно помнить об условии «как если бы», без которого эмпатия превращается в идентификацию.

В английском языке термин эмпатия можно назвать неологизмом, привнесенным Эдвардом Титченером в 1909 году калькированием слова немецкого Einfühlung. Э. Титченер обобщил развивавшиеся в философской традиции идеи о симпатии с теориями вчувствования (эмпатии). Т. Липпса.

Из более современных определений можно упомянуть следующие. Карл Роджерс (1959 г.) открывший клиент-ориентированную психотерапию: «Быть в состоянии эмпатии означает воспринимать внутренний мир другого точно, с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков. Как будто становишься этим другим, но без потери ощущения "как будто". Так, ощущаешь радость или боль другого, как он их ощущает, и воспринимаешь их причины, как он их воспринимает. Но обязательно должен оставаться оттенок "как будто": как будто это я радуюсь или огорчаюсь» [2]. Такая способность точно воспринимать внутренний мир других людей есть необходимый элемент в цикле «я»-коррекции и «я»-развития у Роджерса, который помогает людям преодолеть внутренние барьеры и облегчить их психологический рост.

Вслед за Роджерсом подобным образом определяли эмпатию Чарльз Эринг, Роберт Хоган, делая также при этом акцент на обстоятельстве «как будто». Если пренебречь данной оговоркой, мы имеем уже идентификацию с субъектом, которого подвергаем вчувствованию.

Саймон Барон-Коэн и Салли Уиллрайт (2004 г.) описывали эмпатию как своеоб-

разный клей, который держит общество, помогая людям понимать и поддерживать друг друга. Отсутствие эмпатии дегуманизирует человека, превращая мир в отдельные предметы, не имеющие с нами никакой связи.

Таким образом, в этом кратком докладе мы проследили как термин «эмпатия» постепенно переместился из субъект-объектной плоскости в область отношений между двумя или несколькими субъектами. В самом общем смысле под эмпатией подразумевают некую связь или даже в некотором роде становление тем, кому сопереживают, но без потери собственной идентификации.

Литература

1. Фрейд, З. Остроумие и его отношение к бессознательному / Пер. Я.М. Коган, М.В. Вульф. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2006.
2. Rogers, C.R. Empatic: an unappreciated way of being // The Counseling Psychologist [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bspu.unibel.by/ pages/ obschixxi/ source/ 0935.html. – Дата доступа: 10.04.2013.

РАЦИОНАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА

А. А. Шевченко

Политический, экономический и духовный кризис в той или иной степени затронул все социальные группы и слои нашего общества, в том числе и молодежь. Острота проблема состоит в том, что именно на молодежь как субъект социального действия возлагаются главные надежды на преодоление кризиса, который, в свою очередь, усугубляет стоящие перед ней проблемы, связанные с адаптацией и социализацией, выработкой самосознания и самоутверждением в обществе. Среди наиболее очевидных симптомов кризиса в молодежной среде обычно называют эгоизм, апатию, утрату ценностных ориентиров, преследование краткосрочных интересов в ущерб долгосрочным, ослабление чувства патриотизма, «рационализм» и прагматизм, а также различные формы и проявления асоциального поведения.

В таких условиях задачей гражданского образования становится прежде всего формирование члена общества, несущего ответственность за собственные решения и поступки, исполняющего как юридические, так и моральные обязанности гражданина демократического общества. Это личные, политические, экономические и юридические обязанности, такие как воспитание детей, уплата налогов, участие в выборах, соблюдение законов, защита Родины. При этом очевидно, что как выполнение этих и других обязанностей, так и реализация соответствующих прав, обычно имеют место в условиях конфликта интересов различных индивидов и общественных групп. Обязательной частью гражданского образования является, таким образом, формирование способности находить наиболее эффективные способы согласования конфликтующих интересов на основе уважения прав и достоинства других людей, объединять усилия для выполнения общих задач. Рассмотрим подробнее одну из главных задач гражданского образования – формирование установки на участие будущих граждан в коллективных действиях.

Один из главных уроков последних лет заключается в том, что эффективное функционирование демократических институтов и институтов гражданского общества возможно только благодаря активному участию граждан как в выработке совместных целей, так и в их реализации. При этом такое участие должно быть 1) информированным; 2) ответственным. Информированность означает знание «пространства выборов»,

имеющихся у индивида альтернатив, умение оценить последствия, связанные с выбором каждой из них (в том числе и альтернативы, связанной с неучастием), а также сделать обоснованный выбор в пользу одной из них. Ответственность означает как необходимость ответственного подхода к выбору, с учетом возможных краткосрочных и долгосрочных последствий, так и готовность отвечать за сделанный выбор. Такое информированное и ответственное участие граждан в экономической, политической и социальной сферах далее я буду называть «гражданским участием».

Зачастую аргументация в пользу гражданского участия проводится с двух позиций: либо с помощью аргументации «от страха», когда будущие граждане информируются о последствиях и наказаниях, связанных, например, с несоблюдением закона, либо с позиции долга, в форме апелляции к необходимости исполнения гражданского долга. При этом часто неявно принимается предпосылка о том, что будущие граждане являются своего рода «чистой доской», и их необходимо в первую очередь информировать и «учить» гражданскому участию.

Однако в современной философской литературе проблема участия часто трактуется в терминах рациональности. Предполагается, что люди являются рациональными существами, полностью осознающими последствия своего участия или неучастия в совместных инициативах, как издержки, связанные с таким участием, так и выгоды от него. При этом самые интересные и сложные ситуации возникают тогда, когда люди осознают все выгоды от сотрудничества, но, тем не менее, отказываются от участия. Как показал М. Олсон [1] в своей известной книге, возникает парадокс коллективной рациональности, когда логика индивидуального поведения расходится с логикой поведения этого же субъекта, но являющегося членом группы.

Хрестоматийным примером такого расхождения является отказ от участия в голосовании. Популярен этот пример, во-первых, потому, что участие в выборах является важнейшей обязанностью гражданина, а во-вторых, он позволяет легко реконструировать возможный ход рассуждения человека, отказывающегося принимать участие в голосовании. Главный аргумент заключается в том, что воспользоваться результатами голосования можно и не принимая в нем участия, вероятность же того, что именно твой голос окажется решающим, исключительно мала. Следовательно, даже самые малые затраты времени и сил, связанные с участием в голосовании, нерациональны. Эта проблема получила название «проблема безбилетника». «Безбилетники» – люди, отказывающиеся от участия в экономике (уклоняясь от уплаты налогов), политике (от участия в выборах), в социальных инициативах (от участия, например, в субботниках). Аргументация во всех этих случаях схожа – участие нерационально, так как плодами сотрудничества можно воспользоваться и не принимая в нем участия.

Конечно, существует ряд способов обеспечить кооперацию, которые и применяются на практике – деление большей группы на меньшие (где очевиден вклад каждого), введение правовых санкций за уклонение от сотрудничества там, где это возможно, и ряд других. Сюда же можно отнести и манипуляции с издержками и выгодами «внутри» самой модели экономической рациональности. Для того, чтобы повысить привлекательность сотрудничества, необходимо либо уменьшить издержки, либо увеличить выгоды от сотрудничества. В случае с голосованием примерами этих двух стратегий являются, соответственно, доставка урн на дом избирателю или организация выездных буфетов на участках для голосования. Так, концерты с участием популярных рок и поп-исполнителей можно считать попыткой увеличить «выгоды», а призывы «голосовать сердцем» – стремлением уменьшить издержки, связанные с изучением информации и необходимостью размышлений перед принятием решения. К практическим мерам, позволяющим обеспечить сотрудничество, относятся и разные формы принуждения со стороны части общества или государства. Существуют и смешанные спосо-

бы борьбы с уклонением от сотрудничества – в пионерских и комсомольских молодежных организациях эта проблема решалась, например, как путем принуждения, так и за счет использования межличностных связей участников группы путем дробления группы на более мелкие единицы – отряд, звено, и.т.д.

Теоретический аспект проблемы заключается в следующем: каковы те исходные посылки, которые приводят к столь парадоксальным выводам о нерациональности гражданского участия. Здесь необходимо указать на две основные посылки, на которых строится подобная аргументация: эгоизм и стратегия максимизации выгоды. Обе эти предпосылки взяты из экономической модели рациональности и обе они уязвимы для критики. Представляется, что одной из задач гражданского образования должен стать показ ограниченности эгоизма как предпосылки рациональности. Во-первых, эгоизм уязвим с этической точки зрения. Здесь можно показать, что люди в обычной жизни далеко не всегда предпочитают собственные интересы интересам других, а значит эгоизм как посылка рациональности вряд ли может считаться универсальной. Особенно важно показать и то, что эгоизм зачастую является не только уязвимой этической позицией, но и позицией нерациональной, контрпродуктивной. Ограниченность чисто инструментального подхода к человеческой рациональности и узко понимаемого личного интереса хорошо иллюстрирует математическая теория игр. «Игра» представляет собой модель взаимодействия человека с другими людьми, обществом или природой в целом. Главный вопрос теории игр, таким образом, заключается в поиске наиболее рациональной стратегии поведения в условиях ситуации неопределенности, частичного совпадения интересов и с учетом возможного противодействия других игроков. Такие «игры», конечно, носят искусственный характер, однако привлекают наше внимание к важнейшим вопросам социального поведения. Классической работой в этом отношении является работа Р.Д. Льюса и Х. Райфы [2].

Таким образом, на наш взгляд, одной из важнейших задач гражданского образования должно стать осознание всеми участниками этого процесса важности вышеуказанного парадокса коллективной рациональности, а также выработка теоретических и практических подходов для сокращения разрыва между индивидуальной и коллективной рациональностью, который опасно расширяется в условиях социальных кризисов.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13–23–02001).

Литература

1. Олсон, М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. – М., 1995.
2. Льюс, Р.Д., Райфа Х. Игры и решения.– М., 1961.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА

М. Т. Авсиевич, А. А. Чернявская

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий оказывает огромное влияние на общество, меняя условия жизни, влияя на духовный мир людей и перестраивая основы нравственности. Проблема ценностей в контексте глобализации – одна из центральных проблем современной цивилизации. В информационном обществе отмечается противоречивость положения человека: с одной стороны, он получает больше возможностей для самовыражения, а с другой – оказывается в зависимости от информационных ресурсов. В условиях глобализации проблема духовности становится наиболее актуальной ввиду обострения социально-политического и социально-экономического положения в мире. Человек живет в мощном информационном поле, затрагивающем все стороны его жизни. Человек

обрел в нем могучее, но крайне опасное оружие. Если эта грандиозная информационная система окажется однажды в руках небольшой группы людей, преследующих собственные корыстные интересы, произойдет глобальное зомбирование планетарного человечества, своеобразный интеллектуальный геноцид [2]. Забвение нравственных идеалов и потеря духовных ориентиров приводит к глобальным изменениям в психологии человека и общества. Разрушается связь между поколениями. Между ними господствует полное непонимание друг друга, заключающееся в приверженности различных поколений диаметрально противоположным ценностным нормам. И в основе спасения человечества должно «лежать взаимное доброжелательство людей и принципы, аналогичные тем, которые были произнесены 2000 лет назад в Нагорной Проповеди» [2].

В этих условиях важнейшую роль в формировании ноосферной идеологии должны сыграть религия и образование. Главным этическим принципом в основных мировых религиях является: «Не причиняй вреда другим так же как ты не хочешь, чтобы навредили тебе» (буддизм), «Суть всех добродетелей в том, чтобы обращаться с другими так же, как бы ты хотел бы, чтобы обращались с тобой» (индуизм), «Никто не может считаться верующим, пока он не желает для своего брата того же, что желает для себя» (ислам), «Не делай ближнему своему того, что плохо для тебя» (иудаизм), «Поступайте с человеком так же, как вы хотите, чтобы он поступал с вами» (христианство). Мы видим, что сердцевина основных мировых религий одна и та же [2].

Отношения человека, общества и природы должны основываться на созидающих и утверждающих жизнь принципах. Особую ценность в осмыслении того, что человек, природа, космос представляют собой единое целое, живой одухотворенный организм, представляют собой концепции духовного всеединства, ноосферного мышления и космической этики, которые являются объективной идейной основой единения человечества и преодоления глобальных вызовов современной цивилизации.

Для того чтобы человечество осознало необходимость созидания общей духовно-нравственной основы, забота о духовных потребностях должна быть общественной целью. Только тогда возможна переоценка ценностей, переход к цивилизации духовного роста и равновесия с природой. Становлением открытого информационного общества, которому присущ так называемый сетевой способ взаимодействия между людьми, практически, во всех направлениях их деятельности, создает новые условия жизни. В новой ситуации у человека появляется много новых возможностей для полного раскрытия своей индивидуальности, но и есть опасность, что человек может нивелироваться, так как сеть задает ему правила мышления и поведения. Человек в информационном обществе глобализирующегося мира становится одним из средств киберпространства, воздействующих на его подсознание, внутреннее пространство личности, что дает широкие возможности для целенаправленного манипулирования. Непременным условием «культуры жизни» становится духовный труд, который можно обозначить как нравственное совершенствование, духовный прогресс. При этом духовность отдельного индивида может стать действенным ресурсом дальнейшего развития человеческого рода. Человечество должно расширить глобальный диалог, так как нам надо многому научиться друг у друга в поисках истины и мудрости. Мы должны найти гармонию между разнообразием и единством, индивидуальной свободой и общественным благом, краткосрочными планами и долговременными целями.

«Глобальный мир, – пишет И.А. Василенко, – необходимо созидать в диалоге цивилизаций как общее пространство многогранной духовности – всегда открытое и вечно совершенствующееся в процессе понимания другого» [1].

Ключевой вопрос современности заключается в том, успеет ли человек изменить себя таким образом, чтобы решение проблем глобализации стало практически возможным еще до наступления катастрофических последствий. Все зависит от того, какими личными каче-

ствами будет обладать человек в самом ближайшем будущем. В связи с этим уместно напомнить слова Аурелио Печчеи, написанные им еще в 1977 году. В своей монографии «Человеческие качества» он писал: «Человеку сейчас, по сути дела, не остается ничего другого, как возможно быстрее приблизиться к следующей фазе своего развития – той, где он, сочетая свое могущество с достойной мудростью, научится поддерживать в гармонии и равновесии все дела человеческие. Но произойти это может за счет невиданной еще цепи событий, которую я называю "человеческой революцией"». Эти слова, написанные более 30 лет тому назад, остаются исключительно актуальными и сегодня, когда мир вплотную приблизился к той роковой черте, за которой у человечества уже нет будущего.

Литература

1. Василенко, И.В. Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. фак. – М., 1999.
2. Моисеев, Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. – М., 2000.
3. Печчеи, А. Человеческие качества. – М., 1985.

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МЕДИАКОНВЕРГЕНТНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Т. М. Смоликова

Развитие личности в условиях медиакультуры обусловлена с неоднозначной трактовкой происходящих трансформаций в современном белорусском обществе, с развитием исторически иной ситуацией, которая определяется принципиально новым уровнем коммуникативных связей и высокой плотностью информационного поля.

С появлением новых технологий, медийных и цифровых конвергенций в XX веке, благодаря объединению дискретных разновидностей СМИ, медиаиндустрии и медиаконтента, послужившему катализатором появления новых видов труда, отдыха, развлечений, новых форм связи, получения знаний и образования, стремительно распространяются глобальные компьютерные системы, формируются новые паттерны культуры. *Конвергенция* (от лат. converge – приближаюсь, схожусь) [1] – термин, принятый в естественных и общественно-политических науках для обозначения процессов схождения, взаимоуподобления. Важную роль в решении проблемы «технического усовершенствования личности» играют так называемые конвергентные технологии, к которым относятся нанотехнология, биотехнология и генная инженерия, информационные и коммуникационные технологии и когнитивные науки.

Специфика современной медиакультуры заключается в смещении ценностных ориентиров, при котором деятельность человека, задачи, цели и смыслы жизни зачастую определяются погоней за мнимыми ценностями, навязываемыми сознанию людей через средства массовой информации, интернет, сетевые сообщества. Манипулирование ведет к тому, что объективность восприятия реалий повседневности теряется, что наиболее отчетливо проявляются во время различных кризисов – экономических, политических, нравственных. Доминирующая роль в развитии IT-технологий, сетевых коммуникаций, подкрепляется субъективным желанием человека стать участником коммуникативного процесса, одновременно ее потребителем и производителем. Мультимедийная компьютерная техника и медиатехнологии цифровых коммуникаций перестают быть жестко разделенными, они сливаются, интегрируются, объединяют технические функции и характеристики в медиапродукте (медиасредстве), который (-ое) активно внедряется в ме-

диапространство, являясь инструментом, связывающим историю и культуру коммуникаций. Новейшие современные конвергентные медиасредства трансформируют синкретичное медиапространство, посредством образа, текста и звука.

В современной медиакультуре активно используются конвергентные технологии для интеграции информационных и коммуникационных технологических платформ (компьютеров, телевизоров, телефонов), а также для передачи ими содержательных (информационных) продуктов. Медиакультура является своеобразным конструктором современной жизнедеятельности человека, его инструментом воспроизводства социальности, возобновляемым ресурсом социально-экономического развития. Однако смысл, вкладываемый в понятия «конвергенции медиатехнологий», шире и намного глубже: здесь подразумеваются процессы конвергентного взаимопроникновения, взаимовлияния, которые создают предпосылки получения инновационных коммуникативно-технологических результатов. Причем результаты влияния инновационных конвергенций оценить пока довольно сложно. С одной стороны, этот процесс направлен на многообещающий рост человеческих возможностей, техническое улучшение человека, с другой – здесь возможно появление подводных камней, делающих такого рода конвергенцию опасной для человечества.

В современных условиях взаимодействия медиакультуры и личности появились новые средства коммуникации, такие как сетевая книга, веб-кино, фан-арт, интеллект-карты (мозговое картографирование), учебный портал, многопользовательские онлайновые игры, основными характеристиками которых является иммерсия (погружение в виртуальный мир), трансмедиа – сложное единство множества медийных форматов, образующих единую тематическую «вселенную», способную трансформировать формы общения и мышления. Все перечисленные функции медиакультуры осложнены фрагментацией, возможностью манипулирования, вариантностью медиаформ, новым опытом индивидуального и социального восприятия времени и пространства. Наряду с этим, важная роль медиасреды в современном обществе определяется возможностью быстрого реагирования за счет создания технически усовершенствованных средств коммуникации на происходящие актуальные события и процессы в обществе.

По данным исследования, проведенного в 2012/ 2013 гг., «Роль медиасредств в современной жизнедеятельности студентов», 75,6% респондентов не может обойтись без компьютера, 88,5% – без сотового телефона, их отсутствие вызывает неудобства и психологический дискомфорт. Ответы респондентов в необходимости использования других медиасредств были распределены следующим образом (см. таб. №1).

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Без каких медиасредств Вы не можете обойтись, их отсутствие вызывает для Вас неудобства и психологический дискомфорт?»

Медиасредства	Очная форма	Заочная форма	Заочная дистанционная	Всего
компьютера	81,5%	70,9%	74,3%	75,6%
сотового телефона	87,4%	89,7%	87,8%	88,5%
телевизора	23,2%	17,0%	29,7%	21,8%
радио	5,3%	7,3%	4,1%	5,9%
планшета	3,3%	6,1%	1,4%	4,1%
электронной книги	6,0%	4,8%	6,8%	5,6%
игровой приставки	2,6%	2,4%	4,1%	2,8%
нет ответа	2,0%	1,8%	2,7%	2,1%

Необходимо констатировать свершившийся факт психологической зависимости от мобильного телефона. Если по каким-либо причинам человек забывает или теряет свой телефон или заканчивается заряд батареи, возникает чувство тревоги, «неуютности», нехватки, будто его лишили чего-то важного. Мобильная связь, как и многие другие современные технологии, делают нашу жизнь более удобной, избавив от повседневных рутинных трудностей, но вместе с этим комфортом личность утрачивает часть своих способностей, отдавая их электронным услугам. Мобильная связь модифицирует саму модель человеческого общения, приводя ее к примитивному оскудению. Например, новые способы общения неизбежно порождают новые формы текстов. Так, среди молодежи (и не только) стало модным писать SMS на *эрц* (эрзац) [2] – языке, где с помощью шаблонов можно быстро выразить свою «как бы» мысль (или ее условность), не сосредотачивая свое внимание на правилах орфографии. Человек превращается в абонента. Вопреки такой медиазависимости живое общение пока остается приоритетным выбором респондентов в нашем исследовании – 86,7%. Виртуальный стиль общения предпочитает 6,9% респондентов; общение по телефону – 6,4%. Сложно представить сегодня современного студента, не использующего современные медиасредства в своей жизнедеятельности, благодаря которым механизмы адаптации, развития и самореализации происходят намного быстрее и проще. Медиастредства являются инновационными инструментами в освоении студентом окружающего мира в его социальных, интеллектуальных, нравственных, художественных, психологических аспектах. Использование медиасредств актуализирует аксиологические подходы к процессу образования, упрощает коммуникативные возможности, оптимизирует подготовку и участие студента в образовательном процессе, расширяет вариантность процессов взаимодействия.

Таким образом, медийные и цифровые конвергенции радикально трансформируют личностный потенциал, механизмы связи информационного пространства, где находится человек и социокультурную среду в которой он развивается. Произошла качественная ломка, и трансформация деятельностной, поведенческой и других сторон личности, а также глобальная перестройка материальной и, что немало важно, духовной культуры личности, ее духовных ценностей. Степень успешного противостояния манипулятивным технологиям будет определять уровень образованности, культуры и компетентности человека, развитие критического мышления, его социальное поведение и взаимодействие с миром.

Литература

1. Вартанова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://evartist.narod.ru/ text11/ 42.htm. – Дата доступа: 22.03.2013.
2. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: [в 10 т.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/~книги / Словарь%20изобразительного%20искусства/~Э/13. – Дата доступа: 28.02.2013.

КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК СЛЕДСТВИЕ КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ С ПОМОЩЬЮ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В. П. Старжинский

Клиповое мышление («clip» англ., фрагмент текста, отрывок из фильма или вырезка из газеты) – мышление современных школьников, основанное на принципах по-

строения музыкальных клипов, которые не несут в себе никакой смысловой нагрузки и составлены из нескольких слабо связанных между собой образов. Обладатель клипового мышления воспринимает мир не целостно, а как череду почти не связанных между собой событий. Клиповое ммышление появляется в результате адаптации человека к насыщенной информационной среде. Возрастание скорости и насыщенности информационных потоков приводит к необходимости находить все больше факторов, влияющих на каждое интересующее человека событие. Так, управление предприятием требует как технической, так и ресурсно-финансовой информации. Учитель должен разбираться не только в своем предмете, но и в методике преподавания, а также психологии усвоения учебного материала. Данные факторы в процессе репрезентации объединяются по проектному принципу и могут быть представлены в клиповой форме. Кроме того, насыщенная информационная среда, приводит к увеличению количества дел или проектов, которыми один человек вынужден заниматься одновременно.

Появление феномена клипового мышления выражает рост демократии и диалогичности на разных уровнях социальной организации, когда происходит переход от монолога к диалогу, поскольку классический текст отражает монолог автора и представлен линейной формой организации. Реплики собеседника в процессе диалога разбивают текст на фрагменты – клипы. Клиповое мышление – это не столько стиль мышления, сколько универсальный образ жизни человека в информационном обществе.

Клиповое мышление приводит к значительным негативным последствиям в формировании мышления и личностного развития учащихся. Мышление ученика в насыщенной информационной среде развивается в основном за счет непроизвольного внимания и чувственных образов в ущерб произвольно-сознательному абстрактно-логическому конструированию понятий и идеализаций и оперированию ими. При этом замедляется и искажается когнитивно-личностное развитие: у учащегося снижается способность к выработке общелогической культуры мышления, возможность, а впоследствии и желание сосредотачиваться на какой-либо проблеме, изложенной в текстовой форме. Появляются психологические патологии: рассеянность, гиперактивность, дефицит произвольного внимания, а также нарушение рефлексивно-оценочной деятельности (умение видеть себя со стороны и корректировать свое поведение) и целеполагания (способность ставить и обосновывать долгосрочные цели).

Клиповое мышление порождает культурный и этический релятивизм: современный ученик не видит разницы между системой абсолютных, непреходящих, фундаментальных, общечеловеческих ценностей и псевдоценностей массовой культуры, он не может адекватно оценивать место в обществе, которое занимает, а также нормы и правила, которые регламентируют общественную жизнь. Этические нормы теряют статус своей всеобщности, поскольку усваиваются не из реальной жизни и классической художественной литературы, а из СМИ и интернета (массовой культуры), что деформирует процесс культурно-ценностного становления человека. Клиповое мышление ведет также к ослаблению чувства сопереживания и ответственности и позволяет манипулировать сознанием человека (навязывать систему ценностей и предпочтений в виде низкопробных и примитивных произведений массовой культуры), что весьма удобно для коммерции.

Клиповое мышление основывается на эмоционально – образном восприятии информации и игнорировании логического мышления. Клиповой переработке подвергается вся информация, даже текстовая, которая разбивается на блоки-рубрики небольшого смыслового объема, главная задача которых – создать не логическое, а эмоциональное отношение к происходящему. Клиповое конструирование информации ставит цель достигнуть эффекта «после этого – значит вследствие этого», что представляет собой типичную ошибку примитивного непросвещенного сознания. Сам формат СМИ заставляет

мышление человека совершать фундаментальную логическую ошибку – считать события связанными, если они имеют временную близость, а не фактологическую. В результате роль читателя сводится к простому потреблению информации и отключению логического анализа причинно-следственных связей.

Клиповое мышление играет деструктивную роль в современном образовании: резко снизился коэффициент усвоения знаний, ученики зачастую не понимают смысл прочитанного. Современные подростки не могут освоить классическую литературу, математику, историю, поскольку СМИ, электронные коммуникации, формируют тип восприятия, отличный от текстового. В современной жизни качественное образование является залогом успешной карьеры, поэтому носители клипового мышления могут быть вытеснены на положение аутсайдеров. В некоторых странах, с целью преодоления клипового мышления разрабатываются специальные тренинги, где учат сосредотачивать внимание на одной проблеме, вырабатывают навыки рефлексии, целеполагания и произвольного внимания в течение длительного времени. Но наиболее действенные методы связаны с уменьшением работы с электронными носителями информации и увеличением роли классического образования, основанного на работе с бумажными текстами: обсуждение, конспектирование способствует выработке умения анализировать, устанавливать связи между явлениями, и в конечном итоге приводит к разрушению клиповой картины мира и соответствующего мышления.

Литература

1. Азаренок, Н.В. Клиповое сознание и его влияние на психологию человека в современном мире // Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна «Психология человека в современном мире». Том 5. Личность и группа в условиях социальных изменений. – М., 2009.
2. Гиренок, Ф.И. Метафизика пата (косноязычие усталого человека). – М., 1995.

БЕЗДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Д. Ю. Снитько

В контексте современных общественных и культурных трансформаций, вместе с вопросом о стратегиях человеческого развития и саморазвития актуализируется проблема человеческой пассивности и бездеятельности, проявляющихся как в уклонении от саморазвития, так и в определенных формах поведения (потребительство, наркомания, игромания, индифферентность, апатия и т.д.).

Следует отметить, что указанные явления хотя и являлись предметом исследования ранее, однако сам феномен бездеятельности не был рассмотрен комплексно. Поэтому, необходимо обращение к более глубокому исследованию данного феномена, особенно его экзистенциальных аспектов.

В современной философии теме человеческой бездеятельности и ее связи с культурными и общественными трансформациями посвящено большое количество исследований. Еще Г. Маркузе, анализируя индустриальное общество, указывал на подчинение человека социальному механизму, который диктует потребности и даже способ бытия человека – его стремление действовать или бездействовать становиться потребностью в зависимости от того, что является целесообразным для главенствующих социальных институтов. В связи с этим, мыслитель делил потребности индивида на «*истинные*» и «*не-*

истинные» (навязанные социумом). Навязанные потребности не способствуют развитию личности и ее самосознания, а направлены на формирование послушания, пассивности, стимулируя примитивные стремления расслабляться, развлекаться и потреблять [3, с. 268, 271].

С развитием автоматизации и возрастанием свободного времени именно бездеятельность, лень и потребление превратились в серьезную социальную и философскую проблему. Убеждение К. Маркса в том, что освобождение человека от принудительного труда автоматически переориентирует его на свободную творческую деятельность, оказалось неоправданным. Для Ханны Арендт очевидно, что освобождение человека от труда может вести не только к свободному *творчеству*, но, чаще всего, к *бездеятельности* [1, с. 99]. В современном обществе проблему массовой бездеятельности стремятся решить, снова тики, через принуждение к труду с целью сохранения цепи производства-потребления.

А. Турен прямо ставил вопрос о причинах указанной выше бездеятельности человека, покорного подчинения социальным стереотипам и уклонения от творческого саморазвития [4, с. 46–48]. Возможно, экзистенциальная бездеятельность современного человека связана с крушением традиционных культурных смыслов и ориентиров, необходимых в качестве ответа на экзистенциальные запросы. В контексте резкого возрастания количества вариантов выбора, человек часто оказывается перед невозможностью сделать выбор. Современный плюрализм выборов имеет недостаток еще и в том смысле, что часто предлагает человеку псевдо-выбор, не касающийся самого существования человека (например, выбор торговой марки).

В данном случае уместно говорить о *самоотчуждении* человека, которое противопоставляется именно заботе о себе, о собственном бытии. По мнению П. Козловски, причиной самоотчуждения является излишняя обеспеченность горожан и отсутствие страха и неуверенности, которые могли бы активизировать человека [2, с. 77, 82] (Напомним, что на важную экзистенциальную роль страха указывали такие мыслители как С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, О. фон Больнов). Ведь чем более государство заботится о своих гражданах, повышая уровень их социальной обеспеченности, тем более безответственными, инфантильными и пассивными по отношению к своему собственному существованию становятся граждане.

Деятельность по отношению к своему собственному бытию предстает тем концептом истинной деятельности человека, который противостоит пассивному подчинению власти и культурным стереотипам, безразличию к собственному существованию. *Забота о себе* противостоит бездеятельности человека как эгоизму и потребительству, поскольку в контексте концепта заботы о себе человек выступает не столько субъектом деятельности, сколько объектом для самодеятельности [5, с. 92–94].

Очевидно, что формирование субъекта может происходить либо репрессивно, через технологии власти (в таком случае в результате возникает пассивный индивид), либо через свободу, которая открывает человеку возможности для самотворчества и самореализации на основе этики убеждения. Проблема в том, как согласовать возрастающую свободу современного человека с его деятельностью так, чтобы свобода реализовалась в творчестве и ответственности, а не в пассивности и хаосе.

Литература

1. Арендт, Г. Становище людини / Пер. з англ. М. Зубрицька. – Львів: «Літопис», 1999.
2. Козловски, П. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития / Пер. с. нем. – М.: Республика, 1997.

3. Маркузе, Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек / Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
4. Турен, А. Повернення дієвця / Пер. з фр. – К.: «Альтерпрес», 2003.
5. Хоружий, С. Практики себя и духовные практики: две парадигмы неклассической антропологии / С. Хоружий // Фонарь Диогена. Проект синергийной антропологии в современном гуманитарном контексте / Отв. ред. С.С. Хоружий. – М.: Прогресс-Традиция, 2010.

ПРОБЛЕМА АНТИПОТРЕБНОСТЕЙ И АНТИЦЕННОСТЕЙ КАК ПРИЧИННЫЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Ю. В. Пайгунова

Проблема разрешения социальных конфликтов в контексте теории человеческих потребностей, базируется на положении, согласно которому, конфликтующие субъекты не осознают, что причина конфликта состоит во фрустрации (ущемлении) какой-либо из основных человеческих потребностей, реализация которой составляет глубинный интерес каждой стороны.. Потенциальная возможность разрешения конфликта, в таком случае, заключается в выделении фрустрированных потребностей субъектов и связанных с ними ценностей, и предполагает совместные действия сторон по их удовлетворению. Сложность изучения функций потребностей в системе социального конфликта, с точки зрения исследователей, связана с неоднозначным пониманием их природы, отсутствием универсальной структуры, вариативностью потребностей в историческом и культурном контексте.

Но наиболее спорным и вместе с тем концептуальным является вопрос о детерминантах социального конфликта. Что выступает причиной конфликта: природа человеческих потребностей сама по себе, или же их фрустрация? Предлагаемая нами концепция, основываясь на первой точке зрения, определяющей потребности как детерминанты социального конфликта, вместе с тем, предлагает взглянуть, в целом, по новому, на природу самих потребностей человека, предлагая нетрадиционный подход к выделению их системы и положению в мотивации действий социальных субъектов.

По нашему мнению, традиционно выделяемые человеческие потребности субъекта, не представляют ту единственную силу, которая мотивирует поведение и деятельность индивида и социума. Наряду с потребностями, психикой человека управляют антипотребности, которые также требуют настойчивой реализации в социальной жизни индивида и групп. Антипотребности представляют собой оппозиционные направления в человеческой психике, являясь своеобразными зеркальными отражениями основных социальных потребностей человека. В этом отношении, антипотребности имеют тот же статус, что и основные социальные потребности человека.

Основы теории человеческих антипотребностей заложены психодинамическим учением, хотя представленная в нем концепция мотивации человеческого поведения с позиции полярных динамических сил, не приобрела законченного характера. Для понимания психоаналитической концепции потребностей весьма важна представленная Фрейдом модель человеческой личности, в которой Я, Оно и Сверх-Я борются за сферы влияния.

В работе «Я и Оно» Зигмунд Фрейд впервые выделили полярные для социального норматива психические силы личности, рождающиеся в недрах ее бессознательного и побуждающие человека к действию – «принцип удовольствия» (влечение к Эросу), и стремление к смерти (влечение к Танатосу). Обосновывая природу существующих по-

лярных влечений человека, Фрейд полностью относил их на счет бессознательного начала в психике человека, хотя, по нашему мнению, антипотребности, в той же мере являются и продуктом сознания личности. Для дальнейшего анализа антипотребностей стоит сделать важные допущения: комплекс антипотребностей имеет вид иерархической системы, зеркально отражающей систему основных потребностей человека.

Большинство исследователей склонны упорядочивать структуру человеческих потребностей, выделяя фундаментальные и периферийные составляющие. Наиболее известной из классификаций является, так называемая, «пирамида А. Маслоу», представляющая собой, иерархически соподчиненные пять уровней группировки потребностей: потребности в самореализации (самоактуализации, самовыражении), потребности в уважении, потребности в принадлежности и любви (социальные потребности), потребности в безопасности (экзистенциальные), физиологические потребности (витальные). Аналогично представленной А. Маслоу, иерархической структуре основных потребностей человека, можно выделить пирамиду основных социальных антипотребностей человека, сгруппированных по схожести мотивационной направленности. Витальным потребностям, выражающимся в стремление к пище, воде, сну теплу, крову, сексу, здоровью, чистоте и т.п., т.е. ко всему тому, что необходимо для поддержания жизни, в качестве антипотребности противостоит потребность в уничтожении собственного физического «Я», стремление к смерти, энтропии. На фоне экзистенциальных потребностей, проявляющихся и реализующихся через защиту порядка, освобождение от страха, беспокойства и хаоса, обеспечение комфорта, постоянных условий жизнедеятельности, поддержку стабильности, закона – действиями человека руководит потребность в риске, неопределенности, поиск острых ощущений, потенциальной опасности. Наряду с потребностью в любви и принадлежности, человек культивирует в себе столь же естественную для него потребность в ненависти, враждебности по отношению к другому. Группе потребностей, связанных с чувством самоуважения и самооценкой человека, с его признанием со стороны окружающих, противоречит потребность в совершении асоциальных поступков, желание выйти за пределы социальных рамок (норм), стремление к нравственной культурной аномии, зачастую имеющая своим последствием общественный остракизм.

И последний уровень, высший уровень потребностей, связанный с реализацией человеком своих способностей и талантов, в качестве оппозиции предполагает стремление личности реализовать свое Альтер – эго, иное « Я».

Равноценность статуса потребностей и антипотребностей выражена в формировании системы антиценностей, противостоящей системе традиционно выделяемых культурных ценностей человечества. По нашему мнению, антипотребности также как и потребности, являются этик – аспектами культуры, то есть универсальными элементами культуры, хотя и варьирующимися в рамках различных временно – исторических периодов и местных культурных условий и представлена как на групповом (общественном), так и на индивидуальном уровне. Рассмотрим с точки зрения, представленных теоретических позиций, пирамиду антипотребностей, и порождаемых ими антиценностей: Проблема реализации антипотребностей, имеет самое непосредственное значение не только для теории, но и для практики разрешения конфликтов разного уровня, начиная от внутриличностных, до крупных социальных. Так, первый уровень антипотребностей, влечение к смерти физического «Я», связан с деструктивным именно для физического существования индивида и групп мотивами поведения. Социально сублимированными видами реализации антивитальной потребности здесь выступают различные формы аскезы (в частности, религиозной), выражающиеся в соблюдении постов, целибате и т.д. Реализованная в индивидуальном плане, антивитальная потребность, в крайнем своем варианте,

выступает основой для формирования депрессивных психических расстройств, сопровождающиеся нарушением витальных функций, организма вплоть до полного физического самоуничтожения – анорексий, деприваций сна и т.д. Второму уровню антипотребностей соответствуют патологические зависимости – мании (в частности, игровая, наркотическая, страсть к бродяжничеству, рисковой, экстремальной деятельности и т.д.). Рассматривая проявления этого уровня антипотребностей в социальном дискурсе, стоит отметить культурную универсальность форм поведения, построенных на тяге к рисковой деятельности, своего рода инициации личности, либо группы через опасности, преодолении трудностей. Третий слой пирамиды антипотребностей на социальном уровне «отвечает» за формирование комплекса «аутгрупповой враждебности», всегда сопутствующего комплексу «ингруппового фаворитизма». А на индивидуальном уровне воплощается в неврозы, выражающиеся в том, что личность со страстью ищет возможность для реализации врожденного инстинкта ненависти, зачастую оборачивая ее против себя самой. Четвертый уровень, в социальном отношении предполагает бунт против сложившихся в общественной системе норм и моральных устоев, возникающую время от времени социальную реформацию, отход от правил игры, стремление к аномии, отказ от социальных соблюдения правил. На индивидуальном же уровне, крайняя форма реализации этой потребности, вызывает развитие патологий характера (психопатий), возникающих в условиях нарушения процесса социализации.

Для последнего уровня, замыкающего иерархическую структуру пирамиды антипотребностей (также и как для соотвествующего уровня потребностей) достаточно трудно подобрать пример из общечеловеческой социальной практики, так как именно он представляет собой экзистенциально личностный уровень мотивации, определяет значимость (незначимость) духовного существования личности с позиции самооценки и самоотношения. По оценке А. Маслоу, лишь около 5% от общего населения выходят на уровень потребности в самоактуализации. То же можно сказать и о наивысшем уровне актуализации антипотребностей. В крайнем варианте развития последнему уровню антипотребностей соответствует шизофреническое расстройство личности, отрицание личностного «Я», реализация другого личностного «Я».

ДЕТЕРМИНАНТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РАМКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

И. А. Фурса

Исходя из логики информационной доминанты в современном мире, любая социальная реальность может быть представлена количеством и качеством содержащейся в ней информации. Аналогично развитие личности может быть оценено пропорционально усвоенной ею информации. Рассматривая развитие личности с позиции ее положения в информационных потоках, логично предположить всестороннюю трансформацию личности, которая неизбежно должна происходить с учетом изменения характера и свойств информационного обмена в современном обществе. Преобразование условий существования личности всесторонне, и влияет в том числе на логику и характер построения индивидуальной траектории профессионального развития. Поэтому актуально изучение факторов, обусловливающих профессиональное становление личности, которое может быть рассмотрено в терминах профессиональной культуры личности.

Представление об общей структуре движущих сил и факторов становления про-

фессиональной культуры личности позволило сформировать *модель социокультурной детерминации становления профессиональной культуры личности*. Детерминационный процесс развития человека в самых общих чертах, согласно исследованию Ю.В. Сычева, образует следующую последовательность: условия жизнедеятельности человека → причинная обусловленность деятельности (фактор) → действие как конечный результат социальной детерминации [3, с. 27]. Условия жизнедеятельности человека образуют совокупность внешних и внутренних факторов, из которых только первых составляют пласт социокультурных воздействий, которые в то же время не могут быть полноценно изучены вне контекста их связи с внутренними факторами. Поскольку становление профессиональной культуры личности в самом общем смысле есть результат интеграции личности в информационное общество через образовательную и профессиональную среду, итог поиска идентичности в профессиональном и личностном измерениях, то внешние детерминанты характеризуются противоречиями между глобальными ценностями информационного общества и ситуативными ценностями белорусского общества, которые внутренне переживает личность в процессе приобщения к образовательной и профессиональной деятельности. Внешние и внутренние детерминанты взаимодействуя друг с другом образуют систему социокультурной детерминации становления профессиональной культуры личности.

1. Элементами *системы* социокультурной детерминации становления профессиональной культуры личности являются: «информационное общество» и «личность»; «образовательная среда» и «профессиональная среда», содержащие условия и координирующие информационные потоки между обществом и человеком; структура «профессиональной культуры личности», являющаяся смысловым пространством, инструментом теоретических построений как итога осмысления характера информационно-обменных процессов между всеми выше указанными элементами; подсистемы «внешних детерминантов» и «внутренних детерминантов», описывающие разнонаправленные типы причинно-обусловленных взаимосвязей между элементами системы.

2. Мысленная модель становления профессиональной культуры личности начинается с конструирования «идеального типа», адекватного условиям современной социокультурной среды. Этот идеальный образ может быть переведен в систему конкретных требований, характеристик личности. Поскольку традиционно задача транслирования социального заказа в плоскость практики закреплена за образованием, то заданные параметры, осмысленные в понятиях профессиональной культуры, в конкретной личности формируются через образовательную деятельность. В дальнейшем носитель сформированной по заданным параметрам профессиональной культуры активно включается в профессиональную деятельность и при наличии развитой активно-преобразующей позиции, способствует новой трансформации социокультурной среды. Таким образом получается *цикличная модель*.

2. Нелинейный характер современных социальных процессов объясняет неопределенность в воссоздании нормативного развития личности, невозможность установить жесткие причинно-следственные связи между доминантами информационного общества и профессионально-личностной направленностью. Поэтому сложно настаивать на однозначном содержании системы детерминации профессиональной культуры личности, формирующейся в условиях современного общества. Возможно задать только *контурные рамки*.

3. На становление профессиональной культуры личности влияют внешние и внутренние условия. Внутренние факторы определяют тенденции современной социодинамики, наиболее содержательно описываемые через концепцию информационного общества. Однако, по мнению В.Д. Попова, для соблюдения закона информационного равно-

весия важно обеспечить гармонию наднациональных позиций и традиционных культурных оснований, которые формируют культурное ядро [1, 51–55]. Так, А.И. Ракитов актуализирует значимость культурных инноваций, признавая в то же время первичность технико-технологических изменений: «в современных условиях с сильно изменившимися скоростями социального метаболизма [культурные] трансформации возможны лишь на основе использования новейших информационных технологий, которые становятся мощным фактором культурной модернизации общества» [2]. В таком случае внешние факторы становления профессиональной культуры личности сочетают особенности информационного этапа общественного развития и традиции национальной культуры. *Внешние детерминирующие факторы* становления профессиональной культуры личности включают, во-первых, доминантные характеристики информационного общества (процессы информатизации, глобализации, виртуализации), так как доминанты информационного общества изменяют общественное сознание, а значит оказывают определяющее влияние и на индивидуальное сознание. Совокупное действие базовых доминантных процессов информационного общества приводит к образованию многомерной личности (виртуализация), свободно действующей в вихре многообразия навязываемых медиакультурой образов (глобализация), что деактуализирует классический вариант понимания идентичности (в том числе профессиональной) с его базовыми характеристиками цельности, стабильности, незыблемости основополагающих универсалий и приводит к единственно возможному неклассическому варианту конструирования идентичности, отличительными чертами которого становятся фрагментарность, неустойчивость, хаотичность. Во-вторых, к внешним факторам следует отнести дихотомии сложившихся в конкретном обществе ценностей, идей, традиций и инноваций, тенденций образовательной и профессиональных сред, которые являются необходимыми условиями профессионального развития личности. Эти группы факторов обусловливают становление профессиональной культуры личности, но формируя атрибутивные характеристики новой социокультурной реальности, надличностны по своей природе. Такие формальные признаки и позволяют определить описанные группы внешних факторов как социокультурные детерминанты становления профессиональной культуры личности. *Внутренние факторы*, детерминирующие становление профессиональной культуры личности, включают все формы активности самой личности.

4. Группы факторов, определяющих становление профессиональной культуры личности, по масштабу преобразующего воздействия (мировое сообщество, конкретное общество в пределах определенных государственных границ – белорусское общество, отдельная личность) четко делятся на уровни детерминации. Такая *многофакторная схема социокультурной детерминации становления профессиональной культуры личности* предполагает наличие метауровня для описания механизмов общей социокультурной обусловленности(процессы глобализации, виртуализации, информатизации – эти явления выступают не просто источником социальных трансформаций, но являются частью человеческого бытия, онтологическими основаниями современного общества); мезоуровня анализа специфических факторов (противоречия между возможностями и поведениями человека и требованиями профессиональной среды); микроуровня, объединяющего группы отдельных факторов, неповторимое сочетание силы и слабости воздействия которых в конечном счете и обеспечивает своеобразие индивидуальной траектории развития профессиональной культуры каждой отдельно взятой личности.

Таким образом, социокультурные условия информационного общества обусловливают становление профессиональной культуры личности, образуя многоуровневую структуру определяющих ее развитие факторов и движущих сил.

Литература

1. Попов, В.Д. Парадигмы исследования информационных процессов. – М., 2010.
2. Ракитов, А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. – 1994. – № 4.
3. Сычев, Ю.В. Бытие человека: проблемы детерминации и самодетерминации. – М., 1992.

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ: ПОНЯТИЕ И ТИПОЛОГИЯ

З. С. Балика, А. Д. Балика

Тема социальных девиаций относится и к вечно актуальным, и к тем, которые актуализировались в последнее время. В современном мире, характеризующемся призывами к «свободе без ограничений», к «абсолютному самовыражению», происходит расширение сферы отклоняющегося поведения, т.е. появление новых видов социальных девиаций в связи с развитием новых научных технологий, активно идущим процессом дифференциации общества, релятивизмом нравственных и правовых норм. Разразившиеся в современном мире многочисленные кризисы (экономические, политические, духовные) усиливают этот процесс. Большую опасность для современного общества представляет навязывание СМИ моделей поведения, не соответствующих коллективной памяти народа и его менталитету.

Одним из главных принципов при философском осмыслении социального поведения, на наш взгляд, является принцип мерности. Применение принципа мерности к изучению данного объекта означает, что этот объект обладает своей специфической мерой, в которой проявляется его сущность. Мера – это своего рода зона, в пределах которой качество социального поведения может модифицироваться, сохраняя при этом существенные характеристики («человечность», социальность). Представления о мере социального поведения могут быть конкретизированы с помощью понятий социальной нормы и социальных отклонений. Норма – «исторически сложившийся в конкретном обществе интервал допустимого социального поведения индивидов, социальных групп, социальных организаций» [1, с. 29]. Рассматривая меру социального поведения, необходимо говорить и о мере социальной нормы. Конкретизация соотношения нормы и отклонений в социальном поведении может быть осуществлена, по мнению авторов, с помощью понятий конформности (соблюдение социальной нормы) и девиантности (нарушение социальной нормы). Социальные отклонения – это нарушения различных видов социальных норм (политических, правовых, нравственных и др.). При этом главными системами нормативной регуляции в обществе являются мораль и право.

Так как социальная норма предполагает социальные отклонения, мера социального поведения есть диалектическое единство (устойчивости) и социальных отклонений (изменчивости), единство конформности (нормативности) и девиантности (ненормативности). «Конформность – усвоение индивидом определенных групповых норм, ценностей; необходимый аспект социализации личности и предпосылка нормального функционирования общества» [6, с. 553]. Конформность и девиантность – это характеристики социального поведения, выражающиеся в конформном и отклоняющемся поведении. Эти два типа поведения существуют в рамках меры социального поведения, и каждый из них имеет свою меру, свою зону допустимых вариаций. Причем при конформном поведении соблюдается и мера социальной нормы, и мера социального поведения, а при отклоняющемся нарушается мера социальной нормы, но сохраняется мера социального поведения. Особое место занимает антиобщественное поведение, при котором наруша-

ется и мера социальной нормы, и мера социального поведения (в тех случаях, когда человек перестает быть социальным субъектом, например, в случае невменяемости).

Принцип мерности, примененный к исследованию социального поведения и социальной нормы, способствует уточнению содержания понятий «социальные отклонения», «социальные девиации», «девиантность», «отклоняющееся поведение», «девиантное поведение». В современной литературе имеют место различные трактовки вышеуказанных понятий. Говоря о социальных отклонениях, девиациях, девиантном поведении, одни исследователи считают, что речь идет о любых отклонениях от одобряемых обществом социальных норм, другие – предлагают включить в эти понятия только нарушения правовых норм, третьи – различные виды социальной патологии (убийство, наркомания, алкоголизм и т.п.), четвертые – социальное творчество. Иногда вышеназванные понятия рассматриваются как идентичные (Ю.А. Клейберг [3, с. 9], Я. Гилинский [1, с. 23]. В.Ф. Анурин и А.И. Кравченко [8, с. 235] и др.). Безусловно, такая позиция заслуживают внимания, так как связывает девиантное поведение с нарушением социальных норм как с существенным признаком. Впоследствии В.Ф. Анурин и А.И. Кравченко приходят к выводу, что «все многообразие форм отклоняющегося поведения можно подразделить на три группы: собственно девиантное (незначительные отклонения), делинквентное и криминальное (преступное)» [8, с. 232], тем самым утверждая неидентичность понятий девиантного и отклоняющегося поведения. Нам такая позиция кажется наиболее логичной и правильной.

Поскольку конформное поведение представляет собой интегральный итог различных вариантов соблюдения социальной нормы, то отклоняющееся поведение как системная целостность – интегральный итог разнонаправленных социальных отклонений. Чтобы показать степень отклоняемости социального поведения от социальной нормы, следует использовать понятие девиантности как его существенную характеристику. В свою очередь девиации являются частным случаем нарушения нормы. Так как социальные отклонения и девиации являются нарушениями меры социальной нормы и выступают основой отклоняющегося поведения, эти понятия можно рассматривать как идентичные.

В зависимости от того, приносит ли пользу или вред обществу данный тип девиации, девиации подразделяются на позитивные и негативные. В отклоняющемся поведении существует мера позитивных и мера негативных девиаций. В эпоху социальных изменений происходит нарушение этой меры в сторону увеличения количества и позитивных, и негативных девиаций.

По степени нарушения социальной нормы (здесь имеются в виду нарушения со знаком минус) и степени негативности социальных отклонений, на наш взгляд, можно выделить следующие уровни девиаций: 1. низший уровень негативности – незначительные отклонения от принятых моральных, эстетических и др. норм (умеренно девиантное поведение); 2. средний уровень негативности – девиации, сопровождающиеся административными нарушениями; 3. высший уровень негативности – нарушение уголовных норм; 4. уровень негативности, сопровождающийся выходом за пределы меры социального поведения – деструктивные девиации, возникающие при деградации интегральной социальной сущности индивида, социальной группы, общества. В отличие от последнего первые три типа девиаций находятся в рамках меры социального поведения.

По степени нарушения социальной нормы (нарушения со знаком плюс) и степени позитивности социальных отклонений можно выделить следующие уровни девиаций: 1. низший уровень позитивности (незначительные позитивные отклонения от существующих социальных норм); 2. средний уровень позитивности; 3. высший уровень позитивности – девиации-новации, способствующие появлению новых социальных норм (пре-

вращение девиации в норму) и прогрессивному развитию общества.

Рассмотрим понятие девиантности. Это качественная характеристика всех форм и отклоняющегося поведения, и социального поведения в целом. Девиантность обладает своей мерой. Степень девиантности отклоняющегося поведения зависит от количества и качества девиаций. Математическое описание социальной нормы и социальных отклонений позволяет выявить границы меры девиантности и отклоняющегося поведения, и социального поведения в целом. В качестве методологических инструментов при описании нормы и отклонений в современной литературе используется закон Гаусса «50/ 50», принцип В. Парето, пропорция «золотого сечения». Согласно закону нормального распределения Гаусса, социальные отклонения идут в обе стороны от социальной нормы (оптимум). В нормально развивающемся обществе на позитивные и негативные девиации приходится примерно по 10–15%, а мера нормы составляет около 70% [8, с. 236] [5, с. 434–437]. А на негативные девиации с крайней степенью выражения приходится 4–6%. При 7–11% возникает социальная напряженность; при 15% и выше – социальный кризис [2, с. 181] [4, с. 126] [7, с. 67], более высокий уровень девиантности ведет к гибели общества.

Предлагаемый нами подход к типологизации социальных девиаций и математические методы для изучения девиантности могут быть применены в дальнейших как в теоретических, так и эмпирических исследованиях. Кроме того, они будут полезны для методологических и методических разработок по профилактике негативных форм отклоняющегося поведения.

Литература

1. Гилинский, Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений», – СПб., 2007.
2. Государственная служба и кадровый потенциал России: история, современность и будущее. – Курск, 2002.
3. Клейберг, Ю.А. Девиантное поведение в вопросах и ответах: учебное пособие для вузов. – М., 2008.
4. Ли, Д.А. Преступность в структуре общества. – М., 2000.
5. Назаренко, С.В. Социология: учебное пособие. – СПб., 2009.
6. Новый энциклопедический словарь. – М., 2007.
7. Скок, А.С. Технологические основы военно-социологического исследования. – М., 1996.
8. Социология: учебник для вузов / А.И. Кравченко, В.Ф. Анурин, – СПб., 2006.

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕВИАНТНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ

И. А. Грошева

Методология изучения девиации сложна и многогранна. Разумно исследовать такую форму поведения как в целом (в комплексе), так и по отдельным, составляющим систему, элементам. В любом случае, исходным (первоначальным) является выявление тех критериев-показателей, которые характеризуют ситуацию именно как деструктивную, далее следует классификация изучаемых форм и оценка степени их влияния на общественную систему, в дальнейшем – разработка механизмов, нивелирующих социальную угрозу всевозможных девиаций как на уровне индивида, так и на уровне групп.

Во все времена общество пыталось регулировать или устранять нежелательные для него формы человеческой жизнедеятельности, воздействуя на их носителей. Сред-

ства воздействия определялись различными способами: общественным сознанием, господствующей идеологией, обычаями и традициями, социально-экономическими отношениями. Но социоцентрическая парадигма дает нам представление о девиантности как социальном конструкте. Если следовать идее Р. Мертона, общество не только сдерживает нежелательное поведение, но и побуждает индивида совершать те или иные девиантные поступки. Ученый выявил причину социальных отклонений для американского социума, в котором очень сильно преувеличено культурное значение успеха. Целое поколение индивидов воспитывается на подобной этике успеха, отсюда и целый спектр девиантных проявлений. Общество ставит перед индивидом высокие социальные цели, и каждый индивид должен бороться за их достижение. Любая неудача на этом пути выглядит как промежуточный этап к достижению поставленных целей. Настоящей неудачей выступает лишь полный отказ от их достижения (см. об этом: [1]).

В современной российской действительности была использована именно такая тактика. С точки зрения социального взаимодействия представляется удобным перенос акцентов с государства на личность с целью снятия ответственности с самого крупного социального института за неудачи в социализации целых поколений. Перенос точки отсчета социальных неудач с критики социального строя на самокритику представителей тех социальных слоев, которые не имеют возможности достичь успеха вследствие своего низкого социального статуса, призван сдерживать растущее социальное недовольство (принцип «сам виноват»). Нижние социальные слои идентифицируют себя не со своими, а с представителями верхних социальных групп, вследствие чего структура власти сохраняется естественным путем. Самое страшное для индивида – это отказ от своих притязаний, влекущий за собой исключение из общества. На вооружение взята самая изощренная система равновесия индуизма – кастовость, где неравенство закреплялось на уровне подсознания. Власть избавляет себя от усилий, направленных на подавление конфликтов, путем внушения вины низшим слоям, поскольку они не в состоянии достичь надлежащего уровня существования.

Для большинства людей в современном обществе желание придерживаться уровня общепринятых требований благопристойного поведения, выражающегося в потреблении определенного количества и качества товаров, является превалирующим мотивом денежных расходов сверх тех, которые необходимы для физического благополучия. Причем уровень требований достаточно подвижен. Он может повышаться или понижаться в связи с платежеспособностью человека. Причиной идеала потребления выступает соперничество, т.е. людям свойственно сравнивать себя с теми, вместе с которыми они считают себя принадлежащими к одному рангу. В обществе, где классовые различия размыты, все установки на определенные образцы потребления нацелены к обычаям и мышлению высшего класса. Именно этот класс будет определять образ жизни, который должен считаться престижным, благопристойным и заслуживающим уважения. Наставления и личный пример представителей этого класса будут иметь силу предписаний для низших классов. Эти влиятельные предписания даются в соответствии с каноном расточительства и могут сдерживаться только «инстинктом мастерства» (в терминах Т. Веблена), между этими двумя нормами находится «хищнический умысел» – принцип, который свойственен природе человека. Не секрет, что каноны расходования определяют уровень жизни везде, в любом обществе или классе, который в свою очередь определяет формы престижного расходования и степень управления потреблением. Жизненный уровень имеет воспрещающий характер и направлен на то, чтобы не дать сократиться установившемуся уровню расходов.

С точки зрения стандартов праздного потребления, «пьянство и другие патологические последствия свободного употребления алкогольных напитков и наркотиков, сле-

довательно, могут стать почетными, будучи второстепенными признаками превосходящего статуса тех, кто в состоянии позволить себе такое удовольствие. Отклонения от нормы, вызванные подобными злоупотреблениями, широко почитаются среди некоторых народов за неотъемлемо мужские качества» [2]. Такие же качества мы наблюдаем как почитаемые среди современной российской богемы.

Бессистемное наказание с точки зрения А. Бандуры, оказывает слабое сдерживающее воздействие, если запрещенное действие имеет шансы на успех, а зрелище чужих неудач может стимулировать человека в дальнейшем совершенствовать запрещенное поведение с целью увеличения возможности достижения цели. Лицемерная практика установления строгих стандартов для других и мягких для себя снижает вероятность того, что высокие стандарты самовознаграждения будут усвоены. С точки зрения бихевиористов, в состоянии равновесия должны находиться такие компоненты как самооценка, установленные стандарты поведения и оценка со стороны окружающих (см. об этом: [3]). На примере современной России можно утверждать, что среди населения сложилось глубокое неверие в справедливость системы государственного социального контроля. Это породило очень опасный эффект отрицания цивилизованных путей разрешения конфликтов и отнюдь не способствовало институционализации правовой культуры. Все чаще в сводках новостей появляются сообщения о фактах самосуда, что свидетельствует о низкой эффективности институтов социального контроля (нападение на «жемчужного прапорщика» через полтора месяца после разгона митинга; столкновения на Манежной площади ввиду бездействия правоохранительных органов и др.). Бесспорно, чувство справедливости никуда не исчезает, тем более стремление народа к ее быстрому восстановлению, что воплощается через народную расправу. Если дальше мы пойдем по этому пути, то впереди восстановление еще одного обычая древности – кровной мести. Кроме самосуда также встречаются и другие формы протеста, порожденные актами саморазрушительной агрессии: рост различных видов самоубийств, вплоть до самосожжения, сожжение себя вместе с судьями, подрыв вместе с судебными приставами и др. С другой стороны, растет апатия со стороны граждан, порожденная неверием в собственные силы, укрепляется нежелание проявлять активную жизненную позицию в виду убежденности, что «ничего не изменишь».

Часто социальная дезорганизация развивается за счет роста масштабов различных форм негативной девиантности в условиях быстрых социальных изменений. На возрастание их числа оказывает влияние целый ряд социальных факторов. Среди них – дефицит социальной идентичности и отчуждение человека от общества, проявляющееся в потере своего статуса; утрата социального оптимизма или даже смысла жизни; личностные проблемы; ослабление институтов социализации и социального контроля; обострение социального неравенства и другие причины.

В настоящее время одним из главных механизмов, который будет определять успешность процесса социализации, должен выступить гражданский контроль. Основными объектами такого контроля будут правовые и моральные нормы, обычаи, административные решения и т.п. Следует отметить, что в перспективе – это не просто система запретов и ограничений, а условие действительной свободы и самореализации личности. Разумные ограничения придают уверенность индивиду, так как они распространяются и на других людей, следовательно, их действия становятся в большинстве своем предсказуемыми, и ограничения выполняют функцию защиты от неожиданных разрушительных актов. Однако эта функция может быть выполнена в том случае, если механизмы гражданского контроля достаточно гибкие, они сами не являются произволом и способны изменяться с течением времени.

Литература

1. Мертон, Р.К. Социальная структура и аномия / Р.К. Мертон // Рубеж. Альманах социальных исследований. – 1992. – № 2. – С. 89–102.
2. Веблен, Т. Теория праздного класса / под общ. ред. В.В. Мотылева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://socioline.ru/ pages/ t-veblen-teoriya-prazdnogo-klassa. – Дата доступа: 12.11.2012.
3. Бандура, А. Теория социального научения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gennadij.pavlenko.name/ ex-book?text=853 – Дата доступа: 21.01.2013.

Проблемы социогуманитарной экспертизы научно-технического прогресса

ЭТИКА НАУКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

В. К. Савченко

Этика науки и глобализация. В 1999 г. ЮНЕСКО и Международный совет по науке (ICSU) организовали Международную конференцию по науке и использованию научного знания. В Декларации, принятой этой конференцией отмечается, что ученые должны соблюдать высокие этические стандарты при выборе области исследований, а при их проведении следовать этическим правилам науки, учитывать события ее истории и достижения философии науки [1]. Для воплощения в жизнь этой Декларации ЮНЕСКО создала Всемирную комиссию по этике научного знания и технологий (COMEST). В Докладе этой комиссии подчеркивается, что все согласны с необходимостью выбрать хорошую стратегию для обеспечения устойчивого развития. Этические ценности являются важным фактором социальной сплоченности и эффективным агентом развития и модернизации. В этике устойчивого развития наша моральная ответственность по отношению к будущим поколениям имеет высокий приоритет, и мы должны стремиться к балансу между сегодняшними нуждами и вызовами будущего [2].

Практическое использование научных достижений и новых технологий положительно влияет почти на все стороны нашей жизни: повышение ее уровня, улучшение системы здравоохранения, возрастание объема помощи развивающимся странам. Этот процесс имеет и негативные последствия, связанные с загрязнением окружающей среды, истощением природных ресурсов, увеличением частоты природных и техногенных катастроф. Наблюдается также быстрый рост осознания возникающих этических проблем. Следует указать на следующие семь факторов глобализации: увеличение темпов перемен, возрастание частоты межкультурных контактов, ослабление национальных границ, снижение позиций хранителей этических традиций, увеличение наших возможностей творить добро и зло, разрушение окружающей среды, возникновение новой этической ситуации в связи с использованием новейших биотехнологий. Все это приводит к тому, что все большее число людей задаются вопросами: Что мы должны делать? Что есть истина и что есть ложь? Что правильно и что неправильно? Поиск ответов на возникающие вопросы приводит к интенсификации исследований в области этики и ее дифференциации и специализации. При этом нельзя допускать недооценки уже сделанного, чтобы не повторять былые ошибки. Дальнейшее развитие этических знаний связано с формулированием научных норм и понятий для новых предметных областей, совершенствованием этических теорий, разработкой этических проблем в рамках различных

научных дисциплин, этических норм при проведении научных исследований. Для мониторинга развития этики как науки Отделение этики науки и технологий ЮНЕСКО основало Мировую обсерваторию этики (GEObs), которая включает базы данных: по ученым в области этики; по этическим институтам стран; по законодательству и руководящим принципам этики; по кодексам поведения; а также по интерактивному поиску баз данных на карте мира [3].

Этика науки и новый гуманизм. Углубление и расширение фронта научных исследований приводит к дифференциации наук, возникновению новых дисциплин. Это в полной мере касается также этики. В результате возникли такие новые области знания как экоэтика, геоэтика, биоэтика, эволюционная этика, наноэтика и они все вместе служат основой для формирования нового гуманизма с его фокусом на глобальных проблемах выживания всего человечества. *Экоэтика* фокусирует внимание на интегральном видении проблемы сохранения биосферы, биоразнообразия и окружающей среды с учетом достижений науки, культурных традиций, динамики популяций человека и технологических инноваций [4]. *Геоэтика* разрабатывает проблемы восприятия человеческой мыслью нашей планеты как системы и наших действий, имеющих глобальный масштаб, с целью минимизировать их негативные последствия, включая изменения климата [5] [7]. *Биоэтика* изучает этические проблемы и осмысливает противоречия, связанные с практическим применением достижений биологии, медицины и новых биотехнологий. Биоэтика анализирует с философских позиций широкий круг проблем человека, связанных с пересечением границ жизни (от абортов до автаназии), с донарством органов, искуственным оплодотворением и сурогатным материнством и до вызовов регенеративной медицины. Исследователи на основе междисциплинарного подхода честно и добросовестно, ответственно и в интеллигентной манере анализируют сложные ситуации, возникающие в бытии человека с учетом его религиозных верований и культурных традиций. Эта область знания быстро дифференцируется, возникли такие отрасли как медицинская биоэтика, клиническая биоэтика, биоэтика геномных и репродуктивных технологий, экологическая биоэтика и др [8] [9] [10]. *Эволюционная этика* изучает роль эволюционного процесса в становлении и развитии психологии и поведения человека, а также эволюции его морали. Для понимания и объяснения наблюдаемых этических выборов и предпочтений используются достижения эволюционной психологии, этологии и социобиологии [11] [12]. *Наноэтика* изучает пользу и вред, которые способно принести использование нанотехнологий в медицине, фармацевтике, экологии, энергетике, индустрии, создании новых материалов, применение в системах коммуникаций, в научных исследованиях [13] [14].

Развитие промышленности, транспорта и коммуникаций изменили жизнь людей, увеличили ее продолжительность, запустили процессы глобализации. Но этот технологический прогресс имеет и оборотную сторону. Он породил глобальный экологический кризис, загрязнение среды обитания, появление новых заболеваний, угрозу ядерной войны. Глобальный кризис не может быть преодолен отдельной страной, он требует коллективных действий всего мирового сообщества. Осознание глобальных угроз стимулировало строительство глобального человеческого сообщества с целью укрепления мира и расширения масштабов сотрудничества в экономике, торговле, науке, образовании и культуре. Традиционный гуманизм сосредоточен на правах и свободах личности. Новый гуманизм озабочен выживанием всего человечества, участием каждого в решении проблем с помощью принципа мыслить глобально, действовать локально, развивать планетарную кооперацию, строить зеленую экономику [15] [16].

Литература

1. UNESCO. Declaration on Science and the Use of Scientific Knowledge. -1999.
2. UNESCO. COMEST.The teaching of ethics. Report. – Paris, 2003.
3. UNESCO. Observatoire mondial d'ethique. GEObs. 2008. - [Электонный ресурс]. Режим доступа: http://www.unesco.org/ shs/ fr/ ethics/ geobs. - Дата доступа: 01.04.2013.
4. UNESCO. Towards eco-ethics. Report of the Third Science and Culture Forum. - Paris, 1993.
5. International Declaration on Geoethics. AGID Working Group for Geoethics. Pribram, Czech Republic. October 2011.
6. Martínez-Frías, J., González J.L., Rull F. Geoethics and Deontology. From Fundamentals to applications in Planetary Protection // Episodes. – 2012. – Vol. 34, № 4. – P. 257–262.
7. Савченко? В.К. Геогеномка. Организация геносферы. – Минск, 2009.
8. Andre, J. Bioethics as Practice. – Chapel Hill and London, 2002.
9. Савченко, В.К. Этические проблемы, возникающие при использовании репродуктивных биотехнологий // Весці НАН Беларусі. Сер. біял. навук. – 2012. - № 1. – С. 60–69.
10. Савченко, В.К. Геномные биотехнологии репродукции человека и ответственность перед будущими поколениями // Весці НАН Беларусі. Сер. гуман. навук. - 2012. – № 3. – С. 4–13.
11. Ruse, M. Evolutionary Ethics: A Phoenix Arisen // Issues in Evolutionary Ethics. – Albany, 1995.
12. Савченко, В.К. Расшифровка генома человека и эволюционные перспективы вида Homo sapiens // Актуальные вопросы антропологии. Вып. 7. – Минск, 2012. – С. 7–33.
13. Nanotechnologies, éthique et politiques /ed. Henk, A.M.J. ten Have, UNESCO. - Paris, 2008.
14. Nanoethics: The Ethical and Social Implications of Nanotechnology /eds. Fritz Allhoff et al. – Hoboken, 2008.
15. Bokova, I. Un nouvel humanisme pour le XXIe siécle. – UNESCO, 2010.
16. Субетто, А.И. Планетарная кооперация этносов – основа гармонического развития человечества в XXI веке. – СПб., 2012.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И НОРМЫ НАУЧНОГО ЭТОСА

Л. Е. Лойко

Научная деятельность всегда опиралась на этические основания и регулировалась системой норм и ценностных установок. Однако до тех пор, пока наука не оказывала существенного влияния на общество, бытовало убеждение, что любое знание само по себе есть благо, поиск научной истины этически оправдан, а прогресс науки автоматически ведет к прогрессу нравственности, искореняет невежество, облегчает жизнь человека.

Интерес к социально-этическим проблемам ответственности ученых приобрел новые основания во второй половине XX в. Причины коренятся в характере современной науки и масштабах ее взаимоотношений с обществом. Наука затрагивает проблемы жизни как таковой, а последствия научных открытий приобретают глобальный характер. Развитие атомной и ядерной физики, генной инженерии, компьютерной техники и «виртуальной реальности», экологический кризис требуют введения гуманистических параметров в современный тип научной рациональности. Коммерциализация, милитаризация, идеологизация науки создают опасность использования ее достижений в антигуманных целях. Следовательно, дальнейшее развитие науки предполагает различные формы социального контроля и регулирования научных исследований. Возрастает проблема этической ответственности ученых за их результаты.

Зарождение этики науки как направления философии относится к 60–70-м гг. XX в., но проблемы этической и социальной ответственности ученых, соотношения идеалов и норм науки и нравственных ценностей человечества рассматривались уже в сере-

дине XX в.

Г. Маргенау в работе «Западная культура, научный метод и проблема этики» (1947) отмечал, что создание научной этики возможно только при широком участии, совете и руководстве гуманистики. Р.С. Коэн в работе «Этика и наука» подчеркивал, что сама по себе наука нравственно нейтральна, но, будучи не связанной моральными нормами, опасна в той же мере, в какой могущественна. Научные открытия могут принуждать к принятию этических решений, а научные методы могут помочь в деле рационального контроля и этического планирования общественной и личной жизни. В.Ф. Вайскопф в работах «Наука и этика» (1968), «Значение науки» (1971) показал, что наука выполнила большую работу по улучшению условий жизни людей. Однако дальнейшее нарастающее развитие науки техники становится угрозой для человечества и затмевает значение фундаментальной науки как орудия глубокого проникновения в сущность явлений природы. Поэтому ученый должен быть осведомлен о социальных механизмах, приводящих к злоупотреблениям в сфере применения научных результатов и стараться предотвратить их. Это ставит ученого в центр социальной и политической жизни и борьбы.

Ж. Моно в работе «Случайность и необходимость» (1970) акцентировал проблему разрыва связей человека с природой в современной цивилизации. Наука и техника – причина этой экзистенциальной ситуации. Г. Стент сформулировал идею конфликта между европейской наукой и европейской моралью. Они имеют общую основу – человеческий разум. Внутренние несоответствия между ними всплывают лишь тогда, когда ученые и философы в своем анализе «забираются в дебри». Для того чтобы разрешить парадоксы, возникающие на основе особенностей человеческого разума, следует обратиться к восточной философии.

Этика науки затрагивает два аспекта: специфику моральных взаимоотношений внутри научного сообщества и ценностные, нормативные и моральные взаимоотношения науки и общества. В современных условиях наряду с индивидуальной моральной ответственностью все большее значение приобретает коллективная ответственность ученых, которая предполагает их активное участие в решении наиболее острых этических проблем.

На XVIII сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО (1974 г.) были приняты «Рекомендации о статусе научно-исследовательских работников». Важнейшими этическими и гражданскими принципами, которыми должны руководствоваться научные работники любого государства являются:

интеллектуальная свобода искать, выражать и защищать научную истину;

участие в определении целей и направления осуществляемых программ, методов, которые следует принять по гуманистическим, социальным и экологическим соображениям;

свободное самовыражение по гуманистическим, социальным или экологическим аспектам определенных проектов и возможность выхода из участия в них, если их последствия вынуждают к этому;

обязанность вносить вклад в развитие науки, культуры и образования в своем государстве, руководствуясь не только потребностью в решении национальных задач, но и международными идеалами ООН.

В этом документе указывается:

научные открытия и связанные с этим технологические разработки и их применение открывают широкие перспективы для прогресса, но в то же время могут создать определенные опасности, в тех случаях, когда результаты научных исследований используются против жизненных интересов человечества, для подготовки войн, рассчитанных на массовое уничтожение, или же для эксплуатации одной нации другой нацией и могут привести к возникновению сложных этических и юридических проблем;

государствам-членам следует разработать или создать механизм для выработки и

осуществления соответствующей политики в области науки и техники, чтобы избежать возможных опасностей и полностью реализовать и использовать позитивные перспективы, присущие таким открытиям, технологическим разработкам и их применению;

свободное распространение информации о результатах научных исследований («академическая свобода») – неотъемлемая часть научного процесса;

стимулировать и поддерживать развитие местных возможностей в области научных исследований и опытных разработок в духе высокой ответственности перед человеком и окружающей его средой,

государствам-членам предпринимать все усилия, чтобы применять науку и технику в конкретных областях, выходящих за рамки национальных интересов, а именно: при решении таких проблем, как сохранение международного мира, ликвидация нищеты, контроль за загрязнением и борьба с загрязнением, прогноз погоды, предсказание землетрясений;

включение или разработка в учебных программах и курсах по естественным наукам и технике элементов социальных наук и наук об окружающей среде;

разработка и использование педагогических методов, которые пробуждают и стимулируют такие личные качества и образ мыслей, как:

а) способность рассматривать проблему или ситуацию в перспективе и соотнесении с учетом всех ее последствий для человеческого общества;

б) умение выделить гражданские и этические аспекты проблем, связанных с поиском новых знаний, которые на первый взгляд представляются исключительно техническими;

в) бдительность в отношении вероятных и возможных социальных и экологических последствий деятельности в области научных исследований;

содействовать определению целей, задач и методов программ, которые должны быть гуманными и соответствовать требованиям социальной и экологической ответственности;

свободно выражать свое мнение по поводу гуманности, социальной или экологической ценности определенных проектов и в качестве крайнего средства отказываться от работы по этим проектам, если это продиктовано им их совестью;

уделять особое внимание всемерной поддержке инициативы научно-исследовательских работников, направленной на то, чтобы добиться более глубокого понимания факторов, связанных с продолжением жизни и благосостоянием всего человечества.

приветствовать любую рекомендацию и помощь, которую могут предоставить научно-исследовательские работники для усилий в области социально-экономического развития, способствующих укреплению самобытной культуры и национального суверенитета.

ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ НАУЧНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аяжан Сагикызы

Наука рассматривает природу, человека, исторические события, язык и т.д. в их *предметном противостоянии*, и потому не в силах охватить всю сущностную полноту их бытия. По этой же причине наука не может *собственными методами* – т.е. *научно* – раскрыть для себя свое собственное существо: физика сама по себе никак не может стать предметом физического эксперимента; посредством математических расчетов никак нельзя выяснить, что такое сама математика [1; с. 250].

Вернер Гейзенберг придавал принципиальное значение положению о том, что человек способен развить свои духовные силы лишь в сообществе, созданном отношением к осмысленной взаимосвязи целого: «Лишь внутри такой духовой формы, определяясь по отношению к принятому в данном сообществе "учению", человек обретает воззрения,

позволяющие ему ориентироваться в поведении… только в этом случае встает и решается вопрос о ценностях» [2, с. 332–333]. Только в горизонте этой формы обнаруживается тесная связь между добром, истиной и красотой. Здесь речь идет не о нормах, а о путеводных образах.

Однако проблема заключается в том, что духовная форма должна, по определению, обладать устойчивостью, долговечностью, а научный опыт и научная мысль являются динамичными, постоянно обновляющимися структурами. Недаром у римской инквизиции шевельнулось подозрение, что галилеевское естествознание может вызвать опасное изменение духовой ориентации, нарушить живое сцепление человеческого сообщества, создать опасную нестабильность социума.

Научное познание не является усмотрением истины умопостигаемым субъектом, но является человеческой деятельностью, социальной по своим предпосылкам, условиям, логике и смыслу. В культуре Нового времени процесс направленности исследовательской мысли на объективное бытие многосторонне опосредствован становлением науки как социального института и непосредственной производительной силы общества. Современная критика науки во многом вызвана тем, что на науку возлагаются такие задачи и с нею связываются такие надежды, которые она по своей природе выполнить не может и не должна. Вера в науку без адекватного осознания ее смысла оборачивается иррациональным суеверием. Огюстом Контом наука прямо провозглашалась новой формой религии, в которой вера в Бога заменяется верой в силу человеческого познания. Это обстоятельство подвигло Пола Фейерабенда выступить с требованием дополнить отделение государства от церкви «*отделением государства от* науки – *этого наиболее современного, наиболее агрессивного и наиболее догматического религиозного института*» [3, с. 450]. Такое отделение, по его мнению – единственный шанс для современного гуманизма.

Конечно, в заявлении известного «методологического анархиста» преобладают нотки интеллектуальной фронды, эпатажа. Но он, несомненно, прав в том, что необходимо преодолеть как суеверное преклонение перед наукой, ожидания и требования от нее того, что она свершить в принципе не может – решения всех социальных и философско-мировоззренческих проблем, дарования человечеству благоденствия и беспримерного счастья – так и неумолимо следующего за суеверным преклонением свержения кумира: разочарования в науке, презрения к ней, инкриминирования науке всех бед, усмотрения в ней главной причины дегуманизации бытия. П. Фейерабенд, как и ряд известных философов и методологов науки, развивающих *самокритику* научного разума, показывает, что, вопреки устоявшемуся в массовом сознании и в представлениях многих ученых мнению, наука не имеет оснований претендовать на статус абсолютного знания и на наиболее полное и адекватное воплощение идеала рациональности по сравнению с иными формами знания.

Обожествление или демонизация науки и техники, сакрально-технократический способ представления о них характерен не только для обывателя. Например, Ганс Йонас, предлагая новые этические принципы отношения к науке и технологиям, обосновывает их «эвристикой страха» [4, с. 37]. Мы нуждаемся в угрозе деформации человека, в руководстве со стороны страха, чтобы прийти к идее новой этики. Этой эвристической казуистикой фундирован и сформулированный Г. Йонас новый этический императив: «Действуй так, чтобы последствия твоей деятельности были совместимы с поддержанием подлинно человеческой жизни на Земле» [4, с. 58]. Перед лицом небывалого могущества и новых измерений деятельности человека у нас нет права избирать небытие будущих поколений, или хотя бы рисковать этим бытием – *бытием того, чего нет* – для счастья и процветания нынешнего поколения. Хотя теоретически обосновать отсутствие

такого права новая этика, считает Г. Йонас, вряд ли способна без обращения к религиозным аргументам.

Согласно М.М. Бахтину, рациональность – это только момент ответственности, от чего принципиально отвлекается теоретизм, живущий своей автономной жизнью. Нам «важно отметить включенность понимания науки и особого статуса научной рациональности в современной культуре в контекст понимания человека как творца и преобразователя мира, свойственного гуманизму. Только в этом контексте было возможно обожествление науки как обожествление силы человеческого разума» [5, с. 189]. Из самой природы человека вытекает стремление к свободе, справедливости, утверждению самоценности индивидуальности и ее деятельного участия в том, что происходит с ней и вокруг нее – все это входит в перечень принципов гуманизма и в содержание гуманистического идеала. И все это подвергается критике и сомнению в современном философском и социально-политическом дискурсе.

В современных условиях гуманистический идеал связан с отказом от просветительской идеи истины человеческого присутствия в мире как овладения, подавления и господства. Новой онтологии соответствует не идеал антропоцентризма, а идея коэволюции – идея взаимодействия, совместной эволюции природы и человечества. Этой идее отвечают ряд современных концептуально-методологических новаций междисциплинарного характера, связанных с развитием теорий диссипативных систем, синергетики, нелинейной динамики и т.д.

Одним из парадоксальных результатов научно-технологического прогресса является растущая диспропорция между ростом практической (технической), экономической и политической мощи науки, глубиной ее проникновения в тайны мироздания, и падением ее значения для мировосприятия человека, для выстраивания им своего образа мира. Мировоззренческий смысл научного прогресса состоит в том, что наука вносит решающий вклад в процесс расколдовывания мира (М. Вебер). Однако этот процесс оборачивается для гуманистического мировоззрения тем, что высшие, благороднейшие ценности уходят из общественной сферы, или в потустороннее мистическое царство, или в близость непосредственных отношений индивидов, где они пульсируют крайне тихо, пианиссимо [6; с. 734]. На этом фоне растет критика науки с позиций иррационализма и антиинтеллектуализма. На том основании, что научное мировоззрение утратило тот основной масштаб, которым определяются все иные масштабы самого человека, рядом исследователей делается вывод о дегуманизирующем воздействии научного прогресса.

Такого рода суждения нуждаются в определенной корректировке. Умножение и углубление научных знаний в настоящее время не может совершаться без растущей профессионализации и специализации научно-исследовательской деятельности. Однако на этом основании нельзя делать заключение о несоразмерности науки человеку. Бесконечностью природно-человеческого универсума определена и бесконечность задачи их познания. Но бесконечность составляет также и внутреннее определение индивида. В.С. Соловьев называет человека «Вторым Всеединым», или «становящимся Абсолютом». Именно как становящееся абсолютное (или «абсолютное движение становления», если вспомнить формулу К. Маркса) человек причастен и соразмерен истине бытия, поскольку он сам есть основание собственного бытия. Поэтому прогрессирующее развитие научного познания становится имманентной формой реализации сущности гуманизма, или развития «сущностных сил» человека.

Перед лицом невозможности долгосрочных прогнозов и калькуляции вероятности рисков от разработки и применения новых научных технологий следует руководствоваться простым предписанием: больше прислушиваться к пророчествам бедствий, чем к

пророчествам благоденствия, «придавать угрозе большее значение, чем обетованию благ, и избегать апокалиптических перспектив даже ценою того, что при этом останутся нереализованными эсхатологические свершения» [4, с. 87]. Этот принцип – не совет благоразумия, но непререкаемый и безусловный императив, неразрывно связывающий научный поиск и применение технологий с основоположениями гуманизма.

Литература

1. Хайдеггер, М. Наука и осмысление // Время и бытие: Статьи и выступления. – М., 1993.
2. Гейзенберг, В. Естественнонаучная и религиозная истина // Шаги за горизонт. – М., 1987.
3. Фейерабенд, П. Против методологического принуждения // Избранные труды по методологии науки. – М., 1986.
4. Йонас, Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. – М., 2004.
5. Черткова, Е.Л. Научный разум и гуманистические ценности // Философия науки. – Вып. 5: Философия науки в поисках новых путей. – М., 1999.
6. Вебер, М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. – М., 1990.

ЭТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ РАЗВИТИЯ НАУКИ

З. Н. Сарсенбаева

Если в пятидесятых годах XIX в. считалось, что этические проблемы науки – это нечто, возникающее в редких исключительных случаях и всякий раз касающееся лишь отдельных областей научных знаний (физики, биологии, генетики, психологии), то во второй половине XX в. этическая проблематика занимает все более заметное место, научно-технический прогресс в нынешних условиях (геополитическом и социально-политическом контексте) генерирует новые проблемы этического характера, актуализируя необходимость размышления над ними и их решения. Появилось много экзистенциально значимых этических вопросов, которые должны решать не только и не столько ученые, сколько само общество: новые степени свободы диктуют необходимость принятия новых решений, определяют появление новых источников риска для человеческого существования. Это вопросы: что здесь допустимо, до какой степени можно вмешиваться в существование человека, чтобы люди не подвергались излишнему риску, чтобы этот риск был оправдан значимостью предполагаемых результатов. И чтобы человек, который привлекается к участию в исследовании, был информирован о рисках. В XX в. многие ученые и философы заговорили о том, что наука, лишенная нравственных императивов, может поставить человечество на грань катастрофы, ибо наука утратила пафос искания изначальной целостности, универсальности бытия и пытается все разъять, расчленить. Усилились требования нравственности, отказа от взгляда на природу как объект бездумной эксплуатации ее человеком.

Занятия наукой – специфический род человеческой деятельности, суть которого – систематический процесс исследований, направленный на получение знаний, основанных на проверяемых результатах. Если раньше такие убеждения и ограничения относились к требованиям объективности результатов исследования, критического отношения к своим и чужим результатам и т.п., то теперь речь идет об ответственности ученых за исследования, которые могут нанести непоправимый вред обществу или поставить его перед катастрофой. Сегодня ученый должен почитать не только истину, но и общество. Объект его ответственности тоже изменился – он относится и к самому знанию, и к результатам его применения. Соответственно не предмет изучения, а ученый-

исследователь во всей совокупности своих характеристик, становится фактором, определяющим и содержание, и логику полученного знания.

Сегодня ученому снова, как и в период становления науки, нужно быть совестью мира. Ему мало быть узким специалистом, нужны общие представления о мире и возможность высказываться по вопросам, затрагивающим основы человеческого бытия, рефлексия над смыслом своих научных занятий.

Появление новой этической парадигмы, экологической этики было вызвано растущими технологическими перегрузками на биосферу, которые с особой силой стали ощущаться в период начавшегося постиндустриального развития. По мнению многих экологов, глубокая причина экологического кризиса заключается в доминировании антропоцентристского взгляда на мир, согласно которому человек объявлялся центром мироздания и властелином природы, который мог ее нещадно эксплуатировать. Поэтому выход из экологического кризиса должен состоять в решительном отказе от такой позиции и установлении гармонических отношений с природой, начиная от производственной деятельности и кончая сознанием.

Новые экологические императивы по отношению к современному обществу ясно выразил один из теоретиков системного подхода Эрвин Ласло, который заявил, что «мы нуждаемся в новой морали, в новой этике, которая основывалась бы не столько на индивидуальных ценностях, сколько на необходимых требованиях адаптации человечества как глобальной системы к окружающей природе. Такая этика может быть создана на основе идеала почтения к естественным системам». Как своим происхождением, так и особенно обоснованием, экологическая этика обязана категорическому императиву (от лат. imperativus – повелительный), термину, введенному Кантом в «Критике практического разума» (1788г).

В современной науке особую остроту приобретают вопросы, касающиеся взаимоотношения науки и ученого с обществом, вопросы социальной ответственности ученого. Вопросы о том, как будут использованы достижения современной науки, не обернутся ли знания против человека, когда развитие генной инженерии, биотехнологий, медицины открыли возможность направленного воздействия на наследственность организмов, вплоть до создания организмов с заранее заданными свойствами. Приходит время отказаться от принципа ничем не ограниченной свободы научного поиска. Человечество не может допустить создания чудовищных средств массового уничтожения. Встает вопрос об использовании научных результатов для блага человечества, а не во вред ему. Таким образом, современная наука не может быть этически нейтральной. Одним из важных аспектов тенденции этизации науки является тенденция социальной ответственности науки и ученых за свои исследования и результаты, научные достижения. Социальная и моральная ответственность ученых в современных условиях является одним из важных шагов на пути объединения ученых всех стран в борьбе за гуманизм, за применение научных достижений на благо человечества.

Наука в нашей стране длительное время развивалась в контексте идеологии аграрно-сырьевого статуса Казахстана в советской экономике: наибольшее развитие в ней получали аграрные науки, позднее биотехнологии, отдаленные от экологических интересов страны, наносящие ущерб окружающей среде.

Вопросы формирования самостоятельной научно-технической политики и системы управления наукой страны были положены в основу Закона Республики Казахстан «О науке и государственной научно-технической политике Республики Казахстан», принятого в январе 1992 г. В последние годы в Казахстане взят курс на развитие отечественного наукоемкого производства, разработку и освоение новых информационных технологий, ориентированных на получение конкурентоспособной продукции и обеспе-

чение интересов национальной экономической безопасности и развития промышленного и научно-технического потенциала республики. Главная цель приоритетов – концентрация ресурсов государства и бизнеса на развитии существующих и создании новых научных направлений и технологий, необходимых для экономического роста, укрепления безопасности и конкурентоспособности страны.

За годы независимости казахстанской наукой достигнуты весомые результаты международного уровня в области математики, биотехнологии, фитохимии, нанотехнологии, металлургии и других.

Успешное развитие Казахстана и формирование развитой диверсифицированной экономики в республике невозможно без укрепления научного потенциала и использования современных достижений науки во всех отраслях народного хозяйства. В последние годы заметно увеличилась финансовая база научных исследований, начато финансирование инфраструктуры научных учреждений, выделяются целевые средства на приобретение оборудования, на обучение и стажировку молодых специалистов за рубежом. Все это в значительной мере способствует улучшению состояния отечественной науки.

Итак, развитие казахстанской науки становится органически связанной с повышенной социальной ответственностью и с включением в само «тело» науки этической проблематики, которая раньше приписывалась лишь использованию научных результатов.

Наука и нравственность должны стать неразделимыми. Только истина должна быть для ученого абсолютной ценностью, независимо от того, горькая она или сладкая, удобная или никого не устраивающая. Этим он, ученый, отличается от политика, который, опираясь на ожидание обществом светлого будущего, стремится напитать его только положительными эмоциями.

Литература:

1. Кант, И. Сочинения. Т. 4, ч. 1. – М., 1965.
2. Физика в двадцатом столетии. – М., 1977.

НРАВСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТИВ И ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

А. Н. Спасков

Истинное научное творчество – сродни религиозному действию, неисчерпаемым источником которого является благоговение перед тайной космоса и души. Ученый, который, подобно Канту, руководствуется этим чувством – на верном пути к истине. Утрата же этого чувства подобна потере нити Ариадны и приводит к опасности блуждания в лабиринте ложных путей.

Каковы же эти ложные пути, уводящие от истины? Это – путь к славе, путь к деньгам и путь к власти. Сами по себе слава, деньги и власть нравственно легитимны лишь тогда, когда они выражают истину.

Стремление к славе и земным почестям препятствует правильному восприятию красоты мира и выражению тайной гармонии, лежащей в его основании. Ученый при этом теряет объективную связь с космосом и Богом и во всем начинает видеть только себя в искаженном свете собственного величия. Отсюда – тщеславие, высокомерие, субъективизм, эгоцентризм, авторитаризм, нетерпимость к чужому мнению, болезненное восприятие критики и отсутствие самокритики и т.п.

Ведь истинным мотивом познания является, прежде всего, чувство удивления и

осознание собственного невежества. Следующим условием познания является, пожалуй, умение ставить правильный вопрос и получать правильный ответ. Этот процесс может происходить как восприятие уже известного знания непосредственно в режиме диалога с другими людьми, обучения и коммуникации в научном сообществе. Собственно научное творчество – это уже более высокий уровень размышления и внутреннего диалога с незримым собеседником. А этим незримым собеседником может выступать Бог – источник истины, слово которого ученый воспринимает в момент творческого озарения и выражает в теории (в переводе с древнегреческого – видение Бога). При этом нравственная чистота помыслов, смирение и собственная скромность, беспристрастие и доверие к истине – необходимое условие познания.

Третьим, не менее важным, но, пожалуй, – наиболее практически значимым шагом на пути к истине является просвещение и популяризация научного знания. А это и означает, по сути дела, прославление тайного Бога, источника всего видимого, которого никто не может видеть непосредственно, но который проявляется во всем многообразии и богатстве феноменального мира.

Наверное, правильная мировоззренческая позиция ученого, позволяющая ему сохранять неискаженное видение мира, возможна лишь при такой нравственной позиции, когда он осознает себя скромным служителем и проводником сокровенной истины, явно прославляющим тайную гармонию мира и его Творца.

Второй ложный путь, который мы обозначили вначале – это путь к деньгам. Парадокс нашей цивилизации заключается в том, что путь, ведущий к истине, совсем не обязательно ведет к деньгам, ставшим идолом современной эпохи. Но в погоне за денежным призраком ученый рискует потерять неизмеримо большую ценность – свой талант. Фарадей умер в нищете, оставшись верным своему призванию, но его открытия дали колоссальный экономический эффект, радикально изменивший благосостояние всего человечества. Таких примеров самоотверженного служения и бескорыстной реализации своего таланта можно привести множество, как, впрочем, и противоположных примеров потери таланта в погоне за наживой.

Конечно же, материальный стимул, если он становится доминирующим, искажает путь к истине. В идеале научное творчество – бескорыстно. Но ученый все же, как и любой человек, нуждается в материальной поддержке также, как и в общественном признании. Редко кому удается сохранить независимость от этих привязанностей – сребролюбия и тщеславия и в этом – одна из самых острых нравственных коллизий научного творчества. Ученый часто находится в состоянии нравственного выбора, который требует либо жертвы материальным богатством, ради истины, либо жертвы истиной ради богатства.

Правильное соотношение между истиной и материальным богатством заключается, пожалуй, в том, что истина и научное знание является источником всякого материального богатства. Но этого понимания не хватает в современном общественном сознании. Во-первых – в современном потребительском обществе, как, впрочем, и в предыдущие эпохи, ценностью, за которую люди готовы платить деньги, являются товары, удовлетворяющие материальные потребности. В этом отношении наука ценится лишь постольку, поскольку она дает практическую пользу, реализуемую в различного рода товарах и услугах.

Но это – тупиковый путь, т.к. цель научного творчества – это истина, а не практическая польза. Мы не говорим, впрочем, обо всей науке, т.к. большинство научных исследований (а в технических науках – все) имеют прикладное значение и практическую пользу, выражаемую в денежном эквиваленте. Но в данном случае, мы говорим о самоценности всякого научного знания и всякой научной идеи.

Ведь ученый производит идеи. Если идея истинна, то она сама по себе имеет ценность, независимо от того, реализуется ли она в каком-либо практическом приложении или нет. Если же идея оказывается ложной, то это – отрицательный результат, который также ценен и должен оплачиваться в денежном эквиваленте.

Я полагаю, что необходимым условием устойчивого развития общества является культивирование в массовом сознании ценности научного творчества и ее достойной материальной оплаты. От этого общество только выиграет, т.к. истинной ценностью является ни валюта, накапливаемая в банках, ни золото и даже – ни материальные ресурсы, а, прежде всего – творческий труд, производящий прибавочную стоимость. А неисчерпаемым ресурсом такого труда как раз и является золотой банк идей и знаний о мире, который пополняет в процессе своего научного творчества ученый. Если государство не находит денег для поддержки талантов и творческих проектов, независимо от того, вписываются ли они в приоритетные направления развития или нет, то оно лишает себя интеллектуального ресурса и препятствует обороту и накоплению интеллектуального капитала.

Здесь, однако, существует множество других нравственных проблем. Одна из них – это то, что знание можно использовать как во благо, так и во зло. И здесь, наверное, помимо чувства объективности, скромности и бескорыстия, ученый должен руководствоваться нравственным критерием более высокого порядка – чувством ответственности. И этот нравственный ответ ученый держит перед своей совестью, в соответствии с призванием и талантом, данными ему для служения общественному благу.

Кроме того, существует еще множество нравственных искушений, когда наука вместо истины направлена на поиск и культивирование лжи. Это может быть сознательное и преднамеренное искажение истины в СМИ, используемое для манипулирования общественным сознанием, в идеологических войнах и в борьбе за власть. Кроме того – это хорошо оплачиваемое и востребованное различными (прежде всего – военными и разведывательными) ведомствами научные исследования по криптографии (шифрованию информации) и др.

Эти нравственные проблемы связаны, прежде всего, с несовершенством и закрытостью общества, разделенного различного рода идеологическими, государственными, национальными, конфессиональными барьерами нравственный идеал научной истины заключается в этих условиях в конструктивном межкультурном диалоге, который будет способствовать консолидации и гармонизации многообразия частных истин в глобальном мировоззрении всего человечества.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

М. Г. Марчук

Согласно разработанной В. Степиным модели развития науки (классика – неклассика – постнеклассика), которая не только получила всеобщее признание среди историков и методологов науки, но и оказалась эффективным инструментом исследования самых разных аспектов научно-познавательной деятельности, ценностное измерение становится важнейшей характеристикой современного научного знания. Речь идет об осознании значимости гуманистических идеалов и ценностей, о возрастании присущего им эвристического потенциала в ситуации поиска путей эффективного преодоления негативных последствий научно-технического прогресса, который стал угрожать неконтролируемым изменением антропологических оснований бытия, ведь научное познание

распространяется на все более сложные явления, соразмерные самому человеку и неразрывно связанние с его судьбой. «При изучении "человекоразмерных" объектов поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений практического преобразования такого объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности. В этой связи трансформируется идеал "ценностно нейтрального исследования". Объективно истинное объяснение и описание применительно к "человекоразмерным" объектам допускает и даже предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений» [4, с. 166].

Характеризуя современную философию науки, Э. Агацци также обращает внимание на возрастающее значение аксиологической проблематики в ее структуре. Ценностные параметры научного познания все чаще привлекают к себе внимание философов, историков и методологов науки. Более того, «возникает аксиология науки как важный и серьезный аспект философии науки, и эта терминология относит ее в самом общем виде к широкому спектру ценностей, подразумеваемых занятиями наукой, т.е. не просто типичных нравственных, социальных и политических ценностей, а богатого набора целей и средств, вдохновляющих человеческие действия и считающихся "достойными" того, чтобы их преследовать» [1, с. 50].

Именно цели и средства научного познания в аксиологическом смысле имеют наиболее важное значение. Речь идет, во-первых, об истине, которая всегда была высшей ценностью и конечной целью научной деятельности. Даже когда наука декларировала свою ценностную нейтральность, истина, как и другие внутринаучные (когнитивные) ценности, противопоставлялась идеалам и нормам, аксиологически важным в иных сферах жизнедеятельности, но несущественным или даже мешающим имманетному развитию научного познания.

Когнитивные ценности связаны прежде всего с критериями научности знания. К ним относятся, например, соответствие опытным данным, или логическая непротиворечивость и т.д., «но когда оказалось, что в некоторых случаях этого недостаточно для выбора одной из соперничающих теорий, были предложены другие критерии, такие как простота, изящество, причинная связь, плодотворность с точки зрения предсказаний, и все они тоже были признаны как "ценности", так что многие ученые полагали, что уже в достаточной мере проявили непредубежденность по отношению к присутствию ценностей в науке тем, что признали роль таких ценностей» [1, с. 51].

Аксиологический потенциал науки возрастает, если, во-первых, имеются различные системы ценностей (исследовательские стратегии, парадигмы), а во-вторых, если они конкурируют между собой. В противном случае он остается тем же, или снижается, как это было в период развития науки под лозунгом «свободы от ценностей». На самом же деле, как отмечают многие исследователи, наука и в тот период не была ценностно нейтральной, просто под маской «свободной от ценностей науки» скрывалось желание работать в рамках уже ставшей привычной стратегии, то есть какого то одного определенного набора ценностей (Х. Лейси), что свидетельствует о консервативности научного сообщества и неспособности видеть преимущества конкурирующих парадигм. «Такая наука, – пишет А. Конопкин, – теряет потенциал и приобретает черты идеологизированной науки, а отдельные исследовательские программы становятся деградирующими. Когнитивные ценности отделяемы от других ценностей, они играют решающую роль в выборе теорий, и, в конечном счете, определяют высокий уровень науки среди конкурирующих когнитивных практик. Таковы парадоксальные идеи науки, свободной от ценностей в современной интерпретации» [2].

Говоря об эвристическом потенциале ценностно релевантной постнеклассической науки, нельзя не вспомнить о том, что выдающиеся философы XX столетия, в том числе

и М. Хайдеггер, весьма критически относились к попыткам реабилитировать аксиологию в области научного познания, видя в ней метафизическое заблуждение, мешающее познанию истины, симптом распада европейской интеллектуальной традиции, угрозу впадения в нигилизм. «Между тем, – по мнению А. Огурцова, – в философии науки XX в. представлены подходы, подчеркивающие эвристическую роль метафизики в научном познании и вместе с нею и эвристическую роль аксиологии в актах познания. Именно этот поворот теории познания и философии науки к аксиологии остался незамеченным ни в экзистенциализме, ни в фундаментальной онтологии» [3, с. 19–20]. И все же, вопреки скептическим оценкам эвристичности аксиологических оснований современного естественнонаучного и социогуманитарного знания, непрекращающимся попыткам элиминировать из него ценностные суждения, регулятивы, нормы, аксиологический потенциал научного познания сегодня не только становится явным, но и методологически важным, теоретически привлекательным, эвристически плодотворным.

Литература

1. Агацци, Э. Переосмысление философии науки сегодня / Эвандро Агацци // Вопросы философии. – 2009. – № 1. – С. 40–52.
2. Конопкин, А.М. Когнитивные ценности и наука // Философия XX века о познании и его аксиологических аспектах. Материалы Всероссийской научной конференции (Ульяновск, 25–26 июня 2009) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.podelise.ru/ docs/ index-8810.html. –Дата доступа: 01.05.2013.
3. Огурцов, А.П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3 частях. Часть вторая: Философия науки: Наука в социокультурной системе. – СПб.: Изд. дом «Міръ», 2011.
4. Стёпин, В.С. От классической к постнеклассической науке (изменение оснований и ценностных ориентаций) // Ценностные аспекты развития науки / В.П. Визгин, М.Б. Туровский, Л.Б. Баженови др. – М.: Наука, 1990. – С. 152–166.

ЭТИКА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПЬЕР БУРДЬЕ VS НАТАЛИ ЭЙНИШ

О. А. Борщева

Французский социолог Натали Эйниш в 1981 году защитила диссертацию о статусе художника в классическую эпоху под руководством Пьера Бурдье, основателя и крупнейшего представителя эмпирической социологии искусства, идеи которого в значительной степени пронизывают мир современной культуры. Однако со временем исследовательница заняла критическую позицию по отношению к социологии мэтра, что нашло свое выражение в книге «Почему Бурдье» [3], посвященной социальным причинам успеха теории Бурдье и критике этой теории. Более или менее явно с Бурдье постоянно ведется полемика также на страницах книги Эйниш «Социология искусства» [1]. Обе эти значительные работы до настоящего времени не переведены на русский язык, поэтому мы считаем необходимым, с использованием цитат, отметить здесь наиболее важные пункты, в которых Эйниш расходится с Бурдье.

Прежде всего, Эйниш придерживается иной точки зрения по вопросу о том, какую позицию по отношению к объекту изучения должен занимать исследователь и в каком направлении должна развиваться социология искусства как таковая. Этот раскол Эйниш обозначает так: «Должна ли социология критически относится к "доминирующим" ценностям, потому что они являются иллюзорными или элитистскими? Или же она должна воздерживаться от того, чтобы занимать какую-либо позицию, и рассматривать в качестве объекта отношение агентов к ценностям?» [1, с. 102]. Соответственно,

Бурдье занимает нормативную позицию: для него главная функция социологии искусства – критическая. Выступая в качестве разоблачителя истинных мотивов агентов, Бурдье стремится противостоять ординарным ценностным суждениям и деидеализировать ряд социальных представлений, продемонстрировать, что на самом деле за идеализациями стоят прагматические интересы. В соответствии с этой логикой, художники не просто занимаются художественными поисками, а ведут борьбу за доминирование в поле искусства. Действия и особенности художественной продукции агентов предопределены их актуальной позицией в поле искусства и тем, какую позицию в этом поле они желают занять. На самом деле художники стремятся к символической власти, что позволит им навязать собственное определение искусства, наиболее отвечающее их специфическим интересам и легитимно занять доминирующую позицию в данном поле. Кроме того, Бурдье как социальный критик стремился деконструировать иерархии как факторы социального неравенства, например, доказать, что нет причин рассматривать одни виды искусства в качестве превосходящих другие его виды. Поэтому значительные усилия Бурдье направлял на работу с жанрами, которые традиционно считались низшими. Согласно Бурдье, низшими эти жанры считаются потому, что определенные социальные группы навязывают другим социальным группам подобные представления для того, чтобы удерживать свои доминирующие позиции [2, с. 6].

Эйниш отмечает ряд недостатков подобного подхода к исследуемой реальности. С ее точки зрения, подобная критическая установка дает не более чем иллюзию освобождения, поскольку производит эффект кульпабилизации и усложняет ряд аналитических операций: «Редукция разнообразных размерностей поля, и самого разнообразия полей к принципу доминирования совершенно не позволяет принять во внимание многообразие принципов доминирования, даже если оно признается теоретически. Легитимность, различие, доминирование имеют смысл в одномерном мире, где противостоят однозначным образом легитимное и нелегитимное, выдающееся и вульгарное, доминирующий и доминируемый. Но существующее разнообразие критериев величия, регистров ценности, представлений о справедливости вносит сложность и неоднозначность: доминируемые в одном режиме оценки оказываются доминирующими в другом… Кроме того, эта социология доминирования, сосредотачиваясь на иерархических структурах, мало облегчает конкретное описание фактических взаимодействий, значительно более сложных, чем их редукция к соотношениям сил между доминирующими и доминируемыми. Наконец, она малосовместима с понимающим анализом смысла, которым агенты наделяют репрезентации, которые они производят в отношении творческого процесса» [1, с. 79].

Критическая призма, сквозь которую смотрит на изучаемую реальность Пьер Бурдье, видится Эйниш редукционистской и идеологически окрашенной. Эйниш видит социологию искусства аналитико-дескриптивной дисциплиной. С ее точки зрения, исследователь не должен высказывать ценностные суждения, в соответствии с призывом Макса Вебера к «аксиологической нейтральности», а должен делать ценности объектом исследования. В таком случае, исследователь может отрефлексировать и свои собственные ценностные установки и цели, влияющие на результат исследования, и тем самым повысить степень его объективности. В другой формулировке уже обозначенного выше вопроса, фундаментального для социологии искусства, эта мысль раскрывается так: «Должна ли социология доказывать, что художественное творение является не индивидуальным, но коллективным, полагая, что "вера" в индивидуальность есть "символическое насилие", которому "доминирующие" подвергают "доминируемых"? Или же она должна описывать перемещения по отношению к творению между индивидуальным и коллективным, таким способом, чтобы иметь возможность реконструировать генеало-

гию этих репрезентаций, изучать способ, которым они артикулируют себя в опыте и сосуществуют с конкурирующими репрезентациями, делая очевидным плюрализм позиций и форм доминирования в искусстве – в том числе, доминирование социолога, который торопится навязать, именем "науки" и в противовес "верованиям" агентов, системы ценностей, которые представляются в качестве объективно истинных?» [1, с. 103–104]

Разрушение иерархий и деидеализация искусства, приводят, с точки зрения Эйниш, к усугублению депривации, поскольку еще более затрудняют возможность для людей, мало причастных к искусству, выстроить с ним отношения: «Когда в "Любви к искусству" Бурдье разоблачает идеализацию художественных ценностей как препятствующую доступу "доминируемых" к культуре, парадоксальный результат заключается в лишении этих ценностей тех, кто еще только начинает входить в мир искусства: циничное или деидеализирующее отношение к искусству – прерогатива тех, кто к нему близок в достаточной степени для того, чтобы небрежно играть в перед лицом хорошо знакомых ценностей. Если идеализация искусства является эффектом депривации, то она также важнейший инструмент для того, чтобы войти с ним в отношения: так что разоблачая ее, во имя социологической девуализации неравенства, тем самым усугубляют объективную депривацию» [1, с. 104].

Следующее принципиальное расхождение связано с отношением к политике. Если в семидесятые годы Бурдье иронически относился к ангажированным интеллектуалам и выступал за автономию науки, то, начиная с восьмидесятых годов, он постепенно начинает вовлекаться в политику, выполняя функцию эксперта при проведении реформы образования. В 1995 году Бурдье публично выступает на забастовке сотрудников коммунальных служб против реформы пенсионной системы. Таким образом, в первой половине своей карьеры Бурдье утверждал, что нужно заниматься наукой ради самой науки, а во второй половине – «порицал социологов за то, что они заперлись в башне из слоновой кости» [2, с. 7]. Эйниш упрекает Бурдье не в том, что он радикально переменил свои взгляды, а в том, что он не дал никаких объяснений по этому поводу. С точки зрения Эйниш, социолог не должен эксплуатировать свой авторитет ученого для того, чтобы оказывать влияние на мир политики: «Использование своего престижа и своего положения исследователя для того, чтобы вмешиваться в мир политики часто является злоупотреблением властью, или научным злоупотреблением, когда производится попытка установить этические или политические положения с использованием научных данных. … Это проблема, которая глубоко раскалывает нашу дисциплину: это, можно сказать, фундаментальный разрыв, по ту сторону концептов и методов. Я вышла из системы Бурдье в основном благодаря осознанию того, что качество исследования зависит от способности исследователя абстрагироваться от ценностей агентов, для того, чтобы понять эти ценности и их анализировать, а не для того, чтобы поддерживать их в свою очередь, или критиковать» [2, с. 6–7].

Литература

1. Heinich, N. La sociologie de l’art. – Paris, La Découverte, 2004.
2. Heinich, N. Pourquoi Bourdieu [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ebookbrowse.com/ conf-heinich-pdf-d86781923. – Дата доступа: 21.05.2012.
3. Heinich, N. Pourquoi Bourdieu. – Paris, Gallimard, 2007.

ЭТИКА НАУКИ: ПРИНЦИПЫ АНАЛИТИЧЕСКОГО ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ

Н. Н. Шевченко

Современная социокультурная ситуация перехода к новой социальной реальности, характеризуемой как «вторая» или «рефлексивная модерность» (У. Бек, Э. Гидденс), стимулирует повышенный интерес к философскому переосмыслению основных социальных ценностей проекта модерна, в том числе и концепта ценностной нейтральности научного знания и его автономии от морального дискурса. Потребность в осмыслении морального статуса и специфики этического самопонимания современной науки актуализируется ее стремлением к нравственной форме существования и поиском такой направленности развития, при которой гуманистические ориентиры становятся исходными в определении стратегий научного поиска, что возможно лишь посредством скрупулезной моральной оценки и критического усвоения ее фактически состоявшейся истории.

Изменение облика естествознания в связи с его ориентацией на изучение «человекоразмерных» природных комплексов (медико-биологические объекты; экологические системы, включая биосферу в целом; объекты биотехнологий и т.д.), требует соответствующих изменений в методологии естественнонаучного познания, «не только допускающих, – по мнению В.С. Стёпина, – но и предполагающих включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений» [1, с. 13]. Объективное нарастание проблем аксиологического, прежде всего этического, характера при определении границ вмешательства науки в объект и возможные линии его развития позволяет некоторым исследователям (М.Д. Ахундов) утверждать, что идет процесс становления «постнауки», синтезирующей собственно научные и этические компоненты. Однако не будет являться преувеличением утверждение о том, что этическая проблематика в современной науке постижима лишь в качестве конечного продукта процесса исторического изменения, следовательно, необходимо знать, какие этические проблемы возникали в науке на предшествующих этапах ее развития и как они осмысливались в аналитике науки.

Несомненно, что в настоящее время востребован серьезный анализ этических и гуманистических оснований научного познания с точки зрения их исторической специфики, направленный на выявление линий схождения этики и науки, способный обобщить хаотический опыт и конфликтные точки зрения, выявляющиеся в сфере аналитики науки по данной проблеме. Тем не менее, в историко-гносеологических исследованиях и теоретических философских концепциях и моделях научного знания явно прослеживается существенная непроработанность проблематики коммуникации науки и этики, либо фрагментарность ее анализа.

Исследование исторического контекста взаимоотношений научного и этического дискурса [2] показывает, что основной вектор представляет собой движение от их единства – к расхождению, а затем – к разрыву между этими двумя формами дискурсов, оформленному теорией познания Нового времени в виде идеи этической нейтральности научного познания. Утвердившиеся в классической науке принципы практической рациональности, заключающиеся в легитимации принципа полезности, эксплицированного из герметического контекста ренессансной культуры, локализованы в эмпирических атрибутах, поддающихся идентификации, одним из которых является принцип эффективности, оказавший влияние на смысловой репертуар, понятийный язык и методологические критерии этоса рационализма.

Программа рационализма, ориентированная на деперсонализацию и деэтизацию научного познания, разрыв микро – и макрокосмического единства, вытеснили из тео-

рии познания этико-религиозный принцип моральной достоверности и утвердила морально-нейтральный принцип математической достоверности. В дальнейшем при формировании этоса сциентизма институционально полноценной самореферентной науки эпохи Просвещения предпочтения науки сконцентрировались не на идее социальной полезности, а на принципе эпистемологической объективности, не оставляющем места для логики общественных институтов и человеческих интересов.

В целом, становление системы «научного производства» в рамках классической и неклассической науки сопровождалось утверждением принципов практической инструментальной рациональности, подчиняющих нормативные социально-этические ориентации научного познания инструментальным, моделирующим его по образцам достижения объективных материальных интересов и организационной эффективности. Утвердившийся этос сциентизма способствовал институционализации модернизационной универсалистской ориентации научного познания, породившей идею формативного влияния научной истины, как эпистемологически привилегированной позиции, на переустройство всех сфер общества на началах научного разума.

Анализ взаимосвязи истории моральной философии и истории науки доказывает зависимость этапов самоконструирования исторически изменчивых представлений о целях и задачах развития науки от соответствующих этим этапам моральных ценностей, что позволяет рассматривать науку не только как автономную абстрактно-познавательную деятельность, оставляющую «научное наследие» в виде открытых ею законов и описывающих их теорий, но и как социокультурную деятельность, формирующую комплекс социально-этических и гуманистических идей, являющихся основой различных, и даже враждующих, типов этосов, содержание «внутренних» профессиональных критериев которых выходит за исторические границы классической и неклассической науки и определяет специфику моральных ценностно-нормативных установок современной науки [3].

Применение категориального философского аппарата и понятий современной эпистемологии, аксиологии и этики к исследованию моральных аспектов науки и анализу парадигмы знания в европейской культуре позволяет выявить на их основе конкурентные преломления гуманистических и прагматических, индивидуалистических и деперсоналистких ценностей в научных программах различных исторических эпох. В контексте исторического исследования становится понятно, что не существовало универсального морального сознания науки как такового, не принадлежащего ни к какому конкретному этапу развития науки. Любые конкретные моральные ориентации науки имеют свою специфику и особенности, именно по этой причине история морали и история науки являются единой историей.

Поэтому стремление осмыслить проблемы постнеклассической науки, обусловленные стиранием в ней граней между гуманным и антигуманным, нравственным и безнравственным, мощью ее антропогенных факторов, не обеспеченных контролем и управлением с позиции общечеловеческих гуманистических смыслов, предполагает изучение аксиологического и этического контекста современной культуры. Анализ современного аксиологического контекста позволяет исследователям утверждать, что ситуация нормообразования в нем оказалась перевернутой с ног на голову – нормы уже не выводятся из ценностей (или общих принципов, или критериев), а сами становятся первичными по отношению к ним, что предполагает невозможность регламентации поведения людей посредством единого набора норм, индивидуализацию отношения к нормативной системе и появление внутренних источников ее легитимности. Действующий субъект теперь уполномочен выступать в качестве агента надлежащего применения норм и сам должен определять, какую норму и к какой ситуации применять, и как она

может быть применена наилучшим образом, что ведет к разрушению «плотного этоса» и конституированию морали вокруг эмпирически индивидуализированных и плюралистичных регулятивов [4, с. 100].

Характерный для современной этики отказ от объективного ценностного содержания морали, когда универсальные принципы представляются в качестве предпочтений индивидуальной воли, и понятие морали как личностного предпочтения, эксплицируемого из представлений о нормативной автономии субъекта, ставит современную науку в новую для нее ситуацию невозможности регламентации научной деятельности посредством единого набора норм в форме научного этоса, превращает этику науки в ситуативную, дисциплинарную и сознательную конституцию, а ученый, как индивидуальный моральный субъект, становится сам для себя суверенным моральным авторитетом.

В целом, программы «новой философии науки», стремясь к осмыслению проблем перехода от одного типа стандартов научности к другому, как обусловленных определенной культурной и исторической ситуацией, должны стремиться к преодолению схематизма однозначной демаркации науки и морали, поскольку этическая проблематика в постнеклассической науке становится ведущей и не обещающей быстрой исчерпанности, как слишком узкая и бесперспективная.

Литература

1. Стёпин, В.С. Становление идеалов и норм постнеклассической науки // Проблемы методологии постнеклассической науки. – М., 1992.
2. Витченко, Н.Н. Европейская наука in statu nascendi: моральный модус. –Томск, 2004.
3. Шевченко, Н.Н. Социально-этические и гуманистические основания научного познания (на примере науки Нового времени). – Saarbrucken, Germany: Palmarium Academic Publishing. 2012.
4. Heller A. General Ehtics. – Oxford, 1988.

ПОЛУЧЕНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ ЗНАНИЙ КАК ФИЛОСОФСКАЯ И ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

А. А. Спектор

Наше время как никогда ранее ставит вопрос о том, как преобразовывать информацию в знания и что делать с приобретенными знаниями. Это проблема является проблемой и науки, и технологии, и этики.

Безусловно, информация, как и знания, лишними быть не могут. Избыточность информации можно сравнить с избыточностью генетического кода, поскольку в каждом триплете третий нуклеотид ничего не определяет. Также можно вспомнить о многочисленных нейтральных мутациях, которые могут оказаться полезными при изменении условий внешней среды. Таким образом, необходимость в информации и знании выглядит бесспорной. Легкость поиска информации, казалось бы, должна привести к огромному скачку в развитии науки и технологий. Однако в наше время появились утверждения о конце науки. Огромный информационный поток сам по себе еще не гарантирует возможностей для научных прорывов. Отсюда возникает проблема применения полученных знаний. Почему так происходит? На этот вопрос можно попытаться ответить, если обратиться к рефлексии над наукой и к рефлексии в рамках самой науки. Рефлексия выведет нас за рамки конкретной дисциплины и будет способствовать приращению междисциплинарного знания.

С точки зрения когнитивной парадигмы, как и с точки зрения конструктивной парадигмы, можно выделить рефлексию над целями и ценностями, а также над средствами. Если говорить о рефлексии над средствами, то следует прийти к выводу о том, что сам процесс поиска информации и преобразования ее в знания в настоящее время изменился. Это происходит не в первый раз в истории человечества. Еще Платон в диалоге «Федр» вложил в уста Сократа мысль о том, что письменность вредит памяти. Египетский фараон, о котором рассказывается в диалоге, говорит богу мудрости Тоту (в русском переводе диалога его имя пишется как Тевт): «Вот и сейчас ты, отец письмен, из любви к ним придал им прямо противоположное значение. В души научившихся им они вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых» [4]. Однако можно сказать, что письменность стала новым средством получения и переработки информации. Следующим шагом в этом направлении стало книгопечатание. Незря же внедрение книгопечатания в практику назвали революцией Гутенберга.

Сегодня перед человечеством появились новые возможности. Речь идет об Интернете. Фактически, для получения многочисленных данных разного порядка достаточно нажать несколько клавиш. При этом вовсе не уменьшается необходимость анализа и синтеза полученных данных. Однако изменение средств должно влиять и на результат – как приращение знаний (в рамках когнитивной парадигмы), так и принятие решения (в рамках конструктивной парадигмы) [5]. В отличие от поиска информации или полученных с ее помощью знаний, непосредственное получение первичных данных в естественных науках стало чрезвычайно технологичным и требует немалых денег. Особенно это характерно для физики, но также и для биологии. Из чего можно вывести следующий вид рефлексии – рефлексию над целями. Вкладывая в науку деньги, от нее неизбежно ждут отдачи, как от техники, и требуют возможностей, как от технологии. Тем не менее, если наука и является технологией, то в одном смысле – это технология получения новых знаний.

Получение новых знаний в наше время, несмотря на зависимость от дорогостоящих технологий, а может быть, и благодаря ним продолжается. Как написал профессор В.В. Казютинский: «Фундаментальные теории в науке вовсе не возникают каждую неделю. Вспомним, что от появления классической физики до релятивистской и квантовой, прошло более 200 лет» [3]. Это совершенно справедливо. Можно вспомнить, например, о том, что сегодня постоянно открываются новые виды животных и растений, то есть накапливаются новые знания, а также о развитии молекулярной биологии и биотехнологий. У человека около 25 тысяч генов, и исследование регуляции их функций имеет большие перспективы. Вполне вероятно, что качественный скачок по появлению новых теорий достаточно близок.

Если обратиться к рефлексии над ценностями, то она тоже приобретает новое измерение в наши дни. Но этот скачок должен опираться на рефлексию, которая неизбежно связана с вопросами ценности полученных знаний и с вопросами этики. Например, уже сегодня технически возможно просеквенировать геном (то есть определить нуклеотидную последовательность ДНК) любого человека. Но что он будет делать сегодня с этой информацией? Для того чтобы преобразовать ее в знание, которое можно эффективно применить, необходимы знания дополнительные: о том, какие мутации присутствуют в данном геноме, к каким заболеваниям могут привести, с какой вероятностью,

можно ли предотвратить развитие данных заболеваний. Во многих странах законодательно запрещено проведение генетического скрининга неизлечимых в настоящее время заболеваний. Тем не менее, это иногда необходимо, хотя бы для того, чтобы человек мог принять решение о своих будущих детях. И Всемирная Организация Здравоохранения допускает осуществление досимптоматического тестирования взрослых при отсутствии методов лечения заболевания, когда информация необходима для предотвращения ущерба здоровью родственников, а также при наличии долговременной консультативной программы по данному заболеванию; лицо, подвергающееся тестированию, полностью информировано об ограничениях теста и способно адекватно воспринять эту информацию. По мнению большинства исследователей и биоэтических комитетов, тестирование на позднее развитие неизлечимого заболевания можно предлагать пройти только взрослому человеку.

Пример этического подхода к подобным знаниям – существование биоэтики и международных документов, регламентирующих проблемы применения новых знаний в биологии и медицине [1, 2]. В ЮНЕСКО действуют два комитета по биоэтике – международный и межправительственный. В Совете Европы этой тематикой занимается Руководящий комитет по биоэтике. Рабочая группа по биоэтике существует и в рамках Всемирной Организации Здравоохранения. У нас в стране в медицинских учреждениях существуют этические советы. Таким образом, этические вопросы в рамках естественных наук поставлены и решаются. Это значит, что рефлексия в данной сфере применяется. Но мы знаем, что рефлексия над основаниями культуры – это философия, а наука – неотъемлемая часть культуры. Следовательно, философские проблемы неотторжимы от науки. И если естественная или точная наука начинает рефлексию, она не просто превращается в философию, но принимает ее, оставаясь при этом самой собой. И не является ли рефлексия над наукой той же технологией по производству идей и более того, по производству вопросов?

Литература

1. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ russian/ documen/ declarat/ bioethics_and_hr.pdf. – Дата доступа: 01.05.2013.
2. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bioethics.ru/_Images/ Catalog/ 137–1-33.pdf. – Дата доступа: 01.05.2013.
3. Казютинский, В.В. Близок ли «Век Науки» к завершению? // Вопросы философии. - 2013. - № 3.- С. 80–90.
4. Платон. Федр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://philosophy.ru/ library/ plato/ fedr.html. – Дата доступа: 01.05.2013.
5. Старжинский, В.П. Спектор А.А. Конструктивная методология как рефлексивная система // Проблема конструктивности научного и философского знания. Сборник статей. Выпуск седьмой. - Курск, 2006. - С. 83–100.

О ВУЛЬГАРНОЙ НАУКЕ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В. Ф. Берков

Слово «вульгарный» в переводе с латинского означает «пошлый», «грубый», «упрощенный». В научных текстах оно употребляется чаще всего в последнем смысле. Широко известен вульгарный материализм – философское течение, возникшее в Германии в 50-е – 60-е годы XIX столетия. Его представители – Л. Бюхнер, К. Фогт,

Я. Молешотт – активно популяризировали достижения естествознания (закон сохранения энергии, закон превращения энергии, дарвинизм, данные физиологии), но игнорировали специфику сознания, не видели качественных различий между физико-химическими процессами и высшей нервной деятельностью человека. Мозг, утверждали они, выделяет мысли так, как печень – желчь. Не обращая внимание на роль социальных факторов в формировании сознания, они определяли его содержание главным образом химическим составом продуктов питания. Например, причины рабства колониальных народов они усматривали в растительной пище, которую те преимущественно употребляли.

Идеи вульгарного материализма нашли поддержку в среде русской научной интеллигенции второй пол. XIX в. Известный ботаник-географ А.Н. Бекетов, например, выводил нравственный закон из закона тяготения. Значительное внимание уделял популяризации взглядов Фогта и Молешотта революционный публицист-демократ Д.И. Писарев, видевший в них противовес религии и идеализму.

В 20-е – 30-е годы прошлого века в Советском Союзе в области истории, художественной критики, теории искусства, литературы получил распространение вульгарный социологизм. Для него было характерно чрезвычайно схематическое и прямолинейное использование положения о классовой обусловленности форм общественного сознания. Представители вульгарного социологизма сводили содержание общественных явлений не более как к проявлению классовых интересов, к «психоидеологии» социальных слоев.

Западноевропейская философия и наука объявлялась вульгаризаторами прямым идеологическим рефлексом буржуазного общества. Даже использование тех или иных линий и красок в живописи некоторые из представителей этого течения связывали с классовой психологией художников. История музыкального искусства без достаточных на то оснований подразделялась на музыкальную культуру доклассового общества, музыку рабовладельческой формации, феодализма, капитализма, социализма – в прямом соответствии с принципами исторического материализма.

Близким к вульгарному социологизму является экономический детерминизм. Его суть – в сведении всего богатства общественных явлений, их противоречий и изъянов к действию изначально господствующего «экономического фактора». Из производительных сил и общественных отношений схематически и безусловно выводятся все остальные явления общественной жизни. Люди лишаются собственной активной роли и выступают только как персонификаторы экономических категорий.

Было бы ошибочно считать, что болезнь вульгаризации поражает лишь социальные науки. Достаточно вспомнить случаи с лысенковщиной в агробиологии, «новым учением» Марра в лингвистике и др. В частности, Н.Я. Марр пытался механически приспособить марксистскую теорию общественно-экономических формаций к эволюции мышления и языка. Получалось, что первобытному обществу соответствовало первобытное мышление, классовому обществу – формальнологическое, социалистическому – диалектическое. Стадиям развития мышления должны, по мысли Марра, соответствовать стадии единого языкового процесса. Но примечательно то, что идеи Марра нашли отзвуки в широких кругах научной общественности, так как они надежно служили господствующим идеологическим установкам.

Весьма продуктивен анализ природы вульгаризаторства с позиций марксистской методологии, важнейший тезис которой – признание науки системой объективного знания. Забвение этого тезиса, отказ от него или сомнение в нем как раз и порождают феномен вульгарной науки. Он появляется там и тогда, где и когда наблюдается стремление к такой точке зрения, которая диктуется не самой наукой, а лишь внешними, по от-

ношению к ней, причинами, мотивируется и питается интересами тех или иных социальных групп, их идеологией.

В последние годы вирус вульгаризаторства стал проникать в сферу белорусской исторической науки, ее методологии. В этом плане показателен двухтомник «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці» (Мінск, «Беларуская навука», 2011–2012 гг.). Освещая методологию исследования, авторы заявляют: «"Гісторыя беларускай дзяржаўнасці" падрыхтавана у адпаведнасці з нашай нацыянальнай ідэяалогіяй. Мы выклалі матэрыял, гістарычныя факты так, як яны выглядаюць, калі падыходзіць да іх з аб'ектыунага пункту гледжання, з пункту гледжання нас як народа, як нацыі беларусаў. Таму мы лічым вельмі важным даводзіць да шырокай грамадскасці погляд на нашу гісторыю з пункту гледжання беларусаў. Калі мы гэта не будзем рабіць, то можам атрымаць польскі, украінскі, расійскі варыянт нашай гісторыі, а ў нас павінен быць уласны погляд на гістарычныя падзеі, якія адбываліся на нашай тэрыторыі» [1].

Здесь не будем останавливаться на загадочном тезисе о существовании «нашай нацыянальнай ідэалогіі». Важнее, как нам представляется, следующее. В соответствии с процитированным фрагментом получается, что авторы обеспокоены не тем, чтобы найти и утвердить объективную истину, что является главным предназначением научного познания, а тем, чтобы в своих поисках соответствовать идеологии, подстраиваться под нее. Это порочная установка.

Кроме того, с каких это пор точки зрения некоторой общности людей (например нации, даже в том случае, если эти точки зрения обладают признаком всеобщности, общепризнанности для этой нации) объявляются объективно истинными?

«Уласны погляд на гістарычныя падзеі» может быть объективным, но лишь тогда, когда он соотносится с научной методологией, основу которой составляет концепция материалистического понимания истории. Ориентация же на ту или иную идеологию может привести только к вульгарным представлениям об историческом процессе в их польском, украинском, российском, белорусском и пр. вариантах.

Литература

1. Звязда. – 2013. – 26 сакавіка.

ПОНЯТИЕ СМЫСЛА В НОРМАТИВНОЙ ОЦЕНКЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

О. В. Рупташ

Гуманитарная экспертиза, как особая форма социального контроля над деятельностью ученых со стороны специалистов из разных областей знания, появилась не так давно – в середине прошлого века. Такая оценка результатов научного познания имеет не только позитивные отклики. С одной стороны, принадлежность экспертов к другим специальностям, их отстраненность от предмета исследования обеспечивает независимость, объективность их оценок, а с другой – предполагает возможность поверхностного заключения, поскольку «неспециалистам» не хватает профильных знаний для проведения взвешенного оценивания значения и последствий того или иного научного открытия, предложенной технологии, произведенной техники. Поскольку по мере углубления узкой специализации в науке увеличивается пропасть между специалистами из разных сфер знания, возможность их взаимной оценки становится все более сомнительной, а защита «корпоративных» интересов более вероятной. Это не значит, что ученые сознательно придерживаются аморальной позиции. Следует признать негативные послед-

ствия традиционного научного *имморализма*, провозглашающего ценностный нейтралитет научного способа познания, который на протяжении нескольких веков пропагандировался научным сообществом во имя идеалов свободы и независимости ученых от давления общественных институтов на их деятельность.

В современном мире проблемы возможных экологических, нравственных, психологических и / или любых других социальных последствий научных открытий и их промышленно-технических реализаций не могут оставаться в стороне от интересов самих ученых – непосредственных участников научно-технического прогресса. Оценка результатов научного познания включает в себя не только истинностную проверку, но практическое изучение последствий для человека, общества, природы.

Одним из решений поставленной проблемы может стать дополнение к требованиям оформления результатов научного исследования. В разделе диссертационных работ «Практическое значение результатов исследования» ученые должны указывать не только значение и область применения результатов, которые принесут пользу и возможные выгоды, но и прогнозировать возможные риски, негативные последствия и вред. Очевидно, что такие научные работы будут соответствовать главному правилу научного этоса – объективности познания. Только после научных выводов исследователей, которые непосредственно работали над проблемой и знают все «подводные камни» изучаемой сферы, экспертную оценку могут сделать другие специалисты, провести, так называемую, гуманитарную экспертизу. Невыполнение этого требования должно иметь для ученого такие же негативные последствия, как плагиат или нарушения других норм научно – познавательной деятельности. Общество ожидает, что ученые возьмут на себя ответственность за результаты познания, противодействуя тем самым опасным корыстным интересам отдельных субъектов экономики или даже целых государств (достаточно вспомнить создание и испытание ядерной бомбы, химического оружия, использование атомной энергетики и т.д.).

Это требование может быть принято научным сообществом, если высшим смыслом познания признать защиту существования жизни на Земле. Экологическая безопасность невозможна без поддержки приемлемого баланса между естественными и неестественными потребностями человека. Постижение смысла познания является достоянием мудрости, которая аккумулирует в себе общечеловеческий исторический опыт. И. Кант, разграничивая ученость и мудрость, признавал, что не ставить границ жажде познания подобает учености, а мудрости – выбирать среди множества задач, которые напрашиваются сами собой, те, решение, которых является важным для человека. «Наука совершив свой путь, приходит естественным порядком к состоянию скромного недоверия и говорит, недовольная собой: сколько однако вещей на свете, которых я не понимаю. А зрелый, благодаря опыту, ум, становящийся мудростью, говорит спокойно устами Сократа при виде товаров, которые выставлены на рынке: сколько однако вещей на свете, в которых я не нуждаюсь. Таким путем два стремления, такие разные по своей природе, под конец сливаются в одно, хотя сначала они шли совершенно в разных направлениях, потому, что первое отличается тщеславием и недовольством, а второе серьезностью и неприхотливостью " [1, С. 6]. Только наука, дополненная философским, гуманитарным знанием может сохранить свой статус совершенного средства познания.

Возможности человека и общества растут и расширяются благодаря научно-техническому прогрессу, темпы которого значительно опережают процесс его осмысления обществом. Проблемы последствий стремительного развития науки выявляют неспособность традиционных общественных институтов влиять на ситуацию, вырабатывать соответствующие нормы и запреты. Наука, сделав огромный прорыв в изменении жизненного мира человека, одновременно дискредитировала такие формы социального

контроля как мораль, религию, здравый смысл, общественное мнение. Упадок в этих сферах особенно остро человечество почувствовало в середине XX века. Одновременно с призывами "восстановить в правах" религию и мораль активисты в разных слоях общества выступили за усиление социальной и, прежде всего, экологической ответственности института науки.

Идеализированный мир научных теорий дарит свободу познавательным стремлениям человека, но мы должны контролировать наше пристрастие к безграничному познанию потенциального, учитывая ограниченность настоящего, наличного бытия. Человек, в отличие от других живых существ, живет не столько реальностью, сколько – мечтой, будущим, желанным, часто игнорируя факты действительного положения вещей. экологическому кризису. Поиск путей решения глобальных проблем человечества происходит во всех социальных сферах: экономической, политической, правовой, и даже художественной. Объединить их, по нашему мнению, может выработка идеала духовности, который призван противостоять как ценностям потребления, так и пессимистическим призывам отказа от достижений научно-технического прогресса.

Для современной философии науки актуальной задачей является разработка оснований ценностно-смысловой детерминации научного познания. Свой вклад в ее решение внес украинский философ М. Марчук, разработавший потенциалистический подход в аксиологии науки. Согласно предложенному подходу, структуру объяснительного и смыслообразующего потенциала знания отражает трехвекторная схема соответствующих духовных координат – интеллектуальной (истина и ложь), моральной (добро и зло), эстетической (прекрасное и безобразное). При потенциалистическом подходе понимание смысла исходит не из заранее заданной установки, а проявляется как актуализация потенциала взаимодействия человека с миром.

Литература

1. Кант, И. Избранные мысли Канта, выбранные Л.Н. Толстым / Пер. с нем. С.А. Порецкого. – М.: Посредник, 1906.

НРАВСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

О. Ф. Терешкун

Человечество сегодня живет в новой, особенной нравственной ситуации, которая характеризуется мощным технологическим господством не только над природой, но и над человеком, миром вообще. Жизненный мир человека превратился на мир артефактов, техномир, или техносферу, которая в состоянии уничтожить все живое. При этом человек оказался объектом разнообразных манипуляций: рекламно-потребительских технологий (телевидение, радио, СМИ), социотехнологических, коммуникационных, инфо-, нано-, биотехнологических. Современная ситуация актуализирует проблему нравственности современных технологий, их нравственно-ценностного вектора развития. Проблема необходимости нравственного измерения современных технологий может быть представлена следующими положениями. В условиях «технотронного общества» (З. Бжезинский), когда не прекращается рост знаний и технико-технологического могущества, фундаментальной проблемой философии вообще и философии техники в частности становится проблема нравственного измерения современных технологий, которая может быть представлена следующими положениями.

1. Современные технологии, будучи сложным и многоплановым феноменом, тре-

буют серьезного гуманитарного осмысления и анализа. Исследуя нравственный аспект влияния современных технологий на жизненный мир человека, все сферы общественной жизнедеятельности, необходимо установить границы их применения, минимизировать негативные последствия их использования, содействовать их гуманизации. Актуальность исследования нравственного аспекта современных технологий обусловлена острой необходимостью переосмысления содержания технологической рациональности, существующей в виде современных технологий, для предупреждения более глубокого антропологического кризиса, который может привести к системному кризису и даже апокалипсису.

2. Современные технологии вынуждают нас вести публичный дискурс о правильном понимании культурной формы жизни как таковой, о ценности естественных форм жизни, об опасности технологического господства. У философов не может быть никаких оснований для того, чтобы отдать приоритет в такой дискуссии исключительно представителям медицинских, естественных, технических наук и вдохновленным научной фантастикой инженерам. Общество должно контролировать процесс разработки, внедрения и использования разнообразных технологических практик и их жесткой интервенции в условиях либеральной экономики и политики.

3. Нравственная личность – это залог адекватного отношения к окружающему миру, залог созидательной, а не деструктивной деятельности. Развитый, но безнравственный интеллект бесполезен и даже опасен для глобализирующегося мира.

4. Кроме того, стремительное развитие современных технологий, ориентированных на экономическую прибыль, не позволяет гуманитарным технологиям, которые только зарождаются и постепенно приобретают важное значение, реализовать свою социальную терапию.

5. Современные технологии способны не только изменить, но и коренным образом повернуть социально-историческое, биологическое и даже планетарное развитие. Современному миру свойственны интенсивные экономические, политические, культурные, коммуникативные и информационные связи. Они придают современной цивилизации системное качество, которое проявляется в усилении зависимости стран, государств, континентов от флуктуаций развития технологических процессов. Техническая среда интенсифицирует, глобализирует, технологизирует взаимосвязи различных уровней, содействует стремительному распространению тех форм финансово-экономической, социально-политической жизни, типов и форм культуры, ценностей и знаний (утилитарных, прикладных), которые оказываются наиболее эффективными для удовлетворения личных и общественных потребностей. Современная цивилизация ощущает на себе прес технологического могущества. Она существует в совершенно новой, уникальной этической ситуации нравственной ответственности за дальнейшее технологическое развитие. Традиционная этика нравственного долга должна быть переориентирована на новую этику – этику будущего. Ее предметом должны стать действия не отдельного индивида, а коллективные действия. Основанием для переосмысления феномена ответственности можно считать новую степень свободы, которую предлагают современные высокие технологии.

6. Если человечество не может отказаться от развития науки, техники и технологии ни в настоящем, ни в будущем, то оно способно придать этим человеческим творениям нравственный смысл и нравственное измерение. Для проектов будущего существует острая необходимость в участии нравственности в форме коллективной ответственности.

7. Х. Ленк в труде «Философия в технологическую эру» отмечал, что сплетение технических и социальных процессов создает новые, ранее не существующие и быстро

усложняющиеся системы – социотехнические комплексы. Предусмотреть их появление, а теперь и рассчитать их развитие и возможные технологические риски становится все сложнее. В такой ситуации социальная ответственность в технике рассматривается как направленная в будущее, касающаяся всех нравственная ответственность. Вообще нравственная ответственность относительно современных технологий должна распространяться на все общество, быть открытой для всех, направленной на будущее природы и человечества, а также предусматривать дифференцированность ответственности относительно технологических рисков в соответствии с оценкой меры вины и распределением обязанностей.

8. Технологизация всех сфер человеческой жизнедеятельности значительно усложняет социальную жизнь. Кризис нравственности проявляется не только в катастрофическом ухудшении нравственной ситуации, касающейся поведения людей, но и в существенном ухудшении экономических, политических, административно-управленческих решений, принимаемых современными элитами. В условиях рыночного хозяйствования и высокой конкуренции проявляются побочные негативные последствия стратегических несогласованных действий субъектов, которых никто не хотел и не предусматривал, а следовательно за которые никто не несет ответственности. Нескоординированная деятельность, а также синергетическое и куммулятивное влияние усиливают друг друга. В результате невинно отдельно взятые действия могут привести к любым негативным последствиям в соединении с другими непредвиденными факторами. Человечеству необходимо осознать, что могущество технологических процессов и человеческих действий оказалось значительно большим, чем наша сила предвидения. Поэтому мы должны учитывать умножающиеся связи, особенно нелинейные, взаимовлияние различных факторов в сложных системах, которые составляют основу самых разнообразных рисков и опасностей. Не справляясь с управлением и не контролируя свое настоящее, человек не способен представлять, планировать, рассчитывать будущее и четко осознавать прошлое.

Таким образом, нравственно-гуманистическое измерение должно стать смыслообразующим началом современных технологий, поскольку они затрагивают основы бытия природы, человека и общества. От нравственно-ценностной интенции развития современных технологий зависит будущее всего живого.

Этические основания социально-экологических отношений

«НАУЧНАЯ МОРАЛЬ» КАК ФАКТОР ПЕРЕХОДА БИОСФЕРЫ В НООСФЕРУ

П. С. Карако

В период обострения противоречий в системе «общество – природа» особую актуальность приобретают вопросы духовно-нравственного состояния человека. С ними многими современными исследователями связываются возможности преодоления отмеченных противоречий и утверждения гармоничного характера взаимоотношений между человеком и обществом с природой.

При обсуждении путей становления такого состояния социоприродных систем принципиальную значимость имеют суждения выдающегося русского ученого и мыслителя В.И. Вернадского (1863–1945) относительно места и роли человека, его разума и нравственных качеств в системе биосферы и обеспечении ее эволюции в ноосферу. В

незавершенном труде «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» (1965) он писал, что уже нынешний человек «подошел к резкому изменению понимания своего положения на нашей планете вследствие перехода ее в новое состояние, в *ноосферу*. В ноосфере геологическая роль человека ведущая» [1, с. 167]. Именно деятельность человека, его разум становятся «ведущими» факторами не только перехода биосферы в ноосферу, но и последующего бытия ноосферы. При этом следует иметь в виду, что для Вернадского ноосфера не только будущее состояние биосферы, но и такая социоприродная система, в которой социальная и природная стороны будут находиться в состоянии гармонии и совместно, сопряженно развиваться. Но такое их состояние будет обеспечиваться научным знанием. Именно господство знаний, разума над природной стороной есть, по Вернадскому, выражение ноосферы.

Следующим важнейшим положением Вернадского является его утверждение о взаимосвязи человека с ведущим компонентом биосферы – живым веществом. «Человек и человечество, – писал он, – теснейшим образом прежде всего связаны с живым веществом, населяющим нашу планету, от которого они реально никаким физическим процессом не могут быть уединены. Это возможно только в мысли» [2, с. 304]. Взаимосвязь человека со всеми другими структурными компонентами биосферы Вернадский называл «законом природы». Им делался упрек представителям научного знания, которые не считались с этим законом: «До сих пор историки, вообще ученые гуманитарных наук, а в известной мере и биологии, сознательно не считаются с законами природы биосферы – той земной оболочки, где может только существовать жизнь. Стихийно человек от нее не отделим. И эта неразрывность только теперь начинает перед нами точно выясняться» [3, с. 309].

Для Вернадского было «ясным» и то, что человек и все человечество в новое историческое время становятся «мощной геологической силой», преобразующей биосферу. Со всей определенностью он писал, что «лик планеты – биосфера – химически резко меняется человеком сознательно и главным образом бессознательно. Меняется человеком физически и химически воздушная оболочка суши, все прилегающие воды» [3, с. 314]. Особенно интенсивно происходит уменьшение численности живого. Вернадский отмечает усиливающееся «исчезновение прежних обитателей суши». А вот «число исчезнувших или ставших редкими диких животных все увеличивается...» [4, с. 240].

Одну из причин возрастания негативного воздействия человека на биосферу Вернадский связывал с сохранением сложившегося еще в XVII в. потребительского отношения людей к природе и в начавшемся XX в. В период, когда резко возрастает рост научного знания и геологическая сила человека «морального прогресса» в обществе по его утверждению, не происходит [2, с. 336–339]. Но он выражал и уверенность в том, что в процессе перехода биосферы в ноосферу будет формироваться «научная мораль» [2, с. 396], руководствуясь которой люди будут по-иному строить свои отношения с другими структурными компонентами биосферы и с ней, как целостным образованием.

К разработке такой морали следует приступить уже нынешним поколениям людей, а ближайшему – выработать ее содержание. В трудах Моисеева она получила название «нравственность ноосферы». При этом он отмечал, что в содержании этой морали «еще много неясного. Многое еще предстоит понять» [5, с. 7]. Но несомненным является то, что ноосферная нравственность будет строиться на основе учета данных экологии, принципов экологического и нравственного императивов.

В процессе созидания человеком ноосферы будет меняться социальная выраженность и самой нравственности. Существенно изменится, прежде всего, содержание категории «добра». По заключению российского исследователя современных глобальных проблем А.И. Субетто, уже «в XXI в. "добро" приобретает экологическое, ноосферное

измерение. Добром является то, что обеспечивает продолжение жизни не только отдельного человека, семьи, народа, общества, но и человечества, и всей Природы» [6, с. 287]. Выражением добра будет и та деятельность людей, которая ориентирована на обеспечение перехода биосферы в ноосферу.

Как видим, нравственность ноосферы имеет экологическую и этическую выраженность. Обсуждение ее проблематики входит в содержание экологической этики. Этим самым расширяется предмет экологической этики и более значимыми становятся ее социальные функции. Она призвана охранять не только существующую природу, но и способствовать становлению ноосферы, обеспечивать ее бытие. Кроме того, она предназначена формировать и экологически ориентированную личность. Личность, которая вооружена современными знаниями о природе, характере ее состояния в настоящее время и возможных форм отношения к ней человека и общества в будущем. В сознании такой личности достойное место должны занять принципы и положения экологического и нравственного императива.

Современное поколение людей следует ориентировать и на постижение будущего ноосферного состояния природы и общества, включение их в его созидание. Последнее предполагает преодоление всего того негативного, что имеет еще место в сознании нынешних людей. Следует согласиться с суждением Субетто, который пишет, что «в технологически сложном мире, в котором ошибка оборачивается гибелью многих людей и народов, экологическими катастрофами, нравственность (мораль), не осуждающая невежество, незнание, непрофессионализм, не выполняет своей главной функции – сохранение жизни на Земле и потому безнравственная. *Нравственность, система ценностей в XXI веке должны стать космоноосферными*» [7, с. 199]. Но такая нравственность и система ценностей не могут сформироваться у человека сами по себе. Тем более, это и длительный процесс. Однако экологический кризис, процессы его углубления и расширения не дают человеку времени на эволюционные формы становления экологического и нравственного императива и ноосферной морали. Их идеалы нужно формировать уже у нынешних школьников и студентов. Все это может осуществляться в системе эколого-этического образования и воспитания.

Литература

1. Вернадский, В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. – М., 2001.
2. Вернадский, В.И. О науке. – Дубна, 1997. – Т. 1.
3. Вернадский, В.И. Труды по философии естествознания. – М., 2000.
4. Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера. – М., 1989.
5. Моисеев, Н.Н. Введение. Актуальные проблемы глобальной нравственности // Глобальная нравственность. – М., 1990.
6. Субетто, А.И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. – СПб., 2010.
7. Субетто, А.И. Ленин, Октябрьская революция и ноосферный социализм – символы развития. – СПб.; Кострома, 2012.

ПОНЯТИЕ «ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ» В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Н. Е. Захарова

Глобальный культурно-экологический кризис показал, что человек не может произвольно, лишь субъективно управлять своей собственной эволюцией, он должен действовать осознанно, со знанием соответствующих законов, в гармонии с ними. «Из по-

нимания фундаментального факта эволюционирующего бытия человека, совершенно объективно, с необходимостью и неизбежностью встает вопрос о новой, эволюционной свободе и новой, эволюционной ответственности человека как двух основных атрибутах и принципах эволюционной культуры» [1, с. 310].

Человек же, созидающий эволюцию, безусловно, становится ответственным за все им содеянное, за все достижения и провалы этой эволюции. Он свободен постольку, поскольку он ответственен, поскольку он овладел законами и гармонией созидания, наукой и искусством творения, а, точнее, сотворения, ибо в процессе этого созидания наряду с ним, вместе с ним участвует и весь остальной мир. Человек сам эволюционирует и, создавая эволюцию остального мира, эволюционирует вместе с ним, находится в постоянном процессе со-созидания, совместной со всем остальным миром *коэволюции* и эволюционного восхождения. Поэтому П. Тейяр де Шарден и определял эволюцию как *восходящее* развитие.

Коэволюционная же стратегия формирует и утверждает новые ориентиры человеческой жизнедеятельности, выдвигая новые нравственные регулятивы как природопользования, так и материального производства, определяя ценности биосферной экологической этики, направленной на поддержание, защиту и расширение жизни, на увеличение ее разнообразия. Тем самым экологический императив становится основой коэволюционной стратегии. Если исходить из основных функций морали – регулятивной, оценочно-императивной, познавательной, мотивационной, прогностической, воспитательной и т.д., - то для утверждения принципов коэволюционной экологической этики важное значение имеет именно мотивационный фактор. Ведь моральное регулирование поведения, в отличие от правового, не подкрепляется организационной силой общественных учреждений, потому что оно внеинституционально.

Философия считает Иммануила Канта основоположником учения об автономии морали: утверждая свободу, человек выступает творцом собственного нравственного мира, он сам себе предписывает закон действий. Кант своим *категорическим императивом* напомнил требование поступать всегда так, чтобы максима поступка могла в то же время стать принципом всеобщего законодательства. Действовать не «сообразно с долгом», а «из чувства долга» – вот что имеет истинную нравственную ценность. Однако Гегель обратил внимание на то совершенно выпадающее из кантовского анализа обстоятельство, что при возведении во всеобщий принцип содержание этой максимы начинает противоречить себе и, если оно делается принципом всеобщего законодательства, то разрушает саму моральность. Всегда справедлива проверка настораживающим вопросом: а что если и вправду все будут всегда поступать так, как требует максима, претендующая на всеобщность? Что если, например, требование соблюдать интересы природы несмотря ни на что, особенно в случае угрозы голода или болезни станет всеобщим принципом? Человека не станет, и максима будет излишней, вообще непригодной к существованию. И так относительно бесчисленного множества максим. В категорическом императиве заключена и возможность другой частной определенности (противоположной: не защищай, не береги природу), и в этом «возможном инобытии» заключается, по Гегелю, безнравственность (беречь надо, но можно и не беречь).

Можно, видимо, сказать, что реализация универсальных оснований экологического императива в общественной практике зависит от условий, в которых принципы коэволюции могут выступать в качестве мобилизующей и интегрирующей силы. Конечно, тут должно присутствовать чувство общего приятия, общей причастности, общей деятельности, поэтому воплощение универсальных предписаний морали в общественной жизни неизбежно ограничивается существованием отдельных субъектов (государств, корпораций, сообществ, партий, слоев и групп), традиционно исходящих из своих спе-

циальных интересов и предпочтений. Здесь нельзя обойти и проблему морально обоснованной пристрастности, когда этическую правильность тех или иных действий приходится определять между отдаленными (биосферными) и близкими (личными, групповыми, национальными) преференциями [2, с. 38]. Универсальность моральных требований не следует смешивать с их общераспространенностью, общепризнанностью. Моральные ценности нуждаются в коррелятивных императивных формулировках, которые универсальны не потому, что общепризнанны, а потому, что обращены к каждому.

По мысли Эпикура, нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо. В философии Канта нравственное сливается с идеей религиозного, божественного. По его мнению, церковь есть всеобщее и необходимое нравственное единение. Нравственная субстанция, по Г. Гегелю, немыслима без социальной общности людей, феномен нравственности возможен только во взаимоотношениях людей, их отношении к природе, к Богу. Причем экологический дискурс этики можно считать не целью, а средством, модальностью перехода к вершинам духовно-нравственного развития человека. Толчком к усилению модальности экологического императива становятся перемены в самом обществе и в общественном сознании, столкнувшихся с необходимостью формирования новых принципов - экологичной жизнедеятельности, для чего необходимы и новые экоцентированные ценности, в первую очередь ценности материального потребления. В связи с этим вполне правомерно ставить новые вопросы в теории духовной сферы общества исходя из теории потребностей и характера потребления современного человека.

В разработанной А. Маслоу «пирамиде потребностей» [3, с. 60- 68], в основании структуры лежат органические, или физиологические потребности, без удовлетворения которых невозможно возникновение потребности в удовлетворении более высоких запросов, к примеру таких, как сознательное, разумное, экологизированное потребление. Если «чтобы имело смысл говорить о самоактуализации, должна существовать та самость, которая актуализируется» [4, с. 52], то в данном контексте актуализированы структура потребностей и сознательные, экологически выверенные способы их удовлетворения.

Однако в современных типах материальной культуры потребления, как и производства, биологическая природа потребностей первых уровней (пища, вода, жилище, экзогенные факторы) проявляется лишь в стимуле. Способы и уровни их удовлетворения в современном обществе опосредованы производством и являются артефактом. Самоактуализация, которую А. Маслоу полагал высшей потребностью и свершением миссии, или призвания человека, может проявляться и на первых уровнях пирамидальной структуры потребностей. Со временем, если мы хотим удержаться в поле притяжения и развертывания экологического императива, придется иметь дело с трансцендированием смыслов «долг», «справедливость», с выбором того, что нужно любить. «На уровне метамотивации человек свободно, радостно и всем сердцем приемлет собственные детерминанты. Человек выбирает и "волит" свою судьбу не вынужденно, не "эго-дистонически", а с любовью и энтузиазмом. И чем значительнее озарение, тем более слияние свободной воли и детерминизма становится "эго-синтонным", созвучным эго» [5]. Здесь может происходить экспликация на уровне абсолютных, базовых, потребностей второго и далее уровней, граничащих в мотивации с чувством должного. При этом ощущается нечто должное и правильное, будто защищать, развивать, делить с другими (экологически императивную мотивацию) – наш долг перед этими ценностями, нечто справедливое, правильное и естественное.

Как показывают исследования Л. Выготского, К. Юнга, К. Лоренца, А. Ананьева, базовые потребности, несмотря на свою инстинктоподобную природу, во многом отли-

чаются от инстинктов, характерных для низших животных. Пожалуй, самым важным в данной области стало открытие того факта, что голос наших инстинктоподобных потребностей очень слаб, его легко может заглушить голос культуры, и этот факт является решающим для утверждения экологического императива потребления.

Надо признать, что отечественная философская наука, некритически увлекшись западными антропологическими концепциями, которые акцентировали внимание на индивидуальном в человеке, и приняв тезис о биосоциальной природе человека, сделала шаг назад от научного понимания сущности человека, эклектически соединив несоединимые качества – добро и зло. И те исследователи, которые слишком акцентировали внимание на биологии человека, фактически занялись оправданием целей вожделений, что нисколько не продвигало общество вперед к формированию осознанной экологизированной структуры потребления и не вело к формированию здоровой человеческой личности. В отличие от философии, медицина и психология, в силу своей предметности, рассматривают человека в контексте его биологической субъективности, индивидуальности, которая есть, согласно Гегелю, эгоистическая единичность. А между тем человек здоровый биологически, но ущербный умственно есть только животное. Животное же бытие человека не может подразумевать социального и разумного всеобщего.

Известно, что врач, приступая к своей профессиональной деятельности, приносит клятву Гиппократа. В чем смысл клятвы Гиппократа? В том, что человек как разумное существо, как социальное существо, не должен приносить зла другому человеку. Ведь от ветеринара не требуют клятвы Гиппократа, потому, что природное бытие животного – это совсем не то, что природное бытие человека. Именно наличие принципиальной разницы между природой животного и природой человека является критерием разграничения между ветеринаром и врачом. Ветеринар просто обслуживает биологию животного, для которого не существует проблемы знания добра и зла. Врач же, обслуживая биологию человека, знанию которой его и обучают на протяжении 6 лет, на самом деле имеет дело не только с ней, он работает с социальной природой человека, поскольку таков человек. Врач имеет дело с разумом человека, для которого основа человеческого здоровья – ориентация на всеобщее, на добро, а не возможность в прежних объемах и темпах удовлетворять свои материальные желания.

В этом можно убедиться на примере таких сегодняшних негативных явлений, как алкоголизм, наркомания, аномия, негативы общества потребления, демографический кризис и другие. Как объясняют, к примеру, сегодняшний демографический кризис? Чисто биологическими факторами, и поэтому говорят о необходимости улучшения системы здравоохранения, занятия физкультурой, повышения материального благосостояния для того, чтобы достигнуть здорового образа жизни и повысить рождаемость. Но никто не понимает, что сегодняшняя проблема демографического кризиса, как и других негативных явлений, это проблема не телесной ущербности, а его умственной потерянности.

Если присутствует рассудок, но разум разрушен, т.е. разрушен смысл жизни человека, утеряно знание того, что есть добро, а что зло, в результате чего человек низводится до уровня биологического бытия и единственными целями его жизни становятся цели вожделений (carpe diem), это не может не привести к его физической деградации и к деградации нации. Поэтому восстановление здорового образа жизни – это не просто медицинская проблема, решение которой экономически обусловлено, а проблема самоактуализации, проблема социально-политическая и историческая, проблема смысла жизни. Восстанавливая разум человека, понимание того, в чем смысл его жизни, восстанавливая знание того, что есть добро, а что есть зло, мы тем самым восстанавливаем и здоровье человека, выходим из демографического кризиса, освобождаемся от негативных явлений.

Вот почему можно с очевидностью утверждать, что экологическая этика носит прикладной характер, подчинена принципам общей моральности, в первую очередь отношений человека к самому себе и другому человеку. Вся биосфера фактически стала частью воспроизводства человеком самого себя, что, разумеется, вовсе не отменяет зависимости человека и его эволюции от всего остального органического мира.

Литература

1. Конашев, М.Б. Эволюционная теория и эволюционная культура // Идея эволюции в биологии и культуре / отв. ред. Баксанский О.Е., Лисеев И.К. – М., 2011. – С. 309–320.
2. Прокофьев, А.В. Парадоксы морально обоснованной пристрастности // Человек. – 2008. – № 2. – С. 37–53.
3. Маслоу, А.Г. Мотивация и личность. 3-е изд. – СПб., 2003.
4. Маслоу, А.Г. Новые рубежи человеческой природы. – М., 1999.
5. Маслоу, А. Дальнейшие рубежи развития человека / А. Маслоу. – [Электронный ресурс] – режим доступа: http://sbiblio.com/ biblio/ archive/ maslou_dalneyshaja/ 04.aspx. – Дата доступа: 22.11.2012.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА И РАСШИРЕНИЕ КРУГА БИОЭТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

Ю. А. Вишневская, Т. В. Мишаткина

В условиях утверждения современной гуманитарной парадигмы разрешение противоречия между антропоцентризмом «старого» гуманизма, делавшего человека исключительным центром мироздания, и новым, «не-антропоцентрическим» подходом, заботящимся о Жизни и Живом во всех их проявлениях, обеспечивает *биомедицинская этика*. Она снимает это противоречие и делает обе эти парадигмы *комплементарными* – «уживающимися» и взаимодополняющими друг друга. Современная культура показала несостоятельность и даже опасность отношения к человеку как самоценности. Не человек сам по себе в рамках *традиционного гуманизма* и *антропоэгоизма,* а *свобода* его воли, направленная на выбор им подлинных ценностей, открывает новую *постчеловечность* – человечность более высокого уровня, выявляющую способность личности не только к эгоцентризму, но и к заботе о жизни и правах Живого на до-, не – и недо-человеческом уровне, что выводит человечность за пределы человеческого как биологического вида.

Расширение традиционного предметного поля этики происходит за счет включения в него объектов природы как равноправных субъектов, что и приводит к появлению новых отраслей этического знания – *экологической этики* и *биоэтики*. Они вырабатывают новые нравственные нормы поведения личности как в «человеческих», так и в «нечеловеческих» ситуациях, ориентируют человека на отказ от собственного антропоэгоизма и учат его проявлять Любовь, Уважение и Ответственность по отношению ко всему природному миру. Смысл же понятия «биоэтика», введенного В.Р. Поттером, предполагает рассмотрение ее в качестве необходимого и единственного «моста в будущее», обеспечивающего человечеству выживание [1].

Строительство этого моста требует формирования нового типа морального сознания – *энвайронментального*, синтезирующего глобальное видение мира с подлинно гуманистическими ценностями. Этот тип сознания предполагает переход от «старого» принципа регуляции отношений человека и природы – *антропоцентризма,* который, считая Человека единственным и высшим критерием в шкале ценностей, высокомерно

ставил его над Природой, к новому, *неантропоцентристскому* подходу. Такой подход высшей ступенью в шкале ценностей считает не человека и не природу, а гармоничное и равноправное сообщество людей и всех других компонентов природы. При этом биоэтические концепции предполагают оптимальное соотношение интересов человечества и всей остальной биосферы – «Иного Живого», при котором, воздействуя на объекты живой природы, используя их в своих целях, человек обязан учитывать их возможности и интересы. Таким образом, коренное изменение морально-этического отношения к природе состоит в том, что гуманизм человека должен проявляться в отношении к ней в той же мере, как и в межличностных отношениях, и в отношении его к самому себе. Ценностно-мировоззренческой основой выступает здесь признание «одухотворенности» Живого, что и делает возможным *нравственно-понимающее отношение* к нему.

Проявляется оно в стремление понять Живое, вплоть до взаимопроникновения в его чувствования и переживания. Для такого со-чувствия, со-страдания необходимо, чтобы Живое – *«не-человеческий субъект»* признавалось источником отношений, равным субъекту человеческому. Это, в свою очередь, требует пересмотра проблемы моральных ценностей: ведь в этом случае должна признаваться независимость и внутренняя *самоценность* природных феноменов «для себя», независимо от их ценности для человека и его потребностей. Поэтому человек не вправе решать с позиции пользы и целесообразности вопрос о ценности или праве на жизнь того или иного животного или биологического вида. Его долг – не только не допускать потерь в биоразнообразии, сохраняя все возможные виды и объекты природы, но и заботиться о *правах биоса,* проявляя широкий «человеческий» подход, предполагающий пересмотр традиционных этических принципов и формирование новых.

Одним из таких новых подходов, определяющих отношение человека к природе как «Иному Живому», является понимание им своей собственной сущности как *части* природы. Этот внутренний фактор *единства* и *взаимодействия* человека и природы обусловлен, прежде всего, природной (биологической) сущностью самого человека. Именно это обстоятельство требует от нас признавать приоритетным, естественным правом, определяющим все другие права и моральные ценности, *право на жизнь* – не только человека, но и всех других природных систем. Именно оно предупреждает об опасности, общей и для всей природы, и для человека – опасности излишне активного вмешательства человека в природу и делает возможным и необходимым применение одного из ключевых принципов экологической этики – *принципа предосторожности* [2]. Благодаря своей универсальной природе и предохранительной функции этот принцип, наряду с некоторыми другими, лег в основу разработки такого инновационного раздела этического знания, как *наноэтика*. Примером здесь могут служить также достижения генной инженерии по вторжению в природу человека, других живых существ и растений. Так, в последние десятилетия одной из причин нового всплеска интереса к концепции биоэтики В.Р. Поттера в ее широком глобальном понимании и предметом острых дискуссий стали генетически модифицированные организмы.

Учитывая эти обстоятельства, можно констатировать очевидную, весьма тесную и сложную взаимосвязь между *экоэтикой* и *биоэтикой, биоэтикой* и *биомедицинской этикой, биомедицинской* и *медицинской* этикой. Не рассматривая их сложные внутренние отношения и различия, подчеркнем их единство, общность, возможное (и необходимое) «сотрудничество» в деле формирования общественной морали. На теоретическом уровне возможность подобного подхода определяется моральными принципами, ценностями и императивами, одинаково «пронизывающими» все эти сферы и выступающими необходимыми регулятивами биоэтики, экоэтики и общественной морали в целом. К таким общим принципам могут быть отнесены *принцип «благоговения перед жизнью»* [3],

принцип субъект-субъектных отношений человека и природы, а также *«экологический императив»* – принцип, предполагающий учитывать уязвимость человека и природной среды; не допускать превышения их «пределов прочности»; не вступать в противоречие с природными закономерностями; исключить из обихода «старые» принципы полезности и целесообразности, заменяя их новыми – «биоэкологизированными».

Литература

1. Поттер, В.Р. Биоэтика. Мост в будущее. – Киев, 2002.
2. Allhoff, F. Risk, precaution, and emerging technologies. // Studies in Ethics, Law, and Technology. – 2009. – № 2. – P. 13–14.
3. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью. – М., 1992.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Л. Г. Титаренко

Волна мировых кризисов, начавшаяся с конца прошлого века, не только не закончилась, но вылилась в глубокий финансовый кризис начала XXI века, практически поставивший под угрозу дальнейшее существование глобальной мировой экономической системы в ее нынешней конфигурации. Карл Поланьи в «Великой трансформации» убедительно раскрыл системный характер развития мировой рыночной системы и спрогнозировал глобальные угрозы, которые создает неконтролируемая погоня за прибылью. Реализация этих угроз означала, по Поланьи, соединение экологического, социального и финансового кризисов, которые могут поставить под сомнение самые основы человеческого существования и основополагающие моральные ценности общества. Чтобы преодолеть этот кризис, человечеству необходима трансформация, объединение усилий для того, чтобы поставить под контроль безудержные силы рынка [1].

Экологические ценности принадлежат к числу сущностно важных для бытия человека и человечества. Технологическая цивилизация с ее идеей научно-технического прогресса ради экономического роста и прибылей передвинула эти ценности на периферию общественного сознания, сфокусировав внимание на материальных ценностях и дав толчок невиданному росту потребительства. Современный человек превратился из homo faber, каким он оставался на протяжении длительного исторического времени, живя в балансе с природой, в homo consumer, эксплуатирующий окружающую среду. Только осознание конечности материальных ресурсов сделали неизбежным выдвижение на повестку дня человечества поддержание экологически устойчивого модуса общества, в котором бережное отношение к природе в целом, расходованию ее ресурсов, к природной среде человеческого существования будет преобладать над отношением к природе как объекту завоевания и агрессивного потребления. Множество новых научных работ написано на эту тему, а международные конференции обсудили современные экологические вызовы и разработали рекомендации по их преодолению.

Однако осознание важности экологических проблем само по себе не гарантирует их решения: необходимы усилия мирового сообщества для совместного контроля экономических темпов развития. Население также должно принять экологические ценности как необходимые для будущего страны. Каждое правительство должно принять меры по внедрению природосберегающих технологий, ограничению потребительства в развитых странах мира, и т.п. К настоящему времени на уровне глобального сообщества предпри-

нято явно недостаточно конкретных мер в этом направлении, тогда как период выжидания и дискуссий давно миновал: необходимо принимать решения и действовать.

Обратимся к Республике Беларусь. До настоящего времени в обществе скорее преобладала установка на активное потребление природы, что связано с решением актуальных экономических проблем общества, нежели установка на защиту и сбережение природы. В массовом белорусском сознании также по-прежнему превалирует антропоцентрическая установка по отношению к окружающей среде. Последняя проявляется во всех сферах деятельности человека: хозяйственной, политической, образовательной и т.д. Наибольшую значимость для населения Беларуси практически всегда имеет фактор полезности (вещи, товара, действия) для человека, сохранение же мира природы остается на периферии внимания. Такая установка на практике становится аморальной и антигуманной, она приводит к разрушению природы, а, следовательно, в долгосрочной перспективе – подрыву природных основ бытия человека.

Таким образом, в белорусском обществе имеет место рутинное противоречие между теоретическим пониманием необходимости сохранения природной среды, с одной стороны, и желанием экономического успеха, который повышает рост потребления за счет эксплуатации природы, с другой. Для ослабления экологических рисков (полностью их невозможно избежать) и перехода к модели устойчивого развития общества необходима трансформация сознания и поведения населения: во-первых, формирование новой мировоззренческой установки, нового типа экологического сознания, во-вторых, изменение поведения людей и жизнедеятельности общества в целом. Иначе говоря, обществу необходима современная экологическая культура, которая мобилизует его на защиту природы, на активное внедрение в практику природосберегающих технологий, изменение ценностных приоритетов повседневной жизни. Экологическая культура даст населению понимание необходимости достижения гармонии между человеком и природой, будет стимулировать граждан на активные действия по внедрению экологической установки и экологических ценностей в жизнь.

На практическом уровне рассмотрения проблемы экологических ценностей и их места в жизни современного общества обратимся к изучению экологических ценностей населения типичного крупного города, каким является г. Минск. Поскольку Республика Беларусь находится еще на начальной стадии перехода к постиндустриальному обществу, среди белорусского населения в целом преобладают ориентации образа жизни на материалистические ценности, что, по мнению Р. Инглхарта, автора теории трансформации ценностей, соответствует индустриальному этапу [2]. Продвижение вперед по пути постиндустриализма должно сопровождаться возрастанием значимости ценностей самоутверждения и развития личности, на основе достижения приемлемого материального уровня жизни населения. Однако движение в этом направлении в Беларуси идет медленно. На протяжении всех лет постсоветского развития, судя по материалам национальных опросов Института социологии НАН Беларуси, проблема роста цен оставалась доминирующей среди вопросов, волнующих население, при этом в 2013 г. 35% отнесли себя к бедным или даже нищим. Поэтому не случайно проблемы, наиболее волнующие горожан, связаны с их материальным достатком, а не саморазвитием [3]. Исходя из достигнутого уровня жизни и доходов, экономические проблемы еще долго будут стоять у населения на первом плане, а материальные ценности – преобладать над ценностями саморазвития.

Однако пренебрежение другими проблемами и ценностями в связи с недостаточно высоким материальным уровнем жизни недопустимо: оно не позволяет вовремя замечать и решать другие актуальные проблемы. Пока же в обществе преобладает практически-ситуативное отношение к экологическим проблемам: о них вспоминают в момент

обострения. В данном случае речь идет не о формальном пренебрежении проблемой (все необходимые законы по охране природы и экологическому воспитанию молодежи, развитию экологической пропаганды в СМИ и т.п. имеются). Речь идет о повседневной рутинной практике, о габитусе белорусского общества, в котором экологические ценности зачастую подменяются на эстетические (любование природой) или потребительские (заготовки овощей и фруктов).

Такой подход представляется недальновидным, хотя он и преобладает не только в Беларуси, но и практически во всех странах СНГ и ряде других развивающихся стран мира.

Что необходимо изменить в повседневной жизни горожан, чтобы они до конца осознали значимость экологических ценностей на уровне их жизненного мира? Проведенные нами эмпирические исследования показывают, что экологическая культура жителей Минска формируется во многом не на основе научных знаний, а информации, почерпнутой из СМИ. Так, последний по времени опрос горожан, проведенный в 2013, выявил, что половина респондентов назвала СМИ главным источником экологической информации. При этом молодые минчане ставят на первое место Интернет, а среднее и старшее поколения - телевидение, то есть пассивное потребление той информации, которую преподносят им журналисты. Поэтому экологические знания горожан зачастую ограничены, самостоятельный активный поиск ведется от случая к случаю. Экологическая культура не подпитывается систематическими знаниями, формируется на медийных сенсациях (аварии, экологические катастрофы) и негативных примерах.

Как показал контент-анализ основной государственной белорусской газеты «СБ – Беларусь сегодня», проведенный в 2010–2011 гг., экологическая проблематика освещается в ней фрагментарно, по ходу изложения других тем. Такие статьи обычно имеют небольшой объем, пишутся не специалистами, а журналистами, не рекламируются в газетном анонсе, фиксируют отдельные случаи, а не проблему в целом. Преобладание негативных примеров затрудняет для читателя возможность узнать об образцах активного экологического поведения. Поэтому граждане в своей повседневной практике могут опираться на собственный опыт, а не узнавать о позитивном опыте из СМИ. Для многих минчан выращивание овощей на собственной даче становится главным способом их приобщения к экологическому образу жизни. Их объективная потребность в научных экологических знаниях не удовлетворена, а посему получаемые из СМИ знания не становятся убеждениями, не воплощаются в повседневную экологически ориентированную деятельность.

Проведенные исследования выявили, что экологическое образование проводится лишь институтами образования, поэтому охватывает в основном детей и молодежь. Зачастую оно не достигает цели, то есть не формирует новое экологическое мышление как высшую ступень экологического сознания, которое только и может мотивировать людей на бережное отношение к окружающей среде, экономию природных ресурсов, но и способствует осознанию ответственности за баланс в системе «общество-природа». Только качественно новая ориентация экологического мышления поможет разрушить стереотип противопоставления человека и природы, заменив его идеей гармонии со средой обитания.

Результаты опросов показывают, что минчане осознают наличие в городе экологических проблем (загрязненность воздуха, почты, воды), но практически сами ничего не делают для их разрешения. Вместе с тем для смягчения остроты проблемы экологии одних директив государственной власти и даже санкций за нарушение экологических норм недостаточно. Необходимо, чтобы все горожане осознавали эти проблемы и предпринимали собственные шаги по их решению, хотя бы такие простые, как уборка терри-

тории, сокращение потребления воды, света, газа, рациональное расходование продуктов питания, использование специальных технологий для раздельного выбрасывания мусора, электрических батареек и пр. На сегодня отсутствие личной инициативы жителей Минска в переориентации их образа жизни на активно-проэкологический стало одной из причин их низкого участия в экологических акциях любого рода (не более 5–10% населения). Не заботятся граждане и о бытовой экономии ресурсов. Возможно, только рост тарифов на пользование природными ресурсами жителями Минска, недавно осуществленное властями (2013), даст практические результаты и заставит граждан быть более экономными в отношении этих ресурсов.

Косвенным образом слабая включенность граждан в экологические действия свидетельствует не только о низком уровне развития их экологического поведения, но и о поверхностности знаний в области экологии: почти половина респондентов указала на достаточность их знаний для ведения экологически-ориентированной образа жизни. Экологическое сознание должно мотивировать на действия, на систематизацию своих экологических знаний, на следованию образцам экологически ориентированного поведения. Итак, собственная экологическая пассивность является серьезным препятствием на пути экологизации повседневной жизни населения, Многие граждане и сами это понимают: так, более 60% населения Минска назвали отсутствие собственной инициативы серьезной преградой для перехода к более экологичному образу жизни; при этом около 80% опрошенных в той или иной мере хотели бы изменить свой образ жизни на более экологически ориентированный. Можно предположить, что при условии получения необходимых систематических экологических знаний значительная часть горожан реализует заявленную интенцию и сделает свой образ жизни экологически ориентированной.

Подводя итог краткому рассмотрению состояния проблемы формирования у жителей города экологической культуры, основанной на современных экологических ценностях, можно сказать, что сегодня горожане проявляют готовность вести экологически ориентированный образ жизни. Однако на практике им не хватает систематических знаний и стимулов для того, чтобы отыскивать и внедрять в практику наиболее эффективные формы экологического поведения и делать свой образ жизни реально экологически ориентированным. Пока еще в повседневной жизни горожан преобладает потребительское отношение к жизни и среде обитания. Изменение ситуации требует систематического воспитания экологической культуры, поиска новых моральных стимулов практической реализации экологического императива.

Литература

1. Поланьи, К. Великая трансформация. – СПб.: Алетейя, 2002.
2. Inglehart, R., Welzel C. Modernization, Cultural Change and Democracy. – New York: Cambridge University Press, 2005.
3. Больше половины жителей Беларуси волнует проблема цен на продукты // Белорусские новости. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naviny.by. – Дата доступа: 21.02.2013.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ПОНЯТИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ

А. С. Червинский

Реальный статус человека, вооруженного современными средствами производства, в системе социоприродных отношений характеризуется тем, что он оказывается одной из основных детерминант глобальных изменений на поверхности планеты, по-

этому экологическая культура, выражающаяся в разработке, обосновании, а главное практическом внедрении оптимальных методов воздействия на природную среду, может служить достаточно наглядным показателем профессиональной зрелости.

Формирование нравственной позиции, проявляющейся в его практическом отношении к природной среде, требует создания определенной эмоциональной атмосферы в обществе, что, в свою очередь, предполагает помимо направленной работы в средствах массовой информации, непосредственное адресное обучение.

В совокупности окружающих человека природных комплексов следует выделить наиболее значимые как в хозяйственном отношении экосистемы, так и комплексы существенно важные для поддержания нормальных условий жизнедеятельности человека в его биологическом выражении.

Основным критерием такого разделения может служить показатель опосредованности социоприродных связей. Так, техногенное загрязнение лесного биотопа, представляющего хозяйственную, экономическую и, возможно, даже эстетическую ценность для человека, не может сравняться по своим социальным последствиям с негативным техногенным воздействием на аквакомплекс, являющимся источником водоснабжения мегаполиса. Поэтому дифференцированный подход к анализу процесса промышленного природопользования, предполагающий избирательность в выборе основных параметров хозяйственного использования природных ресурсов в качестве сырьевых источников, является условием экологически грамотного руководства предприятием.

Такой подход тем более правомерен, что современный производственный процесс необходимо предполагает антропогенное воздействие на природную среду обитания и выбор приоритетов в социоприродном взаимодействии значительно ограничен рамками хозяйственной целесообразности. Исходным моментом понимания ситуации является признание двойственной сущности не только субъекта социоприродного взаимодействия человека, но и самого объекта, т.е. окружающих природных компонентов.

Вопрос о двойственности природного окружения во многом выходит за рамки традиционной в науке ситуации с признанием или непризнанием функциональной многокачественности сложноорганизованных объектов и пока не имеет в литературе проблемного статуса. Если в отношении человека проблема биосоциальной двойственности является устоявшимся предметом теоретико-методологической интерпретации, то структурно-функциональная полиаспектность экосистем, окружающих человека в процессе его жизнедеятельности, или, что более типично, разделение на техносферу и собственно природную сферу, основана на представлении о приоритетности субъектного аспекта двойственности перед объектным. В таком понимании социобиологическая сущность человека коррелирует конкретику социоприродных связей, когда биологическому содержанию субъекта соответствует природный аспект окружающей среды, а социальному техногенный, искусственный.

Формирование экологической культуры должно основываться не на абстрактных представлениях о «среднестатистическом» человеке, нарушителе природной гармонии, а на глубоком понимании особенностей воздействия на окружающую среду того предприятия, членом которого он является. Такое понимание способствует осознанию собственной роли в сложной системе взаимодействия общества и природы, что и составляет искомый вариант формирования экологической культуры каждого реально действующего руководителя практически любого ранга.

Достижению этой задачи должно способствовать осуществление следующих мер: усиление эколого-просветительской работы с привлечением «местного» материала; разумное сочетание пропагандистской работы с активным административным регулированием производственного воздействия на окружающую среду; включение в оценку ре-

зультатов производственной деятельности «экологической» компоненты, отражающей социально-экологические последствия деятельности, с учетом роли непосредственного исполнителя.

Эколого-образовательный процесс предполагает несколько уровней компетентности, из числа которых в рамках рассматриваемой проблемы логично выделить три основные:

– уровень знаний об особенностях проявления глобальных противоречий социоприродного взаимодействия. Этот уровень экологической грамотности предполагает приобретение знаний о планетарных проблемах обострения противоречий, и информации об особенностях социальной реакции на международном уровне.

– региональный уровень экологической компетенции, включающий в себя совокупность знаний о реально сложившейся экологической ситуации, оказывающей непосредственное, или опосредованное (в случае количественных изменений термальных, атмосферных и др. показателей состояния природной среды обитания), оказывающих косвенное влияние на условия жизнедеятельности населения по социоэкологическим критериям.

– локальный уровень компетенции, включающий систему экологических знаний, а также комплекс представлений о путях и реальных возможностях оптимизации сложившихся социоприродных отношений, в отношении той части окружающей среды, в которой реализуются непосредственное практического воздействия.

Очевидно, что профессиональная экологическая культура в наибольшей степени проявляется в условиях комплексного проявления. В этой же ситуации она наиболее социально востребована как в широком социальном выражении, так и в конкретном собственно экологическом проявлении.

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ МОЛОДЕЖИ

С. А. Степанов

Общепризнанно называть XX век веком цивилизационных разломов и противостояний, вызванных мощными процессами социально-экономической, индустриальной и научно-технологической модернизации «т.е. непрерывного совершенствования технологической и технической основы цивилизации и подстройки к ней общественных организационных структур» и, что является «составляющей общего процесса развития человечества, если угодно, процесса антропогенеза, поскольку он связан и с преобразованием экологической ниши человека и с изменением самого человека» (Н.Н. Моисеев, 1992, 1996). Информационные процессы в природе и обществе имеют определенную закономерную связь, поэтому большинство глобальных экологических проблем становятся понятными при глубоком осмыслении запасов и потоков информации в биоте и человеческой цивилизации. В связи с этим новым рискам, новому осмыслению происходящего нужен адекватный характер мышления, новый уровень экологического сознания, отвечающего реалиям наступающей эры информационного общества и нового этапа научно-технического прогресса.

Актуальность научной разработки теории экологического сознания, а также целенаправленного психолого-акмеологического и дидактического анализа объективных и субъективных факторов, условий, и методов построения учебно-воспитательного процесса в высших учебных заведениях обусловлена социокультурной потребностью в раз-

витии способностей студентов, в воспитании у них экологоориентированных установок и жизненных ценностей гуманистической направленности, и в этой связи необходимости:

– модернизации современной системы образования на принципах Стратегии ЕЭК ООН для образования в интересах устойчивого развития;

– понимания и актуализации положения о том, что подготовка будущих специалистов для реализации концепции устойчивого развития, их экологического сознания не может ограничиваться традиционными и информационно-просветительскими методами обучения, а включать новые активные методы обучения и образовательные программы;

– разработки и внедрения соответствующих методов диагностики, коррекции и развития экологического сознания личности в системе высшего образования с использованием традиционных и инновационных методов обучения.

Необходимо подчеркнуть, что экологическое сознание выступает как атрибут (свойство) человека, являющегося составной частью социоприродной системы «человек–природа–общество», и отсюда сознание человека выполняет отражательную и регулятивную функцию, опосредуя его деятельность по отношению к природе (А.Л. Журавлев, А.Ю. Гусева, Н.Н. Хащенко, В.И. Медведева, А.А. Алдашев и др.). Проблема формирования экологического сознания в наиболее разработанном виде представлена в трудах С.Д. Дерябо, В.А. Ясвина и А.В. Гагарина. Данная проблема представляется как психология сознания и направлена на изучение социоонтогенеза экологического сознания, включая разработку методов его диагностики, коррекции тренинга. Отсюда под экологическим сознанием понимается система представлений о природе, места в нем человека, личного (субъектного) отношения к природе, технологий взаимодействия с природой и этического (ценностного) отношения к природе.

Анализ опроса современных студентов показывает, что около половины опрошенных придерживаются экоцентрического мировоззрения, что определяется выбранной профессией. В то же время студенты технической специальности (радиофизика), понимающие потенциальные опасности высоких технологий для окружающей среды, рассматривают человеческую деятельность как негативную. Данные подобных опросов важны при осуществлении соответствующей корреляции программного экологического содержания обучения студентов разных специальностей для формирования их экологического сознания.

На основе обобщения современного состояния разработанности проблемы развития экологического сознания будущих специалистов в условиях глобального экологического кризиса к сущностным характеристикам экологического сознания студентов можно отнести: категориальные характеристики (экологическое сознание как сознание конкретного студента, в котором структурные компоненты реально содержат в себе признаки разных типов экологического сознания); ценностно-ориентирующие (экологоориентрованные установки как смысловое ядро формирующегося экологического сознания); содержательно-функциональные; структурные; типологические (антропоцентризм или экоцентризм). Отсюда, экологическое сознание будущего специалиста следует понимать как сознание конкретного студента, т.е. в актуальной его форме, в которой структурные компоненты экологического сознания реально содержат в себе признаки разных его типов (антропоцентризм или экоцентризм); как интерактивное образование личности, формируемое в условиях экологоориентированной деятельности, а потому в качестве структурных его компонентов выделены когнитивный, эмоционально-волевой, ценностно-ориентационный и мотивационно-поведенческий. Отсюда, ценностно-ориентационный компонент экологического сознания выступает как центральный и системообразующий.

Многообразие проявлений взаимодействий человека и общества в природе подразумевает и особенности формирования экологического сознания в условиях становления информационного общества и научно-технического прогресса. Постоянно увеличивающийся поток информации в условиях современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) определяют сложность формирования экологического сознания, выражающуюся в многоуровневом и многоаспектном содержании знаний. Поэтому реализация цели экологического образования должна воплощаться через комплексное использование различных методов и способов формирования экологического сознания, обеспечивающее комплексное формирование его компонентов; через систему эколого-ориентированных ценностей личности, отраженных в личном сознании в виде ценностных ориентаций, формирующихся при усвоении социального опыта и обнаруживающихся в целях, идеалах, убеждениях, интересах и прочих проявлениях личности; в структуре деятельности тесно связанных с ее познавательными и волевыми сторонами; в своей системе образующих содержательную сторону направленности личности и выражающих внутреннюю основу ее отношения к действительности.

Кроме психолого-педагогических особенностей формирования экологического сознания существуют институционально-правовые и национальные особенности. В небольших по территории странах Европы экологическое сознание формируется на основе благоговейного отношения к прекрасному, ко всему природному, подкрепляемому соответствующим законодательством, национальными традициями, законопослушанием. Теоретические обобщения выше изложенных положений позволяют сформулировать принципиальные сущностные отличия экологического сознания для устойчивого развития от традиционного экологического сознания:

1) сознание ответственности за благополучие детей и будущих поколений, обусловленной пониманием непропорционального использования в настоящее время благ природы в ущерб ее развитию для будущих поколений людей;

2) осознанная нацеленность экологоориентированной деятельности на решение местных проблем для минимизации отрицательных последствий глобальных процессов;

3) осознание свободы человека, чьи права обеспечиваются обществом и являются его социальным приоритетом, делают менталитет такого человека более экоцентричным по средствам достижения цели – высокого уровня жизни человека и общества при антропоцентричности характера этой цели.

Безусловно, выработка такого сознания в массе людей – задача по времени ни одного десятилетия и даже ни одного поколения людей, особенно в российских условиях. Непрерывность экологического образования в этих типах высших учебных заведений характеризуется разносторонностью целевых установок, задач и содержания экологических знаний, компетенций при сохранении ключевой психолого-педагогической задачи формирования современного экологического сознания, адекватного усложняющимся экологическим проблемам и задачам реализации концепции устойчивого развития человечества. Фокусирование на новое сознание для устойчивого развития в педагогике отечественной высшей школы уже сегодня – значит создавать фундамент нового сознания будущих поколений российских граждан.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Г. Н. Казаручик

Современные экологические противоречия проявляются во всех природных сферах, ставят человечество на грань выживания. Новая идеология выживания человечества заключается в единстве с окружающей средой на основе гармонизации социально-экономического и экологического развития цивилизации. Решение этих задач предполагает радикальные изменения ценностных ориентации каждого человека и социума в целом, понимания смысла и значения предстоящих перемен. Это стимулировало перемещение приоритета в преодолении глобальных экологических проблем из технико-экономической сферы в сферу идеологии, морали, образования.

Сегодняшнее молодое поколение призвано не только адаптироваться, но и критически переосмыслить опыт и результаты антропоцентрического отношения к природе в ретроспективе, реализовать стратегию устойчивого развития. Поэтому в контексте глобальных экологических проблем вся система образования должна быть ориентирована на выполнение двух взаимосвязанных функций: *гуманистической,* суть которой сводится к ориентации педагогического процесса на выживание и развитие всего человечества, и *экологической,* которая акцентирует внимание на сохранении всех компонентов природы в целом, обеспечении условий для сохранения жизни (А.Д. Урсул). Следовательно, стратегии развития образования XXI века должны разрабатываться с учетом взаимосвязи идей гуманизации и экологизации на всех ступенях и уровнях образования.

Однако, изложенный подход, востребованный жизнью, пока еще не реализован в должной мере в практической деятельности коллективов учреждений образования, включая и учреждения высшего образования. Несомненная актуальность и значимость этой проблемы для теории и практики, недостаточная ее разработанность позволили сформулировать цель исследования: определить теоретико-методические основания развития экологической культуры студентов учреждений высшего образования.

Формирование экологической культуры – неотъемлемый компонент экологической подготовки студентов. Экологическая культура – явление, детерминированное многими внутренними и внешними факторами. Поэтому встречается много трудностей при определении ее сущности и показателей. Особенно трудно вскрыть ее субъектную сторону, найти ее информативные показатели. В нашем исследовании мы выделили следующие компоненты экологической культуры будущих специалистов.

Мотивационный компонент экологической культуры представлен системой его побудительных сил, потребностей, притязаний, намерений и жизненных предпочтений. Основой мотивационного компонента является профессиональная направленность, личная установка на приобретение и реализацию своих знаний, умений и навыков, что также выражается в склонности, интересе к профессии, желании добиться успеха. Экологическая культура тесно связана с мотивацией, которая не только определяет актуальность осуществляемой деятельности, но и перспективу ее развития в желаемом направлении или перенос на другие области. Культура формируется более успешно, если у студента развита положительная мотивация усвоения экологических знаний и умений.

Ценностно-мировоззренческий компонент экологической культуры специалистов образован совокупностью социальных, психолого-педагогических, экологических ценностей, созданных человечеством и включенных в педагогический процесс на современном этапе развития образования. Ценностная мировоззренческая установка на справедливое устройство мира, на равные возможности для каждого человека, является мо-

тивационно-ценностной сущностью рассматриваемого нами компонента экологической культуры. Данный компонент позволяет осознать будущему специалисту личностный смысл знаний, как ценностей, обеспечивающих студентам возможность осмысления природы как высшей самоценности в жизни человека и ее гуманное назначение в сохранении здоровья каждого члена общества.

Содержательно-деятельностный компонент включает философские, психологические знания, а также умения и навыки в организации природоохранной деятельности. Рассматриваемый компонент предполагает развитие в субъектном сознании специалиста целостной ценностной диалектической картины мира как пространства и времени сосуществования природы и человека, ценности которого позволяют ее сохранять, приумножать и рассматривать социоприродную среду как важное условие социально-экологического развития личности.

Эмоционально-волевой компонент экологической культуры предполагает наличие эмоциональной отзывчивости личности к природе, опыт эмоционально-волевого отношения к природе, волевое напряжение в решении социально-экологических проблем на личностном уровне, достижении оптимизации отношений человека и природы.

Рефлексивный компонент экологической культуры включает в себя ряд способностей студентов: к самооценке и самоконтролю различных видов опыта (природосберегающего, социокультурного и диагностического); трансформации системы экологических и социальных знаний в определенной социоприродной среде; ориентировки в качестве и уровне социально-экологического развития специалистов разных сфер деятельности и оперативного реагирования и внесения изменений в этот процесс.

Анализ исследований А.В. Миронова, В.А. Ясвина и др. позволил нам определить принципы, на основе которых осуществляется процесс экологической подготовки студентов:

1. Принцип целостности системы подготовки специалиста в учреждении высшего образования, предполагающий объединение целей, задач, средств, методов, форм обучения в единую систему.

2. Принцип субъектного развития и саморазвития, выражающийся в превращении полученных субъектом установок на приобретение интериоризованных знаний в индивидуальную цель, способствующую саморазвитию в процессе достижения этой цели (компетентности). Студент предстает как субъект самосозидания, выстраивания изнутри.

3. Принцип персонализации педагогического взаимодействия, предполагающий сотрудничество в процессе социально-экологического развития студента.

4. Принцип рефлексивного управления процессом общего и профессионального развития, выражающийся в том, что системный подход к анализу социально-экологической компетентности позволяет осознавать диалектичность и многоаспектность этого процесса.

5. Принцип стимулирования процессов целеполагания, успешности и совершенствования, выражающихся в мысленном и фактическом диагностировании, коррекции результатов, средств их достижения, оптимистического настроения, на ликвидацию несоответствия между существующей жизненной проблемой и целью, верой в успех посредством действенного построения «иерархии целей».

6. Принцип субъективации природных объектов, состоящий в стимулировании у личности субъективной установки по отношению к объектам природы, открытия личностью природных объектов в качестве субъектов взаимодействия.

7. Принцип формирования мыслеобразов, заключающийся в формировании системы экологических представлений личности как на основе научной информации, так и

на основе произведений искусства, анализа лингвистических материалов, философских теорий и т.п.

8. Принцип опоры на методы контекстного и проблемно-диалогового общения, гарантирующий введение в действие механизма единства гуманистической и социальной парадигм образования [1; 2].

Проведенное исследование позволило определить основные тенденции в формировании экологической культуры будущих специалистов: 1) гуманистическая направленность педагогического процесса, подчеркивающая значимость формирования экологической компетентности, зависимость ее от степени обращенности к каждой конкретной личности; 2) технологизация педагогического процесса, отвечающая требованиям диагностичности, социальной контекстности, моделирования профессиональных ситуаций; 3) творческая самореализация, отражающая зависимость формирования компетентности от степени развития профессиональной свободы и ответственности личности за свои действия, раскрытия ее потенциала в социально-экологической деятельности.

Литература

1. Миронов, А.В. Содержание экологического образования будущего учителя. – Казань: Из-во КазГУ, 1986.
2. Ясвин, В.А. Психология отношения к природе. – М.: Смысл, 2000.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ НА ОСНОВЕ ОСВОЕНИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

Т. В. Зайковская

Экологическая культура – неотъемлемая часть общечеловеческой культурной традиции, тесно связанная с развитием цивилизации и человеческого общества. Поэтому исследователи едины в том, что необходимо формировать экологическое сознание, так как экологический кризис во многом носит мировоззренческий характер, и «спасти нашу планету может только личность, обладающая экоцентрическим сознанием и владеющая народными природоохранными традициями» [1, с. 41].

Актуальность проблемы формирования нравственно-экологических ценностей современной молодежи на основе освоения белорусской национальной культуры обусловлена тем, что на современном этапе развития перед белорусской общественностью остро встала проблема экологической культуры народа, его духовных богатств, вопрос о социальной значимости эколого-ориентированного поведения людей.

Целенаправленная система экологического образования является основным средством формирования экологической культуры. Большой вклад в данный вопрос внесли ученые, исследовавшие взаимоотношения человека с социальной и природной средой. Так, И.А. Бердяев особо отмечал, что «все социальные перемены в судьбе человечества непременно связаны с отношением человека к природе» [2, с. 150].

Более развернуто трактовал культурно-этический вопрос В.С. Соловьев: «возможно троякое отношение человека к внешней природе: страдательное подчинение ей в том виде, в каком она существует, затем длительная борьба с нею, покорение ее и пользование ею как безразличным орудием и, наконец, утверждение ее идеального состояния – того, чем она должна стать через человека». Безусловно, «нормальным и окончательным, – подчеркивает далее В.С. Соловьев, – следует признать только третье, положительное отношение, в котором человек пользуется своим превосходством над приро-

дой не только для своего, но и для ее – природы – возвышения» [2, с. 168].

Экологическая ответственность связана с такими качествами личности, как самоконтроль, умение предвидеть ближайшие и отдаленные последствия своих действий, критическое отношение к себе и другим. Соблюдение моральных требований всегда предполагает развитую убежденность, а не страх перед возможным наказанием и осуждением со стороны окружающих.

В условиях модернизации белорусского общества изучение проблемы формирования нравственно-экологических ценностей молодежи на основе освоения белорусской национальной культуры становится значимым для уяснения возникающих противоречий, связанных с жизнедеятельностью молодежи, и для нахождения научно обоснованных путей и методов их разрешения.

Формирование личности в процессе воспитания имеет место в учебном заведении, в семье, и в любом другом внешнем окружении молодого человека. В современной науке подробно изучен процесс обучения, но воспитанию молодежи, формированию ее ценностно-мировоззренческих ориентаций уделяется крайне мало внимания. А между тем от воспитания в это период зависит дальнейшая степень психологического развития личности.

«Концепция воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь» строится на таких понятиях как: взаимодействие, сотрудничество, ситуация развития. В документе подчеркивается, что «на становление личности оказывают воздействие не только образовательные учреждения и семья, но и средства массовой информации, общественные группы, искусство, спорт, общественная и экономическая обстановка в стране и многое другое» [3]. Все это делает процесс воспитания молодежи более многогранным, чем процесс воспитания детей, но в то же время вызывает определенные сложности, в силу того, что некоторые факторы уже не подаются корректировке.

Воспитательный процесс всегда основывается на определенных принципах, которые не только задают ему направление, но и определяют его сущность. Современная отечественная педагогическая наука сформировала ряд основных позиций, характерных для воспитания именно молодежи. Так проблема личностного развития как единого, целостного процесса может быть реализована, когда воспитатель будет иметь ясную картину основных линий развития экологической культуры. Перспективным направлением экологического образования и воспитания молодежи может стать интеграция естественнонаучных знаний и нормативно-целостных ориентаций обучаемых, наиболее полно отвечающих их природным наклонностям и потребностям. Экологическое образование и воспитание возможно лишь при условии, если содержание учебных предметов способствует формированию экологически целостных ориентаций.

В отечественной «Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь» (глава 4) отмечается, что для «формирования социальной базы для реализации идеи устойчивого развития общества возможно использование *традиций народной педагогики* по отношению к природе (связь с малой родиной, ее историей, культурой народа)» [4, с. 168]. В процессе всего нравственно-экологического воспитания главным остается принцип природосообразности, который предполагает, что воспитание основывается на научном понимании взаимосвязи природных, социальных и культурных процессов, формирует у молодого человека ответственность за развитие себя, за последствия своих действий и поведения.

Угроза экологической катастрофы напоминает человеку, что он должен жить в согласии с природой. Внутренняя гармония в самом человеке – существенная предпосылка внешней гармонизации. «Жить в согласии с природой» – это положение античной философии остается верным в наши дни в самом широком смысле. Человек является как

бы соединительным звеном двух типов эволюций – природной и культурной. Культура постепенно делает своим объектом отношение к природе, т.е. возникает культура экологической деятельности человека или экологическая культура. Ее задача поднять на новый уровень отношения природы и человека, ввести знание об этих отношениях в систему ценностей культуры.

Литература

1. Николаева, С.Н. Теория и методика экологического образования детей. – М: Академия, 2002.
2. Ситарова, В.А. Социальная экология / В.А. Ситарова, В.В. Пустовойтов. – М.: Высшая школа, 2000.
3. Концепция воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь: Одобрена постановлением коллегии М-ва образования РБ от 30 нояб. 1999 г., № 24. // Настаўніцкая газета. – 2000. – 22 лютага.
4. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь. Постановление МО РБ № 125 от 14.12.2006.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ

Е. А. Хмеленок

Одна из наиболее актуальных проблем современности – проблема взаимодействия человека и природы. В настоящее время общество оказалось перед выбором: либо придерживаться существующего способа взаимодействия с окружающей средой, что в конечном итоге может привести к экологической катастрофе, либо сохранить биосферу, а это требует изменения сложившегося типа деятельности. Последнее возможно при условии коренной перестройки мировоззрения людей, переоценки ценностей современной цивилизации и формирования новой – экологической культуры.

Под экологической культурой принято понимать совокупность сложившегося исторического опыта взаимодействия человека с окружающей средой, который выражен в виде теоретических знаний. Моральных норм, ценностей и культурных традиций, обеспечивающих формирование экологического сознания и способов взаимодействия с природой.

Экологическую культуру можно рассматривать как способ гармонизации отношений в системе «человек – общество – природа». Она направлена на сохранение жизни на планете, на сознательную деятельность человека по сохранению окружающей среды и рациональное природопользование. Целью формирования экологической культуры является воспитание ответственного, бережного отношения к природе. Народная культура с ее традициями не только «обуславливают латентное присутствие в сознании социума определенных стереотипов отношения к природе» [1, с. 117], но благодаря своему многообразию, способна послужить формированию экокультуры, особенно у подрастающего поколения.

Становление естественной экологической культуры происходило вместе с формированием народностей. Каждая этническая группа устанавливала свои специфические отношения с природной средой. Традиционное общество не знало противопоставления социума и природы, они находились в глубинной взаимосвязи и взаимообусловленности. А природопреобразующая деятельность согласовывалась с природными закономерностями и не нарушала целостность и гармонию окружающей среды.

Все вышеперечисленное указывает на экологичность архаической культуры. Она

основывается на принципе гармоничного равновесия человека и природы, системе морально-этических норм, которые регулируют взаимоотношения в системе «человек – природа – общество», т.е. архаика обладала естественной экологической культурой, которая не осознавалась социумом.

В народном сознании человек никогда не представлялся абсолютным хозяином в населенном различными духами природном пространстве. Он зависел от состояния биосферы, поэтому почитание природы соотносилось с поклонением земле и культе ее животворящей силы.

Обожествление и одухотворение мира природы в мифопоэтическом мировоззрении способствовало развитию представлений о покровительстве божеств земледелию и антропоморфизации стихий и явлений природы. Земледельческие божества не воспринимались надприродными сущностями. Они были естественным образом включены в окружающую среду и функционировали наравне с человеком. Одушевление мира и население его различными духами обуславливало субъект-субъектный характер отношений в системе «человек-природа», которые были наполнены глубоко интимными личностно-эмоциональными переживаниями и сопереживаниями происходящим природным процессам. Языческие божества в антропоморфном виде представляли покровителей земледелия и природные стихии, среди которых проходила жизнь человека. Архаическое общество испытывало чувство мистического уважения к естественной среде проживания, как сосредоточения божественных импульсов. Человек являлся только одним из видов, существующих в окружающем мире, поэтому он рассматривался как равноправный партнер природы.

Традиционная культура всегда природно конкретна. Она отражает развитие определенного сообщества в реальном природном ландшафте. Это способствовало становлению наиболее оптимальных и гармоничных форм хозяйствования в каждом конкретном природном пространстве. Весь накопленный тысячелетиями опыт природопользования передавался из поколения в поколение в форме народных традиций, зафиксированных в аграрной поэзии земледельческих календарей, отображающих человеческое восприятие природы. В сельской среде формирование экологической культуры осуществлялось путем непосредственного включения молодежи в систему ритуальных практик, в ходе которых «дети с малых лет были при взрослых и во время работы, и в праздник, видели и перенимали отношение родителей к земле-матушке, воде, растениям и животным, ощущали себя частью окружающего мира» [2, с. 25].

В аграрном обществе время регулировалось природными циклами. Оно определяло на только зависимость человека от смены годичных периодов, но и специфику крестьянского сознания. Традиционный человек фиксировал в природе регулярное повторение, и эта цикличность не могла не стать центром духовной деятельности. Она нашла свое воплощение в земледельческих календарях, которые синхронизировали жизненные циклы агрария с ритмами природы, проникнуты идеей антропоприродной гармонии.

Экологические ориентации традиционной экологической культуры были основаны на глубинном чувстве родства с землей. Оно наделяло человеческое бытие особым смыслом, обуславливая тем самым единство и целостность жизненного универсума.

Архаические обряды и обычаи являлись сосредоточием экологических представлений и ценностей, которые закрепились в общественном сознании в форме архетипических конструкций. Рост городов и миграция в них сельских жителей обусловило постепенную утрату традиционных стереотипов поведения, что вызвало разрыв с многовековым опытом предков. Поэтому многие отечественные педагоги (например, Н.К. Катович и Н.В. Самерсова) для формирования экологической культуры современного человека предлагают вернуться к забытым народным традициям, национальному

педагогическому наследию, принципу преемственности традиций: «Сложность современной экологической ситуации вызывает необходимость вернуться к историческому опыту предков, зафиксированному в обрядах, обычаях, ритуалах <…>, которые раскрывают характер взаимоотношений между человеком-земледельцем и окружающей его средой» [3, с. 28].

Экологическая культура состоит из трех взаимодополняющих друг друга блока: осознание необходимости сохранения и разумного использования историко-культурного опыта и этнических традиций; развитие адаптационных механизмов к современным бытийственным реалиям; поиск смысла бытия и построение прогнозов будущего развития. Гармония данных компонентов обуславливает целостность восприятия мира в пространственно-временном и духовно-нравственном аспектах.

Использование народных традиций в педагогике для повышения экологической культуры учащихся позволяет приобщить человека к исторически сложившемуся экологическому опыту народа. Они позволяют разнообразить формы и методы экологического воспитания, привлечь широкие массы населения к изучению культурного наследия, углубить эстетическое восприятие природы.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о значимости включения народных традиций в процессы образования и воспитания современной молодежи, особенно младших школьников, для формирования систематических знаний об окружающей среде. В учебно-воспитательной работе необходимо использовать знания о характере природопользования наших предков, а также о системе взаимоотношений между человеком и природой, послужившем начальной тенденцией к формированию ценностных установок по отношению к природному миру во всем его многообразии.

Литература

1. Анохина, В.В. Этнокультурная традиция и перспективы развития экологического образования в Беларуси // Человек – Экология – Культура в польско-белорусском диалоге: материалы польско-белорусской летней школы по социально-экологической и историко-культурологической проблематике / науч. ред. А.И. Зеленков, В. Ленарт. – Минск–Пултуск, 2004. – С. 115–141.
2. Катович, Н.К. Воспитание средствами природы в народной педагогике белорусов // Актуальные проблемы экологического образования и воспитания: сб. статей. – Минск: НИО, 1999. – С. 25–29.
3. Самерсова, Н.В. Воспитание в процессе экологической деятельности. – Минск: Белорус. наука, 2005.

НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА ЗДОРОВЬЯ В ЭТИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

Р. В. Слухенская

Медицина давно уже не рассматривает пациента только в качестве организма, который подлежит лечению, видя в нем прежде всего человека, личность. Духовно-нравственное измерение индивида становится фактором, осознание которого способствует изменению парадигмы здоровья в современной медицинской науке, тесно связанной с биологией, генетикой, психологией.

Содержание и смысл понятия «здоровье» изменялись вместе с развитием науки, которая воплощает передовые, прогрессивные достижения человеческого интеллекта. В то же время, концепт здоровья может стать основанием для синтеза философских и конкретно-научных представлений. Медицина как когнитивная деятельность и практика с

древнейших времен была связана практическими аспектами философского мышления.

Начиная с античности и до сегодняшнего дня медицинские знания совершенствовались и усложнялись, подвергались значительным метаморфозам (культурным, методологическим, мировоззренческим). Именно поэтому интересно проследить определенные тенденции сближения современного понимания здоровья с классическими представлениями о природе человека.

В современных условиях проблема здоровья актуализируется в аксиологически-гуманистическом контексте, побуждая к осмыслению взаимосвязи таких понятий, как «моральное здоровье» и «здоровье психическое», а также «здоровье человека» в контексте рассуждений на тему «человек и его здоровье». Попытки обратить внимание на ценностно-смысловые аспекты здоровья не новы, поскольку они прослеживаются еще в доклассический период развития медицины.

Начиная со средневековья и до последней трети XX в. понятия «здоровье тела» и «здоровье души» были связаны системой причинно-следственных зависимостей. Вместе с тем научная мысль никак не могла выйти на уровень целостного видения «здоровья человека». Определенные догадки о принципиальном единстве духовного и физиологического, конечно, неоднократно высказывались, однако не имели существенного значения в рамках медицинской науки. В лучшем случае это были обобщения мировоззренческого характера и касались философской антропологии.

В наши дни ситуация кардинально изменилась, становление постнеклассической рациональности в качестве парадигмы развития научного знания существенно повлияло на развитие медицины как науки. Сейчас идет речь о создании единой теории здоровья и болезни, основным постулатом которой, безусловно, должно стать единство физиологических, психологических и социальных измерений бытия человека. Это невозможно осуществить, игнорируя аксиологические аспекты проблемы, поэтому чрезвычайно важно переосмыслить традиционные представления о взаимосвязи феномена здоровья с общечеловеческими ценностями, прежде всего теми, которые касаются нравственности, морали. Свидетельством становления новой парадигмы здоровья можно считать такое новое понятие в медицине, как «нравственные болезни».

С этических позиций чрезвычайно поверхностно изучены не только некоторые фундаментальные положения медицинской науки, но и концепции, парадигмы, установки биологии, генетики, психологии. «В частности, в области биологии этическое значение имеют выводы, которые вытекают из биологической трактовки человека. Ряд биологов считает врожденными такие качества и действия человека, как склонность к насилию, агрессии, карьере, к власти, к враждебности и войне. Традиционно считалось, что данные качества носят социальный характер, а ряд современных биологов настаивает на их генетической обусловленности. Этически нагруженными являются выводы генетики о влиянии биологических различий между полами на умственную деятельность, а также выводы о зависимости интеллектуальных способностей людей от их расовой принадлежности. На стыке биологии и медицины возникают проблемы биоэтики. Имеют этический оттенок такие достижения медицины, как возможность контроля пола будущего ребенка, замены пораженных органов и тканей, возможность влияния на психику человека с помощью нейролингвистического программирования» [1].

Кроме всех этих и многих других этических проблем особого внимания заслуживает историческая динамика понимания взаимосвязи нравственности и здоровья. Доминирование естественнонаучной парадигмы в медицине не позволяло выявлять реальные зависимости между здоровьем тела и внутреннем душевным состоянием человека. Чувственно-телесная концепция здоровья неспособна объяснить явления, связанные с так называемыми «удивительными исцелениями» и многими другими практиками, которые

свидетельствовали о нередуцируемости человека к телу, поэтому ученые стали искать другое объяснение, в том числе и те, которые учитывают аксиологические, духовно-нравственные факторы лечения болезней и сохранения здоровья. Со становлением основ посклассической науки удельный вес гуманитарно-ценностного, морально-этического понимания феномена здоровья постоянно возрастал, в результате чего сформировались необходимые и достаточные предпосылки для изменения самой парадигмы, в чем четко прослеживается общая тенденция к гуманизации и гуманитаризации науки, антропологизации общенаучной картины мира, включения в ее основания ценностной компоненты.

Литература

1. Кулиниченко, В.Л. Валеософия и валеоэтика как формы современной практической философии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sofy.kiev.ua/ pf2/ kulin.htm.

ЗДРАВОТВОРЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА УЧИТЕЛЯ XXI В. В КОНТЕКСТЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Д. С. Новиков

Судьба стран бывшего СССР в современном глобальном мире в существенной мере зависит от того, удастся ли им в исторически короткие сроки завершить позднеиндустриальную (а где-то и раннеиндустриальную) модернизацию и перейти к постиндустриализму. Разумеется, успех постиндустриальной трансформации во многом обусловливается наличием у лидеров этих обществ соответствующей стратегии развития, политической воли, желания не на словах, а на деле осуществить технико-технологическое перевооружение индустрии. Однако, представляется, что все это – важные, но, быть может, не самые судьбоносные условия постиндустриального «броска в будущее». Для реализации указанной модернизации необходимо воспитать адекватного ей *субъекта*. Как точно заметил А.И. Неклесса, в «XXI веке страны – это не территории, а люди. Люди – источник того креативного флюида, который столь стремительно преображает погружающуюся в воды истории Атлантиду Модернити» [1].

Понятно, что особую роль в формировании субъекта постиндустриальной модернизации должна сыграть национальная система образования. Причем, на наш взгляд, ее целеполагание не может быть нацелено на выращивание «человека экономического» – личности, сориентированной на успех, оцениваемый в денежной (и шире – материальной) форме. Полагаем, что субъектом постиндустриальной транзиции может стать лишь индивид, руководствующийся постматериальной мотивацией [2]. Присоединяясь к данной позиции, добавим, что он должен обладать не только такими качествами как открытость инновациям, желание и способность учиться на протяжении всей жизни, но и (как это ни странно на первый взгляд звучит) *здравотворческой культурой*. Указанным термином мы обозначаем подсистему нашей *над*биологической программы жизнедеятельности, которая «отвечает» за сегмент деятельности, позволяющий индивиду использовать свой биологический потенциал, сохранять и наращивать его в интересах самореализации.

Конечно, неизбежно возникает вопрос: а какова связь между здравотворческой культурой, с одной стороны, и постиндустриальной модернизацией, с другой? На наш взгляд, самая прямая. Во-первых, она вытекает из того, что в период постиндустриальной транзиции важнейшим *ресурсом развития* становятся человеческие способности

(они, а не земля, капитал или труд, играют роль локомотива постиндустриальной экономики). А «подпитывает» указанный двигатель прогресса, конечно же, соматическое, психическое и нравственное здоровье индивида. И, во-вторых, эта связь обусловлена тем, что в постиндустриальную эпоху быстро и поступательно нарастает главное богатство человека – свободное время. А оно может быть использовано индивидом как в интересах самопревосхождения себя природного, так и в направлении саморазрушения. И потому ориентация человека на сохранение, упрочение и наращивание собственного здоровья может выступить «прививкой» от досуговых форм жизнедеятельности, разлагающих личность (безделье, пьянство, потребление наркотиков и различного рода «духовной жвачки» и пр.).

Понятно, что формирование личности, овладевшей здравотворческой культурой, невозможно без соответствующей подготовки учительства. В конце концов, немецкий мыслитель еще в позапрошлом веке афористично и точно заметил, что воспитатель сам должен быть воспитан. Подчеркнем при этом, что здравотворческое педагогическое образование ни в коем случае не должно сводиться к овладению будущими педагогами здравотворческими знаниями, методиками и технологиями. Здравотворческий педагогический процесс видится нам как «системо-мыследеятельностная педагогика», то есть «как некоторая система представлений, в которой одновременно дается ответ на вопрос, что такое человек, как он устроен и каким он должен быть, дается ответ на вопрос о том, чему можно и нужно учить и чуть в меньшей степени дается ответ на вопрос, как это делать, то есть каковы методики и технологии этой работы» [3]. Иными словами, данный процесс должен быть нацелен не столько на овладение процессуальным компонентом здравотворчества, сколько на освоение его *смысла*. А заключается он в использовании здоровья в качестве фундамента сознательно избранной стратегии превращения индивида в личность – существо, поднявшееся *над* своей природой и свободно реализующее все богатство врожденных дарований, *одухотворяющее* собственный «жизненный путь, физические влечения и потребности» [4, с. 118].

В процессе достижения стратегической цели (формирование здравотворческой культуры учителей) будет происходить и решение тактических задач. В частности, станет возможным являть воспитанникам то, что Н.М. Римашевская назвала *самосохранительным* поведением. То есть перейти от признания полезности занятий физической культурой, пагубности курения, употребления алкоголя и наркотиков, к реальным жизненным практикам (см.: [5, с. 642–668]). Продвигаясь по пути освоения здравотворческой культуры, учитель сумеет воспитать социально дееспособную личность (через упрочение ее энергетического и социально-психологического потенциалов – физического и психического здоровья; коммуникативных возможностей и социальной активности) [6]. Именно такая личность станет основным гарантом необратимости транзита России (и других постсоветских стран) от индустриального к постиндустриальному обществу. Ведь создаваемые экономические и политические институты, в конечном итоге, всего лишь условия данной транзиции. Без личности, ориентируемой на саморазвитие и духовную свободу, они – только *возможность* перехода.

Размышляя о необходимости формирования здравотворческой культуры учителя XXI в., нельзя не признать, что нынешний государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования в России не позволяет в полной мере решать данную задачу. Например, по направлению подготовки 030300 «психология» (квалификация «бакалавр») среди профессиональных задач указано на «формирование установок в отношении здорового образа жизни и поведения, направленного на сохранение здоровья», наряду с другими задачами, связанными со здравотворчеством [7, с. 4–5]. Однако, с нашей точки зрения, все они *не* сфокусированы на том, что считаем стержневой зада-

чей воспитания в постиндустриальном обществе – на феномен, обозначенный в античности как «калокагатия». Ситуация с формулировкой задач повторяется, по сути, и в других стандартах. В них также фиксируются те или иные задачи в области здравотворческой деятельности, но при этом отсутствует та целевая воспитательная установка, которая, на наш взгляд, единственно способна обеспечить выращивание субъекта постиндустриального общества. А именно: формирование «свободной и всесторонне развитой личности». Впрочем, если осознание всей важности данной цели педагогическим сообществом будет достигнута, то можно надеяться, что выстроенная на ее основе концепция станет важным подспорьем на пути создания общества, открывающего для его членов как удивительные возможности для саморазвития, так и угрозы, с которыми надеемся справиться, в том числе, с помощью ценностей здравотворчества.

Литература

1. Неклесса, А.И. Сложный человек в сложном мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.maib.ru/ bookspublication/ memberspublications/ 2011/ 03/ 30/ memberspublications_308.html. – Дата доступа: 11.10.2011.
2. Иноземцев, В.Л. Наука, личность и общество в постиндустриальной действительности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.creativeconomy.ru/ library/ prd117.php. – Дата доступа: 15.08.2011.
3. Щедровицкий, П.Г. Установочный доклад [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www-old.shkp.ru/ archive/ 280600UstanPG.html. – Дата доступа: 12.02.2009.
4. Кантор, К.М. Двойная спираль истории: Историософия проектизма. Т. 1. – М., 2002.
5. Римашевская, Н.М. Сбережение народа – стратегический императив России // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Рук. междисципл. проекта и науч. ред. О.Т. Богомолов; зам. рук. междисципл. проекта Б.Н. Кузык. – М., 2010.
6. Римашевская, Н.М. Качество человеческого потенциала в современной России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://spkurdyumov.narod.ru. – Дата доступа: 20.10.2011.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ БИОЭТИКИ

Н. А. Степаненко

Современная социокультурная динамика обусловлена имманентными изменениями, происходящими в обществе на уровне ценностных установок, которые выступают предметом изучения биоэтики.

Условия человеческого бытия детерминируются различными моральными предписаниями. И хотя нравственная жизнь общества фактически протекает в контексте многообразных, противоречивых интенций эгоистического характера, этическая (в том числе и биоэтическая) нормативность является способом организации реального бытия индивидов, формой преобразования общественных нравов, компенсирующих их несовершенство.

Этот довольно сложный процесс нравственного возвышения, гуманизации человеческих отношений на уровне долженствования, совпадает с исследованием путей приложения гуманистических норм к конкретным секторам практической жизнедеятельности людей, которые содержат определенные нравственные проблемы.

При всем многообразии философских подходов к рациональному обоснованию нравственных норм существуют определенные аксиоматические положения любой мо-

ральной теории, базирующиеся на традиционных общечеловеческих ценностях, таких как жизнь, счастье, здоровье и многое другое.

Моральное сознание в данном случае оценивает жизненные явления с позиций того, насколько они оправданы в силу своего нравственного достоинства. И хотя эти ценности очевидны для каждого отдельного человека, существуют специфические моральные формы их предъявления как должного. И наоборот, моральная рефлексия, направленная на формирование той или иной этической модели, постоянно обновляется усилиями каждого индивида и общества в целом, благодаря чему происходит выявление нормативного синтеза ценностей, отмеченного «благоразумием» и «мудростью, просвещенной объективным знанием» [1].

Анализ оснований различных рациональных теорий добра и зла приводит к пониманию того, что универсальные, общечеловеческие ценности, составляющие этическую проекцию, моральную сферу разнообразных и несхожих культур, имеют различную интерпретацию. «Если не считать нескольких великих основателей моральных учений, таких как Сократ, Иисус, Будда, – кто и когда изобретал ценности? И, тем не менее, ценности – это не вечные сущности. Они тесно связаны с предпочтениями, с индивидуальными оценками, и, в конечном счете, с историей обычаев и нравов» [2, с. 44].

Систематизация биоэтических принципов и предписаний служит непременным условием разработки методологических оснований биоэтики и позволяет выявить определенные доминантные ценности конкретно-исторического типа культуры, которые в последующем транслируются и трансформируются в новые формы социальности. В данном случае речь идет о биоэтике как комплексном социокультурном феномене, исторические корни которого содержатся в антропологическом взаимодействии с миром с того времени, когда возникло общество.

За многовековую историю развития цивилизации у каждого народа возникло множество обычаев и традиций, которые определяли и по сей день определяют поведение людей в самых различных жизненных ситуациях. Традиции и нормы поведения в известной степени регламентируют жизнедеятельность человека.

Как известно, человек живет и действует внутри множества сфер – общественная жизнь, профессиональная деятельность, семейные обязанности, отношение к природе, к животному миру и биосфере – каждая из которых имеет свои моральные требования. Но при этом человек должен сохранять экзистенциально согласованное понимание мира в целом и себя в мире, должен выработать общий нравственный взгляд на вещи. Такой подход позволяет совершать обдуманный выбор среди противоречивых и морально несовместимых требований, он позволяет уравновешивать внешние и внутренние человеческие ценности, что придает нашей жизни целостность, направленность и здоровье. Если представить отношение человека к миру в виде сферических окружностей, то самой большой из них окажется та, которая отражает отношение человека к бесконечному универсуму, внутри нее располагается сфера социоприродного взаимодействия, далее, ближе к центру – отношение человека к живой природе, к отдельным живым видам и существам, к другим людям; центром же, сердцевиной, этой сферы является экзистенция человека. Составляя представление о мире, человек опосредует свое отношение к нему через призму этических, эстетических, научно-практических и других аспектов. При этом вся социальная жизнь пронизана моральными нормами, которые трансформируются с течением времени, отражая изменение отношения человека к мирозданию.

Система отношений в обществе, а также способы его отношения к природе на протяжении многих тысячелетий закреплялись с помощью различных установлений, запретов, предписаний и так далее. В некоторых фундаментальных философских исследованиях культуры обосновывается точка зрения, согласно которой определяющая роль в

функционировании социокультурных явлений принадлежит материальным условиям жизни общества [3] [4, с. 45–57] [5, с. 219–255] [6, с. 189]. Однако далее подчеркивается, что общественное развитие определяется не только динамикой средств производства, но и особенностями культурных традиций различных общностей, которые проявляются в самых разнообразных сферах человеческой жизнедеятельности [5, с. 216].

Социокультурная традиция является уникальным механизмом регуляции человеческой жизнедеятельности, специфика которой определяется социально принятыми ценностными установками поведения людей. Элементы социокультурного наследия, представляющие собой прежде всего ценностное знание, сохраняются в обществе на протяжении многих веков. При наличии противоречивых тенденций в развитии человеческой жизнедеятельности не происходит нарушения преемственности, которая является неотъемлемой и существенной стороной социальной динамики, а благодаря социокультурным традициям экстраполируется наиболее значимый, нужный опыт, позволяющий формировать новые элементы культуры.

Новая, бурно развивающаяся отрасль знания – *биоэтика,* которая характеризуется единством биомедицинских и инвайроментальных идей, в контексте которых происходит не только обоснование этических императивов и норм взаимоотношений между людьми в соответствии с новейшими данными биологических и медицинских исследований, но и аксиологизация достижений науки, вырабатывает определенные нормативы поведения, обозначает поле решения данных проблем с точки зрения нравственного подхода, не допускающего осуществления крайних, морально неоправданных вариантов поведения.

Литература

1. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях, изречениях, максимах и афоризмах знаменитых мудрецов, философов / Пер. с англ. С.А. Бронштейна – Минск: Современное слово, 1998.
2. Рикёр, П. Этика, предшествующая моральным законам / Шанже Ж.-П. Взгляд нейрофизиолога на основания этики // Человек. – 1999. – № 6.
3. Зеленков, А.И. Динамика биосферы и социокультурные традиции. – Минск: Изд-во «Университетское», 1987.
4. Общество и природа: Исторические этапы и формы взаимодействия. – М.: Наука и техника, 1981.
5. Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1982.
6. Маркс, К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. – М., 1956.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ БИОЭТИКИ В КОНТЕКСТЕ «МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ» АНЁЛА ДОВГИРДА

И. И. Терлюкевич, Н. И. Мушинский

Основополагающие тенденции духовно-нравственного развития современного общества в значительной степени находят свое отражение в контексте проблем *биоэтики*. Это своеобразная междисциплинарная область гуманитарных наук и естествознания, исследующая окружающие человека экосистемы и самого человека как один из видов живых организмов, высшую форму эволюционного развития жизни. Становление биоэтики как научной дисциплины обусловлено прогрессом биологии и медицины, внедрением инновационных научно-технических разработок в практику здравоохранения. Биоэтика выступает как продолжение традиционной медицинской этики, призванной в современных условиях дать нравственную и правовую оценку новейшим изобретениям,

существенно изменяющим жизнь человека (таким, как успехи реанимации, трансплантологии и пластической хирургии, эксперименты со стволовыми клетками и суррогатное материнство, генная инженерия и попытки клонирования человека). Традиционные ценности добра и милосердия, непричинения вреда пациенту и готовности всегда прийти ему на помощь, отраженные в т.н. «Клятве Гиппократа» и остававшиеся эталоном врачебной деятельности на протяжении многих веков, получают новую интерпретацию в контексте научно-технического переворота современности. В этом и состоит проблемное поле биоэтики. Этика науки и нравственная ответственность ученого предполагают всесторонний учет долгосрочных последствий научно-технического прогресса (в том числе в области биомедицинских технологий), сохранение жизни в планетарном масштабе.

Характерное для биоэтики изменение отношения к человеческой жизни отражает фундаментальные процессы научно-технического прогресса как такового, все новые вызовы, с которыми сталкивается технократическая цивилизация. К примеру, сочетание высокой рождаемости в традиционной семье со снижением детской смертности в результате улучшения медицинского обслуживания порождает демографический скачок, недостаток природных ресурсов, повышение социальной напряженности. Западноевропейские страны столкнулись с этим на рубеже XIX–XX вв., результатом стали социальные революции и мировые войны (при том, что развитие медицины, снижение смертности, увеличение продолжительности жизни есть безусловное благо). В конце XX века демографическая волна накрыла страны «третьего мира», на протяжении столетия численность мирового народонаселения увеличилась с полутора до семи миллиардов, в основном за счет экономически слаборазвитых регионов, куда тоже проникла современная медицина при сохранении трациций патриархальной многодетной семьи. Результаты можно наблюдать непосредственно: охваченные социальными революциями в начале третьего тысячелетия арабоязычные страны Ближнего Востока (Ирак, Египет, Ливия, Сирия и др.), появление практики международного терроризма. Трудовые мигранты оказывают давление на бывшие метрополии, вынужденные ограничивать социальные программы, применять непопулярные меры жесткой экономии (особенно в сопредельных регионах – Греция, Италия, Испания и др.). Конфликт цивилизаций проявляется даже на уровне повседневных норм этикета; к примеру, во Франции сравнительно недавно общественное мнение так и не смогло удовлетворительно решить проблему ношения в учебных заведениях традиционных исламских головных платков студентками - выходцами из Алжира, Марокко и других бывших французских колоний.

Между тем, в развитых странах проблема рождаемости регулируется естественным образом, что тоже вызывает неоднозначные морально-этические оценки. Если в начале и середине XX в. переизбыток народонаселения инициировал рост конфронтации и открытое вооруженное противостояние (Япония активно «расширяла жизненное пространство» в Китае и Малазии, нацистская Германия официально объявила «движение на Восток» основой своей внешней политики), если в конце столетия в Китае пытались снизить рождаемость законодательно-запретительными мерами, то на рубеже третьего тысячелетия в западноевропейских странах проявились более гуманные, но не менее разрушительные тенденции. Рушатся устои традиционной семьи, процессы эмансипации и феминизации общества сопровождаются легализацией абортов, распространением гормональной контрацепции, появлением практики суррогатного материнства и т.п. Никого уже не удивляют операции по перемене пола, в той же Франции легализация однополых семей в апреле 2013 года (что еще до этого уже имело место в Голландии и некоторых других странах) вызвала самое неоднозначное отношение. В молодежной среде растут деструктивные тенденции, к примеру, становится нормой употребление «легких»

наркотиков (а иногда и «тяжелых» синтетического производства, что тоже является побочным результатом развития медицинских технологий и химии как науки), проявляется Интернет-зависимость. Казалось бы, положительные достижения в области трансплантологии и повышения продолжительности жизни в действительности имеют последствием стремительное старение населения, рост пенсионного возраста и т.п.

Современный человек часто оказывается в затруднении, как оценивать происходящие перемены: традиционная мораль, очевидно, перестает соответствовать реалиям научно-технического переворота, выработка инновационных концепций не всегда однозначна и требует значительных интеллектуальных усилий. Помощь современной *биоэтике* могут оказать некоторые мыслители прошлого, которые сумели подняться над своей эпохой, выработать общечеловеческие критерии нравственного поведения. В частности, белорусский исследователь Анёл Довгирд (01.12.1776–26.04.1835) создал в свое время оригинальную систему «моральной философии», вполне приложимую к биомедицинским проблемам современной техногенной цивилизации.

Белорусский автор продолжает линию этико-философского рационализма, заложенную еще Сократом и Аристотелем, при этом углубляет ее прикладной компонент: по его мнению, всякое научное познание в конечном итоге ставит целью преобразование окружающего мира ради потребностей человека, поэтому имеет моральное содержание и должно подчиняться этическим законам. Субъект изучает предметы не просто из любопытства, а «еще более для того, чтобы на них действовать и их использовать, а в этом использовании сохранять определенные правила» [1, с. 145]. Таким образом, этика как философская наука имеет универсальное содержание, распространяется на все остальные виды деятельности.

При этом *знание* не автономно, его дополняет *волевое усилие*, позволяющее реализовать осознанный *свободный выбор* в реальных действиях: «Насколько разум познанием, а воля… рассудительным выбором направляют на какое-либо деяние, настолько это деяние… морально» [1, с. 168]. Целью же всех этих действий является *счастье* [2, с. 269], в этом смысле этика А. Довгирда соответствует принципам *эвдемонизма*. При этом она избегает узкой элитарности, задача состоит не в том, чтобы «отдельные личности получили наивысшую степень счастья, а в том, чтобы счастье обрело наибольшее число людей… в соответствии со своими интересами» [1, с. 173]. Основа счастья – быть свободным от страданий [2, с. 269]; в этом А. Довгирд солидарен с последователями *гедонизма*, но избегает крайностей, связанных с воспеванием чувственных удовольствий.

Белорусский философ непосредственно ставит перед собой задачу сформулировать первопринцип и нравственный критерий: «Эта наипервейшая основа моральности… должна быть практическим утверждением столь общим, чтобы из нее могли быть выведены все истины морали, даже те, которые относятся к отдельным событиям» [1, с. 197]. Он считает, что при этом должны соблюдаться четыре условия: 1) фундаментальность; 2) точность; 3) ясность, доступность пониманию; 4) легкая осуществимость. В своей теоретической формулировке критерий морали перекликается с *категорическим императивом* И. Канта, но делает акцент на голосе *совести* и чувстве *стыда*: «Так поступай всегда, чтобы не стыдно было рассказать всему миру о своем поступке и о побудительных мотивах, которые тебя к нему направили» [1, с. 198]. Это не означает излишней откровенности и пренебрежения нормами вежливости и воспитанности; необходимо *мысленно* представить, соответствуют ли тот или иной социокультурный феномен этому критерию; тогда становится ясно, добро или зло он представляет для человека и цивилизации. «Моральная философия» А. Довгирда помогает современной *биоэтике* успешно ориентироваться во всем многообразии изменений, происходящих в духовной и материальной культуре.

Литература

1. Dowgird, A. Filozofia moralna // Ц. Г. Библиотека НАН Украины, отдел рукописей, А 2, рукопись № 4616.
2. Dowgird, A. O logice, metafizice i filozofii moralnej. Rozprawa. – Wilno, 1821.

ЗНАЧЕНИЕ БИОМЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ МЕДИКАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В. В. Бурсевич

Такие сферы, как юриспруденция и медицина, где человек, находясь в пограничных обстоятельствах, вынужден отдавать себя в руки другого человека, издревле были связаны с нормами корпоративной этики, что отразилось в создании профессиональных клятв и кодексов. Однако формирование биомедицинской этики как особой дисциплины, а затем и обязательной составляющей образования врача, связано со второй половиной XX века. В данной статье особый акцент делается на оценке этических последствий такого явления, как медикализация, а также анализируются проблемы укоренения биомедицинских ценностей в моральном сознании белорусского врача.

Обычно процесс становления биомедицинской этики принято объяснять следующими факторами. Во-первых, антропологическим поворотом в современной науке. Поскольку, как отмечает М. Полани: «Идеал безличной, беспристрастной истины подлежит пересмотру с учетом глубоко личностного характера того акта, посредством которого провозглашается истина» [1, с. 105], а наука выстраивается как коммуникация уникальных личностей, привносящих в нее свой индивидуальный жизненный опыт, постольку ее результаты всегда вплетены в исторический, культурный и социальный контексты, они просто не могут быть этически нейтральными.

Следующей причиной формирования биоэтики становится скачок в развитии науки. Появление новейших технологий само по себе ставит перед учеными, в том числе медиками, вопросы об этической оправданности сложных исследований, о критериях отбора тех лиц, которые в первую очередь имеют право воспользоваться научными достижениями, а также о необходимости решения моральных коллизий, возникающих в связи с развитием медицины. Именно поэтому, по мнению отца-основателя биоэтики В.Р. Поттера, она должна стать «наукой выживания» [2, с. 20], чем-то вроде амортизатора в столкновении человечества с последствиями его собственного научно-технического развития.

Кроме того, определенный вклад в становление биомедицинской этики внес и исторический контекст II Мировой войны, а также связанный с послевоенным временем дискурс «прав человека», которые стали толчком для создания и подписания таких документов, как Хельсинкская Декларация.

Значимость моральной экспертизы врачебной деятельности особенно обостряется в связи с таким процессом, как постепенная медикализация общества. Этот процесс проявляет себя в разнообразных формах, и в целом может быть оценен двояко. С одной стороны, он означает повсеместное распространение медицинской информации. Из практически сакрального знания, передаваемого внутри корпорации, медицина превращается в публичную сферу. Сегодня медицинская тематика стала частью повседневной жизни: нас окружают многочисленные медицинские передачи, журналы, газеты. Пространство Интернет предоставляет для популяризации медицинской информации огромные возможности: существуют десятки сайтов, где пациенты могут обсуждать

собственные проблемы, делиться опытом в лечении заболеваний. Другие блоги и форумы созданы самими врачами, которые дают пациентам онлайн-консультации.

Уже этот аспект медикализации самими медиками оценивается неоднозначно. С одной стороны, для многих демистификация медицины по-прежнему означает падение престижа врача, снижение свободы его деятельности, усложнение общения с пациентами, которые, начитавшись интернет-блогов, начинают «учить» врача тому, как нужно их «правильно» лечить. А для других это возможность расширять медицинскую информированность населения, повышать открытость между врачом и пациентом, а главное, в большей степени контролировать деятельность недобросовестных медиков, поскольку с помощью отзывов в Интернете пациенты могут создавать профессиональные рейтинги врачей.

С другой стороны, медикализация проявляется не только, как простое распространение медицинских знаний, под этим процессом можно понимать и достаточно серьезную трансформацию способов осуществления власти в современном обществе, где медицина становится одним из средств контроля. Еще Л. Альтюссер в работе «Идеология и Идеологические государственные аппараты» [3] и М. Фуко в своих многочисленных книгах (в том числе и на медицинскую тематику – «Рождение клиники» [4], «Ненормальные» [5]) продемонстрировали, что наиболее эффективным и экономичным способом управления людьми является не столько репрессирование, сколько дисциплина и формовка самого субъекта в соответствии с общественными требованиями. В этом плане, медицина сегодня начинает играть роль паноптикума [6], окутывая человека своим заботливым вниманием, начиная с момента рождения. Огромное количество областей нашей жизни, которые до недавнего времени никак не были связаны с медициной, сегодня невозможно вообразить без настойчивой медицинской опеки. Например, сфера материнства никогда не являлась медицинской вотчиной, и врачи вмешивались в этот «естественный» процесс лишь в самых крайних, патологических случаях. Сегодня же, как пишет Р.С. Мендельсон: «Беременность – это, оказывается, болезнь, которая нуждается в девятимесячном лечении, и вам будут проданы капельницы, оборудование для обследования плода, горы таблеток, абсолютно бесполезная эпизиотомия и – хит продаж! – кесарево сечение» [7, с. 10].

Ярким примером тому, как медицина постепенно наделяет себя правом управлять не только здоровьем, но и вмешиваться в самые интимные, бытовые вопросы, является в русскоязычном пространстве фигура Е. Малышевой, которая как «добрая фея» от медицины с улыбкой, но настойчиво и жестко обучает, как правильно с медицинской точки зрения не только лечить болезни, но и мыть посуду, полоть грядки, чистить унитаз. Иными словами, сегодня медицина проникает в самые потаенные уголки нашей повседневности, т.е. той сферы, которая, по мнению М. де Серто, до некоторого момента оставалась единственным оплотом, где возможны были попытки партизанского сопротивления дисциплине и властным репрессиям.

Все эти процессы стимулируют необходимость формирования у врача развитого этического сознания как единственного ограничителя той власти над жизнями и здоровьем, которая концентрируется в его руках. И в этом смысле, в современной Беларуси биомедицинская этика уже давно стала частью университетской программы, но пока не стала одной из составляющих мышления врача. До сих пор в среде опытных специалистов отношение к биомедицинской этике весьма скептическое. Это проявляется и в том, что проблемами биомедицинской этики в Беларуси в основном занимаются гуманитарии; для специалистов от медицины она по-прежнему остается сферой пустого словоблудия. Это проявляется и в том, что этическая экспертиза биомедицинских исследований понимается лишь как внешнее формальное требование, но не как внутренняя со-

ставляющая исследовательского проекта, связанная с нравственными обязательствами ученого. А недостаточная этическая ответственность, халатность врачей часто объясняется тяжелыми материальными условиями, как если бы существовала строгая пропорциональная зависимость между величиной зарплаты и развитостью такого этически важного органа, как совесть. И наконец, главная проблема заключается в том, что наличие правовых документов, регулирующих медицинскую деятельность, многими медиками часто воспринимается как груз, призванный усложнить их и без того тяжелый труд. А между тем, появление таких институтов, как «автономная модель взаимоотношения врача и пациента», «информированное согласие», напротив, призвано служить тому, чтобы охранять права врача, снять с его плеч бремя полной ответственности за жизнь и благополучие другого человека.

Безусловно, включение каждого врача в общемировой процесс гуманизации медицины оборачивается для него дополнительной психологической, этической, юридической нагрузкой. Просто ли, возможно ли полностью реализовать современные этические принципы в сложных условиях белорусского медицинского пространства? С одной стороны, несовершенство технической, экономической базы будет определенным препятствием на этом пути. Тем не менее, уже невозможно пытаться сохранить за медициной статус сакральной сферы, где врач-небожитель вершит судьбы своих подопечных. Но медицина не должна превратиться и в набор технических манипуляций над человеческим телом. Поэтому единственным приемлемым вариантом остается образ медицины как сферы сотрудничества и равной ответственности двух личностей, главным буфером между которыми будут этические ценности и нормы.

Литература

1. Полани, М. Личностное знание. – М., 1985.
2. Поттер, В.Р. Биоэтика: мост в будущее. – Киев, 2002.
3. Althusser, L. On ideology. – London, New York, 2008.
4. Фуко, М. Рождение клиники. – М., 2010.
5. Фуко, М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1974–1975 учебном году. – СПб., 2005.
6. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М., 1999.
7. Мендельсон, Р.С. Исповедь еретика от медицины. – М., 2007.

Нация, государство и гражданское общество в социально-философском осмыслении

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ КИБЕРВОЙН В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ БЕЛАРУСИ

Е. М. Бабосов

В течение второй недели мая 2013 года люди, интересующиеся проблемами национальной, в том числе информационной, безопасности, не могли не обратить внимание на произошедшие в сфере новейших информационных технологий два крупномасштабные события. Первое из них – это сделанное Министерством обороны США обвинение Китая в кибершпионаже, проникновении китайских спецслужб в социальные сети американских правительственных органов. В ответ на это китайские компетентные органы

заявили, что Китай сам является объектом амекриканских кибератак. Второе событие – сообщение информационных каналов США о крупнейшем кибер-ограблении века – ограблении крупнейшего банка действиями хакеров на сумму 145 млн. долларов США. Эти два события, внешне как бы не связанные друг с другом, в своей содержательной сущности оказываются тесно связанными друг с другом. Оба они составляют ярчайшее свидетельство нарастающей актуализации в современном мире проблематики кибер-войн.

Напомним, что в утвержденной в ноябре 2010 года Президентом Беларуси А.Г. Лукашенко Концепции национальной безопасности нашей страны важным составляющим компонентом является информационная безопасность, которая трактуется как состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере.

Такие угрозы чаще всего проявляются в форме использования собственных информационных ресурсов для идеологического и политического воздействия на страну соперника (противника), ориентированного на искажение, ослабление и разрушение его информационной системы для достижения собственных стратегических целей. В публикациях теоретиков такие действия получили наименование «информационная война». Новейшим же воплощением и проявлением такой войны в последнее время является концепция кибервойны.

Нарастание глобальной нестабильности и глобальных социальных турбуленций привели к возрастанию масштабов применения манипулятивного воздействия в коммуникационно-информационных процессах на отдельных индивидов, социальные группы и общности населения различных стран. В связи с этим осуществляется пересмотр приоритетов и акцентов в интерпретации проблем безопасности и возрастающий перекос их с интересов государства на интересы отдельного человека и социальных групп. Все более актуальной становится разработка проблемы информационной безопасности личности в соотнесенности ее с безопасностью государства в контексте влияния информатизации на политические процессы и отношения. Такая ситуация обусловлена тем, что широкомасштабное применение манипулятивного воздействия в информационных действиях, особенно проникающего из других государств, не всегда дружественных, способно дезориентировать значительную часть населения и повысить психоэмоциональную и социальную напряженность в обществе. В связи с этим приобретает новые грани актуальности разработка проблем информационной безопасности личности и страны в контексте влияния информатизации на политические процессы и на внутренний мир человека, на его ценностные ориентации, мировоззренческие установки, идейно-политические предпочтения.

Рассматривая проблемы информационной безопасности в таком именно ракурсе, следует учитывать, что информационная безопасность не представляет собой изолированной и самодостаточной системы. Она органично вплетена в общую, многогранную, многоярусную систему национальной безопасности.

Начало второго десятилетия XXI века ознаменовалось нарастанием глобальной нестабильности и обострением конфликтов интересов в условиях расширяющихся масштабов социальных турбуленций. Эти процессы охватили не только «огненную дугу», охватившую ряд североафриканских стран (Турция, Египет, Ливан, Сирия и т.п.), но и большинство западноевропейских стран, сотрясаемых долговым кризисом и стремлением некоторых этнонациональных объединений (каталонцы в Испании, баски в Испании и Франции, ирландцы в Великобритании) добиваться государственной независимости, а также Украину и Грузию, в которых в 2012 году резко обострилась борьба между различными политическими движениями и партиями. С учетом вышесказанного в совре-

менных условиях безопасность предстает как целостная система актуальных факторов, обеспечивающих защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз политического, экономического, социального, информационного, техногенного, военного, научно-технического и иного характера, поддержание стабильности политической, экономической и социальной системы государства.

Особенности обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь предопределяются ее геополитическим положением в современном мире. Страна находится в центре Европы, на пересечении координат многовекторных стратегически важных экономических, торговых, социокультурных, туристических и иных путей между Востоком и Западом, Севером и Югом.

Научно-технические достижения, воплощающиеся в новых технологических устройствах и процессах, органично связанные с коренным преобразованием информационной сферы и обостряющимся информационным противостоянием, приводят как к возможностям усиления миропреобразующей деятельности в интересах человека, так и к новым вызовам, опасностям и угрозам, масштабы которых приобретают трансграничный характер. Беларусь вследствие своего географического положения и открытости ко всему новому, что происходит в мире, оказывается подверженной как позитивному, так и негативному воздействию большинства происходящих в глобальном масштабе геополитических процессов и социальных турбуленций. Такая ситуация требует рассмотрения информационной безопасности в общем русле и практической реализации эффективно действующей концепции национальной безопасности страны.

Вся многогранная совокупность общественных отношений и взаимодействий, связанных с обеспечением безопасности, регулируется в нашей стране в соответствии с Конституцией и утвержденной 9 ноября 2010 года Указом Президента Концепцией национальной безопасности республики Беларусь [1]. Данная концепция базируется на следующих основополагающих принципах:

1) национальная безопасность – состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз;

2) национальные интересы – совокупность потребностей государства по реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокое качество жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие Республики Беларусь;

3) источник угрозы национальной безопасности – фактор или совокупность факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению угрозы национальной безопасности;

4) угроза национальной безопасности – потенциальная или реально существующая возможность нанесения ущерба национальным интересам Республики Беларусь.

В этой концепции четко проработана восьмигранная структурная архитектоника национальной безопасности. В качестве основных ее структурных компонентов выступают:

1) политическая безопасность – состояние защищенности политической системы от внешних и внутренних угроз, обеспечивающее реализацию национальных интересов во всех сферах национальной безопасности;

2) экономическая безопасность – состояние экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз;

3) научно-технологическая безопасность – состояние отечественного научно-

технологического и образовательного потенциала, обеспечивающее возможность реализации национальных интересов Республики Беларусь в научно-технологической сфере;

4) социальная безопасность – состояние защищенности жизни, здоровья и благосостояния граждан, духовно-нравственных ценностей общества от внутренних и внешних угроз;

5) демографическая безопасность – состояние защищенности общества и государства от демографических явлений и тенденций, социально-экономические последствия которых оказывают негативное воздействие на устойчивое развитие Республики Беларусь;

6) информационная безопасность – состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере;

7) военная безопасность – состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от военных угроз;

8) экологическая безопасность – состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от угроз, возникающих в результате антропогенных воздействий, а также факторов, процессов и явлений природного и техногенного характера.

Внимательный анализ основных компонентов национальной безопасности Беларуси приводит к выводу, согласно которому в качестве основных объектов безопасности в XXI веке выступают: цель, идеалы, интересы и ценности личности, общества и государства. Это предполагает четкое концептуальное оформление и теоретическую экспликацию существующих в социальной реальности процессов и явлений небезопасности и безопасности, в том числе и в коммуникационно-информационной среде, в осознанности реальности вызовов, угроз, рисков и опасностей для названных ценностей в условиях становления и развития информационного общества.

Стержневыми сечениями национальной системы безопасности являются три взаимосвязанных структурных компонента. Первый из них – *безопасность личности*, представляющая состояние защищенности жизни и здоровья человека, его целей, идеалов, интересов, ценностей, прав и свобод от всякого рода опасных воздействий – духовных, этнокультурных, информационных, социальных, экономических, политических, медикобиологических, психотропных, коррупционных, террористических, военных и т.п. *Общественная безопасность* – процесс и результат деятельности государственных и негосударственных социальных институтов и организаций, осуществляющих функции по реализации и защите общенациональной стратегической цели, идеалов, ценностей, интересов, основных прав и свобод личности, общественных объединений и создаваемого гражданского общества от любых источников опасностей и угроз. *Государственная безопасность* – состояние гарантированной защиты личности, общества, народа, образа и качества жизни людей, национальной культуры, государственных интересов, суверенитета страны, территориальной целостности и природных ресурсов, нерушимости ее границ, конституционного строя и существующих в ней политической системы и системы управления.

В условиях осуществления перехода Беларуси в фазу постиндустриального, информационного развития приоритетное значение приобретает обеспечение информационной безопасности страны. *Информационная безопасность* воплощается в способности государства, общества, социальной общности, личности обеспечить защищенность информационных ресурсов, необходимых для поддержания своей жизнедеятельности, устойчивого функционирования и развития, эффективно противостоять информационным опасностям и угрозам. Она включает в себя поддержание постоянной готовности к адекватным мерам в информационном противоборстве, государственную и судебную

защиту государственных и частных банков данных, средств обработки, хранения и передачи информации, охрану интеллектуальных ресурсов и поддержку их всемерного развития и реализации в различных сферах жизнедеятельности общества.

Одним из важнейших направлений обеспечения информационной безопасности в современных условиях является выработка и практическая реализация активного и целенаправленного противодействия тем разнообразным идеологическим атакам, которые организуют против Беларуси, России и дружественных им государств США и их союзники по НАТО.

Исходным теоретическим и геополитическим обоснованием ведущихся по различным векторам такого рода информационных атак стала и продолжает оставаться утвержденная еще в декабре 1992 года Министерством обороны США директива под названием «Информационная война». Как же понимается этот термин? *Информационная война – это использование собственных информационных ресурсов для идеологического воздействия на соперника (противника), ориентированное на разрушение, искажение и использование враждебной информационной системы для достижения собственных стратегических целей.*

Одна из особенностей такой войны состоит в том, что она не сдерживается ни государственными границами, ни нравственно-правовыми нормами, а применяемое в ходе ее оружие может использоваться в любую погоду, в любое время дня и в любую пору года. Впервые широкомасштабное применение информационной войны в комбинации с использованием вооруженных сил было продемонстрировано Соединенными Штатами в 1991 г. во время войны в зоне Персидского залива, в итоге которой американцы довольно быстро достигли своих стратегических целей – контроль за нефтяными ресурсами на Ближнем Востоке и установление постоянного военного присутствия в этом регионе. Второе издание той войны в том же регионе завершилось военным разгромом Ирака, свержением режима Хусейна и американской оккупацией Ирака. Разные вариации информационной войны были использованы в бывшей Югославии, а в последующем – в развертывании «розовой революции» в Грузии, «оранжевой революции» в Украине, «тюльпановой (точнее – каменной) революции» в Кыргызстане.

Обобщение типических особенностей всех этих социально-политических событий, приведших к радикальным переменам в структурах власти и в общественном развитии, показывает, что информационное воздействие на определенную страну носит долговременный характер и направлено на саморазрушение враждебного государства. Основным средством такого воздействия все чаще становится так называемое «организационное оружие», основу которого составляет рефлективные технологии управления. Они предполагают внедрение в управляющие структуры страны, подвергшиеся информационным атакам, социально-экономических и политических концепций развития, методов принятия решений, полезных для себя, но разрушительных для противника, которые предлагаются ему под видом нововведений и способствуют развитию хаоса в стране, противоречат национальным традициям и разрушают историческую память народа.

Материально-технической базой ведения такой войны являются постоянно растущие военные расходы США, которые превышают 50% мировых затрат на эти цели, составляя около 720 миллиардов долларов в год. Если прибавить сюда и затраты союзников, то общая сумма достигнет 1 триллион 150 млрд. долларов, или 81% глобальных военных расходов. К тому же США располагают гигантской мировой сетью из 725 военных баз в более чем в 130 странах мира на пяти континентах. Около 300 тыс. американских военнослужащих постоянно дислоцируются за пределами США, и к этому следует добавить двухсоттысячную армию, развернутую в Ираке и Афганистане.

Эта гигантская военная машина нуждается в активных действиях, а одной из актуальных форм такой активизации являются информационные атаки, осуществляемые практически (может быть кроме Австралии) на всех континентах земного шара. В эту орбиту более или менее регулярно попадает и Республика Беларусь. Достаточно вспомнить сопровождаемые разнузданной пропагандой неоднократные экономические и политические санкции против нашей страны. Можно напомнить и яростные информационные атаки, обрушиваемые на Беларусь и ее политическое руководство после усмирения силами правопорядка бесчинств хулиганствующей толпы на площади перед Домом Правительства в ночь с 19 на 20 декабря 2010 года. Еще более клеветнический и кощунственный характер приняли антибелорусские информационные атаки после трагического взрыва в Минском метро, когда западные СМИ обвинили в качестве организаторов этого гнусного преступления руководство страны и ее спецслужбы. Эти информационные атаки были ориентированы на дискредитацию Беларуси и выдавливание ее из общеевропейской политики, на подрыв суверенитета и национальной безопасности независимого государства.

В случае возникновения подобного рода ситуации важную роль должна выполнять не послесобытийная практика пользования «заплаточных» систем, когда при возникновении проблемы ее стремятся закрыть, залатать, а комплексная упраждающая разоблачительная информационная деятельность, направленная на раскрытие инициаторов, спонсоров и исполнителей информационных угроз и информационных атак на стабильность белорусской государственной системы и ее информационную безопасность.

Чтобы такая деятельность приносила желаемый эффект, она должна организовываться и осуществляться на основе использования *системного* подхода. Необходимость такого подхода детерминируется двумя обстоятельствами. Во-первых, информационная сфера современного общества представляет собой многокомпонентную, преодолевающую геграфические и политические границу, нелинейно и противоречиво развидающуюся систему. Во-вторых, информационные выпады против Беларуси, ее социально-политической системы имеют в большинстве случаев скоординированный и управляемый характер, несут в себе все признаки системного действия.

Следует иметь в виду, что в первом десятилетии XXI века создается и стремительно расширяется новейший технологически мощно оснащенный фронт организации информационных атак на неугодные американским миллиардерам и их ставленникам политические режимы, базирующихся на так называемых *твиттер-технологиях*. Твиттер, созданный в 2006 году, – это социальная сеть, построенная на микроблогах, кратких сообщениях, ограниченных, как правило, 140 символами (одно SMS-сообщение). В таких твиттерах за внешне безобидным стремлением поболтать с другим пользователем сети в любой момент времени и в любой точке планетарного пространства скрываются широкие возможности почти мгновенной пердачи разнообразной информации, в том числе и в интересах развертывания и активного проведения информационных войн. О том, каких масштабов способно достичь использование твиттер-технологий в разворачивании информационной (и не только) войны, свидетельствуют так называемые «революции», прокатившиеся в январе-марте 2011 года по огромной огненной дуге социально-политических потрясений и вызванное ими крушение правящих режимов в ряде североафриканских стран: в Египте, Тунисе, Йемене, Алжире, Бахрейне, Иордании, Ливии. Эти трагические события были заранее спланированы, подготовлены и профинансированы спецслужбами США и обученными ими специалистами по взламыванию существующих в той или иной стране социально-политических порядков.

Об этом с циничной откровенностью до свершения названных событий говорилось на сайтах знаменитого WikiLeaks и в других средствах информации. Уже в ходе самих этих сетевых революций на сайте «Голоса Америки» можно было лицезреть видеоролик с откровениями бывшего египетского полицейского, завербованного спецслужбами США и проживающего недалеко от Вашингтона, о том, как он через твиттер-технологии в январе-феврале 2011 года выводил на площади Каира тысячи египтян для свержения режима Мубарака.

Следует иметь в виду, что с марта текущего года госдепартамент США активизировал работу в социальных сетях для реализации проектов по вербовке русскоязычных блоггеров для «продвижения демократии в России и Беларуси». Следует обратить внимание на то обстоятельство, что по словам основателя «Викиликс» Джулиана Ассанжа, Интернет – это величайшая шпионская машина, которую когда-либо использовал мир. О грандиозных масштабах этой деятельности свидетельствует, например, такая цифра: Агентство национальной безопасности перехватывает около 650 миллионов коммуникаций во всем мире для обслуживания своих целей посредством анализа социальных сетей.

Исходя из этого следует рассматривать и оценивать социальные сети как мощное техническое средство, создающие возможности для осуществления при их помощи серьезных угроз национальной безопасности. В связи с этим необходимо охарактеризовать основные части информационной войны, которая периодически становится против нашей страны то более, то менее интенсивной. Структурная архитектоника информационных атак сводится в шести взаимосвязанным компонентами.

1) Обеспечение информационно-идеологического давления на враждебное государство в целях подрыва психологической и духовной обстановки в стране, разрушения в ней традиционных культурных, нравственных, эстетических ценностей.

2) Организация психологических операций, направленных на осуществление манипулятивного целенаправленного воздействия на сознательные и бессознательные психические процессы населения определенной страны, на его эмоции, чувства, волевые импульсы, ценностные ориентации и жизненные стратегии с целью изменить их в желаемом для инициаторов информационных атак направлении.

3) Осуществление электронного нападения на информационно-коммуникационные системы страны-соперника, на его компьютерные системы и сети с целью ослабить, дезорганизовать или разрушить эту систему, не позволить сопернику получать оперативную и достоверную информацию о состоянии и использовании своих собственных экономических, военных и иных ресурсов, а также ресурсах и действиях враждебной стороны.

4) Распространение дезинформации, т.е. недостоверной и / или умышленно искаженной информации, направленной на разрушение общественного согласия, на дискредитацию действующих в стране системы власти и политических институтов, разжигание социальной розни, национальной и религиозной вражды, предоставление сопернику ложной информации о собственных целях, намерениях и силах.

5) Прямые информационные атаки на руководство, управленческие структуры страны-соперника, ее экономическую, политическую системы, ее культурное достояние и систему безопасности во всех ее видах – политическую, военную, продовольственную, экологическую, информационную и т.п.

6) Обеспечение мер безопасности в информационной сфере, включая эффективное использование информационных ресурсов страны, их сохранность и расширенное воспроизводство, защиту сведений, составляющих государственную, служебную, коммерческую и иную охраняемую законодательством тайну, разоблачение прямых инфор-

мационных атак на свою страну, активное и эффективное противодействие им.

Применительно к сфере идеологического влияния на людей можно сказать, что информационная война – это деятельность, направленная на завоевание общественного мнения, внедрение в него определенных идей, ценностных ориентаций, оценок, стандартов поведения, преследующая цель – установление контроля над массовым сознанием, над эмоциями масс в своих собственных интересах.

Возможность отрицательного воздействия информации на мозг человека создает предпосылки для производства психологического (психотропного) оружия, которое атакует подкорку головного мозга специальными информационными полями. Такие атаки целенаправленно используются для скрытого изменения человеческого сознания, поведения и здоровья, с целью решения задач политического, военного, экономического, информационного характера.

В соответствии с замыслами и целями идеологического противоборства формируется комплекс взаимосвязанных задач, которые могут быть решены с помощью информационного оружия. Назовем некоторые, наиболее существенные из них.

1) активное явное и латентное (скрытое) информационно-идеологическое воздействие на население страны-соперника, на его сознание, чувства, ценностные ориентации и смысложизненные установки, ориентированное на создание в ней атмосферы бездуховности, безнравственности, беспринципности;

2) развенчание целевых программ, политических лозунгов, идеологических доктрин, используемых соперничающей стороной с целью создания в этой стране политической напряженности и хаоса;

3) применение манипулятивных способов воздействия на психические процессы и поведенческие акты, характерные для населения противоборствующей страны;

4) дезинформация населения о работе государственных органов, подрыв их авторитета, дискриминация деятельности всех уровней и звеньев управленческих структур создание их отрицательного имиджа у населения с целью затруднения принятия органами управления важных решений;

5) дестабилизация политической ситуации в стране, ставшей объектом информационных атак с целью провокации конфликтов, разжигания недоверия, подозрительности, обострения политической борьбы;

6) поддержка внутри страны противника оппозиционных групп, инициирование забастовок, актов неповиновении, массовых беспорядков и других акций социально-экономического и политического протеста;

7) подрыв международного авторитета государства, затруднение его сотрудничества с другими странами;

8) использование мультимедийных средств в виде информационно-развлекательных или аналитических страниц с «сенсационной» или иной «горячей» информацией, составленных с учетом особенностей восприятия человека и психологии виртуальных коммуникаций, что позволяет оказывать глубинное, чаще всего на уровне подсознания, воздействие на человека, воспринимающего такую информацию.

Весь охарактеризованный ряд средств, применяемых в процессе информационного противоборства, находит в разных сочетаниях и в разных пропорциях, воплощение в тех идеологических атаках, которые организуют против Беларуси, ее народа и государства наши заокеанские и западноевропейские недруги и их доморощенные приспешники. Поэтому ни в коем случае нельзя недооценивать те угрозы, которые возникают в этой важной сфере национальной безопасности.

Несмотря на огромные суммы финансирования из-за рубежа старания и поборников оппозиционных экстремистов уровень протестного потенциала и протестной актив-

ности граждан Беларуси остается низким. Если взять последние два года, то динамика роста протестных акций и их участников не наблюдается. Число таких участников очень редко достигает 120 человек. Даже провалившаяся попытка насильственной «цветной революции» 19 декабря 2010 г. собрала всего около трех тысяч человек. Готовность наших сограждан участвовать в протестных мероприятиях следует считать низкой, поскольку 88% населения республики отрицают такую возможность даже в исключительных случаях.

Характеризуя информационную обстановку в Беларуси в целом, следует отметить, что государственные СМИ сохраняют доминирование в национальном медиапространстве. Средний показатель уровня доверия населения к государственным телеканалам составляет 56,7%. Основные печатные государственные СМИ удерживают влияние около 86% телевизионной аудитории. Уровень доверия информации, распространяемый республиканскими и местными радиоканалами, составляет 53–59% радиоаудитории.

На этом фоне гораздо слабее выглядят позиции государственных органов в сети Интернет, где нередко преобладают так называемые «независимые» информационно-новостные ресурсы. К тому же и качество работы государственных органов в Интернете на фоне стремительных темпов роста сетевой аудитории остается недостаточным. Они зачастую оказываются плохо подготовленными к ведению эффективного противоборства, в том числе с использованием информационных современных технологий.

В этой связи следует иметь в виду возможности расширения информационных атак на нашу страну, что связано с двумя обстоятельствами:

1) усиление западного информационного прессинга в связи с расширением в ближайшей перспективе масштабов рецессии как в странах Западной Европы, так и в США;

2) значительное большинство белорусских масс-медиа отстает от зарубежных по качеству подготовки и подачи материалов.

Важность и эвристичность применения системного подхода к обеспечению информационной безопасности страны обусловлена тем, что информационная сфера современного общества представляет собой многокомпонентную, нелинейно и противоречиво развивающуюся целостность, образующую динамически изменяющуюся систему коммуникационных сетей и связей между множеством людей, их общностей и организаций, функционирующую в процессе их совместной деятельности по производству, присвоению, потреблению и использованию информационных ресурсов посредством применения непрестанно обновляющихся информационных технологий. Применение системной методологии обеспечения информационной безопасности диктует необходимость всемерного и благотворного для духовного развития и саморазвития личности, интеллектуального и духовно-творческого потенциала народа, сохранения и беспрепятственного воспроизводства его историко-культурного наследия, этнонациональной самобытности, упрочение и преумножение патриотических традиций белорусского народа, как важнейшего фактора обеспечения национальной безопасности.

Чтобы создать методологические и теоретические предпосылки системной деятельности в сфере информационной безопасности, необходимо четко определить основные социальные показатели (индикаторы) информационной безопасности. Основные из них состоят в семи взаимосвязанных индикаторных батарей:

1. *Степень защищенности* сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере.

2. Удовлетворенность жизнью. Этот индикатор на личностном уровне четко показывает, насколько конкретный человек доволен совей жизнью, а на уровне конкретно-

го региона или страны в целом раскрывает динамику соотношения удовлетворенных и неудовлетворенных в конкретное время условиями жизни людей, позволяя тем самым определить возможные масштабы социального недовольства, напряженности, вероятных протестных выступлений или экстремистских вылазок. Проводимые Институтом социологии НАН Беларуси в мониторинговом режиме ежегодные общереспубликанские социологические исследования выявили важную положительную тенденцию роста удовлетворенности жизнью в различных регионах и социально-демографических группах населения Беларуси. Осуществленное в 2012 году такое исследование (опрошено более двух тыс. человек) показало, что количество удовлетворенных жизнью более чем вдвое превышает численность неудовлетворенных (соответственно, 41,1 и 19,8% респондентов). Очень важно при этом иметь в виду, что абсолютное большинство наших сограждан (83,7%) считают, что в целом их жизнь складывается хорошо или удовлетворительно, и только 7,8% опрошенных утверждают, что их жизнь складывается плохо. Вот в этой небольшой по численности (менее 8%) группе населения как раз и возможно создание социальной среды, подверженной враждебному по отношению к белорусскому народу и его государству информационному воздействию.

3. Определение того, в каких масштабах и регионах распространяются различные слухи и измышления, ориентированные на то, чтобы вызвать недовольство у определенных групп населения, породить у них недоверие к деятельности государственных и местных органов власти, к правоохранительным структурам.

4. Важным индикатором уровня информационной безопасности является доверие как в межличностных и межгрупповых взаимодействиях, так и в отношении к институтам власти и средствам массовой информации. Социологические иследования показывают, что в Беларуси существует достаточно высокий уровень доверия и толерантности в межэтнических и межрелигиозных отношениях. Социологические исследования 2012 года показали: от 72,1% до 74,6%, опрошенных убеждены, что в Беларуси не существует какой-либо дискриминации по национальным, религиозным, языковым признакам, и только 4–5% респондентов отмечают наличие этнонациональных и межрелигиозных предрассудков, проявляющихся на бытовом уровне. Самым высоким уровнем доверия в общественном мнении пользуется Глава государства, за которого на президентских выборах прошедших в 2010 г. проголосовало свыше 80% избирателей. Затем по степени уменьшения следуют доверие к православной церкви (63,2%), армии (46,8%), органам госбезопасности (44,3%), Конституционному суду (44,1%), местным органам власти (42,8%), милиции (42,1%), Совету министров (40,0%), Национальному собранию (37,1%), государственным СМИ (35,4%). Самое низкое доверие наш народ оказывает оппозиции – ей доверяют только 6,6% опрошенных. Индикатор доверия имеет принципиально важное значение, так как наиболее податливыми в отношении к враждебному информационному воздействию оказываются люди, испытывающие недоверие к тем или иным институтам власти и к государственным средствам массовой информации. Приведенные социологические данные свидетельствуют о том, что в области доверия к политической системе страны и государственным органам Беларуси сложилось и проявляется устойчивое, стабильное состояние информационной безопасности.

5. Выявление уровня информационной культуры населения, значимости информированности в решении жизненных проблем теми или иными группами населения. Проведенные социологические исследования позволяют сделать вывод о серьезных упущениях и недостатках в данной сфере Только чуть более 10% респондентов считают, что информированность помогаетим решать свои жизненные проблемы во всех ситуациях, 18,7% полагают, что информированность помогает в

большинстве случаев, чуть больше 30% – только в некоторых случаях, а почти 15% опрошенных утверждают, что информированность вообще не помогает им решать свои жизненные проблемы. Если учесть, что каждый пятый из опрашиваемых (20%) не смог дать однозначного ответа о значимости информированности в решении жизненных проблем, то станет ясно, насколько далека от удовлетворительного уровня ситуация в области формирования современной информационной культуры у большинства населения Беларуси. Тот факт, что примерно третья часть населения Беларуси не обладает необходимым в условиях информационного общества уровнем реалий информационной культуры означает, что в этой сфере существуют обширная зона, в которой не выработан иммунитет против враждебного информационного воздействия, следовательно, состояние национальной безопасности в информационном пространстве оказывается неустойчивым. Здесь предстоит и правоохранительным органам, и учреждениям науки, образования, культуры, проводить целенаправленную, эффективную работу.

6. Существенное значение в системе индикаторов информационной безопасности имеет *уровень соблюдения в обществе социальной справедливости, законности и правопорядка*. О важности данного показателя свидетельствует тот факт, что среди необходимых социальных ценностей по степени важности вслед за доступностью медицинсокго обслуживания (которое поставили на первое место 56,2% опрошенных), на втором месте оказалась равная ответственность всех перед законом (так считают 40,7% респондентов), не третьем – ответственность чиновников перед нселением (38%), на четвертом – обеспечение социальной справедливости (30,7% опрошенных). Естественно, что в такой ситуации более двух третей респондентов (68,6%) поддерживают борьбу белорусского государства, его правоохранительных органов с преступностью, коррупцией, являющихся существенным препятствием в обеспечении безопасности в стране. Вместе с тем в работе по совершенствованию информационной безопасности необходимо иметь в виду, что, по самооценкам наших сограждан, 14% из них сталкивались с нарушением их прав в сфере трудвых отношений, 5,2% – в сфере социальной защиты, а 6,3% – в области доступа к информации.

В условиях стремительно расширяющейся информации и все более масштабной информационной насыщенности всех сфер жизнедеятельности человека и общества во втором десятилетии XXI века необходимо переходить от точечных приемов противодействия информационным вызовам, угрозам и опасностям к системному, комплексному обеспечению информационной безопасности, вовлекая в орбиту повседневного внимания и противодействия не только внешние, но и внутренние источники информационной опасности для личности, общества и государства. Здесь одно из актуальнейших направлений деятельности – *защита от утечек конфиденциальной информации*. Как раз это и составляет седьмой индикатор информационной безопасности. Следует учитывать в данном случае негативный опыт обанкротившихся американских фирм. Компетентные эксперты установили, что в шести случаях из десяти для банкротства фирмы достаточно утечки 20% ее коммерческих секретов. Этот поучительный опыт необходимо принимать во внимание, тем более что в период 2013–2015 годов в Беларуси предусматривается осуществление широкого круга экономических, социальных, организационных, правовых мероприятий по поддержке и развитию частного предпринимательства, увеличению его вклада в обеспечение социально-экономической устойчивости страны. Тем самым расширяется диапазон возможных утечек секретной информации, особенно в тех фирмах, которые работают в научно-технологической и информационной сфере. Поэтому высокая степень защиты от утечки конфиденциальной информации во всех типах организаций, включая частные, и на всех уровнях государственной службы становится еще

одним существенно важным индикатором информационной безопасности.

Чтобы обеспечить информационную безопасность общества и человека со значительной степенью эффективности, все названные индикаторы необходимо рассматривать не в отрыве друг от друга, а в их системном единстве. При этом следует иметь в виду, что основное направление информационных атак поборники идеологии американизированного глобализма концентрируют на микросоциальных аспектах безопасности. Центром их внимания становится жизнь человека, его смысложизненные интересы и ценности. Каждому из нас необходимо осознавать, что информационное воздействие на конкретную личность и на конкретную социальную группу, как положительное, так и негативное, становится стратегически важным пространством, на котором разворачивается современное информационное противоборство.

Чтобы противодействие информационным атакам на Республику Беларусь, ее население и управленческие структуры, необходимо в ближайшей перспективе создать условия для решения трех проблем в данной сфере. Для такого решения необходимо преодолеть:

– отсутствие системы информационного мониторинга над состоянием пограничного информационного пространства и прогнозирования его воздействия на морально-психологическое состояние различных групп населения;

– неразработанность диагностического инструментария, позволяющего выявить негативную составляющую информации на начальных этапах психологических операций противника, а вследствие этого запаздывание органов управления в осознании степени информационно-психологических угроз и организации мероприятий по их нейтрализации или ослаблению;

– слабость интеграционных связей информационных служб с другими государственными структурами и специальными службами, занимающимися информационно-психологическим мониторингом обстановки в стране и выявлением угроз ее информационной безопасности.

Следует иметь в виду, что основное усилие информационных атак, ведущихся против нашей страны направлено на микросоциальные аспекты безопасности. Центром их внимания становится жизнь человека, его смысложизненные интересы и ценности. Поэтому исходным пунктом системного понимания и обеспечения безопасности в информационной сфере является безопасность личности. Обеспечение личной безопасности осуществляется посредством решения ряда конкретных задач, имеющих систематический превентивный аспект и связанных с выявлением и предотвращением угроз и опасностей, возникающих в разнообразных кризисных и конфликтных ситуациях, затрагивающих жизненно важные интересы человека. Обеспечение безопасности личности – это, в конечном счете, создание и функционирование благоприятной для человека внутренней и внешней среды, это – гармоничное развитие самого человека, это – его благоприятное самочувствие, это – реализованная способность человека во всех условиях оставаться самим собой, сохранять свою самобытность и личное достоинство, это – высокое качество жизни, которое определяется не только материальным и культурным благосостоянием человека и его семьи, но и ощущением полноты жизни и осознанием ее смысла.

Известный эксперт по госбезопасности США Ричард А. Кларк в мае 2010 года издал книгу «Cyber War», в которой определяет кибервойну как «действия одного национального государства с целью проникновения в компьютерную сеть другого национального государства для достижения целей нанесения ущерба или разрушения» [7]. Другой американский эксперт Дэвид Роткопф в статье, опубликованной влиятельным американским журналом «Foreign Affairs» в средине февраля 2013 года называет эти

действия «прохладной войной», рассматривая ее в качестве специфической характеристики эпохи становления и развития информационного общества. Особенность такой войны он видит в том, что путем использования современных компьютерных систем, «не нарушая суверенитета или проникновения в систему обороны», можно наносить удары по конкуренту (противнику) без опасности спровоцировать «горячую» войну [8].

Справедливости ради отметим, что Д. Роткопф отнюдь не первым заговорил о начале «прохладной войны». Еще в начале 80-х годов XX века любители фантастики могли прочитать научно-фантастический роман Фредерика Пола «Прохладная война», в котором он нарисовал впечатляющую картину борьбы наемных хакеров, при помощи компьютеров, запускающих в социальные сети вирусы с целью обрушить фондовые биржи стран-соперников, борьбы, в которой военные сражения уступают место саботажу. Сейчас эта фантастическая картина превращается в жесткую реальность. По инициативе и финансированию со стороны США и Израиля создан вирус «Stuxnet», который смог захватить и использовать автоматизированные системы Ирана, чтобы повредить центрифуги, а это стало доказательством того, что посредством подобных кибератак противник способен нанести ущерб промышленным и оборонным системам, не пересекая государственных границ.

Приведенные особенности информационного противоборства в компьютерных сетях свидетельствуют о том, что оно выходит за пределы интернет-пространства и затрагивает целый ряд других сфер жизнедеятельности современного общества. Об этом свидетельствует в частности состоявшийся в декабре 2012 года международный саммит по вопросам развития киберпространства в Дубаи (Объединены Арабские Эмираты), показавший, что противоречия, связанные с использованием телекоммуникаций, усугубляются. Представители США на этом саммите отказались подписать новый договор, регламентирующий право всех государств заниматься управлением Интернета. Их поддержали специалисты из Франции, Великобритании, Канады и ряда других стран. Противоположную позицию заняли представители России, Китая, Индии и других государств, настаивающие на равноправии всех стран в использовании глобальной коммуникационной сети и в получении возможности вырабатывать правила адресации и нумерации информационно-кибернетических потоков в этой сети, связывая их с местным законодательством и устанавливать контроль над циркуляцией информации в каждой стране. В итоге таких разногласий общих документов принять на саммите не удалось [5].

О том, насколько актуальной и важной становится проблема обеспечения информационной безопасности в современном мире свидетельствует тот факт, что в 2011 году мировой рынок кибербезопасности, включающий в себя ряд американских израильских интернациональных кампаний, а также российскую кампанию Kaspersky Lab, составил 64 млрд. долл. К тому же следует иметь в виду, что в составе американских оборонных ведомств создано киберкомандование США, руководство которого в январе 2013 года заявило об увеличении штата этого рода войск в пять раз. Вполне понятно поэтому вице-премьер России Дм. Рогожин говорил о необходимости создания российских кибервойск, а Президент В.В. Путин в декабре 2012 года поручил ФСБ «действовать системно и наступательно в борьбе с преступниками в киберпространстве» [4].

Кибервойна несет в себе угрозу нарушения международного права, прежде всего, тех его пунктов, которые касаются государственного суверенитета. Она направлена на дестабилизацию компьютерных систем другой страны, на проникновение в интернетные службы государственных учреждений, финансовых центров и имеет своими целями причинение вреда военной, технологической, экономической, политической и информационной безопасности подвергшегося кибератакам государства. Основные виды кибер-

нетических атак таковы:

вандализм – использование хакерами интеренета для порчи интернет-страниц, замены содержания оскорбительными картинками и выпадами по адресу народа определенной страны и ее политического руководства;

сбор информации – взлом серверов для сбора секретной информации и использования во враждебных по отношению к данной стране целях (кибершпионаж);

пропаганда – рассылка по интернет сетям обращений пропагандистского характера или вставка пропагандистских текстов в содержание других интернет-страниц, подрывающих политическую стабильность страны, подвергшейся кибератакам;

повреждение серверов – атаки, ориентированные на предотвращение нормального функционирования сайтов или компьютерных систем данной страны;

атаки на пункты инфраструктуры – обеспечивающие жизнедеятельность городов такие структуры, как телефонные системы, транспорт, водоснабжение, электроснабжение, пожарная охрана;

информационно-психологическое воздействие на население с целью шантажа, создания паники, распространения дезинформации и тревожных слухов, подрывающих в своей совокупности консолидацию народа в пределах функционирующей государственно-политической системы:

прямые информационно-кибернетические атаки на руководство, управленческие структуры страны соперника-противника, ее культурные достояние и систему безопасности во всех ее видах – политическую, информационную и др.

Все эти кибер-атаки создают опасность нанесения значительного ущерба экономике страны, ее политической системе и идеологической доктрине, внесения разлада в обеспечение нормальной жизнедеятельности населения и обороноспособности.

Такой широкий диапазон осуществления возможных кибер-военных действий обуславливает необходимость разработки стратегии, тактики и оперативно-служебных действий в системе организации кибер-обороны.

Стратегия противодействия государства и его компетентных органов возможным кибер-атакам в киберпространстве страны предусматривает всесторонний учет и оценку рисков, угроз и опасностей кибертерроризма и кибершпионажа, их возможных последствий с целью недопущения, а тем более – разрушения стабильности и устойчивости социально-экономического и политического развития и упрочения национальной безопасности. Она включает также разработку активных контрмер по отношению к киберопасностям, включая возможности скрытого доступа и контроля спецслужб за деятельностью конкретных сетевых технологий, которые могут представлять интерес для использования в целях организации различных кибератак против данной страны.

Оперативно-тактические способы противодействия кибер-атакам представляют собой теорию и практику разведки возможных кибер-атак и подготовки групп специалистов к проведению контрдействий, направленных на срыв предполагаемых и совершаемых операций возможного противника в киберпространстве, повышение интернет-безопасности страны.

В таких условиях проведение разнообразных мероприятий по усилению информационной безопасности следует концентрировать на следующих основных направлениях:

1. сохранность, приумножение и расширенное воспроизводство информационно-кибернетических ресурсов страны;

2. эффективное использование всех видов ресурсов данных;

3. информационное обеспечение государственной политики Республики Беларусь, связанное с доведением до белорусской и международной общественности достоверной

информации о стратегической цели и основных приоритетах деятельности белорусского государства с обеспечением доступа граждан к открытым государственным информационным ресурсам и компьютерным сетям;

4. развитие современных информационно-коммуникативных технологий, отечественной индустрии информации и их эффективное использование для упрочения информационной безопасности страны;

5. повышение защищенности национальных интересов в информационной сфере, в том числе, в кибернетических сетях;

6. информационное противодействие внешним и внутренним угрозам конституционным правам и свободам человека в области духовной жизни, гражданской деятельности и информационных коммуникаций;

7. подготовка компетентных специалистов в области развития, совершенствования и защиты информационно-коммуникационных систем;

8. применение достижений социологии коммуникаций, кибер-социологии и виртуальной психологии в оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов и силовых структур страны;

9. совершенствование нормативной правовой базы обеспечения информационной безопасности, в том числе путем оптимизации социальных механизмов регулирования всех видов деятельности в этой сфере.

Обобщая сказанное, подчеркнем: определяя стратегию своей национальной безопасности, правящие круги США считают своим главным конкурентом в возможных экономических коллизиях Китай, а в военной сфере – Россию. Все это необходимо реально оценивать и в Республике Беларусь, поскольку наша страна, как отмечалось во время недавних переговоров президента нашей страны с министром обороны России С. Шойгу и секретарем Совета безопасности России Н. Патрушевым, имеет со своим восточным соседом не только общую границу, совместную историю и братские отношения между народами, но и общее оборонное пространство, составляющее фундамент обеспечения безопасности Союзного государства, в том числе путем расширения масштабов своих кибервозможностей и упрочения кибербезопасности.

Литература

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь, 9 ноября 2010 г., № 575 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2010. – № 276. – С. 5–25.

2. Бабосов, Е.М. Дихотомия мироустройства в XXI веке и проблемы информационной безопасности // Идеологические аспекты военной безопасности. – 2012. – № 1.

3. Бабосов, Е.М. Возрастание значимости информационной безопасности личности и страны в условиях глобальной нестабильности // Е.М. Бабосов. Человек в социальных системах. – Минск: Беларуская навука, 2012. – С. 418–442.

4. Савин, Л. Холодная кибервойна. Контроль над Интернетом уже сейчас определяет состояние национальной безопасности // Столетие. Информационно – аналитическое издание [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.stoletie.ru/ geopolitika/ holodnaja_kibervojna_632.htm. – Дата доступа: 12.03.2013.

5. Саммит в Дубае: «холодная интернет-война» между США и Россией? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.inopressa.ru/ article/ 19dec2012/ nouvelobs/ dubai.html. – Дата доступа: 12.03.2012.

6. Путин призвал ФСБ активнее действовать в киберпространстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria.ru/ politics/ 20121228/ 916628274.html. – Дата доступа: 12.03.2012.

7. Clarke, R. Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About It. – Etcheverry v. United States, 2010.

8. The Cold War is history. Now it's the Cool War [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.guardian.co.uk/ commentisfree/ 2013/ feb/ 24/ cool-war-cyber-conflict. – Дата доступа: 12.03.2013.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ю. Г. Тамбиянц

Согласно методологии А. Тойнби, каждая историческая эпоха может быть рассмотрена как определенный комплекс «вызовов» для конкретного общественного организма. Судьба последнего во многом зависит от нахождения им адекватных «ответов». Спецификой современности выступает господствующее воздействие глобальных факторов, которые представляют собой отнюдь не только внешнее давление, но и выступают серьезным детерминантом внутренних проблем. Например, отток финансовых ресурсов серьезно обостряет социально-экономическую ситуацию – средние слои оказываются размыты, а общество поляризируется. Все более неоднозначные оценки приобретает так называемый «экспорт демократии», который навязывает обществам чуждые им политические институты, в итоге дестабилизирующие внутренний политический процесс. Наконец, в эпоху информационного общества сильнейшим фактором выступает глобальное идеологическое влияние, раскалывающее культурное ядро и насылающее на общественный организм приступы аномизации.

Если рассматривать глобализацию как конструктивный хаос (Э. Гидденс, Дж. Розенау, А. Аппадураи), то ситуация для национальных общественных систем представлялась бы несколько попроще. Однако положение усугубляется тем, что глобализация, по всей видимости, процесс контролируемый. На это указывает ряд научных школ и авторов, порой не близких в методологическом плане. Это обнаруживающий неомарксистский уклон мир-системный анализ (И. Валлерстайн), теоретики глобального информационного общества (М. Делягин, Г. Шиллер). Наконец, даже умеренный сторонник глобализации Д. Роткопф написал книгу с характерным названием «Суперкласс. Те, кто правит миром». По мнению этого автора, мировая повестка дня диктуется космополитической элитой, состав которой не особенно велик – около 6 тыс. человек [2, с. 382]. Их групповая идентичность закрепляется на ежегодных мероприятиях, официально именуемых как Всемирный экономический форум. Состав суперкласса на 90% представляет собой характерный сплав экономики, политики и военной силы.

Суперкласс представляет собой верхушку мировой системы, фундаментом которой выступает мировая экономика. Естественно он стремится обеспечить ее бесперебойную работу, которая несет первоочередную выгоду странам Первого мира, выступающим в качестве главного субъекта глобализации (О. Арин). Остальным странам остается лишь обслуживать потребности и поступательное развитие Первого мира, принимая их правила игры. Но это зачастую на прямую противоречит их собственным национальным интересам, в силу чего их отставание от Первого мира еще более увеличивается. Таким образом, налицо противоречие между интересами конкретного национального организма и потребностями мировой системы в целом. И ведь последняя имеет собственных прямых и косвенных сторонников внутри этой национальной системы.

Как нам представляется, единственным адекватным «ответом» на «вызов» глобализации должно стать национальное государство. Суть этого концепта мы намерены раскрыть в противопоставлении с классовым государством – понятием, предложенным марксистской школой. Как утверждает Ф. Энгельс, государство возникает как продукт

макросоциальных противоречий – борьбы классов, дабы привести их к какому-то компромиссу в рамках общественного порядка [4, с. 362]. Однако закономерность истории в том, что государство довольно скоро оказывается подчинено экономически господствующему классу и начинает выступать с позиции его интересов, выдавая последние за интересы всего общества. Именно в этих условиях начинает проявляться искусственный характер государственной идеологии, все более отрывающейся от реального положения дел.

Национальное государство ориентируется на принципиально иные задачи. Собственно уже Энгельс допускает в истории периоды, когда государственная власть избавляется от подчиненности классу-лидеру, приобретая определенную самостоятельность. Как представляется, характер такого государственного образования дает основание обозначать его как надклассовое или национальное государство. Межклассовый консенсус реально достигается на базе общенациональных задач, что неоднократно имело место в истории.

При этом характер национального государства, как мы полагаем, определяется не столько структурно, сколько политической волей, предполагающей определенные цели и ориентиры. Ретроспективный взгляд на историко-политический процесс выявляет классовые и ориентированные в национальном духе диктатуры, а также классовые и национальные демократии. Подобный подход предполагает пересмотр доминирующей в политической социологии концепции трех политических режимов, имеющих структурные различия: тоталитарного, авторитарного и демократического. Эта концепция, по нашему мнению, имеет не столько научный, сколько идеологический характер, все более проявляющийся в современной действительности. Предпосылки подобного пересмотра уже имеются в работах некоторых известных социально-политических мыслителей, как российского (М. Афанасьев), так и зарубежного (К. Крауч) происхождения.

Конкретные критерии определения национального государства должны определяться следующим образом. Исходя из рассуждений российско-канадского ученого О. Арина, национальный интерес исходит из объективных потребностей общества. Именно общественный организм дает импульс, который принимается верхушкой, формулируется как национальный интерес, определяя целевую деятельность для государственных институтов [1, с. 377]. Сигнал от общества – определяющее звено. Когда, к примеру, российское государство отстаивает позиции «Газпрома» в Европе, то здесь оно проявляет заботу не о национальном интересе (как это обычно декларируется), но о корпоративно-классовом.

Объективные потребности общества, создающие базу для национальных (общественных) интересов, достаточно универсальны – самосохранение и саморазвитие. Однако меняющаяся среда может ставить новые проблемы (вызовы), которые будут существенно модифицировать национальные интересы. Так фундаментальные интересы в принципе остаются постоянными, тогда как стратегические и тактические меняются в зависимости от ситуации. К фундаментальным интересам принято относить: 1) территориальную целостность; 2) политический суверенитет (независимость); 3)экономическое развитие и благосостояние социального большинства; 4) национально-культурную самобытность [1, с. 382].

Если обратить внимание на эпоху глобализации, то, как представляется, для стран не входящих в Первый мир одним из важнейших национальных интересов должна стать техническая и технологическая модернизация. Это заметно повысит статус государства в мир-системной иерархии. Как с точки зрения неомарксистских трактовок (И. Валлерстайн), так и сточки зрения теоретиков глобального информационного общества (М. Делягин) технологический рывок позволит не только сделать конкурентоспо-

собной национальную экономику, но и укрепит внешнеполитические позиции. Кроме того, модернизация объективно способствует стабилизации внутренней ситуации – возросшая потребность в интеллектуалах снизит их иммиграцию в развитые страны, рост национальных доходов позволит поднять благосостояние населения и снизит зависимость страны от внешних кредитов (за которым обычно следует политическое давление извне).

Как нам представляется, из огромной плеяды государств второго (бывшие социалистические страны) и третьего (развивающиеся страны) миров, четко национально ориентированной политики придерживаются в Латинской Америке – Куба, Венесуэла, в Европе – Республика Беларусь. Допускаю, что это не полный перечень. Вероятно, к такого рода государствам с некоторыми оговорками можно отнести Бразилию и Боливию, а также азиатский Казахстан. Как бы то ни было, но мы совершенно убеждены, что именно национальное государство является наиболее достойным «ответом» на «вызов» глобализации.

Литература

1. Арин, О.А. Мир без России. – М., 2002.
2. Роткопф, Д. Суперкласс. Те, кто правит миром. – М., 2010.
3. Тамбиянц, Ю.Г. Общественная динамика в современных социологических теориях. Уч. пос. – Краснодар, 2011.
4. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Генри Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. – М., 1985.

НАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА В «ТИСКАХ» ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И. Ф. Габрусь, Я. Н. Буланькова

В оценке глобализации и ее влияния на нации, национальные государства и национальные культуры есть противоположные мнения и взаимоисключающие позиции. Некоторые утверждают, что глобализация создает благоприятные условия для диалога культур, их взаимообогащения в рамках такого диалога и как следствие – их плодотворного развития. Другие убеждены, что глобализация несет неминуемую смерть нациям, знаменует конец, закат национальных государственных суверенитетов и связана с неотвратимой гибелью национальных культур с их национальной самобытностью, собственным лицом и неповторимой идентичностью. Да и разве может быть иначе? Ведь глобализация имеет четко выраженный облик западнизации, а поскольку ведущей страной в западном мире является США, глобализацию многие называют американизацией мира. В ее основе – ценности неолиберализма, а эта идеология выражает сегодня и печется об интересах в первую очередь транснациональных корпораций. Они сейчас наиболее полно определяют облик мировой капиталистической экономики. Суть этой идеологии в требовании безграничной свободы для транснационального капитала, устранении с его пути любых национальных ограничений. В большом ходу идеи «глобального гражданства» и «космополитического государства». «Глобальное гражданство» – это социум, состоящий, как говорили в прежние времена, из «граждан мира», т.е. индивидов, сбросивших с себя всякие обязательства перед вскормившей их нацией, освободившихся от каких-либо привязанностей к своей национальной культуре. Жизненное кредо такого «гражданина мира» – родина там, где жизнь сытнее, богаче и комфортнее. Патриотизм,

как и все другие национальные чувства и ценности, рассматриваются при этом как реакционные рудименты прошлого, тормозящие прогресс, а глобализация, с этой точки зрения, – это острие, самый передний край социального прогресса.

Демократия, по Ю. Хабермасу, необязательно должна иметь национальный облик, она с успехом может быть и космополитической. У. Бек убежден, что хорошо приспособиться к глобализации то или иное общество может, лишь полностью освободившись от всяких примет и остатков национального, как в экономике и политике, так и в культуре. Национальное для сегодняшних идеологов глобализации – это очень опасная, не имеющая выхода «западня». Чтобы вписаться в глобализацию, государство должно стать космополитическим, т.е. отказаться от своей национальной природы. Отработкой таких трансформаций национальных государств в государства космополитические занята, по Беку, современная Европа. Многие авторы считают, что глобализация, с одной стороны, разрушает национальный суверенитет, но, с другой стороны, консервирует сложившуюся на планете иерархию наций и народов. По их убеждению, под личиной глобализации ловко скрыт и глубоко спрятан национализм стран «первого мира», с агрессивной экспансией их собственных интересов во все уголки планеты. Очень важным является вопрос о субъектности глобализации, т.е. о том, является ли глобализация спонтанным процессом или же существуют политические и социальные силы, кровно заинтересованные в глобализации и управляющие ее ходом. Ведь субъект – это автономный, свободный деятель, все импульсы деятельности которого в нем самом. Очевидно, что глобализация – это в первую очередь способ бытия и форма существования транснационального капитала, а поскольку этот капитал сконцентрирован в высокоразвитых странах Запада и США как их лидерах, то они и являются такими субъектами глобализации. При этом глобализация одни национальные государства (а их большинство) ослабляет, а национальные государства центра, т.е. ее субъекта, наоборот, укрепляет и усиливает. Для последних глобализация становится эффективным рычагом их национального развития. Если либерализм в прошлом идеологически прокладывал дорогу и выступал под знаменем свободы национальному капиталу, то сегодняшний неолиберализм требует полной свободы для капитала транснационального. Национальное государство развивающихся стран оказывается на положении политической обслуги транснациональных корпораций, которые диктуют свои условия странам их пребывания. При этом неолиберальная глобализация приводит, с одной стороны, к разрушению национальной культуры и сокращению, редукции социальных обязательств и расходов государств, но, с другой стороны – к усилению и расширению их репрессивных функций.

Реалии разворачивающейся глобализации накладывают на современные национальные государства новые функции и задачи. К новым обязанностям государства в условиях глобализации относится, прежде всего, необходимость брать на себя заботы и расходы по развитию новых технологий, требующих больших и рискованных затрат, а поэтому непривлекательных и невыгодных для частного бизнеса.

Важной особенностью проявления глобализации в Беларуси является то, что свою государственность белорусы обрели лишь в конце XX века в ходе распада Советского Союза. Национальное же самосознание и их национальная идентичность формировались в условиях пребывания Беларуси в политическом формате сначала ВКЛ и Речи Посполитой, затем в Российской империи, а в XX веке в составе Советского Союза. Поэтому к началу неолиберальной глобализации белорусская национальная культура еще не успела достичь своей полной завершенности по такому важному признаку как национальный язык в качестве своей естественной основы, живое, обиходное употребление которого остается очень ограниченным. В этом отношении Беларусь на много раньше других стран уже готова стать членом будущего единого общепланетарного космополи-

тического сообщества. По всем другим показателям (экономическим, политическим, социальным) молодое белорусское государство сохраняет свой национальный характер и успешно отстаивает свои национальные интересы, не принося их в жертву всесильному «молоту» неолиберальной глобализации.

ПРОБЛЕМЫ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В ПЕРЕХОДНЫХ ОБЩЕСТВАХ

В. В. Самсонов

Обсуждая проблемы «постсоциалистического транзита», исследователи зачастую сосредотачиваются исключительно на вопросах формирования институтов рыночной экономики и демократизации. Только изредка исследовательское внимание обращается на особую сложность преобразований постсоветских государств, в которых для успешной трансформации необходимы не только политическая и экономическая реформы, но также формирование необходимых институтов (фактически – государство-строительство) и, что не менее важно – национальная консолидация общества. М. Кэновэн [2] является одним из немногих политических теоретиков, которые убедительно показывают, что формирование политической нации – необходимое условие становления демократического государства «всеобщего благоденствия», причем этот фактор в значительной степени игнорируется транзитологией, априорно предполагающей наличие некоего территориально связанного политического сообщества (гражданской нации). Как полагает Кэновэн, нация должна находиться в основе политической теории, поскольку нация генерирует коллективную власть, создает «мы-единство», легитимность и устойчивость; обеспечивая возможность мобилизации, репрезентации и производства гражданского сознания, готового на любые жертвы ради блага политического сообщества, которое и современно (принадлежит эпохе модерна) и основывается на некоторых этнокультурных и исторических факторах. Сообщество в отсутствии соглашения по базовым вопросам национального единства не будет консолидировано, представляя собой механическое соединение населения, радиус доверия и солидарности в котором ограничен семейными и групповыми рамками [3, с. 207]. Устойчивость государства требует не только развитой экономики и высоких доходов на душу населения. Она также нуждается в согласии по определенным ценностям и верованиям, которые объединяют сообщество, наполняя смыслом гражданство. Национальное единство, полагает Д. Растоу, выражается, прежде всего, в том, что «существует первичное чувство принадлежности к коллективу, предпочтительно – само собой разумеющееся, которое выше простого мнения и простого соглашения» [10, с. 350].

Лишь малая часть «переходных» постсоветских государств является моноэтническими; большинство стран унаследовали полиэтнический состав населения и соответствующие сепаратистские угрозы, в связи с чем возникает насущная потребность определения коллективного «мы». Таким образом, помимо решения очевидных задач демократизации и внедрения рынка в большинстве постсоветских стран возникает необходимость достижения соглашения по фундаментальным вопросам государственности и национальности. Такой «четверной транзит» включает в себя демократизацию, формирование рынка, государство – и нациестроительство [7]. Созидание гражданской нации является часто игнорируемой, но важной частью политико-экономического транзита, и, возможно, должно предшествовать процессу демократизации. «В посткоммунистическом мире устойчивая демократия одержала победу только в тех странах, которые решили национальную проблему» [9, с. 860]. Ф. Редер полагает, что особые сложности в

процессах постсоветского политического и экономического транзита, которые мы наблюдаем, являются следствием незавершенности национальных революций в большинстве государств. «Коротко говоря, консолидированная нация как ядро государства – одновременно и предварительное условие и залог успешной демократизации» [9, с. 863].

Понятие «нациестроительства» начало активно использоваться приблизительно спустя десятилетие после Второй мировой войны для описания таких процессов как интеграция государства и общества, формирование гражданской лояльности по отношению к модернизирующемуся этническому государству. Р. Бендикс использовал этот термин для описания развития гражданской активности в многоэтничных государствах [1]. По его мнению, одной из причин возникновения «failed states» (неудавшихся государств) оказались процессы объединения народов в рамках искусственно созданных государственных границ. Основной целью теоретиков нациестроительства, как правило, видится построение современного общества с развитыми демократическими институтами. Однако при этом делается ошибочный, на наш взгляд, вывод о том, что в условиях нациестроительства «примордиальная» этническая самобытность и «модернистская» общегосударственная лояльность являются, по своей сути, понятиями конфликтогенными и взаимно исключающими друг друга. Например, теория «интегративной революции» К. Гиртса предполагает действия, направленные на подчинение первичных этнических (примордиальных) сантиментов общегражданскому порядку [6, с. 111, 108–109]. А. Рабушка считал, что пока продолжает сохраняться понятие «этнической лояльности», построение полностью или частично интегрированного гражданского общества будет являться трудной задачей [8]. К. Дойч также рассматривал процесс общенациональной интеграции в плане преодоления гражданами социальной и политической привязанности этническим, культурным или лингвистическим группам [4, с. 6]. Э. Куо, затрагивая вопрос общегосударственной лояльности граждан в полиэтническом Сингапуре, утверждал, что человек способен стремиться к будущему и вырабатывать новую идентичность на сверхэтническом уровне только при условии полной свободы от сантиментальной привязанности своим национальным традициям [11, с. 25].

Таким образом, многие теоретики нациестроительства рассматривают этническую принадлежность и лояльность государству в качестве альтернативных форм группового или индивидуального самовыражения, т.е. общенациональная лояльность и этническая принадлежность как бы являются взаимоисключающими друг друга понятиями. Из этого логически следует, что лояльность государству должна во всех случаях преобладать над этнической лояльностью. Подобный подход имеет ярко выраженную конфронтационную окраску и концептуально не допускает никаких промежуточных вариантов «мирного сосуществования» этничности и общегражданской идентичности. Довольно часто подобная политика использовалась для того, чтобы оправдывать действия доминирующей этнической группы или государства, направленных на «интеграцию» или, проще говоря, ассимиляцию коренных народов и меньшинств, что в итоге сводит на нет все усилия по построению гражданского общества.

Можно в целом согласиться с мнением американского проф. Ч. Фуна, утверждающего, что в случае, когда общегосударственная идентичность определяется этнически нейтральными ценностями типа равноправия, братства и т.п., то тогда теоретически и практически возможен ее высокий уровень, как для доминирующего этноса, так и миноритарных групп. Однако безоговорочное воплощение в жизнь данной концепции было бы дискриминационно и опасно, прежде всего, для коренных народов, поскольку принцип равных прав для всех фактически ставит их в неравное положение относительно других страт общества [5]. Можно предположить, что наиболее эффективной стратегией будет предоставление этническим группам равных возможностей развития культурно-

языковой целостности, что в итоге будет способствовать сохранению высокого уровня их этнического самосознания. Как логическое следствие (и не в последнюю очередь именно как выражение благодарности за этноязыковую толерантность), у данных групп будет одновременно вырабатываться общегражданский патриотизм и не менее высокий уровень лояльности государству. При благоприятном отношении правящей элиты выражение этноязыковой идентичности мотивируется большей частью строго культурными импульсами, поскольку национальные группы естественно стремятся поддерживать цивилизационно близкий им уклад жизни. В данном случае проявляется одновременно высокая степень политической лояльности существующему государственному устройству. Когда же в силу определенных, как объективных, так и субъективных условий, национальным группам отказывается в праве на культурную самобытность, то этничность и языковые вопросы политизируются – вплоть до формирования сепаратизма. При этом универсальной, единой для всех модели национальной политики не существует. Каждая страна сама определяет собственную модель межэтнического и межкультурного взаимодействия и вырабатывает идеологию национального развития.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13–23–02001).

Литература

1. Bendix, R. Nationbuilding and Citizenship. – Berkeley: University of California Press, 1977.
2. Canovan, M. Nationhood and Political Theory. – Cheltenham: Edward Elgar, 1996.
3. Dahl, R.A. Democracy and its Critics. – New Haven: Yale University Press, 1989.
4. Deutsch, K. Nation-Building and National Development: Some Issues for Political Research // Deutsch K., Foltz W. Nationbuilding – New York: Atherton, 1963.
5. Foon, C.S. On the Incompatibility of Ethnic and National Loyalties: Reframing the Issue // Canadian Review of Studies in Nationalism. – 1986. – Vol. XIII. No l. – P. 2–8.
6. Geertz, C. The Integrative Revolution: Primordial Sentiments and Civil Politics in the New States // Old Societies and New States. – New York: Free Press, 1963. – P. 105–157.
7. Kuzio, T. Transition in Post-Communist States: Triple or Quadruple? // Politics. – 2001. – Vol. 21 (3). – P. 168–177.
8. Rabushka, A. Taxation in Colonial America. – Princeton University Press, 2008.
9. Roeder, P.G. Peoples and States after 1989: The Political Costs of Incomplete National Revolutions // SlavicReview. – 1999. – No 58 (4). – P. 854–881.
10. Rustow, D. Transitions to Democracy. Towards a Dynamic Model // Comparative Politics. – 1970. – No 2 (3). – P. 337–363.
11. Kuo, E. The Status of English in Singapore: A Sociolinguistic Analysis // The English Language in Singapore. – Singapore: Eastern Universities Press, 1977. – P. 10–33.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ МОДЕРНА: В ПОИСКАХ БОЛЬШИНСТВА

В. С. Мартьянов

В процессе перехода от раннеиндустриального Модерна «эпохи фабричных труб» к глобальному, радикальному (Э. Гидденс) или второму (У. Бек). Модерну произошел онтологический поворот модерного общества. В условиях раннего капитализма реальность политического большинства связывалась с рабочим классом, предполагалось, что он станет гегемоном в новом индустриальном обществе. Однако технологический прогресс, например, производительность труда в Европе за последние 150 лет выросла в 20 раз [1, с. 47], и растущая автоматизация производства привели к падению удельного ве-

са рабочих в обществе. Становление наций-государств, рост национальных бюрократий и сферы услуг в экономике привели к популярности структурно-функциональных теорий, где большинство стали связывать с понятием среднего, а затем и креативного класса. Вместо марксистского разделения труда стали прибегать к более нейтральным критериям – имущественному положению, уровню образования и доходов людей.

Собственно уже в первой половине XX века, во времена А. Грамши и К. Мангейма пролетариат реализовал свой прогрессивный потенциал в условиях капитализма, добившись более эгалитарного общественного распределения прибавочного продукта, но так и не став статистическим классовым большинством. Пик его мирового могущества, подкрепленный всемерной поддержкой социалистического блока, прошел. Параллельно усиливались транснациональные корпорации, набирал все большие обороты процесс перевода реального сектора производства на периферию миросистемы. Отсюда проистекает важное для глобального общества Модерна последствие, которое наиболее заметно в развитых странах, но со временем станет достоянием всего человечества. Оно состоит в трансформации классовой структуры общества, где основные производящие группы общества – аграрии и рабочие – даже в совокупности уже не образуют большинства. Снижение их численности и доли вклада в общественный продукт не могли не сказаться на общественных теориях. В странах центра капиталистической миросистемы начали приобретать социально-политическую значимость растущие группы «белых воротничков» – чиновников, интеллектуалов, менеджеров, мелких предпринимателей, фрилансеров и т.п.

Структура общества высокого Модерна стала изменяться в пользу онтологической легитимации политического порядка посредством опоры на большинство как механическую агрегацию многих социальных групп – средний класс, включающий не только мелких лавочников, но и менеджеров, ученых, интеллектуалов, госслужащих, работников сферы услуг и т.д. Относительно четко выделяемые социальные классы сменились группами населения, на место идеологий, выражающих классовые интересы, пришел технологический прагматизм и популизм [2]. Естественно, что концепция среднего класса изначально не могла быть политически нейтральной, во многом выполняя функцию риторической компенсации непрекращающихся конфликтов труда и капитала, все более выходящих за пределы отдельных территориальных наций.

Новый средний класс как онтологическое большинство, вслед за буржуазией и рабочим классом тоже апеллировал к своей прогрессорской и деидеологизированной миссии через концепции государства всеобщего благосостояния, рост возможностей для каждого, обеспечения минимальных стандартов для всех. Первоначально казалось, что новый политический порядок, легитимируемый интересами среднего класса, является устойчивым. Однако государство всеобщего благосостояния, центрированное средним классом, оказалось пирогом не для всех уровней мироэкономики, но лишь для ее центра. Но даже в странах центра миросистемы с его высокой безработицей, если мы не собираемся снижать достигнутый уровень жизни, необходим поиск новых сфер применения труда. В результате появляется весьма оптимистическая интеллектуальная утопия, связанная с описанием очередного технологического сдвига к постиндустриальному, информационному, посткапиталистическому и чуть ли не к постматериальному обществу, где люди смогут в большей степени реализовать свой творческий потенциал в менее отчужденных формах. Но так ли это на самом деле?

Представляется, что в условиях кризиса модели государства всеобщего благосостояния средний класс индустриального Модерна становится все более зыбким основанием неолиберального политического порядка. Для его онтологической легитимации политическая мысль обратилась к новому утопическому большинству постиндустри-

ального Модерна – креативному классу как расширенному пониманию всех тех, кто претендует на звание представителя интеллектуального труда. Всех, кто вписывается в теорию постиндустриального общества как его авангард, и при этом претендует во временной перспективе будущего стать новым большинством. Очевидно, что постиндустриальное, информационное общество – это онтологическое воплощение теорий постмодерна, которые содержат в себе, прежде всего, критику недостатков Модерна с его репрессивным господством большинства и механизмами культурной ассимиляции нации.

Поэтому креативный класс – новое онтологическое воображаемое концепций постиндустриального общества в условиях деиндустриализации, классового расслоения и ослабления возможностей национальных государств. Однако в силу явной социологической переоценки узких прослоек людей в мировых мегаполисах, которые выдаются за репрезентативный прообраз и саму квинтэссенцию грядущего постиндустриального общества, эти теории сразу же стали объектом убедительной критики, в том числе их бывших апологетов [3]. Деиндустриализация развитых обществ вовсе не является признаком постиндустриализации, которая часто является вынужденной мерой из-за потери конкурентоспособности отдельными национальными экономиками центра миросистемы в аграрном и индустриальном секторах.

Таким образом, «общество знаний» и «экономика услуг» очень часто также оказываются созидаемыми искусственно, иначе конкретное общество уже не способно далее другими способами поддерживать достигнутые стандарты доходов, комфорта и потребления. Онтологическая легитимность современного политического порядка, обусловленная территорией (нация-государство) и локально проживающими на ней сообществами людей, находится в кризисе. Сокращение крестьян и рабочих выдвинуло на первые роли такое базовое политическое означаемое как средний класс. Однако в бинарной оппозиции труд-капитал ни «оказание услуг» средним классом, ни «знание» как ресурс креативного класса не стали равновеликой заменой труда.

Пролетариат численно сократился, но не был вытеснен чем-то новым, не превратился во влиятельный «когнитариат» – новый класс, занятый интеллектуальным трудом в обществе знания [4]. И сами социологические механические компиляции, которые представляют собой средний или креативный класс, существуют при ближайшем рассмотрении не столько в реальности, сколько в легитимирующих эту реальность теориях, являясь следствием их гипостазирования, т.е. приписывания реального существования умозрительным конструкциям.

Представляется, что на самом деле в постиндустриальных обществах глобального Модерна можно наблюдать рост не креативного, а праздного класса – безработных, частично занятых, пенсионеров, мигрантов и все дольше учащейся молодежи. Именно эти группы населения, живущие на пособия, пенсии, стипендии являются расширяющимся социальным основанием вынужденно постиндустриальных политических порядков. Фактически этот зависимый от государства субсидируемый класс и составляет новое большинство. Такой экономический порядок требует все большей налоговой нагрузки на работающих, постепенно ухудшает положение неработающих и рано или поздно приведет к социально-политическим катаклизмам, что уже сегодня можно наблюдать на примере многих стран ЕС.

Работа выполнена при поддержке исследовательского проекта Института философии и права УрО РАН № 12-Т-6–1002 «Эволюция социально-политических и правовых регуляторов современного общества».

Литература

1. Шевчук, А.В. О будущем труда и будущем без труда // Общественные науки и современность. – 2007. – № 3. – С. 44–54.
2. Фишман, Л.Г. Группа населения и социальная группа // Роль политических партий и общественных организаций в формировании органов власти в соответствии с интересами различных групп населения. – Екатеринбург, 2004. – С. 94–98.
3. Иноземцев, В. Воссоздание индустриального мира // Россия в глобальной политике. – 2011. – № 6. – С. 85–98.
4. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти. – М., 2004.

СВОБОДА МОДЕРНА И СВОБОДА ПОСТМОДЕРНА

С. В. Голубев

Свобода есть цивилизационный феномен. Соответственно, ее понятие, в различных цивилизациях не может не различаться. Свобода древнего грека, это не тоже, что свобода буддийского монаха или североамериканского индейца. Свобода средневекового рыцаря, это не тоже, что свобода гражданина буржуазной республики Нового времени. На обусловленные цивилизационными особенностями различия в понимании свободы у разных народов обратил внимание еще Б. Констан. В получившей широкую известность работе «О понятии свободы у древних и у современных людей», он показал, чем была свобода для жителя античного полиса и чем она стала для европейца XIX века.

Сегодня, в начале XXI века, на рубеже тысячелетий, по мнению многих, если не большинства, обществоведов, человечество подошло и к некоему цивилизационному рубежу. Особенно активно этот тезис отстаивается философией постмодернизма, основная идея которой как раз и состоит в том, что с конца XX века западное общество, а с ним и мир в целом, переживает процесс цивилизационного, по сути, перехода от «Модерна» к «Постмодерну». И если так, если действительно формируется новый мировой порядок, о чем все больше говорят и чему все больше практических подтверждений, то можно предположить, что новый цивилизационный «порядок» повлечет за собой и новое понимание свободы. Или, – в обратной зависимости, исподволь складывающееся новое понимание свободы послужит действенным фактором формирования нового мирового порядка. Как бы там ни было, очевидно, что свобода Постмодерна вряд ли может быть тем же, чем была свобода «Модерна». Последняя, как показал Констан, в отличие от свободы «древних» заключалась не столько в праве на участие в управлении обществом, в политической жизни, сколько в праве на частную жизнь, а тем самым, также и в *свободе частного предпринимательства*.

Человек эпохи «Модерна» или т.н. «капитализма» был человеком действия. Его деловитая предприимчивость, его «капиталистический дух» послужили основанием современной цивилизации. Ее свобода – *это свобода деятельности*. Деятельности как деловой активности, направленной на приобретение и приумножение «частной собственности» и требующей «невмешательства» государства. Свобода наступающей эпохи Постмодерна – это не свобода для деловой активности. Это вообще не свобода «для». Чтобы понять истоки и существо этого нового «постмодернового» ощущения свободы следует обратить внимание на существенное ускорение темпа общественной жизни в течение XX века. Во многих странах практически на жизнь одного поколения приходились и революция, нередко даже не одна, и гражданская война, распад и создание государства, неоднократные радикальные изменения социально-политического устройства.

Динамика изменений была такова, что в кратчайшие исторические сроки, иногда за несколько лет, исчезали существовавшие на протяжении столетий социальные группы и появлялись новые, менялся складывавшийся в течение длительного времени жизненный уклад, миллионы людей, иногда целые народы, становились беженцами.

Все это не могло не привести к существенному изменению массовых поведенческих ориентаций, к формированию новой, «постмодерновой» смысложизненной установки индивидуального сознания. Поскольку человек «Постмодерна» формировался в условиях социально-политической неустойчивости-неопределенности, быстрых и радикальных изменений наличного социального порядка, когда его социальный статус, определялся не столько его личными качествами и усилиями, сколько воздействием внешних, часто непредсказуемых, обстоятельств, он стал все более ориентироваться не столько на повседневный упорный труд, сколько на благоприятное стечение внешних обстоятельств, счастливый случай. Он, соответственно, стал все менее склонен *связывать* себя какими-либо обязательствами, брать на себя ответственность, постепенно превращаясь из работника в искателя, стратегия жизнедеятельности которого состоит не в том, чтобы преобразовывать себя и действительность, планомерно идя к успеху, а в том, чтобы в «калейдоскопе» изменяющихся обстоятельств, по возможности уклоняясь от обязывающей, требующей постоянных усилий деятельности, искать случая, ждать *удачи.*

Ведущая жизненная установка, поведенческая стратегия человека «Постмодерна» проявляется в его повышенной социальной мобильности. Он находится в процессе постоянной смены места работы, места жительства, рода занятий и круга общения, что не может не вести к неустойчивости и ослаблению социальных связей, как сугубо личного, так и производственного, профессионального, территориального характера.

Незанятие определенного статуса, ослабление социальных связей, по существу, означает десоциализацию, и поскольку всякая деятельность, носит общественный (социальный) характер, неизбежно оказывается и уходом от деятельности, т.е. именно оборачивается бездеятельностью. Так как способ существования человека, личности, есть деятельность, бездеятельность провоцирует уход, отказ от личности, от самоопределения = обретения устойчивости, что проявляется в моде на «поиски себя», «своего места в жизни», массовое стремление *отвлечься, расслабиться.*

Если «духу капитализма», вдохновляемому им человеку, были необходимы устроенное на «разумных», «естественно-правовых» началах государство и свобода, то есть контроль над условиями собственного существования-деятельности, снятие внешних ограничений для проявления личных качеств, самореализации, то человеку «Постмодерна», *одномерному* «человеку-массе», по существу, нечего проявлять и «самореализовывать».

Поскольку его существование интенционально не есть деятельность, он не может контролировать его условия, да и не стремится к этому, не имея соответствующей духовной потребности и веры в реальную возможность такого контроля в постоянно меняющемся, заполненном неопределенностью мире. Свобода человека новейшего времени, в соответствии с основной установкой его сознания, состоит в *свободе от деятельности.* Если свобода «Модерна» предполагала личную ответственность и возможность «работать на себя», то свобода «Постмодерна» определяется, прежде всего, отрицательно, как свобода от ответственности, возможность не делать того, чего «не хочется».

Сегодня работают для того, чтобы отдыхать. *Отдых* (от деятельности) становится целью жизни (деятельности). Показательно в этом отношении появление концепции, «цивилизации *досуга*», как вероятного и желаемого будущего состояния. Свобода экзистенциально измеряется теперь количеством «свободного» времени, то есть такого, ко-

торое свободно от деятельности, не занято ею, и может быть *посвящено* досугу.

Политика, «государственные дела» интересны человеку «Постмодерна», как правило, только в плане обеспечения такой свободы, главное, – чтобы оставалась возможность уклоняться от «труда и обороны» и искать «свой шанс». Это приводит к существенным изменениям в политической сфере. Активность, здесь, постепенно сходит на нет и стимулируется в основном квазиполитическими средствами: экстраординарным поведением того или иного политика, терактами и т.п. Место политической борьбы занимают политические «скандалы» и почти не скрываемый партийный торг «профессиональных политиков». Политика низводится до средства обогащения или удовлетворения сугубо личных амбиций до разновидности «бизнеса», – и только. Эпоха политических революций заканчивается. Они подменяются политическими «цветными» шоу, ничего не меняющими по сути. Проходит и время политических партий. Они превращаются в филиалы корпораций, своего рода деловые клубы, организации по предоставлению «электоральных услуг» населению. Последнее утрачивает не только определенную социальную идентификацию, но и сколько-нибудь определенные и устойчивые политические предпочтения. Человек эпохи «Постмодерна» готов голосовать за любую власть, исповедовать любую религию и играть любую социальную роль. Он, вообще говоря, готов быть кем угодно, если только сохраняется его свобода. Свобода бездеятельности, свобода «отдыхать». Эта свобода, стоит отметить, не просто отличается от свободы «Модерна», она, по сути, противоположна ей. И в этой связи, особенно в контексте сакраментального «труд создал человека» не может не возникать вопрос о направленности цивилизационного развития в XXI веке.

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОРАЛИ И ПОЛИТИКИ

И. Д. Денисенко

Одними из основных проблем в исследованиях функционирования современного общества (в интерпретациях разных авторов – «сетевого» (М. Кастельс), «активного» (А. Этциони), «постиндустриального» (Д. Белл), «информационного» (А. Тоффлер), «коммуникационного» (А. Лазаревич), «риска» (У. Бек) и т.д.) по-прежнему остаются вопросы развития правового государства и гражданских институтов.

Представителями всех отраслей современной системы социально-гуманитарных знаний предлагаются различные стратегии исследования этих образований.

Анализ научной литературы, посвященной изучению проблем становления и развития правового государства и гражданского общества, свидетельствует, что чаще всего предметом исследований философов, политологов и социологов выступают:

− основные принципы и направления построения правового государства и гражданского общества;

− особенности формирования (и соответственно, функционирования) совокупности институтов и институций, составляющих данные образования;

− уровень взаимосвязи и степень взаимообусловленности в действиях правового государства (как особой формы организации власти в социуме, деятельность которой основана исключительно на праве, и предполагающей непосредственную защиту свобод и достоинств личности, подчинение власти воле суверенного народа) и гражданского общества (как совокупности добровольных объединений, фирм и других коллективных организаций, основанных и существующих в контексте развития отношений конкурен-

ции и солидарности между юридически свободными и равноправными партнерами) и т.д.

На наш взгляд, достаточно перспективным среди вышеперечисленных исследовательских стратегий является рассмотрение проблемного поля развития правового государства и гражданского общества в контексте анализа взаимодействия политики и морали.

Изучение вопроса взаимодействия политики (сознательной деятельности по руководству и управлению процессами общественного развития с помощью государственной власти, ориентированной на реализацию интересов, как всего общества, так и отдельной группы (класса, элиты)) и морали (совокупности регуляторов должного поведения, через которые человек проявляет себе как разумное, самосознательное и свободное существо [4, с. 337]) имеет давнюю историю в рамках формирования различных (периодами противоречащих друг другу) авторских позиций.

Например, в рассуждениях представителей античной и средневековой философской мысли (от Аристотеля до Августина и Фомы Аквинского) это взаимодействие рассматривалось в контексте обоснованной необходимости доминирования политики над моралью.

С момента издания основных трактатов итальянского мыслителя эпохи Возрождения Н. Макиавелли («Государь» (1513) и «Размышления о первой декаде Тита Ливия» (1520)) область политики и власти в исследованиях социальных философов выделяется из сферы морали и религии и провозглашается автономной системой ценностей [2, с. 648].

В последующий период (практически с середины XIX столетия) в политико-правовых учениях большинства социальных мыслителей отрицается само существование взаимозависимости между сферами морали и политики и, соответственно, − целесообразность рассмотрения этой проблемы как на теоретическом, так и прикладном уровнях. Например, согласно утверждениям немецкого философа М. Штирнера (К. Шмидта), собственная воля индивида, его моральная сфера и государство как олицетворение политики «представляют собой две вражеские державы, между которыми невозможен вечный мир» [5].

К концу XIX столетия увеличивается круг исследователей, которые не только признают наличие связи между моралью и политикой (в прошлом об этом упоминали, например, Т. Гоббс и Дж. Локк), но и обосновывают необходимость доминирования именно первой сферы над второй. Например, известный французский исследователь, основатель новой науки об обществе («социальной физики» или «социологии») − О. Конт утверждает, что моральные идеи не только влияют на мир, а и «переворачивают» его. Основным условием общественной реформы служит интеллектуальная реформа. Случайности революции или насилия не обеспечивают перестройки общества, которое переживает кризис. Для этого необходим синтез наук и формирование положительной политики [1, с. 87−88].

С середины XX столетия (точнее, с окончания Второй мировой войны) проблема взаимодействия сфер морали и политики привлекает особое внимание представителей западной социально-гуманитарной системы знаний в контексте существования скрытого идеологического противостояния между двумя разными общественно-экономическими и политическими системами − капиталистической и социалистической.

В целом результаты их размышлений можно сгруппировать в три направления.

Первое направление основывается на отрицании существования связи между моралью и реальной политической практикой.

Второе − на признании существования определенного уровня взаимодействия

между элементами сферы политики и сферы морали в условиях функционирования индустриального общества.

Перенесение так называемых «работающих» моральных норм и ценностей из сферы частной жизни в сферу политической деятельности рассматривается как формирование реальных оснований для механизма конструктивного урегулирования разных типов конфликтов, которые возникают между отдельным индивидом и государством.

Третье направление отстаивает идею о доминировании морального фактора в диалектическом взаимодействии этих двух сфер жизнедеятельности современного общества.

Очевидно, что из представленных выше позиций интерпретации политики и морали как определенных организационных и регулятивных сфер общества, более конструктивным в изучении проблемного поля их взаимодействия в условиях становления и развития правового государства и гражданского общества выступает именно второе направление.

Однако, при этом следует помнить, что признание существования взаимосвязи между двумя сферами общества, которые выполняют регуляторную функцию и функцию социального контроля, не ведет к утверждению о необходимости доминирования одной из них. Это взаимодействие может осуществляться исключительно в пределах определенного баланса. «Достичь его, − утверждает украинский политолог Н. Сазонов, − нелегко, это удается людям, имеющим непосредственный опыт политической деятельности, устойчивые моральные принципы, ибо решить раз и навсегда противоречивые отношения между политикой и моралью невозможно. Можно только придать конфликту цивилизационные формы» [3, с. 227].

Таким образом, очевидно, что, с одной стороны, соблюдение баланса между политическими и моральными критериями развития общества повышает уровень эффективности его функционирования (через исключение как так называемого «гиперморализма в политике», так и «процесса огосударствления в сфере морали»), а с другой стороны, − определенное понимание этого баланса требует дальнейших конкретных фундаментальных разработок (как на уровне теоретических положений, так и в плоскости реальной политической практики).

Литература

1. Арон, Р. Этапы развития социологической мысли. – М., 1993.
2. Политическая энциклопедия: в 2-х томах / науч. ред. В.С. Комаровский. − Т. 1. – М., 1999.
3. Политология: Учеб. пособие для вузов / сост. и ред. Н.И. Сазонов. – Харьков, 2001.
4. Словарь философских терминов / науч. ред. В.Г. Кузнецова. – М., 2004.
5. Штирнер, М. Единственный и его собственность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://spb-anarchist.anho.org/ strirher.htm. – Дата доступа: 01.05.2013.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

А. П. Мядель

Демократия предполагает непосредственное участие индивида в жизни общества. При этом гражданственность находит свое выражение в заинтересованном отношении к социальным проблемам, в готовности бескорыстно служить обществу, в активной нравственной позиции. Демократическая гражданственность сочетает в себе уважительное

отношение к государству и способность его критически оценивать и контролировать.

Такое понимание гражданственности берет свое начало в политической философии Дж. Локка. Согласно теории общественного договора социум является сферой реализации естественных, присущих человеку от рождения прав и свобод, важнейшими из которых являются право на жизнь, свободу и собственность. Гражданское общество создает государство – организацию, призванную обеспечивать и охранять фундаментальные права и свободы своих граждан. Если власть не справляется с возложенными на нее задачами, граждане вправе ее сменить.

Современное гражданское общество характеризуется разветвленной социальной структурой, отражающей все многообразия возникающих между гражданами связей и отношений. Здесь реализуются политические и экономические свободы личности, ее права на самовыражение и самореализацию. Благодаря включенности в самые разные общественные структуры индивид не одинок перед лицом более организованной власти.

Важным средством воспитания демократической гражданственности является вовлечение подрастающего поколения в практическую деятельность гражданского общества. Для учащейся молодежи школой демократии может стать школьное и вузовское самоуправление, различные формы внеучебной работы – все, что является результатом инициативы и творчества самих учащихся.

Связь между гражданином и государством не всегда рациональна. Помимо разума и логики она опирается на чувства и эмоции, естественным образом возникающие у человека по отношению к месту своего рождения и проживания. Патриотизм имеет в своей основе любовь к Родине, чувство гордости за свою страну, свой народ, свою культуру и историю. Важное место в воспитании патриотизма занимает изучение истории. Именно она знакомит молодого человека с предметом его гордости, обеспечивает связь и преемственность поколений, укрепляет общность исторической судьбы. Патриота формирует не только память о героическом прошлом, но и гордость за настоящее: граждане гордятся существующими демократическими институтами, высокоразвитой экономикой, наполненными реальным содержанием своими правами и свободами.

Идеология естественных прав человека ставит отношения между личностью и властью на правовую основу. Защита и реализация прав человека являются высшей целью государства.

Права человека реализуют отношения индивида с обществом, служат средством примирения личных и общественных интересов. В отличие от политических идеологий, отстаивающих интересы общественных прав, идеология естественных прав человека стоит на страже интересов индивида и в этом смысле является наиболее гуманной.

Знание своих прав и свобод представляет собой в деле обучения правам человека лишь первый этап. Гораздо более сложной является задача по формированию личностных качеств, без которых права не могут быть реализованы. Права личности приобретают смысл лишь тогда, когда есть тот, кто готов ими воспользоваться. Приоритет среди таких качеств принадлежит чувству личного достоинства. Зародившись в свое время в среде родовой аристократии, оно постепенно распространилось на остальные слои населения.

В широком смысле слова идеология прав человека – это особого рода мировоззрение, определяющее поведение индивида в обществе, в социальной группе, в быту. Его характерной особенностью является нетерпимость к насилию, в какой бы форме оно не выражалось. Защита своих прав предполагает признание таких же прав за другими. Необходимо научиться соизмерять свою свободу со свободой других, быть ответственным за свои поступки и терпимым по отношению к поступкам других. Толерантность – это способность позволить другому быть иным. В лексиконе современного человека

прочно утвердились понятия «компромисс», «консенсус», «диалог». Только благодаря ним, мир существует как культурное, религиозное и политическое разнообразие.

Демократия представляет повышенные требования к правовой и политической культуре человека. От этого зависит стабильность и успешное функционирование ее институтов. Политические выборы, местное самоуправление, контроль над деятельностью чиновников невозможны без политического участия граждан. Политическая просвещенность членов общества обеспечивает сознательную поддержку существующего порядка. Приверженность базовым демократическим ценностям охраняет демократические институты. Жизнеспособность современной демократии во многом зависит от того, насколько успешно ей удается преодолевать крайности индивидуализма и тоталитарного коллективизма. В истории политической мысли они представлены двумя идейно-политическими традициями: классический республиканизм (Ж.-Ж. Руссо) и либеральный индивидуализм (Дж. Локк). Первая делает упор на воспитании чувства гражданственности, способности гражданина участвовать в государственных делах, заботиться об общем благе. Вторая – на осознании своих прав и свобод, умения пользоваться ими и отстаивать их, воспитании чувства чести и собственного достоинства. Обе традиции равноценны. Абсолютизация одной из них ведет к перекосам в политическом поведении. Коллективизм приводит к подавлению индивидуальности, а индивидуализм несет угрозу социальной и политической пассивности, самоустранения от участия в общественной жизни. Обучение демократии ставит задачу синтезировать эти традиции.

Сформировать способность к самостоятельному мышлению можно лишь в условиях максимального раскрепощения творческих способностей личности. Арсенал используемых средств в решающей степени зависит от творческой инициативы преподавателя. Предметом обсуждения может быть все, что способствует постепенному приобщению индивида к решению общественных проблем, развитию критического мышления, воспитанию гражданственности и патриотизма. Это проблемы власти и прав человека, насилия, богатства и бедности, равенства и неравенства, развития средств массовой информации, свободного времени, личных взаимоотношений. В процессе обучения демократии особую роль играет форма занятий. Путем диктата невозможно научить самостоятельности. Форма сама по себе уже является средством воспитания, если она предполагает диалог, рефлексию, свободное обсуждение проблемных ситуаций. Такое обучение исключает навязывание готовых схем и решений.

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ И ГРАЖДАНСКИЕ КАЧЕСТВА В СТРУКТУРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

М. З. Изотов

Мировая практика показывает, что на современном этапе развития производительных сил решающим фактором экономического роста являются инвестиции, связанные с формированием и развитием человеческого капитала. Лишь на основе качественного накопления человеческого капитала возможно поступательное развитие той или иной страны. Целенаправленное формирование трудовых ресурсов творческого типа должно быть возведено в ранг государственной политики Республики Казахстан.

Под человеческим капиталом в современной социально-гуманитарной литературе понимается воплощенный в человеке запас способностей, знаний, навыков, а также *моральных мотивов и установок*.

В связи с тем, что, во-первых, понятие человеческого капитала постепенно при-

обретает статус общенаучного понятия (оно все чаще используется в педагогике, социологии, политологии, культурологии и других науках социогуманитарного профиля) и, во-вторых, что в постиндустриальном обществе сфера культуры в ее новом состоянии, включая семью, образование, науку, информатику, художественную деятельность, приобретает качественно новую роль, становится все более ведущим сектором производства, его «базисом» и движущей силой, именно философия должна сыграть свою методологическую и интегративную роль в осознании и понимании этого важнейшего обстоятельства.

Огромную роль в формировании человеческого капитала наряду с естественными и техническими науками выполняет *комплекс социальных и гуманитарных наук.* Социогуманитарные науки способствуют адекватному пониманию внутренней структуры человеческого капитала, взаимосвязи и взаимодействий составляющих его элементов. Любая общественная наука, так или иначе, имеет дело с человеком. Она вводит в контекст изучения своих закономерностей фигуру человека, субъекта. Каждая из общественных наук подходит к человеку со своих позиций, выделяя именно те характеристики человека, которые важны именно с точки зрения данной науки. Соответственно каждая из общественных наук определенным образом абстрагируется, отвлекается от тех черт человека, которые с позиции ее предмета несущественны.

Вместе с тем, каждая общественная наука ограничена своим предметом, своими имманентными требованиями и подчиняется им. Она не в состоянии взглянуть на эти требования, так сказать, со стороны, оценить их с каких-либо более общих общественных позиций, потому что человек – это такой феномен, который связан со всем обществом, со всеми его гранями, структурами. Анализ сущности человека может быть осуществлен наукой, которая изучает всю совокупность социальных отношений и связей, всю общественную жизнь в целостности, т.е. философской наукой.

Вот почему именно философия в той своей части, которая рассматривает сущность человека, по необходимости выступает теоретико-методологической основой наук о человеке. *И в будущем социальная философия останется необходимой и важной для любой общественной науки*, прежде всего и главным образом именно в своей целостности, в качестве общей философско-социологической теории.

Взаимодействие философии и частных наук далее будет носить конкретный, точечно-направленный характер.

В поле зрения философов, в том числе отечественных, будет, несомненно, находиться междисциплинарная проблематика формирования и развития человеческого капитала. Этот процесс все чаще начинает рассматриваться *как стратегически важная сфера жизни казахстанского общества* и, следовательно, как национальный приоритет нашей страны. В теоретико-практической модели развития человеческого капитала предстоит исследовать три основных уровня данного био-социо-духовного феномена:

а) духовное развитие личности;

б) социальное развитие личности, включающее в себя овладение личностью профессиональных знаний, умений, навыков;

в) физическое развитие личности.

Для того, чтобы целостно формировать человеческий капитал в Казахстане необходимо создавать новые гуманитарные технологии, основанные на знаниях социогуманитарного плана. К ним относятся, например, воспитательные гуманитарные технологии, которые нужно применять в процессе формирования патриотизма и гражданственности как личностных качеств казахстанцев. Патриотические и гражданские качества человека входят в структуру человеческого капитала.

Новая парадигма воспитания должна привести к становлению нравственной, ак-

тивной, предприимчивой личности, обладающей собственным полноценным человеческим капиталом, достоинством, прочными убеждениями, знанием своих прав и умением защитить их, уважением к законам и стремлением их соблюдать, осознанием своих способностей и основанных на них возможностей, умеющей самостоятельно убедительно и доказательно обосновать свое решение и активно, настойчиво реализовать его, используя все законные возможности правового демократического государства.

Проведенные в Институте философии, политологии и религиоведения КН МОН РК исследования по данной проблеме патриотического воспитания учащейся молодежи показывают, что современному информационному обществу свойственны новые воспитательные парадигмы, одной из которых является гражданственно-патриотическое воспитание, выступающее как процесс, базирующийся на таких ценностях как гражданственность и патриотизм, являющихся важными элементами человеческого капитала.

Рассматривая особенности гражданственно-патриотического воспитания молодежи в современных условиях, мы вычленили основные воспитательные технологии данного феномена. Они состоят в следующем:

– использование этико-универсалистского подхода при определении и конкретизации гражданственно-патриотических ценностей, отражающих межличностные, межгрупповые, межсоциальные и межнациональные отношения;

– применение интегративного подхода к гражданственно-патриотическому воспитанию, связанного с формированием гражданственно-патриотического аспекта мировоззрения студентов, включающего познавательный, эмоционально-оценочный и поведенческий компоненты;

– опору на целостный подход к гражданственно-патриотическому воспитанию, включающему в себя развитие всех составных компонентов педагогического процесса, в том числе цели гражданственно-патриотического воспитания, содержание и основные идеи гражданственности и патриотизма, критерии и способы проверки уровня их сформированности;

– использование факторного подхода к гражданственно-патриотическому воспитанию, связанного с наличием внешних и внутренних факторов и условий их реализации на социально-педагогическом, педагогическом и психолого-педагогическом уровнях.

Существенный момент патриотического воспитания гражданина и формирования человеческого капитала, в конечном счете, выражается в чувстве ответственности, способности делить осознанный выбор и принимать самостоятельные решения, нацеленные на благо Отечества, общества, своей семьи, самого себя.

СТРАННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ «ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО»

А. Б. Демидов

В публикациях современных авторов о «гражданском обществе» едва ли возможно уловить логическую связь между понятиями «гражданин» и «общество». Трудно понять, к какому предмету могло бы относиться название «гражданское общество», какой денотат или сигнификат мог бы подразумеваться за этим словосочетанием.

Встречая это выражение впервые, можно было бы думать, что оно означает некое общество, но не просто общество, а конкретную его разновидность, гражданскую. Для сравнения возьмем аналогичное по форме выражение «дворянское общество». Понятно, что такое общество состоит из дворян. Причем речь идет не об аморфном множестве

дворян, а о некоторой целостности, системе с определенной структурой, с определенными связями между элементами системы. В Российской Империи дворяне составляли конкретные общества, а не одно абстрактное «общество». Эти общества образовывались по губерниям и уездам. Они имели свои органы самоуправления и представительства: собрания дворянства, предводителей дворянства, собрания предводителей и депутатов. Дворянские общества имели вполне определенный состав: в них включались все потомственные дворяне. Эти общества и их органы имели определенные цели и функции, обусловленные «пользами и нуждами» дворянства.

Что касается выражения «гражданское общество», то здесь много неясного. За последние два-три десятилетия наросла труднообозримая масса публикаций об этом «предмете». Не всегда авторы дают ему четкую дефиницию. Тем не менее, дефиниций предложено немало.

Многие отмечают, что понятие гражданского общества трактуется неоднозначно, что пока нет общепризнанного определения. Довольно метко охарактеризовал ситуацию И.И. Кальной: «…"Идея гражданского общества" и поиск вероятных путей ее осуществления не получили надлежащего концептуального оформления…» «…Все размышления о гражданском обществе, как правило, лежат в плоскости противопоставления "всему тотальному и государственному". …Доминирует не системный, а случайный набор признаков. Его структура определяется по "остаточному принципу", т.е. "за вычетом" из социальной жизни государственного начала и некоторых аспектов публичного права» [1, с. 6]. Правда, эти справедливые замечания приложимы и к формулировкам, содержащимся в коллективной монографии под научной редакцией И.И. Кального.

Рассмотрим некоторые определения «гражданского общества», изложенные в учебных пособиях по дисциплине «теория государства и права». В книге М.И. Абдулаева и С.А. Комарова даны два определения. Первое: «Гражданское общество – это автономная и не зависящая непосредственно от государства сфера общественных отношений…» Далее следует пояснение: «Гражданское общество предполагает наличие многочисленных независимых институтов, организаций и союзов, действующих в рамках права, которые служат барьером для монополизации государственной власти» [2, с. 168]. Сразу возникает вопрос, каким образом «гражданское общество» может «не зависеть» от государства, если само понятие гражданства подразумевает наличие государства как своей предпосылки? Примечательно суждение, что гражданское общество – это барьер «для монополизации государственной власти». У иных авторов встречаются и более прямолинейные высказывания, что «гражданское общество» будто бы должно служить прямо-таки оппозицией государственной власти. Любопытно, каким это образом, например, общество спасения на водах или благотворительные общества могли бы служить в качестве упомянутого «барьера». В данном определении «гражданское общество» представлено в качестве *части* общества как целостной социальной системы (социального организма), тогда как во втором определении под «гражданским» понимается *тип* общества в целом, а не какой-то его части: «Гражданское общество – это свободное демократическое правовое общество, ориентированное на конкретного человека, создающее атмосферу уважения к правовым традициям и законам, общегуманистическим идеалам… органично вырабатывающее механизмы ограничения и контроля за деятельностью государства» [2, с. 168–169]. Это определение роднит с предыдущим указание на некоторую «напряженность отношений» между гражданским обществом и государством, однако «гражданским» называется теперь все общество в целом как особый тип устройства этого целого. Указанная двойственность – «гражданское общество» как *целое* общество или как *часть* целого – одна из типичных амбивалентностей в трактовках «гражданского общества».

Автор другого учебного пособия, Н.А. Пьянов, внятно различает возможности трактовать «гражданское общество» и как часть общества в целом, и как особый тип целого общества. Согласно первой трактовке, именуемой «либеральной теорией», «гражданское общество – это независимая от государства сфера общественной жизни, в которую государство не вправе вторгаться» [3, с. 81]. Как отмечает Пьянов, такой взгляд, характеризуемый как «узкая трактовка», превалирует в современной литературе. Мы же вопреки подобному мнению можем заметить, что государство не только «вправе», но просто обязано вторгаться в *любую* сферу, если этого требуют общественные (общие) интересы, которые, таким образом, должны становиться и государственными интересами. В «широкой трактовке» (по Пьянову) «гражданское общество – это не столько негосударственная сфера общественной жизни, сколько само общество как таковое, обладающее определенными качественными признаками»; «это более высокая ступень в развитии социальной общности, мера его зрелости, разумности, справедливости, человечности» [3, с. 82]. Здесь явно речь идет о «гражданском обществе» как типе общества в целом, а не части целого (за вычетом государства). Автор иногда вроде бы склоняется ко второй трактовке, но потом опять возвращается к первой: «Гражданское же общество… способно… оказывать на государство определенное воздействие (давление), контролировать его деятельность и подчинять его своим интересам» [3, с. 85]. То есть государство опять рассматривается не как часть «гражданского общества» (его орган), а как противник (по меньшей мере, потенциальный). Вот такая колеблющаяся позиция.

Приведем еще мнение Ф.М. Раянова, подкупающее отчётливостью выражения: «Общество составляет вся общность людей, включая и государство со всеми его атрибутами. Гражданское же общество – часть общества за исключением государства как организации его политической власти» [4, с. 83]. Если рассматривать общество по аналогии с организмом и принять государство за его голову, то получилось бы, что такое «гражданское общество» – это тело без головы, без ума, живущее своей «частной» органической жизнью, безразличной к целому.

Наконец, уделим немного внимания оригинальной исследовательской работе Б.Г. Капустина, где разобрана странная дивергенция понятий «гражданства» и «гражданского общества». Он пишет: «…При обзоре современной литературы… мы обнаруживаем, что эти понятия можно обсуждать раздельно, как если бы необходимая связь между ними отсутствовала или была аналитически несущественна» [5, с. 54]. Действительно, в преобладающей части отечественных и западных публикаций выражению «гражданское общество» придается такой странный смысл, что становится непонятно, какое отношение это «общество» может иметь к гражданам именно как гражданам, членам государственно организованного общества, а не сугубо «частным лицам», с их сугубо «частными интересами», которые непричастны к интересам общества в целом и озабоченны только тем, чтобы государство не вмешивалось в их жизнь.

Думается, что странные, разноречивые, подчас нелогичные трактовки выражения «гражданское общество» получаются потому, что государство, право, гражданство рассматриваются как некие самостоятельные и противостоящие друг другу сущности, а не институты, образуемые в пределах одной и той же системы – общества в целом – для обеспечения её жизнеспособности. Политическая и юридическая наука, сделав «гражданское общество» своим предметом и оставаясь в пределах своей научной специализации, абстрагируются от «общества в целом», которое является предметом социальной философии. Преодолеть разноречивость, противоречивость и мнимую чуждость гражданства и государства друг другу можно при социально-философском рассмотрении их как двух сторон одной и той же системы – общества в целом.

Литература

1. Кальной, И.И. Гражданское общество. Истоки и современность / [И.И. Кальной и др.]; науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. – СПб., 2006.
2. Абдулаев, М.И. Проблемы теории государства и права: Учеб. по юрид. специальностям и направлениям / М.И. Абдулаев, С.А. Комаров. – СПб., 2003.
3. Пьянов, Н.А. Актуальные проблемы теории государства и права: учебное пособие. – Иркутск, 2007.
4. Раянов, Ф.М. Проблемы теории государства и права (юриспруденции): Учеб. курс для юрид. вузов / под ред. А.И. Бобылева. – М., 2003.
5. Капустин, Б.Г. Гражданство и гражданское общество / ввод. ст. В. Малахова; прил. Т.Х. Маршалла (пер. с англ. Ю. Дергунова). – М., 2011.

НЕОБХОДИМОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ КОНЦЕПЦИЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Д. Н. Гончаров

Тема гражданского общества в последние два десятилетия является предметом споров и дискуссий в научной среде и средствах массовой информации. С одной стороны, это подтверждает актуальность вопроса, с другой – его неразрешенность.

В настоящее время не существует единства не только в понимании сути гражданского общества, но и в вопросах, связанных со временем возникновения самой идеи гражданского общества и его становлением. Понятие «гражданское общество» в своем историческом развитии неоднократно изменялось и трансформировалось. Его истоки обычно ищут в античности, когда быть членом гражданского общества означало быть гражданином – членом государства и подчиняться его законам [1, с. 20]. Слитность понятий гражданское общество и государство сохранялась до возникновения капиталистического уклада в экономике, когда понадобилось обосновать самостоятельность нового зарождающегося класса – мелкой и средней буржуазии. С притязаниями на власть нового социального слоя и появилась идея гражданского общества, независимого от государства. Эта идея продолжает существовать и в настоящее время: утверждается мнение о противопоставлении гражданского общества и государства.

Оформление концепции гражданского общества связывают с философией Нового времени, прежде всего, с работами Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж. -Ж. Руссо, Ш. Монтескье. Значительный вклад в развитие теории гражданского общества внесли и немецкая классическая философия, марксизм. В XX в. философская мысль подвергла переосмыслению уже имеющиеся концепции, в результате чего появились различные теории, рассматривающие взаимоотношения гражданского общества и государства. Споры о гражданском обществе активизировались во второй половине 70-х гг. XX в. До этого времени наблюдалось отсутствие значительных работ, посвященных гражданскому обществу. В западной политико-философской мысли шла речь об обществе как о независимой от государства системе, в СССР и странах восточной Европы такая тематика вообще не могла разрабатываться. Лишь с изменением политической ситуации в мире, распадом биполярного мирового устройства в 80–90-е гг. снова возникли вопросы о гражданском обществе и его роли [1, с. 35].

Во 2-й половине XX в. ведущими представителями западной политической и философской мысли было предложено большое количество концепций, объясняющих взаимоотношения государства и общества и предлагающих модель социального устрой-

ства. В США теоретик либерализма Джон Ролз представил концепцию справедливости, обобщив теорию общественного договора [2, с. 25]. Популярность приобрели представления о природе человека и общества Э. Фромма и Г. Маркузе. На развитие социальной и политической мысли большое влияние оказали работы британского представителя консервативной политической философии М. Оукшотта, французского философа М. Фуко, немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса.

И в XXI веке тема гражданского общества снова стала широко обсуждаемой. В этих суждениях общим является признание гражданского общества как критерия сформированности демократических институтов и правового государства. Данная тематика находит свое отражение и на высшем государственном уровне. Так, например, в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. указано, что «укрепление демократических принципов жизни страны и основанное на этой базе формирование гражданского общества являются важнейшими факторами устойчивого развития Республики Беларусь, политической и социальной стабильности. Гражданское общество (ГО) – это совокупность организаций, объединений граждан, а также правовых норм, ценностных установок, идей и представлений, через которые реализуются групповые и частные интересы членов общества во взаимодействии с органами государственной власти» [3, с. 170].

Следует отметить, что существует множество определений гражданского общества. В целом их суть сводится к рассмотрению гражданского общества как общества, независимого от государства, но находящегося с ним в постоянном, равноправном и конструктивном взаимодействии, состоящего из добровольных объединений и групп, а также отдельных индивидов, круг интересов которых затрагивает как личные, так и общественные мотивы [4, с. 138]. Само понимание гражданского общества усиленно пропагандируется странами Запада в контексте распространения ценностей западной культуры и демократии. «Идея демократизации гражданского общества, в отличие от идеи простого его возрождения, в высшей степени актуальна для современных западных обществ. Тенденция рассматривать внеинституциональные движения и инициативы, дополняющие устоявшиеся институты, в качестве составной части гражданского общества появилась в западноевропейском обществе раньше, чем в восточноевропейском, в которое она вскоре была перенесена – в первую очередь, посредством новых и старых движений и инициатив» [5, с. 38–39]. Вице-президент по исследованиям «Фонда Карнеги в поддержку мира» Томас Карозерс так определяет функции гражданского общества: «Гражданское общество может и должно бросать вызов, раздражать, и даже, время от времени, противостоять государству. Но они нуждаются друг в друге и, в идеальном варианте, они развиваются вместе, в тандеме, а не за счет друг друга» [4, с. 138–139].

Таким образом, в современном понимании понятия гражданского общества можно выделить следующие аспекты: гражданское общество независимо от государства; гражданское общество состоит из добровольных объединений граждан; гражданское общество противопоставляется государству. Наибольшее количество вопросов в данном определении вызывает рассмотрение гражданского общества как общества, независимого от государства. Государство, обладая системой органов и учреждений, не может не оказывать воздействие на гражданское общество. Возможно ли, чтобы какая-либо часть общества не зависела от государства? Нам представляется, что нет, так как в противном случае речь идет о некой автономной структуре внутри общества.

Неопределенной является и структура гражданского общества. Чаще всего в него включают различные неправительственные, религиозные организации, профессиональные союзы, общественные инициативы, неформальные группы по интересам. Члены данных организаций могут входить в состав гражданского общества, но в таком случае

большая часть граждан автоматически остается за его рамками. Нельзя исключать и того, что часть этих объединений вообще далека от участия в жизни государства и общества.

Следующий вопрос касается противопоставления гражданского общества государству. В таком контексте гражданское общество представляется политической оппозицией по отношению к государственной власти. Получается, что индивид, не желающий бросать государству вызов, не может считаться членом гражданского общества – здесь наблюдается явное противоречие.

Можно сделать вывод о том, что нынешнее определение гражданского общества, его структуры и функций, которое усиленно навязывается западным обществом, фактически несостоятельно. Возможно, что одним из факторов, приведших к этому, является излишняя политизированность самого феномена гражданского общества, которая проявилась в работах представителей различных западных философских и политологических школ и направлений во 2-й половине XX в. и продолжает существовать и сегодня. В этой связи назрела необходимость рассмотрения гражданского общества с позиций философского знания, что позволит в более широком контексте осмыслить основания и интенции политологических концепций.

Литература

1. Гаджиев, К.С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. – 1991. – № 7. – С. 19–35.
2. Ролз, Дж. Теория справедливости / пер. с англ. В. Целищев, В. Карпович, А. Шевченко. – Новосибирск, 1995.
3. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Национальная комиссия по устойчивому развитию Респ. Беларусь; редколлегия: Я.М. Александрович и др. – Минск, 2004.
4. Алексеева, Т.А. Основания гражданского общества. Хрестоматия / Т.А. Алексеева, И.В. Артемьева, Е.А. Худоренко. – М., 2007.
5. Коэн, Джин Л. Гражданское общество и политическая теория. Пер. с англ. / Дж.Л. Коэн, Э. Арато; общ. ред. И.И. Мюрберг. – М., 2003.

СУЩНОСТЬ И ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ОЦЕНКА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

С. В. Хамутовская

С момента приобретения Беларусью независимости и принятия Конституции в 1994 году официально человек, его права и свободы были провозглашены главной целью и ценностью общества и государства, установлены разделение властей и многопартийность, начали проводиться альтернативные выборы в центральные и местные органы государственной власти, формироваться основы демократии, социального правового государства и гражданского общества. Становление последних активно продолжается и в настоящее время в условиях развития новой системы общественных отношений, а также экономических и политических изменений, сопровождающихся частичным распадом старой системы социальных и политических ценностей и идеалов и формированием новой с ориентацией на поиск справедливого и эффективного государственного, социального и политического устройства. В связи с этим представляется актуальным выявление общественного мнения населения нашей страны о сущности и значении

гражданского общества и составляющих его основных ценностных элементов в современной Беларуси.

В ходе социологического исследования, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в ноябре-декабре 2012 года (во всех областях республики и городе Минске было опрошено 2084 человека), отвечая на вопрос «Как Вы считаете, что такое гражданское общество?», большинство респондентов сказали, что для них это свобода личности, слова и обеспечение прав человека (62,3%). Далее по убывающей расположились ответы, что это:

– гласность и доступность информации о положении дел в обществе (41,7%);

– личная безопасность и неприкосновенность частной жизни (41,0);

– участие граждан в государственном управлении (36,1%).

На последних местах оказались ответы, указывающие на то, что гражданское общество есть социальная благотворительность (16,9%), конструктивное сотрудничество политических партий и общественных организаций с государством (16,8%), многообразие политических партий, правозащитных и других общественных организаций (11,8%).

Все это свидетельствует о недостаточной политической информированности и, как следствие, о некотором искажении в общественном восприятии понимания гражданского общества как социально-политического явления. Ведь научные определения гражданского общества указывают на то, что «это общество, в котором происходит переход основных властных функций от государства к независимым от власти общественным объединениям, способным создать необходимые условия для реализации прав и свобод граждан, самоорганизации личности, реализации ее законных интересов и важнейших потребностей, роста гражданской культуры и самодеятельности» [1, с. 7]. Из сказанного следует, что неотъемлемым структурным элементом гражданского общества является именно множество общественных организаций и объединений.

Недооценивание роли данных структур в развитии гражданского общества и демократии приводит к пассивности граждан в реальных процессах их формирования и функционирования. Так, 62,9% опрошенных заявили, что они не участвуют в деятельности общественных организаций и объединений, 8,9% и 8,5% респондентов сказали, что участвуют в работе соответственно благотворительных и молодежных / детских организаций, 7,7% привлекала деятельность культурных организаций, 6,9% – спортивных. Ответы об участии респондентов в деятельности других общественных формирований распределились следующим образом (см. таблицу 1):

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «В деятельности каких общественных организаций и объединений Вы участвуете?» (за исключением вышеперечисленных), 2012,%

Варианты ответа	Итого
Комитеты общественного самоуправления	0,9
Ветеранские объединения	0,9
Правозащитные организации	1,0
Общества инвалидов	1,3
Политические движения	1,9
Женские организации	2,4
Экологические организации	3,4
Религиозные организации	4,1
Другое	2,3

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, в современной Беларуси в определенной степени ценности гражданского общества актуализировались, однако, с другой стороны, подобная актуализация не перешла в форму активных действий граждан, направленных на полноценное воплощение данных ценностей в социальной и политической сферах жизнедеятельности общества в целом и в жизни отдельно взятых индивидов. В сложившейся ситуации одним из условий корректировки общественного восприятия сущности гражданского общества как социально-политического явления, а также развития всего множества форм участия населения в работе общественных организаций и объединений как его неотъемлемых элементов должно стать 1) совершенствование принимаемых государством мер, направленных на обеспечение более эффективного взаимодействия власти и индивидов, позволяющего последним максимально открыто выражать их интересы, защищать гражданские права и свободы, осуществлять совместную деятельность, а также 2) разработка и реализация государственной политики в области поддержки различных гражданских инициатив, внесение необходимых изменений в законодательство, привлечение общественности к принятию политических и иных общественно значимых решений.

Литература

1. Демократия // Философия: Энцикл. словарь / под ред. А.А. Ивина. – М., 2004 [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/ dic.nsf/ enc_philosophy/ 313/Демократия. – Дата доступа: 21.01.2013.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В КАЗАХСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОСТИ

М. С. Жетписбаева

Сегодня в непростых условиях поиска демократических форм общественного бытия проблема статуса личности как свободного субъекта деятельности, формирование его духовного потенциала, а самое главное его миропонимания приобретает чрезвычайную актуальность. Духовная составляющая человечества безудержно снижается и приводит нас на путь нескончаемых конфликтов, которые в будущем способны привести к самоуничтожению. Поэтому глубинные основания человеческого мировоззрения определяются опытом, который он осваивает в процессе познания и преобразования действительности.

Казахский народ в конце XIX в. – начале XX в. насильственным путем был переведен на новую систему экономического уклада, не соответствующего прежним духовным ценностям и образу жизни. Приобщение кочевого народа к оседлому образу жизни задает новое видение мира и под натиском идей извне традиционное мировоззрение казахов претерпевает трансформацию. По мнению С.Е. Нурмуратова: «Критическим моментом в истории народа явился период социалистической революции и установления Советской власти в Казахстане» [1, с. 221]. Для данной эпохи характерна активность представителей казахской интеллигенции. Формировалась своеобразная идеология просвещения, которая выдвигала на первый план идею свободы, независимости и образованности личности и народа. Например, М. Дулатов выступил с призывом о национальном самоопределении, М. Жумабаев уделяет внимание экзистенциальным вопросам бытия человека, А. Байтурсынов определяет чаяния простого человека. В произведениях А. Букейханова, М. Чокая, Ж. Аймауытова, Ш. Кудайбердиева и других мыслителей казахской степи была ярко проявлена любовь к своему народу. Поэтому их вклад в дело

просвещения и в формирование национального самосознания был неоценим.

Изменившиеся социально-политические условия, связанные с модернизацией казахстанского общества, повлияли на мировоззрение казахского народа. С первого дня независимости наша страна находится на пути активной трансформации от общества советского типа к открытому и демократическому современному государству. До момента обретения независимости наше государство не обладало каким-либо демократическим и гражданским опытом. С.Ю. Колчигин, на наш взгляд, дает справедливую характеристику современному казахстанскому обществу: «Люди пока еще строят свои общественные отношения на формально-договорных условиях. Поэтому и общество пока еще – искусственная система, механическая. А раз система социума – искусственная, то она постоянно нуждается в перестройке, в революционной ломке или реформировании» [2, с. 172]. Такое состояние общества можно определить как то, в котором старые социальные нормы и ценности перестают действовать, а новые еще не установились.

В настоящее время мы переживаем период разочарования в демократии, вызванное тем, что она в нашем государстве существует, но подвергается очень тяжелым испытаниям. В подлинно демократическом обществе на первый план выдвигаются права и свободы человека. Как писал в своих лекциях по этике известный немецкий философ И. Кант: «Наш долг состоит в том, чтобы глубоко уважать право других и как святыню ценить его. Во всем мире ничего нет более святого, чем право других людей. Оно неприкосновенно и ненарушимо. Проклятие тому, кто ущемляет право других и топчет его ногами! Право человека должно обеспечивать ему безопасность, оно сильнее всякого оружия и надежнее всех стен. У нас есть священный правитель, и то, что он преподнес людям как святость, – это право людей» [3, с. 306].

Во многих развитых странах все актуальнее становится тема формирования гражданского общества. В таком обществе наивысшей ценностью считается человек, гражданин. По мнению А.С. Панарина: «На самом деле первичной социальной реальностью является интерес индивида, индивидуальное благо, индивидуальное счастье. Это и есть номиналистическая позиция, и демократия невозможна без номиналистической презумпции. Последовательное развитие демократии означает диалогичность отношений государства и личности» [4]. В данном случае основной задачей гражданского общества является создание наилучших условий для разностороннего развития личности (индивида), активного его участия в общественной жизни. Реальная свобода личности становится возможной в обществе подлинной демократии, где ни государство, ни политическая власть господствует над обществом и его членами, а общество имеет безусловное первенство по отношению к государству.

Государство и гражданское общество находятся в постоянной борьбе за сферы влияния, причем противостоят они не только друг другу. В идеальном случае государство оказывается слугой гражданского общества. Хотя институт гражданского общества, захвативший власть и переродившийся, как это было с большевистской партией, не менее опасен для остальной части гражданского общества, чем государство. Но и государство, стремящееся подмять гражданское общество, уничтожает, прежде всего, основы личной независимости подданных: гражданские свободы, рынок, частную собственность, закрепощает граждан вплоть до запрета им свободно выбирать места жительства и работы. Подавляются каналы обратной связи, всякое инакомыслие и с особой яростью – пресса и правозащитное движение.

Учитывая вышесказанное, следует отметить, что наряду с проблемой формирования гражданского общества, в социально-философской науке Казахстана остро стоит и проблема идентичности, которая возникла после распада Советского Союза. Культурный плюрализм, диффузия ценностей и идеалов, стремительные социальные трансфор-

мации – все это привело к тому, что центральным в общественном сознании стал вопрос о самоопределении. Действительно, казахстанское общество для сохранения идентичности нуждается в политико-идеологической концепции, соответствующей духу времени перемен, которая стала бы не декларативной, а инструментально – прагматистской по существу и на основе выявленных противоречий и трудностей трансформационного периода показала бы пути и способы интенсификации процесса становления и развития гражданского общества с соответствующей гражданской культурой и менталитетом.

На наш взгляд, гражданское общество – это и есть объединение по-разному мыслящих, оценивающих и действующих граждан. Иные позиции и оценки, происходящих или уже прошедших событий, личностные приоритеты, политические расхождения, многообразие культурных и языковых традиций в условиях демократического общества не пугают, так как имеется понимание того, что культурное многообразие – достояние общества, служащее условием креативности социальных процессов. Общество, в котором демократия отсутствует, мыслит совершенно одномерно, в таком обществе государство получает приоритетное положение. Но разве это приведет к социально-экономическому и духовно-нравственному подъему?!

Для того, чтобы человек почувствовал себя подлинным хозяином на своей земле, чтобы было возрождено гражданское самосознание, необходимо вселить в людей уверенность. Гарантия этой уверенности – это то, что только народ является сувереном своей судьбы. Народ как совокупность интеллектов составляющих его людей обладает истинной мудростью. Поэтому естественно считать, что прерогатива высшей власти должна принадлежать народу.

Таким образом, одним из критериев демократизации казахстанского общества является активное участие граждан в решении социально-экономических, политических и духовно-нравственных проблем. Конкретное участие граждан в жизни государства будет способствовать выработке у личности активной жизненной позиции. Человек должен принимать активное участие в деле процветания своей страны на всех ее основных исторических этапах, должен ощущать себя ответственным за все, что ему дорого, что ему важно. Поэтому нам необходимо выбрать альтернативный путь развития общества, смысл которого заключается в демократических традициях казахского народа, его духовных истоках и этическом начале, которые мы должны не растерять, а укреплять.

Литература

1. Нурмуратов, С.Е. Идея единства в истории казахской социально-политической мысли // «Центральная Азия: диалог культур в процессе глобализации» (материалы Международной конференции). – Алматы: Институт философии и политологии МОН РК, 2005.
2. Колчигин, С.Ю. Казахстанское общество: трансформация миропонимания в контексте глобализации // Казахстан в условиях глобализации: философско-политологический анализ. – Алматы: К-ИЦ ИФиП МОН РК, 2006.
3. Кант, И. Из «Лекций по этике» (1780–1782 гг.), «Об обязанностях по отношению к другим людям» // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. – М.: Политиздат, 1988.
4. Социальный субъект и альтернативы открытой истории. Беседа с А.С. Панариным [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sergeikorolev. sitecity. ru/ ltext_0102183511.phtml ?p_ident=ltext_0102183511 .p_1204022209. – Дата доступа: 01.04. 2013.

ЭКСТРЕМИЗМ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРИЧИНЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

С. А. Воробьев

Под гражданским обществом в современной литературе обычно понимается сфера общества либо совокупность социальных институтов и индивидов, относительно независимая от органов государственной власти и выполняющая функцию трансляции их интересов в публичную сферу. Этот подход, сформировавшийся в основных чертах в эпоху Просвещения, парадоксальным образом оказался востребован в современную эпоху.

В дискуссиях о сущности современных форм гражданского общества одним из наиболее принципиальных моментов является переход от его понимания как сферы частных эгоистических интересов (идущего от гегелевской и, отчасти, ранней марксистской теоретической традиции) к рассмотрению гражданского общества как сферы либо источника социальной солидарности, консолидирующей силы, противостоящей дезинтеграции, атомизации и уничтожению социального целого.

Понятие «гражданское общество» сформировалось в рамках политико-правовой мысли раннего Нового времени и изначально несло в себе ряд неэксплицируемых смысловых коннотаций, среди которых в первую очередь следует назвать культурный европоцентризм. Применительно к современным развитым странам гражданское общество обычно признается одним из оснований демократии наряду с рыночной экономикой и социальным правовым государством. В современных трактовках гражданского общества европоцентризм также артикулируется сравнительно редко (показательным примером такого рода является концепция английского философа, выходца из Чехии Э. Геллнера [1].

Представляется, что социально-философский и историко-социологический анализ гражданского общества предполагает концептуализацию трех взаимосвязанных аспектов данной проблемы: структурно-институционального, духовно-культурного и историко-генетического. С этой точки зрения гражданское общество можно рассматривать как возникающую в буржуазно-капиталистическую эпоху систему отношений между социальными группами и индивидами, в которой они стремятся реализовать свои потребности и интересы на основе универсальных правовых принципов в рамках правового государства, которая формируется на основе широких социальных связей и личностного начала, отражающихся в гражданском сознания, и которая институционализируется в форме разнообразных относительно независимых от институтов государства организаций (ассоциаций и т.п.).

Один из важнейших признаков гражданского общества – широкие (в терминологии американского социолога Р. Патнэма – «длинные») социальные связи и гражданское сознание, т.е. преимущественная идентификация индивидов и групп с социальными образованиями более широкими, чем семья и непосредственное социальное окружение – классом, профессиональной или «статусной» группой, национально-государственной общностью [2]. Если такие связи не формируются, то формируются социальные институты гражданские по форме, но имитационные, партикуляристские, а иногда и мафиозные по содержанию. Противоречивые социальные последствия научно-технологической революции обострили проблему социальной интеграции, ее оснований, условий, субъектов, угроз, средств и методов решения.

Размывание культурной однородности в странах с развитым гражданским обществом вновь подняло, как ранее казалось, решенный, вопрос о его границах. Его истори-

ческая эволюция с начала Нового времени шла в рамках национальных государств в направлении включения все более широких слоев общества в число «граждан». Глобализация конца XX века привела к кризису национального государства и поставила на повестку дня переопределение социальной идентичности. Усложнение структуры современных обществ привело к росту противоречивости и конфликтности современного гражданского общества, что проявляется как в размывании институциональных границ государственной и негосударственной сфер, так и, в особенности, в обострении проблемы «включения» в гражданское общество новых – индивидуальных и коллективных членов. Переопределение понятия гражданства связано с интеграцией растущих потоков мигрантов в гражданские общества «развитых» богатых стран.

Более существенны изменения внутренних противоречий гражданского общества в современную эпоху. Современное гражданское общество столкнулось с проблемой включения в свой состав культурно неоднородных индивидов, групп и институтов (например, конфессиональных). Все это привело к диверсификации образов и моделей гражданского общества и определенному размыванию его нормативно-ценностного ядра. Происходит расширение объема прав членов гражданского общества от узко экономических гражданских прав до всеобщего формального политико-правового равенства, социально-экономических и культурных прав (подробнее об этих процессах см., например, работы Т. Маршалла [3], Г. Терборна [4], Б.Г. Капустина [5], В.А. Малахова [6]), в направлении включения все более широких слоев и групп общества в число «граждан».

Принципиально новые противоречия несет социокультурная диверсификация гражданского общества: оно стало включать ранее считавшиеся «инородными» этнокультурные и конфессиональные группы, которые являются носителями существенно иных ценностей, нежели большая часть членов принимающего их общества. Одной из наиболее острых проблем этого столкновения культур стал экстремизм, поставивший ряд сложных проблем перед правовым государством и гражданским обществом. В самом общем смысле экстремизм обычно определяется как приверженность к крайним взглядам, мерам. Как черта, характеризующая мировоззрение личности или группы лиц, он может иметь отношение к различным сферам жизни, выражаясь в идеях и действиях. Среди специалистов по проблеме распространенным является мнение, что «для экстремизма характерны насилие или его угроза; одномерность восприятия общественных проблем; фанатизм; бездумное выполнение любых приказов; опора не на разум, а на инстинкты, предрассудки; неспособность к толерантности. Целью экстремизма является дестабилизация, разрушение, сложившихся в обществе отношений, ценностей» (подробнее об этом см.: [7]). В социальной философии и психологии экстремизм рассматривается как специфическая форма мировоззрения, система координат, состояние сознания индивидов и отдельных социальных групп, проявляющееся в различных формах деятельности. К отличительным чертам экстремистского сознания в данном случае относят упрощенность миропонимания, спрямленность мышления, однозначное деление мира на «свой-чужой», «черное-белое», «добро-зло»; человеконенавистничество; крайний радикализм и конфронтационность [8]. В социологии и политологии экстремизм рассматривается как социально-политический радикализм (а терроризм – как разновидность политического радикализма в его крайнем, насильственном варианте), т.е. как система идей и деятельность.

В качестве основного фактора роста данного феномена выделяется социально-культурная маргинализация отдельных социумов (или их частей), обычно выступающая результатом незавершенности модернизационных процессов. На этой основе сначала происходит эмоциональная актуализация ксенофобий, затем – практическая ориентация массового сознания на избранный объект ненависти, далее – моральная легитимация

насилия. В качестве наиболее эффективной технологии предотвращения экстремизма и терроризма в этом случае предлагается содействие извне группам общества, находящегося в фазе неполной модернизации, которые способны выступать носителями культуры прогресса и толерантности [9]. Ряд авторов связывают актуализацию проблем экстремизма и терроризма с феноменом негативной идентификации и мобилизации, под которыми понимается форма социальной интеграции не на основе позитивных ценностей и символов, а на основе противопоставления своей группы каким-либо другим, наделяемым негативными качествами и враждебными намерениями [10]. С нашей точки зрения, главным источником экстремизма во всех его проявлениях и формах – политического, этнического, националистического, религиозного, криминального и пр (отметим, что различные формы экстремизма обычно переплетаются, но в тенденции фокусируются на воздействии на политические отношения) – является взаимное наложение экономических, политических и культурных противоречий, которые те или иные субъекты не могут разрешить в рамках политических и гражданских институтов. Особая опасность экстремизма в том, что он подпитывается исключительно сильными, эмоционально окрашенными, часто иррациональными настроениями и предрассудками. Надо признать, что нередко экстремистские угрозы искусственно инспирируются некоторыми политическими силами.

Преодоление экстремизма, или как минимум, смягчение остроты этой проблемы должно быть комплексным: оно должно включать меры правового, политического, экономического, гуманитарного характера. Гуманитарное измерение проблемы экстремизма должно включать, прежде всего, меры просветительского характера: введение в образовательные программы предметов, призванных формировать у школьников и студентов адекватные представления о социальной структуре общества, религиозных учениях, этнонациональных отношениях. Задачей гуманитарных мер по борьбе с экстремизмом является ослабление и в пределе искоренение социально-психологической почвы для потенциального роста экстремистских настроений, негативных стереотипов и предрассудков.

Литература

1. Геллнер, Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические противники. – М.: Ad marginem, 1995.
2. Патнэм, Р. Чтобы демократия срабатывала. – М.: Ad marginem, 1997.
3. Маршалл, Т.Х. Гражданство и социальный класс // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. – М. Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – С. 145–223.
4. Терборн, Г. Неопределенные идеалы и неясные результаты: демократия, гражданское общество, права человека и социальная справедливость // Социологическое обозрение. 2003. – № 3. – С. 18–40.
5. Капустин, Б.Г. Гражданство и гражданское общество // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. – М. Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – С. 51–140.
6. Малахов, В.С. Гражданство как объект социальной и философской теории: критическое введение [Текст] // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. – М. Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – С. 7–49.
7. Сенин, И.Н. Экстремизм: понятие и виды // Инновационное образование и экономика. – 2008. – № 2. – С. 78–82.
8. Павлинов, А.В. Антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2008.
9. Паин, Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. – 2002. – № 4. – С. 113–124.

10. Гудков, Л.Д. Феномен негативной мобилизации // Общественные науки и современность. – 2005. – № 6. – С. 146–157.

К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПРАВА

Л. О. Мурашко

В современной правовой науке ценностный подход к праву получил новое «дыхание» благодаря конституционалистам (В.Н. Витрук, В.Д. Зорькин, Н.В. Бондарь, В.И. Крусс и др.). Познавательный потенциал аксиологического подхода к праву для всех стран постсоветского пространства, в том числе Беларуси, выражается в преодолении узости нормативизма и позитивизма, формально-догматической методологии, обусловивших односторонний подход к исследованию правовых явлений.

Ценности в общей системе регуляции общества всегда играли ключевую роль, обусловливая возникновение представлений об идеальных моделях социального взаимодействия. Однако даже в узком контексте познания ценности как феномена социального регулирования в научных подходах нет единства; вопросы определения понятия, свойств и характеристик ценности в философских исследованиях всегда были дискуссионны, вплоть до отрицания наличия такого феномена. Правоведы не вдаваясь в философские тонкости, чаще всего используют «свои» ценности, обозначая их как «правовые», конституционалисты соответственно оперируют «конституционными ценностями», но вопрос, насколько данный методологический подход представляется научным, остается открытым. При этом можно предположить, что результаты правовых исследований, носящих прикладной, чаще отраслевой, характер [7], могут обогатить философские представления о данном феномене, будучи использованными в качестве определенных аргументов в длительных дискуссиях. Хотя некоторые «исходные позиции», общие для междисциплинарных исследований, можно обозначить. Во-первых, сложно отрицать антропоцентричный характер ценностей, поскольку оценка явлений материальной и духовной сферы, оценка свойств бытия без человека невозможна. Ценности воплощают общие универсальные значимости, что предопределяет их объективный характер. Ценность объективна в отношении к обществу, если сама жизнь (выживание) такого общества (сообщества) предполагает осознанное или неосознанное следование данной ценности в целях сохранения самого существования; ценности есть «то онтологическое основание, которое позволяет отделить одну цивилизационную общность от другой» [5, с. 23] [8, с. 29]. Ценность выступает как особая идеальная сущность, критерий социально признанного; общество формирует на основании этой ценности должное, социокультурные образцы, модели поведения, которые в силу значимости (в зависимости от уровня ценностного наполнения своего содержания) получают правовую форму, и далее – соответствующую этому алгоритму, восходящему к ценностным предпочтениям, социальную практику. Таким образом, правовая форма порождается необходимостью в защите ценности, которая существует объективно, независимо от выражения в праве, «подключения» к правовой системе регулирования общественных процессов.

Конкретно-исторический характер ценностей обосновывается многими историческими и историко-правовыми исследованиями; справедливость, лежащая в основе права, также носит конкретно-исторический характер. Относительный характер ценностей в данном контексте очевиден, особенно в рамках сравнительно-правового подхода. Неслучайно Р. Давид подчеркивал, что общие принципы права отражают подчинение пра-

ва велениям справедливости в том виде, как последняя понимается в определенную эпоху в определенный момент [4]. Однако при этом сохраняется результат достижения цели социальной регуляции – мера, баланс, равновесие социальных отношений.

Нормативно закрепляя ценностные предпочтения в социальном взаимодействии, законодатель зачастую напрямую обозначает в юридическом тексте социальную ценность; в этом случае, обретая определенность и «обозначенность» в объективированном праве, ценность действует как руководящая и направляющая идея, максимально обобщенное указание субъектам права, то есть как принцип права, который обязан «пронизывать» объективированные в источниках права правовые нормы, правовые модели поведения, в связи с чем правоведы в своих теоретико-философских построениях долгое время обходились без «привлечения» феномена ценности. При этом в ставших классическими трудах по теории права и государства С.С. Алексеева, Л.С. Явича, М.И. Байтина выделяются общесоциальные принципы и специально-юридические принципы. Н.В. Варламова прямо указывает, что под названием принципов права в правовой литературе, как правило, приводится «набор благих пожеланий» типа гуманизма, демократии, справедливости и т.д., которые выступают как «преимущественно этические установки» [2, с. 130].

Обозначать в качестве принципов различные явления можно только с определенной долей условности: в первом случае обозначаются социальные ценности, выступающие как основания правовой формы, во втором – закономерности функционирования права как системы нормативного регулирования. Именно данное обстоятельство объясняет разделение принципов права на два вида, даже исключение социокультурных принципов из принципов права вообще, характеристика их как «общесоциальных начал права» [1, с. 76]; зачастую подчеркивается, что «принцип права формулирует идеал, т.е. идеальный образ желаемой правовой действительности» [3, с. 35].

О том, что «социальная ценность, отраженная в праве, становится принципом права, находит в нем как бы "второе рождение", писал еще В.Н. Кудрявцев [6, с. 99]. Следует уточнить, что такая ценность не "становится", а находит свое обеспечение и защиту в правовой форме, в таком виде внешне объективированного источника права, как принципы, и, как уже отмечалось, благодаря правовой форме действительно обретает "второе рождение".

Особым документом, цель которого – "прямое" обозначение социальных ценностей для установления необходимости соответствия им любой правовой конструкции, являются национальные конституции. В связи с закреплением непосредственно в конституционном тексте появляется термин "конституционные ценности", указывающий прежде всего на "принадлежность" ценности, ее выражение посредством определенной правовой формы, эксплицирующей ценность.

Автор не разделяет подход, при котором предпринимается попытка вычленить из правового текста понятия, которыми, как правило, обозначаются социальные ценности, назвав их на этом основании "правовыми ценностями", – в данном случае происходит смешение формы правовой нормы (статьи закона, иного нормативного правового акта) и ее содержания, указание на "принадлежностную" характеристику как на сущностную. Во избежание такого смешения необходимо иметь в виду, что правовая норма представляет собой перевод ценностных ориентиров на правовой язык – язык конкретной формально-определенной регуляции, которая в современной письменной цивилизации в своей внешней форме представлена позитивным правом (в начавшуюся эпоху господства "электронной цифры" и это не является конечным). "Прямое" указание в правовом тексте социальных ценностей (закрепление, формулирование средствами позитивного права) преобладает прежде всего в рамках конституционной нормативности. Тем самым

упрек в декларативности конституционных норм – это "обратная сторона" их восхождения в силу особой природы конституционной нормативности к ценностям общества. "Напрямую" указывая ту или иную социальную ценность в письменном тексте, в частности в законе (как правило, в преамбуле или первых статьях), обозначая ценностные основания непосредственно до установления далее развернутой модели регулирования, законодатель подчеркивает их особую значимость, необходимость воплощения посредством применения сформулированных статей нормативного правового акта.

Следует подчеркнуть, что восхождение к ценностям определяет степень легитимности той модели правового регулирования, которую предложил законодатель. Такая необходимая характеристика закона (иного нормативного правового акта), как легитимность, неразрывно связана с его социальным признанием и позволяет характеризовать ценность как легитимирующие основания правовой формы.

Взаимодействие индивидов на основе норм (традиций и обычаев) исторически ведет к отбору и закреплению тех из них, которые принимает большинство: общество "признает" их, одобряет и в итоге защищает посредством правовой формы как наиболее эффективной в системе социальной регуляции. Историческая эволюция ценностей и их иерархия, соотношение по значимости менялись на протяжении тысячелетий. Цивилизационный подход позволяет обосновать социокультурные истоки ценностей. Право в силу таких своих сущностных характеристик, как нормативность, определенность, формальность, легитимность, всеобщность, обеспечивает их наиболее полную и эффективную защиту. Получая "поддержку" в виде правовой формы, социальная ценность приобретает особые качества, становится феноменом правосознания, что, в свою очередь, выводит ее на новый уровень в собственной социальной реальности. Правоведы традиционно говорят о *правовых* ценностях, которые, тем не менее, не образуют самостоятельных феноменов, а представляют собой одну из возможностей обеспечения функционирования в обществе социальных ценностей.

Литература

1. Алексеев, С.С. Теория права. – 2-е изд., стер. – Харьков: Консум; М.: Бек, 1994.
2. Варламова, Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права / Рос. акад. наук, Ин-т государства и права. – М.: Высш. шк. экономики, 2010.
3. Вопленко, Н.Н. Сущность, принципы и функции права: учеб. пособие. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1998.
4. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози; пер. с фр.В.А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 1996.
5. Жуков, В.Н. Введение в юридическую аксиологию (вопросы методологии) // Государство и право. – 2009. – № 6. – С. 20–31.
6. Кудрявцев, В.Н. Право и поведение. – М.: Юрид. лит., 1978.
7. Мишутина, Э.И. Справедливость судебных решений в гражданском судопроизводстве: аксиологический подход // Арбитраж. и гражд. процесс. – 2011. – № 2. – С. 22–25.
8. Перепелица, Е.В. Ценностные доминанты идеологии белорусского государства. – Минск: Белорус. наука, 2006.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПОВЕДЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Е. И. Степанов

Одна из важнейших особенностей самого процесса демократизации состоит в минимизации насилия, принуждения населения к принятию тех или иных правовых установлений и политических отношений. На их место все больше должно становится органическое, естественное признание и закрепление этих прав и отношений в обыденном массовом сознании населения, убеждающегося на собственном опыте, что они соответствуют его собственным устремлениям и интересам, обеспечивая нормальное общежитие всех граждан, укрепляя их положение и содействуя реализации их притязаний.

Как представляется, для такой трансформации общественных связей и отношений в рамках Союзного государства Россия-Беларусь требуется одно непременное условие: формирование и укрепление демократической культуры поведения самого его населения, т.е. внутренней способности тех, кто его составляет, так действовать в отношении один к другому и к институтам государственной власти и так оценивать эти действия, чтобы это способствовало изживанию враждебности и насилия в нашем обществе, согласованию и гармонизации интересов всех его граждан.

По каким же конкретным проявлениям жизненного поведения граждан можно составить суждение о степени овладения ими этими основными чертами демократической культуры? Как представляется, сама нынешняя культура населения, степень ее демократичности и тенденции дальнейшей демократизации находят проявление в самых разных формах в зависимости от того, как и насколько наши граждане вовлечены в происходящие общественно-политические процессы, в какой мере они могут осуществлять по отношению к ним свою активность и выражать свое собственное отношение.

Прежде всего, во всем этом многообразии можно вычленить ряд таких форм, через которые уровень демократической культуры населения проступает наиболее отчетливо. Это те формы, которые показывают, насколько активно и действенно граждане участвуют сначала в формировании органов власти, затем в обеспечении нужной направленности и эффективности действий этих органов и, наконец, – в последовательном отстаивании демократических прав и свобод, на которые эти действия должны опираться как на свое основание. К ним относятся выборы в различные органы государства, использование разнообразных средств массовой информации и коммуникации для выработки гражданами своего отношения к этим органам и активного влияния на их деятельность, протест против нарушения основных демократических прав и свобод и т.п.

Нельзя не отметить также, что весь ход организации и реализации выборной процедуры, чтобы быть достаточно последовательными и демократичными, должен быть *открытым для общественного контроля*. Население должно отчетливо представлять, как инициируется выдвижение кандидатов, какие общественные силы и группы их поддерживают, как обеспечивается эта поддержка, осуществляется ли она достойными и честными способами и средствами или происходит за счет «затирания», «нейтрализации» других кандидатов, каково отношение к кандидатам официальных избирательных органов и структур, не выказывают ли они так или иначе предпочтения к одним из них и недоброжелательства к другим, не создают ли последним искусственных «рогаток» в ходе предвыборной кампании и т.п.

Нельзя не учитывать также, что в обеспечении такого рода открытости, «прозрачности» деятельности выборного механизма огромная роль принадлежит средствам мас-

совой информации (как «контрольному инструменту» общественного сознания), которые призваны не только всесторонне освещать и внимательно анализировать эту деятельность, но и обеспечивать принципиальную равнодоступность к себе всех участников «предвыборной гонки», возможность для них заявить и обосновать свою позицию и предлагаемую программу. Иначе возникает опасность возврата к методам манипулирования общественным сознанием, его дезинформации вместо информирования, препятствующей выявлению реальных политических интересов и реального положения и соотношения социально-политических сил, которая, как показала наша история, столь свойственна тоталитаризму и его идеологии.

Не менее важное значение для обеспечения действенности и дальнейшего совершенствования выборного механизма в обеих странах Союзного государства приобретает и такая важная черта культуры самих широких масс его избирателей, как их стремление и готовность контролировать все звенья этого механизма, отстаивать сам принцип альтернативности выборов. Как показывают уже предпринятые исследования, ощущение граждан, что они могут оказывать влияние на политический процесс, составляет важное предварительное условие их демократического участия в этом процессе. В случаях же, когда граждане ощущали невозможность оказать заметное и значимое для них влияние на политический процесс, – это далеко не всегда ограничивается у них формированием устойчивого чувства бессилия и безнадежности. А весьма часто возникает внутреннее состояние протеста и неприятия такого положения вещей, становящееся постоянным конфликтогенным, конфронтационным фактором в их сознании и мотивациях, хотя далеко не всегда оно выливается в форму открытого и резкого противостояния и противоборства с существующим порядком. Выявление и оценка этого деструктивного с точки зрения сотрудничества населения с политической властью массового конфликтогенного потенциала и выработка практических средств его ослабления и нейтрализации, как представляется, составляет одну из важнейших задач современной конфликтологии, решение которой определит ее реальную действенность и реальный вклад в теорию и практику процесса демократизации и России, и Беларуси.

Наконец, следует иметь в виду, что демократическая культура не может реализоваться без согласованных действий самих их граждан, а последние возможны лишь при достаточно высокой степени их доверия друг к другу. И потому помочь формированию и укреплению этого доверия и обеспечению на этой основе общественного согласия и сотрудничества всех основных общественных сил и групп – также одна из основных и важнейших целей современной конфликтологии.

К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРОЦЕССОВ ИНФОРМАТИЗАЦИИ И ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Т. А. Капитонова

В современной литературе, посвященной исследованию проблем информационного общества, зачастую подчеркивается наличие серьезной корреляции между процессами социальной информатизации и развитием гражданского общества, демократизацией социума. В частности, в западных теоретических построениях с проблематикой гражданского общества корреспондируются концепции «информационного общества» Д. Маклюэна; «телематического» Д. Мартина, «завершенного» Д. Маклеланда, «активного» А. Эттцони, «бережливого» У. Хармана, «кооперативного» Д. Клиффорда, и др.

В свою очередь, исследователи современного этапа развития постсоветского об-

щества также свидетельствуют о том, что процессы демократизации и информатизации носят взаимозависимый и, одновременно, противоречивый характер, который проявляется в неоднозначности их влияния друг на друга, а также в возможных социальных последствиях этого взаимодействия [1].

Диалектическая взаимозависимость данных процессов проявляется, с одной стороны, в том, что демократизация общественной жизни создает широкое поле возможностей, благоприятный социальный климат для развития информатизации. В то же время, и для самой демократии крайне необходима развитая информационная среда, ставшая сегодня ее важнейшим атрибутом. Ведь без открытости и доступности информации, без плюрализма и гласности, которые сопутствуют информатизации, будет сильно затруднен, если вообще возможен, процесс становления современного демократического общества.

Взаимосвязь процессов информатизации и развития гражданского общества может быть прослежена в нескольких основных моментах. Прежде всего, широкая доступность информационных медиа ресурсов повышает уровень включенности людей в политическую систему, а, следовательно, увеличивает ее эффективность. Органы власти, широко используя информационно-коммуникационные технологии для надлежащего информирования граждан о своей деятельности, посредством реализуемой таким образом обратной связи получают непосредственную оценку своих действий и могут корректировать их исходя из интересов общества. Новые технологии фактически делают общество более открытым и прозрачным.

Важной тенденцией развития цивилизации в информационную эпоху выступает постепенное сужение функциональной сферы государства, за счет передачи своих ролевых составляющих развитому гражданскому обществу. Становление и дальнейшее развитие современного гражданского общества означает отказ от властных иерархических структур в обществе и замену их новыми, открытыми социальными структурами, основанными на сетевых, горизонтальных методах управления.

В русле данной тенденции находится и интенсивное развитие феномена «активной гражданственности» как коллективной формы контроля структур гражданского общества над решением проблем, важных для всего сообщества. Результат такого социального контроля зависит от точности необходимой информации и оперативности ее передачи, а, следовательно, требует широкого внедрения информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизни общества и массового их освоения.

Новая структура социально-информационного пространства предоставляет свободу доступа к информации, демократичность и разнообразие возможностей и форм самовыражения, объективации своего внутреннего мира в виртуальной среде. Социальная виртуальность предоставляет своим пользователям информационные каналы и ресурсы, аудиторию, социальные сети, быстродействие в режиме реального времени сетевой самоорганизации, и наконец, возможность выхода социальных действий в реальность. Новые свойства социальной виртуальности расширяют возможности для проявления полноценной гражданской активности широким слоям социума, позволяя им участвовать в различных социальных проектах, проявлять свои лидерские качества без обязательной принадлежности к определенной политической организации.

Таким образом, глобальная информационная инфраструктура создает систему социальных отношений нового типа с современными формами самоорганизации и самоконституирования, обеспечивает условия для эффективного сотрудничества государства и гражданского общества. Процессы социальной информатизации меняют сознание людей, ориентируя их гражданскую деятельность на построение общества свободных индивидов, способных влиять на политику страны, реализовывать себя в выбранной сфере,

принимать независимые самостоятельные решения по вопросам общественной значимости на основе толерантности и компромиссности.

Информатизация, выступая в качестве «технико-социокультурного процесса, охватывающего в одну системную целостность все социальные сферы современного общества, является одновременно условием и способом общественного познания и информационного обмена» [2]. В условиях зарождающегося информационного общества свободный доступ к информации выступает фундаментом социальности как таковой, основой гражданского общества. Более того, в современном социально-информационном пространстве интенсифицировался и сам процесс порождения новых смыслов, формирования глобальных контентов. В силу возможности для рядового гражданина обратиться к мировому контенту, участвовать в его анализе, оценке и освоении возникает кумулятивный эффект приращения смыслов, обогащения контента, возникает феномен сопричастности к мировому процессу смыслопорождения самых широких социальных слоев.

Диалектический характер взаимосвязи процессов информатизации и демократизации проявляется и в том, что информационные технологии, обладая огромным охватом и динамизмом влияния на общественно-политическую жизнь общества, могут быть использованы как во благо, так и во зло. Значительный управленческий потенциал информационных технологий предоставляет широкие возможности как для ускорения процессов демократизации, так и для их сдерживания. Результатом этого влияния могут выступать как эффективно работающие, прозрачные по характеру технологии политических выборов, так и мощные системы манипулирования общественным сознанием и поведением.

Информатизация, инициируя процесс внедрения новых информационных технологий в общественно-политическую жизнь, предоставляет широкие возможности для внедрения инновационных форматов функционирования политической власти и ее взаимодействия с гражданским обществом (информационная открытость власти, электронный документооборот, онлайн-общение политиков с гражданами, повышение интернет-компетентности госаппарата).

Именно от проводимой государственной политики в данном направлении, от реализации доброй воли субъекта власти зависит, будут ли использованы в полной мере эти возможности, приобретут ли информационно-коммуникационные технологии статус механизма формирования диалога между властью и гражданами, предоставив гражданам дополнительные возможности преодоления иерархизма властных структур и усиления гражданского общества. Преимущества данного демократического выбора для всего общества сложно переоценить: именно постоянное информационное взаимодействие между гражданским обществом и государственной властью, между всеми ветвями и структурами центральной и местной власти является важнейшим условием устойчивого развития государства, сохранения его единства и целостности.

При этом информатизация не революционизирует социально-политическую структуру современного общества, но может органически вписаться в нее, оказывая большое воздействие на отдельные элементы этой структуры. Как мы отмечали, информатизация является важнейшим фактором развития демократических процессов, и в этой плане несет огромный общественно-полезный потенциал и практическую значимость, представляя собой основу взаимодействия между членами общества, формирования гражданского общества и его институциональных структур.

В то же время, верно и обратное заключение: развитие процесса информатизации возможно лишь при свободном обмене информацией в условиях ее открытости и доступности для всех членов общества, т.е. в условиях демократического общества. Тота-

литарные общества, в силу их закрытости, жесткого контроля над информацией, идеологической монополии и нетерпимости не могут принять тот вызов, который бросает им постиндустриальное развитие человечества. Так же как демократизация является необходимой средой для развития информатизации, так и информатизация, в свою очередь, является катализатором процессов демократизации общества.

Литература

1. Пилиджанян, К.Б. Свобода и ответственность в условиях демократизации общества / К.Б. Пилиджанян // Вестник Донского государственного технического университета. – 2004. – Т. 4. – № 3 (21). – С. 364–369.
2. Пилиджанян, К.Б. Информатизация общества как фактор его демократизации: социально-философский анализ. – Автореферат дисс... к. филос. н. – Ростов на Дону, 2004.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА В СОЦИОДИНАМИКЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

П. Ю. Молчанов

Неолиберализм как политико-экономическая стратегия и определенная система идеалов лежит в основе глобализационной динамики современного общества. Поэтому осмысление его доминантных духовно-нравственных принципов является необходимым условием научно-теоретического анализа перспектив развития человечества в XXI веке.

Следует отметить, что в настоящее время неолиберальная модель глобализации находит поддержку со стороны правительств наиболее развитых стан мира (стран «золотого миллиарда»), руководства транснациональных корпораций, лидеров и электората соответствующих политических партий (современных неолибералов и неоконсерваторов). Сторонники данного курса традиционно выступают за саморегулирующийся рынок и опору на крупный капитал как основу экономики, а также видят либеральную демократию оптимальной формой политической организации социума. Социальные вопросы они предлагают решать по принципу «большого пирога»: чем выше общий уровень благосостояния общества, тем выше благосостояние его отдельных социальных групп. Наиболее известные теоретики такого подхода – М. Фридмен, Ф. Хайек, Дж. Сорос, Д. Флеминг, Р. Манделл. Неолиберальный курс сегодня наиболее последовательно проводят высокоразвитые страны мира – США, ЕС, Япония и др., которые устанавливают соответствующие «правила игры» в мировом масштабе.

В настоящее время этот курс подвергается систематической критике со стороны ведущих интеллектуалов и представителей широкой общественности. В этой связи следует отметить работы таких ученых, мыслителей и общественных деятелей, как Э. Петерс, Ю. Хабермас, С. Жижек, Н. Хомски, С. Амин, У. Белло, Ф. Утар, И. Валлерстайн, Дж. Петрас, Л.В. Лесков, В.А. Бузгалин, А.И. Колганов, Б.Ю. Кагарлицкий, Н.Н. Моисеев и др. В частности, они критикуют капитализм как систему, которая угрожает окружающей природной среде, продуцирует феномены отчуждения различного характера, нивелирует высокие идеалы культуры. Также вышеперечисленные авторы выступают против гегемонистской политики США и их союзников, обличают двойные стандарты, применяемые этими странами в отношении не лояльных к ним государств.

Однако, несмотря на острую критику, неолиберальная модель глобализации сегодня лежит в основе магистрального тренда социально-исторических изменений, и ее по-

зиции в будущем представляются весьма прочными. Дело в том, что основополагающие ценности современного неолиберализма зиждутся на фундаменте культуры западной техногенной цивилизации, которая на рубеже XX – XXI веков включила в хозяйственную систему капитализма практически все страны мира. Это «включение» повлекло за собой трансляцию соответствующих моделей экономического поведения и мировоззренческих идеалов на представителей интегрируемых народов.

Анализ ценностей западной техногенной цивилизации можно встретить в работах многих выдающихся философов середины XIX – начала XXI века. Эти вопросы в той или иной степени рассматривали К. Маркс, Ф. Ницше, О. Шпенглер, М. Вебер, Н. Бердяев, А. Адорно, Г. Маркузе, Ж. Бодрийяр, Н.Н. Моисеев, В.С. Степин и многие другие. Например, критикуя техногенную («машинную») цивилизацию Запада русский религиозный мыслитель Н. Бердяев в 1920-е годы писал: «Цивилизация – "буржуазна" по своей природе в глубочайшем, духовном смысле слова. "Буржуазность" и есть цивилизованное царство мира сего, цивилизаторская воля к организованному могуществу и наслаждению жизнью. Дух цивилизации – мещанский дух, он внедряется, прикрепляется к тленным и преходящим вещам; он не любит вечности. "Буржуазность" и есть рабство у тлена, ненависть к вечному» [1, с. 213]. Подобные идеи мы встречаем и в начале XXI века у российского исследователя В.М. Розина: «Другой важный фактор – формирование, начиная со второй половины XIX века…сферы и идеологии массового потребления, причем удовлетворение потребностей человека в этой сфере мыслится и практически осуществляется техническим, индустриальным способами. Сегодня подобное мироощущение стало практически непосредственным. Любую проблему современный человек и общество стремится решить техническим путем. Третий фактор – социализация, ориентированная на подобное мироощущение. Начиная с семьи и школы, современный ребенок усваивает ценности потребления и технические способы удовлетворения своих желаний» [2, с. 193].

Цитаты, подобные вышеприведенным, встречаются повсеместно у авторов, изучающих развитие западной техногенной цивилизации. Обобщив их представления, можно выделить следующие основные ценностные установки представителей данной цивилизации: рационализм, прагматизм, инструментализм (целерациональные установки по М. Веберу), гедонизм. Носителей подобных установок в современной литературе специалисты часто определяют как homo economicus – «человек экономический», главный жизненный принцип которого – экономцентризм. Анализируя мировоззренческие универсалии людей эпохи «позднего капитализма», И.Я. Левяш отмечает, что: «Классические формы отчуждения и "несчастного сознания", характерные для традиционного общества, в условиях общества "всеобщего благоденствия" и демонстративной "свободы выбора" сменяются массовой иллюзией действительной свободы и "счастливым сознанием" индивидов. Ранее культура была *Великим отказом* – протестом против существующего. Новизна сегодняшней ситуации заключается в адаптации культурных ценностей, их встраивания в утвердившийся порядок массового производства и бесконечной демонстрации» [3, с. 225].

То есть мы можем констатировать, что на сегодняшний день ценностные установки «мещанской», массовой культуры, порожденные развитием западной техногенной цивилизации, задают ментальную матрицу поведения большинства населения планеты. Технократизм капиталистической системы хозяйствования формирует объективные паттерны производственной деятельности людей, а экономцентристские мировоззренческие установки легитимируют их на субъективном уровне. Если учесть, что эти мировоззренческие установки апеллируют к базовым потребностям человека (потребность в пище, крове, самосохранении, продолжении рода и т.д.), возводя их в ранг высших цен-

ностей, то прочная укорененность данных установок в массовом сознании становится вполне понятной и объяснимой. Поэтому и современный неолиберализм, порожденный капиталистической цивилизацией техногенного типа, несмотря на острую критику в свой адрес со стороны интеллектуалов и представителей широкой общественности, в настоящее время продолжает оставаться господствующей моделью глобализации.

Таким образом, проблема духовно-нравственных основ неолиберальной модели глобализационной динамики сегодня не сводится лишь к своему этическому измерению, но и приобретает глубокий онтологический смысл. Ценностные установки неолиберализма по справедливому мнению наиболее авторитетных мыслителей современности идут вразрез с основополагающими принципами устойчивого развития общества, что закономерно ставит вопрос о перспективах человечества в будущем. Однако на сегодняшний день критика данных установок лежит в области рационального, сознательного анализа, и не формирует ментальную матрицу отношения большинства населения мира к социоприродной действительности. Поэтому вопросы изменения аксиологических детерминант существующей цивилизации приобретают статус одной из важнейших проблем научной теории и общественной практики.

Литература

1. Бердяев, Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. – М., 2002.
2. Розин, В.М. Техника и социальность: Философские различения и концепции. – М., 2012.
3. Левяш, И.Я. Глобальный мир и геополитика: культурно-цивилизационное измерение. В 2 кн. Кн. 1. – Минск, 2012.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНКЛЮЗИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ: К МЕТОДОЛОГИИ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

М. Р. Зазулина, В. В. Самсонов

Одной из главных проблем реформирования постсоветских государств является тот факт, что становление новой социально-политической системы происходит в условиях острого дефицита доверия как к институтам самого государства, так и к формирующимся институтам гражданского общества. Обратной стороной этой ситуации является низкий уровень социальной активности населения, пассивно воспринимающего недостатки в социально-политическом устройстве общества, самоустраняющегося из общественной жизни, что, в итоге ослабляет социальную базу политических режимов, обуславливая нестабильный «маятниковый» противоречивый курс внешней и внутренней политики государства.

В мировой исследовательской и практической литературе проблема социальной активности-включенности напрямую увязывается с показателями *социального качества* жизни, отражающими баланс инклюзии / эксклюзии сообществ различного уровня. К примеру, современные ежегодные социально-статистические отчеты ЕС концентрируются на тематике социального качества. Предпринимаются попытки подобных исследований применительно к условиям Азии. «Социальное качество сегодня, вероятно, представляет собой наиболее полно теоретизированный и оперционализированный целостный социальный конструкт качества жизни» [5, p. 176].

Теория социального качества основывается на четырех предположениях:

1) человек по своей сущности является социальным существом;

2) существует конституирующая взаимозависимость, диалектика между самореа-

лизацией людей как социальных существ и процессами формирования коллективных тождеств. Эта диалектика и есть реализация «социального»;

3) наиболее важны две группы противоречий: (а) между социетальным и «биографическим», индивидуальным развитием (первоначально характеризуемое как разрыв между макро – и микро уровнями); и (б) между формальным уровнем систем, институтов и организаций и неформальным «жизненным миром» семьи, группы и сообществ;

4) социальные изменения происходят в отношении взаимодействия между вторым и третьим пунктами.

Социальное качество определяется как «степень, в которой люди в состоянии участвовать в общественных отношениях при условии увеличения их благосостояния, возможностей и индивидуального потенциала» [8, p. 25], охватывая групповой (коллективный) и индивидуальный уровни. Воплощение качественно развитого социума описывается исследователями следующим образом: «Граждане должны иметь возможность и обязаны участвовать в социально-экономической жизни общества и делать это такими путями, которые увеличивают их благосостояние, их индивидуальный потенциал и процветание сообщества. Для этого граждане должны иметь доступ к необходимому уровню экономической безопасности и быть социально включены, проживая в сплоченных сообществах, обладая определенными властными полномочиями в целях развития своего потенциала во всей полноте. Другими словами, социальное качество зависит от степени, в которой экономическим, социальным и политическим гражданством обладают все жители» [9, p. 109].

Понятие социального качества всестороннее и охватывает объективные и субъективные интерпретации. Исследователи выявляют четыре основных фактора (элемента) социального качества [7]:

Социально-экономическая безопасность – степень, в которой у человека имеются достаточные ресурсы в течение продолжительного времени, как условие для процесса самореализации. У социально-экономической безопасности есть два аспекта: (1) факторы благосостояния, которые гарантируют базовую экзистенциальную безопасность граждан (доход, социальная защита, здоровье), безопасность повседневной жизни (качество пищевых продуктов, проблема охраны окружающей среды, безопасность на работе) и внутренняя свобода, безопасность и правосудие; и (2) жизненные возможности людей: «Здесь цель состоит в том, чтобы увеличить число вариантов, между которыми человек может выбирать» [6, p. 341]. Российские исследователи также склонны связывать отношение населения к местному самоуправлению, готовности принимать в нем участие с реальным социально-экономическим положением населения [3].

Социальное включение – степень, в которой у индивидов имеется доступ к институтам и общественным отношениям. Этот фактор обращается к тематике участия и к процессам включения в коллективные идентичности и реалии, которые определяют самореализацию. Социальное включение связано с принципами равенства, справедливости и их структурных причин. Его субъект – гражданство, которое «связано с возможностью участия в экономических, политических, социальных и культурных системах и учреждениях (институтах)» [6, p. 346].

Социальное сплочение – лежит в природе общественных отношений, основанных на разделяемых тождествах, ценностях и нормах. Социальное сплочение отсылает к солидарности, как основанию для коллективных идентичностей и касается процессов, которые создают, защищают или уничтожают социальные сети и социальные инфраструктуры, подкрепляющие эти сети. Надлежащий уровень социального сплочения – тот, который позволяет гражданам «существовать как реальные человеческие существа, как социальные субъекты» [7, p. 284].

Социальные полномочия (права) – степень, в которой персональные способности отдельных людей и их способность к действию подкрепляется общественными отношениями. Идея социального права подразумевает возможность реализации человеческой компетентности и способностей посредством участия в социальных, экономических, политических и культурных процессах, включения в коллективные идентичности. Социальные полномочия – существенное условие для самореализации и, прежде всего, относятся к возможности людей, как граждан, в полной мере развивать свой потенциал.

Как можно видеть, социальное включение является одним из взаимосвязанных элементов социального качества и напрямую взаимосвязано с возможностью самореализации человека и социально-экономическими условиями развития. Таким образом, исследование причин низкого уровня социально-гражданской активности на практическом уровне возможно посредством выявления степени социально-экономического благополучия и наличия возможностей реализации социальных потребностей и социального потенциала индивидуумов. Низкие показатели этих взаимосвязанных социальных условий развития обуславливает социальную эксклюзию, проявлением которой является феномен «политической бедности», суть которого заключается в само-отстранении граждан от участия в демократическом процессе. Выдвинувший это понятие американский политолог Дж. Бохман считал индикатором «политической бедности» неспособность той или иной общественной группы инициировать обсуждение проблем, затрагивающих ее интересы [4, p. 41]. А между тем, мы писали выше, что главная функция местного сообщества как часть муниципальной системы – формулирование вопросов местного значения, и контроль над их решением. Введенное Дж. Бохманом понятие очень актуально для понимания ситуации в переходных обществах, где целые слои населения практически исключены из политического процесса, в том числе и потому, что в «постсоветских странах амортизаторы политической бедности отсутствуют, поскольку гражданское общество развито слабо. Частные интересы здесь еще не структурированы» [2, с. 86]. Социальное неравенство маргинализирует обездоленные слои, они лишены возможности артикулировать и защищать свои интересы в публичной сфере: на одном полюсе политики концентрируются апатия и пассивность, а на другом – стремление монополизировать и закрыть для общественности сферу принятия политических решений. Таким образом, в обществе культивируется атмосфера, отрицающая идеи социальной справедливости [1].

С практической точки зрения, подход, основанный на изучении причин социальной эксклюзии, является, вероятно, самым эффективным в использовании, поскольку позволяет оперировать традиционными индикаторами социально-экономического развития и социального самочувствия. Наиболее детально разработанная концепция анализа уровней социальной эксклюзии позволяет выделить и идентифицировать разнопорядковые факторы, способствующие эксклюзии. А концепция «социального качества», связывающая все рассмотренные выше элементы (социально-экономическая безопасность, включенность и сплочение) как различающиеся, однако пересекающиеся и взаимосвязанные конструкты, – служит отправной точкой, в достаточной степени обеспечивающей полноту анализа успешности социального развития сообществ или территорий.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 13–23–02001).

Литература

1. Красин, Ю.А. Социальное неравенство в политическом измерении // Свободная мысль. – 2006. – № 2. – С. 122–128.

2. Красин, Ю.А. Социальное неравенство в политическом измерении // Полития. – 2007. – № 2. – С. 83–91.
3. Мартынов, М.Ю. Местное сообщество и социально-экономическая основа местного самоуправления // Социс. – 2003. – № 8. – С. 50–54.
4. Bohman, J. Public Deliberation. Pluralism, Complexity, and Democracy. – Cambridge (Mass.), 1996.
5. Phillips, D. Quality of life: Concept, policy and practice. – New York: Routledge, 2006.
6. Social Quality: a Vision for Europe / Beck W., van der Maesen L., Thomese G. & Walker A (Eds.). – The Hague: Kluwer Law International, 2001.
7. The Social Quality of Europe / Beck W., van der Maesen L. & Walker A (Eds.). – The Hague: Kluwer Law International, 1997.
8. Theoretical Foundations for forthcoming third book on social quality. Chapter 3 / Beck W., van der Maesen L., Walker A (Eds.). – European Foundation for Social Quality, 2007.
9. Walker, A. The Amsterdam declaration on the social quality of Europe // European Journal of Social Work. – 1998. – № 1. – P. 109–110.

ВЛАСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

В. Т. Новиков, Н. С. Щекин

Власть многолика. Философию в первую очередь интересует вопрос о сущности власти как таковой, независимо от сферы ее действия и проявления – будь-то ее онтологические, психологические или методологические аспекты.

При попытке определения власти, как и определении любого сложного социального явления, мы встречаемся с ситуацией плюрализма дефиниций, обусловленной существованием различных интерпретаций данного феномена. Тем не менее, можно дифференцировать интерпретации власти в зависимости от исторической формы и характера развития самой философии – классической или постклассической, современной.

Так, типичное для античной, средневековой и новоевропейской мысли классическое философское понимание власти, представленное в работах Платона, Аристотеля, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Дж. Локка, М. Вебера, характеризует власть как способность и возможность социального субъекта осуществлять свою волю, используя различные ресурсы и технологии (авторитет, силу, традиции, закон, техники манипулирования сознанием и др.). В классической философской интерпретации власть наделяется следующими атрибутами:

а) инструментальной природой, в соответствии с которой власть рассматривается лишь как средство, особый инструмент для достижения цели. Власть, тем самым, ценна лишь постольку, поскольку способствует реализации потребностей субъекта;

б) наличием и определяющим влиянием рациональных оснований властных отношений. Властвование предполагает обязательное осознание субъектом собственных интересов, постановку цели и последующее осуществление продуманных действий по ее достижению. Поэтому, по словам известного римского философа-стоика Сенеки: «Если хочешь взять власть над всем, отдай власть над собою разуму! Многим будешь ты повелевать, если разум будет повелевать тобою» («Нравственные письма к Луцилию»);

в) поляризацией отношений властвования. Для существующей картины общественных отношений характерно жесткое разграничение властных полномочий между субъектом – обладателем власти, и объектом – подвластным. Властью распоряжаются лишь ее субъекты;

г) концентрацией власти в руках одного человека (тирана, деспота) или узкой группы лиц, находящейся в прямой зависимости от него. Поскольку гражданское общество фактически отсутствует или неразвито, правитель или властвующая группа олицетворяют верховную власть в обществе;

г) конфликтностью субъект-объектных отношений. Поляризация властных отношений в обществе свидетельствует о существовании в нем непримиримых противоречий. Последние с необходимостью ведут к конфликту, разрешаемому в форме социального взрыва, следствием которого становится радикальная перестройка всего общества;

д) преобладанием форм прямого насилия и использованием военных ресурсов в качестве основного инструмента смены правящих династий, устранения неугодных правителей, захвата территорий, обращения населения в рабство, геноцида покоренных народов;

е) опорой на мифологическое и религиозное знание как основное идеологическое средство обоснования претензий правителя и его окружения на обладание имеющей сакральный характер властью. Разъяснением этой позиции является авторитетное мнение Августина: «Ибо и политическое и мифическое есть одновременно и то и другое».

В современной философии власти (Ф. Ницше, З. Фрейд, М. Фуко, Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Бодрийяр) власть наделяется такими основными чертами, как:

а) субстанциальной природой. В отличие от концепций классической философии, в которых власть выполняет вспомогательную, служебную функцию, способствуя удовлетворению потребностей человека или социальной группы, в концепциях современной философии власть начинает рассматриваться как самоценность. *В субстанциальной концепции власти* она обретает статус субстанции бытия человека и общества, поскольку без нее немыслимо само их существование. В частности, такое понимание власти характерно для Ницше, рассматривающего «волю к власти» в качестве всеобщего принципа мироустройства и миропонимания, а саму власть – как тотальную, врожденную и определяющую форму бытия мира;

б) наличием и активным влиянием внерациональных оснований властных отношений. Осознание в современной философии сложной биопсихосоциальной природы человека способствовало артикуляции роли нерациональных оснований социального бытия человека. В одних концепциях такая ситуация связывалась с «укорененностью», благодаря обладанию «волей к власти» человека-лидера в «жизненном потоке». В других концепциях она обусловливается определяющим влиянием на властные функции человека и социальных групп индивидуального и коллективного бессознательного (З. Фрейд, К.-Г. Юнг и др.). По этому поводу Ницше во фрагменте с красноречивым названием «Анти-Дарвин» пишет: «Та воля к власти, в которой я вижу последнее основание и сущность всякого изменения, дает нам в руки средство понять, почему отбор не происходит в сторону исключений и счастливых случаев: наиболее сильные и счастливые оказываются слишком слабыми, когда им противостоят организованные стадные инстинкты, боязливость слабых, численное превосходство. Общая картина ценностей, как она мне представляется, показывает, что в области высших ценностей, которые в наше время повышены над человечеством, преобладание принадлежит не счастливым комбинациям, отборным типам, а напротив – типам декаданса, – и может быть, нет ничего более интересного в мире, чем это *неутешительно*е зрелище…» [1, с. 324];

в) диффузией и децентрацией властных отношений. В современных философских концепциях власти отмечается размывание жестких границ между субъектом и объектом власти. Такая ситуация свидетельствует о признании их реальной взаимозависимости и отражает характерную для современного демократического общества открытость социального пространства для участия во властных отношениях любых социальных

субъектов;

г) корпоративной принадлежностью. Децентрация власти, тем не менее, не означает вообще исчезновения различия между ее субъектом и объектом. В современной философии власти в роли властвующего субъекта рассматривается, как правило, не отдельный индивидуум, какими бы выдающимися способностями он не обладал, а корпорация. Власть принадлежит определенной группе людей и существует, пока эта группа сплочена, а ее лидер уполномочен действовать от ее имени, будучи ответственным перед ней;

д) установкой на предотвращение социальных конфликтов, однако если они все же возникают, то установкой на мирную форму их разрешения. Обострившиеся социальные проблемы, о которых свидетельствует наступивший кризис, должны решаться путем политических и экономических реформ в интересах всех слоев и общественных групп. При этом обращается внимание на необходимость не только правовой, но и *моральной ответственности* субъектов за свои властные действия;

е) применением преимущественно опосредованных форм принуждения – переходом от насильственных (прежде всего, военно-политических) и камуфлирующих насилие экономических, этнокультурных, гендерных форм властного принуждения к ненасильственным формам «власти убеждения». Обращается внимание на эффективность получающих все большее распространение информационных технологий манипулирования общественным сознанием и психологического воздействия на массы;

ж) созданием и использованием в социальной практике специальной системы знания – *идеологии*, призванной целенаправленно отражать и обосновывать интересы определенной социальной группы, а также организацией ее распространения в пространстве социальной коммуникации средствами пропаганды и агитации. Благодаря этому идеологии приобретают характер понятного массам, по выражению Барта, «искусственного мифа» [2, с. 251].

Э. Фромм, в частности, таким образом объяснял потребность современного человека в мифе: «Человеческий мозг живет в двадцатом веке; сердце большинства людей – все еще в каменном. Человек в большинстве случаев еще недостаточно созрел, чтобы быть независимым, разумным, объективным. Человек не в силах вынести, что он предоставлен собственным силам, что он должен сам придать смысл своей жизни, а не получить его от какой-то высшей силы, поэтому людям нужны идолы и мифы» [3, с. 11].

Эти и другие особенности властных отношений в жизни современных обществ находят отражение и получают специфическую интерпретацию, наряду с субстанциальной концепцией в ряде других постклассических концепций власти.

Литература

1. Ницше, Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. – М., 1994.
2. Барт, Р. Мифологии.– М., 2000.
3. Фромм, Э. Бегство от свободы. – М., 1989.

ЭТИЧЕСКИЙ МЕТАКРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

В. Ю. Дунаев, В. Д. Курганская

На первый взгляд, обращение философии к феномену политических технологий является сугубо конъюнктурным стремлением легитимировать свою роль в жизни со-

временного общества ценой известной депрофессионализации. Или, говоря словами Р. Рорти, узаконить определенную долю безразличия к вопросу о том, ставят ли философы фундаментальные мировоззренческие и концептуально-методологические проблемы общественного развития, или же выполняют социальный заказ.

Но это не совсем так, или совсем не так. Дело в том, что политические технологии являются концентрированным выражением и реализацией наиболее глубоких онтологических интуиций, определяющих мегатренды современной цивилизации. Интеграция политической и онтологической модальностей дискурса тем более насущны, что политика в современном мире вынуждена самоопределяться в своих задачах и возможностях в условиях универсализации не только *превращенных форм,* но и превращенных, онтологически деградировавших *оснований* повседневной реальности. Соответственно, политические технологии выступают инструментом не столько конструирования, сколько тотальной мистификации («симуляции», выражаясь языком постмодернистского дискурса) социально-политического пространства.

В этой связи философское осмысление политических технологий во многом сродни программам конверсии. В успехе или провале проекта преобразования технологий, созданных для подчинения и тотального контроля политического пространства, в технологии борьбы с навязанной нормативностью, на кон ставится не то или иное политическое решение, не тот или иной политический курс, но само существование «онтологически доброкачественной» социально-политической реальности.

В условиях распространения на политическую сферу рыночных отношений и растущего отчуждения этой сферы от рядового гражданина политические технологии становятся все более значимыми – структурно и функционально – блоками конструирования социальной реальности. В последние годы услуги специалистов в области политического консалтинга, PR-услуг и имиджмейкинга стали частью повседневного политического процесса. Несколько гиперболизируя ситуацию, можно сказать, что в современном мире на смену борьбе политических идей и лидеров пришла борьба политических технологий и имиджей.

Признавая ведущие позиции политтехнолога в системе современного социально-политического управления и отдавая должное его компетенции, следует избавиться от технократической парадигмы социоинженерной деятельности. Согласно этой парадигме социальная инженерия вооружает бюрократическую элиту научно обоснованными методами регламентации и контроля человеческого поведения, эффективными средствами манипуляции социальными нормами, ценностями и институтами. Применением политических технологий запускается процесс целенаправленной трансформации мировоззренческо-идеологических, социально-психологических, онтологически-смысловых, аксиологических (ценностно-нормативных) координат политической картины мира населения. На практике это означает легализацию права силового воздействия политической элиты на социум. Кроме того, или, точнее, в силу этого, сугубо технологический, инструментальный, утилитарно-прагматический подход к политическим технологиям объективно ведет к утрате целостного восприятия социальной реальности и деградации стратегического мышления в сфере политики. Оборотной стороной тактического эффекта от применения политтехнологий появляется снижение политического иммунитета общества, что делает его беззащитным перед комплексом экстремистских и деструктивных идей.

С книг Н. Макиавелли начинается эмансипация политики от теологии и вместе с тем формирование специфического для политической сферы нормативно-ценностного комплекса. В итоге формируется тенденция вытеснения «инструментальным разумом» этической рефлексии, редуцирующейся к более или менее изощренной политической

риторике. Преобладающий в теории и в управленческой практике современных демократий инструментальный подход к политике предусматривает исключение мировоззренческих, идейно-теоретических, экзистенциально-смысловых оснований и мотивов функционирования политических институтов. Власть при этом рассматривается сугубо технологически, через призму механизмов ее захвата, удержания и усиления и соответствующих рисков – ослабления и потери власти. С этим во многом связано и негативное отношение к политике как таковой как к грязному занятию, с которым уважающие себя люди должны иметь как можно меньше общего. В условиях отчуждения административно-бюрократического аппарата власти от народа сам факт участия во власти может восприниматься как негативно характеризующий человека. Именно такой смысл вкладывал С. Кьеркегор в свое, по видимости апологетическое по отношению к властям предержащим, утверждение: «Возрадуемся, ибо находятся люди, желающие нами править, тогда, как мы можем оставаться свободными».

Применение политических технологий является разноводностью венчурной деятельности. Однако все дело в том, что сами политтехнологи и заказчики их услуг крайне редко отдают себе отчет в том, сколь глубоко расположены те уровни реальности, которые ставятся под угрозу технологическим вмешательством в политическую сферу жизнедеятельности социального организма. Согласно постулату даосско-конфуцианской политической философии, разделяемому и развиваемому современными теориями нелинейной динамики, вмешательство в процессы самоорганизации сложных систем, противоречащее логике развертывания их внутреннего потенциала, может инициировать процессы их деградации и даже разрушения. Те же события «арабской весны» продемонстрировали со всей очевидностью, что применение хайтековских технологий экспорта западной демократии, в том числе технологий форматирования виртуального политического пространства, лежит за гранью допустимого в трезвой, ответственной политике риска.

Более того. Могущество современного политического хайтека и масштабы принципиально непредсказуемых эффектов его применения становятся основанием для того, чтобы вообще отказаться от его использования при решении ряда проблем. Некоторые задачи нужно оставлять без решения, пусть даже мы и располагаем для этого самой совершенной технологией. Тандем политика и политтехнолога, вершащий судьбами людей и народов в современном мире, должен усвоить ту истину, что существуют, пусть и неведомые нам, онтологические запреты и ограничения на социоинженерную трансформацию реального и виртуального политического пространства.

Управление и контроль над массовым сознанием с помощью информационных и иных технологий становится основным типом осуществления властных функций в демократических обществах в отличие от насилия, подавления, императивного повеления и других форм физического принуждения, на которых основана власть тоталитарных, деспотических режимов. Вместе с тем переход к манипулятивным технологиям, когда человек становится соавтором, соучастником программирования своего сознания и поведения, лишает индивида свободы в гораздо большей степени, чем прямое насилие. Ведь объект успешно проведенной манипуляции полностью лишается возможности рационального выбора, т.е. свободы как принципиальной основы западной цивилизации.

Возникает парадоксальная ситуация: развитие информационно-коммуникативных технологий управления массовым сознанием, посредством которых функционирует демократическая политическая система, подрывает ее собственную основу. Загнав себя в эту, созданную ею же самой ловушку высокотехнологического тоталитаризма, политическая система западных «консолидированных демократий» впала в ступор, утратив способность к самопреобразованию, в том числе и с помощью выработанных ею же по-

литических технологий.

В этой связи Казахстан, как и другие постсоветские республики, как бы это ни показалось странным, находится в более выигрышной ситуации в плане разработки проектов «политтехнологий с человеческим лицом». По праву сильного Запад может довольствоваться привычными стереотипными и тривиальными путями развития своей цивилизации, без оглядки на социальные и моральные условия гегемонии своей политической системы и обслуживающих ее политических технологий. Мы такой прерогативы лишены. Поэтому стратегия инновационного развития Казахстана может быть реализована только в опоре на инновационные социально-политические технологии, имеющие целью и содержанием развитие ассоциированного социального творчества, создание принципиально новых, говоря словами К. Маркса, «форм общения».

ФЕНОМЕН ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

К. Р. Еськевич

Анализ феномена идеологии в конце XX века все чаще осуществляется с использованием методологического инструментария семиологии, неофрейдизма, неомарксизма с его социально-критической позицией. Сам же контекст идеологического дискурса определяется тем, что любые отношения между людьми, человеком и миром, разными культурами и пр. опосредованы языком.

Идеологический контекст любого типа дискурса является его неотъемлемой частью, так как именно он обеспечивает значимость высказывания в том социальном пространстве, в котором оно произносится [6]. Связь социального контекста и идеологического пространства рассматривает, в частности, Д.Б. Томпсон. Он трактует идеологию как «способы, посредством которых смыслы, заключенные в символических формах, служат установлению и упрочению господства» [7, с. 7]. Одни и те же символические формы могут быть идеологическими в одном контексте и неидеологическими в другом (например, дискурс о правах человека может в одной ситуации поддерживать сложившийся статус-кво, а в другом – служить инструментом его критики и изменения) [7, с. 8]. Что касается языка, то воздействие идеологии проявляется в семантических и стилистических его структурах, так как они зависят от коммуникативного контекста (например – одно и то же лицо может быть названо «борцом за свободу», «бунтовщиком» или «террористом» в зависимости от идеологической позиции говорящего) [2, с. 82–83] [4].

Интересным в контексте обозначенной выше проблематики являются идеи психоаналитической традиции. Наиболее влиятельным современным исследователем в этой области является Славой Жижек. Психоаналитический подход ориентирован, прежде всего, на исследование поведенческих стратегий в условиях идеологической детерминации, механизмов реализации идеологии в повседневной жизни людей. С. Жижек отмечает, что «фундаментальный уровень идеологии – это не тот уровень, на котором действительное положение вещей предстает в иллюзорном виде, а уровень (бессознательного) фантазма, структурирующего саму социальную действительность» [5, с. 39]. В этом смысле идеология укоренена в самой социальной действительности, является ее неотъемлемой частью, поэтому акцент в своем исследовании идеологии С. Жижек делает на выявлении вариантов принятия идеологических конструктов. Главной функцией идеологии в данном контексте выступает создание определенной конструкции, предот-

вращающей от анархии, конфликтов и пр.

Л. Альтюссер, пытается рассмотреть идеологию через синтетическую теорию, соединяющую идеи психоанализа и марксизма, неомарксизма (в частности, теория гегемонии А. Грамши как условия естественного, ненасильственного управления путем растворения интересов правящей группы в социальных идеалах и ценностях других групп). Идеология, согласно Л. Альтюссеру, это «структура, имеющая существенное значения для исторической жизни общества. И только существование и признание ее необходимости могут позволить нам воздействовать на идеологию и превращать ее в орудие рефлексивного воздействия на историю» [1, с. 329]. У Л. Альтюссера идеология предстает органической составной частью всякой социальной тотальности, наряду с экономикой и политикой. Вместе с тем, он подчеркивает, что идеология, в отличие от общепринятой марксистской интерпретации на деле глубоко бессознательна, так как идеологические представления на большинство людей оказывают воздействие как структуры, минуя опосредующее звено их «сознания». Они «суть воспринимаемые-признаваемые-переживаемые объекты культуры, которые воздействуют на людей функционально, посредством такого процесса, который для них самих остается скрытым» [1, с. 330].

Интересным представляется также и «культурологический» подход в прояснении сущности идеологии и ее функций в социуме. К Гирц, анализируя феномен идеологии пытается обнаружить основные недостатки предшествующих подходов к интерпретации данного феномена. В целом, согласно К. Гирцу, можно выделить четыре типа объяснений возникновения идеологии в обществе. «Моральное объяснение» предполагает апелляцию к высшим ценностям, тем самым призывая людей к стойкости в условиях неразрешимых конфликтов либо отстранению от данных проблем, например «борющемуся за выживание мелкому бизнесмену, бесконечную стойкость которому дает вера в неизбежную справедливость американской системы, и непризнанному художнику, объясняющему свой неуспех тем, что в мещанском мире он остается верен высшим ценностям искусства, такие взгляды помогают не бросать свое дело» [3, с. 236]. Суть «катартического объяснения» сводится к снижению эмоционального напряжения переключением на символических врагов («красных», «черных», евреев и т.д.). «Солидаристское объяснение» акцентирует внимание на способности идеологии к объединению (пример: единство рабочего движения). «Адвокатское объяснение» акцентирует внимание на том, что идеология усиливает социальные напряжения, тем самым, привлекает к определенным социальным проблемам внимание и заставляет решать их «без марксисткой борьбы не было бы рабочей реформы; без черных националистов – постепенной десегрегации» [3, с. 236–237]. Однако все эти теории, согласно К. Гирцу, «от анализа источников переходят сразу к анализу последствий, не исследуя сколько-нибудь серьезно идеологию как систему взаимодействующих символов, как структуру взаимовлияющих смыслов» [3, с. 239]. Согласно автору, данные подходы по сути не решают «проблему – как, собственно, идеология преобразует чувство в значение и предоставляет его в распоряжение социума» [3, с. 239]. Рассматривая культуру как среду, в которой данные символы и смыслы могут быть продуцированы и приняты, К. Гирц разрабатывает подход, способный, по его мнению, дополнить те подходы, которые рассматривают идеологию в связи с деятельностью социальных групп и ответить на вопрос: почему те или иные идеологии возникают в тех или иных обществах. В рамках этого подхода идеологии определяются как символические системы, определяемые культурными образами. Идеологические постулаты, выраженные в форме определенных символов, должны соответствовать социальному и психологическому, а, следовательно, и культурному контексту общества, так как именно «культурные модели – это "программы", которые снабжают нас шаблонами или чертежами для организации социальных и психических процессов» [3, с. 247].

Таким образом, в современном философской теории идеологических процессов и явлений одно из ведущих мест занимает психологический подход, который ориентирован на исследование поведенческих стратегий в условиях идеологической детерминации, механизмов реализации идеологии в повседневной жизни людей, а также коммуникативный подход, акцентирующий внимание на том, каким образом происходит принятие и практическая реализация идей, преобразование их в идеалы и ценности. На первый план выходят вопросы, связанные с языковыми и символическими способами идеологического воздействия.

Литература

1. Альтюссер, Л За Маркса / предисловие Э. Балибара. – М.: Практис, 2006.
2. Герасимов, В.И. Идеология и дискурс в работах Т.А. Ван Дейка // Политическая наука. Политическая идеология в современном мире. Сб. научных трудов / РАН ИНИОН. – М., 2003. – №4. – С. 74–86
3. Гирц, К. Интерпретация культур. – М.: РОССПЭН, 2004.
4. Дейк, Т.А. Ван Язык и идеология: к вопросу о построении теории взаимодействия // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. – Минск: БГУ, 2000. – С. 50–64.
5. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. В. Сафронова. – М.: Художеств. журн., 1989.
6. Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с франц. – М.: РОССПЭН, 2004.
7. Томпсон, Д.Б. Идеология и современная культура: Критическая социальная теория в эру массовых коммуникаций. – М.: ИНИОН, 1992.

СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: УНИВЕРСАЛИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

О. В. Нечипоренко

Глубина и острота современных социальных противоречий обуславливает актуальность изучения специфики кризисных явлений в различных сферах общества, а всесторонний анализ социального кризиса, как следствия двойного вызова (национального и глобального), дает возможность целостного осмысления современных социокультурных процессов в странах СНГ. Конфигурацию и остроту проблем, с которыми столкнулись реформируемые общества, определяет сочетание двух трансформаций (глобальных кризисных процессов и противоречий постсоветского транзита). В условиях системной трансформации и реформирования эскалация проблем, как правило, сопровождается их усложнением, проявляющимся как в социально-экономической сфере (дезинтегрированность по имущественным и социальным признакам, социальная эксклюзия и депривация), так и в форме кризиса идентичности, кризиса легитимации, предыдущих форм общественной жизни, разрушения традиционной системы ценностей.

В этом ключе особый интерес для исследования специфики социального кризиса в реформируемых обществах представляет анализ таких факторов как: характер и сила воздействия внешней глобальной среды; традиции взаимодействия между обществом и государством (проблемы становления институтов гражданского общества); особенности становления рыночной экономики и влияние этого процесса на жизнедеятельность общества (соблюдение баланса экономического и социального компонентов трансформации); специфика создания национальных государств; процесс формирования национальной / гражданской идентичности.

Одним из факторов, определивших глубину трансформационных процессов на постсоветском пространстве, оказался выбор приоритетных направлений реформирования, а также способов осуществления реформ. В рамках общей направленности переходных процессов, бывшими республиками СССР реализовывались различные концепции этого перехода: от одновременного и резкого реформирования всех сфер, в сочетании с ослаблением позиций государства («модернизационная парадигма»), до постепенного замедленного поэтапного перехода с сохранением государственного контроля в полном объеме (эволюционный путь развития).

Ряд государств (Украина, Казахстан, Россия, Кыргызстан) придерживался стратегии быстрого реформирования, характерными чертами которого были: методы «шоковой терапии» в экономике и социальной сфере, ускоренная ликвидация старых управленческих структур и форсированное создание рыночных институтов. Попытка создания рыночной экономики без основных социально-экономических институтов, как показал опыт этих государств, привела к экономическому волюнтаризму и резкому снижению уровня и качества жизни основной массы населения. Другим следствием реформ стала социальная поляризация общества на «очень богатых» и «очень бедных», достигшая в странах, избравших путь «шоковой терапии» критических масштабов. В России и Казахстане за первую половину 90-х гг. разрыв в доходах самых бедных и самых богатых увеличился с 4,5 до 14–16 раз, но даже эти показатели большинство независимых исследователей считают заниженными.

В тоже время Беларусь, Узбекистан и др. пошли по пути эволюционных преобразований, в большей степени сохраняя методы государственного регулирования в экономической и социальной сферах. В странах, выбравших эволюционный путь развития, процессы социальной поляризации общества не столь заметны. Все население является равномерно бедным, страна имеет более низкий ВВП на душу населения и более низкие зарплаты, чем в переходных государствах, придерживающихся модернизационной парадигмы реформ.

В конечном итоге и ситуация поляризации и ситуация всеобщего уравнивания в статусе «бедных» чревата для трансформирующихся обществ социальным коллапсом. Чрезмерное вытягивание «пирамиды неравенства», т.е. увеличение социальной дистанции между полюсами дифференциации социальных слоев, ведет к усилению социальной напряженности в обществе, его дезорганизации, социальным потрясениям. Чрезмерное уплощение этой пирамиды также может иметь негативные социальные последствия, поскольку уравнивание в доходах, собственности, власти, статусных позициях лишает индивида стимула к действию и блокирует развитие инновационной экономической, институциональной среды.

Необходимо также учитывать, что проблема реформирования современных обществ содержит в себе два аспекта: преобразование организационных систем общества (институциональные преобразования политики, экономики) и реформирование социума как уникальной социокультурной системы. Два аспекта реформирования взаимосвязаны. Изменения в институциональной среде неизбежно влияют на доминирующий тип социальной интеграции, на систему социальных взаимодействий и ценностей, регулирующих социальные связи в обществе. В свою очередь, социокультурная специфика страны подразумевает селективность инноваций или их определенный темп. Рассогласованность преобразований в этих двух сферах выступает причиной глубокого социального кризиса, крайним проявлением которого выступает дезорганизация социальной системы как ввиду неэффективности новых институтов, так и ввиду деструктивных тенденций и роста социального напряжения в обществе. При этом масштабные изменения социальных институтов порождают ситуацию трансформационного кризиса идентично-

сти, которая обостряется переплетением этих процессов с глобальными тенденциями нивелировки национальных и культурных различий, ставящими под угрозу прежние представления о самобытности, персональной и коллективной идентичности.

Реальные изменения, вызванные различными стратегиями реформирования, оказали дифференцирующее влияние на субъективное восприятие социальных проблем населением России, Казахстана и Беларуси. По результатам социологического мониторинга, проведенного в этих странах, ясно обозначилось два противоположных поля со своими представлениями о страхах и угрозах, с заметной дифференциацией в оценках базовых показателей удовлетворенности жизнью, социального самочувствия, материального положения и социального оптимизма, а также отношения к властям. С одной стороны, это Казахстан (к которому приближается население Беларуси), где в субъективных оценках населения преобладают позитивные настроения, с другой стороны – это Россия, где очень много отрицательных показателей удовлетворенности жизнью, наличествует постоянное ожидания негативных перемен (или отсутствие каких-либо надежд на улучшение жизни). На объективном уровне фактором, объясняющим значительную дифференциацию субъективных мнений граждан различных стран, является разница в выборе стратегий социальной политики, реализуемых Россией, Беларусью и Казахстаном. Наиболее непоследовательной, в свете сравнительного анализа, представляется «маятниковая» модель модернизации социальной сферы, воплощенная в социальной политике России, занимающей промежуточное место между постсоветским патернализмом белорусской модели и либерально-консервативным курсом реформирования социальной сферы Казахстана.

Оценивая масштабы социальных и экономических проблем, с которыми столкнулись страны СНГ в процессе нацстроительства, следует отметить поразительное разнообразие национальных моделей реформирования и результатов преобразований. Сравнительный анализ национальных моделей реформирования постсоветских государств позволяет выработать методологию общего подхода к исследованиям социального кризиса, основанную на тесной связи между темпами социокультурной динамики, экономического роста, моделями государственной социальной политики, социальными и политическими тенденциями развития общества. Очевидно, что ситуация современного кризиса остро ставит вопрос о необходимости с одной стороны, учета национальной специфики, этических установок и приоритетов в структуре государственного идеала, а с другой стороны, важности размышления над способами и возможностями конструирования государства как рациональной организационной системы общества. Одно из главных условий успешной реализации преобразований кризисного общества – в переформулировке функций и целей существующих структур, институтов, культурных и национальных ценностей.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13–23–02001).

МАРКЕРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНСТРУИРОВАННОЙ ИЕРАРХИИ: УКРАИНСКИЙ ОПЫТ

А. А. Кислая

Идентичность, как научное понятие, не осталось в стороне от дискурса трансформации модерна в постмодерн. «Фрагментарная, эпизодическая, и в основном, импульсивная природа постмодернистского общества приводит к сомнению о существовании

утомленной идентичности. Стабильность и сохранение индивидуальной идентичности было характерно для традиционного общества. Сейчас же в условиях стремительных социальных изменений достижения стабильной идентичности, которая сохранялась бы в течение всей жизни человека, предстает крайне сложным делом» (цит. по: [1]). Это мнение польского социолога З. Бокжанського. Действительно, если модерная «проблема идентичности» состояла в том, как создать идентичность и сохранить ее прочной и устойчивой, постмодерная проблема идентичности состоит, прежде всего, в том, как избежать фиксации и сохранить свободу выбора [2].

«Каждый думает об идентичности всякий раз, когда он не уверен, где находится, то есть, когда он не уверен, куда поместить себя в видимом разнообразии поведенческих типов и моделей и как удостовериться, что люди вокруг приняли бы это как должное, так, чтобы обе стороны знали, как действовать в присутствии, друг друга. Люди ищут группы, к которым они могли бы принадлежать, устойчиво и долго, в мире, где все движется и перемещается, и ничто не является надежным» [2]. «Эпоха идентичности» полна шума и ярости. Поиск идентичности разделяет и обособляет [2]. Институт социологии НАН Украины с 1992 г. проводит общенациональное мониторинговое исследование «Украинское общество», в котором замеряет среди других проблем тип и иерархию идентификации населения Украины.

Таблица 1. Иерархия распределения идентичностей украинского населения

Кем Вы себя, в первую очередь, считаете?	2002	2012
Гражданином Украины	41	48
Жителем села, района или города, в котором Вы живете	31,6	30
Гражданином бывшего Советского Союза	12,7	8
Жителем региона области или нескольких областей	5.9	8
Представителем своего этноса, нации	3,0	1,75
Гражданином Европы	2,7	2,45
Гражданином Мира	0,7	1,25
иное	4,4	1,55

Анализ приведенных социологических данных позволяет сделать следующие выводы. «Box of Identity» украинского населения, его аксиологическое содержание за 10 лет социологического мониторинга не узнал радикальных изменений, и определенным образом выглядит стабильным. За 10 лет исследования на первом месте остается доминантной гражданская идентификация украинского населения – «Я Гражданин Украины», на втором месте и практически в том же объема «стоит» локальная идентичность украинского населения – «Я житель села, района или города».

На пятом месте все 10 лет мониторинга располагается этническая идентификация украинского населения – «Я представитель своего этноса, нации». Этот маркер идентичности не меняет своего значения для украинского населения в системе идентичностей. Заметим, что точно такой же результат стабильности представляет анализ такого маркера идентичности как «Я гражданин бывшего Советского Союза».

Не значительные изменения в иерархии идентичностей можно отметить в таких маркерах идентичности как региональная. Маркер «Я житель региона, области» с четвертого места поднялся на третье в построенной иерархии. Европейская идентичность – «Я гражданин Европы» тоже, как и региональная идентичность, поднялась на одну ступеньку. Условно говоря, заметный сдвиг показывает маркер такой идентичности как «Гражданин Мира», с шестой ступени «прыгнул» на четвертую.

Еще раз отметим: актуализацию, ценностную оценку маркеров идентичности

украинского населения, определенным образом, может считаться стабильной. И это во времена значимых социальных трансформаций в украинском обществе. Для объяснения этого социального явления можно вернуться к мысли З. Бауман: «Люди ищут группы, к которым они могли бы принадлежать, устойчиво и долго, в мире, где все движется и передвигается, и ничто не является надежным» [2].

Содержательный анализ «Box of Identity» украинского населения представляет иную картину. Там наблюдаются заметные изменения. Маркеры идентичности распределились на «маркеры роста» и на «маркеры падения». Среди маркеров идентичности, которые презентуют тенденцию к росту, на первом месте «по объему» находится гражданская идентичность украинского населения – «Я Гражданин Украины». Она выражает тенденцию к росту значимости от 41% до 48%. На втором – региональная идентичность – «Я житель региона, области» от 5.9% до 8%. На третьем месте находится европейская идентичность – «Я Гражданин Европы» от 0.7% до 1.25%. К маркерам идентичности, которые представляют тенденцию «к падению» по данным результатов мониторингового исследования, относятся: локальная идентичность – «Я житель села, района или города», идентичность «прошлого» – «Я Гражданин бывшего Советского Союза», этническая идентичность – «Я представитель своего этноса, нации» и маркер такой идентичности как «Я – Гражданин Мира».

Литература

1. Ручка, А.О. Соціокультурні ідентичності та практики / Під ред. А. Ручка. – Київ: Інститут соціології НАН України, 2002.
2. Бауман, З. Идентичность в глобализирующемся мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tovievich.ru/ book/ print/ 155.htm. – Дата доступа: 01.05.2013.

ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОСТИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Т. Е. Новицкая

В широком смысле социальность представляет собой предрасположенность и способность индивида к совместному существованию в обществе в контексте различных групп, к сознательной деятельности в соответствии с их интересами и продуктивному выполнению различных социальных функций. Источник человеческой социальности заключается в самой природе индивидуального существования. Как выражение естественной потребности быть частью общества социальность объективируется в коллективном действии, ключевой особенностью которого является добровольность и заинтересованность, а также в солидарности, готовности к сотрудничеству.

В контексте концепции, ставящей своей целью разработку стратегий социальной гармонии как согласованного взаимодействия элементов социума, феномен социальности имеет особую значимость, поскольку именно он выступает в качестве скрепы, соединяющей индивида и общество, представляет собой основание для гармоничного сосуществования. С одной стороны, будучи качеством человека, данным ему от природы, социальность, тем не менее, подвержена трансформациям, носит динамичный характер и во многом детерминируется социальными процессами, претерпевая изменения в ходе общественного развития. Так, различные типы обществ продуцируют отличия и в формах социальности. Подобного рода трансформации достаточно подробно описаны классиками социальной мысли (Ф. Тённис, Э. Дюркгейм, М. Вебер и др.). В частности, в результате перехода от «сообщества» к «обществу», ознаменовавшего эпоху модернити,

характеризующуюся капитализмом, урбанизацией, секуляризацией, проявились такие изменения социальности, как ослабление социальных связей и индивидуализация. Повышение уровня жизни и развитие потребительства в постиндустриальном обществе ведут к еще большему усугублению индивидуализма. Консюмеризм, порожденные им гедонистические установки, стремление к престижу и демонстративности потребления снижают у индивида потребность в социальном, происходит фиксация на удовлетворении навязанных ему потребностей. Возникающий спад интереса к участию в социальной жизни общество пытается преодолеть посредством принуждения к социальности, однако вследствие инертности массы результативность этих попыток оказывается достаточно низкой.

Происходящие в обществе в настоящее время глобальные трансформации накладывают существенный отпечаток на специфику социальности современного индивида. Прежде всего, речь идет о становлении сетевого общества. В его контексте особую актуальность обретает проблема социальной коммуникации, столь важная для понимания модификаций социальности. Доминирующую роль в сетевом обществе играют удаленные и опосредованные контакты, протекающие в распределенной коммуникационной среде. В качестве системы, организующей процесс коммуникации, выступает многоканальная сеть. Интернет и глобальные социальные медиа виртуализируют коммуникацию и трансформируют характер и формы социальных связей и взаимодействий.

В целом можно выделить несколько тенденций, свидетельствующих об изменении социальности в начале XXI столетия под воздействием сетевых технологий. Во-первых, это прогрессирующий индивидуализм. Однако он трансформируется специфическим образом – в сетевой индивидуализм (сети образуют люди, основываясь на своих ценностях и интересах, но не как члены той или иной группы, а как отдельные индивиды). Для него характерны избирательные формы отношений и возникновение ограниченной солидарности. Сообразуясь со своими потребностями и склонностями, индивиды создают и развивают собственные сети, виртуальных характер которых определяет низкий уровень обязательств по отношению к ним и к их участникам. Экстерриториальность связей внутри сети, в свою очередь, способствует расширению круга слабых социальных связей, их обезличиванию и формальному характеру, операционализации, а зачастую также и ослабеванию сильных в виду масштабности первых. Кроме того, постоянно растущее и трудно контролируемое потребление информации может быть рассмотрено как еще один индивидуализирующий механизм, ведущий к снижению социальной активности и ставящий индивида в позицию отстраненного наблюдателя по отношению к происходящим событиям. И в тоже время индивид, включенный в социальную сеть, не изолирован, напротив, его ассоциированность гарантирует наличие социальных связей. Однако неустойчивость баланса между индивидуальным и общественным в сетевом обществе очевидна, а значит, есть потребность в поиске путей ее преодоления.

Во-вторых, происходит технологизация социальности. Социальные связи и контакты все в большей мере становятся опосредованными техническими устройствами, программным обеспечением и социальными медиа, что ведет к своего рода кризису «третьих мест». Их функция возлагается на виртуальное пространство, появляются возможности для использования удаленной работы и фриланса.

В-третьих, благодаря развитию и широкомасштабному внедрению информационно-коммуникационных технологий возникают новые формы добровольного коллективного действия. Наиболее существенным из них представляется такое техно-социальное явление как смартмоб («умная толпа»). Это согласованно действующая, организованная посредством сетевых и / или мобильных технологий и координируемая на основе само-

организации группа людей. Возможность устанавливать социальные связи многих со многими, лежащая в основе функционирования данной социальной формы, открывает широкие перспективы для взаимодействия между участниками смартмоба, расширения его границ и самоструктурирования. Смартмобы могут существенно различаться по своим целям и масштабам: от совместных просмотров кино до освещаемых мировыми СМИ акций протеста. С одной стороны, в «умных толпах» заключается огромный потенциал для сотрудничества и коллективного действия, а с другой – они могут представлять серьезную опасность для стабильного развития социума, поскольку часто носят деструктивный характер по отношению к иным институтам общества и, как показывает политическая практика начала столетия, могут стать эффективным инструментом революционных социальных изменений.

Таким образом, на фоне таких трансформаций социальности в начале XXI века, как ее технологизация и интенсификация индивидуализма, происходит возникновение новых форм социальной самоорганизации, действующих при помощи сетевых ресурсов. В дальнейшем это может послужить основанием для определения перспектив изменившейся социальности в контексте стратегии «социальной гармонии» и поиска механизмов социальной регуляции.

Работа подготовлена при поддержке БРФФИ, договор № Г12–105 от 15.04.2012 г.

СООТНОШЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФЕНОМЕНА «СОЦИАЛЬНОЙ ГАРМОНИИ»

Ю. П. Середа

Современная реальность в совокупности своих и глобальных, и локальных тенденций ставит на повестку дня перед социально-гуманитарным знанием проблему определения и формирования новых горизонтов развития человечества в (миро)созидающем, гармонизирующем ключе. Одна из целей в решении данной задачи – конструктивное согласование многообразия социального как такового в его соотношении с различными социальными системами и субъектами. В виду обновления контекстов функционирования социальных систем, подсистем и структур, а также поиска альтернатив техногенному и сверхпрагматичному миру стремительно возрастает объективная потребность в незамедлительной актуализации стратегии сбалансированного развития социума или, по-другому, «социальной гармонии», как на уровне внутренне-субъективном (индивид, его сознание, поведение, социальные практики), так и внешне-социальном (социальные группы, подсистемы общества, социальные институты и акторы).

Динамика социума 21 века, предполагающая в качестве своих приоритетных структурных принципов устойчивость, сбалансированность, оптимизацию социального в его допустимой полноте, может координироваться с помощью комплекса социально-культурных кодов-регуляторов, формулирующих и транслирующих так называемые стабилизационные установки и значения. Такой проект социального развития может быть понят и сформулирован именно на основе стратегии «социальной гармонии». В этом смысле актуальный уровень социально-философской интерпретации феномена «социальной гармонии» базируется на понимании современного общества как преимущественно вероятностной системы, способной к самоорганизации и самосохранению, в ходе социальной эволюции которой реализуются не все потенциальные возможности, а

непредсказуемость тех или иных событий является общей исторической закономерностью. Так, сущность социальной гармонии выражается через закономерности динамического равновесия социальной системы как таковой.

Следует также отметить, что в основе взаимоотношений на всех уровнях между двумя структурными системами социальной реальности «человек» и «общество» лежит аксиома: «индивидуальный шифр» каждого человека и законы функционирования и воспроизводства социума оказываются в критической степени несовместимыми. Однако факторы социальной эволюции выступают в качестве объективного катализатора формирования приемлемых форм и способов соотношения общественного и индивидуального, в том числе в их положительной динамике. Комплексное рассмотрение таких теоретико-методологических концепций взаимодействия человека и общества, как социоцентризм и антропоцентризм, показывает, что каждая из них неоправданно редуцирует многомерность своей приоритетной системы до базового уровня и интерпретирует ее (систему) в качестве самодовлеющей, противопоставляя ее природному и антропологическому (в случае общества) или природному и социальному миру (в случае человека). Реалии современных обществ указывают на непродуктивность методологической установки на упрощение какой-либо из систем, а также неадекватности данных концепций для разработки теоретической модели социальной эволюции, отвечающей современности и задачам развития человеческой цивилизации в контексте острой потребности снижения поляризации между системами «человек» и «общество».

Современные общества (преимущественно западноевропейские) в силу специфики своего функционирования в отношении индивида выдвигают в качестве приоритетной задачу с двойной перспективой и априори невыявляемыми результатами: а) ориентация на самого себя как проблема перманентной личностной самоидентификации; б) стремление выразить себя во внешнем мире как проблема встраивания / включения в социальную систему. Можно сказать, что социальное измерение (его конкретные формы, характеристики, масштабы) сущности современного человека оказывается превалирующим параметром в процессах собственного индивидуального самоопределения. В этой связи деятельность индивида в социуме рассматривается сквозь призму осознания им базовой потребности в постоянной активной / пассивной включенности в ограничивающие реалии социального порядка в качестве одного из главных его субъектов. Иначе индивид оказывается исключенным из социального, что является не менее трудным испытанием для его субъективности. Несомненно, в поисках деятельностных императивов социальной гармонии как теоретической модели сбалансированной социальной эволюции, необходимо рассматривать общество как единый, целостный организм, основным ориентиром которого является принцип социального равновесия, принцип социальной ответственности и солидарности. В этой связи представляется, что в контексте разработки стратегии гармоничного развития общества в 21 веке необходимо актуализировать саму проблему человека как проблему оптимального соотношения внутренних и внешних факторов, определяющих само существо человека (биологическая природа, социальная среда, воспитание, самоидентификация). С этих позиций контурно высвечивается следующий круг социально-философских проблематизаций: индивидуальность / субъективность, конфликт личности и общества, проблема жизни и смерти, проблема внутренней дисгармонии личного мира человека по отношению к внешнему миру (феномен «социальной смерти»), «привычка» к современности и т.д. Также отметим, что, несмотря на наличие в современных обществах относительно устойчивого ряда социальных диспозиций, участвующих в процессах личностного самоопределения, можно выявить и зафиксировать компонент, структурно невстраиваемый в этот ряд. Таковым является феномен личностной свободы, который позволяет каждому предпринимать по-

пытки преодоления социального конформизма в своем индивидуальном формате.

Однако сегодня набирают обороты процессы все большей индивидуализации, которая не является ресурсом для активного саморазвития индивида, открывающим новые возможности, альтернативные траектории для его самореализации. Главным образом, это негативная тенденция, направленная на стратегическое затушевывание воздействия на индивида объективных социальных факторов и противоречий. Как это ни парадоксально, но в своем стремлении «освободиться» от бремени социального индивид не становится более свободным и самостоятельным. Сегодня можно констатировать появление феномена массового индивидуализма как выражение в социальной практике тенденций на «разносторонние» попытки (не выходящие в своей актуализации за рамки обустройства частной и повседневной жизни) каждого индивида конструировать и устанавливать свои «свободы», расширять свои возможности. Но только при первом приближении нам кажется, что здесь нет подводных камней, и мы действительно становимся участниками и свидетелями освобождения человека от социальных «оков». Более детальное рассмотрение феномена индивидуализации позволяет определить, что процесс формирования так называемого «своего» индивидуального мира – это обязательная, т.е. неизбежная практика для индивида как социального субъекта. В своей смысловой развертке данный феномен констатирует, что у современного индивида практически нет возможности обрести цельность и устроенность своей жизни, он обречен на перманентные поиски себя, на тщетные попытки определиться со своими «глобальными» личностными целями и сместить вектор индивидуализации в сферу общественного бытия.

Таким образом, социум, формирующийся под натиском качественных трансформаций в макросоциальном масштабе, предъявляет к человеческой размерности бытия повышенные требования в плане активного действия: выбора способов поведения в непредсказуемо и стремительно меняющихся обстоятельствах, конструирования персональной системы ценностей и идентификационных структур. Именно поэтому на первый план выходит человек (не технологии, не истина, не вера) как основополагающий субъект социальных действий и основная точка опоры в попытках современного гуманитарного знания разработать ряд стратегических ореинтиров / решений / программ гармоничного развития общества.

Работа подготовлена при поддержке БРФФИ, договор № Г12–105 от 15.04.2012 г.

От модернизации системы хозяйствования – к императивам нравственной экономики

ТРАНЗИТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А. И. Лойко

Социальную динамику в начале XXI столетия формируют партикулярные структуры, образующие различные топологические конфигурации на уровне глобальной кооперации. Одну из таких топологических конфигураций создают Россия, Казахстан, Беларусь. Она охватывает евразийское пространство, в рамках которого существует перспектива межкультурной кооперации транзитивного типа, учитывающая интересы КНР и Евросоюза. Стратегии макроэкономической деятельности на основе ресурсов регио-

нов создают тематику, касающуюся соотношения национального и глобального в контексте идентичности. Особенно эта тема актуальна для постсоветских государств, оказавшихся в ситуации массированного информационного давления, осуществляемого маркерами массовой культуры социальных сетей. Открытое пространство идентичности может быть устойчивым, если оно самодостаточно благодаря духовным и нравственным основаниям, представленным гуманитарными ценностями. Если национальное пространство не обеспечено такой основой, то в нем остро формулируется проблема безопасности аутентичной культуры. Об актуальности проблемы свидетельствуют примеры деградации гражданского общества в государствах, не обеспечивших реализацию доминантных ценностей национальной консолидации в рамках решения задач модернизации общества. В Беларуси исторически накоплен значительный опыт выработки и доминантного функционирования в обществе духовно-нравственных ценностей толерантности, веротерпимости, положительной комплиментарности. Важную роль сыграл период Возрождения, пребывание страны в европейском пространстве транзитивного диалога различных религий, систем нравственности. Однако этот ресурс не должен успокаивать, поскольку факторы транзитивного воздействия на общество трансформировались в трансграничные контакты на уровне социальных сетей. Такой уровень кооперации предполагает наличие культурной основы в виде не только национальной, но и региональной идентичности, культивируемой общественным сознанием. На постсоветском пространстве идет активный поиск концепций, соответствующих интенциям евразийской идентичности. Эти поиски дали определенные результаты, которые требуют осмысления.

Макроуровень анализа идентичности в условиях глобализации все больше соприкасается с микроуровнем индивидуальной идентичности, оказавшейся в условиях значительных возможностей свободного перемещения, смены места жительства и работы, жестко не регулируемого традициями гендерного самоопределения. Одновременно со значительными возможностями для индивидуальной самореализации актуализировалась проблема сохранения нравственного тождества с самим собой. Эта проблема специализировалась через понятие Интернет-идентичности, в рамках которого анализируются вопросы самодостаточности индивида в интерактивном пространстве информации, диалога. Это пространство насыщено симулякрами, технологиями манипулирования, теневыми интересами. С точки зрения гуманизма и антигуманизма социальные сети амбивалентны. Пока эти сети формировались, к ним не применялись критерии ответственности. Пользователи наслаждались более ценной для них возможностью свободы, собственного позиционирования. Для его осуществления они активно пользуются существующими в массовой культуре вестернизированного содержания образами героев, сюжетов, поведения, семиотики, игровой практикой виртуальных решений. Практически никто не замечал, что в атмосфере непрерывно задаваемых Интернетом образцов для индивидуального сознания шло тестирование на микроуровне базовых доминант самотождественности личности, предствленных гуманитарными ценностями. Ключевыми стали вопросы адекватности и аутентичности повседневности, ее трансформации в контексте техногенных факторов артефактной эмансипации (компьютерной, мобильной, мультимедийной).

Техногенные инновации на потребительской стадии их реализации создали маркетинговые технологии активного воздействия на базовые структуры индивидуального сознания на уровне повседневности. Брендинг стал одной из технологий тестирования индивидуальной идентичности, поскольку он через утилитарную реальность стал ассоциироваться с определенным образом жизни, социальной стратификацией. В такой ситуации важным обнаружить границу между заимствованиями и устойчивостью иден-

тичности. Очевидным является то, что многие поколения людей маргинального типа столкнулись с кризисом идентичности. Те, кто это увидел, как устойчивую тенденцию составили социальную основу неоконсерватизма, радикального национализма. Эти особенности получили развитие на мультикультурном уровне социальной жизни. В результате идентичность стала синтезировать содержание, ставшее характерным для индивидуального и общественного сознания. Очевидно, что ни национальные, ни региональные координаты идентичности не могут отменить влияния на личность техногенной глобализации и вызываемого ею роста влияния традиционалистких движений, связанных, в первую очередь, с исламом. Все эти тенденции свидетельствуют о значительной трансформации механизмов культурного детерминизма. События в районе Ближнего Востока, создавшие образ африканской дуги, показывают как стремление арабских наций, представленных эмансипировавшейся под влиянием Интернета молодежи, к техногенным ценностям способствует усилению роли исламского фундаментализма в завершающей стадии реализации политических процессов. В результате нации теряют устойчивость макроэкономических показателей, а политическая жизнь становится предметом внешнего вмешательства и контроля. Совокупно речь идет о кризисе идентичности. Косвенными жертвами этого кризиса становятся соседние государства, в которые мигранты приносят предпосылки для роста напряженности. Так произошло с Ливаном и с Сирией. Под угрозой находится Иордания.

Евразийский регион все чаще сталкивается с внешними факторами глобального давления через социальные сети, институциональные ресурсы Евросоюза и США. Поэтому тема идентичности, культурного детерминизма, конструктивных технологий кластерного развития является основной для общественного сознания.

Республика Беларусь находится на этапе экономической модернизации, характеризующемся задачами эффективного использования ресурсов, производственной базы, науки, человеческого капитала. Эти задачи созвучны национальным программам России. Интересы государств детерминирует региональная инфраструктура, созданная в советский период в рамках реализации стратегии полного инновационного цикла. Оба государства заинтересованы в совместной деятельности с Казахстаном, располагающим значительными ресурсами наукоемкой деятельности.

Кооперационные усилия отражают общую тенденцию в рамках современной культурной географии к регионализации деятельности, межкультурному диалогу. Подобные процессы имеют место в Европе, Северной и Латинской Америке, Азии. Регионы нуждаются в высокотехнологичной деятельности, способной обеспечить оптимальное соотношение производства и потребления, смягчить последствия экономического кризиса. Оригинальный проект кластерного комплекса разработан в России. Расширяющаяся география инновационных кластеров, в свете социальной философии партикулярных структур, предполагает изучение адаптационного ресурса новой методологии с позиции применения в пространстве различных идентичностей. Основное внимание нами будет сосредоточено на европейской и евразийской идентичностях, находящихся на стадии адаптации к новым условиям региональной деятельности. В стабильности этих регионов заинтересованы остальные участники глобального клуба. Это обусловлено тем, что эти регионы являются крупными рынками потребления продукции. Их стабильность является важным условием экономического роста. Россия к тому же является крупнейшей ядерной державой, одним из основных поставщиков энергоносителей в Евросоюз. Это государство обеспечивает стабильность в Средней Азии. Поэтому наряду с европейской идентичностью так важно изучать евразийскую идентичность.

Наиболее убедительным сущностным проявлением самотождественности социальной системы является экономическая идентичность. Она конституируется через ме-

ханизмы индустриализации и модернизации. На каждом из этих этапов деятельности важную роль играет духовно-нравственная основа народа. В свое время эта основа в виде протестантской этики труда сыграла важную роль в формировании культуры Северной Америки. В евразийском регионе идет активный процесс синтеза различных модификаций нравственной культуры на основе положительной комплиментарности. Конструктивность этого направления деятельности гуманитариев подтвердила проводившаяся в БНТУ в рамках фестиваля «Наурыз мейрамы» конференция «Туровский, Абай, Гумилев, Конфуций, Боливар, Гете: роль Беларуси в философском диалоге современных культур». Это подтвердила также проведенная российскими и белорусскими учеными в Тамбове международная научно-практическая конференция «Духовно-нравственная культура как фактор модернизации российского общества XXI века (Третьи Хайкинские чтения)».

НАУКА – ОБРАЗОВАНИЕ – ЭКОНОМИКА: В ПОИСКЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИМПЕРАТИВОВ (К МОБИЛИЗАЦИОННОМУ СЦЕНАРИЮ КРЕАТИВНОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОРЫВА)

Э.М. Сороко

Сегодня с самых высоких трибун все чаще звучат призывы к творческим людям, и в первую очередь к тем, кто занят в сфере научных исследований, в разработке проектов, более эффективно подвигаться к созданию такого продукта, который бы гарантированно давал «технологический прорыв» в экономике. Иными словами, особенно востребованы такие инновационные идеи, которые значительно сокращают путь поиска принципиально важных, новаторских решений, способных обеспечить создание таких стратегичесих ориентаций и решений, мыследеятельностных находок, поворотных направлений, мировоззренческих установок, действенных принципов, фундаментальных теорий, оригинальных концепций, моделей, которые действительно эффективно были бы приложимы в практических делах, придав им импульс ускорения, гарантирующих существенный, а может быть даже и не один, «эффект технологического рывка». И чтобы это произошло – более того, чтобы совершалось в стационарном, если не циклическом, режиме, – начинать следует, очевидно, с оснований, которые подлежат пересмотру в соответствии с новыми требованиями времени, и требуют корректив адекватно новым установкам эпохи. Ибо, как свершено справедливо говорил Генрих Гейне, новый век приносит и новые глаза. Эта истина может быть выражена и другими словами, почерпнутыми из кладезя народной мудрости: новое вино в старые меха не наливают. А чтобы надлежащие условия для таких преобразований в сфере научного поиска появились, и предпосылки для подобных технологических изменений стали явью, важно следовать уже апробированным рекомендациям, хотя бы тем, которые в свое время были сформулированы как высказывания небезызвестного Козьмы Пруткова: «Зри в корень!». Это лапидарное замечание, простое и ясное, задает на вышеозначенном поприще точки революционизирующих инъекций, даже если принять во внимание хорошо известное: всякое новое есть хорошо забытое старое.

Сегодня наука, равно как и мировоззрение, представляет собой множество бинарных оппозиций, в качестве сторон которых, в зависимости от тех или иных отношений, задающих структурные сечения, или срезы, множество видеть: материализм (т.н. «линия Демокрита») и идеализм («линия Платона»); естественные науки и науки гуманитарные; знание специфицированное, узко-дисциплинарное, предметное, аспектное, частно-

научное, профилированное – с одной стороны, и метазнание, обобщенное, трансдисциплинарное, инвариантное по отношению к предметной специфике, универсальное (философ, по словам Ортега-и-Гассета, есть «специалист по универсумам») – с другой; знание аналитическое, получаемое в результате анализа целого (посредством разбиения его на части), или *отдельного объекта* как иерархически устроенной системы, и знание синтетическое, получаемое посредством сведения воедино, в одно целое, *объектов как систем* и т.п.

В донаучный период, период мифологии и становления религиозных учений, который иногда называют периодом преднауки, прерогативой выработки знания были во многом сакрализованные положения, утверждения, истины. Сама религия, аккумулировавшая здравый смысл поколений, добытое знание рассматривала как знание сакральное, подлежащее охранению от масс в его истоках и основаниях, во имя поддержания авторитета и власти жрецов, владеющих этим знанием, лишала его доказательной базы. А получившие известность первые философские учения, даже такие, как система Эпикура, по словам К. Маркса, были вместе с тем и религиями. Но и здесь, в религиозном символизме фигур можно увидеть в трансформированном виде то, что позднее, в эпоху канонизации научных истин, оснований, философских учений, разработанных методологических платформ, доктрин, парадигм, обрело прозрачность и вполне ясные очертания. Например, Бог-Сын символически олицетворяет материальное начало мира, Бог-Дух – Идею, Сознание, Духовность. Соответственно, впоследствии учение о материальном мире, о природе, благодаря разработанной Аристотелем логике, вообще, – метафизике, как платформе для создания различных специфицированных аналитических областей знаний («логий»), канонизированно получило расширенную трактовку, разветвилось в виде множества профильных областей знаний, всевозможных «логий». Точно так же и учение о человеке, его сознании, духовности, нравственности, этике, морали, социальным нормам, отношениям общения, обрело развернутые трактовки аналогично тому, что собой представлял в религии Бог-Дух.

Констатируя неразрывную связь «двух природ», естественной и социальной, нередко приводят слова великого немецкого философа Иммануила Канта: «Две вещи на свете наполняют мою душу священным трепетом – звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас». Поистине это два связанных друг с другом мира, – внешний и внутренний, за сохранение которых человек несет ответственность в качестве наделенного разумом космического существа. Но есть также великий принцип фрактальносоти, согласно которому реальные явления обладают самоподобием, и повторяются, но в различных масштабах. И если, согласно распространенной гипотезе, Вселенная возникла в результате Большого Взрыва, то не будет ли подобное же совершаться, согласно единому принципу мирового устройства, также и в микромасштабе (принцип Гермеса-Трисмегиста и Демокрита: «вверху все так же, как внизу»), когда человек, собирая силы и строя коллайдеры, однажды превратит Землю в одну из новых звезд, что нередко вспыхивают в просторах космоса близ светил, подобных нашему Солнцу. Джеймсу Джинсу, автору оригинальной версии образования Солнечной системы, принадлежит такое сравнение: наша планета представляет собой бочку с порохом и нужен лишь достаточно высокотемпературный фитиль, чтобы та взорвалась. И тревожный звоночек на сей счет уже прозвенел: Чернобыль. Символично, что курировавший этот проект академик Е. Велихов незадолго до этой катастрофы опубликовал в сборнике «Будущее науки» статью, апокалиптически назвав ее – «Зажечь звезду». Но не будем далеко уходить за эти мрачные горизонты, дабы не навлечь на себя упреков со стороны просвещенных физиков.

Мы отметили наличие в современной науке и мировоззрении следы, точнее пре-

вращенные формы, лишь двух ипостасей – Бога-Сына и Бога-Духа, символизирующих материю и идею, а соответственно и два рода философских учений – материализм и идеализм, соответствующим образом формирующих, или предзадающих, также и экстенсивный и интенсивный факторы в становлении узко-предметного, дисциплинарного, специфицированного знания. Бинарная оппозиция «материя–сознание», а соответственно и два рода наук – науки о природе науки и человеке – выделены в отдельные отрасли. А каким же основаниям в научных представлениях о мире, или какому роду наук соответствует Бог-Отец, который в сочинениях Платона фигурирует под именем Архитектор, Демиург. Он же по всей логике «первее» Бога-Сына, а значит и учение его должно быть более фундаментальным. Обратившись к «Началам» Евклида находим, что там теоремы несут в себе искомый отпечаток: *theo+rema* = Слово Бога. Именно математические теоремы и сотавляли то Слово Бога, которое Было в Начале, а не какое-то иное мифическое Слово, как это иногда попы преподносят трактуя Библию и ссылаясь на изложенное в «Евангелии от Иоанна» (Ин 1:1–3). И это Слово поистине достойно Начала, ибо зиждется на логике и потому вполне доказательно, а следовательно неопровержимо, в силу чего названное сочинение Евклида, которое, по свидетельству Ван-дер-Вардена, на 2/3 написано пифагорейцами, можно рассматривать как «Приложение к Библии». Оно представляет собой основной свод знаний Бога-Отца, Демиурга, – манускрипт-проект, где изложены премудрости того, как строить мир: знания о том, как Бог-Отец мог бы выполнять свою основную миссию Созидателя Мира. И, надо сказать, что пифагорейцы со своими Богами-Числами знали толк в теоремах, как основаниях для проектов чего бы то ни было, достойных даже того, чтобы ими мог пользоваться Бог в своих геометрических расчетах строительства мира и преосуществлениях их, претворениях в реальность на конкретном материале.

Что же получается въявь в современной науке: есть материализм и идеализм, есть естественное и духовное (человеческое), которым соответствуют Бог-Сын и Бог-Дух, и нет Третьего, что бы соответствовало Богу-Отцу?

Можно было бы полагать, что это Третье есть Математика, но то было бы, как ни парадоксально, слишком узко, ибо математика охватывает ныне лишь хорошо формализованные отношения, а содержательное, – то, например, что каждодневно наличествует в обиходе человека, ей не подвластно. И тогда в роли этого Третьего следует признать Информацию, которая в дополнение к Материи и Сознанию (Идее) и фигурирует в качестве этого Третьего. Так, по крайней мере, поступили Норберт Винер и Уильям Росс Эшби, веля Информацию в качестве третьего независимого основания в обоснование и интерпретацию всего сущего, включая и человека. Информацию они понимали в двух смыслах (следствие действия универсального принципа раздвоения единого, которому подвластно все в этом объективно данном и субъективно представляемом мире!): *функциональном* – как сведения передаваемые по каналам связи и управления, и *структурном* (или *атрибутивном*) – как ограниченное разнообразие. Если в первом смысле информация прижилась и, по инерции, ведущей начало еще от Аристотеля, исправно функционирует в ментальном пространстве человека, давая реализацию наращиванию аналитического, детерминистского подхода в познании и строительстве наук и как бы следуя указанию Екклесиаста «время разбрасывать камни», то во втором смысле, в понимании информации как ограниченного разнообразия, что адекватно синтезу научного знания (и наступившему давно «времени собирать камни»), – что называется, «тишь да благодать».

Какова же роль ограниченного разнообразия в формировании структурной политики государства, в построении инновационных технологий, в получении кардинальных, новаторских решений самого различного толка и пр.? Она огромна, и это в про-

шлом понимали крупнейшие мыслители человечества. Сошлемся на некоторые из таких свидетельств. Анализ, расщепление объекта на причинно-следственных основаниях, детерминизм лауреат Нобелевской премии Илья Пригожин в современных условиях и ситуативном пространстве развития научного знания уподоблял «карикатуре на науку». До него Гегель высказался об анализе (или способе разбиения целого на части с последующим исследованием каждой из них порознь), как не обладающем статусом всеобщности: «Части лишь у трупа», – бросил он на сей счет. А еще ранее Иммануил Кант твердо определил свою позицию в этом вопросе соотношения анализа и синтеза. «Анализ не дает знания, знание дает синтез», – утверждал он [1, с. 85]. Синтез же действует над тем, что представляет собою многое, совокупность, разнообразное, разномасштабное, дифференцированное по весовым признакам, ансамбль, производя единение через простоту.

Гегель полагал, что «живопись должна развиваться в сторону большего разнообразия и контрастов своих сюжетов, будь то естественные объекты или человеческие фигуры. Это осуществляется живописью благодаря принципу внутреннего и внешнего многообразия, используемого ею для раскрытия в определенных чертах ситуаций, случаев, конфликтов и поступков; *одновременно задачей живописи является расчленять эти пестрые разрозненные элементы и смыкать их в гармонической целостности* (курсив наш – *Э.С.*), в связи с этим одним из важнейших требований выставляется соответствующая целям искусства постановка и *группировка* образов» [2, с. 70]. Словом, в придании изображаемому целостности важнейшее значение приобретает *принцип композиционности*, который является особым случаем более общего *принципа когерентности*, позволяющего выделять множества эквивалентных классов множеств, отождествлять в каком-то определенном отношении области пространства с одним и тем же значением их интегральной характеристики. А такого рода задача – это всегда *работа с разнообразием*: его оптимизация, гармонизация, центрирование на некой идее или замысле, образе или коллизии, иерархизация значимостей и удельных весов вовлеченных в процесс субъединиц и их взаимное согласование как масштабно разновеликих и разнозначных в смысловом отношении. Отсюда естественно требование меры, которая, будучи введенной в конечной области действительности как локальном универсуме, и совершает эту работу гармонизации разнообразия. Преодоление же противоречия конечного и бесконечного, рационального и иррационального предлагает развившаяся в последнее время теория фрактальности структур. «Смыкать» разрозненное «в гармонической целостности» и означает, по Гегелю, достигать системного качества, единства, удовлетворяющего принципу меры, а точнее – одному из ее узловых значений, ибо для меры, интегративно выраженной, характерен закон степеней. И эта «миссия смыкания» разнообразия, приведения его к единообразию, к единству, для субъекта-творца реализуется на всех уровнях его деятельности и в разнообразии всех ее специфик и профилей, будь то предметы искусства или создаваемые в производственных процессах сложносоставные предметы потребления, композиты. «Только тем, что определенность меры побеждает и упорядочивает произвольно неравное, она раскрывает себя как единство и правило случайного многообразия. Поэтому определенность должна вобрать многообразие в себя самое и заставить единообразие проявиться в *неединообразном*» [*2*, с. 118]. Из контекста изложения «Науки Логики» следует, что мера в понимании Гегеля является главным моментом, целью процесса всякого становления, а гармония, как пришли к выводу некоторые современные философы, есть цель всякого процесса эволюции сложных систем в природе и обществе. В частности и поэтому «развитие меры... – как признался Гегель, – есть один из самых трудных предметов исследования» [3, с. 422].

Естественно, что понимание и меры, и процесса ее становления, и закона, кото-

рый управляет этим процессом, вызывает значительные трудности, отмеченные еще Гегелем. Он, тем не менее, нашел, что в самом общем случае закон развития меры есть закон степеней. Определяя основания закона развития меры, Гегель ориентировался только на онтологию, найдя предельно простой и ясный путь вывода: «*Собственно имманентным качественным моментом определенного количества служит... лишь степенное определение*... Если внешне определенное количество изменяется в арифметической пропорции, то специфицирующее воздействие меры порождает другой ряд, который соотносится с первым, возрастает и убывает вместе с ним... согласно некоторому *степенному закону* (курсив наш – *Э.С.*)» [*3*, с. 431].

Мера, гармония, качество, синтез, интегральная характеристика системы как параметр порядка, сводящий многообразие к единообразию, – вот понятия, в кругу которых происходит становление науки управления качеством сложных систем, в частности – науки изготовления человеком сложного продукта-композита, оценки выдвигаемых инициатив, диагностики состояния человеческого организма или состоящих из многих компонентов экологических целостностей, разрабатываемых проектов, формируемых организаций и производств, и в целом – всеобщей науки управления процессами структурных превращений. Инструментом индексации, диагностики, распознавания и селекции образов здесь и служит интегральная характеристика, «заякоренная» на определенный узел меры как инвариант-аттрактор. Нормированная на единицу, она относится к разряду известных из синергетики «*параметров порядка*», позволяющих «упростить сложную задачу: вместо большого числа переменных… мы можем рассматривать лишь одно уравнение» [4, с. 62], что по сравнению с приемами и методами классической науки (например, механики, которая до сего времени никак не может одолеть так называемую «задачу трех тел») дает пример гигантского скачка в продуктивности научного подхода, демонстрируя его разрешительную силу, широкие эвристические его возможности.

Необходимо заметить, что в свое время В.И. Ленин поставил аналогичную задачу своему секретарю. Если взять достаточно сложную систему с большим количеством структурных включений в качестве ее компонентов, то, чтобы выразить состояние этой системы одним показателем, наилучшим кандидатом в роли последнего будет информационная энтропия в ее релятивной форме. В свое время В. Ленин поручал секретарю найти подобный интегральный показатель (*index-number*) «для оценки состояния нашего народного хозяйства» [5, с. 122–123]. И такой показатель, выраженный интегральной мерой – относительной информационной энтропией и ее узловыми значениями, т.н. обобщенными золотыми сечениями, образующими счетную последовательность (0,500…; 0,618…; 0,682…; 0,725…) и рассматриваемыми вкупе с их антиподами, антиузлами, – мог бы служить прекрасным «социальным термометром», выявляющим в норме ли, патологии или в промежуточном состоянии находится экономика страны, а если в патологии, то в какой – острой или глубокой. Для тех времен господства детерминизма это была непосильная задача. Сегодня такой метод интегральной оценки состояния сложных систем и распределений как статистических ансамблей предлагают синергетика и гармонистика, органично вобравшие в себя основные идеи квантовой теории в ее макроварианте, еще подлежащем разработке. Основная идея квантовой теории, ортогональное разложение единицы, тут налицо.

На существенную, основополагающую роль разнообразия указывал также Лейбниц. Им развивалась концепция разнообразия, как определяющий фактор совершенства сложного целого. «Существует наибольшее совершенство, – утверждал он, – так как это не что иное, как наибольшее количество реальности... Совершенство надо относить не к одной только материи, т.е. к тому, что заполняет время и пространство, количество чего

так или иначе оставалось бы одним и тем же, но и к форме, т.е. к разнообразию» [6, с. 235]. «Наибольшее количество реальности», то есть наиболее оптимальная организация, адекватная естественному состоянию материальной системы, тождественна у Лейбница наибольшему совершенству этой системы, а следовательно, простоте связи структурных составляющих, экстремальности значений неких важных факторов ее самореализуемости, гармонии ее формы, строения и действия. Таким образом, им были развиты представления о том, что соотношение разнообразия (многообразия) и ограничивающего его единообразия в системах всегда диалектично, если наличествует основание процесса взаимодействия этих противоположностей. В противном случае нет *общности рода* в сущности связываемых воедино вещей, в совокупности своей образующих разнообразие, а следовательно, нет и феномена системности, и структуры как единого целого.

Но только ли с Лейбница начинается повышение пристального интереса к феномену разнообразия? Отнюдь! Решающую роль разнообразия в качестве самостоятельного активного начала, проявляющего свою безусловную значимость и свою необходимость в природе, в функциональном обустройстве жизни, в духовном универсуме человека, наиболее проницательные мыслители прошлого констатировали еще в античную эпоху, но истоки его видели в высших силах. Такова, к примеру, позиция Оригена, который считал, что «в мире существует разнообразие» (Ориген. О началах, II, 9:5), но причину его относил к Промыслу Божьему.

В социальном бытии, политической жизни, системе управления государством, в экономике, культуре, других сферах человеческого бытия разнообразию придавали исключительно большое значение не только в Древней Греции, Древнем Египте, где в орнаментах тех времен ныне находят все возможные 17 групп симметрии (некоторые из них далеко не очевидны), но даже и в Древнем Китае. Так, в одном из древнекитайских трактатов, «Речи Царств» (V в. до н.э.), можно прочесть о пагубности свертывания разнообразия: «Хуан-гун спросила: "Ждет ли дом Чжоу гибель?". Историограф Бо ответил: "Он уже на краю неизбежной гибели". В Тай-ши говорится: "Небо непременно следует тому, чего хочет народ". Ныне чжоуский ван, отстранив от себя мудрых и прославленных, благоволит к клеветникам, развратникам и невеждам… приближает к себе порочных, глупых, дурных и упрямых, отвергает создающее гармонию и предпочитает единообразие. А ведь гармония, по существу, рождает все вещи, в то время как единообразие не приносит потомства. Уравнивание одного с помощью другого называется гармонией, благодаря гармонии все бурно растет, и все живое подчиняется ей. Если же к вещам одного рода добавить вещи того же рода, то тогда вещь исчерпывается, от нее приходится отказываться» [7, с. 240–241].

Фактору разнообразия, как средству выживаемости биологических видов, уже в Новое время большую роль отводили создатели теории эволюции. Характерно, что именно совершенство животного и растительного организма или группы организмов напрямую связывалось со структурным и функциональным разнообразием их органов в теории естественного отбора. Автор ранней версии этой теории, Ч. Дарвин, хотя и не видел подлинного действующего начала в процессах самоорганизации, приводящих систему (организм) к совершенству, тем не менее, констатировал самый очевидный для него факт: «Окончательный результат выражается в том, что каждое существо обнаруживает стремление сделаться все более и более совершенным по отношению к окружающим его условиям. Это усовершенствование имеет неизбежным последствием постепенный прогресс организации наибольшего числа живых существ во всем мире. Но здесь мы вступаем в область очень запутанного вопроса, так как натуралисты до сих пор не предложили удовлетворяющего всех определения того, что следует разуметь под этим понятием о более высокой организации... Мерило, предложенное фон Бэром, по-

видимому, наиболее применимо и представляется наилучшим, именно: степень дифференцирования частей организма (я бы прибавил во взрослом состоянии) и их специализация по отношению к различным отправлениям или... степень полноты физиологического разделения труда» [8, с. 169]. Дарвин здесь говорит о разнообразии («организации») не «вообще», а в отношении к чему-то, в аспекте соответствия структуры и функции.

Что же касается жизненного потенциала сообщества или популяции, то, «группа животных, организация которых представляет мало разнообразия, вряд ли выдержала бы конкуренцию с другой группой, организация которой более разнообразна... Измененные потомки какого-нибудь вида будут иметь тем более успеха, чем более они будут разнообразны в строении, приобретая таким образом возможность завладевать местами, занятыми другими существами» [8, с. 161–162]. Здесь ограничений на рост разнообразия не накладывается, понятие меры разнообразия отсутствует.

Между отдельным организмом и видом (популяцией). Дарвин проводит в данном смысле более чем прямую аналогию в механизме приспособления, усматривая сходство в сущности: «Преимущества, доставляемые обитателям одной и той же страны разнообразием их строения, в сущности те же, которые доставляются индивидуальному организму физиологическим разделением труда между различными его органами», подчеркивая, что «выгодность разнообразия в строении, сопровождаемого различием склада и образа жизни» [8, с. 161]. Наблюдение готового результата природы позволяет ему, не поднимая вопрос о мере, сформулировать своего рода принцип максимума функционального действия, отвечающего максимуму структурного разнообразия, т.е. придти к взаимному соответствию этих факторов: «Истинность положения, что наибольшая сумма жизни осуществляется при наибольшем разнообразии строения, оправдывается во многих случаях при естественных условиях» [8, с. 160]. Это утверждение Дарвина некорректно, а «в общем и целом» оно неверно: точнее будет сказать, что наибольшая сумма жизни осуществляется при оптимальном разнообразии, гармонично сочетающем в себе единообразие и многообразие, и эта гармония центрирована узлами меры.

Из сказанного следует, что качество производимого сложносоставного продукта как целого предопределено такой структурной организацией его составных частей (компонентов), которое удовлетворяет оптимуму соединения крайностей, единообразия (детерминистичности) и многообразия (стохастичности), когда налицо гармоничное распределение весовых характеристик этих компонентов, что можно устанавливать по значениям такой системной интегральной характеристики, как информационная энтропия, представляющая собою меру состояния этого распределения как ансамбля. В одном случае такой ансамбль может являть собой какофонию, будучи центрирован антиузлом меры, или пучностью, на узловой линии мер, и тогда о качестве целого помышлять не приходится; в другом же случае, когда ансамбль центрирован узловым значением этой меры, т.н. обобщенным золотым сечением, налицо будет «симфония» в распределении удельных весовых характеристик составляющих (структурных компонентов) и тогда мы вправе ожидать высокого качества производимого продукта как целого сложного состава, композита. Вариации здесь возможны и по количеству членов «ансамбля» и по их объемным параметрам – весовым характеристикам.

Сегодня уже можно сказать, что данный принцип и данная технологическая процедура верификации (диагностики состояния) сложносоставного целого в своем содержательно-семантическом статусе обладает гораздо более широким диапазоном действия, нежели доселе могло казаться, ибо ничем не выказывает своей сугубой специфичности ни на одном конкретном разнородном материале [9]. Напротив, они могут быть признаны эффективными также и во всех других видах практики как искусства со-

зидания: программирование, проектирование, структурирование деятельности, производство целого сложного состава, диагностика состояний экологических систем, управление экспериментом, гармонизация организаций сложных формировавний, разного рода ценозов в природе, технике, экономике.

Из всего здесь сказанного следует, что данный путь управления качеством в производственных процессах, должен войти в университетские образовательные программы, неотъемлемой составляющей их профподготовки, какой бы профиль образования они ни избрали. В свое время один из последних съездов КПСС, получивший название «съезда качества», ставил задачей овладеть проблемой управления качеством в широком спектре практик. Был утвержден на всесоюзном уровне и т.н. «знак качества». Однако поставленная проблема в общем плане не была решена ввиду отсутствия должного уровня знаний и методов данного профиля. Сегодня такие знания есть, и дело лишь за малым – сделать их достоянием широкой студенческой аудитории безотносительно к тому о каком университете или факультете идет речь: все сказанное относиться к разряду трансдисциплинарного, универсального знания метанаучного типа, подразумевающего широкий спектр приложений.

Литература

1. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1993.
2. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике. Кн. 3 // Соч. – М., 1958. Т. XIV.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: В 3 т. – М.: Мысль, 1970. – Т. 1.
4. Хакен, Г. Синергетика: Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах / пер. с англ. – М.: Мир, 1985.
5. Ленин В.И. Записка секретарю Попову // Полн. собр. соч. Т. 53.
6. Лейбниц, Г. Порядок есть в природе // Соч.: В 4 т. – М.: Мысль, 1982. Т. 1.
7. Го Юй. Речи царств. – М.: Наука, 1987.
8. Дарвин, Ч. Происхождение видов. – М.: Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, 1952.
9. Сороко Э.М. Золотые сечения, процессы самоорганизации и эволюции систем. Введение в общую теорию гармонии систем / Э.М. Сороко. 4-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

О ТОЛЕРАНТНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Р. К. Смирнов

Сегодня мы являемся очевидцами кризиса политики толерантности, провозглашенной в странах Западной Европы, осмысление причин которого на фоне процесса глобализации, становится все более актуальной задачей. В связи с этим нам бы хотелось рассмотреть причину этого кризиса с точки зрения логики развития экономического сознания, посредством решения следующих взаимосвязанных между собой задач:

– кратко обозначить основные этапы в развитии экономического сознания;

– определить свойственный для каждого из них принцип, характеризующий отношение экономического человека к окружающему его миру;

– кратко рассмотреть вопрос соотношения этих принципов, и на основе этого сделать вывод о возможности решения поставленной проблемы в рамках современного буржуазного общества.

Предваряя наше последующее изложение, хотелось бы отметить, что мы его будем строить, исходя из формулировок понятий и сделанных выводов в опубликованной

нами работе «О векторе развития "экономического человека"».

В развитии экономического человека можно выделить два этапа: первый хронологически охватывает период примерно с позднего средневековья по середину/ конец XIX века, второй – с середины / конца XIX столетия по наши дни. Рассмотрим в отдельности каждый из них подробнее.

Первый можно определить как человекоцентричный этап. Он характеризуется тем, что буржуазный дух не подчинил еще себе личность человека. Более того, он не просто не подчинил ее, но и нуждался в ней, как источнике собственного существования. Дело в том, что товарная среда, которую порождает и существует в ней «экономический человек», не могла возникнуть без личностного начала. Так как без свободно действующей, активной, творческой личности невозможно, во-первых, разрушение основ традиционного общества с присущей ему жесткой регламентацией производственно-потребительских практик, во-вторых, организовать дело, придать ему нужный масштаб, с целью получения возрастающей в перспективе прибыли. Поэтому далеко не случайно, что возникновение «экономического человека» связано с антропоцентризмом Возрождения, эпохой гимна личностной палитре возможностей индивида.

Личность с присущим ей цельным восприятием мира, не существует вне рамок диалога, посредством которого стало возможным выстраивание горизонтальных отношений между людьми при максимальном игнорировании социальных барьеров и статусных различий между ними. Благодаря чему возникла среда для бытия «экономического человека».

Второй этап можно определить как делоцентризм, где дело подчиняет себе личность без остатка и более не нуждается в ней. Именно поэтому современная философская мысль все чаще говорит о человеке как «культурном идиоте» (Г. Гарфинкель), «машине желаний» (Ф. Гваттари), «бессубъектном субъекте» (М. Фуко), другими словами, лишь как об источнике существования производственно-потребительских практик. Здесь диалог уступает место монологу, диктату жестких правил рыночной среды индивиду, оставляющей человеку только одно право участвовать, по меткому выражению Р. Кийосаки, в «крысиных бегах», за возможность занять более высокое положение в иерархии производственно-потребительских практик.

Можно выделить два принципа, определяющих отношение «экономического человека» к миру: это диалог и монолог, где последний вытеснил первый. В связи с этим возникает вопрос, можно ли сегодня вновь вернуться к диалогу, как доминирующему принципу ведения хозяйственной деятельности. Ответ на него заключается в понимании соотношения обозначенных принципов с той средой, в которой живет и действует «буржуазный дух». Остановимся на этом подробнее.

Основу этой среды образует товарное отношение к миру, обусловленное систематичным стремлением к прибыли. Оно в свою очередь предполагает в качестве источника своего существования нужду одних (потребителей) в отношении других (производителей), причем, нужду, систематически организованную, постоянно стимулируемую, где от степени ее интенсивности напрямую зависит успешность существования буржуазного духа. Чтобы поддерживать такое ее состояние, необходимо воздействие производителя на потенциального потребителя, стимулирование в нем только одного желания – выбирать из предлагаемого ему ряда, исключая всякую возможность размышлять над необходимостью подобного сценария жизни. Отсюда в рыночном обществе происходит лишь постоянная смена ролей производителей и потребителей, но не взаимодействие (диалог) между различными категориями граждан, обогащающее смыслом внутреннюю жизнь конкретных индивидов.

Такое взаимодействие, в рамках диалога, основывается на взаимной нужде друг в

друге, которое не может быть ограничено лишь интересом дела. Вот почему возвращение к диалогу, при всей его востребованности сегодня, как принципу организации ведения хозяйственной жизни, невозможно.

Таким образом, установка на толерантность в рыночном обществе всегда будет обречена на провал. Ведь всякие попытки привести к консенсусу разнообразие ценностных систем в рамках диктата нужд «буржуазного духа», будут вести к полумерам, следствием которых на практике явится, по словам Е. Быстрицкого, предел возможного насилия над культурой. Стало быть, только отказ от ценностной модели «экономического человека» может быть единственной альтернативой поиска общекультурного взаимодействия в современном мире.

Литература

1. На путях к гуманитарному разуму). – М.: Гнозис 1991 [Электронный ресурс]. http://philologos.narod.ru/ bakhtin/ bibler_dial.htm (дата обращения 24. 04.13).
2. Быстрицкий Е.К. Конфликт культур и методология толерантности
3. Вопросы философии. 2011. № 9 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vphil.ru/ index.php?option=com_content&task=view&id=392&Itemid=52.– Дата доступа: 10. 03. 2012.
4. Зомбарт, В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека / Пер. с нем. Изд. подгот. Ю.Н. Давыдова, В.В. Сапова. – М.: Наука, 1994.
5. Леш, К. «Восстание элит и предательство демократии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://readr.ru/ kristofer-lesh-vosstanie-elit-i-predatelstvo-demokratii.html. – Дата доступа: 12.04.2013.
6. Кийосаки, Р. Богатый папа, бедный папа [Электронный ресурс]. http://aktivkyosaki.com/ knigi. – Дата доступа: 10.04.2013.
7. Смирнов, Р.К. О векторе развития «экономического человека» // Грамота. – 2013. № 1 (27). – Ч. II. – С. 166–168.

ФЕНОМЕН КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

И. В. Легостаева

Корпоративная культура в том или ином своем проявлении существует достаточно давно. Несмотря на ее значимость, в России отношение к ней имеет свою специфику: она воспринимается как средство формирования внешнего имиджа организации, а не повышения эффективности бизнес-процессов и развития компании. Последние несколько лет ознаменовались осознанием российскими менеджерами того факта, что умелое управление корпоративной культурой может стать серьезным конкурентным преимуществом организации, отсюда интерес менеджмента компаний и исследователей к практическим вопросам корпоративной культуры.

В настоящее время сложилось несколько подходов к пониманию корпоративной культуры, основанных на теориях общей, социальной и организационной психологии, философии, культурной антропологии и экономики.

Бихевиористский подход, основные принципы которого были сформулированы Ф. Тэйлором, М. Вебером, А. Файолем, определяет культуру как атрибут социальной системы. Культура выступает в качестве внутренней переменной, включающей в себя наблюдаемые образцы поведения членов сообщества, лексику и способы использования материальных объектов [13].

Таким образом, культура организации – это своего рода система принуждения к работе, для управления которой менеджменту организации необходимо разработать

«правильную» систему социокультурных и экономических стимулов – и получить желательное организационное поведение [16].

Отдельные черты гуманистических концепций управления несет феноменологический подход. Сформированный под влиянием персоналистских концепций в психологии (З. Фрейд, К.Г. Юнг, Э. Фромм и др.), данный подход провозгласил личность человека главным объектом внимания.

Психологические обоснования гуманистических концепций управления отражены в сформулированной Д. МакГрегором теории «Y», согласно которой:

1. Человек может воспринимать работу как источник удовлетворения или наказания в зависимости от условий труда;

2. Человек стремится осуществлять самоконтроль и побуждать себя к деятельности ради достижения целей организации, если у него есть чувство ответственности, психологический контракт с организацией;

3. Ответственность и обязательства по отношению к организации зависят от вознаграждения, получаемого за результаты труда, наиболее важным вознаграждением является то, которое связано с удовлетворением потребностей в принадлежности к группе, социальном признании и самореализации [11].

Феноменологический подход состоит в отождествлении корпоративной культуры с обществом: она понимается как сама ее сущность, то, что присутствует в умах членов общества: убеждения, ценности, отражающиеся в традициях, языке, культурном наследии. В этом смысле все организации являются «культурами» [12].

С середины 1950-х гг. начал складываться когнитивный подход. Истоки данного подхода кроются в психологии массового сознания и социального познания, поэтому делается акцент на исследовании когнитивных аспектов деятельности организации. Любая организация рассматривается как коллективная форма сознания, включающая в себя общие системы знаний, представлений, правил, убеждений [2] [8] [17]. Когнитивный подход испытал влияние когнитивной антропологии, изучающей субъективные значения и смыслы, которые члены культуры вкладывают в ее различные элементы, их представления о связях между элементами своей культуры, понимание окружающего мира и особенности жизни, связанные с этим пониманием. Данный аспект важен для транснациональных корпораций, поскольку именно крупные компании решают проблему сохранения целостности внутрикорпоративной среды с помощью формирования общего корпоративного духа. Когнитивный подход акцентирует внимание на организации, как системе сознательно координируемых коллективных действий, участники которых вовлечены в непрерывный интерактивный и творческий процесс.

Концепция символического менеджмента, возникшая в конце 1970-х гг. под влиянием теоретико-действенного подхода в социальной психологии и символической антропологии, заключается в том, что субъективная интерпретация происходящего в организации важнее существующего объективно. Рассматриваемая концепция базируется на следующих постулатах [14]:

1. Нестабильность и неопределенность, присутствующие в большинстве современных организаций, препятствуют принятию рациональных решений;

2. Для уменьшения неопределенности и установления ориентиров люди используют символы, позволяющие им подвести под категорию то или иное социальное явление;

3. Руководители посредством символов могут ориентировать сотрудников в мире, делая их поведение осмысленным, тем самым поддерживать идеологию организации.

Организационный символизм трактует культуру организации как социальный конструкт, сформировавшийся в ходе взаимодействия ее членов под влиянием бытую-

щих в организационной среде символики, образов, мифологии, сленга, фантастических целей, сплетен, обычаев. Следовательно, управление культурой можно осуществлять через внедрение во внутриорганизационную среду определенных культурных артефактов и воздействие на процесс их интерпретации персоналом [7].

Наиболее оправданным является системный подход, вобравший в себя вышерассмотренные концепции. Данный подход базируется на теории систем, выдвинутой Н. Винером в середине 1960-х гг., и модели кибернетического управления. Модель кибернетического управления, описывающая процессы настройки и адаптации, происходящие в системах, преследующих определенные цели, состоит из пяти элементов:

1. Цели, устанавливаемые в управляющем центре;
2. Выходные воздействия, связанные с целями, влияющие на состояние системы и ее окружение;
3. Обратная связь по результатам выходных воздействий, подаваемая на управляющий центр;
4. Механизм сравнения нового состояния системы и ее целевого состояния;
5. Решения управляющего центра относительно необходимости осуществления корректирующего выходного воздействия [6].

Организация системного подхода интерпретируется как сложная гетерогенная система, состоящая из двух взаимосвязанных, влияющих друг на друга подсистем: технико-технологической и человеческой. Каждая из подсистем является окружающей средой и условием для развития другой подсистемы, поэтому в системном подходе культура организации рассматривается как сложное «естественно-искусственное» образование [5].

Изменение каждого из компонентов требует соответствующей трансформации остальных, следовательно, менеджмент организации должен поддерживать данные составляющие в гармонии, чтобы обеспечить комплексное развитие системы в целом [4].

Согласно существующему в рамках системного подхода ситуационному подходу, результативность организации зависит от взаимодействия внутренних организационных факторов: стадии развития организации, типа деятельности, характеристики персонала, формы собственности, размера организации, ее истории, цели и типа решаемых задач. В совокупности эти факторы и образуют уникальную корпоративную культуру той или иной организации, функция которой в данном подходе – обеспечивать процессы внутренней интеграции и внешней адаптации современных корпораций [1].

Системный подход коренным образом изменил требования к проектированию организационных структур, показал степень значимости корпоративной культуры, включая ее символические аспекты, в обеспечении эффективности и конкурентоспособности компаний [3].

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что существует ряд подходов к пониманию феномена корпоративной культуры, каждый из которых имеет свои исторические и теоретические истоки: бихевиористский, гуманистический, когнитивный, теоретико-деятельностный. Наиболее актуальным на сегодняшний день является системный подход, при использовании которого делается акцент не только на компонентах организации, но и на взаимосвязи между ними.

Корпоративная культура играет решающую роль в активизации всех ресурсов организации, мобилизуя их на достижение поставленных целей и задач. Развитие новых технологий, переход организации с одной стадии жизненного цикла на другую, преобразования в политической, социальной, экономической среде требует своевременной трансформации корпоративной культуры. Отсутствие понимания специфики феномена «корпоративная культура» может затормозить дальнейшее развитие организации. Чет-

кое понимание данного феномена позволит современной организации сохранить свою конкурентоспособность и экономическую эффективность.

Литература

1. Гибсон, Дж.Л., Иванцевич Дж., Доннелли, Дж. Организация: поведение, структура, процессы. – М., 2000.
2. Занковский, А.Н. Анализ базовых «координат» организационных культур: когнитивные репрезентации организационных понятий в сознании российских и японских менеджеров. – М., 2004.
3. Нордстрем, К.А., Риддерстрале Й.. Бизнес в стиле фанк: капитал пляшет под дудку таланта – СПб., 2000.
4. Питерс, Т., Уотерман Р. В поисках эффективного управления. – М., 1986.
5. Шейн, Э. Организационная культура и лидерство. – М., 2002.
6. Buckley, W. Sociology and Modern Systems Theory. – Prentice-Hall, Upper Saddle River, NJ, 1973.
7. Carpenter, P., Just M. Cognitive Processes in Comprehension. – Lawrence Erlbaum Associates, Mahwah, NJ, 1977.
8. Ilgen, D.R., Klein H.J. Organizational behavior // Annual Review of Psychology. – 1988. – Vol. 40. – P. 327–351.
9. Kroeber, A.L., Kluckhohn C. Culture: a critical review of concepts and definitions // Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology. – 1952. – Vol. 47. – No. 1.
10. Mayo, E. The Social Problems of an Industrial Civilization. – Harvard University Press, Cambridge, MA, 1945.
11. McGregor, D.M. The Human Side of Enterprise. – McGraw-Hill, New York, NY, 1960.
12. Schultz M. Transitions between symbolic domains in organizations // Organization Studies. – 1991. – Vol. 12. – No. 4. – P. 489–506.
13. Scott, W.R. Organizations: Rational, Natural and Open Systems. – Prentice Hall, Englewood Cliffs, NJ, 1987.
14. Shafritz, J.M., Ott J.S. Classic of Organization Theory. – Brooks / Cole Publishing Company, Pacific Grove, CA, 1992.
15. Smircich, L. Concepts of culture and organizational analysis // Administrative Science Quarterly. – 1983. – Vol. 28. – No. 3. – P. 339–358.
16. Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. – New York: Oxford University Press, 1947.
17. Weick, K.E., Roberts K.H. Collective mind in organizations: Heedful interrelating on flight decks // Administrative Science Quarterly. – 1993. – Vol. 38, No. 3. – P. 357–381.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ

И. Б. Михеева

Государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) в инновационной сфере – это институциональный и контрактный организационный формат взаимодействия государства и бизнеса для реализации общественно значимых проектов. Беларусь находится в самом начале пути формирования эффективной системы ГЧП. Актуальность этой полномасштабной работы определяется тем обстоятельством, что, как отмечается в аналитическом докладе Государственного комитета по науке и технологиям НАН Беларуси «О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2011 года», за последние 20 лет сформировались качественно новые формы интеграции науч-

ных знаний в инновации и производственную деятельность. Произошло резкое сокращение сроков освоения научных открытий (с примерно 40 лет в конце XIX – начале XX века до 3–4 лет в конце XX века). Наука превратилась в ведущую производительную силу, которая непрерывно генерирует новые технологические возможности… Для Беларуси быстрое развитие науки, инновационной деятельности имеет стратегическое значение. В условиях либерализации экономики, процессов глобализации, вступления все новых стран во Всемирную торговую организацию и усиливающихся интеграционных процессов на постсоветском пространстве, научно-технический прогресс должен обеспечить реализацию важнейших задач по повышению наукоемкости отечественной продукции, росту ее конкурентоспособности на внутренних и внешних рынках [1].

Среди специалистов нет единого мнения о том, какие формы взаимодействия власти и бизнеса можно отнести к ГЧП. Широкая трактовка подразумевает под ГЧП конструктивное взаимодействие власти и бизнеса не только в экономике, но и в политике, культуре, науке и т.д. При этом ГЧП не является новым экономическим механизмом. Прообразы концессионных схем появились еще в Древнем Риме и Греции и получили широкое распространение в Средние века. Первый в истории проект ГЧП был санкционирован королем Генрихом II. Благодаря этому монаршему повелению, инженер Адам де Крапон в долине Кроу города Салон-де-Прованс в 1554 г. смог построить канал, который до сих пор носит его имя. За рубежом ГЧП принято называть достаточно широкий спектр бизнес-моделей и отношений. В самом общем смысле этот термин применяется при любом использовании ресурсов частного сектора для удовлетворения общественных потребностей.

Понятие «партнерство между государственным и частным секторами экономики в инновационной сфере» было определено в 2002 г. Комитетом ОЭСР по научной и технологической политике следующим образом: под ГЧП понимаются «любые официальные отношения или договоренности на фиксированный / бесконечный период времени, между государственными и частными участниками, в котором обе стороны взаимодействуют в процессе принятия решения и соинвестируют ограниченные ресурсы, такие как деньги, персонал, оборудование и информацию для достижения конкретных целей в определенной области науки, технологии и инноваций» [2]. Другая международная организация – Международный фонд технологий и инвестиций (МФТИ) – дает свое определение ГЧП: «Государственно-частное партнерство в инновационной сфере – это институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом в целях реализации общественно значимых проектов и программ в широком спектре отраслей промышленности и областей научных исследований».

В рамках ГЧП используются различные формы и модели государственно-частного партнерства: особые экономические зоны; инвестиционные фонды, в том числе венчурные фонды; агентства по привлечению инвестиций; концессионные соглашения; организации со смешанной формой собственности; заказ на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд государственных и муниципальных органов власти; аренда; лизинг; соглашение о разделе продукции; контракт на обслуживание; доверительное управление; оказание общественных услуг и выполнение различных видов работ; долевое участие частного капитала в государственных предприятиях.

В Беларуси практика сотрудничества государства и бизнеса в инновационной сфере хорошо зарекомендовала себя на примере Парка высоких технологий и свободных экономических зон. В отличие от большинства европейских и азиатских Парков, ПВТ Беларуси – виртуальный Парк [3]. Это означает, что правовой режим ПВТ действует на всей территории Республики Беларусь. Можно зарегистрироваться в качестве резидента и использовать все преимущества ПВТ независимо от того, где размещается

офис белорусской компании: от областного центра до небольшого населенного пункта. Это позволяет в полной мере использовать образовательный, научно-исследовательский, профессиональный и инфраструктурный потенциал всей страны. Компании резиденты белорусского Парка высоких технологий занимаются разработкой программных продуктов для конечных пользователей, адаптацией программного обеспечения под нужды заказчика и предоставлением ИТ-услуг клиентам из 50 стран мира. 80% производимого в Парке программного обеспечения идет на экспорт. 45% поставляется в США и Канаду, 30% в страны Европы, 20% в Россию и СНГ.

Программно-идеологические основания национальной политики Республики Беларусь в области научных исследований и взаимодействия государства, бизнеса и науки уже заложены в ряде программных документов, среди которых необходимо упомянуть, в первую очередь, Государственную программу инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы, Программу социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы, Стратегию технологического развития Республики Беларусь на период до 2015 г., Пошаговую стратегию до 2015 г. увеличения не менее чем на 200% доли наукоемкой и высокотехнологичной продукции в общем объеме белорусского экспорта и др.

Тем не менее, успешной реализации ГЧП в Беларуси мешает ряд серьезных проблем, среди которых – отсутствие закона о ГЧП, где были бы определены основные его дефиниции, механизмы и формы; несформированность соответствующей институциональной среды для реализации механизмов ГЧП; неразработанность действенного механизма концессии (здесь и далее – материалы по: [4]). Поэтому к основным направлениям развития ГЧП в национальном масштабе следует отнести: принятие Закона о ГЧП и разработку типовых соглашений ГЧП; определение координирующего органа ГЧП, или организации, которая будет информировать участников о соответствующих потенциальных проектах, предоставлять образовательные услуги широкому кругу заинтересованных сторон по проблематике ГЧП, участвовать в конкурсах по отбору участников и т.д.; создание концепции и стратегии развития ГЧП; формирование эффективной институциональной среды для реализации механизмов ГЧП (инвестиционных фондов, венчурных компаний, центров государственно-частного партнерства, независимых организаций, осуществляющих экспертизу проектов и консалтинг, управляющих компаний, ассоциаций, объединений и др.); инициирование включения Беларуси в базу данных проектов ГЧП Всемирного банка, организацию подготовки высококвалифицированных специалистов в области концессий и других форм ГЧП.

Литература

1. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2011 года: Аналитический доклад / Под ред. И.В. Войтова, А.М. Русецкого. – Минск: ГУ «БелИСА», 2012.
2. Public / private partnerships for innovation: policy rationale, trends and issues, OECD, 10–12 December 2002, Headquarters, Paris.
3. Belarus Hi Tech Park. Официальный интернет-портал ПВТ РБ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.park.by.– Дата доступа: 07.04.2013.
4. Лученок, А.И. Проблемы государственно-частного партнерства в Беларуси // Реальная экономика. Белорусская экономика: теория и практика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://luchenok.blogspot.com/ 2011/ 09/ blog-post_29.html.– Дата доступа: 07.04.2013.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

И. А. Андрос

Начиная с середины XX века и по настоящее время, изучение личности предпринимателя осуществляется в русле набирающей популярность концепции человеческого развития, которая объединила философские, социальные, экономические, технократические, институциональные теории развития. Данный гуманистически ориентированный критерий развития воплощает как уровень развития экономики, так и достижения науки, как принципы управления, так и социально-политическое состояние общества, как состояние окружающей среды, так и образ жизни, вплоть до нравственного сознания и мировоззрения. И если говорить о развитии общества с точки зрения развития человека, а не только экономики, то это, наверное, самый сложный, порой противоречивый, часто непредсказуемый, трудно измеряемый процесс. И так как в современном обществе тема повышения всеобщего благосостояния продолжает оставаться одной из самых обсуждаемых, то предпринимательство, ассоциируемое в первую очередь только с положительными сторонами деятельности – прибылью и доходами, как социально-психологическое явление константно находится в зоне пристального внимания экономистов, психологов, философов, обществоведов и т.д.

Причем, предпринимательство рассматривается с нескольких позиций. Например, предпринимательство как деятельность (соответственно, речь идет и о воспроизводстве предпринимательской деятельности). Существует психофизиологический подход к исследованию предпринимательства. Рассматривают предпринимательскую деятельность как совокупность совершаемых человеком поступков (поведение). И, наконец, дать описание личности предпринимателя считается профессиональным долгом исследователей. Основное внимание уделяется таким факторам, как потребность в достижении и предрасположенность к риску, скрытой пружиной которых выступают мотивация и личностные качества.

За последние двадцать лет многие индустриально развитые страны «сбрасывают пары». Одна из причин – снижение уровня предпринимательской активности, потеря импульсов. В то же время отечественные СМИ сообщают о необходимости нового скачка в инновационном предпринимательстве, напоминая, что именно оно сделало Японию процветающей страной. Действительно, в инновационном предпринимательстве повышается удельный вес человеческой компоненты, отношений между сотрудниками. Социально-психологический профиль предпринимателя, зафиксированный в эмпирических исследованиях – основной предмет анализа инновационного предпринимательства. Австрийский экономист Й. Шумпетер (Joseph Alois Schumpeter, 1883–1950) еще в 1934 г. писал, что предприниматель – это инноватор, который разрушает сложившееся экономическое равновесие, стимулируя развитие. Такого же направления во взглядах на функции предпринимательской деятельности придерживаются экономисты Элвин Дж. Долан и Дэйвид Е. Лидсей. По их мнению, основная функция предпринимательства состоит в преодолении старых стереотипов и границ в экономике. «Это происходит благодаря сдвигам кривых спроса (при улучшении и внедрении новых товаров и услуг) и кривых издержек (при внедрении новых методов организации производства и разработке новых технологий), когда предприниматели одновременно получают прибыль» [1, с. 126]. Однако Й. Шумпетер риск относил к тому лицу, которое вкладывает свои капиталы. Сам предприниматель, взламывающий старые образцы мыслей и действий, во многом выражая творческую природу человека, в поле зрения экономистов не попадал.

Сторонники бихевиоризма характеризуют фигуру предпринимателя, как присутствующую в любой профессии, сфере, например, в образовании, медицине, науке, правоведении, архитектуре и инженерной деятельности. Искомое им вознаграждение – не только деньги, но и личная удовлетворенность. Отсюда определение предпринимательства как деятельности (процесса) по созданию социальных связей или социальных структур (таковой, является фирма, предприятие, компания), где раньше их не существовало. Менеджмент – это поддержка и расширение уже существующих связей и структур. С другой стороны, Израэл М. Кирцнер и Р. Кантильон считают основной функцией предпринимательства поддержку движения экономики к равновесию. Последовательная смена функций способствует развитию экономики, разрушающей равновесие, и является мощным фактором этого развития, что не позволяет экономике ни застаиваться, ни разбалансироваться.

Отметим, что Й. Шумпетер связывал предпринимательство с мелким и средним бизнесом. Он отмечал, что «…капиталистическое предпринимательство в силу собственных достижений имеет тенденцию автоматизировать прогресс, мы делаем вывод, что оно имеет тенденцию делать самое себя излишним – рассыпаться под грузом собственного успеха. Совершенно обюрократившиеся индустриальные гиганты не только вытесняют мелкие и средние фирмы и "экспроприируют" их владельцев, но в конечном итоге вытесняют также и предпринимателя…» [см.: 2, с. 515].

Кроме того, предпринимательство имеет следующие две формы проявления: посредничество и инноваторство. В основном предпринимательство малых и средних фирм, функционирующих в сферах товарного обращения и услуг, представляется в качестве посредничества между производителями и конечными потребителями. Инноваторство относится к нововведению комбинаций факторов и использованию современной технологии в производстве, управлении и реализации новых товаров и услуг в условиях рынка для удовлетворения потребности населения. Некоторыми авторами было предложено ввести в научный оборот понятие «интрапренерство – внутрифирменное предпринимательство». Этот термин был предложен американским ученым Г. Пиншо в 1983 году. Авторы Багиев Г.Л., Асаул А.Н. подчеркивают, что «появление интрапренерства, прежде всего, связано с переходом многих крупных производственных структур на предпринимательскую форму организации производства. Целью интрапренерства является повышение эффективности предприятия за счет:

– активизации и использования творческого потенциала сотрудников;

– повышения эффективности использования ресурсов предприятия;

– быстрой реакции на изменения потребностей рынка;

– быстрой реализации всевозможных нововведений (технических, организационных и т.п.);

– создании основы для дальнейшего развития производства» [3, с. 18].

Анализ эволюции взглядов западных мыслителей на образ предпринимателя в теориях общественного развития показал, что в западноевропейском научном сознании, являющемся неотъемлемой частью духовной жизни общества, с появлением новых экономических отношений изначально шло первичное осмысление, потом обоснование, затем идейное оформление понятия «предприниматель». В своих основных работах западные философы и экономисты, государственные деятели и историки излагали собственные, носившие отпечаток того времени представления о предпринимательстве как об особой сфере хозяйственной деятельности. Можно сказать, что на протяжении двух столетий понятие «предприниматель», выкристаллизовываясь многими мыслителями в точности своего определения, обусловило фундамент для категориального аппарата теории предпринимательства. Начиная с субъектно-утилитарных характеристик, таких

как «удовлетворение своих потребностей» (Р. Кантильон), и заканчивая социально-востребованными – «скромностью и сдержанностью» (М. Вебер), мыслители своего времени пришли к осознанию ведущей роли предпринимателя в экономическом развитии и признанию за ним редких профессиональных качеств. Рассмотрение предпринимателя через призму социокультурных условий и показателей его деятельности выступило основой изучения этики ведения бизнеса, которая является ведущим фактором успешной предпринимательской деятельности в XX в.

Таким образом, главными характеристиками современного содержания понятия «предприниматель» являются нововведение, свобода выбора деятельности предпринимателя, который представляется собственником и управленцем в одном лице. Поэтому предпринимательство может существовать в масштабах малого и реже среднего бизнеса. А в крупном бизнесе корпоративное мышление и деятельность, где функции собственника и управленцев разделены, и свобода индивида ограничены в пределах данной организации, предпринимательство существовать не может. Следовательно, сущность современного предпринимательства выражают экономические отношения индивидуального воспроизводства в масштабах малого и среднего бизнеса, реализуемых инновационную деятельность, предопределенная свободным выбором субъекта хозяйствования, который является в одном лице собственником и управленцем, функционирующим в конкурентной среде, предоставляющим на рынок и новые товары, услуги для получения прибыли.

Литература

1. Экономическая психология / под ред. И.В. Андреевой. – СПб., 2000.
2. Шумпетер, Й. Теория экономического развития (исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). – М., 1982.
3. Багиев, Г.Л., Асаул А.Н. Организация предпринимательской деятельности. Уч. пос. / под общ. ред. Г.Л. Багиева. – СПб., 2001.

ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ БЕЛОРУССКОГО ПРОИЗВОДИТЕЛЯ

И. А. Червинская

Актуальность проблемы определена тем, что в Беларусь, имеющей ограниченный опыт защиты национальных товаропроизводителей на мировых торговых площадках, остро ощущается недостаток исследований о механизмах и особенностях применения защитных мер в соответствии с нормами Всемирной торговой организацией.

Для Республики Беларусь поиск ее решения на современном этапе актуализируется относительной узостью собственной ресурсно-сырьевой базы, что объективно обуславливает зависимость белорусской экономики от динамики мирового рынка и малой рыночной емкостью страны, что, в соответствии с избранной стратегией экспортной ориентированности экономики, диктует необходимость активного продвижения своих товаров на внешние рынки.

В теоретическом плане анализ механизма государственной поддержки отечественных товаропроизводителей Беларуси позволяет проследить динамику реального процесса, определить основные тенденции и проблемы, а также выявить возможности внесения изменений в выбранные направления, формы и методы корректировки системы государственной политики развития внешней торговли.

В совокупности все это поможет переходу к комплексному пониманию политики защиты интересов белорусских товаропроизводителей и, тем самым, будет способствовать значительному обогащению методологического потенциала отечественных научных разработок с перспективой подготовки комплекса прикладных методических рекомендаций для отечественных предприятий-экспортеров.

Специфицирует исследование проблемы то обстоятельство, что Беларусь пока не признана страной с рыночной экономикой, а традиционные инструменты административного регулирования не позволяют отечественным предприятиям более эффективно включаться в систему международного разделения труда. В сфере внешней торговли определение нормальной цены для стран с нерыночной экономикой имеет свои особенности, игнорирование которых на практике способно спровоцировать возникновение комплекса торговых конфликтов, конечное разрешение которых во многом сопряжено с проявлением волюнтаристских тенденций со стороны экономически развитых стран, не ограниченных, как правило, ни юридическими, ни моральными рамками в конкурентной борьбе. Поэтому, на практике, странам с переходной экономикой приходится преодолевать не только условия объективно сложившейся конъюнктуры, но и демонстрировать готовность к компромиссным вариантам решения ситуации, что предполагает не только знакомство с основополагающими принципами, лежащими в основе ВТО, но и профессиональное оперирование методическими материалами, на основе которых осуществляется нормативный анализ конкретной конфликтной ситуации. Такая ситуация характерна в случае возникновения антидемпингового конфликта при определении нормальной цены для стран с нерыночной экономикой.

Одним из ключевых моментов при определении наличия демпинга является сравнение нормальной стоимости и экспортной цены, которое осуществляется для каждого типа товара на основе индивидуального расчета, и только затем рассчитывается средний показатель.

Нормальная цена товара – цена аналогичного товара при обычном ходе торговли таким товаром производителя или экспортера товара, по цене не ниже средневзвешенной себестоимости и средней нормы прибыли, определяемых исходя из средневзвешенных производственных, торговых, административных затрат и общих издержек. Обычно нормальная цена исчисляется на основе цен внутреннего рынка, однако возможно использование и сконструированной цены. В реальной практике в качестве нормальной цены рассматривается цена товара на внутреннем рынке страны экспорта, т.е. цена товара, сложившаяся при сделках с независимым покупателем в стране экспорта для внутреннего потребления.

В случае отсутствия сведений о таких ценах в расчет могут приниматься данные о ценах, которые, в свою очередь, берутся за основу для подтверждения доказательства наличия демпингового импорта. Они приводятся к базису нетто EXW, при этом производятся корректировки на сумму соответствующих расходов. Предложения по корректировкам должны быть обоснованы и подкреплены документальными доказательствами.

Если нет возможности получить сведения о ценах на внутреннем рынке страны экспорта можно использовать сконструированную нормальную цену товара, рассчитанную на основе производственной себестоимости в стране происхождения с учетом торговых, административных, общих издержек и прибыли.

После изложения основных характеристик нормальной цены товара и экспортной цены логично перейти к рассмотрению сравнимости цен. Для того чтобы достичь приемлемой сравнимости цен, экспортная цена и нормальная цена должны быть сопоставимы в отношении физических характеристик товара и условий продажи.

При сопоставлении экспортной цены товара с его нормальной ценой делаются необходимые поправки, учитывающие различия, которые оказывают влияние на сопоставимость цен, включая различия в условиях поставки, налогообложении, стадиях торговых операций, количественных показателях, физических характеристиках, а также иные различия, в отношении которых представляются доказательства их влияния на сопоставимость цен.

В Республике Беларусь органом, в компетенции которого входит применение мер по защите интересов отечественных производителей, является отдел антидемпинговых расследований главного управления координации внешнеэкономической деятельности МИД Беларуси.

СТАБИЛЬНОСТЬ ЗАНЯТОСТИ НА БЕЛОРУССКОМ РЫНКЕ ТРУДА В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ

Е. В. Таранова

В Республике Беларусь сохранение стабильной ситуации в сфере занятости является одним из основных приоритетов социально-экономического развития, что определено в государственных программах и на что направлены меры государственной социальной политики в области занятости [1]. Данные официальной статистики о текущем рынке труда, который характеризуется числом вакансий и лиц, занятых поиском работы, свидетельствует о его стабильности, что выражается в низком уровне регистрируемой безработицы. По данным Национального статистического комитета уровень зарегистрированной безработицы в Беларуси в конце 2012 г. составлял 0,5%, а численность зарегистрированных безработных на одну заявленную вакансию была 0,4 соискателя [2, с. 18].

Социологические исследования, в отличие от статистических данных, представляют ситуацию в сфере занятости исходя из мнений и оценок населения. Так, Институтом социологии НАН Беларуси осенью 2012 г. было проведено республиканское социологическое исследование, посвященное различным вопросам труда и занятости, в ходе которого было опрошено работающее и неработающее население (объем выборки – 2530 респондентов). Среди опрошенных неработающих белорусов 20% определили свой социальный статус как «безработный» (остальные 80% – это пенсионеры, учащиеся, женщины, занятые домохозяйством и находящиеся в отпуске по уходу за ребенком), из них – только 1/ 10 зарегистрированы в органах по труду, занятости и социальной защите населения, т.е. имеют официальный статус безработного. Основной причиной отказа от регистрации в качестве безработного выступает отсутствие уверенности в реальной помощи по поиску работы. Остальные причины, такие как низкий размер пособия, необходимость участвовать в общественных работах, нежелание терять время на оформление и др., являются менее существенными.

Государственной программой содействия занятости Республики Беларусь на 2012 год закладывалась проработка вопроса о введении системы социального страхования населения от безработицы [3]. Для выявления социального запроса на такой вид страхования в Беларуси в ходе социологического исследования респондентам предлагалось высказать свое мнение относительно того, нужно ли в Беларуси вводить систему социального страхования от безработицы (перед вопросом кратко объяснялась ее суть), какой процент они готовы отчислять на страхование из своей зарплаты, а если не готовы участвовать в таком страховании, то каковы причины. «За» введение такой системы социально страхования высказалось 35,8 % респондентов (с той или иной степенью уверенности); не поддерживают – 52,5 %; затруднились ответить – 11,7 %. При участии в системе страхования от безработицы, готовы делать

страховые взносы в размере до 5 % от зарплаты – 45,7 % респондентов, от 6 до 10% – 20,1 % опрошенных белорусов. Свою неготовность участвовать в страховании от безработицы респонденты объясняли тем, что инфляция может обесценить страховые взносы, недоверием страховой системе, отсутствием финансовой возможности делать отчисления на страхование, предпочтением самостоятельно делать сбережения. Только 1/ 10 работающих белорусов среди причин нежелания участвовать в страховании отметили свою уверенность в том, что они не потеряют работу.

Нестабильность занятости на рынке труда характеризуется не только безработицей. Здесь значимы и другие индикаторы, такие как распространенность непостоянной занятости, продолжительность работы у одного нанимателя, субъективные оценки угрозы потери работы и др., которые изучаются в ходе социологических исследований. По данным настоящего социологического опроса, большинство опрошенных белорусов работают на постоянной основе, а занятых на временной, сезонной, разовой и случайной работах – только 3,4 %. Из тех, кто занят постоянно, почти 90 % работают полный рабочий день / неделю, остальные заняты на неполное рабочее время.

Кроме нынешней трудовой ситуации, для работников имеет значение уверенность в своей будущей занятости, перспективы ее стабильности, которые определяются по субъективным оценкам наличия угрозы потери работы. Среди работающих респондентов более 2/ 3 считают (с той или иной долей уверенности), что им не грозит потеря работы;1/ 10 часть – отмечают такую вероятность. Значима доля тех респондентов (1/ 5), кто затруднился ответить, существует ли такая вероятность, что они останутся без работы.

К показателям стабильности занятости относятся также форма и сроки трудового договора (контракта). По данным проведенного опроса, в Беларуси преобладает контрактная форма найма: по трудовым контрактам работают 2/ 3 респондентов, у 1/ 4 опрошенных трудовые отношения оформлены бессрочным трудовым договором. Стоит также отметить случаи неоформленных трудовых отношений, так называемой «устной договоренности». В условиях преобладания контрактной (срочной) формы трудовых отношений, их стабильность может рассматриваться с точки зрения продолжительности трудового контракта: чем больше эта продолжительность, тем более стабильным может считаться занятость. Сроки трудовых контрактов, на которые чаще всего оформляются трудовые отношения между работниками и работодателями следующие: 1 год (34,8 % респондентов), 3 года (21,9 %) и 5 лет (26,2 %). Гораздо реже (11,2 %) трудовой контракт заключается на 2 года. Довольно редко встречаются долгосрочные контракты сроком больше 5 лет.

Уровень стабильности занятости может анализироваться с помощью такого показателя, как специфический трудовой стаж, под которым понимается количество лет, отработанное на данном предприятии, у одного нанимателя [4, с. 13]. Чем больше величина (продолжительность) специфического трудового стажа, тем стабильней может считаться рабочее место и, соответственно, занятость. По данным опроса, свыше 10 лет на своем рабочем месте трудятся чуть более 1/ 3 респондентов. Величина специфического трудового стажа, рассчитанного по ответам, составила 9,7 лет, что является достаточно длинным трудовым стажем для современного рынка труда.

Таким образом, в Беларуси сохраняется стабильный характер занятости, что подтверждается статистическими данными и результатами социологического анализа мнений и оценок населения. Данные официальной статистики характеризуют текущий рынок труда низким уровнем безработицы и превышением числа заявленных работодателями вакансий над числом зарегистрированных безработных. Данные социологического опроса работающего населения относительно оценок вероятности угрозы безработицы показывают, что большинство респондентов уверены в сохранении своего рабочего места, а доля тех, кто опасается потерять работу – невелика. Несмотря на преобладание контрактной формы найма, занятость

у одного работодателя нередко приобретает постоянный, нежели временный, характер, поскольку в среднем белорусы имеют длинный трудовой стаж (почти 10 лет) на одном рабочем месте (предприятии, организации), который характеризует стабильность занятости в республике. Возможно поэтому, в белорусском обществе пока что отсутствует четкий социальный запрос на введение системы социального страхования от безработицы, ведь половина респондентов считает, что такое социальное страхование не нужно.

Литература

1. Государственная программа содействия занятости населения Республики Беларусь на 2013 год [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.pravo.by/ main.aspx?guid=3871&p0=C21201211&p1=1. – Дата доступа: 28.04.2013.
2. Беларусь в цифрах: статистический справочник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2013.
3. Государственная программа содействия занятости населения Республики Беларусь на 2012 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pda.government.by/ upload/ docs/ filee74d48c7ca1baf26.PDF. – Дата доступа: 28.04.13.
4. Карабчук, Т.С. Детерминанты стабильности занятости в России и Восточной Германии: сравнительный анализ микроданных // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10. – № 2.

РЫНОК ТРУДА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Л.В. Пантя

Основная цель активной политики занятости состоит в повышении конкурентноспособности человека в борьбе за рабочие места путем обучения, переподготовки, содействия самозанятости, помощи в трудоустройстве и профессионального консультирования. Профессиональное обучение безработных является одним из важнейших направлений активной политики занятости. Его основная задача это повысить уровень профессиональной мобильности рабочей силы, способствовать улучшению соотношения между спросом и предложением на рынке труда.

Организация обучения и профессионального развития базируется на совокупности факторов, к которым относят начальную подготовку, опыт работы, рабочий стаж, текущие и будущие требования рынка труда и индивидуальные предпочтения человека.

Профессиональная подготовка безработных как составляющая активной политики занятости наиболее соответствует периоду структурной перестройки экономики. Выплата пособий по безработице может являться вызовом государственному бюджету во время массовых увольнений, в то время как выделение финансовых ресурсов для переподготовки безработных и лиц, столкнувшихся с большой вероятностью потери рабочего места, имеет долгосрочный полезный эффект для конкурентоспособности рабочей силы.

Профессиональная подготовка безработных влияет не только на текущий срок безработицы, но и приводит к увеличению продолжительности будущей занятости. Обучение может способствовать росту человеческого капитала и, следовательно, увеличивать длительность последующей занятости. Исследования в области влияния обучения безработных показали, что большое значение имеет и продолжительность курсов профессиональной подготовки. Было выявлено, что профессиональная подготовка длительностью более года увеличивает продолжительность текущей безработицы курсантов по сравнению с более короткими программами. Это происходит из-за концентрации учащегося на занятиях и сокращения усилий по поиску работы. В то же время более продолжительные курсы увеличивают длитель-

ность последующей занятости [1, p. 4].

Если предположить, что эффекты обучения зависят от времени, то это означает что они могут меняться (увеличиваться или уменьшаться) в течение оставшегося периода безработицы, то есть после завершения программы обучения. Если сразу после окончания курсов обучения 66% выпускников находят работу, то после шести месяцев этот показатель падает до 14%. Можно предположить, что профессиональное обучение способно выступать в качестве стимула всего лишь в течение нескольких недель, благодаря росту у безработных уверенности в себе. В среднесрочной перспективе, т.е. спустя несколько месяцев безработицы после окончания курсов, положительный эффект значительно снижается из-за растущего разочарования безработных [1, p. 22] [6, p. 36].

Исследования показали, что более длительные программы обучения способствуют сокращению периода перехода из безработицы в занятость. Курсы профессиональной подготовки сроком в 4–8 месяцев уменьшают более чем на треть длительность перехода из безработицы в занятость. В то же время этот эффект на 20% более выражен у лиц до 25 лет, чем у других возрастных категорий [1, p. 22] [6, p. 210].

Еще один важный вывод исследований – это вероятность повторной безработицы. В случаях, когда лица, прошедшие курсы профессиональной подготовки сроком более одного года, находили работу, вероятность потерять ее снижалась на 38% по сравнению с теми, кто окончил более короткие курсы [1, p. 23].

Еще один аспект профессиональной подготовки безработных – это скорость поступления на дополнительные курсы в случае повторения безработицы в будущем. В ходе исследований было выявлено, что повторение безработицы ускоряет вступление в обучение, таким же образом влияет и накопление обучения (т.е. общее время, затраченное на обучение) [1, p. 23].

Отнюдь не последним фактором в принятии решения по поступлению на курсы профессиональной подготовки является право на пособие по безработице. Чем дольше период, в течение которого безработный имеет право получать пособие, тем больше вероятность, что он выберет более длительные курсы профессиональной подготовки [1, p. 23].

Проанализируем данные профессиональной ориентации и подготовки безработных в Республике Молдова (таблица 1).

Таблица 1. Профессиональная ориентация и подготовка безработных в Республике Молдова (составлено автором на основе данных Национального агентства по занятости рабочей силы)

	2009	*2010*	*2011*	*2012*
Зачислены	4100	1946	2441	2400
Доля женщин в общем числе (%)	71,2	69,7	73,6	72,7
Доля молодежи в общем числе (%)	72	75,6	73,2	73
Продолжали посещение курсов в начале года	2250	1731	1208	1301
Закончили курсы профессиональной подготовки	4453	2380	2235	2485
Выпускники курсов начальной профессиональной подготовки (%)	72,3	70,7	77,3	70,7
Выпускники курсов переквалификации (%)	20,0	23,1	15,9	23,8
Выпускники курсов усовершенствования (%)	7,7	6,2	6,8	5,5
Трудоустроены после окончания курсов профессиональной подготовки	2987	1751	1506	1839
Доля трудоустроенных в общем числе выпускников профессиональной подготовки (%)	67	73,6	67,4	74

К сожалению, в отчетах Национального агенства по занятости рабочей силы от-

сутствуют данные по сегментированию трудоустроенных в зависимости от длительности периода, истекшего между окончанием курсов и приемом на работу. Также нет данных о повторной профессиональной подготовке безработных.

На рынке труда в основном требуются такие профессии, как врач, швея, продавец, повар, монтажник, работник в сельском хозяйстве и подсобный рабочий. В то же время, согласно данным 2012 г., профессии, полученные безработными, – это повар, парикмахер, оператор компьютера, бухгалтер, бармен, автослесарь, мастер по маникюру.

Следует отметить, что в 2012 г. доля женщин, зачисленных на курсы профессиональной подготовки, составила около 73% и была равна доле молодежи, зачисленной на курсы. Более 70% из зачисленных окончили курсы начальной профессиональной подготовки, а курсы усовершенствования окончили всего лишь 6%. Подчеркнем, что четверть из зачисленных окончили курсы переквалификации. Можно сделать вывод, что данная ситуация обусловлена неправильной профессиональной ориентацией, когда человек выбирал менее востребованную профессию, игнорируя тенденции рынка труда.

Изучение состава затрат на профессиональную подготовку, финансируемую из государственного бюджета показало, что стоимость обучения одного безработного в 2012 г. составила 4614,19 молдавских леев или 355 долларов США, а доля трудоустроенных колебалась в течение 2009 -2012 г.г. от 67 до74%.

Подведя черту, можем отметить что профессиональная подготовка безработных в Республике Молдова довольно эффективна. Изучение более обширных данных по будущей профессиональной эволюции безработных позволило бы точнее определить эффективность программ профессиональной подготовки и усовершенствовать их для получения максимального эффекта используемых финансовых средств и улучшения функционирования рынка труда в целом.

Литература

1. Crepon, B., Ferracci M., Fougere D. Training the Unemployed in France: How Does It Affect Unemployment Duration and Recurrence? // IZA Discussion Paper. – 2007. – № 3215.
2. Ministerul Muncii, Protecției Sociale şi Familiei al Republicii Moldova. Raport social anual 2009. – Chişinău, 2010.
3. Ministerul Muncii, Protecției Sociale şi Familiei al Republicii Moldova. Raport social anual 2010. – Chişinău, 2011.
4. Ministerul Muncii, Protecției Sociale şi Familiei al Republicii Moldova. Raport social anual 2011. – Chişinău, 2012.
5. Ministerul Muncii, Protecției Sociale şi Familiei al Republicii Moldova. Agenția Națională pentru Ocuparea Forței de Muncă. Raport de activitate pentru anul 2012. – Chişinău, 2013.
6. Richardson, K., Van den Berg G.J. The Effect of Vocational Employment Training on the Individual Transition Rate from Unemployment to Work // Swedish Economic Policy Review. – 2001. – № 8. – С. 175–213.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Воспитательный идеал современной культуры и ценности молодого поколения

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ИДЕАЛ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ТРАНЗИЦИИ ПОСТСОВЕТСКИХ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

С. Г. Новиков

Социально-экономические трансформации рубежа XX–XXI вв. ведут страны бывшего СССР в мир, в котором пожелание героя романа братьев Стругацких («счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!») выглядит в лучшем случае странным. Этот мир, интегрируясь экономическим интересом, мотивирует поведение большинства людей «материальной выгодой, комфортом и установкой на потребление» [1]. А потому он естественным образом воспроизводит «человека не только в качестве товара, не только человека-товар», но и, «сообразно этому определению, как существо и духовно и физически обесчеловеченное» [2, т. 42, с. 101]. Индивид, занимающийся трудом, не приносящим прибыли, воспринимается в нем если не как бездельник, то в лучшем случае как «слуга (подобно лакею и официанту) на службе у того, кто способен его содержать за свой собственный счет» [3].

Рискнем утверждать, что большинство граждан России, Белоруссии и других государств СНГ вряд ли горит желанием пребывать в роли игрушки в руках отчужденных сил. И потому вопрос о путях выхода из создавшейся ситуации представляет не только научный, но и сугубо практический интерес. Сразу скажем, что в целом разделяем предложенную А.В. Бузгалиным и А.И. Колгановым общую стратегию движения в гуманистическое будущее [4, с. 311–380]. Исходя из указанной концепции «опережающего развития» сформулируем собственное в*и*дение того идеала воспитания, на который следует нацелить усилия современных национальных систем образования России и Белоруссии.

Но прежде чем изложить принципиальные моменты этого идеала, сделаем небольшое теоретическое отступление. Напомним, что действенной силой обладают лишь те идеалы воспитания, которые являются не плодами умозрительных построений, а *вызревают* в ходе исторического развития того или иного общества.

Секрет жизнеспособности подобных идеалов прост: они продуцируются культурой, воссоздающей те элементы социальной памяти народа, которые, будучи апробированы многовековой практикой предков, воспринимаются в качестве положительных. Тем самым идеалы воспитания становятся гарантом исторического бытия социокультурного организма, сохранения его индивидуального лица, обеспечивая выживаемость социума под напором внешних воздействий. В этом-то и заключается их ценность для современных обществ, не желающих раствориться в ходе глобализации.

Отсюда следует очевидный вывод: если мы (граждане России, Белоруссии, Украины) не хотим утратить культурную идентичность, то тогда нам следует ориентировать воспитание на тот массовый идеал, который зафиксирован в культурном генотипе наших социокультурных структур (см.: [5] [6]).

Каков же его характер? Если отвечать на данный вопрос коротко, то можно сказать следующее. Он не принадлежит к тем двум типам воспитательных идеалов, которые *полярным* образом выстраивают взаимоотношения индивида и общества. Поясним данный тезис. Если на Востоке на вершину пирамиды ценностей конструируемой личности неизменно выносились интересы социальной целостности (общины, государства, коллектива), то на Западе – интересы отдельного человека. Идеал же, воспроизводимый культурным генотипом социумов, объединяющих потомков восточнославянских племен, носит *дуалистический* характер. Иными словами, он отличается и от первого, *социоцентристского*, идеала воспитания, фиксирующего то, что индивид «ценен лишь постольку, поскольку принадлежит обществу, служит ему» [6, с. 76], и от второго, *антропоцентристского*, идеала, постулирующего самоценность индивида. Массовый же идеал воспитания потомков восточных славян явился кристаллизацией сосуществования в их социальной практике, казалось бы, взаимоисключающих форм жизнедеятельности. С одной стороны, им сложно было выжить в суровых природно-климатических условиях вне семьи, общины, без помощи и поддержки коллектива, а с другой, эта же природная среда позволяла индивидам заниматься изолированно-индивидуальными формами жизнедеятельности, проявлять *личные* таланты и потенции. И потому массовый воспитательный идеал, сложившийся в восточноевропейских социокультурных структурах, как бы синтезировал социоцентризм и антропоцентризм, нацеливая индивида и на осознание собственной значимости для общества, и на подчинение нормам собственного коллектива. Иными словами, он одновременно санкционирует как желание раствориться в обществе, так и индивидуалистические порывы [6, с. 77].

Представляется, от данного идеала ни в коем случае не следует отказываться в условиях нынешней социокультурной транзиции. Ведь в нем заложен огромный потенциал, заключающийся в побуждении индивида к такому *личностному* самоосуществлению, которое будет признавать право *других* людей на свободную самореализацию. Этот дуалистический идеал воспитания вполне отвечает требованиям, предъявляемым к личности постиндустриальной модернизацией, стоящей в повестке дня восточноевропейских обществ. Указанная модернизация нуждается в субъекте творческом и активном, стремящемся к проявлению всех заложенных в нем способностей, открытом культурным новациям и инициативам, готовом к *свободному* выбору и ответственности, способном соединить свои усилия с *другими* людьми, признаваемыми *равными* по своим правам и возможностям.

Понятно, что этот идеал будет рождать у личности нравственное неприятие как общества, в котором ведется перманентная борьба «человека против человека, индивидуума против индивидуума» [2, т. 2, с. 129], так и общежития, строящегося по законам «общества-казармы».

Воспитанный на базе такого идеала социальный субъект сумеет создать ту цивилизационную платформу, на которой упомянутое выше желание героя «Пикника на обочине» может стать реальностью. Если же в России, Белоруссии и на Украине будет принят инокультурный по своему генезису идеал, то тогда социокультурная гравитация иных «планет» (цивилизаций) неизбежно разорвет постсоветские восточноевропейские социумы, поглотив перед этим «прямой и латентной эмиграцией наиболее живые, деятельные сегменты, лишенные комплекса самоубийцы» [7, с. 9,10].

Конечно, надежда на то, что государственно-общественные системы образования восточноевропейских государств в качестве стратегического ориентира воспитания изберут именно дуалистический идеал не очень велика. Ведь для этого требуется разработка соответствующей концепции будущего, достижение, пусть на уровне элит, консенсуса по этому вопросу. И все же не будем отчаиваться. Хочется верить, что время

кризиса смыслов, бездумного копирования импортных культурных продуктов уже проходит. И мы все же увидим Россию, Белоруссию и Украину среди лидеров новой постиндустриальной цивилизации, во всей красе демонстрирующей собой известную формулу «единство в многообразии».

Литература

1. Фромм, Э. Марксова концепция человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepsis.ru/ library/ id_642.html. – Дата доступа: 11.10.2011.
2. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е издание. – М., 1954–1981.
3. Межуев В. Свобода как ценность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.alternativy.ru/ ru/ node/ 1153. – Дата доступа: 08.03.2010.
4. Бузгалин А.В. Мы пойдем другим путем! От «капитализма Юрского периода» к России будущего / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. – М., 2009.
5. Кантор, К.М. История против прогресса: Опыт культурно-исторической генетики. – М.,1992.
6. Кантор К.М. Двойная спираль истории: Историософия проектизма. – Т.1. Общие проблемы. – М., 2002.
7. Неклесса А.И. Русский мир. Цивилизация многих народов / Научный Совет РАН «История мировой культуры». – М., 2010.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

В. В. Шконда, А. В. Кальянов

В современных условиях, когда человек в своем взаимодействии с окружением и природой находится в сложном кризисном состоянии, единственным решающим фактором его дальнейшего существования становится формирование духовного потенциала личности, в котором воплощается мера ее возможностей по актуализации духовных сил в социокультурной деятельности. Духовный потенциал и духовная культура обеспечивают прогресс человека в его профессионально-личностном становлении и обществе в целом. Именно в этом общечеловеческом пространстве становятся возможными социальные преобразования в Украине, которые обусловливают необходимость существенных изменений в мировоззрении и духовной жизни людей.

В этой связи в гуманистической проблематике развития и совершенствования личности человека возрастает и усиливается внимание к духовным ее параметрам, ценностной ориентации, духовному самоопределению, проблемам смысла жизни.

В большей степени эта проблематика касается современной молодежи, прежде всего, в сфере воспитания и образования, где нет четкого и органического целеполагания, отсутствует методологическая и теоретически обоснованная концепция, в основе которой были бы ведущие направления и положения преодоления духовного кризиса общества, перестройки воспитательного процесса как фактора духовного становления современной молодежи.

Особое значение в этом процессе имеет направленность глобально ценностных духовно-культурных составляющих педагогики и психологии на укрепление формирования духовного потенциала подрастающего поколения. Однако одна педагогическая наука не может самостоятельно решить эту сложную социокультурную проблему. Следовательно, нужно задействовать в указанном направлении на синергетических принципах религию, психологию, философию, эстетику, искусство, литературу, этику.

Духовность по своему содержанию представляет многогранное и очень сложное

понятие, которое связано с нематериальными субстанциями духа и души. «Дух» – это нематериальный фактор, начало всего сущего – он есть разум (интеллект) – перводвигатель космоса и формообразующий фактор – исток мира [1]. Если Бог – это Творец, Космический разум, Абсолют, дух человека – абсолют личности. Дух выступает как субстанция, личность. Его определяющей характеристикой является мышление, сознание, воля, чувства, воображение, интуиция. По Георгу Гегелю «мировой дух» проявляет себя как система логических развивающихся категорий [2].

«Душа человека» – это особая, пока загадочная нематериальная субстанция, независимая от тела, «аура», субъективное духовное начало индивидуального «Я» [3].

Из вышеприведенного можно считать, что дух, душа человека, человеческая сущность условно делятся на три части: разум, чувства, инстинкты.

Следует отметить, что категории «душевное», «духовное», «культурное» тесно переплетены и взаимно связаны друг с другом. Культура тесно связана с духовностью, развитием человека, образованием, воспитанием. Однако душевный, духовный и культурный уровни человека значительно отстают от материального, научно-технического уровня, что обусловлено ориентацией большинства людей, в том числе молодежи, на материальные блага, т.е. у современного человека доминирует потребительская психология, в обход духовных ценностей, которая переходит в культ. Кроме того, в практической педагогике проблемы воспитания молодежи значительно отстают от задач, поставленных обучением.

Итак, весь сложный процесс обучения должен строиться на человечности и доброте, иметь гуманистическую, человекоцентрическую направленность. Именно такой подход является ведущим направлением воспитания волевой, прекрасной души, необходимой и полезной обществу, и сильного духом человека. Поддерживать человека в стремлении быть всем, чем он в состоянии быть, значит позволить ему самостоятельно найти свой путь духовного самосовершенствования. Человек растет духовно только тогда, когда душа почувствовала вкус и привлекательность выполненных обязательств.

Духовность человека можно рассматривать как специфический признак, характеризующий направленность поведения индивидуума, возможность подняться над собственными потребностями, эгоистическими іинтересами. Духовность – это результат выявления «человеческого в человеке». Причем его духовное богатство рассматривается как идеал, к которому он должен приближаться, а духовное развитие – как процесс, продолжающийся в течение всей его жизни.

Рассматривая философию современного образования, можно утверждать, что модель воспитания и формирования духовности все еще не стала приоритетной в образовательной деятельности, в такой же степени, как и принципы гуманизации и эстетизации, предложенные Р. Акофф [4]. Первый принцип базируется на общечеловеческих ценностях, которые содержат четыре идеала: истину, добро, красоту, блага.

Согласно педагогическим идеям Жан Жака Руссо проблемы семейного воспитания, воспитания человека в целом начинаются одновременно с его рождением, ранее чем он начинает говорить, раньше, чем начинает слушать, когда ребенок начинает «учиться». Итак, опыт опережает уроки.

В современный период предметом постоянного внимания социальных институтов общества должен стать учитель, педагогический работник, который играет ключевую роль в педагогическом и воспитательном процессе. Поэтому учитель на самом деле является центральной фигурой в интеллектуальном и духовном развитии, укреплении духовного потенциала нации, сохранении и увеличении достижений отечественной культуры.

Реализация подобного подхода при подготовке будущих специалистов XXI века нуждается в возрождении человека в гуманистических традициях и духе сотрудничества. Прогресс любого общества невозможен без качественного образования. Эту истину великий американский гуманист Томас Джефферсон сформулировал четко и ясно: «Нация, которая избрала путь быть необразованной, не получит ничего».

В современный период трансформации социума не может не играть ведущую роль в этом направлении и наука. Неслучайно, еще Аристотель отмечал «Кто двигается вперед в науках, но отстает в нравственности, тот идет назад, чем вперед».

В современный период успешность процесса гуманизации может быть обеспечена на основе формирования системы моральных личностных качеств человека, что позволяет ему быть активным участником гуманистически направленных преобразований в современном обществе.

Перспективы дальнейших научных исследований в этом направлении заключаются в необходимости более полного раскрытия роли социального окружения в духовном становлении будущих специалистов, системном раскрытии и целостном практическом воплощении духовно-мировоззренческих аспектов гуманизации образования на современном этапе трансформации общества.

Литература

1. Франк, С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992.
2. Федотова, В.Г. Практическое и духовное освоение действительности. – М.: Наука, 1992.
3. Олексюк, Л.М. Духовні почуття у світопереживанні особистості. Автореф. дис… канд. філос. наук. – Київ, 1994.
4. Носков, В.І. Гуманізація освітньої діяльності як підгрунтя формування духовності / В.І. Носков, О.В. Мирошниченко, А.В. Кальянов // Профсоюзы и проблемы духовности. – Донецк: Донецкий облсовпроф, 2003. – С. 50–55.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ

Г. А. Абрахматова

Без обогащения социального познания духовно-нравственным содержанием и наполнения последним социально-экономических и политических реформ, человек не обретет ни полной свободы, ни нового смысла своего бытия. Невосприимчивость к демократическим преобразованиям традиционно трактуется как следствие низкой культуры, падения уровня жизни. Стало удобнее и комфортнее не обнаруживать своей мировоззренческой личностной позиции и оценки в угоду утилитарным интересам и корысти. Это не может не вызывать обеспокоенность о перспективах демократизации и гражданского общества в стране. Прагматический отказ от ценностно-мировоззренческих ориентиров, нейтрально-отстраненное отношение чреваты ростом социального отчуждения, преступности и насилия. Отсюда актуальность активизации ценностного отношения к окружающему, реанимации традиций гуманизма.

Молодежь находится в процессе усвоения социальных образцов и норм, вступает на новый виток жизни. В этот период происходит усвоение транслируемых от поколения к поколению признанных норм, стереотипов поведения, ценностных иерархий, традиций, символов и т.д., а также происходит усвоение новых норм, отвечающих изменившимся реалиям. Происходит усвоение предшествующего и освоение нового. В каж-

дом обществе и в каждой социальной группе существуют особый тип соотношения традиций и инноваций. В системе социальных условий как личностного развития, так и устойчивого развития общества особая роль принадлежит институтам, обеспечивающим возможность успешной интеграции индивидов в сообщество. Какие ценности, принципы, идеалы принимает, а какие отвергает молодое поколение современного Казахстана – вот главная проблема в сегодняшней социализации молодежи и в гармонизации ее отношений со старшим поколением.

Казахстанское общество, вместе с мировым сообществом, вступило в эпоху глобальных и сложных перемен, смены идеологии и мировоззрения, реформирования всех сфер общественной жизни. Этим обусловливается необходимость радикальной трансформации системы и характера образования в Республике Казахстан, определения новой духовной доминанты обучения и воспитания, которая должна быть отражена в концептуальных моделях, содержащих современную картину мира и высшие, абсолютные человеческие ценности, те нравственные принципы и заповеди, которые инвариантны в различных социокультурных условиях.

Это важно еще и потому, что ценностные мировоззренческие универсалии способны продуктивно разрешать проблемы и противоречия, связанные с цивилизационными различиями, нередко возникающим противостоянием разнообразных форм культуры, необходимостью плодотворного межкультурного, межэтнического и межконфессионального диалога и взаимодействия.

Постепенное изменение миропонимания в казахстанском обществе – осознанное и неосознанное – происходит главным образом по двум основным направлениям. Первое из них можно назвать редукционистским, при котором мир предстает перед рыночным сознанием в ограниченном виде и масштабе. Второе же направление мало-помалу приводит к широкому и глубокому взгляду на мир как на живое, разумное целое, в котором все его части-органы связаны гармоническими отношениями.

Республика Казахстан пытается реформировать систему образования, но делает это пока еще без учета указанного глубокого противоречия, все теми же фрагментарными и внешними способами: вводится 12-летнее образование, применяется метод дистанционного обучения, ставится задача увеличения количества школ, их всеобщей компьютеризации, вносятся изменения в оплату учителей и в плату за обучение учащихся и т.п. Реформирование образования в Казахстане проходит под знаком этих и многих других нововведений, среди которых важнейшее место занимает внедрение в образовательный процесс инновационных технологий, а также смена форм образовательной деятельности. Однако этим не затрагиваются наиболее важные образовательные установки качественного, содержательного характера и, прежде всего – мировоззренческие основы образования.

В современном образовании мировоззренческие и ценностные универсалии востребованы объективно. Кроме того, поскольку пока еще не сбалансировано соотношение светского и религиозного начал в образовании, постольку это означает столь же объективно требуемое в обучении и воспитании молодого поколения повышение роли философии, увеличение ее присутствия в системе образования как рефлексии, осмысления мировоззренческих вопросов и ценностных универсалий. Следовательно, преподавание философии в высших учебных заведениях не должно сокращаться или превращаться в формализованную, технократическую дисциплину, построенную на методе тестирования. В этом случае философская подготовка до предела обессмысливается, становится бессодержательной и, тем самым, лишенной какой бы то ни было значимости для общества и личности.

Следовательно, в современную эпоху важно, прежде всего, прививать учащимся

духовно-нравственные ценности. Совместная работа учителя и ученика над ценностными универсалиями и, соответственно – над универсалиями мировоззренческими как раз и предполагает возможность воспитания гармоничного восприятия окружающей реальности и ответственного отношения человека к миру.

Выяснение сущности мировоззренческих парадигм образования является, по сути дела, одной из главных, первоочередных задач педагогического процесса в вузе, в школе и семье. Поэтому теоретическую значимость разработки проблемы мировоззренческих основ в образовательном процессе необходимо признать весьма высокой: от ее решения зависит успешность выполнения других образовательных и воспитательных задач. Без четкого представления о том, какое мировоззрение следует формировать у учащихся, невозможно найти аутентичные способы обучения и воспитания, выстроить логику самого процесса образования, а главное – отыскать пути развития в человеке его истинно человеческих качеств и их всестороннего гармоничного сочетания. Это объясняется фундаментальным характером мировоззрения, который детерминирует все стороны жизнедеятельности человека, проектирует весь способ его бытия.

От того, на какое мировоззрение будет ориентироваться казахстанское общество, зависит его будущее, его благополучие и процветание.

Если в обществе существует одновременно множество мировоззрений, то это означает наличие в данном обществе разнообразных социальных групп и слоев. И чем больше будут различия в типах мировоззрения этих групп и слоев, тем серьезнее и глубже будет расслоение общества, тем менее стабильным будет его функционирование.

Необходимо сочетать разнообразие образовательных проектов и учреждений образования с определенным, базовым единством их ценностных установок. Только такой подход позволит сохранить, с одной стороны, богатство культурного многообразия в казахстанском полиэтническом и поликонфессиональном обществе, а с другой – принципиальное единство общественного целого на основе принятия единых аксиологических норм и мировоззренческих универсалий.

ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

О. В. Щупленков, Н. О. Щупленков

Неопределенность положения, присущая молодому поколению во все времена, сегодня многократно усиливается из-за необходимости преодолевать различные материальные, социальные, житейские препятствия. Психику молодых людей травмируют многообразные затруднения: отсутствие надежных учебных умений и навыков, неспособность самостоятельно преодолевать трудности интеллектуального характера, скептическое отношение к соблюдению этикета общения и поведения, переживание психологического дискомфорта в условиях социального расслоения студенческого общества на «богатых», «бедных», «новых русских», «новых осетин» и т.д. Эти причины лежат в основе нравственной неустойчивости значительного числа современной молодежи. Следствиями этого становятся инертное отношение к овладению будущей профессии, к расширению собственного кругозора, повышению культурного уровня, чувство социально-психологической усталости, суицидальные томления, погоня за ложной романтикой самореализации, девиантное поведение и т.д.

Приобщение к общечеловеческим ценностям неразрывно связано с проблемой

нравственного воспитания. Об этом свидетельствует ряд педагогических исследований, в которых нравственное воспитание обучающихся проявляется в отношении к окружающему миру [1] [2] [3].

В.А. Сухомлинский также рассматривал нравственность как нормы, правила отношений между людьми и отношения к обществу [4].

Таким образом, когда мы говорим о формировании отношений, мы имеем в виду прежде всего нравственные отношения.

Духовно-нравственные ценности являются подсистемой структуры любого человеческого общества и выполняют генеалогические функции, закрепляя их в материальных и духовных формах, сохраняющихся, распространяющихся, усваивающихся и передающихся другим поколениям, поскольку развитие социума невозможно без эстафеты преемственности в становлении культуры. Через призму генеалогических знаний о своей семье, своем роде человек воспринимает мир как некую гармонически устроенную систему гуманистической направленности, а его генеалогические представления помогают ему стать более целостной личностью.

Существование нескольких образов нравственной культуры и усложнение условий их восприятия людьми актуализируют необходимость целенаправленной квалифицированной помощи молодым людям – учащимся, студентам – в осмыслении сложившихся позитивных нравственных ценностей и нейтрализации ценностного восприятия людьми нигилистических нравов. Интенционального восприятия человеком нравственной культуры для полноценной социализации в обстановке плюралистического сосуществования ее различных вариантов становится недостаточно. Оно должно быть дополнено возможностью осознанного выбора человеком индивидуальных нравственных ориентаций на основе сопоставления им ценностных характеристик каждого типа нравственной культуры, осознанного отказа от элементов нигилистического мировосприятия и формирования на основе информированности толерантного отношения человека ко всем позитивным типам нравственной культуры.

Нравственная культура – это характеристика личности человека с точки зрения его нравственного развития, сознания и поведения, а так же совокупность нравственных качеств (черт), присущих людям определенного общества, социальной группы, характеризующей уровень их нравственного сознания и поведения. Она включает в себя нравственные знания, чувства и убеждения, нравственные качества и навыки поведения, нормы этикета, которые проявляются в отношениях с другими людьми. Если, например, в политической культуре человека выражается его отношение к государству, общественному и государственному строю, а эстетическая культура личности характеризует ее отношение к прекрасному и безобразному, то нравственная культура личности проявляется в ее отношении к другим людям, в поведении человека с точки зрения добра и зла, долга и совести и т.п.

Академик Н.А. Лазарев выделяет такие нравственно-моральные ценности, как ценность христианской любви, ценностный принцип терпимости, ценность почитания родителей, ценность супружеской верности [5].

Нравственная культура общества – и этап, и продукт духовного освоения мира посредством морали. В нравственной культуре сосредоточено все существенное, что прошло через моральное сознание и отношения людей, что составляет содержание их осмысленной деятельности. Целесообразно рассматривать нравственную культуру в соответствии с основными социальными функциями морали в четырех аспектах: гносеологическом, социологическом, аксиологическом и нормативно-воспитательном.

Основу нравственной культуры составляет нравственное сознание. В сердцевине данного качества лежит установка на отношение к человеку как величайшей ценности.

Нравственная культура проявляет себя в этической грамотности, нравственной умелости; сформированности отношения к базовым общечеловеческим ценностям [6].

По своей значимости слово «нравственность» почти эквивалентно слову «культура», ведь оба эти понятия, по сути, подразумевают соответствие индивида социальным нормам. Но если культура существует по отношению к индивиду как бы извне, то в нравственности – как в производном от нравов – проявляется ставшая привычкой и образом мысли свободная воля индивида.

Воспитание нравственности и создание представлений о морально-должном – одна из главных задач не только педагогического процесса, но и этики как философско-практической области знания о морали и нравственности. Создание нравственно-этической направленности образовательного и воспитательного процесса – одна из актуальнейших задач современной педагогики. Формирование устойчивого и ценностно-ориентированного идеала в этой системе занимает важное место, поскольку именно от формирования этого понятия, его содержательности, будет зависеть не только целевая направленность целостного педагогического процесса, но и его ключевые принципы.

Нравственные идеалы, являющиеся ценностным стержнем личности совершенствуются, определяют перспективу ее развития, связывают исторические эпохи и поколения, устанавливают преемственность лучших традиций в образовании. Поликультурные ценности утверждаются в жизни не случайно, они зависят от экономических, социальных, политических отношений в обществе, служат опосредующим звеном между официальной доктриной образования и мировоззрением участников учебно-воспитательного процесса. Выделяясь из палитры общесоциальных значений, ценности характеризуют аксиологическое содержание профессионального «Я» будущего специалиста. Доподлинно известно, что поликультурная личность проявляет достаточную осведомленность в знании родной и чужой культурной среды и, по свой сути, адаптивна. Она представляет собой сложное структурное новообразование, состоящее из когнитивного, аффективного и конативного компонентов, которые одновременно выступают и критериями ее сформированности. Яркими показателями поликультурной направленности личности являются: глубокие знания о современных тенденциях развития мировой цивилизации, процессах глобализации, о культуре как социальном феномене, политико-культурном разнообразии современного мира; осознание собственной этнокультурной принадлежности, осведомленность в особенностях функционирования различных культурных групп, их нормах и традициях межличностного взаимодействия; эмпатийность, толерантность, эмоциональная стабильность, высокий уровень конфликтоустойчивости, гуманистическая направленность личности в целом.

Литература

1. Белкин, А.С. Педагогический поиск (развитие наклонностей и способностей учащихся). – Свердловск, 1965.
2. Бондаревская, Е.В. Нравственное воспитание учащихся в условиях реализации школьной реформы: Учеб. пособие. – Ростов-на-Дону, 1986.
3. Шилова, М.И. Учителю о воспитанности школьников. – М., 1990.
4. Сухомлинский, В.А. Духовный мир школьника. – М., 1961.
5. Лазарев, Н.А. Теоретико-методологические основы развития личности студентов с опорой на их религиозно-духовные гуманистические ценности: Дис… д-ра пед. наук. – Сочи, 2001.
6. Шиянов, Е.Н. Педагогика: общая теория образования: Учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений. – Ставрополь, 2007.

ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ И МАРГИНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

С. Н. Соколова, А. А. Соколова

Воспитать человека интеллектуально,
не воспитав его нравственно, – значит
вырастить угрозу для общества.
Т. Рузвельт

В условиях технической модернизации, переориентации общественных отношений, особенно актуальным становится исследование вопросов социокультурного и духовно-нравственного облика современной молодежи. Детерминантные факторы социального бытия трансформируют поведенческие установки и образцы для подражания, не позволяя более адекватно конкретизировать жизненные ориентиры, порождают экстремистские настроения, затрудняя в целом процесс социализации.

«На сегодняшний день интеллектуально развитый человек, не имеющий моральных ценностей в качестве основы своей жизни, может быть более опасным для общества, чем малообразованный человек. Именно поэтому уделять повышенное внимание воспитанию необходимо даже больше, чем самому процессу обучения» [1, с. 48].

Существующая реальность динамична и видоизменяется под влиянием компьютерных технологий, средств массовой информации, особенно, кинематографа, формирующего общественное сознание. В связи с этим интересен вопрос, связанный с поиском национального героя, как примера и необходимого «значимого другого» для современной молодежи.

Во-первых, по причине хаотичной расстановки акцентов в процессе создания образа героической личности, которая синтезировала бы в себе высокий уровень интеллекта, самосознания, национальный колорит, физическое совершенство, культурную самобытность и была бы воспринята молодежью, не уступала бы в популярности зарубежным кумирам.

Исходя из этого, процесс поиска героя необходимо направить и консолидировать в определенном идейном фарватере, а тем, кто занимается идеологической и воспитательной работой необходимо четко обозначить вектор движения в контексте развития культурно-исторической реальности, национальных традиций и менталитета белорусской молодежи.

Во-вторых, в связи с возникшим ценностным вакуумом, который не заполняется автоматически, и этот факт представляет собой реальную угрозу для общества. Необходим социальный заказ и создание киносценариев, литературных произведений, спектаклей, телепрограмм, мультфильмов, музыкальных телепередач с конкретным патриотическим содержанием и гуманистической направленностью.

В-третьих, в результате особого отношения к современным женщинам в обществе укоренилось мнение, что героический поступок должен быть связан только с мужчиной, так как реальность настоятельно требует героя-мужчину. Может быть, современные мужчины опасаются конкуренции, или у женщин в Республике Беларусь наиболее ярко выражено стремление в реализации общегосударственной стратегии?

Скорее всего, что гендерный подход несколько устарел и такая постановка вопроса не совсем соответствует действительности. Специалисты считают, что у современной молодежи, чаще всего, ролевой репертуар сильно трансформирован в силу ролевой дисфункции. Именно поэтому, сегодня важно правильно акцентировать внимание молоде-

жи на различном понимании героем-мужчиной своего предназначения и патриотического долга. Например, солдат Рембо, полицейский из кинофильма «Крепкий орешек», доктор Лайтман из сериала «Обмани меня», оперативник из сериала «Агент национальной безопасности». Интересным и совершенно парадоксальным моментом является то, что телеэкран предлагает героя-женщину, которая сегодня наравне с мужчиной решает сложные социальные проблемы, например, Лара Крофт, солдат Джейн, женщина из кинофильма «Солт», женщины-героини в сериалах «ФЭС» и «Морские котики».

Размышляя над вопросом, кто же сегодня может стать героем, молодые люди чаще всего не могут определиться, они не в состоянии сделать свой выбор. Чаще всего они предпочитают быть похожими на своих родных, знакомых, друзей, которые, по их мнению, являются «настоящими героями». Молодежь, занимающаяся спортом, выбирает чаще всего тренера, известного спортсмена, сильного физически человека, характеризуя его как «храброго, независимого, способного выжить в любых условиях и победить всех».

Сегодня формула «всех убью – один останусь» оказывается действенной как никогда, так как именно она раскрывает основную идею всех компьютерных игр, телепрограмм, кинофильмов, телесериалов («Глухарь», «Черкизон»). Насилие, экстремизм чаще всего предлагается средствами массовой информации как необходимая система мер для защиты.

«Таким образом, человек может при помощи деятельности стремиться разрушить установленные обществом правила и нормы, а взамен попытаться установить свои, своей социальной группы, партии и т.д. Причем для преодоления устоявшегося общественного порядка человек может использовать насильственные способы борьбы (политические убийства, захват заложников, диверсии и др.). Поэтому данную деятельность можно назвать деструктивной, а можно – экстремистской» [2, с. 71].

К большому сожалению, сегодня выбирая героев, молодежь особое внимание уделяет не общественной пользе, благотворительности и процветанию государства. Молодых людей постепенно поглощает стремление обладать материальными ценностями для обеспечения личного комфорта, благополучия, материального достатка и доступа к потреблению «благ цивилизации».

Исследуя мотивацию молодежи и процесс выбора приоритетов, жизненных ориентиров, определения приемлемых моделей поведения, специалисты констатируют факт, что в выборе героя, «авторитетного, уважаемого другого» молодые люди чаще всего ориентируются на материальное благосостояние человека.

Высококвалифицированные рационалисты, высококлассные потребители, современные молодые люди категорически исключают возможность реализации формулы – «с милым (милой) рай и в шалаше». Молодежь не согласна с такой постановкой вопроса, так как уверена в том, что молодой человек обязательно должен «позаботиться о своей семье», «создать благоприятные условия для жизни своей семьи», «заработать много денег», «быть успешным и богатым» и «сделать хорошую карьеру».

Для современного молодого человека очень важно «иметь материальную базу для создания семьи», «иметь возможность жить в достатке», «иметь много денег», «иметь возможность дать детям хорошее образование».

В результате получается, что молодежь не всегда (социокультурный конфликт) стремится к самоактуализации, самореализации, саморазвитию, а хочет иметь как можно больше материальных вещей, товаров, услуг и денег. Именно поэтому в современном обществе возможен социокультурный конфликт, «возникающий в процессе взаимодействия определенных социальных групп, определяется как предельное обострение противоречий в процессе совместного воспроизводства социальной реальности между боль-

шими социальными общностями (национальными, расовыми, этническими, конфессиональными). Противоречия могут быть основаны на нарушении системы культурных ценностей в этническом, религиозном и цивилизационном аспектах и ощущаемой (реально или мнимо) на этом основании ущемленности социального статуса» [3, с. 91].

Совершенно очевидно, что молодежь не однородна, выбирает различные ориентиры, но есть одна главная для всех составляющая – это стремление к потреблению, достатку и комфорту, чаще всего за счет других людей (родителей, родственников, друзей, знакомых, государства).

Средства массовой информации, кинематограф не предлагают молодому поколению приемлемых идей для творческого развития. Отсутствуют варианты для осмысления себя как уникального творческого, созидающего существа, рожденного не только для того, чтобы уничтожать ресурсы планеты и потреблять.

«Мы же исходим из представления о многоуровневой и вместе с тем целостной системы природы человека, а именно из его понимания как космо-био-социо-культурно-экзистенциально-духовного существа, как многоуровневой и сверхсложной системы бытия» [4, с. 7].

Парадоксально, но в современном кинематографе, предлагаемый главный герой вступает в противоречие с властью. Как быть в таком случае с героем, который должен бороться с преступностью, с коррупцией, решать все вопросы, не всегда решаемые властью? Можно ли и нужно ли помогать нуждающимся и обездоленным людям бесплатно? С какой целью необходимо заниматься благотворительностью: по призванию сердца, или для получения преференций в налоговой службе?

Какой героический пример для воспитания добропорядочного молодого человека, патриота и гражданина необходим белорусскому обществу: способный совершать трудовые подвиги, создавать иллюзорное спокойствие? Или он должен быть обычным, инертным, лениво-равнодушным продуктом, воспитанным в обществе потребления? А может быть герой должен решать глобальные вопросы или жить только для себя, не переживать за судьбу государства и близких людей?

В связи с этим возникает много других вопросов: герой будет спасать авторитет власти, саму власть или граждан, бороться с нищетой, помогать отдельным людям решать социальные проблемы, или охранять авторитет и спокойствие власти?

Социальное поведение молодежи, как это ни парадоксально, имеет особое значение для властных структур и главная задача для современного кинематографа – предложить свою формулу, способствующую реализации позитивных и созидательных стремлений молодежи.

Информационное общество, в итоге, репродуцирует определенную систему ценностей для современной молодежи, но иногда это антиценности. Дезориентация молодого поколения в социальном пространстве порождает экстремизм и деструктивные последствия.

В связи с этим, актуализируется маргинальная безопасность, которая имеет прямое отношение к экстремизму, коррупции, алкоголизму, наркомании, табакокурению, торговле оружием и людьми, торговле человеческими органами, киберпреступности, агрессивно-насильственным явлениям негативного характера. Маргинальная безопасность, прежде всего, связанна с деструктивными и корпоративными интересами, проявлением социально-политической нестабильности, связанной чаще всего с медиопространством, религиозной демагогией, конфессиональными разногласиями, экстремизмом, расизмом, финансово-экономическими и политическими кризисными явлениями, локальными военными конфликтами. Так, например, существуют различного плана группировки, которые устраняют насильственным путем прогрессивных политиков, со-

трудников правоохранительных органов и в результате этих разрушающих действий маргинализировавшаяся часть общества, а особенно, примкнувшая к криминальной структуре молодежь, пытается реализовывать свои преступные наклонности. Путем использования радикальных экстремистских лозунгов, оставаясь на нелегальном или полулегальном положении эта маргинализировавшаяся часть общества не находит для себя приемлемую социальную «нишу». Как свидетельствует практика, чаще всего, после выполнения своих агрессивных действий, заданий деструктивного характера, преступные молодежные группировки нейтрализует милиция и специальные подразделения. Нельзя забывать, что целью существования «криминального бомонда» является поиск приемлемой и безопасной только для них среды обитания. Маргинальная безопасность позволит скорректировать деятельность молодежных криминальных группировок, высокопрофессионально осуществить эффективный контроль «криминального бомонда» и обеспечить эффективную безопасность общества от деструктивного влияния криминальных элементов.

Молодежь сегодня находится в постоянном круговороте событий, изменяющихся ценностных установок, обновляющихся моральных норм, ценностных вариаций, которые происходят под воздействием мультимедийного пространства, и что требует обязательного научного осмысления. Нельзя недооценивать влияния информационного пространства на современную молодежь и возможности манипулирования ею. «Сформировалась противоречие между системной комплексностью проблем духовно-нравственного развития и узковедомственным характером государственного управления процессами в духовной сфере, не создана эффективная система государственного управления духовно-нравственной безопасностью (в том числе и ее институциональная структура). Перечисленное выше, в определенной степени, можно рассматривать как одну из угроз духовной безопасности страны» [5, с. 340].

Ценности современной молодежи и маргинальная безопасность взаимосвязаны, так как нельзя забывать, что общегосударственная стратегия должна учитывать потребности, интересы молодого поколения, а также формировать и направлять их физический, духовно-нравственный потенциалы, что возможно сделать с помощью информационного ресурса.

Литература

1. Грозов, В.В. Умом и совестью. О необходимости введения в белорусских школах курса «Основы отечественной духовной культуры» / В.В. Грозов, Ю.Э. Краснов // Белорусская думка. – 2011. – № 7. – С. 48–51.
2. Арчаков, М.К. Психологические особенности политического экстремизма // Власть. – 2010. – № 12. – С. 71–74.
3. Самойлова, О.М. Социокультурные конфликты (особенности определения и типологизации) // Власть. – 2009. – № 9. – С. 90–92.
4. Лебедев, С.А. Многомерный человек: онтология и методология исследования / С.А. Лебедев, Ф.В. Лазарев. – М.: Издательство Московского университета, 2010.
5. Теребихин, В.М. Духовно-нравственный кризис как угроза национальной безопасности России и некоторые государственно-управленческие аспекты формирования системы духовной безопасности // Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание: материалы. – Центр пробл. анал. и гос.-упр. проект. – М.: Научный эксперт, 2010.

О НЕКОТОРЫХ ЦЕННОСТЯХ МОЛОДЕЖИ

Н. Л. Антипина

По оценкам российских исследователей подавляющая часть будущих специалистов не заинтересована в собственном профессиональном развитии. Причина эта связана с незрелостью ценностно-мотивационной сферы, что проявляется, в частности, в неосознанном подходе к выбору профессии.

Так, например, анализ результатов недавнего исследования студенческой аудитории по методике «Мотивация обучения в ВУЗе» показал, что при выборе ответа студентов на вопрос «Почему Вы выбрали данную профессию?» очень часто встречаются следующие варианты: «я сам не знаю, чего хочу», «пошел учиться, как сказали родители», «моя работа кажется мне бессмысленной» и т.д. [1].

Случайность профессионального самоопределения может привести не только к разочарованиям в выбранной профессии, но и тяжелым внутренним конфликтам и сложным переживаниям в дальнейшей жизни, поскольку фактор выбора профессии имеет особое значение, как определяющий интересы, жизненные ориентации и образ жизни человека.

Несмотря на то, что образование остается одной из доминирующих составляющих в системе ценностей современной молодежи, исследователи, однако, отмечают существенное снижение ее значимости. Это проявляется, прежде всего, в изменении отношения молодых людей к образованию как базовой ценности. Образование рассматривается в первую очередь как возможность получить хорошее место работы, а уже потом – как средство получения новых знаний.

Как показывают исследования, лишь у 20 % студентов ведущим мотивом является «овладение профессией», в то время, как у большинства опрашиваемых (35 %) определяющим оказывается мотив «получение диплома». При этом следует заметить, учащиеся в большинстве своем ориентированы на получение любого образования с минимальными усилиями – лишь бы получить диплом.

Сегодня многие ученые, педагоги, преподаватели серьезно обеспокоены происходящими преобразованиями в системе российского образования, отмечая при этом падение общего уровня учебной мотивации, что выражается в постепенном исчезновении стимула к учебе.

Между тем, основные цели любого образования направлены на формирование знаний и умений, необходимых человеку, чтобы научиться самостоятельно мыслить и целенаправленно управлять своей жизнью во всех сферах, в том числе профессиональной. Достижение таких целей в системе профессионального образования невозможно представить без активности самого студента, заинтересованного в результате своего обучения.

Многие современные исследователи подчеркивают, что только глубокая личностная переработка и осмысление собственных мотивов студентом, соотнесение их с собственной системой ценностей способствует формированию успешной учебной и профессиональной деятельности (Р.Н. Цветкова, О.Г. Кагальницкая). Однако, на такую личностную, психическую активность способны далеко не многие нынешние выпускники школ.

Современная система образования в основном ориентирует на самостоятельное обучение и самообучение, развитие творческих способностей учащихся, формирование умений логически мыслить и критически оценивать ситуацию, выработку навыков анализа и обоснования полученных результатов. Однако, как показывает практика

работы в системе высшего образования, современная молодежь в большинстве своем не готова к такой деятельности и не стремится соответствовать новым требованиям.

Сегодня в вузы приходит аудиовизуальное поколение. Оно хорошо реагирует на резкие звуки, на sound, а не на длинную красивую мелодию: для них Рихард Вагнер и группа Rammstein – однопорядковые явления, тонкости и нюансы их не то, что не интересуют, они просто не замечают их. Студенты почти не реагируют на письменный текст, им нужны иконки, знаки, а еще лучше шоу. Им труднее читать книги, они не в состоянии долго держать мысль, следить за ее развитием, у них «мозаичное» мышление, другие ценности [2].

В обществе, где материальное благополучие и обогащение становятся приоритетными целями его существования, соответствующим образом формируется культура и ценностные ориентации молодых людей. В социокультурных ценностях современной молодежи превалируют потребительские ориентации [3].

Сейчас молодые люди на одну из первых позиций ставят материальное благополучие. То есть предпочтение отдано не столько духовным и нравственным ценностям, сколько материальному благополучию, как некоему стимулу жизненной активности. Причем, цель зарабатывания денег может достигаться любым доступным способом. А такие жизненные принципы, как «лучше быть честным, но бедным» и «чистая совесть важнее благополучия» уходят в прошлое, и остаются: «ты – мне, я – тебе», «успех – любой ценой».

Ценностный мир каждого человека необъятен. Однако существуют некие «сквозные» ценности, которые являются практически стержневыми в любой сфере деятельности. К ним можно отнести трудолюбие, образованность, доброту, воспитанность, честность, порядочность, терпимость, человечность. Именно падение значимости этих ценностей в тот или иной период истории всегда вызывает в нормальном обществе серьезное беспокойство.

Современная молодежь России проходит свое становление в очень сложных условиях ломки многих старых ценностей и формирования новых социальных отношений. Те приоритеты, которые раньше казались незыблемыми, сменяются другими. Этот процесс чрезвычайно сложный и он должен быть регулируемым и управляемым. Огромное значение придается системе воспитания и пропаганды новых прогрессивных ценностей. При этом главная ответственность в решении обозначенных проблем лежит на государстве. Сегодня вопрос о грамотной и эффективной молодежной политике становится все более актуальным в России, поскольку его решение напрямую связано с будущим России.

Литература

1. Жданова, Л.Г. Психологические проблемы периода молодости: учебно-методическое пособие. – Самара: ПГСГА, 2012.
2. Лоскутова, И.М. Каков ты – студент дневного отделения? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://chemodan.com.ua/ subscribe/ edu_70.html. – Дата доступа: 30.04.2013
3. Елишев, С. Проблемы современной молодежи: чего хочет молодежь? – Режим доступа: http://www.ruskline.ru/ analitika/ 2010/ 8/17/ problemy_ sovremennoj_ rossijskoj_ molodyozhi_ chego_ hochet_ molodezh. – Дата доступа: 30.04.2013.

ПРИНЦИП ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ

Ю. В. Головко

Проблема моральной ответственности человека имеет определяющий смысл в процессе формирования ценностных ориентаций молодежи. Реальные события, разворачивающиеся на глазах современника, не оставляют сомнений в том, что настоящий момент развития общества крайне сложен. Человечество не знает, куда оно идет, какими путями должен развиваться мир, в чем заключаются перспективы современного социума. До сих пор остается неразработанной методологическая основа социального познания происходящих в мире процессов, острейшие вопросы стоят перед аксиологией. Она зачастую заходит в тупик и не знает, чему отдать предпочтение: индивиду, малой или большой социальной группе, обществу в целом, потребностям развития государства. И, наконец, существует, пожалуй, наиболее острая проблема – регулирование, управление, смягчение и снятие негативных явлений, сопровождающих развитие современного мира в процессе формирования нового мирового социального порядка. В настоящее время возник целый ряд сложнейших, дотоле неизвестных, проблем, обусловленных утратой нравственных основ общества как системы. Научно-технический прогресс, принесший человечеству колоссальные блага, вместе с тем вызвал целый ряд негативных процессов, характеризующихся потерей гуманности, нивелировкой духовно-нравственных ценностей и, как следствие, общим ослаблением чувства уверенности и безопасности.

Отмеченные выше явления требуют введения в образовательный процесс дисциплин, формирующих у будущих специалистов, т.е. людей, в чьих руках в значительной степени окажутся судьбы мира, осознания ответственности за результаты своих решений и деяний. Именно этой проблематикой занимается философия, в частности такой ее раздел, как этика. Необходимо отметить, что наследие практически каждого заметного мыслителя прошлого включает в себя своеобразную этическую концепцию. Даже если философ не сформировал в своем творчестве особой самостоятельной этики, представления о должном и недолжном, добре и зле, поведенческих нормах так или иначе содержались, были растворены в его трудах, дав возможность поздним исследователям представить уже систематизированную нравственную доктрину. Этика античных философов, Аристотеля, Платона, конфуцианские представления о благородном муже, этика стоиков, средневековые религиозно обусловленные представления о добре и зле и поведенческом идеале, этика Спинозы, гуманизм мыслителей Ренессанса – эти разные, порой противоположные, системы взглядов демонстрируют непреходящее стремление человечества к выработке общих принципов нравственного поведения. Иммануил Кант воспринимается нами, в том числе, как философ, формализовавший этику в своем категорическом императиве. Более поздние этические построения характеризовались, с одной стороны, известной экстравагантностью и изяществом (как, например, у Ницше или экзистенциалистов), с другой – попытками расширить этическую проблематику за пределы традиционно понимавшейся под ней сферы отношений человека с человеком. Примерами такого рода являются идеи соборности и космизма, разрабатывавшиеся в русской философии, обозначившие переход от индивида как субъекта этики к ее коллективному субъекту и, соответственно, коллективной же ответственности. Другим примером может послужить возникшая в XX веке экологическая этика, синтетическая дисциплина, связанная с именем А. Швейцера, в системе которого претерпевает изменения уже объект традиционной этики, им становится природа, жизнь как таковая. XX век оказался плодовит на синтетические системы, резкий технологический прорыв, про-

изошедший на глазах одного поколения, существенно обогатил и расширил поле для философствования на тему взаимоотношений «человек – мир», тем более что это поле было подготовлено мыслителями предыдущих поколений. Именно этика была обречена на поиски ответа на вызовы цивилизационного взрыва. Неудивительно, что этическая проблематика доминирует практически во всех концепциях, созданных в это время. И именно в контексте взаимоотношений человека с его же креатурами, оказывающими существенное влияние на жизнь человечества, что свидетельствует о крайней актуальности введения этики в качестве основополагающей дисциплины для формирования личности молодого человека.

В условиях модернизации образования значительный интерес представляет этическая концепция Г. Йонаса. С именем Г. Йонаса связано становление понятий «новая этика», «этика ответственности». В своей концепции Г. Йонас объединяет этику справедливости и этику свободы, выдвигая ответственность как согласующее их понятие. Важным аспектом новой этики, вводимой в научный оборот Йонасом, является качественный переход сферы этического с преимущественно индивидуального уровня, где она традиционно находилась вплоть до недавнего времени, на уровень социальный, более того, глобальный. Ответственность, бывшая ранее предметом непосредственной поведенческой оценки деятельности личности, расширяется как в пространстве, переходя на более широкие слои общества, так и во времени, становится временной категорией в силу качественно иной отдаленности горизонтов последствий деятельности отдельных индивидов и групп. Глобальная ответственность, понимавшаяся как своего рода прерогатива провидения, божественной сущности, распространяется теперь и на человека. Этика ответственности, таким образом, становится более гуманистически выраженной и в силу ее объективной секулярности. Нравственный категорический императив Йонаса – «поступай так, чтобы последствия твоего действия были в согласии с непрерывностью праведной человеческой жизни на Земле», закладывает новые основы преподавания гуманитарных наук, придает им новый актуальный смысл. Современные молодые люди – это те, кто всего через несколько лет будет активно включен в общественную жизнь, если угодно – будущая основа общества, и те ценности, в том числе и обостренное понимание ответственности, которые будут заложены вместе с собственно профильным образованием, будут оказывать самое непосредственное воздействие на их практические действия. Таким образом, общие представления об улучшении нравов, характерные для традиционного понимания смысла преподавания гуманитарных дисциплин, приобретают здесь качественно новую актуализацию.

Несомненно, формирование этики ответственности через преподавание ее в курсе философии и этики в учебных заведениях может способствовать появлению нравственных мотивов в профессиональной деятельности, смягчению тех негативных последствий, которые зачастую данной деятельности сопутствуют. Концепция моральной ответственности помогает если не полностью избавить человека, живущего в условиях техногенной цивилизации, от постоянного страха перед негативными последствиями ее развития, то предложить формы решения имеющихся конкретных проблем, а также способствовать восстановлению у него так называемого «рационального страха», того самого, потерю которого человеком XX века стали констатировать ученые во второй его половине. Важным представляется и формирование необходимости учета нравственного компонента в принятии решения, относящегося к сфере профессионального интереса будущего специалиста.

ПОКОЛЕНИЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

А. В. Кудинова

В современном обществе проявились две отчетливо выраженные тенденции: во-первых, «выражение различий во всех областях, принявших форму новых (или оживших) культурных вызовов, требующих публичного признания актора, ассоциируемого с ними»; во-вторых, «сочетание социальных требований с требованиями культурного признания [1, с. 21]. Это обусловлено тем, что в условиях глобализации пробуждается социокультурная активность, как инновационных слоев общества, так и традиционалистских социальных сегментов, «когда огромная масса людей подвергается эксклюзии в экономической, политической или иных формах общественной жизни», что приводит к возрастанию роли культурной идентификации субъектов социальной деятельности [2, с. 412].

Отличия молодого поколения – «поколения цифровой культуры» от поколения 40-летних, по мнению М.Е. Сандомирского, связано, прежде всего, с тем, что молодые люди, которые с детства, с юности активно пользуются новыми информационными технологиями, психологически отличаются от других поколений, в том числе и в области привычного способа функционирования мозговой активности. Молодые люди цифрового поколения более рациональны, более последовательны и логичны, отчасти менее эмоциональны [3].

Как представляется, отмеченная меньшая эмоциональность цифрового поколения связана, главным образом, с областью принятия решений и реализации производственных алгоритмов, а также созерцательным характером продуктов массовой культуры, что обусловлено воздействием корпоративной культуры и выстраиваемых руководством компаний технологических цепочек, ориентированных на интенсивную работу в рамках «коридора технологических правил», ориентированных на предписанный результат. Смещение поля приложения эмоциональной активности в область самовыражения в референтных группах, в том числе и в Интернет-социальных сетях, дружеском кругу в рабочих коллективах, с одной стороны, индивидуализирует эмоциональные проявления, с другой – побуждает к их «опубличиванию» в социальных сетях в Интернете, где эмоциональные реакции приобретают, отчасти, анонимный характер, но для индивида восполняются количеством просмотров или кликов на посты в Twitter или других Интернет-социальных сетях, дают ему общественное подкрепление и признание.

Именно ориентация на социальную активность и стремление к новому опыту делает людей-XXI генераторами и локомотивами инновационных социальных практик: «В силу своей ресурсоемкости и установке на проактивность люди-XXI значительно более интенсивно, по сравнению со средней нормой, пользуются институтами культуриндустрии» [4, с. 17–18].

К авангарду цифрового поколения молодежи относится группа успешных «яппи», составляющих 16–19 % от числа опрошенной молодежи, личная карьерная траектория которых определяется культурным и социальным капиталом семьи.

Группа «яппи» ориентирована на высокие должности, стремится к самореализации, они готовы многим жертвовать во имя достижения поставленных целей, слабо политизированы, но потенциально готовы к увеличению политической и гражданской активности, мобильны, инициативны, склонны к индивидуализму и уверены в себе, в большей степени, чем другие группы молодежи, освоили инновационные практики, среди досуговых практик предпочитают спорт и туризм и ориентированы на индивидуальное предпринимательство [5].

Каждый социум имеет три субстанциональных уровня: вещественно-энергетический, функционально-организационный, информационный. Первый представлен социальными общностями, второй – социальными институтами и организациями, третий – системами культуры [6, с. 103]. И именно системы культуры являются ядром и интегрирующим центром в данной иерархической системе, что позволяет ей выступать в качестве, стабилизирующей, адаптирующей и преобразующей силы современного развития.

Активность авангарда цифрового поколения в сфере социально-культурной деятельности позволяет не только модернизировать существующие традиционные ценности, сохраняя их морально-нравственное ядро, но аккумулировать в процессе кросс-культурных взаимодействий с представителями других культур достижения различных народов, не лишая себя ни гражданской, ни культурной идентичности. Уход от архаики, от одномерности восприятия окружающего мира и собственного исторического прошлого, осознание своего места в культурном потоке современности – все это в конечном итоге позволяет рассчитывать на готовность молодежи к трансформации общества в рамках сохранения преемственности исторического опыта поколений и высокой гражданской ответственности в условиях острой международной конкуренции культурных смыслов бытия.

Литература

1. Вивьерка, М. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде / М. Вивьерка, И.А. Халий – М.: Институт социологии РАН, 2007.
2. Заславская, Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. – М., 2002.
3. Люди XXI века – с вами или без вас? // Расшифровка радиоэфира радиостанции «Говорит Москва» 10.03.2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://re3.livejournal.com/306076.html. – Дата доступа: 31.01.2013.
4. Сводный аналитический отчет по проекту (гранту) № 182 «Инновационный слой "Люди-XXI": структура и потенциал социального развития». – Ставрополь, 2009.
5. Паутова, Л. Карьерные и профессиональные устремления нового поколения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fom.ru. – Дата доступа: 25.01.2013.
6. Немировский, В.Г. Универсумная парадигма в российской социологии // Социология на пороге XXI века. – М., 1999.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Д. Д. Ешпанова

Будущее нашей страны напрямую связано с тенденциями развития политической системы, в значительной степени определяющимися ценностными ориентирами и уровнем активности молодежи. Сегодня в активную социальную жизнь входит поколение ровесников независимости. На них возлагаются надежда и ответственность за судьбу страны, они должны стать двигателем нового курса, им определять дальнейший путь страны, что было особо отмечено Президентом РК в Послании 2011 г. – Стратегия «Казахстан – 2050»: новый политический курс состоявшегося государства. В ней сказано: «Вы воспитаны в условиях независимости – того, чего не было у нас. Ваше независимое мышление – это фактор, который поведет страну к новым целям, кажущимся нам сегодня далекими и недосягаемыми» [1, с. 109].

Опираясь на результаты социологического опроса, проведенного в рамках проекта «Социально-политическая активность казахстанской молодежи» в ноябре-декабре 2012 г. Институтом философии и политологии КН МОН РК, постараемся выявить некоторые существенные характеристики массового сознания казахстанской молодежи, а именно: какие ценностные ориентации подверглись наиболее пристальному вниманию общественного мнения. Анализ ценностных ориентаций молодежи позволит определить вектор социально-политических инноваций в историческом процессе, глубже понять особенности трансформаций и определить место молодежи в ней.

Сегодня государство демонстрирует повышенный интерес к молодежи. В стране появились молодежные организации, а крупные партии ориентированы на создание собственных молодежных объединений, в результате чего может возникнуть мнение о политизации молодежи. Однако результаты настоящего исследования этого не подтверждают, равно как и то, что аполитичность современной молодежи носит тотальный характер. Опрос показал, что доля молодых казахстанцев, активно интересующихся политикой, достаточно высока, при этом интерес к политике в молодежной среде особо не отличается от интереса к ней в других возрастных группах. В плане политической активности можно выделить две ориентации молодежи: 1) более активная, характеризующаяся политической и общественной деятельностью, и 2) более слабая, которую отличают лишь разговоры о политике.

Ответы молодых людей на вопрос, касающийся характера их политической активности, показали, что участие в общественно-политической жизни в основном сводится к участию в выборах в органы власти различного уровня, на это указали 33,0 % респондентов. Значительное число молодых людей отметили, что не проявляют никакого внимания к жизни общества (40,7 %), и 12,9 % принимали участие в коллективном благоустройстве подъездов и домов, и лишь 1,8 % заявили о своем участии в деятельности политических партий.

В целом, наблюдается низкая актуализация на совместные действия в рамках какой-либо организации, что подтверждается и данными об участии в деятельности общественных и политических организаций. Политика не является сферой интересов молодых людей, и активисты общественно-политических движений не популярны в молодежной среде, контакты с ними отметили лишь 12,5 % опрошенных.

В молодежной среде доминируют те же идейные ориентиры, что и у граждан всей страны: сторонников предпочтения порядка и стабильности политическим свободам и демократическим институтам (23,9 %); сторонников идеологии и либеральных реформ (22,9 %). При этом, во-первых, молодежь от старшего поколения отличает меньший удельный вес сторонников социалистической идеи; во-вторых, больше, чем у старших групп, доля «зеленых», тех, кто выступает за охрану окружающей среды и экологии. Доля сторонников социализма (11,8 %) в молодежной среде выше, чем доля тех, кто выступает за дальнейшую демократизацию страны (6,9 %), в-третьих, сторонников авторитарных взглядов в молодежной среде меньше, чем в группах старшего поколения, в-четвертых, доля рыночников в молодежной среде больше, чем в других возрастных группах. Таким образом, молодежь по своим идейным ориентирам отличается от старшего и среднего поколения, и это понятно, учитывая тот факт, что нынешняя молодежь, особенно поколение 18–25-летних, выросло и продолжает формироваться в принципиально иных условиях, чем поколение их отцов, это – поколение, которое можно назвать постсоветским.

Анализ опроса позволяет выявить следующие тенденции в идейно-политических ориентациях казахстанской молодежи: во-первых, в идейно-политических ориентациях современной молодежи доминируют государственнические и традиционно-

демократические ориентации. Во-вторых, есть основания говорить о значительной укорененности в молодежной среде социалистических ориентаций. В данной тенденции, на наш взгляд, проявилось стремление молодежи к справедливости и порядку.

Согласно данным опроса, приоритетами для молодого казахстанца являются: семья, дети, дом, учеба и образование, работа и дело. Эти позиции являются традиционными, но сегодня их можно рассматривать как ценности индивидуализма, актуальность которых связана с нарастающей тенденцией либерализации общества, что в некоторой степени характеризует возросшую уверенность в собственных силах. Зачастую он аполитичен, но это не носит тотального характера. Выявление причин аполитичности требует специальных исследований, но с достаточно высокой долей вероятности можно назвать некоторые из них: негативные факторы в политической и общественно-экономической жизни общества; коррупция и бюрократизм; низкий уровень политической компетенции; низкий уровень доверия к политическим институтам и к политикам; низкий престиж их у молодежи; «ощущение, что от тебя ничего не зависит».

Казахстанское общество уже не является социалистическим, но в массовом, и даже молодежном сознании сохранились базовые ценности, уходящие в прошлое социальной системы. Молодой казахстанец – это «человек экономический», ориентированный на семью, работу, карьеру. Выгода и материальная заинтересованность являются основными мотивами его поведения. Для него важна ценность труда, но труд для него, скорее, средство обретения определенного социального статуса, чем сфера реализации творческой энергии. Самой распространенной формой активности выступают «политические разговоры»: обсуждение политической ситуации с друзьями, отслеживание новостей в СМИ, Интернете. Вовлеченность молодежи в активные действия крайне низка. Политика, политическая жизнь являются фоновой сферой для значительной части молодежи, что вполне закономерно, так как в этом возрасте главное внимание сконцентрировано на учебе, семье, работе и карьере.

Среди идей и ценностей, которые в настоящее время могли бы способствовать дальнейшему развитию казахстанского общества, молодежь, так же как и граждане республики, выбирает, прежде всего, ценности, олицетворяющие устойчивость и стабильность, это – сильное государство, крепкая семья, законность и порядок. Признавая демократию как условие существования свободы, в то же время, молодой казахстанец склонен доверять сильной власти, способной обеспечить стабильность любыми средствами. Таким образом, процесс политической социализации молодых казахстанцев, усвоение им норм демократии противоречив и неоднозначен: безусловно, формируется либерально-демократическое сознание, но присутствует и эклектическое усвоение отдельных ее ценностей. Политическое сознание как воспроизводит традиционные ценности, так и формирует новые, современные.

И все же, при всей неоднозначности и противоречивости ценностного сознания молодежи, надо видеть и общие позитивные результаты. Молодежь обрела свободу – как необходимое условие самоопределения и самоутверждения. Молодежь показывает большую открытость, чем старшее поколение, а это дает ей возможность более успешной интеграции в мировое сообщество. Она свободна в своих идейно-политических ориентациях, а главное, как показывают многие исследования, она патриотична и верит в будущее Казахстана.

Литература

1. Стратегия «Казахстан – 2050»: новый политический курс состоявшегося государства / Послание Президента Республики Казахстан – лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана. – Алматы, 2012.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

Н. Н. Сечко

Мы живем в сложное, но очень интересное время: мир вступил в стадию кардинальных экономических, общественных, военно-политических и иных изменений, характеризующихся высокой интенсивностью и динамичностью. Интересы большинства человечества затронуты процессами глобализации, происходит передел рынков, перераспределение финансовых потоков и производительных сил, обострение конкуренции. Обозначаются контуры новых центров экономического лидерства, развиваются региональные интеграционные образования.

Данные процессы открывают новые возможности и таят потенциальные угрозы, колоссальным образом влияют на систему ценностных ориентаций различных социально-демографических групп, и в первую очередь молодежи. Чем живет белорусская молодежь? Сможет ли она дать адекватные ответы на вызовы происходящих изменений? Ценностные ориентации выступают как «элементы внутренней структуры личности, сформированные и закрепленные жизненным опытом индивида в ходе социализации и социальной адаптации, ограничивающие значимое от незначимого через принятие личностью определенных ценностей, осознаваемых в качестве рамки предельных смыслов и основополагающих целей жизни, а также определяющие приемлемые средства их реализации» [1, с. 1215]. Социальные трансформации и кризисы обусловливают необходимость переосмысления систем ценностных ориентаций, преодоления возникающих в них противоречий, поиск смысловых оснований жизни. Это обусловливает актуальность изучения ценностных ориентаций белорусской молодежи.

Институтом социологии НАН Беларуси осенью 2012 года было проведено республиканское социологическое исследование, одним из направлений которого было изучение ценностных ориентаций молодежи. Результаты исследования показывают, что среди наиболее значимых ценностей для белорусской молодежи можно выделить следующие: здоровье – 72,8 % молодежи, семью как ценность отметили 71,8 %, любовь – 63,2 %, материально обеспеченную жизнь – 52,0 % молодежи (табл. 1).

Следует отметить, что здоровье как ценность имеет первостепенное значение для всех возрастных молодежных групп, а значимость и рейтинг других ценностей несколько варьирует в зависимости от возраста респондентов. Так для первой молодежной группы (16–19 лет) помимо здоровья (68,2 %) значимы такие ценности как любовь (65,6 %), семья (62,3 %), материально обеспеченная жизнь (45,0 %), интересная работа, профессия (37,1 %), знания, образование (31,8 %). Для данной молодежной группы более значимы, чем для более старших возрастных групп, следующие ценности: «карьера, высокое положение в обществе» – 27,2 % по сравнению с 12,1 % в возрастной группе 25–29 лет, «знания, познание мира, людей, образование» – 31,8 % по сравнению с 25,4 % в возрастной группе 25–29 лет. В силу возрастных особенностей и материальной поддержки со стороны родных менее значимы для данной молодежной группы такие ценности как «материально обеспеченная жизнь» – 45,0 % по сравнению с 57,3 % в возрастной группе 25–29 лет, и «душевный покой, комфорт» – 20,5 % по сравнению с 40,8 % в возрастной группе 25–29 лет.

Для второй молодежной группы (20–24 лет) более значимы, чем для других молодежных групп такие ценности как «любовь» – 67,0 % по сравнению с 58,0 % в возрастной группе 25–29 лет, «самореализация» – 26,8 % по сравнению с 22,0 % в возрастной группе 25–29 лет. Для третьей молодежной группы (25–29 лет) характерно то, что вес таких общезначимых для всей молодежи ценностей как «здоровье», «семья» и «матери-

ально обеспеченная жизнь» в ней выше, особенно значимая разница наблюдается по ориентации на «душевный покой, комфорт» (табл. 1).

Настораживает тот факт, что для белорусской молодежи мало значимы такие ценности как «общественное признание, известность, репутация» – данную ценность отметили 6,0 % в возрастной группе 16–19 лет и только 2,9 % в группе 24–29 лет, ценность «творчество» – отметили 8,6 % в возрастной группе 16–19 лет и только 4,4 % в группе 24–29 лет. «Помощь людям» как жизненную ценность отметили только 12,7 % белорусской молодежи, ценность «свободы как независимости поступков, суждений» – 14,0%, «самоуважение» – 15,5%. Слабо выражены и трудовые ценности: значимость «интересной работы, профессии» важна только для 39,7 % респондентов, «самореализации» – для 24,7 %, «карьера» – для 18,5 % молодежи.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что для Вас в жизни является наиболее важным?»,%

Варианты ответа	Возраст, лет			В целом по молодежной группе
	16–19	20–24	25–29	
Душевный покой, комфорт	20,5	26,3	40,8	30,2
Здоровье	68,2	73,0	76,1	72,8
Знания, познание мира, людей, образование	31,8	25,1	25,4	27,1
Интересная работа, профессия	37,1	39,7	41,7	39,7
Карьера, высокое положение в обществе	27,2	18,5	12,1	18,5
Любовь	65,6	67,0	58,0	63,2
Материально обеспеченная жизнь	45,0	51,7	57,3	52,0
Общественное признание, известность, репутация	6,0	4,5	2,9	4,3
Помощь людям	13,9	12,3	12,1	12,7
Самореализация	25,8	26,8	22,0	24,7
Самоуважение	17,9	16,2	13,2	15,5
Свобода как независимость поступков, суждений	15,2	14,6	12,6	14,0
Семья	62,3	75,3	75,7	71,8
Творчество	8,6	8,4	4,4	6,9

Таким образом, для белорусской молодежи мало значимы такие ценности как «общественное признание, известность, репутация», «творчество», «помощь людям», «свобода как независимости поступков, суждений» и «самоуважение», слабо выражены и трудовые ценности. Среди наиболее значимых ценностей для белорусской молодежи можно выделить здоровье, семью, любовь и материально обеспеченную жизнь. С увеличением возраста в молодежной группе возрастает значимость таких ценностей как «душевный покой, комфорт», «здоровье», «семья» и «материально обеспеченная жизнь».

Литература

1. Абушенко, В.Л. Ценностные ориентации // Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Минск: Книжный Дом, 2003.

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е. С. Бабосова

В современном белорусском обществе весьма актуальной является проблема формирования ценностных ориентаций. Поскольку современная молодежь как один из наиболее мобильных слоев общества является участником социальных, политических и культурных процессов, то особую актуальность приобретают исследования ее ценностных ориентаций, потребностей и жизненных идеалов. Изучение ценностных ориентаций молодежи позволяет выявить степень ее адаптации к новым социальным условиям, зафиксировать характерные черты этой социальной группы.

В условиях развития и становления информационного общества все более значительную роль в формировании ценностных ориентаций молодежи играют средства массовой информации. Этому способствуют следующие отличительные характерные признаки СМИ: доступность, многообразие каналов, использование разнообразных технических средств, своеобразие обратной связи, высокая степень частоты и передачи информации, универсальность.

Для того чтобы получить более конкретное представление о роли СМИ в формировании ценностных ориентаций современной молодежи, целесообразно обратиться к результатам конкретных социологических исследований. Так, в 2012 г. Институтом социологии НАН Беларуси был проведен республиканский ежегодный мониторинг общественного мнения, одной из задач которого являлось выяснение ценностных ориентаций, в том числе и молодежи. Было опрошено 2107 человек, в том числе 541 молодой человек в возрасте до 29 лет, что составляет 25,7% от общего количества опрошенных, в том числе 276 юношей и 264 девушки, проживающие в столице и областных центрах, малых городах и сельской местности, что соответствует статистическим данным генеральной совокупности. Это дает основания говорить о некоторых тенденциях, проявившихся во всех молодежных группах респондентов как характерных для белорусской молодежи в целом.

Наиболее распространенным источником получения молодежью необходимой и актуальной информации о жизни в Беларуси и за рубежом является глобальная сеть Интернет. К данному средству информации обращается подавляющее большинство опрошенных молодых респондентов – 79,2 %. Дальше по мере убывания важности источников информации для молодежи, следует телевидение – 66,1 % опрошенных молодых людей предпочитают получать необходимую информацию из этого источника. Получают информацию из такого источника информации как радио 22,5 % молодых беларусов. Предпочитают использовать для таких целей печатную периодику (газеты, журналы) – 22,4 % респондентов. Кроме того, около четверти опрошенных молодых людей получают необходимую информацию от родственников, друзей и коллег – 27,9 %, а 7,8 % – используют для этого официальное информирование по месту работы или учебы.

Глобальная сеть стала неотъемлемой частью жизни современного общества, а круг пользователей этой информационной сети постоянно расширяется, в том числе и в Беларуси. Посредством использования сети Интернет молодой человек получает возможность включаться в новые потоки информации, в том числе и касающиеся различных образовательных, научно-исследовательских и социокультурных вопросов. Для большинства молодых людей основным источником получения информации, заслуживающим доверия, является сеть Интернет. Это подтверждается и данными других социологических и маркетинговых исследований, результаты которых свидетельствуют о том, что основная масса белорусских пользователей – люди в возрасте 25–34 лет

(30,3 %) и молодежь 19–24 лет (20,7 %).

Проведенный республиканский мониторинг свидетельствует о том, что большая часть опрошенных показали себя активными пользователями сети Интернет – отметили, что они пользуются Интернетом практически каждый день 76,5% респондентов. Делают это не реже 1–2 дней в неделю 12,8% опрошенных молодых людей, не реже 1–2 раз в месяц – 3,7%, реже 1 раза в месяц – 2,4%.

Интересным представляется узнать, для чего молодежь использует сеть Интернет, какие сайты посещают молодые люди, какими ресурсами пользуются. Отрадным является тот факт, что основным посетителем новостных ресурсов сети Интернет является молодежь. Согласно данным исследования европейского исследовательского агентства gemiusAudience, проведенного в июне 2012 г., именно молодые люди составляют около 38% всей аудитории сети Интернет в Беларуси, и именно они осуществляют 41% просмотров Bynet. При этом на просмотр новостных ресурсов приходится примерно 12 % просмотров. В ходе исследования были проанализированы социально-демографические характеристики белорусских пользователей 76 сайтов. Общий охват исследования составил 836746 человек, которые сделали 74,5 миллиона просмотров страниц и провели на сайтах-участниках почти 1,5 миллиона часов. В процентном отношении это эквивалентно измерению 29% всей аудитории интернета в Беларуси. По июньским данным исследования gemiusAudience, треть посетителей общественно-политических информационных сайтов – молодежь в возрасте 15–24 лет [1].

Таким образом, можно сделать заключение, что СМИ, а особенно глобальная сеть Интернет, успешно развиваются в качестве основного поставщика молодежи необходимой общественно-политической информации. Более всего это характерно для молодой и образованной части современного белорусского общества. Этот тезис находит мощнейшее подкрепление в виде общемировой тенденции к переходу традиционных СМИ в электронный формат вещания. Уже сегодня многие белорусские газеты и радиостанции не только имеют свои сайты в сети Интернет, но и поддерживают свои электронные версии в сети Интернет. Кроме того, существует проект «Стратегия развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года», подготовленный Министерством связи и информатизации и НАН Беларуси. Документ предполагает установку нормативных требований по развитию в республике электронного правительства, электронного бизнеса, дистанционного образования и других сфер социального использования информационных технологий, которые, безусловно, окажут влияние и на развитие сети Интернет.

В целом, что касается влияния на формирование образовательных и социокультурных ориентаций, то современные СМИ скорее не формируют, а только лишь закрепляют уже сформировавшиеся ценностные ориентации, поскольку неограниченный на сегодняшний день выбор канала получения, формы и содержания информации обусловлен уже сложившимися ценностями. В целом можно сказать, что воздействие СМИ на молодежь является довольно неоднозначным, «СМИ создают двойственное взаимоисключающее влияние на образ жизни молодого человека: с одной стороны, они выступают как фактор, стимулирующий формирование здорового образа жизни у молодежи, с другой – провоцируют развитие вредных привычек, химических зависимостей, способствуют развитию психологического дискомфорта» [2, с. 96].

Литература

1. Аудитория общественно-политических интернет-ресурсов в Беларуси // Изучая белорусский интернет [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://probelnet.com/ content/ view/ 74/ 38. – Дата доступа: 28.12.2012.

2. Сафиуллин, Л.К. Социология средств массовой информации. – М.: Фауст, 2003.

ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ КУЛЬТУРЫ

Г. В. Вержибок

Реальностью системы современных социальных отношений являются определенные ментальные конструкты (стереотипы, ценности, нормы, установки, идеалы), характеризующие складывающиеся в экономическом и политическом, этносоциальном и социокультурном пространстве отношения между полами. Изменение современного общества связано не только с социально-экономическими трансформациями, но и с процессом модификации статусно-ролевых отношений между мужчинами и женщинами. Социальные статусы действуют в рамках культурного пространства данного сообщества, что означает: гендеру как статусу соответствует гендерная культура (B. Pfau-Effinger, 2000). Это находит свое отражение в гендерном сознании общества и индивида, которое включает гендерные установки, ценностные ориентации, стереотипы, нормы и ценности, связанные с восприятием личности как представителя определенного биологического пола (R. Merton, 1994). С одной стороны, на этой основе сохраняется стабильность общества и межпоколенческих связей, а с другой – структурные изменения в обществе могут дестабилизировать отношения в социальных группах и между людьми, привести к деструктивным последствиям индивидуального порядка (В.В. Гаврилюк, Н.А. Трикоз, 2000). Индивид включен и подчинен системе значений того конкретного социума, к которому он непосредственно принадлежит. Регулирование жизнедеятельности и отношений в публичной и приватной сферах поддерживается и воспроизводится различными социальными институтами (нормативными документами, механизмами государственного контроля, идеологическими кампаниями, СМИ и др.). Заданы общепринятые модели мужского и женского поведения, которым надо соответствовать, при этом в массовом сознании осуждается иной тип реагирования. То есть человек одновременно имеет уникальную возможность приобщиться к конструированию окружающей его социальной реальности, однако он несет за это конструирование ответственность (P. Berger, T. Luckmann, 1967).

Именно ценностно-смысловые конструкты выступают в качестве личностно образующего порядка и связаны с развитием самосознания, осознанием положения «Я» в системе отношений (Б.С. Братусь, В.Н. Мясищев), создают упорядоченную и осмысленную картину мира (А.Н. Леонтьев, Н.Ф. Наумова), являются регуляторами (М.И. Бобнева, Д.А. Леонтьев) и посредниками социального воздействия (С.С. Бубнова, Г.Л. Будинайте, О.Г. Дробницкий, А.В. Серый, В.А. Ядов, М.С. Яницкий и др.). Благодаря ценностям, как социально-обусловленной структуре (А.Г. Здравомыслов), вся сфера направленности личности функционирует как единое целое (Б.Г. Ананьев, Н.А. Журавлева), по степени их сформированности можно оценивать реализацию возможностей (А. Маслоу) и уровень развития личности. Ценностное отношение формируется в процессе деятельности и реализуется через нее, поэтому человек может выбрать цель, сформировать стратегию будущего, исходя из индивидуальной системы ценностей.

Отношение к себе и миру определяется потребностью в самоизменении и необходимостью выбора жизненной позиции на основе отбора условий для роста и их реализации в жизнедеятельности. Особенно актуальным этот вопрос становится в юношеском

возрасте – возрасте становления «Я» в системе общественных отношений, формирования структуры самосознания и ценностной системы, выбора профессионального и жизненного пути, поиска смысла жизни (А.Д. Барсукова, Л.А. Головей, А.И. Ковалева, И.С. Кон, Г. Крайг, В.С. Мухина, Ф. Райс, Х. Ремшмидт, Р. Хэвигхерст и др.). Особенности функционирования и развития молодежи как социальной группы определяются как специфической позицией, которую она занимает в процессе воспроизводства социальной структуры (как субъект производства и общественной жизни), так и ее способностью не только наследовать, но и преобразовывать сложившиеся общественные отношения. Однако, при анализе ценностных ориентаций молодежи необходимо учитывать действие двух механизмов – преемственности и изменчивости (Р. Бенедикт, К. Уисслер) как показателей динамичности и содержательности включения в социальное пространство при одновременном анализе принадлежности этой возрастной страты к различным культурам и социальным классам внутри одной культуры, что определяет длительность периода взросления (K. Lewin). Этот процесс включает серию выборов ценностей (В.А. Ядов, М.С. Яницкий, R. Inglehart), идентификаций и самоопределений (А.В. Микляева, П.В. Румянцева, E.M. Erikson), когда личностный смысл связан с оценкой жизненного значения объективных обстоятельств и действий в них (Д.А. Леонтьев, 1998, 2004).

В современном мире гендерная картина мира характеризуется трансформацией взглядов на «мужское – женское», связанное с изменением в культурной среде гендерной иерархии и нормативных канонов поведения, гомогенизацией ролевого поведения, воздействием гендерно-ассиметричной социализации, разновекторностью гендерного самоопределения. Результатом выступает повышенная конфликтогенность, снижение ценности семьи и культурных эталонов, неумение выстраивать конструктивные отношения, недостаточная психолого-педагогическая грамотность. Требуется переработка, обогащение научного знания, погружение его в контекст культуры, который может и должен стать условием индивидуальной заинтересованности и социальной включенности студентов в процесс творческого поиска, оформление ценностного отношения к другим и развитие личной культуры.

В ходе исследования показателей гендерной культуры студенческой молодежи (1965 чел.), включающих значимость принятия ценностей социального мира, установлено, что развитие ценностных взглядов в период взросления характеризуется их усложнением, порой и деперсонификацией или диффузностью, все более возрастающей либерализацией к окружающим при возрастании личной независимости. Исходя из диспозиционно-иерархической концепции ценностей как регуляторов социального поведения В.А. Ядова и трехуровневой модели ценностной системы личности М.С. Яницкого, была разработана экспериментальная *авторская методика* (ЦО-АСИ), выявляющая направленность и мотивированность действий на основе отбора ценностей-индикаторов.

По характеру распределения предпочтений по каждой социальной ценности у студентов отмечается превалирование признания «семьи» (более половины опрошенных – 55 % – поставили ее на 1 место) как важного поддерживающего фактора (кооперации и поддержки), «материального обеспечения» и «безопасности» как адаптивного потенциала (2 и 4 место), «друзей» и «работы» как включенности в социальное пространство (3 и 5 место). Значение образованности и культуры личности (6 и 9 место), «статуса» и личной «ответственности» (7 и 8 место) позиционируются как ценности необходимые, но не осознаваемые и не всеми принятые. Наблюдается невысокая значимость информированности о «событиях в стране» (13 место), личного участия студентов и их социальной активности как включенности в общественную деятельность (14 место), хотя отмечается достаточно высокий уровень сформированности альтруистических действий

(10 место). Установлены приоритеты («активированные» и «периферийные» в пространственно-временной локализации) и потенциальные возможности принятия (значение, смысл, переживание) социальных ценностей студенческой молодежью. По характеру распределения для всех групп предпочтительны ориентации на адаптивно-социализационные и развивающие, образовательно-культурные ценности с направленностью на персонификацию интересов и потребностей при высокой готовности к их принятию. Наблюдается превалирование личных ценностей (адаптивно-социализирующих) над социальными.

Анализ состава значимых факторов, характер распределения объектов оценивания позволил получить информацию о степени выраженности и структурно-содержательном характере изучаемых признаков в юношеском возрасте, установить признаки сформированности гендерной компетентности, сенситивности и коммуникативности в области социальных и личностных приоритетов студентов. Ценности социального мира, выступая ориентиром и связующим звеном между обществом, средой и личностью, единство элементов психологической и гендерной культуры, устойчивость идентификационных признаков, образуют фундамент понимания жизненных интересов и гендерных характеристик, выявляют ресурсный и инновационный потенциал, что приводит к согласованности личностных позиций, опосредуя выбор стратегий поведенческого реагирования и определяя характер отношения к себе и другим как части целостного и динамичного процесса развития культуры личности.

ГЕНДЕРНАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ф. И. Храмцова

В преодолении демографических угроз в Беларуси значительная роль принадлежит молодежи. Как отметил Президент Республики Беларусь в Послании Национальному собранию и белорусскому народу (19.04.2013 г.), требуется переосмысление роли молодежи в решении проблем общества. Глава белорусского государства А.Г. Лукашенко подчеркнул, что необходимо более активно включать молодежь в практику государственного строительства. Поэтому решение проблем демографической безопасности невозможно без инновационного и репродуктивного потенциала молодежи.

В условиях нарастающих вызовов глобализации востребованным становится этноэгалитарный тип взаимодействия между полами. Такой тип социальных коммуникаций во всех сферах общества понимается как гендерная культура в общественно-индивидуальном проявлении. В этой связи авторитетный социолог Э. Гидденс рассматривает гендерную культуру как проявление гражданской демократии и «демократии эмоций»: «Демократия эмоций относится к появлению таких форм семейной жизни, в которых мужчины и женщины участвуют на условиях равноправия. … Расширение равенства между полами не может ограничиться только областью избирательных прав, но должно распространиться также на сферу частной и интимной жизни» [2, с. 586]. Исходя из этого, гендерная культура рассматривается как феномен социализации молодежи, которая ориентирована на социальные ценности справедливости, равенства, свободы, ответственности. Именно в процессе социализации ценности интегрируются через теорию в сознание индивида, затем закрепляются в виде мировоззрения и убеждений, преломляясь в практической деятельности. Формируемая таким образом гендерная культура индивида, погруженная в общественную практику, охватывает все сферы жизнедея-

тельности, в том числе семейную и интимную сферы. Поэтому направленная ориентация молодежи на принципы эгалитаризма в контексте этнокультуры выступает источником нового политического сознания.

Основаниями методологии социализации являются положения теорий социальной конструкции гендера, гендерной системы, эгалитарной концепции. Например, Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина в работе «Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период», первый подход рассматривают как «динамическое измерение гендерной культуры, процесс ее создания и воспроизводство в процессе социализации»; второй подход «концентрируется на гендерном измерении социальной структуры общества. Таким образом, теория социальной конструкции гендера позволяет изучать диахронический аспект культуры: а концепция гендерной системы – синхронический» [3, с. 37]. Исходя из этого, гендерная культура трактуется как императив цивилизационного процесса. Во-первых, понимая гендерные противоречия как движущие силы социальных процессов, подчеркнем стабилизационную роль гендерной культуры. Это содействует снятию противоречий, установлению гендерного баланса между социальными и политическими интересами женщин и мужчин. Гендерная культура по сути выступает в качестве социокультурной трансмиссии социального равенства. Такой подход способен обеспечить равенство возможностей женщин и мужчин в доступе к распределению власти, ресурсов, социальных благ. Во-вторых, феномен гендерной культуры выступает объектом измерения на уровне выявления ценностного отношения индивида к проблемам социокультурного взаимодействия полов. Российский философ Н.И. Андреева отмечает, что ценности обладают критериальным свойством «гендерного измерения социокультурной реальности». Это позволяет судить о «степени прогрессивного развития того или иного общества». Н.И. Андреева подчеркивает, «чем выше уровень социокультурного развития общества, тем выше уровень культурного взаимодействия между полами. И наоборот, чем выше уровень гендерной культуры, тем выше уровень развития общества» [1, с. 3]. Нами разделяется подход Н.И. Андреевой к пониманию социальной детерминации феномена гендерной культуры.

Гендерная культура трактуется как совокупность всех идей, теорий, норм и правил, существующих в данном обществе по гендерной проблеме, а также формы их реализации, выраженные в общественном бытии. Отсюда вывод: гендерная культура – понятие многомерное и означает синтез: *науки* – поскольку отражает новейшие достижения познания социокультурных процессов, обусловленных категорией пола; *политики* – воплощается в деятельности государственных и общественных структур по обеспечению гендерного равенства; *права* – в ней закрепляются эгалитарные принципы равенства, свободы, ответственности на уровне законотворчества; *этнокультуры* – как духовного источника развития эгалитарных отношений в обществе; *нравственности* как регулятора этноэгалитарных проявлений и взаимодействия полов.

Е.Н. Каменская подчеркивает факторное значение гендерного воспитания как неотъемлемого компонента социализации молодежи. В этой связи автором отмечается, что социализированность индивида определяется качеством «гендерного воспитания человека культуры, гражданина, нравственной личности, способного к максимальной самореализации и раскрытию своих способностей» [4, с. 8]. Это следует понимать как гендерную дифференциацию гражданско-политического воспитания молодежи. Тем самым решается комплекс задач социального, психосексуального, коммуникативного развития молодежи. Критериями гендерной культуры индивида выступают параметры: сознание эгалитарного типа, гендерная идентичность в контексте нравственных ценностей; единство физического, репродуктивного, психического, нравственного здоровья; социально-политические и правовые знания; социальная активность как отношение к

миру, обществу, человеку, к самому себе. Таким образом, приоритетом деятельности государственных и общественных институтов социализации молодежи является формирование этноэгалитарных идеалов и ценностей. В этой связи формирование гендерной культуры молодежи приобретает исключительное значение и рассматривается как воспитание характера, воли, ответственности. Объектом такого воспитания выступает развитие сексуальности как органической части сильной, целостной, творческой личности. В этом мы развиваем подход И. Кона, который рассматривает сексуальность как системообразующий компонент гендерной культуры, «стержневой аспект человеческого бытия на всем протяжении жизни, включающий пол, гендерные идентичности, роли, сексуальную ориентацию, эротизм, удовольствие, интимность и репродукцию» [5, с. 375]. Содержание гендерного воспитания включает систему научных знаний о психофизиологических и социокультурных аспектах сексуальных отношений. Подростки и молодежь призваны владеть навыками разрешения психологических проблем в период кризиса гендерной идентичности в процессе перехода от детства к юношеству, от юношества к взрослости. Необходимо готовить девушек и юношей к семейной жизни, равноправному и равноответственному супружеству, родительству через освоение подвижных гендерных ролей, этноэгалитарных моделей полоролевого поведения. Ценностная направленность гендерного воспитания должна содействовать мотивации молодежи на физическое и нравственное целомудрие, сексуальную целостность, воздержание от сексуальных добрачных отношений. Результатом гендерного воспитания становится осознанное противодействие молодежи негативному воздействию среды в области интимных отношений, рисков и угроз алкоголизма, наркомании, проституции, болезней, передающихся половым путем. В процессе познания, общения, творчества, общественной и семейной практики необходимо ориентировать молодежь на осмысление духовных приоритетов жизни, понимание пола человека как уникального природного дара. Важно использовать накопленный духовный опыт мировых религий в области семейно-брачных отношений и органичного равноправия мужчин и женщин.

Литература

1. Андреева, Н.И. Гендерный фактор в современном российском обществе: автореф. дис… докт. фил. наук: 09.00.11 / Кабардино-Балкарский гос. ун-т. – Нальчик, 2002.
2. Гидденс, Э. Социология / При участии К. Бердсолл: пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005.
3. Здравомыслова, Е.А. Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина // Сборник научных статей. – СПб., 1996.
4. Каменская, Е.Н. Гендерный подход в педагогике: автореф. дис… докт. пед. наук: 13.00.01 / Ростовский госуд. педаг. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2006.
5. Кон, И.С. Сексология: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ СЕМЬИ И БРАКА

Е. К. Погодина

В условиях модернизации общества существенные изменения претерпевает система ценностных ориентаций всех социальных институтов, в том числе института семьи и брака. Глубокие изменения социокультурной реальности находят свое отражение в трансформации современной семьи, семейных ценностей. В обществе происходит

ослабление процесса межпоколенной трансляции культурного опыта в виде традиций и обычаев, обусловленное усилением позиций нуклеарной семьи и утратой значения родственных связей. Увеличивается тенденция к сокращению брачности, растет количество разводов, неполных семей, что приводит к негативным демографическим и социальным последствиям. Для современной молодежи характерным является рост индивидуализма, независимости, приоритет собственных интересов над семейными, приоритет материальных ценностей над духовными. У молодежи ослаблены нравственные представления о браке и семье, в значительной степени утрачено традиционное восприятие супружества, родительства и детства.

Исследование семейно-брачных установок студентов показало, что, несмотря на изменения в структуре ценностных ориентаций современной молодежи, семья по-прежнему важна и является безусловной ценностью для подавляющего числа опрошенных респондентов (87,5 %). Ориентация студенческой молодежи на создание семьи сопровождается также установкой на рождение детей.

Эталоном семьи для опрошенных респондентов, вне зависимости от пола и возраста, выступает двухдетная семья. Данный тип семьи предпочитает больше половины (66 %) всех опрошенных. Второе место занимает трехдетная семья (23,5 %). Однодетная семья, которая на практике является сейчас самой распространенной, занимает лишь третье место. Только 9% всех респондентов выбрали однодетную семью в качестве желаемой модели. Бездетную семью в качестве желаемой модели не выбрал никто, а семью, в которой более трех детей – только 3 % опрошенных. Можно предположить, что на формирование мнения об «идеальном» числе детей в семье оказал влияние опыт родительской семьи респондентов (76 % студентов выросли в двухдетных, 15 % в однодетных, и 18 % – в трехдетных семьях).

На фоне ослабления репродуктивной значимости супружеских отношений в молодежной среде роль эмоционально-психологических факторов, напротив, набирает свой вес. Об этом свидетельствуют приоритетные мотивы вступления в брак, которые отметили респонденты. Основным мотивом создания семьи для студенческой молодежи в настоящее время является любовь, и ее роль имеет тенденцию к возрастанию в молодежной среде (71 % респондентов). Также, среди мотивов, приводящих молодых людей к регистрации брака и созданию семьи, сильны социальные мотивы, такие как рождение ребенка, необходимость узаконить реальные супружеские отношения, желание улучшить материальное положение, т.е. брак призван решить социальные проблемы в жизни молодых людей.

В ответах респондентов на вопрос о том, какие факторы характеризуют семейное благополучие, тесно переплелись как романтизм (86 % студентов отметили «любовь, взаимопонимание супругов»), так и прагматизм («высокий уровень материального благосостояния» – 54,5 %).

В течение последних десятилетий в Беларуси сохраняется четкая тенденция: студенческая молодежь откладывает официальное супружество и рождение детей. По мнению опрошенных студентов, оптимальным возрастом вступления в брак для девушек является 23–25 лет, для юношей – 24–26 лет (в этом уверено более 70 % респондентов). Необходимо отметить, что линейка предпочтений у современной молодежи выглядит следующим образом: образование – хорошая работа – создание семьи. Отсюда и тенденция к отодвиганию сроков заключения брака и рождения первого ребенка.

За последние 10–15 лет стали появляться новые общественно признанные типы брачного поведения, например, распространение нерегистрируемого «гражданского» брака. Так, 25 % респондентов указали, что «семья может быть полноценной без официальной регистрации брака». Анализ результатов исследования показал возросшую толе-

рантность студентов к добрачным связям. Примерно каждый третий опрошенный считает, что молодым людям сначала необходимо пожить вместе, проверить свои чувства и только потом регистрировать брак. Лишь 15 % респондентов заявили, что они категорически против «гражданского» брака и добрачных интимных отношений.

Неготовность брать на себя ответственность за судьбу другого человека, отсутствие твердой уверенности в правильности сделанного брачного выбора обусловливает поведенческую ориентацию современной молодежи на добрачные связи и внебрачные сожительства. В молодежной среде такой неофициальный брак воспринимается как «пробный». Среди основных причин откладывания регистрации брака большинство респондентов выделили отсутствие жилья и отсутствие экономических возможностей. Следует отметить, что одним из самых негативных демографических последствий распространения гражданских браков в нашем обществе является снижение репродуктивных установок молодежи.

По данным проведенного опроса, более 60 % респондентов отрицательно относятся к расторжению брака. Тем не менее, среди основных причин, при наличии которых возможен разрыв отношений, студенты указали: супружескую неверность (87 %), отсутствие детей (82,5 %), отсутствие духовной близости (72,5 %), алкоголизм супруга (60 %), плохое материальное обеспечение семьи (56,5 %), сексуальная неудовлетворенность (35 %). Если семейная жизнь не сложилась, то при наличии детей развод – это допустимый выход, считают 59,5 % респондентов. Если же детей у супругов нет, то развод – наилучший выход (95 %).

Таким образом, проведенное исследование показало, что можно говорить об изменении ментальности молодежи в брачно-семейной сфере. Молодые люди стараются вначале получить образование, приобрести собственное жилье, а уже потом создавать семью, заводить детей. В связи с этим абсолютно нормальными среди молодежи становятся добрачные отношения.

В то же время нельзя не отметить некоторые позитивные моменты. Главные из них – это сохранение у двух третей опрошенных респондентов вне зависимости от пола и возраста ориентации на официальный брак, а также желание значительной доли студенческой молодежи иметь двух-трех детей. Ориентация на брак и 2–3-детную семью большинства опрошенных студентов должна стать основой формирования современной семейно-демографической политики и гарантией ее эффективной реализации.

Студенческая молодежь как особая социально-демографическая группа, является наиболее динамичной частью общества и характеризуется специфической ролью и местом в системе общественного воспроизводства. Развитие общества во многом зависит от сегодняшних молодежных установок в вопросах репродуктивного поведения, поэтому основной задачей государства на современном этапе должна быть разработка четко сформированной программы, направленной на формирование у студентов семейных ценностей, на укрепление молодых семей, оказание им материальной и социальной помощи на период обучения студентов в вузе. Кроме материальной поддержки социально уязвимых семей, семейно-демографическая политика должна базироваться на принципе возрождения семейных ценностей. Это означает повышение социального статуса и престижа многодетной семьи, формирование у молодежи репродуктивных установок, ориентированных на увеличение желаемого числа детей и создание условий для реализации этих установок.

Таким образом, в контексте происходящих в стране сложных процессов, свидетельствующих о переоценке культурных ценностей предыдущих поколений, нарушении преемственности в передаче социокультурного опыта, актуальным является формирование системы ценностных ориентаций студенческой молодежи в сфере семьи и брака.

Позитивные, традиционные ценности семьи и брака нуждаются в глубоком исследовании и популяризации среди всех социальных групп, а особенно среди молодежи. Будущее страны во многом зависит от ее молодого поколения, тех ценностных ориентиров, которые преобладают в его мировоззрении. В связи с этим возникает необходимость укрепления авторитета и поддержки семьи на основе базовых семейных ценностей.

ВОСПИТАНИЕ У МОЛОДЕЖИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ, ПАТРИОТИЗМА И АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ГРАЖДАНСКАЯ СЛУЖБА

К. В. Ствольгин

Встав на путь реального, а не декларируемого демократического развития, Республика Беларусь столкнулась с необходимостью пересмотреть отношение ко многим явлениям общественной жизни. В частности, считать ли настоящим гражданином, патриотом своей страны человека, который отказывается вследствие своих убеждений брать в руки оружие с целью подготовки к ее защите. В советские времена, да и раньше, так не считали. Готовность и желание проходить военную службу выступали в качестве критериев гражданственности, патриотизма. Отказ от военной службы, не зависимо от мотивации, автоматически исключал человека из числа патриотов, ставил под сомнение его состоятельность как гражданина. В Российской империи, начиная с 1874 г., официально признавалось право на отказ от воинской повинности вследствие религиозных убеждений за сектой меннонитов [1, с. 7–83]. Однако меннониты были выходцами из другой страны, следовательно, их патриотизм и гражданская позиция в расчет не принимались. В Советском государстве практика замены воинской повинности другой гражданской обязанностью по религиозным убеждениям граждан существовала юридически с 1918 г. по 1939 г., а фактически – эта практика была свернута в самом начале 30-х годов [2]. При этом власти исходили из того, что отказы от военной службы по убеждениям в большинстве своем были продиктованы антисоветскими настроениями, «шкурничеством», трусостью отказников [2, с. 15–17]. Сущность советской государственной политики очень точно отразил С. Урсынович в 1923 г. в своей статье «К вопросу об освобождении от воинской повинности по религиозным мотивам» [3]. Оценивая перспективы освобождения советских граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям, Урсынович называет такую практику отступлением от краеугольных принципов советского законодательства, «базирующимся на весьма шатких основаниях компромиссом», который должен быть аннулирован и чем раньше, тем лучше. Аналогичный подход к отказникам от военной службы вплоть до конца XX века был свойственен и многим другим странам. Отношение властных структур и общественного мнения к отказам от обязательной военной службы было скорее негативным, чем позитивным. Количество таких отказов выступало своеобразным (обратно пропорциональным) показателем уровня патриотизма граждан. Кроме того, значительное число отказов от несения обязательной военной службы могло рассматриваться как прямое свидетельство того, что в вооруженных силах не все в порядке. Если следовать известному стереотипу, согласно которому армия со всеми ее проблемами – это слепок с общества в целом, то получается, что значительное число отказов от воинской службы отрицательно характеризует не только состояние вооруженных сил, но и само государство.

В настоящее время право граждан на отказ по убеждениям от обязательной военной службы получило международное признание и соответствующее документальное оформление. В случае убеждений призывника, несовместимых с прохождением воин-

ской службы, законами предусматривается ее замена другой гражданской обязанностью – альтернативной гражданской службой. При этом призывника, выбравшего альтернативную службу, никто не обвиняет в отсутствии патриотизма, не ущемляет в его гражданских правах.

Отсутствие альтернативной гражданской службы в Беларуси обусловлено, прежде всего, опасениями за укомплектованность вооруженных сил. Престиж военной службы среди белорусской молодежи невысок. Совершенно очевидно, что в качестве мотивации призывников в настоящее время чаще всего выступает не стремление исполнить свой священный долг по защите Отечества, а страх перед ответственностью, вплоть до уголовной, за уклонение от призыва. Все это может привести к многочисленным отказам призывников от военной службы, выбору ими альтернативной гражданской службы в случае ее узаконения. В результате могут возникнуть трудности с комплектованием вооруженных сил.

Таким образом, налицо явное противоречие. С одной стороны в Беларуси существует настоятельная потребность отказаться от стереотипа: раз юноша не хочет служить, значит, не зависимо от обусловленности его отказа, под сомнение ставится его патриотизм; узаконить институт альтернативной гражданской службы. С другой – если такой подход будет реализован, это может нанести ущерб боеготовности белорусской армии. Разрешение этого противоречия тесно связано с патриотическим воспитанием молодежи. Если это воспитание будет поднято на нужный уровень, количество призывников, стремящихся получить отсрочку от воинской службы любыми способами, в том числе и через использование своего права на альтернативную гражданскую службу, сократится, исчезнет потенциальная угроза укомплектованности вооруженных сил. В результате будет устранено одно из основных препятствий на пути введения в республике альтернативной гражданской службы. Закон об альтернативной гражданской службе будет способствовать повышению профессионализма личного состава, укреплению воинской дисциплины, улучшению условий прохождения военной службы, а значит и улучшению военно-патриотического воспитания. Поскольку принятие закона об альтернативной службе, как показывает опыт большинства западных стран, просто поставит государство перед выбором или изменить условия комплектования вооруженных сил (полностью перейти к комплектованию армии на контрактной основе), или создать такие условия прохождения срочной военной службы, при которых призывники не будут бояться идти служить.

Литература

1. Ствольгин, К.В. Отказы от военной службы вследствие убеждений в Российской империи. – Минск: РИВШ, 2010.
2. Ствольгин, К.В. Политика освобождения граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям в Советском государстве (1918–1939 гг.): дис… канд. ист. наук: 07.00.03. – Минск, 1997.
3. Урсынович, С.К вопросу об освобождении от воинской повинности по религиозным мотивам // Революция и церковь. – 1923. – № 1–3. – С. 13–16.

ПОЛИАКТИВНОСТЬ КАК ФОРМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Л. И. Грошева

В настоящее время складывается особый тип успешного человека – мобильного и адаптивного профессионала. Несмотря на традиционно декларируемую потребность общества в профессионализме, современную социальную среду трудно отнести к социуму людей высокой квалификации. Прежде всего, данное явление вызвано проблемой чрезвычайно быстрой смены технологий и техники.

В связи с этим социология обратила особое внимание на проблему профессиональной активности молодежи ввиду ряда фундаментальных общественных проблем и противоречий, связанных, прежде всего, с несоответствием требований к молодому специалисту со стороны государства, общества, производства и самого обучаемого. Ввиду данных противоречий, сама профессиональная активность подверглась некоторым концептуальным изменениям.

В рамках деятельностно-активистского подхода, акцентирующего внимание на объективных или субъективных, институциональных или неинституциональных факторах взаимодействия индивида и социума, под профессиональной активностью молодежи понимается особый вид деятельности по освоению и реализации получаемых в процессе профессионального образования знаний, умений и навыков, которая отличается интенсификацией основных характеристик личности, ее инициативностью, осознанностью, добровольностью [1]. Однако современные студенты / ученики зачастую не осознают сути выбранной специализации, осуществляют выбор под давлением представителей группы первичной социализации, и зачастую не проявляют инициативы в профессиональной деятельности, связанной с образованием, либо трудоустройством. Соответственно, весьма трудно определить границы профессионального поведения, когда реализация потенциала индивида и его трудовая деятельность преобразуются в смысловую дихотомическую пару.

Согласно структурно-динамическому подходу, технология формирования профессиональной активности у молодежи включает:

– формирование профессиональной активности – подготовка, осознание, оценивание, действие;

– сопутствующие процессы – мотивационные, когнитивные, эмоционально-аффективные, поведенческие;

– группы методов формирования – традиционные и активные [2].

Таким образом, следует определить, что становление молодого профессионала определяется в двух фазах: пассивной – что более характерно для социально пассивного индивида и представлено в виде усвоения поставляемых знаний, потребительской позиции жизни и обучения; активной – формированию профессиональных навыков и опыта способствует комплекс из образовательных продуктов и самообразовательной направленности деятельности. Таким образом, активная фаза представлена понятием профессиональной активности молодежи.

Формирование профессиональной активности молодежи – это рост, становление, интеграция и реализация в труде профессионально значимых личностных качеств и способностей, профессиональных знаний, умений, но главное – это активное качественное преобразование субъектом своего внутреннего мира, приводящее к принципиально новому его строю и способу жизнедеятельности [3, с. 20].

Учитывая вышеперечисленные тенденции и точки зрения, следует отметить, что

для молодых людей, выходящих на рынок труда, наиболее актуально либо экономическое само обеспечение в виде предпринимательской деятельности, либо формирование в себе склонности к полипрофессионализму. Данное явление означает не только высокие навыки и умения в нескольких смежных, либо не связанных друг с другом областях, но и формирование базисного комплекса знаний, способного при необходимости дать развитие нескольким направлениям деятельности на пути становления профессионала. Проанализировав мнения и подходы различных авторов, представителей разных наук и направлений, попытаемся сформировать обобщенную концептуальную структуру полипрофессиональной основы активности молодежи.

Рисунок 1. Концептуальная структура формирования многовариантной профессиональной реализации молодежи

Для формирования профессионализма важно, чтобы человек проявлял себя одновременно хотя бы в двух категориях данных видов социальной активности. Это вызвано тем, что наличие лишь индивидуальных форм социальной активности лишает человека возможности обмена опытом с реально действующими субъектами выбранной сферы, что существенно замедляет темпы повышения квалификации и навыков. С другой стороны, отсутствие активности, направленной на самого человека, может привести к формированию поверхностной профессиональной базы, либо лишь к популизму авторитета.

Общественная активность подразумевает множество видов проявления, наиболее значительными из них являются гражданская, политическая, экономическая, социокультурная активность. В гражданской молодежной активности следует особенно подчеркнуть ситуацию, когда защита и отстаивание гражданских прав имеет системный характер, закрепленный официальными институтами, в таком случае борьба и отстаивание прав выходят на институциональный уровень гражданской активности – более близкий к системе гражданского контроля. Таким образом, возможно формирование профессиональных навыков в правозащитной сфере.

Политическая активность молодежи рассматривается, прежде всего, в двух видах: как активно-пассивная – путем участия в выборах – изъявления своего мнения (что частично подпадает под сферу гражданской активности); либо как активная – путем участия в молодежных политических движениях, партиях, комитетах и т.п. Последняя фор-

ма характеризует становление молодых людей как профессиональных политиков.

Социокультурная активность является своеобразным мостом между общественной и индивидуальной социальной активностью, т.к. многие ее виды имеют как чисто индивидуальную, так и общественную компоненту. Особенность данного вида активности заключается в том, что молодежь зачастую рассматривает ее как побочную деятельность, не фокусируясь на развитии профессиональных качеств в данной области. Однако в ряде случаев данная активность может трансформироваться в профессиональную деятельность, более успешную, чем та, что связана с основным образованием.

Одним из самых сложных в определении видов социальной активности, который относительно молод, по сравнению с устоявшимися классическими видами, является виртуальная активность. Концепция виртуализации общества, выдвинутая Д.В. Ивановым, рассматривает виртуализацию как процесс социальный, «как процесс изменения общества в целом, а не как создание "параллельного виртуального общества"» [4, с. 18]. Одним из самых заметных явлений виртуальной социальной активности является возникновение социальных сетей, объединений людей по интересам, например: «Одноклассники», «В контакте», «Professionali» и др. Несмотря на подавляющее пассивное виртуальное контактирование, молодые люди вполне могут сформировать профессионализм в рамках интернет сообществ, как организаторы и координаторы мероприятий; бесплатные хостинги позволяют создавать свои бизнес-порталы, реализовывать навыки, даже при отсутствии прямой связи с трудовой деятельностью.

Виды экономической активности молодежи ориентированы на обеспечение молодого человека ресурсами. При этом он может проявлять себя как активно-пассивный актор, соблюдая трудовую дисциплину в качестве наемного работника, так и выступать активным субъектом через бизнес-активность, которая, в свою очередь, выражается в феноменах антрепренерства и предпринимательской активности.

Сама по себе профессиональная активность является, по сути, интегральным видом молодежной активности, т.к. мобильная и изобретательная часть населения вполне способна проявлять профессиональные качества практически в любом виде социальной активности, поэтому ее невозможно рассматривать в отрыве от других видов. Более того, успех молодого человека имеет большие шансы при участии в большем количестве видов социальной активности, но при условии соблюдения принципа качественной вовлеченности в процесс.

Большинство молодых людей не до конца осознают выбор своей профессии, что сказывается на выборе относительно нейтральных сфер деятельности для облегченного перехода на другое направление (экономика, юриспруденция и пр.) при необходимости. Соответственно, возможность перехода между направлениями должна обеспечиваться как гибкостью системы образования, так и осознанной жизненной позицией самого молодого человека, где от разнообразия и уровня его навыков напрямую зависит полнота реализации его потенциала и экономическое благосостояние.

Литература

1. Андрющенко, О.Е. Профессиональная активность студенческой молодежи в условиях современного российского общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dissercat.com/ content/ professionalnaya-aktivnost-studencheskoi-molodezhi-v-usloviyakh-sovremennogo-rossiiskogo-obs#ixzz2P8oDC6Bd. – Дата доступа: 12.03.2013.
2. Мусина, В.П. Структурно-динамический подход и формирование профессиональной активности молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://socionom.ru/ journal/ stati-zhurnala/ strukturno-dinamicheskii-podkhod-i-formirovanie-professionalnoi-aktivnosti-molodezhi. – Дата доступа: 17.03.2013.

3. Вишневский, Ю.Р. Социология молодежи / Ю.Р. Вишневский, В.Т. Шапко. – Екатеринбург, 2006.
4. Иванов, Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. – СПб., 2002.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

О. Г. Лукашова

Актуализация проблем формирования нравственно-правовой культуры белорусской молодежи в настоящее время обусловлена широтой распространения социальных отклонений (девиаций) в поведении различных слоев населения. Девиантизация и криминализация общества является результатом действия не какой-либо одной группы факторов, а их целостной системы, охватывающей практически все стороны общественной жизни. В общественном мнении населения Беларуси отражается озабоченность распространением негативных явлений в стране. Так, по данным мониторинга общественного мнения, проводимого Институтом социологии НАН Беларуси, население республики в ряду самых острых проблем называет распространение пьянства и алкоголизма (62,3 %); рост инфляции (61,0 %); проблемы безработицы (40,5 %), а безработные – одна из самых делинквентных маргинальных групп населения; распространенность коррупции (37,9 %); распространение безнравственности (29,9 %); высокий уровень преступности (27,4 %).

Колебания в уровне и диверсификации социальных отклонений напрямую связаны с уровнем и качеством противодействия им со стороны общества и государства. Замена прежних государственных и социальных институтов новыми формированиями, изменение направленности их действия и объема компетенции с неизбежностью отражаются на результативности их деятельности в переходный период. Следует отметить недостаточную эффективность воспитательной деятельности органов образования, предупредительной работы правоохранительных органов, ослабление влияния семьи как социального института, недостаточность усилий общественных организаций в деле предупреждения распространения антиобщественных явлений. Названные факторы способствуют сохранению высокого уровня девиантности и делинквентности и в молодежной среде белорусского общества.

По мнению известного российского ученого, исследователя проблем молодежи Валерия Лукова, в условиях социальной трансформации специфику субкультурных образований в молодежной среде предопределяет три фактора. Первый – социальная и экономическая неустойчивость общества на протяжении четверти века и обнищание основной части населения, в том числе молодежи. Второй фактор – особенности социальной мобильности, когда молодежь получила возможность достичь престижного социального положения в очень короткие сроки (обогащение через торговлю, часто основанное на криминале), что первоначально привело молодых людей к оттоку из образования. Третий фактор – аномия в обществе в Дюркгеймовском смысле, т.е. утеря тех нормативно-ценностных оснований, которые необходимы для поддержания социальной солидарности и обеспечения приемлемой социальной идентичности [1, с. 407–408].

На фоне социальной аномии, характеризующейся утратой нормативно-ценностных оснований, происходит широкое распространение в среде современной белорусской молодежи таких девиаций, как пьянство и алкоголизм, потребление наркотиков, психотропных веществ и их аналогов, нарушения общественного порядка, табако-

курение, проституция, сексуальные перверсии, нецензурная брань в общественных местах и пр. Распространенность названных явлений среди молодежи позволяет сделать вывод, что основные институты социализации – семья, учреждения системы образования, средства массовой информации, молодежные общественные объединения – не справляются с задачей формирования у подрастающего поколения высокого уровня нравственно-правовой культуры как фактора, способного оказать противодействие распространению девиантного поведения. Неусвоенность представителями молодежи фундаментальных нравственных и правовых норм ведет к безответственности и циничному поведению, немотивированной жестокости, способствует распространению насилия, неуважительному отношению к личности, игнорированию неприкосновенности собственности.

Важнейшим социокультурным фактором, детерминирующим социальное поведение, является правовая культура (личности, социальной группы, общества). В научной литературе широко распространен подход к правовой культуре как явлению, представляющему собой определенный уровень развития индивидуального, группового или общественного правосознания. Повышение уровня правовой культуры личности как единства правовых знаний, убежденности в необходимости соблюдения норм права и поведения, соответствующего этим нормам, обусловлено потребностями снижения уровня распространения преступных проявлений и других форм асоциального поведения как поведенческих практик, являющихся дезорганизующим фактором общественной жизни.

На личностном уровне правовая культура охватывает характерную для индивида совокупность правовых знаний, убеждений и установок; разделяемые личностью правовые ценности и ориентации; освоение правовых норм и образцов юридически значимых действий; позитивное отношение к государственным правоохранительным органам и должностным лицам; активную общественно-правовую деятельность и пр. На общественном уровне правовая культура отражает иерархию правовых ценностей, признаваемых обществом, характеризует уровень развития законодательства, юридической науки, юридической практики, характеризует состояние законности и правопорядка в обществе и т.д.

Процесс совершенствования современного законодательства Республики Беларусь, ее правовых институтов отличается высокой динамичностью, что затрудняет восприятие гражданами страны вносимых изменений в правовое регулирование различных сфер их жизнедеятельности, замедляет адаптацию к новым правовым условиям лиц, отличающихся низким уровнем правовых знаний. Это способствует распространению среди населения настроений недоверия, безразличия, непонимания регулирующей роли права в жизни общества.

Поскольку в молодежной среде наблюдаются деформации нравственно-правового сознания, которые на поведенческом уровне проявляются в допустимости противоправных практик, исследовательский интерес вызывает выяснение обстоятельств, при которых, по мнению молодежи, допустимо / недопустимо нарушать установленные законом нормы. В соответствии с методикой авторского исследования, проведенного в 2013 г. среди студентов и учащихся 14 учреждений профессионального образования (вузов, ССУЗов и профессионально-технических колледжей), предстояло эмпирически определить, какое место занимает норма в мотивационной структуре поведения современной молодежи. Респондентам было предложено выбрать одно из двух альтернативных суждений, отражающих позицию индивида по поводу либо безоговорочно строгого соблюдения закона, либо возможности его нарушения в сложившихся обстоятельствах.

Согласно полученным данным, большинство – 53,2 % участников опроса разделяют мнение, что человек может нарушить закон, исходя из сложившихся обстоятель-

ств. Придерживаются твердой позиции в отношении неукоснительного соблюдения закона всегда и при любых обстоятельствах менее половины респондентов – 45,7 % в целом по выборке.

Результаты социологического исследования показали, что наблюдаются некоторые различия в ответах респондентов из групп с разным уровнем образования.

Среди студентов технических и гуманитарных (не юридических) вузов релятивистского подхода в отношении соблюдения законов («можно нарушить в особых обстоятельствах») придерживается 58,6 %, противоположного мнения («нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах») придерживается 41,4 % респондентов.

Среди студентов ССУЗов также считают возможным нарушить закон при особых обстоятельствах большинство молодых людей – 54,9 %, считают выполнение его предписаний обязательными в любом случае 43,0 %.

Среди учащихся профессионально-технических колледжей и лицеев придерживаются позиции о возможности нарушения норм закона, исходя из особых обстоятельств 52,8 % молодых людей. На позиции неукоснительного соблюдения норм закона стоят 45,8 % респондентов.

В контрольной группе студентов-юристов соотношение ответов иное: большинство студентов-юристов придерживаются позиции о недопустимости нарушения закона – 53,1 %. Но и в этой образовательной группе молодежи достаточно велико число тех, кто считает возможным нарушить закон в особых обстоятельствах – 46,2 %.

Какими же мотивами соблюдения / несоблюдения норм законодательства руководствуется белорусская молодежь в своей жизнедеятельности?

Мотивация соблюдения законов для большинства учащихся основана на убеждении, что нарушение законов является безответственным действием, которое нарушает общепринятый порядок, дестабилизирует общество, вызывает разложение в обществе и способно низвергнуть его в состояние хаоса. Такого мнения придерживаются 63,2 % респондентов в целом по выборке. Весьма распространенным мотивом, который сдерживает молодежь от правонарушений, является боязнь неотвратимого наказания за нарушение закона, на что указали 54,0 % студентов и учащихся с разным уровнем образования. Нравственными соображениями при соблюдении действующих правовых норм руководствуются 8,3% респондентов, для них важно не допускать ущемления прав других людей своими действиями, не совершать поступков, которые вызывают осуждение в обществе. Для 5,2% студентов мотивацией соблюдения норм законов является достижение значимой для общества цели – построения правового государства в Беларуси, что обоснованно представляется им невыполнимым при распространенности нарушений норм права.

Мотивами возможного нарушения законов в молодежной среде является, во-первых, убеждение, что закон можно нарушать, если он устарел, не отвечает требованиям времени. Такой позиции придерживается 54,9 % участников опроса. Во-вторых, в целом по выборке 30,1 % молодых людей предполагает, что допустимо нарушить закон, если существует уверенность, что удастся уйти от наказания. Прослеживается зависимость распространения данного мотива несоблюдения правовых норм в зависимости от уровня образования молодежи. Более широко этот мотив распространен среди учащихся профессионально-технических лицеев и колледжей (45,8 %); его назвали 37,3 % учащихся ССУЗов, 22,1 % студентов не юридических ВУЗов и 13,8 % студентов-юристов. Корыстная мотивация присутствует в высказываниях 17,0 % респондентов, которые допускают возможность нарушения действующего законодательства ради получения личной выгоды. В меньшей степени корыстные мотивы распространены среди студентов контрольной группы юристов (10,0 %), для других образовательных групп этот показа-

тель примерно вдвое выше. Для 13,4 % студентов и учащихся мотивация возможного нарушения законов определяется форс-мажорными обстоятельствами – защитой собственной жизни, смертельной угрозой семье, необходимостью обороны, спасением другого человека и пр.

Таким образом, исходя из полученных результатов, можно заключить, что в сознании большей части современной учащейся молодежи не сформирована устойчивая социальная позиция личности по отношению к выполнению правовых норм и законов. Доминирование в сознании большинства (53,2 %) молодых людей взгляда на возможность нарушения законов, исходя из сложившихся обстоятельств, свидетельствует о несформированности факторов внутренней регуляции, как наиболее надежной основы правомерного поведения, о социально-психологической предрасположенности молодых людей к девиантному поведению, следовательно, о дефектах нравственно-правовой культуры значительной части студенческой и учащейся молодежи.

Литература

1. Луков Вал. А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2012.

ВЫЯВЛЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ УЧАЩИХСЯ

В. И. Вязгина

На основе ценностных ориентаций и установок формируется нравственное поведение подрастающего поколения. Многие педагоги рассматривают нравственное поведение как «правильное поведение» с точки зрения норм и правил общества, и редко кто рассматривает его как противостояние злу. Пассивность в проявлении нравственности нельзя считать подлинным нравственным поведением. Нравственным поведение подростка становится тогда, когда он: осознает ценность нравственных идеалов, нравственные потребности у него доминируют среди других потребностей, его намерения и действия гуманны, средства, выбранные для достижения целей, нравственно оправданы.

За чертой внимания педагогической практики часто остаются многие противоречия, связанные с ценностными ориентациями обучающихся. Ценностные ориентации – это то, что особенно важно и значимо для человека, в качестве основных жизненных предпочтений (предпочтение по Ефремовой – признание преимущества перед кем-либо, чем-либо другим; выбор одного из нескольких вариантов). Для учащихся второй ступени образования (5–9 классы) одно из главных противоречий – противоречие между «хочу» и «надо», между личными потребностями и интересами других, между желанием делать добро и отсутствием условий реализовать это желание. Существенные противоречия проявляются в ролевом конфликте, когда выполнение одной социальной роли приводит к невыполнению другой. Выявление противоречий в сознании и поведении обучающихся – исходная предпосылка для формирования нравственного поведения. Поэтому одной из задач воспитания является анализ ценностных ориентаций у учащихся 2 ступени общего среднего образования.

Изучая ценностные ориентации учащихся 5–9 классов, мы учитывали, что большое значение в этом имеет нравственный идеал – образец нравственного поведения.

Мы осуществляли выявление предпочтений учащихся через предъявление проективной ситуации. Им предлагалось из семи жизненных судеб выбрать ту, которую им хотелось бы повторить в первую, во вторую и в третью очередь. В исследовании прини-

мала участие группа учащихся из сельской местности 5-х, 8-х классов в количестве 175 человек.

Опросу предшествовала педагогическая беседа. Учитель рассказывал учащимся о встрече выпускников, окончивших школу 20 лет назад, которые перед окончанием школы написали о своей мечте: кем они хотят быть, как надеются организовать свою жизнь. И вот теперь, через 20 лет выпускники собрались в школе, чтобы сравнить желаемое и действительное. Приехали не все, но об их судьбе рассказали другие. Учитель рассказывает о семи жизненных путях, записывая имена на доске.

1. Николай. В школе учился в основном на «хорошо», хотя, имея природные способности и память, мог бы учиться на «отлично». Мечтал стать капитаном дальнего плавания, чтобы «бороздить моря и океаны». Капитаном не стал, хотя в мореходку и поступил. Скучно стало ему учиться. Бросил учебу и нанялся на корабль матросом. Побывал в ряде стран, но был списан из-за нарушений дисциплины и сварливого неуживчивого характера. Пытался обзавестись семьей, но после рождения сына оставил жену и ребенка и подался на золотые прииски искать приключений и счастья. Одноклассникам на вечере с юмором рассказывал о своей свободной и беззаботной жизни без семьи, без обязательств, без профессии. «Куда захочу – туда полечу», – заявил он с гордостью.

Бывший староста класса, который вел вечер встречи, сделал вывод: «Значит, ты, Николай, стал перекати-поле». Николай, смеясь, ответил: «Можно сказать и так».

2. Ольга. Бывший культорганизатор класса, в прошлом веселая и любознательная девушка. Она училась на «хорошо» и «отлично», мечтала стать актрисой и сниматься в кино. Но в театральный институт не поступила. Окончила культпросветучилище, работает заведующей в одном из крупных сельских клубов. Хор, которым она руководит, занял I место на республиканском конкурсе. Сейчас Ольга готовит свой хор к поездке в Германию. Она вышла замуж за трудолюбивого и непьющего парня. Имеет 2 детей, которых очень любит. У нее квартира и небольшое подсобное хозяйство. Своей жизнью довольна, хотя больших денег не имеет.

3. Артур. Учился в основном на «удовлетворительно» и «хорошо». Способностями к познанию не отличался, но был очень старательным учеником. Хорошие отметки получал не часто, но зарабатывал их большим трудом, за что его уважали и ученики, и учителя. Мечтал стать слесарем или механизатором, там, где нужно приложить руки, чтобы «оживить» машину. Он писал: «Хочу из груды металла своими руками собирать хорошие машины». Мечта осуществилась. Окончил автошколу, стал водителем. Затем возглавил ремонтную бригаду автослесарей. Сейчас один из известных в республике фермеров. Производит сельхозпродукцию. Машины, имеющиеся в его хозяйстве, восстановил сам, так как покупал их в списанном состоянии. Работает от зари до зари. Ему помогают жена, ее братья и два его сына-подростка. Доволен, что стал хозяином. В заключение он сказал бывшим одноклассникам: «Надеюсь доказать, что наша земля в руках хозяев способна прокормить народ без заграничных залежалых продуктов».

4. Никита. Школьный друг Артура. Учился хорошо, хотя мог бы и на «отлично». Мечтал стать инженером, но стал механизатором, окончив вместе с Артуром автошколу. Женился на своей однокласснице, имеет троих детей. Всех их очень любит и мечтает «вывести в люди», поэтому заставляет их учиться в полную меру их способностей. Знает свое дело как механизатор и хорошо зарабатывает. Имеет свое подсобное хозяйство. Мечтает видеть своего сына инженером, а дочерей похожими на свою жену–учительницу. Имеет машину и свой дом.

5. Алина. Училась в школе неохотно, перебивалась с «удовлетворительно» на «хорошо». Постоянно оспаривала свои оценки, требуя более высокий балл. Мечтала о карьере фотомодели, актрисы или стюардессы. Внешне очень привлекательна. Рано вышла

замуж. Живет в роскоши, имеет четырехкомнатную квартиру в центре большого приморского города. Детей в семье нет и иметь их Алина не желает, так как дети требуют ухода и расходов. Дом ее наполнен дорогими красивыми вещами. У нее много модных нарядов, много друзей, с которыми она весело проводит время, когда муж уходит в плаванье. Жизнью своей довольна. Считает, что современная женщина не должна заводить детей, а жить в свое удовольствие. «Дети, – смеясь, сказала она, – это цветы, но пусть они растут в чужом огороде».

6. Костя. Любимец класса. Весельчак и мечтатель. Учился легко и успешно окончил школу с серебряной медалью. Мечтал стать писателем-фантастом, хотел путешествовать на льдине на Северный полюс. Окончил ВУЗ в Москве. Был участником многих археологических экспедиций. Редко бывает дома. Имеет жену и 2 детей. Сильно не разбогател, живет скромно. Надеется, что придет время и он откроет секрет клинописи. Тогда весь мир прочтет до сих пор не расшифрованные письма-таблички исчезнувших народов. Вот такой мечтатель.

7. Денис. Способный, физически здоровый. Но в школе учился спустя рукава: выезжал на списывании, подсказках и шпаргалках. Лень сделала его безвольным человеком, потерявшим чувство собственного достоинства. Над ним смеялись все: ученики, учителя. Мать же всегда его защищала, решала ему задачи, писала сочинения. Окончив школу, поступил в технологический колледж, где работала его мама. Но провалил сессию и ушел из колледжа. Ушел в армию, после армии женился на дочери генерала. У них родился сын. Работу по душе Денис так и не нашел, так как хотел работать полегче и получать побольше. Жена вскоре ушла от него. Денис встретил одинокую женщину, которая была старше его, и снова женился. Однако через два года и вторая жена ушла, так как не захотела его содержать. Чтобы безработного сына не посадили в тюрьму за неуплату алиментов, мать из своей пенсии выплачивала алименты на сына первой жены. На вопрос, как он думает жить, когда не станет матери, он ответил: «На свете много одиноких женщин, которым нужна моя любовь и ласка, а не деньги. А если надо будет, то на жизнь я себе заработаю, ведь я же большой и сильный».

Судьбу *Николая* – «перекати-поле» хотели бы повторить 21 учащийся (из 175 опрошенных). Из них его в первую очередь назвали 3 человека, во вторую – 7 человек и в третью – 11 человек.

Ольга (целеустремленный сельский руководитель, жена и мать) привлекла внимание 97 учащихся. Из них в первую очередь 59 человек, во вторую – 24 человека, в третью – 14 человек.

Артур (предприниматель, хозяин) – 109 учащихся. Из них в первую очередь 35 человек, во вторую – 36 человек, в третью – 38 человек.

Никита (человек, имеющий хороший достаток, строгий отец) – 97 учащихся. Из них в первую очередь 26 человек, во вторую – 23 человека, в третью – 48 человек.

Алина (модная, обеспеченная за счет мужа, не имеющая детей) –106 учащихся. Из них в первую очередь 29 человек, во вторую – 39 человек, в третью – 38 человек. Проведя беседу, выяснилось, что Алина понравилась многим учащимся, однако в ее жизни не понравилось нежелание иметь детей.

Костя (мечтатель и путешественник) – 81 учащийся. Из них в первую очередь 23 человека, во вторую – 36 человек, в третью – 22 человека.

Денис (физически сильный и здоровый человек, однако ленивый, привыкший жить за счет других) – 14 учащихся. Из них в первую очередь 0 человек, во вторую – 10 человек, в третью – 4 человека.

Таким образом, выявлено, что нравственные предпочтения у учащихся меняются в соответствии с состоянием окружающего их социума. Опрос показал, что современ-

ные учащиеся отдают предпочтение тем, кто стал предпринимателем, и тем, кто живет в роскоши, ничего не делая. Честные труженики и романтики отошли на второй план. К сожалению, дети не связывают будущие жизненные успехи и богатство со своими успехами в учебе и нравственными достоинствами. Они хотят иметь все и сразу, не прилагая больших усилий. Это можно объяснить тем, что, во-первых, сменились ценностные ориентации в обществе и микросоциуме. Во-вторых, средства массовой информации постоянно говорят и пишут о людях, сумевших разбогатеть. В-третьих, дети часто становятся свидетелями экономических трудностей, переживаемых многими семьями, где родители не всегда могут купить детям и себе модное, красивое, вкусное.

Полярность пропагандируемых школой образцов нравственного поведения и реалий жизни порождает наиболее существенные противоречия нравственного воспитания и процесса становления нравственных предпочтений подрастающего поколения. Все это затрудняет работу учителя по формированию нравственного поведения учащихся.

Стержнем, определяющим нравственное развитие, должно стать последовательное формирование нравственных установок учащихся в процессе гуманистического воспитания.

Литература

1. Гавриловец, К.В. Гуманистическое воспитание в школе: Пособие для директоров школ, учителей, классных руководителей. – Минск: Полымя, 2000.
2. Макаренко, А.С. Сочинения: В 7 т. – М.: АПН РСФСР, 1957. – Т. 4; т. 5.

ОПЫТ ИНДЕКСИРОВАНИЯ ДЕФОРМАЦИИ МОЛОДЕЖИ

И. Л. Грошев

Деформацию следует рассматривать как длительный, непрерывный и непрямолинейный процесс, обусловленный влиянием не только внешних факторов прямого и непрямого воздействия, но и спецификой ответной реакции индивида на окружающую среду, в свою очередь, имеющую как ситуативный (спонтанный), так и пролонгированный (логически определенный) характер. Таким образом, для анализа указанного процесса имеются четыре группы переменных сил, попарно зависимых и взаимообусловленных.

В настоящем исследовании автора интересует математическое выражение размеров и глубины деформационных изменений в личности возрастной группы 17–35 лет, т.е. молодежи. Выбор объекта осуществлен на основании значимости социальной группы и в настоящем времени, и в перспективе. Однако на первом этапе (пилотный проект «S&L-2013»), нацеленном на «отработку инструментария», выборочная совокупность ограничена рамками высших учебных заведений города Тюмени (Россия) с тематикой антикоррупционной деятельности.

В феврале-апреле 2013 г. проведено социологическое исследование с целью выявления и оценки коррупционного потенциала тюменской учащейся молодежи. Опрос проводился по шести базовым вузам города (35,29 % от численности высших учебных заведений Тюменской области) и выборочная совокупность респондентов составила 691 человек (0,48 % от общей численности студентов области). При разработке опросного листа в структуру анкеты интегрированы базовые элементы теста, что позволило извлечь данные для объемного анализа и охарактеризовать объект исследования с различных аспектов:

– психо-эмоциональное восприятие окружающей среды;

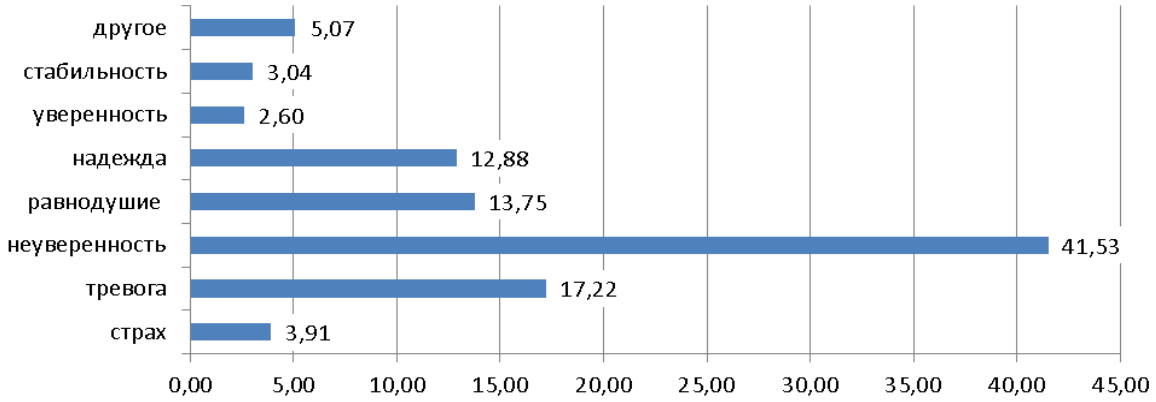
– личностный аспект деформации человека;

– нравственный аспект деформации человека;
– профессиональный аспект деформации человека;
– готовность к самоактуализации в социуме.

Следует отметить тот факт, что процент «отбраковки» некачественно заполненных анкет составил менее процента (0,8 %), что указывает не только на грамотно оформленную логическую структуру исследования, но и на высокую заинтересованность респондентов в озвучивании своего мнения и его интерпретации в рамках научных подходов. В отзывах студентов чаще звучит разочарование и пессимизм в возможности эффективного противодействия коррупции, поскольку коррупция, обоснованно, воспринимается не как чуждый общественному развитию феномен, а как вполне естественный процесс, обеспечивающий определенную стабильность и устойчивость экономической системы.

Психо-эмоциональное самочувствие молодежи следовало бы описать как отсутствие гарантированной траектории развития личности, при этом высшее образование уже не рассматривается как «стартовая площадка» для динамичной профессиональной социализации (рисунок 1). Более половины респондентов (62,66 %) испытывают неуверенность, тревогу и страх (соответственно 41,53 %, 17,22 % и 3,91 %). 13,75 % равнодушны ко всему происходящему, очевидно, что значительную долю в этой группе составляют инфантильные молодые люди, чью судьбу определяет внешнее окружение (как правило, родители). Впрочем, каждый пятый (18,42 %) опрошенный испытывает оптимизм в форме надежды, ощущения уверенности и стабильности.

Рисунок 1.Преобладающие чувства и эмоции в настоящее время,%



Как известно, именно неуверенность порождает неопределенность в оценке настоящего статуса и конкретных перспектив саморазвития. Указанное состояние облекает появляющиеся перед молодым человеком повседневные задачи в проблему, для решения которой необходима помощь со стороны. Возникают так называемые «фобии», в настоящем исследовании – страхи, которые сопровождают и детерминируют рациональную деятельность индивида. Внешний мир воспринимается как прямая угроза, набор негативных, разрушительных факторов либо подавляющих волю молодого человека, либо вызывающих ответный агрессивный протест.

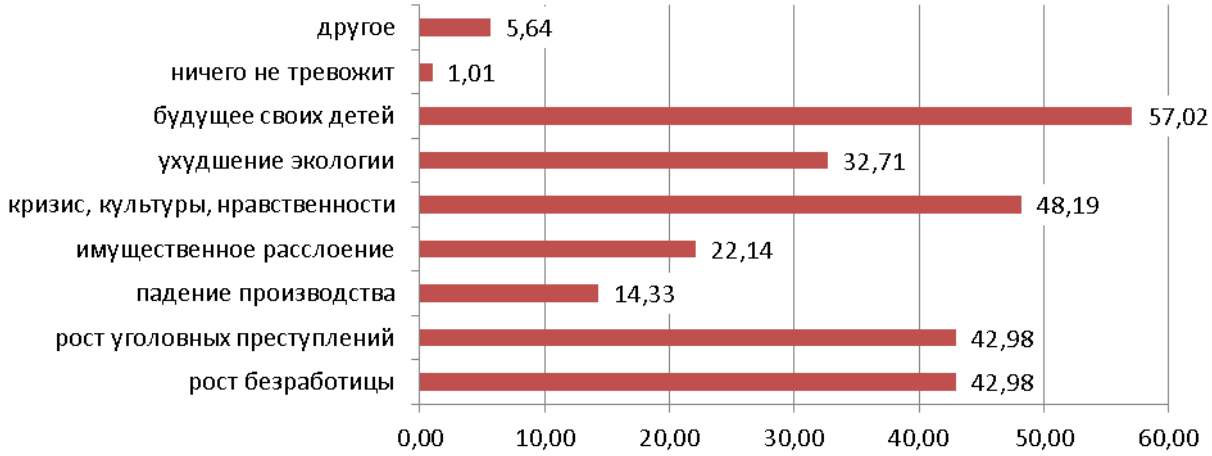
Чаще всего угроза ожидается со стороны террористов (42,55 %), преступников – похищающих детей (39,8 %), убийц (33,57%) и потери здоровья, обусловленной как физическим, так и психологическим воздействием (37,8 %). Девушки опасаются сексуального насилия (29,23 %) и оба пола, «заглядывая в будущее», боятся остаться без средств существования (25,76 %) и это значит не только потерять работу, сколько оказаться без материальной поддержки со стороны близких и родных (рисунок 2).

Рисунок 2.Социальные опасения молодежи, %

Неожиданным результатом для автора является значительная доля молодых людей (порядка 40 %) опасающихся кражи детей, что предполагает двойственный вывод: 1) тенденция умаления института семьи явно преувеличена (позитивный аспект); 2) опасения не только за свое будущее, но и за будущее своих детей, вероятно, будет сдерживающим фактором в количественном составе молодых семей (негативный аспект). Впрочем данная ситуация представляется не частным случаем авторского исследования, а системной проблемой, занимающей не последнее место в структуре проблемного поля молодежного сознания (рисунок 3).

Более половины респондентов (57,02 %) ассоциируют будущее с трудноразрешимой проблемой (учитывая активную государственную поддержку молодежи в Российской Федерации – ряд целевых программ в сфере бизнеса, трудоустройства, профессионального роста, жилищного строительства и т.д.).

Рисунок 3. Проблемное поле молодежи,%



Примечателен и тот факт, что 48,19 % респондентов отмечают кризис культуры и нравственности, очевидно, производя и самооценку. Высокая доля опрошенных (42,98 %) отмечают рост уголовных преступлений (при фактическом их снижении) и рост безработицы (также снижение по данным статистики). Так или иначе, но внешняя среда через призму негативного (настороженного и боязливого) восприятия оказывает воздействие на метаморфозы жизнен-

ных взглядов, принципов и установок личности, ее деформацию.

Под личностной деформацией автор статьи понимает изменение свойств характера человека, фиксируемое в его мировоззрении, с позиций самоконтроля и самоанализа на позицию правового нигилизма и утрату социальных ориентиров.

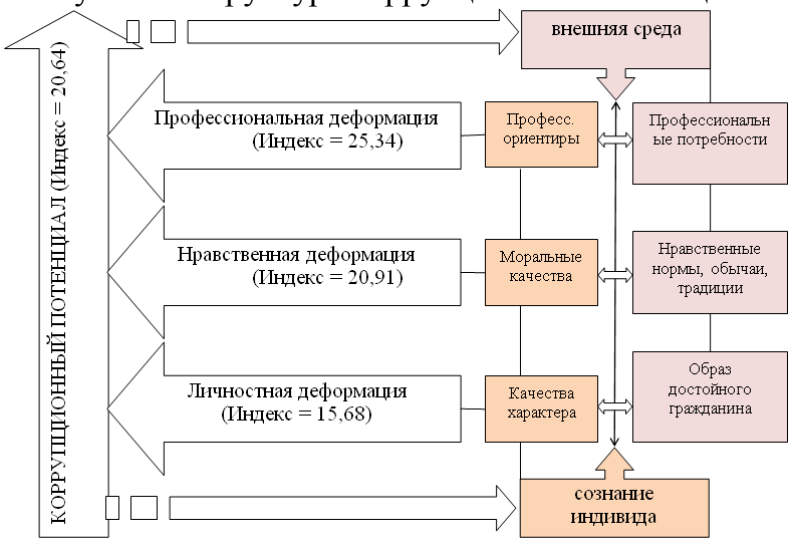
Нравственная (моральная) деформация – это замещение общезначимых социальных норм эгоистическими нормами личной выгоды и наживы, а также использование данных норм как руководства к выбору того или иного типа поведения человека. Любая моральная норма используется человеком для обоснования (оправдания) выбранного решения и, чаще всего, эгоистические нормы заимствуются из внешней среды (социального окружения человека) и достаточно легко замещают высоконравственные нормы по причине отсутствия стройной системы воспитания молодого человека, дискретной корректировки его установок со стороны семьи, воспитательных (дошкольных) и учебных заведений.

Профессиональная деформация является финальным этапом деформации человека, т.к. именно в профессиональной сфере создаются условия и предпосылки для коррупционной деятельности. Очевидно, что данному этапу предшествуют нравственная и личностная деформации, которые не только более продолжительны по времени воздействия на индивида, но и являются системообразующими элементами социализации личности, характеризуют ее целостность.

Наиболее сложным видом деформации следует признать личностную деформацию: во-первых, черты личности, свойства ее характера формируются с момента рождения человека и этот процесс продолжается всю сознательную жизнь человека; во-вторых, характер как призма, преломляет действительность, придает своеобразную, присущую только данной личности, интерпретацию обыденных (рутинных) и нетривиальных явлений. В нашем исследовании индекс, иллюстрирующий личностную деформацию, наименее выражен в молодежной среде, что отчасти объясняется возрастом респондентов, поиском своего места и смысла жизни.

Коррупционный потенциал, таким образом, является неким слагаемым деформационных процессов личности, измеряемый в интервале от 0 до 100, на текущий момент у учащейся молодежи Тюмени он составляет 20,64 ед (рисунок 4). Обнадеживающим фактом является лишь то, что наибольший деформационный вес распределен на профессиональную сферу, т.е., при создании необходимых производственных регуляторов, личность будет снижать собственный коррупционный потенциал и изменять социальную систему в сторону оздоровления.

Рисунок 4. Структура коррупционного потенциала



ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЬНЫХ НАПИТКОВ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

О. Г. Лукашова

Опыт реализации ряда государственных программ национальных действий по преодолению пьянства и алкоголизма в Беларуси показал, что негативные тенденции в распространении пьянства среди населения весьма трудно преодолеть. Практика потребления спиртных напитков в последнее время приобрела массовый характер. Уровень потребления алкоголя населением Республики Беларусь на протяжении десятилетий продолжает оставаться опасно высоким. Показатель уровня потребления алкогольных напитков, рассчитанный по продажам на душу населения, составил в Беларуси в 2011 г. 13,0 л. абс. алк [1, с. 473].

Стала очевидной необходимость применения комплексного подхода к решению столь сложной проблемы, носящей не только медицинский, но и экономический, социальный, культурный, нравственный характер. Представляется, что основное внимание на пути борьбы с распространением пьянства следует уделить разнообразию мер профилактики, среди которых значительная роль принадлежит организации целенаправленной информационно-разъяснительной и воспитательно-профилактической работы с населением. А учитывая тенденцию снижения возраста лиц, потребляющих алкогольные напитки, которая отмечается исследователями в последние годы, деятельность по профилактике пьянства должна в обязательном порядке охватывать представителей молодого возраста, включая детско-подростково-юношеские слои возрастного состава населения. Эта задача может быть решена лишь совместными усилиями специалистов разных направлений – педагогов, медицинских работников, работников органов управления, сотрудников правоохранительных органов, психологов, социологов, журналистов. При этом необходимо к решению данной социальной проблемы широко привлекать общественность: различные общественные объединения, молодежные организации, религиозных деятелей, а также опираться на отдельных граждан, не равнодушных к данной социальной проблеме.

Исследования различных сторон жизнедеятельности молодежи, проводимые в Беларуси, показывают, что потребление спиртных напитков стало весьма распространенным социальным явлением, превратилось в характерную черту образа жизни значительной части молодых людей.

Статистические показатели и материалы проводимых социологических исследований дают основания утверждать, что в среде современной белорусской молодежи отмечается все более широкое распространение таких девиаций, как пьянство и алкоголизм, потребление наркотиков, психотропных веществ и их аналогов, нарушения общественного порядка, табакокурение, проституция, сексуальные перверсии, нецензурная брань в общественных местах и пр.

Материалы авторского социологического исследования правовой культуры молодежи как фактора противодействия социальным девиациям (2013 г.), где в качестве объекта исследования выступали учащиеся и студенты высших, средних специальных и профессионально-технических учебных заведений, позволяют оценить степень распространенности названных социальных отклонений в молодежной среде. В соответствии с методикой исследования, распространенность таких девиантных проявлений в поведении учащихся, как употребление алкогольных напитков, наркотиков, табакокурение, сквернословие – замерялась путем получения ответов на прямые вопросы анкеты о том, как часто курит респондент, как часто употребляет спиртные напитки и др.

Полученные данные выявили, что 81,0 % молодых людей (в возрасте от 16 до 28 лет), обучающихся в профессиональных учебных заведениях страны, употребляют алкогольные напитки.

Распределение ответов на вопрос о частоте употребления спиртных напитков среди учащихся и студентов показало, что еженедельно (от одного до нескольких раз в неделю) употребляют алкогольные напитки (включая пиво) 7,4% респондентов. Заметны гендерные различия в частоте употребления алкоголя: каждую неделю его употребляют 10,0% юношей и 4,7% девушек.

Один-два раза в месяц употребляют спиртные напитки 21,8 % молодых людей. Среди них – 25,4% юношей и 18,2% девушек. Различия в данной группе употреблении алкоголя в зависимости от уровня получаемого респондентами образования не существенны: практически одинаково часто (1–2 раза в месяц) пьют и студенты вузов и учащиеся ССУЗов и ПТУ.

Редко, по праздникам (несколько раз в год), употребляет спиртное чуть более половины студентов и учащихся – 51,8 % респондентов в целом по выборке. Гендерные различия в этой группе потребителей алкогольных напитков существенны – редко употребляют алкоголь 40,1 % юношей и 63,6 % девушек (разница составляет 23,5 процентных пункта).

И только 18,6 % молодых людей придерживаются правила никогда не пить спиртных напитков. В этой группе наблюдаются различия в зависимости от уровня образования группы – среди непьющих молодых людей меньше всего студентов ВУЗов – 13,3 %, и больше учащихся ССУЗов – 24,6 % и учащихся профессионально технических учебных заведений – 22,5 %.

Такое распределение ответов можно объяснить возрастом респондентов (студенты ВУЗов старше) и большей степенью самостоятельности (меньшей подконтрольностью студентов ВУЗов со стороны семьи и учебного заведения). Никогда не употребляют алкоголь 24,4 % юношей и 12,7 % девушек (как показано выше, девушек больше в группе редко употребляющих алкогольные напитки).

Итак, результаты опроса свидетельствуют о включенности значительной части учащейся молодежи (28,5 %) в практику *регулярного потребления* спиртных напитков (позиции «еженедельно» и «1–2 раза в месяц»). В этой группе молодежи употребление алкоголя уже стало устойчивым паттерном поведения. Нормой считается употребление спиртного при встрече с друзьями, по любому случаю, который предлагается «отметить» – спектр мотивов и поводов для пьянства постоянно расширяется. Пьют для того, чтобы «расслабиться», «повеселиться», «поддержать компанию», «забыть неприятности», «повысить настроение», «поправить здоровье» и пр. Такой образ жизни в кругу пьющей молодежи считается естественным и нормальным, он ничем не отличается от поведения маргинальных (злоупотребляющих алкоголем) групп населения, вышедших за границы молодежного возраста. Одной из важных психологических причин выбора такого образа жизни для молодых людей является желание следовать моде, не отстать от других, когда употребление алкоголя воспринимается как атрибут «красивой жизни», престижного положения, самостоятельности.

В белорусском обществе распространено терпимое отношение к лицам, находящимся в состоянии алкогольного опьянения. Над ними подсмеиваются, их не замечают, к ним безразличны, но в большинстве случаев не осуждают. Такое же толерантное отношение демонстрирует молодежь к курящим и сквернословящим гражданам. По данным социологического исследования, более половины студентов и учащихся (54,0 %) продемонстрировали полное безразличие к лицам, находящимся в состоянии алкогольного опьянения в общественных местах («они могут поступать так, как хотят, мне нет до

них дела»). Примерно столько же (56,1 %) считают, что не следует обращать внимание на тех, кто нецензурно ругается, 51,1% – на тех, кто курит в общественных местах.

Таким образом, на основании полученных материалов, можно сделать вывод, что потребление алкоголя стало непременным атрибутом общения в среде студенческой и учащейся молодежи, употребление спиртных напитков рассматривается большинством молодых людей как норма жизни в белорусском обществе. При этом для молодежи не характерно задумываться о пагубных свойствах алкоголя и возможных последствиях его употребления, включая формирование стойкой зависимости.

Опыт, полученный в ходе реализации мероприятий государственных программ по преодолению пьянства, показал, что эффективность предпринимаемых усилий может возрасти, если их целенаправленно осуществлять в отношении разных категорий населения, и в первую очередь молодежи, включая в сферу воздействия несовершеннолетних. Насущной задачей становится формирование в сознании молодых людей образа жизни, который исключает потребление алкоголя. Стало очевидно, что для решения проблемы необходимо проводить широкую, массированную пропаганду трезвого образа жизни среди различных категорий населения страны, научно обоснованную и активную политику государственных органов и общественности по снижению уровня потребления алкоголя. Накопленный опыт свидетельствует, что проблема распространения пьянства более эффективно решается с позиций профилактики, которая должна осуществляться комплексом законодательных, административных, правовых и организационных мероприятий. Профилактическая работа должна быть направлена на демифологизацию алкоголя как символа престижа, на формирование в сознании молодежи ориентации на здоровый образ жизни.

Литература

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2012. – Минск, 2012.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РЕЛИГИОЗНО-ЭТИЧЕСКИХ ИДЕЙ МУНИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Е. А. Круподеря

Молодежная среда всегда представляла собой поле повышенного интереса для религиозных организаций различного происхождения и направленности, стремящихся укрепить и расширить свою социальную базу. Особого внимания требуют попытки религиозных организаций т.н. «деструктивной» направленности распространять свои идеи и этические ценности под видом различных мероприятий нравственной тематики, особенно при их пересечении с государственной системой образования и воспитания. В Республике Беларусь и других странах СНГ активно действовали в данном направлении сторонники нового религиозного движения «Церковь Объединения», известные как мунитиы.

«Церковь Объединения» (после 1997 года – «Движение Объединения») была основана в 1954 году в Южной Корее проповедником Сан Мен Муном (настоящее имя – Ян Ме Мун). Проповедуемое им религиозное учение представляет собой эклектичное соединение идей христианства, буддизма, конфуцианства и корейского шаманизма. Главная идея заключается в объединении народов мира в единое транснациональное сообщество под эгидой «Движения Объединения», построенное на религиозно-догматических принципах семьи Мун.

По утверждениям мунитов, «распространение идей Божественного Принципа является одним из основных видов деятельности "Церкви Объединения"» [1]. Особое внимание во внекультовой деятельности «Движения Объединения» уделяется образовательным проектам, как эффективному способу прямой и косвенной пропаганды религиозно-политических идей и моральных ценностей мунизма, а важнейшим стратегическим направлением этой деятельности была определена работа с учащейся и студенческой молодежью.

В связи с этим система образования и воспитания стала одной из основных сфер работы для «Церкви Объединения» с начала ее распространения в постсоветских странах, в т.ч. в Республике Беларусь. При этом муниты активно пытались добиться поддержки от органов государственного управления, средств массовой информации, руководителей учебных и социальных учреждений в реализации своих образовательных и воспитательных программ.

По утверждениям членов «Церкви Объединения», они фокусировали свою деятельность «на таких вещах, как разработка курса, который бы учил о христианской нравственности и этике» [2, с. 314]. На деле же разработанные педагогами из мунитского «Международного Фонда Образования» учебные пособия курса «Мой мир и я» (особенно в первом издании) представляли христианство и другие религии в искаженной интерпретации и содержали адаптированные для подростков социально-этические идеи учения Сан Мен Муна. По заключению российского историка Т. Кузнецовой, автора монографии «Мунизм: вероучение, религиозная практика и образ жизни последователей Сан Мён Муна», таким образом подросткам внушались основы идеологии мунизма и симпатии к «Церкви Объединения» [2, с. 325].

Ознакомление молодежи с учением Сан Мен Муна проводилось не только через прямое изучение «Божественного Принципа» на международных и местных семинарах. В «Движении Объединения» были учреждены несколько международных молодежных организаций, распространяющих религиозно-политические и социально-этические идеи мунизма через реализацию миротворческих, благотворительных, образовательных проектов («Студенческая Ассоциация по Изучению Принципа» – «CARP», «Федерация Молодежи за мир во всем мире» и др.). Их филиалы открывались в разных странах, включая регион СНГ.

В Беларуси с 1992 года действовали активисты «CARP», выступая в школах, вузах, молодежных общежитиях на темы нравственности, чистой любви, семейных ценностей и брака, опасности СПИДа и наркомании и т.п. Активизация мунитской работы с молодежью приходится на вторую половину 1990-х годов. В это время белорусские члены «Движения Объединения» реализуют комплекс социальных и образовательных программ, рассчитанных на учащуюся и студенческую молодежь. Их основное содержание было посвящено нравственной проблематике и здоровому образу жизни: муниты выступали перед школьниками и студентами с лекциями на темы «Чистая любовь», «Опасность СПИДа», «Наркотики – от реальности не уйдешь», «Счастливый брак и семья»; проводили молодежные манифестации и марши, призывающие противостоять наркомании, свободному сексу и СПИДу; с 2000 года стали создавать школьные клубы «Чистой любви» с целью подготовки молодежных лидеров.

Таким образом, работая с молодежью, муниты сфокусировались на воспитательных программах и социальных акциях нравственной тематики, делая акцент на проблеме полового воспитания. Однако пропагандируемые ими в такой форме социально-этические ценности базировались на религиозной нравственности. Посредством лекций, семинаров, конференций, основанных на концептуальных материалах «Международного Фонда Образования», среди молодежи распространялись мунитские представления о

любви и браке, ценности семьи в интерпретации Муна.

Призывы к нравственной чистоте, сохранению целомудрия до брака, альтруистической любви, внешне подобные христианской этике, исходили из догматов религиозной идеологии мунизма об «Истинных Родителях». В качестве «Истинных Родителей» выступали Сан Мен Мун и его супруга, а «истинной семьи» – «Церковь Объединения». По мнению мунитов, только их учение и их религиозная среда закладывают основы крепкой и счастливой жизни [3, с. 409]. Исследователи неокультов, в т.ч. белорусские религиоведы, полагают, что у последователей «Церкви Объединения» формируется негативная позиция по отношению к настоящим родителям, всем членам настоящей семьи, укладу их жизни [4, с. 88].

Таким образом, традиционные ценности семьи и семейных отношений получили в мунизме новую интерпретацию, а их пропаганда несет в себе деструктивный потенциал. Деструктивность усиливается с учетом того обстоятельства, что распространение мунитского мировоззрения и этических ценностей среди белорусской молодежи происходило под оболочкой социально-воспитательных программ и акций.

Литература

1. Кузнецова, Т.Н. Мунизм: Вероучение, религиозная практика и образ жизни последователей Сан Мен Муна. – М., 1999.
2. Церковь Объединения – справочный обзор // Сайт о Церкви Объединения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://klevete.net.ru. – Дата доступа: 25.10.2011.
3. Конь, Р.М. Введение в сектоведение. – Н. Новгород, 2008.
4. Неокульты: идеология и практика / Е.С. Прокошина, Н.А. Кутузова [и др.]. – Минск, 2005.

УЧИТЕЛЬ КАК НОСИТЕЛЬ И ТРАНСЛЯТОР ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Ю. В. Аленькова

Система образования в нашей стране пребывает в стадии реформирования. Этот процесс является необходимым и неизбежным, он связан с ускорением темпов социокультурного развития человечества, с реалиями информационной цивилизации, с тенденциями глобализации. Среди учителей, профессорско-преподавательского состава вузов, учеников, студентов и их родителей существуют противоречивые оценки содержания и направленности реформы, возникает ощущение некоторой растерянности, дезориентации. В столь неоднозначной ситуации должны существовать некие инварианты, на которые возможно и необходимо опереться в процессе формирования новой образовательной парадигмы. Таким «инвариантом» при любых реформах остается фигура учителя, который является и оплотом стабильности образовательной системы, и представляет «глоток смысла» в культурном космосе с постепенно разрушающимся смысловым универсумом.

Изменения в ценностных ориентациях социума неизбежно сказываются на статусе и оценке общественной значимости профессии учителя. В современном научно-педагогическом дискурсе укоренились такие понятия как «рынок образования», «образовательные услуги», которые изменили представления об учителе. Прежде он выступал не только в роли транслятора знаний, но и в роли наставника, оказывающего влияние на личностное самоопределение, выбор жизненных ориентиров учеников. Его фигура была легитимна в глазах учеников и родителей, что связывалось с образом учителя как носи-

теля духовной культуры, с наличием у него особых нравственных качеств. Включение образования в систему рыночной экономики и ценностных координат общества потребления превращает учителя из наставника в своеобразного продавца знаний, обеспечивающего конкурентоспособность на рынке труда, а ученика и студента – в потребителя знаний как товара, обладание которым может привести к жизненному успеху. В массовом сознании, по мнению Н.Р. Сидорова, сформирована определенная модель жизненного успеха: *власть, влияние, деньги*, являющаяся результатом новоевропейской рационалистической установки: «миром правят правильная мысль, трезвый ум и точный расчет» [1, с. 10]. В рамках такой установки успех измеряется в категориях обладания (деньгами, недвижимостью, социальным статусом и пр.). Следствием изменившихся задач образования стали технологизация, формализация процесса обучения, на фоне которых воспитательная функция образования приглушает свое звучание.

Нынешнее положение дел в системе образования – отражение кризиса духовности современной цивилизации, проявляющегося в девальвации нравственных ценностей, в обесценивании человеческой жизни, в доминировании принципов прагматизма, меркантилизма, гедонизма, эгоизма, в пьянстве и наркомании, в коррупции, современной работорговле, преступности и пр. Одним из путей духовного возрождения видится усиление роли религии в обществе, формирование религиозного мировоззрения, религиозной культуры членов общества, особенно молодежи. Однако сотрудничая с церковью в деле духовного возрождения, общество незаметно для себя фактически перекладывает эту задачу на церковь, словно констатируя исчерпанность потенциала светской культуры в формировании духовности. В результате в общественном сознании понятия «духовность» и «религиозность» зачастую отождествляются.

Понятие духовности и духовной культуры с трудом поддаются определению и рационализации, так что сама эта сложность порождает возможность манипуляции ими. Перед специалистами в области гуманитарных наук стоит задача концептуализации этих понятий, возвращение (реальное, а не декларируемое) духовного воспитания в светскую школу.

Духовность не тождественна религиозности. Солидаризируемся с мнением российского философа В.В. Уварова: «Ставить равенство между духовным и религиозным в корне неверно. Мало того, что неверно, это опасно и чревато многими бедами с весьма и весьма тяжкими последствиями. Во-первых, признавая духовность только за верующими в бога, мы, тем самым, отказываем в духовности и переводим в "бездуховные" значительную часть человеческого общества, причем наиболее талантливую, активную, работающую и думающую часть, ту часть, которая состоит из ученых, литераторов, людей искусства, наиболее квалифицированных работников различных сфер человеческой деятельности, с последующим отлучением этой части общества от активной общественной деятельности, что повлечет за собой замедление и остановку развития такого общества, его разложение и далее гибель. Во-вторых, признав духовность исключительным достоянием верующих в бога, мы обязательно упремся в вопрос: всех ли верующих? Ведь религий много и веры разные» [2]. Альтернативой понимания духовности как религиозности стало употребление в общественной лексике понятия духовность «в обозначении мировоззренческих, жизнеориентирующих мотивов поведения личности» [3, с. 131].

Современные исследователи духовности рассматривают ее как сложный интегративный феномен, выделяя в ней нравственные, эстетические, интеллектуально-когнитивные составляющие. Сегодня к ним прибавляется экологическая составляющая, развивающая традиции ноосферного мышления, в формировании которой большой вклад внесли труды академика Н.Н. Моисеева, сформулированная им идея Коллектив-

ного Интеллекта Человечества. «Разработанная академиком система "УЧИТЕЛЬ", делает центральной фигурой всей истории не политика, военного или инженера, а *учителя*. Но под этим словом подразумеваются не только педагоги средней и высшей школы, но и вся система формирования, накопления и развития коллективных знаний, нравственности и памяти народа, становящаяся движением общественного прогресса» [4, с. 32]. Академик Моисеев утверждает, что «именно та нация, которая сегодня сумеет создать более совершенную систему "УЧИТЕЛЬ", сделается лидером XXI века» [4, с. 32].

Многогранность форм духовности воплощается в многогранности форм духовной культуры. В ее структуре можно выделить философско-мировоззренческую, нравственную, эстетическую, научную, правовую, культуру. Ее артефакты выражены в представлениях о мире и человеке, в идеях, знаниях, убеждениях, нравственных ценностях. Однако духовную культуру личности нельзя рассматривать как усвоение суммы этих артефактов. Ее можно определить как процесс превращения культурных ценностей во внутренний личностный багаж. Духовная культура личности – это культивация, возделывание души (если исходить из этимологии слова «культура»), это рефлексия и самопознание, потребность в экзистировании и трансцендировании. Эти внутренние потребности, составляющие ядро личности учителя, невидимыми нитями передаются ученику.

Духовное воспитание – это не только и не столько официально проводимые мероприятия, сколько повседневный опыт общения учителя с учеником. В этом опыте значимо все: и широта кругозора, и богатство речи учителя, и гибкость его мышления, и глубина суждений, и его эрудиция, и чувство юмора и эстетические предпочтения. Во всем этом воспитательного эффекта не меньше, чем во многих внеклассных мероприятиях.

Высшее проявление духовной культуры учителя – любовь, которую ученые рассматривают как «духовный архетип человечества», соединяющий воедино добро, истину, красоту. «Любовь не случайно стала символом всех духовных традиций человечества. Если душа человека движется любовью, это говорит о достижении ею высшего совершенства, о том, что человек в своих поступках исходит и из абсолюта, и из своей сущности» [5, с. 183]. Именно любви так не хватает современной школе и обществу в целом: любви к ученику, к своей профессии, и любви-агапэ в христианском смысле.

Формирование духовной культуры учителя, бесспорно, происходит не только в вузе. Однако вузы, прежде всего, педагогические, должны поставить эту задачу в число первостепенных. Большое значение здесь имеет качество гуманитарного образования, которое формирует личность. Сотрудничество светских учреждений с религиозными организациями будет содействовать достижению цели духовного возрождения на условиях равноправного партнерства, поскольку соблюдение принципа свободы совести – также одно из проявлений духовной культуры. Учитель может быть носителем либо религиозного, либо светского мировоззрения, однако это мировоззрение не поглощает собой понятия духовной культуры, являясь его частью, основой, на которой формируются нравственные, эстетические принципы, когнитивные потребности личности, составляющие ее духовный универсум.

Литература

1. Сидоров Н.Р. Философия образования. Введение. – СПб., 2007.
2. Уваров В.В. Духовность // Грани эпохи. Этико-философский журнал. – 2005. – № 23 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://grani.agni-age.net/ articles2/ uvarov.htm. – Дата доступа: 09.04.2013.
3. Кононенко, Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. – М., 2003.

4. Платонов, Г.В., Косичев А.Д. Проблема духовности личности (состав, типы, назначение) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 1998. – № 2. – С. 3–32.
5. Нижников, С.А. Духовное познание // Культурология. XX век. Энциклопедия. – Т.1. – СПб., 1998. – С. 181–183.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Т. Е. Яценко

Рост таких негативных явлений как снижение уровня психологического здоровья школьников, интрапунитивные и экстрапунитивные формы поведения школьников, нарушения в формировании идентичности, подверженность педагогов синдрому эмоционального выгорания актуализируют проблему повышения уровня психологической безопасности образовательной среды. В широком смысле психологическая безопасность – это состояние защищенности субъектов образования от угроз их личному достоинству, эмоциональному благополучию, позитивному мировосприятию и самоотношению [1] [2] [3] [4].

Психологическая безопасность образовательной среды – это состояние образовательной среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребности в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды [1, с. 9].

Важнейшим фактором формирования психологической безопасности образовательной среды является личность учителя. В частности, большое значение имеет наличие у него необходимых психологических качеств, социально-психологических умений, а также ценностных ориентаций.

Анализ литературы показал, что понятия «ценности» и «ценностные ориентации» во многих исследованиях рассматриваются как синонимы. При этом, для описания личности чаще используется термин «ценностные ориентации». Под ценностными ориентациями понимается отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров [5, с. 5]. Ш. Шварц подчеркивает, что ценности представляют собой убеждения, которые окрашены эмоциями. Они выполняют роль мотиваторов, выступающих руководящими принципами жизни человека [6].

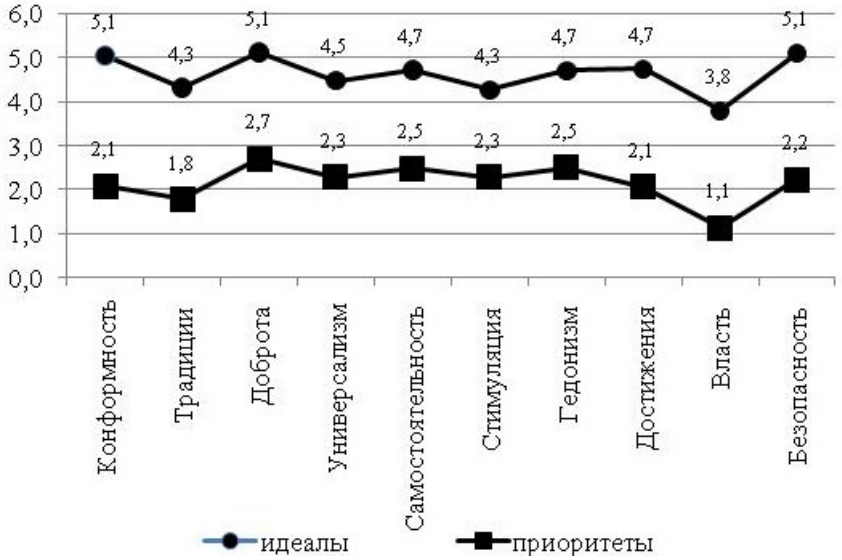
Поскольку сензитивным периодом формирования профессионально значимых качеств педагогов является период обучения в вузе, то важное значение приобретает изучение у студентов ценностных ориентаций на уровне идеалов и приоритетов поведения. С этой целью нами было проведено исследование на базе Барановичского государственного университета с применением методики Ш. Шварца для изучения ценностей личности. Выборку исследования составили 78 студентов 2 и 3 курсов педагогических специальностей.

Список ценностей, предложенный Ш. Шварцем, был нами разделен на 2 группы в зависимости от их вклада в актуализацию у будущих педагогов психологических компетенций, важных для поддержания психологической безопасности образовательной среды. В первую группу, составляющую ядро психологических компетенций в области обеспечения психологической безопасности образовательной среды, вошли ценности, отражающие открытость личности изменениям (самостоятельность, стимуляция) и са-

модостаточность (универсализм, доброта). Группа ценностей, оппозиционных психологическим компетенциям в области обеспечения психологической безопасности образовательной среды, представлена ценностями, свидетельствующими о консерватизме личности (традиции, конформность) и самовозвышении (власть, достижения). В качестве самостоятельной ценности нами рассматривается безопасность.

Результаты исследования показали, что имеет место существенное рассогласование степени выраженности ценностей студентов на уровне идеалов и приоритетов (рисунок 1).

Рисунок 1. Профили ценностей на уровне идеалов и приоритетов студентов



Имеет место общая тенденция для всех ценностей: более высокими оказываются оценки всех ценностей на уровне нормативных идеалов (убеждений), чем на уровне индивидуальных приоритетов (реального поведения). Это означает рассогласование между представлениями студентов о том, как нужно поступать, и их реальным поведением, являющееся следствием низкой самокритичности, неразвитости рефлексивных умений, несформированности субъектной позиции (активность, ответственность). Указание школьников на стиль поведения учителя, отличный от декларируемых им убеждений, интерпретируется педагогом как проявление неуважения и может обусловить повышение напряженности и рост конфликтности в системе отношений «учитель – ученики», что выступает в свою очередь фактором риска психологически опасной образовательной среды.

Установлено, что для будущих педагогов большей значимостью на уровне убеждений обладают ценности, связанные с консервативной позицией (ср.знач.=4,7), по сравнению с ценностями, отражающими открытость личности новому опыту (ср.знач.=4,5). Под влиянием социального окружения у будущих педагогов формируется представление о важности средней степени демонстрации солидарности относительно демонстрируемой группой модели поведения и соответствия социальным ожиданиям. Соответственно преимущественная ориентация педагогического коллектива на директивные и эмоционально отстраненные отношения со школьниками может обусловить некритическое принятие молодыми педагогами подобной модели педагогического общения, приводящей к возрастанию числа психотравмирующих для школьников ситуаций, как оптимальной. Однако на уровне поведения будущие педагоги демонстрируют большую приверженность ценностям, свидетельствующим о стремлении к новому опыту, новизне, стремлении самостоятельно принимать решения и выбирать способ дей-

ствия (ср.знач.$_{откр.}$=2,4 и ср.знач.$_{конс.}$=1,95). Следовательно, в реальном взаимодействии студенты больше ориентированы на принятие инаковости других и сохранение автономной позиции. Таким образом, наблюдается явный диссонанс между представлениями студентов о ценностях, которые являются руководящими принципами их жизни, и реальным поведением. С позиции системных теорий коммуникации, подобное рассогласование может привести к возникновению такого явления, как двойная коммуникация, когда учитель вербально выражает одно требование, но имеет в виду, и на уровне поведения предъявляет абсолютно иное требование [7]. Состояние неопределенности в условиях двойных посланий делает ситуации педагогического взаимодействия стрессовыми для школьников. Они переживают тревогу, страх, незащищенность от психологического насилия.

Полученные данные свидетельствуют о большей значимости на уровне убеждений и большей степени реализации ценностей, отражающих самодостаточность личности (ср.знач.$_{убежд.}$=4,8 и ср.знач.$_{повед.}$=2,5), нежели самовозвышение (ср.знач.$_{убежд.}$=4,25 и ср.знач.$_{повед.}$=1,6). Будущие педагоги ориентированы на терпимость и доброжелательное отношение к другим, защиту их психологического благополучия в противовес стремлению к доминантности.

Ценность «безопасность» как руководящий принцип жизни имеет для студентов среднюю степень важности, но на уровне поведения она реализуется в низкой степени, что отражает дефицит умений, необходимых для поддержания своей психологической безопасности.

Таким образом, для большинства будущих педагогов характерна средняя степень значимости на уровне убеждений ценностей, важных для формирования психологически безопасной образовательной среды, и низкий уровень их воплощения в реальном взаимодействии. Низкий уровень реализации ценностей в поведении – следствие несформированности у будущих педагогов необходимых социально-психологических компетенций.

Литература

1. Баева, И.А. Психологическая безопасность образовательной среды: теоретические основы и технологии создания: дис... д-ра психол. наук: 19.00.07. – СПб., 2002.
2. Дашкова, Н.В. Психолого-педагогическое сопровождение психологической безопасности образовательной среды школы: дис... канд. психол. наук: 19.00.07. – Самара, 2005.
3. Макеева, А.Г. Создание психологической безопасности социальной среды организации средствами активного социально-психологического обучения: дис. … канд. психол. наук: 19.00.05. – СПб., 2009.
4. Шлыкова, Н.Л. Психологическая безопасность субъекта профессиональной деятельности: дис… д-ра психол. наук: 19.00.03. – М., 2004.
5. Карандашев, В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб., 2004.
6. Schwartz, S.H. Value consensus and importance: A cross-national study // Journal of Cross Cultural Psychology. – 2000. – № 31. – P. 329–361.
7. Бейтсон, Г. Экология разума / Пер. Д.Я. Федотова, М.П. Папуша. – М., 2000.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПОДРОСТКОВ СРЕДСТВАМИ ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. И. Вашнёва

В современных условиях развития общества особую актуальность приобретают проблемы воспитания молодого поколения на гуманистических, общечеловеческих ценностях, ценностях национальной и мировой культуры, включения личности в систему современных общественных отношений. Воспитание и образование как социокультурные и духовные феномены вступили в новый этап своего развития, связанный с изменением ценностных ориентаций в обществе.

Проблема ценностных ориентаций особую актуальность приобретает в подростковый период. В этом возрасте впервые пробуждается интерес к своему внутреннему миру, осуществляется переход от сознания к самосознанию. Согласно И.С. Кону, самосознание включает в себя три взаимосвязанных компонента: *познавательный* – осознание себя, своих качеств и возможностей; *эмоциональный* – оценка этих качеств и связанное с ней самоотношение; *поведенческий* – практическая модель поведения, обусловленная первыми двумя компонентами [1, с. 76].

Ценностные ориентации, являясь одним из центральных личностных новообразований, выражают сознательное отношение человека не только к самому себе, но и к социальной действительности и в этом своем качестве определяют широкую мотивацию его поведения. Ценностные ориентации формируются на основе высших социальных потребностей, в определенных социально-психологических условиях, в различных видах деятельности (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, В.О. Ядов, М.С. Каган). Важно отметить, что ценностные ориентации являются важнейшим элементом сознания личности, в них преломляются нравственные, эстетические, правовые, политические, экологические, экономические, мировоззренческие знания, представления и убеждения.

Особое значение приобретает связь ценностных ориентаций с направленностью личности. Система ценностных ориентаций определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее взглядов на окружающий мир, а также определяет отношения и особенности взаимодействия с окружающими людьми, становится стержнем его жизнедеятельности.

Для изучения ценностных ориентаций подростков нами была выбрана методика определения ценностных ориентаций М. Рокича, основанная на прямом ранжировании списка ценностей. В исследовании принимали участие обучающиеся средних школ г. Минска.

Терминальные ценности понимались как убеждения в том, что конечная цель индивидуального существования каждого человека стоит того, чтобы к ней стремиться. Они представляют собой ядро личности, являются основным мотивом ее социальной активности, обеспечивают ее целостность и определяют программы и стратегии жизнедеятельности.

Как показывают результаты нашего исследования, большинство школьников (57%) считают главной ценностью здоровье. 12,5% испытуемых предпочитают счастливую семейную жизнь, 10% подростков ставят превыше всего любовь, а 7,5% респондентов – свободу. Одинаковое количество испытуемых (5%) определяют уверенность в себе и жизненную мудрость как принципы, которыми они руководствуются в жизни. А для 2,5% школьников наиболее значимо общественное признание и материально обеспеченная жизнь. Анализируя ценностные ориентации первого ранга, стоит заметить, что в выборке не представлены такие ценности как активная деятельная жизнь, интересная рабо-

та, красота природы и искусства, счастье других, творчество и т.д. Достаточно важными для подростков являются также дружба, интересная работа, самореализация, душевный покой, комфорт. Наименее значимыми оказались: творчество, общественное признание, известность, репутация, долг перед Родиной.

Инструментальные ценности или ценности-средства понимались как социально значимые ресурсы, образ действий или свойство личности предпочтительные в любой ситуации. Полученные данные по инструментальным ценностям, показывают, что предпочитаемыми являются такие инструментальные ценности как жизнерадостность, воспитанность, независимость, образованность, а наименее – рационализм, непримиримость к недостаткам в себе и других, терпимость.

Исследование позволило нам определить, что в основном влияет на формирование мировоззрения подростков. С точки зрения респондентов, оказывают влияние на формирование их ценностей четыре фактора: ближайшее окружение (сверстники, друзья) (48,8%), учебно-воспитательные учреждения (учебная, общественно-полезная, досуговая деятельность) (14,1%), семья (традиции, обычаи, нравственные и религиозные ценности) (20, 2%), СМИ (17,9%). В последнее время очевидно и, как отмечают большинство исследователей, намечается падение авторитета и роли родителей и учителей, и рост влияния средств массовой информации и внешнего относительно семьи и школы социального окружения, прежде всего сверстников. Такое соотношение процентов неудивительно, т.к. для подростков одной из авторитетных групп являются друзья, группа сверстников.

Особую значимость в процессе формирования ценностных ориентаций приобретает досуговая деятельность подростков, а точнее ее организация. Приобщая человека к различным видам социальной и культурной активности, досуговая деятельность способствует проявлению творческого потенциала личности, обогащению молодого человека общечеловеческими и культурными ценностями. Исследователи считают, что досуг, являясь благоприятной почвой для удовлетворения подростками фундаментальных человеческих потребностей, способствует формированию уважительного отношения личности к себе, формированию таких качеств характера как инициативность, уверенность в себе, сдержанность, мужественность, выносливость, настойчивость, искренность, честность.

Анализируя анкету «Досуг подростка», можно сказать, что 30% подростков находятся на уровне пассивного досуга (просмотр телевизора, игры за компьютером, общение в социальных сетях, интимно – личностное общение со сверстниками), 30% предпочитают, чтобы досуг организовывали другие люди и при этом не стремятся его разнообразить, 40% подростков хотели бы принимать участие в культурной и творческой деятельности. Такое распределение ответов во многом связано с тем, что подростки не проявляют инициативу, а пассивно ждут, что им предложат.

Результаты исследования дают возможность отметить необходимость совершенствования досуговой деятельности подростков, так как наиболее эффективно формируются ценностные ориентации у молодых людей, которые вовлечены в процесс досуговой деятельности. Учитывая важность влияния досуговой деятельнгости на формирование ценностных ориентаций подростков, предлагаемые мероприятия должны быть привлекательны для подростков, учитывать их личную инициативу, предоставлять им право выбора. Специалисты должны использовать такие формы и средства досуговой деятельности, в которых заложены программы саморазвития и творчества.

Таким образом, для того, чтобы досуговая деятельность школьников способствовала формированию ценностных ориентаций, она должна включать в себя огромный спектр воспитательных мероприятий, основными задачами которых являются:

– воспитание ответственной гражданской позиции;

– приобщение к общечеловеческим ценностям, ценностям национальной и мировой культуры;

– профилактика девиантного поведения;

– успешная социализация через приобретение опыта конструктивного взаимодействия, реализацию духовных, социальных интересов, потребностей, задатков, творческого потенциала и запросов детей, учащейся молодежи и их родителей.

Литература

1. Кон, И.С. Моральное сознание личности и регулятивные механизмы культуры // Социальная психология личности / Отв. ред. М.И. Бобнева, Е.В. Шорохова. – М., 1979.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ КАК УСЛОВИЕ СМЯГЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ ГОСУДАРСТВА

С.К. Турчак

Основной капитал Приднестровской Молдавской Республики – ее граждане. Уровень их образованности, культуры, профессионализма определяет эффективность экономического развития страны. Школа – единственный государственный институт, через который проходит все население, именно поэтому содержание общего образования и условия его реализации выступают важнейшими компонентами поступательного развития общества и государственной безопасности.

Основными целями образования являются удовлетворение потребностей личности во всестороннем развитии, а также приумножение экономического, культурного и духовного наследия приднестровского общества как фактора обеспечения социально-экономического развития Приднестровской Молдавской Республики.

Государственные образовательные стандарты первого поколения в Приднестровской Молдавской Республике были введены в систему образования на рубеже XX-XXI веков синхронно с Российской Федерацией в условиях развала советской образовательной системы, прекратившей свое существование в 1992 году. В то время первоочередными задачами и базисными функциями стандартизации образования Приднестровья, действовавшего в условиях международного государственного непризнания, признавались:

– сохранение общего образовательного пространства с Российской Федерацией, объявившей себя правопреемницей Советского Союза;

– обеспечение доступности образования, особенно общего, для всех детей и молодежи Приднестровья на трех официальных языках – русском, молдавском и украинском;

– обеспечение минимального, но достаточного уровня содержания образования для выполнения требований к уровню подготовки выпускников.

Поставленные задачи и основные свои функции государственные образовательные стандарты первого поколения выполнили.

В настоящее время наша республика, как и другие страны постсоветского пространства, вступила в новую стадию жизни, обусловленную не только внутренними, но и внешними факторами. В условиях перехода человечества к постиндустриальному, информационному этапу своего развития, к экономике, основанной на информационных

технологиях и знаниях, образование становится важнейшим ресурсом социально-экономического, политического и культурного развития страны. Именно этот фактор резко ускорил процессы глобализации, усилил взаимозависимость стран и культур, активизировал международную кооперацию и разделение труда.

Выпускник современной школы должен быть готов в течение активной фазы своей жизни неоднократно изменять сферу занятости и осваивать новые профессии. Следовательно, нормой становится умение учиться на протяжении всей жизни, действовать в постоянно изменяющихся условиях, решать неожиданно возникающие новые нестандартные проблемы.

На первый план выходит важнейшая социальная функция школы – обеспечение способности системы образования гибко реагировать на запросы личности, изменение потребностей экономики и нового общественного устройства. Важнейшее значение приобретают социальные эффекты, производимые образованием, – эффекты консолидации общества и формирования гражданской идентичности (национальной, общегосударственной, общечеловеческой), снижение рисков социально-психологической напряженности между различными этническими и религиозными группами населения, эффекты социального «лифта» и социального «миксера» и достижения социального равенства отдельных личностей с разными стартовыми возможностями.

Появление новых вызовов времени вынуждает отвечать на них модернизацией школьного образования. Эти вызовы порождают принципиально иные запросы к образованию и его результатам и поэтому требуют разработки нового поколения стандартов.

К основным функциям нового стандарта общего образования следует отнести:

1. Обеспечение единства образовательного пространства страны и духовной консолидации народа через новое содержание образования;

2. Воспитание высоконравственной, творческой, компетентной личности, укорененной в духовных и культурных традициях Приднестровья, принимающей судьбу своего народа как свою личную, осознающей свою ответственность за настоящее и будущее Отечества. Решение этой задачи – ключевой момент для поступательного социально-экономического развития страны;

3. Создание новых экономических механизмов в образовательной среде, позволяющих эффективно при оптимальных затратах решать вопросы качества образования и воспитания детей и молодежи ПМР;

4. Развитие информационного образовательного пространства государства.

Решение этих задач требует обеспечения инновационного сценария развития страны на долгосрочную перспективу. Только в условиях становления инновационной системы образования возможна ориентация на новые образовательные результаты, востребованные обществом.

Нормативно-правовой базис государственной образовательной системы Приднестровской Молдавской Республики определяет пространство общего образования страны следующими структурными компонентами:

1. *Базовый уровень государственного образовательного пространства.* Образовательная политика Приднестровской Молдавской Республики ориентирована на Россию, поэтому действующий государственный образовательный стандарт общего образования в школах Приднестровья идентичен стандарту первого поколения Российской Федерации. Как следствие, Базисный учебно-развивающий план системы общего образования Приднестровской Молдавской Республики (БУРП ПМР) полностью соответствует Федеральному базисному учебному плану России как в отношении количества учебных часов по всем дисциплинам, так и в базовой содержательной части.

2. Республиканский уровень образовательного пространства представлен содер-

жательным наполнением учебных дисциплин Базисного учебно-развивающего плана – российского аналога – республиканским приднестровским компонентом. Он предполагает учет специфики нашего государства методом вкрапления в основное содержание соответствующих образовательных областей сведений о родном крае.

3. Образовательное пространство конкретного титульного этноса ПМР. В ПМР функционируют 177 организаций общего образования (ООО), которые представлены школами с родным молдавским, русским и украинским языками обучения. В ООО ПМР реализуются образовательные стандарты на трех официальных языках: молдавском, русском и украинском. Соответственно, содержательное ядро образовательного стандарта зависит от языка обучения.

Согласно приказу Министра просвещения ПМР № 547 от 12.05.09 (Приложение №2) учебные дисциплины Базисного учебно-развивающего плана, предполагающие республиканский компонент, в школах с русским языком обучения преподаются по образовательным стандартам, учебникам и программам Российской Федерации, а для школ с молдавским языком обучения учебники по этим предметам переводятся на молдавский язык. Учебные дисциплины: русская литература, окружающий мир, природоведение, история, обществознание, география во всех школах ПМР преподаются по программам Российской Федерации с вкраплением республиканского компонента в основное содержание общего образования.

Молдавский язык как родной и официальный, молдавская литература в школах с молдавским и русским языками обучения, начальная военная подготовка преподаются по стандартам, программам и учебникам, разработанным в ПМР. Украинский язык и литература в школах с украинским языком обучения и украинский язык как официальный реализуются по программам ПМР и учебникам для школ Украины. Факультативно в этих школах преподаются история и география Украины.

Анализируя сложившуюся ситуацию по реализации стандартов первого поколения, можно констатировать, что основное их назначение – сохранение режима функционирования единого базового ядра образования в школах за счет введения инвариантного минимально допустимого (достаточного) уровня содержания и требований к подготовке выпускников, – выполнено.

Но, вместе с тем, сами стандарты стали фактором не столько стабилизации, сколько консервации школьного образования, направленного на реализацию прежних целей и задач советской школы в условиях отсутствия внятной идеологии ее развития. Это и создает те противоречия, которые стали причиной критики и непринятия частью общества стандартов как таковых за то, что современная школа (стандарты первого поколения) не отвечает требованиям качественной социализации выпускника, не формирует его гражданскую позицию, не позволяет ему своевременно самоопределиться в будущей сфере деятельности.

Более того, отсутствие единого содержания образовательных стандартов Приднестровья для школ с молдавским, русским и украинским языками обучения изначально ориентирует выпускника школы на дальнейшее получение высшего и среднего профессионального образования за пределами ПМР в трех других странах – Молдове, России и Украине.

Дальнейшее развитие образования в Приднестровской Молдавской Республике возможно только на основе такого содержания образования, которое будет изначально приднестровским, в отличие от действующего у нас сегодня Государственного образовательного стандарта России первого поколения, дополненного республиканским компонентом Приднестровья. Новые Государственные образовательные стандарты должны быть едиными по содержанию для всех организаций образования Республики независи-

мо от языка обучения, и реализовываться в полном соответствии с Законом Приднестровской Молдавской Республики «О языках».

Особенностью новых образовательных стандартов Приднестровья является создание такого содержания образования, которое должно способствовать решению общегосударственных задач и вызовов, с которыми сталкивается страна на современном этапе развития. Хорошо известны самые острые социальные проблемы Приднестровья, среди них:

1. *Демографический кризис.* Ежегодно в результате естественной убыли население ПМР уменьшается на 2,5 тысячи человек и примерно столько же (преимущественно молодежь) уезжает из государства по причине трудовой миграции. Это равноценно потере одного крупного населенного пункта в год.

2. *Утрата семейных ценностей и девальвация института семьи.* Большинство родителей оставляют детей на воспитание бабушек и дедушек, старших братьев или сестер, соседей, даже посторонних людей и уезжают на заработки в Россию или страны Европы. Дети, предоставленные самим себе, легко становятся правонарушителями, наркоманами, подвергаются насилию. Достаточно распространенными становятся гражданские или поздние браки, неполные или малодетные семьи. В 2008 году на каждые три семейные пары приходились две разведенные. А в 2009 и 2010 годах это соотношение увеличилось до 2:1. Доля детей, родившихся вне брака, достигла 23%. На 100 родов приходится 98 абортов.

3. *Низкие показатели качества здоровья подрастающего поколения.* По данным Министерства здравоохранения и социальной защиты, заболеваемость детей первых пяти лет жизни составляет 2458,9 случаев на 1 000 детей, т.е. более 200%. Общая заболеваемость и от психических болезней (дети от 0 до 14 лет) – 2 257,6 на 100 тыс. детей, в возрастной группе 15–17 лет показатели по психическим заболеваниям еще выше – 2 713,3 заболевших на 100 тыс. подростков. Данные по общей заболеваемости детей и молодежи позволяют определять прогноз репродуктивного здоровья населения, а значит экономической и социальной перспективы государства.

4. *Высокий процент детской и молодежной преступности.* По данным статистического ежегодника Приднестровской Молдавской Республики, 13,3% правонарушений приходится на несовершеннолетних. Из общего числа преступлений, совершенных молодыми людьми, кражи и мошенничество составляют 30,8%; грабежи, разбой и вымогательство – 22,3%, умышленные убийства и покушения на убийство – 16,7%, изнасилования и покушения на изнасилование – 39,3%.

5. *Смешанная гражданская идентичность, а значит, ориентация молодого поколения на внешние рынки труда.* Данные за 13 лет показывают, что количество приднестровских молдаван в общей структуре населения уменьшилось на 1,9% (в 1995 г. – 33,8%, в 2009 г. – 31,9%); количество русских увеличилось на 1,7% (28,7% и 30,4%, соответственно), численность украинцев осталась на прежнем уровне (28,8%). В силу того, что в ПМР разрешено двойное гражданство, большинство граждан республики приобретают одновременно паспорт и гражданство ближайшего признанного государства (России, Украины или Молдовы). Вот почему собственное будущее и будущее своих детей приднестровец не всегда связывает с судьбой своей страны. Находящаяся почти 22 года в такой ситуации Приднестровская Молдавская Республика, по сути дела, растит граждан не столько своего государства, сколько граждан для России, Молдовы, Украины. И только при наличии устойчивой приднестровской идентичности (самосознания) у детей и молодежи, даже формально будучи гражданином другого государства, молодой человек будет связывать свое будущее (семья, работа, карьера, самореализация в социуме) с родным для него краем – Приднестровьем.

Учитывая вышеназванные мотивы и уже сформировавшееся общее с Российской Федерацией образовательное пространство, при разработке нового содержания приднестровского общего образования необходимо учитывать современные тенденции российской образовательной политики. Новый этап государственной образовательной политики России начался в 2007 г. с принятия Закона «Об образовании» в его новой редакции. Одним из ключевых нововведений этого закона явилось признание приоритетной роли воспитания на всех уровнях образования. В соответствии новой редакции закона, Министерством образования и науки РФ был разработан и утвержден новый Федеральный государственный образовательный стандарт (2009г).

Сказанное свидетельствует о необходимости разработки новых Государственных образовательных стандартов общего образования Приднестровской Молдавской Республики. С одной стороны, они должны соответствовать уровню российского и даже европейского образования и обеспечивать конкурентоспособность приднестровского выпускника на рынке образовательных услуг и труда, а с другой – содействовать формированию у детей и молодежи необходимых духовно-нравственных установок, особенно в воспитании приднестровской идентичности, способствующих решению современных государственных проблем.

Целью государственной образовательной политики в таких условиях становится формирование высоконравственной, творческой, компетентной личности, укорененной в духовных и культурных традициях Приднестровья, принимающей судьбу своего народа как свою личную, осознающей свою ответственность за настоящее и будущее Приднестровья.

Таким образом, новое содержание общего образования должно обеспечивать не только наличие конкретных знаний и умений по предметным областям, но в большей мере способствовать формированию у детей и молодежи ценностных основ качества жизни, труда и творчества. К сожалению, преобладание потребительского отношения к жизни в условиях низкой культуры труда является одним из главных препятствий к созданию эффективной экономики государства, а высокие потребительские стандарты подрастающего поколения выступают слабым стимулом к оздоровлению системы.

Модель государственных стандартов общего образования Приднестровской Молдавской Республики основана на:

1. нормативно – правовых актах, определяющих образовательное пространство государства;

2. концепции федеральных государственных образовательных стандартов Российской Федерации (утвержденных Минобразования и науки России в 2009 г.).

Модель государственных стандартов общего образования ПМР представлена системой трех Т:

Требования к структуре основной образовательной программы представляют собой описание совокупности организационно-педагогических условий реализации образовательного процесса. Они включают указания на состав основной образовательной программы начального общего, основного общего и полного среднего образования, рамочное описание их базовых компонентов, а также требования к соотношению частей основной образовательной программы и их объему, в том числе к соотношению обязательной части основной образовательной программы и части, формируемой участниками образовательного процесса.

Требования к результатам освоения основной образовательной программы представляют собой описания целевых установок общего образования, выделенных на основе согласования потребностей личности, общества и государства в общем образовании. Они характеризуют планируемые результаты общего образования, определяют их ос-

новную направленность, особенности формата и содержания.

Требования к условиям реализации основной образовательной программы представляют собой описание совокупности условий (кадровых, финансовых, материально-технических, гигиенических и др.), необходимых для обеспечения реализации основных образовательных программ.

Требования к результатам освоения основных общеобразовательных программ. Эти требования структурируются по ключевым задачам общего образования, отражающим индивидуальные, общественные и государственные потребности, и включают в себя предметные, метапредметные и личностные результаты.

Под *предметными результатами* образовательной деятельности понимается усвоение обучаемыми конкретных элементов социального опыта, изучаемого в рамках отдельного учебного предмета, знаний, умений и навыков, опыта решения проблем, опыта творческой деятельности.

Под *метапредметными результатами* понимаются освоенные обучающимися на базе одного, нескольких или всех учебных предметов способы деятельности, применимые как в рамках образовательного процесса, так и при решении проблем в реальных жизненных ситуациях.

Под *личностными результатами* понимается сформировавшаяся в образовательном процессе система ценностных отношений обучающихся к себе, другим участникам образовательного процесса, самому образовательному процессу и его результатам.

В отличие от образовательных стандартов первого поколения, которые были ориентированы в основном на задание уровня подготовки выпускников и индивидуальную оценку учебных достижений отдельного школьника, стандарты второго поколения предусматривают, прежде всего, задание ориентиров развития системы образования, ожидаемых государством, обществом, личностью результатов образования. Поэтому стандарты выступают как основание для анализа и оценки состояния развития общереспубликанской и муниципальной систем образования, а также индивидуальных достижений школьников по освоению основных общеобразовательных программ.

Соответственно и Требования к результатам освоения основных общеобразовательных программ рассматриваются как:

– нормативная база для организации и осуществления образовательного процесса в общеобразовательных учреждениях, в том числе для организации системы контроля и оценки учебных достижений школьников;

– ориентир для разработки программ, учебно-методических и дидактических материалов, при подготовке и переподготовке педагогических кадров, при оказании информационно-методической поддержки их деятельности, для деятельности других инфраструктур, осуществляющих поддержку образовательного процесса;

– основа для нормирования и экспертизы условий осуществления образовательного процесса, обеспечивающих достижение планируемых результатов образования;

– основа для итоговой аттестации выпускников учреждений общего образования, для разработки процедур, материалов и формата итоговой аттестации;

– важный фактор аттестации работников системы общего образования;

– основа для аккредитации учреждений общего образования;

– критериальная база оценки состояния и тенденций развития системы общего среднего образования на муниципальном и республиканском уровнях.

Требования к условиям реализации основных общеобразовательных программ. Требования к условиям получения общего образования представляют собой интегральное описание совокупности условий, необходимых для реализации основных образовательных программ, и структурируются по сферам ресурсного обеспечения общего обра-

зования.

Кадровое обеспечение – укомплектованность кадрами, имеющими необходимую квалификацию.

В процессе разработки и введения государственных образовательных стандартов второго поколения, обновления содержания образования, изменения потребностей личности, общества и государства в образовании формируется социальный заказ системе профессионального педагогического образования, выражающийся в требованиях к подготовке нового поколения педагогов, способных к инновационной профессиональной деятельности, обладающих необходимым уровнем методологической культуры и сформированной готовностью к непрерывному процессу образования в течение всей жизни.

Требования к компетентности педагога определяются функциональными задачами, которые он должен реализовывать в своей деятельности, и могут конкретизироваться по ступеням общего образования в соответствии с возрастными особенностями ученика, типом и видом учебного заведения, особенностями педагогической теории, лежащей в основе организации образовательного процесса в конкретном образовательном учреждении.

Финансово-экономическое обеспечение – параметры соответствующих нормативов и механизмы их исполнения, обеспечивающие переход от финансирования затрат учреждений общего образования к финансированию результатов их деятельности.

Материально-техническое обеспечение – общие характеристики инфраструктуры общего образования (включая параметры информационно-образовательной среды), соответствующей Санитарно-эпидемиологическим правилам и нормативам и Строительным нормам и правилам.

Требования к материально-технической сфере ресурсного обеспечения включают в себя параметры и характеристики:

– санитарно-гигиенических условий процесса обучения (температурный, световой режим и т.д.);

– комфортных санитарно-бытовых условий (наличие оборудованных гардеробов, туалетов, мест личной гигиены и т.д.);

– пожарной и электрической безопасности, охраны труда, выполнения необходимых объемов текущего и капитального ремонта;

– образовательной среды, адекватной развитию ребенка (эстетические условия, оформление школы, кабинетов, пришкольной территории).

Учебно-материальное обеспечение – требования к комплектности и качеству учебного и учебно-наглядного оборудования.

Информационное обеспечение – обеспечение каждого субъекта образовательного процесса широким доступом к информационно-методическим фондам и базам данных, сетевым источникам информации, по содержанию соответствующим полному перечню учебных предметов, предполагающим наличие методических пособий и рекомендаций по всем видам деятельности, а также наглядных пособий, мультимедийных, аудио – и видеоматериалов.

На основе государственного образовательного стандарта республиканским органом управления образованием разрабатываются следующие нормативные правовые документы:

– примерные образовательные программы, интегрирующие программы учебных предметов и программы внеурочной воспитательной работы;

– Базисный учебно-развивающий план;

– программы учебных предметов и внеклассной воспитательной работы;

– примерные программы внеурочной воспитательной работы;

– требования к содержанию учебников, учебного оборудования и средств обучения для общеобразовательной школы;

– система оценки соответствия содержания и качества подготовки обучающихся государственным образовательным стандартам в процессе аттестации выпускников в различных формах;

– система аттестации педагогических работников;

– контрольные измерительные материалы для объективной оценки и мониторинга образовательных достижений обучающихся в рамках республиканской системы оценки качества образования;

– подходы и методики расчета механизмов бюджетного финансирования

Исходя из того, что требования государственного образовательного стандарта обязательны для исполнения всеми организациями образования, реализующими образовательные программы всех уровней образования от начального общего до вузовского профессионального можно констатировать тот факт, что именно стандарты образования выполняют цементирующую функцию для всех уровней образования по реализации государственной образовательной политики. Это позволяет внутри страны достигнуть гарантированного качества общего образования выпускников школы, на которое можно опереться при организации последующего обучения. Стандарт явится важнейшим фактором решения многих демографических и социальных проблем в условиях возможной миграции населения, станет основой признания эквивалентности документов об образовании.

Семья и семейные ценности в современном обществе

КУЛЬТ СЕМЬИ – НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ БЕЛАРУСИ

А. Ф. Чернавский

Семья как основной элемент общества была и остается хранительницей человеческих ценностей, культуры и исторической преемственности поколений, фактором стабильности и развития. Благодаря семье крепнет и развивается государство, растет благосостояние народа. Во все времена о развитии страны судили по положению семьи в обществе и по отношению к ней государства. С семьи начинается жизнь человека, здесь происходит формирование его как гражданина. Семья – источник любви, уважения, солидарности и привязанности, то, на чем строится любое цивилизованное общество, без чего не может существовать человек. Благополучие и крепость семьи – вот мерило развития и стабильности страны.

Глобализация несет новые угрозы институту семьи. Неправильные с точки зрения традиционной морали формы семейных отношений, созревшие в посторонней культурной среде, проникают и в белорусское общество.

Государство, понимая необходимость защиты и укрепления семьи от внутренних и внешних вызовов и угроз, принимает необходимые меры. В 2011 году была принята «Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы». Одна из основных задач Национальной программы – укрепление духовно-нравственных основ семьи, возрождение и пропаганда семейных ценностей и традиций. Принятие программы свидетельствует об озабоченности государства состоянием семейных отношений в стране.

Обществу есть о чем бить тревогу. Всего в 2012 году в Беларуси расторгнуто 39 тысяч браков – на 450 больше, чем в 2011году. На 1000 человек населения пришлось 4,1 развода. Среди расторгнутых браков наибольший удельный вес более 40% приходится на возраст 25–34 года, то есть на наиболее репродуктивный возраст. В прошлом году около 58% разведенных семейных пар имели несовершеннолетних детей. Отношение к семейным устоям характеризуется данными, которые показывают, сколько приходится разводов к числу заключенных браков. В 2012 году данное соотношение сложилось, к сожалению, не в пользу брачности: оно увеличилось до 512 разводов на 1000 заключенных браков по сравнению с 445 в 2011 году. Сельские семьи являются более устойчивыми: в минувшем году в городских поселениях на 1000 заключенных брачных союзов пришлось 528 разводов, в сельской местности – 435 разводов.

По мнению заместителя премьер-министра Беларуси А.А. Тозика, нужно принять все необходимые меры для того, чтобы остановить депопуляцию нации. Выступая 16 февраля 2011 г. в Палате представителей он заявил: «При этом семья должна стать культом... все это должно быть для нас глобальной задачей, над которой должны работать руководители всех уровней».

Без высокой, достойной, объединительной идеи не может существовать ни человек, ни нация. Национальная, общенародная идея мобилизует внутренний, до поры до времени скрытый, потенциал народа на исторические свершения. Глубоко осознанный национальный идеал мобилизует народ, открывает ему смысл жизни, который выше будничных забот и борьбы за существование, который соединяет с прошлым, оправдывает настоящее и открывает будущее. Национальная идея выражает природу и характер народа, оформляет смысл его бытия. Такой идеей может стать идея возрождения традиционной крепкой, по возможности многодетной семьи, укрепления семьи, как центра всех наших объединенных усилий.

В чем Беларусь может быть реальным мировым лидером? Она сможет стать лидером в сохранении традиционных семейных ценностей, лидером в сохранении, поддержке и укреплении института семьи, в решении демографических проблем. Почему именно Беларусь? Потому что, национальная сплоченность, единение, коллективизм (общинность, соборность – исходные понятия) – национальная уникальность Беларуси, прошедшая испытание временем. Традиция – это живое духовно-материальное единство бывших, настоящих и будущих поколений. Охранительство и творческое развитие семейных традиций будут способствовать дальнейшему сплочению белорусского народа.

Мировой опыт показал, что отступление от национальных духовно-нравственных традиций приводит к деградации общества и, как следствие, к утрате независимости и национальным катастрофам.

Издревле процветание семьи строилось на традиционных ценностях. Живая преемственность поколений, начинаясь в семье, обретает свое продолжение в любви к предкам и отечеству, в чувстве сопричастности к истории. Возникает насущная необходимость описания и представления нашего национального семейного идеала. Следующий шаг – выработка путей к его восстановлению в сознании и в жизни нынешнего поколения.

Семья, в нашем понимании, это – союз мужчины и женщины, основанный на любви и браке, в котором воспитываются дети, связанный общностью быта, взаимной моральной и материальной ответственностью и взаимопомощью, крепкими родственными отношениями и традициями с предыдущими поколениями. Семья начинается с брака, брак же в христианской традиции, «есть таинство, в котором при свободном обещании верной любви освящается супружеский союз жениха с невестой для чистого рождения и воспитания детей и для взаимного вспоможения во спасении»

Целью семейного союза между мужчиной и женщиной является достижения семейного счастья – возрастание в любви, гармоничные отношения, согласие и радость в воспитании детей, на основе нравственных ценностей, единодушие в понимании духовного смысла брака.

Семейные традиции – это уважение к наследию предков, по отцовской и материнской линии, сформировавшееся в определенной культурно-исторической, территориальной, природной среде, открытость и уважение к культуре и взглядам других, предание, передача духовного, культурного и социального наследия, передающегося от поколения к поколению, сохраняющееся в семьях. Сохранение преемственности поколений. Это любовь к своему народу, роду, к своим предкам, к родной природе и земле.

Национальный идеал семьи – это идеал большой, многодетной крепкой семьи, отношения в которой построены на христианских ценностях веры, надежды и любви. Нравственная чистота, целомудрие, святость и крепость семьи охранялась многовековой мудростью наших предков и передавалась от поколения к поколению. Из народного отношения к семье и образовались традиционные семейные ценности.

Многодетность – чадолюбие, любовь к детям, желание иметь много детей, потребность заботиться, воспитывать и развивать их, воспитание в каждом ребенке христианина, гражданина, семьянина, национальная семейная традиция, символ семейственности и семейного счастья.

Семейный духовный союз между мужем и женой не достигает своей полноты без детей. Дети являются не только биологическим, но и духовным продолжением мужа и жены

Мы размышляли, как возродить в молодом поколении национальный идеал семьи, как сохранить и передать следующим поколениям национальные семейные традиции, как остановить разрушение нравственных устоев общества, и пришли к выводу для мобилизации всех здоровых сил белорусского общества, нашей национальной идеей должен стать культ семьи.

Мы видим культ семьи, как принятое и очерченное обществом сакральное пространство – священное, святое обладание которым ставит семью в положение исключительной значимости, непреходящей ценности и на этом основании требует благоговейного к нему отношения.

Во времена нынешних тяжелых испытаний на прочность семьи, как брачного духовного и социального союза между мужчиной и женщиной, семья просто обязана стать общенародным культом. Культом нравственным, а не религиозным. Христианское вероучение всегда призывало и призывает нас хранить и оберегать святость семьи, как малой церкви. Во всех традиционных религиях воспитывается благоговейное отношение к семье.

В эпоху масштабных социально-экономических преобразований крепкая, традиционная семья создает еще неосознанный многими *социальный капитал* – это нравственные общественные отношения. Гражданами мы становимся в обществе, подданными – в государстве, а людьми – в семье. Любовь к Родине и Отечеству зарождается в нас от любви к матери и отцу. В семье мы приобщаемся к родному языку, обучаемся правилам поведения, осваиваем культуру быта. Все это имеет не только духовную и моральную общественно-полезную ценность, но и ценность социально-экономическую.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ СЕМЬИ И ОБЩЕСТВА

С. В. Кирпич

В современном обществе, которое характеризуют как «мятущееся» и «раздираемое противоречиями», приоритетное место должны занимать факторы, обеспечивающие духовно-нравственный потенциал людей. Объектами исследования должны быть не только материальные, но и духовно-нравственные понятия (например, «совесть», «религиозное сознание» и др.). Это особенно необходимо сегодня, в обществе «потребления», когда человек вынужден противостоять губительным информационным и иным потокам, которые способны «переформатировать» сознание людей, насаждая потребительскую шкалу ценностей, которая уводит людей от понимания и принятия истинной природы человека, основанной на духовно-нравственных ценностях.

Здоровье души человека, его духовно-нравственное состояние, духовно-нравственный иммунитет, связаны с категорией «совесть», которая определяется пониманием того, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Здоровье души человека можно определить также как способность и готовность видения своих неправильных мыслей, чувств и действий (т.е. грехов) и искреннее постоянное стремление к деланию добра и неприятия зла во всех его проявлениях.

В данной работе дан анализ понятий и обоснование некоторых выводов, которые фокусируются на необходимости переосмысления правовых, методических, организационных и других видов обеспечения духовно-нравственной составляющей здоровья человека, благополучия и безопасности общества.

Термин «духовно-нравственный фактор», который может продуктивно использоваться применительно к здоровью человека, а также к категориям «благополучие» и «безопасность» общества, требует пояснений и обоснований, которые, во-первых, помогут распознавать проявления этого фактора в реальной жизни, а во-вторых, дадут возможность регулирования общественных отношений с учетом этого приоритетного фактора современной жизни.

Попытки исключить духовно-нравственный критерий из личной или семейной жизни, общественной активности или государственной деятельности проявляют себя как лукавая подмена истинного мерила жизни суррогатными мыслями, чувствами, действиями, правилами, распоряжениями, механизмами поведения, которые разрушают фундаментальные законы бытия человека и общества.

Применение этого термина обусловлено, прежде всего, потребностью современного общества в самосохранении, развитии культурной самобытности нашего народа с более чем тысячелетним духовно-нравственным опытом, опытом христианства на нашей земле.

Духовно-нравственные факторы сегодня (в череде мировых кризисов) все более явно дают о себе знать и должны быть идентифицированы, чтобы их правильно соотносить с другими факторами и использовать при анализе проблем и принятии решений. Противостать вызовам современного секуляризованного мира и его угрозам можно, по мнению многих исследователей (духовных лидеров, социологов, педагогов, политологов), только через «включение» духовно-нравственной размерности в систему координат, определяющую фундаментальные («классические») ценности человека: совесть, благоразумие, справедливость, мужество, самообладание и др. Отсюда следует, что борьба с негативными последствиями в современной жизни людей, не может быть эффективной без системных решений, включающих духовно-нравственные критерии.

Вопрос о духовно-нравственной составляющей здоровья человека (его защищенность в духовно-нравственном смысле) является настолько важным, что его отождествляют с фактором безопасности нации, государства.

Не следует забывать о том, что духовно-нравственный смысл жизнедеятельности человека, его социальной активности, созидания семьи, профессиональной деятельности, досуга и пр. выводит нас за пределы материального бытия и открывает такие человеческие ценности, которые невозможно свести к современным рыночным реалиям в обществе, которое сегодня называют обществом потребления. Признавая, что современное общество является «больным», следует пересмотреть категорию «здоровье» (в целостном понимании человека с его природой) и наполнить эту системную категорию всеми составляющими, включая духовно-нравственное измерение.

Духовно-нравственное состояние общества в течение прошедшего века характеризовалось разрушением истинных духовно-нравственных установок, изменой истинным ценностям человека, семьи, общества. За эти годы произошла чудовищная по своим последствиям, хотя и незаметная «извне» подмена истинной веры на веру в лже-идеалы, а благородные устремления и жизнеутверждающие поступки людей были подвержены мятежным настроениям, проявлениям жестокости, алчности, насилия, эгоизма, слабоволия, аморальности и т.п. Одной из причин такого сценария развития общества за последнюю сотню лет называют попрание религиозного сознания, потеря религиозного основания жизни, искажение веры, утверждение ее суррогата в виде культов (свобода без совести и без ответственности, жажда достижения первенства любой ценой и т п.), насаждение атеистического учения с его стремлением абсолютизировать материализм и построить «рай» на земле.

Глубинная трансформация общества привела к осознанию того, что роль и место духовного начала в человеке и обществе требует фундаментального переосмысления. Без совершенствования правовых, методических и организационных механизмов сохранения и воспроизводства фундаментальных духовно-нравственных ценностей людей во всех сферах жизни вряд ли возможно ожидать каких-либо позитивных результатов.

Общество, активно стремящееся соответствовать духовно-нравственным установлениям (характеристикам), способно повышать качество жизни, свое благосостояние, противостоять вызовам современного мира, сохранять свою идентичность. Известно, что развитие современного общества (его характер и темпы) непосредственным образом зависит от гражданской позиции человека, его мотивационно-волевой сферы, прочих жизненных приоритетов, этических норм и моральных ценностей. В этом перечне характеристик приоритетное положение должны занимать духовно-нравственные характеристики применительно к человеку, семье, обществу. Это будет служить системообразующим, интегрирующим фактором развития жизнеутверждающих и созидающих сил в обществе, сделает его более здоровым во всех смыслах.

Применительно к общественной жизни человека его духовно-нравственные характеристики можно сформулировать в следующем виде:

– гражданственность человека, т.е. осознание себя как гражданина страны, включая чувство патриотизма, законопослушность и т.п.;

– готовность граждан противостоять внутренним и внешним вызовам;

– забота о поддержании мира и согласия в семье, коллективе, обществе;

– осознание безусловной ценности семьи как первоосновы нашей принадлежности к народу, стране и Отечеству;

– культивирование таких базовых ценностей как любовь к «ближнему», почитание родителей, проявление уважения к старшим по возрасту людям, забота о младших, больных, а также о людях с ограниченными возможностями;

– защита жизни во всех ее проявлениях, забота о продолжении рода;

– забота о сохранении и приумножении духовных, культурных и социальных ценностей предшествующих поколений, бережное отношение к историческому наследию.

Приведенная выше аргументация говорит о необходимости рассмотрения духовно-нравственных приоритетов и характеристик как для отдельно взятого человека (личности), так и применительно к развитию семей, коллективов и общества в целом.

Именно духовно-нравственные критерии в воспитании человека, в социальной и трудовой активности людей способствуют формированию зрелой, полноценной, ответственной личности, которая является основой здорового социально-защищенного общества.

Перечень объектов, на которые должен быть направлен вектор усилий и мер по обеспечению духовно-нравственного здоровья, мог бы включать: а) духовно-нравственные ценности личности, семьи и общества; б) культурно-историческое наследие народа; в) достоинство личности, свобода совести, включая право свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Ниже представлены некоторые направления по обеспечению духовно-нравственной составляющей здоровья, которые могли бы включать ряд законодательных инициатив, меры общественного контроля, отвечающие правам и свободам личности, общественным и национальным интересам в части духовно-нравственных норм (духовно-нравственную цензуру):

– проведение государственной политики и формирование идеологии, которая призвана поддерживать духовно-нравственную безопасность личности, общества и государства;

– создание социально-экономических условий для осуществления творческой деятельности людей в духовно-нравственном контексте;

– выработка цивилизованных форм и способов регулирования поведения людей в духовно-нравственном контексте, культивирования общественных ценностей, отвечающих национальным интересам, воспитание патриотизма и гражданской ответственности;

– развитие основ гражданского общества в духовно-нравственном контексте;

– совершенствование законодательства Республики Беларусь в данной сфере;

– государственная поддержка мероприятий по сохранению духовных и историко-культурных ценностей и национального наследия народа;

– разработка действенных организационно-правовых механизмов доступа и ограничений к средствам массовой информации и сети Интернет, обеспечение достоверности распространяемых сведений о социально-значимых событиях общественной жизни;

– разработка правовых и организационных механизмов недопущения противоправных информационно-психологических воздействий на массовое сознание общества, неконтролируемой коммерциализации культуры, искусства и науки;

– введение правовых норм для защиты духовно-нравственной сферы людей по принципу «запрещено все, кроме того, что разрешено»; доминирующий сегодня принцип «разрешено все, что не запрещено» весьма негативно сказывается на социально-культурном и духовно-нравственном развитии людей (злоупотребления с рекламой в СМИ, в сети Интернет, пропаганда насилия, жестокости, антиобщественного и безнравственного поведения, на различных информационных «площадках»), несет зловещее и растлевающее влияние на людей, особенно на молодежь;

– противодействие негативному влиянию организаций и лиц, деятельность кото-

рых противоречит духовно-нравственным нормам и национальным интересам Беларуси.

Основными задачами в области обеспечения духовно-нравственной составляющей здоровья человека и общества являются:

– социально-экономическое развитие страны с учетом духовно-нравственных приоритетов во всех сферах жизни;

– своевременное прогнозирование и выявление внешних и внутренних угроз в духовно-нравственной сфере;

– разработка и реализация оперативных и долгосрочных мер по предупреждению (нейтрализации) внутренних и внешних угроз в духовно-нравственном контексте;

– совершенствование системы государственной власти и законодательства страны в деле укрепления духовно-нравственной сферы;

– обучение основам формирования полноценного здоровья людей, определяющими ориентирами которого являются духовно-нравственные критерии жизнедеятельности;

– изучение лучших примеров (образцов) духовного наследия, культурно-исторического опыта, произведений искусства и литературы и следование этим примерам;

– создание произведений в сферах культуры, искусства и литературы, которые могли бы стать духовно-нравственными ориентирами для наших современников и будущих поколений;

– побуждение и поощрение людей, семьи и коллективов к изучению и приобретению духовно-нравственного опыта (дома, на работе, «на улице», в официальной обстановке и неформальной среде), без которого невозможно формирование здорового образа жизни;

– соблюдение духовно-нравственных критериев на всех уровнях общественного развития (не только в религиозных общинах, общественных организациях, но и в деловой среде, государственных учреждениях, властных структурах, в международных отношениях).

Таким образом, следует утверждать, что исследование проблемы здоровья, здорового образа жизни людей не должно игнорировать фундаментальные положения целостной трехсоставной природы человека и, следовательно, должно основываться на духовно-нравственной составляющей целостного холистического критерия здоровья человека, которое является одной из важнейших жизненных ценностей.

Вышеизложенный ракурс исследования духовно-нравственной составляющей здоровья в полной мере отвечает интересам общества, воспитанию достойного гражданина. Представляется необходимым напомнить о том, что духовно-нравственный фактор всегда был и остается ключевым регулятором в жизни человека, семьи и общества; именно духовно-нравственные приоритеты в обществе были и остаются критерием благополучия общества.

Общество способно адекватно решать масштабные задачи лишь тогда, когда принимается во внимание система традиционных христианских духовно-нравственных ориентиров, которые сегодня являются, пожалуй, единственной силой, способной противостоять современным разрушительным тенденциям общества потребления. Государство и общество могли бы выступать в данном контексте как «духовное предприятие» имеющее соответствующие цели, задачи и средства (в том числе в современном рыночном контексте), которые способствовали бы продуцированию результатов, укрепляющих «здоровье» общества и делающих государство более конкурентоспособным в современном мире.

Следующим этапом освоения категории «духовно-нравственное здоровье и без-

опасность» должна стать институционализация этого понятия в современных условиях развития общества. Это станет только первым шагом к разработке концепции духовно-нравственной составляющей безопасности общества и страны.

В дальнейшем понятия «духовно-нравственное здоровье и безопасность» в личной, семейной и общественной жизни должны стать конституирующим началом жизнедеятельности человека, общества и государства и войти в основополагающие законодательные документы, признающие духовно-нравственный императив развития.

Вышеизложенные положения могли бы послужить основанием для дискуссий и методологической основой для разработки концепции здоровья и безопасности в их духовно-нравственном измерении.

СЕМЬЯ КАК «ПЕРВИЧНОЕ ЛОНО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ» И «ШКОЛА» ДУХОВНОСТИ

Р. Н. Дождикова

На современном этапе техногенной цивилизации особенно остро ощущается дефицит духовности в мире и человеке. Это связано с потребительским образом жизни, кризисом семьи, книжной культуры, ценностей и идеалов и информационной вседозволенностью. Э. Ласло связывает крушение института семьи с ростом эгоизма в личности. В книге «Вавилонская башня: последний ярус» Э. Ласло пишет, что «в прошлом семейная модель была защищена от потрясений и представляла собой нечто незыблемое, вроде *островка стабильности.* …Однако сегодня эгоизм достиг таких колоссальных размеров, что человек не останавливается ни перед чем». Русский философ И.А. Ильин объясняет это явление «заболеванием и оскудением человеческой духовности, и в особенности духовной традиции» [1, с. 187].

Духовное воспитание человека начинается с семьи. Семья – основная ячейка общества, государства и духовности, поэтому укрепление семьи является государственным делом № 1. «Семья является *первичным лоном человеческой культуры».* Она как бы живая «лаборатория» человеческих судеб – личных и народных, а «великие крушения и исчезновение народов возникают из духовно-религиозных кризисов, которые выражаются прежде всего в разложении семьи». «…Духовные силы и умения (или, увы, слабости и неумения), полученные от семьи, человек переносит затем на общественную и государственную жизнь. Вот почему, духовный кризис поражает прежде всего исходную ячейку духовности; если духовность колеблется и слабеет, то она ослабевает прежде всего в семейной традиции и семейной жизни» [1, с. 183–184, 188–189]. Как утверждал немецкий богослов Толок, «мир управляется из детской». Но согласно И.А. Ильину, мир не только строится в детской, но и разрушается из нее; здесь мы прокладываем не только пути спасения, но и пути гибели. Семья распадается совсем не от ускорения исторического темпа, но вследствие «переживаемого человеком *духовного кризиса.* Этот кризис подрывает семью и ее духовное единение, он лишает ее главного, того единственного, что может сплотить ее, спаять и превратить в некое прочное и достойное единство, а именно – *чувства взаимной духовной сопринадлежности».* По Ильину, семья есть «целый *остров духовной жизни.* И если она этому не соответствует, то она обречена на разложение и распад» [1, с. 187–188].

Семья должна быть очагом любви и счастья. «Семья, внутренне спаянная любовью и счастьем, есть школа душевного здоровья, уравновешенного характера, творческой предприимчивости. … Семья, лишенная здоровой целеустремленности, растрачи-

вающая силы на судороги взаимного отвращения, ненависти, подозрения и "семейных сцен", есть настоящий рассадник больных характеров, психопатических тяготений, неврастенической вялости и жизненного "неудачничества". Она подобна тем больным растениям, которым ни один хороший садовник не даст места в своем саду» [1, с. 190].

И.А. Ильин рассматривает семью как своеобразную «школу» духовности:

1. семья – *естественная школа христианской любви*, школа творческого самопожертвования, социальных чувств и альтруистического образа мыслей;

2. семья призвана воспринимать, поддерживать и передавать из поколения в поколение некую духовно-религиозную, национальную и отечественную традицию, из этой семейной традиции возникла вся наша индоевропейская и христианская культура – культура священного очага семьи, а также сама идея «родины» – лона моего рождения и «отечества», земного гнезда моих отцов и предков. Семья есть *школа взаимного доверия и совместного организованного действования;*

3. ребенок учится в семье верному восприятию авторитета и высшего ранга, семья есть *первая, естественная школа свободы:* в ней ребенок должен в первый, но не в последний раз в жизни найти верный путь к внутренней свободе;

4. семья – школа здорового чувства частной собственности.

Согласно И.А. Ильину, «здоровая семья всегда была и всегда будет органическим единством – по крови, по духу и по имуществу. …Духовная атмосфера здоровой семьи призвана привить ребенку потребность в чистой любви, склонить к мужественной искренности и способность к спокойной и достойной дисциплине. …Именно семья дарит человеку *два священных первообраза,* которые он носит в себе всю жизнь и в живом отношении к которым растет его душа и крепнет его дух: *первообраз чистой матери,* несущей любовь, милость и защиту, и *первообраз благого отца,* дарующего питание, справедливость и разумение» [1, с. 203, с. 211, с. 224–225]. Поэтому «из духа семьи, из духовного и религиозно осмысленного приятия своих родителей и предков родится и утверждается в человеке чувство собственного достоинства, эта первая основа внутренней свободы, духовного характера и здоровой гражданственности» [1, с. 203]. В этом смысле семья есть первооснова родины.

Социальные отношения являются параллелью семейных. Поэтому Конфуций говорил, что «правитель должен так относиться к своим подданным, а начальник к подчиненным, как отец к детям». С другой стороны, духовный климат в семье проецируется на общество. Поэтому важной задачей укрепления духовного климата в семье, а значит и в государстве, является наличие в семье здоровых привычек и традиций, положительного примера, в том числе в почитании старших, в радостном творении добра, ибо еще Фалес говорил: «Чем ты поддержал своих родителей, такой поддержки жди и от своих детей». Поэтому в обществе на всех уровнях должны поощряться традиция благотворительности.

Развитие семьи связано с возвышением роли матери в обществе, с поощрением материнства, с почитанием материнского начала в природе, семье, науке. Неуважение к матери-природе, матери-Родине, матери наук – философии, своей родной матери является корнем всех бед в обществе, причиной безнравственности и бездуховности.

Литература

1. Ильин, И.А. Путь духовного обновления. – М., 2006.

СЕМЬЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПОДРОСТКА

Е. С. Гринюк

Проблема формирования духовно-нравственных ценностей начала свое существование с момента формирования общества и является достаточно актуальной, социально и личностно значимой. Как известно, нравственные ценности представляют собой совокупность внутренних и духовных качеств, правил и норм поведения человека в обществе и проявляются в поступках, совершенных по отношению к другому субъекту. Внутренний мир человека имеет многообразные связи и отношения со всем миром человеческой культуры и именно здесь он обретает свой смысл и духовное измерение.

Особую актуальность в настоящее время приобретает изучение нравственности с позиций возможностей ее развития в современной семье. Семья, благодаря всему комплексу межличностных отношений и взаимодействия супругов, родителей и детей, создает конкретные условия для развития ребенка, передает ему систему духовных ценностей, моральных норм, образцов поведения, традиций. Семья – это фундамент, на котором строится духовно-нравственный мир ребенка [6, с. 240–244]. Поэтому важное значение в формировании духовно-нравственных ценностей имеет именно семья.

Как известно, с точки зрения онтогенеза, в подростковом возрасте происходит интенсивное духовно-нравственное развитие личности, на которое влияет не только референтная группа, СМИ, но и семья.

В отрочестве нравственное развитие связано с условиями, способствующими углублению нравственного сознания и чувств, укреплению нравственной воли. В этом возрасте подросток впервые сталкивается с четкой и развернутой системой нравственных требований, соблюдение которых контролируются семьей и обществом постоянно и целенаправленно. Подросткам предъявляется достаточно широкий свод норм и правил, которыми они должны руководствоваться во взаимоотношениях со сверстниками, родителями и другими людьми. Следует отметить, что на данном возрастном этапе происходит осознание нравственных норм, понимания нравственного аспекта действий, в целом формирование духовно-нравственной основы личности. Все это формируется в процессе духовно-нравственного воспитания [11]. Согласно Д.Г. Левчук, под духовно-нравственным воспитанием понимается процесс содействия духовно-нравственному становлению человека, формированию у него нравственных чувств, облика, позиции и поведения [7].

Известный советский психолог Л.И. Божович была убеждена, что: «…в центре воспитания гармоничной личности стоит формирование нравственных чувств. Без них нет и не может быть ни нравственных убеждений, ни нравственного мировоззрения. Именно они обеспечивают единство сознания и поведения, предупреждают возможный между ними раскол» [3, с. 283].

Нравственные ценности личности формируются под влиянием как внешних, так и внутренних факторов, которые тесно связаны между собой. В результате влияния внешних факторов на основе их внутренней переработки происходят качественные изменения в сознании, чувствах и поведении подростков, которые, в свою очередь, обеспечивают формирование определенных нравственных качеств. Семья как микросреда выступает в роли внешнего фактора в формировании нравственных ценностей подростка [1, с. 58].

В психологии развития существует идея о том, что нравственные ценности личности обусловлены влиянием той социальной среды, в которую включена личность, и

частью которой она является. К такой социальной среде может быть отнесена и семья.

В семейной среде формируются механизмы, от которых зависит нравственная направленность личности подростка, семья оказывает большое формирующее влияние на систему нравственных ценностей подростка. Значимость семьи в формировании духовно-нравственной сферы заключается, прежде всего, в том, что в семье происходит усвоение нравственных убеждений, принципов и норм взаимоотношений с обществом, с другими людьми, развитие личности подростка в целом. Создание благоприятной нравственной обстановки в семье является одним из важнейших условий, влияющих на формирование духовно-нравственной сферы ребенка. Обстановка в семье – это та среда, которая формирует основы мировоззрения растущего человека.

Эту идею поддерживает и Г.А. Фурдей, который отмечает, что формирование мировоззренческих устоев, нравственных ценностей подростка, зависит как от объективного содержания социально-нравственного опыта семьи, так в значительной мере и от того, как этот опыт усваивает и осмысливает сам подросток [10, с. 65–68.].

Социально-нравственный опыт семьи определяет внутренние условия развития подростка, уровень психического и нравственного развития, направленность, характер доминирующих в конкретный момент потребностей и интересов, личную самооценку, а также субъективную оценку конкретной жизненной ситуации, которая может и не совпадать с ее действительным содержанием. Необходимо отметить, что при высоком уровне развития общественных интересов в семье, единстве нравственных знаний и личных норм поведения родителей у детей формируются устойчивые положительные нравственные убеждения. В противном случае семья может стать источником появления у подростков различных отрицательных качеств [8].

Другую точку зрения высказывает Г.М. Бреслав, который полагает, что формирование нравственных ценностей подростка в семье в значительной степени определяется наличием устойчивых положительных связей подростка с членами семьи [4, с. 41–47]. По мнению, Л.А. Высотиной, нравственные ценности вырабатываются прежде всего в процессе непосредственных или опосредованных взаимоотношений с членами семьи, а также в системе коллективных отношений. В результате влияния внешних факторов на основе их внутренней переработки происходят качественные изменения в сознании, чувствах и поведении подростков, которые, так или иначе, обеспечивают формирование определенных нравственных ценностей [5].

Семья может оказывать и негативное воздействие на формирование духовно-нравственных ценностей подростка. Так, А.А. Чуприна отмечает, что снижение уровня духовности и нравственности, противоречивость, конфликтность в семье, где активными участниками являются подростки, формирует у них такую систему отрицательных субъективных установок, которая нарушает нормальный процесс рационального сознания и интериоризации нравственных ценностей в жизненную потребность. В неблагополучной семейной среде утрачивается нравственный смысл и рушатся нравственные основы личности. В этом процессе решающую роль играет весь образ жизни подростка в разные периоды, и в первую очередь та система отношений, которая складываются между личностью подростка и семьей [12]. В этом случае корректировку духовно-нравственных ценностей осуществляет общественная среда, прежде всего школьный коллектив, пример взрослых, которые противоборствуют негативному влиянию семейного окружения [9].

В конечном счете, результат воздействия семьи на формирование духовно-нравственных ценностей подростка определяется активностью его сознания и воли и не носит механический характер. Примером этого может служить тот факт, что и в так называемых трудных семьях формируются нравственно развитые личности.

Л.И. Божович объясняет это тем, что, с одной стороны, подросток в этот период уже способен ставить перед собой определенные нравственные задачи и цели, руководствоваться в поведении теми нравственными нормами, которые он считает ценными, причем умение реализовать эти нормы в поведении приобретает для него самостоятельное значение. С другой стороны, сам характер этих норм, их неустойчивость, а также то, что «… требования подростка к себе носят еще весьма хаотичный характер и часто не могут выдержать конкуренции с другими его побуждениями … » и нуждаются в опоре вовне, поэтому особое влияние в данной ситуации приобретает роль семьи и общества [2, с. 410]. Сформированные в семье духовно-нравственные ценности выражают содержательное отношение подростка к действительности, определяют мотивацию его поведения. Предъявляемые семьей требования формируют у подростка собственную шкалу ценностей, что в дальнейшем влияет на мировоззренческие отношения, содержание духовной сферы взрослого человека.

Таким образом, духовно-нравственные ценности подростка закладываются в семье, которая играет роль доминантного фактора. Климат микросреды, в которой воспитывается подросток, формирует ту духовно-нравственную атмосферу, которую впитывает подросток и демонстрирует через свои поступки, действия и отношения с социумом. Усвоенные в семье содержательные отношения подростка с действительностью, определяют мотивацию его поведения и являются показателем его духовно-нравственных ценностей.

Литература

1. Антилогова, Л.Н. Нравственное сознание личности и его структура // Сибирская психология сегодня: Сб. науч. ст. – Кемерово, 2002.
2. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – М., 1968.
3. Божович, Л.И. Психологический анализ условий формирования и строения гармонической личности // Психология формирования и развития личности. – М., 1981.
4. Бреслав, Г.М. Воспитание нравственных чувств ребенка в семье // Вопросы психологии. – 1986. – № 1. – С. 41–47.
5. Высотина, Л.А. Формирование моральных качеств подростков. – М., 1970.
6. Гранкин, А.Ю. Семья как пространство нравственности / А.Ю. Гранкин, А.В. Бабаян // Проблемы семьи и семейной педагогики: теория и практика, история и современность: материалы междунар. научно-практ. конференции, г. Пятигорск, 26 октября 2005 г. – Пятигорск, 2005.
7. Левчук Д.Г., Потаповская О.М. Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи России: комплексное решение проблемы. 2-е изд., доп. – М., 2003.
8. Овчарова, Р.В. Психология родительства. – М., 2005.
9. Рахимов, А.З. Роль нравственного воспитания в формировании личности // Классный руководитель. – 2001. – № 6. – С. 33–37.
10. Фурдей, Г.А. Социальное формирование и развитие нравственных потребностей личности // Актуальные проблемы нравственности: мат-лы междунар. научно-практ. конф., г. Москва, 9–16 мая 2009 года. – М., 2009.
11. Чудновский, В.А. Нравственная устойчивость личности: психологические исследования. – М., 1981.
12. Чуприна, А.А. Семья как сфера духовно-нравственного становления личности подростка. Автореф. дис… канд. псих. наук – М., 2005.

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

Ю. Ю. Антропова

Социо-культурные и социо-экономические изменения в обществе последних лет привели к существенным деформациям как структуры семьи, так и ее функций. Проявилась устойчивая негативная тенденция снижения роли семьи в воспитании и развитии детей, обеспечении их нравственного и физического здоровья. Трансформация семьи как социального института усугубляется распространением преступности, алкоголизма, наркомании, бродяжничества, сиротства при живых родителях, злостного уклонения родителей от обязанностей по содержанию и воспитанию детей.

Семья является источником и опосредующим звеном передачи ребенку социально-исторического опыта, и, прежде всего, эмоционального и коммуникативного опыта взаимоотношений между людьми. Анализ семейного неблагополучия показывает, что социальные изменения привели не только к ухудшению материального положения и социально-психологического самочувствия членов семьи, но и социальной дезорганизации семей, деформации детско-родительских и супружеских отношений, возникновению личностных деструкций. В результате деформаций современной семьи, снижается уровень контроля над детьми, распространяются такие явления, как социальное сиротство и «скрытое» социальное сиротство. Социальное сиротство является фактором, разрушающим эмоциональные связи ребенка с окружающей социальной средой, с миром взрослых и сверстников, вызывает серьезные вторичные нарушения физического, психического и социального развития, приводит к так называемым депривационным психическим расстройствам.

В 60-е годы XX века понятие психической депривации тесным образом было связано с изоляцией ребенка от матери в учреждении государственного воспитания. Основное значение психической депривации исследователи усматривали в практических последствиях для развития отдельных детей, воспитывающихся в домах ребенка, приютах, домах-интернатах и детских домах. Локальные эмоциональные и личностные проблемы (повышенная тревожность, страхи, субдепрессия, повышенная демонстративность, отсутствие познавательных интересов, низкий уровень чувствительности к социальным нормам, повышенная потребность во внимании со стороны окружающих), локальные поведенческие проблемы (гиперактивность, ложь, воровство, агрессия, вандализм и иное) – вот лишь некоторые из последствий психической депривации ребенка.

В начале XXI века вопрос приобретает значительно более широкое общественное значение. В последние годы на первый план выдвигается проблема психологической изоляции ребенка в семье, где для него не хватает времени, где родители не способны эмоционально с ним сблизиться, где отсутствует эмпатия и безусловное принятие ребенка со стороны взрослых членов семьи, где нарушена связь поколений. «Проблемные», «трудные», «непослушные» дети, дети «с комплексами», «забитые», «несчастные», «агрессивные» – всегда результат неправильно сложившихся отношений в семье.

Результаты проведенных нами исследований [1] выявили некоторые общие тенденции, присущие современным материально обеспеченным семьям, и, прежде всего, нарушение эмоциональных взаимоотношений – как супружеских, так и детско-родительских.

На вопросы «Хочется ли Вам после работы (из дальней поездки) возвращаться домой?» (опрос взрослых членов семей) и «Хочется ли тебе после школы (из детского сада) возвращаться дома?» (опрос детей) были получены ответы, позволяющие предпо-

ложить обратную зависимость между материальным и социальным благополучием. Опрос взрослых членов семей показал, что 61 % из них не хочет возвращаться домой категорически, 14 % – при условии, что дома в этот момент никого не будет, 8 % ответили – «в зависимости от настроения» и только 17 % хотят возвращаться домой и 7 из них – «всегда с радостью возвращаются домой».

Опрос детей от 4 до 6 лет показал, что 82 % детей хотят возвращаться домой, при этом 77 из них – всегда с радостью возвращаются домой, 18 % детей ответили «если мама и папа не ругают меня». Опрос детей в возрасте от 7 до 16 лет показал, что с возрастом, число детей, с радостью возвращающихся домой, уменьшается в 3 раза (возраст детей от 7 до 12 лет) и в 4 раза (возраст детей от 13 до 16 лет), и растет число детей, которые совсем не хотят идти домой (9 % детей в возрасте от 7 до 12 лет и 22 % от 13 до 16 лет).

Ответы на вопрос «Рассказываешь ли ты родителям, что с тобой произошло в школе? Делишься ли ты с ними своими переживаниями и радостями?» показали, что с возрастом в 2 раза уменьшается число детей, которые доверяют родителям все свои радости и переживания, и почти в 5 раз увеличивается число детей, которые ничего не рассказывают своим родителям. Основными причинами, по которым дети не доверяют свои переживания родителям, являются «родителя меня не понимают», «родители меня наказывают», «родители всегда считают меня виноватым», «родители не помогают мне справиться с проблемой».

Фундаментальное положение современной психологической науки об определяющей роли детства в развитии личности лишь подтверждает важность удовлетворения взрослыми трех межличностных потребностей ребенка: потребности включения в группу, потребности в контроле, потребности в любви (В. Шутц, 1958). Нарушение этих потребностей в детстве приводит к психическим расстройствам и нарушениям ориентации взрослой личности по отношению к другим (недостаточное социальное или сверхсоциальное поведение).

На сегодняшний день специалисты говорят о субклинической депривации подрастающего и последующих поколений, характеризующейся ростом жестокости и правонарушений среди молодежи, ее социальной пассивностью, увеличением количества суицидов, всплеском аффективных, невротических и психических расстройств у детей и подростков, нарушениями в освоении ими социальных ролей и установлении эмоциональных связей.

Психически депривированный ребенок вырастает, нередко, в гигиенически образцовой среде, с первоклассным уходом и надзором, но в условиях монотонии чувственных и социальных стимулов, психической сепарации от матери, враждебности, маскируемой тревожности, внезапных или длительных смен настроения родителей (особенно матери), т.е. в условиях деформации родительских позиций по отношению к ребенку и возникновения определенного внутреннего психического барьера или «полосы отчуждения» от ребенка. Отсутствие внутреннего единства семьи, нежелательная беременность, неподготовленность супругов к выполнению родительских функций, личностные деструкции родителей, в том числе материнские депрессии, неврозы и психопатии, механическое обращение с ребенком, устранение от участия в воспитании своего ребенка, перенос на ребенка негативного, отвергающего отношения матери к его отцу, восприятие ребенка как помехи в профессиональном росте родителей, трансформация современной семьи, при которой, в силу социо-экономической занятости матери, у нее ослабевает интерес к ребенку, «обратные» роли в семье, все эти факторы являются причинами социально-психической депривации детей и подростков в современном обществе.

Лишь в последнее время массовое распространение социально-психической де-

привации детей и подростков в относительно благополучных семьях получило официальный статус одного из серьезнейших последствий социокультурных и социоэкономических реформ 90-х годов в нашем обществе. Ученые отмечают общую тенденцию формирования детско-родительских отношений в современных благополучных семьях, заключающуюся в эмоциональном отвержении ребенка. Причем, чем выше образовательный и социальный уровень родителей, тем чаще они применяют методы эмоционального наказания ребенка, которое включает эмоциональное отвержение. Наблюдается уменьшение воспитательных ресурсов родителей, в частности, снижение качества и количества речевого, доверительного общения с ребенком, изменение родительских установок, рост авторитаризма, установление взаимоотношений на принципах превосходства и подчинения, фиксирование внимания на недостатках ребенка.

Современные детско-родительские отношения характеризуются как «ненадежные» взаимодействия (термин заимствован из работ М. Эйнсворт и К. Рубина), в которых родители не диалогичны и не сензитивны, не чувствуют ребенка, раздражаются, ведут себя неровно, не любят ребенка, не реагируют на его чувства, потребности, не поддерживают уверенность ребенка в себе и т.д. Процесс воспитания в современной семье носит зачастую дисконтинуальный (прерываемый) характер: проявляемое время от времени расположение к ребенку сменяется «отсутствием интереса» к нему, в результате чего ребенок живет в атмосфере «эмоциональной Антарктиды».

В целом, современные детско-родительские отношения отличаются «отсутствием времени на ребенка», пренебрежением родительскими обязанностями и проявлением безразличия, а часто жестокости по отношению к детям, что ведет к недостатку у ребенка сенсорных, эмоциональных, социальных и интеллектуальных стимулов, наносит ущерб его психическому здоровью. В последние годы широкое распространение в семье получила физическая и моральная жесткость по отношению к ребенку, формы которой могут быть различны: не соответствующее возрасту и потребностям ребенка питание, образование, медицинская помощь, отсутствие должного внимания и заботы (в результате чего ребенок может стать жертвой несчастного случая), сокращение пространства жизненной среды для ребенка (личной территории), систематическая отрицательная оценка ребенка родителями и другими значимыми для него взрослыми людьми («плохой», «неаккуратный», «приносящий много забот и неприятностей», «дурак» и т.д.), несправедливость, дискриминация ребенка, его изоляция от общения с другими детьми и т.д.

По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 45–49 % семей имеет место родительская жестокость, до 40 % тяжких преступлений совершаются в семье, около 2 миллионов детей в возрасте до 15 лет подвергаются физическому насилию со стороны родителей. В последние годы страну захлестнула волна преступлений в отношении малолетних детей, совершенных с особой жестокостью, в том числе на сексуальной почве. На сегодняшний день до 10 % детей – жертв насилия, погибает. У остальных остаются в качестве последствий отклонения в психофизическом развитии, что влечет за собой и тяжелые социальные последствия, формирует социально дезадаптивных взрослых людей, не умеющих выстраивать конструктивные социальные взаимоотношения, создавать здоровые семьи, выполнять родительские функции и т.п.

Важность последствий социально-психологической депривации в индивидуальном развитии ребенка была подчеркнута введением в многоосевую классификацию психических расстройств в детском и подростковом возрасте психосоциальной оси («Сопутствующие аномальные психосоциальные ситуации»), что отражено в десятом пересмотре Международной классификации болезней (МКБ-10). Аномальные психосоциальные ситуации, сопутствующие процессу воспитания и развития ребенка, в том числе:

недостаточность эмоционального тепла в отношениях между родителями и детьми (Z62.4), враждебное отношение к ребенку или присвоение ему постоянной роли «козла отпущения» (Z62.3), физическое насилие в отношении ребенка (Z61.6), социальная депривация (Z62.5), утрата в детстве отношений любви и привязанности (Z61.0), неадекватное родительское давление (Z62.6) и другие [2], часто являются потенциально значимыми, ключевыми либо пусковыми моментами в этиологии эмоциональных, невротических, психических и иных расстройств у ребенка. Учет данных ситуаций, приводящих к недостаточному удовлетворению или игнорированию основных потребностей ребенка, в том числе, базовой потребности в любви, чрезвычайно важен при комплексной диагностике развития ребенка и характера детско-родительских отношений, разработке индивидуальной программы реабилитации ребенка, индивидуальной программы оказания помощи семье, психолого-педагогических рекомендаций специалистам, работающим с ребенком и его семьей.

Несомненно, в современных условиях важную роль в сохранении семьи, нормализации детско-родительских отношений, профилактике социального сиротства призваны играть профессиональные службы – психолого-педагогические, социального обслуживания семьи и детей, психолого-медико-педагогические и т.п.

Практика показывает, что только при условии своевременного вмешательства специалистов и оказания необходимой качественной помощи и поддержки современной семье, формирования психолого-педагогической культуры родителей, возможно предотвратить эскалацию детского и семейного неблагополучия, в результате которой наше общество перестало быть «детоцентрическим», и в результате которой мы теряем наших детей и подростков как духовно, так и физически. Кроме того, обучение родителей, это та деятельность, по мнению А. Адлера, результат которой оказывает впрямую влияние на состояние всего общества.

К сожалению, уровень педагогической и психологической культуры родителей остается крайне низким. По данным доктора психологических наук Н.Ю. Синягиной, для 80 % матерей и 60 % отцов характерна эмоционально-негативная оценка себя как родителя. Почти половина опрошенных отцов считают себя неподготовленными к роли главы семьи и рады, когда эту роль берут на себя жена или собственные родители. 18 %процентов опрошенных родителей испытывают «страх», «растерянность», «желание переложить ответственность на супруга, супругу» в ситуации необходимости проведения воспитательных воздействий на ребенка [3].

В настоящее время в сложившейся структуре субъектов оказания помощи семье доля служб, действующих в сфере как профилактики, так и непосредственного решения вопросов внутрисемейных отношений, относительно невелика. Требуется значительная работа по изменению вектора семейной политики с борьбы со следствиями нарушений в детско-семейных отношениях (социальным сиротством, беспризорностью, безнадзорностью, правонарушениями в отношении несовершеннолетних) на предотвращение их причин через формирование общественного мнения в поддержку традиционных семейных ценностей – отцовства, материнства и детства, их значимости в жизни каждого человека; усиление деятельности профилактических учреждений и служб.

Литература

1. Туринский, В.Ф. Государственная семейная политика в Свердловской области (региональный опыт социологического анализа) / В.Ф. Туринский, Ю.Ю. Антропова. – Екатеринбург: Уральское издательство, 2007.

2. Многоосевая классификация психических расстройств в детском и подростковом возрасте. Классификация психических и поведенческих расстройств у детей и подростков в соответствии с МКБ-10. – М.: Смысл; СПб.: Речь, 2003.
3. Синягина, Н.Ю. Пихолого-педагогическая коррекция детско-родительских отношений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ТРАДИЦИЙ – ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ ОСНОВА СТАБИЛЬНОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

О. А. Ширко

Проблемы семьи и связанные с ними демографические проблемы находятся в настоящее время в центре внимания науки. Динамичные преобразования белорусского общества в условиях модернизации влекут за собой трансформацию семьи как социального института. Исследователи отмечают резкую смену, и даже падение нравственно-этических норм и изменение устоявшихся представлений о семье в периоды социальных трансформаций. Данную тенденцию одним из первых проанализировал русско-американский социолог П. Сорокин, который определил состояние западного общества как трагическое и, прогнозируя его кризис, отметил продолжение распада семьи как священного союза мужа и жены, родителей и детей.

Ослабление авторитета и ценности семьи наблюдается и в современной Беларуси, о чем свидетельствует увеличение численности разводов, незарегистрированных браков, особенно среди молодежи, рост числа абортов и т.п. Традиционные семейные и нравственные ценности все чаще, особенно у молодого поколения, заменяются либеральными, не всегда способствующими стабильному и гармоничному развитию общества. Изменения, произошедшие в сфере семейно-брачных отношений в современном обществе, вызывают многочисленные споры о будущем семьи как социального института.

Православная церковь предлагает свой вариант преодоления кризиса семьи через возврат ее к православным традициям, актуализацию ценностей традиционной семьи. Сегодня остро ощущается необходимость переосмысления, возможного поиска и реализации новых стратегий, которые бы с одной стороны отвечали потребностям и духу современного общества, с другой – обратились к духовно-нравственным, историко-национальным. Семья как институт представляет значительный интерес для социально-философского исследования, поскольку, с одной стороны, она обеспечивает стабильность общества, а с другой стороны, выступает как то социальное пространство, в котором происходит личностное становление человека. Процесс взаимодействия и взаимопроникновения культур в современную эпоху, расширение информационного поля социально-философского знания актуализирует проблему изучения института современной белорусской семьи с позиции православия.

В настоящее время довольно много говорится о необходимости укрепления семьи и преемственности поколений. Одним из важных условий создания высоконравственной атмосферы в семье являются семейные традиции. И это не случайно, ведь семейные традиции – это основа уклада семьи – дружной, крепкой, у которой есть будущее. Наверняка большинство взрослых, вполне успешных и состоявшихся в жизни людей с необыкновенным трепетом хранят воспоминания детства – семейные праздники, которые проходили шумно, весело, забавно. На первый взгляд кажется, что это мелочи, но именно они дарят всем членам семьи ощущение целостности, единства, взаимопонима-

ния и поддержки. В такие моменты семья кажется особенно крепкой, разговоры доверительными, а отношения – теплыми и надежными.

Православие предложило людям высокую нравственную планку, препятствующую распространению греха и порока, утвердив уникальность каждой семьи как целостной. Православие утвердило мысль человека в том, что брак – это союз мужчины и женщины, который свят и нерасторжим. Христово учение ввело такое понятие, которое было чуждо ветхому человеку – жертвенность в семье. Христианство возносит семью до высот богочеловеческого общения. Оно относится к семье как к малой Церкви. Как Церковь есть общество верных, объединенных любовью к Христу, так и семья – община мужа и жены, их чад, соединенных взаимной любовью, преданностью, жертвенностью и ответственностью. Итак, мы приходим к выводу, что именно религия возводит брак и семейные отношения из грубо чувственного или социально прагматического измерения в духовную сферу. Никакая человеческая идеология, философская концепция или социальная доктрина не смогли дать институту брака и семьи столько, сколько предложено религией, связующей человека с Творцом. Верующим людям не нужно доказывать друг другу божественное происхождение брака и наличие божественной искры в семейных ценностях, которые родственны самым высоким нравственным идеалам. Основная битва сегодня происходит в плоскости столкновения секулярного и религиозного мировоззрений. Современный мир стремительно теряет религиозную традицию, опору на многовековой религиозный опыт предшествующих поколений, в том числе и в области брака и семьи [4, с. 27].

В среде научной общественности не вызывает сомнения тот факт, что укрепленные в массовом сознании религиозные ценности могут оказывать значительное влияние на процессы социальных изменений, социальной дифференциации, институционализации, социальной интеграции и дезинтеграции. Так, в различные исторические периоды в православные ценности являлись неотъемлемым мотивационным фактором в сознании человека. Они составили глубинную основу менталитета и культуры, способствовали становлению социальных институтов образования, семьи, управления и власти, во многом определяя ход и сценарии социально-исторических перемен в обществе.

Сохранение духовно-нравственных традиций православия при некоторой их модернизации вполне может привнести положительные моменты в укреплении института семьи в белорусском обществе. Конечно, один из вопросов реализации этого потенциала – человеческий фактор, недостаточная образованность, и как следствие этого – недопонимание человеком своей роли в обществе, а также неподготовленность к созданию семьи.

В православии заложены не только консервативные, но и демократические установки, а именно – свобода выбора, чувство собственного духовного достоинства, толерантность, взаимное доверие и уважение. Реализуя последние, православие имеет достаточные основания стать важным фактором стабилизации демографической ситуации в Республике Беларусь. Однако сохранение православных традиций в качестве социокультурной основы общества зависит от того, как православие сможет ответить на вызовы современности. Проблема возрождения православных традиций в белорусском обществе весьма сложна, подразумевая целый комплекс вопросов, касающихся состояния нашего общества в контексте современного мира. Тем не менее, взятая в принципиальной сути своей, эта проблема предполагает возможность позитивного решения.

Следует отметить, что в наши дни все более отчетливо проявляется ослабление мировоззренческих функций идеологии позитивной научности. Научное знание, в силу его глубокой специализации, разрывающей связь ученых с обществом, ввиду антигуманных тенденций научно-технического рационализма, а также неспособности научными

методами разрешить экзистенциально-смысловые проблемы человеческого существования, уже не воспринимается как панацея от неясности смыслов и несовершенств жизни. В этой ситуации религия вновь становится общественно востребованным фактором мировоззрения, восстанавливая свою традиционную социальную роль в современной культуре. Стало быть, объективные условия для активизации православного просвещения складываются достаточно благоприятные. Перспектива общественно-культурной актуализации христианских ценностей наших дней во многом определяется субъективной способностью христиан воспринимать и осознавать значимость православных духовно-нравственных ценностей в общественной жизни. Отбросив все стереотипы относительно взгляда на Православную церковь как на социальный институт, сдерживающий проявление свободы, человек должен перейти в стадию конструктивного анализа истинной роли православия. Этого требует православная традиция, понимающая Церковь отнюдь не в качестве секты или некой специфической частной «конфессии», обособленной от проблем мира, национальной жизни, культуры и государственности. Православие – это учение об одухотворении и преображении тварного бытия в его конкретном социокультурном разнообразии. Уход от мира, однозначное осуждение его – не православная установка, а лишь укоренившийся общественный стереотип. Необходимо отметить проявление маргинализации христианской традиции. Это обстоятельство затрудняет путь личного познания истинности православных учений, преемственности православных традиций, и, несомненно, той положительной роли православных ценностей в стабилизации общественных отношений в белорусском обществе [5, с. 47–48].

Ситуация восприятия человеком духовно-мировоззренческих оснований осложняется тем, что у людей разное их восприятие, которое и порождает ложное представление о формировании духовности как о сложном процессе, труднопостигаемом в современном мире. Двойственность восприятия духовно-мировоззренческих ценностей усугубила процесс поиска смысла жизни и самоопределения человека. Высокий идеал нравственности, к которому стремились люди прошлых поколения, основываясь на исполнении Евангельских заповедей, кажется сегодня нереальным, в силу несоответствия с принципами жизнеустройства, преобладающими в обществе постмодерна. Это противоречие деструктивно по своей природе, и приводит к тому, что человек воспринимает высшие духовно-нравственные позиции как идеализированные конструкты, которые недопустимы и труднодосягаемы. Этот механизм сопоставления и сравнения усиливает поисковую деятельность человека.

Возрождение православных традиций требует четко организованной системы практических действий. Этот процесс должен быть комплексным и затрагивать взаимодействие всех уровней и структур нашего общества. Отмечу, что в процессе стабилизации демографической ситуации в Республике Беларусь, необходимо задать ориентиры в совершенствовании системы образования в контексте ориентации православные традиции. Осознав тот факт, что главной причиной демографического кризиса в стране является духовно-мировоззренческий упадок в культуре населения, следует, в первую очередь, рассмотреть вопрос воспитания, образования и духовного становления девушек. Упор необходимо делать в реализации данных задач в образовательных учреждениях. И только от качественно решенной данной задачи представляется возможным преодоление демографического спада в нашем обществе. Изменения в общественном сознании – сложная и трудоемкая задача. Процесс социализации, как формирующий компонент в развитии и становлении личности, должен включать задачи не только передачи внутрисемейных моделей поведения, но и включать важность такого компонента, как педагогическая деятельность.

В ракурсе изучения проблемы возрождения православных традиций и, в частно-

сти, приобретении нового видения и восприятии православных семейных ценностей, необходимо учитывать тот факт, что агенты социализации играют значимую роль. В случае, если преемственность передачи положительного опыта построения семейных отношений от матери дочери отсутствует, в роли привития православных семейных ценностей будет выступать общество, социальные институты, формирующие воспитательный потенциал подрастающего поколения. В данном случае – это институт образования. И роль педагога играет существенную роль в формировании у девочек репродуктивных установок и привитию им положительной модели построения семейных отношений, основанных на православных семейных ценностях. Такие задачи решаемы в двух позициях: наличие в сфере образования компетентных специалистов, внутренне ориентированных на личное духовное развитие, и как следствие этого, нацеленных на продуктивную педагогическую деятельность, целью которой и станет помощь в духовно-нравственном становлении будущих матерей нашего общества.

Задачи возрождения православных традиций требуют и нового ренессанса научного мировоззрения. В этой связи встанет вопрос об эффективном культурном синтезе православия и науки как разноуровневых социокультурных систем. Это касается различных направлений социокультурного развития: участия науки и религии в формировании мировоззренческих позиций и менталитета людей, определения приоритетов личности, а также соотношения науки и религии в педагогическом процессе.

Литература

1. Безнюк, Д.К. Религия как социально-политический проект для постсоветского пространства // Постсоветское пространство в миропорядке XXI века: приоритеты, особенности, будущее: материалы междунар. науч.- практ. конф. – Минск, 2011. – С. 47–48.
2. Булычев, Ю.Ю. Православие и современная цивилизация. – М., 2002.
3. Девятко, И., Фомина В. Глобализация и социальные институты, М., 2010.
4. Митрополит Сурожский. Таинство любви. Беседа о христианском браке. – М., 2011.
5. Панарин, А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2007.
6. Прот. Иоанн Мейендорф. Брак в православии. – М., 2011.
7. Рудник, М. Проповедь евангелия через века и страны История евангельского христианства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/ bogoslovBuks/ HistoryChurch/ rudn/ 03.php. – Дата доступа: 23.04.2013.

РОЛЬ РЕЛИГИИ В НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ

Н. А. Ситчихина

Нет сомнений в том, что религия с давних времен оказывает огромное влияние на человека: на его поведение, нравственные и эстетические взгляды. Однако в последнее время вопросы веры обострились во всем мире. Подтверждением этому может послужить поступок рок-группы PussyRiot. Прямо на амвоне девушки в ярких масках исполнили панк-молебен «Богородица, Путина прогони». Следует заметить, что эти события происходят в стране с давними и сильными православными традициями. И страшен не сам поступок, а ответная реакция людей на это аморальное поведение девушек в священном месте. Во время заключения участниц группы в разных городах проходили одиночные и даже массовые пикетирования в их поддержку. Среди пикетчиков были в основном молодые люди.

Эта ситуация обязывает нас задуматься над вопросом нравственного воспитания современной молодежи и роли религии в нем.

В ходе исследования мы попытались проанализировать, как изменилась в России роль религии в воспитании подрастающих поколений в семье.

Понятие «религия» возникло в римской культуре и ведет свою родословную, очевидно, от Цицерона (I в. до н.э.). «Религия – это убеждение, что все происходящее с нами необычайно важно. И именно поэтому она существовала, существует и будет существовать всегда» – *Чезаре Павезе*.

Каждая из религий – часть религиозного пространства и соответственно одно из проявлений жизни социального организма. Семья и религия находятся в такой тесной связи, что семья может быть понята именно как «естественный» носитель религии, как религиозное образование.

В Древней Руси религиозные ритуалы совершались в рамках семьи и огонь домашнего очага считался священным. Довольно часто и в настоящее время семья является той социальной группой, где совершаются религиозные ритуалы, но при этом следует помнить, что то, что мы называем семьей сегодня, существенно отличается от того, что считалось семьей раньше.

В ходе развития общества, семья во многом утратила черты общественной организации, которыми была наделена в прошлом, и стала в большей мере делом частной жизни. Религиозные верования и религиозная практика в современном обществе становится в значительной мере делом личного выбора, частным делом. Возможно, с этим связано то обстоятельство, что сегодня в первую очередь многих привлекают те религиозные ритуалы, которые связаны с событиями семейной жизни. Многие склонны сегодня рассматривать семью как главную и нерушимую базу организованной религии в ее традиционных формах. В данный момент, даже венчающихся в церкви значительно меньше, чем раньше, когда это было неотъемлемой частью свадьбы.

Прежде всего, в общественном сознании произошло изменение в оценке значимости и необходимости ритуального сопровождения таких событий, как рождение ребенка, бракосочетание и смерть. Сегодня достаточно значительному числу людей представляется возможным обойтись без церковного ритуала в этих случаях.

В ходе анализа исторической литературы мы выяснили, что в воспитании детей на Руси до XX века перед родителями ставилась задача: постепенно ввести ребенка в религиозно-обрядовую жизнь. Крестьяне считали веру в Бога непременным свойством нравственного человека, а его поведение напрямую связывалось с состоянием его веры. Уже в семь-восемь лет ребенка знакомили с православными традициями, водили на исповедь и к первому причастию.

Сравнивая традиции семейного воспитания и современную ситуацию, мы выделили несколько наиболее существенных отличий.

Количество верующих. Если раньше каждый русский человек считал себя истинным христианином и действительно верил в Бога, то в настоящее время вопрос «верить или не верить» является личным делом каждого. Социологические исследования показали, что верующими считают себя около 44 % граждан России в возрасте 14–30 лет.

Отношение к верующим и к святым местам. Традиционное состояние христианской нравственности характеризуется тем, что горячая любовь к святыням, благоговейное украшение храмов, пожертвования на содержание монастырей, «мнихолюбие» и «страннолюбие», «нищелюбие», милосердие к бедным и несчастным является «одною из господствующих добродетелей». Ею отличались не только князья и бояре, но и купцы, и прочие горожане. Беженцы из сел, сожженных во время вражеских набегов, всегда находили кров и пищу за стенами укрепленных городов и монастырей. Крестьяне о совестливых, трудолюбивых, милосердных людях говорили: «живут по божески, по христиански», и наоборот, встретившись с человеком, совершившим неправедный посту-

пок, отмечали: «креста на нем нету». В наши дни редко встретишь, когда поведение или поступок человека оправдывают его религиозными устоями.

Осознанность в своей вере. Обычай пострижения в монашество в конце жизни или, по крайней мере, ввиду приближения смерти, бытовал среди князей и знатных людей. Жены знатных людей, овдовев, принимали постриг в женских монастырях почти всегда. Если крестьяне в силу особенностей сельской жизни и своего труда бывали в храме за богослужением только в воскресные и праздничные дни, то князья, бояре и многие горожане считали своей обязанностью бывать в храме за ранней Литургией и по будним дням.

К принесенной из храма домой святой воде относились с чрезвычайным благоговением, ежедневно окропляли ею жилище. Иконы и кресты считались необходимой принадлежностью жизни. Их помещали не только в домах, но и над вратами городов и усадеб, на площадях, на перепутьях. Всюду, где русский человек видел икону, он совершал краткую молитву перед ней. Именно в то время возник обычай перенесения чтимых и чудотворных икон из одного места в другое, туда, где угрожает опасность нашествия врагов или приближение эпидемии.

В обычной, не очень богомольной семье, всегда знали точно две молитвы: «Отче наш» и «Богородица Дева радуйся». Люди верили, что именно эти молитвы могут пригодиться во всех случаях жизни, так как доходят до Бога быстрее, чем все остальные. Христиане также молились перед трапезой, благодаря Бога за обед, который он им предоставил, а также соблюдали все праздники.

С большой строгостью было принято соблюдать все посты. В Великий пост некоторые принимали пищу только по субботам и воскресеньям, другие весь пост проводили в «сухоядении», т.е. не вкушали вареной пищи, очень многие ели только один раз в сутки, на закате солнца. Крестьяне принимали за чистую истину вечность души и существование рая и ада. Верили в кару Божию (и, что самое главное, боялись ее), а при словах «вот тебе крест» уже точно знали, что человек говорит правду, так как употребление этих слов впустую считалось грехом. На данный момент редко встретишь истинно-верующих людей. Сейчас если и верят, то в основном «пассивно». Редко кто читает молитвы перед сном, перед уходом из дома, утренние молитвы. Посещение церкви оправдывается только праздниками, случившимся горем, или перед началом какого-либо дела. Почему-то только тогда в человеке просыпается вера. А если и вычислять процент верующих, посещающих церковь каждую субботу и воскресенье, то он будет мизерным.

Нами было проведено пилотажное исследование для выявления отношения молодых людей к религии, в частности, к поступку упомянутой нами рок-группы. Проведя опрос мы выяснили, что только 35 % опрошенных посчитали такой способ самовыражения в Храме отвратительным, который требует надлежащего наказания, 48 % опрошенных отнеслись к этому нейтрально и 17 % поддержали группу.

Эти цифры свидетельствуют о том, что в нашем обществе существуют разные взгляды и отношение людей к религии.

Объяснить такие серьезные изменения можно не только экономическими, но и социальными факторами. В настоящее время процесс адаптации церкви к новым историческим условиям сопровождается значительными осложнениями как внутрицерковного, так и внецерковного характера. Экономический кризис весьма отрицательно сказывается на финансовом положении церкви, активно ведущей реставрацию передаваемых ей храмов и строительство новых. Большинство церковных иерархов и рядовых священнослужителей стоят на позициях нового осмысления современных социально-экономических и общественно-политических проблем, возникающих в процессе развития и изменения нашего общества, ориентируют церковь на повышение нравственно-

го потенциала человека.

С этой целью православные педагоги-новаторы АОСЭР возродили и предлагают всем участникам получить и освоить православную систему воспитания: «Читать библию раньше, чем ходить». В России уже четвертый год апробируется курс «Основы религиозной культуры и светской этики».

Однако для того, чтобы меры, предпринимаемые церковью в вопросах воспитания детей, дали должный результат, необходима помощь семьи.

Синергия релизиозных и светских начал в духовной культуре

ИДЕАЛЫ И ЦЕННОСТИ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ В МОНИТОРИНГОВОМ ИЗМЕРЕНИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

И. В. Котляров

В настоящее время, время перехода белорусского общества от одного качественного состояния в другое, становления национального государства, строительства сильной, независимой и процветающей Беларуси, мы все, как никогда, нуждаемся в новых знаниях о себе и окружающем мире, нашем месте в нем, пути в прекрасное будущее, об его идеалах и ценностях. Тем более, что вокруг нас есть много такого, чему невозможно найти замену, оно дороже всего, самоценно, неповторимо, незаменимо, индивидуально. Актуальным является и тот факт, что необходимо хорошо знать и понимать окружающий мир, а идеалы важны человеку, чтобы совершенствовать его.

Каждый человек является носителем определенных идеалов и морально-нравственных норм, ценностей и ценностных ориентаций, которые детерминируют его поведение, действия и поступки в каждой определенной ситуации. Идеалы и ценности имеют ярко выраженный преобразующий характер и являются одним из главных факторов, регулирующих социальную мотивацию людей, и, как результат, их конкретные действия. Именно ценности являются главной причиной, по которой каждый индивид выбираем тот или иной способ действий.

Для изучения социально-политической ситуации в Республике Беларусь, анализа места и роли идеалов и ценностей жителей страны в развитии белорусского общества в Институте социологии НАН Беларуси с октября 1990 года проводится социологический мониторинг – систематически повторяющиеся социологические исследования, проводимые по специально разработанной методике с применением специализированного инструментария.

Для понимания и анализа основных ценностей белорусских граждан особый интерес представляют ответы на вопрос: «*Что для Вас в жизни является наиболее важным?»* Ответы на него распределились следующим образом*:*

Здоровье	80,6%
Семья	77,3%
Дети	74,8%
Материально обеспеченная жизнь	51,8%
Душевный покой, комфорт	41,6%
Любовь	39,5%
Дружба	38,5%
Интересная работа, профессия	32,1%

Вера	26,7%
Самоуважение	16,8%
Самореализация	16,7%
Помощь людям	16,3%
Знания, познание мира, людей, образование	15,2%
Свобода как независимость поступков, суждений	12,8%
Богатство, большие деньги	10,2%
Карьера, высокое положение в обществе	8,8%
Долг перед Родиной	8,6%
Возможность получать удовольствия, развлекаться	5,2%
Творчество	4,3%
Общественное признание, известность, репутация	2,9%.

Анализ ответов показывает, что имеются существенные проблемы с качеством и направленностью идеологической деятельности, формированием у граждан страны патриотических ценностей и идеалов.

А может ли быть по-другому? Звезды белорусского спорта способны отказаться выступать за национальную команду, сославшись на мифические «болячки», могут уехать за границу или поменять гражданство. Размерам их гонораров и сексуальным похождениям отводят на телевидении куда больше времени, чем спортивным достижениям – победам, очкам, голам, килограммам, метрам, секундам. На экранах белорусских телевизоров каждый день можно видеть полуобнаженных красавиц и раз в год механизаторов (на Дожинках) и учителей (1 сентября), Это не удивительно. Некоторые высокопоставленные чиновники не верят или не хотят верить, что патриотизм, любовь к Родине можно целенаправленно и успешно формировать и воспитывать.

Особой интерес для понимания данной проблемы представляют ответы на еще один вопрос социологической анкеты: «*Что (кто) помогает Вам справляться с жизненными проблемами?».* Как оказалось, помогают в большинстве или во всех ситуациях следующие социальные институты (так считает респондентов –в%):

1. Семья	76,5
2. Жизненный опыт	60,8
3. Деньги	56,5
4. Друзья	56,2
5. Наличие нужных связей, знакомств	44,7
6. Вера в Бога	43,8
7. Деловые качества	38,0
8. Нравственные качества	36,4
9. Профессиональные знания, умения	34,1
10. Личный авторитет, известность, репутация	30,8
11. Хорошее образование	30,0
12. Наличие собственности	26,5
13. Обращение к закону	23,5
14. Информированность	21,5
15. Государство	19,1
16. Занимаемая должность	18,9
17. Престиж профессии	17,7
18. Участие в политической жизни	6,1

Как показывают результаты социологического мониторинга, в Беларуси самая большая надежда в сложном положении у подавляющего числа граждан – на *семью*. Почти половина респондентов считает, что семья, семейные ценности помогают во всех

жизненных ситуациях, около трети – в большинстве случаев. За кризисный год число тех, кто особые надежды возлагал на семью, увеличилось почти на 10 пунктов.

Однако, как показывают социологические исследования, и здесь имеются существенные проблемы. В послекризисный год авторитет семьи постепенно стал падать. Чуть больше двух процентов наших граждан заявили, что семья вообще не помогает ни в каких ситуациях. Мы часто критикуем некоторые южные регионы Российской Федерации. Однако там есть детские дома, но в них нет детей местной национальности. Есть дома для престарелых, но в них нет стариков титульной нации. А что у нас? Каждый пятый ребенок рождается вне брака, каждая восьмая семья состоит в так называемом гражданском браке. На десять зарегистрированных браков насчитывается семь-восемь разводов. В Беларуси средний возраст сексуального дебюта – 14,6 лет. Каждая 13-я девушка начинает сексуальную жизнь до 14 лет, каждая пятая – к 16 годам. После таких связей и рождаются будущие потенциальные воспитанники детских домов.

Важное значение для формирования высоконравственных идеалов и ценностей имеет *церковь*. Мониторинговые социологические исследования показали, что среди верующих с православием отождествляет себя ровно 80,0 процентов, с католицизмом – 8,5 процентов, с протестантизмом – 0,6 процента. Причем почти половина (43,8%) респондентов считает, что выжить им в сложнейших ситуациях помогает именно *вера в Бога*. Чуть менее четверти опрошенных убеждены, что она помогает во всех случаях, пятая часть – в большинстве случаев, четвертая часть – только в некоторых ситуациях.

В Беларуси Православная церковь становится все более важным жизненным камертоном выбора целей и стремлений многих людей, именно она детерминирует систему жизненных ориентиров. Благодаря православным ценностям у людей формируется комплекс морально-нравственных норм и принципов, связанных с нравственным поведением и своеобразием в общественном сознании и поведении. Среди них такие морально-нравственные качества, как патриотизм, любовь к Отечеству, героизм, нравственная целостность, сила духа, верность, долг, ответственность, трудолюбие, творчество, преданность, честь, достоинство, солидарность, доверчивость, самопожертвование, уважительность и т.д.

Однако и здесь возникает целый ряд вопросов. Например, является ли верующим тот человек, который не ходит в храм, не может отличить Новый завет от Ветхого, не знает своего священника, не соблюдает предписаний церкви?

Факторный анализ результатов социологического мониторинга показывал, что далеко не все считающие себя православными, католиками или протестантами, являются истинно верующими. Так кто же ими является? Ученые института прямо спросили жителей страны: «Являетесь ли вы истинно верующим?». Как оказалось, в настоящее время 19,9 процентов жителей Беларуси считают себя истинно верующими людьми и стараются в определенной степени соблюдать все ритуалы своей религии.

Но и есть и другая методика. Согласно ей верующим считается тот человек, который регулярно (один раз в неделю) посещает церковь, костел, синагогу и т.д. Таких людей в Беларуси шесть-восемь процентов. 8,2 процента посещают храмы один-два раза в месяц, 28,0 – несколько раз в год, преимущественно по большим праздникам, 24,6 – один-два раза в год, пятая часть – не посещает никогда.

Истинно верующий человек – это тот, кто понимает, что его идеал – это Господь, цель жизни – спасение в Вере. Он соизмеряет свои мысли и поступки с Евангелием и Священным Писанием. Для верующего человека христианство – норма жизни, пост для него не просто ограничение в пищи и питии. Это время покаяния о своих грехах, радостное время размышлений о прекрасном, время творческой и духовной жизни. Церковные праздники для него – торжество о событиях, имеющих прямое отношение к

Промыслу Божию по спасению человека и к нему самому.

Как показывают социологические исследования, истинная Вера непосредственно влияет на служебные и личные отношения. Они становятся ярче, глубже и ответственнее. Верующие люди в целом удовлетворены своей работой и занимаемой должностью, рабочим местом и условиями труда, режимом работы и уровнем профессиональной подготовки. Они, как правило, не намерены менять место работы и профессию, стараются жить по средствам. В случае каких-то проблем они намерены работать еще более упорно, приносить пользу семье, предприятию и государству. У около двух третей верующих материальное положение семьи среднее, еще у пятой части – хорошее или скорее хорошее. Есть верующие и с очень хорошим уровнем доходов. Это не униженные и оскорбленные люди, как некоторые «теоретики» любили и любят представлять. Нарушая церковные предписания, верующий человек прекрасно понимает, что поступает не просто неправильно, этим он обедняет свою жизнь.

Верующие люди испытывают естественную потребность в сверхценном, священном, сакральном. Для них важно, чтобы в жизни было, ради чего стоит жить. Среди моральных ценностей у верующих на первом месте находятся семья и вера, живут они ради Бога, детей и семьи. Вера в Бога помогает им в жизни в трудные моменты. Благодаря вере они постоянно идут в храмы и находят там самое светлое, чистое и дорогое.

Верующие люди – это основа стабильности и безопасности белорусского общества. Как показывают социологические исследования, верующие люди любят свою Родину и уважают труд, законопослушны и дисциплинированы, не будут принимать участие в антизаконных мероприятиях, в несанкционированных митингах, забастовках и голодовках. Они более терпимы, смиренны перед превратностями судьбы и больше склонны к патерналистским моделям поведения.

У истинно верующих христиан нет разводов и брошенных детей, среди них нет алкоголиков и наркоманов. Они ничего не желают слышать об однополых браках. А в современных сложнейших условиях в жизни много проблем, опасностей и рисков, толкающих людей на разврат и преступления, различные антиобщественные поступки. Поэтому крайне важно сделать так, чтобы как можно больше людей нашло дорогу к Храму, чтобы эта дорога стала потребностью человеческой души. Тем более, что более двух третей респондентов заявили, что современному человеку нужна религия, так как, по мнению 32,1 процентов она способствует нравственному улучшению людей, 25,8 – помогает сохранить культуру и традиции народа, объединяет людей, 22,4 процентов – дает человеку утешение и смирение, 16,8 – помогает найти смысл жизни.

Только 11 место в рейтинге наиболее эффективных социальных институтов занимает образование. 10,8 процента респондентов ответили, что оно помогает решению наиболее сложных проблем во всех случаях, 19,2 – помогает в большинстве, 23,6 – помогает в некоторых случаях. 13,7 процента жителей страны убеждены, что оно не помогает никогда.

В данном случае, как правило, критикуют образование и университеты, профессоров и доцентов, но не задумываются о том, можно ли подготовить хорошего юриста из молодого человека с менталитетом продавца, из парикмахера сделать великолепного менеджера. А ведь все хотят быть банкирами и дипломатами, программистами и предпринимателями, но не как не агрономами, учителями, портными, и как не парадоксально, академиками. Вот как распределились ответы на вопрос: «*Вы бы предпочли, чтобы Ваши дети работали...*»

В финансово-банковской сфере 25,6%

В сфере информационных технологий (например, программист, администратор) 25,2%

В сфере медицины	23,2%
В сфере предпринимательства	22,9%
В сфере государственного управления (например, работник министерства, исполкома)	16,0%
В милиции, армии, других силовых структурах	13,2%
В строительной сфере	11,4%
В сфере туризма и спорта	11,2%
В сфере промышленности	10,0%
В сфере высшего образования	6,4%
В сфере культуры и искусства	5,3%
В сфере кино, телевидения	4,9%
В сфере торговли	4,9%
В сфере науки	3,9%
В сфере бытового обслуживания и общественного питания	2,7%
В сфере среднего образования (общего или профессионального)	1,3%
В сельском хозяйстве	1,2%

Ценности и идеалы надо формировать дома, в семье, в школе, а не только в университетах. Все это должны помнить и понимать.

На *политическую деятельность* как инструмент решения многочисленных проблем и формирования определенных ценностей не многие граждане Республики Беларусь возлагают особые надежды. Как показали результаты исследований, только чуть больше шести процентов респондентов считает, что участие в политической жизни сможет помочь справиться с жизненными проблемами.

Ответить на вопрос: «Почему так негативно многие граждане страны относятся к политической деятельности?» поможет анализ влияния важнейших политических субъектов – политических партий страны на политические процессы в Республике Беларусь.

Как показывают мониторинговые социологические исследования, белорусская многопартийная система стремительно деградирует. Она находится в состоянии глубочайшей бифуркации, стоит на пороге системного кризиса, который проявляется в деформациях всех ее подсистем и блоков, всех уровней порядка. Практически все политические партии Беларуси переживают несколько локальных кризисов – кризис доверия, кризис лидерства и кризис идеологической идентичности. Очень мало жителей нашей страны видят среди белорусских политических партий ту силу, которая способна защитить их интересы, понять их желания и потребности, эффективно представлять их на высшем государственном уровне. В понятии простых людей они и партии существуют очень далеко один от одного, в параллельных мирах, которые никогда не сойдутся. Партиям нет никакого дела до их жизни, проблем и бед. Люди не чувствуют реальной потребности в партиях, а значит, в белорусском обществе отсутствует спрос на них.

Как результат, политические партии Беларуси не пользуются популярностью многих граждан. По данным социологического мониторинга, им доверяют 11,0 процентов населения страны, не доверяют – 38,6 процентов. Если бы в ближайшее время в нашей стране происходили выборы в парламент по пропорциональной избирательной системе, то 27,8 процентов избирателей проголосовали бы против всех политических партий страны. Две трети вполне вероятно вообще бы не пошли на выборы, так как они ничего о белорусских политических партий не знают.

Одной из важнейших причин такой ситуации является то, что политические партии страны являются партиями без лица. Подавляющее число партии не выработали четкой политической позиции по стратегическим вопросам современности. У них нет партийных ценностей и идеалов. Например, совершенно не понятно отношение комму-

нистов к частной собственности на средства производства и землю, к колхозам и кооперативам, к приватизации государственной собственности и т.д. Конечно, принимая единые «правила игры», предложенные государством, понимая, что они в определенной степени находятся в одной лодке и опираются на одни и те же ресурсы, многие политические процессы стремятся действовать одинаковым образом, как результат, утрачивают социальную и идеологическую идентичность, полностью теряют лицо.

Фигура лидера любой партии всегда являлась главным объектом для критики как со стороны партии, ее членов, так и политических оппонентов. И это правильно. Партийные лидеры занимают в современных политических партиях особое место. Они, как правило, являются их брендом, особенно в ходе избирательных кампаний и общении с людьми и средствами массовой информации. Партийные лидеры обязаны выражать существующие интересы, быть отражением настроений партийного электората, своих избирателей – находиться впереди «на белом коне», а не полсти к дармовой кормушке. Они во многом проецируются на политическую партию, в некоторых случаях, полностью отождествляются с ней, растворяются в ней. Роль партийных лидеров особенно важна в современных условиях, когда партии сталкиваются с огромным количеством проблем. В-первых, у многих людей полностью отсутствует интерес к политике как способу решения своих интересов и потребностей. Как показывают социологические исследования, проведенные Институтом социологии НАН Беларуси, только чуть больше шести процентов жителей страны считает, что активное участие в политической деятельности поможет им ликвидировать существующие проблемы. Во-вторых, политические партии постепенно превращаются в институт, решающий, главным образом, электоральные задачи, причем, прежде всего, партийной элиты. В-третьих, развитие информационных технологий заставляет партийных лидеров жить по новым, ранее совершенно не знакомым и непонятным им правилам – быть компетентными и мобильными, элегантными и эрудированными, выражать социальные ожидания и заказы людей, а не быть Бабой Ягой на метле и в ступе, пытающейся заклинаниями звать за собой электорат к лучшей жизни. Это требует полной смены поведенческой парадигмы современных партийных лидеров, формирования их принципиально нового имиджа. Что, к сожалению, в Беларуси, не произошло и не скоро произойдет.

Руководители многих политических партий, просто-напросто, не интересны. У них полностью отсутствует не только харизма, но даже элементарная привлекательность. Их не реально представить на каком-то митинге или демонстрации, ведущих за собой людей. Никто никуда за ними не пойдет. Под вопросом и моральный облик лидеров некоторых политических партий. Следует особо подчеркнуть, что, как показали социологические исследования, о подавляющем большинстве партийных лидеров очень многие люди вообще никогда не слышали. Их рейтинг, как говорится, ниже плинтуса – 0, 00… процента. Но самое обидное для партийцев, что взяв все, что возможно, в случае небольшой опасности некоторые партийные руководители, как хамелеоны, меняют цвет или тихо уползают в тень.

Деятельность современных политических партий – это не только борьба, но и многие другие виды спорта, которые определяют эффективность и важность партийных структур и целей, идеалов и ценностей. История показывает, что партия нужны только тогда, когда они служат людям, выполняют, отражают и представляют на высшем управленческом уровне их запросы и интересы, эффективно и целеустремленно сражаются за них, формирует определенные идеалы и ценности. Белорусские политические партии до сих пор не научились этого делать

Идеалы и ценности, морально-нравственные нормы и ценностные ориентации играют важную роль в жизки человека. Эффективная деятельность любого государства

обязательно связана с нравственными образцами, морально-нравственными идеалами. Их необходимо изучать и понимать, их можно формировать. По нашим исследованиям, 96 процентов начинающих хоккеистов и футболистов приходят в «спорт больших достижений» с желанием защищать в будущем честь родной Беларуси на чемпионатах мира и олимпийских играх. Члены национальной сборной команды Беларуси по хоккею перед отборочными соревнованиями на Олимпиаду в Сочи заявили: пусть сначала заплатят, потом играть будем. Как оказалось, по дороге в «большой спорт» идеалы и ценности девальвируются. И в этом виноваты все: школа, пресса, государство, наука, и каждый из нас…

Идеалы и ценности защищать и утверждать очень сложно. Если раньше, во времена кино и радио, газет и журналов, молодое поколение, как правило, усваивало то, что им передавало, предлагало старшее поколение, то теперь, в эпоху интернета и смартфонов, стремительно летящего вперед политического времени, старые стереотипы поведения оказались никому не нужны. Теперь совершенно новые ценности, не всегда понятные и приятные. Важно, чтобы эти ценности делали нас всех лучше, порядочнее и честнее.

ВЕРА КАК ОСНОВА ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ЛИЧНОСТИ

М. Ф. Печенко

В эпоху глобализации и трансформации общественных и политических систем, информатизации общества и расширения компьютерных технологий все большее значение приобретает проблема выбора ценностей и сохранения идентичности. Особое место в системе духовных факторов, способствующих изменению ценностей и смыслов, занимает религия и вера. В истории европейской культуры христианская религия играла и продолжает играть значительную роль. Христианство оказало влияние на развитие государств и политических систем многих стран Европы, а также других регионов мира. Являясь мировой религией, христианство существенно повлияло на процесс воспитания личности, формирования нравственности, искусства, духовной культуры.

Одной из важнейших задач духовного воспитания является воспитание веры, выработка потребности в вере. Необходимо четко знать ценность веры, ее значение в жизни человека и общества. И если раскрытие смысла знания осуществляется в обучении и через него вырабатывается потребность в знании, то смысл веры обретается через личный опыт, через переживание и молитву, через чувственную любовь, т.е. через религиозный опыт. Только личная жизненная, экзистенциональная ситуация способствует выявлению веры и надежды, возлагая на них такие жизненные функции как смирение, терпение, надежда.

Без веры не выстраивается цель жизни и человек выпадает из духовности, утрачивает цельное духовное бытие. Жизнь в религиозном опыте предполагает собранность и цельность, сосредоточение на главную цель – духовное совершенствование через принятую веру. Религиозная вера не позволяет индивиду жить разрозненно, хаотично, она устремляет его вглубь самого себя, связывая душу с Богом, и это делает верующего человека автономным в существовании, в выборе ценностей. «Вера и религия суть явления духовной свободы; каждый человек призван свободно восхотеть божественного, свободно уверовать и свободно предаться Богу. В этом сущность религиозной автономии» [1, с. 95]. Религия – это чувственно-эмоциональная форма сознания, которая присуща как отдельному человеку, так и группе людей, а вера является той общей ценностью, которая связывает, объединяет людей. В этом проявляется интегративная функция рели-

гии, что также свидетельствует об ее социальной природе.

Среди духовных ценностей, лежащих в основе религиозного опыта личности, вера занимает особое положение. Вера выстраивает мир трансценденции, потусторонности и нацеливает индивида на поиск Бога. «Религиозная вера предполагает, прежде всего, духовное внимание: оно внемлет духу, т.е. "емлет внутрь", или, что то же, приемлет его показания и доверяет им» [1, с. 94]. Во-вторых, на основе веры происходит самоидентификация, отождествление себя с этнонациональным контекстом, так как вера имманентна социуму, в котором живет индивид, что позволяет определить свое социальное и гражданское положение, свой статус в обществе. По своей вере каждый религиозный человек идентифицирует себя, олицетворяет свое укоренение в духовную традицию и защищает свое право на вероисповедание.

На основе верований в процессе исторического развития сформировалась национальная самоидентификация, способ самоопределения по убеждениям. Верующий человек является носителем религиозности, благодаря которой он идентифицирует себя с традицией народа, с Церковью, с религиозной общиной, для которой характерна определенная вера. Именно сознание личности, ее вера свидетельствует о принадлежности к определенной религии и церкви. В этом плане вера выражает нравственную силу личности, ее стремление к благодати и высшему смыслу. И.А. Ильин отмечал: «Вера в Бога принадлежит к самым глубоким, таинственным и духовно-драгоценным состояниям человека» [1, с. 119]. Одновременно в границах религиозного опыта проявляется и духовная красота, так как вера устремляет к гармонии, побуждает к совершенству, и поэтому духовный человек постоянно выражает свою устремленность к Истине, стремится жить по вере и пребывать в духовной радости.

Исходя из признания того, что религия ориентирует сознание человека на Бога и веру в него, ее может питать и поддерживать надежда, однако главнейший источник веры – любовь (Иоанн Лествичник), поэтому веру можно осмыслить на основе связи любви и надежды, т.е. целостной духовной жизни, религиозного опыта. Вера предполагает не просто любые действия, а такие, которые не противоречат смыслу, знанию, не отвергают познание Бога, которое возможно на основе разума. Отрицание веры может быть рассмотрено как акция, как действие, направленное на разрушение религиозной традиции, что неизбежно ведет к упадку, нравственной деградации.

Несомненно, вера является главной характеристикой христианина, живущего верой в Бога. Однако вера в Единого Бога, и в Бога Сына – Иисуса Христа органически связана с верой в человека, которая всегда идет к человеку от Бога. «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим, и Я возлюблю его и явлюсь к нему Сам» (Ин. 14, 21). Через любовь и благодать ниспосылает Господь веру в человека, и важно, чтобы сам человек верил в себя, в свои духовные силы, в том числе и в способность любить Творца. «Тема о вере Бога в человека не так часто является темой разговора, размышления, а вместе с тем это такая потрясающая тема!» [1, с. 164], – подчеркивал митрополит Антоний Сурожский.

На мой взгляд, представляется важным говорить о духовной силе и ее важности в жизни современного человека, особенно в ситуации морального плюрализма и гедонизма, поскольку преобладает культ и пропаганда потребительского успеха и физического здоровья, мало связанных с духовными исканиями, с выбором ценностей и смыслов. Культ физической силы направлен на утверждение мысли о превосходстве физического выживания, борьбы мускулов над созерцательной, духовной жизнью, которая предполагает веру, молитву, совесть. Вера ценностно, субъективно, а не через вещь, не опосредованно сближает одного человека с другим, потому он доверяет ему на основе истины как правды жизни, готов любить его как самого себя, и это составляет его духовную си-

лу. Исходя из веры, человек должен глубоко осознать свою ответственность за свой выбор и жить в этой атмосфере как в подлинной, очищать ее от грехов и соблазнов. Вера устремляет человека в будущее и одновременно дает силу для этого пути, делает человека целеустремленным и волевым. Она открывает человеку тайну его бытия, наполняет его жизнь смыслом через постоянную и усердную веру в Бога и осознание веры Бога в человека. Митрополит Антоний утверждал, что «вера в человека нас обязывает, она не дает нам права жить небрежно под тем предлогом, что Бог нас любит и в нас верит, так же как не имеем права жить безответственно по отношению к человеку, который нам доверяет, нас любит, который в нас верит» [1, с. 174]. На этой основе христианин выстраивает отношение к другим людям, ближним и дальним, и это есть христианское единство, соборность, свидетельствующая о воцерковлении. Это единство воспитывается в семье и школе, в обществе, где существуют нравственность, духовность, проявляющиеся в христианском образе жизни, в служении Церкви. Духовное единство не является чем-то внешним, а выступает как духовная сила, порождаемая верой и церковной жизнью, объединяющей людей. На этой духовной основе, как свидетельствует история, формируется гражданское единство, созревает патриотическое сознание людей, дух Отечества. Это важнейшее положение христианской антропологии, и оно занимает ведущее место в богословии и православной педагогике, о чем писали Отцы Церкви и духовные наставники, богословы и христианские философы и педагоги.

В заключение позволительно сказать, что вера составляет духовную основу нравственной жизни личности, ее устремленности к совершенству, к обретению божественной Истины. Поэтому главной целью современного воспитания является формирование нравственной культуры, личное обретение духовности, как в семье, так и в школе, в учреждениях образования и досуга. Государство решает эту важнейшую задачу, основываясь на образовательную политику и национальную культуру, опираясь на активную поддержку Церкви.

Литература

1. Ильин, И.А. Аксиомы религиозного опыта. – М.: Рарог,1993.
2. Митрополит Антоний Сурожский. Пути христианской жизни. Беседы. – Киев: Дух і Літера, 2001.

РЕЛИГИЯ КАК ОСНОВА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО БЫТИЯ ОБЩЕСТВА

Е. У Байдаров

В эпоху глобализации снова ощущается потребность в религиозных ценностях, предполагающих целостное мировосприятие и направленных на духовное преображение человека.

При этом религия, как социокультурный феномен, традиционно претендующий на монополию духовной жизни отдельного человека и общества в целом, становится в современном мире одной из актуальных сфер познания и деятельности.

Мы не должны забывать, что религия и национальные культуры тесно переплетены друг с другом, и специфика той или иной национальной культуры напрямую связана со спецификой той или иной религии, где религиозная идентичность превращается в одну из многочисленных и часто противоречащих друг другу идентичностей, легко уживающихся – именно в силу своей виртуальности – в отдельно взятом человеке.

Причины этого, наверное, в том, что в религиозной сфере жизни общества, как ни

в каком другом звене духовной культуры, связаны историческая память, моральные принципы и объединяющая людей вера, вырабатывающая своеобразный иммунитет против устремлений глобалистов, лишенных гуманистического начала.

Поэтому внедрение в учебный процесс средних общеобразовательных школ Республики Казахстан курса «Основы религиоведения» стало заметным событием в жизни республики и, в то же время, вызвало неоднозначную реакцию общественности страны. Естественно, что возник вопрос: «Как в стране со светским мировоззрением преподавать данный предмет?». Однако, преподавание «Основ религиоведения» в школах не противоречит принципу отделения религии от государства и вполне соответствует сложившейся во всем мире практике.

Введение этого курса имеет большое этическое и культурное значение для становления демократического и гражданского общества в Казахстане, если учесть многонациональность и многоконфессиональность казахстанского социума. Знакомство с этим предметом поможет учащимся республики получить целостное представление об истории мировых и традиционных религий, познакомить с вкладом мировых религиозных систем в культуру и нравственную жизнь общества.

Однако с принятием осенью 2011 года Закона Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» и завершением процесса регистрации религиозных объединений 25 октября 2012 г. настало время написания нового учебника по данному предмету соответствующего современным тенденциям развития религиозной ситуации в стране. Это нужно сделать и связи с тем, что современные тенденции развития религии свидетельствуют о том, что религия начинает играть довольно существенную роль в общественно-политической жизни социума.

Смысл лозунга «Религия отделена от государства» не в том, что религии не место в обществе, а в том, что религия отделена от *управления* государством, но как социальный институт не может быть отторгнута от общества, разве что насильственным путем.

Сегодня школьники должны знать, когда возникли и что пропагандировали основные религии мира и что такое, скажем, Библия или Коран, но без крена в сторону религиозных или церковных аспектов предмета. Тогда принципы светскости предмета «Основы религиоведения» нарушены не будут.

Современный Казахстан – это общество, где не понаслышке знают слова «мир», «дружба», «толерантность», взаимоуважение разных представителей религиозных культур. Поэтому когда человек будет с малых лет обладать знаниями и станет интеллектуально просвещенным, то в будущем в жизни такого человека не будет места экстремизму и проявлениям разных крайностей.

Учебник «Основы религиоведения» должен стать учебником, который, прежде всего, воспитывал бы в людях уважение к другим религиозным взглядам, что соответствует концепции развития нашего государства.

Преподавание религиоведения на современном этапе должно учитывать то, что сама религия – это самостоятельная и специфическая область человеческой культуры, «живая система», включенная в современный социокультурный контекст, тем более что в современных условиях продолжает возрастать интерес к религии как богатому культурному наследию человечества.

Без лишней идеализации и политизации религии, без противопоставления различных религиозных идей, в учебнике должны быть показаны те высокие духовно-нравственные идеалы религии, направленные на социальную справедливость, на духовную и нравственную чистоту, на стремление духовного согласия с представителями различных религиозных конфессий. Движение в этом направлении создаст новые основы и условия единства для культурного многообразия Казахстана, так как только в единстве можно противостоять

вызовам и угрозам современности, вызванным эпохой глобализации.

Повышение знания казахстанской молодежи о религии, как и пропаганда религиозных ценностей не должна вестись в духе их монополии на существование, а сосуществовать со светским атеистическим мировоззрением и идеологией. Не должно быть также противопоставления религии светскому мировоззрению, западной цивилизации и модернизму.

Естественно, что сегодня возникает вопрос: «На какие моральные, духовные идеалы нам теперь ориентировать молодежь?». Религиозные идеалы в том символическом виде, какие они сейчас есть, к сожалению, отчуждают людей друг от друга, разделяют их по нишам узкопрофессионального эгоизма и специализированного мышления. Тем не менее, лучшие стороны религиозных учений, их общечеловеческие аспекты, имеющие универсальный гуманистический смысл, можно использовать в воспитательных целях, это – заповеди, заветы, парадигмы, имеющие духовно-нравственный, этический смысл. Вместе с тем, желательно абстрагироваться от знаково-символической стороны религиозных учений, от основных доктрин о боге, именно это и разделяет людей.

Этическая система, выработанная мировыми религиями, основана на идее взаимности. Это универсальный нравственный закон, золотое правило, руководствуясь которым человек принимает во внимание то, как его поступки могут повлиять на других людей. Приведем примеры:

Буддизм: Не делай другим того, что сам считаешь злом.

Индуизм: Не делай другим того, что причинило бы боль тебе.

Иудаизм: Что ненавистно тебе, не делай другому.

Даосизм: Считай прибыль ближнего своей прибылью, его потерю – своей потерей.

Иисус Христос: Поступай с другими так, как желаешь, чтобы поступили с тобой («Возлюби ближнего своего как самого себя»).

Ислам: Нельзя назвать верующим того, кто не желает сестре или брату своему того же, чего желает себе.

Как мы видим, духовно-нравственный потенциал религии очень высок и его нужно лишь правильно использовать. Религия, как играла, так и будет играть огромную роль в жизни общества, неся людям добро и любовь к ближнему, веру и надежду в самое лучшее. В этом ее историческая роль.

В то же время, религия и сегодня, в век компьютеризации способна формировать свою религиозную картину мира, удовлетворяя потребность в расширении сферы обитания человека, становясь достоянием достаточно большого количества людей.

Учебник по основам религиоведения должен стать книгой, благодаря которой учащиеся могли бы совершить путешествие в сложный и противоречивый мир религии. Чтобы они могли познакомиться с жизнью и учениями величайших пророков и основателей религий, узнать, как в различных религиях решаются извечные вопросы человечества о смысле жизни, происхождении мира и человека, о добре и зле и т.д. Такой учебник будет способствовать знакомству с историей и культурным наследием других конфессий, улучшению взаимопонимания между представителями различных национальностей и религиозных убеждений, учитывая при этом уже имеющийся круг знаний учащихся, а также межпредметное взаимодействие с предметами гуманитарного профиля, изучаемых параллельно.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что мировые и традиционные религии, располагая набором жизненных ценностей и идеалов, во многом определяют характер человеческой деятельности столь необходимых для полноценного бытия общества. И преподавание предмета «Основы религиоведения» должно стать основой для формирования толерантности и культуры межконфессионального и межэтнического согласия казахстанского общества в его поступательном движении вперед, а также в снижении уровня вызовов и угроз современности.

РЕЛИГИОЗНАЯ ДУХОВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В. А. Одиноченко

Понятие *современность* употребляется в двух основных смыслах: 1) как то, что происходит в настоящее время; 2) как находящееся на уровне потребностей и тенденций этого времени. Поэтому говоря о духовности в современном обществе, необходимо исходить из той ситуации, в которой мы находимся. На наш взгляд, нужно определить место духовности в нашем обществе и ту функцию, которую она в нем может выполнять.

Духовность обычно рассматривается как такой уровень развития зрелой личности, на котором основными мотивационными и смысловыми регуляторами ее жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности. Для обладающего духовностью человека характерно преобладание нравственных и интеллектуальных интересов над материальными. А поскольку атрибутами материи являются пространство и время, то духовное зачастую трактуется как нечто внепространственное и вневременное. Это приводит к абстрактности рассуждений о нем.

Мы рассматриваем осуществление религиозной духовности в современном белорусском обществе как проблему. Не очевидно само употребление понятия *духовность*, необходимо прояснить, что под ним понимается и, главное, с какой целью оно употребляется. Ошибочным, на наш взгляд, является характеристика религии через духовность. Принятое в нашем обществе описание религии как чего-то духовного, в большинстве случаев имеет своей целью приписать ей возвышенный характер и продемонстрировать уважение, однако в силу своей неконкретности ничего не дает для ее понимания. При описании религиозной духовности необходимо основной акцент делать на ее не аксиологическом, но на онтологическом измерении.

Религия обычно определяется как социально оформленный тип мировосприятия и мироощущения, а также специфическое поведение и соответствующие действия, которые базируются на вере в сверхъестественное. В ней выделяются следующие части: вера, сознание, культ, мораль и организация. Субъективный компонент религиозной веры, сознания и морали можно характеризовать как духовность. Однако нам нужно четко понимать, что это означает в области религии. Веру не следует путать с убеждением. В отличие от последнего, которое является характеристикой субъективной установки человека, вера имеет онтологический характер. Христианское понимание веры дано апостолом Павлом: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11, 1). Вера задает иное измерение реальности, посредством ее невидимое осуществляется в жизни человека. Базирующиеся на вере религиозное сознание и мораль также имеют онтологическое измерение. Десять заповедей начинаются словами: «Я господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства» (Исх. 20, 2). Моральные нормы в христианстве – это не выработанные людьми в процессе их культурного и социального развития правила поведения, но заповеди Бога, исполняя которые человек будет вести себя адекватно структуре реальности.

Понятие *духовность* происходит от *дух*. Можно выделить две основные трактовки духа: субстанциональную и функциональную. В первой дух понимается как некая реальность, имеющая объективный характер. Это может быть Брахман, Бог, Абсолютная Идея, Мировой Дух и т.д. Душа человека трактуется как продукт и проявление Духа. При функциональной трактовке понятие *дух* употребляется для характеристики высших способностей человека. Тогда духовность – это то, что не имеет самостоятельного характера, но возникает в результате деятельности человека и общества. Например, выделяют материальную и духовную культуру. Первая направлена

на создание условий жизнедеятельности для человека, вторая – на развитие его самого.

Необходимо подчеркнуть различие в философской и религиозной трактовке духовности. На наш взгляд, оно не сводится к тому, что в основе религии изначально находится сверхъестественное, и все рассуждения базируются на нем, а в философии к сверхъестественному (либо его отрицанию) приходят через рассуждения. Говоря упрощенно, философия – это результат усилий человека по объяснению мира, религия же – это способ существования в мире, исходя из того, что есть нечто, находящееся за его пределами.

В христианстве дух понимается как одна из ипостасей Бога, как сверхъестественная сущность, влияющая на человека и подчиняющая себе его, а также как жизненная сила в человеке. Следует сказать, что христианство – историческая религия, она обращена к конкретному человеку в его жизненной ситуации и требует от него ответа. Игнорирование этого измерения христианства приводит к абстрактному пониманию духовности в нем, и как следствие – к отчуждению человека. Следует отметить, что дихотомия «материальное – духовное» имеет в христианстве ограниченный характер, поскольку мир создан Богом «хорошо весьма» (Быт. 1, 31). Критикуется плотский человек, который все свои надежды возлагает на материальное и забывает о духовном: «Ибо живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу – о духовном. Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир» (Рим. 8, 5–6).

Однако христианская духовность не должна уводить человека от проблем этого мира в некое иное измерение, но, напротив, укоренять его в нем. Когда религия сводится только к своим социальным или моральным функциям в отрыве от онтологического основания, то она приобретает отчужденный характер. Марксистская трактовка религии как «опиума народа» осуществлялась в контексте общей борьбы за социальное освобождение угнетенных слоев населения. Религия понималась как одно из средств духовного порабощения.

Процессы, которые в последние двадцать лет происходят в религиозной сфере нашего общества, зачастую характеризуются как «религиозное возрождение». Наиболее очевидным его показателем является рост численности зарегистрированных религиозных общин. За период с 1988 по 2013 гг. она увеличилась более чем в 4 (с 768 до 3251), а количество религиозных направлений – в 3 раза. Однако это не сопровождается столь существенными изменениями в религиозности основной части населения Беларуси. Большинство людей считает себя православными, но это имеет характер не столько религиозной сколько культурной идентификации. Православие воспринимается как «религия восточных славян».

Необходимо подчеркнуть идеологический характер того изменения в отношении к религии со стороны властей и населения, которое началось в 90-е годы прошлого века. Как это ни парадоксально, во многом оно происходило в рамках принятых в официальном марксизме схем рассуждения. Очень часто религия рассматривалась как вид идеологии, которая пришла на смену коммунистической. Интенсивное развитие религии в бывших советских республиках многие исследователи объясняют «эффектом маятника». Люди, во-первых, стремились отказаться от советской идеологии, которая дискредитировала себя, во-вторых, сочувственно относились к религии, которая ранее преследовалась властями, в-третьих, рассматривали ее как неотъемлемую часть национальной культурной традиции. Однако, в полном соответствии с марксизмом, основной социальной функцией религии считалась иллюзорно-компенсаторная – она должна была утешать человека в его бедах. И естественной реакцией на разрушение в результате преобразований привычного для большинства людей образа жизни, которое сопровождалось серьезным снижением уровня благосостояния основной массы населения, явилось об-

ращение к религии.

Кроме того, считалось, что религия формирует духовность человека, делает его моральным и устремленным к нематериальным ценностям. Это привлекло к ней людей, занятых поисками смысла жизни.

Следует помнить, что радикальные изменения в отношении к религии, произошедшие в современном белорусском обществе, предусматривают как свою основу религиозное обращение людей, которое должно сопровождаться изменениями в их жизненной ориентации. Это проявляется в том, что человек по-иному понимает смысл жизни, свое место в мире, сущность и цель морального поведения. Феномен религиозного обращения – серьезный и часто болезненный перелом в сознании и поведении. Оно требует усилий и не может произойти массово и легко. Необходимо, чтобы человек прошел определенный духовный путь и получил опыт веры. Наше современное общество еще очень короткое время живет в условиях свободы совести, и значительная часть людей такой опыт не успела приобрести. Этим во многом обусловлена поверхностная трактовка религии как чего-то «возвышеного» и «духовного», призванного способствовать моральному совершенствованию человека.

СВОБОДА СОВЕСТИ И РЕЛИГИЯ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. В. Старостенко

Современная «Концепция национальной безопасности Республики Беларусь» (2010 г.) предусматривает защиту интересов личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности, в том числе в гуманитарной области. Среди основных приоритетов в политической и социальной сферах она выделяет «соблюдение конституционных прав и свобод человека», «устойчивое развитие демократического, правового, социально ответственного государства» и «обеспечение гармоничного развития межнациональных и межконфессиональных отношений» [1]. Это согласуется с базовыми ценностями общественной жизни, закрепленными в Конституции Республики Беларусь. Статья 2 Основного закона страны определенно указывает на гуманистический характер конституционно-правовых ценностей Беларуси как демократического социального правового государства: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства».

Особую роль в системе прав и свобод граждан играют религия и свобода совести. Конституционный принцип свободы совести формулируется как право каждого «самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии…» (статья 31), при этом идеология религиозных организаций не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан (статья 4).

Современный белорусский социум поликонфессионален, испытал влияние как секулярной традиции, так и вероисповедного плюрализма рубежа XX–XXI вв. При этом в общественном сознании определенное распространение получило представление об определяющем значении религии в социокультурной истории Беларуси, для части современной публицистики характерно стремление отождествлять духовность и религиозность, нравственность и религиозную этику. Существуют гипертрофированные ожидания от реализации идеи духовно-нравственного оздоровления общества на основе

конфессиональных ценностей, не учитывающие ни печального опыта царской России, ни того обстоятельства, что нравственные ценности религиозной идеологии вовсе не ограничиваются идеями и образами гуманистического содержания.

Особого внимания заслуживают попытки клерикальных кругов свести историю духовной культуры Беларуси исключительно к истории религиозной мысли и деятельности. При этом игнорируется традиция отечественного свободомыслия, имеющего истоки в общественном сознании Киевской Руси и получившего развитие в эпоху Возрождения, гуманистические ценности которой сохраняют актуальность и в наше время. Свободомыслие на протяжении столетий формировало противостоящий догматизму критический стиль мышления, выступало одним из определяющих факторов социокультурного прогресса, развития науки, образования и просвещения, детерминировало становление национальных светских форм духовности и гуманизацию смысложизненных ориентаций.

Важно не переоценивать роль религии в консолидации общества. Признавая ее определенные интеграционные способности, нельзя игнорировать дезинтеграционный потенциал религии, объективно существующие вероисповедные пределы межрелигиозной толерантности. Особенно это актуально для стран с поликонфессиональным составом населения, среди которых и Беларусь. История религии включает в себя и межконфессиональные конфликты, нарушающие гражданский мир и согласие в стране. Известны примеры, когда межконфессиональные конфликты внутри государства могут инспирироваться, а существующие противоречия – поощряться другими странами, и служить фоном и поводом конфликтов межгосударственных. Это определяет настоятельную необходимость постоянного мониторинга состояния и динамики религиозной ситуации, межконфессиональных отношений в Беларуси.

Данные обстоятельства, наряду с мировоззренческой неоднородностью современного белорусского общества, обусловливают особое место в системе национальной безопасности свободы совести. Свобода совести включает в свое содержание право граждан на свободу религиозного и атеистического самоопределения, равенство в гражданских правах независимо от отношения к религии, свободу распространения религиозных и атеистических убеждений, равенство религиозных организаций перед законом, и др.

Свобода совести тесно связана с секуляризацией – процессом обмирщения общественного сознания и социальных институтов, освобождения от религиозно-церковного контроля в мирских делах. Главными характеристиками европейской секуляризации являются снижение реальной религиозности населения и влияния религиозных организаций. Постсоветское пространство, особенно начала 1990-х гг., демонстрировало иную ситуацию – «религиозно-церковного ренессанса», вызванного сложными процессами идейной трансформацией социума. Это обусловливает значимость анализа как отечественного, так и зарубежного опыта в области реализации прав граждан на свободу совести.

Важно учитывать, что среди современных тенденций общественного сознания присутствуют требования клерикализации культурной жизни, воспитания, системы государственного образования, социальных и политических институтов. Негативную роль играет ангажированность ряда средств массовой информации при освещении конфессиональных процессов. Клерикальной идеологии и практике противостоят представления о секулярном обществе и государстве как наиболее оптимальной и плодотворной форме функционирования социума.

Современная «Концепция национальной безопасности Республики Беларусь» в части основных угроз национальной безопасности рассматривает проявления религиозного экстремизма, распространение идеологии религиозной нетерпимости, «функцио-

нирование сектантских и псевдорелигиозных групп». Совершенствование государственной политики в области межнациональных и межконфессиональных отношений видится в «обеспечении условий для укрепления единой общности "белорусский народ", воспитании уважения к другим национальностям, религиям и культурам, пресечении любых попыток разжигания национальной и религиозной розни» [1].

В этой связи представляется, что значимой угрозой безопасности в гуманитарной области является деструктивная деятельность религиозных организаций. Поскольку деструктивные тенденции могут проявляться при функционировании всех конфессий, не исключая и «традиционные», попытка связывать возможную деструктивность лишь с определенным типом религий грозит серьезными упущениями в осуществлении государственно-конфессиональной политики. Формы деструктивности могут быть различны: абсолютизация своей религиозной концепции, доведенная до враждебности к иным религиям и инакомыслящим; провоцирование межконфессиональной и межэтнической розни, клерикальное вмешательство в сферу государственной и светской общественной жизни, и др. Клерикализация представляет опасность для национальной безопасности, так как способствует росту противоречий между верующими и неверующими, провоцирует межконфессиональную рознь, создает питательную среду для экстремизма, мировоззренческой нетерпимости.

Особого внимания в контексте обеспечения национальной безопасности требует и такая особенность конфессиональной жизни Беларуси, как нахождение управляющих центров ее наиболее влиятельных религиозных объединений за границей. Деятельность подконтрольных религиозных объединений может вступать в противоречие с государственными интересами Республики Беларусь, создавать угрозы для национального суверенитета.

Научно ориентированная государственная идеология и политика в конфессиональной сфере должна учитывать многообразие культурного наследия Беларуси, в том числе существующие религиозные традиции, но основываться не на конфессиональных интересах тех или иных социальных групп, а на конституционном принципе свободы совести в интересах всего народа Беларуси, всех граждан независимо от их отношения к религии. Только в этом случае решается задача формирования зрелого общегражданского сознания, что является неотъемлемым фактором и условием прогрессивного поступательного развития Республики Беларусь.

Литература

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь // Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gknt.org.by/ rus/ bulletin/ 20100910/ 20100910. – Дата доступа 28.02.2011.

ДУХОВНЫЙ КРИЗИС РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

М. В. Кобзистая, Е. А. Ледовских

Обострение внутриполитической обстановки, поражение в русско-японской войне, социальные противоречия и неспособность правительства решить важнейшие политические задачи способствовали в начале XX в. дальнейшему развитию духовного кризиса населения, в результате которого произошли изменения в массовом сознании общества и который таил в себе настоящую угрозу для самой Православной Церкви.

Современники этого периода отмечают особое чувство моральной опустошенности, разочарования, отчужденности и даже агрессии, которое охватило тогда различных представителей русского общества. «Некоторые угрожающие признаки постепенно начал замечать я в разных областях жизни…– вспоминал митрополит Вениамин (Федченков). – Однако все подобное было будто лишь на поверхности, а в массе души народной по-прежнему жили примиренность, терпение и покорность» [1, с. 113].

В начале XX в. сотни православных храмов России духовно окормляли свою паству, несли людям просвещение, приходы выполняли большую социальную работу, при храмах действовали церковно-приходские попечительства. Но Русская Православная Церковь, переживая глубокий внутренний кризис, в значительной степени утратила моральное влияние на православное население. В народном представлении она выступала главной соратницей государства и ей зачастую приписывали все социальные несправедливости, а с фигурой православного священника все чаще связывались пороки существующей системы: «Церковь считалась не только консервативной, но и политически реакционной силой, опорой и приспешницей государственного абсолютизма» [3, с. 34]. В российском обществе, в частности, в среде интеллигенции, еще в конце XIX в. наступает отчуждение к ценностям православной веры. Позднее антиклерикальные настроения начинают проникать и в широкие народные массы. «Так возник тот многочисленный общественный слой, – отмечал И.К. Смолич, – представители которого формально числились православными, хотя фактически не поддерживали никаких отношений с Церковью» [3, с. 34].

Особенно сильно обмирщение общества ощущалось в городах. «Порвавшее с деревенской жизнью и крестьянскими традициями, – пишет

С.Л. Фирсов, – пролетарское население по вполне объяснимым причинам оказывалось наиболее подверженным антиклерикальной пропаганде, проводимой радикальной интеллигенцией и дополняемой спецификой городской жизни. В самом деле, разрушение прежних традиций неминуемо приводит к поиску адекватной их замены по принципу теза – антитеза. Революция стала своеобразным политическим "детонатором" антирелигиозных процессов недовольных своим социальным положением людей. В их представлении Церковь и царство во всем были едины, и если последнее воспринималось враждебно, то вполне логично, что отрицалось и первое» [5, с. 210].

Процесс изменения сознания в крестьянской среде происходил главным образом через отходников, молодежь и сельских бедняков, слой которых в начале XX века заметно увеличивался. В Тамбовской губернии в селе Вирятино изменения в духовном облике жителей наметились в 1900 годах в период развития массового отходничества. Во время революции и после нее среди крестьян-шахтеров все чаще проявлялись антиклерикальные и даже атеистические настроения. Некоторые шахтеры-отходники под влиянием общения с кадровыми рабочими возвращались в село атеистами [2, с. 97–98]. Имели место случаи, когда молодые люди в состоянии опьянения выбрасывали или ломали церковную утварь. Однако подобные случаи были, как правило, единичными, и вызывали неодобрение односельчан.

Антиклерикальные настроения проникают в среду семинаристов. В конце XIX века в семинариях появлялись первые «революционеры» – их поведение скорее напоминало игру, так как семинаристы сами с трудом понимали, на какие улучшения можно реально рассчитывать, какими способами этого добиваться – главное, что им «не нравилось». «Тут были и общие причины, и дух того времени, – писал митрополит Вениамин (Федченков), – в семинарию шли совсем не для того, чтобы потом служить в церкви, а потому, что это был более дешевый способ обучения детей духовенства. Школы стали сословными. Но ученики их, по окончании семинарии, в огромном большинстве уходи-

ли по разным мирским дорогам: в университеты, в разные институты, в учителя, в чиновники и только 10–15 процентов шли в пастыри» [1, с. 94]. Некоторым воспитанникам не нравились многие духовные порядки, а если они и терпели их, то лишь для того, чтобы получить образование. Для тех, кто был в семинарии поневоле, внешнее обязательное благочестие было сплошным лицемерием, вызывало раздражение, бунтарство и часто приводило к «воинствующему атеизму». Так воспитанник духовной семинарии М.Г. Сперанский вспоминает: «Во время ужина у меня начался разговор о жизни с Михаил Димитриевичем Вознесенским. Он высказал свое воззрение на жизнь. "Жизнь, – по его словам, – дана человеку для того, чтобы наслаждаться. Пока я живу – я нечто, умру – я ничто. Нет загробной жизни, нет душ. Я выше чувств ставлю разум. Что доказано эмпирически и рационалистически, то принимаю, а что нет, то не принимаю. Так как существование Бога никто еще не доказал, то, следовательно, его пока нет". Конечно, очень печально слышать нечто подобное из уст семинара четвертого класса, но что делать?» [4].

Но, в основной своей массе воспитанники семинарий и Духовных академий оставались верны церковным традициям и порой даже боялись своих инакомыслящих собратьев. «Ныне решали: быть семинарии или не быть – проводить забастовку или нет. От забастовки большинство отказалось… Дай Бог, чтобы дело утихло, чтобы жизнь наша опять потекла своим чередом» [4].

В связи с нравственным кризисом общества увеличивается рост преступности, как крайних ее форм, так и простого хулиганства. «Если в среде интеллигенции, – пишет С.Л. Фирсов, – наблюдались явления, характеризуемые нравственной опустошенностью, "изнеможденией", "постылостью" бытия, то в пролетарской и крестьянской среде, особенно среди молодого поколения, наблюдались явления генетически похожие, но с иным морально-нравственным исходом. Этим "иным" исходом, видимо, и можно считать хулиганство» [5, с. 55–56]. Данный феномен вызвал искреннюю обеспокоенность, прежде всего, представителей Православной Церкви, так как хулиганы демонстративно заявили о своей антирелигиозной направленности. Имели место нападения хулиганов даже на священнослужителей.

Согласно статистическим данным, «уровень преступности рос из года в год. Так, в 1900 г., например, общее число уголовных дел в империи на 48 % превысило аналогичные показатели 1884 г., в то время как население за указанный период выросло на 24–25 %, число краж и грабежей возросло за тот же период на 48 %» [5, с. 140].

По мнению С.Л. Фирсова корни нравственного нездоровья необходимо искать, в первую очередь, в религиозной области [5, с. 142]. Несмотря на все сложности, Церковь пыталась, насколько могла, противостоять распространению антирелигиозных идей. В предреволюционные годы было опубликовано значительное число статей в защиту Православия. В церковных ведомостях, епархиальных ведомостях приводились списки подобной литературы. В губерниях империи для повышения духовно-нравственного уровня народа, а так же с религиозно-воспитательной целью проводились чтения со световыми картинками.

Церковь имела дело с расколовшимся обществом. При этом методы «пастырского окормления» в городе и деревне – по отношению к обычным прихожанам, с одной стороны, и к индифферентной или враждебно настроенной массе – с другой – должны были быть различными. Духовенство не было подготовлено к решению подобного рода проблемы, да и не получало на этот счет никаких указаний от епископов. «Особенно трудно стало дело проповеди, – писал И.К. Смолич, – нужно было, чтобы она и воспринималась секуляризованными группами населения, и в тоже время была доходчивой для значительно более многочисленных слоев народа, продолжавших сохранять верность тради-

циям и Церкви, прежде всего для крестьян, а также мещан и рабочих» [3, с. 34]. Церкви было сложно активизировать свою приходскую деятельность, так как приходы не имели юридического права, и были связаны бюрократическими ограничениями, которые не позволяли им решать многие вопросы церковно-просветительского, социального характера. К примеру, священник не имел права произносить проповедь не получив одобрение Цензурного комитета, в связи с этим количество проповедей заметно сокращалось.

Таким образом, начало прошлого столетия явилось для Русской Православной Церкви тем временем, когда вопрос о нравственном, духовном здоровье ее чад встал особенно остро и приобрел исключительную актуальность. Все попытки Церкви спасти ситуацию, к сожалению, не принесли желаемых результатов. Находясь в рамках, строго очерченных государством, она была вынуждена ограничится лишь формальным влиянием на свою паству. В то время как общество, прибывая в состоянии кризиса, крайне нуждалось в духовной подпитке. «Разрушение в народе вековых религиозно-нравственных устоев освобождает в нем темные стихии, которых так много в русской истории…» [5, с. 87]. Это стало ясно в годы Первой российской революции, продемонстрировавшей также неподготовленность Православной Церкви к борьбе со своим главным мировоззренческим противником – безбожием.

Литература

1. Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. – М., 1994.
2. Село Вирятино в прошлом и настоящем / под ред. А.Б. Образцова.– М., 1958.
3. Смолич, И.К. История Русской Церкви. – М., 1996.
4. Сперанский, М.Г. Дневники воспитанника Тамбовской духовной семинарии Сперанского Михаила Григорьевича (г. Тамбов, 1907 г.) // Интернет-портал «Родословное древо. Тамбовская генеалогия и демография» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tambovdem.ru/ attachment/ 28/ memory.htm). – Дата доступа: 31.11.2012.
5. Фирсов, С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. – М., 1996.
6. Фирсов С.Л. Церковь в Империи. – СПб., 2007.

ВОПРОС О РЕЛИГИОЗНОМ СОДЕРЖАНИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ШКОЛЕ

С. П. Синельников

До революции в педагогических и церковных журналах активно обсуждался вопрос о возможности и необходимости религиозных толкований исторических явлений и фактов в преподавании истории – с воспитательной целью, что не противоречило принципу научности. Многие исследователи отмечали значение такого изучения истории, благотворно влияющего на религиозно-нравственное развитие учащихся [1, с. 13–24] [2, с. 13–37] [3, с. 1230–1243].

В соответствии с идеологией и установками православного государства, все изучаемые в учебных заведениях предметы не должны были создавать никаких препятствий Закону Божию, противоречить ему или дискредитировать его, подвергать сомнению религиозные истины. И лучшим способом взаимодействия школьных предметов с религиозным обучением признавалось взаимное дополнение, обогащение, непротиворечивость выводов всех изучаемых наук – истинам, внушаемым на уроках Закона Божия. Более того, учебные курсы, в первую очередь истории, могли служить более глубокому усвоению и пониманию религиозных истин. Имелись многочисленные примеры поло-

жительного разрешения этой проблемы.

На страницах журналов обсуждались вопросы преподавания истории в школе в связи с религиозным образованием. Можно ли преподавать историю независимо от Закона Божия и шире – вне религиозного контекста и комментария? Должно ли быть преподавание истории конфессиональным? Может ли изучение истории быть в определенной мере продолжением Закона Божия, служить ему и, во всяком случае, прививать такие ценности, как христианская вера, патриотизм, служение отечеству, любовь к родной церкви? Должен ли учащий разъяснять на уроках истории – истины православной веры – на изучаемом историческом материале и оценивать многие события отечественной и мировой истории с точки зрения православия? И если согласиться с внеконфессиональным изучением истории, с независимостью ее от религиозных истин, – не приведет ли это к равнодушно-холодному усвоению истории, к отказу от совестливого, прочувствованного изучения исторической живой жизни, от понимания сложных и трагических эпизодов нашей истории.

Педагог и писатель М.М. Манасеина считала, что преподавание истории должно быть поставлено в строго конфессиональные рамки, так как без этого не понять смысл преследований христиан и феномен мученичества из-за религиозных убеждений, ибо в результате холодно-равнодушного отношения к этому явлению, объяснение его сводится к тому, что бессмысленны и безрезультативны трагедии человеческой жизни. А преподающий историю не должен избегать на уроках упоминаний об истинности православного исповедания. Историю автор книги считала одним из подотделов Закона Божия. Рецензент не согласился с М.М. Манасеиной и посчитал нужным заметить, что следует «более удобным предоставить разъяснение истинности догматов той или другой религии не учителю истории, к этому не призванному, а преподавателю Закона Божия» [4, с. 46–47].

Так или иначе вопрос этот требовал самого серьезного внимания и обсуждения. Н.Х. Вессель писал том, что преподавание русской и всеобщей истории «может много содействовать возбуждению и утверждению в учащихся высоких истинно-христианских религиозно-нравственных чувств» [5, с. 199]. Никто из коллектива преподавателей не должен был стоять в стороне от религиозного просвещения детей и противоречить истинам, внушаемым на уроках Закона Божия.

На незаслуженно малое значение, придаваемое религиозно-нравственному воспитанию юношества в преподавании истории сетовал И. Виноградов, считавший, что история может дать благотворную пищу для взращивания в душах детей таких положительных ценностей как патриотизм, гражданские чувства, приверженность семье и семейным добродетелям. Он был убежден, что «чрез историю должно проходить общественное воспитание, подготовка … будущих честных общественных и государственных деятелей, чтобы таким образом школа воспитала людей с твердыми убеждениями, с чистыми идеалами, с характером и волей, которых не сманишь всякою теорией, не увлечешь ради только увлечения, чем бы то ни было, но которые знать будут, чего хотят и, горячо любя свою родину, не теряют надежды в прогрессе ее…» [1, с. 23–24].

Но были и иные точки зрения. Известный историк С.П. Мельгунов объявлял себя ярым противником всякого «шаблонного патриотизма» и национального русского воспитания, в котором усматривал шовинистические ростки и считал, что воспитание в детях через историю «начал любви к отечеству» и «с точки зрения нравственной нормы» – антипедагогично и ненаучно. В указанной статье С.П. Мельгунов писал: «Министерская программа целью преподавания истории в младших классах ставит и развитие в детях "начал любви к отечеству". В этой любви подразумевается традиционный патриотизм. В свое время нецелесообразность такой задачи достаточно определенно была выяснена в

заседаниях отделения преподавателей истории при покойном Педагогическом Обществе, посвященных рассмотрению вопроса об элементарном преподавании русской истории в связи с курсом, введенным Министерством в 1901 г. в низших классах средней школы. И докладчик Н.Н. Шамонин и его оппоненты сошлись на том, что "подобная цель обоюдоострая и весьма опасная". Внушая детям шаблонный патриотизм, можно опошлить и самое слово и получить результаты, совершенно обратные желаемому» (К вопросу об элементарном преподавании истории, изд. Педагогического Общества. М., 1912). О вреде шовинизма, т.е. узкого национализма, в который неизбежно выливается проповедь «шаблонного патриотизма», вряд ли стоит распространяться. Это аксиома, которая не нуждается в доказательствах. Слишком уж очевидна вся антипедагогичность, с точки зрения воспитания, тех приемов внедрения в школу так называемых «цивических добродетелей», которые официально рекомендуются. Равным образом, давно уже отвергнута педагогической критикой и задача того морализирования, которую желает возложить на элементарный курс истории старый петербургский педагог г. Иванов. Превращение истории почти исключительно в проповедь столь же шаблонной житейской морали равносильно отрицанию истории, как таковой. Уроки истории не могут иметь своей целью какую-то расценку событий прошлого с «точки зрения нравственной нормы», группировать их на «добрые и злые», как рекомендует в своей «методичке» г. Иванов в целях воспитательного воздействия на юные души <...>» [6, с. 10]. Подобные приемы воспитания историей, по мнению С.П. Мельгунова, следовало со всей решительностью и безоговорочно отвергнуть. Немалая часть педагогов разделяли точку зрения С.П. Мельгунова.

Как на достойный результат совместных усилий законоучителя, преподавателей истории и русского языка и словесности, можно посмотреть на зрелые не по возрасту размышления ученика VII класса Урюпинского реального училища Алексея Селиверстова, свидетельствующие о том, что учебный материал, в том числе и по Закону Божию, переживался и глубоко перепахивал сознание ученика, А. Селиверстов 1 февраля 1907 г. в сочинении по русскому языку и словесности на заданную тему «Соотношение материальной и духовной культуры» писал: «Ставится вопрос: может ли исключительно материальный комфорт, материальные наслаждения дать нам счастие, или для этого и «духовная культура» необходима? И истинный ответ найти очень легко. Человек – не животное, а и животное – я думаю – не удовлетворяется одними плотскими наслаждениями. В человеке слишком глубоко и крепко заложены стремления к истине, добру и красоте, чувственные же инстинкты хотя и могут достигать большой остроты и силы, но неизбежно – и довольно скоро – приедаются, жизнь становится пустой, до тоски скучной, появляется отвращение к жизни. Счастья уже нет, и вернуть его может лишь духовная жизнь» [7, л. 42–43].

До 1917 г. преподаватели призывались быть союзниками в деле религиозно-нравственного воспитания юношества, т.е. через преподаваемые ими учебные курсы искать соприкосновения и сближения с религиозным воспитанием.

Таким образом, в дореволюционной школе помимо изучаемого Закона Божия, все преподаваемые предметы в разумных пределах наполнялись религиозным содержанием. Преподаваемый Закон Божий воспитывал и формировал определенный набор качеств православного христианина и гражданина путем использования не только теоретически усвоенных истин, но и практически приобретаемых в качестве навыка, хотя и малого, но собственного опыта учащегося.

Ввиду того, что в ближайшие годы введение в общем порядке в школьное употребление курса «Основ православной культуры» встретит немалые трудности, то думается, что вопрос о религиозной наполняемости содержания преподавания истории и ли-

тературы приобретает особое значение. К тому же, религиозный момент в обучении способствует воспитанию и самовоспитанию личности и формированию мировоззрения [8, с. 139–145]. Никто не может отрицать этого.

Характерно, что в настоящее время светская педагогика, лишенная в советское время религиозно-христианских начал, возвращает в поле исследований православную и христианскую педагогику, онтологически присущую и неотъемлемую самому процессу обучения и воспитания [9, с. 169–182].

Литература

1. Виноградов, И. Влияние истории на религиозно-нравственное и общественное воспитание и наши учебники истории // Гимназия [Ревель]. – 1888. – Кн. II.
2. Овсянников, Н.К вопросу о преподавании истории в гимназиях // Гимназия. – 1891. – № 4–6.
3. О преподавании гражданской истории в духовных семинариях // Прибавления к Церковным Ведомостям. 1913. – № 26 (29 июня).
4. Манасеина, М. Основы воспитания с первых лет жизни и до полного окончания университетского образования. – Вып. 3. – СПб., 1897. Рецензия: Вестник воспитания. – 1898. – № 2. – С. 46–47.
5. Вессель, Н.Х. Наша средняя общеобразовательная школа // Русский вестник. – 1903. – № 3 (март).
6. Мельгунов, С. Задачи элементарного преподавания истории // Для народного учителя. – 1910. – № 2.
7. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 98. – Оп. 1. – Д. 209. – Л. 42–45.
8. Синельников, С.П. Воспитательные аспекты содержания образования в курсе отечественной истории // Пути модернизации лицейского образования: воспитательное взаимодействие в образовательном процессе (Материалы педагогических чтений 11 апреля 2003 года) / Под ред. В.В. Зайцева. – Волгоград, 2003.
9. Соловцова, И.А. Духовное воспитание в общеобразовательной школе: диалог светского и религиозного // Образование в эпоху перемен: сб. науч. ст. / Под ред. Н.К. Сергеева, Н.М. Борытко, С. Гашич-Павишич, С. Максича. – Волгоград; Белград, 2007.

ЦЕРКОВЬ И АРМИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

М. В. Кобзистая, Е. А. Ледовских

Связь между Армией и Церковью существует на протяжении многовековой истории Российского государства. Православное духовенство благословляло воинов на подвиг, вселяя в них мужество. Во время войн Церковь молилась о даровании побед и Божьей помощи русскому воинству.

Военное духовенство, активно работая в армейской среде, делило с армией и флотом все тяготы военной службы. Во время войн полковые священники поддерживали дух войск на полях сражений, а в мирное время духовенство помогало нравственному воспитанию воинов, укреплению патриотизма, верности долгу.

В современном Российском обществе отмечается тенденция стабильного роста числа верующих граждан и уменьшения доли тех, кто считает себя атеистом. Усиливается связь между религией и властью: патриарх РПЦ имеет свою резиденцию в Кремле, первые лица государства все чаще присутствуют на богослужениях во время религиозных праздников. Эти тенденции в полной мере характерны и для Вооруженных сил нашего государства. На торжественных мероприятиях, в ходе выполнения воинских ритуалов все чаще присутствуют священнослужители, растет степень религиозности воен-

нослужащих всех категорий [2].

И сегодня на основе религиозных традиций руководством Минобороны, командованием воинских частей и военно-учебных заведений создаются максимально комфортные условия для духовного воспитания военнослужащих.

На пути нашей страны к демократическим преобразованиям, изменения в мировоззрении российского народа не всегда носят положительный характер. Бездуховность, утрата нравственных ориентиров, социальные болезни, поразившие страну, в той или иной степени коснулись и Российской армии как части общества. Она живет сегодня в идеологическом и духовно-нравственном вакууме, без сплачивающей общенациональной идеи. Молодежь, которая приходит служить, по большей части либо духовно неразвита, либо холуйски преклоняется перед западными кумирами.

В таких условиях становится все труднее проводить воспитательную работу среди военнослужащих. И здесь на помощь, как всегда в тяжелые времена, приходит Русская Православная Церковь.

В воинских частях и военных вузах строятся храмы. Получает дальнейшее развитие институционализация военно-религиозного взаимодействия, уже готовы к работе в войсках православные священники. На торжественных мероприятиях, в ходе выполнения воинских ритуалов все чаще присутствуют священнослужители, растет степень религиозности военнослужащих всех категорий.

Несмотря на это, в практике военного управления потенциал религии используется с минимальной пользой для военного дела, хотя более половины экспертов признают его помощь в достижении управленческих целей. Главная причина – недостаточная компетентность командиров, офицеров-воспитателей в вопросах взаимодействия с религиозными организациями и использования религиозного фактора в процессе воинского воспитания.

Социологическим центром ВС РФ в последние годы проводятся мониторинговые исследования религиозности военнослужащих, религиозной ситуации в Вооруженных силах и вопросов военно-религиозного взаимодействия. Это позволяет своевременно выявлять проблемы во взаимоотношениях армии и религиозных организаций, принимать управленческие решения для их оптимизации.

Считают себя верующими (религиозными) в той или иной степени около 70 % военнослужащих, при этом стараются соблюдать предписания своей религии 27,5 % военнослужащих. При этом, в распределении верующих военнослужащих по религиозным конфессиям отмечается преобладание православного христианства: 85 %. Более 2/ 3 военнослужащих допускают существование Бога в большей или меньшей степени, и только 1/ 3 военнослужащих (30 %) или не определилась для себя с ответом на этот вопрос (не захотели отвечать), или не верит в существование Бога [3, с. 27].

Анализ войсковой практики управления показывает, что командиры и офицеры-воспитатели (эксперты) практически не используют потенциал религии для решения служебных задач. Каждый третий эксперт (33 %) никак не учитывает и не анализирует религиозность подчиненных военнослужащих в своей повседневной деятельности. 86 % опытных командиров и офицеров-воспитателей заявили, что не знают никаких руководящих документов о взаимодействии с религиозными организациями и о направлениях воспитания военнослужащих с использованием фактора религиозности [4].

При этом, кроме приведенных выше теоретических доказательств полезности (хотя и слабой) религиозного фактора для военной службы, сами командиры и начальники отмечают помощь религии в вопросах военного управления, которую они лично извлекали. По оценкам экспертов использование религиозного фактора в процессе управления подчиненными помогало в достижении тех целей, которые ставил перед собой ко-

мандир, офицер-воспитатель [1, с. 129].

Таким образом, динамика последних лет показывает тенденцию роста числа религиозных военнослужащих и уменьшения доли неверующих. Это предполагает усиление взаимодействия Вооруженных сил и института религии в будущем. Постепенно приходит понимание того, что общество, Вооруженные Силы, военнослужащие и особенно командный состав армии нуждаются в дополнении системы обучения и воспитания личного состава традиционными для России православными ценностями, способствующими решению задач боевой подготовки в современных условиях.

Вера должна быть возрождена в российской армии как Православная традиция – основа нашей тысячелетней культуры, органично слившаяся с национальными славянскими качествами души.

Литература

1. Дубограй, Е.В. Религия как фактор военно-социального управления (современный войсковой опыт) // Материалы круглого стола: «Общество и армия: развитие военно-гражданских отношений в интересах укрепления военной безопасности России». – М., 2008. – С. 125–138.
2. Константинов, Д.В. Записки военного священника. – СПб, 2004.
3. Мозговой, С.А. Религиозная ситуация в Вооруженных Силах Российской Федерации // Военно-социологические исследования. – Сб. ст. – М.: ГУВР, 2003. – № 4. – С. 26–38.
4. Мозговой, С.А. Взаимоотношения армии и церкви в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pipss.org/ document390.html. – Дата доступа: 02.03.2013.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЯХ РЕЛИГИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ АТО ГАГАУЗ ЕРИ)

А. К. Попцова

Предметом исследования в данной работе является изучение возможностей религии в социальной сфере. Актуальность обращения к данной теме обусловлена тем обстоятельством, что сложности социальных трансформаций потребовали обращения к тому потенциалу, который, как оказалось, сохраняла религия. Процесс секуляризации, развитие светского образования, правовое закрепление в качестве нормы тех форм поведения, которые в рамках религии определялись как грех, понижение статуса религиозного дискурса по отношению к дискурсу секулярному – все это должно было бы ограничить возможности религии в социальной сфере и тенденция снижения уровня религиозности была бы, безусловно, доминирующей.

Но в настоящее время наблюдается рост религиозности, что может свидетельствовать о возрастании значения религии, в том числе и в социальной сфере. Обращаясь к этой теме, Ю. Хабермас формулирует проблему следующим образом: не основывается ли либеральное государство на неких предпосылках, которые оно само не может гарантировать? [3, с. 41]. К подобного рода предпосылкам относится, например, механизм воспроизводства солидарности, необходимый для нормального функционирования гражданского общества. Согласно Хабермасу, солидарность, как бы она ни была абстрактна и опосредована правовым путем, возникает только тогда, когда принципы справедливости тесно переплетаются с культурными ценностными ориентирами [3, с. 56]. Выходящая из-под контроля модернизация вполне может ослабить демократические узы и истощить ту солидарность, которая необходима демократическому государству, хотя оно и не может ее требовать для себя демократическим путем. Поэтому и воз-

никает потребность в постсекулярном обществе. В постсекулярном обществе, пережившем влияние модернизации общественного сознания, религиозный и светский менталитет способны на когнитивных основаниях принимать всерьез роль друг друга в дискуссии на сложные общественные темы. О необходимости «коррелятивности» разума и веры, разума и религии, призванных к обоюдному очищению и освящению, нуждающихся друг в друге и обязанных это признавать, говорит Й. Ратцингер (Бенедикт XVI) [1, с. 101]. Обоснованием для подобного утверждения служит фактическая неуниверсальность даже великих культур Запада, воспринимавших себя как некий эталон – культуры христианской веры и культуры секулярной рациональности.

В еще большей мере социальные функции религии востребованы на постсоветском пространстве, где размах социальных трансформаций сопровождался разрывом значимых социальных связей, разрушением сложившейся системы идентичностей. Стоит отметить, что «постсоветское пространство» неоднородно. Образовавшиеся в результате распада СССР независимые государства обладали различным потенциалом, как экономическим и политическим, так и культурным, и различным образом им распорядились.

Значительная часть республики Молдова пребывала в составе СССР только с 40-х годов XX века и это предопределило специфику протекания процессов в различных сферах общественной жизни. Включение в экономическую систему СССР, создание доступной системы образования способствовали «модернизации сверху», сопровождавшейся урбанизационными процессами, размыванием основ традиционного общества. Важнейшей задачей культурного строительства должно было бы стать создание культурного проекта Молдавского государства, которое хоть и выступало в роли преемника средневековой Молдовы, реально включило в себя часть периферийной ее территории и земли Буджака, имевшие особую историческую судьбу. Этот проект должен был конкурировать с тем, который уже долгое время выстраивала Румыния, вобравшая в себя значительную часть территории средневековой Молдовы. Распад СССР пришелся на тот момент, когда трансформационные процессы шли полным ходом, но собственные экономические, политические и иные структуры не были созданы, а материальных ресурсов, которые можно было бы эксплуатировать без особого труда, например, в виде запасов нефти, у Молдовы нет. Это предопределило слабость государства, размах миграции, связанный с тем, что темпы роста собственных городов не соответствуют темпам размывания традиционного общества. Это же усилило значимость региональных культурных проектов, среди которых особое место занимает тот, который связан с процессом этнической мобилизации гагаузов и как следствием этого созданием Автономно-Территориального Образования Гагауз Ери, признанного в этом статусе Молдовой в 1994 году. Процесс этнической мобилизации гагаузов, хоть и был связан с аналогичными процессами, развернувшимися в СССР в конце 80-х годов, но отличался тем, что был одним из этапов этногенеза гагаузов и потому интересен для исследователей, получивших возможность непосредственно изучить процессы, происходившие у других европейских народов ранее. Одним из важнейших направлений в исследованиях можно считать анализ эволюции соотношения религиозной и языковой идентичности в системе идентичностей гагаузов. Процесс этнической мобилизации вписывал тюркоязычных гагаузов в иноконфессиональное культурное пространство, казалось, должен был бы снизить значение религиозной идентичности гагаузов. Однако последние двадцать лет стали временем стремительного религиозного возрождения в Гагаузии. В регионе, где в советское время осталось всего два действующих православных храма (в селах Чок-Майдан и Конгаз) в настоящее время восстановлены приходы в каждом из населенных пунктов. А в городе Чадыр-Лунга был основан монастырь и ныне действуют 4 храма,

включая больничную церковь. Восстановление религиозной традиции облегчалось тем обстоятельством, что разрыв в значительной мере коснулся одного, «среднего» поколения. В настоящее время рост религиозности носит на себе черты современности – в частности сопровождается ростом религиозного плюрализма. Размах его не особенно велик ни в регионе, ни в Молдове в целом. 93 % жителей Молдовы являются православными [2, с. 53] и, хотя рост религиозного плюрализма является устойчивой тенденцией, все же пик интенсивности этого роста был пройден еще в середине 90-х годов XX века, и осуществлялся он в основном за счет тех религиозных организаций, которые существовали в Молдове еще до 1991 года.

Восстановление религиозной традиции снижало остроту кризиса, связанного с «издержками трансформаций»: из жизни общества уходила стабильность, прекратили существование большинство промышленных предприятий, были ликвидированы колхозы, стала страховой, то есть фактически платной медицина. Государство одну за другой снимало с себя социальные функции и часть из них взяла на себя церковь. Особенно значимыми являются ее успехи в создании защищенного символического пространства. В условиях девальвации сакральных символов прежней эпохи, не коснувшейся только памятников, посвященных павшим героям Второй мировой войны, именно церковь предложила свои, безоговорочно принятые обществом символы: храмы, распятия у въезда в населенный пункт, иконы у перекрестков и у колодцев защищают символические рубежи населенного пункта. Утрата чувства сопричастности единому культурному пространству не так ощутима в рамках церкви, являющейся частью христианского мира (православного или иного – в зависимости от конфессии). Это касается и масштабов страны. Пока политики спорят о механизмах интеграции национальных меньшинств, она успешно осуществляется в рамках паломнических маршрутов, соединяющих страну в единое целое, не разделяемое по этническому признаку. Конфессиональная однородность страны является важнейшим интегративным ресурсом государства и если государство еще не нашло способа воспользоваться им, то «интеграция снизу» в ходе паломнических поездок осуществляется вполне успешно. Значимость этого ресурса не снижается ни фактом наличия религиозного плюрализма, ни тем обстоятельством, что на территории Молдовы существует фактически две митрополии. Наибольшее число приходов в конечном счете подчинено юрисдикции Московского Патриархата, но есть и приходы Бессарабской митрополии Румынской православной церкви, правда не на территории АТО Гагауз Ери. В любом случае канонические споры относительно юрисдикции прихода не касаются паствы данного прихода.

Праздники позволяют преодолеть ту пустоту, которая связана с отказом от телеологизма, особенно присущего обществу, в котором идеологии придавалось большое значение. Религия помогает преодолеть «абсурдизацию» жизни, задавая смысл всему, даже страданиям.

Значимость религиозной идентичности «перемолола» издержки этнической мобилизации. Интерес к миру тюркских народов, в большинстве исламизированных, не привел к интересу к исламу. Даже то, что часть гагаузов отправляется на заработки в Турцию, не приводит к распространению ислама. Хотя на территории Автономии турки открыли фабрики и лицей, а турецкие студенты обучаются в Комратском университете, власти Автономии были и остаются против регистрации исламских общин, а когда исламская община была зарегистрирована в Кишиневе – именно в Автономии особенно резко выступили с осуждением этого решения центра.

В итоге можно сделать следующие выводы: острота социальных трансформаций отчасти преодолевается благодаря религии. Это заметно даже в тех странах, где процесс секуляризации зашел достаточно далеко и заставляет исследователей говорить о «пост-

секулярном мире». Но особенно значима роль религии на постсоветском пространстве, где «цена социальных трансформаций» оказалась очень высокой.

Литература

1. Ратцингер, Й. Чем держится мир. Дополнительные моральные основы либерального государства / В.Й. Ратцингер (Бенедикт XVI), Ю. Хабермас // Диалектика секуляризации. О разуме и религии. – Москва, 2006. 2. Статистический ежегодник Республики Молдова. – Chisinau, 2006.
3. Хабермас, Ю. Дополитические основы демократического правового государства / В.Ю. Хабермас, Й. Ратцингер (БенедиктXVI) // Диалектика секуляризации. О разуме и религии. – М., 2006.

РОЛЬ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ВСПОМОЩЕСТВОВАНИЯ

Н. Н. Красовская

Воззрения на благотворительность глубоко укоренены в национальной и религиозной традиции славянских народов. Готовность к самопожертвованию, великодушие, милосердное, заботливое, участливое отношение к ближнему имеют тысячелетнюю историю и всегда расценивались нашим народом как норма общественных отношений. Однако подлинным толчком для развития благотворительности становится христианизация славянского мира.

Начало процесса возрождения конфессиональной милосердно-благотворительной деятельности в нашей стране в конце 80-х годов было одним из симптомов развития общественной самодеятельности граждан. В современной Беларуси конфессиональный фактор за последние два десятилетия стал играть заметную роль в общественно-политической жизни. Наша страна является многоконфессиональным государством, в котором зарегистрировано 25 религиозных конфессий и направлений. В Республике Беларусь со своим уставом действуют 164 религиозные организации, имеющие общеконфессиональное значение.

Православная церковь, объединяющая более 80 процентов верующих в республике, составляет основу религиозной жизни страны, конфессиональной стабильности, веротерпимости и бесконфликтности.

Сегодня социальная деятельность в конфессиях приобретает все более качественный, профессиональный характер. Однако в нашем обществе в отношении церковного социального служения до сих пор сохраняется неоправданный отрицательный стереотип. Подавляющее большинство относится к этой работе как к малограмотному неквалифицированному труду, чему-то из области самодеятельности, хотя формы, методы милосердной конфессиональной деятельности прошли испытания веками и оправдали себя в различных этнических и социальных сообществах. За более чем два десятилетия в церковную сферу пришло большое количество высококвалифицированных специалистов, активно развиваются международные связи, которые позволяют перенимать опыт стран, в которых система церковной социальной помощи складывалась веками.

В настоящее время в Беларуси развивается такое направление конфессиональной социальной работы как реабилитация наркозависимых и страдающих от алкоголизма. Так, в 2010 году был образован благотворительный фонд «Преображение», целью которого является сбор и аккумулирование средств для создания Православных реабилитационных центров, а также проведения духовно-просветительской работы с созависимы-

ми родственниками.

Все более организованный и масштабный характер приобретает сегодня деятельность сестричеств милосердия. Началом возрождения сестринского служения в современной Беларуси можно считать декабрь 1988 года, когда на призыв Митрополита Филарета к участию в оказании посильной благотворительной помощи в больницах откликнулось 20 человек. Так после многолетнего перерыва в конфессиональной социальной работе образовалась первая в Беларуси община сестер милосердия при Свято-Духовом кафедральном соборе г. Минска.

С целью повышения компетентности священнослужителей и приходских социальных работников в области работы с наркозависимыми людьми и создания системы приходского первичного консультирования с февраля 2011 года в Москве проводились курсы повышения квалификации «Технологии церковной социальной работы с наркозависимыми людьми», организованные Синодальным отделом по церковной благотворительности и социальному служению и кафедрой социальной работы Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Подобные проекты разрабатываются и в Беларуси. На базе Института теологии им. Святых Кирилла и Мефодия Белорусского Государственного Университета планируется проведение курсов повышения квалификации с включением в них психологических дисциплин, изучением методов работы с людьми девиантного поведения.

Одной из самых актуальных проблем в рассматриваемой сфере является налаживание сотрудничества светских (государственных и общественных) и религиозных организаций, координация их деятельности. Это тем более важно, что им сегодня приходится решать подчас сходные задачи: расширение материальных возможностей милосердной деятельности, укрепление ее правового положения, кадровое и информационное обеспечение, координация взаимодействия благотворительных организаций, повышение их общественного престижа.

В настоящее время сотрудничество Белорусской Православной Церкви и государства выходит на более высокий правовой уровень, повышается эффективность и масштаб социального служения. Внесение поправок в Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» подготовило юридическую основу для подписания в 2003 г. Соглашения о взаимном сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью, которое намечает главные направления взаимодействия и определяет принципы и цели сотрудничества.

Традиционные формы социальной работы Церкви разноплановы, разнообразны и тождественны деятельности, осуществляемой государственными и общественными социальными службами, что, без сомнения, может являться базисом плодотворного сотрудничества в этой сфере. Так, на сегодняшний день Союз сестричеств осуществляет сотрудничество с государственными и общественными организациями: Территориальными центрами социального обслуживания населения г. Минска, Комитетом по труду и социальной защите населения, Белорусской Ассоциацией больных рассеянным склерозом, Минским отделением республиканской организации узников концлагерей, Белорусской Ассоциацией Социальных Работников, Белорусской ассоциацией молодых христианских женщин, благотворительной организацией «Мир без границ» и др.

Работа по накоплению и межрегиональному распространению знаний по вопросам медико-социальной работы, межрегиональный обмен опытом медико-социальной работы в общинах сестер милосердия и патронажных службах способствуют не только повышению профессионального уровня сестер милосердия в разных регионах, но и повышению авторитета этих служб в целом, в том числе среди государственных структур и представителей администрации на местах.

Таким образом, современное правовое положение Церкви в государстве позволяет сделать вывод о том, что существует широкая сфера деятельности, где интересы Церкви и государства совпадают и где возможно их партнерство. При этом Церковь не стремится дублировать государство в социальной работе. Конфессиональная социальная работа не призвана подменить государственные институты. Особая роль института Церкви заключается в выработке христианских подходов к осуществлению социальной деятельности, в формировании нравственных основ конфессиональной социальной работы, связанных с духовными законами человеческого бытия.

Духовно-нравственные аспекты оказания социальной помощи являются важным моментом, который в большинстве своем не учитывают общественные и культурные организации. Взгляд религиозного и атеистически ориентированного человека по одной и той же проблеме кардинально различен, и потому очень важно решать вопрос не только о физическом благосостоянии нуждающегося человека, но куда важнее позаботиться о его духовном состоянии.

Во главу угла, наряду с заботой о физическом, экологическом и материальном благосостоянии нашего общества, все же следует ставить заботу о духовном состоянии нации. Поэтому в стремлении повысить профессионализм современных социальных служб в оказании медико-социальной помощи нуждающимся не следует забывать о духовной компоненте милосердия: милосердие только телесное без духовного попечения о человеке, не может принести достойного результата.

РЕЛИГИОЗНО-ЭТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ПОНЯТИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Р.В. Онуфрийчук

Экспликация смысла понятия реальности в значительной степени затруднена вследствие многозначности его содержания и разнообразия когнитивных подходов, интерпретаций, определений. В ходе исследования возникает вопрос о реализме и антиреализме тех или иных философских конструкций, используемых в процессе познания.

Смысл понятия социальной реальности представляется чем-то очевидным. Частота употребления этого термина в философском и научном дискурсе чрезвычайно велика. Тем не менее, многие метафизические и мировоззренчески-теоретические вопросы, связанные с его использованием еще ждут своего решения.

С точки зрения современного антропологического подхода, понятие картины мира получает определение через понятие человека. Но и этот подход порождает ряд проблем для исследователей, в чьи задачи входит сравнение дискурсивных практик разных эпох.

Если говорить об этическом измерении проблемы реальности, то необходимо учесть эволюцию такого понимания, ведь логично предположить, что сначала возникли представления о правильности и о благе, из которых позже выводится концепция моральных ценностей человека. Если способ соотнесения этих понятий опирается на телеологию, то благо определяется независимо от правильности, а правильность определяется как то, что максимизирует благо.

Но чем отличается этот вновь открытый способ? Его принято называть рационализацией человеческого поведения, в основе которой лежит соображение о благе, добре и зле, моральном и аморальном. Этическая норма по сути задает модель объяснения реального поступка. Мнение о надлежащем формирует способность оценивать сущее.

Пожалуй, не стоит считать нерациональным традиционный способ поведения, ко-

торый опирался исключительно на обычаи и традиции. Независимо от того, чем освящена традиция – мифом или религией – она не просто объявляет те или иные поведенческие модели легитимными, но и накладывая запрет на другие. И миф, и религия непременно должны сделать понятной и очевидной внутренную связь собственного содержания с предписываемыми поведенческими нормами. В этом смысле миф также должен быть признан рациональным отношением человека к миру.

Но можно ли говорить о реальности в этическом понимании мира? Дж.Э. Мур считает, что есть два основных принципа построения этической системы. Первый можно назвать натуралистическим, второй – метафизическим. Во всех натуралистических этических учениях добро трактуется как нечто, что может соотноситься с природными вещами. Метафизические моральные системы отличаются от натуралистических тем, что добро понимается в них как надприродный феномен, который существует вне пространства и времени, то есть этические сущности трансцендентные миру вещей.

И в первом, и во втором случае в самой схеме имплицитно содержится некая совокупность предположений относительно природы реальности. Только в первом случае этот вопрос касается чувственной реальности, а во втором – сверхчувственной. Однако обе эти реальности предстают как предельные (настоящие) в каждом из способов теоретизирования.

Примером онтологизации морали является кантовская критическая философия, провозгласившая примат практического над теоретическим. Главная идея «Критики практического разума» состоит в обосновании того, «как можно отрицать объективную реальность сверхчувственного применения категорий в спекуляции и вместе с тем признавать за ними эту реальность по объектам чистого практического разума». В этой фразе говорится о реальности применения категорий, и на первый взгляд может показаться, что термин «реальность» употребляется здесь в переносном смысле. Но при исследовании контекста оказывается, что автор обсуждает онтологический статус реальности, образующейся в результате деятельности «чистого спекулятивного разума» и его антипода – «чистого практического разума». Первый порождает категориальный синтез, содержащий элемент сверхчувственного обоснования и впадает в неизбежное противоречие с самим собой. Сфера его действия – квазиреальность, которая служит для репрезентации настоящей реальности.

Но уже здесь содержится нечто, что видоизменяет саму идею этики. В этическом учении Канта появляется нечто, напоминающее пространство, в котором происходят те или иные действия. Утверждение о примате практического разума автоматически онтологизирует традиционную конструкцию соотнесения действия с добром и злом.

Если мы становимся на позиции существования общества как реальности, то человеческие поступки начинают анализироваться как какие-то части, которые имеют смысл только с точки зрения целого. Поведение человека, который придерживается моральных стандартов этого общества, приобретает в таком контексте статус нормального. Оно считается ценным не само по себе, а прежде всего как условие стабильного существования общества. Так, исследователи последних двух веков уже не решались рассуждать о самом по себе добре и зле, предпочитая какую-то отстраненную позицию, основанную на понятиях социальной стабильности, социальной эффективности. В итоге социологический способ анализа придает совсем иной смысл понятием этики и морали.

Еще одно важное отличие нового подхода состоит в том, что источником человеческих представлений о добре и зле также считается общество, то есть социальная реальность. Этический эволюционизм и исторический релятивизм продуцируют различные идеи и объяснительные схемы. Например, можно предположить, что источником нравственного отношения к себе и другим есть разум, или ввести понятие нравственно-

го чувства, или же считать, что к возникновению, сохранению и улучшению моральных норм приводит социальная неизбежность.

Актуальные проблемы философии образования и воспитания

О НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ КАК ФУНДАМЕНТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Л. М. Специан

Молодое поколение является стратегическим ресурсом государства и одновременно одним из важных субъектов его социально-экономической политики. От того, как сегодня обучена и воспитана молодежь, зависит будущее страны.

Со стороны окружающих оценивается каждый поступок молодого человека, если он в какой-то степени может повлиять на других людей и на интересы общества. Он может быть оценен как хороший, плохой, правильный, неправильный, справедливый, несправедливый. Для этого мы используем понятие морали. В прямом смысле этого слова мораль рассматривается как обычай, нрав или правило. Как синоним этого слова часто используют понятие этика. Оно означает привычку, традиции, обычай. Этика используется в другом значении – как философская наука, которая изучает мораль. По тому, как освоена и принята мораль, в какой мере молодой человек соотносит свои убеждения, поведение с действующими моральными нормами и принципами, судят об уровне его нравственности. Иными словами, нравственность – это личностная характеристика, сочетающая доброту, порядочность, честность, справедливость, трудолюбие, дисциплину, командную работу, она регулирует индивидуальное поведение.

По степени соответствия определенным правилам оценивается поведение молодого человека. Если бы не было таких правил, то одно и то же деяние оценивалось бы с разных точек зрения, и люди не могли бы прийти к соглашению – как поступил человек: хорошо или плохо? Правило, которое имеет общий характер, носит название нравственной нормы. Норма – это правило или требование, согласно которым молодой человек должен действовать в данной конкретной ситуации. Нравственная норма может подталкивать его к определенным поступкам и действиям, и может запретить или предотвратить их. Это правила, регулирующие отношения как с индивидуумом, отдельными группами, так и с обществом.

Надо иметь в виду, что нормы сгруппированы в зависимости от тех сфер отношений между людьми, в которых они работают. Для каждой из этих областей (профессиональные, международные отношения) есть свое начало, которому подчинены нормы. Это могут быть нормы отношений в какой-либо профессиональной среде или нормы нравственной культуры как основы социально-экономического развития.

Так Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [1], отводит культуре ведущую роль в формировании человеческого капитала. На современном этапе развития общество характеризуется повышенным вниманием к культуре. Потому что только в культурной среде, которая позволяет понять цели и моральные ценности общества, может быть достигнут современный уровень интеллектуального и культурного развития.

В настоящее время современная социально-экономическая ситуация характеризуется многочисленными негативными явлениями, которые отражают разные аспекты

кризиса духовности переживаемого обществом. Существуют все основания полагать, что в непростой ситуации перехода человечества в новую эру своего существования, система образования выступает в качестве стабилизирующего фактора. В то же время она является неисчерпаемым источником развития и творчества во всех сферах жизни людей.

Повышение качества образования, совершенствование его содержания это главное требование сегодняшнего дня. В современном обществе, где научные открытия и инновационные технологии становятся основным двигателем общественного развития, человек, чтобы не отставать от времени должен учиться всегда.

Вместе с тем, образование предусматривает включение человека в этот процесс. Именно поэтому многие университеты создают концепции и программы воспитания, в которых обосновывается необходимость приоритетного развития собственной культуры. Создание механизма, с помощью которого общество может быть готово к восприятию научных идей и которое обеспечит их внедрение и самое широкое распространение, привилегия образования.

Таким образом, система высшего образования меняет подход к качеству обучения специалиста, бакалавра, магистра. Становится важным повышать не только свой профессиональный уровень, но и уровень духовно-нравственного развития.

Вот почему создание гуманизированного воспитательного пространства в университете возможно через поиск путей для развития духовности и нравственности.

Переход высшей школы на новые технологии образования, конечно, требуют совершенствования всех сторон жизни студенческой молодежи.

Поиск оптимальной модели образовательного процесса, которая приведет к сочетанию и взаимодействию разных видов аудиторной и внеаудиторной работы в контексте духовно-нравственной культуры специалиста, приобретает значение в теоретическом и в практическом отношении.

Накопленный опыт реализации национального компонента на разных уровнях и направлениях образования, в том числе духовно-нравственной культуры личности студента, является теоретической и практической основой для развития образовательных программ в высшей профессиональной школе.

Следует отметить, что проблема развития духовно-нравственной культуры студентов в образовательном пространстве вуза остается недостаточно изученной. В научных исследованиях мало внимания уделяется изучению структуры, содержания компонентов, механизма взаимодействия с партнерами по образовательному пространству.

На наш взгляд, было бы полезно, создать организационно-педагогические и психологические условия развития духовно-нравственной культуры студентов в образовательном пространстве вуза. Решение этой задачи будет влиять, на разные стороны будущей профессиональной деятельности специалистов, подготовленных в университете. Актуальность этой проблемы обусловливается потребностью общества, современного производства в специалистах, обладающих высоким уровнем духовно-нравственной культуры, а также недостаточной разработанностью методологических основ развития духовно-нравственной культуры студентов университета.

В современном обществе ключевым понятием является культурная среда, характеризующая его культурное измерение. Что собой представляет культурная среда? В первую очередь это, результат всей совокупности культурной деятельности общества, как прошлом, так и настоящем. Кроме того, это институт приобщения граждан к нравственным ценностям, которые она хранит. Наконец, это область творческой реализации духовного потенциала народа, в том числе молодого поколения.

Сущность образовательных технологий выражается в том, что изменяется харак-

тер и способ образования. Наряду с развитием интеллектуального потенциала студентов происходит личностное развитие, т.е. сам процесс образования требует иного положения преподавателя и студента в образовании: они выступают как равноправные участники образовательного процесса.

Литература

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. N 1662-р.

ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ – ОСНОВА ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Н. Е. Шилина

Технократия, современные высокие информационные технологии, развитие и расширение телекоммуникационной инфраструктуры – все это способствует пересмотру требований к традиционным социальным институтам, к становлению нового мировоззрения и качественно нового общества, соответствующего требованиям современной эпохи, – информационного общества.

Массовая компьютеризация привела к значительному прорыву в области образования, бизнеса, промышленного производства, научных исследований и социальной жизни. Информация превратилась в глобальный ресурс человечества, задав новую цель современной эпохи – интенсивное освоение этого мощного информационного ресурса.

С одной стороны, информация формирует материальную среду жизни человека, выступая в роли инновационных технологий, компьютерных программ и т.п. С другой стороны, она выступает основным средством межличностных взаимоотношений, постоянно возникая, видоизменяясь и трансформируясь в процессе перехода от одного человека к другому. Другими словами, информация одновременно определяет и социокультурную жизнь человека и его материальное бытие.

Личность не может существовать вне общества, она – часть информационного пространства этого мира и является органическим продолжением этого пространства, его создателем и потребителем, начальной и конечной точкой. Именно поэтому требования, предъявляемые к обществу нового информационного типа, касаются непосредственно и личности как неотъемлемого субъекта взаимодействия в социуме.

Проблему целостности личности в информационном обществе исследовала Бочан С.А [1]. Автор в своем исследовании говорит о том, что современная личность претерпевает значительные изменения под влиянием информатизации. Личность символизирует себя в информационной технологии, компьютер выступает системой, символически изоморфной человеку. Человек становится все более прагматичным и все менее эмоциональным, он устремлен в погоню за информацией, материальными ценностями. То есть налицо снижение приоритетности духовных ценностей в жизни индивида, и, как следствие, кризис культурного и духовно-нравственного аспектов его бытия.

Однако современное общество нуждается в специалистах, ориентированных не столько на материально-техническую сторону социально-производственных отношений, сколько на гуманность, высоконравственность и ориентацию на духовную, идейную сторону процесса. Предъявляются требования к специалистам, обладающим не только профессиональной, но также и социально-психологической, коммуникативной компе-

тенциями, умеющим не только быстро овладевать новыми знаниями, осваивать новые технологии, но и характеризующимся определенными личностными качествами, такими как социальный интерес, желание самореализации, готовность к командной работе, ответственность за свой свободный выбор.

Перечисленные факторы определяют ключевую роль образования в современном социуме, поскольку оно являет собой, по сути, глобальный институт социализации индивида. Напомним, что образование – это, прежде всего, формирование личности человека как меры гармонии социального и индивидуального в каждом из людей. Передавая социально значимый опыт, накопленный человечеством, образование учит людей адаптироваться в современном обществе, осваивая его структуру меняющихся взаимосвязей.

И задача образования в данном случае заключается в том, чтобы, во-первых, обеспечить студента необходимыми ему знаниями, во-вторых, обучить способам работы с потоком информации, с современными информационными технологиями, в-третьих, конечно же, задачи образования лежат в области развития и формирования свободной целостной личности, умеющей ориентироваться в инфокоммуникационном пространстве.

В основном именно через этот социальный институт идет наследование культуры, поскольку образование консервирует и закрепляет значимый общественный опыт (знания, навыки, традиции, нормы общежития и т.п.), тиражирует и распределяет его, адаптируя к конкретной обстановке, к людям, к каждому отдельному человеку. В процессе образования человек овладевает новыми способами коммуникации, знаниями и опытом практикой работы с информационно-коммуникативными технологиями, адаптируется к новому информационному пространству.

Все это позволяют рассматривать информационную среду образовательного учреждения как комплекс специально организованных компонентов, обеспечивающих интеграцию информационных технологий в образовательный процесс с целью повышения его эффективности.

Наряду с этим возникает необходимость в формировании культурологической, социологической, психологической и науковедческой компетенций, а это, в свою очередь, позволяет заявить об актуальности проблемы гуманизации и гуманитаризации образования [2].

Гуманитаризация образования – это ориентация на освоение содержания образования независимо от его уровня и типа, позволяющего с готовностью решать главные социальные проблемы на благо и во имя человека; свободно общаться с людьми разных национальностей и народов, любых профессий и специальностей; хорошо знать родной язык, историю и культуру; свободно владеть иностранными языками; быть экономически и юридически грамотным человеком [3, с. 75–76].

Гуманитаризация образования направлена, прежде всего, на создание новой программы формирования и развития целостного духовного мира человека в современных изменяющихся условиях.

Особенно остро проблема гуманитаризации касается высшего инженерно-технического образования. В современных условиях, когда темпы обновления информации и объемы требуемых знаний постоянно растут, намечается тенденция перепланирования вузами учебной нагрузки в пользу дисциплин технического цикла в ущерб гуманитарным наукам, которые как раз и призваны изучать человека в сфере его духовной, умственной, нравственной, культурной и общественной деятельности.

Парадигма высшего инженерно-технического образования должна включать в себя формирование личности, обладающей когнитивной ментальностью, культурными смыслами и ценностями, культурными нормами и ориентирами (культура труда, досуга

быта, общения и т.д.); ориентацию на социокультурную среду; формирование имиджа студента и вуза. Иными словами инженерное образование на современном этапе наряду с фундаментальными знаниями по избранной специальности должно содержать также знания по так называемым «человеческим» дисциплинам: психолого-социологическим дисциплинам, философии, этике, истории культуры.

Чрезвычайно велико влияние философии на процесс нравственного воспитания студентов, их социальной ответственности. Гуманистическое мировоззрение как обобщенная система взглядов, убеждений, идеалов строится вокруг одного центра – человека. Следовательно, в гуманистическом мировоззрении как раз и находят свое выражение многообразные отношения к человеку, к обществу, к духовным ценностям, к деятельности, то есть, по сути, ко всему миру в целом.

Важнейшей задачей гуманитарной подготовки студентов как раз и является развитие мировоззрения молодых специалистов. В процессе становления мировоззрения происходит последовательное формирование таких качеств личности, как чувство новизны, реализма и смелости в постановке и решении различных вопросов, то есть идет процесс развития культуры мышления, важнейшего содержания культуры в целом.

Культурология дает необходимое понимание всех процессов взаимодействия человека с миром природы, миром социума и миром физического и духовного бытия человека. Этика, как дисциплина, воздействует не только на рациональную сферу сознания студентов, но и на эмоциональную, не только формирует нравственные установки, но и способствует развитию, воспитанию культуры чувств. Психология способствуют овладению способами эффективного межличностного взаимодействия, адаптации в системе общественных отношений.

Цель всех перечисленных и других наук гуманитарного цикла как раз направлена на формирование в самосознании каждого индивида своеобразного иммунитета против техногенного разделения людей, против ухода их от реального пространства жизнедеятельности в виртуальное, на формирование целостности личности, ориентированной прежде всего на внутренние духовные ценности, на достижение гармонии с окружающим миром и самим собой.

Литература

1. Бочан, С.А. Проблема целостности личности в информационном обществе: дис… к. филос. н.: 09.00.11. – Новочеркасск, 2007.
2. Вербицкая, Л.А. О месте гуманитарных наук в системе знаний / Л.А. Вербицкая, В.Б. Касевич // Высшее образование в России. – 2003. – № 1. – С 21–30.
3. Бордовская, Н.В., Реан А.А. Педагогика: Учебное пособие. – СПб., 2008.

СУЩНОСТЬ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ

Е.В. Чучелина, И.В. Ионова

Дидактика (от греч. «didaktikos» – поучающий и «didaktiko» – изучающий) – часть педагогики, разрабатывающая проблемы обучения и образования. Впервые, насколько известно, это слово появилось в сочинениях немецкого педагога Вольфганга Ратке (Ратихия) (1571–1635) для обозначения искусства обучения. Аналогичным образом, как «универсальное искусство обучения всех всему», трактовал дидактику и Я.А. Коменский. В начале XIX века немецкий педагог И.Ф. Гербарт придал дидактике статус целостной и непротиворечивой теории воспитывающего обучения. Неизменным

со времен Ратихия остаются и основные задач дидактики – разработка проблем: чему учить и как учить; современная наука интенсивно исследует также проблемы: когда, где, кого и зачем учить. Есть большая доля истины в том, когда иной раз говорят: голова даже самого способного человека мало чего стоит без хорошего образования. Но, чтобы обеспечить человеку такое образование, нужно хорошо обучать его, правильно осуществлять этот сложнейший педагогический процесс.

Но что же такое обучение как педагогический процесс? В чем состоит его сущность? Обучение есть целенаправленный педагогический процесс организации и стимулирования активной учебно-познавательной деятельности учащихся по овладеванию научными знаниями, умениями и навыками, развитию творческих способностей, мировоззрения и нравственно-эстетических взглядов и убеждений. Из этого определения следует, что, если педагогу не удается возбудить активность студентов в овладевании знаниями, если в той или иной мере он не стимулирует их учение, никакого обучения не происходит. В этом случае студент может лишь формально отсиживаться на занятиях. Обучение – это общение, в процессе которого происходит управляемое познание, усвоение общественно-исторического опыта, воспроизведение той или другой конкретной деятельности, лежащей в основе формирования личности. Воздействия преподавателя стимулируют активность обучаемого, достигая при этом, заранее поставленной цели, и управляют этой активностью. Поэтому обучение можно представить и как процесс стимуляции внешней и внутренней активности студента и управление ею. Педагог создает для активности обучающегося необходимые и достаточные условия, направляет ее, контролирует, предоставляет для ее успешного осуществления нужные средства и информацию. Но сам процесс формирования у студента знаний, навыков и умений, процесс его личностного развития происходит только в результате его собственной деятельности.

Обучение, как категория педагогической науки, и процесс обучения, или как его еще называют – дидактический процесс – понятия не тождественные, не синонимы. Процесс – это смена состояния системы обучения как целостного педагогического явления, как фрагмента, как акта педагогической деятельности.

Философия определяет функции как внешние проявления свойств какого-либо объекта в данной системе. С этой точки зрения, функции процесса обучения являются его свойствами, знания которых обогащает наше представления о нем и позволяет сделать его более эффективным. Понятие «функция» близко к понятию «задача обучения». Функции обучения характеризуют сущность процесса обучения, тогда как задачи являются одним из компонентов обучения. Дидактика выделяет три функции процесса обучения – *образовательную, развивающую и воспитательную. Образовательная функция* состоит в том, что процесс обучения направлен прежде всего на формирование знаний, умений и навыков, опыта творческой деятельности. Анализ образовательной функции обучения естественно ведет к выделению и описанию тесно связанной с ней развивающей функцией.

Развивающая функция обучения обозначает то, что в процессе обучения, усвоения знаний происходит развитие обучаемого. Это развитие происходит во всех направлениях: развитие речи, мышления, сенсорной и двигательной сфер личности, волевой и потребностно-мотивационной области. Развивающая функция обучения по существу составляет проблему взаимоотношения обучения и развития – один из острейших вопросов в психологии и современной дидактике.

Однако психология и дидактика XX века утверждают, что развивающая функция обучения реализуется успешнее, если обучение имеет специальную направленность, разработано и организовано так, чтобы включать учащегося в активную и сознательную

разнообразную деятельность.

Таким образом, еще раз следует вспомнить: всякое учение ведет к развитию, но обучение носит развивающий характер, если специально направлена на цели развития личности, что должно находить реализацию и в отборе содержания образования, и в диалектической организации учебного процесса.

Процесс обучения носит также и воспитательный характер. Педагогическая наука считает, что связь между воспитанием и обучением является объективный закономерностью, также как связь между обучением и развитием. Однако воспитание в процессе обучения осложняется влиянием внешних факторов (среда, микросреда и пр.) что делает воспитание более сложным процессом. *Воспитательная функция* обучения состоит собственно в том, что в процессе обучения формируются нравственные и эстетические представления, система взглядов на мир, способность следовать нормам поведения в обществе, исполнять законы, принятые в нем. В процессе обучения формируются также потребности личности, мотивы социального поведения, деятельности, ценности и ценностная ориентация, моровоззорение.

Существенным компонентом познавательной деятельности в процессе обучения является применение усваиваемых знаний на практике, развитие творческих способностей студента. Естественно, что как умения и навыки, так и творческие способности формируются и развиваются в процессе организации многократных, упражнений.

Определенных и настойчивых упражнений требует развитие сообразительности, умение решать нестандартные задачи, проявление творческих способностей. В современной отечественной дидактике употребляется термин «виды обучения», который чаще всего обозначает взгляд на характер взаимодействия в обучении обоих сторон. В дидактике сложились такие виды обучения, как сообщающее (объяснительно-иллюстративное), проблемное, программированное обучение. Наряду с этими общеизвестными моделями обучения, имеются другие, которые чаще называют дидактическими концепциями, системами. К ним относятся бихевиоризм, гештальтпсихология, когнитивизм, деятельностная теория и гуманистическая психология.

Сообщающее обучение характеризуется прежде всего тем, что педагог излагает знания в обработанном, «готовом» виде, студенты воспринимают и воспроизводят его. Это наиболее распространенный вид обучения. Главное, что характерно для этого процесса – деятельность педагога состоит в основном в предоставлении информации посредством словесных объяснений с привлечением образов, наглядных средств. Сообщающее обучение как вид, путь формирований знаний, несомненно, обладает достоинствами: подача и усвоение знаний осуществляется в системе, последовательно, в экономичном режиме и темпе, для большого количества студентов. Однако в этом подходе есть и недостатки: деятельность студентов сводится в основном к запоминанию и воспроизведению информации, сообщаемой педагогом, поэтому мало развиваются умственные способности и умения студентов, такие как, умение видеть проблемы, ставить вопросы, анализировать и сопоставлять факты. Иначе говоря, сообщающее обучение не развивает мышление. Поэтому в дидактике, особенно в XX веке, велись поиски таких моделей, которые позволяли бы обучать критическому, продуктивному мышлению. Так появляется проблемное обучение.

Проблемное обучение – такой вид обучения, при котором педагогом организуется относительно самостоятельная поисковая деятельность, в ходе которой студенты усваивают новые знания, умения и развивают общие способности, а также исследовательскую активность, формируют творческие умения. Характер преподавания и учения в сравнении с сообщающим обучением резко меняется: студенты делают мини-исследование или творческую практическую работу. К достоинствам проблемного обучения относит-

ся то, что студенты включаются в активную интеллектуальную или практическую деятельность, при этом они испытывают сильные положительные эмоции (интерес, удовольствие). У студентов формируются интеллектуальные умения: восприятие объектов, наблюдение, воображение, анализ, классификация и другие. К ним относятся также творческие умения: видеть проблемы, ставить вопросы, искать решения. Эксперименты показывают, что проблемное обучение дает более глубокие знания. Студенты не только воспроизводят информацию, но устанавливают связи, интерпретируют, применяют, оценивают.

Толчком к созданию *программированного обучения* послужило два момента. С одной стороны, педагоги видели, что в массовой практике при использовании традиционного обучения не происходит четкого руководства со стороны педагога действиями студентов с учебным материалом, следствием чего являются проблемы в знаниях. Студенты по разным причинам не выполняют указаний педагога и не усваивают учебную информацию. Это ведет к поиску модели обучения, в которой педагог более эффективно управляет учебными действиями студентов. С другой стороны, с середины XX века развивающаяся техника стала проникать во все сферы человеческой деятельности, в том числе и образование: появились первые обучающие машины, что потребовало изменить подходы к обучению. Программированное обучение – это относительно самостоятельное и индивидуальное усвоение знаний и умений по обучающей программе с помощью специальных средств (учебник, ЭВМ). В традиционном обучении студент обычно читает полный текст учебника и воспроизводит его, при этом его работа по воспроизведению почти никак не управляется, не регламентируется. Идей программированного обучения состоит в управлении учебными действиями студента с помощью обучающей программы.

Литература

1. Лихачев, Б.Г. Педагогика. Курс лекций. Учебное пособие для студентов пед. уч. заведений и слушателей ИПК и ФПК. – М.: Прометей, 1992.
2. Оконь, В. Введение в общую дидактику. – М.: Высш. шк., 1990.
3. Педагогика. Учебное пособие для студентов педагогических вузов и педагогических колледжей / Под ред. И.П. Пидкасистого. – М.: Педагогическое общество России, 1998.
4. Подласый, И.П. Педагогика: Учеб, для студентов высших пед. учеб. заведений. – М.: Просвещение: Владос, 1996.
5. Харламов, И.Ф. Педагогика: Учеб. Пособие. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1990.

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В. С. Голубев

Феномен социального управления является объектом научного интереса уже долгое время. Как повысить стабильность общества, как добиться от граждан неукоснительного исполнения законов и обязанностей, и при этом сохранить их права и свободы? Студенческие беспорядки в Европе, вызванные недовольством граждан политикой своих государств, социальная и политическая ситуация в Северной Африке суть наиболее красноречивые подтверждения тому простому факту, что окончательные ответы на предложенные вопросы еще не найдены. Рассмотрение образования в качестве метода

социального управления может помочь нам глубже понять исследуемый феномен. Изучая методологию социального управления, мы должны помнить, что важную роль играет не только сама деятельность, но и т.н. окружающая среда. Мы всегда вынуждены работать в определенном пространстве – должны организовать его так, чтобы достичь максимальной эффективности в рамках запланированной деятельности, что в свою очередь подразумевает разграничение пространства, разделение его на зоны.

Мы предлагаем выделить четыре зоны или поля социального пространства, которые с одной стороны, взаимосвязаны, а с другой, каждое из полей будет определяться источником или проводником воли субъекта социального управления. Первое поле – это поле семейного образования, т.е. те ценности, взгляды, знания, та модель отношения к окружающему миру и к самому себе, которые воспитываются в семье. Второе – поле институционального образования, те ценности и интерпретации, знания и навыки, которые индивид получает в процессе обучения и воспитания, начиная от детских дошкольных учреждений и заканчивая университетом. Третье – поле неинституционального образования, т.е. тот набор информации, которые индивид получает из разных источников, вне семьи и школы: СМИ, книги, кружки, дружеские компании и т.д. Четвертое поле – это поле самовоспитания, т.е. те позиции и качества, выработка которых напрямую зависит от самого индивида, и являются, по большей части, продуктами его деятельности, при этом индивид сам для себя является источником управленческой деятельности.

Если рассматривать предложенное деление более подробно, то, первое поле – это семья, т.е. индивид, после рождения, как правило, попадает сразу именно в него, в семейное воспитание. Здесь, что очевидно, если не все, то многое зависит от родителей индивида, т.к. в процессе воспитания и обучения они будут воспроизводить те модели, которые закладываются в ребенка в семье, то есть во многом именно те, которые были заложены в родителей на предыдущих этапах. Участие в образовании прародителей играет стабилизирующую роль, т.е. помогает, как правило, максимально удерживать столбовое направление. Соответственно, если субъект социального управления хочет максимально сохранить существующий порядок, то он должен насколько это возможно, укрепить институт брака и всячески способствовать его развитию. Если же целью управления наоборот будут максимальные социальные потрясения, тогда необходимо всеми силами бороться с семейным укладом. Важность семьи в государственном строительстве отмечалась уже в глубокой древности (Аристотель, Конфуций). Эффективность воспитания на основании семейных ценностей во многом базируется на том, что индивид постоянно идентифицирует себя и окружающих его людей по системе «свой-чужой». Не случайно, многие крупные компании и секты, кстати, активно используют в своей риторике образ «семьи» и постоянно акцентируют внимание на семейных ценностях и их значении.

Второе поле, поле институционального образования, по праву является самым важным для субъекта управления, т.к. напрямую зависит от его воли и запланированных им целей. Любая система тем эффективнее, чем на больший отрезок времени она распространяет свое влияние. Воспитание ребенка начинается с детского сада, в идеале с ясельной группы, т.е. с возраста 1,5–2 лет. Начиная со столь раннего этапа, субъект управления в известном смысле может быть уверен, что базовые ценности индивида будут заложены согласно его (субъекта управления – В.Г.) требованиям и едва ли не вопреки даже семейному влиянию. Дальше воспитание идет рука об руку с обучением и, как правило, они взаимодополняют друг друга. Можно лишь добавить, что чем точнее результат необходим, тем жестче должна быть школьная программа. Кроме того, сама подборка предметов гуманитарного цикла, интерпретация фактов и т.д. все это должно если и не задаваться жестко субъектом управления, то, по крайней мере, полностью им

контролироваться. Школа помогает индивиду активно и успешно встраиваться в наличествующий социальный порядок, воспитывает в нем такие качества как дисциплинированность, трудолюбие, умение работать в коллективе, ответственность и т.д.

Институциональное образование может усиливать, а может и ослаблять поле семейного образования. Правильная, целенаправленная политика субъекта управления в этой сфере будет, в результате, способствовать взаимоусилению первого и второго полей. И снова, чем больше в школьном образовании субъект управления опирается на традицию, тем более стабильный социальный порядок он будет иметь. Чем больше он будет ориентироваться на инновацию, на непроверенные временем и опытом стратегии, тем более непредсказуемым будет результат. Вообще с точки зрения стабильности, можно утверждать, что любые нововведения в воспитательный процесс будут нарушать и ухудшать имеющийся порядок, при этом перспектива дальнейшего улучшения как минимум всегда будет оставаться под вопросом.

Третье поле – поле неинституционального образования. Самое большое и, наверное, важнейшее в воспитании и обучении. В данное поле индивид попадает довольно рано, как только начинает посещать внешний мир. Поскольку до того, как ребенок попадает под влияние второго поля, родители практически полностью контролируют его, тем не менее, происходит пассивное впитывание потоков информации, и тут многое зависит от силы поля семейного воспитания.

Однако как только ребенок идет в сад или в школу, т.е. на достаточно длительный промежуток времени выпадает из-под родительского влияния, он начинает активно и самостоятельно, а главное, в известной степени бесконтрольно познавать мир. По мере того, как ребенок взрослеет, образовательный авторитет родителей, как правило, уменьшается, плоть до полного его исчезновения или отрицания со стороны ребенка. Взрослея, ребенок все чаще выходит в мир самостоятельно, что, безусловно, стимулирует самостоятельный поиск «знаний» и самостоятельное «объяснение» окружающей действительности. Характерной чертой третьего поля является то, что он очень часто воспринимается как этап «личных» усилий, т.е. ребенок «уверен», что сам, самостоятельно выбирает нужную ему модель мировоззрения. Именно в рамках третьего поля очень важно контролировать процесс образования, т.к. первые два поля воспринимаются как внешние, навязанные, обязательные, поэтому могут вызывать враждебное к ним отношение. Возможность самостоятельного выбора, несмотря на всю ее иллюзорность, делает это поле особенно привлекательным для объекта управления, и потому очень важным.

Последнее, четвертое поле, обладает сложной природой и поэтому его достижение представляет собой определенную проблему. Не случайно, кстати, в западной традиции появился термин self-made man. Переход на поле самовоспитания происходит только тогда, когда у объекта управления появляется осознание того простого факта, что до этого момента поле образования было независимо его воли, и что не сам объект управления определял, что есть хорошо, а что – плохо. Для описания этой ситуации прекрасно работает формула Сократа: «Я знаю, что ничего не знаю». Как показывает опыт, на сегодняшний день далеко не все способны ухаживать за собственной грядкой на четвертом поле образования. Большинство остаются на третьем поле, т.е. основной образовательный эффект будет оказывать именно неинституциональное поле образования, при этом, подавляющее большинство объектов управления воспринимают предложенные им ценности и модели поведения как плод собственного выбора.

Четвертое поле образования представляет особенный интерес с точки зрения субъекта социального управления. Если перед ним стоит цель построить государство по Конфуцианской модели, то субъект управления должен всеми силами стимулировать

достижение объектом управления четвертого поля образования, т.к. выход последнего на данное поле будет означать возможность существенного снижения издержек на поддержание социальной стабильности в обществе.

Литература

1. Парсонс, Т. О структуре социального действия. – Изд. 2-е. – М.: Академический проект, 2002.
2. Технология власти. – М.: ИФРАН, 1995.

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ НОВОГО ЗАКОНА ОБ ОБРАЗОВАНИИ: АСПЕКТ КАЧЕСТВА

Р. Н. Шматков

21 декабря 2012 г. Государственной Думой Российской Федерации принят Федеральный закон № 273–ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». 26 декабря 2012 г. данный закон одобрен Советом Федерации. 29 декабря 2012 г. закон подписан Президентом Российской Федерации В.В. Путиным. Работа над данным законом длилась более трех лет. Закон вступает в силу с 01 сентября 2013 г., за исключением некоторых положений, для которых установлены иные сроки вступления их в силу.

Со дня вступления в силу данного закона признаются недействующими и утратившими силу на территории Российской Федерации многие законодательные акты Союза ССР, РСФСР и Российской Федерации, регулирующие отношения в сфере образования. Нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, регулирующих отношения в сфере образования, подлежат применению постольку, поскольку они не противоречат данному Федеральному закону или издаваемым в соответствии с ним иным нормативным правовым актам Российской Федерации.

Таким образом, Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273–ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», вобравший в себя многие положения ранее действовавших нормативных правовых актов в сфере образования и содержащий многие новые положения в сфере образования, – является основным нормативным правовым документом, регулирующим отношения в сфере образования, своеобразным «Образовательным Кодексом Российской Федерации».

Необходимо отметить, что на законодательном уровне понятие «качество образования» определено в России впервые. Согласно указанного закона, *качество образования* – это «комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы» [1].

Таким образом, согласно закона, содержание понятия «качество образования» является относительным. Высокое или низкое качество образования зависит от содержания федеральных государственных стандартов, образовательных стандартов, федеральных государственных требований. Если повысятся требования федеральных государственных стандартов и образовательных стандартов, то качество образования, которое считалось высоким, станет низким. И наоборот, если понизятся требования указанных

нормативных документов, то качество образования, которое считалось низким, станет «высоким» качеством образования. Тем самым, «качество образования» из объективной категории превращается в субъективную, зависящую не от интересов всего российского социума, его объективной потребности в квалифицированных специалистах, а от нормативных требований государственных структур, которые способны меняться в зависимости от существующей политической конъюнктуры.

Тщательный анализ данного закона в сравнении с ранее действовавшими, указанными выше законами, показывает, что данный закон меняет всю российскую систему образования. В связи с этим обоснованно возникает целый ряд серьезных вопросов, от ответов на которые зависит прогноз будущего отечественной системы образования, и, прежде всего, качества образования.

Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273–ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1], наряду с регламентируемыми государством основными образовательными принципами, фактически не содержит государственных гарантий для реализации заявленных принципов. Более того, учреждения среднего профессионального образования вообще выводятся в сферу ведения и финансирования муниципальных образований. Тем самым, с помощью данного закона государство освобождается от основных гарантий в сфере образования.

Кроме этого, данный закон показывает серьезность намерений руководства РФ интегрироваться в систему образования, сложившуюся в Западной Европе (а точнее – в странах «золотого миллиарда»). Особенностью предлагаемой законодателями системы образования является то обстоятельство, что из системы российского образования убирается (ликвидируется) профессионально-техническое училище (ПТУ) (уровень начального профессионального образования), которые готовили квалифицированных рабочих для предприятий. Готовить квалифицированных рабочих предлагается по отдельным программам в средних профессиональных образовательных учреждениях. Не упоминается в законе и докторантура, как уровень послевузовского образования. Так как в форме закона государство формирует социальный заказ на уровень образования кадров, то можно сделать обоснованный вывод, что государству не нужны квалифицированные рабочие и высококвалифицированные научные кадры (в виде докторов наук).

Некритичное копирование сторонней системы образования уже сослужило и в дальнейшем может сослужить плохую службу промышленности, науке и образованию России – становому хребту страны. «Равнение на Европу» в решении проблем качества образования неуместно для нашей страны – в отличие от нас, проблему нехватки квалифицированной рабочей силы в Западной Европе решают двумя путями: экспорт предприятий металлургии, химии, ткацких и прочих «грязных» производств за рубеж, в страны Юго-Восточной Азии; импорт квалифицированной рабочей силы из стран Восточной Европы (в том числе – из России и стран СНГ). Проблему пополнения высококвалифицированных научных кадров в Западной Европе решают путем «сбора дани мозгами» из других стран, в том числе, из России. По оценкам выдающегося российского экономиста, писателя, академика, директора Института Европы Российской академии наук Н.П. Шмелева, за годы реформ из России выехало около трети всех высококвалифицированных научно-технических кадров, что составило более двух миллионов специалистов [2].

Как известно, в странах Западной Европы нет докторантуры. По-видимому, для них вполне достаточно, что докторантура пока есть в России. Однако если, начиная с 01 сентября 2013 г. докторантура как образовательный институт в России исчезнет, то тогда и Западной Европе придется призадуматься над проблемой воспроизводства научных кадров высшей квалификации. Пока же высококвалифицированные специалисты из

России востребованы в странах Западной Европы и США. Значит качество подготовки наших специалистов, получивших в отечественной системе образование *до ее либерального реформирования,* более чем устраивает западных трудонанимателей. Тогда не совсем понятно зачем «убивать курицу, несущую золотые яйца», то есть уничтожать систему образования, эффективность и высокий уровень которой признан мировым сообществом? Ведь России не приходится пока рассчитывать в случае разрушения сложившейся системы образования на приток из-за рубежа квалифицированной рабочей силы и высококвалифицированных научных кадров. Пока можно наблюдать поток мигрантов из стран СНГ, которые не только не имеют высокой квалификации, но и русского языка не знают.

Известно, что в мире только жители нескольких стран умеют порождать принципиально новые идеи, которые нередко кажутся даже «сумасшедшими», но оказываются самыми ценными для развития цивилизации. Жители других стран, как правило, идеи такого рода не порождают, но могут успешно их реализовывать и воплощать в жизнь. Россия относится к числу первых стран. Несмотря на катастрофическую «утечку мозгов» последних лет, Россия выстояла и продолжает свое развитие в современном глобализирующемся мире, что говорит о том, что ее интеллектуальный, творческий и духовный потенциал еще не исчерпан.

Литература

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273–ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. – № 5976. – 31 декабря 2012.
2. «Виражи времени». Аудиозапись беседы с акад. Николаем Шмелевым (19.01.2013) // Радио России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.radiorus.ru/audio.html?id=1690024& doc_type=rnews&doc_id=626674. – Дата доступа: 01.05.2013.

РЫНОК ТРУДА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

И. В. Загорец

Переход современного общества от индустриального к информационному обусловливает возрастание роли и социальной значимости образования. Для человека становится все более необходимым для обеспечения устойчивости собственного положения в обществе приобретение знаний, умений, навыков. Это касается не только его сегодняшней практической деятельности, но и будущего. Образование является основным источником повышения интеллектуального, культурного, профессионального и кадрового потенциала. Рост образовательного уровня важен не только для отдельных работников, он играет важную роль в повышении качества человеческого потенциала всей страны. Особую актуальность качественные параметры трудовых ресурсов Республики Беларусь приобретают на современном этапе социально-экономического развития, когда снижение количества трудовых ресурсов становится фактором тормозящим экономический рост.

Основой, центральным звеном развития человеческих ресурсов является система их обучения, включающая подготовку, переподготовку и постоянное повышение квалификации персонала. Без создания эффективной национальной системы образования и ее непрерывного совершенствования невозможно обеспечить конкурентоспособность национальных предприятий и всей экономики на мировом рынке товаров и услуг. Сфера образования сама является важной частью этого рынка, в ней, как и в других сферах,

осуществляется конкурентная борьба, как между отдельными учреждениями образования, так и между системами образования различных стран.

Оценка эффективности функционирования системы образования страны, в первую очередь, заключается в ответе на вопрос: «Насколько ее продукт, а именно выпускники различных учреждений образования отвечают запросам конечного потребителя этой продукции – хозяйствующих субъектов?». Количественное и качественное соответствие между потребностями экономики в специалистах, обладающих требуемыми компетенциями, и их подготовкой является главным показателем эффективности системы образования страны. Соответственно рынок образования должен быть теснейшим образом связан с рынком труда.

Рынок образовательных услуг выполняет функцию кадрового обеспечения и представляет собой связующее звено между населением и системой занятости. Планы набора и выпуска по различным специальностям необходимо составлять с учетом имеющейся и перспективной потребности экономики в работниках данных специальностей. Чем выше уровень направленности рынка образовательных услуг на запросы работодателей, тем выше его эффективность. Если рынок образовательных услуг полностью следует запросам первичных потребителей, «игнорирует» рынок труда, снижается его эффективность и возрастает автономность данного социально-экономического института [1, с. 44–45].

Наряду с соответствием образовательного рынка и рынка труда для оценки эффективности системы образования страны можно использовать и другие критерии. В условиях интернационализации и глобализации всей экономики вообще и сферы образования в частности, таким критерием является востребованность предлагаемых образовательных услуг на мировом образовательном рынке. Экспорт образовательных услуг во многих странах является важной составляющей экспортного потенциала и доля обучающихся из других стран в их общем числе является одним из основных качественных показателей системы образования.

За последние двадцать лет система образования Республики Беларусь развивалась в основном под влиянием спроса населения на образовательные услуги. В результате в ней произошли существенные структурные сдвиги.

Число учреждений профессионально-технического образования в Республике Беларусь в течение 2005–2012 г.г. сократилось на 15 единиц, численность учащихся в них – на 34,7 тыс (на 30,3%) и составила на начало 2012/ 2013 учебного года около 80 тыс. человек.

В 2012 году для получения профессионально-технического образования принято 35,5 тыс. человек, что на 18,2 тыс. человек (на 33,9%) меньше, чем в 2005 году. Профессионально-техническое образование становилось более адресным: более 94% от общей численности зачисленных учащихся принято по договорам и заявкам с организациями-заказчиками кадров (в 2005 году – 83%). По две и более квалификации получили 77,7% выпускников. На работу в организации распределено 97,8% от численности выпускников, подлежащих распределению. Трудоустроено 38,4 тыс. выпускников, или 84,4% от получивших направление на работу [2].

Сеть учреждений среднего специального образования в Беларуси за последние шесть лет увеличилась на 16 учреждение. В 2011/ 2012 учебном году образовательные программы среднего специального образования реализовывают 220 учебных заведений, общая численность учащихся которых составляет свыше 172 тыс. человек, что на 5% больше, чем в 2005/ 2006 учебном году. Численность обучаемых за рассматриваемый период также несколько выросла.

Наибольшее количество учащихся ССУЗов Республики Беларусь в 2011/ 2012

учебном году обучалось по следующим направлениям: «Техника и технологии» – 32,2% (в 2005/ 2006 учебном году – 31,5%), «Коммуникации. Право. Экономика. Управление. Экономика и организация производства» – 24,9% (в 2005/ 2006 году – 27,9%), «Сельское и лесное хозяйство. Садово-парковое строительство» – 14,0% (в 2005/ 2006 учебном году – 14,4%), «Архитектура и строительство» – 8,8% (в 2005/ 2006 году – 5,9%), «Здравоохранение» – 6,9% (в 2005/ 2006 году – 4,5%) [3, с. 210].

После обретения Республикой Беларусь суверенитета высшая школа получила значительное развитие. В 1991/ 92 учебном году на территории Республики Беларусь функционировало 33 вуза, из них только 3 являлись университетами. В 2005/ 2006 году в систему высшего образования в республике входили 55 вузов, 12 из которых были негосударственной формы собственности [12, с. 213–215].

Таким образом, за период с 1991 по 2012 годы количество высших учебных заведений всех форм собственности в республике увеличилось почти на 70%. В 2012 году в учреждения высшего образования принято 88,1 тыс. человек, из них 35,9% – для получения образования за счет бюджетных средств. Специалистами с высшим образованием стали 84,6 тыс. выпускников, что на 57,8% больше, чем в 2005 году. При этом, за счет бюджетных средств получили высшее образование в дневной форме 22,3 тыс. человек, из них направлены на работу 21 тыс. человек [4].

С 1990 по 2011 годы почти в три раза увеличился выпуск специалистов с высшим образованием и, одновременно, почти в два раза сократилась подготовка квалифицированных рабочих в системе профессионально-технического образования (таблица 1).

Таблица 1. Выпуск специалистов в учреждениях образования Беларуси, тыс. чел. [5, с. 131]

Годы	С образованием		
	Высшим	Средним специальным	Профессионально-техническим
1990	28,6	42,2	79,1
1995	32,5	37,0	59,2
2000	38,7	43,8	54,7
2005	53,6	49,3	54,0
2010	73,3	45,3	40,9
2011	75,8	46,2	43,8

Данная пропорция между различными ступенями профессиональной подготовки не отражает реальной потребности экономики в специалистах. Необходимо изменять ее в сторону сокращения выпуска в ВУЗах и увеличения в средних специальных и профессионально-технических учебных заведениях.

Серьезной проблемой белорусского высшего образования является не соответствие подготовки по отдельным специальностям и потребностями экономики страны в них. Структура подготовки кадров в высшей школе в настоящее время продиктована не последними, а социальными предпочтениями населения. В результате происходит деформация соотношения спроса и предложения на рынке труда по отдельным специальностям. В 2011 году 45% выпускников ВУЗов получили квалификацию в области коммуникаций, права, экономики и управления, в то время как специалистов в области техники и технологий выпущено только 16% от общего выпуска [5, с. 137].

Наряду с приведением структуры систем образования в соответствие с потребностями и работодателей необходимо общее повышение качества предоставления образо-

вательных услуг для повышения их конкурентоспособности на мировом рынке и расширения их экспорта.

Литература

1. Рекомендация МОТ № 195. О развитии людских ресурсов: образование, подготовка кадров и непрерывное обучение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.conventions.ru. – Дата доступа: 25.06.2011.
2. Система образования Республики Беларусь // Официальный сайт Министерства образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://edu.gov.by/ main.aspx?guid=18201. – Дата доступа: 10.11.2012.
3. Дети и молодежь Республики Беларусь. Статистический сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2012.
4. Образование в Республике Беларусь (учебный год 2012/2013) // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/ homep/ ru/ indicators/ pressrel/ education.php. – Дата доступа: 21.02.2013.
5. Труд и занятость в Республике Беларусь. Статистический сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2012.

МЕСТО ФИЛОСОФИИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Р. В. Попова, М. В. Кондратова

В современном динамичном мире актуальным является постоянное пополнение и обновление не только профессионального, но и культурного багажа людей. Эту задачу всегда возлагали на образование, которое должно сопровождать человека на протяжении всей его жизни. Как утверждал Кант, «…образование призвано не только научить человека осуществлять деятельность, направленную на достижение различных прагматических целей, но и помочь ему выработать в себе способность свободно выбирать такие нравственные цели, которые по необходимости одобряются всеми и могут быть в тоже время целями каждого» (цит. по: [1, с. 7]). Осмелимся предположить, что важную роль в деле сохранении и развитии духовных основ бытия призвана играть философия.

Общеизвестно, что центром притяжения философской рефлексии является человек. Более того, изучение философии – это освоение различных способов философского размышления над проблемами смысла жизни, с которыми сталкивались, сталкиваются и будут сталкиваться люди. Поэтому обучение философии означает обучение философствованию как специфическому стилю размышлений о человеке и его взаимоотношениях с миром. Только в этом случае образование способствует развитию творческого мышления, свободного и ответственного поведения человека, а не предписывает овладение определенным набором компетенций.

Начало XXI века обнажило ряд проблем, связанных с социальной легализацией мировоззренчески неразвитой, и даже девиантной, личности: растет число и география катастроф из-за безответственности специалистов, обида на весь мир выливается в расстрелы школьников, немотивированная агрессия приводит к жестоким дракам молодежи и так далее. Девальвация духовных ценностей, профанация разума, притупление моральных чувств, приземленность эстетических потребностей и иные проявления деградации личности заставляют более серьезно задуматься об эффективности институтов социализации, в том числе и образования. Эта проблема усугубляется и актуализируется и тем, что навязываемый «авторами» глобализации западный цивилизационный стандарт скрывает в себе угрозу широкого конвейерного тиражирования «одномерных лю-

дей», по сути – неразвитых личностей, занятых «полезным» делом зарабатывания денег.

К сожалению, часто задача современного образования стала сводиться к овладению суммой знаний, освоению объема информации, который человеку дают «позитивные науки». Многие считают, что мировоззрение само будет сформировано в процессе изучения «нужных» дисциплин и житейского опыта. Однако давно известно, что если хочешь увидеть в человеке определенные качества, над их формированием нужно работать. Предназначение философии как раз и заключается в том, чтобы способствовать интеллектуальному и нравственному совершенствованию личности.

Бесспорно, главным богатством современного общества должен быть человек, который не только способен ответить на вопрос «как», то есть должен обладать необходимым объемом знаний, но и иметь собственное видение ответа на вопрос «зачем», «каков смысл». Иначе говоря, иметь мировоззренческие установки, лежащие в основе его поступков, поведения, понимать свое предназначение в мире, видеть горизонты и потенциал развития общества. Переход от индустриального общества к постиндустриальному предполагает, что совершенствуется не только техника и технологии, но и человек как носитель знаний, а оценка потенциала инновационных разработок и направлений научного поиска требует от него не только «специализированной», но и «…гуманистической» квалификации. Вхождение страны в информационное общество – это цивилизационный сдвиг, который предполагает «…поэтапное эволюционное смещение высших ценностных приоритетов с природных богатств (в том числе – земных недр), с технических, технологических средств производства, вообще всего неживого, в направлении живого, к приоритету связанных с человеком моральных, духовных и материальных ценностей» [2, с. 237]. Если общество и государство не успеет разобраться в сущности трансформационных процессов, мы можем остаться лишь производителями «интеллектуального сырья» и вновь пытаться догонять развитые страны.

Тем более, по мнению многих исследователей, наука XXI века в большой степени будет сталкиваться с ценностями и запретами морально-этического характера, требующими ответа на вопросы мировоззренческой значимости – «что я должен знать?» и «на что я могу надеяться?». Такие ценности нельзя будет сформировать чисто технологическими средствами, сколь бы совершенными последние не были. Гуманизация образования противостоит тем негативным тенденциям, которые появились в результате его коммерционализации и унификации. Она подразумевает личностно-ориентированные формы обучения и оптимизацию содержания «наук о духе». Уверенны, что, в конце концов, именно морально-этические требования определят дальнейший выбор пути цивилизационного развития. Что же мы получим и куда мы придем, навязывая студенту знания ради знания, лишая эти знания социально значимого предназначения, Веры и Смысла?

Сегодня становится все более очевидным, что только средствами науки невозможно решить целый ряд проблем, касающихся предназначения и цели существования человека в мире, Космосе, Универсуме. Кроме того, научное сообщество не всегда способно контролировать свое развитие и предвидеть негативные последствия собственных исследований, поэтому ряд ученых не редко утрачивают «этический горизонт». Не следует ополчаться на естествознание за то, что оно не производит знания одновременно с нормами морали. Однако стоит задуматься тем ученым, в том числе и преподавателям высшей школы, которые пренебрежительно относятся к циклу социально-гуманитарных дисциплин, видя в нем бесполезную трату времени. А именно социально-гуманитарное образование является одним из наиболее активных и действенных средств социализации человека.

Как мы уже отмечали, приоритетная роль социально-гуманитарных наук, в том

числе и философии, и в теоретическом, и в практическом решении проблем современного образования явно недооценивается. Одной из причин этого, по мнению ректора Московского государственного университета им. Ломоносова В.А. Садовничего, является непонимание того, что образование – это органическое и неразделимое единство школы как таковой, фундаментальной науки как неотъемлемой основы для подготовки специалистов и гуманитарной культуры как основы духовного единства народа [3, с. 72]. Мы согласимся с мнением Садовничего, что кафедры социально-гуманитарного профиля, в том числе и философии, должны быть самими активными субъектами в решении поставленных перед обществом проблем.

Осуществление такого предназначения философии – главная цель ее преподавания в высшей школе. Во многом ее реализация зависит от философа-педагога, его мастерства. Философия есть эпоха, схваченная в мыслях. Стать выразителем идей этой эпохи, найти понятный философский язык интерпретации этих идей, раскрыть судьбоносную значимость проблем, встающих перед человеком и человечеством, как нам представляется, – основные задачи преподавания философии.

Литература

1. Сергейчик, Е.М. Философия образования и педагогика // Философские науки. – 2009. – № 8. – С. 6–19.
2. Осипов, Г.В. XXI век – эра социологии и других социальных наук // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 3. – С. 231–241.
3. Садовничий, В.А. Роль кафедр гуманитарных и социально-экономических дисциплин в процессе модернизации высшей школы // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 1. – С. 64–85.

ОБУЧЕНИЕ ФИЛОСОФИИ: КОНТЕКСТЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Н. Ф. Свобода, О. В. Фадеева

«Меняется не сущность, только дата…»
Байрон

Что такое философия в непрофильном вузе? На этот вопрос много разных ответов. Важно другое, она должна быть выражена в понятиях, несущих реальный смысл.

Только конкретный методологический анализ возникшей в образовании проблемной ситуации позволяет заинтересованным лицам составить представление о том, разрешима ли она на основе существующих теоретических схем и понятий или мы сталкиваемся с явлением, теоретическое истолкование которого потребует выхода за пределы существующих стандартов. Эта оценка, обычно предшествующая решению проблемы, по существу, предопределяет выбор средств, методов, путей построения учебного курса философии. В частности, она показывает, можно ли надеяться на успех, руководствуясь существующими нормами и принципами организации практического процесса, или же неизбежен их пересмотр, выработка новых (так бывает в периоды, когда система образования оказывается предметом длительно продолжающегося административного переустройства). Разумеется, не все подобные оценки окажутся в конечном счете правильными, но невозможность их избежать только лишний раз подчеркивает значение философско-методологических предпосылок поиска. Часто это означает, что суждено пережить период накопления практических данных, прежде чем в нем сможет появиться система принципов. А недавно возникшим и существующим принципам суждено небытие,

несмотря на разрастание усилий по их сохранению. Тем более, если они приходят (или уже пришли!) во все большее противоречие с фактическими данными, например, уже потому, что реализация некоторых их них очевидно открывает это противоречие. Хотелось бы, чтобы не умозрительность, а теоретическое и эмпирическое исследование действительных (внутренних и внешних) условий приводило к установлению новых правил. Самое время сравнить, что хотелось и – что получилось. И что получается сегодня.

Определяя направленность процессов, заложенных схем изменений, можно отметить тенденцию к минимизации изучения гуманитарных дисциплин. Данное обстоятельство можно считать, среди прочего, отражением технократизма, который насаждается различными способами на всех уровнях. Однако, если утилитарное отношение управленческих структур – не новое явление, то отказ от мировоззренческих ориентиров, наблюдаемый, свидетельствует о проблеме методологического характера.

Философия складывалась и существовала как дисциплина мировоззренческая. И ходя мировоззренческий аспект может быть не в чести, она остается таковой. Классический философ в органике всех времен, каждый раз значим в дне настоящем и без перенесения его произведений в другой исторический период, в другую сферу бытования. «Реалист», он добавляет действительности свою личную ноту, даже в парадоксе ясную.

Внешне его теория – метафизика, а в сущности – житейская правда. А метафизическая самоценность слова не приносится в жертву идеологического соответствия. Вот таким потенциалом оно и нужно сейчас, чтобы могла заявить о себе в обществе стратегия устойчивого развития на основе традиционных гуманистических ценностей, отходя от конфронтационных идеологий. Что это значит для учебной дисциплины «философия»?

Важно говорить о философии не как своде истинных на все времена знаний, а как о бесконечном поиске истины, как о драме идей. Драмы идей разворачиваются в пространстве мышления, воображения. В том, что преподаватель выстраивает это пространство для каждого студента, и состоит все его назначение. Он не занимается политикой напрямую и защищает только одно неотъемлемое право каждого человека (и его обязанность) – думать. Он должен продолжать выстраивать это пространство из занятия в занятие (семинар ли это, или – лекция), как умеет, полагая свою работу нисколько не менее актуальной. Тем более, что судьба идей, история их противостояния, их побед и поражений – захватывающая, но и осмысленная. Философия как учебный предмет получается, таким образом, не информационной, а проблемной дисциплиной.

Для того, чтобы определить место философии в образовательном процессе, полагаем мы, надо прежде всего перестать смотреть на нее как на средство чего-либо, а рассматривать философию как одно из условий жизни человека. Рассматривая же так философию, мы не можем не увидеть, что философия есть общение людей между собой. Особенность же этого общения состоит в том, что словом один человек передает другому свои мысли, подпитываемые чувствами: прекрасное и удивляющее, странное и знакомое, восхищающее и ставящее в тупик, общение. Оно определяемо и значимо творческим весом преподавателя, наследием мыслителей и тем багажом, который приобретает студент при работе с первоисточниками.

Основной вопрос образования: как и чему учить?

История философии – человеческая хроника, история мысли и чувств. И нелегко это преподавателю излагать так, чтобы у студентов после занятий оставалось что-то живое и убедительное, что когда-то было значительным в истории и что заставляло людей думать так, а не иначе. А студент мог бы видеть в этом какое-то особенное для себя наполнение: нечто новое и общезначимое. Философия не гонится за современностью, она мыслит современно, и это – значительно.

Из этой позиции вытекает намерение преподавателя видеть в своем курсе живое искание своего времени. Каждый философ принес нечто свое: особую интонацию, манеру думать. Каждый представил картину своей области знания. Так, вернувшись назад, мы вновь оказываемся в современности, поскольку предметом размышления является то, что по природе своей – «практично»: истина как смысл бытия раскрывается только в личном свидетельстве.

Понятие непрерывности, приложенное к идее познания, показывает, что форма развития самосознания вовсе не прямолинейна. Позитивное понимание, связанное своими основными принципами, может представлять развитие только в тех вариантах, в каких оно совершилось ранее. Непрерывность познания продолжает себя, сохраняя собственные измерения, не преобразовываясь в иные виды существования она означает то, что дальнейшее самопознание может быть мыслимо как бесконечное.

Существовавшие ранее системы образования давали человеку не столько образование, сколько специальность, не столько формировали умение мыслить самостоятельно, сколько обеспечивали набором навыков и умений практической деятельности. Такие установки сохраняются и сегодня. Более того, под их действие попадают не только специальные предметы в профильном техническом вузе, но и гуманитарные предметы, в том числе и философия. При таком подходе философия, с одной стороны, совокупность теоретических систем, учений, принципов и категорий, требующих усвоения. С другой стороны, философия – «сумка с инструментами», так как ей вменяется в обязанность формировать у студента способы решения конкретно практических задач в самых различных областях. Правило рассматривать ценность знания в аспекте его истинности и возможности его практического применения не снимает противоречия между узкопрофессиональной подготовкой и развитием личности, между воспроизведением знания и творчеством.

Философия является определенным способом мышления, сознательное, а, главное, умелое применение которого, может привести и приводит к результатам. Но суть дела в том, что философско-методологический подход не применяется в процессе поиска прямо, непосредственно, как некий алгоритм. Мышление по алгоритму – это область здравого смысла. Философский подход конкретизируется и модифицируется соответственно особенностям той или проблемной ситуации, составляя, конечно, только один из аспектов подхода к ее анализу. Ясно, что в этих условиях конкретизация философских принципов и категорий, идей не бывает однозначной. Как раз наоборот, философский тип мышления, не навязывая какой – либо схемы, дает импульсы разработке разных направлений поиска.

Сказанное означает, между прочим, что: 1) навыки умения не являются абсолютным результатом изучения философии; 2) ее роль в обосновании знания во многих случаях остается решающей; 3) изучение философии определяется не какой-то одной ведущей тенденцией, а взаимодействием двух тенденций: теоретической и практической, особенно в тех ее разделах, где значительна доля антропологической проблематики, или в тех ситуациях, когда студент сталкивается с принципиальными трудностями. В этих обстоятельствах (или подобных им) важное, даже определяющее, значение начинает играть понятие меры. И не только в работе преподавателя философии постоянно воспроизводятся условия, при которых ориентация на меру обеспечивает результативность обучения.

Конечно, изучение философии отнюдь не является простым и легким делом. Напротив, практически оно встречается со множеством трудностей, требуя от участников учебного процесса не только знаний, но и терпения. Их интерпретации у преподавателя и студента часто бывают весьма различными, даже противоположными. Но в прин-

ципиальном отношении возможности философии, которыми располагает и учебный курс философии, в известной своей части не имеют аналогии в других областях знания.

ПРОБЛЕМА ЖИЗНИ И СМЕРТИ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ КУРСЕ ФИЛОСОФИИ

А. Л. Айзенштадт

Проблема жизни и смерти – одна из центральных в философии. Между тем, студенты, возможно в силу своей молодости, мало задумываются над ключевыми вопросами человеческого бытия, а ведь без их осмысления невозможно мировоззренческое самоопределение личности. Помочь в размышлениях о смысле жизни и ее взаимоотношениях со смертью помогает курс философии.

Еще в древнеиндийской философии возникло представление о сансаре, которая понималась как цепь переходов души из одной телесной оболочки в другую, круговорот рождений и смертей, в котором душа мучается, не в силах достичь блаженства, слияния с Абсолютом.

Философы Древней Греции тоже верили в переселение души, т.н. метемпсихоз. Так, например, Платон считал, что души бессмертны, живут на звездах и время от времени вселяются в то или иное человеческое тело. Когда душа обретает тело, человек рождается, когда покидает – умирает. Человек – это создание, чья душа принадлежит миру идей, а тело – материальному миру. С одной стороны, жизнь и смерть являются противоположностями, это бытие и небытие (по словам Парменида), с другой стороны, они являются продолжением друг друга.

Со временем проблема жизни и смерти смещается в античной философии из области онтологической в нравственную. Особенно ярко это проявляется в эпоху эллинизма, когда философия пыталась помочь человеку выжить (или достойно умереть) в эпоху бурных социальных потрясений. Так, Эпикур утверждал, что не надо бояться смерти: пока мы есть, смерти нет, а когда смерть есть – нас нет. Нет никакой вечной жизни, все в этом мире имеет начало и конец. Вера в бессмертие мешает людям разумно и радостно прожить отпущенный им срок. А когда придет смерть, надо без сожалений встать из-за стола жизни, уступив свое место другим.

Много внимания уделяли проблемам жизни и смерти стоики. Именно тогда появился призыв «Memento mori» («Помни о смерти»). Помнить о смерти необходимо, чтобы больше ценить жизнь. В то же время, жизнь рассматривалась как приготовление к смерти. По мнению Сенеки, нельзя спорить с природой, нельзя спорить с судьбой. Смерть делает всех людей равными и является критерием прожитой жизни. Эпиктет провозглашал: «Выдерживай и воздерживайся». Можно отнять у человека жизнь, но его мысли и волю никто не в состоянии подавить. Марк Аврелий призывал провести свою жизнь в согласии с природой, а затем расстаться с ней так же легко, как падает созревшая олива, славословя природу, ее породившую и с благодарностью к произведшему ее дереву.

Средневековая философия рассматривала жизнь и смерть в духе христианской традиции. В работе «О двух градах» Св. Августин утверждал, что царство земное создано любовью человека к себе, дошедшей до забвения бога, и называл этот град «великой разбойничьей организацией». Истинным является только царство небесное, созданное любовью человека к богу, вплоть до забвения самого себя. Поэтому земная жизнь – это только подготовка к жизни вечной, небесной. Смерть понималась в христианской фило-

софии как разделение души и тела и как откровение духовного мира. Смерть это не окончательная стадия бытия, это переход к высшему смыслу, соединению с богом.

В эпоху Возрождения одной из черт мировоззрения становится гедонизм – наслаждение земной жизнью, радостное восприятие бытия. Именно деятельность человека, считал Пико делла Мирандола, делает его смертным и / или бессмертным. В то же время, М. Монтень в своих «Опытах» утверждал, что рассуждать о смерти значит рассуждать о свободе. Кто научился умирать, тот разучился быть рабом. Готовность умереть избавляет нас от всякого принуждения и подчинения. Нет в жизни зла для того, кто постиг, что потерять жизнь не зло.

В Новое время философия больше интересовалась онтологическим и гносеологическими проблемами, чем вопросами антропологии. Человек рассматривался как сугубо родовое существо. По мнению Б. Спинозы, свободный человек ни о чем так мало не думает, как о смерти и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни. Чуть позже прагматизм видел в смерти поражение человека, болезненное напоминание об ограниченности нашей власти над природой.

Значительно большее внимание уделяла вопросам жизни и смерти неклассическая философия. С точки зрения А. Шопенгауэра, жизнь лишена всякого смысла, потому что она заканчивается смертью. Жизнь – не подарок судьбы, а большое несчастье, ибо она полна страданий. Что бы человек не предпринимал, он все равно обречен на поражение. Поэтому надо подавить в себе волю к жизни, перестать быть ее рабом, отказаться от погони за удовольствиями, от непомерных желаний, стать аскетом, которому ничего от жизни не надо. А на смерть надо смотреть как на главную цель жизни. Ожидание смерти, ее предчувствие, ее возвращение – вот на что способен разумный человек в отличие от животного.

С. Кьеркегор, в свою очередь, выделял три формы человеческого существования. Пребывая в эстетической форме существования, человек живет минутой, порхает как бабочка, предается удовольствиям. Однако наступает момент, когда он задумывается о смерти, испытывает страх и отчаяние. Это приводит его к этической форме существования. Человек начинает вести себя нравственно, поступать в соответствии с долгом, общественными канонами. Но этого мало. У человека есть долг перед самим собой, который состоит в том, чтобы обрести себя. А обрести себя можно только в вере – в религиозной форме существования. Вера – альтернатива отчаянию. Жизнь, полная страданий, обретает смысл и оправдание как путь к спасению. Страх смерти уступает место ее ожиданию как мосту в вечное блаженство. Отсюда – внешне парадоксальный вывод: «Смерть есть всеобщее счастье всех людей».

Тема жизни и смерти волновала и русских философов. Н. Федоров предложил целую оригинальную неохристианскую систему – космизм, подчиненную идее «патрофикации» (воскрешение предков – «отцов»), которая подразумевала воссоздание всех живых поколений, их преображение и возвращение к богу. А С. Франк полагал, что смерть в ее явно-видимом значении есть самый выразительный показатель внутреннего надлома бытия, его несовершенства и потому его трагизма; но одновременно смерть по своему внутреннему смыслу есть потрясающее таинство перехода из сферы дисгармонии, из сферы тревог и томления в сферу вечной жизни.

Мотивы танатологии (учения о смерти) сильны в экзистенциализме. По мнению М. Хайдеггера, обыденное существование человека является неподлинным, безличным, бездуховным, наполненным пустой болтовней и суетой будничных дел. Но рано или поздно человеку приходится задуматься о смерти, и он начинает испытывать метафизический ужас: он на краю пропасти, за которой ничто. Он не по своей воле вброшен в этот мир и не по своей воле уйдет из него. Смерть – это «невозможность дальнейшей

возможности» а жизнь – это «бытие к смерти». Но это ощущение своей смертности делает существование человека подлинным. Он понимает кратковременность и неповторимость своего бытия, начинает ценить жизнь, пытается реализовать себя.

А. Камю, в свою очередь, считает человеческое существование абсурдным. Абсурд в разладе между порывом человека к вечному и конечным характером его существования, между усилиями, беспокойством человека и бессмысленностью всех его усилий. Поэтому центральным вопросом философии становится вопрос о самоубийстве: стоит ли жизнь того, что бы ее прожить? Ответ заключается в том, что даже в ситуации абсурда жизнь является ценностью, равной которой у человека нет. «Человек смертен? Возможно. Но давайте умирать сопротивляясь».

В современном обществе можно обнаружить две тенденции в отношении к проблемам жизни и смерти. С одной стороны, все явственнее ощущается явление, названное Э. Фроммом некрофилией: болезненное пристрастие к ужасам, катастрофам, смертям, убийствам, трупам. С другой стороны, пропагандируется брутально-витальное отношение к жизни, утверждается представление о вечной молодости, красоте и здоровье каждого человека. Эти тенденции, навязываемые массовой культурой, несовместимы с гуманистическими интерпретациями жизни и смерти, с которыми молодые люди могут познакомиться в курсе философии.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГУМАНИТАРИЕВ

В. А. Еровенко

Для математиков характерно практическое отношение к своей духовной истории, поскольку главный путь математического открытия состоит в разработке темы интеллектуальными методами как использовавшихся в математике предшествующих уровней, так и отличающихся от них более высоким уровнем абстрактного символизма. В естественнонаучном знании распространено почти немотивированное, стройное и систематическое изложение теории. То особое, что выделяет философию и методологию математики из более общих концепций философии науки, определяется, прежде всего, самим предметом математики, интерпретацией мировоззренческих принципов в процессе математического познания и отношением к духовному творчеству в целом.

Основной характеристической особенностью духовно-нравственного потенциала математического образования гуманитариев, которая в значительной степени обусловливает собой все остальное, является воспитание у учащихся и студентов способности к полноценной аргументации или культуре мысли. «По моему многолетнему опыту, – говорил известный специалист в области теории вероятностей А.Я. Хинчин, – работа над усвоением математической науки неизбежно воспитывает – исподволь и весьма постепенно – в молодом человеке целый ряд черт, имеющих моральную окраску и способных в дальнейшем стать важнейшими моментами в его нравственном облике» [1, с. 66]. Среди ряда важнейших конкретных разновидностей в формировании полноценной аргументации он выделяет: борьбу против незаконных обобщений, борьбу против необоснованных аналогий и борьбу за полноту классификации.

Так как методологическое требование полноты классификации выделяет математику среди других наук, то именно математическое образование более всех других мировоззренчески-образовательных дисциплин воспитывает у учащихся и студентов этот обязательный элемент правильного мышления. Многие могут по этому поводу возра-

зить, что можно «привести ум в порядок» и без знания математики. В действительности мало кому в повседневной жизни хотя бы раз потребовалось сложить обыкновенные дроби, решить квадратное уравнение или логарифмическое неравенство, продифференцировать или проинтегрировать функцию, применить на практике круги Эйлера из теории множеств или вычислить классическую вероятность. Но если мы говорим о духовно-нравственном потенциале математического образования, то интерпретируем его как образование с помощью современной математики, ориентированное на общее интеллектуальное и общекультурное развитие личности.

При этом гуманитарная ориентация при обучении математике должна стать основной не только в средней школе, но и может естественно развиваться в системах профильного образования, причем не только гуманитариев. Гуманитарная ориентация предполагает учет интересов и способностей студентов-нематематиков, основываясь на изложении понимаемой математики, которая может стать продуктивным полем дальнейшей творческой деятельности. Например, проблема сложности языка математики и переусложненности математических теорий стала не только проблемой философии математического образования, но и проблемой междисциплинарных связей, хотя поиск универсального критерия сложности не привел пока к значимым общеметодологическим результатам. В таком сложном философском контексте начало духовно-нравственного потенциала математического образования надо искать в субъекте познания, а не в познании объектов современной математики.

Если результатами интеллектуальной деятельности в области математики является математическое знание, то духовность воплощается в философско-математических взглядах. Это положение можно конкретизировать с помощью следующего рассуждения российского философа В.Ж. Келле: «Если интеллект направлен на познание и преобразование мира в соответствии с добытым знанием и общественными интересами, то духовность воплощает осознание человеком себя как мыслящего и действующего субъекта, живущего в обществе, но имеющего свой внутренний мир, обладающий свободой воли и потому ответственного перед собой и перед людьми» [2, с. 49]. Философская специфика духовно-нравственного потенциала математического образования связана с важным этапом отношения человека к окружающему миру – перехода от приспособления к среде к приспособлению среды к своим потребностям.

В математическом образовании гуманитариев действует своеобразный «принцип неопределенности», который сродни квантовому принципу, а именно, чем больше мы уточняем в одном месте, тем больше у нас расползается в другом. Иначе говоря, платой за точность математического изложения является субъективная неопределенность в оценке этой строгости и точности со стороны гуманитарного сообщества. Поэтому принцип «неопределенности в образовании» предостерегает о невозможности полного взаимопонимания представителей математического и гуманитарного знания, точнее от упрощения проблемы реального взаимодействия представителей математического и гуманитарного знания. Но с другой стороны, не ограничивает возможности более или менее тщательного согласования индивидуальных контекстов мировосприятия в совместном диалоге. Неопределенность в логике представителей чисто гуманитарного знания – это условность, возведенная в рабочий принцип, смещающий категоричность рассуждений в зависимости от сопутствующих обстоятельств из позитивных оценок в негативные и наоборот. Относительность такого рода оценок – это и есть проявление «гуманитарного принципа неопределенности», поскольку не всегда законы логики нашего рассудка гарантируют отыскание математической истины в такой ситуации неопределенности.

Следует отметить, что большинству студентов-гуманитариев нужна хорошая мо-

тивация, в роли которой математическая теория, даже очень стройная, чаще всего выступать не может. Хорошо известно, что моральные навыки, приобретенные в какой-либо области знания, в значительной мере переносятся и на более широкие сферы мышления и практической деятельности. В этом смысле полнота аргументации, интеллектуальная честность и правдивость, являющаяся составной частью научного мышления человека, занимающегося математикой, довлеет над ним и в жизненных ситуациях практического поведения. В математике нет «наполовину доказанных» или «почти доказанных» утверждений. Знакомство с основами таких разделов современной математики, как «элементы теории множеств», «классическая теория вероятности», «математические методы в экономике» и других тем, профессионально ориентированных на конкретные гуманитарные специальности, воспитывает у студентов-гуманитариев высокую требовательность к полноценной аргументации, что в свою очередь способствует формированию моральных и нравственных принципов.

Принято считать, что целью обучения математике является развитие логического мышления. Для людей, так и не одолевших курс школьной математики, этот тезис звучит не достаточно убедительно. Правильнее было бы сказать, что целью такого обучения является развитие логической интуиции, которая вместе с выработанной математической интуицией становится важнейшим инструментом исследования и ориентиром в практических прогнозах. Потребность в целостном междисциплинарном осмыслении действительности способствует выявлению влияния социальных и культурных факторов на становление научных теорий. «Методология и философия математики XX столетия дает серьезные основания для такого подхода к современному математическому образованию. Методологически их сближает широкое использование математического моделирования, дедуктивных методов и современного математического аппарата» [3, с. 100]. Рассматривая математическое университетское образование гуманитариев с этой точки зрения, можно говорить об общности интеллектуальных задач математического и гуманитарного познания. В оппозиции математических и гуманитарных наук «философия помогает математике, но не подменяет ее», а активно способствует встречному движению с обеих сторон.

В студенческой аудитории, независимо от ее практической специализации, сейчас более предпочтителен не монолог преподавателя, а диалог профессора математики и студента, специализирующегося в конкретной гуманитарной области знания, который может стать реальной основой междисциплинарного синтеза в образовании. Результат духовно-нравственного математического влияния, к которому следует стремиться, состоит в усвоении гуманитариями той дисциплины мышления, о которой шла речь выше. Теоретически декларируется, что формирование такой «дисциплины мышления» проходит на школьных уроках математики, но практически этого не происходит, когда математика преподается неинтересно, а чаще преподается не та математика, которую необходимо изучать, чтобы она могла стать «тренингом мышления».

Литература

1. Хинчин, А.Я. О воспитательном эффекте уроков математики // Вестник Московского ун-та. Сер. 20. – 2010. – № 3. – С. 66–73.
2. Келле, В.Ж. Интеллектуальная и духовная составляющие культуры // Вопросы философии. – 2005. – № 10. – С. 38–54.
3. Еровенко, В. Математика для гуманитариев: диалог в культуре // Беларуская думка. – 2005. – № 9. – С. 98–103.

ФИЛОСОФИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОГО СОДЕРЖАНИЯ

Н. В. Михайлова

В традиционном философском понимании духовность включает в себя нравственное, познавательное и эстетическое начало. Важнейшей сферой духовной деятельности, соответствующей этим человеческим способностям, является математическое познание и философия. Для философии современной математики остается проблематичным отношение математического мышления к наблюдаемой реальности. Укоренившаяся привычка искать в окружающем мире прообразы подобно шкале термометра для положительных и отрицательных чисел, вызывает некоторый дискомфорт, когда такие прообразы не находятся. Хотя прежний опыт мешает принять новое знание, даже когда есть его наглядные прообразы. Но с точки зрения образования остается неизменным акцентированное духовное содержание математического знания.

Актуализация духовно-нравственного потенциала математики реализуется в выявлении ее гуманитарного аспекта на примере разноуровневого математического образования. В частности, это относится к пониманию специфики «человеческого фактора» в процессе нахождения математического доказательства, опирающегося на феномен интуиции в математическом познании и методологию математики. Математическое познание возможно лишь потому, что в мире уже существуют формы и духовное содержание, а творческим оно становится тогда, когда от простого восприятия переходит к духовному открытию нового содержания. Духовное содержание философии современного математического знания стремится преодолеть «философию сознания», основанную на субъектно-объектных отношениях и противопоставлении материи и духа.

В наше время новых социокультурных реальностей информационной эры не очень убедительно выглядят аргументы, согласно которым «“засилье” математики и точных наук многими расценивается как главная причина “бездуховности” современной цивилизации» [1, с. 133]. Суть проблемы состоит не в математическом знании и основанном на нем образовании как таковом. Во-первых, к духовной компетенции философско-математического познания можно отнести способность осознавать себя носителем общечеловеческой культуры, призванным нести ответственность за свою судьбу. А во-вторых, при таком подходе, философ или математик – это скорее духовный наставник, чем учитель в традиционном понимании. Хотя преподавание современной математики в значительной мере ориентировано на технические вопросы и логические навыки, эти умственные занятия тоже составляют часть системы воспитания души в целом. Именно духовное измерение математического познания помогает нравственно совершенствовать современную учащуюся молодежь.

Наука обеспечивает единство духовного мира и непрерывность духовного процесса, отображая тем самым единство и непрерывность любого процесса познания. Философия математики в целом, как и сама математика, тоже является реакцией на единство в русле целостности духовных и материальных ценностей. Хорошо известно, что Г.В.Ф. Гегель строил свою философию как систему взаимосвязанных дисциплин и разделов. Наиболее точно и полно это единство было описано Гегелем не в его знаменитой диалектической триаде «тезис – антитезис – синтез», а в его системной триаде философии «наука логики – философия природы – философия духа». Одно из наиболее значимых следствий гегелевской триады для философии математики и философии математического образования состоит в идее высокой духовной активности субъекта в процессе познания, которое становится не только познанием мирового разума или духа, но и важ-

нейшей характеристикой человеческого сознания.

Для понимания составляющих элементов гегелевской системной триады подчеркнем, что у Гегеля дух и духовное, философия и наука – это продукты самопознания идеи. В таком контексте Гегель – рационалист, и в его духовности нет нечего мистического или иррационального. Поскольку философия выступает рефлексией над всеми формами духа, то она включает и себя как форму познания, что вполне естественно, так как духовная природа человека заключается в разуме. Именно в разуме и духовности проявляется подлинная природа человека. Можно утверждать, что математические понятия и объекты непосредственно постигаются мыслящим духом. Категориальные состояния духа включают в себя понятийное содержание, которое он рассматривает как исторически возникающие формы познания и сознания. Поэтому, фиксируя развивающиеся основания духовной культуры, Гегель стремился осуществить переход к структурному видению органично развивающейся целостности.

Наличие собственного содержания в понятии «духовное» проявляется в том, что другие проявления социокультурного уровня жизни общества не фиксируют данную деятельность во всей ее многогранной целостности. Как отмечает М.С. Каган, глубоко анализировавший эту проблему, «точно так же, как в познавательном и ценностном аспектах духовной активности личности, духовность проявляется в ее проективном аспекте не только в целеполагании действий, направленных вовне, но и в самопроектировании, в идеальном самосозидании, в потребности самосовершенствования, постоянного возвышения человека и общества над реальным самим собою, сегодняшним, сиюминутным» [2, с. 97]. То есть для него духовность – это важнейший специфический атрибут личности, человека как субъекта познания, а бездуховность – это признак утраты личностью субъективных качеств и по существу ее вырождение.

Безусловно, что такая трехсторонняя характеристика духовного не является исчерпывающей, поскольку ее полнота предполагает философское выявление духовной силы человеческого общения, что реально проявляется на примере математического образования. Одна из проблем современного математического образования заключается в том, что школьная математика ориентирована, прежде всего, на «правильные» доказательства теорем, что, по существу, сводится к приблизительной имитации рассуждений учителя. Только пресловутая «математическая строгость», может оправдать в глазах среднестатистического школьника те мучения, которые он испытывает «доказывая» теоремы, которые до доказательства казались ему гораздо более «очевидными». Даже важнейшие понятия элементарного школьного курса математики стали труднодоступными для многих учащихся. Это проблема не только преподавателей, но и философии математического образования, в которой существует множество недостаточно обоснованных мнений о природе математики, поскольку они не опираются на философию математики во всей ее мировоззренческой общности.

Одна из причин современного кризиса математического образования заключается в том, что сознание учеников педагогически неоправданно затмевается дедуктивными рассуждениями, претендующими на строгость изложения, которая по существу не имеет решающего значения для практического усвоения и понимания смысла учебных теорем. Безусловно, строгость должна присутствовать в математике школьного уровня, но следует помнить о том, что степень строгости выверяется и методологически ограничивается понятностью изложения нового математического материала. Особенность методологии математики состоит в том, что она задает логику рефлексии и логику связи системно-деятельностного подхода и философско-образовательной рефлексии в выявлении смысла. Чтобы воспринять смысл абстрактного понятия, надо, во-первых, иметь в своем опыте достаточный запас предварительных частных случаев, а во-вторых, уметь

выявлять духовную мотивацию к обобщению понятий. Но при этом нельзя упускать из виду, что смысл чего-либо существует только для человека и для разных групп учащихся он может быть разный.

Философский акцент исключительно на формалистском направлении в преподавании математики создает впечатление, что математика – это методологический инструментарий, используемый в естественных науках как некой совокупности приемов обучения. Например, дедуктивный стиль, к которому, вообще говоря, не сводится педагогически обоснованное изложение математики, вносит искаженный взгляд на предмет, поскольку дедуктивистский стиль преподавания скрывает возникающие сложности и при этом исчезает история процесса поиска математического доказательства. Одна из важнейших функций математики состоит «в создании атмосферы интеллектуальной научности, проявляющейся в постановке таких проблем, без раздумий над которыми наша духовная жизнь была бы неполноценной» [3, с.55]. В широком понимании культурной активности людей духовная жизнь общества проявляется в философском мировоззрении через все виды когнитивной деятельности на основе полноценного образования. Существенную роль в этом процессе играет мировоззренческий уровень наиболее образованной части общества, который недостижим без синтеза социально-гуманитарного и математического знания.

Литература

1. Мороз, В.В. Математическое образование: духовное измерение // Высшее образование в России. – 2005. – № 7. – С. 133–137.
2. Каган, М.С. О духовном (Опыт категориального анализа) // Вопросы философии. – 1985. – № 9. – С. 91–102.
3. Михайлова, Н.В. Философско-математическое познание и его духовное содержание // Адукацыя і выхаванне. – 2008. – № 10. – С. 55–61.

СОВРЕМЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ И ВНЕДРЕНИЕ ИКТ: СОЧЕТАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО, ЛИЧНОСТНОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО

Н. М. Твердынин

Современное образование на всех его уровнях принципиально изменилось за последние несколько десятилетий. Всеобщая компьютеризация не могла не затронуть образовательное пространство; внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) качественно преобразовало процесс преподавания. С определенной долей допущения можно сказать, что в эдукологическом плане нынешняя эпоха соотносима в определенной мере с эпохой Просвещения, поскольку тогда, как и сейчас, произошел одновременный скачок и в нравственном развитии, и в существовавших на тот момент образовательных технологиях. Именно это обстоятельство способствует тому, чтобы более внимательно отнестись не только к философскому наследию А.С. Довгирда, но и анализу генезиса и эволюции его взглядов как педагога.

Весьма значимым является то обстоятельство, что начало деятельности А.С. Довгирда как преподавателя связано не с высшей школой, а с учительской деятельностью в школах при монастырях, где он преподавал математику и физику. Вероятно, это обстоятельство не могло не повлиять на эволюцию его взглядов и переоценку ценностей не только в философском плане [1], но в отношении взглядов на преподавание, тому значительному вниманию, которое он уделял практическому знанию.

Если же задаться вопросом, что же связывает методологию А.С. Довгирда с современностью, то ответить на него достаточно легко, если сопоставить успехи математики и физики того периода и значительные противоречия связанные с интерпретацией этих успехов гуманитарными науками. В современном знании, при его интерпретации в сфере образования, наблюдается сходная картина. При этом нельзя не отметить особую роль ИКТ, широкое применение которых качественно влияет не только на психологические характеристики учащихся, но и на личность педагога.

Достаточно долгое время внедрение компьютерной техники в школе тормозилось как экономическими причинами, так и социально психологическими: старшее поколение учителей не видело особой необходимости в использовании компьютера, да и соответствующего программного обеспечения, адаптированного под массового пользователя не существовало. В последние же десять пятнадцать лет ситуация кардинально изменилась и в техническом и в психологическом плане. О необходимости максимально широкого применения ИКТ говорят все, включая чиновников от образования. К сожалению, картина не столь благостна, какой кажется на первый взгляд. Постараемся далее кратко проанализировать те проблемы, с которыми сталкивается, как педагог, так и учащийся при массовом, но недостаточно методологически и методически проработанном внедрении ИКТ.

У многих учеников (к сожалению и учителей) создалось ложное впечатление, что «универсальная связка»: персональный компьютер, принтер и сканер плюс Интернет способна разрешить любую проблему, связанную с нахождением учебной информации и оформлением заданий. Это привело к тому, что ученик перестает быть участником процесса познания, то есть из процесса обучения исчезает анализ и переработка информации. Это в свою очередь не дает возможности сформировать соответствующие компетенции. Исторический парадокс состоит в том, что в начале XIX века именно решение физических задач (сфера деятельности современных ЭВМ, откуда они начали свое победное шествие) при одновременном изучении математики, логики и целого ряда других предметов философской и богословской направленности формировало у учащихся целостную (пусть и не во всем верную) картину мира. Именно такой, говоря современным языком, комплексный подход, позволяющий показать значимость практического без отрицания духовного, демонстрировал А.С. Довгирд в своей педагогической деятельности.

Естественно, что нельзя отрицать важность современных информационных технологий для образования. При этом нельзя не сказать, что именно в настоящее время существует достаточно серьезная проблема по их недостаточно эффективному применению в учебном процессе. Если анализировать истинный масштаб проникновения ИКТ в различные предметные области [2, с. 109–110], то можно видеть, что он достаточно невелик практически для всех естественно-научных дисциплин. Представляется, что главная причина этого – неготовность современного учителя взять на себя дополнительную ответственность по позиционированию себя в качестве максимально активного участника педагогического процесса. К сожалению, кризис образования на постсоветском пространстве привел к тому, что учитель в целом ряде случаев чувствует себя социальным аутсайдером [3, с. 86–92]. Именно поэтому среди молодых учителей достаточно широко распространен подход, при котором идет формальное применение ИКТ, что говорит об их социальной, да и профессиональной отстраненности. Ведь современная компьютерная техника позволяет создать и иллюзию качественного обучения, и иллюзию творчества, как у учащихся, так и у педагогов. Порочность такого пути, к сожалению, выявляется только после школы, а бывает и вуза, при переходе бывшего ученика (студента) к практической деятельности. Естественно, что чиновники, представляющие

систему образования так же заинтересованы в формальном, а не творческом (мало поддающемуся учету и формализации) применению ИКТ.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в современной социальной ситуации в образовании применение ИКТ не вышло пока на должный творческий уровень. Одна из основных причин этого явления недостаточная на сегодня социальная значимость фигуры учителя, что ведет к недооценке многими молодыми педагогами важности и необходимости для общества их качественного труда. Необходима многосторонняя деятельность по поднятию не только социального престижа учителя, но и его качественного становления не только в качестве наставника, о и морального лидера. Лишь в этом случае можно будет рассчитывать на эмерджентность системы «информационные технологии – педагогическое сообщество – учащиеся». Примером же такого подхода, не теряющим своей актуальности, служит педагогическая деятельность А.С. Довгирда.

Литература

1. Дорошевич, Э.К. Философия эпохи Просвещения в Белоруссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cheloveknauka.com/ filosofiya-epohi-prosvescheniya-v-belorussii. Дата доступа 02.05.2013
2. Твердынин, Н.М. Образовательные и информационные технологии: есть ли предел взаимодействия? / Н.М. Твердынин // «Теоретические и прикладные аспекты личностного и профессионального развития» Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – СПб., 2011. – Часть 2.
3. Твердынин, Н.М. Общество и научно-техническое развитие. – М.: Агентство Мегаполис, 2012.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ

Е. Ю. Гуртовая, А. А. Гуртовой

Системное освоение культуры бытия протекает не только через изучение накопленного человечеством опыта, жизненных ценностей человечества, но и через самостоятельное творчество. Фактически творческая активность как проявление самостоятельности в решении познавательных, преобразовательных, практико-ориентированных, нравственных задач является инструментом приращения личностью нового качества в процессах восприятия, анализа, конструирования. Творчество не только преобразует предметную реальность, духовную атмосферу в коллективе, но и самого индивидуума.

Преподаватель учреждения высшего образования, должен осознавать тот факт, что творческие специалисты пополняют ряды национальной интеллектуальной элиты нашего государства, являются значимым ресурсом динамичного экономического и культурного развития общества. К сожалению, из-за того, что разрыв во времени между сроком капитальных вложений в образование и сроком получения эффекта приблизительно составляет 10-12 лет, экономистами и аналитиками зафиксирован так называемый «эффект близорукости», заключающийся в том, что вред от экономии на социально-культурном развитии и образовании ощущается большей частью разработчиков стратегий развития общества в отдаленной перспективе.

Ряд объективных причин указывает на необходимость специальной подготовки педагогов для работы с талантливой молодежью на всех уровнях системы образования. Неподготовленные преподаватели часто не могут заметить одаренность, не знают особенностей таких студентов; зачастую равнодушны к их проблемам; иногда враждебно

настроены по отношению к высокоинтеллектуальным студентам, поскольку те создают определенную угрозу педагогическому авторитету. Кроме того ряд преподавателей использует для талантливых студентов тактику количественного увеличения заданий, а не качественных их изменений.

Многочисленные психолого-педагогические исследования [1] [2] [3] доказали, что механическое увеличение объема учебного материала, повышение его трудности при работе с одаренными студентами не содействует их личностной, творческой самореализации и не решает тех психологических и когнитивных проблем, которые неизбежно возникают у юного таланта в условиях традиционного обучения.

Известно, что «затухание» одаренности детерминируется ограниченностью личного опыта творческой деятельности и недостаточным развитием волевых качеств. С целью развития настойчивости процесс формирования опыта творческой деятельности студента должен включать мысленное построение и эмоциональное предвосхищение будущей ситуации, связанной с принятием того или иного решения. Наращивание опыта рефлексии, опыта выстраивания приоритетов, конструирования образа будущего укрепляет мотивацию и развивает готовность личности к саморегуляции. Волевые качества развиваются также на основе умелости, овладения навыками значимой деятельности.

Можно выделить следующие принципы организации образовательной среды направленной на развитие творческой активности для учреждения образования в целом: принцип открытости - обеспечение интенсивности взаимодействия студентов с различными социальными структурами, деятелями культуры, науки, производства; программно-целевой подход к управлению функционированием учебного заведения, обеспечивающий сбалансированность возможностей физического, нравственно-правового, интеллектуального, гражданского развития студентов.

Кроме того на уровне каждого преподавателя необходимо способствовать развитию творческой активности студентов, особенно при работе над творческими задачами, руководствуясь следующими принципами.

Найти «точку роста» личности студента. В силу различных причин творческая активность проявляется не во всех видах деятельности. Более того, она может проявляться в деятельности вне рамок учебного процесса. Поэтому для успешной работы с каждым студентом преподаватель обязан найти его сильную сторону и дать ему возможность проявить ее, почувствовать вкус успеха и поверить в свои возможности, иногда и за рамками учебной программы.

Вести консультации по индивидуальному расписанию и в малых группах. Цель подобных видов деятельности преподавателя - поддержание студента в его «точках роста» и предполагает возможность индивидуальной скорости продвижения при выполнении индивидуального или совместного творческого задания. Только в обстановке малых групп, объединенных по уровню знаний и (или) интересам можно достичь подлинно индивидуального подхода и обеспечить индивидуализированную помощь каждому студенту.

Не торопить и не подгонять. Не следует форсировать обучение в тех областях, где студент сталкивается с трудностями. Может развиться отвращение к учебе или иждивенческая позиция, при которой студент просто ждет от преподавателя готового ответа.

Растить личность, а не только профессионала. Часто профессионализация ведет к сужению интересов и препятствует формированию творческой личности. Особенно явно это проявляется относительно проблемы адаптации на первом курсе школьных «вундеркиндов» которые, часто «перегорают» до того, как становятся, действительно творческими специалистами.

Совместное творчество. Преподаватель в своей профессиональной деятельности должен стремиться не столько к тому, чтобы передать определенную совокупность знаний, сколько помочь студентам сделать самостоятельные выводы и открытия. Кроме того для формирования творческой активности особенно важно наличие образцов творческого поведения значимых состоявшихся личностей, в том числе и преподавателей, опыт общения и совместного творчества с такими людьми.

Давать возможность проявить воображение. В познавательной деятельности человек движется не только путем логических умозаключений, но и путем игры ассоциаций, воображения, которые в определенных случаях подсказывают способ решения задачи. В любой области знаний одной логики недостаточно. Как замечает Г. Гиргинов, «часто только воображение ведет к истине» [4, с. 51]. Поэтому наряду с развитием логического, систематизированного мышления, педагогический коллектив призван в течение всех лет обучения стимулировать работу воображения, позволяющего студентам преодолевать скованность мысли, выходить за рамки усвоенных стереотипов, отрываться от действительности, но одновременно поддерживать с ней прочную связь. Это достигается широким использованием в преподавании любого предмета методик развивающего обучения; вовлечением учащихся в исследовательскую деятельность; функционированием творческих объединений (социального, научного, технического, художественного и других направлений).

Культура педагогического оценивания. Любой человек достаточно остро переживает оценочные суждения. Зачастую в ситуации оценивания учитывается не только содержание, но и интонация, мимика преподавателя, сопровождавших оценочное суждение в адрес студента, поэтому оценка в определенных случаях вызывает глубокое эмоциональное потрясение, а элементы некомпетентности в этом виде деятельности блокируют формирование у студентов внутренних механизмов личностного роста: становление позитивного «образа Я», принятие социально значимых эталонов для самооценивания.

Назначение оценочной деятельности преподавателя состоит не только в том, чтобы давать обратную связь студенту о результативности его личностного роста, но главным образом в том, чтобы приучить его к критериям (эталонам) самооценивания, чтобы он стал подлинным субъектом образовательного процесса, грамотно оценивал свой учебный, а в дальнейшем профессиональный рост. Приучая студентов к рефлексии познавательных процессов, выявлению личных трудностей в освоении новой темы, преподаватели спустя какое-то время отмечают увеличение внутренней собранности студентов, повышение качества ответов.

Изложенные принципы организации учебно-воспитательного процесса и организации образовательной среды образуют программу-максимум, выполнить которую в полном объеме непросто. Пребывание в такой среде побуждает воспринимать и других и себя как мир огромных возможностей. Однако опыт их применения показывает большой развивающий эффект, а позитивные результаты могут быть достигнуты уже при частичной реализации этих принципов.

Литература

1. Ильин, Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. – СПб., 2009.
2. Матюшкин, А.М. Концепция творческой одаренности // Вопросы психологии. – 1989. – № 6. – С. 29–33.
3. Жук, А.И. Нестандартные дети системы образования Беларуси (к 15-летию первых белорусских лицеев и гимназий) / А.И. Жук, А.И. Добриневская // Кіраванне у адукацыі. – 2005. – № 3. – С. 21-29.
4. Гиргинов, Г. Наука и творчество. – М., 1979.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ И УЧАЩИХСЯ БЕЛОРУССКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

О. Г. Лукашова, А. И. Лукашов

Когнитивная составляющая правовой культуры личности представлена правовыми знаниями, правовой информированностью, правовым мышлением человека. Особое значение правовые знания, их систематическое обновление, приобретают в новых социально-экономических и политических условиях жизнедеятельности, вызванных трансформационными процессами, происходящими в обществе, когда правовая система претерпевает значительные изменения в процессе реформирования. Когнитивный компонент правовой культуры личности включает в себя не только знание правовых норм, но также развитые навыки пользования разнообразными источниками правовой информации, умение подходить к различным жизненным ситуациям с позиций закона, умение соотносить требования норм права с общественными (экономическими, политическими, социальными) процессами и явлениями.

В социологическом исследовании, проведенном авторами в 2013 г. среди студентов и учащихся 14 учреждений профессионального образования Беларуси (ВУЗов, ССУЗов и профессионально-технических лицеев), для характеристики состояния когнитивного аспекта правового сознания молодежи в качестве одного из эмпирических показателей использовалась самооценка личного уровня правовых знаний. Студентам и учащимся (с выделением контрольной группы студентов-юристов) предлагалось по трехбалльной шкале («Знаю хорошо», «Знаю в общих чертах» и «Не знаю») оценить уровень знания своих прав, гарантированных международным и белорусским законодательством в важнейших сферах жизнедеятельности.

Обращает на себя внимание тот факт, что представители всех образовательных групп дифференцированно подошли к оценке знания своих прав и свобод в различных областях, регулируемых законодательством. Результаты показали, что более осведомленными студенты и учащиеся являются в области личных прав и свобод, менее всего знают свои экономические права.

Как и ожидалось, наиболее информированной группой молодежи в контексте знания своих прав, является контрольная группа студентов-юристов. Большинство членов этой группы оценили свои знания, как хорошие («Знаю хорошо») и эта оценка намного превышает распространенность оценок «Знаю в общих чертах» и «Не знаю». Так, студенты-юристы дают следующую градацию оценок своих правовых знаний:

– *личные права и свободы* (право на защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь, на неприкосновенность жилища и иных законных владений, свобода совести и вероисповеданий и др.): знают хорошо 78,5% студентов-юристов, знают их в общих чертах 17,7%, не знают – 3,8%;

– *политические права и свободы* (право избирать и быть избранным, свобода объединений; свобода собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и др.): знают хорошо 73,1%, знают в общих чертах 24,6%, не знают – 2,3%;

– *социальные и культурные права и свободы* (на образование, на равную оплату за равный труд, на отдых и досуг, на социальное обеспечение и др.): знают хорошо 61,5%, знают в общих чертах 36,2%, не знают – 2,3%;

– *экономические права* (право на собственность, право на труд, на свободную предпринимательскую деятельность и др.): знают хорошо 38,5 % студентов-юристов, знают в общих чертах 56,9%, не знают 4,6%.

Разброс приведенных оценок позволяет сделать вывод, что в группе студентов-

юристов отсутствует демонстративное завышение уровня своих знаний, обусловленное высшим уровнем получаемого профессионального образования. С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что среди будущих профессиональных юристов, пусть и на этапе профессионального обучения, наличествует группа от 2,3 до 4,6 % студентов, не усвоивших знания по ряду изучаемых правовых дисциплин.

Согласно полученным в исследовании данным, в трех других, выделенных по уровню образования, группах студентов и учащихся (высшее не юридическое, среднее специальное; профессионально-техническое), в отличие от контрольной группы студентов-юристов, респонденты выбирают в качестве преобладающей оценки своих правовых знаний позицию «Знаю в общих чертах». Распределение ответов по группам трех уровней образования представлены в таблице 1.

Таблица 1. Оценка студентами ВУЗов (В) и учащимися ССУЗов (С) и ПТУ (П) уровня знания прав и свобод, гарантированных международным и белорусским законодательством,%

	Личные права и свободы			Социальные и культурные права			Политические права			Экономические права		
	В	С	П	В	С	П	В	С	П	В	С	П
Знаю хорошо	45,7	44,4	44,4	32,1	29,6	29,6	29,3	21,1	20,4	13,6	11,3	19,7
Знаю в общих чертах	48,6	51,4	51,4	64,3	61,3	64,1	60,0	66,2	66,2	75,7	76,1	76,1
Не знаю	5,7	3,5	3,5	2,9	8,5	5,6	10,0	12,0	12,7	10,0	12,0	3,5

Обращает на себя внимание низкая самооценка знаний, которую дают студенты ВУЗов не юридических специальностей. Она практически не отличается от оценок учащихся средних специальных и профессионально-технических учебных заведений, а в отношении оценки знания экономических прав даже ниже, чем у учащихся профессионально-технических лицеев (ответы «Знаю хорошо» дали соответственно 13,6 % студентов ВУЗов и 19,7 % учащихся ПТУ). Полученные данные позволяют ставить вопрос о качестве и объеме правовых знаний, предоставляемых высшими учебными заведениями студентам технических и гуманитарных (не правовых) специальностей.

Таким образом, эмпирически установлено, что за исключением контрольной группы студентов-юристов, во всех трех выделенных по уровню образования группах студентов и учащихся, уровень правовых знаний, замеряемых по самооценке знания основных прав и свобод, отличается незначительно. То есть не дифференцируется по уровню получаемого образования.

Направленность на прагматизацию образования в высшей школе, свертывание курсов обществоведческих дисциплин, в том числе и этико-правовой направленности, ведут к существенному сужению объема правовых знаний будущих молодых специалистов, а, следовательно, и к снижению способности к ценностной ориентации, к морально-правовому выбору в своем поведении.

Базировавшаяся на единстве обучения и воспитания система классического советского образования оправдывала себя на протяжении десятков лет, готовя не только специалистов-профессионалов высокого уровня, но и нравственно состоятельную личность. Сокращение сроков обучения в высшей школе, сужение курсов гуманитарных дисци-

плин с большой долей вероятности приведет к ослаблению в этой диаде (образование / воспитание) нравственно-воспитательной составляющей.

Реформирование правовой системы с момента обретения страной независимости, обусловило актуальность проблемы предоставления своевременной и достоверной правовой информации гражданам. Существенным показателем правовой культуры учащейся молодежи является умение пользоваться источниками правовой информации.

Обеспечение доступа широких слоев населения, в том числе и учащейся молодежи, к информации имеет огромное значение для повышения уровня правовой культуры общества. В Беларуси в этом направлении деятельности органами государственного управления проделана значительная работа. Белорусское государство гарантирует своим гражданам право на получение полной, достоверной и своевременной правовой информации. В соответствии с белорусским законодательством, государственные органы и иные государственные организации в пределах своей компетенции призваны обеспечить совместно с Национальным центром правовой информации формирование единого информационно-правового пространства Республики Беларусь. Достигается это посредством внедрения и использования в их деятельности эталонного банка данных правовой информации, иных государственных информационно-правовых ресурсов, информационных технологий и информационных телекоммуникационных систем, функционирующих на основе общих принципов, а также участия в их развитии и совершенствовании [1].

Для характеристики когнитивной составляющей правовой культуры молодежи важно знать, какой информационный ресурс задействуют молодые люди для восполнения своих правовых знаний.

Очевидно, что профессиональная подготовка студентов-юристов предоставляет им множество возможностей для получения правовых знаний самого высокого уровня. Для них характерно пользование самыми полными и достоверными источниками правовой информации. По результатам опроса, первые пять ранговых позиций в перечне правовых источников, которые задействуют студенты-юристы, занимают: *Национальный правовой Интернет-портал*, учебные правовые дисциплины, компьютерные правовые базы, Национальный реестр правовых актов, специальная юридическая литература – ими пользуются от 85,4 % до 50,8% студентов юридических специальностей.

Для учащейся молодежи трех других групп разного уровня образования (не юридического профиля), перечень приоритетных источников совсем иной. На первом месте у всех находится *телевидение:* это главный источник правовой информации для 68,6% студентов ВУЗов не юридических специальностей, 74,6 % учащихся ССУЗов и 78,2 % студентов профессионально-технических учебных заведений. Чем ниже уровень образования, тем популярнее телевидение в качестве источника правовой информации. Но на телевизионных каналах крайне мало программ правового характера. Исходя из установленного факта, что учащаяся молодежь рассматривает телевидение как первостепенный канал получения правовой информации, необходимо интенсифицировать в Беларуси создание молодежных телевизионных правовых программ.

Следующие ранговые позиции (ранг 2–6) в перечне источников правовой информации для трех выделенных групп учащейся молодежи занимают:

– неспециализированные Интернет-порталы (для 67,1 % студентов ВУЗов, для 61,3 % учащихся ССУЗов и 53,5 % учащихся профессионально-технических лицеев);

– разъяснения родственников и друзей (для 51,4 % студентов ВУЗов, 58,7 % учащихся ССУЗов и 54,2 % учащихся профессионально-технических лицеев);

– учебные правовые дисциплины (для 51,4 % студентов ВУЗов, 45,8 % учащихся ССУЗов и 29,6 % учащихся профессионально-технических лицеев);

– публикации в периодической печати, в газетах и журналах (для 51,4 % студентов ВУЗов, 43,7 % учащихся ССУЗов, 39,4 % учащихся профессионально-технических колледжей и лицеев).

Наименее популярны в качестве источников правовой информации общественные организации типа «Общественных юридических приемных», студенческих «Юридических клиник». Это объясняется, на наш взгляд, недостаточной их распространенностью в учреждениях образования Беларуси. И если для студентов-юристов и студентов вузов не юридического профиля их значение невелико, то в среде учащихся ссузов и профессионально-технических колледжей и лицеев их услуги более востребованы. Важно, чтобы работа этих добровольных общественных организаций была приближена к учащимся этих типов учебных заведений.

Согласно полученным данным, не пользуются особой популярностью у молодежи Публичные центры правовой информации, созданные при районных и городских библиотеках для широкого круга граждан. Они более востребованы у студентов-юристов (10,9 %), чем в остальных образовательных группах (от 2,9 % у студентов ВУЗов не юридического профиля до 4,9 % среди учащихся ССУЗов и ПТУ).

Подход к правовой культуре населения, как сдерживающему фактору в распространении социальных девиаций, актуализирует проблему повышения правовой информированности населения. Задача повышения уровня правовой культуры граждан должна находиться в тесной взаимосвязи с политикой в сфере образования, проводимой на всех уровнях и направленной на создание системы, соответствующей запросам личности, общества и государства в получении глубоких и всесторонних правовых знаний. Это положение нашло подтверждение в Программе непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2011–2015 годы, утвержденной Постановлением Министерства образования Республики Беларусь 24.05.2011 года № 16, где отражена необходимость проведения в учреждениях образования активной работы по гражданско-патриотическому, правовому воспитанию молодежи, повышению уровня правовой культуры обучающихся [2]. Среди мероприятий, предусмотренных Программой, особое внимание придается разработке и реализации учебных программ факультативных занятий, направленных на формирование правовой культуры учащихся; организации студенческих правовых олимпиад, смотров правовых знаний; молодежных клубов правовой и воспитательно-профилактической направленности и т.д.

Повышение уровня правовой культуры населения должно быть с необходимостью увязано с воссозданием системы духовно-нравственных, социально-этических, правовых ценностей общества, которые обеспечивают социализацию индивида в русле общечеловеческих ценностей, уважения и соблюдения правовых норм белорусского законодательства; обуславливают становление социально-активной личности, формирование ее гражданской позиции.

Литература

1. Положение о деятельности по распространению (предоставлению) правовой информации в Республике Беларусь. Утверждено Указом Президента Республики Беларусь 20.12.2010 № 712.
2. Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2011–2015 годы / Утверждена Постановлением Министерства образования Республики Беларусь 24.05.2011 № 16 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 06.09.2011, N 99, 8/ 24085.

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ «КОНФЛИКТНОЙ ПЕДАГОГИКИ» И ТРУДНОСТИ РАЗРЕШЕНИЯ ЗАПРОСА НА КРЕАТИВНОСТЬ

Д. В. Ермолович

Ученик спрашивает учителя – Когда наступят перемены? Сколько нужно ждать?
Учитель – Если ждать, то никогда…

Педагогика – форма общественного сознания, т.е. общество осознает себя, воспроизводя себя в культуре, посредством воспитания (через мораль и нравственность), обучения (через науки и искусство), формирования человеческой сущности (через философию и в философии). Современная реальность общественного сознания и общественной жизни (не только глобально, но и локально) выявляет множественный характер как внешнего конфликта сознания и жизни (конфликтогены несоответствия индивидуального и социального, личного и общего, теории и практики, потребления и производства и др.), так и внутреннего конфликта сознания (конфликтогены неадекватности самооценок и притязаний, инфантилизма и т.п.) или жизни (конфликтогены недостаточности ресурсов, средств и т.д.).

В связи с заявленным, на современную педагогику (а также политику, идеологию…) ложится бремя разрешения (подготовки к разрешению) множественных конфликтов, ибо тактика выжидания, игнорирования, безразличия уже социально небезопасна. Речь не идет о личной безответственности (педагога, политика, идеолога…): мазохизм и членовредительство, с последующей жалостью к себе, свойственны всем известным эпохам человеческой цивилизации; речь идет о способности социальных групп, социума в целом достойно отреагировать на глобальный синкретизм социального-политического-экономического в информационном обществе, с текущей одномерностью и массовизацией индивида, когда каждому члену социума (социальной группы) придется пожертвовать личными интересами и сознательно принять императивную модель поведения. Однако установки на человеческую императивность как в культуре, так и в личностном «конструировании» должны уже быть сформированы.

Каковы императивные запросы общества на человеческие качества? Идеальным видится запрос на универсальность: в этом случае общество (как субъект) может снять с себя ответственность за социальные последствия, ибо член общества (как носитель универсальности и иной субъект) в состоянии самостоятельно разрешать возникающие в обществе социальные проблемы (в качестве иронического примера можно предложить образ американского супермена). Но идеальные образования, в логике развития / прогресса, не заданы платоновски-первопричинно – реально, иначе мы попадаем в ситуацию «дурной бесконечности». Поэтому идеальные образования могут задаваться только аристотелевски-потенциально – номинально, т.е. требуют специальной организации усилий, упорядоченности действий, осмысленности целеполаганий по их раскрытию. Таким образом, универсальный субъект требует для своего «производства» специальной технологии, получившей наименование – «технология креативности». И такой запрос, запрос на креативность, в новейшей истории уже сформулирован.

Что мешает удовлетворению запроса на креативность? Кроме известных «нормативных» причин: узость, реактивность, консервативность, репродуктивность мышления; необходимо обратить внимание на причину редко обсуждаемую современной, в том числе и педагогической, общественностью. На эту причину, хотя и не явно на примере организации коллективной мыследеятельности и развития «методологического движе-

ния», в свое время обратил внимание разработчик СМД-методологии Г.П. Щедровицкий: в процессе освоения действительности человек сталкивается с необходимостью формирования «стрессоустойчивости», способности преодолевать непонимание окружающих, отстаивать свою позицию, проявлять принципиальность (сохранять приоритетность при воспроизводстве установленного порядка вещей) и т.п.

Однако формирование «стрессоустойчивости» не самоцель, она предназначена не только для устанавливания личностной позиции и успешного самоопределения, но и предполагает должную организацию (и только потому возможной) командной работы, т.е. того «общественного», что «открывается» у человека в процессе его формирования. В свою очередь, проблема «командности» это не только резонансные эффекты / явления, не только фактическое умножение сил / потенций (от лат. potential – сила), но и отсутствие в современных условиях универсальности, даже профессионализма и по необходимости создание условий для работы в группе по функциональным показателям (типа: генератор идей, критик, аналитик, оптимист, скептик и т.д.).

Технология креативности, поэтому требует специально организованного знания, дидактики в виде «конфликтной, кризисной педагогики» (образ такой педагогики все еще не устоялся). Необходимость такой педагогики возникает не только в ситуации кризиса (конечно же духовного, когда рушится система ценностей и возникает вопрос о социальном и личностном самоопределении, и о том, чему учить и как учить), но и в ситуациях непосредственного дефицита времени (или иных – физических, психических, социальных и т.д. ресурсов, а это фактически явление постоянное), когда требуется ускоренное и качественное решение образовательных или других задач (например, текущее сокращение времени подготовки специалистов в высшей школе).

Естественная природа какого-либо дефицита порождает ситуацию конфликта, которая и должна становится ситуацией обучения в рамках «конфликтной педагогики». Необходимость создавать ситуации невозможности осуществления целенаправленной деятельности из-за тех или иных причин, обнаруживать «разрывы» в деятельности (так подобные ситуации называет Г.П. Щедровицкий) и обучаться их преодолевать в специально организованной деятельной игре (ОДИ-технология), открывает возможность для формирования успешного опыта управления всякого рода конфликтами.

Организационно-деятельностная игра (ОДИ) выступает средством достижения поставленных целей по специально разрабатываемым в каждом конкретном случае сценариям, требует регламентированного и «щадящего» вхождения участников ОДИ в игру, их самоорганизации и самоопределения в ней, от чего во многом зависит успешность и эффективность проводимой игры. Выходу из игры следует уделять особое внимание: игровой, как и виртуальный опыт не только требует коллективной мыследеятельности, рефлексивного анализа и обобщения, но и не должен порождать иллюзий, искажать восприятие действительности. Кажущаяся самодостаточность и тотальность (в шекспировском театре жизни играют все) игры как обучающего метода (деятельности) требует серьезной и ответственной подготовки со стороны ведущих и организующих мыследеятельностную практику: можно знать и даже совершать процесс мышления и не породить ни одной мысли…

Мыследеятельная рефлексия (как участников игры, организаторов, методологов, так и вообще профессионалов, специалистов…) и развитие рефлексивной способности – одна из целей и самоцель ОДИ («конфликтной педагогики»), инструмент и опыт конкретного мышления. «Конкретное мышление» (от лат. concretus – сгущаться, уплотняться, срастаться) – это, по сути, синтезирующая деятельность интеллекта, мышление о мышлении, т.е. конкретное есть синтез многих определений, единство многообразного (И. Кант, Г. Гегель, К. Маркс) и потому рефлексивно. Рефлексия (самоотождествление)

в мышлении – это результат мыследеятельности, в действительности – ее исходный пункт: воспитывает воспитатель, образовывает образованный, изобретает изобретатель, т.е. воспитание, образование, изобретательство и т.п. – это самодеятельность и иным быть не может. Естественность конфликта, самодеятельность, рефлексивная практика – вот основания «конфликтной, кризисной педагогики» и креативного образования: познание начинается с «нет», противоречия, сомнения…

Можно предложить некоторый набор общих требований, способствующий успешности креативного образования. *Методологически необходимо* в рамках специально организованной информационно-образовательной среды: апробировать, использовать, совершенствовать, так называемую, «дидактическую эвристику» (полилог, проблемность, мотивационное и интеллектуальное соответствие); обеспечить в целом дискурсивный (внешний и внутренний) характер образования. *Содержательно необходимо*: обеспечить интегративность, «экологичность» (безвредность) и универсальность процесса обучения; правильно оценивать и критически переосмысливать современные западноевропейские универсалии культуры (активизм, меркантилизм, карьеризм, индивидуализм и др.); выявить и задействовать имеющийся креативный потенциал обучаемого. *Формально-организационно необходимо*: дистанционное, мобильное получение необходимой высокорейтинговой информации; интерактивное профессиональное консультирование.

БУЛЛИНГ И СПОСОБЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

В. П. Старжинский

Буллинг (bullying, от bully – хулиган, драчун, насильник) обозначает запугивание, физическое или психологическое насилие, детскую жестокость, травлю, проявление «дедовщины» в школе. Буллинг как тип поведения характеризуется умышленной агрессивностью и насилием, которое осуществляется регулярно и создает атмосферу страха и подчинения или иерархию власти. Проблема буллинга долгое время замалчивалась, пока не приняла масштабы транснациональной и стала доминирующей во многих странах Запада и Америке. Дети, которые подверглись травле, получают глубокую психологическую травму, которая может привести к тяжелым последствиям вплоть до суицида. Профилактика и предотвращение случаев школьного насилия является важнейшей задачей государства, поскольку жестокое отношение к ребенку неминуемо приводит к деформациям в развитии в личностном и социальном плане.

По данным исследователей, на тысячу учеников в возрасте от семи до одиннадцати лет 23 % детей подвергаются издевательствам со стороны одноклассников. Информационное общество открыло значительные масштабы негативной ситуации в школах. Большая склонность к насилию, обнаруживается у детей из неполных и авторитарных семей. В группу риска входят также семьи с негативным отношением к жизни, конфликтными семейными отношениями, либо с генетической предрасположенностью к насилию. Выделяют формы буллинга. Физическое – применение физической силы и нанесение травм различной степени тяжести, а также порчи личных вещей жертвы и др. Эмоциональное насилие осуществляется в виде, присвоения кличек, гипертрофированных негативных оценок, высмеивания и других видов унижения. Использование анонимных телефонных звонков, жертвами которых могут стать не только ученики, но даже учителя, а также создание искусственного отчуждения посредством отказа от общения (с ребенком отказываются играть, не хотят с ним сидеть за одной партой, не при-

глашают на дни рождения). Сексуальное насилие или совращение – использование ребенка для удовлетворения сексуальных потребностей или получения выгоды посредством вовлечения в проституцию, порнобизнес. Экономическое насилие предполагает использование денежных вымогательств. Жертву также могут принуждать воровать чужое имущество.

Потенциальными жертвами насилия, как правило, являются: 1. Лица, ведущие себя агрессивно, вступающие в конфронтацию и соперничающие с насильниками. 2. Ученики, испытывающие неуверенность и робость в общении. 3. Нестандартные ученики, отличающиеся от ровесников своими интересами, взглядами или другими свойствами.

Современные школы, за редким исключением, не могут противостоять буллингу. Это обусловлено следующими факторами. Замалчивание проблемы. В учебном заведении придерживаются негласной установки, что насилия в школе не существует. Официально эта тема не обсуждается и таким образом создается видимость благополучия и хорошей репутации школы. Сознательно уменьшается масштаб, а также последствия проблемы и «ареал обитания» (якобы буллинг распространен лишь в неблагополучной социальной среде). Нежелание многих учителей проявлять принципиальность и необходимость серьезных мер, маскируемое под снисходительность и либерализм. Проведение политики уклонения от решения проблемы посредством обвинения жертвы в провокации насилия.

Способы преодоления буллинга в современной школе. Повышение психологической подготовки учащихся, формирование навыков управления агрессией. Психосоциальная коррекция должна быть направлена на устранение причин, ведущих к ее проявлению, и расширение активно используемого инструментария релаксации. Систематическая работа по профилактике и обнаружению источников буллинга. Работа с учащимися, практикующими насильственные действия по отношению к другим детям, а также их родителями. Педагогические и родительские рейды по местам отдыха и неформального общения школьников. Обсуждение случаев буллинга на классных часах, педсоветах, школьных собраниях. Ограничение просмотра телепередач, культивирующих насилие. Ограничение (в некоторых странах запрещено) пользования в школе мобильными телефонами. Создание в школах комитетов по предотвращению буллинга Введение штрафов родителям за детский буллинг. Естественно, что нельзя достигнуть полного искоренения буллинга, но можно существенно снизить проявление агрессивности в школе.

Литература

1. Берковиц, Л. Агрессия. Причины, последствия и контроль. – М.: Изд-во Прайм-Еврознак, 2007.
2. Маланцева, О.Д. «Буллинг» в школе. Что мы можем сделать? // Социальная педагогика. – 2007. – № 4. – С. 90–92.
3. Мальцева, О.А. Профилактика жестокости и агрессивности в подростковой среде и способы ее преодоления // Тюменский государственный университет – 2009. – № 7. – С. 51–54.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОРРЕКЦИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ И РАННЕМ ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

М. Л. Шульга

Одной из актуальных и социально значимых задач, стоящих перед нашим обществом сегодня, безусловно, является поиск путей снижения роста преступлений среди молодежи и эффективной их профилактики.

Необходимо изучить причины, источники, обусловливающие правонарушения, и на этой основе построить такую систему коррекционной и профилактической деятельности, которая обеспечила бы постепенное сокращение подростковой преступности. Важным направлением в системе предупреждения девиантного поведения является комплексная разработка проблемы ранней профилактики преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних.

Преступность несовершеннолетних имеет свои особенности. Они связаны с возрастными, психологическими, половыми и иными отличиями личности несовершеннолетних правонарушителей и механизмом противоправного поведения; с обстоятельствами, способствующими совершению правонарушений несовершеннолетних; с динамикой, структурой преступности и правонарушений несовершеннолетних; демографическими и многими другими факторами, которые относятся к различным социально-экономическим и нравственно-психологическим сферам общественной жизни [1, с. 56].

Подростковый возраст и ранняя юность представляют собой группу риска.

Во-первых, сказываются внутренние трудности переходного возраста, начиная с психогормональных процессов и кончая перестройкой Я-концепции. Во-вторых, пограничность и неопределенность социального положения подростков. В-третьих, противоречия, обусловленные перестройкой механизмов социального контроля: детские формы контроля уже не действуют, а взрослые способы, предполагающие дисциплину и самоконтроль еще не сложились или не окрепли [2, с. 85].

Отечественные психологи справедливо акцентируют свое внимание на решающей роли социальной среды в формировании противоправного и преступного поведения. Результаты проведенных исследований (А.А. Ананенко, С.А. Беличева, Б.С. Братусь, Е.В. Змановская, Л.М. Зюбин, Ю.А. Клейберг, И.С. Кон, А.Е. Личко, А.А. Реан, М.И. Рожкова, Т.А. Шилова и др.) дают основание утверждать, что преступные проявления среди подростков в настоящее время связаны с неблагоприятными условиями нравственного формирования личности несовершеннолетних правонарушителей, выступающих основной причиной возникновения антиобщественных взглядов; с недостатками в нравственном и трудовом воспитании молодежи и плохой организации досуга; ошибками и упущениями в деятельности государственных органов, учебных коллективов и общественных организаций в борьбе с детской безнадзорностью и правонарушениями.

Весьма четко прослеживается в генезисе девиантного поведения отрицательная значимость таких признаков, характеризующих личность, как низкий культурный и образовательный уровень несовершеннолетних правонарушителей. Несоответствие образовательного и культурного уровней возрасту, что обычно связано с нежеланием учиться, обусловливает неразвитость интересов и утилитарность потребностей подростков. Положение усугубляется еще и тем, что несовершеннолетние правонарушители обычно с недоверием воспринимают информацию воспитательного характера, исходящую от официальных лиц и коллективов, нередко трактуют ее ошибочно, стремясь найти в ней лишь то, что в какой-то мере может оправдать их поведение и укрепить статус в нефор-

мальных группах микроокружения. Постепенно отрываясь от учебного коллектива, такие подростки ищут занятия вне учебного заведения в кругу случайных уличных знакомых и сравнительно легко попадают под пагубное влияние антиобщественных элементов [3, с. 54].

Значимость указанных недостатков и упущений, выступающих в качестве неблагоприятных условий формирования подростков-правонарушителей должна учитываться при изучении их личности и осуществлении на этой основе целенаправленных мер профилактики.

С целью изучения причин формирования отклоняющихся форм поведения у несовершеннолетних, было проведено анкетирование учащихся профессионального колледжа машиностроения г. Пинска. В анкетировании приняло участие 120 человек. Средний возраст учащихся – 15–17 лет. Участникам предлагалось ответить на вопросы о том, какое поведение они считают отклоняющимся от нормы и какие формы данного поведения распространены в молодежной среде.

Учащиеся колледжа (74%) считают, что отклоняющимся поведением является отказ от учебы, пропуски учебных занятий, конфликты с педагогами и правоохранительными органами. Отклоняющееся поведение – это поведение, нарушающее юридические нормы, нормы правопорядка и распорядка учебного заведения. По распространенности видов девиантного поведения 1 место занимает употребление алкоголя и наркотических веществ, 2 место – нарушение общественного порядка, 3 место – хулиганство, кражи.

Среди основных причин формирования девиантного поведения были названы: наличие массы свободного времени (34%); желание повысить свой статус в обществе сверстников (23%); скука и наличие свободного времени (37%); желание улучшить свое материальное положение любым путем (26%).

Анализ причин девиантного поведения позволяет сформулировать стратегические цели психологической помощи личности с отклоняющимся поведением. К ним относятся: формирование конструктивной мотивации (позитивных ценностей, ориентации на выполнение социальных требований и самосохранение); интеграция индивидуального опыта; совершенствование саморегуляции; повышение стрессоустойчивости и расширение ресурсов личности; выработка жизненно важных умений; устранение или уменьшение проявлений дезадаптивного поведения; расширение социальных связей и позитивного социального опыта личности; повышение уровня социальной адаптации [4, с. 72].

Процесс коррекции отклоняющегося поведения осложнен тем, что требует индивидуального подхода к каждому молодому человеку, с отклонениями в поведении. Педагогам, работающим с данной категорией молодежи, необходимо знать природу отклоняющегося поведения, владеть диагностикой, методами коррекции.

Большую роль в сокращении правонарушений и преступлений среди учащейся молодежи играет привлечение к решению этой проблемы широкого круга специалистов: психологов, педагогов, юристов, работников культуры, социальных работников, медиков и т.д.

Следует одобрить организацию правовой воспитательной работы с подростками во многих учебных заведения, где учебный материал эффективно дополняется целенаправленной внеклассной работой с различными контингентами учащихся, поддерживаются систематические связи с работниками правоохранительных органов. Положительно зарекомендовала себя практика назначения общественных воспитателей для проведения индивидуальной систематической профилактической работы с трудновоспитуемыми учащимися из числа правонарушителей.

Таким образом, теоретический анализ подходов к изучению факторов формирования отклоняющегося поведения у несовершеннолетних, позволяет рассматривать де-

виантное поведение как многофакторное явление, вызываемое и формирующееся под действием комплекса причин и психологических условий [5, с. 182].

Для эффективного предупреждения отклонений в поведении подростков и юношей необходимо психолого-педагогическое изучение несовершеннолетних на протяжении всего периода обучения, выявление интересов, склонностей, своевременная диагностика причин отставания в учебе и недостатков поведения, изучение особенностей взаимоотношений со сверстниками и взрослыми, выбор наиболее эффективных путей устранения негативных явлений в учебно-воспитательном процессе.

В профилактике асоциального поведения подростков особое значение приобретает психологическая культура педагога, психологическое знание, на основе которого исследуется природа отклоняющегося поведения и разрабатываются практические меры по предупреждению отклоняющегося поведения.

Литература

1. Зюбин, Л.М. Психология воспитания. – М., 1991.
2. Кон, И.С. Психология старшеклассника. – М.: Просвещение, 1980.
3. Воспитание трудного ребенка: Дети с девиантным поведением / Под ред. М.И. Рожкова. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001.
4. Клейберг, Ю.А. Социальная психология девиантного поведения: Учебн. пособ. для вузов. – М.: ТЦ Сфера, 2004.
5. Змановская, Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2003.

ФУНКЦИИ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ КУРСАНТОВ АВИАЦИОННОГО КОЛЛЕДЖА

А. А. Клименко, В. В. Улыбышев

Наиболее важным и влиятельным направлением в стратегии развития человечества является образование. Каким должно быть образование в настоящий период. Можно ли на основании модели образовательной системы других стран построить в нашем обществе систему образования. Для устойчивого развития образовательной системы а так же общества, система образования в значительной мере должна быть нацелена на решение проблем современности и будущего. Для эффективного осуществления развития человека необходимо рассматривать широкий круг проблем; произвести переоценку идей устойчивого развития, усилить ценностную составляющую образования. Помочь учащимся развить такие знания, умения и ценности, которые позволят им принимать индивидуальные и коллективные решения локального и глобального характера для улучшения показателей его труда.

Интересным в этой связи представляется формирование у учащихся социально-нравственных качеств личности и активной гражданской позиции. За счет проявления гражданской позиции происходит определение степени самостоятельности личности, свобода форм и видов его активности по отношению к основным политическим ценностям. В зависимости от степени развитости этой позиции общество обретает форму гражданского. Между активной жизненной позицией населения страны, его нравственной, политической, гражданской и иной позицией и формой государственности существует непосредственная взаимосвязь и взаимообусловленность. Чем ниже активность граждан, тем выше активность исполнительной власти государства. И, наоборот, чем

выше гражданская активность населения, тем больше сужается круг вопросов решаемых государственными органами.

Известный немецкий философ Гегель заметил, что каждый народ имеет то государство, то правительство, идеологию и власть, которых заслуживают. И это так ибо государство, правительство, идеология и власть – всего лишь культурные формы творческого потенциала и гражданской активности вполне конкретных людей

В учреждении образования «Минский государственный высший авиационный колледж» (далее – МГВАК), в котором осуществляется подготовка инженеров и техников для предприятий авиационной сферы, на кафедре социально-гуманитарных дисциплин преподаются такие дисциплины как: философия, иностранный язык, этика, религиоведение, социология, логика, культурология, основы психологии и педагогики, этикет, политология, экономика предприятий, экономическая теория, основы права, история Беларуси, эстетика, идеология белорусского государства, права человека, коррупция и ее опасность и др.

Философия как одна из гуманитарных дисциплин занимает центральное место в гуманитарной подготовке, вносит серьезный вклад в формирование мировоззрения личности, составляет методологическую основу духовно-практической деятельности человека, способствует становлению его активной гражданской позиции. Философия удовлетворяет потребность человеческого духа – стремление к всеохватности и единству на рациональной основе.

Структура и содержательные акценты данного курса ориентированы на систематическое образование, непрерывное накопление знаний и формирование высокой гуманитарной культуры.

Готовность курсантов авиационного колледжа к практической самостоятельной деятельности предусматривая формирование у них навыков творческой интерпретации важнейших современных проблем, стимулирование самостоятельного мыслительного поиска

Организация учебного процесса позволяет разнообразить формы подготовки (компьютерное моделирование, применение мультимедиа, комплексного тестирования с внедрением новейших образовательных технологий, использование тренажеров, учебных фильмов, электронных тестирующих программ, применение самолетов в качестве наглядного материала, написание рефератов, анонимное анкетирование и др.), которые способствуют стимулированию учебно-познавательной деятельности курсанта, улучшают у будущего специалиста положительное отношение к учебному процессу.

В учебном процессе используются различные методы для активизации познавательной деятельности (глоссарии, рассуждения по цитатам, диспуты, анализ педагогических ситуаций, ролевые игры, дискуссии, «круглые столы», научные конференции и др.), которые обеспечивают глубину и правильность формирования познавательной деятельности, ее логичность и последовательность, ясность и точность определений и формулировок.

Блок дисциплин гуманитарного цикла реализуют такие важные функции образовательного и воспитательного характера как: а) развитие таких личностных качеств, творческой индивидуальности, ценностных ориентаций, эстетического вкуса и гармонии. б) обучение, привития навыков взаимоотношения с людьми и природой, правильного отношения к своему здоровью и здоровью других, вооружение курсантов юридическими знаниями, а также знаниями в области этики, эстетики, экологии, экономики, политики и социологии. в) общекультурный и профессиональный рост личности.

Качественная гуманитарная составляющая в системе входит в число определяющих факторов, способствующих повышению культурного и духовного уровня курсан-

тов, формированию у них активной гражданской позиции.

Рассматривая функции учебного процесса (образовательная, развивающая и воспитательная), можно сказать, что сущность развивающих функций состоит в развитии у курсантов познавательных интересов, мотивов, потребностей и т.п. Сущность воспитательной функции заключается в привитии навыков соответствующего выполнения своих функциональных обязанностей, воспитании патриотических чувств, а также конечного мировоззрения. Образовательные функции на различных видах занятий (лекции, семинарские, лабораторные и практические занятия, а также во внеаудиторной деятельности призваны обеспечить подготовку современного высококвалифицированного специалиста способного качественно выполнить свои профессиональные обязанности.

Литература

1. Лабунская, Н.А. Педагогическое исследование современного студента: Студент при получении образования. – СПб.: Изд-во РГПУ, 1999.
2. Загвязинский, В.И. Методология и методы психолого-педагогического исследования: Учеб. пособие для пед. вузов по специальности 031000 – Педагогика и психология / В.И. Загвязинский, Р. Атаханов. – М.: Изд. центр «Academia», 2001.
3. Краснова, Т.И. Изменения стратегии оценивания учебной деятельности студентов: от приоритета оценки к приоритету учения // Оценивание: образовательные возможности. – Минск: БГУ, 2006.

ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА АСПЕКТЫ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА

Е. И. Мещангина

Национальное и духовное возрождение страны невозможно без современного осмысления богатого наследия прошлых эпох. Они ярко и впечатляюще представлены в трудах известных историков. Особое внимание заслуживают те, которые в своих трудах рассматривают вопросы о воспитании достойных граждан своего Отечества.

Естественная взаимосвязь прошлого и настоящего в общественном мышлении и миропонимании обнаруживается в трудах В.О. Ключевского. Выдающемуся историку не были чужды проблемы духовной жизни общества, морального облика людей. Развивая эти мысли в контексте анализа глобальных исторических процессов, В.О. Ключевский пришел к выводу, что древо самопознания без достаточного нравственного удобрения приносит нездоровый плод: доминантной личностью становиться самомнение. В.О. Ключевский находит в трудах Екатерины II емкую в морально-политическом плане формулу: «Да посрамит небо всех тех, кто борется управлять народами, не имея в виду истинного блага государства» [1]. Истинным благом для государства в XVIII веке считались гражданственность и патриотизм. Именно мысли о гражданственности и патриотизме достойны самого пристального внимания.

Обращение к историческому прошлому, видение путей преемственности, взращенных историческим сознанием и практикой, духовных идеалов и ценностей, проявляется сегодня в качестве одной из ведущих тенденций в развитии теории воспитания.

Историко-социологический анализ состояния и динамики общественной и духовной жизни на современном этапе развития общества позволяет вскрыть вневременной смысл общечеловеческих добродетелей, нормативных ценностей, имеющих сегодня определяющее значение в нравственном воспитании и гражданском становлении лично-

сти.

Развитие педагогической науки невозможно без воспитательных систем. Закономерности становления личности отличаются повышенной сложностью. Интуитивное начало в образовательно-воспитательной деятельности, безусловно, важно. В интуиции педагога воплощены знания, умения, навыки, опыт. Творческий характер педагогической процесса также очень важен, т.к. в нем допустима разумная алгоритмизация действий педагога.

При всей вариативности практической деятельности в реальном педагогическом процессе всегда есть место стандартным ситуациям, разрешение которых возможно лишь на основе профессиональных качеств педагога. Поэтому в последнее время на волне всеобщего интереса особую актуальность приобретает воспитательная деятельность в системе образования.

Любая учебно-творческая деятельность педагога, должна приводить к результату, удовлетворяющему тем или иным эстетическим нормам и потребностям, которые позволяют оценить эту деятельность. Вместе с тем эти нормы и потребности не должны быть постоянными, т.к. ценностные ориентиры в образовании подвижны и динамичны. Они отражают в сложившиеся в обществе представления о роли образования в жизни каждого человека. Таким образом, образование как морально-нравственная ценность всегда связано с достаточно устойчивой постановкой общественно и личностно значимых целей.

Одним из возможных подходов к конкретизации целей образования является духовно-нравственное становление детей и молодежи, подготовка их к самостоятельной жизни. Поэтому моделирование воспитательного пространства в целях обеспечения самоопределения личности должно стать основой учебно-образовательного процесса, а воспитание человека просвещенного, гуманного, духовно-богатого обеспечит нравственные приоритеты общества. Система морально-нравственных норм должна отражать содержательные стороны всех компонентов учебного и воспитательного процесса. И тогда воспитание не будет рассматриваться как второстепенная деятельность педагога. И тогда не произойдет качественного определения и целенаправленного развития системы образования. Поэтому необходима взаимосвязь и взаимозависимость всех звеньев и ступеней образования на современном этапе. Если раньше понятие «система образования» трактовалась главным образом для обозначения жесткой централизованной образовательной структуры, то сегодня она рассматривается как одно из форм воспитательно-образовательной деятельности.

Литература

1. Ключевский, В.О. Исторические портреты. – М., 1991.

ВЛИЯНИЕ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

О. В. Косточкина

Идея добровольчества наиболее успешное реализуется в среде молодежи, и поэтому особое внимание уделяется развитию волонтерского движения среди школьников и студентов. На это есть несколько причин: «во-первых, молодежь не отягощена опытом обязательного волонтерства, во-вторых, молодости свойственно идти наперекор обще-

принятым суждениям, в-третьих, именно молодым решать, как им жить завтра. Идея доброй воли может стать ориентиром в выборе пути дня завтрашнего. Кроме того, добровольчество является одной из удобных форм организации, активизации и самореализации молодежи» [3, с. 31]. Как показывает мировая практика, большую часть волонтеров общественных объединений составляет молодежь. Так, согласно данным, предоставленным МОБО «Надежда-Экспресс» в Республике Беларусь примерно 58% волонтеров составляют подростки и молодежь в возрасте от 12 до 21 года (17% – 21–50 лет, 25% – 50 лет и старше) [1]. Возникающие волонтерские клубы как разновидность детских и молодежных общественных объединений как раз и является тем необходимым условием реализации живой потребности участия в общественно-полезных делах. «Сам по себе факт появления большого числа общественно-добровольных формирований и инициатив дает основание рассматривать их как реальную социальную силу, обладающую качественными чертами самодвижения, саморазвития, самоорганизации» [2, с. 14].

Для подрастающего поколения участие в волонтерском движении является элементом социального образования, позволяет лучше узнать себя и других, найти друзей, интересное дело, научиться мастерству творчества, реализовать свой жизненный потенциал, раскрыть свои глубинные возможности, сделать свою жизнь и жизнь окружающих людей человеческой, радостной и счастливой. Это, по мнению Е.В. Богдановой, и составляет *педагогическое основание* волонтерской деятельности [4]. Педагогическую сущность волонтерской деятельности автор выделяет в рассмотрении волонтерства, с одной стороны, с позиции воспитания: формирования и развития ценностей подростков, изменения психологических качеств, мотивации на участие в деятельности, отношения к себе и окружающим людям. И с другой стороны, с позиции образования, прежде всего социального образования: усвоения социальных норм, знаний, формирования социального опыта, а также овладения технологией, приемами и формами организации волонтерской деятельности. Все это позволяет сформулировать ожидаемый эффект движения:

– формирование у волонтеров активной жизненной позиции, инициативы, умения брать на себя ответственность, приносить пользу себе и окружающим;

– передача положительного социального опыта старших младшим, где во главу угла ставятся общечеловеческие ценности;

– способствование отвлечению детей и молодежи от негативных социальных явлений, снижение уровня преступности среди несовершеннолетних, предотвращение деятельности криминогенных детских группировок [4].

Проведенное в 2002 году фондом «Созидание» исследование «Социальные модели привлечения молодежи к общественно полезной деятельности» установило, что участники общественно полезной деятельности больше удовлетворены тем, как складывается их жизнь, чем остальные респонденты. Участие в общественно полезной деятельности способствует формированию позитивных жизненных ценностей. Своими целями добровольцы гораздо чаще своих сверстников, не участвующих в общественно полезной деятельности, ставят: зарабатывать на достойную жизнь себе и семье, добиться делового успеха, приобрести хороших друзей, встретить настоящую любовь, заслужить уважения окружающих.

Особое значение приобретает волонтерская работа как форма профессионального становления студентов. Исследования, проведенные общероссийской организацией «Детские и молодежные социальные инициативы» (ДИМСИ) [4] подтверждают тот факт, что студенты, прошедшие через программы и мероприятия социально-педагогического характера, так или иначе связывают свою будущую профессиональную жизнь с социальной сферой, серьезно и позитивно меняются в духовно-нравственном плане, становятся значительно более творческими и инициативными. В частности,

В.Ш. Масленниковой выявлены существенные различия в ценностных ориентациях в профессиональной сфере, коммуникативных и организаторских качествах личности, социальной активности у студентов, имеющих опыт волонтерской деятельности и не принимавших в ней участия, т.е. волонтерская деятельность придает социально-позитивный характер студенческой инициативности и активности и при этом решает задачи воспитания человека, способного воспринимать и присваивать духовно-нравственные гуманистические ценности, поступать в соответствии с убеждениями, формирования естественными, мягкими средствами будущих профессионалов и волонтеров социальной работы разной направленности и специализации.

Основная ценность организации волонтерского движения в педагогическом вузе состоит в том, что будущие учителя приобретают здесь личный опыт профессионально-ориентированной деятельности, а также получают возможность проследить свой личностный и профессиональный рост, поскольку организуется не только совместная деятельность, где каждый выполняет определенную роль, но и проводится коллективный анализ и оценка работы. В то же время студентам предоставляется возможность самореализации: в основе волонтерского движения лежат личностный и индивидуально-ориентированный подходы, обеспечивающие раскрытие и развитие всех творческих способностей и задатков студентов.

Проведенное нами на базе факультета начального образования и факультета социально-педагогических технологий БГПУ исследование показало, что участие в волонтерской деятельности способствует, помимо развития эмпатии и альтруизма, необходимых для профессионального роста педагогов, так же и личностному становлению волонтеров, позволяя не только сориентировать студентов на сотрудничающий-конвенциальный и альтруистический-ответственный типы межличностного взаимодействия, но и развить лидерские качества.

В частности, исследование уровня эмпатии студентов-волонтеров и студентов без опыта волонтерской деятельности показало, что волонтеры в своей профессиональной деятельности придают больше значения установкам личности, способствующим эмпатии, а также рациональному каналу эмпатии, т.е. способность сосредоточить внимание на состоянии, проблемах и поведении другого человека и непредвзято выявить его сущность более развита у студентов, занимающихся волонтерской деятельностью.

Исследование социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере у студентов-волонтеров и студентов без опыта волонтерской деятельности показало, что 86,48% волонтеров ярко выражено желание помогать людям, в то время как у 38,09% студентов (у каждого пятого) преобладают эгоистические тенденции. В целом, получило подтверждение положение, что в ходе волонтерской деятельности волонтеры-студенты младших курсов получают больше возможностей для развития мотивационной направленности на альтруизм, чем студенты 4 курса в ходе академической подготовки.

Изучение типов межличностных отношений, свойственных студентам-волонтерам и студентам без опыта волонтерской деятельности позволило установить, что ведущим типом межличностных отношений студентов является гармоничный уровень развития зависимого-послушного типа, характеризующего студентов как людей в меру обособленных, замкнутых, доверчивых и нуждающихся в признании. Волонтерам свойственен гармоничный уровень развития прямолинейного-агрессивного типа межличностных отношений, характеризующего студентов с опытом волонтерской деятельности как людей упорных в достижении цели, настойчивых, энергичных и непосредственных. Ведущим типом межличностных отношений студентов является авторитарный-лидирующий, волонтеров – сотрудничающий-конвенциальный.

Таким образом, мы считаем, что процесс формирования готовности студентов к профессиональной деятельности будет более эффективным, если у студентов появится возможность применить свои знания, умения и навыки, полученные в ходе академической подготовки, не только на учебно-производственной практике, но и при условии участия в волонтерском движении. *Личностное развитие и профессиональное становление студентов*-волонтеров можно охарактеризовать как тенденцию качественных изменений; наличие инициативности и устремленности, т.е. самопроизводство и продуцирование побуждающих действий; повышение уровня сформированности социальной рефлексии; развитие умения отбирать помогающие стратегии и тактики взаимодействия с клиентами и сотрудниками.

Литература

1. Истоки милосердия: Методические рекомендации / Авт.-сост. О.В. Махиня, Л.И. Шевцова, Д.В. Махиня. – Витебск: Издательство УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2003.
2. Могалюк, Е.М. Социально-культурная деятельность молодежных общественных объединений как фактор самореализации личности: Автореф. дисс… канд. пед. наук: 13.00.01 / Москов. гос. ун-т культуры и искусств. – М., 2001.
3. Мозаика российского добровольчества: факты, ресурсы и мнения [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www.hse.ru/ data/ 2010/ 04/ 19/ 1216826699/ mozaika_dobrovolchestva.pdf. – Дата доступа: 03.05.2013.
4. Симонович, В.Л. Формирование профессионально важных качеств социального педагога в учебно-практической и волонтерской деятельности студентов // Волонтер и общество. Волонтер и власть. Научно-практический сборник / Сост. С.Е. Тетерский, под ред. Л.Е. Никитиной. – М.: Academia, 2000. – С. 23–29.

УЧЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДЕВУШЕК-КУРСАНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОРГАНИЗАЦИИ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

В. И. Голуб, А. В. Михалёв

На сегодняшний день УО «МГВАК» осуществляет подготовку девушек-курсантов гражданской авиации. И, как показали исследования, более чем у половины девушек возникают определенные трудности на занятиях по физической культуре. Это вызывается не только необходимостью выполнения определенных нормативов, но и резким изменением статуса учебной дисциплины, превращением ее в одну их профессионально-значимых. Попытки самостоятельно преодолеть имеющиеся пробелы в физическом воспитании не всегда благотворно сказываются на женском организме, ведут к общей усталости, напряжению, что в целом приводит к ухудшению всей учебной деятельности.

Анализ нормативных документов и научно-методической литературы, обобщение опыта организации физического воспитания девушек-курсантов, изучение уровня их физического и психофизиологического развития позволили выявить противоречие между требованиями, предъявляемыми к физической подготовленности девушек-курсантов и ее реальным уровнем, между психофизиологическими особенностями девушек-курсантов и методикой организации процесса физической воспитания.

Для оценки уровня физического развития девушек-курсантов, их психологических и психофизиологических особенностей в настоящем исследовании применялись следующие методики: «Экспресс-оценка соматического здоровья по Г.Л. Апанасенко»,

опросник Бем «Определение психологического пола», методика В.П. Войтенко определения биологического возраста, методика определения типа телосложения Штефко-Островского. Контингент исследуемых составили девушки-курсанты гражданской авиации Минского государственного высшего авиационного колледжа.

Анализ оценки биологического возраста девушек-курсантов показал, что акселерированный тип развития характерен для 42,1% испытуемых, которых следует отнести к группе риска, как имеющих низкие физиологические резервы. Ретардированный тип развития обнаружен у 57,9% девушек-курсантов. При этом у девушек, паспортный возраст которых отстает от биологического, выявлен в основном мышечный тип конституции. Для девушек, паспортный возраст которых опережает биологический, типичен торакальный тип телосложения. Кроме того, в выборке с ретардированным уровнем биологического развития все девушки обнаружили черты фемининности, а в группе с акселерированным развитием более чем у половины девушек-курсантов (57,1%) выявлены явные признаки маскулинности.

В ходе исследования была проведена оценка соматического здоровья девушек-курсантов. К сожалению, результаты в целом показали неудовлетворительный уровень. Высокий уровень здоровья не был выявлен ни у кого, средний – у 10,6% респонденток, ниже среднего – у 47,3% и низкий – у 42,1% обследованных.

Диагностика уровня самореализации удовлетворенности в физкультурно-спортивной деятельности предполагала оценку таких показателей, как: отношение к процессу физического воспитания, а также самооценка физического, психического и социального благополучия. По показателю отношения к физической культуре более привлекательными явились девушки-курсанты с более высоким уровнем физического развития и соматического здоровья. Более половины этой группы (52,3%) удовлетворены своей физкультурно-спортивной деятельностью, тогда как в группе с низким уровнем развития вышеуказанных характеристик, таких всего 18,4%.

Субъективно оценивают свой уровень физического состояния как высокий примерно одинаковое количество девушек-курсантов как с высокими, так и средними и низкими показателями физического развития.

А вот показатели самооценки психического и социального состояния снова обнаруживают связь с объективными физическими и физиологическими показателями. Среди девушек-курсантов с высокими и средними показателями физического развития оценивают свое психическое и социальное состояние как благополучное 76,7%, в то время как в группе с низким уровнем физического развития – всего 30,6% обследованных.

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о типологических различиях девушек-курсантов по целому ряду показателей. Однако, как показывает практика, при организации занятий по физической культуре они не учитываются, что как следствие отражается и на интересе к занятиям по физической культуре, и на количественных и качественных показателях физической подготовленности девушек-курсантов.

Технология дифференцированного физического воспитания девушек-курсантов будет целесообразной и эффективной, если в основу ее проектирования положить учет особенностей интегральных показателей физического развития девушек различных конституциональных типов и уровней биологической зрелости, психологического пола, уровня соматического здоровья, показателей физкультурно-спортивной мотивации, свойств темперамента, показателей тревожности и других индивидуально-психологических особенностей.

Литература

1. Словарь психолога-практика / Сост. С.Ю. Головин. 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Харвест, 2003.
2. Столяренко, Л.Д. Основы психологии. – Ростов н\Д.: Издательство «Феникс», 1997.
3. Во имя России: Российское государство, армия и воинское воспитание: учебное пособие по общественно-государственной подготовке для офицеров и прапорщиков Вооруженных сил Российской Федерации / [под общ. ред. В.Ф. Кулакова]. – М.: Издательство «Русь-РКБ», 2000.
4. Общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации. М., 1994.
5. Мескон, М., Альберт М. Основы менеджмента. – М.: Дело, 1998.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПИТАНИЯ СПОРТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

А.Н. Яковлев, С.А. Яковлева

Педагогические знания в современную эпоху становятся важнейшим феноменом культуры, от которого зависит сохранение физического и психического здоровья студенческой молодежи, их профессиональный рост, перспективы развития цивилизации. Закономерности реализации педагогических технологий в пространстве высшей школы обусловливают необходимость методологически осмыслить сущность и структуру знаний в педагогике, исследовать современные теоретические и методические проблемы его роста [1] [2, с. 33–56] [4, с. 55–66].

Для эффективного развития теории физической культуры (ТФК) необходимо уточнение ее базовых, теоретико-методологических основ: объекта и предмета данной теории, ее структуры, понятийного аппарата, взаимосвязи с другими областями научного знания и т. д [6, с. 3–5] [7, с. 8–10].

С эволюцией и уточнением научных представлений спортивная кинезиология, возникшая на основе неудовлетворенности тем, как изучается двигательная активность рядом наук: биомеханика, психология, педагогика, теория и методика физической культуры, социология и др. включает и интегрируемые разделы названных наук, которые могут быть полезны в аспекте формирования новых представлений о спортивной двигательной активности. Решение спортивно-двигательных задач – это рефлексия, сравнение, экстрополяция, интерполяция, реакции [5, с. 116].

В контексте выдвинутых проблем возникает необходимость изучения педагогической рефлексии телесности как особого типа целостности человека, имеющей особое бытие и пространственные измерения в спортивной культуре.

Цель исследования – разработать новый алгоритм действий на основе модели воспитания спортивной культуры личности в процессе занятий физкультурно-спортивной деятельностью.

Методы и организация исследования: анализ литературных источников, педагогическое наблюдение, педагогический эксперимент, функциональная диагностика, социологические методы, педагогическое тестирование, антропометрические измерения, методы математико-статистической обработки эмпирических данных.

Для изучения основных факторов развития спортивной культуры личности в условиях образовательных учреждений высшей школы (Филиал Российского государственного университета туризма и сервиса, Российская Международная академия туризма, филиал в Вязьме) в 2010–2011 учебном году было проведено специализированное эмпирическое исследование.

Педагогический эксперимент проведен на базе Полесского государственного университета (ПолесГУ) г. Пинск Брестской области (2010–2012 гг), в котором приняли участие 60 учащихся экспериментальных групп, занимающихся спортивными играми на примере хоккея с шайбой) в Центре физической культуры и спорта (ЦФКиС). Полесского государственного университета.

Состояние вопроса. Вместе с тем располагая противоречивыми научными данными, следует отметить, что наиболее известными работами по философии физической культуры, физического воспитания и спорта являются: J. Kosiewicz, 2000; В.А. Косяк, 2002; Z. Krawczyk, 1996, 2004; R. Kretchmar, 1994; H. Lenk 1997, 1999, 2007 [6, ч. 1.] [7, ч. 2].

В публикациях В.И. Столярова (2007, 2009, 2010 и др.) дан анализ широкого круга философских проблем физической культуры и спорта [6, ч. 1] [7, ч. 2].

Процесс «встраивания» в философию спортивной культуры не только «эмоционально» окрашен, но и культивирует культуру Запада и Востока [3, с. 180–185] [8].

Результаты исследований и их обсуждение. Алгоритм этапов развертывания метанаучной философской теории спортивной культуры состоит из следующих направлений: 1. Формирование идеального объекта, где основой является идеализированный признак с позиций эталонной функции и сущностной предметной характеристикой изучаемого объекта. 2. Формирование и введение понятийно-категориального контекста спортивной культуры, локализация идеального объекта. 3. Поиск и обнаружение понятий-антагонистов, описывающих реальную проблему, с учетом противоречивых оппозиций, ситуаций, внутренних источников эволюционного развития и процессов трансформации идеального объекта. 4. Разработка основ современной концепции диалектического перехода. 5. Количественные характеристики и качественные показатели как бифуркационные точки, отражающие поворотные моменты в логике развития спортивной культуры. 6. Интегративный характер и комплексная характеристика спортивной культуры позволяет моделировать способы, формы реального существования идеального объекта. 7. Социально-гуманитарное направление научного знания о спортивной культуре рассматривается с использованием истории, социологии, психологии, педагогики, других наук для развернутой характеристики каждого идеального типа. 8. Термин «социально-педагогическая система» отражает свойства моделей педагогических технологий, которые воздействуют на объект, моделируя его состояния в соответствии с заданными социальным заказом и параметрами.

Выводы. Процесс воспитания спортивной культуры личности захватывает эмоциональную сферу интересов молодежи, так как это обусловлено сформированными ценностями молодежной субкультуры, которые находят практическую реализацию в психологических характеристиках личности, мотивы формируются под воздействием иллюзорных представлений индивидуума о своей роли в социальной группе. По нашему мнению, необходимо внести коррективы в деятельность организаторов студенческого спорта: 1. Расширение спектра физкультурно-спортивной деятельности по включению наряду с традиционными видами рекреационных видов экстремального спорта, что отвечает закономерностям формирования молодежной субкультуры. 2. Систематизация деятельности спортивных структур независимо от ведомственной принадлежности на принципах социального партнерства. 3. Педагогический поиск адекватных педагогически оправданных средств установления паритетного равновесия. 4. Избегать педагогического актуализма. 5. В широком спектре мероприятий предоставить возможность выбора эффективных форм спортивных занятий, направленных на достижение технически значимого спортивного результата и проведения различных мероприятий, характеризующих спортивные практики. 7. Учета природно-климатических факторов, экономиче-

ских условий для обеспечения участия в спортивных мероприятиях, ориентированных на различные группы населения, независимо от социального статуса и материальной обеспеченности.

В рейтинге ценностей спортивной культуры личности в начале эксперимента ведущее место занимают такие категории, как «рекорды и победы» (ЭГ – 2,7 балла, КГ – 2,5 балла); второе место – у категории «здоровье» (ЭГ – 3,7 балла, КГ – 3,6 балла); третье ранговое место занимают «физическая подготовленность» – 3,9 балла (ЭГ) и «красивое телосложение» – 3,7 балла (КГ). В конце эксперимента в ЭГ первое ранговое место занимает «самореализация и самовыражение» – 2,8 балла, в КГ – «рекорды и победы» – 3,8 балла; на второе место испытуемые ЭГ ставят «здоровье» и «формирование личности» – 3,4 балла, в КГ – «красивое телосложение» – 4,1 балла; третье место в рейтинге ценностей в ЭГ занимает «физическая подготовленность» – 4,1 балла, в КГ – «удовольствие» – 3,7 балла. Таким образом, личность в контексте стратегического планирования успешной жизнедеятельности изменяет условия функционирование личности в социальных структурах, ускоряя или замедляя процессы.

Литература

1. Абульханова-Славская, К.А. Диалектика человеческой жизни (Соотношение философских, методологических и конкретно-научных подходов к проблеме индивида). – М, 1977.
2. Баринов, С.Ю. Концептуальные положения теории формирования спортивной культуры личности // Теория и практика физической культуры. – 2011. – № 1. – С. 48–52.
3. Борисов, Э.И. Современные представления о здоровье. Взгляд с Запада, взгляд с Востока. От древних учений до новейших достижений науки / Под науч. ред. Н.Г. Багдасарян. – М.: Изд-во МГТУ им.Н.Э. Баумана, 2007.
4. Дмитриев, С.В. Магия духовного в двигательных действиях человека // Теория и практика физической культуры, 1997. – № 12.– С. 44–50.
5. Николаев, Ю.М. Теория и практика физической культуры в первой трети XXI века // Теория и практика физической культуры, 2010. – № 9. – С. 10–18.
6. Столяров, В.И. Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта / В.И. Столяров, Н.Н. Чесноков, Е.В. Стопникова. – М.: Физическая культура, 2005. – Ч. 1.
7. Столяров, В.И. Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта / В.И. Столяров, Н.Н. Чесноков, Е.В. Стопникова. – М.: Физическая культура, 2005. – Ч. 2.
8. Яковлев, А.Н. Научно-методические основы физической культуры, спорта в образовательном пространстве высшей школы в контексте новых представлений о спорте как мировой религии нашего времени: монография / А.Н. Яковлев. – Смоленск, 2009.

Творчество как фактор развития духовной культуры

ДУХОЎНАСЦЬ ЯК ТВОРЧАЕ ПАМКНЕННЕ ДА ІДЭАЛУ

А. І. Бабко

Паняцце духоўнасці можа быць вызначана па-рознаму, і зусім не абавязкова выключае (у гегелеўскай інтэрпрэтацыі, напрыклад) наяўнасць адмоўных аспектаў, элементаў і характэрных рыс. Тым не менш, ва ўсіх выпадках яго ўжывання дамінуюць станоўчыя канатацыі, яно можа суадносіцца нават толькі з найвышэйшымі ўзроўнямі, праявамі і характарыстыкамі чалавечага быцця. Аднак суаднясенне паняцця духоўнасці выключна з самымі высокімі інтарэсамі і інтэнцыямі чалавека (з тымі, што

трансцэндуюць непасрэдныя вітальныя патрэбы) падаецца не надта глыбокай і прадуктыўнай інтэлектуальнай стратэгіяй. Справа ў тым, што пры такім падыходзе не артыкулюецца, не выяўляецца ў поўнай ступені скіраванасць духоўнага да экспансіі ва ўсе сферы і ўсе аспекты чалавечага існавання, да прасякнення іх высокім ідэалам – ідэалам праўды, дабра і прыгажосці. Памкненне да ўвасаблення гэтага ідэалу ў індывідуальным і грамадскім жыцці, памкненне здзейсніць сябе як гарманічную, усебакова развітую асобу ў прыгожай, уладкаванай як татальнасць разнастайных вызначэнняў рэчаіснасці, узнімае чалавека да творчасці, скіраванай і навонкі, і на самога сябе. Неабходна адзначыць, што грунтоўнае значэнне творчага пачатку ў духоўным жыцці індывіда і грамадства надзвычай выразна выяўлялася і падкрэслівалася ў нашай філасофскай культуры І. Абдзіраловічам. У сваім бліскучым эсэ «Адвечным шляхам» ён давёў, што «сапраўднай падставай жыцьця можа быць толькі творчасьць. Творчасьць на кожным кроку: у штодзённай працы, у сямейных адносінах, у грамадзянскім руху» [1, с. 26].

Ці патрабуюць спецыяльнага тэарэтычнага абгрунтавання пададзеныя вышэй тэзы? Ці не з'яўляецца самавідавочным той момант, што памкненне да здзяйснення высокага ідэалу праўды, дабра і прыгажосці, а таму і ўсебаковага самаразвіцця ў гарманічна ўладкаваным свеце, выступае як сапраўдная падстава і як найвышэйшая праява духоўнасці (бо ў сферы духоўнага *сапраўднай* падставай можа быць толькі яе найвышэйшы ўзровень) і што духоўнасць выяўляецца ў дадзенай сувязі як творчасць? Мяркуючы па ўсім, адказ на дадзенае пытанне мусіць быць станоўчым: шлях творчасці надта няпросты, як і свет, у якім яна здзяйсняецца (гэты свет настолькі складаны і супярэчлівы, што ўвогуле можа выклікаць уражанне сваёй абсурднасці, а таму і думкі пра пазбаўленасць усякага сэнсу чалавечага існавання ў ім). Акрамя таго, зусім не самавідавочнымі з'яўляюцца адказы на пытанні пра прыроду ідэалу, пра існасць праўды, дабра і прыгажосці: «Развіццё філасофскага мыслення спарадзіла розныя, у шмат якіх выпадках нават супрацьлеглыя іх варыянты. І, нарэшце, патрабуюць высвятлення ўмовы самой магчымасці здзяйснення ідэалу гарманічнай, усебакова развітай асобы: прынамсі, сучаснае грамадства падаецца не надта прыдатнай і спрыяльнай глебай для такога чыну. Яшчэ Гегель з усёй уласцівай яму рэалістычнасцю ўказаў на празаічны характар мадэрновага грамадскага ладу, у рамках якога паасобны індывід уключаны ў існы парадак як абмежаваны яго момант не можа фігураваць як самастойны, татальны і адначасова індывідуальна жывы яго вобраз» [2, с. 192–194]. І сітуацыя ад гегелеўскай пары не зрабілася лепшай (пра гэта яскрава сведчыць неамарксісцкая крытыка буржуазнага грамадства).

У сувязі са згаданымі гегелеўскімі абагульненнямі, аднак, неабходна адзначыць, што яны могуць паслужыць як моцны стымул да творчасці, як крыніца памкнення да рэалізацыі высокага ідэалу праз свой шмат у чым правакацыйны характар. Сапраўды, яны выклікаюць нязгоду, пратэст, жаданне пярэчыць – але аспрэчыць іх можна толькі праз дзейнасць, скіраваную да ўсё больш поўнага і арганічнага ўвасаблення духоўнага пачатку ў жыцці. Разам з халоднымі гегелеўскімі развагамі сам празаічны, «негераічны» грамадскі стан павінен правакаваць пошукі духоўнай альтэрнатывы, бо, як указвае філосаф, патрэба сапраўднай, індывідуальнай татальнасці і жывой самастойнасці ніколі не пакіне нас, яна не можа нас пакінуць [2, с. 194].

Гэтак сама і ўяўленне пра абсурднасць свету, у якім мы жывем, можа быць успрынятая як выклік і як стымул: калі ён бязглузды, дык неабходна ўсталяваць ў ім сэнс. Само ўсведамленне ягонай безглуздасці выступае як вынік яго *асэнсавання* і як перадумова намаганняў, скіраваных на яе пераадоленне. І кожны, няхай сабе самы нязначны крок наперад у рэалізацыі ідэалу духоўнасці (і ў індывідуальным, і ў

грамадскім жыцці) выступае як (няхай сабе і маленькая) перамога ў згаданым пераадоленні.

Плённыя намаганні дзеля стварэння сябе як гарманічнай асобы і дзеля адухаўлення рэчаіснасці могуць і павінны ўспрымацца разам з тым і як надзвычай важкі практычны аргумент у кантэксце абгрунтавання высокага духоўнага ідэалу, якое выявілася як запатрабаванае ў працэсе папярэдняга разгляду. У тэарэтычным плане яно можа быць здзейснена рознымі шляхамі і ў межах розных духоўных формаў, але найбольш важная роля належыць пры гэтым, безумоўна, філасофіі – праз яе крытычна-рэфлексіўны характар.

Неабходна адзначыць, што асабліва дзейсныя інструменты для вырашэння згаданай задачы дае дыялектычная метадалогія: прынцып рухомага адзінства супрацьлеглых пачаткаў (мыслення і быцця, ідэалу і рэальнасці, універсальнага і адметнага, існасці і з'явы) здольны выканаць ролю асновы для згаданага абгрунтавання (Праўда, дадзены прынцып, як і дыялектычная метадалогія ўвогуле, зусім не з'яўляецца бясспрэчным падмуркам для распрацоўкі тых ці іншых тэарэтычных праектаў. Але што магло б выступіць у якасці абсалютна надзейнага грунту для пазнавальнай дзейнасці і яе вынікаў?) Існасць іманентная з'яве, ідэал іманентны рэальнасці. Але разам з тым яны адрозныя адно ад аднаго. Ідэал павінен здзяйсняцца, бо інакш гэта не ідэал, а пусты гук; і ён павінен сталым чынам адрозніваццa ад рэальнасці – інакш гэта не будзе ідэал. Духоўнае жыццё якраз і выступае як рухомае, дынамічнае вырашэнне дадзенай супярэчнасці. Сутнасць, сэнс і вынік гэтага працэсу – усё больш поўная рэалізацыя ідэалу як на індывідуальным, так і на грамадскім узроўні. У сувязі з гэтым розныя версіі яго разумення і здзяйснення могуць разглядацца як спецыфічныя формы яго рухомага адзінства з рэальнасцю і разам з тым як праявы пошуку чалавекам і чалавецтвам найбольш глыбокага, найбольш плённага сінтэзу грунтоўных супрацьлегласцяў.

У нашай культурнай прасторы згаданы – дыялектычна-спекулятыўны, калі звярнуцца да слоўніка гегелеўскай філасофіі, – падыход быў задзейнічаны для абгрунтавання неабходнасці гнуткіх, рухомых, адкрытых («ліючыхся») жыццёвых формаў Ігнатам Абдзіраловічам. «Усё істнуючае творча», – даводзіць філосаф, абапіраючыся пры гэтым на арыстоцелеўскае ўяўленне пра іманентную прысутнасць формы (існасці) у матэрыі і спалучаючы яго з паганскімі міфапаэтычнымі матывамі [1, с. 18, 25, 28–29, 38–39]. У духоўнай сферы, як падкрэслівае І. Абдзіраловіч, памкненне чалавека да творчасці найбольш поўна выявілася ў мастацтве, якое мусіць быць на дадзены момант узорам для іншых кірункаў грамадскага жыцця. Менавіта ў яго абсягу згаданае памкненне набыло неадольны, няспынны характар, што выступае як неабходная перадумова сапраўднага здзяйснення духоўнага ідэалу ў індывідуальным і грамадскім жыцці [1, с. 26–28].

Патрэбна адзначыць, што, узнімаючыся да творчай дзейнасці – філасофскай, мастацкай, навуковай, тэхнічнай ці якой-небудзь іншай, – чалавек творыць разам з тым і сябе. Ён павінен усведамляць, аднак, што тут існуюць і пэўныя небяспекі (аднабаковага і, значыцца, скажонага, нягледзячы на сваю адносную эфектыўнасць, раскрыцця яго творчага патэнцыялу), пазбегнуць якіх можна толькі ў тым выпадку, калі памкненне да творчасці набудзе ўсёабдымны, татальны характар (на што ўказваў у прыведзеным вышэй выказванні І. Абдзіраловіч). Толькі пры такой умове ідэал гарманічнага, усебаковага самаразвіцця зробіцца зместам і існасцю чалавечага быцця ў свеце і будзе кінуты выклік «аднамернасці», да якой падштурхоўвае празаічнае, філістарскае яго вымярэнне.

Такім чынам, дыялектычная філасофская традыцыя арыентуе нас на разуменне таго факта, што творчае самаздзяйсненне ў супярэчлівым, складаным свеце не можа

адбыцца інакш, як праз каласальнае напружанне ўсіх духоўных сіл, і што сам працэс згаданага самаздзяйснення мае ў найвышэйшай ступені супярэчлівы характар. Вытрываць дадзеную супярэчлівасць, ператварыць яе ў крыніцу самаразвіцця праз творчасць – гэта найвышэйшая і найскладанейшая задача ў чалавечым жыцці, вырашэнне якой надае яму сапраўдны змест і сэнс.

Літаратура

1. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам: дасьледзіны беларускага сьветагляду. – Мінск.: Навука і тэхніка, 1993.
2. Hegel, G.W.F. Ästhetik: in 2 B. – 3. Aufl. – B.1. – Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag, 1976.

ТВОРЧЕСТВО КАК СПОСОБ ОРГАНИЧНОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

С. А. Азардович

Современное общество в глобальном масштабе переживает тяжелый системный кризис, суть которого кроется в нерелевантности существующей парадигмы общественного знания тем вызовам, с которыми столкнулся мир как взаимосвязанное целое. Доминирующая логика развития, основанная на логоцентризме и абстрактном рационализме, может сохраняться еще некоторое время, но исторических перспектив она не имеет в силу ограниченности самой способности биосферы к регенерации. Поэтому, представляется необходимым социально-философское переосмысление наиболее фундаментальных понятий, вокруг которых происходит развертывание системы общечеловеческого знания.

Опираясь на критический анализ немецкой классической философии, философию марксизма и феноменологию, можно заключить, что фундаментальное, философское значение понятия «Человек» раскрывается в развитии, постоянном становлении. Там и тогда, где и когда человеческое состояние в-себе-бытие или простая наличная здесь и сейчас данность становится для человека разумом для себя, человек обретает сущность, свое для-себя-бытие. Основой гегелевского идеализма и диалектического материализма в отношении репрезентации понятия «человек» является понимание осознанного действия или труда как творчества в качестве основополагающего фактора, ведущего к образованию понятия «человек». Это означает, что осознанная, свободная деятельность творит как самого человека, так и предметный мир, который организован в конкретно-историческую общественную систему. Человек «есть», присутствует здесь и сейчас как простая наличная данность, но это не застывшее в покое «есть», а определенная активность, которая обуславливается простой вещностью изначального присутствия человека в бытии. Как отмечает Гегель, «вещь есть свойство только в "одном", и определенно оно только в соотношении с другими» [1, с. 64]. Значит, если вещь начинает познавать себя, соотнося с другими наличными здесь и сейчас вещами, то эта вещь перестает быть таковой в силу того, что это понятие определено как простая всеобщность здесь и сейчас. Активное присутствие означает наличие иных характеристик, нежели простое в-себе-бытие. Как отмечено в «Феноменологии духа», вещь есть одно, то есть единичность, но процесс рефлексирования себя путем соотнесения с иным, формирует свойства, определяемые как «для-себя-бытие», то есть, так возникает характеристика, отличающая человека от вещи [1, с. 67].

Вычленение субъекта путем «отношения» к «совершенно другому» И. Кант называет синтезом (веритативным синтезом), где речь идет о соединении субъекта с объек-

том в рамках сущего или бытия, то есть, социально-онтологическая сущность человека в равной степени зависит от объекта, как сущность, смысл объекта от субъекта [5]. Как утверждал И. Кант, всякое определение (то, что отличает человека от пассивной вещи) уже по определению содержит «единство деятельности, упорядочивающей различные представления под одно общее» [5]. Этим общим для человеческой деятельности становится общество, как органическое целое, где и разворачивается преобразующая деятельность человека – творчество.

Как подчеркивал Г. Гегель: «Движение самосознания в отношении к другому имеет двойное значение – оно в такой же мере его действование, как и действование иного» [1, с. 100]. Фактически, общественная суть человека определена уже самим процессом становления посредством деятельности, так как это путь образования сознания и самосознания, что является одним из критериев определения понятия «человек». Сопоставляя себя, свое самосознание с другим свободным самосознанием обретается достоверность себя, что свидетельствует о завершении формирования индивида.

Подвергая анализу понятие «преобразующая деятельность» или труд необходимо учитывать тот факт, что существует две диаметрально-противоположные логики в трактовке этой философской дефиниции. Еще К. Маркс отмечал резкую противоположность буржуазных воззрений на труд воззрениям античности, где материальное производство или работа несет на себе клеймо рабства и рассматривается лишь как пьедестал для праздного гражданина. Древние презирали материальный производительный труд, так как различали в нем активную творческую и подсобную, рутинную, чисто физическую сторону и первую считали вполне достойной свободного человека и лишь вторую – достойную раба [2, с. 518].

Труд как работа обусловлен исключительно «необходимостью» и формирует цикл производства и потребления направленный на сохранение жизни. Г. Гегель отмечал, что абстрактная необходимость выступает как негативная, непостигнутая в понятии всеобщность, о которую разбивается человек. Это значит, что человек, подчиненный «необходимости», утрачивает способность действовать осознанно как человек.

Творческая же деятельность ценилась в силу ее уникальности, неповторимости, а не благодаря количественным показателям и эффективности. Марксизм в целом справедливо отметил важность именно творческого начала в труде, ведь человечность и духовные запросы, как отмечал А. Грамши, не могут реализоваться иначе, как в мире труда и производства, в производственном «созидании».

Труд как творчество выступает условием, позволяющим реализовать потенциальность, заложенную в понятии «человек». Творчество, таким образом, есть непременное условие трансформации некоторых первоначальных свойств, определяемых нами как «индивид» в конкретную действующую сущность – «личность». Процесс труда как творчества должен сохранять свойства перманентности, и не может быть прекращен, так как сама возможность сохранения наличного бытия человеком возможна только в движении, в деятельности, в противопоставлении своего бытия вещи. Иными словами, творческий процесс человека не может быть остановлен, так как это означало бы упразднения понятия «человека». Самой категории «творчество» характерно, как справедливо отмечал О. Шпан, определенная незавершенность, которая своими корнями упирается в совершенное ранее. Хотя О. Шпан идеалистически определяет природу творчества, выводя ее из некого первоначального творчества, которое присуще исключительно Божественной природе, он, тем не менее, справедливо утверждает, что незавершенность творчества выводится из постоянства противоречий: «Это напряжение не есть ни сила чистого развертывания творческих соответствий, ни творческая сила чистого развертывания, исходящая из той незавершенности, которая нас окружает, оно есть

напряжение столкновения, конфликта» [6, с. 331]. Напряженность, конфликт, совокупность диалектических противоречий – суть природа не только исторического развития, но и механизм творчества.

Творчество коренится в несовершенстве, но онтологическая точка, из которой происходит развертывание абсолютной всеобщности, априори совершенна, разница лишь в том, что идеалисты это свойство вели от божественной сущности, а материалисты от абстрактного свойства racio. Как результат, мы получаем диалектическое единство совершенного и несовершенного. Человек не может достичь совершенства в силу изначальной ограниченности своего бытия, но интуитивно стремится к нему, так как всегда имеет перед глазами выстраданный обществом идеал.

«Творчество – это способ существования личности – последнее осуществляется только в творчестве, а отсутствие творчества означает отсутствие личности» [4, с. 212]. Акт творения всегда направлен на какой-то объект, но действительная сущность творчества в том, что оно преобразует человека в определенный субъект именно посредством творчества. Еще точнее, творец делает себя творцом, творя нечто. Обращаясь к философии Г.Ф. Гегеля, заметим, что он понял деятельность как необходимое и основное измерение человеческой сущности. Собственно говоря, без творческой деятельности нет самого человека. Именно по этой причине Г.Ф. Гегель выделил в качестве главного средства формирования человека творческую деятельность, которая может осуществляться в рамках общественной среды. Таким образом, понятие субъект подчеркивает процесс творчества, активности и движения, благодаря которому формируется как человек, так и весь предметный мир – общественная сфера развертывания человеческой потенциальности.

Литература

1. Гегель, Г. Феноменология духа / Г. Гегель. Сочинения. Т. 4 / перевод с нем. Г. Шпет. – М., 1959.
2. Кантор, К.М. Двойная спираль истории: Историософия проектизма. Т. 1: Общие проблемы. – М.: Языки славянской культуры, 2002.
3. Пушкин, В.Г. Философия Гегеля: абсолютное в человеке. – СПб.: Издательство «Лань», 2000.
4. Тульчинский, Г.Л. Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.scribd.com/ doc/ 45635647. – Дата доступа: 12.10.2011.
5. Хайдеггер, М. Кант и проблемы метафизики / перевод с нем. О.Ф. Никифорова. – М.: Издательство «Логос», 1997 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vixri.ru/ d/a_filosof/ Xajdegger%20M.%20 _Kant%20 i%20 problema%20 metafiziki.pdf. – Дата доступа: 12.10.2012.
6. Шпан, О. Философия истории / перевод с нем. К.В. Лощевский. – СПб.: Издательство «Университетское», 2005.

РЕАЛИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЕЛОВЕКА – ОСНОВА ГАРМОНИЧНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Т. Ф. Ковалева

В настоящее время происходит становление глобального коммуникационного пространства, которое оказывает существенное влияние на все стороны жизни общества и отдельного человека. В этот период все большее значение приобретает формирование творческих качеств человека, способствующих успешной адаптации личности в условиях постоянно меняющихся реалий. «Есть эпохи, когда целое поколение оказывается между двумя укладами жизни в такой степени, что утрачивает всякую преемственность

в обычаях, всякую защищенность и непорочность» [1, с. 155]. Человечество ищет выход из ситуации глобальных кризисов, потенциальных катастроф и умирания планеты, но в первую очередь – из кризиса духовности и нравственных ценностей. На современное состояние культуры оказывает колоссальное влияние научно-технический прогресс, особенно в сфере коммуникации, который изменил сами способы общения между людьми. С одной стороны, имеет место резкое увеличение образований, претендующих на статус культурных, а с другой – их адаптация к старым ценностным системам происходит как бы в более сжатых временных рамках. Иногда этот процесс укладывается в рамки жизни одного человека или того меньше. В результате почти «мгновенно» происходит разрушение старых систем ценностей и традиций, которые господствовали на протяжении столетий. Нарушается синхронизация культуры, когда новообразования в ней формируются столь стремительно, что не успевают адаптироваться к традиционной системе. Людям уже некогда «впитывать» новые ценности, постоянно соотнося их с предшествующими, они начинают их попросту потреблять. «Техника, присоединившись к душе, дала ей всемогущество, – писал В. Розанов. Но она же ее и раздавила». «Вместо того, чтобы знакомить нас с лучшими литературными и музыкальными произведениями, средства массовой информации забивают людям головы самым низкопробным вздором, далеким от реальности и изобилующим садистскими фантазиями, которыми маломальский культурный человек не стал бы даже изредка заполнять свой досуг» [2, с. 276].

Постсовременный человек предпочитает жить одним днем, не слишком задумываясь о завтрашнем и тем более о далеком будущем. Если наши предки информацию получали «из первых рук», личным опытом, который, накапливаясь в поколениях, определял ту глубину знаний о мире и человеке, которая называется мудростью. Информация же, поставляемая техническими средствами, этим свойством не обладает: она уже определенным образом отобрана и сформирована, порой с нескрываемой тенденциозностью (например, реклама). Такого рода «вторичная» информация при отсутствии прямого контакта приводит часто к фальсификации знания. «Где наша мудрость, потерянная ради знаний; где наши знания, потерянные ради информации!» – сетовал Т.С. Элиот. «Человек-создатель 20 в., превратившийся в человека-потребителя, к 21 в. снова меняет свой лик: он становится потребителем-не-реальности».

Важную черту культурной ситуации постсовременности составляет возрастающая роль развлекательной функции искусства, ее театрализация, многочисленные шоу, которые охватывают практически все области жизни. Сегодня шоу – это современный карнавал, который вошел в нашу жизнь. Мы живем в обществе, в котором карнавал затянулся и вместо одной-двух недель длится почти постоянно. Современная индустрия массовой культуры, отвечая на запросы публики, все более эксплуатирует наркотические функции искусства, создавая грандиозные шоу не как зрелище, которое смотрят, а как пространство, в котором живут. Человек массового общества – это, часто, несостоявшийся человек. Он не знает и не выполняет самой главной своей задачи – продвигаться по пути к преображению. Его отличают инертность, безынициативность, нежелание утруждать себя размышлениями о сложных процессах, эгоистичность и агрессивность. Агрессивность масс растет пропорционально пассивности. 6 часов переключений с канала на канал – с боевика на «ужастик» или 10 часов компьютерных погонь выматывают сильнее любой деятельности, а самореализация приобретает призрачный характер: ведь уничтожать монстров кажется куда более значительным, чем заниматься творчеством. Способность к творческому мышлению катастрофически падает, состояние усталости, нежелание думать становится привычным. «Сегодня мы видим все возрастающую тенденцию к нервозности. С каждым днем жизнь становится все более и более искусственной, и с каждым шагом человек все больше теряет тот покой, который был закваской

человеческой расы» [3, с. 123].

Безусловно, что не научно-техническая революция и не появление аудио-видеосредств являются источником кризисной ситуации. Они лишь ускоряют процесс, расширяют возможности для экспансии разрушительных сил внутри самой цивилизации. Что само по себе только следствие более глубинных сдвигов, произошедших в духовных основах культуры. Человек, по убеждению В. Соловьева, призван продолжать начатое самой природой дело по созданию красоты и порядка мира, и на определенном этапе эволюции становится решающим фактором его организации. Ведь задуман человек как творческая жизнь, и творчество есть главная основа и сущность бытия человека. Быть способным к постоянному становлению, значит быть творческим. Ситуация невостребованности творческого потенциала и нереализованности творческих людей и их энергий не только лишает общество необходимых ему для развития сил, но и может оказаться, прямо небезопасна для его нормального существования и функционирования. Небывалый всплеск терроризма в наше время в известной степени имеет культурно-психологические причины. Разрушение Центра международной торговли (11.09.2001) в США в числе многих других обстоятельств положило конец бездумному принятию постмодернистского релятивизма. «Через несколько дней музыканты в Нью-Йорке и других городах начали давать посвященные этой трагедии концерты, собиравшие полные залы. Что же приходила послушать публика? Йо-Йо Ма играла Баха в Карнеги-холл, Пласидо Доминго пел Отелло в "Метрополитен-опера", "Немецкий Реквием" Брамса в исполнении оркестра Нью-Йоркской филармонии под управлением Курта Мазура транслировался на всю страну. Если события 11 сентября научили нас чему-нибудь, то этот урок состоит в том, что красота реальна – столь же реальна, как и зло, и за нее стоит вести борьбу. "Когда смерть подступает близко, человеку нужна красота", – поет старый король Аркел в опере Дебюсси "Пеллеас и Мелизанда"» [4, с. 8].

На фоне невостребованности творческой личности, нарушения условий для проявления созидательной активности, при психической неустойчивости, вызванной неопределенностью положения человека в обществе, существенным образом искажаются прежние функции культуры и искусства, смещаются критерии отношения к человеку и жизни. Как свидетельствует И.-В. Гете в «Фаусте», ни деньги, ни власть не могут дать человеку понимание смысла жизни: только творчество способно наполнить жизнь смыслом. В творчестве человек переживает яркий праздник бытия, всю полноту своей реализация. «У жизни своя динамика: человек должен расти, должен проявлять себя, должен прожить свою жизнь. По-видимому, если эта тенденция подавляется, энергия, направленная к жизни, подвергается распаду и превращается в энергию, направленную к разрушению. Иными словами, стремление к жизни и тяга к разрушению не являются взаимно независимыми факторами, а связаны обратной зависимостью» [5, с. 157].

Творческая деятельность дает человеку особое ощущение свободы проявления, сообщает ему уверенность в себе и чувство самоценности своего внутреннего мира. Реализация творческого потенциала не только обогащает общество, укрепляет его научные и производительные позиции, но и регулирует уровень напряжения в социуме, обеспечивая безопасные нормы социального сосуществования.

«Чтобы видеть, каков тот или иной народ, нужно обратить внимание на то, что он любит. Народ будет…настолько лучше, насколько в лучшем он единодушен, и настолько хуже, насколько единодушен в худшем» [7, с 169].

Литература

1. Гессе, Г. Степной волк // Иностранная литература. – 1977. – № 4.
2. Фромм, Э. Здоровое общество. Психоанализ и культура. – М, 1995.

3. Инайат Хан, Х. Мистицизм звука. – М., 1998.
4. Тичаут, Т. Искусство в Америке. – М., 2004.
5. Фромм, Э. Бегство от свободы. – М, 1990.
6. Августин. Творения Блаженного Августина. Часть 6. – Киев, 1987.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО КРЕАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

С. А. Данилевич

В новых условиях стандартизации, унификации явлений и смыслов, имеющих культурообразующее значение, личность, или, вернее, индивид, претендующий на данное звание, сталкивается не только с трудной задачей самоидентификации среди однообразно существующих себе подобных, но и с проблемами личностного творческого роста, утверждения себя в свободном порыве реализации своих креативных и когнитивных потенций. В современном мире, как отмечает Б. Никифорова, «массовое распространение получает эклектическое мировоззрение, сочетающее логически и исторически не связанные между собой элементы, почерпнутые из различных традиционных религий, квазинаучных или фольклорных представлений, а также как результат переосмысленных образов массовой культуры» [1, с. 18]. Здесь появляется широкая возможность моделирования собственного бытия, его видов и концептов, что предусматривается самой организацией социальной действительности в информационном обществе и обеспечивается интерактивностью и виртуальностью бытия. От индивида, живущего в стремительно виртуализирующемся мире, требуется осуществлять не только личный мировоззренческий выбор, но и создавать свой собственный вариант картины мира, непрестанно ее совершенствуя и преобразуя. Кроме того, в свете синергетической парадигмы развития науки оформляется новое видение мира в информационную эпоху, когда, по выражению И. Пригожина, «вырисовываются контуры новой рациональности, к которой ведет идея нестабильности» [2, с. 51]. Организация порядка в беспорядочном мире оказывается во многом зависимой от человека, способного находить новые принципы организации деятельности. При этом немаловажное значение имеет отношение индивида к моральным ценностям – как традиционным, так и вновь созидаемым личностью в диалоге с другими людьми. Таким образом, в современной ситуации развития информационного общества становится востребованным особый тип личности, для которой свойственно творить новую реальность и формировать собственное отношение к этому новому миру и другим людям – креативная личность. По мысли Г.С. Батищева, это – «свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов», наделенная атрибутами одновременно и связей органических, и связей атомистических» [3, с. 92]. Однако широкое распространение указанного типа возможно только в условиях, когда нет жесткого детерминирования способа существования, возможен свободный выбор, полагаемый важнейшей предпосылкой творческой способности субъекта. Кроме того, склонность индивида к игровой деятельности также представляет собой важную предпосылку творчества, в том числе и мировоззренческого. Так, по мнению Д. Дьюи, «быть игривым и серьезным в одно и то же время возможно и это определяет идеальное умственное состояние» [4, с. 199]. А игра возможна лишь при условии освобождения индивида от необходимости тяжелого повседневного труда ради удовлетворения его витальных потребностей. Следовательно, свобода и склонность к игровому взаимодействию с другими являются предпосылками формирования творческого типа

личности. Сущность его определяется Батищевым как «способность к связям универсального общения – преемства и со-творчества, актуализуемым универсальной деятельностью» [3, с. 93]. Определенным консонансом концепции Батищева выступает позиция К.Г. Юнга. Правда, в отличие от теории Батищева, имеющей коммуникативно-социальную основу, Юнг полагал, что склонность индивида к творчеству и коммуникации связана, прежде всего, с факторами психического бессознательного. В соответствии с учением Юнга, можно выделить основные черты психического состава нашей индивидуальности, определенные комбинации которых дают основу для создания типологии. Этими параметрами являются две основные психические установки (интроверсия и экстраверсия), а также четыре психические функции – ощущение, мышление, чувство и интуиция. В результате появилась система из восьми психологических типов, одна половина которых относится к интровертным, а другая – к экстравертным [5]. В свете решения задачи определения оптимального типа для диалогического взаимодействия и совместного культуротворчества здесь нашего внимания заслуживают два из них. Это – экстравертированный интуитивный и интровертированный интуитивный типы. Как полагают современные последователи К.Г. Юнга, «экстравертированные интуитивные типы ориентированы на восприятие тех идей, которые несут в себе объекты внешнего мира (идеальные свойства объектов). В результате эти типы способны к тонкой дифференцировке потенциальных возможностей объектов и явлений. Они стремятся постичь их смысл» [6, с. 13]. Данный психотип способен быть создателем нового, активным творцом культуры. Кроме того, учитывая возможности и способности, заложенные в других, он будет способствовать их раскрытию в социальной жизни на основе продуктивного диалога для решения стоящих перед обществом конкретных задач. Очевидно, что экстравертированный интуитив гораздо больше ориентирован на диалог и сотворчество в интересах социума, чем интровертированный, который проявляет большую склонность к действиям в интересах саморазвития. Таким образом, творческий тип личности, намеченный Батищевым, сочетает в себе психические качества и установки, присущие экстаравертированному интуитивному психотипу системы К.Г. Юнга, с особой ориентированностью на диалог с другими. При этом, диалогически ориентированный творческий тип личности проявляет себя, прежде всего, в стремлении к преобразованию действительности не только за счет напряжения собственных сил, но и включения в совместные действия других индивидов на основе принятия их как равных и ответственных за общее дело. Однако здесь возникает новая проблема – проблема соотношения устремлений личности по преобразованию мира культуры и тех процессов, которые протекают в рамках самой культурной традиции, подлежащей преобразованию.

Существуя в стохастическом пространстве культуры, современная личность активно ищет фундамент для объединения усилий человечества в целях решения общих проблем. Реальную помощь в этом деле способна оказать философия. Как отмечает М.А. Можейко, «роль философии в системе культуры, ее важнейшая социальная миссия в историческом процессе заключается в том, чтобы выявить (за сиюминутной шелухой наносного и неподлинного, не соответствующего исконному предназначению человека в мире) те глубинные и фундаментальные основоположения культуры – как в традиционно национальном, так и общечеловеческом ее измерениях, на основе современного переосмысления которых возможно сформировать новую мировоззренческо-идеологическую систему, соответствующую реалиям сегодняшнего дня» [7, с. 196]. Кроме того, как полагает М.И. Вишневский, «философское мышление по своей сути диалогично. … Излагая свои воззрения, философ вступает в содержательную дискуссию с предшественниками и современниками, стремясь уточнить или прояснить нечто важное, которое оказалось упущенным ими» [8, с. 217]. Сам характер философского мыш-

ления предполагает использование диалогического подхода для прояснения сути мировоззренческих теорий. Здесь достаточно отчетливо обрисовываются контуры решения задачи создания условий для ценностного саморазвития творческой личности: в философском диалоге, позволяющем освоить и переработать ценности и смыслы культуры, закладываются основания осуществления позитивной социально значимой деятельности, не идущей вразрез с интересами личностного саморазвития индивида.

Литература

1. Никифорова, Б. Идентитет в культурно-цивилизационной перспективе // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: М.А. Можейко (отв. ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2008. – С. 17–22.
2. Пригожин, И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46–52.
3. Батищев, Г.С. Социальные связи человека в культуре / Г.С. Батищев // Культура, человек и картина мира. – М.: Наука, 1987. – С. 90–135.
4. Дьюи, Д. Психология и педагогика мышления / Пер. с англ. М.Н. Никольской. – М.: Совершенство, 1997.
5. Юнг, К.-Г. Психологические типы. – М.: АСТ, 1997.
6. Богомаз, С.А. Психологические типы К.Г. Юнга, психофизиологические типы и интертипные отношения. – Томск: ТГПУ, 2000.
7. Можейко, М.А. Философия в системе современной белорусской культуры: проблема социальной миссии // Проблемы управления. – 2010. – № 1 (34). – С. 193–196.
8. Вишневский, М.И. Духовная синергия, ее образовательные основы. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2006.

ЭЛІТАРНАЯ КУЛЬТУРА ЯК МАГЧЫМАЯ АНТЫТЭЗА ГЛАБАЛЬНАМУ МАСКУЛЬТУ

Э. С. Дубянецкі

Развіццё сучаснага свету вызначаецца заўважнай і ўсё больш нарастаючай складанасцю, дынамічнасцю і непрадказальнасцю. У такіх умовах агульны вектар далейшай гістарычнай эвалюцыі кожнага соцыума будзе ў значнай ступені залежаць ад таго, наколькі хутка і паспяхова грамадства зможа адаптавацца да падобных дынамічных эканамічных, палітычных і сацыяльных змен. І таму невыпадкова асобныя сучасныя даследчыкі адзначаюць, што «сацыякультурныя змены ў посткамуністычных краінах, еўраінтэграцыя, працэсы глабалізацыі, якія нівеліруюць рэгіянальныя адрозненні, масавая культура, якая ўяўляе спрошчаную карціну рэчаіснасці і многія іншыя выклікі сучаснасці вымушаюць не толькі на іх рэагаваць, але і прадбачыць магчымыя іх наступствы для нашых краін» [1, с. 7].

Сёння адным з найбольш важных, істотных фактараў развіцця любога соцыума з’яўляецца глабальная масавая культура (маскульт). Апошняя ўяўляе сабой агромністы кангламерат разнастайных арганізацый, устаноў, кампаній і шматлікіх дзеячаў мастацтва, арыентаваных на стварэнне і трансляцыю максімальнай колькасці культурных прадуктаў на максімальна магчымыя колы спажывальнікаў. У канцы 20 – пачатку 21 ст. масавая культура стала сапраўды глабальнай, агульнапланетарнай з’явай, якая ўсё больш і больш «пранікае» як у паўсядзённае жыццё кожнага чалавека, так і ўсяго соцыума.

Сучасная масавая культура нярэдка стварае ілюзію «далучанасці» чалавека да сапраўднага мастацтва, хаця на самой справе сітуацыя тут хутчэй адваротная.

Найчасцей чалавек, захоплены вірам маскульту, з цягам часу аддаляецца ад сапраўднай высокай культуры, страчвае адчуванне сваіх гістарычных каранёў, не ведае культурнай спадчыны свайго народа і не адчувае жыццёва важнай неабходнасці ў захаванні народных традыцый, каштоўнасцей. У выніку надзвычай масіраванага ўплыву глабальнай масавай культуры паступова фарміруецца своеасаблівы т.зв. «маскультны чалавек». Такі чалавек, з аднаго боку, звычайна досыць хутка прымае навязаныя маскультам каштоўнасці, нормы і ідэалы (напрыклад, культ спажывання, празмерны індывідуалізм, арыентацыя на дасягненне асабістага поспеху любым коштам, пэўны імаралізм і ўсёдазволенасць), а з другога боку, ён жа ў якасці актыўнага спажывальніка артэфактаў масавай культуры ў пэўнай ступені нібы «падштурхоўвае» апошнюю да яе яшчэ большага пранікнення ў штодзённы побыт індывіда.

У складванні «маскультнага чалавека» галоўную ролю адыгрывае цэлы шэраг культурных феноменаў і з'яў – найперш такіх, як айчынная і замежная папулярная музыка («попса»), галівудскае кіно, разнастайныя гумарыстычна-забаўляльныя тэлепраграмы, навязлівая штодзённая рэклама, т.зв. «жоўтая прэса», шматлікія Інтэрнэт-сайты, парталы, дзе падрабязна (часам нават у самых дробных дэталях) расказваецца пра асабістае жыццё і дзейнасць шматлікіх «зорак» сучаснага маскульта – спевакоў, акцёраў, рэжысёраў, тэлевядучых, спартсменаў і інш. Гэты, умоўна кажучы, новы тып чалавека звычайна шчыра верыць амаль усяму таму «беламу» і «чорнаму» піяру, які агрэсіўна праводзіцца спецыяльна падрыхтаванымі людзьмі – «піяр-менеджэрамі», рэкламнымі агентамі, іміджмейкерамі. Такі чалавек з-за перагружанасці разнастайнай (нярэдка супярэчлівай інфармацыяй) паступова страчвае магчымасць больш-менш крытычна ўспрымаць рэчаіснасць, адрозніваць праўду ад хлусні, добрае ад кепскага, што ў выніку прыводзіць да яго пэўнай сацыякультурнай дэзарыентацыі. Увогуле, далучэнне да маскульту ў сучасных умовах звычайна не патрабуе значных духоўных высілкаў, бо амаль усё прадастаўляецца ў практычна гатовым выглядзе, нішто не патрабуе абдумвання ці хаця б мінімальнай рэфлексіі. Пра гэта красамоўна сведчаць, напрыклад, мноства разнастайных тэлесерыялаў, эстрадна-папсовых канцэртаў, гумарыстычных праграм, якія штодзённа ў найлепшы час («прайм-тайм») паказваюцца па шматлікіх тэлевізійных каналах, а таксама безліч разнастайнай рэкламы на тэлебачанні, у радыё-эфіры і Інтэрнеце.

На першы погляд здаецца, што антытэзай такому неверагоднаму росквіту глабальнага маскульта магла б быць элітарная (высокая) культура. Апошняя ўяўляе сабой сукупнасць матэрыяльных і духоўных феноменаў, каштоўнасцей, высокамастацкіх артэфактаў, створаных найбольш адоранымі мастакамі ў розных сферах культурнага жыцця. Звычайна спажывальнікамі феноменаў элітарнай культуры з'яўляецца нязначная колькасць найбольш адукаваных і інтэлектуальна развітых людзей. Пры гэтым варта падкрэсліць, што далучэнне да сапраўднага высокага мастацтва, у адрозненне ад масавай культуры, звычайна патрабуе досыць значных духоўна-інтэлектуальных намаганняў, а часам і матэрыяльна-фінансавых сродкаў. Інакш кажучы, шчыраму аматару элітарнай культуры найчасцей даводзіцца пераадольваць разнастайныя перашкоды і цяжкасці (напр., у выглядзе элементарнай адсутнасці належных артэфактаў у продажы, фізічнай немагчымасці патрапіць на выступленне свайго куміра) перад тым, як раней ці пазней усё ж такі ўдасца здзейсніць сваю мару і атрымаць духоўна-эстэтычную асалоду ад сузірання / праслухоўвання любімых твораў.

Аднак у сённяшнім свеце элітарная культура ўсё такі не можа паспяхова выконваць функцыі эфектыўнага супрацьдзеяння націску масавай культуры. Пра гэта сведчыць, напрыклад, тое, што высокае мастацтва сёння ледзь не цалкам знікла са сферы грамадскай свядомасці і перайшло ў маргінальную зону, на перыферыю

культурнага і духоўнага жыцця грамадства. На мой погляд, у сучасным свеце элітарную культуру можна нават назваць «выслізгваючай» («ускользающей) культурой па аналогіі з назвай вядомай кнігі сучаснага брытанскага сацыёлага Энтані Гідэнса [2]. І сапраўды, надзвычай складана высокай культуры, якая з'яўляецца вынікам плённай творчай дзейнасці асобных геніяльных і таленавітых асоб, выжываць і развівацца ў абставінах, калі "сёння ўвесь свет стаў масай" [3, с. 10].

Праўда, усё ж такі не варта думаць, што пашырэнне масавай культуры абавязкова і заўсёды азначае духоўны заняпад і дэградацыю культурнага жыцця грамадства. Сапраўды, у большасці выпадкаў масавая культура аказвае даволі негатыўны ўплыў на этнакультурнае развіццё соцыуму, паколькі спрашчае, прымітывізуе мастацкія густы большасці спажывальнікаў культуры, прадукуе масавую вытворчасць нізкаякасных артэфактаў культуры, якія не маюць амаль ніякай мастацкай каштоўнасці і адпаведна ніяк не могуць узбагаціць гісторыка-культурную спадчыну народа. Уяўляецца, што празмерна агрэсіўнае пранікненне маскульту ў жыццё соцыума на пэўным этапе (калі набярэцца "крытычная маса" і будзе пяройдзена адпаведная мяжа) можа выклікаць натуральную чалавечую рэакцыю супрацьдзеяння, адпрэчвання і ўрэшце рэшт абумовіць жаданне тварыць насуперак, так бы мовіць, нічым і нікім не абмежаванай вакханаліі прымітызаванай масавай культуры, а таксама імкнуцца ствараць змястоўныя і арыгінальныя культурныя артэфакты. А гэта, у сваю чаргу, у больш-менш аддаленай гістарычнай перспектыве можа стаць падмуркам для адносна плённага развіцця высокай культуры і ўвогуле для ўзбагачэння духоўна-культурнай спадчыны кожнага грамадства ў прыватнасці і ўсяго чалавецтва ў цэлым.

Літаратура

1. Чепайтене, Р. Культурное наследие в глобальном мире. Пер. с лит. – Вильнюс, 2010.
2. Гидденс, Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. Пер. с англ. – М., 2004.
3. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс: Сб.: Пер. с исп.– М., 2002.
М.А (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУКМ, 2009.

ТВОРЧЕСТВО КАК ОСНОВНОЙ МОДУС САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛЬНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В. В. Богаченко

Самосовершенствование – одна из проблем никогда не уходящая с интеллектуального горизонта философского знания, так как это не просто движущая сила развития социокультурной системы, не только стремительный поиск новых нестандартных решений вопросов, проблем, не только мотив для самореализации, это еще и смысл существования человека как личности. Самосовершенствование и саморазвитие – базисная основа личности, поскольку последняя и есть человек с активной позицией, неповторимой программой своего развития, набором ценностей и жизненных принципов. Отсюда вывод самореализация – имманентное свойство человека социального. Эта идея и будет подтверждена в данных тезисах.

Творчество – неизменный механизм, компонент и продукт самореализации и саморазвития, многоаспектно, поэтому попробуем рассмотреть его в контексте психофилософского консенсуса. Исследуя психологический подход к изучению творчества,

как основного механизма саморазвития, имманентную потребность каждого человека, можно сделать выводы, что данный процесс не зависит от социокультурных качеств субъекта развития, национальной принадлежности, возрастных и половых отличий (Г. Айзенк, Л. Кэмин, В.А. Геодакян, В.Д. Еремеева, Т.П. Хризман), даже времен года (Ч. Ломброзо) и возрастных особенностей (Р. Вудвортс, Э. Нельсон, Г. Леман). Несмотря на широкомасштабное исследования творчества, креативности и взаимосвязанных с ними способностей, задатков и талантов однозначного ответа на вопрос, каковы механизмы и конструкты данного процесса, не найдено.

Генетически обусловленные предпосылки к творчеству есть у каждого, но раскрыть их можно лишь при способствующих этому условиях среды и возникновению потребности реализации своих внутренних потенций. С объективной философской позиции творчество – это не удел избранных, а природа человека как такового, его суть и неотъемлемая форма бытия как личности. Говоря о разных видах творчества: научном, художественном, техническом, педагогическом можно отметить, что творческий потенциал различен, но дело не в богатстве генетического наследия, а в правильности выбора области осуществления творческого труда, поскольку труд имеет запускные механизмы своего осуществления. Мы сами выбираем свой путь развития, получая внешнюю мотивацию, как сигнал к действию. Как отметил, Ж.-П. Сарт «Человек – это его выборы» [1; с. 41], что говорит о человеке как о социоактивной личности, которая развивая свои задатки и способности, реализует себя как творца конструктов своей «самости». Это не означает, что феномен интуиции (инсайта) нивелируется как движущий механизм творческих открытий, он по своей сути – награда за активизацию своего внутреннего потенциала и проделанные труды, непрерывную саморазвивающую деятельность личности.

Несмотря на то, что образ современного человека носит многомерный характер, он все таки целостный по своей сути, и лишь правильно направленная социальная энергия может либо раскрыть потенции его личности, либо блокировать их и преобразовать их в различного рода девиации. Хотя по своей сути система без отклонений развиваться не может, но есть резон направить эту формирующую личность социокультурную энергию в необходимое русло и придать ей положительный вектор развития, дать ей шанс быть полноценной и реализованной.

Мощный механизм, связывающий личность и социум – это творческая продуктивность как материального характера, так и духовное удовлетворение от самого процесса развития и становления мысли, и приобщение ее к миру общественного сознания. В этом аспекте интересна теория А. Адлера, у которого «чувство общности» – врожденное качество, которое нуждается в развитии. Это создает комплекс неполноценности, который и направляет человека к развитию и стремлению стать полноценным членом общества, что предполагает создание своего неповторимого стиля жизни. Не удивительно, что «самость» по К. Юнгу является центральным составляющим архетипом личности, выражая индивидуальные креативные качества, она в тоже время выполняет функции синкретического связующего, которое порождено целостной деятельностью психики. И действительно реализация самости через творчество раскрывает не только личностный потенциал, но и делает его связующим неповторимым звеном общественного социокультурного пространства. В ходе индивидуальной творческой реализации происходит стимуляция трансформационных процессов, которые развивают и расширяют общество как динамичную систему.

Логично прийти к выводу, что творчество – параллельный процесс с бытием личности в целом, способ саморазвития и реализации своих духовных имманентных качеств, раскрыть которые – и есть одна из основных задач человеческой жизни. Творчество входит в процесс «измерения живой личности» наряду с такими экзистенциалами

как разум, воля вера, сомнение, страх, надежда, любовь, отчаянии, ненависть и другими. И это еще раз подтверждает, что творчество – это не просто конструкт активной личности, это его способ самоидентификации, связи и как результат нахождение своего места в социальном пространстве.

Таким образом, можно сделать вывод, что творчество – это мост с двусторонне направленным движением энергий между социумом и личностью, адаптивный и коммуникативный момент существования человека, мощный фактор самоидентификации его в социокультурной среде.

Литература

1. Психодиагностика и психокоррекция / под ред. А.А. Александрова. – СПб.: Питер, 2008.

ДА ПЫТАННЯ РЭВІАЛІЗАЦЫІ НЕМАТЭРЫЯЛЬНАЙ КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ

Э. К. Дарашэвіч

Існаванне фальклорных адзінак. Архіп Перттунен – адзін з вядучых карэльскіх этнафораў, ад якіх у XIX стагоддзі былі запісаны руны (маларадковыя песні) карэла-фінскага эпасу «Калевала», распавядаў пра іх засваенне: «Калі мы з бацькам рыбачылі, звычайна адпачывалі на беразе возера ля вогнішча… У нас быў памочнікам мясцовы жыхар, таксама добры спявак, хоць і не роўня майму бацьку-нябожчыку. Цэлымі начамі яны пялі ля вогнішча… і ніколі ў адну ноч не гучала двойчы адна руна. Я, хлопец, сідеў і слухаў і вывучыў так свае лепшыя песні» [1, с.XIV].

Асноўная *ўмова існавання фальклору* – вітальнае (ад *лац.* vita – «жыццё») – *жывое бытаванне традыцыі*. Без самааднаўлення, перадачы «з голаса на голас», прамаўлення, візуалізацыі кожная фальклорная адзінка (казка, песня, легенда, абрад, гульня) ператвараецца ў мёртвы музейны артэфакт. Навукоўцы-гуманітарыі, педагогі, сёння ўсё большую ўвагу надаюць культурнай спадчыне, «літара» і «дух» якой перадаваліся спрадвеку вусным шляхам – т.зв. спадчыне *вуснай традыцыі* (oral heritage of humanity) ці, як часцей гавораць (разумеючы пры гэтым менавіта *непісьмовы*, *вусны* аспект), нематэрыяльнай культурнай спадчыне (intangible heritage of humanity). Гэта – рэгіянальныя звычаі і абрады, тэхналогіі народных промыслаў, творы і манеры выканання жанраў аўтэнтычнага фальклору, якія існуюць «жыўцом» у побыце этнасу і перадаюцца вусным шляхам.

Ахоўныя спісы фальклору. Нематэрыяльная культурная спадчына (НКС) сёння бярэца пад ахову як міжнароднай супольнасцю, так і дзяржавай. У Беларусі праца па выяўленні і наданні статуса гісторыка-культурнай спадчыны элементам і з'явам фальклору набывае асаблівае значэнне ў святле далучэння нашай краінай (адной з першых) да Канвенцыі аб ахове нематэрыяльнай культурнай спадчыны UNESCO. Гэты міжнародны дакумент зацверджаны Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 29.12.2004 г. № 627. Канвенцыя UNESCO ахоўвае НКС, якая перадаецца ад пакалення да пакалення, пастаянна ажыццяўляецца супольнасцямі і групамі ў пэўным навакольным ландшафце (у іх узаемадзеянні з прыродай і іх гісторыяй) і фарміруе ў іх пачуццё самабытнасці і спадкаемнасці, спрыяючы тым самым павазе да культурнай разнастайнасці і творчасці чалавека (пункт 1 артыкула 1 Канвенцыі). Такім чынам, міжнароднай супольнасцю прызнаюцца ў якасці НКС толькі аўтэнтычныя праявы фальклору, бытуючыя ў рэальным часе і прасторы. Яны заносяцца ў Urgent Safeguarding

List UNESCO і бяруцца пад ахову.

У 2009 годзе, упершыню, дзякуючы фалькларыстам і супрацоўнікам UNESCO (У. Шчасны, Т. Кухаронак, В. Калацэй, Р. Гамзовіч) адбылося ўключэнне абрада Цары ў Urgent Safeguarding List і Беларусь атрымала датацыю 120 000 $ на захаванне гэтай адзінкі НКС.

Адпаведна закону Рэспублікі Беларусь «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь» нематэрыяльныя гісторыка-культурныя каштоўнасці вызначаюцца як праявы творчасці чалавека, магчымае матэрыяльнае ўвасабленне якіх не аказвае ўздзеяннеы на іх існасць. У Дзяржаўным спісе гісторыка-культурных каштоўнасцей сёння 5000 аб'ектаў, якія знаходзяцца пад аховай дзяржавы. З іх каля 70 аб'ектаў нематэрыяльнай культурнай спадчыны, сярод якіх: абрад «Тураўскі карагод» вёскі Пагост Жыткавіцкага раёна Гомельскай вобласці; абрад «Ваджэнне і пахаванне стралы» вёскі Казацкія Балсуны Веткаўскага раёна Гомельскай вобл.; калядны абрад «Цары» вёскі Семежава Капыльскага раёна Мінскай вобласці; мясцовы песенны стыль выканання традыцыйных абрадавых і пазаабрадавых песень аўтэнтычнымі фальклорнымі гуртамі «Журавушка», «Глыбокія Крыніцы», «Павалякі» вёсак Закальное, Обчын, Ямінск Любанскага раёна Мінскай вобласці; мясцовы стыль песеннай, танцавальнай і народна-апавядальнай лакальнай традыцыі міжрэчча Сожа і Проні вёскі Галавенчыцы Чаускага раёна Магілёўскай вобласці; творчасць Тарасюка М.В., якое ўвасоблена ў творах народнага дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва (інсітная драўляная скульптура), за майстэрскае валоданне традыцыйнымі тэхналогіямі і мастацтвам разьбы па дрэве.

На вышэйназваныя аб'екты распаўсюджваюцца патрабаванні Закона Рэспублікі Беларусь «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь». Зыходзячы з артыкула 53 Закона, на «Тураўскі карагод» і «Ваджэнне і пахаванне стралы» мясцовымі ўладамі падпісаны ахоўныя абавязкі, якія зарэгістраваны ў Міністэрстве культуры. У вёсцы Пагост, адпаведна артыкулу 31 Закона, усталявана ахоўная дошка [2].

Рэвіталізацыя фальклору як сацыяльны працэс. Рэвіталізіраваны (вернуты да жыцця) могуць быць як латэнтна (схавана, не яўна выражана) існуючыя фальклорныя адзінкі, так і часова страчаныя. Пры намеры рэвіталізаваць фальклор неабходна праводзіць дзейнасць па трох накірунках: *ахоўную* (праца з носьбітамі нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў мэтах іх падтрымкі і стымуляцыі працэсу перадачы нематэрыяльнай культурнай спадчыны паміж пакаленнямі); *этнакультурна-выхаваўчую* (праца з дзецьмі і моладдзю ў мэтах інтэгравання нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў іх асяроддзе); *статыстычна-рэпрэзентатыўную* (маніторынг нематэрыяльнай культурнай спадчыны, інфармаванне пра яго вынікі дзяржаву і міжнародную супольнасць).

Тэхналогія рэвіталізацыі фальклору. Рэвіталізацыя – складаны і працяглы працэс, але фалькларыстам XXI стагоддзя наканавана ёю займацца, паколькі вывучэнне фальклору без намаганняў яго захаваць не мае сэнсу. Для больш-менш адчувальных вынікаў рэвіталізацыі ў агульнабеларускім маштабе патрэбны вялікія фінансавыя і сацыяльныя ўкладанні, у першую чаргу – актыўная пазіцыя дзяржавы. Напрыклад, вядома, што ў Ізраіле датацыі на падтрымку суполак, якія вядуць традыцыйны лад жыцця, выхоўваюць дзяцей у рэчышчы традыцыйнай культуры (дрэс-код, традыцыйныя святы, выкананне ўсіх прадпісанняў Торы, традыцыйныя спевы) кожны год дасягае трох з паловай мільярдаў $. Грошы вялікія, але іх выдзяляюць, паколькі ведаюць: не будзе традыцыйнай культуры ў побыце народа – не будзе Ізраіля.

Спецыфіка эканомікі Усходней Еўропы (а часткова і свядомасць яе грамадстваў)

пакуль не дазваляе падтрымліваць яе традыцыі ў такіх памерах. Ад фалькларыстаў зараз патрабуецца адпрацаваць мадэлі рэвіталізацыі, якія з цягам часу (пры спрыяльных акалічнасцях) могуць быць укаранены ў масавым парадку. Сёння збольшага наканавана займацца «першай прыступкай» на шляху да рэвіталізацыі – мастацкай рэканструкцыяй фальклорных адзінак.

З 2004 года у рамках навучальнага працэсу спецылізацыі «Этнафоназнаўства» даследчыца Таццяна Пладуновай распрацавана методыку мастацкага рэканструявання каляндарных абрадаў. На пачатку рэканструкцыі неабходна распрацаваць *абрадавую карту* свята. У яе аснове – класіфікацыя тэкстаў песень і методыка даследавання абрадаў расійскіх даследчыкаў Мікіты і Святланы Талстых. Яны ўяўлялі абрадавую дзею перад усім як сукупнасць пэўных кодаў. Архітэктоніка гэтых кодаў выбудоўваецца наступным чынам: тэмпаральны код – час правядзення абраду (свята); акцыянальны код – паслядоўнасць абрадавых дзей (рытуал); лакатыўны код – месца правядзення абраду (свята); персанальны код – кола ўдзельнікаў, наяўнасць маскіраваных персанажаў; атрыбутыўны код – выкарыстанне абрадавых атрыбутаў, адзення, маскіравання; музычны код – тыпавыя напевы з адмысловымі этнафанічнымі прыкметамі і гукаідэал інструментльнай этнафоніі; вербальны – наяўнасць заклікаў, замоў, зычэнняў у абрадзе.

Распрацаваная абрадавая карта (мал.) можа быць рэкамендавана этнапедагогам, кіраўнікам фальклорных калектываў, рэжысёрам відовішчаў для сістэматызацыі абрадавых кампанентаў свят, як даследчы метад іх мастацкага рэканструявання і рэвіталізацыі.

Абрадавая карта свята паводле Т. Пладуновай (узор).

Акцыя-нальны код	Тэмпа-ральны код	Лака-тыўны код	Перса-нальны код	Атрыбу-тыўны код	Музычна-вербальны код	Музычна-інструмен-тальны код	Пластыч-ны код

З улікам усяго вышэйадзначанага магчыма прадставіць наступную праграму мастацкай рэканструкцыі каляндарна-абрадавага свята на дакументальнай аснове, складзеную з чатырох этапаў.

Даследчы этап. Тэарэтычны аналіз абрадавай традыцыі і яе рэгіянальных адметнасцей. Збор і пашпартызацыя фальклорнага матэрыялу. Сістэматызацыя фальклорнага матэрыялу паводле прыведзенай вышэй абрадавай карты. Расшыфроўка, сітэматызацыя тыпавых напеваў і дапасаваных да іх песенных тэкстаў.

Арганізацыйна-метадычны этап. Афармленне падабраных этнафанічных і танцавальна-гульнявых узораў у рабочы нотны зборнік альбо ў фанатэку (напрыклад, «Калядны спеўнік рэгіёну (вёскі)»; Складанне сцэнара паводле акцыянальных кодаў абрадавага свята з больш дэталёвым пазначэннем ходу абрадавых падзей і асобных момантаў свята, часу і месца іх правядзення; кола ўдзельнікаў і завадатараў свята, абрадавых персанажаў, маскіравання і атрыбутыкі; зместу прымеркаванай да свята рэкрэацыйна-забаўляльнай часткі. Рэжысёрскае вырашэнне кожнага з эпізодаў свята.

Вучэбна-рэпетыцыйны этап. Фарміраванне спеўных гуртоў – ілюстратараў этнафоніі абрадавага рэгіёна (фальклорныя калектывы ўстаноў культуры і адукацыі, мясцовыя жыхары вёскі, горада). Развучванне з імі песень, гульняў і танцаў з рабочага «Спеўніка».

Прэзентацыйна-творчы этап. Адпраўленне абрадавага свята ў натуральных

умовах бытавання адпаведна традыцыйнай даце і ў час, належны кожнай абрадавай падзеі, з уключэннем у святочную дзею ўсіх прысутных.

Аналітычны этап. Аналіз зробленай мастацка-фалькларыстычнай працы, яе дакуменціраванне і архівацыя.

На аснове гэтай методыкі абрадавае свята магчыма адаптаваць пад рэгіянальнае (міжрэгіянальнае), ці агульнанацыянальнае – шляхам вылучэння асобных абрадавых этапаў і падбору да іх песенных узораў (адпаведна мэце правядзення свята).

Методыка мастацкага рэканструявання каляндарных абрадаў («першая прыступка» на шляху да рэвіталізацыі) прайшла паспяховую апрабацыю ў шэрагу дыпломных праектаў выпускнікоў спецыялізацыі «Этнафоназнаўства». Сёння актыўна абмяркоўваюцца і тэстуюцца іншыя мадэлі рэвіталізацыі, якія з цягам часу (пры спрыяльных акалічнасцях) могуць быць укаранены ў масавым парадку і паўплываць на механізмы пераемнасці ў традыцыйных асяродках. Асноўная надзея фалькларыстаў – распрацоўка і зацвярджэнне Міжгаліновай дзяржаўнай праграмы «Традыцыйная культура и моладзь Беларусі», якая, паводле рашэння Калегіі Міністэрства культуры (Пратакол Калегіі МК № 06 ад 27.06.2012, пункт 14), павінна быць скіравана на аднаўленне фальклору на вёсцы – ў асяродку яго натуральнага бытавання.

Літаратура

1. Куусинен, О. Эпос «Калевала» и его творцы // Калевала: Избранные руны карело-финского народного эпоса в композиции О.В. Куусинена. – Петрозаводск: Карелия, 1973. – С. VIII–XLIII.
2. Хвир, Н. Состояние и проблемы охраны нематериального культурного наследия Республики Беларусь // Аўтэнтычны фальклор: праблемы вывучэння, захавання, пераймання: зборнік навуковых прац удзельнікаў III Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (Мінск, 29–30 красавіка 2009 г.) / БДУКМ; рэдкал.: Мажэйка М.А. [і інш.]. – Мінск, 2009.

ДИСКУРС НЕЛИНЕЙНОСТИ В МУЗЫКАЛЬНОМ ПОСТМОДЕРНИЗМЕ

Т. Г. Мдивани

Постмодернизм в искусстве характеризуется повышенным интересом к асемантическим средам и самосозидательным концептам – хаосу, индетерминизму, «умной иррациональности» (А. Лосев). Художественной интерпретацией постмодернистской действительности выступила нелинейная концепция музыки, где мир (музыка) мыслится как текст, не ограниченный в своих структурных возможностях и допускающий бесчисленное множество интерпретаций. Нелинейность в музыке – это особый тип процессуальности, который утверждает эстетику свободной формы, событийность и случай, развивается в тесном союзе с НТР, характеризуя композиторское творчество в его авангардной ветви и органично вписываясь в постмодернистскую парадигму музыкального искусства второй половины XX века. Постмодернизм в музыке наиболее полно выразил себя во Втором музыкальном авангарде, составив оппозицию европейскому музыкальному радикализму, основанному на идеях ригидного рационализма. Апеллируя к мозаичной картине мира и полистилистике, то есть к парадигме полноты и широты, «музыкальный постмодернизм» проявил себя во всех аспектах музыкальной композиции. В области музыкального содержания доминирует идея концепта как «свернутого» смысла, и условием бытия является феномен изменения, интерпретации; в области образной системы – метафорика, образы старины, мифологизм, специальный интерес к неевропейским культурам; в области формообразования – нелинейность, ставшая основой некото-

рых новых форм: «разомкнутой», не имеющей завершения; «открытой» и «алеаторической», связанных с принципом случайности, импровизационности в области стилистики – «универсальный» музыкальный язык, выражающий многозначную картину бытия и неуловимые оттенки человеческой души; в области жанров – идеи интертекстуальности, получающие воплощение в принципиально новых жанровых феноменах, представленных парамузыкальными или парамузыкально-театральными композициями – хэппенингом, перфомансом, акцией, инсталляцией и тп. В целом, логико-культурной доминантой «музыкального постмодернизма» в его авангардной ветви явилась идея нового синтеза, основанная на причудливом сближении 1) музыкального и вербального («Sará, dolce tacere» Л. Ноно), 2) музыкального и театрального («Aventures» Д. Лигети), 3) музыкального и живописного («рисованный звук» Я. Ксенакиса). Тем самым музыка нашла свое продолжение в слове, жесте, игровом концертировании, что обусловило утверждение и широкое распространение новых жанров, основанных на идее синкрезиса.

Формирование новых явлений в музыке второй половины XX века, связанных с нелинейностью, объясняется как внутренними причинами – кризисом западного рационализма в Первом музыкальном авангарде и стремлением предъявить миру новую творческую доктрину (что отвечало главной идее авангарда – «культ новизны»), так и внешними, – новым состоянием социума, повлиявшем на умонастроение представителей «острия прогресса». Речь идет а) об интересе западного мира к восточной интеллектуальной и художественной культуре в ее буддийской ветви, б) о прорыве информационных технологий в музыкальное искусство, обусловившем создание новых средств музыкальной электроники, в) о желании создать новую музыкальную реальность, адекватную нестабильному состоянию мира. Все это и привело к переменам в интеллектуальной сфере, к проявлению альтернативных основ мышления в искусстве, наконец, к изменению миропредставлений у творцов музыкальных звукообразов, и, следовательно, мира их музыки.

Остановимся вкратце на каждой из важнейших детерминант нового музыкального мышления, актуализировавшего нелинейную концепцию музыки в творчестве представителей музыкального постмодернизма. В первую очередь, отметим восточные религиозно-философские идеи даосизма, буддизма, которые репрезентировали иное понимание времени и пространства, чувственно-образный стиль мышления, внеевропейскую ментальность в целом. Наиболее привлекательными для европейских музыкантов явились такие аспекты мироотношения, как интравертность, то есть направленность на углубление во внутренний мир человека (микрокосм) как способ познания и осмысления мира в целом (макрокосм), изоморфность человека и природы, созерцательность и познание мира с помощью интуиции, исходящее изнутри и приходящее при медитации и в нирване, наслаждение самой жизнью такой, какая она есть. Основными принципами внеевропейской традиции, в наибольшей степени воспринятыми музыкальным авангардом с последующей композиторской интерпретацией, выступили «все во всем» (принцип случайности, вероятностная логика), космологизм («пустота», пространственная концепция музыки), интуитивизм как отражение, философии «И-Цзин» (интуитивная музыка), медитативность, идущая из дзэн-буддийской медитации (медитативная концепция музыки, ментальная музыка), недеяние, созерцание и тишина (статическая концепция музыки, музыка-молчание), мантры, как символ простого и емкого смысла (минимализм: простые звуковые последовательности), идея круга, символизирующая бесконечный космос (открытая форма, форма et cetera), принцип само.

Детерминантами, определившими новизну музыкальной традиции Запада во второй половины XX века, выступили и новые технологии в области электроники, что поз-

волило внести разнообразие в звуковой мир музыки. Так, компьютер дал возможность современной музыке передать космически-множественную пространственность с помощью электросинтезируемых искусственных резонансов, вибраций, реверберацией, многофазовых наложений звуковых волн. Рождение на этой основе нового звукоощущения обусловило расширение музыкально-художественного микрокосмоса, где актуализировалось такое универсальное и фундаментальное свойства мира как нелинейность.

Важнейшим фактором формирования нового качества звуковой материи и характера ее организации явилось новое понимание мира, где нелинейность (неупорядоченность, хаос, спорадическое смешение множества равноправных элементов и смыслов) выступила в качестве созидательного начала. Контекстом для нелинейной концепции музыки выступили все виды искусства (нелинейная архитектура, театр абсурда, медиа-арт), философия (синергетика), наука (квантовая теория, теория относительности), техника и технологии, а также социальные и политические процессы. О том, что мир нелинеен писал еще Гераклит. Он понимал реальность как непрерывно становящееся, формирующееся целое, основу которого составляли события, происходящие в творческом акте. Однако эта идея, как и многие другие новаторские догадки и гипотезы, были оттеснены установкой на детерминизм.

Известно, что музыкальная культура как часть художественной культуры, является зеркалом, отражающим на языке музыки все те явления, которые происходят в культуре в целом. Современный мир зафиксирован композиторским сознанием как новое состояние мира, важнейшей чертой которого выступает нестабильность. Его музыкально-эстетическое освоение имело различные результаты – коллаж, условный театр, открытая форма и тп. Общим для новых музыкальных реалий стало изменение онтологических оснований композиторского творчества, что было связано с приданием нелинейной концепции музыки статуса линейной, составляющей в течении многих веков ядро традиции европейского стиля музыкального мышления. На эпистеме нелинейности было создано немало музыкальных композиций, в основу которых была положена парадигма перманентного становления и новые, неклассические стратегии формообразования, опосредованные новой мировоззренческой ориентацией. Учитывая разнородный состав материала (тоновый, шумовой, конкретный и проч.), способы его развития и оформления в целостность, представляется целесообразным рассматривать нелинейность в двух аспектах – в ее явленности и в становлении. В структуру «нелинейности как ставшего» входят аппроксимативность, алеаторика (элементов), неопределенность, многообразие звуковременных моделей, «нелинейности как процесса», или «нелинейности как становления» – случайность, структурная разомкнутость («открытость» формы), бифуркация. Коренным свойством произведения, основанного на нелинейности, выступает идея вариантной множественности смыслового прочтения, где интегральность целого достигается с помощью неизбежного возникновения определенного единообразия материала и одновременной связанности элементов на основе принципа самоорганизации. Принцип «само» является важнейшим в структурировании музыкальной материи.

Отсюда специфическое направление композиторского творчества, которое репрезентирует парадигму нелинейности и «открытые» принципы формообразования, названо нами нелинейной музыкой, процесс же становления композиторской мысли, основанный на идее перманентного движения в условиях структурной разомкнутости, – нелинейным, сам феномен – нелинейностью.

О ПОНЯТИИ СОПРЯЖЕНИЯ (ПО МОТИВАМ РОМАНА Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»)

И. П. Мамыкин

Особенности философского дискурса в рамках художественного произведения изучены пока недостаточно. А между тем здесь заложены благоприятные возможности не только для освоения научного и философского знания, но и для совершенствования категориального аппарата философии. В данной статье обсуждаются основные подходы к экспликации понятия сопряжения, введенного в романе Л.Н. Толстого «Война и мир».

Писатель обращается к этому понятию в кульминационный момент действия романа, после Бородинского сражения. Это историческое событие заставляет героев романа определить важнейшие для них жизненные ценности, что наиболее остро почувствовал Пьер Безухов, переживавший очередной духовный кризис и присутствовавший на Бородинском сражении. Утомленный впечатлениями дня он видит странный сон и в полудреме произносит монолог, значения которого он не вполне понимает. Приведу небольшой фрагмент этого монолога: «Нельзя соединять все мысли, а *сопрягать* все эти мысли – вот что нужно!».

В повествование вводится новое слово, важность которого подчеркивается посредством разнообразных художественных приемов. Читатель, наряду с сочувствием к герою, вправе оценить весомость предложенного понятия за пределами романного пространства. Довольно широкое применение понятия сопряжения в обыденном и научном познании, включая математику, естествознание и техникознание, определяет широкий спектр его значений. Как и во времена Толстого оно пока не стало общенаучным или философским, но можно предпринять известные шаги для компенсации дефицита таких понятий и формирования их временного «субститута», учтя ведущие смысловые акценты, используя «отрицательные» и остенсивные определения. Так, можно установить, что в большинстве случаев речь идет о преодолении узости стихийно сложившегося взгляда на отдельные явления как на самодостаточные или совершенно изолированные и об охвате их в рамках специальной концептуальной конструкции.

Приходится принимать во внимание сходство сопоставляемых явлений или «точки соприкосновения» между ними и пр., т.е. по сути учитывать конкретные формы детерминации. В недавнем прошлом абсолютизировались каузальные связи и динамические закономерности, в настоящее же время наблюдается увлечение системно-структурным или комплексным подходами. Следует признать, что во многих случаях эти подходы позволяют успешно решать проблему сопряжения, особенно если их сочетать с идеей развития. Но не всегда дело обстоит именно так. Не всякое взаимоотношение явлений следует рассматривать в рамках системы, как бы широко последнее понятие не трактовалось, поскольку внешние связи нередко преобладают над внутренними. Границы ряда систем размыты, и не всегда можно сказать наверняка, входит ли данная вещь в ту или иную систему в качестве компонента.

Взгляды самого Толстого на проблемы детерминизма не вполне последовательны. Он открыто отвергает детерминистские представления, правда, сводя их целиком к причинности или целеполаганию. Вместе с тем он считает возможным прибегать к неким высшим, непостижимым силам. Здравый смысл и интуиция писателя зачастую преодолевают предвзятые схемы, и в живых картинах романа мы находим убедительное отображение реального сцепления событий.

Обсуждения понятия сопряжение по образцу общенаучных понятий принципиально недостаточно для поиска смысложизненных ориентиров. Необходим более кон-

кретный учет специфики социального бытия. Исследователи решают эту задачу, например, путем введения специального понятия «социальное сопряжение». В подобных случаях требует специального разъяснения предикат «социальный», с целью учета влияния общественного сознания и социальных связей.

Текст романа в этом отношении несколько озадачивает. Превосходно зная социальные реалии и уверенно владея аппаратом социальных наук, писатель не проявляет особой заинтересованности в раскрытии специфики социального бытия. Его гораздо больше интересует сходство социальных процессов («частной» и «общей» жизни) с природой. Искусство жизни, ее высшая мудрость состоит в следовании природе, хотя разгадывание ее импульсов труднее всего дается интеллектуально развитым натурам (князь Андрей Болконский). Развернутые сравнения с природными явлениями (например, обезлюдевшей Москвы с покинутым ульем), удачно раскрывают характер массовых движений. Особо следует отметить метафору «историческое море», сочетающую в себе черты абстракции и образного представления. Отклонение от природной подосновы приводит к пагубным последствиям, тогда как стихийное, инстинктивное отношение к жизни «простых» людей или близких им по духу представителей высшего общества обеспечивает их сопротивляемость и позволяет принимать наиболее подходящие решения для ни самих и окружающих людей (Платон Каратаев, Наташа Ростова). Мастерски применяя прием «остранения» (термин В.Б. Шкловского), Толстой подводит к парадоксальному выводу: социальное бессознательно, а бессознательное социально. С таким выводом трудно согласиться, тем более, что в романе представлены и иные эпизоды, из которых можно делать выводы иного характера.

Убежденность в существовании единых законов жизни, в своей основе не познанных, но весьма могущественных, и стремление отобразить хотя бы их внешние проявления приводят писателя к глубоким прозрениям, предвосхищению принципов философии жизни, социобиологии и т.д. Отображение социальных процессов как иррациональных позволяет решать и художественные задачи, поскольку вызывает сочувствие к людям, застигнутым врасплох могучей стихией. Но, идя таким образом, существенно прояснить проблему социального сопряжения не удается. Напротив, обнаруживаются дополнительные непредвиденные затруднения.

Для восполнения дефицита материала и главным образом его адекватного обобщения необходимо обратиться к аппарату социальной философии и, в частности, к понятию социального действия. Понятие социального действия как сознательного преобразования различных сторон общественной жизни позволяет прояснить понятие социального сопряжения. В свою очередь, последнее понятие побуждает к определенной корректировке ситуации действия. Соотношение отмеченных понятий многопланово. Социальное сопряжение выступает в виде разновидности социального действия, а также в известном смысле и средства для достижения цели.

Социальному сопряжению принадлежит немаловажная роль в раскрытии социальной динамики и особенно в уточнении соотношения движущих сил развития общества. Достижения Толстого как философа в этой области особенно значительны. При всем разнообразии философских, социологических, исторических и пр. концепций акцент в них делается на решающей или даже исключительной роли определенного субъекта действия (выдающиеся личности, народные массы, элиты). Толстому, наряду с основоположниками марксизма, принадлежит заслуга развенчания культа «героев» и раскрытия роли народных масс в истории. Он не избежал при этом преувеличений и изобразил Наполеона и Александра никчемными позерами. «Рядовые» участники событий куда интереснее (капитан Тушин, и даже партизан Тихон). Лучше всего исполняет свою роль полководец Кутузов, который вполне осознает невозможность предвидения всех

случайностей и считает наиболее целесообразным следить за духом войска. Здесь, хотя и не вполне бесспорным образом (так вести себя более приличествует религиозному пророку, чем полководцу, имеющему свои рычаги управления) проведена идея согласования действий выдающейся личности и народных масс. Плодотворная в целом попытка воспроизведения цельного исторического процесса не доведена до конца.

Понятие сопряжения непрерывно развивается по ходу романа. По сути, оно предстает в виде своеобразной философемы, имеющей определенные параллели в истории философии. За полтора столетия, прошедшие после публикации романа, резко изменились социальные реалии, появилось много новых концепций, в ряде отношений более точно объясняющих социальные процессы. Но понятие сопряжения не утратило актуальности. За ним, по крайней мере, остается преимущество доступности изложения. Возможности включения этого понятия в определенные разделы философии должны быть тщательно изучены.

КАРНАВАЛИЗАЦИЯ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕВИАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ: ЕВГЕНИЙ ЮФИТ

Л. А. Цибизова

В 80-е годы XX века в Ленинграде почти стихийно создается группа кинолюбителей (Е. Юфит, А. Мертвый, И. Безруков, Д. Кузьмин, К. Митенев, В. Драпкин, С. Винокуров), не имеющих профессионального образования и опыта работы в кинематографе. То, чем они занимались, вряд ли можно назвать искусством, скорее, это было чистой воды хулиганство в стиле популярного в народе «черного юмора». Снятые ручной камерой немые 5–7 минутные ролики строились на эпатаже, вандализме. Появляется название «параллельное кино», призванное шокировать зрителя, вызвать состояние аффекта и глубочайшего чувства неприятия. Из подпольных экспериментов лаборатории «параллельного кино» в 1983 году рождается направление некрореализма. Бессмысленная беготня по полям, странные сцены – все это обретает смысл изживания страха смерти. Традиционная карнавальная культура предполагает высмеивание ужаса смерти, некрореализм пытается делать это посредством черного юмора. Причем, в его художественных играх часто средство затмевает первоначальную цель.

В короткометражках участника этой группы Евгения Юфита «Санитары-оборотни» (1984), «Лесоруб» (1985) царят эпатаж, тотальное высмеивание смерти (как, впрочем, и жизни) отсутствие даже намека на психологическую мотивировку. Череда бесконечных драк, убийств, самоубийств, контрастирующих со сценами официальной советской реальности, не может вызвать ничего кроме ощущения тотального абсурда происходящего. Длительность работ от 5 до 8 минут не позволяет ни опомниться, ни заскучать, оставляя легкое чувство одураченности, а порой и просто раздражения.

В десятиминутной «Весне» (1987) состояние хаоса и абсурда идет по нарастающей: электрички, убийства, шагающие пионеры, летящие самолеты, цирковые представления. Они разрывают реальность, порождая ощущение иного пространства со своим странным временем, странной логикой (называемой в нашей жизни алогизмом) и неадекватными нашему миру людьми, населяющими эту полную тревожного ожидания реальность. В работе нет как такового содержания, нет монтажа, есть только одна страсть – эпатаж. Покупка книги Эдуарда фон Гофмана «Психопатология» только подогрела исследовательский интерес к феномену смерти. Именно из этой работы Юфит берет описания патологических случаев немотивированных самоубийств, связанных с

иррациональными пластами человеческой психики, и изображает их в картине «Весна».

В «Вепрях суицида» (1988) мы снова видим соединение двух, никоим образом не связанных реальностей: имитация монохромных документальных съемок персонажей, подвергающих себя смерти в обстоятельствах, которые могут быть созданы только патологическим сознанием и сама документальная реальность советских физкультурных парадов, армады летящих самолетов. Финальная сцена, где соседствуют мертвое человеческое тело и живой, неторопливо движущийся ежик, примиряют эти два мира, оставляя легкое ощущение романтического ореола, противопоставленного и, в конце концов, перечеркивающего смерть.

Первые работы Юфита скорее можно обозначить как отечественный вариант хэппенинга, представляющего неупорядоченную смесь действий в предметной среде, симулирующую саму жизнь.

В фильме «Рыцари поднебесья» (1989) режиссер обращается к теме гипотетического «секретного эксперимента», который постепенно становится его визитной карточкой. Неторопливость повествовательных подходов, намек на некое героическое событие, так и оставшееся за кадром, мужественность героев, переходящая за границы возможного, опять создают некое ирреальное художественное пространство с преувеличенным вниманием к теме и философии телесности и разнообразным телесным опытам.

С 1989 года, Юфит сделал семь полнометражных тридцатипятимиллиметровых фильма. Первый же полнометражный фильм, «Папа, умер Дед Мороз» (1991, при участии В. Маслова), означал конец движения некрореализма как противостояния разваливающейся государственной машине с ее незыблемыми принципами социалистического реализма и партийности, приобретшими к тому времени характер гротеска. Протест художников в 80-е годы был направлен против еще достаточно сильного государства, отсюда – само действие, таившее опасность, увеличивало количество адреналина в крови молодых экспериментаторов. В новой ситуации начала 90-х годов разные протесты стали обыденностью, частью быта и перестали быть интересными, потеряли ту энергетику, на которой возникли. Жизненные реалии порой гораздо больше стали похожи на ирреальность, потусторонность, чем самые смелые произведения художников.

В это время Е. Юфит обращается к самым глубинным архаичным представлениям культуры: его интересует наскальная живопись, первобытность как тип мировоззрения. Мифы, притчи, народные сказки с их устоявшейся системой архетипов теперь вполне по-хозяйски располагаются в фильмах режиссера. Здесь и образ патриархального Деда Мороза, дедушки-вурдалака, перекусавшего всех своих родичей из «Папа, умер Дед Мороз» (1991), и реликтовые гоминиды из последующих работ. Скандал, вызов общественному мнению и художественным традициям, часто свойственный молодости, перешел в стадию размышлений, успокоившейся со временем созерцательности. Пограничное состояние сознания теперь не кричит о себе нарочитой бессмысленностью, но драпируется в покровы «научной секретности» каких-то остающихся за кадром идей, теорий. Эти проекты осуществляются в ирреальном пространстве, не имеющем времени, а только «временность» (как у М. Хайдеггера), прорывающуюся в далекое прошлое человечества, современные опыты и намекающее на незавершенность научных работ и их возобновление в будущем.

В картине «Серебряные головы» (1998) (совмест. с и В. Масловым) отряд ученых, направляемый из какого-то центра, методично ищет и истребляет другой вид примитивных людей, детей природы, или, возможно, результат неудачного эксперимента, вышедший из-под контроля. Незаинтересованная камера только следует за этими людьми, воспроизводя их действия, шум шагов, леса, не привнося никакого авторского отношения. Тем не менее, эти, или «люди будущего», или представители седой древности все

более вызывают эмпатию, в отличие от ученых, взявших на себя санитарную функцию зачистки территории. Сюжет фильма представляет художественную аллюзию на евгеническое общество, активно работавшее в 1920–1921 годах и основывающееся на идеологии того, что строительство нового общества с необходимостью требует создания совершенных людей – более сильных, активных и красивых. Обратная сторона евгеники заключалась в отделении деторождения от любви, практики искусственного осеменения (о чем есть намек и в фильме), а также накоплению большого количества мутаций, получивших название генетического груза, и приводящего к ухудшению здоровья, различным психическим отклонениям и патологиям.

Секретные эксперименты по селекции идеального человека служат фоном для далекого прошлого, которое неожиданно просачивается в настоящее и влияет на психику, сознание и будущую судьбу героев фильма.

Фильм «Прямохождение» (2005) продолжает тему революционных и реформаторских проектов во главе с безумным ученым, служащем утопической идее. В картине наличествует некое полипространство, соединившее в себе псевдонауку, палеоантропологию, патопсихологию, философию и искусство, освобожденные от природной целесообразности и человеческой рациональности. Некоторые исследователи называют этот сплав «экранной сюрреальностью», что тоже имеет право на существование.

Фильмы Евгения Юфита представляют собой художественную попытку осмотреться на этом мифологическом пространстве и представить его визуальную репрезентацию.

Творческим поискам режиссера, его работам посвящено большое количество различного рода исследований. Вызов и эпатаж нашли своих поклонников открытого жанра кинематографа. Особую заинтересованность в этом отношении проявляют западные исследователи, интерпретирующие творчество Евгения Юфита в духе постмодернизма с его жанровым и стилевым смешением, нарочитым алогизмом, отсутствием «верха» и «низа». Представителями «старой» европейской культуры это воспринимается в большинстве своем как бесконечная игра смыслами и символами.

ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ НАПРАВЛЕНИИ ЭКРАННОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ

М. А. Белоокая

В последние десятилетия в белорусской экранной культуре особую значимость приобретает именно экологическая тематика, которая рассматривается преимущественно в документальном и научно-популярном кино.

Культуре восточных славян, в том числе и белорусской, традиционно были свойственны прочные духовные связи с природой. Важнейшие принципы восточнославянской культуры созвучны экологическому императиву современности, согласно которому природа сама по себе является высочайшей ценностью.

Начиная с середины 80-х годов и до наших дней белорусские кинематографисты все чаще обращались к проблемам взаимодействия человека и природы, охраны окружающей среды, рационального природопользования, бережного отношения к природным ресурсам, улучшения экологической обстановки, сохранения естественных экологических систем, биологического и ландшафтного разнообразия, особо охраняемых природных территорий, развития рекреационной деятельности.

На рубеже XX–XXI веков в белорусском кинематографе появились фильмы, поз-

волившие заговорить о рождении в Беларуси нового направления в неигровом кино – экологического.

Начало было положено фильмом «Мир вертлявой камышовки» («Белвидеоцентр», 1999, режиссер С. Петровский, авторы сценария И. Бышнев и А. Козулин, операторы П. Зубрицкий и В. Кортель). Эта картина рассказывает о редко встречающемся, исчезающим виде птиц, которые нашли приют на болотах Беларуси. Фильм был высоко оценен как в нашей стране, так за ее пределами, получив ряд престижных наград.

Картина стала первым опытом работы в кино для орнитолога, кандидата биологических наук И. Бышнева. Впервые выступив в этом фильме в качестве соавтора сценария, он вскоре громко заявил о себе как автор сценариев и режиссер фильмов о природном мире Беларуси.

Видеоновелла «Живая вода» («Белвидеоцентр», 2000, автор сценария и режиссер И. Бышнев, оператор П. Зубрицкий, звукооператор С. Шункевич) представляет собой ряд красочных пейзажных зарисовок, озвученных только музыкой и звуками живой природы. Фильм «Лесные прятки» («Белвидеоцентр», 2000, автор сценария и режиссер И. Бышнев, оператор П. Зубрицкий, звукооператор С. Шункевич) адресован детям. В нем в доступной для этой аудитории форме рассказывается о том, как лесным жителям – птицам и зверям – удается выжить, какие уловки они применяют, прячась от «врагов». О преимуществах, которые дает животным и птицам проживание в сообществах, повествует фильм «В царстве бакланов и цапель» (Белвидеоцентр, 2002, автор сценария и режиссер И. Бышнев, оператор П. Зубрицкий, звукооператор С. Шункевич). Фильм ценен своим стремлением заявить о необходимости охраны природы. Люди, появляясь на экране, либо пытаются помочь животным, либо предстают наблюдателями, не вмешивающимися в естественный ход вещей и не нарушающими размеренную повседневную жизнь лесных жителей. Заключительные слова диктора – о том, что создание сообществ позволяет живым существам выжить. Человек может либо сохранить это единение, либо разрушить.

О миграции серых жаб в Березинском заповеднике, стремящихся попасть к водоему, в котором они появились на свет, чтобы отложить там икру, рассказывается в видеофильме «Жабы на дорогах» («Белвидеоцентр», 2002, автор сценария и режиссер И. Бышнев, оператор П. Зубрицкий, звукооператор С. Шункевич). Путь крошечных созданий пересекает автомобильная трасса. Для спасения их от гибели под колесами автомобилей вдоль трасы натянута сеть, преграждающая им путь. Чтобы позволить жабкам осуществить икрометание, школьники и студенты переносят их на другую сторону дороги. Адресованный прежде всего детской аудитории фильм заканчивается позитивно – на помощь амфибиям пришли люди, что позволило путешественникам удачно завершить свой опасный маршрут.

Тема возможности гармоничного сосуществования человека и окружающей среды развивается в фильме «Последние орлы» («Белвидеоцентр», 2002, режиссер и автор сценария И. Бышнев, операторы П. Зубрицкий, И. Бышнев, Г. Короленок, звукооператор С. Шункевич). Здесь человек показан как созидатель, как благородный герой киноповествования. Владимир Ивановский – орнитолог, и, в некотором смысле, как и его подопечные, тоже «последний орел». Он, в отличие от других людей, не истребляет хищных птиц, а заботится о них, сооружает для них гнезда. Драматургическую канву картины символически завершает пластическое воплощение ее названия – соорудив на одном из деревьев внушительных размеров гнездо, орнитолог сам, как орел, садится в него.

Парящая в голубом небе птица в начальных кадрах фильма «Белые аисты Ровбицка» («Белвидеоцентр», 2006, режиссер и автор сценария И. Бышнев, операторы П. Зубрицкий, И. Бышнев) задает тон киноповествования о гармоничном сосуществова-

нии людей и белых аистов. Кинонаблюдение за неспешным, спокойным течением жизни на сельском подворье, на котором поселилась семья аистов, воспитывающая аистят, приобретает глубинный смысл, в котором проводится параллель между жизнью человека и аиста, столь различных, но и схожих по своей сути, проходящей в заботах о подрастающих детях, наполненной постоянными хлопотами.

О самом страшном хищнике белорусских лесов рассказывает картина «Тропой волка» (автор сценария и режиссер И. Бышнев, оператор П. Зубрицкий). Фильм создан в характерной для творческого коллектива манере: сохраняя реализм киноизображения, авторы стараются не фиксировать внимание зрителей на сценах жетокого противостояния, характерного для мира хищников. Главная тема фильма – полные драматизма взаимоотношения человека и волка, который в современном мире из самого страшного зверя превратился в нуждающееся в защите существо.

«Фирменный» стиль И. Бышнева, умеющего мастерски зафиксировать интереснейшие моменты из жизни птиц и прокомментировать их с чувством юмора, доверительной интонацией и большой любовью ко всему живому, демонстрируют фильмы 2012 года. В свойственной И. Бышневу манере сочувственного отношения к «героям» сняты фильмы «Сокол над городом» – о птицах, поселившихся рядом с людьми и пытающихся выжить в непривычной для них и иногда агрессивной среде, и «Кавалеры лесов, болот и рек» – выстроенное в иронично-шутливой форме зрелище из жизни пернатых.

И. Бышнев создает в своих фильмах образ природы как опоэтизированной, исполненной силы, величественной стихии, нетронутой и первобытной, дающей приют тысячам живых существ, прекрасных и гармонично развитых. В этих фильмах природный мир показан в виде сообщества, где животные предупреждают друг друга об опасности, помогают собратьям, трогательно заботятся о своем потомстве.

Человек в этих фильмах предстает в разных ипостасях. Чаще всего он либо является сторонним наблюдателем, либо разрушает идиллическую картину трагическими последствиями своих действий, вносящих тревожный диссонанс в общую картину гармонии в живой природе, зачастую абсолютно беззащитной перед произволом человека. В ряде картин человек – защитник живой природы, помогающий сохранить редкие виды животных и растений.

Отличительная особенность фильмов И. Бышнева – чуткое проникновение в мир природы, очарованность красотой родного края, обращение к эмоциям зрителя, гуманность авторской позиции и поэтичность звукопластичных экранных образов. Авторы обращаются к зрителям в вербальной либо изобразительно-пластической форме. В этих картинах сочетаются эстетические, познавательные и этические функции. Помимо предоставления возможности зрителям полюбоваться красотой белорусской природы, воспитания, особенно у детей, сочувствия, сострадания, бережного отношения ко всему живому на земле, фильмы особенно ценны нравственным посылом, который они в себе несут, призывом жить в согласии и гармонии с окружающей средой.

ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ МУЗЕЙНОЙ КУЛЬТУРЫ

В. А. Казакова, А. Р. Каримов

В ходе современных социально-культурных трансформаций личность утрачивает качество субъектности, становится объектом, в который масс-медиа, социальные сети вкладывают концепты, разрабатываемые маркетологами и идеологами общества по-

требления. В этой ситуации пространство музея становится одним из немногих мест, где человек сохраняет и передает духовные и культурные ценности от одного поколения к другому. В то же время, сам музей как феномен культуры претерпел определенную трансформацию, которая заслуживает специальной рефлексии.

Потребность в музее – как в некотором «чужом», внешнем (но не враждебном) пространстве – родилась в момент осознания человеком того, что «все течет» и «в одну реку дважды не войти». Эти мысли, практически одновременно поразившие цивилизации Востока и Запада (Гераклит: «все течет, все меняется» и Конфуций: «Все течет так же, как вода. Время бежит не останавливаясь») направили две культуры различными путями к одному – музеефикация где-то раньше, где-то позже стала необходимой.

Для заострения проблемы воспользуемся интересной, на наш взгляд, идеей. Выдвигая идею существования особого «музеефикаторского» типа культуры, Т.П. Калугина пишет: «культура вырабатывает свой защитный механизм, достаточно тонкий и изощренный. С одной стороны, она "музеефицирует" себя, как бы выводя свои артефакты, нормы, образцы и образы из непосредственного потока реальности, где они уже не могут существовать как таковые, будучи скомпрометированными, тиражированными, лишенными подлинного "жизненного порыва", но как бы и консервируя их таким способом, придавая им "музейный статус". Получается, что музей – это защитный механизм культуры в моменты кризиса ("когда нормы [культуры] … не могут существовать как таковые")» [1]. В качестве таких периодов автор называет эллинизм (породивший александрийский Мусейон), маньеризм (появление кунсткамер), вторую половину – конец XIX века (публичные музеи) и, наконец – постмодернизм XX века (когда «сама культура … становится музеем» [там же]). Можно видеть, что волны «кризиса», приближаясь к нашему времени, наращивают частоту и амплитуду, сливаясь в сплошное цунами «воображаемого музея» всемирной Сети. Не настал ли момент задаться вопросом: если музей – защитный механизм, то кого она вынуждена защищаться в анабиозе музеефикации?

Быть субъектом – значит быть выброшенным из бытия. Невыносимость этого состояния вынуждает защищаться: пользуясь наиболее известной метафорой, мы можем сказать, что расплата за обретение «Я» – диктат «Сверх-Я» и ужас «Оно». Новорожденная субъектность практически сразу нуждается в психоаналитике (которого, впрочем, могут заменить монастыри Востока или «зрелища» Запада – так же, как психоаналитик, они временно облегчат страдания, обрекая тем самым субъекта на построение более сложной картины мира – и на углубление бытийного разрыва). Так нужна ли нам такая субъектность? Возможно стоит отказаться от накручивания кругов в порочном круге и что-то менять кардинально? Вернуться к «естественности» мифологического сознания первобытного общества (которое, заметим, абсолютно не нуждается в музеях)?

Понятно, что современная ситуация допускает только одну форму существования «общества без музея»… экомузей или «живой музей» (живой музей – средовой музей или учреждение музейного типа, хранящий объекты материального и нематериального наследия в естественной для них природной и историко-культурной среде в условиях поддержания их изначальных функций и постоянной актуализации).

Итак, перед нами выбор – стать экспонатами или посетителями музея.

Резюмируя, кратко опишем проблемную ситуацию: индивид, защищаясь от разломов культуры, получает субъектность. Культура, защищаясь от индивида – музеефицируется. Музеефикация ведет к воспроизведению субъектности и так далее. Есть ли выход из этого круга?

И вот уже находясь на этом перепутье, мы обращаемся к теории коммуникативного пространства. Представление общества как пространства коммуникации имеет не та-

кую давнюю историю: всего лишь с середины XX века – от Маклюэна до Хабермаса и Бурдье. Примерно в те же годы музейную науку, наряду с фондами и экспозицией, начинает интересовать посетитель: закладываются основания коммуникационного подхода в музееведении. Коммуникационная теория предлагает отказаться от противопоставления субъект-объект, место борьбы занимает пространство коммуникации. Каким же образом разрешается в данной теории выявленное противоречие?

Хабермас, Ясперс, Аппель, Бахтин показали, что способ коммуникации является относительно устойчивым элементом культуры и прежде чем реформировать общество (в данном случае – музейное сообщество), нужно реформировать сам тип коммуникации, который затем послужит инструментом реформации.

Таким образом, задачей исследователя становится не трансформация посетителя (недостаточно культурного) или музейного пространства (недостаточно либерального), но разработка такого типа коммуникации (или коммуникативной стратегии), который бы позволил отказаться от субъект-объектного восприятия ситуации (традиционно с точки зрения музейщика: музейная среда – субъект, посетитель – объект, с точки зрения посетителя – с точностью до наоборот).

Таким типом коммуникации, согласно теории коммуникации, является конвенциональная коммуникация. Если манипуляционные технологии ставят целью управление ситуацией через управление поведением людей, то целью конвенциональной стратегии является обеспечение коммуникации между различными сегментами коммуникационной среды (например, посетитель, музейный работник, педагог, экономист и проч.) и получить такой содержательный договор, который будет позволять, с одной стороны, воплощать в жизнь совершенно практические задачи, с другой – противостоять внедрению в данное коммуникативное пространство манипуляционным стратегиям. Существенным является отличие теоретика-"реформатора» (в данном случае – музеолога) внутри манипуляционной и конвенциональной стратегий. Если в манипуляционной стратегии он выступает исключительным субъектом (который «видит больше» и «знает лучше»), даже тогда, когда свои идеи и действия обсуждает в узком кругу профессионалов, то в коммуникационной стратегии теоретик должен стать агентом: ему отводится роль модератора. Субъектом становится «собранный субъект» – пространство интерсубъективности, коммуникативное сообщество, причастное к выработке и принятию решения.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что в современной культуре и посетитель, и музей нуждается в особых специалистах – модераторах, гуманитарных технологах, способных снять противостояние двух субъектностей и создать коммуникационное пространство интерсубективной творческой деятельности.

Литература

1. Калугина Т.П. Музей и «музеефикаторский» тип культуры // В диапазоне гуманитарного знания. Сборник к 80-летию профессора М.С. Кагана. Серия «Мыслители», выпуск 4. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.

ЧАЛАВЕК ПРЫГОЖЫ.
Асцісты шлях прафесара М. І. Крукоўскага ў філасофіі

Васіль Якавенка

Кожны чалавек здольны бачыць і так ці інакш аналізаваць навакольны свет, а калі яшчэ болей – ткаць сабе светапогляд, філасофствацаць. Адно не ўсе ад нараджэння філосафы.

Мікола Крукоўскі, будучы дасціпным вясковым юнаком з прышчэпаўскага хутара блізу вёскі Машкова, меў шмат інтарэсаў і хвацкі іграў на мандаліне, спяваў, удзельнічаў у аглядах мастацкай самадзейнасці; не без падстаў яны разам з бацькам падумвалі аб набыцці скрыпкі. Скончыўшы дзесяцігодку ў Оршы, аднак паспрабаваў шчасця на іспытах у Маскоўскі авіяцыйны інжынерны інстытут. Не ўдалося тады паказаць добрыя веды ў матэматыцы. Вярнуўся ў Оршу, куды крыху раней пераехалі на сталае жыхарства і бацькі. Без іспытаў прынялі яго у Віцебскі ветэрынарны інстытут. Год правучыўся, калі пачалася вайна. Пайшоў дабравольцам на фронт. У стралковым палку пад Смаленскам быў прызначаны камандзірам аддзялення. Полк наспех праходзіў фарміраванне, байцы – армейскую падрыхтоўку, – адпрацоўвалі лоўкасць і спрыт на спартыўных спарудах, пераадольвалі адлегласці крокам і бегма; на прывалах, калі яны надараліся, наш музыка нястомна іграў на прыхопленай з дому мандаліне, разганяючы маркоту байцоў.

Церабіўся па гаях і пагорках кастрычнік сорак першага. Маладыя, як ён, байцы яшчэ ў смак не паваявалі, калі іх палкі і дывізіі патрапілі ў акружэнне – гітлераўцы наладзілі гэтак званы Вяземскі кацёл, смяртэльна пагрозлівы для кожнага. Тройчы Мікалай Крукоўскі са сваімі байцамі спрабаваў уцячы з замкнёнай аграмаднай пасткі – не ўдалося. Захопнікі адабралі маладых ваеннапалонных, з якімі быў і ён, пагрузілі ў таварныя вагоны і пад аховай павезлі на захад, у Нямеччыну. Толькі ж праворнаму і хуткаму ваяру Міколу недзе ўжо за Смалявічамі цёмнай ноччу ўдалося саскочыць на хаду цягніка. Пабіўся, але – у сваім целе, бадзяючыся па ціхіх вясковых мясцінах, вярнуўся ў Оршу, у бацькоўскі дом, дзе заставаліся ўжо адныя дзядуля з бабуляй; бацька Ігнат Крукоўскі – на фронце, маці-настаўніца Марыя Мікалаеўна разам са сваёй школай падалася ў эвакуацыю, на усход.

Хлопец хаваўся ад немцаў, але нядоўга. Паклікалі яго партызаны. І на гэты раз, пакідаючы дом, ён прыхапіў з сабой у заплечнік разам з іншымі неабходнымі рэчамі томік Гегеля, даволі вядомага ў свеце мысляра – дарэчы, у трыццатыя гады ў СССР былі выдадзены 15 тамоў яго сачыненняў. І чытаў-пачытваў, калі выдавалася вольная хвіліна, спрабаваў дайсці да сэнсу сэнсаў самого жыцця, культуры. Але ж, людцы ў сведкі, чыста мыслярская грамата давалася нялёгка. Былі, праўда, мясціны, пададзеныя як бы простаю мовай. Тады штосьці адкладвалася ў памяці… Пра вайну дык наогул дзіўнае: «…высокое значение войны состоит в том, что благодаря ей […] сохраняется нравственное здоровье народов, их безразличие к застыванию конечных определенностей; подобно тому, как движение ветров не дает озеру загнивать, что с ним непременно случилось бы при продолжительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем паче вечного мира» В мирное время гражданская жизнь расширяется, все сферы

располагаются на постоянное жительство, и, в конце концов, люди засасываются болотом, их частные особенности все более и более упрочиваются и закостеневают. Но здоровье предполагает единство тела, и, когда части затвердевают внутри себя, наступает смерть».

Цікаўны хлопец партызан Крукоўскі не мог не мог не запыніць позірку на радках з вызначэннем грамады, дакладней грамадзянскай супольнасці як *прамежкавага звяна паміж сям'ёй і дзяржавай*. У выпадку, калі такая супольнасць складваецца, кожны пачувае сябе асобай і… «каждый для себя – цель, все другие суть для него ничто. Но без соотношения с другими он не может достигнуть объема своих целей; эти другие суть потому средства для целей особенного. Но особенная цель посредством соотношения с другими дает себе форму всеобщности и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем благо других». Адсюль было недалёка і да думкі, што грамадзянская супольнасць робіць дзяржаву жыццядзейнай, жыццядайнай і моцнай.

Кніга Гегеля, адчуваў на той момант малады чалавек, здольная была адточваць уяўленне, паглыбляць разуменне самога прадмета навукі, пашыраць гарызонты мыслення… Аднак у тым асяродку лясных ваяроў яму было не да кніг, дый разам з высокім, як гэта нярэдка бывае, мяжуе смешнае. Таму, калі Мікола асвойваў Гегеля з самага пачатку – ад тытульнага ліста, то ягоныя паплечнікі – з другога боку, – адціналі лісты і хавалі ў кішэні, скручвалі цыгаркі. Ці мог тады М. Крукоўскі падумаць, што па прычыне сваёй празорлівасці Гегель праз каторы час стане асноўным падмуркам ягоных навуковых пошукаў, даследчых прац і дасягненняў?

У партызанах падчас адной з варожых блакад і сутычак з ворагам, а ён тады ўжо быў начальнікам штаба атрада «Малады бальшавік», куля прашыла яму кісць левай рукі, пашкодзіўшы сухажылле; рана зажыла, але ў далейшых сваіх разліках на мірны лад жыцця чалавек павінен быў конча развітацца з думкамі-летуценнямі пра набыццё скрыпкі і музыку… Гэтую спазнаную ім у юначым узросце мілагучную стыхію, яе далейшае спасціжэнне, ён пакіне ўжо сваім дзецям.

Фронт між тым каціўся крывавым валам на захад. У 1945 годзе, пасля Перамогі, М. Крукоўскі паступіў вучыцца ў Белдзяржуніверсітэт, на філфак; там ён атрымліваў купалаўскую стыпендыю. Універсітэт скончыў з чырвоным дыпломам. І зноў жа адметны акцэнт: будучы філолагам, тэму сваёй дыпломнай работы выбраў памежкавую: «Ленинская теория отражения как философская основа эстетики социалистического реализма». Абараніў дыпломную і універсітэт скончыў з годнасцю. Тады ж на душэўным уздыме паслаў тэкст свайго сачынення, багатага навацыямі, у маскоўскі часопіс «Вопрсы философии», а таксама папулярнаму пісьменніку А. Фадзееву, старшыні Саюза пісьменнікаў СССР, які ў публічнай дыскусіі пра сацрэалізм у тым часе разглядаў яго як спалучэнне звычайнага рэалізму і рамантызму. У сваёй працы М. Крукоўскі быў блізкі да гэтых разважанняў і падтрымліваў іх. Толькі ж філасофскі часопіс, адказваючы аўтару, разнёс у пух і прах яго універсітэцкі навуковы опус, а з боку Фадзеева аўтару адказаў літкансультант саюза пісьменнікаў І. Ляжнёў; ягоны ліст быў мякчэйшым, адно і ў ім утрымлівалася пагрозлівае па тым часе папярэджанне ў нейкім невядомым аўтару граху: «Чем скорее тов. Круковский освободится от влияния "рапповских" просветителей, тем для него будет здоровее».

Сталую працу для новенькага выпускніка БДУ «падабраў» вядомы пісьменнік Кандрат Крапіва. Ацаніўшы падрыхтоўку і здольнасці да навукі гэтага абстралянага вайной хлопца, ён дапамог яму ўладкавацца ў Інстытут мовазнаўства АН БССР; таму і кандыдацкую дысертацыю малады супрацоўнік пісаў па мове: «Рускі лексічны ўплыў на сучасную беларускую літаратурную мову» (1956). Аднак праз колькі гадоў Мікалай Ігнатавіч рашуча адмовіцца ад прапановы свайго інстытута працягваць гэтую тэму –

пісаць доктарскую пра ўзаемадзеянне блізкароднасных моў падчас развітога сацыялізму. Тэма падалася яму празмерна палітызаванай для сур'ёзнага даследавання. Наогул яму, небараку, здавалася ўжо, што ён пасеяў расаду не ў сваім агародзе. Таму, каб скарэктыраваць напрамак сваіх навуковых задум, пачаў стала займацца эстэтыкай і філасофіяй ды ў 1963 годзе перайшоў наогул на працу ў БДУ на кафедру гісторыі філасофіі, логікі і эстэтыкі, якой тады загадваў праф. І.М. Лушчыцкі, – чытаў студэнтам асобныя курсы па эстэтыцы, сацыялогіі мастацтва і тэорыі мастацкай культуры.

Праца была жывою і як ніколі плённаю, чаму спрыяла і жонка Яўгенія Пятроўна, па-дзявочы Сапінская, гамяльчанка, з якой пабраліся яшчэ будучы студэнтамі, ў 1946 годзе. Каханне і ўзаемапавага спрыялі маладзёнам у жыцці. Разам хадзілі ў кіно і тэатр, наведвалі тэатральную студыю ва універсітэце, разам выходзілі на сцэну опернага тэатра – спявалі ў хоры і іншых масавых сцэнах. У Міколы адмысловы барытон, у Жэні – мецца-сапрана.

Сапінская ў сямейным жыцці і працы аказалася больш спанатранаю ад яго, дабітною… Атрымаўшы дыплом журналісткі, яна стала працаваць у газеце «Аўтазаводзец», і там жа дамаглася выдзялення іх сям'і аднапакаёвай кватэры. Потым, праўда, пайшлі дзеці і ў той кватэрцы зрабілася цесна, няўтульна; а яе чалавек Мікалай Ігнатавіч акурат чытаў лекцыі студэнтам… Угаворвала яго напісаць ліст Першаму сакратару ЦК КПБ П. Машэраву з просьбай уважліва паставіцца да іхняга надзённага клопату і выдзеліць з жыллёвых рэсурсаў горада для партызанскай, лічыце, сям'і Крукоўскіх большую кватэру. Пад той час, зазначым, дачка Пятра Міронавіча Жэня – як і Сапінская – Жэня, вясёлая сімпатычная дзяўчына, была студэнткай у Міколы Ігнатавіча, і цікаўны да ўсяго Машэраў праз яе, бадай, мог быць начуты пра паспяховага выкладчыка эстэтыкі ва універсітэце Крукоўскага. Аднак гэты выкладчык Мікола ўсяляк ухіляўся ад разумнай прапановы жонкі.Тады яна сама склала ліст з хадайніцтвам і паслала ў ЦК КПБ.

Ці ведаў пра іх пільны клопат Машэраў ці – не, але ж кватэру-двухпакаёўку маладая сям'я Крукоўскіх атрымала, і гаспадар Мікола цяпер ўпрыгожваў яе уласнаручна намаляванымі нацюрмортамі, маляваў іх прафесійна; маляваць любіў яшчэ з дзяцінства.

У 1965 годзе Мікола Ігнатавіч надрукаваў манаграфію «Логіка прыгажосці», за якую, праўда, усюдыісная «Литературная газета», не доўга думаючы, адвесіла аплявуху аўтару: «С точки зрения лошади…» Заголовок статьи… Гэта быў гратэск на манаграфію. Застаючыся на грунце гегелеўскай метадалогіі, як і на падмурку сваёй універсітэцкай дыпломнай работы, прафесар М. Крукоўскі прапанаваў новую на той час сістэму асноўных эстэтычных катэгорый, прычым, эстэтыку чалавека ўпершыню распрацоўваў з выхадам на прыроду жывога і ў дыялектычным адзінстве духоўнай і фізічнай яго прыгажосці (Філосафы таго часу не надавалі належнай увагі фізічнай прыгажосці чалавека). Што праўда, грунтавалася праца яшчэ і на структурна-функцыянальным падыходзе агульнай тэорыі сістэм. Зусім новай падавалася таксама канцэпцыя развіцця мастацтва як гісторыі мастацкіх стыляў. І ўсё-усё як мае быць нітавалася з гегелеўскай дыялектыкай ды яшчэ канцэпцыяй цыклічнага развіцця культуры. А што да прыярытэтаў, то апошняя – канцэпцыя цыклічнага развіцця – была прапанаваная Крукоўскім адначасова і незалежна ад Шпенглера, Тойнбі і Сарокіна, тады яшчэ малавядомых савецкай навуцы.

У гэтай і іншых аўтарскіх працах Мікалай Ігнатавіч, апярэдзіўшы нават С. Хантынгтана, паставіў надзвычай актуальную для філасофскага асэнсавання праблему ўзаемадзеяння розных культур.

Бадай, усё гэта, хіба толькі больш сістэмна, разгледзеў ён і ў апошняй сваёй

манаграфіі «Бляск і трагедыя ідэалу», выдадзенай у «Беларускім кнігазборы» у 2004 годзе.

Рэцэнзуючы «Бляск…» і ўбачыўшы за манаграфіяй Крукоўскага з'яву ў беларускай і еўрапейскай навуцы, прафесар культуралогіі Аляксей Рагуля пісаў: «Характар філасофскай творчасці М. Крукоўскага можна азначыць паэтычнай формулай ранняга А. Куляшова: «пад кпіны аматараў лёгкае славы капаю рэчышча ўласнай ракі».

Але вернемся да першай манаграфія М. Крукоўскга *«Логіка прыгажосці»*. Яна была паспяхова абаронена на Вучоным Савеце БГУ як дысертацыя на ступень доктара філасофскіх навук. Аднак амбіцыйны ВАК – Усесаюзная атэстацыйная камісія (Масква) – грэбліва адвергла рашэнне прафесуры Белдзяржуніверсітэта. Не ўспрымаліся ВАКам ні наватарскія палажэнні, ні сама канцэпцыя прыгажосці, выкладзеная беларускім вучоным.

А ўсё ж Крукоўскі даказаў сваё. Абараніўся па той жа манаграфіі у Маскоўскім універсітэце (1982). Туды на Вучоны Савет былі ўжо прадстаўлены і тры новыя кнігі аўтара – усе па эстэтыцы, а сярод іх і кніга – ***«Чалавек прыгожы»,*** перакладзеная і выдадзеная на кітайскай мове. Дамінавала ў кнізе думка пра складаны свет пачуццяў чалавека і іх магчымую гармонію: «Диалектическая противоположность биологического и социального, телесного и духовного в человеке, однако, не случайно называется диалектической. Дело в том, что наряду с противоположностью она представляет собой в то же время и взаимно-неразрывное, целостное единство, стороны которого, несмотря на свою противоположность, не могут существовать самостоятельно, независимо одна от другой» (стар 29). Цяпер гэта ў нас здаецца даказаным… Прафесар Крукоўскі тым самым ужо рабіў выхад на канцэпцыю цэласнасці, канцэпцыю фалізму ў філасофіі.

Новыя манаграфіі вучонага, дадаткова прадстаўленыя ў Маскву, нават іх колькасць прыемна ўразілі Вучоны Савет Маскоўскага універсітэта. Да таго ж, ведаючы пра маскоўскія клопаты ў абароне навуковых вяршыняў Міколам Крукоўскім (былым начальнікам штаба), туды, у МГУ, на высокае пасяджэнне прабіўся і ягоны паплечнік па партызанскім атрадзе, ужо сталы масквіч Рыгор Нікалаенка, ліцейшчык-эксперыментатар, узмужнелы, але па-ранейшаму порсткі, сангвіністычнага складу чалавек. Папрасіў слова…

– Вы хто? – спыталіся ў яго.

– Сталявар, – адказае з годнасцю.

– А пра што, на якую тэму гаварыць жадаеце?

– Пра вайну, на партызанскую тэму… Пра тое, што было пад Віцебскам...

Суцішылася заінтрыгаваная зала.

– Хачу паведаміць высокаму Вучонаму савету, што я знаёмы з абаронцам дысертацыі «Логіка прыгажосці» з 1942 года, – пачаў дзіўны госць, такі нечаканы ў прафесаркім акалотку: – Крукоўскі прыйшоў у наш партызанскі атрад «Малады бальшавік» разам з філосафам Гегелем. Ён ужо тады ў хвіліны зацішша і спакою чытаў кнігу гэтага вялікага немца, а мы, такія ж як ён, партызаны, стаялі ў чарзе да яго, каб адабраць чарговую прачытаную ім старонку ды парваць на шматкі – так мы помсцілі гітлераўцам, якія пайшлі на нас вайною. Зрэшты, помсцілі не толькі так… А вось у Гегеля мы загортвали махорку, курили... (Вясёлы пошум і смех запанавалі ў зале). На нашае шчасце, кніга друкавалася газетнай паперы. Таму ад яе неўзабаве засталася толькі вокладка, цвёрдая, чорная, з прыгожымі залатымі літарамі наверсе. Як надмагілле вялікаму немцу.

Пасаж удаўся. Выхад сталявара уражваў… Вось і тут дыялектыка. Вялікае і смешнае поруч.

Выступленне баявога друга сталявара Р.Нікалаенкі перад вучонымі ўлагоджвала

душу прафесара Крукоўскага, моцна ўсхваляванага і ўзрушанага ходам абароны. Па партызанскім часе, дарэчы, ён ведаў Рыгора як майстра на ўсе рукі, калі надаралася якая патрэба, ён выступаў і цесляю, і бондарам, і печнікам…

Радавала цяпер Мікалая Ігнатавіча і тое, што на абарону прыехала дачка Вольга, гэта ёй беларускі мысляр перадаў сваю музычную мару – стала скрыпачкаю! А другая дачка, Наташа, зноў жа – музычны крытык... Вучылася ў Ленінградскай кансерваторыі. Здольная… У сваёй дыпломнай працы пры заканчэнні кансерваторыі адкрыла па-новаму і дала новае жыццё творчасці Мікалая Дылецкага, выдатнага музычнага дзеяча Вялікага Княства Літоўскага, нарадзіўся ў Кіеве, вучыўся ў Вільні, яскравы след у тэорыі, у майстэрстве шматгалосых царкоўных спеваў пакінуў у Маскве. Піянерскую работу Наташы адзначыў акадэмік У.В. Пратапопаў у сваім даследаванні па гісторыі рускіх царкоўных спеваў.

…Пад час выступлення сталявара Вольга радасна і шчасліва смяялася.

Выступіў галоўны апанент дысертацыі, строгі і ўходжаны мужчына сярэдняга веку:

– Я быў і застануся апанентам гэтай навуковай працы. Гэта маё… Аднак я стаўлюся з павагай і да абаронцы дысертацыі прафесара Крукоўскага. Больш за тое, скажу: за апошнія 30 гадоў у нашым універсітэце гэта першая сапраўдная абарона. Так… Яна праходзіць з адкрытай крытыкай і бліскучым парыраваннем заўваг эрудытам з Беларусі. А паглядзіце на ягоныя тоўстыя кнігі. Гэта ж не тыя брашуркі, напісаныя, да чарговага з’езду КПСС, да якіх мы прызвычаіліся. Паўтараю, гэта сапраўдная а-ба-ро-на!

Вядома, абарона цяпер увянчалася поспехам. Пры галасаванні абаронца дысертацыі М. Крукоўскі не атрымаў ніводнага чорнага шара. А потым з лёгкай рукі МГУ дысертацыя прайшла і праз ВАК.

Аўтару гэтага нарыса пашанцавала знайсці ў Ніжнім Ноўгарадзе вучня і паслядоўніка філасофскай школы Крукоўскага – Мікалая Аляксандрава. Вось што ён піша: «Что касается Прекрасного – здесь для меня высшим авторитетом остается наш общий друг Николай Игнатьевич. Он показал, что прекрасное есть такая фаза цикла развития эстетического процесса, в которой наблюдается уравновешенность крайних сторон противоречия. Гомеостатика, сохраняющая в себе остроту крайних проявлений. Впрочем, про это и моя "Эстетика"».

У Беларусі пры пэўных спрыяльных умовах магла б скласціся свая арыгінальная і жывая філасофская школа, яна і складвалася… На думку прафесара А. Рагулі, «Кніга "Бляск і трагедыя ідэалу" М. Крукоўскага засведчыла факт сталасці беларускай рэфлексіўнай філасофіі, яе здольнасць развіваць лепшыя традыцыі сусветнай філасофскай і эстэтычнай думкі з апорай на нацыянальны культурны вопыт». У Мінску, аднак, не ведаючы, пэўна, што робяць, школу прафесара М. Крукоўскага растапталі. У 1994 годзе Мікалая Ігнатавіча, нічога яму не тлумачачы, наогул звольнілі з універсітэта і ганебна адправілі на пенсію. Зразумела, у гэтым было прыкмета цемрашальства, пакаралі за нежаданне падпарадкоўвацца русіфікацыі сваёй краіны, названай незалежнай, а калі больш канкрэтна – за ўпартае чытанне лекцый студэнтам на беларускай мове. Пазней, праўда, вучонаму прапануюць пасаду прафесара кафедры філасофіі ў Беларускім інстытуце культуры і мастацтваў, і ўжо, працуючы там, ён напіша яшчэ дзве манаграфіі: «Філасофія культуры (уводзіны ў тэарэтычную культуралогію)» і тую самую – «Бляск і трагедыя ідэалу».

Неяк з выпадку высокага юбілею М. Крукоўскага – юбілей, зрэшты, паступова толькі набліжаўся, – да яго на кватэру завітаў мастак Віктар Барабанцаў, прыйшоў з мальбертам. Пасадзіўшы аброслага сівой барадой гаспадара на фоне упарадкаваных шпалер кніг, паміж пісьмовым сталом і сямейным тэлескопам, унушальным сваімі

памерамі, мастак пачаў наносіць алоўкам асноўныя рысы партрэта з натуры і адначасова вёў з гэтай натурай размову. Мастак выказаў меркаванне, што філасофскае даўгалецце прафесара, напэўна, абумоўлена генамі, геннай памяццю роду…

– Не-е! – адразу адкінуў такое меркаванне Мікалай Ігнатавіч. – Тут справа ў іншым. Шмат нагрузак даваў целу, займаўся спортам, паляваннем, рыбалкай.

Летам свой адпачынак мы праводзілі разам з сям'ёй у палатках, напнутых над возерам або ў лесе. Я першым у Мінску набыў ласты для падводнага плавання і паказваў клас на Мінскім моры і Нарачы. Ласты мне прывёз з Масквы Алесь Адамовіч. Пазней ужо – у магазіне «Дынама» у Мінску – купіў парусніК, і, ведаеце, водамі колькіх рэк і азёраў праплылі, асвоілі ўлонне ўсёй Беларусі з яе незвычайным хараством!

Яшчэ яскравы прыклад фізічных трэніровак Мікалая Ігнатавіча, пра які ён у гутарцы з мастаком не ўпамянуў. Калі дочкі былі малымі, іх на лета зазвычай адпраўлялі ў Оршу да бацькоў Міколы. Адно калі надаралася самім Мікалаю з жонкаю Жэней разам паехаць туды, ён купляў для яе квіток на аўтобус, а сам садзіўся на спартыўны веласіпед і ў адзін гон адольваў адлегласць у паўтары сотні кіламетраў за 10 гадзін.

Нягоды не зламалі філосафа. Позірк Мікалая Ігнатавіча пад сівымі кусцістымі бровамі захоўваў сваю вастрыню. Менавіта з вачэй, як і ўвогуле з твару, бруіліся, ішлі, напаўнялі прастору цеплыня і спакой, ветлівасць і прыгажосць.

ФИЛОСОФИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ ИДЕАЛЬНОГО И МАТЕРИАЛЬНОГО В ПРИРОДЕ И ОБЩЕСТВЕ. КОНЦЕПЦИЯ ХОЛИЗМА

Николай Круковский

Нет сомнения, что грандиозные исторические события современности и в особенности падение СССР заставляют нас сегодня интенсивно задумываться над причинами всего этого в самой истории. Задумываться даже несмотря на авторитетные, казалось бы, высказывания известнейшего сегодня на Западе специалиста по постмодернистской философии Поппера, что история вообще не имеет закономерностей и, следовательно, все в ней не имеет и причин. Шумной философской «Нищете историцизма» Карла Поппера вполне можно было бы, кстати, противопоставить и столь же заидеологизированную, только в обратном направлении, почти одноименную «Нищету философии» еще более шумного в свое время тёзки его Карла Маркса. Тот, как известно, полагал наоборот, что все в истории идет закономерно и идет даже конкретно как трагическое в начале, а в конце – совсем уже просто как фарс. И опирался при этом на многие солидные авторитеты, среди которых был и великий Гегель, хотя и названный им пренебрежительно «старый Гегель». Впрочем, и у Поппера тоже были солидные предшественники, как россиянин Герцен, считавший историю «расхристанной импровизацией», и тоже достаточно в этом плане скептичные немцы Г. Риккерт и В. Виндельбанд.

Сегодня, как это ни странно, процесс осознания истории также реализуется скорее по Герцену и Попперу, особенно если учесть, что и с Марксом история тоже разыграла в советской России бесконечно грустный фарс, достаточно сослаться на печальную судьбу обоснованного на базе марксизма-ленинизма социалистического строя. Если прочесть все, что пишет Поппер сегодня о Советском Союзе, то это скорее даже неалогично «расхристанная импровизация», а тоже логика, но отнюдь уже не диалектическая, как у «старого» Гегеля, а простецкая черно-белая, формальная логика, которая присуща фактически лишь социально неразвитым существам. Как у только что «вышедших из народа» большевиков, пропагандистов коммунизма, также считавших, что все новое абсо-

лютно хорошо, а старое – абсолютно плохо. Все, что было, например, там при советах, сегодня затаптывается буквально в грязь, а существовавшее при царях, наоборот, только превозносится, обходя с тендециозным молчанием даже зловещий «столыпинский галстук» и «ленские расстрелы». Знаменитейшие некогда особы, из которых Ленин удостоился, подобно святому, и мумификации, что даже у Ельцина вызвало возмущение: «не в Египте живем, понимаешь!», – все они объявляются ныне шпионами и предателями, за марки и доллары продававшими некогда Германии и Америке Великую Россию. А если учесть постоянное подчеркивание их национальности, то здесь узнается иногда даже жуткая логика автора «Mein Kampf», по кровавости своей знакомая нашим отцам и дедам и носившая откровенно полуживотный, тоже черно-белый социал-дарвинистский характер. Характер, основным принципом которого был провозглашенный философом Ницше лозунг «подтолкни слабого», начавший почему-то нравиться и представителям современной российской молодежи. Так, например, известная политическая деятельница Ирина Хакомада совершенно в духе Ницше объявила недавно публично, что во главе всякого социального движения и, тем более, государства всегда должны стоять наиболее мощные и активные самцы. И даже написала на эту тему объёмистую монографию. Чем вам не Маркс с его культом силы в начале и фарсом в конце всякого завершающего свое развитие исторического периода, тем более, что и он занимал в философии коммунистов столь же ведущее место, как и Ницше у национал-социалистов?

Что же касается Маркса конкретнее, то он действительно почти предсказал собственную историческую судьбу, несмотря на свои материализм, атеизм, культ насилия и диктатуру пролетариата. И это потому только, что у него были, как ни парадоксально, действительно великие предшественники и даже учителя, прежде всего – тот же Гегель, хотя он и воспринимал его, как мы видели, уже полуиронически как «старого». Были, впрочем, предшественники у них обоих и действительно не только старые, но и по-настоящему древние, как, например, древнегреческие Платон и Аристотель, равно как и относительно к нам гораздо более близкие Джамбатиста Вико или Кант с Шеллингом. Однако воистину великим среди них был только Гегель, и это, надо сказать, потому, что Гегель был по-своему велик и современен. Современен, или, скорее, даже вечен не только своей диалектикой, а и тем, что в своих трудах он вплотную подошел к самым новейшим областям современной науки и прежде всего таким, как кибернетика, теория информации и общая теория систем, что постоянно, например, отмечалось в работах автора этих строк. В подобном плане очень близкими к Гегелю оказались и тоже почти совсем уж наши современники Шпенглер, Тойнби и Сорокин, хотя они прямо на него и мало ссылались. Особенно характерным в этом отношении был Питирим Сорокин с его «Социальной и культурной динамикой» [1], где на богатейшем фактическом материале, хотя и теоретически только в общих чертах, была продемонстрирована та логика, что была так близка Гегелю и которая так коварно, хотя и в беглой лишь форме, проглянула невольной самокритикой в вышеупомянутых словах Маркса о том, что все в истории проявляется дважды: сначала как трагическое, а в конце – уже просто, как фарс. На эти его слова в советские, помнится, времена никто из специалистов, помимо, может быть, автора этих строк[1], вообще не обращал внимания. Сам же Маркс тем более даже и не

[1] Крюковский Н.И. «Логика красоты» [2] и последующие его работы. В «Логике красоты» с целью идеологической маскировки эти логические этапы развития, соответствовавшие эстетическим категориям трагического, возвышенного, прекрасного, комического, низкого и безобразного, были связаны с марксовыми категориями производственных отношений и производительных сил и их взаимодействием в процессе исторического развития, как это было описано Марксом в его работе «К критике политической экономии». В те годы такие суждения были объявлены г-ном Столовичем вульгарной социологизацией. Но сегодня это неожиданно, возможно все из-за того же Гегеля,

подозревал, как нам кажется, что эти его слова о фарсе со временем непосредственно соотнесутся и конкретно с его учением и с ним самим.

У Гегеля глубинный смысл этих слов ярче всего проявляется в знаменитых его «Лекциях по эстетике», на которые Маркс особенного внимания тоже вначале не обращал и только впоследствии, правда, внимательно ознакомился с их содержанием в изложении Фишера, гегелева ученика. Энгельс же вообще рекомендовал их Шмидту только для чтенья при отдыхе. У Гегеля смысл этих слов оказывается самым теснейшим образом связанным с его пониманием общего процесса развития в искусстве. Причем, как раз таким именно образом, что трагическое с возвышенным приходятся у него на начало и ранний этап этого развития, который в более общих, логических его работах именовался обычно становлением. Эпоха же упадка и конца этого этапа связывается у него с категориями комического и низкого (безобразного Гегель еще не видел или не хотел, может, видеть). Но достаточно четко и с тех же гегелевых позиций уже отметил его писавший относительно ближе к нашему времени и, может быть, даже предвидевший будущую сегодняшнюю его некрасивость Розенкранц в своей «Эстетике безобразного».

Была в эстетике Гегеля еще одна, пожалуй, самая важная для него категория. Это категория прекрасного, важная тут для нас не только с чисто теоретической точки зрения, но и с практических, как увидим, задач, поставленных перед читателями этим текстом. Если для категорий трагического и, дальше, возвышенного как логических представительниц периода становления, как известно, решающую роль отыгрывало идеальное, а в комическом и низком как фазе упадка господствовало уже материальное, то для прекрасного наиболее характерным было в гегелевской эстетике диалектически противоречивое и подвижное тем самым единство идеального и материального, выступавшее в природе как гармония общего и особенного, сущности и явления, качества и количества, а в человеке как единство души и тела, разума и чувства, содержания и формы, как это было в его искусстве и характеризовалось, как совершенство и красота.. Равно как и в логике его вообще такое же единство строго предписывалось как этим, так и всем остальным координированным с ними категориям, выступая там как бытие и реальность, Вульгарная же противоречивость и дисгармония этих категорий, соответствовавших безобразному, понимались Гегелем, наоборот, как небытие.

Однако не все у Гегеля было так стройно и последовательно. Он не был последовательным холистом в современном смысле этого слова. Многие его ученики и прежде всего его постоянный критик Маркс всегда отмечали в нем так называемое противоречие между системой и методом, т.е., факт несоответствия его диалектического метода его объективно идеалистической системе. Гегель по своей методике был действительно блестящим диалектиком, что, как уже было сказано, делает его очень современным даже сегодня. Но по системе он был объективным идеалистом, своей все-таки известной односторонностью мало соответствующим даже ему самому как диалектику и воспринимаемым поэтому ныне достаточно уже архаично. Маркс в критике своего учителя постоянно старался поставить его, как он писал, с головы на ноги, но на деле он ставил его совсем уж чуть ли не на четвереньки. Несмотря на свою блестящую образованность, ведь и Маркс фактически тоже страдал от аналогичного противоречия между системой и методом вследствие еще более острого несоответствия диалектике его крайне одностороннего и очень воинственного по степени своей абсолютизации материализма, который он называл почему-то диалектическим. Чего стоила, например, хотя бы его активная и самодвижущаяся материя, которая на века затормозила развитие физики, в ре-

---

хорошо может служить даже объяснением падения не только Маркса, но и Советского Союза со всей его диалектико-материалистической философией.

зультате чего даже такой выдающийся специалист в ее области, как Фейнман (лекции которого по физике почтительно назывались фейнмановскими), вынужден был публично признаваться, что он, например, не знает, что есть такое энергия. Это не говоря уже о таком чрезвычайно важном понятии, как информация, которой до сих пор запрещен какой бы то ни было доступ в область этой науки, о чем более подробная речь будет ниже. Марксов пресловутый диалектический материализм был подлинным contradictio in adjecto (противоречием в определении) и даже само его название было, по выражению Бердяева, «нелепым словосочетанием». И только сейчас истина начала более-менее проясняться с ходом этой самой истории и ее катаклизмов.

История действительно не такая уж «расхристанная импровизация», как это показалось было некогда Герцену. В ней существуют все-таки определенные законы, мучаясь над поиском которых наука и прежде всего философия, если говорить фигурально, постоянно накачивает себе интеллектуальную мускулатуру. Постепенно выявляя и накапливая конкретные явления и факты, она открывает в результате и эти законы в их общей, абстрактной форме. И обнаруживается это прежде всего в художественных видах творчества, искусстве как диалектически противоречивом, подвижном единстве духовной и материальной культур, что находит свое выражение в эстетике, в понятии прекрасного как центральной ее категории, выступающей у Гегеля в тесной логической взаимосвязи с истиной и бытием. Эти законы в достаточно очерченной форме были открыты в истории искусства еще даже до Гегеля – в исследованиях Вико и Винкельмана. Потом, в силу общего характера и вхождения художественного творчества в качестве составной части в общую культуру как единую свою систему, они были экстраполированы на всю ее в целом. Действие этих законов поэтому стало признаваться, хотя и в не столь явной форме, также в духовной и материальной культурах, прежде всего в общей структуре и закономерностях их исторического развития, или, как выражаются специалисты по общей теории систем, в их синхронии и диахронии. По этой же причине и такие более частные разделы этих культур, как философия в духовной культуре и экономика в культуре материальной, стали пользоваться тем же логическим аппаратом, что и эстетика в ее синхронии и диахронии. Более того, говоря точнее, в этих составных частях культуры как целостной системы частях выработался и достаточно самостоятельный логический аппарат, на основе которого постепенно развились и вполне самостоятельные науки логика, эстетика и экономика. И аппарат этот развился наиболее подробным образом, вплоть до отдельных самостоятельных категорий, преимущественно в эстетике, как уже было показано, ставшей вполне самостоятельной наукой. Эстетика сама стала такой логически совершенной и диалектичной, потому что сама она как наука занималась художественной культурой, этим диалектическим единством духовной и материальной культур, на что как раз и обратил свое внимание Гегель, будучи сам великим диалектиком. В самой же диалектической логике в целом, как и в экономике, аппарат этот, несмотря на работы Гегеля с Марксом, все еще остается полностью не сформулированным, хотя в общих чертах сегодня и просматривается, если опираться на общую теорию систем, достаточно четко.

Все это именно и дало впоследствии возможность Шпенглеру, Тойнби и Сорокину разработать свои культурологические концепции, так близко родственные эстетике Гегеля и сохраняющие свою теоретическую значимость и по сей день. Это особенно заметно у Сорокина как в синхронии его, так и в диахронии, хотя сам он из всех троих к Гегелю относился наиболее скептично. Так, например, весь ход развития культуры в целом описывался им как бы в синусоидальной периодичности, для каждой фазы которой характерны были начало, расцвет, упадок и полный распад, а Шпенглер, например, вообще сравнивал все это с четырьмя же порами дня, откуда пошел у него и знаменитый

заголовок «Закат Европы». У Сорокина, например, в начальной фазе всего процесса развития господствующую роль отыгрывала духовная культура, а в фазе конечной преобладала культура материальная. Средняя же фаза как единство духовного и материального, соответствовавшая, по Гегелю, культуре художественной, вообще ничем особенным у Сорокина не выделялась. Если у Гегеля, например, соответствуя категории прекрасного, она рассматривалась в качестве наивысшей стадии развития, выступая под знаком самого совершенства, то Сорокин, как это ни странно, снисходительно называл эту фазу иногда даже эклектикой, которая Гегелем в общем оценивалось преимущественно как безобразное. Однако в целом это случалось у Сорокина редко, и он рассматривал среднюю, гармоничную фазу культуры, говоря фигурально за Шпенглером, тоже как полдневный ее расцвет.

Так уже на этом уровне своего развития эта концепция, восходя через Шпенглера, Тойнби и Сорокина к Гегелю и дальнейшим его предшественникам, оказалась способной подойти тут вплотную к интересующей нас проблематике, тесно связанной с философией и глубинным смыслом исторического процесса. Остается только удивляться, что долгое время она у нас замалчивалась, несмотря на публикацию автором этих строк в Белоруссии и нескольких монографий с попытками дальнейшего ее исследования даже с применением не только традиционной диалектической логики, но и таких новейших научных методик, как кибернетика, теория информации и особенно общая теория систем [2] [3] [4] [5] [6]. И лишь в последние годы и в России, наконец, были опубликованы две коллективных монографии, да и то с уже устаревших официально материалистических идейных позиций [7] [8].

Так и в философии, соответственно, как ведущей составной части духовной культуры, главную роль в периоде восхождения играл идеализм, а в периоде упадка – материализм. На фазе же высшего своего развития для нее характерно было целостное единство идеализма и материализма, определяющееся обычно как холизм (от английского whole, что и значит собою целое). Учитывая то, что философия есть наиболее высокий и, следовательно, общий и абстрактный уровень всей системы культуры, так сказать, старшей в иерархической многоранговой структуре, она, играет определяющую роль в понятийном аппарате других, иерархически более низких, системных ее уровней. Так, например, в экономике также просматривается известный холизм, выступающий как диалектически противоречивое единство производства и потребления в центральной своей категории, соответствующей историческому расцвету всей культуры, и только на ранней фазе истории, как уже не трудно понять, демонстрирующий преимущественно производственную, а на последней фазе, фазе упадка, наоборот, потребительскую свои стороны. Тут, впроченм, действовали и действуют традиционно марксистские производственные отношения и производительные силы, если все время не причесывать их под одну и ту же марксистскую «гребенку», как это делали российские коммунисты. Становится совершенно необходимым подход с точки зрения общей теории систем, т.е. все время следует иметь в виду, что культура вообще есть целостная, общая система, система, так сказать, иерархически более высокого ранга, и поэтому в своем развитии не позволяющая рассматривать собственные составные части в их абстрактной самостоятельности и изолированности. Так, например, в той же экономике в России, да в известной степени и в Белоруссии сегодняшнее ее состояние хозяйства официально считается новою, восходящею фазою, в то время как в общекультурном, историческом плане эта фаза, как потребительская, есть в реальности период упадка. В еще более острой форме это же абсурдное по своей сущности противоречие наблюдалось, да и сейчас наблюдается и на Западе с развитием капитализма и в особенности империализма, как его определяли Гобсон и вслед за ним Ленин. Интересно и справедливо об этом писал и Макс Вебер в

своей книге «Протестантская этика и дух капитализма».

В не менее абсурдной форме эта противоречивость выступает в философии, как это было, например, в Советской России. В общем социокультурном аспекте материализм выступает обыкновенно на последней фазе исторического развития, и это отмечали вместе с Гегелем все историки философии, а в чисто культурологическом плане справедливо писали знакомые нам Шпенглер, Тойнби и Сорокин. Однако советские идеологи вслед за своими классиками Марксом и Энгельсом даже перед революцией сразу же приняли на вооружение самый воинствующий тип материализма, хотя и называли его вопреки логике диалектическим. И это несмотря даже на то, что остальные составные части культуры развивались по общекультурным законам. Так, например, экономика совершенно в соответствии с общекультурными закономерностями сразу же приняла осознанно плановый характер, жестко настроенный на производственный, а не потребительский тип и даже философски ориентированный фактически на почти такой же воинствующий идеализм, как это было при Реформации, где его роль выполняла даже религия, как это можно видеть у Макса Вебера. И культура художественная, т.е., искусство, которое уже и по сущности своей имеет гораздо более независимый характер, как знакомое уже нам подвижное единство духовного и материального, сразу же после революции 1917 г. тоже стало ориентироваться на абстрактно рационалистический конструктивизм и возвышенный романтизм, окрашенный иногда даже в позитивно трагические тона. Все это, правда, тянулось в Советской России только до 1934 года, когда партией был официально установлен стиль, тоже, кстати, ориентированный не на близкий материализму натурализм, а на так называемый социалистический реализм как единство романтизма и реализма, представлявший тоже собой почти насильственно навязанное обществу прежде времени единство духовного и материального, долженствовавшее представлять собой категорию прекрасного, но в силу своей идеологизации, преждевременности и несовпадению с реальностью фактически ставшее соответствовать логической категории лжи, а не истины.

То же самое наблюдалось и наблюдается и в науке, как, например, в физике, где до сих пор из-за постоянно навязываемого ей однобокого материализма она, как мы уже видели, по откровенному заявлению Фейнмана, до настоящего времени не может нам объяснить, чем по сути своей является энергия. Кроме энергии у Фейнмана, как и у прочих физиков, существует лишь только материя, и эта непонятная энергия, по словам того же Фейнман, может определяться лишь чисто количественно математическим образом. Информация как таковая и вовсе не допускалась и не допускается в физику, даже когда она совсем реально проявляется перед нами в компьютерной технике – она называется там структурою или даже полем. Да и поля, как и энергия, до нашего времени оставались по сути своей совершенно необъясненными. И буквально в последние годы некоторые молодые специалисты, как, например, московский физик А.С. Харитонов, выступивший недавно у нас в Национальной академии наук Беларуси на семинаре А. Спаскова в знак наступившего «союза между физиками и лириками», открыто заявляют о своем переходе на позиции философского холизма, допуская в физику и информацию, и телеологию, и негэнтропию, т.е. все, что порицалось как философский идеализм. То же самое по сути еще раньше происходило и в биологии, где Г. Дриша всячески поносили за мистицизм только потому, что, невольно опередив генетиков с их генами и генной информацией и допуская в биологию целесообразность, он пытался вслед за Аристотелем ввести в нее и телеологию как идею, объясняющую целесообразность.

Так, перейдя на позиции целостной, холистской философии, утверждающей, что в основе всего лежит диалектически противоречивое, т.е. целостное, но подвижное единство идеального и материального, мы можем, сразу решить, все эти проблемы, напри-

мер, с физикой. Введя в ее состав информацию как объективно существующую идеальность и допустив ее отношение с материальной массой, по Гегелю, как диалектически противоречивое единство тезиса и антитезиса, мы тотчас же получаем в качестве логического синтеза их энергию. Получаем, более того, даже и известные ее разновидности в виде потенциальной и кинетической энергий, становящиеся нам еще более понятными, если, перейдя на язык общей теории систем, трактовать массу как элементы, а информацию, вслед за эстонцем Э. Рэбанэ – как структуру и понимать потенциальную энергию как результат воздействия структуры на элементы, а кинетическую, наоборот, – элементов на структуру. Разновидности энергии, известные нам еще из школьных учебников физики и тем не менее даже в многотомных университетских курсах объясняемые поныне лишь с помощью банальных примеров с весом гири и силою натянутой пружины. Так же просто решается тогда и все еще темная для современной физики, замешанной все на том же пусть себе и «стыдливом», а не логически бессмысленном диалектическом материализме, проблема полей, как тяготения, так и магнитного с электрическим тоже. Все они имеют уже не материальный, а объективно идеальный, т.е., чисто структурный, совершенно не воспринимаемый чувственно характер.

Впрочем, становятся здесь благодаря холистской философии понятными не только поля. Становится понятной и пресловутая антиматерия, начавшая с давних уже пор беспокоить тех же физиков, особенно материалистов. Проясняется даже и начинающий все более тревожить астрономов фактор, названный ими «темной материей». Проясняется, наконец, здесь уже и смысл таких совсем уже темных и даже просто запретных для материалистической физики понятий, как телеология и негэнтропия. Телеология, например, базировавшаяся на объективном, прямо ведущем, по Ленину, к «боженьке» объективном идеализме, провозглашает наличие и в физике принципа целесообразности. То есть существует объективная закономерность, ведущая теперь и в физике не только к деструктивно-разрушительному, порождающему хаос результату, тенденция, известная там ранее под именем энтропии, способная подтолкнуть, как считали ранее, Вселенную к тепловой смерти, но и обратная – тенденция конструктивно-созидательная, а, значит, и целесообразная, известная уже как негэнтропия, поясняющая собой и информацию, воспринимаемую непосредственно, как явление чисто идеальное. Более того, теперь становится гораздо более ясным и само понятие времени, бывшее до этого совершенно таинственной и непонятной физикам-материалистам асимметрично направленной Эддингтоновой стрелою времени. То есть все перечисленное становится нам совершенно понятным, если за общей логикой холистской философии ввести в нее и важнейшую для нее категорию объективной идеальной структуры.

После этого понятие времени из совершенно пустого, чисто абстрактно координатного, каким оно, равно как и пространство прежде понималось в физике, приобретает более реальный и конкретный смысл, наделив подобным смыслом и знаменитое пространство-время Минковского, бывшее до этого тоже только абстрактной гипотезой, придав ему тоже гораздо более конкретную физическую структурную реальность, с которой и вся описываемая физикой действительность сама становится еще более реальной. Такое понимание времени обогащает и биологию, придавая ей тоже реальность и конкретность и помогая ей избавиться от фактически позорящих ее белых пятен, как, например, все еще не понятая в полную меру биологами сущность возникновения жизни и процесса развития живых организмов (вспомним, сколько пришлось вытерпеть тому же Гансу Дришу и его сторонникам за их витализм или, тем более, всем нашим генетикам до тех пор, пока они были повсеместно признаны и приняты).

Таким образом, время и его понимание оказываются обогащенными при такой трактовке их нашей холистской, т.е., целостной философией, которая берет время в диа-

лектически противоречивом, подвижном единстве составляющих идеализма и материализма. Тогда тем более близким к реальности становится и понимание самой ее величества истории, которое как раз и составляет здесь основную и главную задачу, отраженную в заголовке нашего предложенного вниманию читателя и скромного по своему объему текста «Философия и смысл исторического процесса». Истории именно как протекающего и реализующегося во времени процесса со всеми интересующими нас и составляющими исторический процесс конкретными особенностями и чертами. Но прежде чем этим заняться подробнее, ознакомимся поближе с причинами самого такого положения нашей прежней, диалектико-материалистической, как она официально называлась, философии, как раз и приведшей к таким катастрофическим последствиям, как распад могущественного и такого, казалось бы, цветущего некогда Советского Союза.

Когда мы более тщательно рассматриваем нашу, безусловно, диалектическую холистскую философию, представляющую собою противоречивое единство идеального и материального, не следует упускать из виду и такое проявление ее диалектичности как единство объективности и субъективности. Оно-то как раз и предопределяло собою известные казусы с диалектико-материалистической философией марксизма-ленинизма. Поскольку и в холистской философии имеются эти диалектически противоречивые объективная и субъективная стороны, то и та материалистическая философия парадоксально проявлялась перед нами в советские времена на фазе подъема, а не упадка. Именно в ранний период субъективная ее сторона и демонстрировала перед нами свою силу, нахально выступая в давно уже известной нам форме идеологии, форме, которую не любили в свое время и сами Маркс с Энгельсом как чистые материалисты, видевшие в идеальном одну лишь голую субъективность. Идеология, которая, будучи в этом случае только субъективной, т.е. не связанной со своей объективной стороной, могла быть, да и была лживой, что, собственно, и имело место в тогдашние печальные времена. Этим же объясняется и теперешняя идеологически лживая ее роль, когда ею бесстыдно утверждается, что современная рыночная форма экономики есть историческая эпоха подъема и прогресса. Лживая идеологичность уродовала, как мы это видели, и такие наши науки, как физика и биология. Впрочем, не менее потерпела от нее история, о чем речь пойдет ниже.

Трудно было выстоять истории, поскольку в ее основе лежит столь общая и важная категория – само время. Так, будучи категорией, рассматриваемой с точки зрения тогдашнего даже не диалектического, а просто, как некогда называли его, «стыдливого» или банального материализма категория времени понималась и до сих пор понимается, как таинственная, тоже беспощадно односторонняя в принципе Эддингтонова стрела времени. Точно так же по-субъективистски до Коперника человек воспринимал солнечный восход и заход. Так же воспринимался и технический прогресс, носящий явно энтропийный, т.е. разрушающий и природу и самого человека процесс, он по-прежнему называется у нас прогрессом как чем-то созидательным, восходящим и передовым. И сама история, уже как социальный, лежащий на основе технического прогресса процесс, тоже базируется на нем и управляется отнюдь не телеологией, т.е. как это и следовало бы, духовною целью и целесообразностью, а каузально материальною причинностью. Поэтому и в деятельности своей человечество руководствуется фактически не столько идеалами, не тем, что должно непременно осуществляться в будущем, сколько материальными же результатами того, что давно уже осуществилось в прошлом в этой самой истории. Тем временем это имеет смысл лишь тогда, когда идеалы эти содержат в себе не только субъективную, но и объективную, как уже было сказано, сторону, без чего они останутся пустой и фактически лживой идеологией.

Вот тут как раз и возникают самые главные трудности и с историей и с идеалами. Ведь в самой холистской философии существуют немалые проблемы, если мы не учи-

тываем достаточно четко ее действительно диалектически противоречивого характера в отношении единства в ней идеального и материального, а также и единства обеих объективной и субъективной ее сторон. Мы уже видели, во что превращается философия, если она становится субъективно идеалистической и превращается в субъективистскую же идеологию, как это произошло с марксистско-ленинским материализмом. Философия превратилась в ложь, так как материализм не может реально существовать на ранней стадии развития определенной исторической эпохи. То же самое с философией происходит и когда она совершает противоположную крайность, абсолютизируя свой идеал и придавая ему только субъективный характер. что придает ему утопические черты и превращая его, то же самое в ложь. Все это чрезвычайно усложняет процесс реализации идеала, т.е. процесс объединения в нем идеального и материального для осуществления исторического процесса и превращения будущего и прошлого в единственную реальность – настоящее.

Для большей ясности мы можем снова обратиться здесь к великому Гегелю, невзирая на то, что к нему сейчас многие, по давнему выражению Маркса, относятся, как к «дохлой собаке», впрочем, как сегодня и ко всей остальной философии. Мы уже видели на примере гегелевских «Лекций по эстетике», что процесс исторического развития искусства, если взять искусство в самом общем виде, как, впрочем, и историю в целом, протекает в волнообразном виде, уподобляясь математической синусоиде (заметим, кстати, что спираль, упоминавшаяся в этом контексте когда-то Лениным, а в наше время и Ю.В. Яковцом, является лишь не очень удачной метафорой). И в реальном чередовании этих фаз идеальное занимает, как мы уже видели у Гегеля, начальное место, которое определяется им вообще как становление. Материальное же у него занимает место фазы упадка как стремления к небытию. Само же бытие достигает реальности лишь как диалектически противоречивое, т.е. подвижное единство идеального и материального, а небытие – как полное и тоже подвижное противостояние, скажем, как состояние нереальности или хаоса вообще. И затем уже, когда наступает черед становления, в новой своей фазе выступает идеальное.

Рассуждая же об идеальном как о начальной фазе процесса развития и о материальном как о фазе, скажем так, заключительной и отметив, что в марксистской философии первичность материального определялась преимущественно под влиянием идеологии как факт субъективный, мы должны тут сразу же определиться и в отношении идеального, объективно ли оно, или субъективно. И вот, если мы признали всю марксистскую философию излишне заидеологизированной, что и привело ее, в конце концов, к краху, то теперь перейдем на позиции философии подлинно целостной, представляющей собою диалектическое единство идеального и материального, а не некое, по словам Бердяева, «нелепое словосочетание» (диалектического материализма). Следуя логике, эта философия обязывает нас признать идеальное не иначе, как объективным. Но это на самом деле так и есть. Если материальное в марксизме-ленинизме опирается только на чувственную достоверность как объективную реальность, то мы должны были бы признать объективной реальностью и восход, и заход солнца. Однако, в действительности все это нам только видится субъективно, т.е. кажется. В реальности же мы, опираясь на посылы разума, твердо знаем, что Солнце стоит на месте, а движется только Земля, и знание это, будучи идеальным, носит, тем не менее, объективный характер. По сути, вся наша наука, строящаяся на разуме, а не на чувственном восприятии и имея поэтому идеальный характер, обладает объективными свойствами. Потому и законы, открываемые ею, носят также объективный характер.

Объективность эта, однако, если мы стоим на подлинно диалектической позиции, не абсолютна, а относительна, и становится реальной только в диалектически противо-

речивом единстве с субъективностью. Когда мы, например, говорим, что понимаем данный закон, то признаем, что и лично, т.е., субъективно и чувственно принимаем его. В процессе понимания как раз и реализуется единство объективного и субъективного, выступая перед нами, как специфическое взаимодействие разума и чувства. Более того, это единство диалектическое, т.е. подвижное, где каждая сторона может играть различную роль, активную или пассивную, в зависимости от чего и сам процесс развития может быть или процессом восходящим или нисходящим, развивающимся или деградирующим. В свою очередь особенности этого процесса зависят от величины и объема самой переживающей этот процесс системы. В физике, например, как и в астрономии, объективные законы и сфера их действия столь объемны, что субъективно воспринимаются вечными неизменно, или текущими вечно только лишь в одну какую-либо сторону, как это происходит со временем, этой асимметрично направленной Эддингтоновой стрелой. Объективно же процесс, лежащий в основе времени, имеет симметричный характер, представляя собою фазовую разновидность сверхгигантского колебательного процесса и то, что, например, в XX ст. он связывался наукой с энтропией, этой нисходящею фазой развития Вселенной, движущейся, будто бы, только в направлении гибельного хаоса, оказалось всего лишь субъективною стороною процесса познания, выдвинувшего было даже гипотезу о неизбежности тепловой смерти Вселенной. Объективная же сторона такого колебательного процесса развития представляется здесь негэнтропией, являющейся восходящею фазою этого процесса, фазою повышения степени организованности вселенского мира, открытою недавно наукою, т.е., разумом и идущею в сторону будущего, обратную нашему времени, все еще не замечаемую, однако, человечеством из-за ограниченности, как в докоперниканский период, сферы конкретно-чувственного его мировосприятия.

Биология имеет дело уже с куда менее объемною областью этого мира, занимаемой тем, что мы называем жизнью, и законы развития этой области тоже не столь объемны, так что воспринимаются и разумом в своей объективной, так сказать, ипостаси, и конкретно чувственным их восприятием в ипостаси субъективной. И поэтому время, текущее в молодости вверх, т.е., в будущее, как развитие, и время, текущее вниз, т.е., к старости, воспринимается и рационально и чувственно приблизительно в равной степени, с той только разницей, что идущее вверх воспринимается преимущественно теоретически разумом как объективное, а идущее вниз – практически чувствами как субъективное. В биологии эти два аспекта выступают даже отчетливее, если учесть, что биологическая наука как раз и действует как рациональная теория относительно объективных биологических законов, направленных в будущее, и как конкретно-чувственная практика относительно субъективных выводов и рекомендаций, даваемых на базе этих законов как направленных в прошлое. Все это хорошо видно на примере взаимодействия биологической науки как теории и сельского хозяйства как практики.

В истории все сказанное выступает еще более четко. Тут логическая связь между идеальным и материальным, с одной стороны, и между объективным и субъективным, с другой, видится совершенно отчетливо. Более того, так же отчетливо проявляется и связь между этими категориями и физической категорией времени – основной категорией теоретической истории, этой логической базы самого исторического процесса, выступающего в своеобразной логической цепи фаз объективного процесса развития: фазы становления, фазы расцвета, фазы упадка и, наконец, фазы общего распада. Эти фазы могут показаться перед нами и своей субъективной стороной, представляясь нашему конкретно-чувственному мировосприятию и как фазы идеологические. Это-то и было отмечено гениальною поэтическою интуицией великого Гёте, когда он в одной из своих бесед с Эккерманом сказал, что все передовое в истории носит объективный характер, а

все уходящее в прошлое – характер субъективный. Нам только остается удивляться прозорливости этого великого немца, не уступающей прозорливости другого столь же великого его современника Гегеля.

Достойна удивления проницательность мысли и наших почти уже современников Шпенглера, Тойнби и Сорокина, сумевших увидеть глубокий смысл в этих прозрениях своих предшественников. Именно начальная фаза процесса исторического развития всегда с преобладанием носит черты идеальности, будущности и объективности, а вслед за Кантом и Гегелем мы можем добавить сюда и долженствование и активность. На фазе расцвета, как мы уже видели, имеет место диалектически противоречивое и в то же время гармоничное единство идеального и материального, объективного и субъективного. Его вслед за Гегелем мы можем связать и с настоящностью и бытием как главной категорией философии и с истиной как главной же категорией логики. Фаза упадка характеризуется уже преобладанием материального над идеальным и субъективного над объективным, что соответствует упадку как прошлому и в общефилософском смысле этого термина. Этой же фазе соответствует и эпоха не только излишней материализации нашего бытия с преобладанием чувственности над разумом и свободы над долгом, но и излишняя идеологизация всего, способная превратить истину в возможную ложь. Более того, все это было не только доказано этими авторами логически, но и подтверждено эмпирически с опорой на гигантское множество конкретных и существенных фактов. Шпенглер сравнил некогда точку зрения культуролога-теоретика с позицией орла, а точку зрения культуролога-эмпирика с позицией лягушки. В этом смысле и самих Шпенглера, Тойнби и Сорокина можно было бы характеризовать, как людей с орлиною точкою зрения. Можно только лишь удивляться близорукости наших московских коллег, до сих пор, по-видимому, по той же причине не заметивших, и даже сейчас упорно не замечающих достижений этих замечательных специалистов-мыслителей в своих коллективных трудах. К слову, это было сделано также и работами наших белорусских эстетиков еще в середине прошлого столетия, хоть и сделано с опорой на традиционно марксистские (восходящие да и сознательно возводимые тогда нами к тому же Гегелю) понятия производственных отношений и производительных сил.

Такое раскрытие логической природы исторического процесса и уподобление его математической синусоиде свидетельствует не только о колебательном его характере и о неустойчивости системы, лежащей в его основе, но позволяет как-то судить и о причинах этой неустойчивости, заключающихся прежде всего в двойственной структуре человечества как системы, отмеченной еще Аристотелем в его определении человека как ζωον πολιτικον (животное общественное), т.е. как существо, в котором биологическое выступает как материальная форма, а социальное – как идеальное ее содержание. Это же без труда логически связывается с уже описанной нами выше динамикой фаз процесса развития с его соотношениями идеального и материального, объективного и субъективного, будущего и прошлого. Без особого же труда может быть установлен и источник этой двойственности самого человека, если вспомнить дарвиновскую историю его происхождения. Правда, Дарвин тут уже нам мало поможет. Будучи сыном своего века, он, естественно, не мог подняться выше мировоззрения своей эпохи и все время оставался в рамках чисто количественной биологической эволюции, не замечая качественного, системного скачка при переходе человека в разряд социальных существ. Говоря на языке общей теории систем, которая очень близка подлинно диалектической холистской философии, можно утверждать, что Дарвин все время оставался на уровне материальных элементов и не переходил, не замечая ее, на уровень идеальной структуры.

Однако чтобы перейти на уровень идеальной структуры, превратившись тем самым в социальное существо, человек должен был приобрести принципиально новые

свойства, позволявшие ему приспособиться к резко изменившимся условиям существования в период четвертичного обледенения. Но стать полностью социальным существом, отказавшись от характерной для мира животных и даже растений жестокой борьбы за существование, он не мог даже при достаточно уже высокой степени собственной организации. Потому у него остались за животностью хотя и простейшие, но самые важные типы воспроизводства как индивидуального в форме добывания и потребления пищи, так и родового в форме половых отношений. А в силу указанной уже высокой организации у человека в философском плане только социальность приобрела идеальный характер, животность же осталась в сфере материального. Соответственно, и в сфере логического: социальность стала функционировать как качественное, а животность – как количественное, или, если все это выразить на языке общей теории систем: социальное – это структурное, а животное – это элементное, что отметила в своих заповедях и религия. Не убий, не укради, не лги, не прелюбодействуй и прочее, т.е. не будь животным. В более простой форме социальные виды бытия обратились в законы морали и всеобщей взаимопомощи, а виды биологические – в соревновательность и конкуренцию. Соответственно, и в человеке как индивидууме эти его общие и особенные свойства и разновидности логически же преобразились в человеческое и животное, духовное и телесное, разумное и чувственное, рациональное и эмоциональное, альтруистическое и эгоистическое и так далее.

Человеческое существо стало подлинным человеком, называемым homo sapiens (человек разумный) и имеющим собственную историю, превратившись в диалектически противоречивое, подвижное, исторически развивающееся единство социального и биологического, что подчиняется, и общедиалектическому закону развития от качественно-скачкообразного изменения в социальном плане и количественного накопления в плане биологическом. История, таким образом, ни в коем случае не является «расхристанной импровизацией», как это показалось когда-то Герцену, ни тем более нищетой историцизма, как чересчур самоуверенно твердил Карл Поппер. А от Карла Маркса, если допустить несколько грубоватое по отношению к нему выражение, она сама отвернулась как от представителя нищеты философии с ее диалектическим материализмом как действительно нелепым сочетанием слов. Законы истории как раз только и могут быть реально описаны с позиций преимущественно философии целостной, или холистской философии подлинно диалектической в ее единстве идеализма и материализма. Вот такую философии, по-видимому, не погрешив, и следовало бы называть реализмом.

Литература

1. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика. – М., 2004.
2. Крюковский, Н.И. Логика красоты. – Минск, 1965.
3. Крюковский, Н.И. Основные эстетические категории (опыт систематизации). – Минск, 1974.
4. Крюковский, Н.И. Кибернетика и законы красоты. – Минск, 1977.
5. Крюковский, Н.И. Homo pulcher – человек прекрасный (очерк теоретической эстетики человека). – Минск, 1983.
6. Крукоўскі, М.І. Філасофія культуры (уводзіны ў тэарэтычную культуралогію). – Мінск, 2000.
7. Цивилизация: восхождение и слом / Под ред. Э.В. Сайко. – М., 2003.
8. Циклические ритмы в истории, культуре, искусстве / Под ред. Н.А. Хренова. – М., 2004.

Научное издание

Довгирдовские чтения IV:

ТЕНДЕНЦИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Материалы

международной научной конференции

г. Минск, 16–17 мая 2013 г.

Редактор *В.Г. Гавриленко*

Подписано в печать 05.05.2013 Формат 60x84 1/16 Бумага офсетная
Гарнитура Roman Печать цифровая Усл.печ.л. 34,7 Уч.изд.л. 47,1
Тираж 100 экз. Заказ № 1749
ИООО «Право и экономика» Лицензия ЛИ № 02330/0494335 от 16.03.2009
220072 Минск Сурганова 1, корп. 2 Тел. 284 18 66, 8 029 684 18 66
E-mail: pravo-v@tut.by Отпечатано на издательской системе KONICA MINOLTA
в ИООО «Право и экономика»